И. И. ЛАППО.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

ЗА ВРЕМЯ

ОТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ЛЮБЛИНСКОЙ УНІИ
ДО СМЕРТИ СТЕФАНА БАТОРІЯ
(1569—1586).

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

И. И. ЛАППО.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

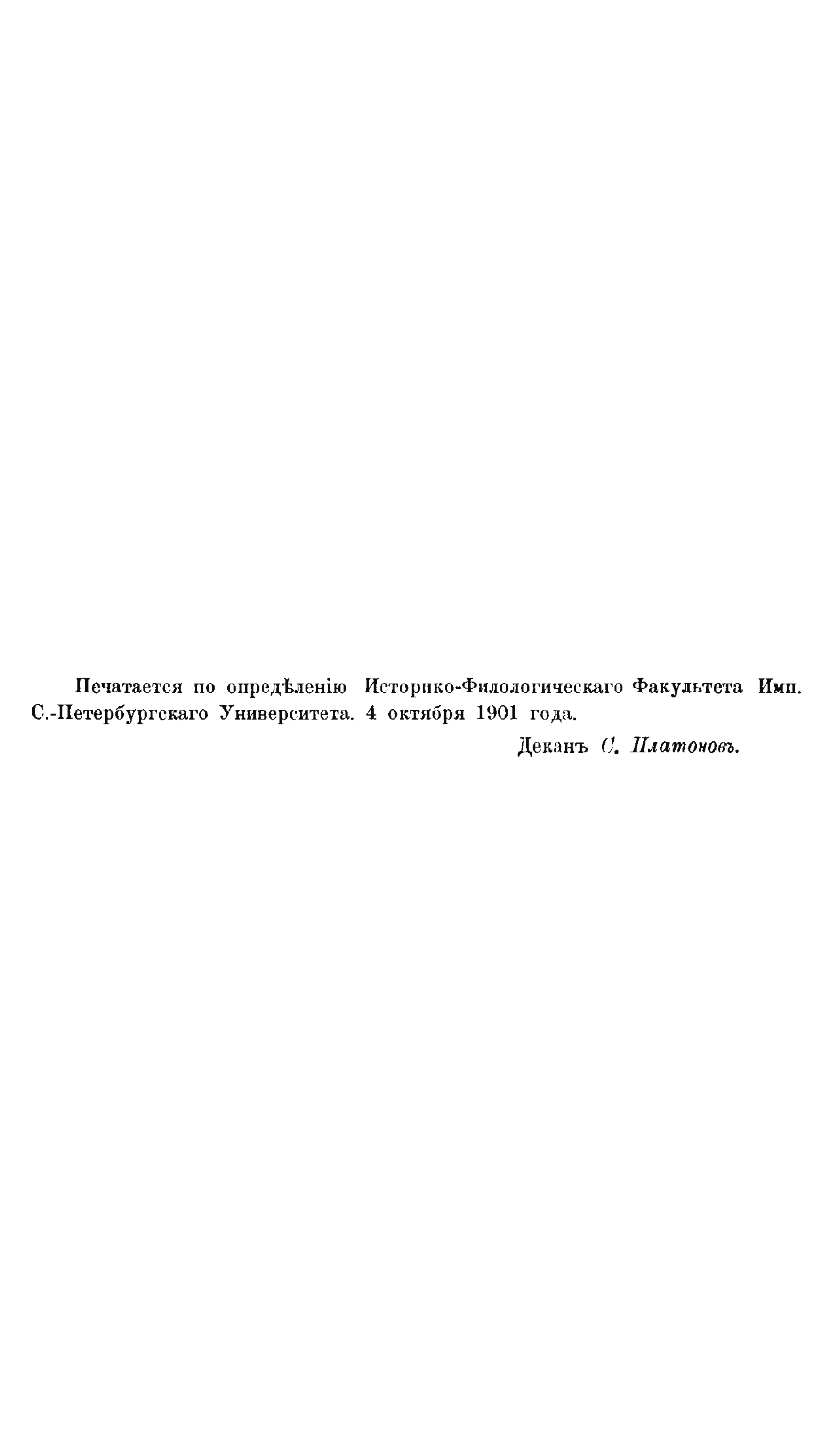
ЗА ВРЕМЯ

ОТЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ ЛЮБЛИНСКОЙ УНІИ ДО СМЕРТИ СТЕФАНА БАТОРІЯ (1569—1586).

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.



Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Имп. С.-Петербургскаго Университета. 4 октября 1901 года.

Деканъ *С. Платоновъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ВАСИЛІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

ВАСИЛЬЕВСКАГО.

Воскрешая въ памяти годы работы въ Петербургскомъ Университетѣ, давшемъ мнѣ подготовку къ научной дѣятельности, считаю нравственнымъ долгомъ посвятить свое изслѣдованіе памяти ученаго, вліянію котораго наиболѣе обязаны историки-слушатели родного Университета конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія, — памяти ученаго, отдавшаго притомъ часть своихъ силъ разработкѣ исторіи Литвы. Постоянное общеніе съ источниками давало Василію Григорьевичу удивительно живое чувство исторической дѣйствительности, а широта общихъ знаній приводила въ стройную систему и освѣщала факты послѣдней. Соединяясь съ горячею любовью къ наукѣ, это производило неотразимое впечатлѣніе на слушателей и учениковъ почившаго профессора. Большой ученый чувствовался въ Василіи Григорьевичѣ; лучше и глубже хотѣлось работать, видя его и слыша слова науки изъ его устъ.

Вѣчная ему память!

Изученіе внутренняго строя великаго княжества Литовскаго въ эпоху его политическаго соединенія съ Польшею представляетъ высокій научный интересъ. Вопросъ о томъ, чѣмъ было Литовско-Русское государство въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой,—область, едва затронутая историческимъ изслѣдованіемъ. А между тѣмъ рѣдкій отдѣлъ исторіи человѣчества заслуживаетъ такого вниманія, на какое имѣетъ право внутренняя исторія Литвы. Какъ область, почти еще неизвѣстная исторической наукѣ, внутренняя исторія Княжества времени послѣ Уніи 1569 года должна представить совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ то государство, которое именовалось Польско-Литовскою Речью Посполитою и которое до конца XVIII столѣтія занимало одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ системѣ государствъ Европы. Для Русской исторіи, какъ науки, изученіе строя Княжества послѣ Люблинской Уніи имѣетъ и свой спеціальный интересъ. Исторія *народа Русскаго* выходитъ далеко за предѣлы исторіи Русскаго государства, а исторія Литовско-Русскаго великаго княжества, присоединеннаго къ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, тѣмъ болѣе должна останавливать на себѣ вниманіе Русскаго историка: она изслѣдуетъ и прошлое Русскаго народа, и прошлое его государственной территоріи настоящаго времени. Изученіе того, какъ жилъ Русскій народъ на всемъ громадномъ протяженіи, на которомъ раскинулось племя Восточныхъ Славянъ—достояніе науки Русской исторіи, и изученіе жизни западной части Русскихъ Славянъ и формъ, въ которыя она вылилась—ея предметъ не въ меньшей степени, чѣмъ изученіе жизни Руси Московской. Кромѣ того изслѣдованіе исторіи самой Московской Руси и Импе-

раторской Россіи должно ожидать для себя много отъ детальнаго изученія историческаго прошлаго великаго княжества Литовскаго. Литовскій Статутъ оказался въ числѣ источниковъ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, и уже это одно должно говорить о значеніи вліянія Княжества на Москву. Вліяніе это должно было быть тѣмъ сильнѣе, что оно было невольнымъ и постояннымъ. Войны съ Литвою наполняютъ XVI и XVII столѣтія исторіи Москвы. Пересылки между правительствами сосѣднихъ государствъ были постоянными; не рѣдкостью были и Литовскіе переселенцы въ Московское государство. Русскій языкъ, какъ государственный языкъ Княжества, облегчалъ сношенія, и Литва должна была давать многое изъ своей болѣе высокой культуры менѣе развитой Москвѣ. Литва была серединою между Западно-Европейскою Польшей и Восточной Москвою, и она должна была стать посредницей въ дѣлѣ передачи культуры Запада въ Москву. Это было тѣмъ легче, что Западная культура усваивалась самою Литвою на почвѣ Русской старины Литовско-Русскаго княжества. Намъ нѣтъ надобности приводить обще-извѣстные факты вліянія Западной Руси на Восточную; на самой Петровской реформѣ не могло не сказаться вліянія Литовскихъ порядковъ, съ которыми Петръ Великій долженъ былъ близко познакомиться, находясь со своими войсками въ предѣлахъ Княжества во время великой сѣверной войны. Но изученіе внутренней исторіи Литвы имѣетъ и свое крупное значеніе для философіи исторіи и теоріи историческаго процесса. Цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся усвоенія культуры однимъ народомъ путемъ заимствованія ея отъ другого и переработки заимствованнаго на основѣ своей старины, долженъ получить матеріалъ для своего разрѣшенія или освѣщенія чрезъ изученіе усвоенія Литвою Польскихъ началъ и переработки ихъ на основѣ Литовско-Русской старины, охраняемой неизмѣнно во многомъ.

Въ настоящее время детальное изслѣдованіе внутренней

исторіи великаго княжества Литовскаго является совершенно возможнымъ. Полная доступность для научныхъ занятій драгоцѣнныхъ историческихъ сокровищъ Литовской Метрики, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, должна быть отмѣчена, какъ особенно благопріятное условіе для этого. Литовскую Метрику, какъ государственный архивъ Княжества, дополняютъ Виленскій и Витебскій Центральные Архивы, въ которыхъ собраны акты областныхъ судовъ великаго княжества Литовскаго въ его предѣлахъ послѣ Люблинской Уніи. Другія древлехранилища дополняютъ матеріалы этихъ трехъ главныхъ архивовъ Литовскихъ. Рядъ изданій памятниковъ и актовъ Княжества облегчаютъ работу изслѣдователя. Особенно нужно указать на монументальныя изданія Виленской Археографической Коммиссіи (27 томовъ актовъ и рядъ отдѣльныхъ изданій), Витебскаго Центральнаго Архива (28 томовъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ) и Виленскаго Учебнаго Округа (12 томовъ Археографическаго Сборника и другія изданія). Кромѣ нихъ существуетъ длинный списокъ изданій Русскихъ и Польскихъ, ученыхъ учрежденій и частныхъ лицъ.

Предлагаемое вниманію читателя изслѣдованіе является опытомъ изученія внутренняго строя Княжества по даннымъ источниковъ, какъ обнародованныхъ, такъ и не изданныхъ, хранящихся въ различныхъ древлехранилищахъ Россіи. Авторъ далекъ отъ взгляда на свой трудъ, какъ на работу, исчерпывающую предметъ совершенно, не требующую научнаго дополненія и исправленія; онъ смотритъ на него, какъ на первый опытъ всесторонняго изученія строя великаго княжества Литовскаго по даннымъ источниковъ. Настоящая работа является первымъ томомъ задуманнаго авторомъ изслѣдованія; слѣдующія части его труда должны будутъ служить дальнѣйшему изображенію внутренняго строя Литовско-Русскаго княжества эпохи его политическаго соединенія съ Польшею, въ тѣхъ же хронологическихъ предѣлахъ, которыми ограничено изслѣдованіе въ выпускаемомъ теперь томѣ.

Вспоминая годы, проведенные въ работѣ надъ своимъ изслѣдованіемъ, авторъ считаетъ своею обязанностью принести искреннюю признательность учрежденіямъ и лицамъ, способствовавшимъ исполненію его труда и появленію его въ печати. Съ чувствомъ живой признательности авторъ вспоминаетъ полное сердечности и интереса отношеніе къ его труду со стороны М. К. Любавскаго, приноситъ свою благодарность профессору С. Ѳ. Платонову за вниманіе и участіе и И. Я. Спрогису за его указанія и содѣйствіе во время занятій автора въ Вильнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ считаетъ своимъ долгомъ принести благодарность администраціи учрежденій, въ которыхъ онъ работалъ надъ своимъ трудомъ, а именно Московскихъ Архивовъ Министерства Юстиціи и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Виленскаго и Витебскаго Центральныхъ Архивовъ, Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки, Военно-Ученаго Архива и Библіотеки Главнаго Штаба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Отношенія великаго княжества Литовскаго къ коронѣ Польской за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія.

Люблинскій договоръ 1569 года и отношеніе къ Уніи Поляковъ и Литовцевъ.

Люблинскій сеймъ 1568—1569 годовъ.

СТРАН.

Послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа.

Эпоха перваго безкоролевья.

Эпоха второго безкоролевья.

СТРАН.

Экономическое положеніе Литовской шляхты.

Состояніе образованности среди народа-шляхты Княжества.

Права шляхты Княжества.

Повинности шляхты Литовской.

ГЛАВА III.

Паны-рада великаго княжества Литовскаго.

Сенаторы Княжества.

СТРАН.

Рада Литовская, какъ учрежденіе.

ГЛАВА I.

Отношенія великаго княжества Литовскаго къ коронѣ Польской за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586).

Люблинскій сеймъ 1569 года соединилъ великое княжество Литовское съ Польскимъ королевствомъ въ одно государство, чрезвычайно своеобразное по своему устройству. Привилей на Люблинскую Унію [1]) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ условія этого соединенія и строй вновь образовавшагося государства. Королевство Польское и великое княжество Литовское, согласно этому привилею, сливаются въ единое и нераздѣльное тѣло и единое общее государство, которое образовалось черезъ сліяніе и соединеніе въ одинъ народъ и одно государство двухъ государствъ и народовъ. Прелаты, паны-рада, бароны и всѣ станы Польскаго и Литовскаго народовъ во всѣхъ обстоятельствахъ, противныхъ интересамъ и выгодамъ государственнымъ, должны помогать другъ другу общею помощью, всѣми своими силами и средствами, какъ будетъ рѣшено общимъ совѣтомъ. Они будутъ дѣлать это, помогая другъ другу вѣрно и считая общимъ какъ счастье, такъ и несчастье. Установляя такое, повидимому, полное сліяніе Княжества съ Короною, актъ Уніи, однако, сохраняетъ для перваго титулъ великаго княжества Литовскаго, равно какъ всѣ должности, вряды и значеніе становъ цѣлыми и ненаруши-

---

[1]) Привилей на Унію изданъ въ *Volumina legum II*; другія изданія: *Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ.* Спб. 1865 (Стр. 140—162) и *Bibliotekа Starożytna Pisarzy Polskich. Wydał K. Wł. Wójcicki.* Tom. VI. Warszawa 1844 (str. 237—251). Разсказъ о Люблинскомъ сеймѣ см. у *М. О. Кояловича.* Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Спб. 1863.

мыми, поясняя, что это не вноситъ раздѣленія въ соединенное общее государство. Оно на вѣчныя времена должно имѣть единую главу, одного общаго государя и короля, который избирается общими голосами Поляковъ и Литовцевъ, причемъ отсутствіе той или другой «стороны», т. е. одного изъ этихъ двухъ народовъ не можетъ служить непризнанію акта избранія, хотя зато строго предписывается совершать вызовъ на елекцію пановъ-радъ и всѣхъ становъ Коронныхъ и Литовскихъ. Что касается до мѣста елекціи королевской, то оно должно избираться въ предѣлахъ Польши, а не Литвы. Послѣ своего избранія король долженъ быть помазанъ и коронованъ въ Краковѣ. При елекціи и короновании король провозглашается королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жомоитскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Подляшскимъ, Инфлянтскимъ. Титулъ великаго князя Литовскаго такимъ образомъ сохраняется, какъ сохраняются и вряды Княжества, но особаго избранія и провозглашенія електа государемъ въ Литвѣ, какъ бывало прежде, уже не должно быть, даже не должно быть ни малѣйшаго на него намека. Всякое наслѣдственное право на Литовское княжество его государей уничтожается: Сигизмундъ-Августъ передалъ его на вѣчныя времена Коронѣ. Дѣлая это, король, однако, выговорилъ себѣ и своему потомству, если оно у него будетъ, чтобы они не были обездолены, но имѣли бы приличное ихъ положенію обезпеченіе отъ государства, въ томъ случаѣ если его потомки не будутъ избраны на престолъ королевскій; но при этомъ отнюдь не разрѣшается производить какого-либо раздѣленія территоріи государственной. Спольная Литовско-Польская Речь Посполитая, имѣя общаго короля, должна имѣть и общіе сеймы. Сеймы и рады оба народа должны имѣть всегда общіе, коронные, подъ королемъ Польскимъ, своимъ государемъ. На нихъ засѣдаютъ Литовскіе паны-рада между панами-радами Польскими и послы земскіе Княжества между послами Короны. Какъ на сеймѣ, такъ и безъ сейма они должны обсуждать общія нужды государственныя. Со времени заключенія Люблинской Уніи король уже не будетъ назначать никакихъ отдѣльныхъ сеймовъ, но всегда общіе сеймы обоимъ народамъ, какъ единому тѣлу государственному. При этомъ мѣсто для собранія сейма избирается въ границахъ Польши, гдѣ покажется наиболѣе удобнымъ панамъ-радамъ Короннымъ и Литовскимъ. Соединеніе Польши и Литвы, прежде отдѣльныхъ государствъ, должно отозваться и на ихъ отношеніяхъ къ другимъ

государствамъ: всѣ договоры, заключенные ими съ другими государствами и народами, невыгодные для одной изъ двухъ составныхъ частей общей Речи Посполитой, не должны болѣе соблюдаться, а на будущее время ни одинъ внѣшній союзъ, или договоръ съ чужестраннымъ народомъ не можетъ быть заключаемъ, равно какъ ни одно посольство въ предметахъ важныхъ не можетъ посылаться безъ вѣдома и общаго обсужденія обоихъ народовъ. Монета должна быть общею и совершенно однообразною, какъ въ Княжествѣ, такъ и въ Коронѣ. Присяга пановъ-радъ, дигнитарей, врядниковъ, старостъ и лицъ важнѣйшихъ фамилій великаго княжества Литовскаго остается въ силѣ прежняя, но съ тѣмъ, чтобы потомъ всѣ такія присяги приносились коронованному королю и Польской Коронѣ. Всѣ Литовскіе вряды, которые вакантны въ данное время, или которые будутъ вакантными потомъ, король не имѣетъ права раздавать иначе, какъ съ обязательствомъ для получающихъ ихъ присягнуть королю, его коронованнымъ преемникамъ и нераздѣльному тѣлу—Польской Коронѣ. Всѣ статуты и уставы, постановленія которыхъ въ Литвѣ направлены противъ Поляковъ касательно пріобрѣтенія и обладанія ими имѣній въ Княжествѣ, какимъ бы способомъ таковыя пріобрѣтены ни были (по женѣ, выслугою, покупкою, дарованіемъ, мѣною, или какимъ-либо другимъ законнымъ способомъ),—не должны имѣть силы, какъ противныя праву, справедливости, общей братской любви и Польско-Литовскому соединенію; какъ Поляки въ Литвѣ, такъ Литовцы въ Польшѣ могутъ пріобрѣтать имѣнія законными способами и могутъ держать ихъ, соблюдая то право, которому подлежитъ пріобрѣтенное имѣніе. Хотя со времени заключенія Люблинской Уніи должна прекратиться раздача королевскихъ столовыхъ имѣній Литовскихъ, но тѣ имѣнія, которыя потомъ будутъ къ королю переходить изъ домовъ княжескихъ, шляхетскихъ и панскихъ, король будетъ раздавать по своей волѣ и по своей милости шляхетнымъ обывателямъ, какъ Польскаго, такъ и Литовскаго народа, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы отъ этого не было ущерба земской военной службѣ. Что касается до тѣхъ земель, которыя король вернетъ отъ Московскаго государя, завоевавшаго ихъ, то онѣ должны быть возвращены владѣвшимъ ими до Московскаго завоеванія; но если взамѣнъ ихъ было дано уже владѣльцамъ ихъ отъ короля вознагражденіе прежде, онѣ поступаютъ въ разрядъ столовыхъ королевскихъ Литовскихъ имѣній, а стало быть, и подчиняются только что изложенному постанов-

ленію акта Уніи относительно этихъ послѣднихъ. Сливая Литву съ Польшею въ одно и то же государство, Люблинскій привилей, хорошо знаетъ и признаетъ, однако, особыя права и постановленія Литовскія. Для того, чтобы дѣйствительно обѣ стороны, и Литва, и Польша, служили другъ другу совѣтомъ и были помощью, король долженъ соблюдать цѣлыми и неприкосновенными права и привилеи какъ Короны, такъ Княжества и земель, къ нему принадлежащихъ —права и привилеи, данные всякимъ «письмомъ» всѣми предшественниками короля и имъ самимъ, какъ съ древнѣйшаго времени, такъ и отъ начала Уніи, всѣмъ вообще и каждому особо, дарованные всѣми способами, а также вольности, «достоенства», прерогативы и всякіе вряды обоихъ народовъ; онъ обязанъ сохранять въ силѣ и неприкосновенности каждому стану всѣ права, власти (rządy), «высады», княжескіе станы и шляхетскія фамиліи обоихъ народовъ, судовыя постановленія отъ древнѣйшихъ временъ и до текущаго. При коронаціи, вступающій на престолъ король обязанъ, присягая въ соблюденіи ихъ, утвердить одними и тѣми же словами, на одномъ и томъ же листѣ на вѣчныя времена права, привилеи и вольности всѣхъ подданныхъ обоихъ народовъ и соединенныхъ государствъ. Но требуя такого общаго подтвержденія каждымъ новымъ королемъ правъ обывателей соединеннаго государства вмѣстѣ, одними и тѣми же словами и однимъ и тѣмъ же документомъ, Люблинскій актъ старательно огораживаетъ Литовцевъ отъ опасностей лишенія имѣній въ силу екзекуціи, провѣрки правъ владѣнія и отнятія въ казну государственныхъ земель, если таковыя окажутся въ обладаніи частныхъ лицъ. Екзекуція [1]) не должна коснуться становъ и обывателей Княжества, владѣющихъ столовыми имѣніями, но всѣ права и привилеи, дарованные раньше предшественниками короля и имъ самимъ отъ начала Уніи въ Литвѣ Литовскимъ, Русскимъ, Жомоитскимъ, и инымъ народамъ и обывателямъ Княжества, а также его землямъ и повѣтамъ, фамиліямъ и особамъ, должны остаться цѣлыми и ни въ чемъ не нарушимыми; также вѣчными остаются лены, фримарки, доживотья, заставы, совершенные и данные на сеймѣ и безъ сейма; они должны вѣчно быть сохраняемы согласно привилею каждаго безъ всякаго заподозриванія ихъ какимъ-либо способомъ. Равнымъ образомъ должны быть сохранены пожалованія

---

[1]) Производимая въ Польшѣ согласно статуту Александра и послѣдующимъ постановленіямъ

на дигнитарства и вряды, а также всѣ заставы и суммы въ полномъ на нихъ правѣ, и держащіе ихъ не должны будутъ обращать ни на что никакой части своихъ обычныхъ доходовъ, кромѣ какъ на свой личный пожитокъ, противъ ихъ настоящихъ правъ держанія и привилеевъ, или листовъ. Кромѣ того, всякій обыватель Княжества, владѣющій землями и посессіями всѣхъ названій, не имѣя документовъ на нихъ, будетъ владѣть своею соб твенностью и безъ документовъ, какъ и съ ними, на вѣчныя времена согласно Литовскому статуту, старому и новому, а также обычаямъ давнимъ. Паны-рады, всѣ станы и послы всѣхъ земель настоящимъ своимъ постановленіемъ лишаютъ себя и своихъ потомковъ права постановленія, возобновленія подъ какимъ-либо видомъ екзекуціи на выслуги и всякія имущества, даже упоминанія о ней и всякой къ ней попытки. Такъ крѣпко оградили себя Литовцы въ своихъ правахъ на имѣнія, принадлежащія имъ. Но сдѣлавъ это постановленіе, шляхта оградила себя и въ другомъ отношеніи. Всѣ таможенныя пошлины и мыта въ Польшѣ и Литвѣ, собираемыя на сушѣ и на водѣ, всѣхъ названій—королевскія, шляхетскія, духовныхъ и городовъ уничтожаются: отнынѣ на вѣчныя времена не будетъ взиматься никакихъ таможенныхъ пошлинъ съ духовныхъ и свѣтскихъ людей шляхетскаго стана и съ ихъ подданныхъ со всѣхъ предметовъ собственнаго издѣлія, разведенія и сбора, конечно, при томъ условіи, что они не будутъ, злоупотребляя этимъ своимъ правомъ, прикрывать мытныхъ сборовъ съ купцовъ и не будутъ съ ними сговариваться во вредъ государству и для укрыванія мытныхъ королевскихъ сборовъ, издавна обычныхъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ.

Вотъ содержаніе тѣхъ условій, на которыхъ соединились королевство Польское и великое княжество Литовское въ одно государство, сливъ свои отдѣльныя речи посполитыя въ единую общую. Всѣ статьи Люблинскаго акта Уніи утверждены станами Коронными и Литовскими на вѣчныя времена. Было при этомъ постановлено, что если одна изъ сторонъ, заключившихъ между собою Унію, или кто-либо изъ отдѣльныхъ обывателей, не будетъ соблюдать договора [1]), противъ таковыхъ должны всѣ вмѣстѣ съ королемъ подняться съ оружіемъ, какъ противъ враговъ. Самыя статьи и постановленія Люблинскаго акта не могутъ никогда, ни подъ какимъ видомъ измѣняться ни королемъ, ни

[1]) „Przywilejów i spisów o spólnosci uczynionych między temi narody“.

панами-радами, ни всякими станами обоихъ народовъ, но должны быть вѣчно сохраняемы цѣлыми и въ полной силѣ. Этотъ договоръ заключенъ панами-радами и послами земскими Коронными съ панами-радами и земскими послами Литвы, бывшими на вальномъ спольномъ Люблинскомъ сеймѣ, и сдѣлано это именемъ какъ самихъ ихъ, присутствовавшихъ на сеймѣ лично, такъ и остальныхъ ихъ товарищей, отсутствовавшихъ,—они посланы на сеймъ сеймиками повѣтовыми земель и повѣтовъ съ полнымъ и совершеннымъ полномочіемъ и порученіемъ. Собравшимся на Люблинскій сеймъ извѣстны желаніе и воля остальной шляхты—обывателей короны Польской, какъ находящихся въ данное время въ Люблинѣ, такъ и не пребывающихъ въ немъ: сеймики повѣтовые, бывшіе передъ сеймомъ, выразили ихъ и онѣ извѣстны такъ, какъ бы всѣ обыватели сами были переименованы въ актѣ и привѣсили бы къ нему свои печати. Поэтому, самый документъ провозглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе договоръ отъ имени не только Коронныхъ сенаторовъ и пословъ, присутствовавшихъ на сеймѣ, но отъ имени *всѣхъ обывателей короны Польской*. Въ предисловіи къ самымъ статьямъ Люблинскаго привилея излагаются мотивы въ заключенію Уніи и исторія его, конечно, изложенная съ Польской точки зрѣнія. По словамъ документа, станы Коронные, неизмѣнно соблюдая свой долгъ по отношенію къ своей отчизнѣ, славной коронѣ Польской, которой достоинство, славу и благосостояніе, а болѣе всего укрѣпленіе въ опасностяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ должны они охранять, стремились къ дѣйствительному совершенію Уніи Польши съ Княжествомъ. Они это дѣлали, имѣя передъ глазами своими славное и весьма потребное соединеніе, нѣкогда сдѣланное ихъ предками съ обывателями Литовскаго великаго княжества на вѣчныя времена за общимъ, письменно изложеннымъ соглашеніемъ обоихъ народовъ, скрѣпленнымъ листами-документами, печатями, присягами обѣихъ сторонъ и долгое время соблюдавшимся съ искренностью обѣими сторонами, но затѣмъ приведеннымъ въ затрудненіе во времена злобы и зависти. И предки, и Поляки 1569 года, по словамъ привилея, были озабочены, немалое время просили и просьбами своими вели королей Сигизмунда (стараго) и Сигизмунда-Августа, чтобы они въ силу обязанности своей государевой-королевской, какъ единые главенствующіе надъ обоими народами, помогли имъ привести въ исполненіе общіе списы-договоры и иные привилеи и права Коронныхъ обывателей, которые они имѣютъ

на унію и соединеніе съ Княжествомъ еще со временъ короля Александра; то же, что не исполнялось, просили королей возстановить. Съ этою цѣлью Поляки добивались отъ королей созванія ихъ вмѣстѣ съ панами-радами и станами Литовскими на одно мѣсто для окончанія этого славнаго и полезнаго обоимъ народамъ дѣла. Такъ, объ этомъ дѣлѣ уніи ясно разсказываютъ, по словамъ договора 1569 года, акты, конституціи, деклараціи и рецессы сеймовъ, бывшихъ въ тѣ времена. Наконецъ, продолжаетъ документъ, по милосердію Божію и по милости королевской Польскіе обыватели добились того, что сначала на сеймѣ Варшавскомъ 1563 года, а потомъ, съѣхавшись въ 1564 году со станами Литовскими въ Парчовѣ, положили хорошее начало правильному устройству этого соединенія и этой, отчасти нарушенной уніи, обсуждая дѣло между собою обѣими сторонами и утверждая статьи, касающіяся уніи. Такъ какъ статьи эти тогда не могли быть утверждены общимъ договоромъ Поляковъ съ Литовцами вслѣдствіе краткости времени засѣданій и наличности другихъ болѣе неотложныхъ нуждъ государственныхъ, поэтому, съѣхавшись теперь, въ болѣе свободное время въ Люблинѣ 23 декабря 1568 года на спольный сеймъ, назначенный королемъ съ согласія обѣихъ радъ, Польши и Литвы, и въ согласіи (jednostaynie) продолжаемый до настоящаго часа, заключили между собою этотъ договоръ и соглашеніе. Договоръ Уніи, по словамъ документа, доведенъ до конца милостью Божіей и согласнымъ и одинаковымъ обѣихъ сторонъ соизволеніемъ и спольнымъ, общимъ письменнымъ актомъ, ни въ чемъ не нарушая Варшавскаго рецесса и другихъ привилеевъ. За все это воздается хвала Богу и благодарность королю Сигизмунду-Августу и провозглашается слава на вѣчныя времена Коронѣ и Княжеству. Новымъ договоромъ Уніи всѣ старые договоры Польши и Литвы возобновлены и согласованы—гласитъ актъ Уніи 1569 года.

Таково полное содержаніе знаменитаго Люблинскаго договора, соединявшаго великое княжество Литовское съ Польскимъ королевствомъ въ одно государство, сливавшаго двѣ различныя «речи посполитыя» въ единую, «спольную», общую. Мы старались цѣликомъ пересказать этотъ документъ акта, такъ различно оцѣнивавшагося въ долгіе вѣка, протекшіе послѣ имѣющаго такое крупное значеніе въ исторіи не только Литвы и Польши, но и цѣлой Европы событія 1569 года. Излагая содержаніе документа, мы не разъ замѣняли изложеніе его дословнымъ пере-

водомъ: такая полнота передачи содержанія договора Люблинской Уніи необходима для обсужденія и оцѣнки его.

Бѣглый взглядъ на изложенный документъ говоритъ читателю, что имъ далеко не вполнѣ точно и всесторонне были опредѣлены взаимныя отношенія короны Польской и великаго княжества Литовскаго. Много недоговореннаго, неопредѣленнаго точными статьями договора чувствуется даже не вооруженному изученіемъ исторической обстановки заключенія этого акта глазу читателя Но если не все было точно выговорено и опредѣлено документомъ, толкованіе этого недоговореннаго, значитъ, предоставлялось жизни и практикѣ, самимъ народамъ Литовскому и Польскому, соединеннымъ въ одно государственное тѣло Люблинскою Уніею 1569 года. Пониманіе этого договора оказалось не только не одинаковымъ, но совершенно противорѣчивымъ и противоположнымъ у обѣихъ сторонъ: ихъ сознаніе совершенно несходно понимало тѣ отношенія, въ которыя Унія поставила Литву и Польшу, и тѣ цѣли, которыя были созданы ею и ея условіями для обоихъ «братскихъ» народовъ. Поэтому и къ реальнымъ фактамъ дѣйствительности, къ тѣмъ событіямъ, которыя затѣмъ переживала Речь-Посполитая Польско-Литовская, Корона и Княжество подошли съ совершенно различными требованіями, встали къ нимъ въ совершенно различное отношеніе и постарались извлечь изъ нихъ совершенно различныя для себя послѣдствія. Заключая Унію 1569 года Польша думала, что лишь осуществляетъ свои права, пріобрѣтенныя ею въ теченіе двухъ вѣковъ царствованія въ ней династіи Ягеллоновъ. Рядъ привилеевъ и договоровъ, не справляясь съ тѣмъ, какъ велики ихъ дѣйствительная сила и ихъ юридическое значеніе, а также и съ тѣмъ, признаетъ ли ихъ и всегда ли давала на нихъ свое согласіе Литва, Польша считала незыблемымъ основаніемъ для своихъ требованій Уніи въ желанномъ для нея смыслѣ. Она не сомнѣвалась въ своемъ правѣ на инкорпорацію Литвы и обращалась къ королевской власти, призывая ее къ насильственному разрѣшенію ея велѣніемъ дѣла, требуя королевскаго приказанія несговорчивымъ Литовцамъ. Выдвигалась фикція абсолютной власти Ягеллоновъ въ Княжествѣ, давно разрушенной временемъ, создавшимъ уже на ея мѣстѣ политическое значеніе Литовскихъ становъ, далеко не такъ несходное съ политическимъ значеніемъ становъ Польскихъ, чтобы можно было признать хотя какое-нибудь реальное основаніе для такихъ приказаній государевыхъ. На Варшав-

скомъ сеймѣ 1564 года Поляки добились отъ Сигизмунда-Августа передачи наслѣдственныхъ правъ на Княжество, отрицавшее, однако, ихъ существованіе, Коронѣ, а въ 1569 году заставили этого же государя отнять у Литвы Подляшье, Волынь и Кіевщину и принудить Литовцевъ къ проекту Уніи, составленному Поляками на основаніи Варшавскаго рецесса 1564 года, не признаваемаго Литовцами [1]). Самое проведеніе Уніи представлялось сознанію Поляковъ дѣломъ, требующимъ исключительно энергіи и настойчивости, а не творчества въ области политическаго строя, создаваемаго государства. Новаго въ создаваемомъ политическомъ строѣ не хотѣли видѣть ничего: вопросъ шелъ лишь о введеніи давно признанной Польшею Уніи. Такое пониманіе дѣла характерно отразилось и въ Польскихъ хроникахъ, говорящихъ о Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Стрыйковскій, напримѣръ, разсказывая объ этомъ сеймѣ [2]), прежде всего говоритъ о прибытіи кардинала Гозія и папскаго легата Винцентія Портика, а также пословъ императора Максимиліана и Шведскаго короля Іоанна: затѣмъ упоминаетъ о послахъ князей Поморскихъ, Турецкаго султана и о гонцѣ Московскомъ, о пріѣздѣ князя Легницкаго, подарившаго королю двухъ молодыхъ львовъ. Далѣе хроника продолжаетъ: «на томъ сейме скончалась совершонно унія или соединеніе великого княжества Литовского с Короною Полскою; Волынь же, Подляще и Кіевское воеводство к Польше приложилось, хотя противныхъ тому много Литовскихъ сенаторей было» [3]). Вотъ и все, что нашелъ нужнымъ сказать о заключеніи Уніи Стрыйковскій, и послѣ этихъ словъ сейчасъ же обратился къ разсказу о взятіи княземъ Романомъ Сангушкою Улы и о казни Миколаевскаго. Другіе хронисты не щедрѣе Стрыйковскаго въ разсказѣ о Люблинской Уніи. Бѣльскій, такъ говоритъ объ ея заключеніи: «на томъ же сеймѣ (1569 года) достигла совершеннаго окончанія (skończyła się gruntownie) Унія, или соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Короною Польскою; при этой Уніи особенно было обезпечено (warowano) Литовскому Княжеству, что оно не будетъ подлежать екзекуціи по отношенію къ имѣніямъ стола королевскаго. Волынь, Подляшье и Кіевское вое-

[1]) Дневникъ Люблинскаго сейма. Спб. 1869. Стр. 37, 53 и др.

[2]) Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi *Macieja Stryjkowskiego*. Tom. II. Warszawa 1846. Str. 418.

[3]) Приводимъ русскій текстъ по рукописному переводу, хранящемуся въ Рук. Отд. Имп. Публ. Библ. (F. IV. № 172).

водство были присоединены къ Коронѣ на вѣчныя времена. Долго противились этому Литовскіе сенаторы, но все-таки, наконецъ, согласились на это» [1]). Нѣсколькими строками ниже хроника Бѣльскаго добавляетъ, что на Люблинскомъ сеймѣ былъ уничтоженъ прежній порядокъ засѣданій (zwyczay dawny zasiadania) Польскихъ и Литовскихъ сенаторовъ и замѣненъ новымъ; прибавляетъ еще, что городъ Варшава былъ избранъ мѣстомъ для общихъ сеймовъ [2]) и приводитъ списокъ пановъ-радъ общаго Польско-Литовскаго сената [3]). Не болѣе, чѣмъ Бѣльскій, сообщаетъ и Гурницкій [4]). Послѣдній даже какъ-то вскользь говоритъ о заключеніи Уніи на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ пишетъ, что Гданщане были вызваны на ближайшій сеймъ, «а онъ»—продолжаетъ далѣе хроника—«былъ назначенъ обоимъ народамъ въ Люблинѣ для окончанія Уніи на дни декабря 1568 года. Продолжался этотъ сеймъ вплоть до исхода лѣта 1569 года. На немъ была доведена до конца Унія, но это совершилось не прежде, чѣмъ король присоединилъ къ Коронѣ Подляшье и Волынь». Вслѣдъ за этимъ Гурницкій прямо переходитъ къ суду надъ Гданщанами [5]). Итакъ событіе такого первостепеннаго значенія, какимъ была Люблинская Унія, такъ безцвѣтно и такъ коротко отразилось въ хроникахъ Польскихъ, что самое значеніе его теряется въ рядѣ другихъ фактовъ, разсказываемыхъ дѣеписателями Польскими.

Разъ таково было отношеніе къ факту заключенія Люблинской Уніи въ хроникахъ, сама собою напрашивается аналогія и для отношенія къ нему современнаго ей Польскаго шляхетства. Но краткость упоминаній хроникъ можетъ имѣть своею причиною или отсутствіе интереса къ событію, или такую опредѣленность его пониманія обществомъ, что самому автору хроники оно представляется не требующимъ подробнаго разсказа о немъ. Конечно, не первое соображеніе должно имѣть мѣсто, когда мы рисуемъ себѣ настроеніе Польскаго народа-шляхты въ эпоху заключенія Люблинской Уніи. Польскіе сеймики обсуждали ее уже нѣсколько

---

[1]) Biblioteka Polska (odział historyczny). Kronika *Marcina Bielskiego*. Tom. II. Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Sanok. 1856. Str. 1169.

[2]) Ibidem str. 1170. [3]) Ibidem str. 1170—72.

[4]) Dzieje w Koronie polskiey za Zygmunta I-go y Zygmunta Augusta aż do smierci iego z przytoczeniem niektorych postronnych ciekawości od roku 1538, aż do roku 1572 przez *Łukasza Górnickiego* Tykocińskiego i Wasiłkowskiego Starostę spisane. Zbiór pisarzów polskich. Częsc druga. Pisma Ł. Górnickiego. Tom IV. W. Warszawie 1828. Str. 196, 197.

[5]) „Sądzeni też Gdańszczane byli....“. Str. 197.

разъ до сейма 1569 года, такъ какъ рядъ сеймовъ предшествующихъ считалъ Унію въ числѣ предметовъ своихъ совѣщаній и постановленій. Вопросъ о ней долженъ былъ даже намозолить уши Короннаго шляхетства, трактуясь на цѣломъ рядѣ сеймиковъ антекомиціальныхъ и посеймовыхъ, связанныхъ съ сеймами шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Сеймики предсеймовые проводила шляхта Польская въ разсужденіяхъ о средствахъ принудить Литовцевъ къ принятію желанной для нея Уніи и въ мечтахъ о ея выгодахъ для Короны; сеймики посеймовые несли съ собою разочарованіе и раздражаніе, такъ какъ реляціи пословъ сеймовыхъ разсказывали о неудачахъ дѣла Уніи и крушеніи попытокъ къ ней, разбивавшихся о стойкость и упорство Литовцевъ. Послы Коронные на Люблинскомъ сеймѣ прямо заявляли, что ихъ братья приказали имъ во что бы то ни стало вернуться домой съ заключенною наконецъ Уніею въ рукахъ [1]). Интересъ къ дѣлу окончанія всѣхъ долгихъ переговоровъ съ Литвою желанною Уніею былъ громаденъ: съ одной стороны грозила опасность потерять [2]) Литву для Короны со всѣми послѣдствіями этой потери, съ другой стороны внимательное наблюденіе сосѣдей Польши, «христіанскихъ и поганскихъ» за ходомъ дѣла Уніи говоритъ объ обязательности скораго наступленія одного изъ послѣдствій утраты связи съ Литвою—перемѣны отношеній сосѣдей, ожидающихъ ослабленія ея [3]). Такимъ образомъ несомнѣнно, что Польша съ глубокимъ интересомъ и живѣйшимъ вниманіемъ слѣдила за дѣломъ осуществленія давножеланной Уніи, но она смотрѣла на нее именно какъ на осуществленіе старыхъ договоровъ съ тѣмъ ихъ толкованіемъ, которое утвердилось въ шляхетныхъ головахъ Коронныхъ обывателей, забывая совсѣмъ, что Литва пошла сильно

---

[1]) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Спб. 1869 (Изданіе Археогр. Коммиссіи, приготовленное къ печати. М. О. Кояловичемъ). Стр. 308. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на дневникъ сейма 1569 года мы пользуемся этимъ изданіемъ однимъ, хотя сохранились двѣ редакціи дневника этого сейма, такъ какъ кромѣ дневника, изданнаго Кояловичемъ, существуетъ еще изданный Дзялынскимъ (Zrzódlopisma do dziejów unii Lubelskiej. Część III. Poznań 1856). Мы не указываемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изданія Дзялынскаго потому, что изданіе Кояловича представляетъ изъ себя сводный текстъ обоихъ дневниковъ, благодаря помѣщеннымъ издателемъ подъ строкою тѣхъ мѣстъ дневника Дзялынскаго, которыхъ нѣтъ совсѣмъ въ дневникѣ Кояловича или которыя въ послѣднемъ отличны отъ текста перваго.

[2]) Дневникъ Любл. с. 1569 г. Нпр., стр. 50. [3]) Ibidem, стр. 52.

впередъ въ развитіи политическихъ правъ становъ населенія въ теченіе столѣтій, протекшихъ въ переговорахъ объ Уніи между Княжествомъ и Короною. Для Польши вопросъ былъ лишь въ томъ, чтобы сдѣлать пергаминъ жизнью и обратить мертвыя чернила его статей въ жизненныя связи Литвы и Короны и реальныя формы ихъ совмѣстнаго политическаго существованія. Въ рѣчахъ пословъ сеймовыхъ 1569 года ясно это пониманіе дѣла: они боятся вновь и съ Люблинскаго сейма привезти своимъ избирателямъ лишь пергаминъ, а не Унію [1]). Самое упорство Литвы представлялось Полякамъ преступнымъ отступничествомъ и нарушеніемъ прежнихъ ея обязательствъ, которыя они извлекли изъ подъ архивной пыли, правда, извлекши лишь то, что служило ихъ собственнымъ интересамъ, а не интересамъ княжества Литовскаго [2]). Когда вскрылось, что у Литовцевъ, также какъ и у Поляковъ, есть документы. скрѣпленные присягою Ягеллоновъ, содержащіе въ себѣ какъ разъ противоположное тому, въ чемъ они же присягали Польшѣ. Поляки стали требовать насильственнаго разрѣшенія дѣла путемъ приказанія королемъ Литовцамъ исполнить Польскія требованія [3]), настаивая на фикціи абсолютной власти великаго князя въ Литвѣ, которая уже давно была только фикціей, что прекрасно знали и сами Поляки. Таково было настроеніе Польскаго народа и таковъ былъ взглядъ его на Унію. когда она заключалась на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Посмотримъ теперь на то, съ какими чувствами и въ какомъ настроеніи вступала Литва въ политическое супружество съ Короною Польскою, созданное Люблинскою Уніею. Мы не будемъ излагать всѣхъ перипетій борьбы за Унію между Литвою и Польшею и хода развитія отношеній обоихъ государствъ, начиная съ Кревской Уніи 1385 года. Только что вышедшій капитальный трудъ М. К. Любавскаго, посвященный исторіи Литовско-Русскаго сейма [4]), позволяетъ намъ ограничиться простою отсылкою читателя къ страницамъ этого прекраснаго ученаго изслѣдованія. Мы должны здѣсь указать лишь на то, что еще наканунѣ сейма

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 283, 455, 456.

[2]) Ср. *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Польско-литовская Унія на сеймахъ до 1569 года. М. 1897. Стр. 17. (Оттискъ изъ II тома Трудовъ Славянской Коммиссіи при Имп. Моск. Археол. Общ.).

[3]) Дн. Л. с. Стр. 29 и др. Предлагалось даже наказать короля лишеніемъ его доходовъ за неприведеніе Литвы къ Уніи. Ibidem. Стр. 376.

[4]) *М. К. Любавскій*. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. М. 1901.

1569 года [1]) Литва высказала свой взглядъ на Унію и заявила, какою она хочетъ ее имѣть. Когда въ 1567 году были посланы къ панамъ-радамъ и рыцерству Литовскимъ послы отъ Речи Посполитой Польской [2]) съ Петрковскаго сейма съ приглашеніемъ къ Уніи, на пышную рѣчь подканцлера и бискупа Плоцкаго Петра Мышковскаго, говорившаго отъ имени пословъ, Литовцы отвѣтили, что они не противъ Уніи, но согласны на нее лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы великое княжество Литовское нисколько не было унижено въ своемъ достоинствѣ и чтобы ему не было никакого уменьшенія и ущерба въ титулѣ, правахъ и доходахъ (intracie [3]). Это-же самое требованіе принесли съ собою Литовцы и на Люблинскій сеймъ въ 1569 году.

Исторія участія Литовцевъ на Люблинскомъ сеймѣ дѣлится на два періода. Первый охватываетъ время съ начала сейма до 1 марта, когда Литовцы уѣхали изъ Люблина, не видя возможности сговориться съ Поляками относительно Уніи. Что касается до второго, то онъ начинается съ возвращенія Литовцевъ на сеймъ и тянется вплоть до окончанія занятій и закрытія Люблинскаго сейма. Дневники этого сейма прекрасно сохранили ходъ переговоровъ между Литовцами и Поляками на этомъ сеймѣ съ цѣлымъ арсеналомъ основаній, которыя приводились обѣими сторонами въ защиту своего пониманія дѣла, и съ изложеніемъ рѣчей сеймовавшихъ, въ словахъ которыхъ слышится та пестрая масса взглядовъ, идей и стремленій, которую слышалъ сеймъ и въ которой такъ много вычурнаго и напыщеннаго, но и такъ нерѣдки искреннія выраженія и обмолвки, въ которыхъ характерно обнаруживались дѣйствительныя цѣли и стремленія, не прикрываемыя громкими фразами приготовленныхъ заранѣе рѣчей сеймовыхъ ораторовъ.

Мы видѣли, какъ смотрѣли Поляки на свою задачу въ дѣлѣ заключенія Уніи съ Литвою: Унія уже утверждена старыми договорами и привилеями, теперь нужно лишь ее подтвердить и привести въ дѣйствительное исполненіе. Сондецкій кашталянъ Осолинскій прямо заявлялъ Литовцамъ: «Унія великаго княжества Литовскаго давно уже опредѣлена и закрѣплена присягою, вслѣд-

[1]) Созванъ былъ этотъ сеймъ на 23 декабря 1568 года, но открылся 10 января 1569 года (Дн. Л. с. Стр. 1).

[2]) Ксендзъ Петръ Мышковскій, еп. Плоцкій, и подканцлеръ, панъ Лысаковскій, кашталянъ Хелмскій, и панъ Станиславъ Чарнковскій kommendor

[3]) *Łukasz Górnicki*. Dz. w. Kor. etc t. IV Str 195, 196.

ствіе чего въ теченіе многихъ вѣковъ Польскіе короли повелѣваютъ въ Литвѣ и дали ей различныя вольности; теперь остается только сдѣлать въ ней исправленія, какія окажутся нужными, и дать силу всѣмъ условіямъ ея» [1]). Но, смотря такъ на дѣло, Поляки вовсе не скрывали отъ себя того, что Литва не хочетъ соединенія съ ними всецѣло въ единое государство, и еп. Куявскій даже объяснялъ это нежеланіе Литовцевъ тѣмъ, что они видятъ дурное правленіе въ Польшѣ [2]). Конечно, историкъ не приметъ цѣликомъ этого мнѣнія современника, хотя и не откажется, пожалуй, посчитать и эту причину одною изъ второстепенныхъ причинъ нежеланія Литвы тѣсно соединиться съ Польшею. Но если Поляки не совсѣмъ и не всегда ясно понимали истинныя причины, заставлявшія Литву, независимое государство, отстраняться отъ Уніи съ Польшею въ томъ видѣ, въ какомъ она предлагалась послѣднею Княжеству, то сами они высказались на сеймѣ весьма опредѣленно объ истинныхъ причинахъ стремленія ихъ къ Уніи и взглядѣ на послѣднюю. Поляки хотятъ «втѣлить» въ Польшу Литовское Княжество, произвести полную его инкорпорацію, обратить въ свою провинцію, наслѣдственныя права на которую были переданы Коронѣ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1564 году. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не забываютъ и своихъ выгодъ, обсуждая, чтó въ Уніи выгодно для нихъ и чего поэтому нужно добиваться, а также чтó невыгодно и чтó поэтому можно нарушить, сдѣлавъ этимъ какъ бы уступку Княжеству. Такъ, Краковскій епископъ говорилъ земскимъ посламъ, приглашеннымъ въ сенатъ: запись на Унію нужна, «но ее нужно такъ составить, чтобы мы вмѣсто свободы не взяли на себя неволи, потому что и Парчевскій сеймъ тѣмъ кончился, что Литовцы желали, чтобы мы несли одинаковыя съ ними тягости, а у нихъ тягости больше нашихъ; а такъ какъ они имѣютъ свои должности, свою казну, то нужно, чтобы имѣли свои совѣщанія для защиты государства, чтобы они сами себя защищали» [3]). Каштелянъ Рагозинскій также соглашался на то, «чтобы Литовцы имѣли особые сеймы, потому что имъ нужна бóльшая защита государства, чѣмъ Полякамъ» [4]). Когда потомъ Поляки уже оторвали отъ Княжества Подляшье и Волынь, былъ поднятъ вопросъ о присоединеніи къ Коронѣ и Кіева. Обсуждая 3-го іюня

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 13. [2]) Дн. Л. с. Стр. 4. [3]) Дн. Л. с. Стр. 46.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 53.

это дѣло, часть сенаторовъ Коронныхъ высказалась, что присоединеніе Кіева къ Польшѣ должно совершиться «какъ потому, что это крайне нужно, такъ и потому что изъ привилеевъ видно, что онъ составлялъ собственность Королевства». Но напротивъ «другая часть сенаторовъ была того мнѣнія, что Кіева не слѣдуетъ отдѣлять отъ Литвы, потому что «мы»—говорили они — «можемъ доставить ему слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска, котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. Напротивъ, Кіевъ нужно оставить Литовцамъ; пусть они своей казной устрояютъ и защищаютъ его, какъ устрояли и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы» [1]). По словамъ Поляковъ, надо, «чтобы старые привилеи принесли какую-либо пользу, а не лежали даромъ» [2]), и они старались взыскать по этимъ гнилымъ и разрушеннымъ временемъ документамъ съ Литовцевъ свои выгоды, пользуясь благопріятнымъ для своихъ происковъ временемъ. А время для того, чтобы принудить Литовцевъ на уступки было дѣйствительно благопріятно: надъ Литвою скопились черныя тучи, шедшія съ востока и съ юга—Грозный царь и «поганство» Татаре несли съ собою ужасъ войны XVI вѣка, усугубленный жестокостью обоихъ этихъ Литовскихъ враговъ. Виленскій воевода Николай Радивилъ откровенно говорилъ на сеймѣ Полякамъ объ этомъ. «На нашемъ хребтѣ былъ непріятель, когда мы уѣзжали сюда, желая постановить съ вами унію, которая бы объединяла насъ взаимною любовью, и, если сказать правду, мы устремились къ ней почти бѣгомъ, тогда какъ предки наши шли къ ней тихимъ шагомъ»—такъ говорилъ этотъ начальный человѣкъ Литвы 25-го января 1569 года [3]). Поляки прекрасно понимали затруднительное положеніе Княжества Литовскаго. Краковскій кашталянъ прямо заявлялъ 11-го февраля: «такого времени, какое теперь имѣемъ, для заключенія уніи съ Литовцами не будемъ уже имѣть никогда» [4]). Печальное положеніе Литовцевъ въ 1569 году даже вызывало у самихъ Поляковъ временами нѣчто въ родѣ тѣни сочувствія. Такъ, подъ 21-мъ января въ дневникѣ Люблинскаго сейма читаемъ: «сенаторы Польскіе», замѣчая, что прибывшіе въ замокъ «Литовцы не хотятъ придти къ нимъ

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 402. [2]) Дн. Л. с. Стр. 312. [3]) Дн. Л. с. Стр. 19.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 46.

согласились уступить имъ изъ уваженія къ ихъ злополучію и самимъ идти къ нимъ» [1]). Итакъ, положеніе обѣихъ сторонъ на Люблинскомъ сеймѣ было далеко не одинаково: обстоятельства времени, моментъ заключенія Уніи, оказались неизмѣримо болѣе благопріятными для Поляковъ, чѣмъ для ихъ «братіи» Литовцевъ. Этимъ моментомъ пользовались Поляки въ высшей степени умѣло и энергично. Съ одной стороны мы видимъ громкія выраженія притворной любви къ Литвѣ [2]) и рядъ прославленій благодѣяній, будто бы, оказанныхъ ей Польшею [3]); съ другой стороны встрѣчаемъ и заботливость о томъ, чтобы Литовцы не проникли въ эгоистичные матеріальные разсчеты Поляковъ и не убѣдились въ корыстолюбіи этой своей «братіи». Такъ, когда въ посольской избѣ Польскаго сейма сталъ обсуждаться вопросъ объ отторженіи отъ великаго княжества Литовскаго Волыни и присоединенія ея къ Коронѣ, «нѣкоторые послы подали мнѣніе: «не упоминать пока о Волыни, а требовать вообще всего, чтобы Литва не думала [4]), что намъ собственно нужна Волынь, а объ нихъ (Литовцахъ) мы вовсе не хлопочемъ» [5]).

Мы видѣли выше, какъ Поляки смотрѣли на незыблемость привилеевъ, которыми владѣли они, требуя ихъ непремѣннаго осуществленія. Но оказалось, что и Литва имѣетъ свои привилеи и скрѣпленныя присягою пожалованія и утвержденія ея правъ, полученные отъ тѣхъ же Ягеллоновъ которые даровали привилеи и Польшѣ, ею теперь выставляемые; притомъ оказалось, что привилеи Литовскіе прямо противорѣчатъ тому, что было даровано Польшѣ и осуществленія чего добивались съ такою энергіею Поляки на сеймѣ 1569 года. Какъ же отнеслись Поляки, такъ уважавшіе силу документа по отношенію къ своимъ привилеямъ, къ документамъ Литовскимъ? Одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ посольской избы, Перемышльскій судья Валентинъ Орѣховскій, держа 7 февраля отъ имени избы рѣчь къ сенату, такъ говорилъ о Литовцахъ и ихъ документахъ: «а что они намъ представили какіе-то привилеи князей Литовскихъ, то мы не думаемъ, чтобы они какъ-нибудь могли препятствовать намъ заключить унію [6])».

Такой взглядъ на привилеи Литовскіе вовсе не былъ достояніемъ одной посольской избы. Краковскій епископъ Филиппъ

[1]) Дн. Л. с. Стр. 10. [2]) Дн. Л. с. Стр. 18. [3]) Дн. Л. с. Стр. 27, 55.

[4]) Мы такъ переводимъ слова «aby Litwa nie rozumiała», а не согласно съ М. О. Кояловичемъ, который перевелъ «nie rozumiała»—не догадалась.

[5]) Дн. Л. с. Стр. 117. [6]) Дн. Л. с. Стр. 27.

Падневскій, отвѣчая на рѣчь Орѣховскаго, говорилъ: «о тѣхъ привилеяхъ ихъ (т.-е. Литовцевъ), которые они намъ показывали, мы думаемъ такъ, что тѣ князья управляли въ Литвѣ подъ верховною властью Польскихъ королей, поэтому тѣ привилеи не могутъ подрывать силу нашихъ привилеевъ». Краковскій епископъ, настаивая на силѣ привилеевъ, дарованныхъ Ягеллонами Коронѣ, указывалъ на власть короля, который долженъ будетъ насильно заставить Литву принять требованія Польши. Такъ различно понималась сила документовъ лишь потому, что одни были дарованы Польшѣ, а другіе Литвѣ. Стоя на формальной почвѣ документа, Польша отрицала право дѣлать то же самое за Литвою. «Въ старыхъ привилеяхъ и договорахъ—слава нашихъ предковъ и совѣсть, связанная присягами обѣихъ сторонъ», говорилъ тотъ же сенаторъ [1]), забывая, что то же самое могли сказать и Литовцы, прославляя своихъ предковъ и указывая на совѣсть королей Польскихъ, великихъ князей Литовскихъ, скрѣпившихъ своею присягою документы Литовскіе.

Все приведенное достаточно ясно изображаетъ взгляды и настроеніе Поляковъ на Люблинскомъ сеймѣ, когда они вступали съ Литовцами въ обсужденіе условій «братской» уніи. Глубокій эгоизмъ и нежеланіе отступать отъ буквы старыхъ, истлѣвшихъ, заключенныхъ въ тѣ времена, когда Литва была совсѣмъ не тою, какою она была въ 1569 году, притомъ отчасти оспариваемыхъ въ формальномъ своемъ значеніи, какъ неутвержденные Литовцами, привилеевъ—вотъ что встрѣтила Литва въ «братіи» Полякахъ на Люблинскомъ сеймѣ. Епископъ Краковскій говорилъ Литовскимъ сенаторамъ 28 января 1569 года: «намъ нужно, чтобы исполнено было то, что постановлено нашими и вашими предками, и что въ эти времена нужнѣе вамъ, нежели намъ» [2]), и эти слова прекрасно рисуютъ то положеніе, которое заняла Польша по отношенію къ Литвѣ въ событіяхъ 1569 года.

Когда прибыли на спольный сеймъ въ Люблинъ Литовцы, они являлись нѣкоторое время на отдѣльныя свои совѣщанія къ королю. Въ это время Литовцы разрѣшали съ королемъ свои мѣстныя дѣла [3]) и подавали королю просьбы Литовскихъ земель

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 29. [2]) Дн. Л. с. Стр. 17.

[3]) Дн. Л. с. Стр. 6. Именно въ этихъ засѣданіяхъ и разрѣшались Литовскія дѣла въ Люблинѣ. Отдѣльнаго Литовскаго сейма въ 1569 году въ Люблинѣ быть не могло, и М. В. Довнаръ-Запольскій (Док. М. Арх. М. Юст., I. Стр. 497) ошибочно полагаетъ, что «помимо общаго польско-литовскаго

и повѣтовъ [1]), но въ это же время Литовскіе сенаторы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы привести Литву въ полную готовность къ защитѣ противъ того натиска, который готовилась сдѣлать Польша на ея права и самостоятельность. Прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ съ Польскими сенаторами, паны-рады Литовскіе въ своихъ совѣщаніяхъ съ королемъ старались ясно опредѣлить дѣйствительное положеніе Княжества. Тщетно ожидали Коронные сенаторы Литовскихъ на общее засѣданіе. Въ двѣнадцатый день сейма въ Польскій сенатъ явились нѣсколько Литовскихъ радныхъ пановъ съ подканцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ во главѣ, который и объявилъ, «что Литовскіе сенаторы не могутъ придти къ нимъ, потому что они имѣютъ очень настоятельныя дѣла къ королю касательно вольностей и правъ речи посполитой великаго княжества Литовскаго и, пока не кончатъ ихъ, не могутъ вдаваться ни въ какія другія дѣла» [2]). Для переговоровъ съ Литовцами Польскій сенатъ послалъ восемь своихъ сенаторовъ, но имъ пришлось услышать отъ двухъ первыхъ свѣтскихъ сенаторовъ Литвы, Виленскаго воеводы Николая Радивила и маршалка земскаго старосты Жомоитскаго Яна Ходкевича отвѣтъ, выражающій твердое рѣшеніе Литовской рады сначала устроить Литовскую речь посполитую и уже затѣмъ лишь приступить къ переговорамъ объ Уніи [3]). Особенно опредѣленно выразился Ходкевичъ. Онъ сказалъ: «хотя наши народы и мы—люди честные, благородные и своими вольностями можемъ сравняться съ какимъ угодно народомъ на свѣтѣ и съ вами господа (Поляки), но мы не желали бы кончить съ вами, господа, дѣло объ этой уніи, прежде нежели поставимъ твердо поря-

---

сейма, засѣдавшаго въ Люблинѣ въ 1569 году и утвердившаго унію Литвы съ Короной, тамъ же въ Люблинѣ засѣдалъ и отдѣльный литовскій сеймъ, обсуждавшій свои мѣстныя дѣла». Мы не можемъ согласиться съ г. Довнаръ-Запольскимъ и въ томъ, что поборовый универсалъ сейма 1569 года (о составленіи котораго Поляками и Литовцами совершенно отчетливо разсказываетъ Дневникъ сейма), изданный на польскомъ языкѣ въ второмъ томѣ изданія Volumina legum, «отличается значительными отмѣнами» по сравненію съ русскимъ текстомъ, напечатаннымъ въ I томѣ Д. М. Арх. М. Юст. Это безусловно одинъ и тотъ же документъ, лишь переведенный на русскій языкъ, хотя и съ нѣкоторыми небольшими несходствами въ текстѣ. Стоитъ прочитать оба документа, сличая ихъ построчно, чтобы убѣдиться въ этомъ. Документъ, напечатанный г. Довнаръ-Запольскимъ, только прерывается на серединѣ, что видно даже изъ простого на него взгляда: онъ не датированъ.

[1]) См. Д. М. Арх. М. Юст., I, Стр. 497—502.

[2]) Дн. Л. с. Стр. 11. [3]) Дн. Л. с. Стр. 12 и 13.

докъ дѣлъ въ нашей речи посполитой и пока не покажемъ вамъ, что вы заключаете унію съ друзьями, равными вамъ въ благородствѣ и достойными по внутреннему наряду. Это намъ нужно прежде рѣшить съ нашимъ государемъ, и тогда уже мы будемъ охотно говорить съ вами объ уніи, до которой королю его милости нѣтъ никакого дѣла; это дѣло наше, потому что мы люди—свободные, христіане, о которыхъ никто не можетъ вести переговоровъ кромѣ насъ самихъ, какъ и предки наши сами вели дѣла съ предками вашей милости». Радивилъ, отвѣчая Сандецкому кашталяну Осолинскому еще добавилъ къ этому опредѣленію Ходкевичемъ правъ и политическаго значенія Литвы. «Что же касается», говорилъ онъ, «до того, что король Польскій, какъ ваша милость сказали, давно уже повелѣваетъ въ Литвѣ; то не думаю, чтобы уже была отпѣта вѣчная память великому Литовскому князю, и чтобы Литва (прибавилъ староста Жомоитскій) тогда только получила вольности, когда въ ней сталъ управлять Польскій король». Конечно, такая отповѣдь вызвала сильное раздраженіе въ Польскомъ сенатѣ, и авторъ дневника сейма 1569 года записалъ, что «эти бесѣды болѣе раздражили тѣхъ и другихъ, нежели принесли пользы» [1]). Когда послы Польскаго сената удалились, сенаторы Литовскіе совѣщались между собою и послѣ этого совѣщанія въ свою очередь выслали нѣсколькихъ лицъ изъ своей среды въ Коронный сенатъ для передачи ему окончательнаго отвѣта Литовцевъ. Рѣчь держалъ вновь Янъ Ходкевичъ. Онъ выразилъ полную готовность Литовцевъ обсуждать и постановлять статьи уніи съ Польшею, «только прежде этого», сказалъ онъ, «мы требуемъ отъ короля, чтобы онъ подтвердилъ наши статутовыя права, какъ это онъ обѣщалъ намъ». Ходкевичъ говорилъ, что Литовскіе паны рада съ удовольствіемъ укажутъ Полякамъ тѣ законы Литовскіе, о которыхъ идетъ рѣчь, обѣщая прислать ихъ Коронному маршалку, чтобы онъ завтра-же показалъ ихъ сенату [2]). Дѣйствительно, на слѣдующій день, т. е. 22 января, сенаторы и послы Коронные уже разсматривали Литовскій статутъ и были поражены тѣмъ, что въ немъ увидали. Особенное ихъ вниманіе обратили на себя 3-й, 6-й и 9-й артикулы третьяго раздѣла Литовскаго статута 1566 года [3]). Въ статутѣ Сигизмундъ Августъ давалъ обѣщаніе за себя и за своихъ преемниковъ, великихъ князей Литовскихъ, «подъ тоюж

[1]) Дн. Л. с. Стр. 12. [2]) Дн. Л. С. стр. 14. [3]) Дн. Л. с. Стр. 15, 16.

*

присегою» своею, которую онъ принесъ Княжеству, въ томъ, чтобы его «у славѣ, титулѣ, столицы, зацность и владзы, и можность росказованью, и въ иншыхъ всихъ належностяхъ и прислухиванью и въ границахъ ни в чомъ не вменшати и овшемъ примножати» [1]). Король, кромѣ того, тѣмъ же артикуломъ обязывался «ни в чомъ томъ не понижати» князей, пановъ-радъ, врядниковъ и всѣхъ становъ Литовскихъ, какимъ бы государствомъ другимъ ему ни пришлось владѣть кромѣ Литовскаго. Артикуломъ третьимъ Сигизмундъ Августъ давалъ обѣщаніе не уменьшать земель великаго княжества Литовскаго; но этого мало, статутъ отъ имени короля гласилъ: «и то, што будетъ черезъ непріятелей того панства нашого отдалено, разобрано и ку иншому панству отъ того панства нашого коли кольвекъ упрошоно, *ку Коронѣ, ку Мазовшу, ку Пруссомъ, ку Инфлянтомъ*, то за се ку власности того Великого Князства привести привлащати и границы оправити обѣцуемъ». Если какія-либо земли Княжества даны государемъ «заграничникомъ», эти послѣдніе обязаны нести службу на Княжество, а въ противномъ случаѣ пожалованные имъ на ихъ имѣнія привилеи не имѣютъ силы [2]). Девятымъ артикуломъ третьяго раздѣла статута Сигизмундъ Августъ давалъ обѣщаніе «подъ присегою» своею, принесенною Княжеству и его станамъ (перенося настоящую статью изъ статута отца своего Сигизмунда Стараго), въ томъ, что въ Литвѣ и во всѣхъ земляхъ, къ ней «прислухаючихъ», никакія должности, города, дворы, земли, староства не будутъ жалуемы королемъ чужеземцамъ, заграничникамъ, «ани сусѣдомъ того панства», но лишь «Литвѣ а Руси, родичомъ старожитнымъ и врожонцамъ Великого Князства Литовского и иныхъ земль, тому Великому Князству належачихъ». Всякій заграничникъ и «*сусѣдъ* того панства», который осмѣлится выпросить себѣ и держать какое-либо пожалованіе въ Княжествѣ, долженъ отказаться отъ него немедленно, если ему заявятъ объ этомъ; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то вся его «маетность» отбирается «до столу и скарбу» великаго князя Литовскаго. Если чужестранецъ пріобрѣтетъ «осѣлость» въ предѣлахъ Княжества, онъ можетъ пользоваться ею, становясь обывателемъ Литовскимъ и служа Литвѣ земскую службу. Но на всякій врядъ духовный и свѣтскій можетъ быть выбираемъ и назначаемъ лишь «здавна продковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовского Лит-

[1]) II ст. III. 1. [2]) II ст. III. 3.

винъ и Русинъ». Всякій не уроженецъ Княжества, владѣющій врядомъ въ немъ, долженъ сложить съ себя свою должность по первому требованію; въ противномъ случаѣ онъ наказывается конфискаціей имущества и такимъ образомъ уже и въ силу этого долженъ быть лишенъ вряда, такъ какъ онъ становится теперь «неосѣлымъ» [1]). Наконецъ въ шестомъ артикулѣ того же третьяго раздѣла Поляки прочли, что Сигизмундъ Августъ установилъ, «хотечы то все мѣти вѣчными часы», что онъ и «потомки» его великіе князья Литовскіе будутъ собирать въ Княжествѣ вальные сеймы, когда въ этомъ будетъ надобность, «за радою» пановъ-радъ Литовскихъ, «або за прозьбою рыцерства» [2]).

Такимъ образомъ статутъ Литовскій, данный Княжеству Сигизмундомъ-Августомъ всего за нѣсколько лѣтъ до Люблинскаго сейма 1569 года, заключалъ въ себѣ постановленія, которыя уничтожали всякую возможность «втѣленія» Литвы въ Польшу. Ко всему этому прибавлялось, что Городенскіе сеймы шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія признали и Инфлянты собственностью одного великаго княжества Литовскаго. Конечно, Поляки пришли въ страшное раздраженіе, узнавъ настоящее положеніе дѣла и истинныя политическія права Литвы, и посольская изба отказалась входить въ какія-либо разсужденія: она просто-на-просто отбросила въ сторону всѣ права, которыми владѣло Литовское княжество, и стала понуждать Коронныхъ сенаторовъ требовать, чтобы Литовскіе сенаторы сѣли въ засѣданіе рядомъ съ Польскими и послы земскіе Литвы рядомъ съ земскими послами Короны; т.-е. она потребовала, чтобы прервались переговоры и Литовцы противъ воли своей и своихъ правъ приступили къ желанной Уніи [3]). Но не одни ближайшіе по времени изданія своего къ 1569 году свои законы и постановленія предъявили Полякамъ Литовцы. Корона ссылалась на старину, указывая на незаконность новыхъ постановленій, противорѣчащихъ старымъ привилеямъ, и Литовскіе сенаторы показали Люблинскому сейму, какіе документы завѣщала Княжеству эта старина. 7 февраля, разсказываетъ дневникъ Люблинскаго сейма, Литовскіе сенаторы дали письменный отвѣтъ станамъ Короннымъ въ томъ смыслѣ, что они не желаютъ признать старыхъ привилеевъ на Унію, на которые ссылаются Поляки. При этомъ Литовцы «подали рукопись [4]), въ ко-

[1]) II ст. III. 9. [2]) II ст. III. 6. [3]) Дн. Л. с. Стр. 17.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 21—26.

торой заключались выдержки изъ привилеевъ Литовскихъ князей, начиная отъ Казиміра», до Сигизмунда Августа. Авторъ дневника сейма такъ излагаетъ содержаніе этихъ выписокъ: «содержаніе всѣхъ этихъ привилеевъ одно и то же: чтобы великое Литовское княжество не умалялось ни въ своемъ достоинствѣ, ни въ своихъ прерогативахъ, ни въ своихъ должностяхъ; чтобы князья, дворяне, бояре не были унижаемы, чтобы не были нарушаемы границы великаго княжества Литовскаго иноземными государями и не были овладѣваемы кѣмъ бы то было». Дневникъ сейма 1569 года, изданный Дзялынскимъ, приводитъ и самыя эти выписки. Это были выдержки изъ привилеевъ—Казиміра 1452 года, Александра 1492 года, Сигизмунда 1506 года, его же 1529 года [1]) и, наконецъ, изъ второго статута (1566 года), который уже ранѣе, 22 января, разсматривался Короннымъ Люблинскимъ сеймомъ.

Итакъ обѣ стороны, готовившіяся заключить между собою «братскую унію», выступили съ цѣлымъ арсеналомъ своихъ привилеевъ, незыблемость которыхъ въ глазахъ каждой изъ нихъ не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію. Но не сомнѣваясь въ силѣ своихъ привилеевъ, каждая сторона не признавала силы документовъ другой. Однако, въ самомъ отрицаніи Поляковъ и Литовцевъ была разница. Поляки просто говорили, что привилеи Литовцевъ не имѣютъ значенія, голословно отбрасывая ихъ, или заявляя, что великіе князья Литовскіе не имѣли права ихъ давать, ибо они будто бы всегда княжили подъ верховною властью королей Польскихъ [2]); Литовцы же стояли болѣе на почвѣ формальнаго закона, говоря, что главные козыри игры Поляковъ—Мельницкій привилей Александра на Унію 1501 года и Варшавскій рецесъ 1564 года не имѣютъ силы, первый, потому что Унія 1501 года, принятая лишь самимъ Александромъ и только частью пановъ-радъ Княжества, была отвергнута, въ концѣ концовъ, Литовцами [3]), второй же, потому что онъ не былъ подписанъ Литовцами [4]). Такимъ образомъ яснымъ было, что на почвѣ формальной, на почвѣ документовъ трудно было сговориться Полякамъ и Литовцамъ: тѣ документы, которые признавались одною стороною, отрицались въ своемъ значеніи другою. Люблинскій каштелянъ образно, но вѣрно выразилъ истинное положеніе дѣла, сказавъ: «кажется намъ придется доказывать дѣло Литовцамъ,

---

[1]) Т.-е. I-ый Литовскій статутъ. [2]) Дн. Л. с. Стр. 28. [3]) *М. К. Любавскій*. Литовско-русскій сеймъ. Стр. 145—147. [4]) Дн. Л. с. Стр. 37 и 53.

указывая на рецессъ, съ тою же силою, какъ если бы кто сталъ доказывать что-либо жиду Новымъ Завѣтомъ» [1]). При такомъ положеніи дѣла Уніи было три пути для ея достиженія: отбросить всѣ договоры и старые привилеи на Унію и создать совершенно новый договоръ на нее, или настаивать на безусловномъ исполненіи старыхъ привилеевъ, или же, наконецъ, пойти на компромиссъ и, удержавъ старые привилеи на соединеніе государствъ, сдѣлать кое-какія уступки въ нихъ упорству Литовцевъ. Первымъ путемъ желали идти Литовцы [2]), второй избрала Коронная посольская изба, третьимъ пытался временами слѣдовать Коронный сенатъ. Выборъ одного изъ этихъ путей для окончательнаго разрѣшенія дѣла обусловливался положеніемъ обоихъ соединявшихся государствъ съ одной стороны и степенью политической мудрости болѣе сильнаго обстоятельствами минуты съ другой. Поставленная въ болѣе тяжелыя условія сторона должна была волею-неволею идти на уступки; дѣломъ политической мудрости болѣе счастливой было создать такія условія Уніи, чтобы она могла быть прочною и охотно принятою другою. Предъ читателемъ дневника Люблинскаго сейма 1569 года открывается трагическая картина положенія Литвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вскрывается и характеръ заключенной въ этомъ году Уніи. Требованія Польши и Литвы были рѣзко различны, во многомъ прямо діаметрально противоположны, и за требованіями тѣхъ и другихъ стоялъ пергаминъ, стояли привилеи и присяги, принесенныя Ягеллонами тому и другому народу, присяги, которыми они утверждали за однимъ народомъ то, что сейчасъ же или только что отдавали своею же присягою другому. Не было ли въ дѣлѣ Уніи, для того чтобы она могла быть дѣйствительною и прочною, одного пути вѣрнаго—отбросить весь этотъ клятвопреступный хламъ блестящихъ Ягеллоновъ и вновь приняться за дѣло на-чисто безъ всякихъ справокъ съ гнилыми и позорными привилеями клятвопреступниковъ-королей, сговориться заново объ условіяхъ Уніи двухъ государствъ, и это былъ путь, которымъ хотѣла идти Литва. Поляки выбрали иную дорогу, воспользовавшись своимъ вліяніемъ на потерявшаго почву подъ своими взглядами и убѣжденіями,

[1]) Дн. Л. с. Стр. 52.

[2]) Свое требованіе вести переговоры не отъ старыхъ списовъ но «зъ милости братерьское», Литовскіе сеймики выразили своимъ посламъ повѣтовымъ, посланнымъ на Люблинскій сеймъ 1569 года. См. *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. Стр. 217.

разбитаго развратомъ и пережитыми тяжелыми личными дѣлами послѣдняго Ягеллона. Этого мало. Польша воспользовалась и ужасомъ положенія Литвы въ виду страшныхъ опасностей, грозившихъ ей съ востока и юга. «Тиранство» Грознаго царя и опасность завоеванія имъ вольнаго народа, обладавшаго правами и ихъ сознаніемъ, грабежъ, убійства и насилія рисовались на горизонтѣ Литвы съ востока, въ то время какъ съ юга неслись тучи «поганства»—Татаръ съ опустошеніемъ селеній, обращеніемъ въ «ясырь» населенія, съ рабствомъ, трудомъ и позоромъ его для мужчинъ и насиліемъ, позоромъ и рабствомъ для ихъ женъ, сестеръ и дочерей. Трудно было не идти Литвѣ на уступки при такихъ обстоятельствахъ, но «непрочно все, что дѣлается насиліемъ» [1]). Это понимали и наиболѣе благоразумные изъ самихъ Поляковъ.

На Люблинскомъ сеймѣ Литовцы представили свой проектъ Уніи [2]). По этому проекту оба государства должны имѣть общаго государя, который избирается общими голосами Поляковъ и Литовцевъ при равномъ числѣ избирателей того и другого народа. Самое избраніе должно происходить на границѣ Короны и Княжества, для того чтобы представителямъ обоихъ народовъ было одинаково удобно пріѣзжать на елекцію. Выбранный король Польскій сейчасъ же избирается и провозглашается и великимъ княземъ Литовскимъ, но возведеніе на престолъ Короны и Княжества производится отдѣльно—въ Краковѣ на Польскій престолъ и въ Вильнѣ—на Литовскій, причемъ соблюдаются всѣ древнія церемоніи этого обряда. При церемоніи возведенія на престолъ Польскій обязательно присутствуютъ послы Литовскіе, а при возведеніи на престолъ Княжества — послы Короны. Вступая на престолъ Польскій, новый государь приноситъ присягу въ соблюденіи вольностей Короны, вступая на престолъ Княжества,—такую же присягу въ соблюденіи правъ и вольностей этого послѣдняго. Печати на этихъ актахъ должны быть различныя: на первомъ Коронная, на второмъ Литовская. Хранится первый документъ въ Польшѣ, второй въ Литвѣ. Самое возведеніе на Литовскій престолъ должно совершаться не позже, какъ черезъ четверть года послѣ коронаціи въ Краковѣ, и Литва не признаетъ власти и приказаній короля до совершенія обряда возведенія на

[1]) Дн. Л. с. Стр. 431—рѣчь канцлера посламъ земскимъ отъ имени короля.
[2]) Дн. Л. с. Стр. 79—88. Документы, объясн. ист. з.-р. края и его отн. къ Р. и къ П. Спб. 1865. Стр. 54—68.

престолъ въ Вильнѣ. Кромѣ общаго государя, Польша и Литва будутъ на вѣчныя времена имѣть и общую защиту противъ всякаго непріятеля, который грозилъ бы тому, или другому изъ этихъ государствъ, и эта оборона будетъ постановляться по общему совѣту и соглашенію. Такимъ образомъ создается рядъ дѣлъ, которыя требуютъ общихъ Польско-Литовскихъ сеймовъ и совѣщаній. Эти дѣла: избраніе общаго государя, оборона, заключеніе мира, отправленіе посольствъ (вмѣстѣ Поляка и Литовца) въ другія государства и установленіе податей на земскую оборону обоихъ государствъ. Общіе Польско-Литовскіе сеймы созываются государемъ за радою и согласіемъ обоихъ государствъ на общей границѣ ихъ по грамотамъ королевскимъ, разсылаемымъ въ Княжество подъ Литовскою печатью, въ Корону—подъ Коронною. Передъ сеймомъ созываются областные сеймики для выбора пословъ сеймовыхъ, а самые сеймы собираются alternatim—разъ въ Польшѣ, разъ въ Литвѣ. Сеймовыя конституціи и рецессы издаются скрѣпленными Коронною печатью въ экземплярахъ, отправляемыхъ въ Корону, Литовскою—въ экземплярахъ, идущихъ въ Княжество. Что касается до разрѣшенія дѣлъ и нуждъ мѣстныхъ, то для этой цѣли должны созываться отдѣльные сеймы въ каждомъ государствѣ. Но на этихъ отдѣльныхъ сеймахъ отнюдь не будутъ упоминаться, обсуждаться и разрѣшаться никакія уніи [1]), ни посполитое, или повѣтовое рушенье, ни установленіе податка, на какую бы надобность онъ ни требовался. Если государь не пожелаетъ или не будетъ имѣть возможности созвать такой сеймъ для разрѣшенія мѣстныхъ дѣлъ, то его созываютъ въ Коронѣ Польскіе паны-рады, согласившись со шляхтою, а въ Литвѣ паны-рады Княжества, и постановленное въ мѣстныхъ дѣлахъ такими сеймами утверждается рецессами въ Коронѣ съ печатью Коронною, а въ Литвѣ съ Литовскою. Всѣ должности, вряды и значеніе становъ Княжества будутъ сохранены въ цѣлости на вѣчныя времена. Особенно постановляется о сохраненіи вполнѣ достоинства и силы тѣхъ высшихъ врядовъ, которымъ можетъ умалить чести и значенія введеніе спольныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ, общихъ походовъ и общихъ постановленій о сборахъ податка, а именно маршалковства, канцлерства, гетманства и подскарбства. Какъ Поляки въ

---

[1]) Переводъ въ изданіи дневника М. О. Кояловича невѣренъ (стр. 84). Ср. также Документы и т. д. Стр. 59.

Литвѣ, такъ Литовцы въ Польшѣ имѣютъ право пріобрѣтать осѣдлость и недвижимость, но въ Княжествѣ всѣ безъ исключенія должности и вряды, какъ духовные, такъ и свѣтскіе могутъ быть предоставляемы лишь природнымъ обывателямъ Княжества. Монета должна быть одинаковою и равнаго вѣса въ обоихъ государствахъ, но княжество Литовское должно имѣть ее съ надписью великаго князя Литовскаго. Надо, чтобы новая монета и монетный дворъ были установляемы въ обоихъ государствахъ не иначе, какъ съ вѣдома общаго сейма подъ справою въ Польшѣ подскарбія Коронпаго, а въ Литвѣ—Литовскаго. Границы обоихъ государствъ должны быть исправлены такъ, какъ онѣ были въ прежнія времена, и это должно быть сдѣлано коммиссарами, назначенными на томъ же Люблинскомъ сеймѣ 1569 года во время, которое наступитъ послѣ уборки полей; на будущее время, въ случаѣ надобности въ этомъ, границы должны быть исправляемы тѣмъ же способомъ. Послѣ исправленія границъ будетъ совершенно ясно, къ какимъ судамъ нужно обращаться обывателямъ въ случаѣ земельныхъ тяжебъ, а также преступленій: Полякъ долженъ былъ вызывать Литовца, а Литовецъ Поляка въ тѣ суды, которымъ подлежатъ отвѣтчики—Польскіе и Литовскіе. Въ заключеніе Литовскій проектъ гарантируетъ Княжеству полную свободу отъ екзекуціи правъ на имѣнія, производимую въ Коронѣ: если екзекуція будетъ подъ какимъ бы то ни было видомъ распространена на Литву, Княжество объявляетъ себя свободнымъ отъ Уніи, заключенной съ Польшею.

Таковъ былъ Литовскій проектъ. Въ немъ Литовцы создавали Унію заново и вступали въ вѣчное соединеніе съ Польшею подъ властью одного государя, съ вѣчнымъ оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ, общимъ сеймомъ для общихъ дѣлъ, общими налогами на военныя нужды и съ единствомъ монеты, но съ сохраненіемъ полной особности мѣстнаго управленія и законодательства и съ сохраненіемъ во всей неприкосновенности титула и чести государства Литовско-Русскаго и его врядовъ. Проектъ Литовцевъ вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительному положенію Княжества и его строю наканунѣ Уніи, и можно сказать, что оно не требовало себѣ ровно ничего новаго въ смыслѣ расширенія, или увеличенія своихъ правъ, а лишь стремилось сохранить тотъ политическій строй, который оно имѣло до Люблинскаго сейма 1569 года. Оно дѣлало рядъ уступокъ объединительнымъ стремленіямъ Поляковъ, отдавая рушенье посполитое и повѣтовое,

наложеніе податковъ и установленіе монеты общему сейму, и, конечно, это было далеко не малое добавленіе къ единству враговъ и друзей для обоихъ народовъ, признаваемому проектомъ. Но Польша отвергла этотъ проектъ и упорно требовала принятія Литовцами того, который былъ составленъ ею на основаніи старыхъ привилеевъ на Унію. Видя невозможность договориться съ Поляками, не желавшими признать за Княжествомъ права быть тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, Литовцы уѣхали изъ Люблина, и 1 марта Польскій сеймъ узналъ объ этомъ неожиданномъ и крайне непріятномъ для него происшествіи, случившемся ночью на это число [1]). Однако, отъѣздъ ихъ не разрушилъ дѣла Уніи, и Сигизмундъ Августъ изъявилъ готовность провести ее и безъ Литовцевъ, не обращая вниманія на ихъ права и вольности [2]). Послѣ отъѣзда Литовцевъ всплыли открыто и желанія оторвать отъ Княжества земли, воспользовавшись его критическимъ положеніемъ. Требовать Волыни и Подляшья постановила посольская изба [3]), и это требованіе было проведено со всею энергіею, несмотря на то, что отсутствіе Литовцевъ лишало ихъ возможности доказать свои права на эти области и разрушить юридическими доказательствами претензіи Польши. На Литовцевъ была наложена контумація за ихъ отъѣздъ съ сейма, а Волынь и Подляшье были отданы 1-го же марта 1569 года Коронѣ Сигизмундомъ Августомъ, забывшимъ свою клятву не уменьшать границъ Княжества. Успѣхъ придалъ силы Полякамъ, и ихъ аппетиты стали рости и рости. Перемышльскій судья уже требовалъ, чтобы и вряды Литовскіе [4]) были уничтожены и замѣнены Коронными: Литовцы утратили право требовать сохраненія своихъ правъ, такъ какъ на нихъ наложена контумація [5]); а другой посолъ—Фредро заявлялъ, что Волыни и Подляшья мало за благодѣянія, оказанныя Княжеству Короною. [6]). Въ то же время раздраженіе противъ Литовцевъ на Коронномъ сеймѣ возрасло до такихъ размѣровъ, что о нихъ стали думать хуже, чѣмъ о Туркахъ и имѣть «на Литовцевъ больше злости, нежели на Турка» [7]). Но въ то время, какъ посольская изба кричала, понося бранью Литовцевъ и требуя, чтобы мечомъ заставили Литву исполнить желаніе Польши [8]), Коронный сенатъ находилъ нужнымъ сдѣлать

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 121. [2]) Дн. Л. с. Стр. 123. [3]) Дн. Л. с. Стр. 122.
[4]) Т.-е. высшіе вряды министерскіе. [5]) Дн. Л. с. Стр. 132, 133.
[6]) Дн. Л. с. Стр. 133. [7]) Дн. Л. с. Стр. 134. [8]) Дн. Л. с. Стр. 138.

уступки Литвѣ. Епископъ Краковскій говорилъ посламъ, что сенатъ, также какъ и изба, считаетъ Литовцевъ въ силу контумаціи, наложенной на нихъ за мятежническій отъѣздъ съ сейма, одобрившими всѣ Польскіе привилеи на Унію и лишенными ихъ высшихъ врядовъ, но онъ выставилъ на видъ необходимость для Польши разрѣшить отдѣльные сеймы Литвѣ: у нея есть особыя тягости, ради которыхъ нужны и особые ея сеймы. Указалъ онъ и на крупныя жертвы деньгами и войскомъ, необходимыя для войны съ Москвою и для приведенія Литвы къ Уніи силою оружія [1]).

Отторженіе Волыни и Подляшья было уже насильственною мѣрою по отношенію къ Литвѣ на пути приведенія ея къ «братской» Уніи. 5 марта Подляшанамъ, изъ которыхъ нѣкоторые послы находились еще въ Люблинѣ, а одинъ былъ возращенъ съ дороги [2]), объявлено было Короннымъ маршалкомъ королевское приказаніе занять мѣста въ Коронной избѣ посольской между послами Польскими [3])—рѣшеніе Сигизмунда Августа присоединить Подляшье къ Коронѣ они узнали еще наканунѣ [4]). 9 марта они принесли присягу на подданство Коронѣ, хотя при этомъ принесеніи присяги и разыгралась не могшая не произвести сильнаго впечатлѣнія сцена принесенія присяги Мельницкимъ старостою Матишкомъ: Матишекъ отказался отъ присяги и лишь угрозами лишенія староства и понуканіями онъ былъ приведенъ къ ней [5]). Литовская канцелярія должна была получить приказъ не вѣдать болѣе дѣлъ Волыни и Подляшья [6]). Присоединеніе Волыни и Подляшья должно было произвести сильное впечатлѣніе на Литву. Съ одной стороны оно показало рѣшимость короля во что бы то ни стало держать руку Поляковъ и клятвопреступничать въ ихъ интересахъ, а не въ интересахъ Княжества, съ другой—затрогивало матеріальные интересы Литвы. Одно изъ самыхъ большихъ воеводствъ Литовскихъ, Волынское вмѣстѣ съ Подляшьемъ присоединялось къ Польшѣ, и изъ состава Княжества вырывались земли, дававшія ему весьма значительное количество вооруженныхъ силъ и денежныхъ доходовъ: Волынь была одною изъ населеннѣйшихъ и богатѣйшихъ земель княжества [7]). Но этого мало. На Волыни и въ

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 141—143. [2]) Ижиковичъ. [3]) Дн. Л. с. Стр. 155.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 152. [5]) Дн. Л. с. Стр. 171.

[6]) Дн. Л. с. Стр. 154. О томъ, какъ было принято это присоединеніе Волыни къ Коронѣ самими Волынцами, см. *Ѳ. М. Уманецъ.* Вырожденіе Польши. Спб. 1872. Стр. 57.

[7]) Согласно попису Волынской земли въ 1528 году, она выставляла 819 коней съ 272 землевладѣльцевъ (владѣльцевъ, а не лицъ, такъ какъ нѣсколько

Подляшьѣ владѣла имѣніями цѣлая масса Литовскихъ обывателей, осѣлыхъ въ другихъ воеводствахъ, иные были даже врядниками, старостами и державцами. Опасность подвергнуться конфискаціи земельныхъ имуществъ и лишенію врядовъ, должна была подѣйствовать на многихъ лицъ въ смыслѣ внушенія имъ большей уступчивости требованіямъ короля и Поляковъ. Какъ бы то ни было, самое владѣніе осѣлостями, староствами, державами и врядами въ предѣлахъ отобранныхъ Короною воеводствъ заставляло Литовцевъ возвращаться въ Люблинъ, все равно имѣло ли это возвращеніе своею цѣлью присягу Коронѣ, или протестъ противъ беззаконнаго дѣянія Польскаго сейма. Было и еще одно обстоятельство, заставлявшее Литовцевъ возвращаться въ Люблинъ. Посольская изба Коронная видѣла искренность намѣренія короля довести до конца Унію на сеймѣ 1569 года въ томъ, что онъ назначилъ именно на этотъ сеймъ судовое разбирательство частныхъ дѣлъ знатныхъ Литовцевъ,—частные интересы привлекутъ ихъ на сеймъ и удержатъ на немъ [1]). Такимъ образомъ Люблинскій сеймъ Коронный могъ ожидать возвращенія Литовцевъ въ Люблинъ, у него были данныя для того, чтобы имѣть увѣренность, что это ожиданіе не будетъ безплоднымъ. Но изъ Литвы приходили слухи тревожнаго характера. Подляшане получали изъ дому письма съ угрозами; имъ даже было извѣстно, что въ Княжествѣ было сдѣлано распоряженіе быть готовыми къ войнѣ, а съ кѣмъ—неизвѣстно [2]). Въ самомъ дѣлѣ, согласно Литовскимъ порядкамъ, въ отсутствіи короля изъ Княжества правительственная власть въ немъ находилась въ рукахъ рады Литвы, и Литовскіе паны-рады разослали по Подляшью и Волыни грамоты съ приказаніемъ обывателямъ собираться на войну подъ страхомъ конфискаціи имѣній [3]). Такимъ образомъ, если Польша собиралась идти посполитымъ рушеньемъ на Литву, чтобы привести ее къ «братской» Уніи [4]), то и Княжество дѣлало свои военныя приготовленія, которыя могли быть обращены не только противъ южнаго и восточнаго враговъ, но и противъ Поляковъ. Между тѣмъ требованія принесенія присяги отдѣльными Подляшанами продол-

совладѣльцевъ, братьевъ и т. д. сосчитаны за одного). Эти цифры (подсчитаны по А. Вил. XIII. Стр. 19—21) интересно сопоставить съ числомъ обывателей Полоцкаго воеводства середины XVI вѣка, приводимыми нами во второй главѣ настоящаго изслѣдованія.

[1]) Дн. Л. с. Стр. 159. [2]) Дн. Л. с. Стр. 168. [3]) Дн. Л. с. Стр. 187.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 193, 194.

жала предъявлять посольская изба. Особенно энергично требовали присяги Литовскаго подканцлера Евстафія Воловича, одного изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ правъ Княжества на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ былъ оставленъ Литовцами на сеймѣ вмѣстѣ съ Литовскимъ подскарбіемъ земскимъ Николаемъ Нарушевичемъ Воловичъ владѣлъ въ Подляшьѣ староствами [1]), а не осѣлостью, и примасъ Уханскій убѣждалъ пословъ не требовать отъ него присяги: довольно, если онъ просто будетъ платить со своихъ державъ Подляшскихъ идущіе съ нихъ сборы не въ скарбъ Литовскій, а въ Коронный, вѣдь и въ Коронѣ, становясь державцами, обыватели ея не приносятъ никакой особой присяги [2]). Изба стояла на своемъ и не хотѣла понимать тактики сената, стремившагося не раздражать Литвы еще сильнѣе и не вызывать бурныхъ сценъ проявленія вспышекъ горячаго патріотизма Литовцевъ, могущихъ оказывать вліяніе, какъ примѣръ и образецъ для всего Литовско-Русскаго народа. Примасъ говорилъ въ присутствіи короля, который, по всей вѣроятности, держался того же взгляда, но послѣ выхода короля изъ сената посольскій маршалокъ Чарнковскій вновь потребовалъ отъ имени избы присяги Воловича: онъ «главный виновникъ расторженія Уніи, потому что онъ однихъ пословъ выслалъ» изъ Люблина, «а другимъ, которые остались» въ немъ, «дѣлалъ угрозы», поэтому онъ долженъ присягнуть непремѣнно [3]). Сенатъ уступилъ, уступилъ и король, и Воловичу было приказано присягать [4]). Но этотъ патріотъ Литовскій достойно выдержалъ натискъ на него и предпочелъ быть лишеннымъ своихъ Подляшскихъ державъ, чѣмъ совершить недостойное дѣло измѣны родному Княжеству. Разыгралась сильно импонирующая сцена отказа отъ присяги, и много горькихъ истинъ было громко высказано Воловичемъ по поводу совершавшагося въ Люблинѣ. Онъ говорилъ, что пришелъ въ сенатъ, лишь исполняя приказаніе короля, какъ помазанника Божія; староства въ Подляшьѣ даны ему за его честную службу, за то, что онъ отражалъ врага королевскаго; онъ просилъ не входить съ нимъ въ судъ, ибо онъ не призванъ на него законнымъ образомъ. «Что же касается до Подляшья», сказалъ онъ, «то прошу вашу королевскую милость оставить открытымъ другое ухо тому государству и дать мнѣ время извѣстить объ этомъ другихъ моихъ

[1]) Ломазы, Годынецъ и Воинъ. Дн. Л. с. Стр. 177. [2]) Дн. Л. с. Стр. 172.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 173. [4]) Дн. Л. с. Стр. 175.

братьевъ» [1]). Не будемъ забывать, что присоединеніе Подляшья и Волыни къ Коронѣ совершилось сразу послѣ отъѣзда Литовцевъ: въ ночь на 1 марта уѣхали Литовцы изъ Люблина, а 9-го уже приведены были къ присягѣ Подляшане, 10-го приводили къ ней Воловича. Послѣ повторенія отъ королевскаго имени требованія присяги Воловичъ сказалъ слѣдующее: «свѣтлѣйшій милостивый король! Паны-рада Литовскаго княжества, уѣзжая отсюда, объявили вашей королевской милости и поручили мнѣ съ моимъ товарищемъ паномъ подскарбіемъ объявить панамъ-радамъ Короннымъ, что они уѣхали отсюда съ прежнею любовью къ нимъ. Мы просили пана канцлера и князя архіепископа допустить насъ объявить это, но не могли получить дозволенія: поэтому прошу васъ помнить это. Что же касается до меня, то, такъ какъ мнѣ приходится имѣть здѣсь великое и трудное дѣло, какого еще никогда не случалось со мною, прошу дать мнѣ нѣкоторое время подумать объ немъ и не принуждать меня къ такой присягѣ, о которой я думаю, что не долженъ приносить ея» [2]). Отказъ отъ присяги повлекъ за собою лишеніе Воловича его Подляшскихъ державъ [3]), полученныхъ имъ раньше за государственныя его заслуги.

Коронный сенатъ рѣшился сдѣлать шагъ къ примиренію Литвы и ея желаній съ Польшею и желаніями Поляковъ. Былъ составленъ сенаторами Короны проектъ Уніи въ грамотѣ, которая должна была быть обнародована въ Литвѣ, какъ litterae significatoriales, и которая была принесена въ посольскую избу въ качествѣ грамоты, въ которой изложено королевское рѣшеніе того, какою должна быть Унія. Но послы земскіе отвергли ее, негодуя на сенаторовъ «за то, что они въ этой грамотѣ лучше устроили Литву, нежели какъ устрояли ее сами Литовцы» [4]). Не есть ли этотъ сенаторскій проектъ новое доказательство того, насколько правы были Литовцы въ своемъ пониманіи условій Уніи? Сенатъ Коронный, не потерявшій способности хладнокровно обсудить положеніе дѣла и дѣйствительное политическое состояніе Княжества наканунѣ Люблинской Уніи, призналъ такимъ образомъ цѣлесообразность и правильность Литовскихъ требованій, но въ эту эпоху исторіи Польскаго сейма уже не сенатъ держалъ въ своихъ рукахъ перевѣсъ на

[1]) Дн. Л. с. Стр. 178. [2]) Дн. Л. с. Стр. 178, 179.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 185, 188. [4]) Дн. Л. с. Стр. 192, 193.

Коронномъ сеймѣ, а populus tumultuosus, шляхта Коронная [1]). Требованія добиться Уніи войною съ Литвой стали настойчивѣе раздаваться на сеймѣ [2]). Но раздавались и голоса, доказывающіе, что помимо всѣхъ другихъ причинъ нежелательности похода на Литву, онъ вызоветъ сильную ненависть между Поляками и Литовцами, «а ея и такъ довольно между» ними [3]); записано въ дневникѣ сейма и признаніе Поляка (еп. Куявскаго): «никогда никого мы не спасали отъ бѣды; объ насъ добраго мнѣнія нѣтъ» [4]).

Между тѣмъ, Литва вновь подала свой государственный голосъ. 4 апрѣля на сеймѣ были читаны письма Литовскихъ пановъ-рады, въ которыхъ они рекомендовали королю своихъ пословъ, удостовѣряя, что эти послы посланы Литовскою Речью Посполитою, т.-е. государствомъ Литовскимъ [5]). 5 апрѣля Литовское посольство было выслушано Короннымъ сенатомъ. Оно было представлено Яномъ Ходкевичемъ, Евстафіемъ Воловичемъ, Доминикомъ Пацомъ, Криштофомъ Николаемъ Ридивиломъ и Николаемъ Кишкою [6]). Посольство справлялось по тетрадкѣ, которую читалъ Янъ Ходкевичъ. Самый текстъ его былъ составленъ, очевидно, съѣздомъ Литовской рады, о которомъ говоритъ самый документъ [7]). Литовская рада требовала, чтобы Волынь и Подляшье не отнимались отъ Княжества, такъ какъ эти земли никогда не принадлежали Коронѣ, но всегда составляли собственность Литвы. Литовская рада напоминала Полякамъ давній союзъ, скрѣпленный клятвеннымъ обязательствомъ не причинять другъ другу вреда. Ея посольство объясняло отъѣздъ Литовцевъ съ Люблинскаго сейма тѣмъ, что народъ-шляхта Литовская, посылая своихъ пословъ въ Люблинъ, предписалъ имъ заключить Унію не на осно-

---

[1]) См. *Н. И. Карѣевъ.* Историческій очеркъ Польскаго сейма. Москва 1888, Стр. 42—45, 98, 99

[2]) Дн. Л. с. Стр. 227, 247, 251. [3]) Дн. Л. с. Стр. 247.

[4]) Дн. Л. с. Стр. 237. [5]) Дн. Л. с. Стр. 253.

[6]) Первый былъ старостою Жомоитскимъ маршалкомъ земскимъ Княжества администраторомъ и гетманомъ земли Лифляптской, второй Литовскимъ подканцлеромъ, третій Витебскимъ кашталяномъ, четвертый крайчіемъ Литовскимъ и пятый подчашіемъ. Конечно, сверхъ своихъ высшихъ врядовъ Княжества, они владѣли въ немъ староствами и державами.

[7]) Оно подробно приведено въ дневникѣ, изданномъ Дзялынскимъ и выписано въ примѣчаніи изданія М. О. Кояловича. Стр. 258—265. О Виленскомъ съѣздѣ говоритъ также «наука» королевскимъ посламъ на Литовскіе сеймики, данная 26 апр. 1569 года. См. *М. К. Любавскій.* Лит.-р. сеймъ. Приложенія. Стр. 218.

ваніи старыхъ договоровъ, *нарушавшихъ равенство* Литовскаго и Польскаго народовъ, а на основаніи безпристрастнаго обсужденія условій соединенія обоихъ государствъ. Изложивъ дѣло передъ королемъ и увидѣвъ, что они не могутъ добиться того, къ чему были обязаны сенаторы и послы земскіе Княжества обывателями Литовскими, они уѣхали, чтобы сообщить послѣднимъ требованія Короннаго сейма и испросить разрѣшенія ихъ на принятіе условій, навязываемыхъ Короною. Получивъ отъ имени короля приглашеніе явиться въ Коронный сенатъ, Литовскіе сенаторы поѣхали въ замокъ, хотя и были оповѣщены не своимъ маршалкомъ, а Короннымъ, но на мосту ихъ встрѣтили Люблинскій и Львовскій кашталяны, которые сказали, что Коронные сенаторы уже разъѣхались. Тогда они вновь отправились вечеромъ, послѣ ужина къ королю, чтобы получить отъ него разъясненіе, зачѣмъ нуженъ ихъ съѣздъ съ Поляками, разъ они не имѣютъ права, согласно выраженной имъ волѣ Литовскаго народа, принимать и обсуждать ту унію, которой требуютъ Поляки,—но они не получили этого разъясненія. Тогда они уѣхали, оставивъ однако своихъ товарищей, Литовскихъ подканцлера и подскарбія, поручивъ имъ побратски объясниться съ Поляками, но послѣдніе не пожелали ихъ принять и выслушать. Въ виду всего этого Литовцы отнюдь не считаютъ себя совершившими проступокъ противъ Короны и Люблинскаго сейма: Литовскіе сенаторы были призваны въ Люблинъ королемъ лишь для заключенія Уніи, а вовсе не для разрѣшенія какого-либо вопроса о Волыни и Подляшьѣ, да притомъ послѣднія всегда находились въ границахъ Княжества, никто объ этомъ не возбуждалъ сомнѣнія, и самъ король, вступая на престолъ, засталъ ихъ Литовскими и призналъ таковыми своею присягою. Между тѣмъ теперь не только отобраны отъ Литвы Волынь и Подляшье, но къ послѣднему захватываютъ и не малую часть Берестейскаго староства, никогда не входившаго въ составъ Подляшья; на этомъ беззаконномъ основаніи отобраны староства и отъ Евстафія Воловича, и можно доказать привилеями, что они не входятъ въ составъ Подляшья. Кромѣ того всякія пререканія о Волыни и Подляшьѣ несправедливы уже потому, что Сигизмундъ Августъ *раньше принесъ Литвѣ присягу въ сохраненіи всѣхъ ея земель, чѣмъ сдѣлался королемъ Польскимъ* и при церемоніи вступленія его на престолъ Княжества присутствовали станы обоихъ государствъ, но Поляки тогда и не подумали заявлять свои права

на эти земли. Притомъ на сохраненіе цѣлости Литвы была принесена королемъ двойная присяга—разъ отцомъ его за его малолѣтствомъ, въ другой разъ самимъ королемъ, и все это ясно изложено въ привилеяхъ. Литовская рада проситъ Коронный сенатъ постараться о томъ, чтобы король задержалъ и уничтожилъ универсалы, выданные на Волынь и Подляшье, и не отдѣлялъ этихъ земель отъ Княжества, которому онѣ принадлежатъ. Эти универсалы вносятъ смуту въ умы людскіе: теперь нарушается цѣлость Литовскаго великаго княжества. потомъ станутъ приводить людей, принесшихъ присягу Литвѣ, къ присягѣ на подданство Коронѣ и поставятъ вопросъ о правѣ владѣнія ими ихъ отчизными землями. Волынь и Подляшье принадлежатъ Княжеству и по Божьему и по человѣческому праву: Ягайло владѣлъ этими землями по власти великаго князя Литовскаго, а не короля Польскаго и, хотя князья Литовскіе вступали въ договоры Уніи съ Польшею, это вовсе не служитъ основаніемъ для того, чтобы отъ Литовскаго государственнаго тѣла отрывать по частямъ его члены. Волынь населена народомъ только Русскимъ и Литовскимъ и родами князей Олелька, Ольгерда, Наримунта и Корибута, и по настоящій день Литовцы защищаютъ ее отъ враговъ. Что касается до Подляшья, то оно закладывалось князьямъ Мазовецкимъ князьями Литовскими, и уже это одно доказываетъ власть надъ нимъ Литовскихъ государей. Все это говоритъ о томъ, что Волынь и Подляшье части Княжества, а вовсе не Короны. Литовская рада взываетъ къ Коронной, прося ее оставить тотъ путь, который избрала Корона въ устройствѣ отношеній обоихъ государствъ: «лучше все дѣлать съ Божьимъ страхомъ» и, вмѣсто того чтобы отрывать отъ Литвы земли, оставляя остальныя въ жертву тиранству Московскаго князя. лучше заключить Унію съ Литовскимъ княжествомъ. Причиною того, что сенаторы Литовскіе не довершили на Люблинскомъ сеймѣ дѣла Уніи было то обстоятельство, что на земскихъ пословъ своихъ Литовская шляхта возложила строгое обязательство не начинать Уніи отъ старыхъ договоровъ; отдѣляться-же отъ пословъ сенаторы не считали себя въ правѣ ни по своему сенаторскому званію, ни по интересамъ государства Литовскаго, ни по обѣщанію своему, данному ими посламъ земскимъ на съѣздѣ въ Воинѣ—уѣхать всѣмъ вмѣстѣ, и это обѣщаніе извѣстно было королю. Въ заключеніе Литовская рада просила дать Литвѣ другой проектъ Уніи, такой, въ которомъ-бы старые договоры не вредили достоинству и чести

государства Литовскаго, его особамъ и станамъ, не уничтожали-бы въ Княжествѣ туземнаго народа, не навлекали-бы на Литовцевъ екзекуціи, чтобы оба государства соединялись въ одно братство и «чтобы одна сторона не осуждалась на погибель ради другой». Послы Литовскіе, высказавъ все это, выражали полную готовность быть къ услугамъ Польскаго сената, если онъ пожелаетъ ими воспользоваться.

Посольство Литовское и содержаніе его рѣчей свидѣтельствовали ясно, какъ затруднительно было положеніе Литвы и какъ готова она была на уступки, сколько нибудь совмѣстныя съ ея достоинствомъ, ввиду опасностей и затрудненій, ее окружавшихъ. Поляки поняли это, и епископъ Краковскій тотчасъ-же указалъ на «мольбу» Литвы, съ которою она обратилась къ Коронѣ. Онъ восклицалъ: «и мы упустимъ все это»! [1]) «Литва уже проситъ уніи», говорили и послы земскіе [2]). Сеймъ сталъ обсуждать просьбу Литовцевъ; конечно, о возвращеніи Волыни и Подляшья не могло быть серьезной рѣчи, но о созваніи новыхъ Литовскихъ сеймиковъ для выработки ими новыхъ полномочій земскимъ посламъ Княжества, разсуждали серьезно. Послѣ того какъ было высказано много подозрѣній къ просьбѣ Литовцевъ,—считали эту просьбу маневромъ, чтобы выиграть время, а созваніе сеймиковъ Литвы средствомъ вызвать бунтъ, — посольская изба рѣшила, что нужно ждать Литовцевъ четыре недѣли, но созыва сеймиковъ не дозволять: «какъ теперь Литовцы пріѣхали сюда, хотя никто не созывалъ имъ сеймиковъ такъ и въ другой разъ они могутъ пріѣхать безъ сеймиковъ» [3]). Такъ разсуждали послы шляхты Польской о правахъ народа-шляхты Литовской. Какую бурю вызвало-бы среди самой шляхты Короны, если-бы какое-нибудь важное дѣло, не говоря уже о такомъ исключительномъ, какъ Унія, было совершено противъ инструкцій ея, данныхъ ею посламъ своимъ, или безъ созванія сеймиковъ для выраженія мнѣній и желаній ея! Какъ боялись сами послы земскіе Коронные потерять довѣріе *своихъ* избирателей [4]), поступая противъ ихъ желаній и инструкцій! Но шляхта Польская хорошо знала латинскія пословицы и видимо твердо помнила—quod licet Jovi, non licet bovi. Таковъ былъ взглядъ на права того народа, съ которымъ «по братски» хотѣла соединиться шляхта Польская,

[1]) Дн. Л. с. Стр. 268. [2]) Дн. Л. с. Стр. 272. [3]) Дн. Л. Стр. 290.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 309.

*

и не оправдаетъ историкъ поступка Люблинскаго сейма, хотя сеймъ самъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что Литовскіе сеймики дѣлаютъ и постановляютъ лишь то, чего отъ нихъ потребуютъ сенаторы [1]). Нарушая формальное право Княжества, сеймъ тѣмъ самымъ создавалъ законное основаніе для протестаціи Литовцевъ и для отказа ихъ отъ признанія Уніи, но мы уже знаемъ, что Литва не могла воспользоваться этимъ своимъ правомъ ввиду затрудненій, въ которыхъ она находилась. Сенатъ и Король не хотѣли заходить такъ далеко въ правонарушеніяхъ Литовскаго государственнаго строя, и сенаторы убѣждали избу согласиться на созваніе Литовскихъ сеймиковъ, ибо Литовскіе послы только на нихъ могутъ получить новыя полномочія на заключеніе Уніи на условіяхъ, съ которыми несогласны прежнія ихъ инструкціи [2]). Посольская изба, однако, не уступила и теперь, «единогласно рѣшила, что не нужно созывать» сеймиковъ Литовскихъ, несмотря на желаніе короля и сената [3]), и 18 апрѣля посольскій маршалокъ категорически объявилъ это сенаторамъ [4]). На слѣдующій день сенаторы послали передать избѣ, что пора отпустить Литовское посольство; сенатъ обсуждаетъ отвѣтъ имъ, но не дастъ его безъ вѣдома земскихъ пословъ [5]). Дѣло облегчалось тѣмъ, что Литовскіе послы на вопросъ Польскаго сената объ ихъ полномочіяхъ на заключеніе Уніи, заявили, что имѣютъ ихъ, а еслибы и не имѣли, то ручаются за своихъ братьевъ: они примутъ то, на что согласятся они, послы ихъ. Тогда сенаторы передали имъ свой проектъ договора Уніи [6]), составленный сенаторскою коммиссіей, образованной по рѣшенію короля и сената изъ восьми сенаторовъ—четырехъ духовныхъ и четырехъ свѣтскихъ—и имѣвшей цѣлью сличить Литовское предложеніе съ Александровымъ привилеемъ, Варшавскимъ рецессомъ и послѣднимъ Люблинскимъ привилеемъ и такимъ образомъ достигнуть соглашенія [7]). Литовцы, взявъ сенаторскій проектъ просили лишь о томъ, чтобы сеймы бывали попеременно — разъ въ Литвѣ и разъ въ Польшѣ, и сенатъ склонялся на эту уступку [8]), но посольская изба постановила не входить ни въ какіе переговоры съ Литовцами и не отступать ни въ чемъ отъ привилея на Унію [9]). Въ субботу 23 апрѣля посольская изба получила извѣщеніе отъ сената: Ли-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 290. [2]) Дн. Л. с. Стр. 300—301. [3]) Дн. Л. с. Стр. 303. [4]) Дн. Л. с. Стр. 307. [5]) Дн. Л. с. Стр. 311. [6]) Дн. Л. с. Стр. 313. [7]) Дн. Л. с. Стр. 312. [8]) Дн. Л. с. Стр. 313. [9]) Дн. Л. с. Стр. 314, 315.

товское посольство отпущено съ тѣмъ отвѣтомъ, что срокъ пріѣзда Литовцамъ назначенъ лишь до Троицына дня [1]), Волынцамъ—три недѣли, Подляшанамъ до понедѣльника [2]). Прибытіе Подляшанъ и Волынцевъ было назначено раньше съ тою цѣлью, чтобы они не могли сговориться съ Литвою дѣйствовать сообща [3]).

Однако сеймики Литовскіе были все-таки созваны королемъ, несмотря на противодѣйствіе ихъ созыву со стороны посольской избы Короннаго сейма. Великій князь Литовскій, Сигизмундъ-Августъ могъ не считаться въ своихъ распоряженіяхъ по Княжеству съ желаніями Польскаго сейма. 26 и 27 апрѣля 1569 года изготовлены были въ Люблинѣ листы, касающіеся созыва повѣтовыхъ Литовскихъ сеймиковъ на 10 мая [4]). Въ королевской «наукѣ», данной, какъ это бывало обыкновенно, посламъ государя на отдѣльные сеймики, были изложены тѣ рѣчи, съ которыми должны были послы государевы обратиться къ сеймикующимъ обывателямъ. Въ силу этой «науки» [5]) послы королевскіе на сеймикахъ 10 мая 1569 года должны были напомнить обывателямъ Княжества объ ихъ просьбахъ, поданныхъ королю во время Московской войны, «абы его кролевъская милость для способу большого ку вальце съемъ сполъный съ коруною Польскою на унею зложити рачилъ». Король напоминаетъ Литовцамъ сеймы Виленскій и Варшавскій, Бѣльскій и Парчовскій, просьбы въ Молодечнѣ въ военномъ станѣ, Городенскій сеймъ 1568 года—эти собранія и съѣзды ознаменованы Литовскими просьбами объ Уніи и переговорами съ Поляками относительно нея. Теперь королемъ созванъ сеймъ въ Люблинѣ для окончательнаго установленія Уніи, онъ засѣдаетъ и теперь, но, когда на него съѣхались станы обоихъ государствъ, они «въ томъ згодити ся не могли, же бы отъ старыхъ списовъ, альбо отъ намовъ на соймахъ прошлыхъ справу унеи починати мели». Паны-рада и станы Литовскіе «дали се въ томъ слышети его милости господару, ижъ отъ братьи [6]) своее отправлени, абы не отъ старыхъ списовъ, але зъ милости братеръское знову унею становили», Поляки же хотѣли начинать дѣло, положивъ въ основаніе его старые привилеи, «звлаща при-

---

[1]) 29 мая. См. *Н. Горбачевскій.* Археографическій календарь. Вильна, 1869 г. № 20. [2]) Дн. Л. с. Стр. 326. [3]) Дн. Л. с. Стр. 323.

[4]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. №№ 75, 76, 77, 78.

[5]) Ibidem № 77.

[6]) Исправляемъ по чтенію Лит. Метр. $\frac{\text{Ш А}}{10}$ л. 18, приводимому самимъ М. К. Любавскимъ въ примѣчаніи (стр. 217).

вилья» Александра, и «въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилью короля Алексанъдра што противного виделе милости и сполку братерскому, кождый артыкулъ приводячи», соглашались на нераспространеніе на Княжество Короннаго постановленія относительно екзекуціи. Литовцы «по долгихъ намовахъ», бывшихъ между ними и Поляками, уѣхали изъ Люблина, «ничого не постановивши». Послѣ отъѣзда Литовцевъ Поляки «оказовали передъ его кролевъскою милостью права и привилья, домовляючи ся, абы съ повинъности, его милости господаръское ку скутъкови [1]) ихъ приведены были», и этого «на сторону откладати» королю «не годило» ввиду присяги его самого и его предковъ, «звлаща за таковымъ розъеханемъ никоторого упевненья не вчинивши, якожъ то вжо» Литовскимъ обывателямъ «не тайно [2]), што около некоторыхъ земль, ку границамъ коруны Полское прилеглыхъ, деетъ». Паны-рада Княжества, «которые ся на тотъ часъ до Вильни зъехати могли», отправили къ королю и къ Коронному сенату своихъ пословъ, прося созвать новый сеймъ «ку застановенью тое справы», т. е. Уніи. Однако король ввиду опасностей, грозящихъ отъ враговъ и помня прежнія просьбы Литовцевъ объ уніи съ Поляками, а также ввиду обѣщанія становъ Коронныхъ ожидать «до святокъ, близко пришлыхъ», возвращенія на сеймъ Литовцевъ, назначилъ повѣтовые сеймики Княжеству на 10 мая, «бачечи, же тою причиною, замероною моцъю становити, тая справа унеи не дошла». Король поручаетъ своимъ посламъ сказать сеймикующимъ обывателямъ Литовскимъ: «его кролевская милость съ подивеньемъ приймуеть, ижъ сами доброволъне просите о зуниеванье для вальки потужъное и о соймы сполъные для того, а кгды на съемъ пословъ выправуете, замероную имъ моцъ даете и на становенье унеи новый обычай—не только старыхъ листовъ не держите, але тежъ и певныхъ намовъ, на соймехъ около унеи вчиненыхъ, отступуете, зачимъ речь посполитую затрудняете, панъства въ нелюбость и въ ростыркъ приводите, неприятелеви потуху большую съ того подаете, звлаща ижъ водле потребы потужъная война не идеть, зачимъ ся неприятель въ панъстве его кролевъское милости ширить, братью и приятелей вашихъ одныхъ у везенью держитъ, другихъ маетности поседасть, вы тежъ сами частыми войнами и немалыми податъки на тую жъ войну вытегаетеся, што добре бачить его

[1]) Также (стр. 218). [2]) Также (ibidem).

кролевъская милость, якое трудъности и нарушенья на маетности приймуете, а то не лацне бы ити могло за злученьемъ обоихъ панствъ». Король говоритъ, чтобы все это продумали сеймики и, выбравъ пословъ на Люблинскій сеймъ, отправили-бы ихъ туда «на понеделокъ светочный», т. е. къ Духову дню. Полномочіе имъ должно быть дано неограниченное—имъ нужно дать «зуполъную моцъ становити такъ около унеи, яко и сполъное обороны, кгдыжъ въ той справе унеи постерегати хочеть, нжъ бы въ ровности тые панъства захованы были, а одно надъ другое ся не вывышало и въ своей зацности, у-въ учтивости и въ достоенствахъ обои панства цале захованы были, чого—дали Богъ—съ потехою будутъ уживати на вечные часы, сполне кожъдому неприятелеви отпираючи и въ кождой учтивости правъ, волъностей и свободъ своихъ уживати будуть». Король со своей стороны обѣщаетъ, не щадя своихъ трудовъ и здоровья, «дотоль речи зносити, яко на всемъ томъ, што на листехъ его кролевъское милости и въ томъ поселъстве» Литовскимъ обывателямъ черезъ пословъ его «росказано, ласку его кролевъское милости ку тому панъству, великому князьству Литовъскому, и ку особамъ своимъ кождый познаеть». При этомъ Литовцы «яко доброволне приедуть, такъ тежъ доброволне и отъедуть». Если же они не захотятъ отправиться въ Люблинъ къ назначенному дню, а вслѣдствіе этого Княжеству будетъ какой-либо ущербъ, или приключится опасность отъ непріятеля, «въ томъ, яко зостануть права его кролевъское милости и оному панъству, то кожъдый нехаї лепъшимъ росказанемъ въ себѣ поважаеть». Таковы были рѣчи, которыя говорили послы королевскіе на сеймикахъ Литовскихъ повѣтовъ 10 мая 1569 года. Листы къ Литовскимъ обывателямъ, «узываючи ихъ на съемъ Любельский ку сконченью унеи», разосланные изъ Люблина 28 и 29 апрѣля [1]), предписывали также, собравшись на сеймикѣ выбрать и выслать на сеймъ «тыхъ-же пословъ, которые на сойме теперешнемъ Любельскомъ первей были, альбо иныхъ, людей бачныхъ ростропныхъ», но «не зъ замероною моцъю», какая имъ была дана прежде, «але зъ зуполною и достаточною ку сконъченью тое справы унеи, такъже и для объмышлеванья около обороны оного панъства нашого, великого князьства Литовского, чимъ бы ся безъпечити могло».

Между тѣмъ пока сеймъ послѣ отъѣзда Литовскаго посоль-

1) *М. К. Любавскій.* Л.-Р. сеймъ. Приложенія. № 78.

ства работалъ надъ своими Польскими дѣлами, аппетиты его на присоединеніе Литовскихъ земель къ Коронѣ разгорались. Въ это время посольская изба не только предъявила требованіе наказать не прибывшихъ на сеймъ Волынцевъ и Подляшанъ [1]), но заявила, будто-бы изъ привилеевъ оказывается, что и Кіевъ принадлежитъ Королевству. Она получила на это отвѣтъ короля объ его готовности присоединить Кіевъ къ Польшѣ въ томъ случаѣ, если сенаторы, разсмотрѣвъ привилеи, найдутъ это требованіе правильнымъ [2]). Изба затѣмъ не разъ возобновляла свое требованіе отторженія отъ Литвы Кіевщины съ Брацлавомъ и Виницею [3]). Замѣтимъ тутъ, что о нераздѣленіи судьбы Брацлава и Виницы отъ судьбы Кіева, какъ-бы она ни рѣшилась, просилъ и самъ воевода Брацлавскій князь Романъ Сангушко [4]). Передъ читателемъ дневника сейма 1569 года невольно воскресаетъ картина пріискиванія основаній для присоединенія земель къ Франціи во времена Людовика XIV и chambres de réunion этого короля, когда онъ узнаетъ основанія для присоединенія Кіева къ Польшѣ, высказанныя посольскою избою сейма: 3 іюня посолъ Потворовскій «отъ имени пословъ почтительнѣйше просилъ короля присоединить къ королевству Кіевъ съ его округомъ, какъ страну, которая въ древности платила дань королевству и которой князья обыкновенно признавали власть королевства, что видно изъ привилеевъ, представленныхъ королю, и изъ древнѣйшихъ хроникъ, въ которыхъ говорится, что этотъ городъ трижды былъ взятъ и разграбленъ Польскими королями» [5]). Походы Поляковъ въ XI столѣтіи, считались основаніями для притязаній на Кіевъ въ серединѣ XVI вѣка!

23 мая была принесена на подданство Коронѣ присяга Волынцами [6]); присяга Подляшанъ происходила еще раньше [7]). Присяги Волынцевъ и Подляшанъ продолжали приноситься и въ слѣдующіе дни [8]). Вопросъ о присоединеніи Кіева къ Коронѣ былъ, наконецъ, также рѣшенъ королемъ въ утвердительномъ смыслѣ 5 іюня [9]), и новое отторженіе отъ Литвы ея земель должно было состояться. Характеренъ эгоизмъ, съ которымъ обсуждалось присоединеніе къ Коронѣ «матери городовъ Русскихъ». Въ то время какъ часть Польскаго сената высказывалась за его присоедине-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 367. [2]) Дн. Л. с. Стр. 367.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 388, 392, 401, 403, 404, 407. [4]) Дн. Л. с. Стр. 397.
[5]) Дн. Л. с. Стр. 401. [6]) Дн. Л. с. Стр. 378. [7]) Дн. Л. с. Стр. 169—171.
[8]) Дн. Л. с. Стр. 385, 386, 387. [9]) Дн. Л. с. Стр. 405.

ніе,—разъ рѣшено было слѣдовать указаніямъ старыхъ грамотъ и хроникъ, этого требовала послѣдовательность,—другая часть говорила: «мы можемъ доставить ему слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска, котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. Напротивъ, Кіевъ нужно оставить Литовцамъ; пусть они своей казной устрояютъ и защищаютъ его, какъ устрояли и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы» [1]). Интересно, что нѣкоторые Поляки сами понимали всю нелогичность отторженія отъ Литвы ея земель, если съ нею намѣрена Польша заключить Унію. Такъ, Краковскій воевода Станиславъ Мышковскій сразу послѣ объявленія королевскаго рѣшенія о присоединеніи Кіева къ Коронѣ, сказалъ съ большимъ гнѣвомъ (furore concitatus): «заявляю, что я никогда не совѣтовалъ, чтобы такъ по частямъ присоединялись къ Королевству владѣнія, но пусть заканчивается вообще унія всѣхъ ихъ потому, что мы имѣемъ такіе же привилеи не только на Кіевъ, но и на Вильну, Троки и проч.» [2]). Но Краковскій воевода не только не имѣлъ успѣха со своимъ заявленіемъ, но даже вызвалъ такое раздраженіе, что присутствовавшіе «насилу удержались отъ того, чтобы не плевать на него; они съ ѣдкостью называли его ходатаемъ Литовскимъ» [3]).

Какія чувства все это возбуждало въ Литовцахъ, какъ должны были они смотрѣть на короля и Поляковъ, видя ограбленіе Литовскаго государства и слыша о томъ, что говорилось на «братскомъ» сеймѣ? Положеніе было слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы Литовскіе сенаторы и довѣренныя лица, жившіе въ Люблинѣ, оставленные здѣсь Литовцами послѣ своего отъѣзда, не слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось на сеймѣ, ловя всѣ слухи и рѣчи и сообщая потомъ все это своимъ товарищамъ, жившимъ въ Княжествѣ. Такъ, 26 апрѣля 1569 года Литовскій земскій подскарбій Николай Нарушевичъ послалъ изъ Вильны Виленскому воеводичу Николаю Криштофу Радивилу своего посланца, который при письмѣ его понесъ цѣлый «фасцикулъ» (связка) писемъ изъ Люблина къ этому представителю первой по своему вліянію Литовской фамиліи [4]). 4 мая изъ Люблина кухмистръ Еразмъ Кровскій писалъ къ тому же Николаю Криштофу Радивилу, убѣждая его пріѣхать въ Люблинъ, чтобы не подвергнуться «конту-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 402. [2]) Дн. Л. с. Стр. 406. Ср. приложеніе LXXIV.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 406. [4]) Вил. Арх. Сб. VII № 19.

маціи» со всѣми ея послѣдствіями и чтобы добыть для себя врядъ Литовскаго подчашія [1]). Но въ томъ же Несвижскомъ архивѣ Радивиловъ, изъ котораго извлечены эти письма, сохранились и письма гораздо болѣе интересныя, чѣмъ эти. Какимъ глубокимъ драматизмомъ положенія и горемъ патріота дышатъ, напримѣръ, письма Яна Ходкевича къ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу. Такъ 20 мая изъ Гущи, живя въ Литвѣ послѣ своего возвращенія изъ поѣздки въ качествѣ посла Литовской рады въ Люблинъ, Ходкевичъ писалъ Радивилу, что онъ, вернувшись домой, нашелъ у себя много непріятныхъ вѣстей изъ Люблина: Волынцамъ назначенъ послѣдній срокъ для присяги подъ страхомъ конфискаціи имѣній и изгнанія изъ воеводства, панъ Слушка, отказывавшійся прежде присягать, принесъ требуемую отъ него присягу; не хотятъ ожидать дольше назначеннаго срока и Литовцевъ. А тутъ 70 тысячъ Турецкаго войска расположились недалеко отъ Черкасъ, и отуреченный Полякъ Стражъ, посолъ Турецкій отдаетъ ихъ въ распоряженіе Сигизмунда-Августа. Ходкевичъ собирается выѣзжать въ Люблинъ и проситъ Ридивила также отправиться туда; «безъ тебя», пишетъ онъ, «ничего не сможемъ сдѣлать... спасай свою Речь Посполитую, которой ты самъ одинъ можешь служить лучше всѣхъ». Остальнаго, что волнуетъ и занимаетъ его, авторъ письма не рѣшается довѣрить бумагѣ [2]). Приближаясь къ Люблину, Ходкевичъ пишетъ поспѣшно, наскоро (raptissime) другое письмо Радивилу 28 мая изъ Парчова [3]). Здѣсь онъ встрѣтился съ паномъ Радомскимъ, ѣхавшимъ на Волынь, который разсказалъ ему, что уже присягнули Коронѣ по своимъ Волынскимъ имѣніямъ воеводы Троцкій, Кіевскій и Волынскій, Луцкій бискупъ, Евстафій Воловичъ, ксендзъ Корецкій, князь Вишневецкій и много менѣе значительной шляхты. Узналъ Ходкевичъ и то, что Волынскіе послы, сѣвъ въ посольской избѣ Коронной послѣ присоединенія Волыни къ Польшѣ, высказались за присоединеніе къ ней и Кіева, такъ какъ онъ принадлежитъ-де

---

[1]) Вил. Арх. Сб. VII № 20. Издатели почему-то посчитали подчашство Литовское спеціальнымъ Подляшскимъ урядомъ. Такого не было, да и самъ документъ ни слова не говоритъ о чемъ-либо подобномъ.

[2]) Вил. Арх. Сб. VII № 21. Нельзя не обратить вниманія на погрѣшность изданія. Издатели напечатали: «taka cerbe seviunt (sic)», поставивъ—sic—въ знакъ неясности мѣста. Между тѣмъ оно совершенно ясно; стоитъ лишь написать его такъ: «tak acerbe seviunt». Перенесеніе буквъ одного слова въ другое—явленіе совершенно обычное въ рукописяхъ XVI столѣтія.

[3]) Вил. Арх. Сб. VII, № 22.

не къ Руси, а къ Волыни. «Изволь знати объ этомъ, ваша милость, и каковы будутъ воля и мнѣніе твои, какъ поступать»?— спрашиваетъ Ходкевичъ начальнаго Литовскаго сенатора и человѣка. Но вотъ Ходкевичъ прибылъ въ Люблинъ. 31 мая онъ вновь пишетъ Радивилу, и какимъ горемъ проникнуто это письмо Литовскаго патріота! «До чего дошло и еще болѣе доходитъ для убогой и бѣдной речи посполитой нашей, того мнѣ не нужно писать вашей милости, моему милостивому пану, какъ прекрасно освѣдомленному во всѣхъ дѣлахъ. Сердце поражается небывалою болью, когда смотришь на то, что дѣлается съ нами, а особенно когда видишь, что мы жестоко во всемъ ошибаемся и именно въ томъ, откуда съ надеждою ожидали для себя всего добраго»— такъ пишетъ Ходкевичъ въ этомъ письмѣ. Онъ говоритъ далѣе о принесеніи присяги Литвою—одни принесли ее противъ желанія, другіе obviis ulmis; Волынцы заявили въ посольской избѣ, что Кіевъ и Берестье принадлежатъ къ ихъ землѣ, проводится граница ея по Наревъ и Яцольду, захватывая на Волыни Пинскъ и Кобринъ, и Поляки хотятъ добиваться всего этого. Теперь уже Поляки разсуждаютъ между собою, что имъ и Унія съ Литвою мало нужна: они уже считаютъ для себя тяжелымъ дѣломъ защиту Литвы отъ Москвы—«пускай себѣ тамъ воетъ Литва». Жмудь хотятъ отдать Пруссакамъ. «Для Бога, мой пане, благоволи, ваша милость, пріѣхать для спасенія нашей (tey) убогой Речи Посполитой, ибо не имѣется никакой надежды на тѣхъ, кто пріѣхалъ». Поспѣшить проситъ Ходкевичъ Радивила, такъ какъ, по его словамъ «interitus noster prae foribus» [1]).

Мало утѣшительнаго сообщалъ Николаю Радивилу о положеніи дѣлъ въ Люблинѣ и другой его корреспондентъ—земскій Литовскій подскарбій Николай Нарушевичъ. Въ письмѣ отъ 5 іюня [2]) онъ разсказываетъ о присягѣ, принесенной на подданство Коронѣ Волынцами, говоритъ о прибытіи въ Люблинъ кашталяновъ Виленскаго и Троцкаго [3]) и о представленіи королю всѣхъ бывшихъ въ Люблинѣ Литовскихъ сенаторовъ за исключеніемъ пана Виленскаго. Онъ пишетъ также о томъ, какъ маршалокъ великій Литовскій [4]) отъ имени цѣлой рады Княжества въ подробной рѣчи заявилъ королю, что сенаторы Литовскіе съѣхались въ Люблинъ для окончанія дѣла Уніи и въ исполненіе воли королев-

[1]) Вил. Арх. Сб. VII, № 23. [2]) Вил. Арх. Сб. VII, № 24.
[3]) Григ. Алекс. Ходкевичъ и Юрій Алекс. Ходкевичъ. [4]) Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ.

ской; однако они испрашивали милостиваго указанія государева, какъ имъ приступить къ этому дѣлу и отъ чего начинать, ибо они видятъ великое горе свое и государства Литовскаго вслѣдствіе непонятнаго оторванія отъ него земель Подляшской и Волынской, а также половины Берестейскаго староства; а тутъ еще угрожаютъ и Кіеву. Разсказывая далѣе о Люблинскихъ дѣлахъ, Нарушевичъ говоритъ, что, судя по началу дѣла, нельзя ожидать ничего хорошаго и одна лишь есть надежда—на Божіе милосердіе. Дѣла въ такомъ положеніи, что и премудрый Соломонъ съ трудомъ могъ бы уже ихъ поправить; паны-рады Литовскіе все-таки сильно желаютъ видѣть среди себя Николая Радивила, на него возлагая свои надежды. Какъ изъ другихъ, такъ и изъ этого письма узнаемъ, что и Радивилъ не оставлялъ своихъ корреспондентовъ безъ отвѣта [1]; изъ него же узнаемъ что въ Люблинѣ находился и секретарь Виленскаго воеводы Андрей Волянъ, извѣщавшій его подробно о происходившемъ [2].

6 іюня написалъ письмо Николаю Радивилу Янъ Ходкевичъ [3], которое звучитъ не менѣе безотрадно, чѣмъ письмо Нарушевича, писанное наканунѣ. Въ немъ староста Жомоитскій, между прочимъ, извѣщаетъ Радивила и о смерти своего стрыя, Троцкаго кашталяна [4], который, обѣдая у него, говорилъ Оссолинскому о томъ, какую гибель приноситъ Литвѣ такая Унія и, amore patriae ductus, пожелалъ себѣ не дожить до нея. Такъ и случилось: онъ отдалъ Богу душу 6 іюня. Проникнуты горемъ и письма Нарушевича отъ 11 и 28 іюня [5]. Особенно сильно звучитъ звукомъ горя и слезъ о судьбѣ Литвы послѣднее изъ этихъ писемъ. Нарушевичъ получилъ письмо Радивила, изъ котораго увидѣлъ, какъ горячо оплакиваетъ Виленскій воевода «погребеніе и уничтоженіе на вѣчныя времена вольнаго и независимаго государства, нѣкогда великаго княжества Литовскаго». Онъ пишетъ далѣе: «что́ благоволишь, дѣлать, ваша милость, какъ по истинѣ великій и первѣйшій сенаторъ и патріотъ, страстно любящій свою отчизну, такъ какъ и всякаго, хотя-бы даже самаго низшаго природнаго обывателя этого государства такое дѣло (affect) должно поразить и привести въ глубокое горе». Нарушевичъ высказываетъ сожалѣніе, что не далъ Богъ того, чтобы воевода Виленскій вмѣстѣ съ Виленскимъ бискупомъ были на Люблинскомъ сеймѣ: ихъ рада вмѣ-

---

[1]) Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 41; ср. также стр. 46 и 47. [2]) Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 41. [3]) Вил. Арх. Сб. VII, № 25. [4]) Юрій Александровичъ Ходкевичъ. [5]) Вил. Арх. Сб. VII, №№ 26 и 27.

стѣ съ радою остальныхъ сенаторовъ Литовскихъ могла-бы удержать Княжество in suo pristino statu. Божіе наказаніе за грѣхи видитъ Нарушевичъ въ томъ, какъ была устроена эта Унія [1]).

Таково было настроеніе Литовскихъ сенаторовъ, въ то время когда заключалась Люблинская Унія. На самомъ сеймѣ Литовскіе паны-рада не переставали смѣло выступать защитниками политическихъ правъ великаго княжества Литовскаго. 6 іюня, т. е. на другой день послѣ объявленія королевскаго рѣшенія о присоединеніи Кіева къ Коронѣ, Литовскіе сенаторы съ земскими послами Княжества явились въ замокъ по королевскому приказанію, переданному имъ Короннымъ маршалкомъ. Когда они сошлись съ Короннымъ сенатомъ, великій маршалокъ Литовскій Янъ Ходкевичъ «съ горечью и гнѣвомъ говорилъ, что Полякамъ не слѣдовало отнимать у нихъ издавна принадлежащихъ Литовскому княжеству областей, не доказавъ справедливости такого отнятія, какъ это слѣдовало-бы сдѣлать». Составитель дневника сейма 1569 года прибавляетъ: «много онъ говорилъ объ этомъ; дѣлалъ даже колкіе упреки» [2]). Ходкевичу отвѣчалъ Краковскій епископъ Филиппъ Падневскій, который ссылался на привилеи и на то, что еще въ Варшавѣ Поляки просили короля о возвращеніи имъ Волыни и Подляшья, которыя они считаютъ своею собственностью; Литовцамъ лучше было не уѣзжать съ сейма—они знали, что въ ихъ отсутствіе Поляки поднимутъ вопросъ о земляхъ. Въ заключеніе Падневскій заявилъ, что Поляки не вступятъ съ Литовцами ни въ какіе переговоры и будутъ стоять упорно за привилей на Унію, данный имъ королемъ. Онъ закончилъ свою рѣчь такъ: «угодно вамъ принести присягу и сѣсть вмѣстѣ съ нами въ радѣ? Извольте, господа (vaszmoscie) это сдѣлать» [3]). Почва подъ собою чувствовалась Поляками въ это время уже твердо: король на ихъ сторонѣ и выдалъ уже привилей на Унію въ желанномъ для Поляковъ духѣ, а Литва ослаблена отторженіемъ отъ нея Волыни, Подляшья и Кіевщины, т. е. цѣлыхъ четырехъ воеводствъ [4]). Отвѣтъ Ходкевича епископу Краковскому подчеркиваетъ послѣднее особенно сильно. «Не знаю», сказалъ онъ, «какая это будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами сидятъ Литовскіе сенаторы. Вы уже обрѣзали намъ крылья! Между вами уже сидятъ воеводы Волынскій, Кіевскій, Подляш-

[1]) Вил. Арх. Сб. VII, № 27. [2]) Дн. Л. с. Стр. 407.
[3]) Дн. Л. с. Стр, 407—408. [4]) Волынское, Подляшское, Кіевское и Браславля Подольскаго.

скій, а также и другіе паны-рада—кашталяны». Однако Ходкевичъ попросилъ дать Литовцамъ привилей на Унію: они обсудятъ его. Польскіе сенаторы согласились это сдѣлать, но попросили поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ [1]). Упреки, высказанные Ходкевичемъ, были настолько сильны, что послы Коронные на другой день обратились къ королю съ жалобою на Литовскихъ сенаторовъ за ихъ вчерашнія рѣчи. Король отвѣтилъ, что онъ дурно смотритъ на поведеніе пановъ-рады Литовскихъ, но желаетъ, чтобы на ихъ поступокъ не обращалось вниманія въ интересахъ дѣла заключенія Уніи. «Сказать правду», прибавилъ онъ, «Литовцы не могутъ не сердиться: невзгода ихъ не маловажная,—у нихъ вѣдь оборваны крылья». Однако все-таки Полякамъ онъ сказалъ добиваться своего [2]). Но посольская изба не успокоилась и послѣ этого отвѣта Сигизмунда Августа. 9 іюня послы земскіе отправили въ сенатъ четырехъ своихъ депутатовъ съ упрекомъ сенаторамъ, пропускающимъ безъ отвѣта гнѣвныя рѣчи Литовцевъ, которыхъ нельзя терпѣть. Изба заявила, что не желаетъ вступать съ Литвою ни въ какіе переговоры помимо новаго привилея на Унію, дарованнаго королемъ. Сенатъ далъ отвѣтъ этимъ депутатамъ въ томъ смыслѣ, что онъ смотритъ на Унію и на привилей о ней согласно съ избою и не поступитъ иначе, чѣмъ рѣшила она [3]). Въ тотъ-же день прибыли въ сенатъ Литовскіе паны-рада, и Ходкевичъ вновь держалъ рѣчь отъ ихъ имени. Онъ высказалъ, что радѣ Литовской не нравится новый привилей, такъ какъ въ началѣ его упоминаются всѣ старые привилеи на инкорпорацію, между тѣмъ какъ Унія, если уже идти отъ привилеевъ прежнихъ, должна быть заключена на основаніи Александрова привилея, дарованнаго послѣ всѣхъ старыхъ и смягчающаго ихъ. Далѣе онъ высказалъ слѣдующія требованія Литовцевъ: 1) вновь избираемый король долженъ послѣ принесенія присяги Польшѣ, принести ее и Литвѣ, какъ король Польскій и великій князь Литовскій, и подъ привилеями должны быть двѣ печати—Коронная и Литовская, 2) должности и достоинства въ Литвѣ должны быть сохранены въ своей чести и въ своихъ почетныхъ мѣстахъ, 3) параграфъ объ экзекуціи долженъ быть изложенъ болѣе обстоятельно, 4) сеймы должны бывать попеременно (alternatim)—разъ въ Польшѣ и разъ въ Литвѣ, 5) послѣ того какъ все это будетъ исполнено Поляками, Литовцы дадутъ

[1]) Дн. I. с. Стр. 408. [2]) Дн. I. с. Стр. 409. [3]) Дн. I. с. Стр. 410.

имъ привилей на себя, а Поляки такой-же Литовцамъ; затѣмъ всѣ вмѣстѣ сядутъ въ радѣ, и король конфирмуетъ этотъ привилей; 6) что касается до контумаціи, то если хотятъ ее сохранить Поляки, Литва уступаетъ это на ихъ волю. Свою рѣчь Ходкевичъ закончилъ словами: «спрячьте, господа, привилей, полученный вами безъ насъ, а намъ дайте другой» [1]). Итакъ Литва принимала Унію даже съ оторваніемъ земель отъ нея и только требовала признанія ея правъ на равенство съ Польшею, признанія ея и Короны двумя совершенно равными по своему значенію частями соединеннаго государства: присяга короля каждой части спольной Речи Посполитой, значеніе врядовъ, сеймы alternatim—должны говорить объ этомъ постоянно, а взаимное обязательство поставитъ Литву и Польшу въ положеніе двухъ договорившихся до Уніи государствъ, давшихъ одно другому обязательство въ исполненіи условій ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Литовцы старались обезопасить себя насчетъ нераспространенія на нихъ екзекуціи, а относительно контумаціи, какъ наказанія за отъѣздъ съ Люблинскаго сейма, то даже соглашались на упоминаніе о ней въ привилеѣ на Унію, не смотря на то, что этотъ документъ будетъ вѣчныя времена постоянно передъ глазами обоихъ народовъ. Когда Коронные сенаторы довели этотъ отвѣтъ Литовцевъ до свѣдѣнія короля, послѣдній по совѣщаніи съ сенатомъ пригласилъ въ засѣданіе и пословъ земскихъ. Примасъ Уханскій отъ имени сената сказалъ посламъ, что сенатъ думаетъ назначить коммиссію изъ пяти сенаторовъ (въ числѣ ихъ печатарь) для измѣненія предисловія къ привилею, хотя и не желаетъ отступать отъ него. Такимъ образомъ будетъ составленъ новый привилей, какъ-будто по обоюдному согласію Поляковъ и Литовцевъ; тогда дѣло будетъ лучше и тверже. Новый привилей будетъ съ печатями обоихъ государствъ; что же касается до измѣненія пунктовъ, о которыхъ говорятъ Литовцы, то теперь сенатъ не считаетъ нужнымъ говорить съ ними: обо всѣхъ дѣлахъ будетъ рѣчь тогда, когда сядутъ вмѣстѣ въ одно засѣданіе. Посольская изба взяла это дѣло на свое обсужденіе, и, быстро покончивъ съ нимъ, послы отправились въ сенатъ съ такимъ приговоромъ: благодарить короля за его стараніе; отъ новаго привилея, даннаго въ 1569 году, не отступать, но взять изъ конца его въ предисловіе (arenge), что Литовцы прибыли на сеймъ и согласились

[1]) Дн. Л. с. Стр. 411, 412.

на Унію: Литовской печати на привилеѣ изба не желаетъ; привилей на Унію дадутъ Литовцы Полякамъ, а послѣдніе Литовцамъ, и король пусть конфирмуетъ это соглашеніе (zgodę) особымъ привилеемъ [1]). Король и сенатъ согласились дать Литовцамъ такой отвѣтъ, какого требовала посольская изба, и онъ въ тотъ-же день, т. е. 9 іюня, былъ переданъ примасомъ приглашеннымъ въ сенатъ Литовскимъ раднымъ панамъ. Ходкевичъ возражалъ, но сенаторы ему отвѣтили: «согласитель только, господа, сѣсть съ нами въ одномъ засѣданіи; привилеи-же пусть пишутъ, а вы, господа, пересмотрите копію ихъ» [2]). Прошли два дня, и посольская изба рѣшила поторопить короля и сенатъ съ окончаніемъ привилея на Унію. 12 іюня послы постановили идти къ королю съ просьбою о томъ, чтобы былъ составленъ [3]), наконецъ, и переданъ на ихъ обсужденіе привилей на Унію [4]), послѣ чего пусть король утвердитъ его своею грамотою. Перемышльскій судья Орѣховскій, говорившій по порученію избы объ этомъ рѣчь королю, ссылался на то, что уже много времени прошло въ сеймовыхъ занятіяхъ,—«и какое теперь время? Теперь такое время, что въ хозяйствѣ дорогъ каждый день» [5]). Землевладѣльческое значеніе шляхты и необходимость заботиться о сельскомъ хозяйствѣ, единственномъ средствѣ къ существованію рядовой, не должностной и не частно-служилой шляхты, требовали скорѣйшаго окончанія слишкомъ затянувшагося сейма. Въ самомъ дѣлѣ, уже полгода длились засѣданія его, а дѣло Уніи не было еще закончено, и нетерпѣніе пословъ имѣло свои основанія. Но теперь дѣло заключенія Уніи стало подвигаться впередъ уже быстро. 15 іюня въ Коронный сенатъ явились опять Литовскіе сенаторы, отъ имени которыхъ снова говорилъ, какъ земскій Литовскій маршалокъ, староста Жомоитскій Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ. Онъ сказалъ: «безъ горечи нельзя вспомнить того, что съ нами дѣлается. Если вы, господа, желаете держать съ нами равенство, то мы не понимаемъ, почему намъ нужно терпѣть столь достойныя сожалѣнія вещи—быть ниже васъ»? Онъ требовалъ сохраненія значенія

---

[1]) Дн. Л. Стр. 412—414. [2]) Дн. Л. с. Стр. 414, 415.

[3]) Этотъ привилей составлялся, какъ мы уже видѣли выше, сенаторскою коммиссіей. Хотя посольская изба и требовала, чтобы надъ нимъ работала не чрезвычайная сенаторская коммиссія, а просто, какъ обыкновенно, печатари (канцлеръ и подканцлеръ), но король приказалъ сохранить прежнее рѣшеніе свое и сената (Дн. Л. с. Стр. 414).

[4]) Дн. Л. с. Стр. 416. [5]) Дн. Л. с. Стр. 417.

Литовскихъ должностей, чего «требуютъ всѣ привилеи, въ особенности, привилей Александра». Если сеймы будутъ происходить только въ Польшѣ и грамоты будутъ утверждаться лишь печатью Коронною, то чтó останется отъ значенія Литовскихъ врядовъ, т. е. маршалковъ и печатарей? Ходкевичъ представилъ Коронному сенату Литовскій проектъ привилея, который представляетъ изъ себя немного лишь измѣненный привилей Польскій; это исправленіе сдѣлано для сохраненія достоинства Литвы. Привилей этотъ дадутъ на себя Литовцы Полякамъ, а Поляки Литовцамъ [1]).

Рѣчь Ходкевича слушали, и сенаторы, и послы Коронные, такъ какъ онѣ сошлись въ этотъ день вмѣстѣ, чтобы произвести счетъ денегъ съ налоговъ прошлыхъ годовъ [2]). Сенатъ выслалъ пословъ, чтобы обсудить вмѣстѣ съ королемъ, вернувшимся опять въ сенатъ,—онъ присутствовалъ при счетѣ денегъ и вышелъ изъ сената на время пребыванія тамъ Литовцевъ. Послы удалились и въ посольской избѣ стали разсуждать о происходившемъ. Посолъ Познанскаго воеводства Бѣховскій предложилъ послать къ королю и сенаторамъ депутацію и заявить имъ, что посольская изба не отступитъ отъ принятаго уже привилея, налагающаго на Литовцевъ контумацію, и не желаетъ никакого другого [3]). Когда большинство оказалось за отправленіе этой депутаціи, маршалокъ избы сдѣлалъ заключеніе—послать ее [4]). Были выбраны депутаты, но они отказались идти; тогда пошла цѣлая половина избы съ маршалкомъ во главѣ, который отъ имени пословъ просилъ короля «не обсуждать поданной Литовцами рукописи» [5]). Это заявленіе привело въ сильный гнѣвъ Сигизмунда Августа и сенатъ, и посламъ было приказано выдти изъ сената и подождать, пока король окончитъ свое совѣщаніе съ сенаторами, а спустя нѣсколько времени имъ былъ данъ такой отвѣтъ: король недоволенъ, что послы вмѣшиваются въ его дѣла, притомъ не согласившись всѣ [6]). На слѣдующій день, т. е. 16 іюня, всѣ послы земскіе Коронные были вызваны королемъ въ сенатъ, и канцлеръ отъ имени короля еще разъ выразилъ имъ королевское неудовольствіе по поводу ихъ поступка, которымъ онѣ хотѣли запретить королю совѣщаться о дѣлахъ, чего дѣлать изба не имѣетъ права,—поступокъ пословъ оскорбилъ короля и сенатъ. Король взялъ подъ свою защиту исправленный привилей; по словамъ канцлера, въ

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 424, 425. [2]) Дн. Л. с. Стр. 423. [3]) Дн. Л. с. Стр. 426.
[4]) Дн. Л. стр. 428. [5]) Дн. Л. стр. 428, 429. [6]) Дн. Л. с. Стр. 429, 430.

немъ не было отвергнуто ничего изъ находившагося въ первой редакціи привилея на Унію, и различіе ихъ лишь въ выраженіяхъ. Послѣ рѣчи канцлера Коронный маршалокъ ударилъ своимъ жезломъ, требуя этимъ общаго молчанія, и самъ король обратился къ посламъ съ рѣчью. Онъ говорилъ о своихъ трудахъ, которыхъ онъ не жалѣетъ для дѣла Уніи, говорилъ о величіи совершеннаго дѣла и о томъ, что нельзя спѣшить съ такимъ важнымъ предпріятіемъ. Онъ выразилъ затѣмъ и самъ свое неудовольствіе посламъ за ихъ вчерашній поступокъ, напомнивъ при этомъ имъ, что они сами иногда по долгу обсуждаютъ дѣла, но король съ сенатомъ по нѣскольку дней ожидаютъ ихъ и не обижаются на замедленія. Маршалокъ посольской избы Чарнковскій отвѣчалъ королю отъ имени пословъ. Онъ просилъ Сигизмунда Августа не смотрѣть дурно на поступокъ избы, дозволить посламъ обсудить дѣло и взять съ собою рукопись новаго привилея. Затѣмъ говорили примасъ и вновь отъ королевскаго имени канцлеръ, и къ посламъ внизъ былъ отправленъ подканцлеръ, чтобы прочитать имъ предъ ихъ обсужденіемъ рукопись и объяснить, почему кое-что прибавлено и кое-что измѣнено въ новомъ привилеѣ сравнительно со старымъ. Послѣ этого послы удалились въ свою палату, стали обсуждать дѣло, но послы Краковскаго воеводства высказались за то, чтобы стоять на своемъ и не обсуждать новаго привилея. Ихъ мнѣніе одержало верхъ [1]), но посольскій маршалокъ унесъ съ собою проектъ новаго привилея, свѣрилъ его у себя на дому со старымъ, контумаціоннымъ привилеемъ и составилъ списокъ того, что прибавлено было въ немъ противнаго первому привилею. Все это онъ принесъ въ избу на слѣдующій день (17 іюня), читалъ посламъ и показывалъ, что́ принять можно и чего принимать нельзя. Послы теперь его слушали со вниманіемъ и не возставали противъ чтенія, какъ вчера, такъ какъ успѣли уже одуматься. Они были такъ заняты этимъ дѣломъ, что даже просили короля нѣсколько обождать, когда онъ ихъ позвалъ въ сенатъ. Наконецъ они были готовы, явились въ сенатъ, и посольскій маршалокъ обратился къ королю съ рѣчью. Онъ говорилъ о скорби пословъ по поводу королевскаго гнѣва на нихъ, объ уваженіи къ государю и сенаторамъ, благодарилъ короля и просилъ его и сенатъ не гнѣваться на избу. Затѣмъ онъ сталъ читать привилей и свои на него замѣтки и сказалъ,

---

[1]) День 16-го іюня изложенъ въ Дн. Л. с. на стр. 430—440.

что на предисловіе привилея изба уже согласилась съ сенатомъ. Сличеніе статей привилея на Унію происходило около трехъ часовъ въ присутствіи короля, который и самъ многое прибавлялъ и исключалъ, какъ нравилось панамъ-радамъ и посламъ земскимъ. Весь привилей былъ исправленъ въ полномъ и единодушномъ согласіи. Разошлись только въ одномъ пунктѣ, котораго желала Литва, а именно въ томъ, гдѣ стояло: «новый король послѣ коронаціи будетъ утверждать права всѣхъ панствъ на одномъ листѣ, но на этомъ листѣ должны быть двѣ печати — Коронная и Литовская». Король и сенатъ стояли за исполненіе этого требованія Литовцевъ, но послы не соглашались и попросили позволенія выдти въ сосѣднюю залу, чтобы сговориться между собою. Рѣшеніемъ, выработаннымъ ими было: «идти къ королю, просить, чтобы была одна печать, и сказать, что отступить отъ этого рѣшенія мы не можемъ». При этомъ послы говорили, что даже не нужно и убѣждать Литовцевъ соглашаться на требованіе Поляковъ—имъ просто нужно указывать формальнымъ образомъ на Варшавскій рецессъ, отъ котораго Поляки не желаютъ отступать. Слова короля, высказанныя имъ послѣ этого упорства въ высшей степени характерны и знаменательны. Онъ сказалъ послѣ своего совѣщанія съ сенаторами: «если не хотите согласиться на двѣ печати, то увидите, что будетъ хуже; я этого уже не увижу; зло это обнаружится при другомъ королѣ, но говорю, что вы желаете худшаго, для того, чтобы объ этомъ осталась память на вѣчныя времена. Что-же касается до Литвы, то она согласится на одну печать». [1])

Итакъ привилей на Унію былъ выработанъ, и статьи его установлены Коронным Люблинскимъ сеймомъ 1569 года. Оставалось только заставить Литовцевъ присягнуть на него и сѣсть въ общее засѣданіе, т.-е. формальнымъ образомъ установить Унію: о томъ, чтобы она сдѣлалась дѣйствительно реальнымъ, «братскимъ» соединеніемъ Поляки не заботились и къ этому не стремились. Однако вопросъ о печати едва не разстроилъ всего дѣла вновь. 20 іюня шли цѣлый день переговоры Литовцевъ съ Поляками, и Ходкевичъ въ заключеніе ихъ сказалъ отъ имени Литовской рады: «мы должны исполнить то, что угодно королю, но согласиться по совѣсти, по доброй волѣ на то, чтобы къ грамотѣ, которою новый король будетъ утверждать наши привилеи, не была прило-

[1]) День 17 іюня изложенъ въ Дн. Л. с. на стр. 440—449.

*

жена наша печать, не можемъ. Мы принуждены будемъ допустить это лишь насиліемъ надъ нами». Литовцы просили вести съ ними дѣло «fraterne», а не «summo jure» [1]). 21 іюня вновь пришлось посольской избѣ обсуждать вопросъ о печати. Онъ ставился такъ: согласиться ли на требованіе Литовцевъ, или изъ-за печати разъѣхаться и отказаться отъ Уніи? [2]) Послѣ преній рѣшено идти къ королю и настаивать на своемъ требованіи одной печати на подтвержденіяхъ правъ Короны и Литвы новыми королями, но если нельзя будетъ добиться исполненія этого требованія, то согласиться съ королемъ и сенатомъ [3]). Король не далъ отвѣта сразу, но отложилъ его до слѣдующаго дня [4]). Въ этотъ наступившій день, т.-е. 22 іюня, король и сенатъ совѣщались о требованіи пословъ относительно печати. Сенаторы допускали обѣ печати (Коронную и Литовскую) не только на конфирмаціонныхъ привилеяхъ будущихъ королей, но даже и на привилеѣ Уніи. Когда послы узнали объ этомъ, они заявили, что ни подъ какимъ видомъ не согласятся на послѣднее, чтобы не казалось, что Унію утверждаетъ не только Польскій король, но и великій князь Литовскій. Отвѣта послы опять не получили въ этотъ день: онъ былъ отложенъ до завтра [5]). 23 іюня сенатъ Коронный пригласилъ для переговоровъ Литовскихъ сенаторовъ, и послѣ длинныхъ переговоровъ оказалось, что послѣдніе не хотятъ уступить въ слѣдующемъ: 1) контумація на Литву не должна упоминаться въ привилеѣ на Унію и 2) наслѣдство Литовскаго престола, уступленное королемъ Польшѣ на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 года, должно принадлежать Литвѣ наравнѣ съ Короною. Что же касается до печати, то сенатъ Коронный не сдѣлалъ въ вопросѣ о ней уступки и не хотѣлъ въ него вдаваться. Когда это было сообщено посольской избѣ, она постановила: на требованіе объ уничтоженіи упоминанія о контумаціи не соглашаться, а наслѣдство Литовское будутъ имѣть Литовцы, если будутъ вѣрно держаться вмѣстѣ съ Поляками и не отрываться отъ нихъ; когда Литва будетъ уже не Княжествомъ, а частью Короны, то во всемъ Польскомъ будетъ участвовать наравнѣ съ Поляками, т.-е. лишь послѣ заключенія Уніи Литовцы получатъ право на это наслѣдство, заявляла изба [6]). Рѣшено

1) Дн. Л. с. Стр. 454, 455. 2) Дн. Л. с. Стр. 455.
3) Дн. Л. с. Стр. 455—459. 4) Дн. Л. с. Стр. 460.
5) Дн. Л. с. Стр. 460. 6) Дн. Л. с. Стр. 461 и 463.

идти завтра къ королю и просить его покончить наконецъ все дѣло, а также просить и о томъ, чтобы Литовцы болѣе не вступали въ переговоры съ Поляками, такъ какъ они не отступять отъ привилеевъ [1]). 24-го іюня Холмскій подкоморій Сѣницкій изложилъ все это въ своихъ рѣчахъ, сказанныхъ королю, а потомъ сенату отъ имени посольской избы [2]). Отвѣтъ королевскій на выраженныя желанія избы былъ отложенъ до завтра, и посламъ было приказано удалиться въ ихъ палату. Послѣ ухода пословъ король шесть часовъ провелъ въ переговорахъ съ Литовцами и Поляками. Литовскіе сенаторы и земскіе послы Княжества находились во время этихъ переговоровъ въ одной палатѣ, а сенаторы Коронные въ другой, король же переходилъ изъ одной залы въ другую, стараясь привести къ концу дѣло Уніи. Оказалось, что Литовцы настаивали на правѣ своего участія въ наслѣдованіи престола Княжества наравнѣ съ Короною, а также и на томъ, чтобы въ привилеѣ на Унію было пропущено указаніе на привилеи, данные на Люблинскомъ сеймѣ до настоящаго. Это понесли два сенатора въ посольскую избу. По другому дневнику они явились къ посламъ земскимъ съ такимъ сообщеніемъ: «король можетъ привести Литовцевъ къ тому лишь, что они принесутъ присягу и сядутъ въ засѣданіи сената, но онъ не можетъ привести ихъ къ тому, чтобы они сами дали на себя записи въ томъ, что дѣло Уніи рѣшено вслѣдствіе ихъ отъѣзда изъ Люблина. Они люди свободные и не хотятъ согласиться на это» [3]). Однако посольская изба наотрѣзъ отказалась исполнить Литовское желаніе. Воевода и кашталянъ Ленчицкіе, посланные королемъ и сенатомъ въ избу съ этимъ желаніемъ, должны были вернуться въ сенатъ съ отказомъ пословъ исполнить его. Черезъ нѣсколько часовъ въ избу явились отъ короля два каштяляна (Ленчицкій и Данцигскій), которые объявили, что Литовскіе сенаторы уже дали свое согласіе на всѣ статьи привилея и лишь просили, чтобы въ немъ не упоминалось о наслѣдствѣ Литовскаго престола, о которомъ говоритъ Варшавская деклярація. Въ понедѣльникъ, т.-е. 26 іюня, король надѣется закончить все дѣло. Теперь Литовцы разсуждаютъ объ Инфлянтахъ, но король не согласился на ихъ домогательства и приказалъ сказать имъ, что Инфлянты будутъ принадлежать вмѣстѣ Коронѣ и Княжеству и ихъ оборона будетъ общимъ дѣломъ всѣхъ государствъ королев-

[1]) Дн. I. с. Стр. 461, 462. [2]) Дн. I. с. Стр. 462, 463.
[3]) Дн. I. с. Стр. 464.

скихъ [1]). Таково было содержаніе королевскаго извѣщенія посольской избы 24 іюня, но окончить дѣло Уніи 26 іюня, какъ оно обѣщало, не удалось. Въ этотъ день цѣлые десять часовъ [2]) велись снова переговоры между Литовскимъ и Польскимъ сенатами, и король вновь переходилъ постоянно изъ одной залы въ другую, уговаривая сенаты своихъ двухъ государствъ, все еще не имѣвшіе возможности слиться въ одинъ и засѣдавшіе въ двухъ различныхъ залахъ. Наконецъ, былъ посланъ въ посольскую избу отъ короля Ленчицкій кашталянъ, который принесъ давно ожидаемую вѣсть: Литовскіе сенаторы на все согласились, и завтра наступитъ конецъ трудному дѣлу заключенія Уніи [3]). Но вотъ насталъ и этотъ давно желанный день—вторникъ 27 іюня. Коронные сенаторы уже засѣдали вмѣстѣ съ королемъ, а послы земскіе ожидали въ своей палатѣ приглашенія отъ короля, когда прибыли Литовскіе паны-рада. Когда всѣ собрались, великій Литовскій маршалокъ Янъ Ходкевичъ обратился къ королю съ обширною рѣчью. «Свѣтлѣйшій, милостивый король!» говорилъ онъ. «Вашей королевской милости извѣстно, что настоящее наше дѣло обсуждено со всѣхъ сторонъ панами-радою и станами великаго княжества Литовскаго. Теперь оно дошло до такого положенія, что сами мы безъ оскорбленія нашей совѣсти никакъ не можемъ рѣшиться отказаться отъ того, чего мы требовали отъ сенаторовъ Королевства. Поэтому, какъ вѣрные и покорные ваши подданные, мы пришли теперь къ вашей королевской милости, чтобы представить вамъ, на чемъ остановилось это дѣло, т.-е. чтобы объявить вамъ, что въ прошедшую пятницу мы добровольно согласились на всѣ пункты уніи, кромѣ слѣдующихъ пяти: 1) о на-

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 465, 466.

[2]) «Переговоры продолжались отъ 11-го до 20-го часу» записано въ дневникѣ сейма (стр. 466). Въ Польшѣ въ эту эпоху, также какъ и въ другихъ странахъ Европы (Германіи, Италіи, Чехіи и др.) начинали счетъ часовъ отъ захода солнца, считая по 24 часа въ суткахъ. Первый часъ такимъ образомъ начинался въ первой четверти послѣ солнечнаго захода, когда зазвонятъ въ костелѣ на «Anioł Pański». Такъ какъ заходъ солнца бываетъ въ различное время года, въ разные часы по современному нашему счету, то и первый часъ совпадалъ поэтому въ различное время года съ разными часами нашего счета. Въ іюнѣ заходъ солнца въ Польшѣ—около 8-ми часовъ вечера, стало быть 11-й часъ это 7-й утра, а 20-й—4-й пополудни по нашему счету. См. *Maurycjusz hr. Dzieduszycki*. Dni, nocy, godziny. We Lwowie 1874. (Przedruk z «Przeglądu Lwowskiego») Str. 17, 18, 22, 23.

[3]) Дн. Л. с. Стр. 466.

слѣдствѣ Литовскаго престола, 2) объ Инфлянтахъ, 3) о печати Литовской Речи Посполитой, 4) о Варшавскомъ рецессѣ и 5) о Люблинскомъ привилеѣ». По приказанію короля Литовцы «съ великою болью и стѣсненіемъ» своего «сердца дозволили вынудить» у себя «согласіе и на эти пять пунктовъ; но какъ это», продолжалъ Ходкевичъ, «намъ больно—этого невозможно выразить словами. Вѣдь мы, какъ вѣрные сыны отечества, обязаны заботиться объ его благѣ, сколько у насъ есть силъ». Король самъ, по словамъ оратора, можетъ засвидѣтельствовать, что Литовскіе паны-рада, сколько хватало силъ, защищали свое отечество, которое сохранили цѣлымъ до настоящаго времени своею кровью и жизнью. «Если же теперь» Литовцы «не могли довершить этой защиты, то это потому, что нужно было уступить препятствіямъ, судьбѣ и обстоятельствамъ времени». Литовцы должны уступить, но они уступаютъ «не какому бы то ни было декрету, а волѣ» короля, «exequutora legum и общаго государя, принесшаго государству присягу» (przysieglego). Литовцы даютъ свое согласіе на одну печать для привилеевъ и постановленій (praw), общихъ обоимъ государствамъ. Касательно Инфлянтовъ Ходкевичъ говорилъ о томъ, сколько жертвъ деньгами и людьми стоила ихъ защита Литвѣ: сверхъ того имъ дана Литвою клятва, что они будутъ всегда при Княжествѣ; въ виду всего этого Литовцы не будутъ противиться отдѣленію отъ нихъ Инфлянтовъ, если оно будетъ добровольное, но просятъ короля разрѣшить въ такомъ случаѣ Литву въ ея данной имъ клятвѣ. Сверхъ того справедливо было бы и вознаградить Княжество, если отъ него отходятъ Инфлянты, за его расходы и жертвы на нихъ. Перейдя къ вопросу о наслѣдствѣ Литовскаго престола, Ходкевичъ заявилъ, что Литва обладаетъ правомъ свободнаго избранія своего государя, а вовсе не является наслѣдственнымъ государствомъ-вотчиною. Привилеи предковъ Сигизмунда Августа доказываютъ это. Сигизмундъ Старый былъ *избранъ* на престолъ Литовцами въ то время, когда онъ жилъ въ далекой Силезіи, и онъ самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ. Сигизмундъ Августъ также былъ *избранъ* Литовцами въ государи свои, когда еще былъ ребенкомъ. Издавна въ Княжествѣ сидѣли государи не по своему праву наслѣдства, а по добровольному избранію Литовцевъ. Но какое бы то ни было наслѣдственное право на Литву,—если можетъ быть только вообще таковое въ государствѣ, имѣющемъ избирательный престолъ,—у Сигизмунда Августа, это право, переданное королемъ Польшѣ Варшавскимъ

рецессомъ и Люблинскимъ привилеемъ, обращаетъ Литовцевъ въ подданныхъ Короны. Поэтому Литовцы не могутъ, по своему разсужденію и соблюдая свою честь и доброе имя, согласиться на то, чтобы были упомянуты въ договорѣ Уніи Варшавскій рецессъ и Люблинскій привилей, дарующіе Польшѣ Литовское наслѣдство: объ этомъ, какъ и о другихъ вещахъ, въ нихъ упомянутыхъ, Литовцы никогда ничего не слыхали, ничего не знаютъ и ни съ кѣмъ не вели переговоровъ. Какъ *честнымъ людямъ*, Литовцамъ неприлично давать аппробацію такимъ вещамъ. «Притомъ», съязвилъ Ходкевичъ, «вѣдь не въ обычаѣ, чтобы рабы утверждали даръ своихъ господъ». Заключеніе этой рѣчи Литовскаго патріота ярко рисуетъ то безвыходное положеніе, въ которомъ находилась Литва. Вотъ это заключеніе. «Такъ какъ намъ уже не къ кому обратиться за помощью, развѣ только къ Богу и къ вамъ нашъ милостивый государь, правитель и хранитель (saffarz) нашего достоинства (potcziwosci naszich), защитникъ правъ нашихъ, помазанникъ Божій,—то вотъ мы теперь и стоимъ передъ вашею королевскою милостью. Какъ добровольно мы пріѣхали сюда, такъ добровольно и теперь стоимъ передъ вашею королевскою милостью, вѣрные и послушные подданные ваши, и дѣлаемъ это съ радостью, принося вамъ нижайшую просьбу нашу, дабы ваша королевская милость такъ до конца изволили дѣйствовать (sprawować), чтобы все это не было совершено съ неволею и позоромъ (anbą) намъ и нашимъ потомкамъ. Не допусти же, государь, насъ опозорить, но пусть актъ Уніи заключенъ будетъ такъ, чтобы на насъ не было ни одного пятна. Будь же, наконецъ (już), государь, самъ стражемъ и умѣрителемъ этого дѣла, и да будетъ то намъ величайшею твоею милостью, если все это ты благоволишь постановить въ любви къ намъ. Конечно, больно бы было намъ и внукамъ нашимъ, что мы должны смотрѣть на это дѣло не съ любовью, но съ горечью, или винить насъ, что мы не понимали (замѣчали) нашего порабощенія. Мы уже доведены до такого положенія, что должны пасть къ ногамъ вашей королевской милости съ нашими униженными просьбами». Послѣ этихъ словъ Литовцы съ рыданіями пали на колѣна передъ Сигизмундомъ Августомъ, и Ходкевичъ продолжалъ: «именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить наши службы и нашу полную (stateczną) вѣрность тебѣ, нашу кровь, которую мы проливали ради твоей славы. Благоволи устроить насъ такъ, чтобы для всѣхъ это дѣло было съ честью, а не съ посмѣяніемъ и прини-

женіемъ нашимъ, устроить съ соблюденіемъ совѣсти твоей государевой и того, въ чемъ ты присягалъ намъ прежде. Именемъ Бога умоляемъ объ этомъ,—благоволи помнить все это государь»! Рыдая поднялись Литовцы, и горе ихъ было такъ безотрадно и сильно, что даже изъ Поляковъ рѣдко кто не плакалъ, смотря на нихъ. Ходкевичъ, между тѣмъ, обратился къ Коронному сенату съ нѣсколькими словами, взывая къ нему съ просьбою окончить дѣло такъ, чтобы оно было совершено вполнѣ согласно съ совѣстью, честью Литовцевъ и общею братскою радостью обоихъ народовъ [1]).

На рѣчь Ходкевича отвѣчалъ бискупъ Краковскій Филиппъ Падневскій, отъ имени сената двоекратно прося Литовцевъ согласиться на Унію и покончить такимъ образомъ все дѣло. Во время этой рѣчи Коронные сенаторы встали всѣ со своихъ креселъ, подкрѣпляя этимъ словесную просьбу въ рѣчи Падневскаго [2]). Послѣ этой рѣчи Краковскаго бискупа сказалъ нѣсколько словъ самъ король [3]), заключивъ ихъ своею благодарностью Литовцамъ за принятіе уже нѣкоторыхъ пунктовъ Уніи. По существу же на просьбы Литовцевъ отвѣчалъ отъ королевскаго имени Коронный подканцлеръ, читая по тетрадкѣ заранѣе приготовленную рѣчь [4]). Въ этомъ отвѣтѣ высказывалось окончательное мнѣніе (ostateczne zdanie) короля, причемъ высказывалось и королевское желаніе, чтобы Литовцы остановились на немъ, имъ разрѣшивъ все дѣло (na tim przestali). Унія, дарованная королемъ въ Люблинѣ на основаніи Александрова привилея, не можетъ ни въ чемъ вредить Литовскому княжеству. Артикулъ о наслѣдствѣ Литовскаго престола можетъ имѣть мѣсто въ актахъ записей обоихъ народовъ на Унію, такъ какъ, соединившись съ Польшею, Литва получитъ участіе и во всѣхъ правахъ, принадлежащихъ Полякамъ, а слѣдовательно и наслѣдство Литовскаго престола будетъ принадлежать обоимъ народамъ одинаково; «въ настоящемъ случаѣ соединяется и сливается вольный народъ съ вольнымъ, равный съ равнымъ, и они всегда будутъ вмѣстѣ избирать себѣ одного государя». Люблинскій привилей, которымъ недовольны Литовцы, король вовсе не считаетъ противнымъ интересамъ Литвы: король былъ бы радъ, если бы онъ былъ данъ въ присутствіи Литовцевъ на сеймѣ, но они уѣхали; изданный, хотя и въ ихъ отсутствіи, онъ не можетъ быть поколебленъ въ своемъ законномъ

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 467—471. [2]) Дн. Л. с. Стр. 472—474.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 474—475. [4]) Дн. Л. с. Стр. 475—478.

значеніи и силѣ. Король высказывалъ надежду, что Литовцы согласятся, наконецъ, на условія Уніи и черезъ это согласіе породнятъ съ собою Коронные станы; явится взаимное довѣріе и будетъ расти взаимное согласіе, «при которыхъ *можно будетъ со временемъ исправить все, что только вы признаете нужнымъ исправить*»—читалъ подканцлеръ въ королевской рѣчи, обращаясь къ Литовцамъ. «Теперь же извольте, господа, удовольствоваться (przestać) для общаго блага тѣмъ, что сдѣлано, и дать свое согласіе на то, чего требуютъ отъ васъ Коронные станы»—стояло въ ней далѣе; король вспоминалъ о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ обоимъ государствамъ, говорилъ что не убѣждалъ бы Литовцевъ сдѣлать то, въ чемъ скрывается для нихъ униженіе или порабощеніе и видитъ, наоборотъ, что Унія послужитъ къ общей пользѣ и славѣ. Поэтому король и совѣтуетъ, и *требуетъ въ силу своей власти*, чтобы Литовцы остановились на этихъ условіяхъ Уніи, дали на нихъ свое согласіе и безъ дальнѣйшихъ разсужденій вступили-бы въ дѣйствительное взаимное общеніе обѣихъ сторонъ. Подканцлеръ кончилъ читать свою тетрадку, тогда снова сталъ говорить король. Онъ сказалъ, что считаетъ себя поступившимъ по совѣсти въ дѣлѣ Уніи, проливалъ слезы, высказывая убѣжденіе въ угодности Богу сдѣланнаго имъ и предписывалъ Литовцамъ исполнить желаніе Короны. Рѣшившій все дѣло съ вопіющимъ нарушеніемъ своихъ прежнихъ клятвъ, данныхъ Литвѣ, послѣдній Ягеллонъ заявлялъ о томъ, что онъ не забылъ присягъ своихъ, принесенныхъ обоимъ государствамъ; Унія Литвѣ—благо, а не зло [1]). На рѣчь короля отвѣчалъ Ходкевичъ. Онъ попросилъ у короля для Литовцевъ разрѣшенія удалиться изъ засѣданія, чтобы обсудить прочитанное и высказанное имъ. Получивъ это разрѣшеніе, они удалились въ свою залу и послѣ трехчасового обсужденія вернулись въ сенатъ. Ходкевичъ вновь говорилъ рѣчь отъ ихъ имени [2]). Грѣхи Литовцевъ, сказалъ онъ, прогнѣвали Бога и навлекли на Литву несчастія. Долго перечислять ихъ. Къ числу ихъ относится и происходящее теперь перенесеніе Речи Посполитой изъ Литовскаго народа въ другой народъ. Литовцы умоляютъ короля изыскать способы облегчить ихъ положеніе. Литовцы рѣшились на все: они знаютъ, что послѣ Бога должны повиноваться королю первому и все предоставлять разсужденію государеву. Но Литовцы просятъ короля

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 478—480. [2]) Дн. Л. с. Стр. 481.

изложить высказанное имъ въ видѣ привилея, или рецесса и добавить къ этому, что они имѣютъ право такъ оберегать свои права, какъ найдутъ лучшимъ и наиболѣе почетнымъ. На Люблинскій привилей Литва соглашается, но съ условіемъ, чтобы было сдѣлано требуемое ею прибавленіе и дано письменное удостовѣреніе (rewersał) того, что Унія не принесетъ ей зла. Они просятъ объ этомъ документѣ-свидѣтельствѣ дѣла, чтобы оно было памятно на вѣчныя времена. Не изъ страха смерти согласились Литовцы исполнить волю короля и Коронныхъ сенаторовъ и не изъ разсчетовъ на выгоды, но сдѣлали это изъ желанія блага Речи Посполитой, по братской любви и для пріобрѣтенія милости королевской и любви своихъ братьевъ пановъ-рады Коронныхъ. Реверсалъ королевскій поможетъ королю привести къ Уніи и тѣхъ Литовцевъ, которыхъ нѣтъ на Люблинскомъ сеймѣ. «У всякаго человѣка», такъ заканчивалъ свою рѣчь Ходкевичъ, «бываютъ и друзья, и враги; поэтому, чтобы ни одинъ нашъ врагъ не могъ укорить насъ, будто мы то, что здѣсь сдѣлали, сдѣлали за подарки или по какимъ-либо другимъ побужденіямъ, мы просимъ васъ, ваша королевская милость, и васъ всѣхъ, господа, сохранить въ своей памяти, что мы защищали здѣсь наше отечество, какъ слѣдовало защищать его. Лучшаго свидѣтельства въ этомъ, чѣмъ то, какое дадите намъ вы, государь, вы, сенаторы, и это собраніе пословъ, намъ не нужно» [1]). Когда кончилъ свою рѣчь Ходкевичъ, сказалъ нѣсколько словъ Евстафій Воловичъ, подканцлеръ Княжества. Онъ благодарилъ за обѣщаніе братской любви, данное Короннымъ сенатомъ въ рѣчи бискупа Краковскаго. Литовцы увѣрены въ томъ, что сенаторы Коронные будутъ ходатайствовать за Литовцевъ передъ королемъ. «Благоволите господа», говорилъ Воловичъ, «такъ обсуждать дѣла, чтобы честь и свобода нашего народа оставались нетронутыми. За это мы не только воздадимъ вамъ братскою любовью, но съ радостью будемъ отслуживать вамъ посильными нашими услугами». Литовцы не сомнѣваются въ томъ, что въ актѣ Уніи, если это будетъ нужно, сенаторы Коронные сами будутъ охранять вольности Княжества, чтобы этотъ славный актъ вѣчнаго общенія достигъ своего окончанія не только на бумагѣ или пергаменѣ, но братскою любовью, чтобы можно было сказать, что по здравому разсужденію и съ любовью братскою дошли до разрѣшенія дѣла, которое затѣмъ

[1]) Дн. Л. с. Стр. 481—483.

уже было окончено рѣшеніемъ королевскимъ [1]). Литовцамъ отвѣчалъ Краковскій бискупъ, который возблагодарилъ Бога за совершившееся соединеніе, принесъ благодарность Литовцамъ и выразилъ желаніе сенаторовъ Коронныхъ все дѣлить поровну съ ними, засвидѣтельствовавъ при этомъ преданность братскую имъ со стороны Коронпаго сената. Сенаторы Польскіе стояли во время этой рѣчи, выражая тѣмъ свое въ ней участіе. День закончился [2]) рѣчью короля, въ которой выражалась его радость по поводу совершившагося и обѣщаніе заботы о Литвѣ и Коронѣ [3]).

Итакъ, 27 іюня, наконецъ, былъ рѣшенъ вопросъ объ Уніи Литвы съ Польшею. Оставалось лишь оформить дѣло привилеемъ, да принести присягу въ соблюденіи договора. Но разногласіе не замедлило обнаружиться и при этомъ. 28 іюня Литовскіе депутаты явились къ Короннымъ посламъ для исправленія привилея на Унію. Опять Литовцы возобновили свое требованіе, чтобы на конфирмаціонныхъ грамотахъ, которыя будутъ давать новые короли правамъ обоихъ народовъ, были двѣ печати — Коронная и Литовская. Поляки не соглашались, и Литовскіе депутаты перенесли дѣло на рѣшеніе короля. Но Унія уже считалась рѣшенною, и въ этотъ день по костеламъ пропѣли Te Deum laudamus, и проповѣдники призывали народъ благодарить Бога за совершившееся [4]). На слѣдующій день вмѣстѣ съ сенаторами Короны и Литвы былъ въ засѣданіи король: исправлялся привилей на Унію. Посламъ было сначала приказано обождать въ ихъ избѣ, но такъ какъ оказалось, что въ этотъ день дѣла не окончить, то король послалъ имъ сказать, что Литовскіе сенаторы на все согласились: пусть поэтому послы приготовятся къ присягѣ на завтра и пусть не забудутъ захватить съ собою завтра свои печати. Наступило и это завтра. Въ этотъ день, 1 іюля, была дѣйствительно принесена взаимная присяга сенаторами и послами земскими обоихъ соединившихся государствъ. Сначала присягали паны-рада Короны съ примасомъ и бискупами во главѣ [5]), затѣмъ рада Литовская. При этомъ сенаторы Подляшья, Волыни и Кіева приносили присягу Литвѣ вмѣстѣ съ другими панами-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 483—484. [2]) Ibidem.

[3]) «.... o wssem będzie tego pewni, że o wsitkiem dobrem panstwa onego tak, jako koronnego, staranie me pilne bedzie y kazdemu z osobna waszmosciow łaską, swą nagradzacz tho chcze». [4]) Дн. Л. с. Стр. 485.

[5]) Первымъ принесъ присягу примасъ Яковъ Уханскій, за нимъ бискупы, потомъ свѣтскіе сенаторы по порядку.

радою Короннаго сената, какъ члены его. Послѣ принесенія присяги сенаторами присягали земскіе послы, сначала Польскіе — по воеводствамъ, потомъ Литовскіе. «При этомъ актѣ», разсказываетъ составитель дневника сейма 1569 года, «сенаторы Польскіе благодарили Бога, что далъ имъ дожить до этого времени, и сильно плакали, такъ что канцлеръ, читавшій формулу присяги, не могъ читать и бросилъ, — сталъ читать ее великій маршалокъ; потомъ уже, успокоившись, канцлеръ продолжалъ читать формулу присяги сенаторамъ и посламъ. Литовскій подканцлеръ читалъ точно также форму присяги Литовскимъ сенаторамъ и посламъ» [1]). Не обошлось, однако, безъ споровъ и рѣзкихъ выходокъ и въ этотъ день. Еще до принесенія присяги поднялся споръ между послами Великой и Малой Польшъ изъ-за того, что въ привилеѣ на Унію послы Познанскіе были поставлены выше Краковскихъ [2]), а во время самаго принесенія присяги обнаружилось нежеланіе антитринитаріевъ, бывшихъ въ числѣ пословъ Коронныхъ, присягать Тріединому Богу. Когда пришло время приносить присягу Холмскому подкоморію Николаю Сѣницкому и его товарищамъ, онъ отказался присягать св. Троицѣ. Призванный къ королевскому столу, — присяга приносилась у стола, подлѣ короля, стоявшаго съ обнаженною головою, — онъ, прежде чѣмъ стать для присяги на колѣна, сказалъ: «я не буду присягать во имя Троицы и того Бога, котораго не признаю». Разгнѣванный этимъ король самъ потребовалъ отъ Сѣницкаго, чтобы онъ не вносилъ безпорядка въ совершавшійся актъ. Сѣницкій принесъ присягу, но все-таки не произнесъ словъ: «**panu Bogu w Troiczi jedinemu**». Его единовѣрцы, два Мазовшанина — Жолинскій и Бросковскій, не присягнули вовсе: они предпочли совсѣмъ уйти изъ палаты [3]). Не обошлось и безъ столкновенія на почвѣ политическихъ интересовъ только что соединившихся Уніею сенатовъ: сенаторы Литовскіе требовали, чтобы вмѣстѣ съ ними присягали и Инфлянты, какъ часть Литовскаго княжества, сенаторы же Польскіе заявили, что Инфлянты принадлежатъ Коронѣ въ такой же степени, какъ Литвѣ, а поэтому они принесутъ присягу отдѣльно [4]). Когда окончилось принесеніе присяги [5]) лицами, при-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 486—487. [2]) Дн. Л. с. Стр. 485—486.

[3]) Дн. Л. с. Стр. 487. О Николаѣ Сѣницкомъ см. *Н. Любовича.* Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и Антитринитаріи. Варшава. 1883. Стр. 248 и сл. (Онъ былъ прежде въ числѣ вожаковъ протестантовъ).

[4]) Дн. Л. с. Стр. 487. [5]) Дн. Л. с. Стр. 488—489.

сутствовавшими въ палатѣ, король сѣлъ верхомъ на заранѣе приготовленнаго коня и отправился вмѣстѣ съ сенаторами и послами Коронными, а также множествомъ народа въ костелъ св. Станислава, гдѣ со слезами воздавалъ хвалу Богу и приказалъ пѣть Te Deum laudamus, причемъ и самъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ поющихъ [1]). На слѣдующій день, т.-е. въ субботу 2-го іюля, присягали тѣ члены сейма, которые не принесли присяги по отсутствію наканунѣ. При этомъ король настойчиво требовалъ присяги отъ неприсягнувшихъ, и извѣстные уже намъ антитринитаріи Жолинскій и Бросковскій были принуждены исполнить королевское требованіе слѣдующимъ образомъ: Коронный маршалокъ передалъ маршалку посольской избы, что король по совѣщаніи съ сенаторами запретилъ имъ, какъ не желающимъ присягнуть, участіе въ засѣданіяхъ сейма,—и антитринитаріи поспѣшили принести требуемую отъ нихъ присягу [2]). Когда такимъ образомъ присяга была принесена всѣми участниками Люблинскаго сейма, канцлеръ предложилъ теперь уже спольному Польско-Литовскому сенату на обсужденіе слѣдующую королевскую пропозицію. «Литовскіе сенаторы», говорилось въ ней, «желали прибавить къ привилею на Унію нѣкоторые пункты, которые не были включены въ него потому, что ихъ предполагалось обсудить въ то время, когда Польскіе и Литовскіе сенаторы составятъ одно засѣданіе. Поэтому теперь нужно говорить о нихъ, ибо король ихъ отложилъ до общаго засѣданія». Теперь, послѣ окончанія Уніи и предлагается королемъ подавать сенаторамъ мнѣнія по этимъ вопросамъ. Они слѣдующіе: 1) оборона государства, 2) монета, 3) когда присягать Инфлянтчикамъ—теперь или потомъ? 4) посольство въ Москву, 5) Литовскіе вряды, 6) мѣсто общихъ сеймовъ, 7) избраніе королей, 8) обезпеченіе королевскаго потомства согласно рецессу, 9) мѣста для князей. Дневникъ, изданный Дзялынскимъ, прибавляетъ къ этому еще вопросъ объ обезпеченіи Литвы [3]). Стали подавать мнѣнія [4]), но подавались они, повидимому, не по всѣмъ этимъ вопросамъ. Наиболѣе энергично трактовали вопросы о защитѣ Литовскаго княжества и объ Инфлянтахъ, хотя нѣкоторые сенаторы высказались и по другимъ изъ предложенныхъ вопросовъ. Изъ сенаторскихъ мнѣній обнаружилась, между прочимъ, ясно непригодность посполитаго

[1]) Дн. Л. с. Стр. 490. [2]) Дн. Л. с. Стр. 490—491.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 491—492. [4]) Дн. Л. с. Стр. 492—502.

рушенья въ дѣлѣ государственной обороны въ эту эпоху: многіе сенаторы высказались въ этомъ направленіи, а Литовскіе паны-рада (каштальянъ Виленскій, воевода и каштальянъ Троцкіе) заявили, что отъ рушенья «будетъ не защита Литвы, а опустошенье ея». Относительно Инфлянтовъ, Янъ Ходкевичъ по прежнему требовалъ сохраненія ихъ за Княжествомъ, понесшимъ большія издержки на нихъ. Совѣщаніе сената, повидимому, не выработало никакого общаго рѣшенія въ этотъ день, хотя и длилось такъ долго, что король даже опоздалъ къ ужину [1]).

Въ слѣдующій рабочій день сейма, понедѣльникъ 4 іюля, пропозицію королевскую должна была обсуждать посольская изба, но прежде чѣмъ она приступила къ этому дѣлу, необходимо было разрѣшить споры о мѣстахъ для пословъ отдѣльныхъ воеводствъ Коронныхъ и Литовскихъ, такъ какъ въ составъ прежней посольской избы Коронной были введены послы Литовскіе, и имъ нужно было дать мѣсто на скамьяхъ ея, вдвинувъ ихъ въ ряды Польскихъ пословъ, а при этомъ поднимались вопросы мѣстнической чести. Коронный маршалокъ вмѣстѣ съ Сендомірскимъ воеводою лично явились въ избу, и первый, приказавъ разставить скамьи, самъ указывалъ по списку мѣста для пословъ каждаго воеводства [2]). Послѣ этого маршалокъ избы поставилъ на обсужденіе субботнее предложеніе короля. Но оказалось, что посольская изба, въ которой соединились послы обоихъ народовъ, сразу раздѣлилась въ своихъ интересахъ. Послы Краковскаго воеводства заявили, что они не будутъ ни о чемъ разсуждать до тѣхъ поръ, пока избѣ не будетъ дано отвѣта на ея, сдѣланное ею еще до окончательнаго рѣшенія дѣла Уніи, предложеніе о храненіи и расходованіи кварты, а Виленское воеводство черезъ одного изъ своихъ пословъ объявило, что ни о чемъ не будетъ говорить до тѣхъ поръ, пока король не сдѣлаетъ постановленія относительно врядовъ Литовскаго княжества. Всѣ другія Коронныя воеводства, а въ ихъ числѣ Волынское, Подляшское и Кіевское, присоединились къ голосу Краковскаго; всѣ же Литовскія воеводства — къ голосу Виленскаго [3]). Такъ рѣзко обозначилось различіе интересовъ у пред-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 502.

[2]) Дн. Л. с. Стр. 502. Однако, это распредѣленіе мѣстъ Короннымъ маршалкомъ не прекратило споровъ совершенно. 6-го іюля даже передъ королемъ завели споръ послы Великой и Малой Польши о мѣстѣ для пословъ Виленскаго воеводства, и королю лично пришлось разрѣшить его приказаніемъ посламъ Виленскаго воеводства засѣдать рядомъ съ послами Познанскими. Дн. Л. с. Стр. 507. [3]) Дн. Л. с. Стр. 502—503.

ставителей соединившихся въ одну Речь Посполитую народовъ: вопросъ о квартѣ, имѣвшій первостепенное значеніе для Польши, не представлялъ ни малѣйшаго интереса для Литвы, хотя и обсуждался въ общемъ сеймовомъ собраніи пословъ обоихъ народовъ. Литва не знала кварты въ предѣлахъ Княжества и не желала допускать обсужденія ея прежде, чѣмъ будетъ рѣшенъ жгучій для Литовцевъ вопросъ объ ихъ врядахъ рядомъ съ врядами Коронными. Когда затѣмъ въ другомъ уже засѣданіи [1]) подавались голоса въ посольской избѣ о квартѣ, Литовскіе послы даже не подавали о ней и мнѣній на томъ основаніи, что они не имѣли къ ней никакого отношенія. Характерно также въ этомъ первомъ засѣданіи соединенной Польско-Литовской посольской избы было то, что, сговорившись о своихъ дѣлахъ, Поляки сказали Литовцамъ, что они сами могутъ заявить королю о Литовскихъ врядахъ; Поляки предоставляли имъ самимъ, *отдѣльно* отъ нихъ, хлопотать о Литовскомъ дѣлѣ [2]). И дѣйствительно въ рѣчи, произнесенной на другой день (5 іюля) передъ королемъ отъ имени посольской избы Холмскимъ подкоморіемъ Сѣницкимъ не было ни слова о Литовскихъ врядахъ, а требовалось лишь исполненіе желанія пословъ относительно кварты [3]).

Мы не станемъ слѣдить далѣе, день за днемъ, какъ работалъ Люблинскій сеймъ, обсуждая дѣла, подлежавшія его дѣятельности, такъ какъ онъ занялся послѣ разрѣшенія дѣла Уніи Коронными дѣлами, представлявшими интересъ лишь для Польши, а не для Литовскаго княжества, и остановимся только на нѣсколькихъ вопросахъ и сторонахъ его дѣятельности, представляющихъ интересъ для нашей цѣли, выясненія отношеній Княжества и Короны, какъ они устанавливались въ 1569 году. Изъ этихъ вопросовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вопросъ о правахъ и функціяхъ высшихъ Литовскихъ врядовъ рядомъ съ одноименными врядами Коронными въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ. Дѣятельность однихъ на общихъ сеймахъ должна была исключать дѣятельность другихъ, а между тѣмъ, согласно привилею на Унію, значеніе Литовскихъ врядовъ должно было оставаться въ полной его неприкосновенности. Мы видѣли, вопросъ этотъ поднимался уже не разъ, поднятъ онъ былъ и въ первомъ соединенномъ засѣданіи 4 іюля пословъ зем-

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 548 (15-го іюля). [2]) Дн. Л. с. Стр. 504.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 504—505.

скихъ Литвы и Польши. Дѣйствительно вопросъ этотъ настоятельно требовалъ разрѣшенія. 8 іюля [1]) король вмѣстѣ съ сенатомъ приступилъ къ обсужденію того, какъ будутъ впредь исполнять свои обязанности маршалки Короны и Княжества. Разсказывая объ этомъ, авторъ сеймового дневника прибавляетъ, что объ этомъ былъ большой споръ между маршалками обоихъ народовъ, создавшій большія затрудненія [2]). На другой день, т.-е. 9-го числа, въ посольскую избу явился посланный отъ короля Коронный подскарбій съ изложеніемъ на бумагѣ обязанностей маршалковъ обоихъ народовъ для обсужденія этого дѣла послами. Въ этой бумагѣ такъ разрѣшался маршалковскій вопросъ. На настоящемъ, Люблинскомъ сеймѣ первенство долженъ сохранить за собою маршалокъ Коронный; пусть онъ раздастъ голоса въ радѣ и управляетъ, но жезлы должны поднимать передъ королемъ маршалки обоихъ народовъ. Судитъ Поляковъ маршалокъ Коронный, Литовцевъ—Литовскій. Дѣла смѣшанныя, т. е. справы Поляковъ съ Литовцами въ Литвѣ и въ Польшѣ, подлежащія вѣдѣнію маршалковскаго уряда разбираютъ оба маршалка въ замкѣ королевскомъ. На настоящемъ сеймѣ должно быть постановлено (opatrzono) сеймовою конституціею въ цѣляхъ сохраненія врядовъ Коронныхъ и Литовскихъ цѣликомъ при ихъ власти, чтобы на слѣдующемъ сеймѣ alternatim имѣлъ всю власть маршалковскую маршалокъ Литовскій; и такъ всегда должны на сеймахъ, бывающихъ по очереди въ Брестѣ-Литовскомъ и въ Варшавѣ, чередуясь, держать весь маршалковскій урядъ—въ Берестьѣ маршалокъ Литовскій, въ Варшавѣ маршалокъ Коронный. Король объяснялъ необходимость такого постановленія данною Литовцамъ клятвою сохранить значеніе врядовъ, а такъ какъ у нихъ отнято право имѣть отдѣльный сеймъ, то для сохраненія значенія врядовъ Литовскихъ необходимо допустить созываніе сеймовъ поочередно—разъ въ Литвѣ, другой разъ въ Польшѣ [3]). Посольская изба не вошла въ обсужденіе этого дѣла. Она была занята вопросомъ о сборѣ, храненіи и расходованіи кварты, вызвавшимъ большіе раздоры между послами Великой и Малой Польшъ изъ-за выбора мѣста для храненія. Послы земскіе отказались обсуждать вопросъ о маршал-

[1]) Дневникъ, изд. Кояловичемъ, даетъ 9 іюля, какъ день этого обсужденія; дневникъ, изд. Дзялынскимъ,—8-е. (Дн. Л. с. стр. 524). Мы принимаемъ послѣднюю дату, такъ какъ 9-го числа бумага съ изложеніемъ обязанностей маршалковъ была уже передана посольской избѣ.

[2]) Дн. Л. с. Стр. 524. [3]) Дн. Л. с. Стр. 524—525.

кахъ, предоставивъ его сенату и королю; посольская изба поняла, что сенаторы передали это дѣло ей для того, чтобы свалить на нее потомъ всю вину за то или другое его разрѣшеніе [1]). Но вопросъ этотъ не могъ быть отложенъ въ долгій ящикъ. 16 іюля Литовскіе послы вновь заявили въ избѣ, что они не станутъ обсуждать вмѣстѣ съ Поляками никакого дѣла до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено дѣло объ урядахъ княжества Литовскаго [2]), и Перемышльскій судья, говорившій въ этотъ день королю рѣчь отъ имени посольской избы, объявилъ ему въ числѣ другихъ заявленій и то, что изба не можетъ обсуждать вопроса о защитѣ Литвы, такъ какъ Литовскіе послы не хотятъ говорить о ней, пока не кончится споръ о маршалковскихъ урядахъ [3]). Отвѣчая на эту рѣчь, Сигизмундъ Августъ, сказалъ, что онъ самъ разрѣшитъ споръ о маршалковствахъ [4]). На слѣдующій день (17 іюля) Литовцы сами черезъ одного изъ пословъ Литовскихъ, Сновскаго, заявили сенату, что не будутъ обсуждать никакого дѣла до разрѣшенія этого спорнаго вопроса [5]). Однако вопросъ этотъ не такъ легко было разрѣшить. Давая клятву сохранить значеніе Литовскихъ врядовъ, Поляки не продумали содержанія этого обѣщанія и не представляли себѣ ясно того, какъ будетъ устроенъ спольный Польско-Литовскій сеймъ въ деталяхъ своей организаціи и дѣятельности. Требовали спольнаго сейма, но легкомысленно не ставили себѣ вопроса, какъ же онъ будетъ устроенъ; думали, что Литовскій сеймъ просто-на-просто сольется съ Короннымъ, и не предвидѣли никакихъ затрудненій при этомъ сліяніи, необдуманно клянясь сохранить неприкосновенными значеніе и права Литовскихъ урядовъ. А между тѣмъ эти уряды, въ особенности маршалковства (великое и дворное), на спольномъ сеймѣ должны были играть одну и ту же роль съ урядами Польскими, тѣмъ исключая ихъ; такимъ образомъ, нужно было по меньшей мѣрѣ измѣнить, если не уничтожить совсѣмъ значеніе Коронныхъ маршалковъ на сеймѣ, сохраняя его для Литовскихъ. Примасъ ясно выразилъ такое положеніе вопроса. 17 іюля онъ говорилъ въ сенатѣ: «что касается Литовскихъ сенаторовъ, то не знаю, какъ тутъ быть. Недавно мы имъ клялись, что сохранимъ имъ ихъ должности, которыя и дѣйствительно будутъ сохранены; но съ другой стороны, я не желалъ бы, чтобы должности Королевства потеряли

[1]) Дн. Л. с. Стр. 526. [2]) Дн. Л. с. Стр. 561. [3]) Дн. Л. с. Стр. 563.
[4]) Дн. Л. с. Стр. 564. [5]) Дн. Л. с. Стр. 569.

какъ-нибудь свое значеніе. чтобы онѣ подвергались какому-либо измѣненію; впрочемъ. это неизбѣжно бываетъ, когда соединяются государства. Хотя бы меня въ куски изрубили, какъ говорили въ старину, не стану говорить противъ совѣсти. Убереги меня отъ этого Богъ» [1]). Какъ бы то ни было, но вопросъ этотъ долженъ былъ быть разрѣшенъ. Съ его разрѣшеніемъ знакомитъ насъ письмо Литовскаго земскаго подскарбія Николая Нарушевича къ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, писанное въ Люблинѣ 28 іюля 1569 года [2]). Въ этомъ письмѣ читаемъ: «власть урядовъ великаго и надворнаго Литовскихъ маршалковъ уже опредѣлена его королевскою милостью такимъ образомъ, что эти должности должны быть copulata съ врядами маршалковъ Польскихъ; жезлы должны поднимать вмѣстѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ, раздавать голоса (wota) долженъ Польскій маршалокъ Полякамъ, Литовскій Литовцамъ, какъ уже они и дѣйствуютъ (sprawuią); Поляка долженъ судить маршалокъ Польскій, Литовца—Литовскій; при арестованіяхъ злочинцевъ при слугахъ великаго Польскаго маршалка долженъ имѣть одного, или двухъ слугъ маршалокъ Литовскій въ видахъ предупрежденія уменьшенія чести (dlia przestrzegania

[1]) Дн. Л. с. Стр. 573.

[2]) Вил. Арх. Сб., VII. № 27. Это письмо по датѣ, напечатанной издателями, написано 28 іюня. Но если это не опечатка въ изданіи, то описка въ рукописи, и вмѣсто 28 Iunii нужно, несомнѣнно, читать 28 Iulii. Въ этомъ письмѣ Нарушевичъ говоритъ о полученномъ имъ письмѣ Николая Радивила, оплакивающемъ «pogrzeb y zgładzenie na wieczne czasy wolney a udzielnei rzeczy pospolitey, *niegdy* W. Xięstwa Litewskiego» Унія была рѣшена окончательно лишь 27 іюля, и потому невозможно считать датою письма Нарушевича 28 іюня, ибо это значило бы признавать возможнымъ, что въ одни сутки гонецъ успѣлъ съѣздить въ Вильну изъ Люблина и вернуться въ него обратно съ письмомъ Радивила, на которое отвѣчаетъ Нарушевичъ. Кромѣ того, письмо Нарушевича, изданное въ VII томѣ Вил. Арх. Сборника, говоритъ о назначеніи 9 августа днемъ закрытія сейма. Въ концѣ іюня не могло быть и рѣчи о днѣ окончанія сейма, такъ какъ еще слишкомъ много дѣла было впереди. Лишь 18 іюня посольская изба избрала депутатовъ для составленія списка петицій воеводствъ и подумала о томъ, что нужно сдѣлать до окончанія сейма (Дн. Л. с. Стр. 574, 575). Подъ 20 іюля вновь встрѣчаемъ запись о дѣятельности этихъ депутатовъ (Дн. Л. с. Стр. 576). Еще 27 іюля послы земскіе заявляли королю о своемъ желаніи поскорѣе окончить сеймъ (Дн. Л. с. Стр. 584): очевидно, что даже 27 іюля еще не было опредѣлено время его окончанія. Наконецъ, и слова письма Нарушевича о маршалкахъ, какъ уже дѣйствующихъ по своимъ урядамъ, могутъ относиться лишь къ іюлю мѣсяцу и потому, что первое засѣданіе спольнаго Польско-Литовскаго сената состоялось только 1 іюля.

*

ubliżenia) Литовскаго народа. Объ остальныхъ функціяхъ (oynych władzach) этихъ врядовъ отложено до другого сейма» [1]). Точно также излагаетъ отношенія маршалковъ обоихъ народовъ и королевскій привилей. данный 19 іюля 1569 года [2]).

Другимъ вопросомъ первостепенной важности и огромнаго интереса является вопросъ объ участіи Литовцевъ въ дѣлахъ общаго сейма. Представлялъ ли изъ себя сеймъ картину дѣйствительно общей работы Поляковъ и Литовцевъ въ дѣлахъ, подлежавшихъ его обсужденію, или же въ самыхъ дѣлахъ существовало раздѣленіе на дѣла спеціально Коронныя, представлявшія интересъ лишь для Польскихъ членовъ сейма, и дѣла Литвы, дѣла спеціальнаго интереса Литовцевъ? Но кромѣ этихъ дѣлъ спеціальнаго характера первый спольный сеймъ Польско-Литовскій долженъ былъ разрѣшить и дѣла обще-государственныя. Какъ относились другъ къ другу оба народа при разрѣшеніи этихъ дѣлъ? Тутъ мы не имѣемъ въ виду тѣхъ исключительныхъ вопросовъ, которые касались отдѣльныхъ частей самаго договора, какъ вопросъ о власти маршалковъ, только что нами разсмотрѣнный, но лишь дѣла, содержаніемъ которыхъ было не созданіе статей акта Уніи и ихъ толкованіе, а разрѣшеніе, такъ сказать, обычныхъ обще-государственныхъ нуждъ и потребностей. Такимъ дѣломъ являлся вопросъ объ устройствѣ обороны государства и связанный съ нимъ вопросъ о налогѣ для нея. Защита Княжества отъ Московскаго врага его являлась не только дѣломъ государственной необходимости, но и личной чести Польскаго народа. Обращаясь къ посламъ земскимъ, примасъ Уханскій говорилъ 13 іюля: «обсудите защиту государства. Мы взяли Литовское княжество и другія государства: нужно обсудить, какъ бы не оказалось, что мы взяли ихъ на посрамленіе себѣ, т.-е. что взяли ихъ и не защищаемъ. Какая это будетъ слава!» [3]). 15 іюля посольскій маршалокъ предложилъ избѣ подавать мнѣнія о защитѣ Литвы [4]). Но изба предпочла заняться вопросомъ о долгѣ короля Коронѣ, поставленнымъ также маршалкомъ, притомъ передъ вопросомъ о Литвѣ, и такъ увлеклась имъ, что вовсе и не коснулась Литовской защиты [5]). 16 іюля королемъ

---

[1]) Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 48.

[2]) Zbiór Pamiętników do dziejów Polskich. Wydał *Włodzimierz Stanisław Hr. de Broel-Plater*. Tom 2. Warszawa 1858. Str. 17, 18. Характеристику врядовъ Литовскихъ великаго и дворнаго маршалковъ читатель найдетъ въ III главѣ настоящаго изслѣдованія.

[3]) Дн. Л. с. Стр. 534. [4]) Дн. Л. с. Стр. 546. [5]) Дн Л. с. Стр. 546—549.

черезъ канцлера было приказано избѣ заняться обсужденіемъ защиты Княжества, о чемъ уже давно было сдѣлано ей предложеніе, но изба опять разсудила иначе. Она постановила: «не обсуждать дѣла о защитѣ Литовскаго княжества. Литовскіе послы заявили, что не станутъ съ нами обсуждать никакого дѣла, пока не будетъ устроено дѣло о должностяхъ Литовскаго княжества: такъ и намъ не слѣдуетъ заниматься этимъ дѣломъ. Лучше намъ прежде устроить *свои* дѣла ...» [1]). О защитѣ Литвы не хотятъ говорить сами Литовцы, поэтому не могутъ разсуждать о ней и послы Коронные— приговорила изба, не упустивъ, однако, воспользоваться этимъ дѣломъ для того, чтобы добиться отъ короля уничтоженія мыта Русскихъ рудниковъ, которое было поставлено необходимымъ условіемъ для начала занятій избы вопросомъ объ оборонѣ [2]). Рѣчь оратора избы [3]) къ королю заявила ему о невозможности изъ-за самихъ Литовцевъ обсуждать оборону [4]), и Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ, что Литовцы будутъ обсуждать защиту государства, такъ какъ онъ самъ разрѣшитъ вопросъ о маршалковствахъ [5]).

1 августа вновь было приказано заняться дѣломъ защиты Литвы; канцлеръ предложилъ посламъ заняться этимъ вопросомъ, «abi sie czas nie wlłokł» [6]). На другой день маршалкомъ избы было предложено земскимъ посламъ подавать мнѣнія объ оборонѣ [7]). Но обсужденіе ея не было ведено съ большимъ интересомъ. Краковское воеводство отказалось говорить объ оборонѣ, Познанское— соглашалось дать по 20 грошей съ лана, чтобы Московская граница и Инфлянты не оставались совершенно безъ войска. Въ то же время послы Виленскаго воеводства собрали около себя остальныхъ Литовскихъ пословъ, и всѣ они постановили сдѣлать избѣ общее заявленіе черезъ одного изъ пословъ Княжества. Это заявленіе требовало помощи Поляковъ дѣлу уничтоженія тягостей, лежащихъ на обывателяхъ Литовскихъ. Послы Литовскіе не желаютъ приступать ни къ какому дѣлу, пока эти тягости не будутъ сняты съ Литвы. Относительно защиты Литовцы объявили, что они не будутъ говорить о защитѣ путемъ денежнаго побора, но поѣдутъ противъ врага посполитымъ рушеньемъ, причемъ просятъ о рушеньѣ и Поляковъ. На это послы Коронные отвѣчали: «если вамъ, господа, не нужна постоянная защита, то мы и не будемъ объ ней говорить, но не видимъ также настоятельной надобности и

[1]) Дн. Л. с. Стр. 561. [2]) Дн. Л. с. Стр. 562. [3]) Перемышльскаго судьи.
[4]) Дн. Л. с. 563. [5]) Дн. Л. с. Стр. 564. [6]) Дн. Л. с. 595.
[7]) Дн. Л. с. Стр. 599.

въ посполитомъ рушеньѣ». Посылаются въ Москву послы, и, если имъ удастся заключить миръ, то не будетъ нужды въ посполитомъ рушеньѣ ни Литвѣ, ни Польшѣ; если же мира заключено не будетъ, то необходимо послать на границы войско, чтобы непріятель не посмѣлъ сдѣлать вторженія. Поэтому нужно говорить о деньгахъ на постоянное войско. Если окажется, что необходимы чрезвычайныя мѣры, то король созоветъ сеймики и вальный сеймъ; будутъ приняты мѣры для отпора врага и, въ случаѣ надобности, Поляки двинутся посполитымъ рушеньемъ, но это они могутъ сдѣлать лишь въ слѣдующемъ году и то не иначе, какъ послѣ совѣщанія пословъ со своею шляхтою. Однако Литовскіе послы все-таки не хотѣли говорить объ обыкновенной оборонѣ (o potoczney obronie) [1]). Тогда и Польскіе ихъ товарищи постановили не разсуждать о ней, заявить объ этомъ королю (для защиты же Польши есть кварта и кварцяныя деньги) и просить его окончить такъ долго длящійся сеймъ [2]). Все это было высказано королю въ тотъ же день въ рѣчи посольскаго маршалка, а послѣ нея выступилъ впередъ одинъ изъ Литовскихъ пословъ, Сновскій, и просилъ Сигизмунда Августа отъ имени всѣхъ ихъ снять съ Литовцевъ лежавшія на нихъ тягости, безъ чего они не приступятъ къ обсужденію никакого дѣла. Что касается до защиты, то, по словамъ Сновскаго, Литвѣ «не нужна обычная оборона постояннымъ войскомъ, такъ какъ неизвѣстно еще, намѣренъ ли король воевать съ Москвою» [3]). Послѣ этого посольскій маршалокъ сказалъ: «наіяснѣйшій, милостивый король! Должно открыто высказать вашей королевской милости, ничего не скрывая. Господа (Литовцы) утверждаютъ, что ваша королевская милость обязаны своею казною устроять обыкновенную оборону» [4]). Добавилъ еще нѣсколько словъ Радѣевскій староста. Ходкевичъ и Воловичъ вскричали тогда, обращаясь къ Литовскимъ посламъ: «ради Бога! что дѣлаете! вѣдь намъ нужна постоянная защита!» На все, высказанное ему, СигизмундъАвгустъ отвѣтилъ, что онъ рѣшилъ воевать съ Москвою, но, пока вернутся послы изъ Москвы да пока будетъ обдумано, какъ вести войну, нужна обыкновенная оборона. Что же касается до того, будто король обязанъ самъ ее устроивать, то такого закона нигдѣ найти невозможно. Ходке-

---

1) Дн. Л. с. Стр. 601. 2) Дн. Л. с. Стр. 602. 3) Дн. Л. с. Стр. 602—603.

4) Т. е. Литва хотѣла того же, что было въ Польшѣ, имѣвшей отъ короля кварцяныя деньги на наемъ постояннаго войска для охраны границъ.

вичъ возразилъ Сигизмунду Августу, что король обязанъ обезпечить военною обороною замки. Сигизмундъ Августъ согласился съ нимъ, сославшись на законы (pismo), но не продолжалъ своей рѣчи далѣе и приказалъ посламъ удалиться къ себѣ и обсуждать это дѣло [1]).

Сущность всего дѣла была въ томъ, что въ Польшѣ еще въ 1563 году Сигизмундъ Августъ отказался отъ четвертой части (кварта) доходовъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній [2]), которая поступала на наемъ такъ называемаго кварцянаго войска для постоянной защиты границъ Польши Такимъ образомъ Польскіе обыватели не знали расходовъ на обыкновенную оборону границъ Польскихъ и должны были платить налогъ или подниматься въ посполитомъ рушеньѣ лишь въ случаяхъ чрезвычайной нужды государственной. Литва не имѣла кварты королевской и должна была устраивать на средства своихъ обывателей и обычную, и чрезвычайную оборону своего Княжества. Послы Литовскіе, опираясь на данное имъ обѣщаніе равенства въ правахъ съ Поляками и добивались послѣ Уніи, установленія такого же порядка обычной защиты границъ Литовскихъ на средства королевскихъ имѣній, какъ это было въ Польшѣ, имѣвшей кварту. Но если послы Литовскіе стремились къ новому порядку и расширенію вольностей народа Литовскаго, сенаторы Княжества зорко наблюдали за сохраненіемъ старыхъ правъ Литвы, и Ходкевичъ напомнилъ Сигизмунду-Августу объ его обязанности относительно содержанія въ боевой готовности укрѣпленій Литовскихъ, обязанности, опредѣленной письменными документами.

3 августа посольская изба стала разсуждать о налогѣ и согласилась дать на дѣло защиты государства трехлѣтній налогъ по 20 грошей съ лана, но съ Литовскими послами по этому вопросу соглашенія, однако, не состоялось [3]). Причину трудности сговориться Полякамъ съ Литовцами излагаетъ самъ составитель дневника сейма, разсказывая о событіяхъ 4 августа. Оказалось, что въ Литвѣ поборы организованы иначе, чѣмъ въ Коронѣ. Въ Литвѣ

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 603—604.

[2]) См. о квартѣ: Vol. legum II. Petersburg 1859, str 17 (O pozwoleniu czwartej części na obronę potoczną). *A. Pawiński*. Skarbowość w Polsce i jéj dzieje za Stefana Batorego. Żròdła Dziejowe VIII. Warszawa. 1881. Str. 132—141. См. также въ общихъ трудахъ по исторіи Польши, пр. *М. Бобржинскій*. Очеркъ исторіи Польши. II. СПБ. 1891. Стр. 84 и *J. Szujski*. Dzieje Polski. T. II. W Krakowie 1795. Str. 366.

[3]) Дн. Л. с. Стр. 605.

существовало два побора — большой и малый [1]. Первый собирается со всякой торговли и идетъ въ скарбъ самого короля (do skarbu samego krolia iego moszci) на нужды королевскія и на обезпеченіе (opatrzenie) замковъ. Въ этотъ поборъ не включается чоповое, но такъ какъ сумма его гораздо больше, чѣмъ сумма чопового, то Литовскія воеводства старались о томъ, чтобы было равенство въ поборѣ въ Литвѣ и въ Польшѣ, такъ какъ онѣ составляютъ теперь одно тѣло. Кромѣ того, этотъ поборъ въ Литвѣ шелъ не прямо на удовлетвореніе нуждъ государственныхъ, но въ скарбъ королевскій, почему Литовскіе послы и заявили желаніе, чтобы онъ шелъ на государственныя нужды. Что касается до малаго побора, то онъ продолжится лишь до дня Всѣхъ Святыхъ [2]. Но этимъ не окончились недоразумѣнія съ постановленіемъ побора. 6 августа посольская изба читала поборовый универсалъ, изданный на истекшее трехлѣтіе, и рѣшила принять тотъ же поборъ и на слѣдующее трехлѣтіе, сдѣлавъ лишь измѣненія въ дѣлѣ организаціи передачи его сборщиками въ дальнѣйшія инстанціи [3]. Однако, при этомъ возникло серьезное затрудненіе ввиду особенностей поборовъ Литовскихъ. Въ Литвѣ серебщизна взималась съ дворовъ, и этого никакъ не могли понять Поляки, какъ несвойственнаго Польшѣ. Поэтому послы Коронные выбрали нѣсколько человѣкъ и, присоединивъ ихъ къ маршалку избы, поручили имъ всѣмъ вмѣстѣ съ нѣсколькими Литовскими послами согласить поборы Литовскій и Польскій. При этомъ послы Княжества уперлись на томъ, чтобы поборъ съ городовъ королевскихъ шелъ на обыкновенную оборону, какъ въ Польшѣ, а не въ скарбъ королевскій, какъ это было до Уніи [4]. 9 августа передъ королемъ въ сенатѣ при послахъ земскихъ былъ прочитанъ поборовый универсалъ, но такъ какъ поборовый универсалъ въ Литву не понравился королю и сенаторамъ Княжества, то Сигизмундъ Августъ поручилъ подскарбіямъ Коронному и Литовскому согласить ихъ, чтобы было полное равенство [5]. Такъ закончилось составленіе побороваго универсала 1569 года [6].

---

[1]) Переводъ на стр. 607 невѣренъ. [2]) Дн. Л. с. Стр. 607, 608.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 614. [4]) Дн. Л. с. Стр. 615. [5]) Дн. Л. с. Стр. 621, 622.
[6]) Поборовый универсалъ въ Княжество изданъ въ Документахъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. (Т. I. М. 1897 г., стр. 502—505). Мы уже выше имѣли случай указать ошибку издателя относительно этого документа. Разсказъ дневника сейма объ его составленіи дополняетъ высказанныя нами выше соображенія.

Мы видѣли сейчасъ, какъ обсуждалось на первомъ спольномъ сеймѣ Литвы и Польши дѣло защиты государственной. Нельзя не подмѣтить постоянно обнаруживавшагося различенія сеймомъ интересовъ Короны и Княжества даже въ дѣлѣ защиты границъ. Казалось-бы, какое дѣло должно быть болѣе общимъ для всего соединеннаго государства, если не дѣло защиты отъ общаго врага, а между тѣмъ видимъ полное раздѣленіе вопроса о защитѣ государства на два: защиту Польши и защиту Литвы. Самые источники средствъ различны для той и для другой. На обычную защиту первой идетъ Коронная кварта, на обычную защиту второй устанавливается поборъ, несмотря на то, что Литва всѣми силами добивалась на сеймѣ введенія въ ней Польскаго порядка въ этомъ отношеніи. Правда, что поборъ на защиту Княжества былъ установленъ по всему государству, онъ будетъ взиматься и съ Короны и съ Княжества, но посольская изба во время обсужденія его постоянно выдѣляетъ *свое*, Польское, не смѣшивая его съ Литовскимъ. Нельзя было не позаботиться объ охранѣ Литвы, это было бы равносильно полному разрушенію только что заключенной Уніи и вопіющимъ попраніемъ ея договора, но въ высокой степени характернымъ для этой Уніи является выдѣленіе сразу *своего* и *своей* обороны Коронною частью посольской избы, только что провозгласившей сліяніе въ *единое тѣло* Литвы и Польши, но охраняющей отъ расходовъ на Литву свою кварту. Если Литва, такимъ образомъ, стремилась неустанно къ сохраненію во многихъ политическихъ сторонахъ своей отдѣльности отъ Польши, то и послѣдняя, противясь этому, сама ставила преграду полному сліянію Княжества съ Короною, подчеркивая отдѣльность своего кошелька и своихъ матеріальныхъ интересовъ отъ Литовскихъ.

Посмотримъ теперь, какъ относятся на сеймѣ 1569 года Литовцы къ дѣламъ, имѣющимъ значеніе лишь для Польши, и какъ относятся Поляки къ дѣламъ спеціально-Литовскимъ. Мы видѣли уже выше, что Литовскіе послы прямо отказались 15 іюля подавать свои мнѣнія о квартѣ на томъ основаніи, что Княжество не подлежитъ ей [1]). Такимъ образомъ, Литовцевъ интересуетъ лишь то, что касается ихъ непосредственно, какъ ихъ частно-Литовское дѣло, или какъ обще-государственное, а къ мѣстно-Польскому у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго интереса. Взглянемъ и на то, какъ смотрятъ Поляки на мѣстно-Литовскія дѣла. Прежде всего необ-

[1]) Дн. Л. с. Стр. 548.

ходимо отмѣтить, что ораторъ посольской избы, передавая ея просьбы королю и сенату, передавалъ и просьбы Литовцевъ [1]). Ходкевичъ [2]) и Воловичъ [3]) даже искали ходатайства избы передъ государемъ по дѣламъ частнымъ. Но если посольская изба занималась и мѣстно-Литовскими дѣлами, то встрѣчаемъ и примѣры исключительно Литовской работы надъ ними. Мы видѣли выше, какъ о требованіи Литовскомъ заявлялъ королю отдѣльно, послѣ рѣчи оратора избы, одинъ изъ пословъ земскихъ Литовскихъ [4]). Статьи конституціи сеймовой, касающіяся Княжества, были составляемы Литовскими послами отдѣльно и уже затѣмъ читались посольской избѣ. Подъ 30-мъ іюля въ дневникѣ сейма записано между прочимъ: «потомъ читали Литовскіе артикулы, но не кончили и постановили, чтобы Литовцы избрали изъ своей среды нѣсколько человѣкъ, эти лица отправились-бы къ посольскому маршалку и вмѣстѣ съ нимъ скорриговали конституціи. Такъ было постановлено, такъ и сдѣлано» [5]). 1 августа послы Литовскіе просили избу, чтобы имъ было разрѣшено прочитать ихъ конституціи, которыхъ они не успѣли приготовить и отдать наверхъ (въ сенатъ) вмѣстѣ съ конституціями Польскими [6]). Это чтеніе вызвало столкновеніе Литовцевъ съ Поляками изъ-за Инфлянтовъ, которые присвоивали себѣ Литовцы. Изъ преній, возникшихъ по поводу этого, обнаружилось, что Литовскіе послы земскіе имѣли и отдѣльныя сношенія съ сенатомъ, повидимому, цѣлымъ, а не только Литовскимъ, ведя съ нимъ переговоры относительно своихъ желаній [7]). У Литовцевъ были и свои частныя дѣла, о которыхъ они ходатайствовали передъ королемъ, прося поддержки у Поляковъ [8]). Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года вообще даетъ очень много интересныхъ подробностей для выясненія того, какъ составлялись сеймовыя конституціи спольнаго Польско-Литовскаго сейма [9]). Проектъ конституціи составлялся посольскою

[1]) Дн. Л. с. Стр. 585. [2]) Дн. Л. с. Стр. 595 (за Борковскаго).

[3]) Дн. Л. с. Стр. 589. (О возвращеніи ему Ломазовъ, Воина и Кодынца, отобранныхъ отъ него за отказъ присягнуть съ Подляшьемъ. Объ его дѣлѣ также стр. 595, 596, 597).

[4]) Сновскій 2 авг. Дн. Л. с. Стр. 602, 603. [5]) Дн. Л. с. Стр. 589.

[6]) Дн. Л. с. Стр. 598. [7]) Дн. Л. с. Стр. 598. [8]) Дн. Л. с. Стр. 608.

[9]) Мы не касаемся въ настоящемъ томѣ нашего изслѣдованія вопроса о томъ, насколько и въ какихъ частяхъ своихъ были обязательны статьи конституцій Польско-Литовскаго сейма для великаго княжества Литовскаго, т. е. были ли обязательны для него всѣ статьи конституцій, относительно которыхъ не было обозначено, что имъ не подлежитъ Литва, или что онѣ изданы спе-

избою. 21 іюля послы земскіе принесли проектъ въ избу [1]), но онъ оказался неудачнымъ и былъ разорванъ [2]). На другой день вновь былъ принесенъ послами проектъ конституціи, составленный маршалкомъ избы Чарнковскимъ, но на него не послѣдовало единогласнаго согласія пословъ, и 23 іюля изба читала уже новый проектъ конституціи, составленный Холмскимъ подкоморіемъ Сѣницкимъ и Перемышльскимъ судьею Орѣховскимъ [3]). Однако, и этому проекту не удалось удостоиться одобренія всѣхъ пословъ земскихъ [4]). Чтобы, наконецъ, покончить это дѣло, посольская изба составила въ тотъ же день (23 іюля) цѣлую коммиссію, въ которую вошли Холмскій подкоморій Сѣницкій, Калишскій судья Потворовскій и по одному послу изъ каждаго воеводства. Но не удалось окончить дѣла и этой коммиссіи: поднялся споръ изъ-за постановленій относительно Пруссіи, и Калишскій судья разорвалъ то, что имъ было написано. Тогда конституція была написана

ціально для какой-нибудь отдѣльной части (не Литвы) Речи Посполитой, или же нужно признавать обязательными для Литвы лишь тѣ статьи конституцій, въ которыхъ обозначено, что онѣ изданы для Княжества. Въ ученой литературѣ Русской девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія вопросъ этотъ былъ поднятъ съ очень большою энергіею по поводу одного частнаго случая (считать ли наслѣдство графа Манузи, открывшееся въ 1822 году, выморочнымъ на основаніи кадуковаго права, или признать на него права представителей боковыхъ линій рода графа Манузи). Возникши въ судѣ, на почвѣ гражданскаго иска, вопросъ этотъ былъ перенесенъ повѣренными сторонъ (покойный профессоръ С.-Петербургскаго Университета С. А. Бершадскій и присяжный повѣренный Б. Г. Ольшамовскій) на почву ученаго изслѣдованія. Правительствующій Сенатъ, когда дѣло было перенесено въ него, пройдя черезъ Ковенскій Окружный Судъ и Виленскую Судебную Палату, обратился къ профессорамъ Владимірскому-Буданову, Сергѣевичу, Пахману и Леонтовичу съ просьбою высказаться по возбужденному этимъ дѣломъ историко-юридическому вопросу. Кромѣ того, вопросомъ заинтересовались С. Л. Пташицкій и проф. А. Гольмстенъ, высказавшіеся по нему въ печати. Такимъ образомъ создалась цѣлая литература вопроса въ напечатанныхъ работахъ С. А. Бершадскаго, проф. Гольмстена, проф. Леонтовича, г. Ольшамовскаго и г. Пташицкаго. Мы не станемъ останавливаться на этомъ вопросѣ въ настоящемъ томѣ нашей работы, отлагая его до ея продолженія, до главы, посвященной Польско-Литовскому сейму, и отсылаемъ читателя къ этой литературѣ, въ которую вводитъ книжка г. *Б. Г. Ольшамовскаго.* Обязательность для Великого Княжества Литовскаго Конституцій Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о выморочности (Кадукахъ) по Польско-Литовскому Законодательству. Спб. 1897.

[1]) Дн. Л. с. Стр. 576. [2]) Дн. Л. с. Стр. 577.

[3]) Дн. Л. с. Стр. 577. [4]) Дн. Л. с. Стр. 577, 578.

маршалкомъ избы Чарнковскимъ по его произволу (wedlie swei fantasiei), и, такъ какъ посламъ надоѣло все это дѣло, они согласились принять написанное имъ [1]). Затѣмъ послы явились наверхъ, къ королю. Чарнковскій передалъ тамъ артикулы конституціи, но послѣ этого выступили впередъ Орѣховскій и Сѣницкій; первый просилъ позволенія представить для конституціи статьи о Русскомъ воеводствѣ, второй представилъ составленныя имъ конституціи о Пруссіи. Сигизмундъ Августъ приказалъ имъ обоимъ отдать ихъ статьи подканцлеру. Посламъ земскимъ былъ данъ королемъ отвѣтъ черезъ канцлера: король съ сенатомъ разсмотритъ проектъ конституціи, составленный избою, а послы должны удалиться въ свою палату и обсуждать мѣры къ защитѣ государства, оставивъ лишь депутатовъ для суда по дѣламъ экзекуціи [2]). Въ слѣдующіе дни сенатъ съ королемъ обсуждалъ представленный ему избою проектъ конституціи [3]). 26 іюля королемъ былъ присланъ въ избу подскарбій съ тѣми статьями конституціи, которыя были уже обсуждены имъ и сенатомъ. Это были еще не всѣ статьи, а лишь нѣкоторыя. 27 іюля изба читала эти возвращенныя ей статьи и видя, что сенаторы измѣнили нѣкоторыя изъ нихъ, рѣшила добиться того, чтобы оставлено было такъ, какъ было раньше принято ею [4]). Послѣ рѣчи Перемышльскаго судьи, сказанной въ этомъ смыслѣ передъ королемъ по порученію посольской избы [5]), къ посламъ былъ присланъ Сигизмундомъ Августомъ подканцлеръ Коронный съ исправленными пунктами конституціи. Онъ читалъ рукопись, и посольская изба согласилась принять внесенное въ проектъ сенатомъ, но для редакціи конституціи избрала въ помощь подканцлеру трехъ лицъ изъ своего состава—Сѣницкаго, Потворовскаго и Прилецкаго [6]). 30 іюля посольскій маршалокъ принесъ съ собою въ избу проектъ конституціи, но чтеніе его не состоялось за другими дѣлами [7]). Въ тотъ же день послы стали читать статьи конституціи по дѣламъ Литвы, но, не окончивъ чтенія постановили, чтобы Литовцы, избравъ изъ своей среды нѣсколькихъ лицъ, отправили ихъ къ посольскому маршалку для корригаціи конституцій. «Такъ было постановлено, такъ было и исполнено», прибавляетъ дневникъ сейма [8]). 1 августа посольская изба читала конституціи, составленныя Коронnымъ

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 578. [2]) Дн. Л. с. Стр. 579.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 582 (записано подъ 26 іюля). [4]) Дн. Л. с. Стр. 584.
[5]) Дн. Л. с. Стр. 584—587. [6]) Дн. Л. с. Стр. 587—588.
[7]) Дн. Л. с. Стр. 588. [8]) Дн. Л. с. Стр. 589.

подканцлеромъ вмѣстѣ съ депутатами избы. Это чтеніе взяло много времени, такъ какъ послы, читая, одно исключали, другое прибавляли; наконецъ, согласившись всѣ, въ полномъ согласіи пошли наверхъ къ королю, и Чарнковскій, маршалокъ посольскій, представилъ конституцію государю [1]). Однако, оказалось, что въ этой конституціи не было статей, касающихся Литвы, составленіе которыхъ было дѣломъ Литовцевъ. Когда земскіе послы, передавъ конституцію королю, вернулись въ свою палату, послы Литовскіе просили дозволить имъ читать ихъ статьи, которыхъ они не успѣли приготовить во-время и передать наверхъ вмѣстѣ съ Коронными [2]). Посольскій маршалокъ возстановилъ тишину и сказалъ Литовцамъ приступить къ чтенію. Но уже первый пунктъ ихъ вызвалъ большіе споры. Въ немъ Литовцы «ужъ очень» (już bardzo) присвоивали Княжеству Инфлянты. Поляки заявили Литовцамъ, что это противорѣчитъ конституціямъ Короннымъ, которыя только что составлены въ избѣ и которыя прослушали сами Литовцы. Наконецъ, въ сенатѣ вмѣстѣ съ сенаторами Коронными засѣдаютъ и Литовскіе сенаторы. Они подаютъ свои голоса по дѣламъ, разсматриваемымъ сенатомъ, и, если посольская изба получила единогласный отвѣтъ его на свою конституцію, это значитъ, что и Литовскіе паны-рада согласны съ нимъ. Поляки при этомъ напомнили Литовцамъ ихъ недавнюю присягу на Унію. Несмотря на это, Литовцы все-таки желали читать свои конституціи и заявили, что имъ наверху былъ данъ другой отвѣтъ, чѣмъ Полякамъ. Послѣ завязавшагося между Литовскими послами и Холмскимъ подкоморіемъ Сѣницкимъ спора маршалокъ предложилъ сдать разсмотрѣніе Литовскихъ статей конституціи въ коммиссію, составленную изъ Польскихъ и Литовскихъ членовъ избы: пусть эта коммиссія разсмотритъ ихъ и, что можно удержать въ нихъ, удержитъ, а чего нельзя удержать,— выкинетъ. Это предложеніе встрѣтило общее согласіе [3]). Подъ 4 августа въ дневникѣ, изданномъ Дзялынскимъ, записано, что Литовскіе послы просили въ этотъ день Польскихъ помочь имъ въ томъ, чтобы король утвердилъ статьи, поданныя ему съ Литовскими просьбами [4]). Такимъ образомъ, въ это время королю уже были представлены проекты постановленій Литовскихъ. Но составленіе окончательной редакціи конституціи сейма 1569 года

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 590. [2]) Дн. Л. с. Стр. 598.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 598—599. [4]) Дн. Л. с. Стр. 608.

было задержано самимъ королемъ, высказавшимъ требованіе внести въ нее еще четыре пункта, а именно о безкоролевьѣ, о посполитомъ скарбѣ, о гетманской присягѣ и объ обезпеченіи королевскаго потомства [1]). Изба отказалась слушать своего маршалка, говорившаго объ этомъ въ избѣ 5 августа, и отправилась къ королю съ просьбою воспретить ему читать на сеймѣ уже составленныя конституціи, такъ какъ постановленія сейма закончены и всѣ остальные вопросы должны ожидать сейма слѣдующаго [2]). Однако сенатъ настаивалъ на внесеніи въ конституцію пунктовъ, предложенныхъ королемъ. Послы возражали, но, наконецъ, согласились на томъ, чтобы внести эти пункты въ сеймовый документъ въ видѣ рецесса. Послѣ этого послы удалились въ свою палату, прочитали еще разъ конституцію и, поднявшись вновь въ сенатъ, передали ее черезъ своего маршалка Чарнковскаго королю. Прочитаны были статьи, на которыя состоялось согласіе сената и избы, и дѣло выработки конституціи было, наконецъ, закончено [3]).

Приглядываясь къ изложенному ходу составленія конституціи Люблинскаго сейма 1569 года, перваго спольнаго Польско-Литовскаго сейма соединенной Речи Посполитой, нельзя не замѣтить, что особность Литвы рѣзко проглядываетъ на немъ. Литовскіе послы составляютъ статьи конституціи, касающіяся Литвы, отдѣльно отъ Поляковъ и лишь уже готовыми читаютъ ихъ избѣ. Только послѣ того, какъ обнаружилось противорѣчіе въ Литовскихъ статьяхъ конституціи съ остальными, т.-е. Коронными ея статьями, была составлена коммиссія для разсмотрѣнія ихъ, образованная изъ нѣсколькихъ Польскихъ и Литовскихъ пословъ земскихъ. Ранѣе этого обнаруженія изба даже поручала корригацію Литовскихъ конституцій самимъ Литовцамъ совмѣстно съ посольскимъ маршалкомъ. Ясно до очевидности, что Поляки мало интересовались собственными дѣлами Литвы до тѣхъ поръ, пока эти дѣла не затрогивали непосредственно интересовъ самихъ Поляковъ. На Люблинскомъ сеймѣ видимъ не «братское» обсужденіе дѣлъ обоихъ народовъ, а стремленіе каждой части спольной Речи Посполитой обезпечить свои личные интересы; самое чтеніе Литовскихъ конституцій сопровождается не «братскимъ» совѣтомъ и заботою о благѣ обоихъ народовъ, а ссорою: представители одного народа

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 610. [2]) Дн. Л. с. Стр. 611.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 612—613.

наблюдаютъ за представителями другого, чтобы они не провели на сеймѣ чего-либо вреднаго для личныхъ интересовъ ихъ народа.

Мы довольно долго занимались изученіемъ дневника Люблинскаго сейма [1]), наблюдая дѣятельность этого знаменитаго сейма съ точки зрѣнія выясненія отношеній Литвы и Короны, какъ они складывались на первомъ спольномъ сеймѣ соединенной Речи Посполитой. Но наблюденіе надъ этимъ первымъ общимъ сеймомъ только-что возникшаго въ 1569 году Польско-Литовскаго государства настолько необходимо для выясненія почвы, на которой развивались отношенія Литвы и Польши въ послѣдующія десятилѣтія, которымъ посвящено настоящее изслѣдованіе, что не представляется возможнымъ болѣе бѣглое изученіе этого сейма.

Подведемъ теперь итоги подъ нашими наблюденіями надъ дѣйствіями и занятіями Люблинскаго сейма 1569 года. Основнымъ выводомъ, который съ полною очевидностью слѣдуетъ изъ всего изложеннаго выше, является *отдѣльность Княжества отъ Короны, ясно сознаваемая и Поляками, и Литовцами XVI столѣтія.* Существуютъ рядомъ съ общегосударственными дѣлами *отдѣльныя Литовскія и отдѣльныя Польскія* дѣла, притомъ даже отдѣльно

---

[1]) Кромѣ сочиненія *М. О. Кояловича* (Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. СПБ. 1863), названнаго нами выше ввиду особенной близости его изложенія къ разсказу Дневника сейма 1569 года, съ Люблинскимъ сеймомъ знакомятъ слѣдующіе труды: *И. И. Малышевскій.* Люблинскій съѣздъ 1569 года. (Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь. СПБ. 1885. Стр. 108—197), *М. О. Кояловичъ.* Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Любл. сеймѣ 1569 года (Ibidem. Стр. 198—216), *Д. И. Иловайскій.* Исторія Россіи. Томъ третій. М. 1890. Стр. 127—148, *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. М. 1901 Глава VII. Мы указываемъ здѣсь лишь на тѣ труды Русской исторической литературы, въ которыхъ читатель можетъ найти болѣе или менѣе подробное изложеніе хода занятій сейма 1569 года, составленное по его дневникамъ. Что-же касается до трактованія Люблинскаго сейма 1569 года и его значенія въ Русской и Польской литературѣ, то изложеніе его слишкомъ бы увеличило и безъ того очень разросшіеся размѣры настоящаго изслѣдованія, а потому мы надѣемся посвятить ему особую работу. Нельзя, кромѣ того, здѣсь не указать на погрѣшность столь полезнаго пособія *Л. Финкеля* (Bibliografia Historyi Polskiej Część I. We Lwowie 1891. Str. 114), въ которомъ упоминается актъ Виленской конфедераціи 1569 года, яко-бы напечатанный въ Холмскомъ Греко-Уніатскомъ Мѣсяцесловѣ на 1870 годъ. Это недоразумѣніе, такъ какъ въ Холмскомъ Мѣсяцесловѣ 1870 года на стр. 66—78 напечатанъ актъ Виленской конфедераціи диссидентовъ 1599, пропущенный вообще у Финкеля (Str. 128, 129).

обсуждаемыя сначала и уже потомъ предъ внесеніемъ въ конституцію сообщаемыя для разсмотрѣнія цѣлому, общему сейму. Интересъ у Литовцевъ къ собственно-Польскимъ дѣламъ отсутствуетъ, какъ онъ отсутствуетъ и у Поляковъ къ дѣламъ собственно-Литовскимъ. При этомъ взаимное недовѣріе и полное отсутствіе «братства» господствуютъ между представителями «братскихъ», по словамъ формальныхъ выраженій актовъ, народовъ. Отдѣльность Литвы отъ Польши, такъ рѣзко превозглашаемая реальною дѣйствительностью, несмотря на звучащее фальшивымъ звукомъ оффиціальной лжи заявленіе акта Уніи, что оба государства составляютъ «jedno ciało»,—единое тѣло, подчеркивается и сохраненіемъ Литовскихъ должностей въ ихъ значеніи на спольномъ сеймѣ, что дѣлало и самый сеймъ *не Коронным*, какъ его обозначаетъ договоръ Уніи, а *Польско-Литовскимъ* сеймомъ соединенныхъ представителей двухъ отдѣльныхъ частей государства. На общемъ сеймѣ Литовцы и Поляки имѣли своихъ отдѣльныхъ высшихъ сановниковъ, передававшихъ волю короля, руководившихъ совѣщаніями сената, поддерживавшихъ порядокъ на сеймѣ и творившихъ судъ по преступленіямъ, совершаемымъ во время него. Голоса Литовскимъ панамъ-радамъ раздаетъ Литовскій маршалокъ, Польскимъ—Коронный, судитъ Поляка маршалокъ Короны, Литовца—маршалокъ Княжества. Требованіе сохраненія Литовскихъ должностей неприкосновенными въ ихъ правахъ и значеніи, требованіе, въ которомъ такъ замѣтно примѣшивалось къ идеальной охранѣ Литовскаго княжества въ его значеніи и величіи матеріальное желаніе Литовскихъ врядниковъ-сенаторовъ, боявшихся за свои вряды, сохранить ихъ вполнѣ,—спасло въ значительной степени Литву отъ сліянія съ Короною [1]. Пока существовало сеймовое значеніе высшихъ врядовъ Литовскихъ, до тѣхъ поръ у Литовскаго народа всегда передъ глазами стояли внѣшнія, видимыя и осязаемыя для каждаго знаки отдѣльности Литвы и Польши. Они были какъ бы маяками, которые освѣщали Литовскую отдѣльность. Но кромѣ отдѣльныхъ однозначущихъ должностей сознаніе особности Литвы въ первыя десятилѣтія послѣ Уніи поддерживалось и существованіемъ долгое время Литовской монеты, несмотря на всѣ заботы о полной замѣнѣ ея Польскою. Счетъ на гроши Литовскіе сохраняется не только еще въ самомъ концѣ XVI столѣтія [2], но даже

---

[1] Ср. слова объ этомъ примаса въ 1569 г. Дн. Л. с. Стр. 664. Приложеніе XI.
[2] Примѣровъ тысячи. Въ числѣ ихъ А. Вил. XX № 108. (1598 г.).

и въ XVII вѣкѣ [1]). Могучею силою, сохранявшею Литовскому народу сознаніе его особности былъ Русскій языкъ, остававшійся языкомъ его законовъ и юридической жизни вплоть до конца XVII вѣка, когда послѣдовало coaequatio jurium [2]), сдѣлавшее Польскій языкъ языкомъ и Литовскаго суда. Третій Литовскій статутъ, составлявшійся въ царствованіе Стефана Баторія, повторяетъ требованіе II-го статута о томъ, чтобы земскій писарь «всѣ листы, выписы и позвы» писалъ «по Руску литерами и словы Рускими» [3]). Охраняя Русскій языкъ въ своихъ законахъ, королевскихъ распоряженіяхъ и судахъ, Литва охраняла и свою особность отъ Короны. Кромѣ того, въ первыя десятилѣтія послѣ Уніи Польскій языкъ не былъ знакомъ массѣ Литовскаго народа. Мы не говоримъ о мѣщанствѣ и крестьянствѣ, не знавшихъ его за немногими исключеніями, мы говоримъ о шляхтѣ, и ниже, когда будемъ излагать устройство и дѣятельность Литовскаго повѣтоваго сеймика, этотъ фактъ обнаружится съ полною очевидностью. Вмѣстѣ съ языкомъ охраняли сознаніе Литвою своей особности и ея внутренніе вряды и порядки, созданные обычаемъ и стариною и стоящіе подъ защитою статута Литовскаго. Старые привычные порядки, старина, сохранялись, и сохраненіе старины въ государственномъ и общественномъ строѣ было даже возведено въ политическій принципъ Литовскаго княжества. Если сохраненіе старины было принципомъ, высказываемымъ Литовскимъ правительствомъ уже въ XIV и XV столѣтіяхъ [4]), то оно оставалось имъ и въ послѣдующее время отдѣльнаго государственнаго существованія Литовскаго княжества, какъ оставалось и въ эпоху, наступившую послѣ Люблинской Уніи 1569 года, и Литва, какъ увидимъ ниже, зорко охраняла свою старину.

Но Люблинскій сеймъ создалъ и новые факты, которые еще болѣе должны были усиливать сознаніе Литвою своей особности отъ Польши. На немъ вскрылось съ оскорбительною наготою эгоистичное отношеніе Поляковъ къ своей «братіи» Литовцамъ. Особенно характернымъ было отторженіе отъ Княжества земель и присоединеніе ихъ къ Коронѣ. Это отторженіе было и нелогичнымъ дѣйствіемъ, и въ то же время крайне враждебнымъ по

[1]) Нпр. Ист.-Юр. мат. XXIII. № 113 (1623 г.).

[2]) Volumina legum V. Petersburg. 1860. Str. 417.

[3]) III. ст. IV. 1. II. ст. IV. 1.

[4]) *М. Ясинскій.* Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889. Стр. 2.

отношенію къ Литвѣ поступкомъ. Если самое отторженіе отъ Литовскаго великаго княжества Подляшья, Волыни и Кіевщины и присоединеніе ихъ къ Коронѣ само по себѣ является страннымъ актомъ со стороны *братскаго* народа [1]), притомъ составившаго, по словамъ договора Уніи, съ Литвою jedno ciało, то мотивы и основанія, которые высказывались за и противъ этого акта звучатъ еще болѣе чистымъ и характернымъ звукомъ истиннаго смысла ограбленія Польшею Литвы во время заключенія пресловутой Уніи. Кіевъ не совѣтовали отторгать отъ Княжества нѣкоторые сенаторы, потому что обладаніе имъ будетъ дорого стоить Коронѣ,—пусть Литва владѣетъ имъ и тратится на его защиту [2]). Какое различіе въ положеніи дѣла въ понятіяхъ Поляковъ и Литовцевъ! Съ одной стороны эгоизмъ и холодный разсчетъ рядомъ съ заносчивостью чувствующаго за собою силу момента и обстоятельствъ эгоиста, съ другой—кровавыя слезы и безысходное горе истиннаго страданія людей, находящихся въ безвыходномъ положеніи. Отторженіе Волыни, Подляшья и Кіева съ Брацлавомъ въ глазахъ историка должно имѣть двоякое значеніе. Вопервыхъ, самый фактъ перехода земель отъ Литвы къ Коронѣ въ 1569 году отрицаетъ возможность считать Литву и Польшу совершенно единымъ государствомъ. Иначе отторженіе это не имѣло бы никакого смысла—оно было бы простымъ перекладываніемъ изъ одного кармана въ другой. Поляки не только оторвали отъ Литвы земли, воспользовавшись отъѣздомъ Литовцевъ съ Люблинскаго сейма, но не хотѣли вернуть ихъ Княжеству и послѣ возвращенія ихъ на сеймъ и принятія Уніи, несмотря на просьбы Литовцевъ. Ясно, что отдѣльность Литвы и Польши прекрасно сознавалась и Поляками, и Литовцами—отторженіе земель отъ Литвы и присоединеніе ихъ къ Польшѣ лучше всего доказываетъ это. Но фактъ отторженія Польшею отъ Литвы Волыни, Подляшья и Кіевщины долженъ имѣтъ въ глазахъ историка и другое значеніе. Онъ вызывалъ въ Литовцахъ чувство глубокаго недовольства Уніею и Поляками и недовѣріе къ послѣднимъ. Богатыя и населенныя земли были отняты отъ Княжества; это влекло за собою уменьшеніе матеріальныхъ его средствъ и силъ, такъ какъ обыватели этихъ земель стали отбывать свои земскія повинности—оборону государства и уплату налоговъ—на Польшу, а не на Литву. Силы

[1]) Это, какъ мы видѣли выше, сознавала и часть самихъ Поляковъ.
[2]) Дн. Л. с. Стр. 402.

Княжества и доходы Литовскаго скарба значительно уменьшились, благодаря утратѣ имъ Подляшья, Волыни и Кіева съ Брацлавомъ. Конечно, Литовскій народъ не могъ быть доволенъ этимъ, и мы увидимъ, что онъ не забывалъ требовать возвращенія себѣ отнятыхъ земель. Но не одно недовольство Литовцевъ было результатомъ ограбленія ихъ Поляками. Недовѣріе къ Польшѣ, необходимость наблюдать за каждымъ шагомъ Поляковъ, не клонится ли онъ къ нарушенію Литовскихъ интересовъ, должны были явиться постоянными спутниками Литовцевъ, когда они имѣли дѣло съ Поляками. Развѣ возможно было полное сліяніе Литвы съ Польшею при такихъ условіяхъ! Странный поступокъ Поляковъ по отношенію къ «братскому» народу, который они ограбили совсѣмъ не по-братски, уничтожалъ въ корнѣ возможность этого и въ то же время заставлялъ Литовцевъ еще тѣснѣе сближаться между собою въ виду опасности повтореній Польскихъ вивисекцій территоріи Литовскаго княжества: чувство опасности и необходимость общей защиты всегда были самыми могущественными факторами сближенія людей. Все, что вообще происходило въ 1569 году между Литовцами и Поляками, создало атмосферу такого недовольства Литовцевъ Поляками и такого взаимнаго недовѣрія, что сліяніе обоихъ народовъ сдѣлалось надолго невозможнымъ. Унія, заключенная тѣмъ способомъ, который избрали Поляки, создавая внѣшнее соединеніе, создавала въ то же время глубокую рознь между обоими народами, и всякая мысль о ней вызывала въ сознаніи Литовцевъ столько оскорбительнаго и унизительнаго, что о сліяніи двухъ народовъ въ «единое тѣло» не могло быть и рѣчи. Память хранила роковыя событія 1569 года и воскрешала ихъ въ сознаніи Литовскаго народа.

Въ такомъ-то настроеніи вступало Литовское великое княжество въ соединеніе съ Польскою Короною, установленное Люблинскимъ привилеемъ на Унію 1569 года. Какъ мы сейчасъ видѣли, нельзя ожидать отъ Литовцевъ шаговъ въ пользу сліянія Литвы съ Польшею: настроеніе ихъ было таково, что они не только не могли пойти на уничтоженіе того, что давала Унія особности Княжества отъ Короны, а, наоборотъ, должны были охранять его, расширять въ толкованіи статей договора и стремиться къ формальному расширенію его путемъ юридическихъ измѣненій и дополненій документа. А самый договоръ Уніи давалъ много поводовъ и возможностей для проведенія въ жизнь Литовскихъ стремленій. Два изъ постановленій договора Уніи 1569

года обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отношеніи. Первое говоритъ объ общей радѣ и ея дѣятельности, второе гарантируетъ Литовскому княжеству сохраненіе его титула, правъ, значенія врядовъ, достоинствъ и фамилій. Артикулъ объ общемъ сенатѣ говоритъ, что всѣ паны-рада и станы обоихъ народовъ должны помогать другъ другу вѣрно, всѣми своими силами, считая общими счастье и несчастье. Но мы видѣли сейчасъ, какое настроеніе создала Унія 1569 года въ Литовцахъ и какъ различны оказались интересы и цѣли обоихъ народовъ. Если въ дѣлахъ внѣшней обороны не сходились представители обоихъ народовъ въ желаніи дѣйствовать сообща и защищать другъ друга, не желая жертвовать свои средства на защиту «брата», и такимъ образомъ отказывались исполнять статьи Уніи, то въ дѣлахъ внутреннихъ это нежеланіе работать другъ для друга было еще замѣтнѣе. Мы видѣли, какъ отказывались Литовцы разсуждать о неинтересныхъ для нихъ Польскихъ дѣлахъ на Люблинскомъ сеймѣ, мы видѣли также, какъ поверхностно относились Поляки къ дѣламъ Литовцевъ. Явленіе это, обнаружившееся на первомъ спольномъ сеймѣ соединившихся Литвы и Польши, должно было сдѣлаться постояннымъ и проявляться на послѣдующихъ. Сеймъ былъ постоянно занятъ и спѣшилъ поскорѣе покончить со своими дѣлами, ибо шляхту ожидали ея домашнія дѣла и хозяйство и она не желала затягивать своего собранія, ради котораго нужно было проживаться въ городѣ, гдѣ засѣдалъ сеймъ. Кромѣ того, на сеймѣ возникалъ всегда рядъ вопросовъ принципіальныхъ, къ нимъ присоединялись дѣла и вопросы личные, поднимались ссоры и споры, а время уходило, и шляхта спѣшила уже вернуться къ своему маіонтку. Литовскія конституціи, не представляя непосредственнаго интереса для Польскихъ членовъ сейма, должны были проходить безъ общаго обсужденія ихъ, что не могло не поддерживать сепаратизма Литвы. Итакъ, противоположность интересовъ и отсутствіе искренности и дружественнаго чувства между Поляками и Литовцами, соединяясь съ отсутствіемъ интереса другъ къ другу и спѣшностью въ обсужденіи обычныхъ, не громкихъ и не принципіальныхъ дѣлъ, разрушали на дѣлѣ статью договора Уніи объ общихъ совѣтахъ и дѣлали ее неисполнимою въ дѣйствительности. Но если эта статья сразу оказалась неспособною сдѣлаться жизненною, то гарантированіе титула княжества Литовскаго, значенія его врядовъ, достоинствъ и фамилій и утвержденіе его особыхъ правъ сами по себѣ громко провоз-

глашали особность отъ Польши Литвы во внутреннемъ ея строѣ и постоянно напоминали обывателямъ Литовскимъ, что они члены Литовскаго княжества, а не Польскаго королевства, хотя Унія и говорила, что Литва и Польша составляютъ одно тѣло. Къ этому можно прибавить и отсутствіе въ Литвѣ екзекуціи правъ, выговоренное себѣ Литовцами на вѣчныя времена и напоминавшее также объ отличіи Княжества отъ Польши. Словомъ, Литва и Польша оставались отдѣльными единицами съ особыми территоріями и особыми правами и послѣ Уніи 1569 года, хотя онѣ и имѣли общій сеймъ и общаго короля. Заключеніе Уніи въ томъ видѣ и тѣми способами, какъ оно совершилось, дѣйствительно «нанесло новую рану Литовцамъ и повело къ пущему раздору» [1]) и отнюдь не слило Литву и Польшу совершенно. Не даромъ такъ старательно хлопотали о точномъ опредѣленіи границъ Короны и Княжества [2]): это были границы двухъ государствъ, имѣющихъ лишь общее высшее правительство, и Польскій историкъ правъ, если стать на точку зрѣнія Польши и ея патріота, говоря, что «унія въ томъ видѣ, въ какомъ ее заключили, содержала въ себѣ коренной недостатокъ» [3]). Въ самомъ дѣлѣ, Литовское великое княжество осталось и послѣ 1569 года со своими порядками и особенностями: сеймъ Люблинскій потребовалъ лишь того, чтобы Литовцы сѣли съ Поляками въ общемъ сеймѣ, и не думалъ о болѣе глубокой реформѣ Литвы, благодаря которой она сдѣлалась бы Польшею. Оказалась предоставленною времени эта задача, но время, играя въ руку Польшѣ, болѣе высокая культура которой работала надъ ассимиляціей Литвы, въ то же время внушало и Княжеству убѣжденіе въ необходимости быть на сторожѣ по отношенію къ Польшѣ и беречь свою отдѣльность: факты пренебреженія Польшею интересами Литвы были всегда предъ глазами Литовскаго народа.

Посмотримъ теперь на то, какъ прожило Литовское великое княжество первыя десятилѣтія, протекшія со времени заключенія Люблинской Уніи. Изученіе фактовъ этой эпохи покажетъ намъ,

---

[1]) *А. Трачевскій.* Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. М. 1869. Стр. XXXI.

[2]) См. нпр., документъ подъ заглавіемъ—«Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithvaniae et palatinatum Podlachiae». Библіотека Главнаго Штаба. Acta Historyczne. № 2901. XI. Объ этомъ рѣчь будетъ еще ниже въ настоящей же главѣ.

[3]) *М. Бобржинскій.* Очеркъ исторіи Польши. II. Спб. 1891. Стр. 91.

чѣмъ были въ дѣйствительности Княжество и Корона въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ соединенномъ государствѣ; что же касается до строя Литвы въ изучаемую эпоху, то его должны будутъ обрисовать намъ послѣдующія главы настоящаго изслѣдованія.

Въ царствованіе Сигизмунда Августа послѣ 1569 года Польша и Литва дважды были созываемы на спольный сеймъ--въ 1570 и въ 1572 годахъ Первый изъ этихъ сеймовъ не занялся чѣмъ-либо, что касалось измѣненія въ отношеніяхъ Короны и Княжества. На Варшавскомъ сеймѣ 1570 года [1]) главное вниманіе привлекло къ себѣ извѣстное Сендомірское соглашеніе лютеранъ, кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ Польши, которое отказался признать король, и этотъ отказъ его помѣшалъ реформамъ и постановленіямъ, ожидавшимся отъ сейма [2]). Удовольствовались рецессомъ, отлагавшимъ внутреннія дѣла до слѣдующаго сейма, и плодомъ занятій сейма 1570 года были лишь constitutiones, предписанныя имъ Гданску [3]). Неразрѣшеніе сеймомъ дѣлъ и вопросовъ, ему поставленныхъ, заставило Сигизмунда Августа поспѣшить созваніемъ новаго сейма. Онъ былъ назначенъ въ Варшавѣ на день Трехъ Кролей (6 января) 1572 года. Повѣтовые сеймики Литовскіе были созваны на 9 декабря 1571 года «водле статуту оного паньства нашого великого князства Литовского», какъ говоритъ королевскій листъ повѣтовый, извѣщающій о сеймѣ и сеймикахъ [4]). Но паны-рада Коронные и нѣкоторые Литовскіе писали королю, прося его отложить открытіе назначеннаго сейма «с певных причинъ, звлаща набольшей для поветрия морового, которое з воли Божое такъ се зде в Полще, яко и у великомъ Князстве на розныхъ местцахъ еще не устало». Путешествіе на сеймъ опасно, ибо туда нужно ѣхать по дорогамъ «заповетренымъ». Поэтому король отсрочиваетъ сеймъ до

---

[1]) Его дневникъ см. Scriptores rerum Polonicarum. Tomus I. Cracoviae. 1872. Str. 113—160.

[2]) *М. Бобржинскій.* Очеркъ ист. Польши. II. Стр. 101.

[3]) Volumina legum. II. Petersburg. 1859. Str. 108—123.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{IIA}}{56}$ л. 28—29. Инструкція королевскому послу на сеймикъ находится въ Лит. Метр. $\frac{\text{IIA}}{56}$ л. 19 об.—28. Большая часть ея издана въ А. Ю. и З. Р. II. № 148. Конца документа въ изданіи не хватаетъ. Сверхъ того, въ Метрикѣ Литовской въ книгѣ $\frac{\text{IIA}}{56}$ нѣтъ 1 сентября 1571 года, какъ его даты.

Громницъ, т.-е. до 2 февраля того же 1572 года, не измѣняя, однако, мѣста для сеймованья, назначеннаго первымъ его универсаломъ сеймовымъ, Варшавы [1]). Эти же королевскіе «листы, писаные около отроченья сойму, на Три Кроли зложоного, до Громницъ», говорятъ о томъ, что сеймики нѣкоторыхъ Литовскихъ повѣтовъ не состоялись по той же причинѣ морового повѣтрія. Однако, не пришлось сейму открыться и 2 февраля 1572 года. Онъ былъ вновь отсроченъ до 2 марта, потому что повѣтріе еще не прекратилось [2]). Наконецъ, сеймъ состоялся въ Варшавѣ, начавшись въ началѣ марта [3]), но онъ ничего не постановилъ, потому что «король его милость Августъ южъ былъ хорый», по объясненію Өеодора Евлашевскаго [4]). Бѣльскій объясняетъ причину неудачи сейма повѣтріемъ [5]), а Гурницкій и повѣтріемъ, и болѣзнью королевскою [6]). Повѣтріе было причиною также того, что повѣтовые сеймики отбывались передъ этимъ сеймомъ не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ въ Княжествѣ. Нѣкоторые повѣты должны были собраться на нихъ не на обычномъ мѣстѣ своего сеймикованья, а въ иныхъ, болѣе безопасныхъ и благополучныхъ отъ повѣтрія мѣстахъ; случалось даже, что приходилось сеймиковать въ полѣ. Кромѣ того, нѣсколькимъ повѣтамъ пришлось сеймиковать вмѣстѣ въ одномъ собраніи [7]). Но помимо этого уклоненія отъ опредѣленнаго статутомъ порядка сеймикованья, уклоненія, явившагося помимо королевской воли, самъ Сигизмундъ Августъ

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 37 об.—38 (панамъ-радамъ), л. 38 — 38 об. (повѣтамъ).

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 42 об.—43 об. (панамъ-радамъ), л. 43 об. — 44 об. (землямъ и воеводствамъ)—отъ 18 янв. 1572 года.

[3]) *Teodor Narbutt* Dzieje narodu Litewskiego. I. IX. Wilno. 1841. Str. 461. J. *Szujski* (Dzieje Polski. II. W. Krakowie. 1895. Str. 403) относитъ сеймъ 1572 года къ маю мѣсяцу. Но онъ самъ говоритъ, что уже въ началѣ мая король отправился изъ Варшавы въ Кнышинъ. (Str. 604).

[4]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. II. Кіевъ. 1896. Стр. 11. (Дневникъ Новгор. подсудка Ө. Евлашевскаго).

[5]) Kronika *Marcina Bielskiego*. Tom II, (Biblioteka Polska. Wydanie Józefa Turowskiego. Sanok. 1856). Str. 1220.

[6]) Zbiór pisarzów polskich. Częsc druga. Pisma Ł. *Górnickiego*. T. IV W. Warszawie. 1828. Dzieje w Koronie polskiey za Żygmunta I — go y Żygmunta Augusta... Str 200.

[7]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 5 об.—6 об., 7—8 об., 9, 9 об.—10.

внесъ отступленіе отъ обычной формы въ своихъ сношеніяхъ съ предсеймовыми сеймиками 1571 года. Сеймовые листы и инструкціи посламъ королевскимъ, отправленнымъ въ повѣты на сеймики, оказались запечатанными «сыкгнетовою» [1]), а «не звыклою печатью великого князства Литовского» и инструкціи не подписанными «водле звыклого обычаю рукою пана канъцлера альбо» подканцлера [2]). Паны-рады донесли королю, что шляхта чрезвычайно недовольна этимъ нарушеніемъ обычныхъ формальностей, отказывается сеймиковать и требуетъ присылки новыхъ листовъ сеймовыхъ и инструкцій, снабженныхъ печатью Княжества и подписью его канцлера, или подканцлера [3]). Король не уступилъ,

[1]) Т. е. перстнемъ королевскимъ.

[2]) Вотъ что читаемъ въ королевской грамотѣ, данной въ Варшавѣ 25 ноября 1571 года и имѣющей заглавіе: «Отписъ до панов рад Литовских на лист их мл, который писали, хотечи ведати, естли бы соймъ далей не был помкненъ для повѣтрея. О печатоване листов соймовых сыкгнетовою печатю и о зъехане поветов на одно местъцо».—«...Што ся дотычеть до другое речи около зъеханя на одно местъцо поветомъ до своего воеводъства на соймикъ и тежь около печати малое на листех соймовыхъ, ижь бы лепей листы до большое печати переписати, в томъ мы наменъшого затрудненья не бачимъ, а ни ся сподеваемъ, кгдыжъ вашое милости пановъ печатаров наших оного паньства великого князства Литовского при насъ государи не было, коли ся листы соймовые писали и розсылали, мусело ся тою менъшою печатю казати печатовати, а если бы до которого з вашое милости мели ся послати ку печатованью, не ведаемъ, яко бы то розумяно на дату в листехъ смотречи, ведаючи, же ваша милость на он часъ не были. А тежь то и за короля его милости славное памети пана отца нашого, и вжо за щасливого панованья нашого не разъ бывало в коруне Польской, же, коли печатари отъ двору на часъ отъежьдчали, тогды завжды сыкгнетомъ отъправовалися вси потребы земъские, которие прудкое отправы потребовали и не терпели омешканя, а привилья и данины если бы ся трафили, ино собе отновляли потомъ у большое печати. А з стороны печати великого князьтва Литовского (л. 6 об.) ваша милость ведомость маете, кгды печатар при насъ государи не мешкалъ, яко ся заховывало, ведъже мы зменъшенья врядом вашое милости печатарскимъ не мыслили есмо ни в чомъ чинити, и делати не будемъ, кгды который з вашое милости при насъ государи бытностью своею мешкати будеть, тогды и листы соймовые и иные вси справы земъские через руки и справу ваших милостей отправовать мусят ся. Про то с причинъ помененых не сподеваемъ ся, абы на сойме мелъ хто потребне тымъ затруднять речи соймовые, не маючи кгрунъту слушне о то мовити»... Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 6 об., 7.

[3]) О томъ же говоритъ: «Отписъ до панов рад такъ же в речах соймовых з стороны печатованя листов соймовых сыкгнетовою печатю и о помкненье сойму далей.—Жикгимонт. Воеводе Троцъкому князю Стефану Анъдрее-

однако, требованію шляхты Литовскихъ повѣтовъ, переданному ему панами-радами Княжества. Онъ предложилъ, чтобы шляхта

вичу Збаражскому, пану Троцъкому подканъцлерому нашому великого князтва Литовского старосте Берестейскому и Кобриньскому пану Остафъю (л. 7) Воловичу. Вырозумели есмо достаточне з листу вашое милости, которий естъ намъ отъ вашое милости данъ, ижь соймикъ земли воеводъства Троцъкого, на часъ зложоный з одного зо всих поветовъ, ку воеводъству Троцъкому належачихъ, за пильнымъ стараньемъ вашое милости вжо дошолъ, ачъ з великою небезпечностью от поветрия и при малом собранью шляхты, злаща ижь с повету Упитъского никого на немъ не было. Ино мы то от вашое милости пановъ рад нашихъ вдячне приймуемъ, же есте таковую дбалость, staранье в потребах Речи Посполитое чинили. А што в томъ же листе своемъ пишете до нас, прекладаючи великое затрудненье на том соймику от шляхты около запечатованья инъструкцый и листовъ соймовыхъ не звыклою печатью великого князтва Литовского и з неподъписанья инъструкцый водле звыклого обычаю рукою пана канъцлера, альбо твоее милости пана подъканъцлерого, для чого шляхта в тых потребахъ земъскихъ намовы чинити и пословъ на съемъ обирати через чотыри дни не хотели, ажь бы инъструкцыя и листы соймовые за звыклою печатью нашою великого князства Литовского имъ были отменены и в кождый поветъ посланы, а они, знову зъехавшися на одно местъце за зложеньемъ от насъ на часъ певный, тых листовъ в поветех своихъ огледавши, посломъ на страву зложити и на съемъ ихъ выправити хочуть, а где бы таковые листы имъ в поветы не были посланы не хотечи и послов на съемъ слати и на страву имъ складати. А такъ ваша милость, бачечи ихъ такое предсявзяте, постерегаючи, абы за тымъ пильные потребы земъские затрудненья не терпели, рыцерству шляхте приобецали есте, ижь листы такъже инъструкцыи соймовые за звыклою печатю великого князства Литовского особливе в кождый поветъ будуть посланы (л. 7 об.), пишучы ку намъ, абыхмо ихъ знову переписати а ку подпису и ку запечатованью до воеводы Виленъского канъцлера нашого великого князства Литовъского старосты Мозырского и Лидъского державцы Борисовъского пана Миколая Юревича Радивила, альбо до твое милости, пане Троцъкий, подканъцлерого оного паньства послати велели». Однако, Сигизмунду Августу «на сесь часъ того, яко вжо тая справа до всихъ земль воеводствъ и поветовъ великого Князъства послана, иначей отъменяти не видело». Король говоритъ: «за тымъ печатованьемъ листовъ соймовыхъ печатью менъшою ниякого затрудненья в речи земъской не бачимъ а ни се сподеваемъ, и о вшемъ бы кождый дивне то собе розумелъ, если бы тые листы оною незвыклою печатью нашою великого Князства запечатаны были, ведаючи, же вашое милости пановъ печатаровъ на онъ часъ, кгды ся отправовали, се зде при насъ господари не было. Ведьже если якое уближенье собе в томъ розумеють, тымъ могуть большое речи не затруднять, але, выправивши пословъ на съемъ, нехай ся на сойме того домовляють, а яко се на сойме (л. 8) постановить, такъ се потомъ отъправовати будеть. Кгдыжь врадомъ печатаръскимъ змейшенья жадного николи чинити не хочемъ, але коли при насъ господари которий мешкати будеть, тогды и листы соймовые и вси справы канъцлярейские за печатью звыклою оного

подняла вопросъ объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ черезъ своихъ пословъ и отдала бы такимъ образомъ его на сеймовое разсмотрѣніе. Король въ самомъ дѣлѣ торопился съ созваніемъ сейма: дѣлъ, особенно внѣшнихъ, дѣйствительно, накопилось много весьма серьезныхъ, и онъ не хотѣлъ задерживать сейма черезъ посылку листовъ сеймовыхъ къ Литовскимъ печатарямъ. Такъ нужно объяснять дѣло, разсматривая подготовительные къ сейму 1572 года документы. Но шляхта Литовская увидѣла въ поступкѣ короля нарушеніе правъ Княжества. Изъ сеймиковыхъ документовъ не видно, насколько можно обвинить Сигизмунда Августа въ намѣренности этого нарушенія, но настроеніе, въ которомъ находилась Литва съ 1569 года, должно было заставлять ее видѣть въ каждомъ отступленіи отъ установленныхъ обычаемъ или закономъ порядковъ новый шагъ къ уменьшенію ея отдѣльныхъ правъ и значенія въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ. Вопросъ о печати и подписи на сеймиковыхъ документахъ исхода 1571 года, поднятый Литовскою шляхтою, является, поэтому, характернымъ фактомъ, рисующимъ настроеніе Литвы въ эту эпоху и ея отношеніе къ королю и соединенному государству.

Сеймъ 1572 года разошелся, не оставивъ послѣ себя конституціи. Тѣмъ не менѣе для Княжества время его засѣданій имѣло свое значеніе, такъ какъ на этомъ сеймѣ 27 марта 1572 года былъ данъ королемъ указъ о Литовской монетѣ [1]. Этимъ указомъ назначалась цѣна Литовской монеты при обмѣнѣ ея на Польскую, обязательная для всѣхъ подданныхъ государствъ королевскихъ. Два гроша Литовскихъ должны приниматься за два съ полови-

панства нашого великого князства Литовского отъправоватися мають, водле давного обычаю. Про то вжо на сесь часъ ваша милость того передъ себе не беручи, штобы есте ваша милость з стороны своее всихъ становъ и рицерство шляхту тамъ того воеводства и поветовъ, ку нему належачихъ, до того побудили писаньемъ и намовами своими приводечи, жебы пословъ зъ зупольною моцую без всякого омешканья на съемъ выправовали, бо сойму далей без позволенья другихъ пановъ радъ тутошнихъ Корунъных прекладати не можемъ, яко ваша милость в листе своемъ жедаете насъ, абы для небезпечного поветрия далей былъ съемъ помъкненъ, а ведъже пропозыцыа, о которой тежь ваша милость писали, можеть ся позадеръжати, ожедаючи зъеханья всехъ вашое милости пановъ радъ и пословъ з оного паньства нашого великого князства Литовского. Писанъ у Варъшаве» 1571 года 23 декабря. Лит. Метр I А 56 л. 7—8 об.

[1]) *M. Baliński*. Historya miasta Wilna. T. II. Wilno. 1837. Str. 289—290 (Zalecenie Jeneralne o Monecie Litewskiey)

ною гроша Польскихъ, и эта цѣна, опредѣляемая настоящимъ королевскимъ указомъ, имѣла быть внесенною въ сеймовую конституцію, что, однако, на дѣлѣ не могло совершиться за несоставленіемъ послѣдней. Что касается до грошей, отчеканенныхъ въ Тыкотинѣ по образцу Польскихъ, то они должны какъ въ Польшѣ, такъ въ Литвѣ приниматься по цѣнѣ Коронныхъ грошей. Всѣмъ, кто позволитъ себѣ не принимать Литовскихъ грошей по назначенной королемъ цѣнѣ ихъ, грозитъ штрафъ, опредѣленный настоящимъ королевскимъ указомъ. Кромѣ постановленія Сигизмунда Августа о Литовской монетѣ, сеймъ 1572 года замѣчателенъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Короны и Княжества и въ другомъ отношеніи. Король предложилъ Полякамъ вознаградить Литву за отобранныя отъ нея въ 1569 году земли присоединеніемъ къ Княжеству Мазовіи, но не успѣлъ добиться ихъ согласія на это. Такъ, самъ Сигизмундъ Августъ сознавалъ несправедливость совершеннаго имъ отторженія на Люблинскомъ сеймѣ отъ Литвы ея земель [1]).

7 іюля 1572 года въ Кнышинѣ скончался Сигизмундъ Августъ[2]). Соединенная Речь Посполитая вступила въ эпоху безкоролевій и спольныхъ елекцій королевскихъ. Эта эпоха должна была дать и дѣйствительно дала много поводовъ и полную возможность проявленію Литовскихъ стремленій и достиженію многими изъ нихъ своихъ цѣлей. Историкъ перваго безкоролевья такъ опредѣляетъ настроеніе Литовцевъ въ дни, наступившіе послѣ смерти Сигизмунда Августа: «нанесенная имъ рана была еще свѣжа, когда со смертью послѣдняго Ягеллона порвалась насильственная связь двухъ государствъ. Судьба снова предоставляла Литовцамъ свободу дѣйствій. Имъ открывалась возможность не только самостоятельно выбрать правителя, но и поправить свое дѣло, разбить цѣпи, выкованныя въ Люблинѣ всего три года тому назадъ. Успѣхъ былъ обезпеченъ за ними: стоило только не дремать, немедленно броситься въ разгаръ Польской анархіи и рѣшить по

---

[1]) Ср. *Teodor Narbutt.* Dz. nar. Lit. T. IX. Str. 462, 463. *Seweryn Gołębiowski.* Czasy Żygmunta Augusta. Część I. Wilno. 1851. Str. 138, 139.

[2]) 6 мая Сигизмундомъ Августомъ было составлено завѣщаніе, продиктованное извѣстному въ то время знатоку обоего права Августину Ротундусу, бывшему секретаремъ королевскимъ и войтомъ Виленскимъ См. *Seweryn Gołębiowski.* Czasy Zygmunta Augusta. Część I. Str. 139. Ср. также *J. Szujski.* Dz. P. II. Str. 404. Самое завѣщаніе см. у *M. Balińskiego.* Hist. m. Wilna T. II Str. 159—182.

своему споръ между Великою и Малою Польшами» [1]), поднявшійся изъ-за первенства и руководства дѣлами безкоролевья, такъ какъ Великая Польша признавала его за примасомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, а Малая за великимъ Коронным маршалкомъ Яномъ Фирлеемъ, бывшимъ въ то же время Краковскимъ воеводою. Гейденштейнъ, дѣлая обзоръ соединенной Речи Посполитой въ моментъ вступленія ея въ эпоху перваго безкоролевья, такъ говоритъ о Литвѣ: «соединенная за нѣсколько лѣтъ до смерти Сигизмунда Августа съ Королевствомъ на вѣки вѣчные Люблинскимъ сеймомъ, она, хотя и была принята въ соединеніе на совершенно равныхъ правахъ, не только не слилась съ Польшею совсѣмъ и не была довольна тѣмъ, что получила, но тѣмъ упорнѣе и сильнѣе (gwałtowniej) стала требовать обратно себѣ всего того, что утратила черезъ Унію» [2]).

Первымъ съѣздомъ, собравшимся въ Коронѣ послѣ смерти послѣдняго Ягеллона, былъ съѣздъ Малополянъ въ Краковѣ. Онъ назначилъ 10 августа днемъ созванія общаго (ogólnego) сейма, который долженъ будетъ назначить день и мѣсто елекціи новаго короля. Объ этомъ были извѣщены Великополяне, Литовцы, Русины и Пруссаки [3]). Но Великополяне — сенаторы и шляхта — около середины мая собрались сами въ Ловичѣ вокругъ примаса Якова Уханскаго, которому въ силу привилея на арцибискупство принадлежала наивысшая власть во время безкоролевья [4]). Въ то время, когда Ловичскій съѣздъ занимался своими дѣлами, ему были доставлены листы Литовскихъ становъ съ удостовѣреніемъ ихъ расположенности и готовности защищать Речь Посполитую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ просьбою о помощи противъ Москвы. Отвѣтомъ Ловичскаго съѣзда Литвѣ были—благодарность за расположеніе и вѣрность, сообщеніе о значеніи примаса, какъ высшаго сановника въ эпоху безкоролевья, увѣреніе въ томъ, что Литва будетъ извѣщена о мѣстѣ и времени елекціи и обо всемъ, что будетъ постановлено, совѣтъ послать въ Крымъ Литовскихъ пословъ вмѣстѣ съ Польскими и *полный отказъ въ помощи Литвѣ противъ Москвы*: именемъ примаса было объявлено, что Княжество должно само о себѣ заботиться, какъ можетъ. Конечно, та-

---

[1]) *А. Трачевскій.* Польское безкоролевье и т. д. Стр. 91.

[2]) Dziejopisowie Krajowi. *Rajnolda Heidensteina*, sekretarza Królewskiego. Dzieje Polski. I. Petersburg. 1857. Str. 3—4.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 14.

[4]) Ibidem.

кой отвѣтъ долженъ былъ еще болѣе усилить прежнія обиды Литовцевъ [1]). Къ Литовскимъ панамъ-радѣ было отправлено Ловичскимъ съѣздомъ посольство съ извѣщеніемъ ихъ объ его постановленіи, назначившемъ вальный сеймъ въ Кнышинѣ на 17 сентября [2]). Между тѣмъ, около 10 августа собрался Литовскій съѣздъ въ Гроднѣ. Открытіе его предупредило открытіе Кнышинскаго съѣзда, ибо послѣдній былъ отложенъ великимъ Коронннымъ маршалкомъ Яномъ Фирлеемъ на 24 число [3]). Гродненскій съѣздъ оказался поставленнымъ въ большое недоумѣніе: изъ Великой Польши къ нему явились послы съ назначеніемъ сейма на одинъ день, изъ Малой — на другой, и притомъ оба посольства заявляютъ, что дѣйствуютъ отъ имени цѣлой Короны [4]). Однако, Гродненскій съѣздъ все-таки постановилъ отправить въ Кнышинъ своимъ посломъ великаго Литовскаго маршалка Яна Ходкевича для общаго съ Короною обсужденія положенія дѣлъ [5]). Кнышинскій съѣздъ назначилъ день и мѣсто избирательнаго сейма, какъ бы по общему соглашенію Королевства и великаго княжества Литовскаго:—13 сентября въ Быстрицѣ недалеко отъ Люблина [6]). Постановленія Кнышинскаго съѣзда были сообщены всему Королевству, Литвѣ и Пруссіи черезъ универсалы и посольства [7]). Къ Великополянамъ и примасу Кнышинскій съѣздъ отъ имени Малополянъ и Литовцевъ отправилъ посольство, въ составъ котораго входилъ и Лавринъ Война, подскарбій дворный и писарь Литовскаго княжества [8]). Это посольство должно было сообщить Великополянамъ рѣшеніе съѣзда Малополянъ и Литовцевъ и просить о принятіи его. Но лишь только узнали Великополяне о по-

---

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 16.

[2]) Dziejopisowie Krajowi. *Świętosława z Bożejowic Orzelskiego*. Dzieje Polski. I. Petersburg i Mohilew. 1856. Str. 4. Ср. *Bielski* III. Str. 1225—1226.

[3]) *Heidenstein*. I. Str. 17.

[4]) Ср. *А. Трачевскій*. Польское безкоролевье и т. д. Стр. 104. Выписки изъ источниковъ по исторіи перваго безкоролевья см. также у Нѣмцевича— Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polszcze z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym, przez *J. U. Niemcewicza*. Wydanie nowe Jana Nep. Bobrowicza. Tom I. W Lipsku 1838. Str. 101 et sq.

[5]) *Heidenstein*. I. Str. 17. Ср. *Bielski*. III. Str. 1226.

[6]) *Heidenstein*. Str. 18.

[7]) Ibidem. Str. 20.

[8]) *J. Wolff*. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795. Kraków. 1885. Str. 191.

становленіяхъ Кнышинскаго съѣзда, они поспѣшили собраться на свой съѣздъ въ Шроду 7 сентября и отвергли постановленія и Ловичскаго, и Кнышинскаго съѣздовъ, какъ принятыя не по общему согласію всей шляхты [1]). Что касается до Кнышинскаго съѣзда, то Великополяне прямо заявили, что не могутъ никоимъ образомъ допустить, чтобы Малополяне и Литовцы съ нарушеніемъ правъ примаса и Великой Польши осмѣлились назначать день и мѣсто елекціи. Съѣздъ въ Шродѣ постановилъ, чтобы Великопольскіе сенаторы, собравшись около примаса, убѣдили его созвать конвокацію цѣлаго сената и чтобы, кромѣ того, они поспѣшили къ Литовцамъ, Русинамъ и Малополянамъ, отсовѣтывая имъ ихъ постановленія и склоняя ихъ къ отказу отъ ихъ намѣреній [2]). Упорство и энергія Великополянъ спасли престижъ Великой Польши и прерогативу примаса. Отъ Кнышинской партіи стали отступать ея члены съ воеводою Сендомірскимъ Петромъ Зборовскимъ во главѣ. Литовцы, имѣя на челѣ своемъ Яна Ходкевича, женатаго на сестрѣ Зборовскаго, также писали къ примасу и Великополянамъ, отступая отъ Кнышинскихъ постановленій и сваливая всю вину въ происшедшемъ на великаго Короннаго маршалка, протестуя при этомъ противъ выбора мѣста для елекціи около Люблина по настоянію Фирлея, въ то время какъ Литовцы избрали для этой цѣли Ломжу [3]). Между тѣмъ въ Раціонжѣ, въ Мазовіи собралась Плоцкая шляхта, и Кнышинскіе послы, прибывъ сюда, должны были увидѣть, что и этотъ съѣздъ оказался противнымъ Кнышинскимъ постановленіямъ. Куявцы, узнавши о результатѣ Кнышинскаго съѣзда, назначили сами себѣ съѣздъ на 21 августа. Словомъ, побѣда Великой Польши надъ Малою и примаса надъ великимъ Коронным маршалкомъ оказалась полною, и архіепископъ Гнѣзненскій вмѣстѣ съ бискупомъ Куявскимъ написали листы Малополянамъ, Литовцамъ, Пруссакамъ и цѣлому Королевству, созывая всѣхъ или въ Варшаву на 9 октября, или въ Ломжу на 27 октября [4]). Но Литовцамъ нужно было все-таки оффиціальнымъ образомъ уничтожить свое прежнее соглашеніе съ Малополянами, и они написали въ Кнышинъ, заявляя, что Ходкевичъ вслѣдствіе свирѣпствующей повсюду заразы не могъ вернуться во-время въ Вильну. Отъ него Литовцы узнали, что, когда Малополяне не пожелали назначить иного дня и иного

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 21. Ср. *А. Трачевскій*. Польское безкоролевье и т. д. Стр. 123.

[2]) *Orzelski*. I. Str. 8. [3]) *Heidenstein*. I. Str. 22. [4]) Ibidem. Str. 22—23.

мѣста для сейма, онъ согласился съ ними, но лишь отъ своего имени, а не отъ имени цѣлой Литвы. Такъ какъ постановленія Кнышинскаго съѣзда не могли дойти до Княжества тотчасъ же, то и сеймики не могутъ быть отправлены во́-время и должны быть отложены на 7 недѣль. Крымскій посолъ можетъ быть выслушанъ Литовцами на съѣздѣ въ Рудникахъ, гдѣ будетъ и Янъ Ходкевичъ. Въ Инфлянтахъ также не могутъ собраться во́-время сеймики. Въ заключеніе Литовцы говорили, что они не могутъ прибыть въ день и на мѣсто, назначенные Кнышинскимъ съѣздомъ, такъ какъ и зараза сильно свирѣпствуетъ, да и о Великополянахъ они ничего не знаютъ. Кромѣ того, они просили, чтобы мѣсто и время для елекціи были выбраны болѣе удобныя для нихъ, напримѣръ Ливъ и январь. Если ихъ просьба исполнена не будетъ, они не пріѣдутъ, но, во всякомъ случаѣ, вышлютъ своихъ пословъ съ полными инструкціями [1]. Какъ бы то ни было, Литовцы отступили отъ Малополянъ. О нихъ, кромѣ того, пошли по Польшѣ слухи [2], что они сносятся частью съ Австріей, частью съ Москвою и чрезвычайно подозрительно относятся къ станамъ Коронnымъ. Однако, во всякомъ случаѣ, оффиціально Литовцы продолжали свои сношенія съ Поляками по прежнему, и 25 сентября 1572 года изъ Рудниковъ вновь отправили свое посланіе Литовскіе паны-рады къ Полякамъ съ извѣщеніемъ о поступкахъ Московскаго царя и о необходимости посольства къ нему [3].

Когда собрались 3 октября Малополяне на съѣздъ въ Осѣкѣ, рѣшившій, наконецъ, признать прерогативу примаса, откликнуться на его призывъ и явиться на сеймъ въ Варшаву, они просили лишь, чтобы ихъ подождали до 14 октября, такъ какъ къ 9-му они не успѣютъ прибыть. Но извѣщая объ этомъ, Малополяне писали, что ихъ беретъ сильное сомнѣніе относительно поведенія Литовцевъ, и посылали копіи листовъ, присланныхъ имъ послѣдними. Малополяне обращали вниманіе примаса на то, что послы императора задержаны нѣсколькими сенаторами и, какъ слышно, безъ вѣдома маршалка и въ разрѣзъ его обѣщанію Королевству, поѣхали въ Плоцкъ къ королевнѣ Аннѣ Ягеллонкѣ, сестрѣ Сигизмунда Августа. Малополяне говорили о противозаконности всего этого—они уже послали объ этомъ своихъ пословъ къ королевнѣ

---

[1]) Ibidem. Str. 23—24. [2]) *Heidenstein*. I. Str. 25.
[3]) Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 327. Стр. 14—24.

и совѣтовали сдѣлать то же и Великополянамъ; такого же содержанія листы они послали и Литвѣ [1]).

Между тѣмъ, примасъ прибылъ въ Варшаву ко дню, имъ самимъ назначенному, т.-е. къ 9 октября, а съ нимъ нѣсколько сенаторовъ и бискупы Куявскій и Плоцкій въ ихъ числѣ. Собравшіеся сенаторы отписали въ Осѣкъ, что не могутъ ожидать Малополянъ до 14 октября за недостаткомъ провизіи, которой они себѣ не заготовили и которой не достать въ окрестностяхъ Варшавы, охваченныхъ эпидеміей. Они ѣдутъ въ Коло на общій Великопольскій съѣздъ къ 15 октября и туда же приглашаютъ Малополянъ, обѣщая ожидать ихъ тамъ въ теченіе трехъ дней. О Литвѣ и Пруссакахъ, писалъ примасъ, ничего ему неизвѣстно. Литовцы лишь прислали къ нему въ Варшаву листы Московскаго князя, которые требуютъ общаго размышленія. Малополяне стали уже съѣзжаться въ Варшаву, изъ которой уѣхали примасъ и бывшіе съ нимъ, и должны были въ виду не состоявшагося съѣзда возвратиться по домамъ. Но они снова были вызваны въ Варшаву листами воеводъ Подольскаго, Краковскаго и Сендомірскаго. Съ Краковскимъ бискупомъ во главѣ вернулись Малополяне къ 17 октября въ Варшаву. Пока они разсуждали между собою, что́ нужно дѣлать, къ нимъ пришли листы изъ Кола отъ Великополянъ, извѣщающіе, что послѣдніе переѣзжаютъ въ Ленчицу и будутъ тамъ ожидать Малополянъ до 20 октября. Недовольные всѣмъ этимъ Малополяне послали къ Великополянамъ своихъ пословъ [2]), которые должны были сначала постараться убѣдить ихъ пріѣхать въ Варшаву, а если этого не удастся сдѣлать, то вмѣстѣ съ ними учинить, наконецъ, окончательное постановленіе объ общемъ вальномъ сеймѣ для Польши, Литвы и Пруссіи [3]). Кольскій сеймикъ назначилъ окончательно день и мѣсто для съѣзда Малополянъ и Великополянъ—въ Каскахъ 25 октября, и въ этотъ день состоялся давно желанный съѣздъ [4]). Онъ назначилъ днемъ общаго конвокаціоннаго сейма день св. Крещенія въ 1573 году [5]).

---

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 26.

[2]) Воеводу Сендомірскаго и кашталяна Жарновскаго.

[3]) *Heidenstein*. I. Str. 26—28.

[4]) Ibidem. Str. 35.

[5]) О днѣ этого сейма существуетъ разногласіе въ источникахъ и въ литературѣ. *Heidenstein* (I. Str. 35) относитъ его къ 6 января (мы считаемъ опечаткою въ переводѣ—6 lutego, вмѣсто 6 stycznia, такъ какъ сеймики, по словамъ Гейденштейна, были назначены на день св. Люціи, т.-е. 13 декабря,

Съѣздъ въ Каскахъ отправилъ своихъ пословъ въ Литву, Прусcію, на Русь, въ Инфлянты; на Волынь, въ Кіевъ и на Подолье были посланы лица съ призывомъ и убѣжденіемъ прибыть на конвокацію. Послами въ Литву были отправлены Петръ Зборовскій, воевода Сендоміркій и Янъ Томицкій, кашталянъ Гнѣзненскій [1]). Имъ было поручено, кромѣ того, заѣхать въ Тыкотинъ. чтобы, посовѣтовавшись съ Литовцами, они устроили дѣла этого староства и взяли изъ Тыкотина старые документы и грамоты (prawa i dyplomata), которыхъ тамъ не мало собралъ самъ Сигизмундъ Августъ. Однако, Литовцы, согласившись на осмотръ и исправленіе Тыкотинскаго замка, не позволили ничего изъ него тронуть [2]). Что касается до исполненія Зборовскимъ и Томицкимъ ихъ посольства въ Литву, то оно было выполнено ими во Мстибоговѣ, гдѣ они были приняты въ декабрѣ Литовскими панами-радою [3]). Отвѣтъ, данный ими посламъ Короны, былъ полонъ достоинства и твердости. Они заявили, что въ актахъ Уніи нѣтъ упоминанія ни о какомъ другомъ сеймѣ, кромѣ избирательнаго, а между тѣмъ Поляки не только чинятъ разные съѣзды для назначенія времени и мѣста елекціи, но даже обсуждаютъ дѣла такого великаго значенія, какъ порядокъ елекціи, оборона границъ. жалованье войску и другія дѣла, подобныя этимъ, о чемъ думаютъ Литовцы, что все это должно быть разрѣшаемо не на частныхъ собраніяхъ, но на общемъ вальномъ сеймѣ по совѣту и согласію всѣхъ. Паны-рада Литовскіе не хотятъ брать на себя отвѣтственности въ томъ, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ окончательно высказаться безъ вѣдома своихъ товарищей, безъ вѣдома шляхты и городовъ. Они будутъ, однако, стараться, чтобы, какъ Поляки собрались въ Каскахъ, такъ и Литовцы собрались

а сеймики были созываемы за три недѣли до сейма, если сеймъ былъ чрезвычайнымъ. См. *B. Lengnich.* Prawo pospolite Królestwa Polskiego». Kraków 1836. Str. 336, 337); *Orzelski* называетъ его днемъ 20 января (I. Str. 17). *Bielski* — «dzień trzech krolów» (III. Str. 1230). Въ литературѣ также день его обозначается различно: *М. Бобржинскій* — 15 января (Оч. ист. Польши II. Стр. 107). *J. Szujski*—то 6, то 20, то 15 января (Dzieje Polski. III. Str. 20, i nota 4). *Ѳ. М. Уманецъ*—январь (Вырожд. Польши. Стр. 149). *А. С. Трачевскій*—Крещеніе 1573 года, подтверждая принимаемую имъ дату ссылкою на универсалъ съѣзда по рукоп. Имп. Публ. Библ. (Польское безкоролевье. Стр. 149 и прим. стр. 11).

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 35. *Orzelski.* I. Str. 17.

[2]) *Heidenstein* I. Str. 37.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 39.

въ Вильнѣ и чтобы въ недѣлю послѣ праздника Крещенія выѣхали на сеймъ въ Варшаву. Если всѣ не будутъ имѣть возможности лично прибыть на сеймъ по разнымъ причинамъ, а особенно изъ-за опасенія передъ врагомъ, то, во всякомъ случаѣ, пришлютъ въ Варшаву своихъ пословъ съ самымъ достаточнымъ полномочіемъ во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ имъ сообщено. Возобновили также Литовцы свое требованіе обратно Волыни, Кіева, Подляшья и Брацлава, говоря о тѣсныхъ связяхъ между этими землями и Княжествомъ. Они не поднимали бы никакого спора и не дѣлали бы никакихъ постановленій относительно этихъ земель, если бы въ приглашеніи Литовцевъ на Люблинскій сеймъ 1569 года было хотя какое нибудь упоминаніе о заключеніи или нарушеніи союза. Приговоръ (wyrok), отнимающій отъ Литовцевъ ихъ области, палъ на нихъ безъ ихъ вѣдома и противъ закона, почему они просятъ, чтобы сообразно съ этимъ всѣмъ были посланы съ Коронныхъ сеймиковъ полномочія на сеймъ Варшавскій. Если же скорбь и обида Литовцевъ будутъ оставлены Поляками безъ вниманія, тѣмъ самымъ прекратятся взаимная любовь и пріязнь обоихъ народовъ. Что Литовцы сдѣлали снова постановленіе, чтобы доходы съ Волыни и Подляшья вносились въ Литовскій скарбъ, такъ на это они имѣли право, и этимъ не сдѣлали ничего противъ утвержденной присягою Уніи, такъ какъ издавна они принадлежали Литовскому скарбу и присягою на Унію Литовцы не вырекались отъ этихъ земель. Затѣмъ, паны-рада Княжества доказывали, что королевна Анна Ягеллонка не можетъ имѣть надъ нимъ никакой власти: обладая своими правами, а потому люди свободные, Литовцы не признаютъ надъ собою никакой власти кромѣ власти государственной. На съѣздѣ въ Каскахъ про Литовцевъ болтали, что они хотѣли вести съ Москвою переговоры объ Инфлянтахъ; это ложь, такъ какъ никогда и въ мысляхъ ихъ этого не было, въ чемъ легко могутъ убѣдиться сами Поляки изъ посольства Литовскаго писаря Гарабурды и отвѣта самого царя. Можно бы, наоборотъ, доказать, что изъ Коронной канцеляріи выходятъ листы отъ имени покойнаго короля, которыми безъ вѣдома администратора Инфлянтъ [1]) и Литовцевъ приказано передать нѣсколько замковъ Шведскому королю, только администраторъ ихъ задержалъ доселѣ. Кромѣ того, Литовцы до-

---

[1]) Янъ Ходкевичъ, староста Жомоитскій, маршалокъ земскій Литовскій и т. д.

казывали, что противно правамъ Литвы и администратора Поляки отправили своихъ пословъ въ Инфлянты и не безъ общественной опасности поручили тамъ созвать сеймики. Наконецъ, Литовцы домогались, чтобы Литовская монета была допущена къ обращенію въ ея настоящей цѣнности по цѣлой Польшѣ и всюду, какъ это было еще постановлено при жизни короля. Литовцы не противорѣчили даже тому, что сносились съ иностранцами, но говорили, что дѣлали это совершенно частнымъ образомъ и что главное—сами Поляки этого причина, такъ какъ они хотѣли отстранить Литовцевъ отъ елекціи. Ничего, однако, окончательнаго они не постановили и напередъ ничего не предпримутъ безъ общаго совѣщанія [1]). Таковъ былъ отвѣтъ, данный Литовскою радою посламъ Польскимъ.

Между тѣмъ, конвокаціонный сеймъ собрался въ Варшавѣ, но ему пришлось обождать въ своихъ рѣшеніяхъ Литовцевъ, бывшихъ еще въ дорогѣ [2]). Какъ мы уже видѣли выше. Литовцы постановили собраться на съѣздъ въ Вильнѣ для обсужденія положенія дѣлъ. Съ этого съѣзда они выслали своихъ пословъ въ Варшаву—кашталяновъ Троцкаго Евстафія Воловича и Витебскаго Павла Паца вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями Литовской шляхты [3]). Съ Виленскаго съѣзда Литовцы написали Полякамъ, что по причинѣ продолжительности дороги они не могутъ прибыть въ назначенный день, и возможно, что дней на пять ихъ послы и опоздаютъ. Литовцы извиняли отсутствіе своихъ сенаторовъ то отдаленностью мѣста, то формулою Уніи, согласно которой всѣ должны съѣхаться лишь на избирательный сеймъ, то тѣмъ, что примасъ самъ созвалъ настоящій сеймъ [4]); объясняли, что по важнымъ причинамъ не могутъ вмѣстѣ съ этими послами отправить пословъ отъ шляхты. Пацъ и Воловичъ посланы только затѣмъ, чтобы условиться съ Поляками о времени и мѣстѣ елекціи, и Парчовъ для нея самое удобное мѣсто, по мнѣнію Литовцевъ: онъ уже не разъ упоминался на прежнихъ съѣздахъ, онъ одинаково удаленъ ото всѣхъ и наиболѣе удобенъ для наблюденія за движеніемъ враговъ и ихъ отраженія. Литовцы думаютъ такъ,

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 39—41. Ср. *Bielski.* III. Str. 1233—1234. См. также *Л. С. Трачевскій.* Польское безкоролевье и т. д. Примѣч. стр. 14.

[2]) *Heidenstein.* I. Str. 43.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 44. Ср. *Bielski.* III. Str. 1236—1238.

[4]) Т.-е. безъ совѣта съ остальными сенаторами, а въ ихъ числѣ и Литовскими.

*

что дни около св. Войтѣха были бы очень подходящими для елекціи, такъ какъ необходимо обратить вниманіе на тѣхъ, кто живетъ далеко, да и на нихъ самихъ, чтобы они имѣли возможность отправить у себя предслекційные сеймики, а что самое главное — весною, когда popuszczają, рѣки, озера и болота, они меньше будутъ опасаться непріятеля, потому что онъ наиболѣе дѣятельнымъ бываетъ зимою; разсказываютъ даже, что онъ уже осадилъ Ревель и самъ царь стоитъ съ войскомъ подъ Полоцкомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ со всѣхъ сторонъ пожары. Онъ напрягаетъ свои силы противъ Литовцевъ, чтобы напасть на нихъ не приготовленныхъ вдругъ, а чтобы отвести имъ глаза, посылаетъ своихъ пословъ. Поэтому и Речи Посполитой нужно какъ можно скорѣе отправить къ нему посольство, чтобы позадержать его какъ-нибудь. Литовцы умоляли Поляковъ о помощи противъ Москвы, такъ какъ скарбъ Литовскій совершенно истощенъ, а противъ такого врага нужно и жолнеровъ, и наличныхъ денегъ. Жаловались также на королевну и представили ея листы въ доказательство того, что она, писавъ Виленскому бискупу, назвала Литву своею вотчиною, что приказала завѣдующимъ лѣсами представить ей слѣдуемые податки, что, когда Поляки назначили сеймъ въ Варшавѣ, она сама созвала Литву въ Ломжу и даже прислала Литовцамъ формулу присяги; Литовцы просятъ, чтобы все это столкновеніе съ королевною было отложено до избирательнаго сейма, и обѣщаютъ, что въ Тыкотинскомъ дѣлѣ будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Польшею. Литовцы возобновили давніе споры о Волыни, Кіевѣ, Брацлавѣ и Подляшьѣ, утверждая, что эти земли незаконно были у нихъ отобраны на Люблинскомъ сеймѣ и въ сообщеніи Поляковъ не было объ этомъ ни малѣйшаго упоминанія; поэтому они требовали, чтобы эти земли были возвращены Литвѣ еще до елекціи. Они желали также, чтобы ихъ маршалки [1])

[1]) Переводчикъ *Heidenstein*'а пишетъ—Marszałek Ziemski (I. Str. 45), но это грубая ошибка и недосмотръ. Великій маршалокъ земскій въ Литвѣ былъ одинъ, и эту должность въ 1573 году занималъ Янъ Ходкевичъ, который, конечно, не согласился бы никогда сѣсть рядомъ съ меньшими капиталянами Коронными. Да и въ спискѣ сенаторовъ 1569 года (Vol. leg.. II. Str. 93) маршалокъ земскій Княжества помѣченъ рядомъ съ Короннымъ. *Bielski* это требованіе Литовцевъ излагаетъ такъ: «Napirali się i tego, aby marszałkowie litewscy ziemscy do rady za przysięgą przyjęci byli i miedzy mniejsze kasztelany posadzeni» (III. Str. 1237). Тутъ разумѣются, конечно, Литовскіе государевы маршалки, стоявшіе во главѣ шляхты и повѣтовъ и имѣвшіе въ Литвѣ дѣйствительно до Уніи 1569 года мѣста въ радѣ. См. ниже, II главу настоящаго изслѣдованія.

получили мѣсто въ сенатѣ между меньшими кашталянами, чтобы Литовская монета, какъ это было раньше постановлено, въ Королевствѣ и повсюду была принимаема по ея цѣнѣ. Жаловались также на то, что въ Инфлянтахъ Поляки созвали сеймики своею властью безъ вѣдома Литовцевъ и администратора. Что касается до сдѣлокъ объ Инфлянтахъ съ Москвою, что про нихъ говорятъ, то совершенно ихъ отвергали и утверждали, что и въ головахъ ихъ не было ничего подобнаго. Наоборотъ, они доказывали, что, въ силу листовъ, вышедшихъ изъ Коронной канцеляріи, было опредѣлено отдать нѣсколько замковъ Шведу, но Литовскій администраторъ Инфлянтъ задержалъ ихъ.

Конечно, все это вызвало много толковъ среди сенаторовъ, а потомъ и шляхты Короны, но, кромѣ обще-Литовскаго посольства, пришлось сенату выслушать еще одно посольство—секретное отъ князя Юрія Слуцкаго. Оно принесло доносъ на Яна Ходкевича и Литовцевъ, говорившій объ ихъ сношеніяхъ съ императоромъ. Ненавидя Ходкевича, князь Слуцкій прислалъ и самые листы этихъ сношеній, донося, сверхъ того, что староста Жомоитскій отдаетъ въ заставы королевскія имѣнія, что съѣзды въ Литвѣ отбываются безъ вѣдома шляхты, и совѣтовалъ отправить въ Литву Польское посольство для разслѣдованія и прекращенія всего этого; сверхъ того, совѣтовалъ назначить мѣсто елекціи поближе къ Литовскимъ границамъ. Князь Слуцкій отдавалъ себя и свое княжество подъ власть Короны, предупреждалъ, что Литовцы открыто готовятъ противъ него вооруженную силу, просилъ не быть равнодушнымъ къ его опасности и въ заключеніе домогался для себя мѣста въ сенатѣ соединеннаго государства [1]). По словамъ Бѣльскаго, сенаторы, прочитавъ листъ князя Юрія Олельковича Слуцкаго, отписали ему, что назначили ему мѣсто въ сенатѣ то самое, которое онъ имѣлъ и прежде въ радѣ Литовской до Уніи 1569 года, т.-е. рядомъ съ Виленскимъ бискупомъ [2]). Но это назначеніе не было приведено въ исполненіе, и мы еще не разъ встрѣтимся съ требованіями Слуцкимъ княземъ своего сенаторскаго кресла.

---

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 46. О князѣ Слуцкомъ и его значеніи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ см. *Ѳ. И. Леонтовичъ*. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Спб. 1894. Стр. 147, 148. *М. К. Любавскій*. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Р. государства. М. 1893. Стр. 24, 133, 134. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. М. 1901. Стр. 335. *J. Wolff*. Kniaziowie Litewzko-Ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa. 1895. Str. 333—334.

[2]) *Bielski*. III. Str. 1240, 1241.

Мы не будемъ входить въ изложеніе занятій конвокаціоннаго сейма Варшавскаго, такъ такъ задачею нашею является лишь отмѣтить то, какъ и въ чемъ проявляла себя Литва въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ въ эту эпоху. Варшавскій сеймъ назначилъ елекцію новаго короля на 5 апрѣля и избралъ мѣстомъ для нея деревню Камень подъ Варшавою [1]). Но Литовцы оказались недовольными этимъ рѣшеніемъ. Собравшись въ Вильнѣ и узнавъ о постановленіяхъ Варшавскаго сейма, они отправили въ Польшу листы [2]) съ просьбою, чтобы сеймъ былъ перенесенъ въ Ливу, какъ ближайшее къ Княжеству мѣсто; увѣряли также Литовцы, что они чисты отъ подозрѣній, которыя высказаны по отношенію къ нимъ въ Варшавѣ, что они не замышляли ничего, что было бы въ ущербъ цѣлости и величію общей Речи Посполитой и что они дадутъ отчетъ въ Московскомъ посольствѣ Литовскаго писаря Гарабурды. Вмѣстѣ съ этимъ Литовцы доносили, что имъ грозитъ новая опасность со стороны Москвы. Литовцы вновь, кромѣ того, домогались Волыни и другихъ украинъ, такъ какъ, незаконно лишенные этихъ областей, они тѣмъ менѣе въ состояніи теперь обороняться противъ Москвы [3]). Но избирательный сеймъ все-таки открылся 5 апрѣля подъ Варшавою, несмотря на просьбу Литовцевъ. Послѣдніе не могли поспѣть къ самому открытію сейма. Отправивши свои сеймики, они собрались въ Бѣльскѣ и оттуда послали свой листъ къ Коронному сенату, извѣщая, что прибудутъ, но прося обождать ихъ [4]): за дальнею дорогою они не могутъ пріѣхать подъ Варшаву во́-время. Имъ было отказано въ ихъ просьбѣ. Но они, хотя и позже другихъ, все-таки прибыли еще во-время [5]). Когда производилась елекція, Литовцы дѣйствовали съ полнымъ единодушіемъ, несмотря на то, что вообще они дѣлились въ это время на двѣ партіи: во главѣ первой стоялъ Виленскій воевода Николай Радивилъ, во главѣ второй—Янъ Ходкевичъ. Обѣ партіи соединились, высказавшись за избраніе Генриха Валезія, поставивъ, однако, при этомъ требованіе, чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ королевною Анной Ягеллонкой [6]). Послѣ

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 56.

[2]) Бѣльскій болѣе отчетливо разсказываетъ объ этомъ постановленіи Литовцевъ. Онъ говоритъ, что Литовцы, съѣхавшись въ Вильнѣ, слушали своихъ вернувшихся съ конвокаціи пословъ, «których zrozumiawszy listy po koronie na te sejmikį rozpisali», прося о назначеніи елекціи въ Ливѣ (*Bielski* III. Str. 1263).

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 58. [4]) *Bielski.* III. Str. 1265.

[5]) *Heidenstein.* I. Str. 66. [6]) *Ibidem.* Str. 73.

избранія Генриха, къ посламъ его, находившимся въ Варшавѣ, была послана депутація, въ составъ которой отъ Литвы вошелъ Радивилъ, и послѣ принесенія ими за Генриха присяги на pacta conventa и прибытія пословъ Французскихъ на избирательное поле Генрихъ былъ провозглашенъ королемъ черезъ великаго Корон나го маршалка и великаго маршалка Литовскаго, провозгласившаго его отъ имени Литвы [1]).

Новый король былъ избранъ, но мы не можемъ ограничиться констатированіемъ лишь этого, говоря объ елекційномъ сеймѣ 1573 года и о времени, протекшемъ до его коронованія: это былъ слишкомъ важный моментъ въ исторіи всей спольной Речи Посполитой, чтобы мы имѣли право бѣгло пройти его. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что на этомъ сеймѣ Литва вновь предъявила свои требованія Польшѣ, добиваясь возвращенія отнятаго у нея Люблинскимъ сеймомъ 1569 года. 19 апрѣля Литовцы предъявили слѣдующія требованія Полякамъ: 1) вернуть Литвѣ Кіевъ, Подляшье, Волынь и Брацлавское воеводство, 2) допустить въ сенатъ Литовскихъ князей, 3) дать согласіе на обычное прежде число Литовскихъ маршалковъ (какъ членовъ сената) и 4) сеймы должны собираться въ Польшѣ и Литвѣ поочередно. Поляки отвѣтили на эти требованія, что они противны Уніи и что, сверхъ того, такія важныя дѣла можно разсматривать лишь въ присутствіи короля и передъ лицомъ всей Речи Посполитой, а потому нужно все это отложить до того времени, когда будетъ въ государствѣ король, не задерживая теперь елекціи [2]). Права князя Слуцкаго на мѣсто въ сенатѣ также вновь были предметомъ обсужденія на сеймѣ [3]). Кромѣ того, избирательный сеймъ былъ занятъ и вопросомъ объ оборонѣ границъ государственныхъ. Мы видѣли выше, какъ усиленно, но въ то же время тщетно Литва просила у Короны помощи противъ Москвы во все время протекшаго безкоролевья. Елекціонный сеймъ позволилъ Литовцамъ собрать податокъ въ Литвѣ на войну съ Москвою, но изъ средствъ Короны

---

[1]) Ср. *А. С. Трачевскій.* Польск. безк. Стр. 502. *J. Szujski.* Dz. P. III. Str. 33, 34.

[2]) *Orzelski.* I. Str. 90. Характерны основанія, приводимыя Оржельскимъ для доказательства правъ Польши на Кіевъ (Str. 91). Это тѣ же выписки изъ хроникъ, на которыя ссылались и на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Поляки, доказывая свои права на этотъ городъ и его область.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 67—68.

на защиту Княжества не далъ ни гроша [1]). Лишь на оборону Инфлянтъ, которые считались въ общемъ обладаніи Короны и Литвы, была оказана Польшею помощь Литовцамъ: Гнѣзненскій кашталянъ Янъ Костка послалъ Литовцамъ 30 тысячъ изъ Короннаго податка, да изъ Мазовіи, съ воеводства Плоцкаго, было выдано также 30 тысячъ въ распоряженіе Яна Ходкевича, какъ администратора Инфлянтъ [2]). Такимъ образомъ, еще разъ Польша заявляла Литвѣ, что ей нѣтъ дѣла до обороны послѣдней, и предоставляла ее силамъ самихъ Литовцевъ.

Избирательный сеймъ назначилъ 4 октября днемъ коронаціи новаго короля, а сеймики передъ коронаціоннымъ сеймомъ рѣшилъ открыть 1 сентября [3]). Къ новому королю, во Францію было отправлено торжественное посольство, составленное изъ большого числа сенаторовъ и шляхтичей [4]). Изъ Литовцевъ отправились во Францію Николай Криштофъ Радивилъ (Сиротка) князь на Олыкѣ и Несвижѣ, маршалокъ надворный Литовскій и князь Александръ Пронскій, воеводичъ Кіевскій,—первый, какъ представитель Литовскаго сената, второй, какъ представитель Литовской шляхты [5]). При архіепископѣ Гнѣзненскомъ, продолжавшемъ стоять во главѣ государства до прибытія Генриха въ Польшу, была составлена постоянная рада, съ которою онъ долженъ былъ совѣщаться обо всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Отъ Княжества въ эту раду вошли Николай Радивилъ, воевода Виленскій канцлеръ Литовскій, Янъ Ходкевичъ, староста Жомоитскій маршалокъ земскій Литовскій и Евстафій Воловичъ, кашталянъ Троцкій подканцлеръ великаго Княжества [6]). Въ другія государства были отправлены послы

---

[1]) Поборовый универсалъ елекційнаго сейма см. Volum. leg. II. Petersb. 1859. Str. 126—130.

[2]) *Heidenstein.* I. Str. 76.

[3]) Vol. leg. II. Str. 130. Ср. *Heidenstein.* I. Str. 76, 77.

[4]) Имена ихъ см. Vol. leg. II. Str. 132; *Heidenstein* I. Str. 77; *Solikowski* (Krótki Pamiętnik Rzeczy Polskich. Dziejopisowie Krajowi. Petersburg. 1854). Str. 6; *Orzelski.* I. Str. 149.

[5]) *Heidenstein* (I. Str. 77) неправильно называетъ кн. Александра Пронскаго Кіевскимъ воеводою (если только это не погрѣшность перевода, или изданія), *Orzelski* (I. Str. 149)—просто Александромъ Пронскимъ *Solikowski* (Str. 6)—воеводичемъ Кіевскимъ. Такъ же онъ обозначенъ и въ универсалѣ избирательнаго сейма (Vol. leg. II. Str. 130). Кіевскимъ воеводою въ 1573 году былъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Кн. А. Пронскій сынъ Кіевскаго воеводы, умершаго въ 1555 году.

[6]) *Heidenstein.* I. Str. 77.

съ извѣщеніемъ объ избраніи Генриха на престолъ Польско-Литовскаго государства, и въ Москву по просьбѣ Литовцевъ послали Андрея Тарановскаго [1]). Нельзя не отмѣтить тутъ и того [2]), что въ самыя pacta conventa Генриха было включено требованіе, чтобы каждый сеймъ назначалъ по 16 сенаторовъ изъ Польши, Литвы и другихъ странъ, принадлежащихъ Коронѣ, въ прибочную раду королевскую [3]).

Когда послы Речи Посполитой, прибывъ въ Парижъ, торжественно передавали Генриху дипломъ его елекціи въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи короля Французскаго Карла IX, Екатерины Медичи, Генриха Наварскаго, его супруги Маргариты Валуа и цвѣта Французской знати, сначала говорилъ бискупъ Познанскій, а послѣ него Литовскій надворный маршалокъ Радивилъ, именемъ Литвы принося Генриху увѣреніе въ подданствѣ [4]). Между тѣмъ, пока посольство справляло свое дѣло во Франціи и пока король собирался въ дорогу, примасъ съ приданною ему радою вѣдалъ дѣла Польско-Литовскаго государства. Передъ самымъ отъѣздомъ Генриха Валезія изъ Парижа пришли туда листы отъ примаса, Андрея Зборовскаго и Французскаго посла Базэна, извѣщающіе о томъ, что все спокойно внутри государства. Однако, на дѣлѣ это было далеко не такъ: грозила война съ Турціей, вслѣдствіе нападенія на Татаръ казаковъ, Гданьщане стояли въ то же время подъ оружіемъ, и такимъ образомъ на сѣверѣ и на югѣ нужны были боевыя приготовленія. Но этого мало. По рукамъ ходили листы Московскаго царя, въ которыхъ онъ разсказывалъ, что Литовцы приглашали его сына себѣ въ государи, просили для себя у царя войска и мѣховъ лисьихъ и собольихъ, но что онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ—онъ не хочетъ садиться на тронѣ соединеннаго государства, не будучи приглашеннымъ законнымъ образомъ. Онъ разсказывалъ, что выслали къ нему вторично писаря Литовскаго Михаила Гарабурду, который призывалъ его на великое княженіе и хотѣлъ вести съ нимъ переговоры о под-

---

[1]) Ibidem. Str. 78.

[2]) О прибочной радѣ будетъ идти рѣчь въ III главѣ настоящаго изслѣдованія.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 97. Въ Vol. legum. II. Str. 133—134, гдѣ напечатаны эти pacta conventa, нѣтъ упоминанія о прибочной радѣ. Нѣтъ его и въ присягѣ, и въ подтвержденіи правъ, данныхъ Генрихомъ. Отсюда надо заключать, что учрежденіе прибочной рады оказалось въ числѣ спорныхъ артикуловъ, которые Генрихъ отдавалъ на обсужденіе сеймиковъ повѣтовыхъ (Vol. leg. II. Str. 136).

[4]) *Heidenstein.* I. Str. 104—107.

твержденіи правъ и привилеевъ обоихъ народовъ. Было условлено, что на день св. Троицы, а самое позднее на день св. Петра и Павла къ нему прибудутъ для этого послы отъ становъ. Вмѣсто этого посольства явился къ царю Андрей Тарановскій съ жалобами на какіе-то убытки, причиненные на границѣ Инфлянтъ и съ извѣщеніемъ объ избраніи на престолъ Генриха Валезія. Московскій царь удивленъ всѣми этими противорѣчіями. Притомъ Тарановскій же объявилъ ему, что, если новый король не прибудетъ въ Польшу ко дню св. Мартина, то будетъ назначенъ новый избирательный сеймъ и тогда не забудутъ о великомъ князѣ Московскомъ [1]). Грамота эта подводила, такъ сказать, итогъ сношеніямъ Литовской рады съ Иваномъ IV во время перваго безкоролевья по вопросу о возведеніи на вакантный престолъ самого Московскаго царя, или сына его Өеодора. Настроеніе въ Речи Посполитой послѣ смерти послѣдняго Ягеллона дѣлало возможною кандидатуру [2]) Өеодора, а также и самого Ивана IV. Литовская рада, извѣщая Московскаго царя о смерти Сигизмунда Августа черезъ гонца своего Воропая, высказала желаніе видѣть царевича Өеодора Ивановича государемъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Отвѣтъ царя Воропаю показалъ, однако, что самъ Иванъ желаетъ Польско-Литовскаго престола. Литовская рада довела до свѣдѣнія рады Коронной о результатахъ посольства въ Москву Воропая и о требованіи Иваномъ IV немедленной присылки къ нему уполномоченныхъ для окончательныхъ переговоровъ. Однако, Поляки не торопились отправленіемъ пословъ, несмотря на опасность для Литвы отъ этой задержки. Въ началѣ 1573 года паны-рада Княжества оказались вынужденными отправить вновь въ Москву лишь своего Литовскаго посла, писаря Княжества Михаила Гарабурду, опытнаго въ исполненіи посольскихъ порученій къ Московскому царю [3]).

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 115, 116.

[2]) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ др. временъ. Кн. II. Спб. 1894. Стр. 235,236. *J. Szujski* Dz. P. III. Str. 27, 30. *А. С. Трачевскій* Польск. безк. Стр. 245 и сл.

[3]) О посольствахъ Гарабурды въ Москву см. *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древн. вр. Кн. II. Стр. 194 (принималъ участіе въ посольствѣ 1563 года). Ср. Книга Посольская Метрики Вел. Княж. Лит., изд. кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ. М. 1843. № 165. См. также «отписъ перший до пана Михаила Гарабурды писара в поселстве до Москвы посланого, которий се вернулъ от границ до Орши». (Дата: Варшава 28 окт. 1571 года) Лит. Метр. $\frac{IA}{56}$ л. 1 об.-2. Тотъ же Гарабурда принималъ участіе въ дѣлѣ мирныхъ

Онъ оправдывалъ медленность въ дѣйствіяхъ пановъ-рады Коронныхъ и Литовскихъ моровымъ повѣтріемъ, свирѣпствовавшимъ въ Литвѣ и Польшѣ, говорилъ о желаніи Литовскихъ пановъ провести на престолъ Речи Посполитой царя или его сына Θеодора и просилъ у Московскаго государя рѣшительнаго отвѣта, самъ ли онъ хочетъ получить престолъ Польско-Литовскаго государства, или желаетъ его для Θеодора. Отвѣтныя рѣчи Ивана послу Литовскому не могли понравиться Литовскому сенату. Въ двухъ рѣчахъ самого царя, выслушанныхъ Гарабурдою, было и колебаніе, и нежеланіе исполнить требованія Литовцевъ, и предпочтеніе интересовъ Московскихъ интересамъ Польско-Литовскаго государства, которому предстояло сдѣлаться въ лучшемъ случаѣ лишь придаткомъ къ владѣніямъ Ивана, а въ худшемъ, можетъ быть, подвергнуться и соединенію въ одно государство съ Московскимъ— Грозный царь покушался уже въ своемъ отвѣтѣ на уничтоженіе избирательнаго престола Речи Посполитой, а послѣ своего избранія, несомнѣнно, пошелъ бы и дальше въ своихъ нарушеніяхъ строя государства и правъ его обывателей, хотя на словахъ и соглашался съ необходимостью сохраненія порядковъ его. Кромѣ того, и самъ лично, и черезъ присланныхъ къ Литовскому послу окольничія Умнаго-Колычева, думнаго дворянина Плещеева и дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ, царь заявилъ о своемъ желаніи лучше царствовать въ одномъ Княжествѣ, отдѣлившемся отъ Короны, чѣмъ въ цѣломъ соединенномъ государствѣ [1]). Разрушить Унію и ввѣриться Грозному царю, «тиранство» котораго такъ хорошо было извѣстно Литвѣ,—вотъ къ чему должны были, въ концѣ концовъ привести сношенія Литовцевъ съ Москвою по вопросу объ елекціи Московскаго кандидата. Если первое не было желательно для Литвы цѣликомъ, такъ какъ она хотѣла лишь измѣнить условія Уніи согласно своему дѣйствительному значенію и правамъ наканунѣ ея заключенія, то перспектива второго уже ни въ какомъ случаѣ не могла улыбаться Литовцамъ. Вопросъ объ избраніи Московскаго царя, или его сына на престолъ Речи Посполитой даже серьезно и не могъ обсуждаться на избирательномъ сеймѣ 1573 года, такъ какъ Иванъ IV не послалъ на него своего посольства. Листы Грознаго царя, которые ходили по

переговоровъ у Запольскаго Яма. *С. М. Соловьевъ.* Ист. Р. съ др. вр. Кн. II. Стр. 287).

[1]) *С. М. Соловьевъ.* Ист. Р. съ др. вр. Кн. II. Стр. 236—244.

рукамъ въ соединенномъ государствѣ съ извѣтами на Литовцевъ, были, несомнѣнно, местью Ивана Литовцамъ за ихъ отказъ исполнить его желаніе: Московскій царь не только рѣшился «промышлять» надъ Литвою за избраніе Француза, но хотѣлъ усилить къ ней недовѣріе среди Поляковъ.

Но Генрихъ уже подвигался къ предѣламъ своего новаго государства. Во время этого путешествія паны-рада Литовскіе еще разъ заявили о своихъ требованіяхъ, которыя они не разъ уже предъявляли въ протекшее безкоролевье къ Полякамъ. Когда король находился въ Вейссенбургѣ, къ нему прибылъ посолъ отъ Литовскихъ сенаторовъ [1]). Въ этихъ листахъ Литовцы благодарили короля за его доброжелательство, которое имъ объявилъ Базэнъ, и увѣряли со своей стороны въ вѣрности и уваженіи. Превозносили до небесъ Французскій народъ, а особенно Андегавенскую фамилію, которая, по ихъ словамъ, отъ самаго начала христіанства не только доставляла государей своему краю, но владѣла и другими королевствами—Польскимъ, Венгерскимъ и Чешскимъ. Доносили Литовцы, что они внимательно сторожатъ границы и сразу послѣ смерти Сигизмунда Августа поставили пограничную стражу противъ Москвы, благодаря чему принудили царя Московскаго къ годичной пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, такъ что теперь, даже если бы не было и стражи, нечего бояться нападенія Москвы на Литву. Жаловались далѣе, что у нихъ еще передъ смертью Сигизмунда Августа незаконно отняты Кіевъ, Подляшье и Волынь; объ этомъ они заявятъ на общемъ сеймѣ, такъ какъ ихъ силы черезъ это не мало ослабѣли: мужество и отвага обывателей этихъ областей, выступающихъ вооруженными часто даже безъ сеймоваго постановленія, не разъ прогоняли прочь непріятеля. Помимо всего этого, Литовцы употребятъ всѣ свои силы на то, чтобы сохранить для короля Литву цѣлою. Нужно только опасаться, чтобы послѣднее посольство въ Москвѣ не произвело бы какой-либо диверсіи тѣмъ, что осмѣлилось бы назначить для короля срокъ, въ случаѣ неприбытія на который будетъ взято назадъ его признаніе. Заявляли Литовцы также, что будутъ всѣми силами стараться ничего не измѣнять въ постановленіяхъ (объ елекціи), что даже свое имущество и жизнь свою готовы отдать для блага отечества и славы королевской, но для этого необходимо нужны прибытіе, присутствіе и помощь самого

---

[1]) Jakiś poufały Chodkiewicza Starosty Zmudzkiego. *Heidenstein*. I. Str. 122.

короля. Прежде еще, когда Литовцы владѣли всѣмъ своимъ въ цѣлости и имѣли три сильныя крѣпости, они часто едва лишь могли выдерживать численное превосходство Москвы, теперь же, лишенные части своихъ земель, должны защищать не только Литву, но и достаточно слабые Инфлянты. Они призывали короля поспѣшить возможно только скорѣе на помощь, а между тѣмъ просили приказать заплатить обѣщанное жалованье войску, такъ какъ доселѣ обѣщанія его пословъ не имѣли ни малѣйшаго исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Литовцы посылали грамоту (дипломъ), изготовленную на Виленскомъ съѣздѣ сенаторами и шляхтою, подписанную и скрѣпленную печатями, въ которой, снова восхваливши изстаринныя доблести Французовъ, Литовцы подтверждали Варшавскую елекцію, произносили проклятіе на противящихся ей, или не признающихъ ея и объявляли ихъ врагами отечества. Отвѣтъ, данный Литовцамъ Генрихомъ, былъ самый любезный и милостивый: онъ благодарилъ ихъ за ихъ твердость, поощрялъ къ ея сохраненію, объяснялъ задержку своего путешествія и послалъ съ Рамбулье 40 тысячъ франковъ на первыя нужды Княжества [1]). Когда Генрихъ 23 декабря прибылъ въ Фульду, онъ тамъ уже засталъ гонца съ извѣстіемъ отъ Рамбулье. Прибывъ въ Краковъ, Рамбулье попалъ на съѣздъ многихъ сенаторовъ. На этотъ съѣздъ пріѣхалъ и Янъ Ходкевичъ, который доносилъ, что, какъ Литовскіе станы узнали достовѣрно, Московскій царь замышляетъ вторгнуться въ Литву съ огромнымъ войскомъ, раздѣленнымъ на три отдѣльные корпуса. Одинъ изъ нихъ подъ личнымъ предводительствомъ самого царя долженъ ударить на Польшу, другой съ сыномъ царскимъ посланъ къ Витебску, а третій подъ командою Магнуса, брата Датскаго короля, отправленъ въ Инфлянты. Такъ какъ Рамбулье привезъ королевское приказаніе, чтобы станы совѣщались съ нимъ, если случится что-либо особенно важное, то его пригласили въ засѣданіе сената, въ которомъ должно было быть сдѣлано постановленіе относительно помощи, требуемой для Литвы отъ Польши Ходкевичемъ. Въ присутствіи Рамбулье сенатъ разсуждалъ о томъ, какъ много увеличиваетъ отсутствіе короля опасность и недостатокъ помощи, такъ какъ безъ него нельзя ни наложить податка, ни рушиться въ поле шляхтѣ безъ нарушенія публичнаго права и свободъ ея, ибо станы, дающіе на все это разрѣшеніе, не могутъ быть со-

---

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 122—123.

званы безъ короля. Громко винили такое долгое отсутствіе короля и требовали отъ него денежной помощи, какъ это обѣщали королевскіе послы на Варшавскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, Рамбулье имѣетъ въ этомъ отношеніи опредѣленныя приказанія. Рамбулье, объяснивши промедленіе короля, убѣждалъ не сомнѣваться въ обѣщанномъ послами, однако заявилъ, что, такъ какъ королю было донесено, что съ Москвою на годъ было заключено перемиріе и что есть полная увѣренность въ мирѣ со стороны остальныхъ сосѣдей, королю Генриху не могло придти и на мысль давать какія-либо порученія относительно помощи, и онъ, Рамбулье, не можетъ ничего дѣлать безъ такого порученія. Онъ совѣтуетъ, чтобы на помощь Литвѣ обратили податокъ, постановленный на избирательномъ сеймѣ. Когда же ему отвѣтили, что этотъ податокъ обращенъ уже на другія нужды государства, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ выдать Ходкевичу 10 тысячъ золотыхъ на наборъ жолнеровъ для расположенія ихъ на границахъ до прибытія короля. Всѣ ожидали, по словамъ Рамбулье, Генриха съ величайшимъ нетерпѣніемъ; въ остальномъ все спокойно. Гданьщане прекратили свое боевое положеніе и приготовили къ королю посольство для изъявленія вѣрности и подданства [1]).

Наконецъ, давно желанное прибытіе короля въ Краковъ состоялось 18 февраля 1574 года [2]). Намъ не нужно описывать встрѣчу Генриха Литовцами и Поляками и коронованіе его, но намъ нельзя не указать на одинъ фактъ во время коронаціоннаго сейма. Литовцы и Пруссаки грозили протестаціей, если не будетъ обращено вниманія на ихъ жалобы передъ подтвержденіемъ правъ королемъ [3]).

Подведемъ итоги подъ тѣмъ, что оставило послѣ себя первое безкоролевье великому княжеству Литовскому. Прежде всего эта эпоха должна была подвинуть эволюцію Литовскаго взгляда на короля въ сторону его обращенія во взглядъ Польскій. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года прекрасно рисуетъ то глубокое различіе, которое существовало во взглядахъ на своего государя обоихъ народовъ, вступавшихъ въ Унію между ихъ государствами. Литва смотрѣла на своего государя, какъ на помазанника Божія, къ которому она сохраняла весь свой вѣрноподданическій піететъ, несмотря на все развитіе своихъ политическихъ правъ. Поляки держатъ себя совершенно иначе по отношенію къ Сигизмунду

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 125—126. [2]) Ibidem. Str. 130. [3]) Ibidem. Str. 145.

Августу, чѣмъ Литовцы. Они требуютъ, упрекаютъ, провѣряютъ короля, не довѣряя ему и не скрывая этого недовѣрія. Мы видѣли выше, что однажды Сигизмундъ Августъ даже не выдержалъ назойливаго и рѣзкаго вторженія посольской избы въ его дѣла и далъ ей гнѣвный отпоръ. Особенно характернымъ является съ этой точки зрѣнія отказъ Люблинскаго сейма сдѣлать постановленіе объ обезпеченіи потомства королевскаго, несмотря на просьбы объ этомъ Сигизмунда Августа. Соединяясь съ Поляками подъ скипетромъ общаго короля и съ общимъ сеймомъ, Литовцы должны были принимать и Коронный взглядъ на государя, такъ отличавшійся отъ Литовскаго и такъ мало оставлявшій для уваженія и подчиненія ему. Но этого мало. Дѣянія послѣдняго Ягеллона также должны были сослужить свою службу дѣлу разрушенія стараго взгляда Литовцевъ на своего государя. Нарушеніе клятвъ Сигизмундомъ Августомъ, торжественно данныхъ Княжеству, и продажа его Польшѣ съ отнятіемъ Литовскихъ областей не могли не ворваться ледяною струей въ теплое чувство вѣрноподданническаго піетета, который питалъ Литовскій народъ по отношенію къ своему государю. Къ этому прибавлялась дурная семейная жизнь и развратъ короля, не бывшіе тайною для народа. Еще на Люблинскомъ сеймѣ 1566 года примасъ Яковъ Уханскій обратился къ королю съ мольбою не отсылать Екатерины Австрійской, супруги своей, къ ея брату Максимиліану, императору Священной Римской Имперіи. Сцена разыгралась сильная, и сенатъ плакалъ, моля короля измѣнить его семейную жизнь [1]). Послѣ смерти короля развратъ его вскрылся во всей своей наготѣ въ оффиціальныхъ, публичныхъ заявленіяхъ дворянъ и людей, служившихъ ему [2]). Наступившее затѣмъ время елекціи, подкуповъ и заискиваній кандидатовъ, подкупавшихъ и льстившихъ черезъ своихъ агентовъ сенаторамъ и шляхтѣ, должно было перевернуть все представленіе о величіи государя, которое было прежде утверждено крѣпко въ головахъ Литовскаго народа. Народъ долженъ былъ сознать, что онъ можетъ и въ правѣ дать корону претенденту, а можетъ и не дать, а если дастъ, то можетъ по-

---

[1]) *Łukasz Górnicki.* Dzieje w Koronie Polskiey etc. (Zbiór pis. p. Część druga. Pisma L. Górnickiego· T. IV. W Warszawie. 1828). Str. 192, 193. Король отложилъ отвѣтъ до слѣдующаго дня и отвѣтилъ, «że tego przywieść na sobie nie może, iżby takiey dogodził prożbie, a iż cięższaby mu to rzecz była niż pozbyć żywota: przeto aby mu w tym iuż pokoy dano».

[2]) *Orzelski.* I. Str. 84, 85, 88.

торговаться объ условіяхъ, на которыхъ согласится признать претендента своимъ государемъ. Если не сразу Литовскій народъ усвоилъ взглядъ на короля, какъ на должностное лицо, лишь властью народа получающее корону, если старыя понятія не могли еще сразу рухнуть совсѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, для эволюціи ихъ первая елекція должна была сдѣлать свое дѣло. Литовскій народъ долженъ былъ привыкать отдѣлять себя отъ своего великаго князя и привыкать считать его постороннимъ лицомъ, чуждымъ ему по понятіямъ и происхожденію, лишь волею самого народа, болѣе, или менѣе случайно получающимъ корону. Прежде, не отдѣляя отъ себя государя, народъ Литовскій долженъ былъ привыкать отдѣлять его отъ себя, а это должно было содѣйствовать еще большему сближенію между собою становъ Литовскихъ. Если Литовская шляхта этой эпохи представляется Поляками находящеюся цѣликомъ въ рукахъ своихъ сенаторовъ [1]), и если нельзя безъ оговорокъ принимать цѣликомъ это представленіе и, какъ оказывается, въ ней было теченіе въ сторону эмансипаціи отъ панскаго преобладанія и даже борьбы съ панами [2]), то эпоха безкоролевья должна была сблизить шляхту и сенатъ Литовскіе — они могли лишь другъ въ другѣ искать помощи въ дѣлѣ защиты своихъ и своего Княжества интересовъ. Что касается до Поляковъ, то на ихъ слова о «братской» любви нужно было Литовцамъ махнуть рукою и признать ихъ пустыми и ложными словами: первое безкоролевье блестящимъ образомъ подтвердило убѣжденіе въ этомъ, которое должно было создаться, благодаря Люблинскому сейму. На свои просьбы о помощи Литва слышала только отказъ отъ Польши, хотя договоръ Уніи постановилъ, что у обоихъ народовъ враги должны быть общіе. Этого мало. Литовцы видѣли подозрительность, съ которою къ нимъ относятся Поляки, видѣли и полное невниманіе къ интересамъ Литвы при выборѣ мѣста и времени для сеймовъ эпохи безкоролевья, не-

[1]) Даже Подляшанинъ, Николай Буйно, хоружій Дрогицкій, напримѣръ, говорилъ 15 апрѣля 1569 года въ посольской избѣ: «что же касается до того, чтобы Литовцамъ созывать сеймики, то противъ этого я скажу, что тамъ вовсе не было сеймиковъ со времени Парчевскаго сейма. Сеймики тамъ отбываются, иначе чѣмъ у васъ, господа. Тамъ пріѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста, да хоружій; напишутъ, что имъ вздумается, и пошлютъ къ земянину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками». Дн. Любл. с. Стр. 290.

[2]) См. *М. К. Любавскій*. Литовско-русскій сеймъ. Стр. 534, 539, 540, 543, 561, 562, 579 и др.

смотря на хлопоты ихъ. Такимъ образомъ фантомъ «братства» съ Поляками, если онъ и могъ случайно рисоваться воображенію какого-либо наивнаго Литовца, долженъ былъ исчезнуть окончательно въ дни перваго безкоролевья. Но если «братство» оказалось несуществующимъ и невозможнымъ и убѣжденіе въ его отсутствіи должно было заставлять Литовцевъ зорко охранять свои интересы, то картина раздоровъ и несогласій Поляковъ вмѣстѣ съ цѣлою массою интригъ и подкуповъ, развернувшаяся въ 1572 и 1573 годахъ, должна была заставлять Литовцевъ подальше держаться отъ своей Польской «братіи». Литовцы стали на формальную почву договора Уніи, объявивъ прямо, что требуютъ буквальнаго исполненія его Поляками. Это они заявили, когда ихъ приглашали Поляки на конвокаціонный сеймъ, это заявили они, и когда Поляки нарушили права Литовцевъ въ Инфлянтахъ, самовольно назначивъ тамъ сеймики. Но требуя отъ Поляковъ соблюденія буквы договора 1569 года, Литовцы стремятся къ отмѣнѣ въ немъ того, что противно ихъ интересамъ. Они требуютъ возстановленія права Литовской монеты свободно, по ея настоящей цѣнѣ, обращаться въ государствѣ, они требуютъ и сеймовъ alternatim—попеременно въ Польшѣ и Литвѣ, чего они добивались на Люблинскомъ сеймѣ. Литва добивалась и введенія въ сенатъ тѣхъ членовъ Литовской рады, которые остались за его дверями послѣ соединенія ея съ радою Коронною въ одинъ общій сенатъ: Литовскіе станы хлопотали объ этомъ для государевыхъ маршалковъ, князь Слуцкій—для себя лично. Кромѣ того, Литва продолжала протестовать противъ незаконнаго дѣянія Люблинскаго сейма, оторвавшаго отъ нея Волынь, Подляшье, Кіевъ и Подолье. Литовцы доказывали, что эти земли незаконно отняты отъ нихъ, доказывали внутреннее единство ихъ съ великимъ Литовскимъ княжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, и составъ населенія, и установившіеся порядки и строй, закрѣпленные вторымъ Литовскимъ статутомъ 1566 года, дѣлали эти области органическою частью Княжества. Не будемъ забывать, кромѣ того, что многіе обыватели Литовскіе владѣли осѣлостями, державами и врядами въ этихъ земляхъ [1]). Литва чувствовала себя даже въ правѣ сдѣ-

[1]) Напр., Василій Тишкевичъ былъ воеводою Подляшскимъ и старостою Минскимъ. См. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 47 об.—48 об. («Привилей пану Василю Тишкевичу воеводе Подляскому на кграбьство». Данъ въ Кнышинѣ 5 ноября 1569 года).

лать постановленіе о поступленіи доходовъ съ Волыни и Подляшья въ Литовскій, а не Коронный скарбъ и, поступая такъ, объявляла себя не нарушающею этимъ Уніи: Литовцы не сами отдали эти земли и не внесли эту отдачу, какъ статью въ договоръ Уніи, скрѣпленный ихъ присягою, но ихъ отняли у Литвы насильно и противозаконно. Въ то же время, предъявляя свои требованія къ Польшѣ, Литва почувствовала себя вполнѣ вновь въ своемъ политическомъ самостоятельномъ значеніи. На своихъ съѣздахъ она дѣлаетъ постановленія по внутреннимъ дѣламъ своего Княжества и по обезпеченію въ немъ порядка, правосудія и спокойствія, обсуждаетъ внѣшнія опасности, мѣшавшія ей, прибавимъ, добиться всего, чего она желала отъ Поляковъ. Литва находится въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами. Она вообще чувствуетъ себя настолько самостоятельною, что хлопочетъ объ отмѣнѣ постановленій Варшавскаго конвокаціоннаго сейма. Конечно, Литовцы съ гордостью отвергли притязаніе Анны Ягеллонки на Литву, какъ на наслѣдственное владѣніе Ягеллоновъ: они слишкомъ хорошо знали свои права и слишкомъ высоко ихъ цѣнили, чтобы допустить его. Но наиболѣе характернымъ фактомъ для дѣйствительнаго положенія Литовскаго великаго княжества въ эпоху перваго безкоролевья было его отношеніе къ избранному королю. Представитель Литвы, Криштофъ Радивилъ, въ Парижѣ отдѣльно отъ Польскаго оратора, приноситъ Генриху Валезію изъявленіе подданства Литовскимъ народомъ, а Виленскій съѣздъ посылаетъ новому королю *дипломъ, которымъ великое княжество Литовское подтверждаетъ избраніе его въ короли соединеннаго Польско-Литовскаго государства.* Таково было сознаніе своего положенія Литовскимъ народомъ въ эту эпоху, и таковы были политическіе его взгляды, дѣйствительное положеніе и стремленія, съ которыми онъ вступалъ въ тяжелые для Речи Посполитой дни, наступившіе послѣ «утечьки» короля Генриха, такъ скоро оставившаго свое новое государство для трона родной и «прекрасной» Франціи. Историкъ въ правѣ сказать о Литовцахъ этого времени, перефразируя слова императора Александра I, сказанныя имъ о Французскихъ эмигрантахъ въ эпоху реставраціи Бурбоновъ: они ничего не забыли изъ того, чего добивались въ дни заключенія Уніи, но за то научились многому.

Генрихъ Валезій убѣжалъ изъ Краковскаго замка ночью съ 28 на 29 іюня во Францію, чтобы занять ея наслѣдственный тронъ, вакантный послѣ смерти его брата Карла IX. Попытки

вернуть бѣжавшаго короля обратно оказались напрасными, и Речь Посполитая оказалась въ обидномъ, трудномъ и опасномъ положеніи. Бѣгство короля, такое поспѣшное и, можно сказать, неприличное, оскорбляло національную гордость и ставило государство въ весьма затруднительное положеніе — какъ поступить съ нимъ и какъ устроить правительство; наконецъ, «утечька» Генриха вновь вызывала происки кандидатовъ на престолъ, надежды которыхъ снова оживали, а также приглашала внѣшнихъ враговъ воспользоваться затрудненіями Польско-Литовскаго государства и ударить на него своими военными силами. Начались вновь мѣстные шляхетскіе съѣзды, но начались и разные «гвалты» [1]) и преступленія въ государствѣ. Примасъ созвалъ съѣздъ для всего государства въ Варшавѣ [2]) на день св. апостола Варѳоломея [3]). Но ему не пришлось открыться въ срокъ, и до 29 августа прибывшіе поджидали остальныхъ [4]). Съѣздъ этотъ былъ многолюденъ, но Литовцы на немъ отсутствовали. По разсказу историка XVII столѣтія, Андрея Максимиліана Фредро, Литовскіе станы нелегко согласились на этотъ сеймъ на томъ основаніи, что, пока они будутъ сеймовать, Москва вторгнется въ Литву [5]). Но тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія [6]) говоритъ, что Литовцы, можетъ быть, не хотѣли пріѣхать на сеймъ и потому, что онъ былъ созванъ примасомъ не по обычаю, но властью нѣсколькихъ сеймиковъ (Краковскаго, Познанскаго и Сендомірскаго), которые такимъ образомъ какъ бы навязали ему это постановленіе о созывѣ сейма. На Варшавскомъ конвокаціонномъ сеймѣ Литовцевъ, какъ народа Княжества, не было совсѣмъ. Могли быть лишь случайно нѣсколько человѣкъ [7]). Отъ Литовцевъ же, какъ народа, были присланы листы—первый отъ 12 іюля къ се-

---

[1]) Они были и въ Литвѣ. См. *Heidenstein.* I. Str. 154.

[2]) *Heidenstein.* I. Str. 158.

[3]) *Solikowski.* Str. 15. *J. Szujski* (Dzieje Polski. III. Str. 43), принимая дату Фредро (str. 87), говоритъ, что сеймъ этотъ открылся 10 сентября, а день св. Варѳоломея 24 августа. Но Фредро жилъ въ XVII вѣкѣ и не былъ современникомъ событій. По Оржельскому, днемъ съѣзда было назначено 23 августа (*Orzelski.* II. Str. 8 i 11).

[4]) *Orzelski.* II. Str. 14.

[5]) *Jędrzeja Maksimiliana Fredro.* Dzieje narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyuszem, królem Polskim, potém Francuzkim. (Dziejopisowie Krajowi. Petersburg i Mohylew. 1855). Str. 88. [6]) *Fredro.* Str. 129.

[7]) *Heidenstein* говоритъ, что Пруссаковъ и Литовцевъ было немного (I. Str. 159).

*

нату, второй отъ 9 августа къ обоимъ станамъ Короннымъ (сенаторскому и шляхетскому). Въ первомъ изъ этихъ листовъ Литовцы объявляли себя за сохраненіе Генриха Валезія на тронѣ Польско-Литовскаго государства и требовали отправленія къ нему пословъ отъ Польши и Литвы [1]). Поляки не считали возможнымъ идти наперекоръ Литовскому мнѣнію, выраженному такъ опредѣленно, и должны были исполнить его. Затѣмъ, 2 сентября сенатъ читалъ земскимъ посламъ другой Литовскій листъ отъ 9 августа, въ которомъ Литовцы извѣщали оба стана Короны, что они не могутъ прибыть на Варшавскую конвокацію по причинѣ опасности отъ Москвы, срокъ перемирія съ которою истекъ. По этой же причинѣ *свою Литовскую конвокацію* они рѣшили отбыть не въ Волковыйскѣ, какъ это дѣлали обыкновенно, но вооруженными собраться поближе къ Полоцку. Литовцы просили денежной помощи противъ врага. Кромѣ того, они *требовали, чтобы Поляки не дѣлали въ Варшавѣ никакихъ постановленій, соединенныхъ съ поврежденіемъ правъ великаго княжества Литовскаго.* Къ королю Генриху пусть Поляки вышлютъ пословъ, къ которымъ присоединятся и послы отъ Литвы. Объ елекціи пусть Поляки не разсуждаютъ и пусть они снесутся съ Литовцами, испрашивая ихъ совѣта и согласія на предметы и содержаніе проектированнаго посольства во Францію. Въ другомъ листѣ, присланномъ вмѣстѣ съ этимъ, Литовцы жаловались на Поляка Каспра Дембинскаго, канцлерова сына, совершившаго, по ихъ словамъ, наѣздъ на имѣніе воеводы Мстиславскаго Остика [2]).

Съѣздъ Варшавскій, принявъ мнѣніе Подольскаго воеводы Мелецкаго, постановилъ выслать къ королю пословъ [3]) и назначить срокъ для его возвращенія; если къ этому сроку онъ не вернется, то онъ будетъ признанъ отказавшимся отъ короны и будетъ приступлено къ новой елекціи. Срокомъ возвращенія было назначено 12 мая [4]), и, въ случаѣ если король не возвратится къ этому сроку, то безъ новыхъ универсаловъ всѣ должны собраться въ Стенжицу для новой елекціи.

---

[1]) *Orzelski.* II. Str. 28.

[2]) *Orzelski.* II. Str. 29, 30.

[3]) Іеронимъ Розражевскій, старшій секретарь, и Янъ Томашъ Дрогоевскій. *Heidenstein.* I. Str. 159; *Solikowski.* Str. 15; *Bielski.* III. Str. 1362; *Orzelski,* II. Str. 50. (Оржельскій называетъ Розражевскаго пробощемъ Плоцкимъ, Дрогоевскаго—дворяниномъ).

[4]) *Orzelski.* II. Str. 45; *Solikowski.* Str. 16; *Heidenstein.* I. Str. 159 (май); *Bielski.* III. Str. 1362 (12 мая).

Во время, протекшее между Варшавскою конвокаціей и Стенжицкимъ съѣздомъ, Литовцы еще разъ проявили свою самостоятельность. Литовское княжество отправило свое отдѣльное посольство во Францію, объявляя Генриху черезъ своего посла, номината на бискупство Жомоитское Мельхіора Гедройця, что, если онъ не вернется къ 12 мая 1575 года, Литовцы станутъ думать о новомъ королѣ [1]). Другимъ фактомъ, которымъ заявила себя Литва въ это время, было посланіе къ Полякамъ Яна Ходкевича изъ Быхова отъ 8 марта, въ которомъ онъ доносилъ о тяжкомъ опустошеніи, причиненномъ Инфлянтамъ великимъ княземъ Московскимъ черезъ брата Датскаго короля Магнуса, женатаго на дочери Ивана Грознаго. Нужно такъ много войска для войны съ Москвою, что, если Поляки не помогутъ Литовцамъ, или не добьются перемирія, онъ, Ходкевичъ, не будетъ имѣть достаточно силъ для отраженія врага. Онъ усиленно проситъ Поляковъ послать къ нему сильную помощь, чтобы не потерять Инфлянтъ [2]). Кромѣ этихъ двухъ фактовъ, которыми проявила себя Литва въ своихъ отношеніяхъ къ Коронѣ за время, протекшее между Варшавскою конвокаціей 1574 года и Стенжицкимъ съѣздомъ 1575 года, необходимо еще остановиться на листѣ Литовскихъ становъ, данномъ въ Вильнѣ 1 ноября 1574 года [3]). Этотъ листъ подпи-

---

[1]) *Orzelski.* II. Str. 61. Мельхіоръ Гедройць былъ номинованъ на Жомоитское бискупство Генрихомъ Валезіемъ (послѣ смерти бискупа Юрія III) изъ прелатовъ Виленскихъ. Соперникомъ его явился пробощъ Гераноинскій Яковъ Воронецкій, но послѣдній былъ отвергнутъ Виленскимъ съѣздомъ 1575 года, какъ Полякъ. Послѣ папскаго утвержденія М. Гедройць былъ посвященъ въ бискупы въ Вильнѣ въ 1576 году. См. *Ks. Biskup Maciej Wołonczewski.* Biskupstwo Żmujdzkie. Kraków. 1898. Str. 49—50 (§ 61). *Solikowski* (str. 16) ошибочно называетъ Мельхіора Гедройця Юріемъ. J. *Szujski* (Dz. P. III. Str. 45) также. Но *X. Melchior Buliński* — правильно Мельхіоромъ (Historya kościoła Polskiego. T. III. W Krakowie. 1874. Str. 257, nota 4).

[2]) *Orzelski.* II. Str. 79.

[3]) Листъ этотъ нами издается по двумъ спискамъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ Имп. Публ. Библіотекѣ (Польск. F. IV, № 253). Текстъ, издаваемый нами, сличенъ въ этихъ спискахъ и издается исправленнымъ въ испорченныхъ мѣстахъ черезъ сравненіе обоихъ списковъ. «My nizey imion podpisami z Senatu y z Rycerstwu W. X. Litt. oznaymuiemy tym pismem rąk naszych podpisaniem y zapieczętowaniem pieczęci naszych. Gdy za odiechaniem Krola y Pana naszego Henryka nad wiadomość y mniemanie wszech nas wielkie potrwożenie w ludze graniczne strony wielkiego Xiązęcia Moskiewskiego przypadło i gdzieby Krol Imc pan nasz za pisaniem naszym y PP. Polakow braciey naszey do Polskiey, albo do W. X. Litt. przybyć nie raczył albo nie mogł, lub też kondycyey, Koronie y W. X. Litt. uczynionych y legit-

сали слѣдующія лица: Николай Пацъ бискупъ Кіевскій, Николай Радивилъ воевода Виленскій, Янъ Ходкевичъ каштелянъ Виленскій, Остафій Воловичъ каштелянъ Троцкій, Станиславъ Пацъ воевода Витебскій, Павелъ Сапега каштелянъ Кіевскій, Юрій Зеновичъ каштелянъ Полоцкій, Николай Криштофъ Радивилъ, Криштофъ Радивилъ, Янъ Кишка и еще 16 различныхъ врядниковъ и шляхтичей. Самый составъ лицъ, подписавшихся подъ этимъ документомъ, дѣлаетъ его уже въ высшей степени интереснымъ. Рядомъ съ сенаторами Княжества тутъ видимъ Кіевскихъ бискупа и каштеляна, которымъ послѣ оторванія Кіева отъ Литвы не мѣсто бы, казалось, быть на Литовскомъ съѣздѣ.

time poprzysiężonych, nie zyścił y nie wykonał tym więcey gdyby nas przez vice-Regenty, albo Gubernatory nad prawa i wolności nasze sprawowac chciał, co wszytko tym by ieszcze większy zawrot w rzeczy pospolitey czynic by musiało a PP. Polacy wedle swego stanowienia y obligu chcieliby zatym do Elekcyey przystąpic, a tak my, rozumejąc roziachanie nasze z tego ziazdu naszego Wilenskiego byc bardzo niebezpieczne strony tych ludzi pogranicznych, gdzieby nie wiedzieli spolnego y zgodnego umysłu naszego w tym, kogo bysmy za nieprzybyciem Pana naszego za Krola Polskiego y Xiążęcia Litewskiego obierac chcieli, przetosmy ten srzodek sobie znalezli (zachowywając zupełną wiarę y poddanstwo Panu naszemu Koronowanemu przykładem przodkow swych, ieżeli do nas przybędzie y to, co się wyżey pomieniło, spełni) ku radzierzeniu mysli ludzkich do spolney zgody w obieraniu Nowego Pana (ieżeli by nam do czego przyszło), iż nie mamy innego Pana obierać y głosow swych na nikogo podawać okrom na Samego Nayiasnieyszego Arcy-Xiążęcia Rakuskiego Ernesta Syna Cesarza Imci Chrzescianskiego a to czynic mamy zgodnie a spolnie, nie rozniając się w tym ieden od drugiego a ni po csęsci żadney się dzieląc, też nie daiąc się uwodzić żadnym strachom, obietnicom, darom, radom, przyiazni, krewnosci ani żadnym racyom, rozymem ludzkim wynaydzionym pod obligacyą wiary, cnoty, podsciwosci y sumnienia naszego a to z tych przyczyn rozumiemy, że z takim Panem pokoy nie tylko granicom naszym y wewnątrz w Panstwach być może, ale też y zgoda między Pany przednieyszemi Chrzescianskiemi przeciwko Przeciwnikom Krzyża Świętego Pogancom wszem być może do czego się być chętnym y Wielki Xiąże Moskiewski przez Pana Haraburdę na przyszłą ieszcze Elekcyę obiecował, uważaiąc przy tym Domu tego Rakuskiego swiętobliwe od lat nie mało panowanie nad wszemi poddanemi Ich, miłosć y sprawiedliwość a pobożne rządzenie Panstw, im od Pana Boga zwierzonych, k temu tegoż Domu spowinowaczenie ze wszemi Przednieyszemi Monarchami Chrzescianskiemi y z Iego Krolewską Mcią Panem naszym, ktoremu to tak swiątobliwemu panowaniu tego chwalebnego Domu uffając, nic nie wątpiemy, iż gdy na panowanie przyidzie, wszytko, co iest oddalono y odłączono od W. X-wa Litt-o, pzywroci y w dawney a zwykłey uczciwości, ozdobie, zacnosci y prerogatywach Panstwa swe a zwłaszcza W. X-o Litt. zachowac będze raczył, ktoremu nie mało się ubliżyło odeyściem ziem, zdawna Xstwu Litewskiemu należącym, to iest Wołyniem, Podlasiem, Kijowem y Bracławiem, nad zastanowienie starodawnych pakt y Unicy, czego pod tymże obli-

ибо они принадлежали къ сенаторамъ Коронным. Пребыванiе ихъ въ Вильнѣ на обще-Литовскомъ съѣздѣ 1574 года ясно доказываетъ, что они считали себя принадлежащими Литвѣ, а не Польшѣ, полагая неправильнымъ и незаконнымъ отторженiе отъ Княжества Кiевщины и разрушая его, прежде чѣмъ Литва формальнымъ образомъ получила ее обратно, достигнувъ исполненiя своихъ требованiй, предъявленныхъ Коронным станамъ и королю Генриху въ истекшемъ году. Содержанiе документа не менѣе интересно. Въ виду опасности на границахъ Княжества, Литовскiе сенаторы и шляхта, съѣхавшiеся въ Вильнѣ, рѣшили, что имъ нельзя разъѣхаться, не сдѣлавъ своего общаго постановленiя о

giem tey naszey Konfederacyiey mamy u braciey naszey PP. Polakow dochodzić y popierać przed I. Krolewską Mcią Panem naszym; a gdzieby kto z narodu Polskiego y Litewskiego z iakichkolwiek przyczyn kogo innego sobie za Pana obierać chciał, albo y obrał przeciwko wolnosciom naszym, przeciwko takowemu y takim wszytkim mamy się do gardł naszych zostawiać y wszelakie usiłowanie nasze obrocic, nie dając się od przedsięwzięcia naszego odrzucać, ale z tymi pozyskiwać, ktorzy głosy swemi na Arcy-Xiążęcia Ernesta zezwalać będą. A kto by wedle podpisu y zapieczętowania swego, na tę konfederacyę uczynionego, tego popierac, albo od nas odstrzelac się chciał y od nas odstąpił, zezwalając na panowanie Inszego Pana, tedy okazawszy mu to jawnie podle tey Konffederacyey naszey, taki swą sprawą stawa się bezecnym ku wiecznemu polżeniu samego siebie y Domu swego, okrom gdzieby przerzeczony Arcy-Xiążę Imc Ernest sam tey sprawy popierać nam grzbiety dzierzec y temu takowemu przedsięwzięciu naszemu ratunku stateczznego przeciw tym, co by się na nas o to oburzyli czynic nie chciał, także co się strony W. X. Litt-o warnie, kondycyey wyżey mianowanych y Exekucyey przywilciem Uniey obwarowaney przez Elekcyą nie upewnił y dostatecznie nie wyraził y nie warował sufficientibus literis, tedy w takim przypadku zaden iednak poiedynkiem się z tego zaprzysiężenia wyzwalac y wyłączać nie ma, ale tamże na Elekcyi to znieść y dobrą naszą (na to — вмѣсто naszą, по другому списку) deliberacyę uczynie mamy y będziem powinni tedy dopiero z dobrowolnego wszech zezwolenia z tey takiey obligacyi wolni byc mamy, gdyż to iuż nie przez nas, ale przez samego I. Mei Arcy-Xiązęcia ku niewykonaniu przyidzie. A dla większey potęznosci bysmy powinni okazowac Braciey y Przyiaciołom swym narodu Litewskiego, ktorzy tym ieszcze wiadomosci nie maią, y onych perswazyami swemi do takowey że zgody y iednego znania w rzeczy pospolitey rozumienia przywodzić, aby się oni z nami do tey że Konfederacyey podpisowali y pieczętowali. Wszakże y innych narodow ludzi y Przyiacioł naszych wolno nam będzie przywodzić do tego, aby na panowanie Arcy-Xiązęcia Ernesta z nami się zgodzali, ale tey Konffederacyey nie ukazując. Pisan w Wilnie 1 mca Novembra Anno Salutis 1574. Далѣе слѣдуютъ подписи: въ первомъ спискѣ—непосредственно послѣ даты, а во второмъ передъ подписями стоитъ: «Podpisy na drugiey stronie przy pieczęciach tych osob znayduią się takowe». Самыхъ подписей здѣсь не выписываемъ, такъ какъ имена подписавшихся приводятся нами въ нашемъ изложенiи событiй.

томъ, кого они желаютъ избрать въ короли въ случаѣ, если Генрихъ не вернется, или не выполнитъ условій, на которыхъ его признали своимъ государемъ Корона и Княжество и на которыя онъ принесъ свою присягу. Въ случаѣ необходимости новой елекціи Литовскій съѣздъ отдаетъ голоса свои Ернесту, сыну императора Священной Римской имперіи. Виленскій съѣздъ не сомнѣвается, что, когда Ернестъ сдѣлается королемъ Польско-Литовскаго государства, онъ сохранитъ старыя права и достоинства Литвы и возвратитъ Княжеству то, что ему издавна принадлежало и что было оторвано отъ него Поляками, а именно Волынь, Подляшье, Кіевъ и Брацлавъ. Этихъ земель должны добиваться Литовцы отъ короля и Поляковъ, обязываясь къ этому настоящею своею конфедераціей. Если кто-либо изъ Поляковъ, или Литовцевъ будетъ противиться постановленію Литовской конфедераціи, избирающему на престолъ, въ случаѣ лишенія его Генриха, эрцгерцога Ернеста, бывшіе на Виленскомъ съѣздѣ обязуются «до горлъ» своихъ, т.-е. жертвуя даже жизнью, отстаивать его, отступившій же отъ настоящей конфедераціи лишается своей чести и чести своего дома. Если самъ эрцгерцогъ Ернестъ не пожелаетъ поддержать Виленскую конфедерацію, или не исполнитъ условій и желаній Литовцевъ, указанныхъ выше, то все-таки никто изъ признавшихъ конфедерацію не можетъ своею властью, самовольно освобождатъ себя отъ ея обязательства, но на елекціи, собравшись, всѣ общимъ своимъ постановленіемъ лишь могутъ освободить себя отъ него: въ этомъ будетъ уже вина не ихъ, а самого эрцгерцога. Литовцамъ, братіи и пріятелямъ своимъ, должны показывать подписавшіе конфедерацію актъ ея, чтобы они также приступали къ ней и подписывали документъ. Что касается до людей другихъ народовъ и пріятелей—здѣсь разумѣются Поляки,—то ихъ также нужно приводить къ избранію Ернеста, но только имъ уже нельзя показывать самой конфедераціи.

Таково содержаніе документа. Оно достаточно ясно и опредѣленно говоритъ о настроеніи и сознаніи своихъ правъ и значенія Литовцевъ для того, чтобы нуждалось въ комментированіи. Замѣтимъ лишь, что подпись Виленскаго воеводы Николая Радивила вмѣстѣ съ подписями Яна Ходкевича и Николая Криштофа Радивила, стоящія подъ актомъ этой конфедераціи, ручаются намъ за то, что въ Княжествѣ не могло найтись людей, которые осмѣлились бы къ ней не присоединиться, и она должна была непремѣнно сдѣлаться конфедераціей цѣлаго великаго княжества Литовскаго.

Генрихъ Валезій не вернулся къ назначенному ему сроку, и 11 мая 1575 года, т.-е. наканунѣ дня, назначеннаго убѣжавшему королю, въ Стенжицѣ собрался съѣздъ со всего Польско-Литовскаго государства. Литовцы явились въ Стенжицу съ вооруженными отрядами [1]) для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, силою отстоять свои права и требованія. По словамъ Оржельскаго, Литовцы были болѣе готовы къ бою, чѣмъ къ совѣщанію [2]). Они расположились отдѣльно отъ Поляковъ—Ходкевичъ съ Радивиломъ надъ берегомъ Вепря, а остальные Литовцы въ Рыкѣ, деревнѣ Зеленскаго [3]). 11 мая были публично прочитаны въ шопѣ, въ присутствіи сената и шляхты: 1) актъ Варшавской конфедераціи, предписывающій съѣздъ въ Стенжицѣ, 2) листъ къ королю Генриху, отправленный къ нему изъ Варшавы, и 3) отвѣтъ короля посламъ Короннымъ и Литовскимъ.

Послѣ этого стали передъ сенатомъ послы отъ Литовскихъ пановъ-рады и шляхты. Это были Евстафій Воловичъ, кашталянъ Троцкій и Николай Криштофъ Радивилъ, надворный маршалокъ Княжества. Они заявили, что ихъ послали Литовцы, для того чтобы узнать, съ какою цѣлью открытъ настоящій Стенжицкій съѣздъ; если это сдѣлано для елекціи,—Литовцы явятся для участія въ немъ сейчасъ же; если же онъ открытъ для другихъ дѣлъ, то Литовцы, придерживаясь права и обычая, не примутъ въ немъ никакого участія и не съѣдутся съ Поляками нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но лишь въ Варшавѣ, согласно тому, какъ предписываетъ законъ [4]). Кромѣ того, они потребовали мѣста въ сенатѣ для князя Слуцкаго [5]). Коронный сенатъ на другой день сталъ обсуждать Литовское заявленіе, но послы Литовцевъ предъявили новое требованіе—отвѣтъ сената долженъ быть данъ не словесно, а письменно. Но имъ было отвѣчено, что законъ предписалъ Полякамъ и Литовцамъ совѣщаться обо всемъ вмѣстѣ и сообща, а не письменными сношеніями, и если сенатъ не требуетъ отъ пословъ письменнаго формальнаго заявленія, довѣряя имъ, то пусть и Литовцы также вѣрятъ его слову. Пусть будутъ Литовцы увѣрены, что Коронные сенаторы не отступятъ отъ своего словеснаго удостовѣренія, что настоящій съѣздъ исключительно елекцій-

---

[1]) *Orzelski.* II. Str. 90. По *Heidenstein*'у (I. Str. 162), Стенжицкій съѣздъ открылся 22 мая. *Bielski* говоритъ: «lata 1575 zjechali się naszy do Stężyce na dzień 12 maja» (III. Str. 1364).

[2]) *Orzelski.* II. Str. 91. [3]) Ibidem.

[4]) *Orzelski.* II. Str. 91—92. [5]) *Heidenstein.* I. Str. 162.

ный [1]). На просьбу о мѣстѣ въ сенатѣ для князя Слуцкаго было отвѣчено: пусть онъ самъ явится и докажетъ свои права—сенатъ Коронный охотно разсудитъ объ этомъ вмѣстѣ съ Литовцами [2]).

Между тѣмъ время шло, и Польскій съѣздъ 16 мая постановилъ отправить къ Литовцамъ пословъ отъ сената и шляхты съ оффиціальною просьбою явиться на третій день, т.-е. 19 мая въ шопу для совѣщанія съ Поляками и назначенія елекціи [3]). На другой день послѣ этого посольства пришелъ Литовскій отвѣтъ, гласившій, что Литовцы въ высшей степени желаютъ согласія съ Поляками и готовы исполнить ихъ просьбу. Для большаго подтвержденія этого отвѣта явились Янъ Ходкевичъ и Евстафій Воловичъ и заявили отъ имени Литовцевъ, что они очень желаютъ приступить къ елекціи, но не признаютъ ни Варшавской конфедераціи, ни постановленій о внутреннемъ порядкѣ, сдѣланныхъ Короною, такъ какъ и та, и другія противны ихъ свободамъ и правамъ,—*эти постановленія, какъ сдѣланныя безъ ихъ вѣдома, не могутъ быть для нихъ обязательными, также какъ постановленія Литовцевъ не относятся къ Полякамъ* [4]). На это имъ отвѣчали, что согласно Люблинскому привилею на Унію Литовцы были приглашены Поляками въ Варшаву, но такъ какъ они не явились, то должны признать все, что было постановлено на конвокаціи. Но убѣжденія Поляковъ не производили никакого дѣйствія. «То былъ звонъ для глухихъ», записалъ историкъ этого времени въ свою хронику [5]). Литовцы такъ и не признали постановленій Варшавской конвокаціи 1574 года и много разъ заявляли объ этомъ потомъ [6]). Однако, Ходкевичъ являлся не только выразителемъ требованій Литвы и взглядовъ Литовцевъ на Варшавскую конвокацію. Онъ объявилъ, что въ правахъ, написанныхъ Короннымъ маршалкомъ, много такого, что идетъ въ ущербъ его власти, какъ маршалка Литовскаго. На всѣ требованія Литовцевъ было отвѣтомъ: они не могутъ охуждать Варшавскаго постановленія и, если не явятся, то елекція начнется и безъ нихъ въ наступающую пятницу [7]). Но этимъ дѣло не кончилось. 20 мая вся шляхта Ко-

---

[1]) *Orzelski.* II. Str. 93—94. [2]) *Heidenstein.* I Str. 162.

[3]) *Orzelski.* II. Str. 96. Послами этими были: отъ сената—Янъ Тарло, воевода Люблинскій и Янъ Гербуртъ, кашталянъ Саноцкій, отъ шляхты—Андрей Фирлей, староста Сендомірскій, и Рафалъ Лещинскій, староста Радзѣевскій. Ср. *Heidenstein.* I. Str. 163.

[4]) *Orzelski.* II. Str. 96. [5]) *Ibidem.* Str. 97.

[6]) *Heidenstein.* I. Str. 162, 163, 170, 175—176. [7]) *Heidenstein.* I. Str. 163.

ронная, бывшая на съѣздѣ, явилась въ сенатъ и подала свои просьбы. Заявляя о своей вѣрности Варшавской конфедераціи, шляхта просила Литовцевъ присоединиться къ ней и просила о томъ, чтобы шляхта Княжества разсуждала вмѣстѣ со шляхтою Короны. На это бывшій въ сенатѣ Янъ Ходкевичъ отвѣтилъ отъ имени Литвы, что она не присоединится къ постановленіямъ, противнымъ правамъ Литовскимъ. Въ остальномъ Литовцы охотно согласятся на то, чтобы каждому была обезпечена безопасность въ мѣстахъ скопленія народа и чтобы пушки и войска оставались въ обозахъ или лагеряхъ [1]). Когда, потомъ, уже Люблинскій воевода вновь сталъ просить Литовцевъ присоединиться къ конфедераціи Поляковъ, Ходкевичъ, сдвинувъ брови, закричалъ на него, что нельзя столько разъ оскорблять Литовцевъ и что, если Поляки такъ презираютъ ихъ то послѣдніе, не желая имъ мѣшать, сейчасъ же уѣдутъ [2]). Тогда кашталянъ Бѣцкій сказалъ: «пусть Литовцы дѣлаютъ, что хотятъ, только не мѣшаютъ Полякамъ» [3]).

Литовцы приняли участіе въ разрѣшеніи вопроса объ избраніи новаго короля. Они требовали настойчиво вмѣстѣ съ частью Поляковъ немедленнаго низложенія Генриха Валезія и новаго избранія [4]). Однако Стенжицкому съѣзду не удалось окончить дѣла елекціи. Пріѣхалъ Французскій посолъ д'Эспессъ [5]), привезшій съ собою удостовѣреніе князя Виртембергскаго въ томъ, что Пибракъ, отправленный въ Польшу Генрихомъ, не могъ прибыть еще туда, ограбленный и лишенный свободы какими то Французами. Д'Эспессъ именемъ короля Генриха просилъ продлить срокъ, назначенный ему для возвращенія въ Польшу, и представилъ также листъ Пибрака, сообщающій о нападеніи на него разбойниковъ и о томъ, что онъ постарается какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу [6]). Хотя д'Эспессъ и заклиналъ съѣздъ не постановлять ничего враждебнаго Генриху, станы Короны все-таки рѣшили не отступать отъ Варшавскаго постановленія [7]). Стали разсуждать о новой елекціи, и рѣшено было произвести ее совершенно также, какъ была произведена предыдущая. Постановлено, однако, составить при этомъ депутацію, которая добавила бы къ старому порядку елекціи то, что считаетъ нужнымъ, но не измѣняя его совершенно. Шляхта приняла это рѣшеніе сената, хотя и понимала недостатки стараго порядка елекціи. Она согласилась, такъ какъ уже присоединилась

[1]) *Orzelski*. II. Str. 107. [2]) *Ibidem*. Str. 109—110. [3]) *Ibidem*. Str. 110.
[4]) *Heidenstein*. I. Str. 165—166. [5]) *Heidenstein*. I. Str. 167.
[6]) *Orzelski*. II. Str. 111, 112. [7]) *Heidenstein*. I. Str. 167, 168.

къ нему въ Варшавскомъ универсалѣ. Что касается до новаго короля, то, смотря на то, кто будетъ избранъ, ему будутъ представлены и соотвѣтственныя новыя условія. По примѣру первой елекціи, сенатъ приказалъ соблюденіе общественнаго спокойствія, а шляхта прибавила къ этому, что оно должно быть строго соблюдаемо не только въ мѣстѣ общественныхъ совѣщаній, но и въ военныхъ станахъ, притомъ до двухъ недѣль по елекціи. Кромѣ того всѣ согласились не разъѣзжаться съ сейма ранѣе постановленія объ охранѣ границъ и порядкѣ обороны [1]). Какъ это было на первомъ избирательномъ сеймѣ, такъ и теперь на второмъ маршалки и ихъ врядники должны вѣдать охрану порядка и наказанія преступниковъ. Все это сообщено было и Литовцамъ [2]).

Была составлена коммиссія обоихъ народовъ для разсмотрѣнія этихъ постановленій: депутаты Короннаго съѣзда совѣщались о нихъ съ Ходкевичемъ [3]). Разсмотрѣнныя ими, они вторично были прочитаны и утверждены съѣздомъ. Но нужно было, наконецъ, рѣшить и главный вопросъ Стенжицкаго съѣзда—вопросъ объ елекціи. 24 мая, когда пришла въ сенатъ шляхта, примасъ приказалъ прочитать отъ его имени написанныя на листѣ нѣсколько предложеній: онъ желалъ, чтобы еще обождали возвращенія Генриха, заявлялъ, что не принимаетъ Варшавской конфедераціи, такъ какъ не подписалъ ея и не приложилъ къ ней своей печати; при этомъ объявлялъ торжественно, что, если Поляки будутъ выбирать новаго короля, онъ не хочетъ слѣдовать этому ихъ намѣренію. Послѣ заявленія примаса Литовскіе сенаторы, по словамъ Оржельскаго, еще болѣе подняли свои головы и категорически объявили Полякамъ, снова просившимъ ихъ признать Варшавскую конфедерацію, что достаточно сдѣлали, пріѣхавъ на елекцію, а петли, ярма и кандаловъ конфедераціи принимать не желаютъ. Сказавъ это, они въ гнѣвѣ вышли изъ сената [4]). Вслѣдъ за ними вышелъ и примасъ. По выходѣ Литовцевъ и примаса шляхта добивалась елекціи. Ея порядокъ былъ написанъ такъ, какъ было постановлено раньше, но во вниманіе къ Литовскимъ панамъ-радѣ было оставлено въ документѣ пустое мѣсто для статьи о принятіи Литовцами Варшавской конфедераціи, на которое не соглашалась до сихъ поръ Литва. Къ Литовцамъ былъ посланъ Саноцкій каштелянъ съ новою просьбою принять договоръ

---

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 169. [2]) *Heidenstein*. I. Str. 170.
[3]) Ibidem. *Orzelski*. II. Str. 113. [4]) *Orzelski*. II. Str. 114, 115.

и на будущее время умѣрить свою запальчивость, которой они позволяли увлекать себя доселѣ. Самое провозглашеніе елекціи было отложено до утра [1]). На утро елекція была оглашена черезъ вознаго по приказанію маршалка [2]). Но это объявленіе мало помогло установленію согласія, и особенно упорство Литовцевъ представлялось съѣзду тяжелымъ. Въ сенатѣ Краковскій бискупъ въ скромныхъ выраженіяхъ упрекалъ пановъ-раду Литовскихъ за ихъ вчерашній выходъ изъ сената и просилъ ихъ присоединиться къ тому, что упрочило бы дѣйствительность настоящей елекціи; онъ доказывалъ при этомъ, что польза Варшавской конфедераціи въ томъ, что, если бы ея не разрушали, такъ и елекція, и настоящій съѣздъ уже достигли бы своего желаннаго конца. Бискупу Краковскому отвѣчалъ Янъ Ходкевичъ. Онъ сказалъ, что необходимость, а не какая-нибудь обида заставила Литовцевъ выдти вчера изъ сената; Литовцы не хотятъ присоединиться къ Варшавской конфедереціи потому, что она постановлена безъ вѣдома ихъ. да къ тому же много Поляковъ съ однимъ изъ архіепископовъ во главѣ открыто и безнаказанно ей воспротивились; Литовцы сильно желаютъ соглашенія и охотно соглашаются на елекцію, хотя не были законнымъ образомъ, формально, приглашены на Варшавскую конвокацію; они думали, что на ихъ уступчивость Поляки взглянутъ привѣтливо; что же касается до принятія какого либо опредѣленнаго постановленія, то они готовы написать его, или особую конфедерацію и представятъ завтра ея проектъ [3]). Дѣйствительно 26 мая Литовцы представили Полякамъ свое письменно изложенное мнѣніе объ елекціи и объявили, что не приступятъ къ ней прежде, чѣмъ будетъ исполнено то, что написано въ настоящемъ ихъ листѣ. Для разсмотрѣнія этого документа Коронная шляхта избрала изъ своей среды депутатовъ. Они должны были сравнить его съ привилеемъ на Унію и посмотрѣть, въ чемъ онъ ему противорѣчитъ [4]). Въ то же время Литовская шляхта, которая только теперь соединилась съ Польскою, жаловалась, что Поляки оскорбили ее, не пригласивъ въ Варшаву на конвокацію. Литовцамъ отвѣчали, что они должны винить своихъ сенаторовъ, такъ какъ имъ посылалось приглашеніе, но они ни сами не пріѣхали на конвокацію, ни извѣстили о ней Литовскую шляхту [5]).

---

[1]) *Orzelski*. II. Str. 115. [2]) *Heidenstein*. I. Str. 170.
[3]) *Orzelski*. II. Str. 117—118. [4]) *Orzelski*. II. Str. 121—122.
[5]) Ibidem. Str. 123.

Между тѣмъ, коммиссія депутатовъ, избранная шляхтою, разсмотрѣла представленный Литовцами документъ и, исправивъ его, возвратила Литовцамъ. Послѣдніе, взявъ бумагу, удалились изъ сената [1]). Наконецъ, 30 мая состоялось полное соглашеніе Литовцевъ съ Поляками. Въ этотъ день Литовскіе сенаторы подписали актъ, утверждающій взаимное соединеніе, составленный наканунѣ вмѣстѣ съ депутатами отъ Короны. Содержаніе этого акта было слѣдующее. Литовцы не явились на Варшавскую конвокацію, созванную по отъѣздѣ Генриха изъ Польши, по причинѣ опасностей, грозившихъ имъ отъ сосѣднихъ непріятелей; но они *добровольно* (а не по обязанности) подчиняются конфедераціи, постановленной на этой конвокаціи, и статьямъ, касающимся короля, установленнымъ всѣми станами на прошлой елекціи Варшавской и скрѣпленнымъ присягою Генриха въ Парижѣ. Литовцы обязуются приступить къ настоящей елекціи королевской, соблюдать выше упомянутые артикулы и на будущее время хранить ненарушимо соединеніе названной Варшавской конфедераціи. Этотъ документъ былъ прочитанъ шляхтѣ Коронной и съ радостью принятъ ею. «Однако», прибавляетъ Оржельскій, «несмотря на торжественность этого акта, когда шляхта Литовскихъ воеводствъ не очень охотно соглашалась на него, Литовцы отъ него отказались и объявили его неимѣющимъ силы». По словамъ хрониста Литовцы дали этимъ доказательство своего легкомыслія и показали, что Литовская шляхта слѣпо держится всего, чего пожелаютъ два Литовскіе сенатора—Виленскіе воевода и каштелянъ, т.-е. Радивилъ и Ходкевичъ [2]).

Мы видѣли выше, что елекція была уже объявлена во всеобщее свѣдѣніе черезъ вознаго. Но она далеко еще не была рѣшена съѣздомъ. Споры о ней все продолжались, и во время нхъ Ходкевичъ заявилъ категорически, что онъ ни подъ какимъ видомъ не согласится на открытіе номинаціи до тѣхъ поръ, пока всѣ станы не подпишутъ акта, заключающаго въ себѣ формальное постановленіе о низложеніи Генриха съ престола съ указаніемъ причинъ его [3]). Сенаторы и Литовская шляхта [4]) объявили

---

[1]) Ibidem. Str. 125. Противорѣчіе съ Уніей замѣтилъ уже каштелянъ Бѣцкій при чтеніи этого документа (ibidem).

[2]) *Orzelski*. II. Str. 126—127. [3]) Ibidem. Str. 130.

[4]) Заявленіе это было сдѣлано черезъ стольника Литовскаго Николая Николаевича Дорогостайскаго Кухмистровича. Издатель невѣрно понимаетъ подъ Кухмистровичемъ стольникомъ Литовскимъ Криштофа Николаевича Кухмистро-

также, что не приступять къ номинаціи, пока не состоится формальный приговоръ [1]). Споры и несогласія на съѣздѣ все разгорались,—партіи не хотѣли уступить одна другой. Противники постановленія о низложеніи Генриха, видѣвшіе въ немъ шагъ, предрѣшающій избраніе на престолъ Речи Посполитой императора Максимиліана II, имѣвшаго наибольшее число сторонниковъ на Стенжицкомъ съѣздѣ, удалились на поле и образовали отдѣльное собраніе. Между этимъ послѣднимъ и Стенжицкимъ съѣздомъ начались переговоры [2]). Наконецъ, 3 іюня Литовцы отправились къ шопѣ [3]) въ такомъ большомъ числѣ и такъ вооруженными, какъ они еще ни разу не появлялись на этомъ съѣздѣ. Разсуждали объ этомъ такъ, что они хотѣли начать номинацію и внушить страхъ своимъ противникамъ [4]). Но не одни Литовцы готовились съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое мнѣніе: отряды вооруженныхъ силъ были выставлены всѣми партіями и сильными вельможами. Все это ясно показывало, что елекція въ Стенжицѣ можетъ совершиться только послѣ большой проволочки и употребленія въ дѣло военной силы. Въ виду этого, шляхта стала разъѣзжаться изъ Стенжицы все въ большемъ и большемъ числѣ. Интересно, что вооруженіе Литовцевъ нашло для себя оправданіе въ объясненіи великаго Короннаго маршалка Андрея Опалинскаго. Онъ говорилъ, что причиною вооруженія Литовцевъ было то, что замѣтили нѣсколько пушекъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, направленныхъ на дорогу, ведущую къ шопѣ; опасаясь засады, они рѣшили выѣхать вооруженными; они готовы снять оружіе, если это кого-либо оскорбляетъ [5]). Но раздоры и несогласія продолжались. Во время ихъ еще разъ обнаружилось, что Литовцы не считаютъ себя связанными Варшавской конфедераціею [6]). Разъѣздъ шляхты становился все сильнѣе, и, наконецъ, сенатъ и остававшаяся еще на съѣздѣ шляхта подписали и утвердили своими печатями два акта. Первый заключалъ въ себѣ статьи о разъѣздѣ

вича Дорогостайскаго (*Orzelski*. II. Str. 133), такъ какъ послѣдній получилъ врядъ стольника лишь 27 мая 1588 года. См. *J. Wolff*. Senat. i dign. Str. 318.

1) *Orzelski*. II. Str. 133.

2) *Heidenstein*. I. Str. 171. *Orzelski*. II. Str. 135, 136. *Г. Вержбовскій* (Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда. Варшава. 1889. Стр. 128) говоритъ, что раздѣленіе было дѣломъ Замойскаго, открывшаго глаза шляхтѣ на истинное значеніе вопроса. Гейденштейнъ и Оржельскій не знаютъ этого.

3) Мѣсто засѣданій сената, устроенное подъ деревяннымъ навѣсомъ.

4) *Orzelksi*. II. Str. 147. 5) *Orzelski*. II. Str 149. 6) Ibidem. Str. 151.

и изложеніе причинъ его, второй протестацію. Были выбраны оставляемые въ Стенжицѣ депутаты Коронныхъ воеводствъ. Они должны были вести переговоры съ противниками съѣзда о приведеніи сдѣланныхъ постановленій въ желанное исполненіе [1]). Депутатамъ была оставлена инструкція, опредѣлявшая ихъ дѣйствія [2]), а всѣ, кто еще оставался кромѣ депутатовъ, наконецъ, разъѣхались 5 іюня [3]). Гейденштейнъ, разсказывая о сорваніи Стенжицкаго съѣзда, говоритъ о полномъ единодушіи Литовцевъ, съ которымъ они требовали елекціи. По его словамъ, Литовцы заявляли, свидѣтельствуясь Богомъ и людьми, что они готовы на все доброе для Речи Посполитой и что теперь уже надъ ними не тяготитъ вина въ замедленіи елекціи. Они ни къ чему иному не присоединятся, разъ уже заявили это, и выговорили себѣ, что не пріѣдутъ ни по какому иному приглашенію, но только на елекцію. Литовцы поздравляютъ себя съ тѣмъ, что не присутствовали при постановленіяхъ ни настоящаго съѣзда, ни съѣзда Варшавскаго, потому что тѣмъ свободнѣе, ничѣмъ не связанные выѣдутъ изъ Стенжицы. Литовцы сильно возставали противъ того, что по винѣ нѣсколькихъ цѣлое сеймующее собраніе не можетъ обсуждать дѣлъ государства. Затѣмъ они выставляли на видъ опасности великаго княжества Литовскаго: Инфлянты такъ опустошены царемъ Московскимъ, что онъ уже доселѣ изъ разныхъ государевыхъ имѣній увелъ въ неволю болѣе 40 тысячъ человѣкъ. Указывали и на другія внѣшнія опасности и на главную изъ нихъ, на начало войны съ Москвою, срокъ перемирія съ которою уже истекъ. Поляки или не хотятъ, или не могутъ обороняться. Поэтому Литовцы сами должны, какъ видно, о себѣ заботиться и, если они должны будутъ оказаться подъ другою властью, то предпочитаютъ перейти подъ нее добровольно, а не по принужденію [4]), если же должны будутъ совершенно погибнуть, то никогда не перестанутъ жаловаться на Поляковъ и, какъ доселѣ были истинными друзьями Польши, такъ сдѣлаются завзятыми ея врагами. Ни на какую иную елекцію Литовцы не согласятся, такъ какъ, согласно Уніи, должны дѣлать постановленія объ одной, а не двухъ или нѣсколькихъ елекціяхъ разомъ, хотя и эта одна ихъ нисколько не связываетъ, какъ они уже объявляли столько разъ. [5]) Въ такомъ

---

[1]) Ibidem. Str. 157. [2]) Ibidem. Str. 158—159. [3]) Ibidem. Str. 159.

[4]) Тутъ, несомнѣнно, намекъ на возможность разрыва Литовцами Люблинской уніи и соединенія съ Москвою подъ властью Ивана IV.

[5]) *Heidenstein*. I. Str. 175, 176.

настроеніи уѣхали Литовцы со Стенжицкаго съѣзда. Что касается до пановъ-рады Княжества, то они передъ отъѣздомъ еще разъ, хотя и безуспѣшно, попросили о мѣстѣ въ сенатѣ для князя Слуцкаго [1]).

Между тѣмъ, депутаты, оставленные Поляками Стенжицкаго съѣзда, послѣ разъѣзда противной партіи написали 7 іюня универсалы, каждый отъ своего имени, ко всѣмъ землямъ Коронымъ. Въ нихъ они объявляли, какъ мало благосклонности оказала имъ противная партія, и созывали во всѣхъ воеводствахъ сеймики на 10 іюля [2]). Но мы не будемъ слѣдить за Коронными съѣздами, послѣдовавшими за окончательно неудавшимся Стенжицкимъ съѣздомъ. Мы отмѣтимъ лишь сношенія Поляковъ съ Литовцами, происходившія во время, протекшее между нимъ и новымъ елекціоннымъ сеймомъ, оказавшимся отложеннымъ на неопредѣленное время. Въ августѣ [3]) мѣсяцѣ 1575 года Литовскіе паны-рада собрались въ Вильнѣ. Къ нимъ былъ отправленъ листъ Малопольскими сенаторами, на который послѣдовалъ Литовскій отвѣтъ, датированный 10-мъ августа и подписанный 15-ю сенаторами Княжества. Въ этомъ отвѣтномъ листѣ своемъ паны-рада Литовскіе просили Малополянъ назначить днемъ предстоящаго съѣзда 10, или 15 октября, а мѣстомъ—Варшаву, а если ея назначить нельзя, то Ливу или Венгровъ, мѣстности ближайшія къ границамъ Княжества. Между тѣмъ, примасъ прислалъ къ Литовцамъ свой универсалъ, призывающій ихъ въ Варшаву на конвокацію на 3 октября. На это приглашеніе Литовцы отвѣтили, что быть на этой конвокаціи не могутъ ни подъ какимъ видомъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ — дурной примѣръ, что безъ ихъ согласія былъ назначенъ кѣмъ-либо съѣздъ, и во-вторыхъ—Литва находится въ величайшей опасности, такъ какъ Московскій князь во время Стенжицкаго съѣзда жестоко опустошилъ Инфлянты; Московское войско подъ предводительствомъ зятя его Магнуса, брата Датскаго короля, овладѣло Пернавою и многими другими городами, совершая большія жестокости. Лифлянтцы молятъ Литовцевъ о поспѣшной помощи, но Литовцы чувствуютъ свои силы настолько слабыми, что, если имъ Поляки немедленно не пришлютъ помощи, то придется потерять цѣлые Инфлянты; Литовцы просятъ Поляковъ, помня о довѣріи и обязанностяхъ, соединяю-

[1]) Ibidem. Str. 178. [2]) *Orzelski*. II. Str. 160.
[3]) *Orzelski* (II. Str. 166) даетъ 8 августа, какъ день открытія этого собранія.

щихъ ихъ взаимно, какъ можно скорѣе послать имъ помощь. Что же касается съѣзда, на который приглашали Литовцевъ Малополяне, то Литовцы отдѣлывались отъ него тѣмъ же способомъ, какъ и отъ съѣзда, объявленнаго примасомъ: они въ такихъ хлопотахъ, что не могутъ прибыть ни на тотъ, ни на другой. Однако, не желая сойти за небрежныхъ, нѣкоторые изъ нихъ соглашались пріѣхать на съѣздъ въ томъ случаѣ, если онъ будетъ отложенъ до 28 октября и состоится между Ливою и Венгровымъ [1]).

Варшавская конвокація отложена не была; она состоялась и была чрезвычайно малолюдной и короткой. Собралась, по словамъ Оржельскаго, лишь горсть сенаторовъ да нѣсколько земскихъ пословъ, число которыхъ мало чѣмъ превосходило число сенаторовъ. Собравшись 3-го октября около примаса, съѣздъ уже 4-го октября составилъ свое постановленіе, въ силу котораго елекція королевская назначалась на 7-е число слѣдующаго мѣсяца около Блони подъ Варшавою [2]). Отъ Литовцевъ съѣздомъ былъ полученъ листъ съ просьбою о томъ, чтобы Поляки мѣстомъ елекціоннаго сейма назначили Ливу, а временемъ 27 октября, или еще позже. Кромѣ того, они прислали полученный ими отъ великаго князя Московскаго листъ, въ которомъ онъ соглашался на перемиріе до окончанія елекціи, объяснялъ опустошеніе Инфлянтъ тѣмъ, что они не были включены въ перемиріе съ Литвою, и жаловался, что Литовцы столько разъ неприличнѣйшимъ образомъ задержали его пословъ, посланныхъ въ Польшу.

Изъ событій, которыя прошли за время между этою конвокаціею и Варшавскимъ елекціоннымъ сеймомъ, необходимо отмѣтить еще два. Первое изъ нихъ — прибытіе Пибрака, посла Генриха Валезія. Онъ опоздалъ на конвокацію, чтобы спасти дѣло своего государя, такъ какъ прибылъ въ Варшаву на другой день послѣ ея разъѣзда. Онъ пытался вербовать сторонниковъ для Генриха, но, увидавъ полную невозможность сохранить тронъ Польско-Литовскаго государства для Валезія, уѣхалъ изъ Польши во Францію и уже навсегда [3]). Этотъ отъѣздъ посла Генриха былъ послѣднимъ, заключительнымъ моментомъ исторіи отпрыска дома Валуа въ Речи Посполитой. Другимъ событіемъ эпохи было страшное вторженіе Крымцевъ, опустошившихъ Подолье, Русь и Волынь. Ужасъ нашествія и опасность дальнѣйшихъ успѣховъ «поганства» были настолько велики, что даже въ Краковѣ и Вроц

[1]) *Orzelski.* II. Str. 166—167.
[2]) *Orzelski.* II. Str. 172—173. [3]) Ibidem. Str. 173.

лавѣ вооружались для встрѣчи врага [1]). Нападеніе Татаръ сдѣлало страстно желаннымъ окончаніе безкоролевья, и государство стало съ нетерпѣніемъ ждать дня, когда оно вновь будетъ имѣть своего короля, который, вернувъ Речь Посполитую къ нормальному теченію ея государственной жизни, дастъ охрану и защиту обывателямъ. Вотъ, наконецъ, настало и 7 ноября, день, назначенный для открытія елекціоннаго сейма. Не много, однако, и сенаторовъ, и пословъ земскихъ въ первый день сейма съѣхалось въ Варшавѣ: одни разсчитывали, что не сразу сеймъ займется избраніемъ короля, другіе, а именно Литовцы, Волынцы и Русины, за долгою и трудною дорогой, не могли прибыть вовремя [2]). Но мало-по-малу съѣздъ становился многолюднѣе, и опоздавшіе стали съѣзжаться. Литовцы доставили, впрочемъ, еще не мало непріятностей Полякамъ, прежде чѣмъ пріѣхали на сеймъ. Въ Варшаву стали приходить вѣсти отъ Литовцевъ. Прибылъ гонецъ отъ надворнаго Литовскаго маршалка Николая Радивила (Сиротки) съ извѣщеніемъ, что онъ разболѣлся, притомъ настолько, что даже лишился слуха [3]). Прибыли и нѣкоторые Литовскіе сенаторы, а именно кашталяны Троцкій и Жмудскій—Евстафій Воловичъ и Николай Станиславовичъ Тальвошъ. Оба они предъявили отъ имени Литовцевъ просьбу, чтобы елекція была отложена еще на одну недѣлю [4]). Гейденштейнъ разсказываетъ, что вся шляхта поддерживала просьбу пана Троцкаго о томъ, чтобы обождали Литовцевъ, бывшихъ уже въ дорогѣ [5]). Однако, сенаторы Коронные рѣшили иначе. Кашталянъ Бѣцкій, а послѣ него бискупъ Краковскій отвѣтили Литовцамъ, что сеймъ цѣлой Короны не обязанъ ради Литовцевъ терять еще болѣе времени; заблаговременно они были приглашены на сеймъ и сами отписали, что прибудутъ на день св. Симона и Іуды [6]), который уже прошелъ; изъ-за Литовцевъ уже и такъ прождали недѣлю, пусть сами они сообразятъ, какимъ неудобствамъ и расходамъ подвергнута шляхта, проживая здѣсь. Къ этому прибавилъ и Краковскій подкоморій, что, если сеймъ станетъ ожидать Литовцевъ, то Польская шляхта разъѣдется, наскучивъ промедленіемъ и израсходовавъ свои де-

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 178—181; *Solikowski.* Str. 17—18; *Orzelski.* II. Str. 173—177; *Bielski.* III. Str. 1365—1367. Ср. *J. Szujski.* Dz. Polski. III. Str. 48.

[2]) *Orzelski.* II. Str. 179. По Бѣльскому съѣхались на елекцію «na dzień 4 miesiąca listopada» (*Bielski.* III. Str. 1369).

[3]) *Orzelski.* II. Str. 181. [4]) Ibidem. Str. 187.

[5]) *Heidenstein.* I. Str. 185. [6]) 28 октября.

нежные запасы, а она вѣдь имѣетъ равное право съ Литовцами въ елекціи [1]). Такимъ образомъ и представитель Коронной шляхты высказался иначе, чѣмъ только что заявила она, прося обождать Литовцевъ. Но на этомъ не окончились препирательства съ Литвою. Литовцы предъявили новое требованіе — перенести елекцію въ Ливу, но объ этомъ и слышать не хотѣла Коронная шляхта [2]). Между тѣмъ, Литовцы уже понемногу съѣзжались въ Варшаву, и вопросъ о перенесеніи сейма въ другое мѣсто такимъ образомъ упразднялся самъ собою. Пріѣздъ Литовцевъ сразу ознаменовался столкновеніемъ съ Поляками. Литовцы требовали помощи отъ Короны, но имъ было отвѣчено, что какъ въ Польшѣ во время безкоролевья доходами государственными распоряжаются сенаторы Коронные, такъ въ Княжествѣ—Литовскіе; поэтому, ежели хотятъ, то пусть дадутъ отчетъ въ Литовскихъ доходахъ, и тогда Корона и Княжество будутъ защищать оба края общими доходами, а иначе пускай довольствуются на свои нужды податкомъ, наложеннымъ у себя, какъ это сдѣлала и Польша. На это Литовцы отвѣтили, что податка не хватитъ на отраженіе Москвы, потому что Коронные станы оторвали отъ Литвы съ несправедливостью для нея нѣсколько воеводствъ. Польскіе сенаторы спорили, говоря, что Литва, когда дѣло идетъ о выгодахъ и чести, объявляетъ себя равною съ Короной частью государства, когда же нужно отражать опасности, снова дѣлаетъ себя меньшей [3]). Какъ характерны были всѣ эти споры для взаимныхъ отношеній обоихъ народовъ! Литва проситъ помощи, но ей отказываютъ въ ней, снова предоставляя ее собственнымъ ея силамъ, какъ бы забывая, что эти силы уменьшены весьма значительно отнятіемъ отъ нея земель Польшею на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Но вотъ собрались Литовскіе сенаторы, которые стали принимать участіе въ разсужденіяхъ сената Польско-Литовскаго государства [4]). Интересно, что сами Поляки не скрывали даже въ своихъ рѣчахъ, произносимыхъ оффиціально, отсутствія согласія съ Литовцами. Такъ, примасъ Яковъ Уханскій, произнося на елекціи длинную рѣчь въ пользу Австрійскаго претендента на корону Речи Посполитой, говорилъ, разрушая возможность выбора

[1]) *Orzelski.* II. Str. 187—188. [2]) *Heidenstein.* I. Str. 186.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 187.

[4]) *Orzelski.* II. Str. 226—228: рѣчи Виленскаго воеводы Николая Радивила и Яна Ходкевича. *Heidenstein.* I. Str. 199.

на престолъ кого-либо изъ обывателей самого Польско-Литовскаго государства: «если выберемъ Поляка, Литовцы враждебно (z pod oka) будутъ на него смотрѣть; если выберемъ Литовца, то должны будемъ снова опасаться, чтобы онъ не присоединилъ къ Литвѣ Волыни, Подляшья и Кіева, которыхъ Литовцы такъ настойчиво требуютъ назадъ» [1]). То же самое отсутствіе единенія отмѣчалъ и Андрей Тенчинскій, хотя онъ и предлагалъ, наоборотъ, выбрать на престолъ обывателя соединенной Речи Посполитой. Онъ говорилъ: «представляемъ условія чужеземцамъ, представимъ и родаку» (туземцу). По его словамъ, если Литовецъ можетъ быть болѣе благосклоннымъ къ Литовцу, или Полякъ къ Поляку, то еще болѣе Французъ къ Французу, Нѣмецъ къ Нѣмцу, Итальянецъ къ Итальянцу [2]). Во время елекціи Литовцы единодушно подали голоса свои за эрцгерцога Ернеста вслѣдъ за своимъ первымъ свѣтскимъ сенаторомъ, воеводою Виленскимъ [3]). Разсказывая о голосованіи Литовской шляхты, Оржельскій сообщаетъ интересныя его подробности [4]). Когда маршалокъ шляхты сказалъ Литовцамъ подавать ихъ мнѣнія по воеводствамъ согласно обычаю Польскому, они отказались и категорически заявили, что имъ разрѣшено вотировать лишь всѣмъ вмѣстѣ отъ имени цѣлаго княжества Литовскаго. Польскій хронистъ съ насмѣшкою замѣчаетъ, что если бы имъ пришлось подавать голоса по воеводствамъ, то оказалось бы Литовцевъ меньше числомъ, чѣмъ воеводствъ, и они понимали, что такое голосованіе пристыдитъ ихъ. Однако, историкъ долженъ дать другое объясненіе поступку Литовцевъ, бывшихъ на елекціи. Они, очевидно, не желали подавать голоса по воеводствамъ потому, что смотрѣли на послѣднія не какъ на части Короны, а какъ на части Литвы и противополагали голосъ Княжества голосу Короны, а не голоса отдѣльныхъ воеводствъ голосамъ отдѣльныхъ же воеводствъ, безразлично Польскихъ и Литовскихъ. Оржельскій отмѣчаетъ и единственный примѣръ Литовскаго шляхтича, подавшаго свой голосъ не согласно съ общимъ мнѣніемъ Литовцевъ. Это былъ Полоцкій шляхтичъ Корсакъ, высказавшійся за избраніе Шведскаго короля, если нельзя избрать на престолъ великаго князя Московскаго. Оржельскій замѣчаетъ, что рѣчь Корсака его товарищи слушали съ негодованіемъ, записывая его слова, «можетъ быть, для того, чтобы донести своимъ магнатамъ» [5]).

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 194. [2]) Ibidem. Str. 204. [3]) Ibidem. Str. 199.
[4]) *Orzelski*. II. Str. 276—277. [5]) *Orzelski*. II. Str. 277.

Единодушія всего избирательнаго сейма не удавалось достигнуть [1]), хотя елекція и тянулась нѣсколько недѣль. Шляхта уже являлась на избирательное поле вооруженною, видя невозможность достигнуть добровольнаго соглашенія [2]). Наконецъ, Австрійская партія, къ которой принадлежала и Литва, стала внушать примасу, чтобы онъ провозгласилъ короля и тѣмъ покончилъ съ партіею Пяста, и 12 декабря примасъ провозгласилъ королемъ императора Максимиліана [3]). Противная партія по началу не знала, что дѣлать при такомъ оборотѣ событій, но въ это время руководители ея, воевода Бельзскій Тенчинскій и Бельзскій староста Янъ Замойскій [4]) вспомнили объ Аннѣ Ягеллонкѣ. Именемъ шести Русскихъ воеводствъ Замойскій провозгласилъ Анну королевой, а чтобы Польско-Литовская корона не могла никакимъ способомъ достаться Австріяку, стараніемъ Замойскаго при помощи Зборовскихъ шляхта избрала ей супругомъ и провозгласила королемъ князя Седмигродскаго Стефана Баторія [5]). Но избраніе Баторія требовало подтвержденія и формальнаго согласія на него Австрійской партіи. Чтобы достигнуть этого, рѣшено было созвать сеймики и новый вальный сеймъ въ Андреевѣ на 19 января 1576 года, а къ императору отправили посольство съ извѣщеніемъ его объ обоихъ избраніяхъ и съ просьбою отказаться отъ короны Речи Посполитой [6]). Императоръ, однако, принявшій уже въ это время другое посольство, вручавшее ему тронъ Польско-Литовскаго государства, принялъ этотъ тронъ и присягнулъ въ соблюденіи условій, ему предложенныхъ, хотя и недовольный избраніемъ себя, а не Ернеста, а также условіями, на которыхъ былъ избранъ [7]). Между тѣмъ, 28 января, нѣсколькими днями позже, чѣмъ было назначено, собрался Андреевскій съѣздъ. Несмотря на то, что сторонники императорской партіи даже не отбыли сеймиковъ передъ съѣздомъ и на него не явились, съѣздъ этотъ объявилъ себя собраннымъ законно и обладающимъ властью разрѣшенія дѣлъ цѣ-

---

[1]) Литовцы противодѣйствовали кандидатурѣ Пяста. См. *Orzelski.* II. Str. 287.

[2]) *Orzelski.* II. Str. 314.

[3]) Ibidem. Str. 320. *Heidenstein.* I. Str. 224. *Bielski.* III. Str. 1372.

[4]) Ср. J. *Szujski.* Dz. P. III. Str. 50, 51, 52, 53.

[5]) *Heidenstein.* I. Str. 224—225. *Orzelski.* II. Str. 328.

[6]) *Heidenstein.* I. Str. 226. У Оржельскаго очевидная ошибка въ датѣ (na dzień Wielkiéjnocy—*Orzelski.* II. Str. 330), такъ какъ ниже (*Orzelski.* III. Str. 39) онъ самъ говоритъ, что Андреевскій съѣздъ открылся 18 января.

[7]) *Heidenstein.* I. Str. 226—227.

лаго государства. Онъ подтвердилъ елекцію Анны Ягеллонки и Баторія и назначилъ 4 марта днемъ коронаціи и брачнаго вѣнчанія ихъ. Для сопровожденія королевы въ Краковъ были назначены 4 сенатора, для привѣтствованія короля рѣшено послать на границу почетную встрѣчу, въ составъ которой входили представители сената и шляхты. Въ числѣ первыхъ названы хрониками и два Литовскіе паны-рады—Янъ Ходкевичъ кашталянъ Виленскій и Криштофъ Радивилъ подчашій и гетманъ польный Литовскій [1]). Разсказывая объ избраніи членовъ этого посольства, Гейденштейнъ прибавляетъ: «нѣкоторые изъ этихъ пословъ были сторонниками Австріяка, и ихъ нарочно выбрали для того, чтобы сдѣлать подозрительными въ глазахъ ихъ единомышленниковъ и тѣмъ примирить партіи» [2]). Андреевскій съѣздъ сдѣлалъ еще цѣлый рядъ постановленій, касающихся охраны порядка и обороны государства, но мы не будемъ говорить о нихъ, такъ какъ они были дѣломъ исключительно Польскимъ и не распространялись на Литву. Обо всемъ, что было постановлено въ Андреевѣ, съѣздъ извѣстилъ Литовцевъ, пославъ къ нимъ своими послами Конарскаго кашталяна Рафала Слядковскаго и Сѣрадзьскаго подсудка и бургграбю Краковскаго замка Станислава Карсьницкаго, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ присоединиться къ партіи Стефана Баторія [3]). Но и кромѣ посылки этого посольства, Андреевскій съѣздъ имѣлъ сношенія съ Литвою: нужда Княжества въ помощи Короны заставляла его сноситься съ нею. Въ самомъ дѣлѣ, на Андреевскій съѣздъ пріѣхалъ посолъ отъ Яна Ходкевича, Видавскій, съ просьбою о помощи противъ Московскаго великаго князя, который угрожаетъ уже Ригѣ. Ходкевичъ извѣщалъ, что, городъ этотъ будетъ непремѣнно утраченъ, если не подойдутъ подкрѣпленія, а черезъ это откроется непріятелю дорога изъ Инфлянтъ въ Пруссію и Литву, а оттуда и въ Польшу [4]).

---

[1]) *Heidenstein*. I. Str. 227—228. *Orzelski*. III. Str. 85.

[2]) *Heidenstein*. I. Str. 228.

[3]) Инструкція, имъ данная 10 февраля 1576 года, напечатана въ Acta Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia (T. XI. № IX). Имена пословъ этихъ даетъ *Orzelski*. III. Str. 86. *Heidenstein* (I. Str. 230) прибавляетъ къ этимъ двумъ посламъ еще третьяго—Войтѣха Гржибовскаго, но онъ по Оржельскому былъ вмѣстѣ съ кашталяномъ Добржинскимъ посланъ въ Пруссію. По Бѣльскому (*Bielski*. III. Str. 1377), послами въ Литву были Рафалъ Слядковскій кашталянъ Конарскій и Станиславъ Карсьницкій Сасинъ судья Сѣрадзскій.

[4]) *Orzelski*. III. Str. 51.

Польша, между тѣмъ, считала дѣло избранія Баторія уже оконченнымъ. Въ апрѣлѣ 1576 года новый король въѣхалъ въ предѣлы Короны, но коронаціонный сеймъ отлагали изъ-за Литовцевъ, живущихъ далеко, да и нужно было, чтобы всѣ обыватели соединеннаго государства хорошо узнали обо всемъ происшедшемъ [1]). Въ то время, когда Поляки самовольно рѣшали дѣло возведенія Стефана Баторія на престолъ Польско-Литовскаго государства, Литовцы собирались на свои съѣзды для обсужденія положенія дѣлъ. Когда въ Литву явились послы Андреевскаго съѣзда, они были приняты Литовцами въ Геранонахъ, но отвѣтомъ имъ было—Литовцы дадутъ отвѣтъ черезъ своихъ пословъ [2]). Въ качествѣ этихъ пословъ были посланы дворный подскарбій Княжества Лавринъ Война и Ѳеодоръ Скуминъ съ предложеніемъ вмѣстѣ Полякамъ и Литовцамъ подумать о положеніи дѣлъ и назначить общій съѣздъ для разрѣшенія спора объ избранномъ королѣ. Но Поляки отвѣчали, оправдываясь въ своихъ поступкахъ и приглашая Литовцевъ въ Краковъ на коронацію къ 28 апрѣля, говоря, что коронація была отложена именно ради Литовцевъ. Разумѣется, Литва не могла остаться довольною такимъ отвѣтомъ, нарушающимъ ея права, и въ Гроднѣ собрался 19 апрѣля Литовскій съѣздъ для рѣшенія, что̀ дѣлать. Оржельскій приводитъ списокъ лицъ сенаторскаго званія, прибывшихъ на съѣздъ, и добавляетъ, что множество шляхты вмѣстѣ съ ними собралось въ Гроднѣ [3]). Приводитъ Оржельскій и самый текстъ постановленія Гродненскаго съѣзда [4]). Онъ слѣдующій: «сенатъ и всѣ станы великаго княжества Литовскаго, совѣщаясь объ опасности

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 231.

[2]) *Orzelski.* III. Str. 191. *Bielski.* III. Str. 1381—1382.

[3]) *Orzelski.* III. Str. 192. Интересенъ самый списокъ сенаторовъ Литовскихъ, приводимый Оржельскимъ. Въ Гродну прибыли: Мельхіоръ Гедройцъ бискупъ Жмудскій, Николай Пацъ бискупъ Кіевскій, Николай Радивилъ воевода Виленскій, Янъ Ходкевичъ, Остафій Воловичъ касталянъ Троцкій, другой (Григорій) Воловичъ касталянъ Новгородскій, Павелъ Пацъ касталянъ Витебскій, Янъ Гайко касталянъ Брестскій, Янъ Глѣбовичъ касталянъ Минскій. Вмѣстѣ съ ними хроника называетъ Николая Кухмистровича стольника Литовскаго, Лукаша Заторскаго и Ивана Воловича маршалковъ, Марка Вунешку, Андрея Галицкаго писаря Рѣчицкаго. Кромѣ того, по словамъ ея, было много иныхъ и множество шляхты. Такимъ образомъ Кіевскій бискупъ входилъ въ эту эпоху въ составъ Литовскихъ сенаторовъ по старому, а также и государевы маршалки засѣдали съ панами-радами Литовскими, какъ это было до Уніи 1569 года.

[4]) *Orzelski.* III. Str. 249.

государственной по причинѣ избранія двухъ королей, постановили и объявляютъ Полякамъ, что съѣдутся на вальный сеймъ въ обычномъ мѣстѣ, въ Варшавѣ на шестую недѣлю послѣ Великой Ночи, земскіе же сеймики будутъ отправлены во вторую недѣлю послѣ того же праздника. Съ сеймиковъ всѣ паны-рада и старшіе изъ стана второго (т.-е. шляхетскаго) съѣдутся на вторую недѣлю во Мстибоговѣ и постановятъ объ отправленіи на сеймъ для уговора съ Поляками, а также постановятъ и о томъ, всѣмъ-ли ѣхать вмѣстѣ, или отбыть переговоры черезъ пословъ, т.-е. черезъ извѣстныя особы. На вальномъ сеймѣ они прежде всего будутъ имѣть своею цѣлью исправленіе притѣсненій и обидъ, понесенныхъ Литовцами отъ Поляковъ, прекращеніе распрей, возвращеніе къ единству и согласію, такъ чтобы всѣ станы признали себя подданными короля, который окажется самымъ полезнымъ для государства. Если Поляки всѣ, или нѣкоторые изъ нихъ будутъ стараться насиліемъ навязать Литовцамъ короля, если черезъ это совершатъ нарушеніе свободной елекціи и учинятъ поступокъ, идущій въ разрѣзъ связывающимъ ихъ трактатамъ, Литовцы постараются сперва довести дѣло до общаго согласія, а если этого сдѣлать не удастся, то произнесутъ протестацію относительно разрушенія договора Уніи съ Короною, объявляя свою совѣсть свободною отъ этого соединенія, и не признаютъ ни одного, ни другого короля. Они немедленно созовутъ съѣздъ во Мстибоговѣ, поспѣшатъ на этотъ съѣздъ, какъ на тушеніе пожара, и, будучи уже совершенно освобождены своею протестаціею, выберутъ себѣ своего князя, который имъ покажется самымъ полезнымъ, подъ условіемъ, что этотъ ихъ князь подтвердитъ имъ всѣ ихъ вольности, прерогативы и предложенныя ему условія. Прежде чѣмъ это наступитъ, ни одинъ Литовецъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ оказывать повиновенія ни одному изъ двухъ выбранныхъ королей». Для исполненія этого постановленія всѣ Литовцы обязались рыцарскимъ словомъ подъ страхомъ наказанія смертью и конфискаціи имущества. Для предупрежденія, между тѣмъ, опасностей постановлено написать листы къ императору и великому князю Московскому съ просьбою удержаться отъ враждебныхъ шаговъ; къ воеводѣ же Седмигродскому Стефану Баторію,—чтобы отложилъ коронацію и обождалъ Варшавскаго сейма.

Изъ Гродна же былъ отправленъ въ Краковъ отъ 20 апрѣля листъ Яна Ходкевича. Въ этомъ листѣ своемъ Виленскій кашталянъ заявлялъ, что онъ вѣрноподданнѣйшій слуга короля; онъ

скорбѣлъ, что не имѣлъ возможности до этого времени отвѣтить на два листа королевскіе, доносилъ, что на съѣздѣ въ Геранонахъ всѣ склонялись къ королю, но на Гродненскомъ съѣздѣ мнѣнія раздѣлились на трое. Литовцы жаловались на Поляковъ, что послѣдніе отняли у нихъ право коронаціи, что о нихъ никто не подумалъ, когда отправляли пословъ въ Седмигродье. Они говорили, что не могутъ терпѣть Польской спѣси и напыщенности,—для нихъ несносно, что Поляки такъ себя возвеличиваютъ, все себя выставляютъ впередъ и даютъ такъ много доказательствъ своей ненависти и пренебреженія по отношенію къ Литвѣ. Извѣщалъ при этомъ Янъ Ходкевичъ, что онъ вмѣстѣ съ бискупомъ Кіевскимъ, Литовскимъ крайчимъ Кишкою, Минскимъ кашталяномъ [1]) и Городенскимъ старостою [2]) стараются всѣми силами о томъ, чтобы склонить мысли Литовцевъ къ королю: кашталянъ Минскій ѣдетъ къ королю, чтобы извѣстить его обо всемъ и съ нимъ посовѣтоваться, онъ же, Ходкевичъ, долженъ остаться въ Литвѣ, такъ какъ боится за Инфлянты, долженъ наблюдать за Москвою и за партіей императора и озабоченъ недостаткомъ денежныхъ средствъ на войну, а также возможностью пріѣзда императора [3]). Листъ Ходкевича пришелъ въ Краковъ, когда тамъ уже собрался коронаціонный сеймъ (1—30 мая). Коронація Стефана Баторія совершилась [4]) безъ присутствія кого-либо изъ Литовцевъ [5]), когда пріѣхало въ Краковъ посольство Гродненскаго съѣзда. Его составляли Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ, Криштофъ Сѣновицкій, Янъ Клекоцкій и Іеронимъ Женьскій. Послы Литвы явились къ королю, а потомъ къ сенату и шляхтѣ. Привѣтствовавъ короля съ великимъ почтеніемъ, но титулуя его лишь княземъ, послы прежде всего указали на текстъ

---

[1]) Янъ Глѣбовичъ. [2]) Александръ Ходкевичъ.

[3]) *Orzelski.* III. Str. 212. *Bielski* (III. Str. 1390) просто глухо говоритъ, что Ходкевичъ подалъ королю надежду на признаніе его Литовцами.

[4]) Описаніе ея см. *Orzelski.* III. Str. 224—226. Бѣльскій говоритъ, что прежде чѣмъ Карнковскій короновалъ Анну, «tedy się pierwej wyrzekła koronie ze wszystkich spadków po królowej Bonie matce swej, które na nią należały ak w koronie, jako w Litwie i w księstwie Mazowieckiem, zaczem jej też oprawę na Mazowszy uczyniono» (*Bielski.* III. Str. 1389—1390). Подтвержденіе Стефаномъ Баторіемъ правъ Короны и Княжества см. *Volumina legum.* II. Str. 157—159. См. также Materyały Archiwalne wyjęte głównie z metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku. Wydał *D-r Antoni Prochaska.* Lwów. 1890. Str. 169. № 283.

[5]) *Solikowski.* Str. 30.

Польско-Литовской Уніи, которая постановляетъ, что одинъ народъ не долженъ ничего обсуждать безъ вѣдома другого, а также не долженъ выбирать отдѣльно себѣ короля [1]). Они упрекали Стефана Баторія въ томъ, что онъ, выбранный въ государи одними только Поляками, употреблялъ титулъ великаго князя Литовскаго, хотя Литовцы не выбирали его своимъ княземъ, не просили его на тронъ черезъ своихъ пословъ и не подали ему никакихъ условій. Хотя Баторій и присягнулъ уже опредѣленнымъ условіямъ, но они не имѣютъ силы, потому что противны желаніямъ и волѣ Литовцевъ и составлены одними Поляками. Черезъ это произошелъ большой ущербъ вольностямъ Литвы и праву свободной елекціи. Литовцы просили, чтобы по ходатайству сената и шляхты король удержался отъ слишкомъ поспѣшной коронаціи и обождалъ бы сейма, созваннаго въ Варшавѣ, на которомъ будетъ совершена новая елекція по соглашенію обоихъ народовъ. Послы Литовскіе объявили, что, если король не пожелаетъ поступить такъ, какъ они совѣтуютъ, они уѣдутъ, не сдѣлавъ ничего, лишь подадутъ протестацію о нарушеніи ихъ правъ и договора Уніи. Они имѣютъ строгое приказаніе, исполнить которое обязались честью и совѣстью и, если они отважутся поступить въ разрѣзъ предписанной имъ инструкціи, заключенные ими договоры не будутъ имѣть никакой силы [2]).

Исполнивъ свое посольство передъ королемъ, Литовскіе послы явились передъ собравшіеся вмѣстѣ сенатъ и земскихъ пословъ и предъявили свои вѣрительныя грамоты. Затѣмъ, Глѣбовичъ сказалъ привѣтствіе станамъ и сталъ держать рѣчь. Поступки Поляковъ, говорилъ онъ, вызвали въ Литовцахъ сильное чувство негодованія, такъ какъ сами Поляки втянули Литву въ Унію, сами ее подтвердили своею клятвою, а теперь нарушаютъ ее самымъ безчестнымъ образомъ. Та свобода есть истинная, когда подчиняются не по принужденію, а по доброй своей волѣ; напротивъ, Поляки налагаютъ на Литву ярмо. Если Поляки имѣютъ въ чемъ-либо упрекнуть Литовцевъ, то вина кого-нибудь одного изъ нихъ не можетъ падать на цѣлый народъ. Далѣе, Глѣбовичъ продолжалъ: «мы не были формальнымъ образомъ приглашены

[1]) *Bielski* (III. Str. 1389—1390) изъ состава этого посольства называетъ по имени одного лишь Яна Глѣбовича. Онъ говоритъ, что послы назвали Баторія только королемъ Польскимъ (tylko królem polskim, a nie w. ks. litewskim).

[2]) *Orzelski*. III. Str. 237—238.

въ Андреевъ: вы не должны были постановлять актовъ и конфедерацій безъ нашего вѣдома и нашей воли — поэтому ни къ чему не обязываютъ насъ Польскія постановленія. Не останавливаясь на изданіи самовольныхъ извѣстныхъ ухвалъ, Поляки приняли самымъ неприличнымъ образомъ своего короля-електа, ибо предъ его прибытіемъ нужно было погасить всѣ раздоры. Король дѣйствительно принесъ свою присягу, но Литовцы ея не слышали. Вы, Поляки, вырвали изъ нашихъ рукъ все: хотя ни я, ни много другихъ въ Литвѣ не были сторонниками императора, вы несправедливымъ образомъ оскорбили насъ, не дали намъ участія въ совѣщаніи и коронаціи королевской. Поэтому мы протестуемъ торжественно въ нарушеніи нашихъ правъ черезъ коронацію, содѣланную безъ нашего вѣдома, и мы уже совершенно разрѣшены и освобождены отъ узъ Уніи съ Польшею» [1]). На эту рѣчь отвѣчали—подканцлеръ отъ сената и Люблинскій каштелянъ отъ имени земскихъ пословъ. Они отвѣчали привѣтствіемъ на привѣтствіе и заявили, что дадутъ обстоятельный отвѣтъ, когда посовѣтуются между собою [2]). Однако Глѣбовичъ протестовалъ отнюдь не противъ личности Баторія. Мы видѣли выше, что начальной человѣкъ Литвы въ эту эпоху, Янъ Ходкевичъ, уже склонялся на сторону Стефана. Самъ Глѣбовичъ, по разсказу Соликовскаго, былъ инымъ по отношенію къ королю въ частной аудіенціи, чѣмъ въ публичномъ своемъ исполненіи посольства [3]). Литва защищала свои права, а вовсе не думала имѣть что-либо лично враждебное къ Стефану Баторію.

Въ то время, когда сеймъ обсуждалъ, какъ нужно отнестись къ Литвѣ, ея требованіямъ и заявленію, Баторій въ прекрасной рѣчи высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ государствѣ, сдѣлавъ это съ обычною ясностью своей мысли и вѣрностью своего пониманія. Ему казалось, по его словамъ, постановленіе, сдѣланное въ Андреевѣ противъ непризнающихъ его избранія, слишкомъ суровымъ, ибо различно положеніе тѣхъ, кто ему сопротивляется. Къ числу ихъ принадлежатъ цѣлыя провинціи—Литовцы, желающіе быть признаваемыми половиною всего Королевства, и Пруссаки, владѣющіе отдѣльною большою землею; кромѣ того, въ извѣстныхъ провинціяхъ лишь часть, а не всѣ обыватели цѣликомъ принадлежатъ къ числу противниковъ его. Поэтому, нельзя со всѣми поступать одинаково. Что касается до Литовцевъ, то

---

[1]) *Orzelski*. III. Str. 238. [2]) Ibidem. Str. 238—239. [3]) *Solikowski*. Str. 30.

къ нимъ, какъ и къ Пруссакамъ нужно отправить пословъ и все имъ извинить для блага государства [1]). Такъ думалъ король. Но между Литовцами, прибывшими послами въ Краковъ, и Поляками въ дѣйствительности отношенія не имѣли характера полнаго разрыва. Повидимому, между сеймомъ, требовавшимъ отъ короля наказанія, какъ бунтовщиковъ, всѣхъ, противившихся Андреевскимъ постановленіямъ [2]), къ числу которыхъ на самомъ дѣлѣ принадлежали и Литовцы, и послами этихъ послѣднихъ существовалъ извѣстный modus vivendi, если Глѣбовичъ счелъ возможнымъ, хлопоча объ отпускѣ его изъ Кракова, просить пословъ земскихъ добиться отъ короля исполненія каптуровъ безкоролевья, скрѣпленныхъ присягами, и возвращенія вдовѣ кашталяна Черскаго Лянцкороны, захваченной Ласкимъ [3]). Но вотъ, наконецъ, было назначено и посольство въ Литву. Король для этой цѣли выбралъ изъ сенаторовъ воеводу Ленчицкаго и кашталяна Малогоскаго. Послы земскіе, по желанію Баторія, присоединили къ нимъ еще двухъ изъ своей среды [4]). Проектъ посольства въ Литву былъ прочитанъ и исправленъ земскими послами. Въ немъ стояло, что Поляки, какъ свидѣтельствуютъ и сами Литовцы, нѣсколько разъ приглашали ихъ на съѣзды; король утвердилъ своею присягою всѣ права обоихъ народовъ и выѣзжаетъ 3 іюня въ Варшаву, поэтому туда вызываются и Литовцы для общаго совѣщанія. Разсмотрѣвши этотъ проектъ, земскіе послы согласились вызвать Литовцевъ для соглашенія на предстоящій сеймъ, но не желали приглашать ихъ на особый съѣздъ въ Варшаву для взаимнаго совѣщанія, такъ какъ оно можетъ имѣть мѣсто лишь на сеймѣ. Король согласился съ послами земскими и сказалъ, что слова, не понравившіяся шляхтѣ, внесены въ проектъ сенаторами безъ его воли [5]). Между тѣмъ, Литовцы все болѣе и болѣе склонялись на сторону Стефана Баторія. Если Виленскій воевода Николай Радивилъ еще въ началѣ мая 1576 года распоряжался прибивать по своимъ державамъ и инымъ мѣстамъ свои универсалы, провозглашая императора, то Янъ Ходкевичъ уже писалъ въ это время въ своихъ письмахъ къ различнымъ сенаторамъ Литовскимъ, что

---

[1]) *Orzelski*. III. Str. 246. [2]) *Orzelski*. III. Str. 248. [3]) Ibidem.

[4]) *Orzelski*. III. Str. 252. По Źródła Dziejowe IV, № XV послами въ Литву были: Joannes Sirakowski a Boguslawicze palatinus Lanciciensis et generosi Stanislaus Karsnicki subjudex Siradiensis et Arnolphus Hlebowicz vexillifer Drohiciensis.

[5]) *Orzelski*. III. Str. 257.

electъ «nie zle ma oko na Litwie» [1]). Соликовскій говоритъ, что Ходкевичъ склонялся на сторону Баторія, побуждаемый своимъ родственникомъ Петромъ Зборовскимъ [2]). Бѣльскій также говоритъ о согласіи каштаиляна Виленскаго съ этимъ его «швагромъ» [3]). Однако, едва ли Литовскій патріотъ руководствовался какими-либо личными соображеніями въ дѣлѣ выбора короля. Свое безкорыстіе Янъ Ходкевичъ доказалъ въ эту эпоху, отказавшись отъ предложенія того же Зборовскаго, стоявшаго раньше за кандидатуру Чешскаго вельможи Вильгельма изъ Розенберга, предложенія заплатить ему 100 тысячъ за содѣйствіе его и зависѣвшей отъ него шляхты [4]): Ходкевичъ отвергъ предложеніе это, какъ онъ отправилъ обратно и къ императору золото, присланное ему имъ послѣ его избранія [5]). Мнѣніе Ходкевича, конечно, много значило въ Княжествѣ, и послѣднее стало дѣлаться все болѣе и болѣе готовымъ признать Баторія своимъ государемъ. Станы Литовскіе собрались на съѣздъ во Мстибоговѣ [6]), и сюда явились посланные въ Литву послы Краковскаго сейма. Мстибоговскій съѣздъ согласился признать Стефана Баторія королемъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства и послалъ къ нему своихъ пословъ для объявленія этого рѣшенія. Въ составъ Литовскаго посольства вошли нѣкоторые сенаторы и врядники, а также представители воеводствъ Княжества. Въ числѣ высшихъ врядниковъ Литовскихъ, входившихъ въ составъ этого посольства былъ и Криштофъ Радивилъ, подчашій Литовскій, не могшій, однако, дѣйствительно исполнить этого посольства по причинѣ болѣзни [7]). Послы эти были отправлены къ королю съ посланіемъ Мстибоговскаго съѣзда, датированнымъ 3 іюня 1576 года [8]). Въ посланіи своемъ Литовскіе станы извѣщали короля о томъ, что они выслушали присланныхъ къ нимъ королевскихъ пословъ—Яна съ Богуславицъ воеводу Ленчицкаго, Станислава Карсьницкаго

---

[1]) Acta Hist. Res Gestas P. ill. XI. № XXII.

[2]) *Solikowski*. Str. 30. [3]) *Bielski*. III. Str. 1390.

[4]) *Θ. Вержбовскій*. Двѣ кандидатуры и пр. Стр. 125 и 126. прим. 3 (выписка изъ донесенія Дудича императору изъ Кракова отъ 5 авг. 1575 года).

[5]) A. H. R. G. P. ill. XI. № XXII.

[6]) На этотъ съѣздъ прибылъ и посолъ императора Янъ Кохцицкій съ полномочіемъ и листами императорскими, но долженъ былъ ночью уѣхать обратно, ибо Мстибоговскій съѣздъ уже склонился въ пользу признанія короля Стефана. *Bielski*. III. Str. 1393.

[7]) Qui tamen propter adversam valetudinem advenire huc ad nos non poterat.

[8]) Źródła Dziejowe. T. IV. Warszawa. 1877. № XI.

подсудка Сѣрадзьскаго и Арнольфа Глѣбовича хоружія Дрогицкаго,—благодарятъ за высказанное черезъ нихъ и дали свой отвѣтъ этимъ посламъ. Сверхъ этого отвѣта, они отправили къ Стефану свое посольство, которое просятъ выслушать и которому просятъ вѣрить. Просятъ короля и о томъ, чтобы онъ съ любовью и милостиво держалъ себя по отношенію ко всѣмъ Литовцамъ и нуждамъ Княжества, чтобы станы Литовскіе, видя его заботу и обезпеченіе вольностей ихъ, служили королю. Въ числѣ подписавшихъ это посланіе Литовскихъ сенаторовъ былъ и бискупъ Кіевскій Николай Пацъ. Литовское посольство, отправленное съ этою грамотою въ Варшаву, было составлено изъ представителей обоихъ становъ Княжества, сенаторскаго и шляхетскаго. Въ составъ его входили [1]): кашталянъ Виленскій староста Жомоитскій маршалокъ земскій Литовскій администраторъ и гетманъ Лифлянтскій Янъ Ходкевичъ, кашталянъ Троцкій подканцлеръ Литовскій Евстафій Воловичъ, Гавріилъ Горностай воевода и староста Минскій, кашталянъ Минскій Янъ Глѣбовичъ, крайчій Литовскій Янъ Кишка, стольникъ Литовскій Николай Олехновичъ Дорогостайскій, подскарбій дворный и писарь Литовскій Лавринъ Война, староста Городенскій и Могилевскій Александръ Ходкевичъ. Вслѣдъ за этими именами источникъ даетъ имена пословъ ex ordine vero equestri et nuntiorum terrestrium ex omnibus palatinatibus et districtibus magni ducatus Lithvaniae. Это были: изъ Виленскаго воеводства — маршалокъ державца Мойшагольскій князь Иванъ Свирскій и маршалокъ державца Немоноитскій князь Яковъ Свирскій, изъ Троцкаго — маршалокъ тивунъ Бержанскій князь Лукашъ Свирскій, подкоморій Ковенскій Альбертъ Девялтовскій, бурграбя Гродненскій Иванъ Клюковскій и Валентинъ Каменскій, изъ земли Жомоитской — тивунъ Шовдовскій Альбертъ Белевичъ и Георгій Война, изъ воеводства Полоцкаго—староста Дриссенскій Иванъ Лопоть и Романъ Невельскій, изъ воеводства Новгородскаго—Волковыйскій хоружій Еронимъ Пулешта, судья земскій Слонимскій Михаилъ Соколовскій, подсудокъ Волковыйскій Ленартъ Узловскій, Богушъ Овсяный, Андрей Голубъ и Василій

[1]) Имена пословъ пропущены (за исключеніемъ перваго — Яна Ходкевича, и послѣдняго—Василія Чапинскаго) въ обоихъ документахъ, говорящихъ объ ихъ дѣятельности, напечатанныхъ въ Źródła Dziejowe (T. IV. №№ XV, XVI). Приводимъ ихъ по Acta Historyczne № 2901 рукописей Библіотеки Главнаго Штаба, гдѣ находится тотъ же самый документъ, который изданъ въ Źr. Dz. T. IV, подъ № XVI.

Зенковичъ Цихинскій, изъ воеводства Витебскаго—Николай Сопѣга, изъ Берестейскаго воеводства—хоружій Пинскій Василій Федюшко, Григорій Война и Максиміліанъ Чапля, изъ Минскаго —Минскій подкоморій Станиславъ Соллогубъ, Минскій судья земскій Мартинъ Володковичъ и Василій Чапинскій.

Прежде чѣмъ разсказывать о результатахъ дѣятельности этихъ пословъ въ Варшавѣ, мы не можемъ не указать на характерную особенность раздѣленія ихъ на двѣ группы. Первую составляютъ barones et generosi nobiles, какъ ихъ называетъ документъ; вторую послы отъ воеводствъ. Раздѣленіе пословъ на двѣ группы показываетъ, что передъ нами послы отъ двухъ Литовскихъ становъ—пановъ-рады и шляхты. Но присматриваясь къ лицамъ, бывшимъ послами рады Княжества, мы встрѣчаемъ въ ихъ числѣ не только сенаторскихъ врядниковъ, занимавшихъ кресла въ спольномъ сенатѣ Польско-Литовскаго государства, но и такихъ врядниковъ, которые не имѣли мѣста въ немъ по «порядку рады», установленному на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года [1]). Крайчій, стольникъ, дворный подскарбій, староста Городенскій, равно какъ и подчашій не были допущены въ сенатъ соединеннаго государства. Однако, всѣ эти врядники засѣдали въ Литовской радѣ до Уніи 1569 года [2]). Такимъ образомъ нужно признать, что въ своихъ отдѣльныхъ съѣздахъ Литовцы продолжали держаться стараго порядка своихъ сеймовыхъ собраній, не обращая вниманія на то, что Унія лишила часть прежнихъ Литовскихъ сенаторовъ сенаторскаго кресла. Нужно пояснить только, почему маршалки, бывшіе до 1569 года также Литовскими панами-радами, оказались въ числѣ пословъ шляхетскихъ. По всей вѣроятности шляхта нѣкоторыхъ воеводствъ убѣдила ихъ ѣхать ея послами, какъ ея вождей во времена рушенья, которыхъ она привыкла считать своими руководителями и представителями.

Послы великаго княжества Литовскаго были посланы къ королю 1) для изъявленія ему подданства Литвы и 2) для представленія ему требованій Литовскаго народа. Баторій часть этихъ требованій исполнилъ теперь же, а часть отложилъ до другого времени [3]). 29 іюня была

---

[1]) Vol. legum. II. Str. 93.

[2]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 334 и др.

[3]) *Heidenstein* (I. Str. 242) просто упоминаетъ объ этомъ посольствѣ Княжества для договора съ королемъ и обезпеченія Литовскихъ правъ. При этомъ Гейденштейнъ называетъ лишь нѣкоторыхъ изъ пословъ Литвы. По Бѣльскому (*Bielski.* III. Str. 1397), когда Стефанъ Баторій, окончивъ 30 мая

передъ Литовскимъ посольствомъ повторена королемъ Стефаномъ присяга, принесенная имъ раньше Полякамъ. Въ листѣ съ этою присягою [1]) король говоритъ: «cum, divina voluntate ad gubernacula *communis reipublicae* regni Poloniae et magni ducatus Lithuaniae vocati, Cracoviae more institutoque christianorum regum ac istius reipublicae coronaremur», случилось, что при коронаціи не присутствовали сенаторы, врядники и послы Литовскіе по той причинѣ, что еще не состоялось общаго соглашенія относительно избранія Баторія. Теперь Мстибоговскій съѣздъ призналъ Стефана королемъ и прислалъ своихъ пословъ ejusque rei declarandae ac postulatorum, quae ad suffragiorum ejus gentis jus et libertates et immunitates ceteras tuendas pertinerent deferendorum causa. Послы эти потребовали отъ короля повторенія въ ихъ присутствіи той присяги, которую онъ принесъ Коронѣ и Княжеству въ Краковѣ, обѣщая послѣ этого принести ему свою присягу отъ своего и становъ Литовскихъ имени. Далѣе идутъ слѣдующія замѣчательныя слова: Hoc primum et ante omnia testati et professi, quod id non poscerent, ut vel electionem et coronationem nostram in dubium vocarent, vel ut hanc consuetudinem iterandi magni ducatus Lithuaniae ordinibus juramenti a regibus, indeque magnis ducibus Lituaniae, ab utraque natione scilicet Polona et Lituana communiter, prout de jure est, electis, inducerent vel unionis privilegium laedi vellent, cujus vinculum sacrosanctum et indissolubile perpetuis temporibus esse deberet; sed *prospicientes, ut jus et libertas suffragiorum illis cum regno Poloniae senatoribus, officialibus ac nobilitate communis, eodem jure integra saluaque maneat et nunquam minuatur*; de qua libertate in ipso privilegio unionis cautum sit, quod videlicet non separatim a solis Polonis vel item Litvanis rex Poloniae et idem magnus dux Litvaniae creari debeat, *sed simul communibus*, ut in privilegio unionis scriptum est, vocibus et suffragiis: proinde nullum in regno Poloniae et magno ducatu Litvaniae imperare posse, vel etiam potuisse ex praescripto privilegii unionis, *nisi requisito legitime ac de jure accedente utriusque nationis proprio consensu*, *quemadmodum etiam in reliquis regni conventibus nihil statui posse*, *quo utraque natio teneatur et obligetur*,

---

коронаціонный сеймъ, отбылъ изъ Кракова и 12 іюня прибылъ въ Варшаву, тамъ его «panowie litewscy, jako Jan Chotkiewicz kasztelan wileński, Ostafi Wołowicz trocki, Jan Kiszka krajczy, Aleksander Chotkiewicz starosta grodzieński imieniem wszystkiego ks. litewskiego witali i za pana przyznawali».

[1]) Źródła Dziejowe. T. IV. № XV.

non advocata, aut non consentiente utraque natione, juxta continentiam literarum unionis. Praeterea vero se poscere id testabantur considerantes, quod cum titulus et officia magni ducatus Lituaniae integra debeant manere, idcircoque in electione et coronatione electus promulgari et publicari debeat rex Poloniae et idem magnus dux Litvaniae, et circa coronationem rex de more juret in leges et libertates, nemo non modo officialium verum et senatorum ac nunciorum terrestrium magni ducatus Litvaniae circa juramentum nostrum vel etiam promulgationem tituli et regiminis nostri praesens fuerit. Все это взвѣсивъ и полагая, что отъ исполненія желанія Литовцевъ нисколько не будетъ нанесено ущерба королевскому достоинству, или его присягѣ, а въ то же время сохранится благо и согласіе подданныхъ ему народовъ, король повторилъ передъ Литовскимъ посольствомъ, а также въ присутствіи сенаторовъ врядниковъ и шляхты Короны присягу, принесенную имъ въ Краковѣ. Далѣе слѣдуетъ самый текстъ королевской присяги [1]).

Но Стефанъ Баторій 29 іюня 1576 года не только принесъ присягу предъ Литовскимъ посольствомъ. Послѣднее ему представило рядъ требованій Литовскихъ становъ, которыя въ свое время могли бы быть внесены въ pacta conventa, представленныя королю, если бы его избраніе совершилось обоими народами вмѣстѣ. Такъ какъ Баторій былъ избранъ одними лишь Поляками, то Литовцы представили ему свои требованія *отдѣльно*, и часть ихъ была принята къ исполненію Баторіемъ въ *отдѣльномъ* документѣ, выданномъ имъ того же 29 іюня 1576 года Литовцамъ [2]). Грамотою короля утверждались слѣдующіе пять пунктовъ Литовскихъ требованій. Во-первыхъ, требованіе относительно обязательнаго участія.

---

[1]) Текстъ этой присяги, изданной въ Żr. Dz. (IV. № XV), въ общемъ тождественный съ присягою, принесенною Стефаномъ Баторіемъ въ Мегешѣ (Meggyes), напечатанною во II томѣ Vol. legum (Str. 148. 149). Въ отдѣльныхъ фразахъ, кромѣ различія въ нѣкоторыхъ словахъ и порядкѣ ихъ разстановки, бросается въ глаза болѣе тщательное выписываніе имени Литвы рядомъ съ Короною. Такъ, въ Vol. leg. читаемъ: terminosque regni et magni ducatus, въ Żr. Dz.—ducatus Litvaniae; въ Vol. leg.—justitiam omnibus incolis regni, въ Żr. Dz.—regni et magni ducatus Litvaniae, въ Vol. leg.—ab omni fide, obedientia regi debita, въ Żr. Dz.—ab omni obedientia et fide regi et magno duci Litvaniae debita.

[2]) Żródła Dziejowe. T. IV. № XVI. Тотъ же документъ въ Acta Historyczne № 2901 рукописей Библіотеки Главнаго Штаба. Конфирмацію правъ, совершенную Стефаномъ Баторіемъ при коронаціи, см. въ Volum. legum (II. Str. 157—159). Ея Польскій переводъ—*Orzelski* III. Str. 229—233.

Литовскихъ сенаторовъ въ прибочной радѣ королевской, учрежденной артикулами елекціи Генриха Валезія [1]). Общее число Литовскихъ сенаторовъ было меньше числа сенаторовъ Коронныхъ. Поэтому, ихъ рядъ долженъ прекращаться скорѣе, чѣмъ Польскій при обновленіяхъ каждый сеймъ этихъ 16-ти сенаторовъ прибочной рады. Своею грамотою Баторій постановляетъ, что, когда всѣ сенаторы Литвы перебываютъ по-очереди въ прибочной радѣ, въ то время какъ рядъ Коронныхъ еще не дошелъ до своего конца, то Литовскіе назначаются въ эту раду опять по ихъ списку сначала, Коронные же продолжаютъ назначаться по своему порядку. Такимъ образомъ, Литвѣ гарантировалось постоянное участіе ея сенаторовъ въ прибочной радѣ королевской. Во-вторыхъ, такъ такъ узаконенія (praescriptiones) не дѣйствуютъ во время безкоролевья, какъ это было объявлено на коронаціонномъ сеймѣ, не дѣйствовали узаконенія и предписанія также и въ Литвѣ, не исполненныя предъ смертью Сигизмунда Августа, теперь они могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ. Въ-третьихъ, гарантируется ненаказуемость лицамъ, подавшимъ свои голоса противъ избранія Стефана Баторія, и снятіе съ нихъ отвѣтственности, наложенной Андреевскимъ съѣздомъ. Въ-четвертыхъ, лежащія въ предѣлахъ Княжества имѣнія, принадлежащія королю, должны перейти по тому самому праву, которое на нихъ простирается, не къ королю, а въ силу уступки его—къ великому княжеству Литовскому [2]). Въ-пятыхъ, король воспретитъ и воспрепятствуетъ обѣимъ канцеляріямъ Короны выдавать листы въ воеводства Княжества, изъ которыхъ присланные послы заключили въ Люблинѣ Унію. Эти листы могутъ нарушать Литовскую юрисдикцію въ этихъ воеводствахъ. Король также воспретитъ остальнымъ врядникамъ Короны и ея воеводствъ, а именно старостамъ, вмѣшиваться въ эту юрисдикцію, давать судъ и рѣшеніе въ дѣлахъ, перенесенныхъ къ нимъ по позвамъ кого-либо изъ Литвы, и посягать на что-либо силою своего уряда.

Такимъ образомъ послы Литвы получили отъ Баторія привилей, исполняющій часть ихъ требованій. Но они добивались большаго. Они требовали отъ короля, чтобы онъ все, «што ся народу великого князства Литовского уближило, обваровавши заховане

[1]) См. выше. Стр. 105.

[2]) Въ изданіи документа (Żr. Dz. IV. Str. 32) опечатка—magno ducatus Litvaniae cedant. Въ рукописи Библіотеки Генеральнаго Штаба (Acta Historyczne № 2901) это мѣсто читается: magno ducatui Litvaniae cedant.

*

правъ, вольности и свободъ великого князства Литовского присягою» [1]) своею утвердилъ. Что изъ этихъ требованій нашелъ возможнымъ утвердить своею присягою король, онъ утвердилъ, какъ мы уже видѣли; остальное же отложилъ до слѣдующаго вальнаго сейма. Однако, чтобы послы Княжества не оказались виновными передъ Литовскими станами въ неисполненіи всего возложеннаго на нихъ послѣдними, король въ тотъ же день, 29 іюня, далъ свой листъ, оффиціальнымъ образомъ отлагающій эти требованія до сейма, такъ какъ они касаются не только его самого, sed ad omnes etiam status pertinerent nec non nisi in comitiis generalibus decidi et determinari possint. Эти заявленія и требованія Литовцевъ были слѣдующія. Король не долженъ въ войскахъ, принадлежащихъ великому княжеству Литовскому, дѣлать начальникомъ войска Поляка, или иностранца, но всѣ войска, какія только посылаются въ Литву, должны находиться подъ командою общаго Литовскаго военачальника. Военныя ординаціи не должны постановляться къ обидѣ обывателей Литовскихъ. Жолнеры гарнизоновъ пограничныхъ замковъ должны поручаться людямъ, осѣлымъ въ Княжествѣ. Сеймы должны бывать поочередно въ Польшѣ и въ Литвѣ, и на нихъ, когда сеймъ въ Литвѣ, будутъ отправляться суды Литовскіе по статутамъ Литовскимъ, и суды Польскіе по статутамъ Польскимъ, когда онъ будетъ въ Польшѣ. Для сеймовъ назначаются по очереди Петрковъ и Вильна, или Варшава и Городно, или Люблинъ и Берестье. Уменьшеніе силъ Литовскихъ (произведенное Люблинскою Уніей) должно быть вознаграждено равною имъ силою, чтобы Литовцы имѣли несомнѣнную защиту и имъ не было бы надобности, въ случаѣ опасности прибѣгать къ Полякамъ. Долженъ писаться обычный титулъ сенату и станамъ великаго княжества Литовского. Должны быть учреждены въ судовыхъ повѣтахъ каштеляны вмѣсто маршалковъ по образцу меньшихъ каштеляновъ въ Польшѣ. Монета, чеканимая въ Польшѣ, должна чеканиться и въ Литвѣ, старая же должна оставаться въ старомъ значеніи и цѣнѣ въ Коронѣ и въ Княжествѣ. Таможенные сборы на морѣ и на сушѣ, которые прежде не принадлежали Коронному скарбу и никогда не бывали, не должны требоваться, чтобы этимъ не было причиняемо ущерба скарбу и народу Княжества. Князю Слуцкому должны быть даны мѣсто и право голоса въ сенатѣ согласно древнему

[1]) Acta Hist. Res Gestas Poloniae illustr. XI. № XXVI.

обычаю и деклараціи Сигизмунда Августа. Князья должны сохранить свои мѣста, обычныя издавна, согласно древнему порядку [1]).

Всѣ эти требованія, удостовѣряетъ королевская грамота, были представлены Литовскимъ посольствомъ королю съ просьбою объ ихъ утвержденіи. Они отложены, какъ мы уже видѣли выше, королемъ до ближайшаго вальнаго сейма, и ихъ предложатъ на послѣднемъ Литовцы и король станамъ Польскимъ [2]). Король приказалъ выдавать изъ Литовской канцеляріи «преписы» всего этого, а передъ слѣдующимъ сеймомъ они будутъ, согласно просьбѣ Литовскаго посольства, разосланы по воеводствамъ и повѣтамъ Княжества. Когда Баторій исполнилъ такимъ образомъ требованія пословъ Литовскихъ въ томъ, на что считалъ себя имѣющимъ право, обѣщавъ въ остальномъ свое содѣйствіе, они принесли ему присягу именемъ Литвы и по полномочію, имъ данному, признали его государемъ. Послѣ этого король Стефанъ разослалъ по Княжеству листы къ панамъ-радамъ и въ воеводства Литовскія, извѣщая о происшедшемъ и приказывая начать обычные управленіе и судъ подъ его титуломъ и такимъ образомъ перейти къ обыкновенному порядку администраціи и суда отъ порядковъ безкоролевья. 6 іюля Баторій послалъ уже свое королевское предписаніе и гетману польному Литовскому Криштофу Радивилу, распоряжаясь обороною Княжества, какъ его законный и признанный государь [3]). Достигнувъ признанія Литвою, Стефанъ Баторій отправился въ Кнышинъ и Тыкотинъ, гдѣ съѣхались различные Литовскіе сенаторы [4]). Такимъ образомъ новый король вошелъ въ непосредственное знакомство съ сенатомъ великаго княжества Литовскаго. Такъ закончилась исторія вступленія Баторія на престолъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства.

Подводя итогъ подъ фактами, въ которыхъ выразились отно-

---

[1]) Кромѣ того „media pars tormentorum Tycocinium devecta magno ducatui Lithuaniae restituatur".

[2]) Żródła Dziejowe T. IV. № XVII.

[3]) Acta Hist. R. G. P. ill. T. XI. № XXVI. Хроники также хорошо знаютъ объ особой присягѣ, принесенной Стефаномъ Баторіемъ Литовцамъ. Гейденштейнъ разсказываетъ, что королемъ было обѣщано Литовскимъ посламъ исполнить ихъ требованія, утвердивъ ихъ уфалою ближайшаго сейма; кромѣ того «король принесъ имъ особую присягу и выдалъ подтвержденіе ихъ правъ». (*Heidenstein*. I. Str. 242). Оржельскій также говоритъ, что Баторій, по желанію Литовцевъ, принесъ имъ особую присягу въ Варшавѣ (*Orzelski* III. Str. 263).

[4]) *Heidenstein*. I. Str. 246.

шенія Литвы и Польши за періодъ времени, протекшій между «утечькою» Генриха Валезія и началомъ славнаго царствованія великаго Баторія, нельзя не признать, что эта эпоха была еще большимъ развитіемъ того, что было посѣяно Люблинскою Уніею 1569 года и что взошло уже яркимъ цвѣткомъ въ годины перваго безкоролевья. Въ самомъ дѣлѣ, великое княжество Литовское смѣло и энергично заявило свои особыя права и свои требованія въ эту эпоху. Литва требуетъ сохраненія трона за Генрихомъ въ первыя времена послѣ его бѣгства, Литовцы созываютъ свои особыя конвокаціи, постановленія которыхъ обязательны для всѣхъ ихъ, и въ эти постановленія не могутъ вмѣшиваться Коронные съѣзды. Литва охраняетъ свою внутреннюю самостоятельность, запрещая Полякамъ постановлять что-либо противное ея правамъ и воспрещая безъ Литовцевъ разсуждать объ елекціи. Литва отправляетъ и свое особое Литовское посольство къ бѣжавшему во Францію Генриху, которое должно напомнить ему объ его обязанностяхъ, какъ великаго князя Литовскаго, и пригласить его отъ имени Княжества вернуться въ Польско-Литовское государство. Въ листѣ, составленномъ 1 ноября 1574 года Виленскимъ съѣздомъ, видно полное сознаніе Литовскими станами своего самостоятельнаго политическаго значенія въ соединенномъ государствѣ. Въ отношеніяхъ Литовцевъ къ Полякамъ обращаетъ на себя вниманіе полное единодушіе Литовцевъ и сознаніе ими своего единства, ясное пониманіе того, что они составляютъ особую политическую единицу: мы видѣли, что во время съѣздовъ съ Польшею Литва подаетъ свой голосъ, какъ голосъ цѣлаго Княжества, а не какъ рядъ голосовъ воеводствъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Былъ моментъ, когда Княжество, угрожаемое Москвою, готово было, повидимому, даже отдѣлиться отъ Короны: въ Стенжицѣ, среди раздоровъ этого съѣзда Литовцы заявили, что они, какъ видно, сами должны о себѣ заботиться и предпочитаютъ добровольно перейти подъ чужую власть (т.-е. Москвы), чѣмъ быть завоеванными ею насильно. Однако, Литовцы не отдѣлились отъ Польши въ эту эпоху, такъ какъ перспектива оказаться подъ властью Грознаго царя, «тиранство» котораго хорошо было извѣстно Литвѣ, и опасность войны съ Москвою заставляли Литовцевъ сохранять Унію, хотя она, по ихъ убѣжденію, и была нарушена Поляками. Видя полное отсутствіе «братства» по отношенію къ себѣ у Поляковъ и признанія ими «братскаго» равенства въ политическихъ правахъ и ихъ осуществленіи, Литва опять, не-

измѣнно требуетъ возвращенія себѣ земель, отнятыхъ у нея въ 1569 году, и это требованіе стоитъ во главѣ другихъ ея желаній. Литва понимала, что она можетъ, пожалуй, недурно устроиться въ соединенномъ государствѣ, если только будетъ сильна и, благодаря своей силѣ, заставитъ Поляковъ признавать и соблюдать, Литовскія права; отнятіе же земель уменьшало силы Княжества, обрѣзало его крылья, какъ еще въ 1569 году выразился Жомоитскій староста Янъ Ходкевичъ [1]). При очевидномъ и полномъ отсутствіи всякой идеальной связи съ Поляками, Литовцы должны были упорно стоять на почвѣ Люблинскаго договора, крѣпко держась за его формальныя постановленія. Фикція «братства» разсѣялась окончательно, и на смѣну ея съ полною наготою обнаружился истинный характеръ связи Литвы и Короны; это была юридическая сдѣлка, формальный договоръ, статьи котораго хотѣла толковать и расширять въ своихъ частныхъ, политически-особныхъ интересахъ каждая изъ этихъ двухъ частей соединеннаго государства, бывшихъ просто контрагентами въ заключенномъ договорѣ. Литовцы настаиваютъ на соблюденіи артикуловъ документа Уніи 1569 года и торжественно затѣмъ протестуютъ противъ его нарушенія Поляками. На общіе съ Поляками съѣзды Литовцы являлись вооруженными, требовали письменныхъ отвѣтовъ отъ Польскаго сената, дѣлая все это подъ шумъ взаимныхъ упрековъ обоихъ народовъ. Гдѣ же тутъ «братство», такъ трогательно прославляемое въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Люблинскаго сейма 1569 года? Гдѣ тутъ истинное политическое единство?— долженъ спросить историкъ. Учреждаются коммиссіи обоихъ народовъ для выработки общихъ рѣшеній, ведутся переговоры между двумя народами, Польскимъ и Литовскимъ, но, несмотря на все это, второе безкоролевье оставило послѣ себя актъ, такъ и не признанный въ концѣ концовъ Литвою,—актъ Варшавской конфедераціи, оставшійся постановленіями, принятыми лишь Короною, но отвергнутыми Княжествомъ. Наконецъ, эпоха второго безкоролевья завершилась протестомъ Княжества противъ поступковъ Короны и нарушеніемъ статей Уніи самимъ королемъ, давшимъ Литовцамъ повтореніе передъ ними своей присяги и *особый листъ* съ утвержденіемъ ея правъ. Съ этимъ подтвержденнымъ формально сознаніемъ своей особности и признаніемъ ея Баторіемъ вступило Литовское великое княжество въ славную эпоху царство-

[1]) Дн. Любл. с. Стр. 493.

ванія короля Стефана. Чтобы быть признаннымъ Литвою, представители которой не присутствовали на Андреевскомъ съѣздѣ, утвердившемъ его избраніе, и на его коронаціи, Стефанъ Баторій долженъ былъ дать ей отдѣльное подтвержденіе ея правъ и принести ей отдѣльно отъ Короны присягу, громко провозглашая тѣмъ отдѣльность Княжества отъ Короны. Отдѣльность Литвы отъ Польши понималась въ то время ясно вообще, и императоръ, напримѣръ, говорилъ о томъ, какъ навязали короля Поляки Литовцамъ [1], — очевидно, что тутъ идетъ рѣчь не о частяхъ одного народа, а о двухъ различныхъ народахъ, самостоятельно держащихся въ соединенномъ общемъ государствѣ. Литовское посольство, явившееся въ Варшаву къ только что прибывшему туда изъ Кракова послѣ коронаціи королю, предъявило ему условія, на которыхъ Княжество согласно признать его своимъ государемъ. Что должно было дать Баторію и его пониманію дѣйствительнаго взаимнаго отношенія Польскаго и Литовскаго народовъ въ соединенномъ государствѣ это посольство Княжества съ его требованіями? Несомнѣнно, оно показало ему настоящее значеніе Литовскаго народа, его настроеніе и стремленія и должно было создать ему правильный взглядъ на то, что изъ себя представляетъ великое княжество Литовское въ спольной, Польско-Литовской Речи Посполитой. Баторій, такимъ образомъ, вступалъ на престолъ, получивъ возможность усвоить себѣ, какъ онъ долженъ держать себя для того, чтобы быть дѣйствительно государемъ Литвы, а не обидчикомъ ея, а также, чтобы ладить съ нею. Король Стефанъ имѣлъ слишкомъ ясный умъ для того, чтобы не понять этого, и признаніе имъ правъ и особности Княжества было результатомъ его опыта въ первые мѣсяцы царствованія надъ Речью Посполитою Польско-Литовской. Событія дальнѣйшаго царствованія Стефана Баторія заставили его искать расположенія Литвы. Столкновенія съ Коронною шляхтою на сеймахъ и Московская война принуждали короля искать прочнаго сочувствія Княжества, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Литва неуклонно и твердо шла въ его царствованіе по пути сохраненія своей отдѣльности отъ Польши и дальнѣйшаго развитія своихъ правъ.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, 29 іюня 1576 года, своею грамотою, приводившей въ исполненіе часть требованій Литов-

---

[1]) *Heidenstein.* I. Str. 247.

скихъ, Баторій гарантировалъ Княжеству, между прочимъ, то, что въ прибочной радѣ королевской всегда будутъ члены Литовскаго сената рядомъ съ сенаторами Коронными. Ясное дѣло, что сенаторы Польши и сенаторы Литвы разсматривались Баторіемъ не какъ паны-рада единаго, общаго государства, являющіеся представителями обще-государственныхъ интересовъ, а какъ хранители и защитники правъ и интересовъ двухъ государствъ, Польскаго и Литовскаго, хотя и соединившихся въ одну Речь Посполитую, но имѣющихъ свои особыя права и особенные, отдѣльные интересы. Послѣдующіе годы царствованія Стефана Баторія ознаменовались другими въ высшей степени важными фактами въ государственной жизни Литвы. Московская война, начавшаяся еще при Сигизмундѣ-Августѣ, но блестящимъ образомъ законченная Баторіемъ, обращаетъ на себя прежде всего вниманіе въ эту эпоху. Рядомъ съ нею стоятъ весьма крупнаго значенія внутреннія дѣла, изъ которыхъ на первомъ планѣ находятся выработка третьяго Литовскаго статута и учрежденіе Главнаго Литовскаго трибунала. Какъ потребности войны, заставлявшія короля искать новыхъ средствъ для ихъ удовлетворенія, такъ и созданіе новаго кодекса Княжества вызвали особенно сильное развитіе обще-Литовскаго съѣзда, который собирался въ эту эпоху особенно часто и особенно энергично работалъ надъ государственными дѣлами великаго княжества Литовскаго. Остановимся сначала на томъ, какъ отражалась Московская война на отношеніяхъ Баторія къ Литвѣ и чтó давала она сознанію Литовской особности и еще большему утвержденію ея.

Положеніе короля Стефана въ первый годъ его царствованія было чрезвычайно затруднительно. Война съ Москвою и съ Гданскомъ стояла передъ нимъ въ то время, когда ему нужно было упрочивать свое положеніе въ самой Речи Посполитой, примиряя съ собою сторонниковъ другихъ кандидатовъ на престолъ и знакомясь съ положеніемъ дѣлъ государственныхъ, входя въ трудную роль короля соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Послѣ возвращенія Стефана Баторія изъ его поѣздки въ Литву, предпринятой съ цѣлью окончательнаго примиренія съ собою Княжества, онъ, заѣхавъ въ Варшаву, отправился въ Пруссію. Въ Брестѣ Куявскомъ принесъ ему присягу Прусскій герцогъ, а въ Торунѣ присягнула королевская Пруссія, за исключеніемъ Гданска. Послѣдній отказался признать Баторія, продолжая свое возмущеніе противъ Польскаго короля, начатое еще въ царствова-

ніе послѣдняго Ягеллона [1]). Необходимо было силою покорить непокорный городъ, и Баторій созвалъ въ октябрѣ 1576 года сеймъ въ Торунѣ для постановленія податка на нужды войны [2]). Но этотъ сеймъ, открывшійся 4 октября 1576 года, не далъ королю того, что ожидалъ онъ отъ него. Въ то время, когда требовалась серьезная война съ Гданскомъ, не хотѣвшимъ признать своего подданства королю Речи Посполитой, а на востокѣ, на границахъ великаго княжества Литовскаго, нужно было ожидать усиленія военныхъ дѣйствій со стороны Москвы, обманувшейся въ своихъ видахъ на Польско-Литовскій престолъ для дома Владиміра Святого, съ запада же грозила опасность отъ Австріи, также недовольной неудачей Габсбургскаго дома въ дѣлѣ достиженія престола Речи Посполитой, сеймъ завелъ свои споры и пререканія съ королемъ, заставившія Стефана произнести его замѣчательныя слова, такъ ярко рисующія его личность. «Не въ хлѣву, но вольнымъ человѣкомъ родился я», сказалъ король, «и было у меня, что ѣсть и во что одѣться, прежде чѣмъ прибылъ я въ эту страну. Люблю мою свободу и храню ее въ цѣлости. Королемъ вашимъ я сталъ волею Божіею, вами избранный, прибылъ сюда вслѣдствіе вашихъ просьбъ и настояній, и вы сами возложили корону мнѣ на главу. Поэтому, я вашъ настоящій король, а не король, нарисованный на картинкѣ. Хочу царствовать и приказывать и не потерплю, чтобы кто-нибудь правилъ надо мною. Будьте стражами вольности вашей—то дѣло доброе, но не позволю, чтобы вы были бакалаврами для меня и моихъ сенаторовъ. Такъ храните вольность вашу, чтобы она не выродилась въ своеволіе» [3]).

Для исторіи отношеній Короны и Княжества Торунскій сеймъ имѣетъ большое значеніе. На немъ предъявили протестацію послы земскіе Литовскіе противъ поведенія Поляковъ по отношенію къ Литвѣ [4]). Изъ этой протестаціи узнаемъ, что, когда Поляки

---

[1]) См. разсказъ объ этомъ у Шуйскаго (Dz. Polski. III. Str. 64, 65).

[2]) «Листы соймовые, до всих становъ великого князства Литовского писаные, складаючи соймъ в Торуню в року 76 на ден св. Михала»—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 14—16 об.

[3]) *Heidenstein*. I. Str.. 265.

[4]) «Протестацыя послов вел кз Литовского противко становм Корунным, на сойме Торунском учиненая з стороны неданя обороны великому князству Литовскому водлуг списов унии.

Стефанъ Божъю милостью корол Полский... Ознаймуемъ тымъ листомъ

постановили вести войну съ Москвою и Гданскомъ посполитымъ рушеньемъ, а не наемнымъ войскомъ, Литовцы поставили имъ рядъ условій, которыя должны будутъ соблюдаться во время этого рушенья Коронныхъ обывателей и пребыванія ихъ въ

нашимъ, ижъ, будучи намъ господару зъ ихъ милостью паны-радами и послы земъскими короны Польское и великого князства Литовского на здешънемъ сойме сполномъ, в Торуню зложономъ, пришедъши передъ насъ послове земъские, которие з великого князства Литовского тутъ на съемъ теперешний яко для намовъ около оныхъ всихъ потребъ, тому сойму належачих, такъ особливе а наболей жадаючи обороны великому князству Литовскому от становъ Коруны Польское, водле списку Унии повинъное, отъправлены и посланы были, оповедали, ижъ по увесь часъ того сойму, уставичъне упоминаючи и домавяючи у становъ Коронъных обороны великому князству Литовскому, наконецъ за великимъ усилованьемъ и жоданьемъ тое обороны послове земъские короны Полекбе, инакъшого способу на тотъ часъ не найдуючи ку обороне коруны Польское и великого князства Литовского, на рушенье посполитое позволили и то намъ господару подали, которого ачъ послове з великого князства Литовского за певъными конъдыцыями и варунъками, а звлаща абы шкоды в тягненью отъ войска Корунъного обывателемъ великого князства Литовского не было, на сторону не отъкладали, ведже, кгды послове Корунъные на тые конъдыцыи и варунъки, менячи то быть противъко правомъ своимъ, не позваляли и жаднымъ способомъ в томъ рушенью посполитомъ статуту и конъстытуцый своихъ отъступити не хотели. А такъ послове з великого князства Литовского, бачечи с того рушенья посполитого большую шкоду, анижели пожитокъ свой, а праве упадъ оного паньства отъчизны своее и оказавъши то намъ при бытности ихъ милости пановъ-радъ нашихъ корунъных и великого князства Литовского, с тымъ ся яко именемъ своимъ, такъ тежъ и именемъ всее брати своее, в домехъ позосталое, обывателей великого князства Литовского, намъ оповедали и осветчали, ижъ того рушенья посполитого на оборону свою отъ становъ корунъных водъле звязку унии повинъную не приймують и на тое рушенье, яко оному паньству, отчизне ихъ, шкодъливое, ку уближенью а праве зъгубе ихъ постановъленое, не зезволяють а ни зезволять с тымъ докладомъ и варунъкомъ, абы тымъ способомъ обороны, ку уближеню ихъ вынайденымъ, станы корунъные не розумели, ижъ въ чиненью обороны великому князству Литовскому отъ нихъ водле списъку унии досыт ся стало. Для чого с тымъ ся особливе оповедают и осветчають, ижъ отъ становъ корунъныхъ обороны жадное водле повинъностей ихъ, на унии поприсяжоное, не мають, а рушенья того посполитого, без всякого порадъку поданого, на оборону свою не приймуючи, кгде бы, чого Боже уховай, тепер княз великий Московъский з войски своими вторженье до великого князства Литовского учинилъ а они бы в зменъшенью силъ своихъ за одешъемъ до Коруны певъныхъ земль и воеводствъ отъ великого князства Литовского отпору водле потребы тому неприятелеви и войскамъ его учинити не могли, а в томъ бы ся шкода якая значная тому паньству нашому великому князству Литовскому стати могла, або бы што моцью от того неприятеля взято было, абы то доброй славе и учъстивостямъ обывателей

предѣлахъ Княжества. Этими условіями, очевидно, Литовцы хотѣли обезпечить свое государственное достоинство и значеніе своихъ властей, равно какъ и безопасность своихъ обывателей отъ возможности обидъ и правонарушеній со стороны Коронной шляхты.

великого князства Литовского ничого не шкодило, але, если бы ся што, чого Боже уховай, отъ неприятеля стало, то бы все с прычинъ помененыхъ за зменъшеньемъ силъ великого князства Литовского и за непостановеньемъ слушного посилъку и порадное обороны деяло, што собе варуючи, яко панове-рады ихъ милость, такъ и послове земъские великого князства Литовского жедали насъ именемъ своимъ и всее братьи своее, обывателей великого князства Литовского, абыхмо тое оповеданье и осветченье ихъ до книгъ канъцлерыи нашое записати велели, такъ тежъ абы артыкулы, народу ихъ потребъные, зо Мъстибогова намъ у Варшаве поданые а на теперешний съемъ зъ Варъшавы отъложоные, кгдыжъ на здешнемъ сойме то сконъчитися не могло, на иный потомъ съемъ блиско пришлый отъложоны были. Которое оповеданье и осветченье пановъ-радъ и пословъ великого князства Литовского мы государъ принемъши такъ же и тые артыкулы, ижъ кгдыжъ ся на теперешнемъ сойме за коротъкостью часу водле потребы намовълены быти не могли и скутъку своего не взяли, на иный близко пришлый съемъ откладаемъ, а сесь нашъ листъ, рукою нашою подписавъши и печать нашу к нему приложити росказавъши, велели есмо до книгъ канъцлярии нашое уписати а преписы с книгъ во въси воеводъства и поветы великого князства Литовского, которимъ то належати будет, за печатю нашою давати, якожъ до воеводства (имя его) сесь преписъ того всего за печатью нашою выданъ есть. Писанъ у Торуню лета Бож нарож 1576 месеца декабра (число) дня». Документъ этотъ сохранился въ Литовской Метрикѣ въ нѣсколькихъ спискахъ. Мы издаемъ его, сличивъ три списка и исправивъ по нимъ описки отдѣльныхъ словъ. Эти списки слѣдующіе: 1) Лит. Метр $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 96 об.—98, 2) ibidem л. 98—99 об., 3) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 131—132 об. Различіе списковъ то, что они адресованы въ различные повѣты: первый—въ воеводство Троцкое, третій—Виленское, второй—«до повету Городенъского пану Грегорю Мосалскому подъсудку Городенъскому державцы Перстуньскому а пану Юрю Тишъковичу ротъмистру нашому, посломъ того повету вышей менованого сесь преписъ с того всего за печатью нашою выданъ есть». Даты документа: въ первомъ спискѣ—19 дек. 1576 г., во второмъ—декабрь 1576 года, въ третьемъ—10 дек. 1576 года. Различіе датъ объясняется тѣмъ, что не въ одинъ день, а въ разные потребованы были копіи этой протестаціи различными повѣтами Княжества. Экземпляръ этого документа, данный въ Виленское воеводство, изданъ въ Acta Historica Res Gestas Poloniae illustrantia T. XI. №. XLII. Онъ изданъ по копіи въ Tekach Naruszewicza (Vol. 85, d. 188) и напечатанъ латиницею, какъ онъ былъ переписанъ для Нарушевича (такъ написаны и тѣ томы «текъ» Нарушевича, которые поступили въ Библіотеку Главнаго Штаба). Мы считали необходимымъ, въ виду важности документа, переиздать его въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ Литовской Метрикѣ и какъ былъ написанъ при составленіи его.

Когда Поляки отказались принять эти условія, Литовцы отвергли посполитое рушенье, какъ Княжеству «шкодъливое, ку уближенью а праве зъгубе ихъ постановъленое». При этомъ они заявляютъ, чтобы Поляки не думали, будто они исполнили требованія Уніи, сдѣлавъ свое постановленіе о рушеньѣ,—Унію они нарушили, отказавъ въ дѣйствительной помощи Литвѣ. Если Княжество понесетъ новыя потери отъ Московскаго врага, то вина падетъ на Поляковъ, уменьшившихъ силы его черезъ отнятіе отъ него земель въ 1569 году и отказавшихъ ему теперь въ настоящей помощи. Кромѣ того настоящая протестація, внесенная въ книги канцеляріи королевской и выданная въ копіяхъ по повѣтамъ Литовскимъ, содержитъ въ себѣ обѣщаніе короля перенести на слѣдующій ближайшій сеймъ утвержденіе тѣхъ требованій Литвы, которыя были ему предъявлены въ іюнѣ 1576 года въ Варшавѣ и которыя не могли быть утверждены на Торунскомъ сеймѣ.

Итакъ, Торунскій сеймъ не имѣлъ тѣхъ результатовъ, на которые надѣялся король. Отъ посполитаго рушенья на охрану Литвы отказались сами Литовцы, да и король не могъ быть доволенъ его постановленіемъ Коронными станами. Талантливый вождь и превосходный знатокъ военнаго дѣла, онъ понималъ всю слабость боевыхъ качествъ собравшейся изъ своихъ имѣній, непривычной къ войнѣ и не обученной военному дѣлу шляхты съ ея пахолками, взятыми прямо отъ сохи. Время короля Стефана хорошо знало наемныя войска, состоявшія изъ солдатъ, спеціалистовъ своего дѣла, и посполитое рушенье, грозное прежде, уже не было такимъ въ эту эпоху. Возможность обращенія посполитаго рушенья вмѣсто военныхъ занятій и битвъ къ обсужденію государственныхъ дѣлъ—посполитое рушенье, вѣдь, было собраніемъ всего державнаго народа-шляхты viritim — дѣлала еще болѣе неудобнымъ пользованіе имъ. Вождь не можетъ быть доволенъ, когда войско вдругъ заявитъ ему, что настоящая власть принадлежитъ не ему, а самому войску, которое можетъ даже найти, что война не нужна, и разойтись по домамъ. Проволочки и обращенія посполитаго рушенья въ политическое собраніе сувереннаго народа-шляхты были неизбѣжными спутниками рушенья всего посполъства-шляхты на войну. Кромѣ того, невозможность дѣлить рушившуюся шляхту на отряды дѣлала рушенье не только мало полезнымъ, но даже вреднымъ для успѣха военныхъ дѣйствій: король долженъ былъ всюду тащить съ собою эту массу

плохихъ воиновъ, а между тѣмъ потребности минуты могли дѣлать это прямо невозможнымъ. Но дѣло Гданска требовало немедленнаго разрѣшенія. Связь его съ политикою Габсбургскаго дома, враждебною Баторію и опасною для всей Речи Посполитой, придавала ему особую опасность, и отложить походъ на непокорный городъ король не имѣлъ возможности. Послѣ отказа отъ посполитаго рушенья для короля оставался одинъ возможный способъ веденія войны, обратиться къ услугамъ наемныхъ солдатъ, людей служебныхъ. Но на ихъ наемъ нужны деньги, которыхъ лишилъ короля сеймъ, отказавшій ему въ поборѣ. А между тѣмъ въ мартѣ 1577 года въ Речь Посполитую вторглись Татаре, проникшіе до Дубна. Хотя они и были отражены тамъ Янушемъ Острожскимъ [1]), но, во всякомъ случаѣ, это было новое затрудненіе для находившагося и безъ того въ весьма тяжеломъ положеніи Баторія. Въ такомъ трудномъ положеніи король Стефанъ рѣшается обратиться съ просьбою о податкѣ ко всему народу Речи Посполитой, испытавъ неудачу въ своемъ обращеніи къ ея перламенту. Онъ созываетъ воеводскіе и повѣтовые сеймики, а послѣ нихъ съѣзды составныхъ частей государства для утвержденія испрашиваемаго королемъ податка. Такимъ образомъ поборъ утверждался каждою составною частью Речи Посполитой лишь для себя, а не вальнымъ сеймомъ для цѣлаго государства. 9 мая 1577 года состоялся главный сеймикъ Великопольскій въ Колѣ, на которомъ собрались Коронные паны-рада и земскіе послы повѣтовыхъ сеймиковъ воеводствъ Познанскаго, Калишскаго, Сѣрадзскаго, Ленчицкаго, Брестскаго, Иновлоцлавскаго, земли Добринской, Плоцкаго, Подляшскаго, Бѣльской земли и Равскаго [2]). Кольскій сеймикъ исполнилъ желаніе короля, поставивъ, однако, при этомъ слѣдующія условія: 1) его постановленіе сохраняетъ силу только въ томъ случаѣ, если подобныя постановленія будутъ сдѣланы и другими Коронными воеводствами; разумѣется, это не можетъ требоваться отъ тѣхъ воеводствъ, которыя уже выступили изъ своихъ домовъ in armis посполитымъ рушеньемъ; 2) выплатившія поборъ воеводства должны быть уже свободны отъ обязанности посполитаго рушенья противъ Гданска и Татаръ; 3) деньги, полученныя скарбомъ черезъ уплату этого побора, должны быть употреблены только на войну съ Гданскомъ и Татарами, а не на

---

[1]) См. *J. Szujski*. Dz. Polski III. Str. 69.

[2]) Żródła Dziejowe. T. IV. № LXV.

что-либо другое; 4) этими деньгами должно уплачиваться жолнерамъ не заслуженное уже ими жалованье, а жалованье за ихъ службу, начиная лишь со времени постановленія этого податка; 5) завѣдываніе этими деньгами, переданными скарбу поборцами, выбранными Кольскимъ сеймикомъ, должно быть въ рукахъ Короннаго подскарбія, который долженъ въ расходованіи ихъ дать отчетъ земскимъ посламъ на ближайшемъ сеймѣ, притомъ показавъ употребленіе ихъ исключительно на нужды обороны отъ Татаръ и на покореніе Гданщанъ. Исполняя желаніе Стефана Баторія, Великопольскій сеймикъ высказалъ, что созываніе сеймиковъ повѣтовыхъ и главныхъ безъ слѣдующаго за ними вальнаго сейма онъ находитъ новымъ и необычнымъ. Только въ виду особыхъ нуждъ государства, съ которыми ему приходится бороться въ данное время и которыя требуютъ поспѣшнаго принятія мѣръ, Кольскій сеймикъ исполняетъ королевское желаніе, предупреждая, однако, чтобы на будущее время нововведеніе, сдѣланное королемъ въ государственномъ порядкѣ обсужденія и постановленія податей, не повторялось болѣе. Въ инструкціи, которая была дана Кольскимъ сеймикомъ своимъ посламъ къ королю, поставлено ему на видъ и нарушеніе прежнихъ порядковъ созыванія главныхъ сеймиковъ Польскихъ: Корчинскій сеймикъ Малой Польши всегда двумя недѣлями предшествовалъ Кольскому сеймику Великой Польши, теперь же королемъ Стефаномъ сдѣлано какъ разъ наоборотъ, и главный сеймикъ Великопольскій уже закончился, когда Малопольскій еще и не открывался [1]). Въ своемъ отвѣтѣ посламъ главнаго сеймика Великополянъ король, благодаря за постановленіе побора, объяснялъ, что мысль о созваніи повѣтовыхъ и главныхъ сеймиковъ принята имъ по совѣщаніи съ сенатомъ, который въ многолюдномъ своемъ собраніи (in frequentissimo senatu), собранный на конвокацію во Вроцлавкѣ, совѣтовалъ ему такъ поступить. Баторій говорилъ, что Великопольскій главный сеймикъ созванъ имъ прежде Малопольскаго лишь потому, что этого потребовали короткость времени и пребываніе короля въ Великой Польшѣ въ данную минуту: листы королевскіе, поэтому, могли дойти скорѣе въ повѣты Великопольскіе, чѣмъ Малопольскіе [2]). Такъ просто указаніемъ на реальную дѣйствительность и ея потребности отвѣчалъ король на тѣ страхи нарушенія буквы закона и обычая, въ которыхъ уже тогда обнаруживалась наклонность

[1]) Źródła Dziejowe. T. IV. № LXVI. [2]) Ibidem. № LXXXIV.

политическаго строя Речи Посполитой замереть въ окаменѣлой неподвижности.

15 мая 1577 года желанный для короля поборъ былъ постановленъ Мазовецкимъ главнымъ сеймикомъ, собравшимся въ Варшавѣ [1]) и Корчинскимъ главнымъ сеймикомъ Малой Польши [2]), обсуждавшими его въ одинъ и тотъ же день. Оба эти съѣзда, Варшавскій и Корчинскій, были не только собраніемъ пановъ-рады и земскихъ пословъ повѣтовыхъ сеймиковъ,—на нихъ находились и простые шляхтичи, не имѣвшіе полномочій посольскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, инструкція посламъ Мазовецкаго главнаго сеймика къ королю писана отъ кашталяновъ, урядниковъ и дигнитарей земскихъ, а также пословъ и рыцерства воеводства Мазовецкаго [3]); инструкція посламъ съѣзда Малопольскаго написана также отъ пановъ-радъ и всего рыцерства Малой Польши [4]), а удостовѣреніе, «листъ верущій» (litterae fidei) этимъ посламъ Малопольскимъ и прямо говоритъ, что за оповѣщеніемъ королевскимъ съѣхались въ Новое Мѣсто Корчинъ всѣ вмѣстѣ какъ паны-рада, такъ многіе изъ рыцерства и много пословъ Малопольскихъ [5]). Такимъ образомъ, главные сеймики Мазовецкій и Малопольскій въ 1577 году состояли не только изъ сенаторовъ и пословъ сеймиковъ повѣтовыхъ, но на нихъ присутствовали и тѣ шляхтичи, которые пожелали. Они представляли, слѣдовательно, собою не только Мазовецкую и Малопольскую части сейма, но къ нимъ присоединилась и часть шляхты-посполъства повѣтовъ, т.-е. съ этою частью сейма сливались и части повѣтовыхъ сеймиковъ. Съѣзды Варшавскій и Корчинскій исполнили желаніе королевское, вотировали поборъ въ размѣрѣ, установленномъ Люблинскимъ сеймомъ 1569 года, и, также какъ Кольскій, выбрали его сборщиковъ [6]). Они тоже не преминули указать Баторію на нарушеніе имъ старыхъ обычаевъ и порядковъ созыва сеймиковъ и, кромѣ того, отложили до сейма нѣкоторые поставленные королемъ вопросы, какъ не подлежащіе ихъ компетенціи (монетный дворъ). Но король достигъ своей главной цѣли—средства для найма жолнеровъ были пріобрѣтены ото всей Короны. Оставалось только получить ихъ отъ земель, соединенныхъ съ Короною Уніею, т.-е. отъ Литвы и отъ Пруссіи. Требованіе этого предъявилъ королю и Корчинскій главный сеймикъ Малопольскій, настаивая, чтобы

---

[1]) Ibidem. № LXXXVI. [2]) Ibidem. № LXXXIX.
[3]) Ibidem. № LXXXVII. [4]) Ibidem. № LXXXIX. [5]) Ibidem. № LXXXVIII.
[6]) Ibidem, №№ LXXXVII, XCI.

паны Литва и Пруссаки несли одинаковыя съ Польшею тяжести, такъ какъ это они должны дѣлать вслѣдствіе заключенія Уніи [1]). И дѣйствительно постановленіе этого побора было предложено королемъ и Литвѣ, Литовскому Волковыйскому съѣзду.

Главный сеймикъ Литовскій для установленія въ великомъ Княжествѣ побора на расходы войны съ Гданскомъ и Татарами былъ созванъ Стефаномъ Баторіемъ въ Волковыйскѣ черезъ двѣ недѣли послѣ повѣтовыхъ сеймиковъ, которые должны были открыться за два дня до Иванова дня, т.-е. 22 іюня [2]). Передъ этими сеймиками были разосланы, конечно, королевскіе универсалы въ повѣты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особые королевскіе листы лицамъ, которымъ обыкновенно посылались таковые передъ сеймиками. Изданы въ печати два листа Баторія къ двумъ самымъ выдающимся панамъ-радамъ великаго княжества Литовскаго—Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу [3]) и Виленскому кашталяну Яну Еронимовичу Ходкевичу [4]). Оба эти документа совершенно тождественны между собою за исключеніемъ лишь небольшой вставки, всего въ нѣсколько словъ, въ листѣ Ходкевичу, говорящей о возможности нахожденія его во время сеймиковъ не въ великомъ Княжествѣ, а въ Лифлянтской землѣ, администраторомъ и гетманомъ которой онъ былъ; да сверхъ того еще различаются оба листа тѣмъ, что въ листѣ Радивилу король проситъ о его дѣйствіи на сеймикѣ въ качествѣ воеводы, а въ листѣ Ходкевичу — его, какъ кашталяна. Дословное сходство во всемъ остальномъ обоихъ листовъ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что въ нихъ мы имѣемъ не спеціальные листы къ Радивилу и Ходкевичу, а общіе листы ко всѣмъ старшимъ панамъ-радамъ, а можетъ быть и ко всѣмъ сенаторамъ Литовскимъ вообще, т.-е. къ старшимъ и младшимъ. Слѣдовательно, эти листы должны являться для насъ источникомъ для изученія общей подготовки предстоящихъ сеймиковъ и съѣзда во всѣхъ повѣтахъ Литовскихъ. Король разсказываетъ въ нихъ о своеволіи и бунтовскихъ дѣйствіяхъ Гданщанъ, о невозможности, благодаря имъ, защитить Волынь и Подолію отъ Крымцевъ, которые дѣйствуютъ, подстрекаемые и поддерживаемые Москвою. У короля нѣтъ другихъ средствъ для борьбы со всѣми этими врагами Речи Посполитой

---

[1]) Ibidem. № LXXXIX.

[2]) Вил. Арх. Сб. IV. № 22. Acta Hist. R. G. P. ill. XI. № LIII.

[3]) Acta. H. R. G. P. ill. XI. № LIII. [4]) Вил. Арх. Сб. IV. № 22.

кромѣ посполитаго рушенья, постановленнаго Торунскимъ сеймомъ. Не видя другого исхода, Баторій уже приказалъ обнародовать вици въ Коронѣ и военные листы въ Княжествѣ о сборѣ посполитаго рушенья. Но паны-рада, съѣхавшіеся къ королю на конвокацію во Вроцлавокъ, посовѣтовали ему «до того остатнего лекарства не утекать», а сначала собрать повѣтовые сеймики и предложить имъ, чтобы они королю «дорогу показали до забеженья тому упадку речи посполитое». Король рѣшилъ поступить такъ, какъ ему совѣтовали паны-рада. Онъ уже назначилъ сеймики повѣтовые Малопольскіе и Великопольскіе, а также генеральные для Великой и Малой Польшъ въ Колѣ и Корчинѣ. Хотя Баторій и отправилъ посольство къ великому князю Московскому, но нельзя надѣяться на хорошіе результаты его: Москва «пріязнитъ» съ Крымомъ; Гданщанамъ же все это придаетъ смѣлости. Великому княжеству Литовскому, поэтому, не менѣе, чѣмъ Коронѣ, нужно «убезпеченье», а такъ какъ «въ одной речи посполитой обои панства замыкаютъ ся и сполне вси потребы речи посполитое поносити маютъ», то король и назначаетъ во всѣхъ повѣтахъ Княжества повѣтовые сеймики на 22 іюня, а черезъ двѣ недѣли послѣ нихъ «головный соймикъ» въ Волковыйскѣ» тымъ же обычаемъ, яко въ Польщѣ, въ Колѣ и въ Корчинѣ». На эти сеймики, какъ повѣтовый, такъ и главный, приглашается Стефаномъ Баторіемъ панъ-рада для того, чтобы онъ на нихъ «посполу зъ иншими станы достаточне намовы учинилъ, а зъ мѣстца и достоенства своего иншимъ прикладомъ и поводомъ былъ». Отъ общей «намовы» Литовскихъ становъ король ожидалъ для себя указанія «дороги» для разрѣшенія всѣхъ потребностей государства, которыя у него есть въ данную минуту. Король самъ понимаетъ, что созываемые имъ сеймики не соотвѣтствуютъ постановленіямъ статута и созываются не согласно съ нимъ, но это созваніе вызываютъ исключительныя затрудненія, въ которыхъ находится Речь Посполитая. При созывѣ сеймиковъ передъ слѣдующимъ сеймомъ король уже не нарушитъ статута, и панъ-рада долженъ это на обоихъ сеймикахъ, на которыхъ будетъ, т.-е. и на повѣтовомъ, и на головномъ, «всимъ достаточне преложити и вывести, ижъ бы того за уближенье права посполитого не брано». Если нужно, Баторій готовъ удостовѣрить это и особыми своими листами. Канцлеру великаго княжества Литовскаго Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу отсылаются королемъ листы объ этихъ сеймикахъ въ повѣты. Вмѣс-

тѣ съ ними присылается и инструкція королевскому послу въ Браславскій повѣтъ (воеводства Радивила), во-первыхъ, для того, чтобы канцлеръ, прочитавъ ее, познакомился съ тѣмъ, что будутъ говорить на повѣтовыхъ сеймикахъ королевскіе послы отъ имени государя (во всѣ повѣты посланы инструкціи тождественныя), и, во-вторыхъ, для того, чтобы Радивилъ самъ выбралъ посла въ Браславскій повѣтъ и вписалъ его имя въ инструкцію запечатавъ ее своею печатью. Кромѣ того, къ канцлеру посылается списокъ всѣхъ пословъ, назначенныхъ королемъ на повѣтовые сеймики. Королевскіе листы о созваніи сеймиковъ въ повѣты канцлеръ долженъ переслать къ земскому подскарбію для ихъ разсылки. Король уже приказалъ ему писать, чтобы онъ не замедлилъ ихъ отосланіемъ по повѣтамъ [1]). Изъ Мальборка 23 мая 1577 года, т.-е. уже послѣ состоявшихся постановленій о поборѣ, сдѣланныхъ Коронными главными сеймиками, Баторій вновь пишетъ къ Николаю Радивилу и, конечно, ко всѣмъ остальнымъ Литовскимъ сенаторамъ о предстоящихъ сеймикахъ великаго Княжества. Король посылаетъ копію постановленія Корчинскаго сеймика за подписью писаря, прибавляя, что постановленіе сеймика Кольскаго установляетъ оборону государства такъ же, какъ и Корчинскаго, и панъ-рада долженъ вести сеймики, и повѣтовый, и главный, къ такому же постановленію, какое сдѣлано о поборѣ Малою и Великою Польшами [2]).

Но главный Литовскій сеймикъ заставилъ Баторія нѣкоторое время безпокоиться объ его исходѣ. Только 27 іюля король получилъ желанное извѣстіе о благополучномъ его окончаніи и о постановленіи испрашиваемаго Стефаномъ Баторіемъ податка [3]). Постановленіе Волковыйскаго сеймика состоялось 17 іюля 1577 года [4]). Въ Волковыйскъ собрались Литовскіе паны - рада, врядники столовые и дворные, маршалки королевскіе, врядники земскіе, а также послы со всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ Княжества, которые были высланы на съѣздъ «съ сеймиковъ повѣтовыхъ зъ моцью и зъ инструкціями достаточными отъ всихъ становъ ры-

---

[1]) Acta H. R. G. P. ill. XI. № LIV. [2]) Ibidem. № LVI.

[3]) Ibidem. № LIX.

[4]) А. Вил. III. Стр. 271—277. Тотъ же документъ изданъ въ A. H. R. G. P. ill. IX. № LVIII, но только переписаннымъ латиницею, въ измѣненномъ такимъ образомъ видѣ. Сверхъ того, въ послѣднемъ изданіи пропущено число іюля (17). Въ четвертой строкѣ съ конца въ этомъ изданіи ошибка: нужно читать не poborow, но poborców.

церства, въ домѣхъ позосталого». Такимъ образомъ, по составу своему этотъ съѣздъ 1577 года былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Литовскій сеймъ до Люблинской Уніи; не достаетъ только присутствія короля для того, чтобы мы могли совершенно отождествить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, обозначеніе пословъ повѣтовыхъ отдѣльно отъ врядниковъ заставляетъ полагать, что врядники прибыли на съѣздъ не въ качествѣ пословъ сеймиковыхъ, а по своему положенію, какъ должностныя лица. Спольный Литовско-Польскій сеймъ не знаетъ такого отдѣла сеймующихъ, онъ знаетъ только сенатъ и посольскую избу, въ которой могутъ засѣдать и врядники, но лишь въ томъ случаѣ, если они являются послами земскими повѣтовыми. Собравшійся въ Волковыйскѣ съѣздъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее. Король и великій князь Литовскій Стефанъ далъ знать всѣмъ станамъ Литовскимъ, чтобы они собрались на повѣтовыхъ сеймикахъ и, поразмысливъ тамъ о «потребахъ» Речи Посполитой и защитѣ великаго княжества Литовскаго, съѣхались на главный сеймикъ въ Волковыйскъ «ку дальшому а достаточнейшему постановенью». Станы Литовскіе находятъ такое созваніе повѣтовыхъ и главнаго сеймиковъ «звыклому обычаю и правомъ и вольностямъ» своимъ «противнымъ» и заявляютъ, что они не должны были собираться на нихъ: сеймики собираются лишь передъ вальнымъ сеймомъ, а теперь король не созываетъ послѣдняго. Станы только въ виду нуждъ и опасностей для самого великаго княжества Литовскаго исполнили королевскую волю и съѣхались сначала на повѣтовыхъ сеймикахъ, а потомъ и на главномъ, Волковыйскомъ. Это сдѣлано притомъ «не въ обычай самого напотомъ признанія соймиковъ повѣтовыхъ незвыклыхъ», но исключительно въ виду опасностей и нуждъ Литвы. Собравшись на съѣздъ, станы Княжества прежде всего права и вольности свои «добре уважили» и постановили, что сеймики 1577 года никогда не могутъ пойти имъ въ «пошлину», что эти сеймики, назначенные съ нарушеніемъ ихъ правъ, собирались лишь потому, что они сами по доброй своей волѣ, а не по обязанности «на тотъ только часъ учинили». Въ своихъ дальнѣйшихъ «намовахъ» съѣздъ призналъ опасности, которыя грозятъ великому Княжеству со стороны «головного а дѣдичного непріятеля того панства, великого князя Московского», съ которымъ не заключено «певнаго» договора; грозятъ онѣ также и отъ Татаръ, которые опустошаютъ границы государства. Хотя станы Литовскіе повинны и готовы, по примѣру предковъ, противъ каждаго

врага «силами и персями» своими «въ рушенью посполитомъ военномъ застановляти ся», но, соблюдая свои права и вольности, они не должны «рушенья посполитого чинити» безъ участія въ немъ самого короля и безъ «становъ Польскихъ». Вслѣдствіе всего этого, съѣздъ, «чинячи сами собе и тому панству великому князству Литовскому оборону, на люде служебные, *ку потребамъ того самого панства, великого князства Литовского, а не на што иного»*, постановляетъ и «уфаляетъ» податокъ со всѣхъ имѣній, находящихся въ Княжествѣ, никого и ничьихъ имѣній отъ него не освобождая. Король, духовенство, паны - рада, князья, паны, земяне и всѣ обыватели великаго княжества Литовскаго должны ему подлежать. Всѣ имѣнія, и дѣдичныя, и заставныя, и дожизотныя, всѣ подданные ихъ и всѣ живущіе въ великомъ Княжествѣ, которые только «земли подъ собою держатъ», должны платить его въ размѣрѣ, точно опредѣляемомъ постановленіемъ съѣзда для каждаго разряда жителей. Постановленный податокъ отдается поборцамъ, выбраннымъ въ повѣтахъ,—особому поборцѣ въ каждомъ повѣтѣ. Уфала съѣзда перечисляетъ ихъ поименно. Податокъ долженъ быть выданъ, начиная ото дня праздника Панны Маріи Зельной (15 августа) до дня св. Михаила (29 сентября) въ текущемъ 1577 году. Не уплатившіе податка до дня св. Михаила подлежатъ взысканію его въ двойномъ размѣрѣ. Получая деньги, поборцы выдаютъ свои квиты, «квитуютъ». Выбравши податокъ, повѣтовые поборцы должны передать собранныя деньги главнымъ поборцамъ въ Вильнѣ на день св. Шимона Іуды (28 октября). Здѣсь они должны «личбу достаточную съ присегою тѣлесною учинити», какъ въ томъ, что «справедливе» выбрали податокъ, такъ и въ томъ, что передали все собранное сполна и не имѣютъ въ своемъ повѣтѣ податокъ утаившихъ. За трудъ повѣтовымъ поборцамъ съѣздъ назначилъ вознагражденіе, а именно по 2 гроша Литовскихъ отъ копы собранныхъ денегъ и по грошу отъ квитанціи, выданной ими. Главными поборцами и шафарами этого податка съѣздъ избираетъ и депутуетъ слѣдующихъ лицъ: 1) со стороны пановъ - рады—подскарбія земскаго и писаря Княжества старосту Пинскаго державцу Олитскаго и Квасовскаго Лаврина Войну и 2) «зъ стороны княжатъ, панятъ, врадниковъ дворныхъ, земскихъ и всихъ становъ рыцерства» — крайчія королевскаго Литовскаго Яна Кишку и королевскаго маршалка судью земскаго Новгородскаго Мальхера Сновскаго. Отбираніе податка отъ повѣтовыхъ поборцевъ главными, которые должны жить въ Вильнѣ,

начнется ото дня св. Михаила и будетъ продолжаться до дня св. Шимона Іуды въ текущемъ 1577 году. Кто изъ повѣтовыхъ поборцевъ не передастъ собранныхъ денегъ этимъ депутатамъ и не представитъ имъ отчета (личбы), тотъ подлежитъ конфискаціи имѣнія и движимости. «Квиты противные и реистра личбъ» повѣтовыхъ поборцевъ за ихъ печатями и подписями должны также отъ нихъ взять депутаты. Вознагражденіе за трудъ главнымъ поборцамъ назначено съѣздомъ слѣдующее: Лаврину Войнѣ и Яну Кишкѣ по триста, а Мальхеру Сновскому сто шестьдесятъ копъ грошей Литовскихъ. Но Волковыйскій съѣздъ не ограничился выборомъ повѣтовыхъ и главныхъ поборцевъ. Кромѣ нихъ онъ еще выбралъ цѣлую коммиссію для наблюденія за тѣмъ, чтобы собранныя, какъ податокъ, съ Княжества деньги расходовались исключительно на тѣ земскія нужды, на удовлетвореніе которыхъ онѣ назначены съѣздомъ. Въ составъ этой коммиссіи вошли изъ пановъ - радъ Литовскихъ два первые сенатора Литвы — Валеріянъ бискупъ Виленскій и Николай Радивилъ князь на Биржахъ и на Дубинкахъ Виленскій воевода канцлеръ Литовскій староста Лидскій и Ошменскій. Со стороны шляхты ея членами были: Станиславъ Нарушевичъ Виленскій тивунъ и Станиславъ Станкевичъ [1]) Бѣловичъ подкоморій Жомоитскій тивунъ Ойрагольскій. Эта коммиссія, когда увидитъ дѣйствительную и настоятельную потребность въ «людяхъ служебныхъ», должна съѣхаться въ Вильнѣ съ депутатами, назначенными къ пріему податковыхъ денегъ отъ повѣтовыхъ поборцевъ, и здѣсь вмѣстѣ съ ними установить, на сколько «людей служебныхъ» и на какое время ихъ содержанія нужно отпустить средства изъ собранныхъ со всего Княжества этимъ поборомъ денегъ. При этомъ всѣ уполномоченныя на эти расходы лица должны «пильне того стеречи», чтобы «намнѣйшей шафунокъ того податку нигдѣ индей ся не чинилъ, одно на властную певную кгвалтовную потребу и оборону речи посполитое того панства», т.-е. только великаго княжества Литовскаго. Дѣлать это они обязаны «подъ вѣрою и цнотою своею». Контроль расходованія собранныхъ земскихъ денегъ долженъ быть до такой степени тщательнымъ, что, въ случаѣ надобности отпуска суммы изъ нихъ, одинъ изъ главныхъ поборцевъ обязанъ лично ѣхать съ требуемыми деньгами къ войску и выдать деньги лишь въ

[1]) Въ А. Вил. III (стр. 278) напечатано Станисевичъ вмѣсто Станкевичъ. Но это, конечно, ошибка. См. *А. Boniecki.* Poczet Rodów. Str. 6.

томъ случаѣ, если выдача будетъ дѣйствительно необходима. Если же онъ не увидитъ дѣйствительной «потребы людей служебныхъ», то долженъ вернуться съ привезенными деньгами обратно и возвратить ихъ въ то «схованье», откуда взялъ. Въ случаѣ израсходованія этихъ денегъ всѣхъ на наемъ людей служебныхъ речь посполитая (т. е. Литовская) не станетъ о нихъ «у пановъ головныхъ упоминатися», т.-е. требовать объясненій въ этомъ расходѣ. Если не окажется надобности въ наймѣ солдатъ, главные депутаты должны «подъ вѣрою своею ку речи посполитой» сохранять ихъ въ цѣлости и полной неприкосновенности. Въ деньгахъ этихъ главные депутаты имѣютъ дать отчетъ всѣмъ станамъ Литовскимъ на ближайшемъ обычномъ Волковыйскомъ главномъ сеймикѣ, который соберется передъ вальнымъ сеймомъ. Съѣздъ обязуется выполнить свое настоящее постановленіе и дѣлаетъ это «добрымъ словомъ» всѣхъ присутствующихъ за себя лично, а пословъ повѣтовыхъ за всю братію, «въ домѣхъ позосталую». Утверждая актъ своего постановленія своими подписями и печатями, станы Литовскіе, собравшіеся на главный сеймикъ, еще разъ заявляютъ, что настоящее ихъ постановленіе является добровольнымъ и исключительнымъ, сдѣланнымъ только ввиду чрезвычайныхъ и настоятельныхъ нуждъ земскихъ, и не можетъ служить къ ущербу правъ и вольностей Княжества. Въ заключеніе съѣздъ постановляетъ, чтобы и король разрѣшилъ сборъ постановленнаго Литовскими станами податка со своихъ столовыхъ имѣній.

Постановленіе Волковыйскаго сеймика 1577 года является въ высшей степени характернымъ для отношеній Княжества къ Коронѣ. Несмотря на то, что главныя нужды, которыя въ то время были у короля, – война съ Гданскомъ и Татарами, Литовскій съѣздъ строго опредѣляетъ расходованіе постановленнаго имъ податка исключительно на нужды Княжества, игнорируя потребности Короны. Строгій контроль учреждается съ цѣлью помѣшать расходованію хотя одного Литовскаго гроша на Польскія надобности. Литва и не могла поступить иначе, такъ какъ Польша первая въ эпоху безкоролевій показала Княжеству, какъ должна себя держать отдѣльная часть соединеннаго государства, т.-е. заботиться исключительно о себѣ, предоставляя другую ея собственнымъ средствамъ. Въ высшей степени важнымъ является и постановленіе о томъ, чтобы свой отчетъ въ податковыхъ Литовскихъ деньгахъ главные депутаты представили не спольному

сейму, а обще-Литовскому съѣзду. Если отдѣльное, сдѣланное не на общемъ сеймѣ постановленіе податка было нарушеніемъ акта Уніи 1569 года, то отчетъ на съѣздѣ являлся открытымъ провозглашеніемъ Литвою своей полной самостоятельности въ своихъ дѣлахъ, заявленіемъ того, что дѣла Литвы, даже такого первостепеннаго значенія, какъ оборона ея, не касаются Поляковъ, если они не требуютъ отъ нихъ непосредственной помощи и содѣйствія въ томъ или другомъ видѣ. Нарушеніе статьи акта Уніи шло отъ короля и конвокаціи сената, отрицаніе права Короны на участіе въ дѣлахъ Княжества, въ которыхъ не было совмѣстнаго дѣйствія Поляковъ и Литовцевъ, шло отъ самихъ становъ Литовскихъ.

Стефанъ Баторій съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата созваннаго имъ Волковыйскаго главнаго сеймика Литвы. Онъ пишетъ 27 іюля изъ обоза у Гловы Николаю Радивилу, а вѣроятно, и другимъ панамъ-радамъ Литовскимъ, вновь разсказывая о затрудненіяхъ и нуждахъ соединеннаго государства. Король говоритъ о своемъ невѣдѣніи исхода Волковыйскаго съѣзда, но опасеніе за него было напрасно. Когда королевскій листъ къ Радивилу былъ уже написанъ, король получилъ листы съ Волковыйскаго главнаго сеймика, что должно было успокоить его, хотя онъ и недоволенъ размѣрами податка и медленностью его выдачи. Нужды государства и потребность немедленной защиты его уже заставили Баторія въ это время обратиться къ Литвѣ съ призывомъ всѣмъ спѣшить на спасеніе отчизны, какъ для гашенія огня, который охватилъ пожаромъ Речь Посполитую [1]). Какъ бы то ни было поборъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ былъ постановленъ съѣздомъ Волковыйскимъ и былъ собранъ. До насъ дошли и квитанціи его пріема повѣтовыми поборцами [2]).

Когда въ концѣ 1577 года Гданскъ былъ окончательно усмиренъ [3]), Стефанъ Баторій получилъ возможность отдать себя всецѣло Московской войнѣ. Янъ Ходкевичъ, какъ администраторъ Лифляндіи, давно уже взывалъ къ королю о помощи противъ Москвы, дѣлая это своимъ именемъ и именемъ Литвы [4]). Мы уже видѣли

[1]) A. H. R. G. P. ill. XI. № LIX. «Листы, писаные до панов-рад и всих станов вел кз Литовского, радечи и жедаючы, абы готовост военъную способляли». Лит. Метр. $\frac{IA}{56}$ л. 20—20 об. (Дата: Кнышинъ 25 іюля 1576 года).

[2]) Квитанція поборцы Новгородскаго повѣта Щаснаго Друцкаго. Вил. Арх. Сб. III. № 28.

[3]) *Heidenstein.* I. Str. 278. [4]) Ibidem. Str. 276.

распоряженіе короля о готовности Княжества къ отраженію врага. Когда еще Баторій стоялъ подъ Гданскомъ, онъ обратился съ призывомъ къ Литовской шляхтѣ, призывая ее подъ команду Литовскаго великаго гетмана Виленскаго воеводы Николая Радивила [1]), а въ январѣ 1578 года сеймъ рѣшилъ войну съ Москвою и постановилъ податокъ на ея веденіе [2]). Мы не знаемъ, были ли исполнены на этомъ сеймѣ тѣ требованія, которыя предъявило Княжество Баторію въ Варшавѣ передъ признаніемъ его своимъ государемъ и которыя были отложены имъ сначала на Торунскій сеймъ, а потомъ на Варшавскій 1578 года. Какъ увидимъ ниже, не всѣ Литовскія постановленія, утверждаемыя королемъ на сеймахъ, вносились въ сеймовыя конституціи, и отсутствіе Литовскихъ артикуловъ 1576 года въ конституціи 1578 года, поэтому, не можетъ вполнѣ убѣдительно доказывать ихъ неутвержденія. Однако, въ эту конституцію было внесено важное постановленіе, отвѣчающее Литовскимъ желаніямъ,—о томъ, чтобы были отдѣльные монетные дворы въ Коронѣ и Княжествѣ [3]). Что касается до Баторія лично, то нужно думать, онъ былъ готовъ сдѣлать все возможное для того, чтобы находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Княжествомъ ввиду войны съ Москвою, во время которой ему придется постоянно нуждаться въ жертвахъ Литовскаго народа. Изъ Сендоміра, отъ 28 апрѣля 1578 года, король проситъ совѣта Литовскихъ сенаторовъ въ затруднительныхъ дѣлахъ государственныхъ [4]). Но дѣла внутреннія идутъ своимъ чередомъ и также требуютъ къ себѣ вниманія. Разграниченіе земель Короны и Княжества съ болѣе точнымъ и вдумчивымъ опредѣленіемъ границъ ихъ, чѣмъ это было сдѣлано въ 1569 году, когда были оторваны отъ Литвы ея земли, требовало назначенія коммиссіи для совершенія его. Еще на Торунскомъ сеймѣ 1576 года паны-рада и послы земскіе Литовскіе указывали на то, что обыватели Берестейскаго воеводства привлекаются въ административно-судебный округъ воеводства Подляшскаго, прося, чтобы

---

1) Ibidem. Str. 283, 284. *Рейнгольда Гейденштейна.* Записки о Моск. войнѣ (1578—1582). Спб. 1889. Стр. 5, 6.

2) Vol. leg. II. Str. 191—198 (поборовый универсалъ). *Heidenstein.* I. Str. 286, 287. Зап. о Моск. в. Стр. 9—11.

3) „Uchwałą seymu tego, iż potrzeba iest pilna bić swą myńcę, tak w Litwie iako w Polszcze: a obcą iednę wywołac, a drugą oszacować. To wszystko uczyniemy y opatrzemy wedle namow. Seymu tego, przestrzegaiąc, aby to było ku pożytkowi, nie szkodzie Korony y Państw naszych.» Vol. leg. II. Str. 189.

4) A. H. R. G. P. ill. XI. № LXXIII.

воеводству Берестейскому не дѣлалось «уближенья» въ его границахъ [1]). На Варшавскомъ сеймѣ 1578 года Берестейскіе послы вновь возобновили свою просьбу, и наконецъ коммиссія для разграниченія, составленная изъ Поляковъ и Литовцевъ, получила предписаніе начать свои дѣйствія. Это предписаніе было дано *за обѣими печатями—Коронною и Литовскою* [2]). Обѣ же печати скрѣпили и королевскую грамоту о сложеніи съ себя Яномъ Ходкевичемъ администраторства въ Ливоніи [3]). Такимъ образомъ, если Литовцы не успѣли сохранить своей печати на сеймовыхъ конституціяхъ, то они зорко охраняютъ ее на другихъ актахъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Поляками.

Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ побѣдоносной войны Стефана Баторія съ Москвою, но мы должны отмѣтить въ исторіи этой войны то, что было характернымъ для взаимныхъ отношеній обѣихъ частей соединеннаго государства. Историкъ войны Московской, вовсе не расположенный къ Литовцамъ вообще, отмѣчаетъ великую готовность Литовскихъ пановъ служить въ этой войнѣ королю и государству. Когда Баторій прибылъ въ 1579 году въ Городну, находясь въ большомъ затрудненіи, такъ какъ податковыя деньги, установленныя сеймомъ 1578 года, еще не поступали въ скарбъ [4]), Литовскіе паны, узнавъ объ его затрудненіяхъ, дали обѣщаніе выставить добровольно такое число солдатъ, какое только каждый изъ нихъ дать въ силахъ, и подали при этомъ королю списки этихъ своихъ отрядовъ. Число добровольно обѣщанныхъ королю Литовскими панами солдатъ дошло до 10 тысячъ, что совершенно ободрило пріунывшаго короля [5]). Уже въ Вильнѣ 30 іюня приведены были къ Стефану Баторію отряды Радивиловъ и Кишки [6]). Затѣмъ прибыли 900 человѣкъ коннаго отряда Яна Ходкевича [7]), который самъ остался дома, задержанный недугомъ, отъ котораго ему уже не суждено было оправиться, такъ какъ въ томъ же 1579 году онъ и

[1]) Библіотека Главнаго Штаба. Akta Historyczne № 2901. XI. Названіе документа: „Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithvaniae et Palatinatum Podlachiae“.

[2]) A. H. R. G. P. ill. XI. № CV.

[3]) Żródła Dziejowe. T. XI. № XXII.

[4]) Кромѣ того, не поступилъ еще весь податокъ, постановленный въ Княжествѣ Волковыйскимъ главнымъ сеймикомъ 1577 года. Vol. leg. II. Str. 195.

[5]) Зап. о М. в. Стр. 38—39. *Heidenstein.* I. Str. 303.

[6]) Зап. о М. в. Стр. 42. *Heidenstein.* I. Str. 305.

[7]) Зап. о М. в. Стр. 46. *Heidenstein.* I. Str. 308.

скончался. Присоединились отряды и Стефана Збаражскаго, Николая Дорогостайскаго, Юрія Зеновевича, Яна Глѣбовича и многихъ другихъ Литовскихъ пановъ [1].

Московская война дала массу случаевъ и представила массу поводовъ для того, чтобы ясно обнаружились истинныя отношенія Польскаго и Литовскаго народовъ, а описанія ея сохранили факты, рисующіе ихъ [2]. Обратимся же къ этимъ фактамъ и остановимся на нихъ, не входя въ подробное изложеніе исторіи самой войны. Прежде всего необходимо отмѣтить, что во время войны строго различались всегда отряды Литовскіе и отряды Польскіе [3]. Литовцы не смѣшиваются съ Поляками, а всегда держатся отъ нихъ отдѣльно, составляя особые отдѣлы въ войскѣ Стефана Баторія. Отношенія обоихъ народовъ во время походовъ, осадъ городовъ и лагерныхъ стоянокъ полны взаимнаго недовѣрія, враждебности и постояннаго различенія Литовскаго и Короннаго. Когда на сеймѣ 1579 года былъ поднятъ вопросъ о томъ, вести ли королю военныя дѣйствія лично, или черезъ своихъ намѣстниковъ, въ числѣ соображеній за непосредственное его участіе въ руководствѣ военными дѣйствіями было высказано и то, что «присутствіе его будетъ полезно для ослабленія раздоровъ, могущихъ возникнуть изъ-за соперничества между Польскими и Литовскими должностными лицами» [4]. Въ самомъ дѣлѣ присутствіе короля въ войскѣ ввиду характера взаимныхъ отношеній Поляковъ и Литовцевъ было необходимо. Литовцы были недовольны назначеніемъ главнокомандующимъ Поляка Яна Замойскаго, Короннаго канцлера и друга Стефана Баторія (за котораго

[1]) Зап. о М. в. Стр. 45—46. *Heidenstein.* I. Str. 308—309.

[2]) Dyaryusz zdobycia zamków: Wieliża, Uświaty, Wielkich Łuk, w liście *Jana Zborowskiego* kasztelana Gnieźnieńskiego do Piotra Zborowskiego Wojewody Krakowskiego. A. H. R. G. P. ill. XI. № CXXVIII; Dyaryusz oblężenia i zdobycia Wieliża, Wielkich Łuk i Zawołocia od dnia 1 Sierpnia do 25 Listopada 1580 r., pisany przez *Łukasza Działyńskiego* starostę Kowalskiego i Brodnickiego. Ibidem. № CXXIX. ***Рейнгольда Гейденштейна.*** Записки о Московской войнѣ (1578—1582) Спб. 1889. То-же въ его (Dziejach Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594 ksiąg XII (книги III, IV, V,VI). Оба изданія—переводы съ латинскаго оригинала. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (1581—1582 г.). Спб. 1867.

[3]) Нпр. A. H. R. G. P. ill. XI. Str. 191, 197, 198 и др.; Записки о Моск. войнѣ. Стр. 60, 115, 122, 191 и др.; Дневникъ посл. пох. Ст. Б. Стр. 24, 66 и др.

[4]) Зап. о М. в. Стр. 95.

послѣдній выдалъ даже свою племянницу) [1]), и не стѣснялись выражать свое недовольство этимъ. Они бранятъ Замойскаго и слагаютъ на него пасквили [2]). Только ради короля Литовцы соглашаются держать караулы, чего не хотѣли дѣлать въ исполненіе распоряженія главнокомандующаго [3]). Полякъ, авторъ Дневника Псковского похода Баторія записалъ: «u Liwty nie mamy ni kąska łaski; czo ieszcze troche beło, wszystkośmy teras tym hetmaństwem utraczieli; niczego nam dobrego nie zyczą etc» [4]). Литовцы устраиваютъ свои отдѣльныя Литовскія совѣщанія [5]), собираясь въ своемъ обозѣ около своихъ начальныхъ людей [6]). Литовцы предъявляютъ свои требованія [7]) и дѣлаютъ свои заявленія [8]). Литовскіе паны-рада также охраняютъ отдѣльные интересы Княжества и его народа. Они протестуютъ [9]) въ радѣ королевской противъ рѣшеній, которыя они считаютъ неудобными для Литовцевъ. Король также вполнѣ признаетъ отдѣльность интересовъ Литовскихъ отъ Коронныхъ. Онъ имѣетъ тайныя рады съ панами Литовскими [10]) и вмѣстѣ съ сенаторами Княжества вырабатываетъ и постановляетъ мѣры, касающіяся безопасности Литвы [11]). Что же удивительнаго въ томъ, что Литовцы стали требовать въ это время созыва сейма въ предѣлахъ Княжества [12]), а не Короны? Опасности войны, требовавшія пребыванія короля вблизи театра военныхъ дѣйствій, были хорошимъ предлогомъ для того, чтобы создать прецедентъ созыва вальныхъ сеймовъ въ Литвѣ и потомъ, ссылаясь на него, добиться исполненія Литовскаго желанія сеймовъ alternatim, заявленнаго ими при заключеніи Уніи и никогда не забытаго въ послѣдующее время. Поляки, однако, поняли значеніе Литовскаго желанія и отвѣчали на него, «że s tego nic nie bendzie» [13]). Поляки, въ свою очередь, подчеркиваютъ отдѣльность Княжества и Короны. Авторъ «Дневника» Псковского похода пишетъ: король «*od nas* ku Wielkiemu Xięstwu Litewskie-

---

[1]) Ср. Życia sławnych Polaków. Wydanie nowe *Jana Nep. Bobrowicza*. T. III. W Lipsku 1837. Życie Jana Zamojskiego. Przez *Fr. Bohomolca*. Str. 85.

[2]) Дневн. п. пох. Стр. 120: «z łotra pan, s klechy pleban, zak sądzi, desperat rządzi, klecha hetmani, Panie Boże racz być s nami».

[3]) Ibidem. Стр. 87, 136. [4]) Ibidem. Стр. 157. [5]) Зап. о М. в. Стр. 226.

[6]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 119. [7]) Зап. о М. в. Стр. 133.

[8]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 119.

[9]) Ibidem. Стр. 118. Ср. также просьбу Литовскихъ пановъ—ibidem, стр. 116.

[10]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 41. [11]) Зап. о М в. Стр. 83.

[12]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 133. [13]) Ibidem.

mu odiezdzał» [1]), или «proponował P. hetman *nasz*» [2]), называя его такъ въ отличіе отъ Литовскаго гетмана Николая Радивила, или «*naszi* Panowie» [3]), отличая ихъ тѣмъ отъ Литовскихъ. Когда съ авторомъ «Дневника», секретаремъ Коронным, разговорился Замойскій о томъ, кому быть правителемъ въ Инфлянтахъ послѣ заключенія мира съ Москвою, тотъ отвѣчалъ: «trzeba człowieka magnae autoritatis, praeterea wiernego a zyczliwego Kroliowi; Litwina nie radzę» [4]). Авторъ «Дневника» жалуется, что «Lithwa nieuzici są y w małych rzeczach» [5]), жалуется и на слухи, распускаемые Литовцами [6]), передаетъ некрасивыя черты нравовъ, приписываемыхъ Литовцамъ [7]). Отдѣльность Литовскаго и Польскаго народовъ [8]) выражалась и въ составѣ посольствъ, отправляемыхъ во время войны,—въ него входили Поляки и Литовцы [9]), какъ представители обоихъ народовъ. Послѣ окончанія Московской войны, во время сейма 1582 года Литовцы часто обращались къ Стефану Баторію съ просьбою присоединить Ливонію къ Княжеству [10]). Конечно, это было бы хотя нѣкоторымъ вознагражденіемъ Литвы за отнятыя отъ нея въ 1569 году земли и за ея жертвы во время войны. Противъ требованія Литовцевъ на сеймѣ не было сдѣлано никакого возраженія ни сенатомъ, ни избою, и только противодѣйствіе одного Замойскаго лишило Литву исполненія ея желанія. Таковы были отношенія Поляковъ и Литовцевъ, какъ они рисуются историками Московской войны Стефана Баторія. Литовская особность и сознаніе ея Литовцами и Поляками совершенно ясно обрисовываются этими отношеніями. Неудивительно, поэтому, что подданные Московскаго царя, пограничные съ Литвою, но далекіе отъ Польши, говорили по окончаніи войны, что наступилъ миръ съ королемъ Литовскимъ [11]), совсѣмъ забывая, а можетъ быть и не всегда зная, что онъ былъ королемъ соединеннаго Польско-Литовскаго государства.

Посмотримъ теперь, что переживало Литовское княжество въ своей внутренней жизни въ то время, когда оно боролось съ врагомъ на своихъ границахъ. Эпоха царствованія Стефана Баторія была временемъ особеннаго развитія дѣятельности обще-Литовскаго съѣзда. Мы видѣли выше постановленія Волковыйскаго главнаго сеймика 1577 года. Передъ сеймомъ 1578 года

---

[1]) Ibidem. Стр. 163. [2]) Ibidem. Стр. 123. [3]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 30.
[4]) Ibidem. Стр. 174. [5]) Ibidem. Стр. 26. [6]) Ibidem. Стр. 24, 25.
[7]) Ibidem. Стр. 29. [8]) Ср. Зап. о М. в. Стр. 15. [9]) Ibidem. Стр. 1, 2, 233.
[10]) Зап. о М. в. Стр. 303. [11]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 176.

вновь собрался съѣздъ въ Волковыйскѣ, но мы не будемъ останавливаться на немъ, такъ какъ это былъ обычный предсеймовый съѣздъ Литовцевъ, изученію котораго посвящена особая глава настоящаго изслѣдованія [1]). 16 марта 1580 года изъ Городна были разосланы королевскіе листы во всѣ 22 Литовскихъ повѣта о назначеніи повѣтовыхъ сеймиковъ Княжества на 5 апрѣля и съѣзда въ Вильнѣ на 17 апрѣля 1580 года. Повѣтовые сеймики Литовскіе созываются на этотъ разъ очень скоро послѣ закрытія вальнаго сейма. 4 января 1580 года закончился Варшавскій сеймъ, а 16 марта уже выходятъ отъ Баторія универсалы по Княжеству, извѣщающіе о предстоящихъ сеймикахъ и съѣздѣ. Причина созванія ихъ — продолжающаяся еще война съ Москвою. Въ началѣ своего листа въ повѣты король Стефанъ заявляетъ, что съ самаго начала своего царствованія онъ ни о чемъ не старался болѣе, какъ о томъ, чтобы не только дать защиту и миръ великому княжеству Литовскому, но чтобы возвратить всѣ земли, замки и «многие добра», захваченные великимъ княземъ Московскимъ. Король стремился всегда къ тому, чтобы послѣ этого добыть «кгрунтовне успокоене на долгие часы панствамъ» своимъ и всѣмъ своимъ подданнымъ. По милосердію Божію и благодаря королю, который не только трудился для достиженія этой цѣли, но даже не жалѣлъ своего здоровья, а также благодаря «мужному заставованю» Литовскаго рыцерства, «замки, черезъ оного неприятеля опанованые, Полоцкъ, Суша, Соколъ, Туровля, Ситно, Красное, Нещерда и иные пригородъки з немалыми широкостями кгрунтовъ» возвращены опять великому княжеству Литовскому славными побѣдами надъ Московскими войсками. Но, несмотря на все это, миръ съ великимъ княземъ Московскимъ еще не заключенъ, и онъ не пересталъ стараться о захватѣ владѣній Литовскихъ. Достиженіе прочнаго мира съ Москвою и средства для этого и были задачею, предложенною обсужденію только что закончившагося вальнаго Варшавскаго сейма. Собравшіеся на немъ паны-рада и земскіе послы обоихъ народовъ, «всякие потребы, шкоды и пожитки, а особливе вывышенье славы народов своих уважаючи, то по многомъ намышливанью своемъ обачили», что нужно войну продолжать ввиду большой ея удачи. Въ силу этого постановленія сеймоваго, король сейчасъ же по

[1]) Глава пятая, которая входитъ въ составъ второго тома настоящаго изслѣдованія.

окончаніи сейма поспѣшилъ въ Литовское княжество для того, чтобы «выправиться» на войну съ Москвою, «што наборздей ку потребе военной, часу до того погодного не омешкиваючи». Но великій князь Московскій прислалъ къ королю своего гонца съ предложеніемъ выслать къ нему пословъ. Стефанъ Баторій находитъ, однако, что поступить согласно предложенію Ивана IV «з многих и слушных а панствамъ» королевскимъ «шкодливых причин» не годится. Поэтому онъ назначаетъ съѣздъ Литовскимъ панамъ-радамъ, врядникамъ земскимъ и всѣмъ посламъ, которыхъ вышлютъ повѣты Княжества. Предметы, подлежащіе обсужденію съѣзда, слѣдующіе. Во-первыхъ, это «рушенье» короля къ войску и охрана безопасности великаго княжества Литовскаго во время пребыванія короля на войнѣ. Во-вторыхъ, нужно обсудить тѣ предложенія, съ которыми пріѣзжалъ посолъ Московскій, и посмотрѣть, не захочетъ ли онъ ввиду рушенья и собранія войскъ Речи Посполитой искать заключенія мира на такихъ условіяхъ, которыя будутъ «не з ущербкомъ», но съ «вывышанемъ славы» короля и Литовскаго рыцерства. Третьимъ предметомъ занятій съѣзда будутъ «иншія справы земъскія». Всѣ эти дѣла и вопросы, по заявленію короля Стефана, всѣмъ Литовскимъ станамъ «ведати належить, *и никого болиг»*, чѣмъ вѣрныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго и «убезпеченія жон, детей и маетъностей» ихъ это «заходитъ». Вотъ причины, по которымъ созывается на 17 апрѣля 1580 года въ Вильнѣ съѣздъ панамъ-радамъ, врадникамъ земскимъ Княжества и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыхъ «с поветовъ с посродку себе» изберутъ и вышлютъ обыватели Литовскіе. Число пословъ отъ повѣтовъ на съѣздъ не опредѣляется королевскимъ универсаломъ точно. Онъ говоритъ объ этомъ, обращаясь къ обывателямъ, такъ: «межи собою намовивши две, албо три особы, албо похочете ли и болшъ с посродку себе братю вашу, людей добрых ростропных и бачных на тотъ зъездъ, у Вилни на ден семнадцатый месеца апреля зложоный, прислали бы», и они «сполне зъ их милостью паны-радами и иншими станы, которые на он час до Вилни прибудут, яко около рушеня нашого до войска», такъ и въ иныхъ «потребахъ земъских обмышлевали» бы [1]). Объ этомъ съѣздѣ и сеймикахъ

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 3—3 об. Документъ изданъ въ А. З. Р. III, № 119, но съ пропускомъ нѣсколькихъ строкъ.

разосланы и 14 листовъ къ тивунамъ Жомоитскаго староства, а также листы къ 27 членамъ Литовскаго сената [1]).

Итакъ послѣ сейма 1579—1580 годовъ, наполненнаго интригами партій и личными разсчетами вельможъ и даже упрекавшаго своего побѣдоноснаго короля въ нарушеніи правъ и законовъ Речи Посполитой [2]), Стефанъ Баторій обращается къ Литвѣ, ища въ ея патріотизмѣ себѣ поддержки и прочной почвы для продолженія войны съ Москвою съ ея заманчивыми перспективами, рисовавшимися великому королю. Сеймъ, хотя и вотировавшій единогласно испрашиваемый королемъ поборъ, но сдѣлавшій это лишь послѣ прекрасной рѣчи Яна Замойскаго, исполненной упрековъ, не избавилъ короля отъ необходимости обращенія къ патріотизму великаго княжества Литовскаго, и безъ того уже истомленнаго громадными трудностями и расходами Московской войны, павшими на него почти цѣликомъ. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года присутствовалъ самъ король [3]), который своимъ присутствіемъ дѣлалъ его какъ бы воскресшимъ сеймомъ великаго княжества Литовскаго, не существовавшимъ съ 1569 года, когда его убила Люблинская Унія. Въ Вильну на съѣздъ явились и послы обывателей Полоцкаго воеводства, земли котораго вмѣстѣ съ самымъ Полоцкомъ, завоеванныя Иваномъ IV, были опять возвращены Княжеству Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 и 1580 годахъ. Послы Полоцкіе, подкоморій Полоцкой земли панъ Оникій Корсакъ и писарь земскій Полоцкій Юрій Котовицкій, просили короля отъ имени обывателей своего воеводства подтвердить ихъ старыя права, которыми они пользовались до Московскаго завоеванія. Всѣ «листы, привилея и твердости, на права и вольности, всей земъли Полоцкой належачие», дарованные королями Польскими и великими князьями Литовскими, хранились въ храмѣ св. Софіи въ Полоцкомъ замкѣ и были захвачены врагами. Теперь Полоцкъ отнятъ обратно отъ Москвы, а вмѣстѣ съ нимъ вернулись къ Литовской речи посполитой и имѣнія Полоцкой шляхты. Исполняя просьбу пословъ Полоцкихъ, король прославляетъ труды шляхты этого воеводства и ея преданность отечеству [4]). Баторій

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 3 об.—4. 2) Зап. о. М. в. Стр. 85—96.

3) Изъ Вильны король отбылъ въ началѣ іюля. Зап. о М. в. Стр. 106.

4) «Тогды мы господаръ з ласки нашое, маючи ласкавый взгляд на верные а намъ господару и речи посполитой пожиточъные службы панов Полоцких рыцерства шляхты обывателей земъли воеводъства Полоцкого, ижъ они

сохраняетъ за обывателями Полоцкаго воеводства всѣ права и вольности, дарованныя имъ 21 февраля 5 индикта 1547 года Сигизмундомъ Августомъ. Онъ приказываетъ «оттворыть» канцлярейскія книги и вписать находящійся въ «метрыкѣ» листъ Сигизмунда въ настоящую свою грамоту. Послѣ вписанія въ жалованную настоящую грамоту этого листа 1547 года [1]), она гласитъ отъ имени короля: «и хочемъ мети, абы во всих артыкулех и важъности своей тепер и на потомъные часы водъле утверженья продковъ наших королей их милости и великих князей и теперешнего нашого утверженя ни въ чомъ ненарушоно везде на кожъдомъ местъцу и въ кождого права при зупольной моцы паном Полоцким рыцерству всей шляхте обывателем тое земли воеводъства Полоцкого тот привилей, в семъ листе-привилею нашомъ вписаный, был хован, и держан быти маеть вечъными часы». Въ случаѣ требованій шляхтою Полоцкою выдачи выписей другихъ всякихъ привилеевъ, они будутъ ей выдаваться безпрепятственно, хотя и не въ данную минуту, потому что «метрыкъ канцлярейских зъвлаща давных справ на сесь час у Вилни при канцлерыи» государевой «не было» [2]).

Какъ нельзя болѣе кстати было это громкое признаніе заслугъ Полоцкихъ обывателей королемъ Стефаномъ именно въ Вильнѣ, «столечномъ мѣстѣ» великаго княжества Литовскаго, передъ лицомъ всѣхъ Литовскихъ становъ, собравшихся на свой обще-Литовскій съѣздъ. Грамота Баторія, подтверждающая права Полоцкихъ обывателей и признающая ихъ заслуги, является въ то же время продолженіемъ извѣстій о патріотизмѣ Литовской шляхты, о которомъ говоритъ уже грамота Баторія ко всѣмъ обывателямъ Полоцкой земли, изданная въ Вильнѣ 20 апрѣля 1579 года [3]).

ачъ имена свои, в земли Полоцъкой лежачие, спустошоные и знищоные маючи, але з милости своее ку намъ господару и речи посполитой бываючи на службах наших господаръских и речи посполитое здорове свое против люду неприятеля нашого Московъского выносячи, и пры добываню того замъку Полоцъкого з рукъ неприятельских Московъскихъ не одно они пры нас господары были и, певные почъты свои водле наболшого премноженья своего на ласку нашу господарскую выведъшы, з нелитованемъ горла и маетъностей своих, яко добрые а верные рыцерские люди служили». М. Арх. М. Юст. Коронная Метрика $\frac{\text{I B}}{22}$ л. 72.

[1]) Изданъ въ А. З. Р. III. № 5.

[2]) Документъ находится—Коронная Метрика $\frac{\text{I B}}{22}$ л. 71 об.—77 об.

[3]) Вил. Арх. Сб. I. № 50.

Еще въ ней король объявляетъ о томъ, что по пріѣздѣ его въ великое княжество Литовское для веденія войны съ Москвою, рѣшенной на прошломъ вальномъ Варшавскомъ сеймѣ, онъ былъ «не по малу способленъ» Литовскими обывателями. Одни изъ нихъ тотчасъ же рѣшили отправиться сами лично со своими почтами съ королемъ въ войскѣ, а другіе выразили «зъ зъѣздовъ повѣтовыхъ и тежъ черезъ посланцовъ своихъ таковую жъ упреймость свою на тую потребу», не жалѣя здоровья и имущества своего, вмѣстѣ съ королемъ «тягнути оферовали» со всѣхъ повѣтовъ и воеводствъ. Король благодаритъ за это всѣ Литовскіе станы и каждый повѣтъ особенно. «Часомъ ку тягненью до войска» Баторіемъ назначается 28 іюня 1579 года, а мѣстомъ собранія Свира. Король не только «варуетъ» теперь, но по собраніи войска «варовати хочетъ» особымъ привилеемъ, что всѣ станы великаго княжества Литовскаго, «не будучы повинни за поступеньемъ податку на отправу войны тое, алижъ за уфалою соймовою рушенье посполитое посполъ зъ братьею своею паны Поляки, водле спису Уніи, але толко до тое потребы» обѣщали идти въ походъ съ королемъ. Это настоящее рушенье, *идущее*, прибавимъ, *въ разрѣзъ съ договоромъ Уніи*, не принесетъ никакого ущерба «вольностямъ и свободамъ» обывателей Княжества и «на вси потомные прышлые часы въ пошлину пойти не маеть». Каждый, кто явится со своимъ почтомъ въ войско къ королю, «близшимъ будетъ ласки» королевской «и опатренья водлугъ службы и стану своего». Великое Княжество горячо отозвалось на призывъ королевскій, и, заслуживъ полное признаніе своихъ заслугъ отъ короля, должно получить его и со стороны исторіи. Въ то время какъ Корона ограничилась лишь уплатою податка на веденіе войны наемнымъ войскомъ, Литва не только внесла его, но добровольно выслала своихъ обывателей въ посполитомъ рушеньѣ «персями» своими защищать отечество. Но послушаемъ самого Стефана Баторія объ этомъ. 29 апрѣля 1580 года король Стефанъ изъ Вильны объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее. Когда Варшавскимъ сеймомъ была рѣшена война съ Москвою, король намѣревался ее вести согласно сеймовому постановленію наемными войсками, а не посполитымъ рушеньемъ, на средства, данныя ему установленнымъ какъ для Короны, такъ и для Княжества податкомъ. Но, когда онъ послѣ окончанія сейма прибылъ въ великое княжество Литовское, паны-рады Литовскіе, «яко ведомые всих справ, поступков и сил того неприятеля граничного великому князству Ли-

товскому», довели до свѣдѣнія короля, что войска для веденія войны нужно не мало, а на тѣ небольшія средства, которыя принесетъ податокъ «великость войска нелацно бы се способити могло». Ввиду этого король воззвалъ къ патріотизму Литвы и обратился съ просьбою къ панамъ-радамъ, княжатамъ, панятамъ, врадникамъ и всѣмъ станамъ Литовскимъ, чтобы они «з милости» своей къ королю и государству поддержали своими силами короля въ его начинаніи. Это было сдѣлано Баторіемъ въ Городнѣ. Тѣ Литовскіе обыватели, которые были въ то время въ этомъ городѣ около короля, хотя и истомленные горями и тяжестями за долгое время войны Московской, только изъ своего расположенія («хути и милости») къ королю, а отнюдь не по обязанности обѣщали ему выставить на войну свои почты. «За радою» пановъ-радъ королемъ были написаны листы ко всѣмъ обывателямъ великаго Княжества, которые не были въ это время въ Городнѣ. Въ этихъ листахъ находилась королевская просьба къ Литвѣ о «посилкѣ», о помощи. На сеймикахъ повѣтовыхъ почти вся шляхта Княжества откликнулась на королевское воззваніе, сдѣлавъ это также лишь «з милости своее, а не з жадное повинности». Король Стефанъ приписываетъ этотъ поступокъ шляхты Литовской любви и преданности, которыя питала Литва къ своимъ прежнимъ государямъ и къ нему, Баторію, и это Литовскіе обыватели доказали не только словами, но и самымъ дѣломъ. Когда наступило время военныхъ дѣйствій, обыватели Княжества въ Свирѣ, Диснѣ и другихъ мѣстахъ явились съ такими почтами (притомъ оставаясь около короля всю войну), что за ихъ «подпартьемъ войска досыт великого и потужного», Баторій могъ не только «безпечне здорове» свое «вынести», но счастливо двинулся противъ врага, который не пожелалъ выйти ему навстрѣчу и заперся главными силами своими во Псковѣ. Король взялъ Полоцкъ, Красное, Ситно, Козъяны, Туровлю, Сушу и другіе замки непріятеля въ землѣ Полоцкой. Теперь, когда новый Варшавскій сеймъ подтвердилъ постановленіе о продолженіи войны съ Москвою, король приказалъ въ универсалъ сеймовый внести признаніе и объявленіе всей Речи Посполитой этихъ заслугъ Литовскихъ становъ. Король разсчитываетъ, что паны-рада, старосты и державцы Княжества и въ другой разъ не откажутся помочь ему. Вернувшись изъ Варшавы съ сейма въ Литву, въ «столечное мѣсто» Литовское Вильну, король вызвалъ къ себѣ пановъ-радъ и рыцерство Княжества, всѣхъ, кто только могъ прибыть къ королю. Въ Вильнѣ

опять король обратился съ просьбою къ обывателямъ Литвы. Онъ «жадаетъ» ихъ снова явить «хутъ» ихъ къ своему государю и помочь ему въ дѣлѣ продолженія войны. Король своимъ королевскимъ словомъ гарантируетъ станамъ Литовскимъ, что помощь эта не будетъ обращена имъ въ повинность, или въ «звыклость», и обѣщаетъ награду—«*примноженіе вшелякихъ волностей*». Баторій признаетъ, что Литва обнаруживаетъ такія «веру и милость» къ нему и отчизнѣ, какихъ ни одинъ «инъший народъ противо паном своимъ» не показывалъ и не показываетъ одинаково съ нею. Обыватели Литовскіе не только несутъ тяжесть податка, назначеннаго на веденіе войны, постановленнаго сеймомъ,—это дѣлаютъ и обыватели Короны; станы Литовскіе, выплативъ его, сверхъ того отозвались на просьбу королевскую и явились въ войско сами съ такими почтами людей и съ такими готовностью и преданностью, что «во всем годными были найдены» королемъ, т. е. государь не нашелъ никакого недостатка въ поведеніи своихъ Литовскихъ подданныхъ. Все, что надлежитъ дѣлать доблестному рыцерству, они исполняли съ готовностью и мужествомъ. По всему этому «не годило» Королю «иначей, одно тую веру и зычливость ихъ», ему «и речи посполитое мужне оказаную, значне вызнати, вывышити и на вечную паметку на писме то им зоставит». Теперь снова, вторично паны-рады врядники и рыцерство Княжества готовы сослужить ту же примѣрную службу королю и государству, но только вновь просятъ имъ гарантировать, что эта служба отечеству будетъ опять признана добровольнымъ ихъ даромъ, а не обязанностью, исполненія которой отъ нихъ станутъ требовать послѣ. Король исполняетъ ихъ просьбу и въ торжественныхъ выраженіяхъ подтверждаетъ неприкосновенность правъ обывателей великаго княжества Литовскаго [1]).

Рядомъ съ этимъ признаніемъ заслугъ обывателей Литовскихъ въ дѣлѣ защиты отечества и войны съ извѣчнымъ врагомъ его стоятъ королевскія распоряженія по удовлетворенію ходатайствъ обывателей Княжества. Выше мы видѣли подтвержденіе Баторіемъ правъ Полоцкаго воеводства. Тѣ же Полоцкіе послы, которые хлопотали о немъ, предъявили королю и другую просьбу Полоцкихъ обывателей. Дѣло въ томъ, что послѣ завоеванія Москвою По-

---

[1]) Коронная Метрика $\frac{\text{I B}}{22}$ л. 25—27 об. Дата: Вильна 29 апр. 1580 г. Документъ изданъ, но латиницею, безъ даты и безъ окончанія—въ А. Н. R. G. P. ill. XI. № CXXXIV.

лоцка и захвата ею шляхетскихъ имѣній въ Полоцкой землѣ были розданы шляхтѣ этого воеводства столовыя земли въ хлѣбокормленіе до возвращенія отъ врага ея имѣній. Эти имѣнія теперь очищены отъ вражеской власти и возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Но ввиду опустошенія этихъ имѣній, а также ввиду заслугъ Полоцкихъ обывателей король, сверхъ того, оставляетъ имъ еще на пять лѣтъ и данныя въ хлѣбокормленіе столовыя земли [1]). Не во всемъ, однако, сходились Полоцкіе обыватели съ Баторіемъ во взглядахъ на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года. Основаніе королемъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ и пожалованіе ей земель, принадлежавшихъ прежде православнымъ церквамъ, вызвало уже на только что прошедшемъ сеймѣ заявленіе неудовольствія Полоцкой шляхты. Теперь на Виленскомъ съѣздѣ она еще энергичнѣе, хотя и безуспѣшно противилась учрежденію и обезпеченію іезуитскаго коллегіума въ центрѣ своего воеводства [2]).

Въ январѣ 1581 года собрался Варшавскій сеймъ [3]). Мы не будемъ входить детально въ ходъ его занятій [4]), но остановимся лишь на одномъ учрежденіи, созданномъ на немъ для Литовскаго княжества. Это учрежденіе — главный Литовскій трибуналъ, высшая апелляціонная инстанція Княжества. Трибуналъ Литовскій былъ вызванъ къ жизни какъ торжествомъ принципа шляхетскаго верховенства въ Польско-Литовскомъ государствѣ, такъ и дѣйствительною потребностью въ апелляціонномъ судѣ, который бы имѣлъ обязанность и возможность разбирать всю массу справъ, переносимыхъ по апелляціямъ изъ судовъ областныхъ. Въ эпоху до Люблинской Уніи дѣла по апелляціямъ въ Литовскомъ государствѣ разбирались какъ королемъ, такъ и съѣздами пановъ-радъ [5]). Но нельзя сказать, чтобы паны-рада аккуратно

---

[1]) A. H. R. G. P. ill. XI. № CXXVI. Документъ напечатанъ латиницею, какъ онъ былъ переписанъ въ Tekach Naruszewicza. Такой же списокъ см. въ Akta Historyczne № 2901. XI. Библіотеки Главнаго Штаба. Тамъ же находится и списокъ на латинскомъ языкѣ того же документа.

[2]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 28—29.

[3]) См. Akta Sejmu Walnego Warszawskiego, in Anno 1581 ad 22 Januarii naznaczonego. A. H. R. G. P. ill. XI. Str. 285—339. Конституція этого сейма и поборовый универсалъ—Vol. leg. II. Str. 206—219.

[4]) Сейму посвящена—шестая глава (II томъ) настоящаго изслѣдованія.

[5]) *С. А. Бершадскій.* Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Любл. уніи. 1388—1569. Спб. 1883. Стр. 289. *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 259 и др.

исполняли свою обязанность съѣзжаться два раза въ годъ на свои «съемы», да и тяжущіеся предпочитали обращаться со своими справами лучше къ королю, чѣмъ къ сенаторамъ. Король долженъ былъ разбирать всю массу дѣлъ, которую копили для его «розсудка» повѣты великаго Княжества. Правда, что король пользовался для разбора дѣлъ услугами пановъ-радъ и врядниковъ, разсматривавшихъ ихъ безъ его непосредственнаго участія, въ качествѣ дворнаго суда королевскаго. Справы, направляемыя къ королевскому суду, разсматривалъ король далеко не всегда лично. Ихъ было слишкомъ много для того, чтобы онъ имѣлъ возможность это дѣлать [1]). Временемъ выработалось нѣсколько формъ королевскаго суда. Король разсматривалъ самъ вмѣстѣ съ сенаторами судовое дѣло, но также онъ «высаживалъ на справы» и нѣсколькихъ отдѣльныхъ сенаторовъ, или маршалковъ, творившихъ судъ отъ королевскаго имени и докладывавшихъ ему своею «реляціею» тѣ дѣла, въ которыхъ они не рѣшались произнести приговора сами. Соединяя нѣсколькихъ сенаторовъ съ нѣсколькими врядниками въ одну судовую коммиссію, получившую названіе асессорскаго суда, съ теченіемъ времени король создалъ и новую форму своего суда королевскаго. Само собою разумѣется, что постановленіе королевскаго суда во всѣхъ его видахъ имѣло значеніе «вырока», приговора, произнесеннаго самимъ королемъ лично, и записывалось вмѣстѣ съ актомъ судебнаго разбирательства въ книги государевой канцеляріи. Однако, въ то же время, необходимость учрежденія новаго апелляціоннаго судилища сказывалась все сильнѣе и сильнѣе съ того времени, когда Литва соединилась съ Польшею Люблинскимъ актомъ 1569 года. Съ одной стороны, эта Унія принесла съ собою спольные сеймы для Польши и Литвы, имѣвшіе шестинедѣльную продолжительность своихъ засѣданій и созывавшіеся при обычномъ теченіи государственной жизни только каждые два года; съ другой стороны, Люблинская Унія внѣдряла въ Литовскій народъ тотъ же взглядъ на государя, который существовалъ въ Польшѣ,—взглядъ, такъ отличный отъ прежнихъ Литовскихъ понятій о великокняжеской власти. Время сейма было обычнымъ временемъ и королевскаго суда. Къ сейму обыкновенно копили большую часть судовыхъ дѣлъ по апелляціямъ, такъ какъ сеймъ собиралъ около короля почти всѣхъ сенато-

[1]) См. о массѣ судовыхъ дѣлъ возносимыхъ къ королю—*С. А. Бершадскій*. Лит. евреи. Стр. 281, 282 и *Ѳ. Вержбовскій*. Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ. Стр. 24.

ровъ и дворныхъ врядниковъ, помощниковъ, совѣтниковъ и заместителей государя въ отправленіи его судовыхъ обязанностей. Кромѣ того, во время сейма король жилъ на одномъ мѣстѣ, что было также очень важно для удобства суда. Стоитъ взглянуть на даты грамотъ Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, чтобы представить себѣ постоянные переѣзды королей изъ одного мѣста въ другое. Конечно, при такихъ условіяхъ функціонированіе королевскаго суда во «дворѣ» государевомъ было крайне затруднительнымъ. Но если королевскій судъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ во время сейма, то какъ онъ могъ управляться со всею массою дѣлъ, требовавшихъ его разбора, въ какія-нибудь шесть недѣль разъ въ два года, притомъ, когда королю нужно было судить дѣла и Короны, и Княжества? И для одной части Речи Посполитой этого времени было недостаточно. Во время царствованія Баторія, занятаго войною съ Москвою, особенно чувствовалась необходимость созданія новаго апелляціоннаго судилища.

Такимъ образомъ, самыя условія, въ которыя былъ поставленъ апелляціонный судъ Литвы послѣ ея соединенія съ Польшею, требовалъ созданія новой формы этого суда, имѣющей дѣйствительную возможность разбора дѣлъ судовыхъ. Польша знала судовыя вѣча, имѣвшія значеніе высшаго областного суда. Такіе областные «соймы» знали и нѣкоторыя земли великаго княжества Литовскаго въ болѣе раннее время [1]). Конституція Піотрковскаго сейма 1565 года всего за четыре года до Уніи точно опредѣляетъ эти судовыя вѣча въ воеводствахъ короны Польской [2]), возстановляя такимъ образомъ въ новомъ законѣ старинную форму областного высшаго суда. А между тѣмъ потребность въ королевскомъ судѣ чувствовалась сильно и въ Польшѣ. Самый взглядъ шляхты Польской на короля представлялъ его вождемъ, защитникомъ и судьею, выражая такимъ образомъ въ новыхъ выраженіяхъ и выводя это представленіе изъ новыхъ политическихъ понятій «золотой вольности», но въ концѣ концовъ сохраняя исконное славянское представленіе о государѣ, князѣ, какъ о вождѣ во время войны и судьѣ во время мира, дѣятельность котораго шла рука объ руку

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства. М. 1893. Стр. 869—873.

[2]) Vol. leg. II. Str. 45—47. Ср. *Oswald Balzer.* Geneza trybunału Koronnego. Studyum z dziejów sądownictwa Polskiego XVI wieku. Warszawa 1886. Str. 22 и сл.

съ волею народа, довѣрявшаго ему [1]). Краковскій посолъ Іеронимъ Оссолинскій такъ говорилъ на сеймѣ 1553 года, проводя этотъ исконный славянскій взглядъ на государя: «iż nam Król I. M. każe inne tu sędzie najdować, coby nas sądzili, obrony też obyczaj, jakobyśmy się bronili, bo temu wszystkiemu, powieda, dosyć czynić nie może, a cóż to jest innego mówić: sądzić nie mogę, bronić nie mogę, jedno mówić: panować a królować wam nie mogę» [2]). Король долженъ судить: онъ—«judex supremus» и не имѣетъ права отказываться отъ исполненія своей судовой обязанности. Но сами Поляки, однако, замѣчали, что король не имѣетъ возможности исполнять ея, и сеймы выдвинули, наконецъ, вопросъ объ учрежденіи высшаго суда для Польши. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года говоритъ не разъ о томъ, какъ король принимался за судъ и какъ онъ не имѣлъ времени и возможности справиться со всѣми дѣлами, требовавшими его приговора [3]). Тому же сейму Сигизмундъ Августъ уже заявилъ о необходимости учрежденія высшаго судилища вмѣсто королевскаго суда [4]), и король прямо говорилъ, что государство настолько увеличилось, что онъ не въ состояніи удовлетворить всѣхъ, обращающихся къ нему за судомъ, «а безъ правосудія никакое государство не можетъ стоять твердо» [5]).

Что касается до Литвы, то необходимость созданія новаго апелляціоннаго суда для нея была не менѣе ощутительна, чѣмъ для Польши. Соединеніе съ Польшею перенесло въ Литву и Польскій взглядъ на государя, такъ непохожій на прежній Литовскій, а введеніе спольнаго сейма отняло у великаго князя Литовскаго возможность судить во время сейма исключительно Литовскія справы, заставляя его дѣлить время разбора судовыхъ дѣлъ между всѣми составными частями Речи Посполитой. Все это влекло за собою мысль о необходимости реформы высшаго суда Княжества. Въ то же время установленіе избирательнаго престола, который занимали короли, не знавшіе Русскаго языка, языка судовыхъ актовъ великаго княжества Литовскаго, дѣлало для Литвы вопросъ объ учрежденіи высшаго апелляціоннаго судилища особенно

---

[1]) Ср. *Вл. Дьячанъ.* Участіе народа въ верховной власти въ Славянскихъ государствахъ до измѣненій ихъ государственнаго устройства въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава 1882. Стр. 183.

[2]) Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus I. Cracoviae 1872. P. 29 (Дневникъ Краковскаго сейма 1553 года).

[3]) Дн. Л. с. Стр. 341, 370, 387, 400, 415, 576, 604, 617, 623 и др.

[4]) Дн. Л. с. Стр. 634. [5]) Дн. Л. с. Стр. 594.

назрѣвшимъ. Итакъ, дѣло учрежденія высшаго трибунала было лишь вопросомъ времени. Необходимость его была совершенно ясна. Можно лишь было бы спросить эпоху о принципахъ, которые лягутъ въ основу новаго учрежденія, а не о самомъ его возникновеніи. Послѣднее должно было совершиться неминуемо. Новый судъ могъ явиться учрежденіемъ аристократическимъ, или демократическимъ; онъ могъ также сдѣлаться единымъ судилищемъ для всего соединеннаго государства, подобно тому, какъ король былъ прежде единымъ верховнымъ судьею для всѣхъ частей его, и могъ возникнуть въ видѣ отдѣльныхъ трибуналовъ для каждой составной части Речи Посполитой. Разрѣшеніе обоихъ этихъ вопросовъ могло въ значительной степени отозваться на самомъ строѣ государства и должно было имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Передъ Речью Посполитою стоялъ вопросъ, строить ли зданіе своего высшаго суда такъ, чтобы оно было построено лишь изъ камней, лежащихъ на поверхности, на вершинѣ массы шляхетства, т.-е. сенаторовъ, или воздвигать его стѣны изъ матеріаловъ и камней всей почвы въ ея внутреннихъ пластахъ шляхетской массы. Стоялъ передъ нею и другой вопросъ,—создать ли въ новомъ судѣ новую силу, стягивающую все государство къ одному центру, или, давъ верховные апелляціонные суды отдѣльнымъ составнымъ частямъ государства, тѣмъ дать имъ новый устой для сохраненія ихъ отдѣльности и поставить новую опору противъ ассимиляціи и сліянія всѣхъ частей Речи Посполитой въ единое, сросшееся государственное тѣло.

Сенатъ былъ постояннымъ совѣтникомъ и участникомъ въ судѣ королевскомъ. Казалось бы, что онъ и въ новомъ апелляціонномъ судилищѣ не долженъ потерять своего значенія. На дѣлѣ вышло иначе. Польская шляхта хотѣла совершенно устранить сенаторовъ отъ участія въ составѣ членовъ главнаго трибунала и придать ему характеръ исключительно шляхетскаго суда [1]: народъ-шляхта послѣ утвержденія избирательнаго престола и перваго безкоролевья по смерти послѣдняго Ягеллона уже крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ политическое верховенство. Лишь то соображеніе, что сенаторы по своему рожденію и прирожденнымъ правамъ та же шляхта, дало имъ право быть избираемыми въ качествѣ равныхъ, а не высшихъ по сравненію съ остальными шляхтичами, членовъ трибунала. Такимъ образомъ,

[1]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. в. Стр. 13.

трибуналъ сдѣлался новымъ пріобрѣтеніемъ шляхты въ ея побѣдномъ шествіи XVI вѣка по пути развитія своего политическаго значенія въ государствѣ. Что касается до учрежденія единаго трибунала для всего государства, какъ объединяющей силы для отдѣльныхъ составныхъ частей его, то оно оказалось невозможнымъ для Речи Посполитой. Мы уже видѣли, какъ энергично и зорко охраняла Литва свою отдѣльность отъ Польши, упорно стоя на точкѣ зрѣнія контрагента, заключившаго договоръ съ Короною, и ни за что не желая совершенно сливаться съ Польшею. При такомъ положеніи дѣлъ, Княжество никогда не согласилось бы на учрежденіе общаго верховнаго суда для него и для Короны. Но этого мало. Невозможность общаго главнаго трибунала истекала и изъ другихъ причинъ. Языкомъ суда и закона въ великомъ княжествѣ Литовскомъ былъ языкъ Русскій, въ то время какъ Польша употребляла въ судѣ и законахъ языки Латинскій и Польскій. Къ этому присоединялось руководствованіе Литвою въ своей внутренней жизни Литовскимъ статутомъ, обязательнымъ для руководствованія въ своихъ судовыхъ разбирательствахъ и Литовскими судами [1]), а не Польскими законами, на основаніи которыхъ творили свой судъ суды Коронные. Если бы собрались, поэтому, вмѣстѣ въ одну судовую коллегію трибуналисты Коронные и Литовскіе, они оказались бы въ положеніи полной невозможности совмѣстной работы. Итакъ, Княжество не хотѣло и не могло имѣть общее съ Короною верховное судилище. Это послѣднее должно было создаться отдѣльнымъ для Польши и отдѣльнымъ для Литвы. Но и двухъ судилищъ оказалось мало для такъ искусственно сложившагося государства, какимъ была спольная Польско-Литовская Речь Посполитая. Даже не всю территорію Короны оказалось возможнымъ подчинить Коронному трибуналу, какъ было названо это высшее судилище. Воеводства Кіевское, Волынское и Брацлавское, также какъ и королевская Пруссія не могли быть включены по своимъ особенностямъ въ судебный округъ Короннаго трибунала [2]). Дѣло въ томъ, что Пруссія имѣла свою особую судовую организацію и сохранила апелляцію къ королю и послѣ учрежденія Короннаго трибунала въ 1578 году, а Русскія земли, оторванныя отъ Литвы въ 1569

[1]) Въ трибуналъ поступали апелляціи на рѣшенія судовъ земскаго, гродскаго и подкоморскаго, которые вели свои книги на Русскомъ языкѣ.

[2]) *Oswald Balzer*. Gen. tr. Kor. Str. 321. См. также Kwartalnik Historyczny 1900. Zeszyt II. Str. 292—296.

году, не имѣли, какъ и Литва, возможности обращенія въ одинъ судовый округъ съ землями Польскими: онѣ руководствовались Литовскимъ статутомъ и употребляли Русскій языкъ въ своихъ актахъ [1]). Это вызвало учрежденіе особаго трибунала и для этихъ воеводствъ. Воеводства, которыя руководствовались Литовскимъ статутомъ, согласно постановленію сейма 1578 года [2]) должны отправлять свои судовыя разбирательства передъ депутатами, избираемыми ихъ шляхтою на своихъ сеймикахъ. Этихъ депутатовъ — пять человѣкъ отъ воеводства Волынскаго и по четыре отъ Кіевскаго и Брацлавскаго. Они составляютъ особую высшую судовую коллегію для дѣлъ этихъ воеводствъ и имѣютъ свои засѣданія въ Луцкѣ. Но постановляя это для трехъ южныхъ воеводствъ, оторванныхъ отъ Литвы, конституція сейма 1578 года предоставляетъ имъ право исправить и измѣнить это сеймовое постановленіе объ ихъ трибуналѣ, или даже совсѣмъ отъ него отказаться и вновь передать всѣ свои дѣла по апелляціямъ королевскому суду. Вольно имъ будетъ это сдѣлать и на всякомъ другомъ сеймѣ согласно съ Литовскимъ статутомъ, привилеемъ на Унію и коронаціонной конституціей Стефана Баторія [3]).

Что касается до великаго княжества Литовскаго, то оно черезъ своихъ сенаторовъ и земскихъ пословъ уже на Варшавскомъ сеймѣ 1579–1580 годовъ [4]) просило объ учрежденіи для него особаго главнаго Литовскаго трибунала [5]). На этомъ сеймѣ, за-

---

[1]) Подляшье могло вполнѣ войти въ округъ Короннаго трибунала, такъ какъ оно и въ эпоху до Люблинской Уніи успѣло усвоить и Польскій языкъ, какъ языкъ актовъ, и Польскіе порядки. Оно, дѣйствительно, и стало сразу, съ 1578 года частью округа Короннаго трибунала. Vol. leg. II. Str. 182.

[2]) Vol. leg. II. Str. 185. О Луцкомъ трибуналѣ см. *М. Ясинскій*. Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ посл. четв. XVI вѣка. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣт. XIV. Его же. Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала. Чт. въ ист. общ. Н. лѣт. XIII. Рецензія *O. Balzera* — Kw. Hist. 1900. Z. II. Str. 292—296.

[3]) Vol. leg. II. Str. 185. «Трибуналъ», изданный для Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ на сеймѣ 1589 года.—Vol. leg. II. Str. 292—296. См. также Рукоп. Имп. Публ. Библ. Польская F. II. № 9 л. 97 об.—102. Тотъ же сеймъ сдѣлалъ новое постановленіе и о трибуналѣ для Пруссіи (въ Піотрковѣ). Vol. leg. II. Str. 281.

[4]) Декабрь и январь.

[5]) Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 25. М. 1857. Трибуналъ обывателямъ великаго князства Литовского на сойме Варшавскомъ даны року 1581. Стр. 1.

кончившемся 9 января 1580 года, Литовцы составили уставъ своего трибунала. Евлашевскій въ своихъ запискахъ, разсказывая о своемъ участіи въ этой работѣ въ качествѣ посла Новгородскаго повѣта, говоритъ: «потомъ въ декабры былъ съемъ у Варшаве, на которомъ панъ Андрей Тризна и я зъ повету Новгородского послами были, и працовалисмы, пишучи трибуналъ; якожъ увесь написаный, и король его милость подписалъ его намъ, але выдати не могъ безъ констытуцыей, которой зъ того сейму не было, толко универсалъ поборовый» [1]). Вызванные Баторіемъ на съѣздъ-конвокацію въ Вильну въ 1580 году, паны-рады, врядники и шляхта Литовскіе вновь возобновили свою просьбу королю объ изданіи уже утвержденнаго королемъ устава Литовскаго трибунала [2]), и, наконецъ, его учрежденіе было внесено въ сеймовую конституцію 1581 года [3]), и трибуналъ Литовскій сталъ функціонировать со слѣдующаго 1582 года. Согласно уставу Литовскаго трибунала, члены его избираются повѣтовою шляхтою Княжества на повѣтовыхъ сеймикахъ, собиравшихся ежегодно на праздникъ Римской церкви Громницы (Срѣтеніе), т.-е. 2 февраля, начиная съ 1582 года. Каждый повѣтъ Литовскій избиралъ изъ своей среды большинствомъ голосовъ двухъ шляхтичей, которые, собравшись всѣ вмѣстѣ, и составляли собою главный трибуналъ Княжества. Выбраннымъ въ члены трибунала могъ быть всякій шляхетный обыватель повѣта, будь это сенаторъ, князь, должностное лицо, или рядовой шляхтичъ. Переизбраннымъ трибуналистъ (членъ трибунала) могъ быть не раньше, чѣмъ черезъ два года. Исключеніе разрѣшалось закономъ лишь въ томъ случаѣ, если вторичное избраніе было единогласнымъ. Во время исполненія своихъ судовыхъ обязанностей члены трибунала выбирали изъ своей среды трибунальскаго маршалка, который и руководилъ ихъ совѣщаніями. Трибуналъ имѣлъ свои трибунальскія книги, въ которыя вписывалъ на Русскомъ языкѣ акты въ первое время дѣятельности этого суда земскій писарь того повѣта, въ центральномъ пунктѣ котораго засѣдалъ въ данной своей сессіи трибуналъ, а потомъ, въ позднѣйшее время, особый трибунальскій писарь. Трибуналъ по уставу 1581 года отправлялъ свой сессіи въ Вильнѣ (для дѣлъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства и воеводства Полоцкаго), Трокахъ (дѣла

[1]) Мемуары, относ. къ ист. южной Руси. Вып. II. Кіевъ. 1896. Стр. 20.
[2]) Трибуналъ об. в. кн. Л. Стр. 1. [3]) Vol. leg. II. Str. 210.

четырехъ повѣтовъ Троцкаго воеводства), Новгородкѣ (три повѣта Новгородскаго воеводства и два Берестейскаго) и Минскѣ (два повѣта воеводства Витебскаго, воеводство Мстиславское и три повѣта воеводства Минскаго). Самыя засѣданія происходили въ домѣ замка, или двора государева, отведенномъ для нихъ распоряженіемъ мѣстнаго гродскаго уряда. Что касается до земли Жомоитской, пользовавшейся особымъ положеніемъ и особыми правами въ Княжествѣ, то ей было предоставлено также участвовать въ трибуналѣ Литовскомъ, избирая въ него членовъ изъ состава ея шляхты, съ отправленіемъ трибунальскихъ судовъ для Жомойти въ Росеинахъ, или другомъ какомъ-либо мѣстѣ этой земли. Продолжительность отдѣльныхъ сессій была точно опредѣлена закономъ. Таково изложенное въ самыхъ общихъ чертахъ устройство главнаго трибунала Княжества. Созданный въ 1581 году высшій Литовскій судъ имѣлъ громадное значеніе для Литвы: онъ являлся давно желанною апелляціонною инстанціею, которая разбираетъ всѣ справы, возносимыя въ нее, но онъ былъ въ то же время могучимъ, ясно виднымъ для всѣхъ обывателей Литовскихъ столбомъ, на который опиралась отдѣльность Княжества отъ Короны. Такимъ образомъ, къ прежнимъ опорамъ и видимымъ знакамъ самостоятельности и отдѣльности великаго княжества Литовскаго отъ короны Польской прибавилась новая опора, и въ этомъ было крупнѣйшее значеніе событія 1581 года для взаимныхъ отношеній обѣихъ частей соединеннаго государства.

Въ январѣ 1582 года, т.-е. почти черезъ полтора года послѣ Виленскаго съѣзда 1580 года собрался новый не предсеймовый обще-Литовскій съѣздъ въ Волковыйскѣ. Его постановленіе [1]) помѣчено 21 января 1582 года, т.-е. оно состоялось черезъ шесть дней послѣ того, какъ побѣдоносная война короля Стефана съ Москвою, остановленная геройскою защитою Пскова и посредничествомъ «святого престола», наконецъ закончилась миромъ въ Киверовой Горѣ, не доведенная до той цѣли, о которой мечталъ Баторій въ своихъ широкихъ думахъ и обширныхъ планахъ. Главный сеймикъ Волковыйскій собрался за восемь мѣсяцевъ до вальнаго Варшавскаго сейма, открывшагося 2 октября 1582 года. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы это былъ обычный предсеймовый главный сеймикъ Литовскій. Въ

---

[1]) А. Вил. VII. Стр. 179—182. Тотъ же документъ находится въ IX томѣ Acta Historyczne № 2901 Библіотеки Главнаго Штаба (переписанъ латиницею).

январѣ 1582 года въ Волковыйскѣ съѣхались Литовскіе паны-рада (духовные и свѣтскіе), послы воеводствъ и повѣтовъ, врядники и рыцерство, которые явились на главный сеймикъ «за росказаньемъ и злеценьемъ его королевской милости». Предметы обсужденія Волковыйскаго съѣзда были уже сообщены, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ созванія Литовскихъ конвокацій, королевскими посланцами повѣтовымъ сеймикамъ. Но и на съѣздъ также явился посолъ отъ короля, а именно панъ Янъ Волчокъ, королевскій маршалокъ Литовскій конюшій Виленскій подконюшій земскій. Онъ принесъ съѣзду «вказанье его королевское милости», чтобы онъ «намовлялъ» о тѣхъ дѣлахъ Речи Посполитой, которыя были оповѣщены повѣтовымъ сеймикамъ. Такимъ образомъ посолъ не сообщилъ съѣзду ничего новаго, и самая посылка его является, поэтому, простою формальностью. Отмѣтимъ тутъ, что на съѣздѣ 1577 года посла королевскаго не было, а на съѣздѣ 1580 года присутствовалъ самъ король лично, и его присутствіе, конечно, упраздняло всякую возможность такого посольства. По выраженіи благодарности королю за его заботы о государствѣ и его подданныхъ и по заявленіи «хути своей къ службамъ его королевское милости» съѣздъ отмѣчаетъ особенно, какъ «ласку и добродѣйство» своего короля, учрежденіе на прошломъ сеймѣ «за прозьбою всихъ становъ» трибунала для Княжества и заботы короля объ исправленіи статута. Съѣздъ уже знаетъ («певную вѣдомость на тымъ съѣздѣ взяли есьмо»), что депутаты, назначенные для «поправы» статута, окончили ее и извѣстили объ этомъ короля. Въ виду этого, Литовскіе станы «оповѣдали» королю, чтобы онъ согласно конституціи прошлаго сейма назначилъ «часъ ку ревидованю» его всѣми станами великаго княжества Литовскаго. Когда это было сдѣлано Литовскими станами, документъ не говоритъ; очевидно, не задолго до собранія самого съѣзда, ибо уставъ трибунала Литовскаго былъ выданъ 1 марта 1581 года [1]), т.-е. за 10 мѣсяцевъ до собранія въ Волковыйскѣ конвокаціи 1582 года. Относительно предстоящаго разсмотрѣнія новаго статута Волковыйскимъ съѣздомъ королевскій посолъ не объявилъ Литовскимъ станамъ никакой «взменки». Съѣздъ проситъ короля, зная «ласку» его и имѣя въ рукахъ сеймовое постановленіе, чтобы «та поправа статуту, которая се черезъ депутатовъ нашихъ вжо доконала, въ занедбанье не привожона, але ижбы ихъ милость

[1]) Временникъ. Кн. 25. Стр. 22 (Трибуналъ об. в. кн. Л).

панове-рады рачили межи собою певные особы теперь за разомъ обрать и при его королевской милости, нашимъ милостивымъ пане, той поправы ревидовать» [1]). Паны-рада обязаны были сеймовою конституціею предоставить своихъ депутатовъ дѣлу исправленія статута и сдѣлать это черезъ четыре недѣли послѣ Пасхи 1581 года. Однако, они этого не сдѣлали еще и въ январѣ 1582 года. Съѣздъ очень озабоченъ скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла исправленія статута, имѣвшаго, дѣйствительно, чрезвычайную важность для обывателей Княжества. Вспомнимъ, какъ много новаго было внесено въ политическую жизнь Литвы временемъ, истекшимъ съ 1566 года, года изданія ея кодекса: Унія 1569 года, Варшавская конфедерація 1573 года, развитіе главнаго Литовскаго сеймика, трибуналъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ явленій въ жизни Княжества. Съѣздъ торопитъ назначеніе депутатовъ отъ сената Литовскаго для исправленія статута, чтобы это дѣло такимъ образомъ «се направило». «Ревидованіе» статута, которое «се на тотъ часъ у Волковыску не стало», должно «за ознайменьемъ часу» королемъ всѣмъ станамъ «дойти», самое долгое, что «у двухъ, або у трехъ недѣляхъ, вступивши въ постъ въ тымъ теперешнемъ року». Заботясь о томъ, чтобы скорѣе былъ утвержденъ новый статутъ, съѣздъ «особливе» и «унижене» проситъ короля, чтобы онъ, не имѣя возможности выслушать проектъ статута на сеймѣ, ибо «короткій часъ есть справамъ соймовымъ назначонъ, для отправы речи посполитой попиранья войны скорочонъ былъ»,—назначилъ бы дни и часы «ку выслуханью» этого статута съ панами-радами, дабы «безъ всякой вонтпливости статутъ поправленый до конфирмаціи его королевское милости водлугъ конституціи соймовое на сеймѣ наперврши принесенъ и намъ выданъ былъ». Проситъ съѣздъ короля также, чтобы убытки и тягости, которые были причинены жолнерами, были бы разобраны и вознаграждены и чтобы на будущее время жолнеры не имѣли бы «лежи» въ имѣніяхъ обывательскихъ. Во время похода жолнеры должны держать себя, соблюдая законы и статутъ. Что касается до высказанной королемъ въ его листахъ къ повѣтамъ мысли о продолженіи войны, то для него необходимо сеймовое разрѣшеніе. Однако, паны-рада Литовскіе «зъ мѣсцъ» своихъ, а послы повѣтовые, «будучи съ тымъ отправены» отъ «братіи», чтобы на сеймѣ вальномъ, или на съѣздѣ Волковыйскомъ постановили то, что

---

[1]) А. Вил. VII. Стр. 180.

будетъ къ наибольшему благу государства, такъ «намовили, взявши вѣдомость, ижъ въ некоторыхъ повѣтехъ панове Поляцы» сговариваются не «отводить» короля на сеймѣ отъ войны, но помогать ему, «попираючи посилкомъ податку на служебные»: Литва согласится «на тотъ одинъ часъ» установить такой же податокъ «на попиранье войны», какой будетъ «намовленъ» въ Польшѣ. Если это все будетъ постановлено и рѣшено въ Коронѣ на главныхъ сеймикахъ (въ Колѣ и Корчинѣ), «не отзываючисе до сойму вального», Литва сдѣлаетъ то же самое. Конечно, король долженъ оповѣстить великое княжество Литовское своими листами о томъ, рѣшено ли дѣло на главныхъ сеймикахъ, или же нужно ѣхать на сеймъ, равно какъ въ этихъ листахъ должно «достаточное быть доложоно около часу и способѵ выбиранья того податку зголливе, яко панове Поляцы у себе постановятъ». Въ своихъ инструкціяхъ посламъ на повѣтовые сеймики король, кромѣ того, предлагаетъ обывателямъ Литовскимъ «пильне угленути въ справу поборовую, абы се то показало зъ стороны выданья, яко се хто противко речи посполитой заховуетъ», но этого сдѣлать станы Литовскіе не считаютъ себя въ правѣ. Если сеймъ не «дойдетъ», а постановленный податокъ будетъ выбираться, то король пусть разрѣшитъ избрать самимъ повѣтамъ поборцевъ его. Кромѣ того, по вопросу объ этомъ податкѣ съѣздъ ходатайствуетъ предъ королемъ о сохраненіи духовенствомъ своего права отдавать поборъ своимъ особымъ поборцамъ, «не уближаючи ничого констытуціи соймовое, яко звыклость есть въ короне Польской». Относительно не выплачивающихъ этого податка пусть распорядится король съ соблюденіемъ «права посполитого» и конституціи. Болѣе входить въ обсужденіе ровнаго и одинаковаго сбора податка съ обоихъ народовъ съѣздъ не можетъ: «то есть речь соймовая, на которомъ о томъ зо всими станы намовлять потреба», хотя и сами Литовскіе станы видятъ «великое уближенье» государству вслѣдствіе поступленія такой малой суммы съ этихъ поборовъ, какъ станы были извѣщены королемъ. Далѣе съѣздъ переходитъ къ обсужденію отправленія Литовскаго земскаго суда. Дѣло въ томъ, что по распоряженію короля земскіе трикрольскіе роки отложены были на время послѣ окончанія сейма, ибо во время сейма и его подготовки имъ неудобно отсуживаться: и члены суда, и шляхта повѣтовъ заняты сеймиками и сеймомъ. Но если сеймъ не окончится къ назначенному сроку, т.-е. къ 9 марта, станы просятъ, чтобы правосудію («справедливости») «отвлока» не

дѣлалась; въ листахъ, которые король пришлетъ въ повѣты о поборѣ, пусть онъ благоволитъ распорядиться «отсуженьемъ» тѣхъ справъ, которыя въ повѣтахъ «на оные роки припадали, то есть о сородопостное недѣли». Этимъ заканчиваетъ Волковыйскій главный сеймикъ изложеніе своихъ просьбъ и постановленій, а всѣ прочія просьбы и «потребы» находятся въ инструкціяхъ повѣтовымъ посламъ на сеймъ. Послѣдніе донесутъ ихъ королю и всѣмъ станамъ, «кгды сеймъ будетъ». Свое постановленіе Волковыйскій съѣздъ отсылаетъ къ королю, а также къ «братіи» своей въ воеводства и повѣты. Къ документу члены съѣзда приложили свои печати, «ажъ до змоцненья отъ его королевское милости».

Познакомившись съ постановленіемъ Волковыйскаго съѣзда 21 января 1582 года, мы встрѣтились съ новою, чрезвычайно важною задачею, которая стояла передъ обще-Литовскимъ съѣздомъ въ эту эпоху. Первая задача, которою былъ занятъ главный Литовскій сеймикъ въ царствованіе Баторія, война съ Москвою, составила славу исторіи всей Речи Посполитой и ея короля Стефана, но роль Литвы въ ней оставалась въ тѣни, заслоненная общею славою всего государства и заглушенная громомъ патріотическихъ прославленій, въ которыхъ вся Речь Посполитая искала себѣ потомъ опоры, нравственныхъ устоевъ и преданій своего былого могущества, нуждаясь въ этомъ во времена упадка. Но по справедливости нужно сказать, что Московская война была въ дѣйствительности гораздо больше дѣломъ Княжества, чѣмъ Короны. Мы видѣли, какъ Литовскій съѣздъ принималъ большую половину тяжести этой войны на плечи Литвы, мы видѣли, какъ Литва своими «персями» встрѣчала врага, въ то время какъ Корона закрывала свою грудь наемнымъ войскомъ, за которое притомъ платила не только она, но и Княжество; мы видѣли и громкое признаніе Баторіемъ заслугъ Литвы, а особенно Полоцкой шляхты на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года. Вторая задача, которою занялся Литовскій съѣздъ была не менѣе важна. Но заслуга Литовскихъ становъ въ ея разрѣшеніи не болѣе извѣстна, чѣмъ оцѣнено значеніе Литвы въ дѣлѣ созданія сокровищницы славныхъ преданій Московской войны Баторія. Если вся Речь Посполитая владѣла этими преданіями, то дѣло составленія третьяго статута, эта вторая заслуга Литовскаго съѣзда, цѣликомъ приписывается Льву Сапѣгѣ [1]), занимавшему съ 1585 года должность

[1]) *С. Л. Пташицкій.* Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута. СПБ. 1893. Стр. 12.

Литовскаго подканцлера. Не отрицая вообще значенія энергіи и дарованій Льва Сапѣги, этого Литовскаго самородка, сумѣвшаго пріобрѣсти и знанія, и развитой умъ, не смотря на неблагопріятныя для умственнаго развитія условія [1]), мы, однако, не можемъ не выдвинуть работы самихъ Литовскихъ становъ и главнаго сеймика Княжества надъ «поправою статутовою», производимою депутатами Литовскими.

Какъ извѣстно, уже на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года было постановлено учредить коммиссію депутатовъ [2]) для «поправы» Литовскаго статута, который необходимо было измѣнить въ виду новаго политическаго положенія великаго княжества Литовскаго и новыхъ его отношеній къ Польшѣ, установленныхъ Люблинскою Уніею. Исправленіе Литовскаго статута не было, однако, простымъ согласованіемъ его со статьями Люблинскаго акта въ тѣхъ частяхъ его, гдѣ это могло требоваться,—оно было вмѣстѣ съ тѣмъ внесеніемъ въ него поправокъ, которыхъ потребовала практика Литовской общественной и государственной жизни для раздѣловъ и артикуловъ второго Литовскаго статута. «Поправа» статута была вызвана не только политическимъ актомъ Люблинской Уніи, она была также отвѣтомъ на просьбы о «поправеньѣ статута», возносимыя къ королю Литовскими станами еще до 1569 года [3]). Составъ коммиссіи, учрежденной на Люблинскомъ сеймѣ

---

[1]) См. объ условіяхъ, въ которыхъ прошла его молодость, въ письмѣ его къ Криштофу Радивилу изъ Кракова отъ 12 сентября 1583 года. Archivum Domus Sapiehanae. Tomus I. Continet codicem Epistolarum 1575—1606. Lwów 1892. № 4.

[2]) Vol. leg. II. Str. 100.

[3]) Въ уфалѣ Городенскаго сейма 1568 г. читаемъ, что на этомъ сеймѣ были «донесены» къ королю просьбы ото всѣхъ становъ, чтобы «теперъ заразомъ певные особы» изъ пановъ-радъ и изъ шляхты «за сполнымъ зволеньемъ на поправенье статуту высажоны были, ижъ бы ся на семъ сойме статутъ могъ поправити». Король, по совѣщаніи съ панами-радами, назначилъ въ эту коммиссію Виленскаго бискупа, Берестейскаго воеводу и кашталяновъ Жомоитскаго и Берестейскаго. «А с кола, або зъ становъ шляхетскихъ и посельскихъ тежъ обрали на то певныхъ особъ»—продолжаетъ далѣе уфала. Эта коммиссія, составленная «моцю сего сойму теперешнего Городенского», должна засѣдать въ Вильнѣ «и того дозрети и поправити, што бы шкодливого и в артыкулехъ статутовыхъ было. А где бы тежъ шляхта якие готовые артыкулы статутовые водле уфалъ першихъ соймовыхъ в собе мели, тогды мають то зносити до тыхъ же особъ, на то высажоныхъ и обраныхъ». Коммиссія должна начать свою дѣятельность «по выволанью» сейма Городенскаго «в чотырохъ неделяхъ». Исправленные артикулы коммиссія должна внести

1569 года для исправленія Литовскаго статута 1566 года былъ слѣдующій. Изъ рады Княжества вошли въ нее Валеріянъ бискупъ Виленскій и Мальхеръ Шеметъ кашталянъ Жомоитскій. При нихъ былъ назначенъ состоять королевскій секретарь «докторъ обойга права»[1] Августинъ Ротундусъ войтъ Виленскій. Если изъ этихъ лицъ кто-либо не будетъ имѣть возможности работать въ коммиссіи, король депутуетъ на его мѣсто другого депутата. Изъ стана шляхетскаго въ коммиссію вошли по одному члену отъ каждаго воеводства Литовскаго. Это были: Николай Дорогостайскій стольникъ Княжества державца Велюньскій тивунъ Гондинскій, князь Лукашъ Свирскій маршалокъ государевъ, Янъ Стецковичъ, Бенедиктъ Юраха маршалокъ государевъ, князь Павелъ Соколинскій подкоморій Витебскій, Янъ Сколка, Кирдей Кричевскій судья Берестейскій, Сѣлецкій, Мартинъ Волочкевичъ. При этихъ депутатахъ назначены были состоять два писаря земскихъ: Андрей Мачковичъ—Виленскій и Петръ Станиславовичъ—Ошмянскій. Засѣдать коммиссія должна была въ Вильнѣ и должна была начать свои засѣданія на день св. Мартина[2], т.-е. 11 ноября того же 1569 года. «Поправа» по требованію сеймовой конституціи должна состоять въ томъ, чтобы депутаты, положивъ передъ собою Польскій статутъ (statut Polski), согласили бы съ нимъ законы Литовскіе (a co naybliżey z nim prawa Litewskie zgadzać). Исправленія потомъ должны быть внесены на ближайшій вальный сеймъ. На содержаніе депутатамъ для «поправы» статута, пока они не окончатъ своего труда, сеймовая конституція назначаетъ[3] податокъ съ обывателей Княжества—по грошу съ каждой волоки, или

на обще-Литовскій съѣздъ, который будетъ назначенъ королемъ послѣ повѣтовыхъ сеймиковъ «передъ соймомъ сполнымъ с Поляки». Заканчивается этотъ 27 артикулъ уфалы 1568 года слѣдующимъ образомъ: «а такъ мы, моцю сего жъ сойму Городенского и такъ, якобы то тутъ теперъ на немъ вчинено быти мело, зо всими станы уфаливши, в статутъ вписати кажемъ и то имъ утвердимъ по звыклому обычаю, а на семъ теперешнемъ сойме артыкулъ около року за позвы кгродскими и о кглейты, абы поднесенья выволанья, тежъ есмо з уфалы всихъ становъ поправити и в сесь рецесъ вписати казали». Д. М. А. М. Ю. I. Стр. 475, 476.

[1]) А. Вил. XX. Стр. 18, 22. Объ Августинѣ Ротундусѣ см. у *Teodora Narbutta*—Dz. nar. Lit. IX. Dodatek X. Str. 27—28.

[2]) Vol. leg. II. Str. 101.

[3]) «Na strawę tym Deputatom, poki na tey poprawie statutow mieszkać będą, wszyscy obywatele W. X. L., iako się Stany tegoż Xięstwa tu na tym Seymie zezwolili, mają we wszystkich powieciech złożyć z każdey włoki y służby ludzi grosz ieden...» и т. д. Ibidem.

службы людей, съ дымовъ Подляшскихъ по 8 пенезей, съ загородниковъ по 4 пенезя, съ бояръ путныхъ и панцерныхъ по грошу и съ неимѣющей людей шляхты по два гроша отъ дома. Само собою разумѣется, что составъ коммиссіи не былъ тѣмъ же самымъ за все время ея дѣятельности. Напримѣръ, Жомоитскій кашталянъ Мальхеръ Шеметъ умеръ въ 1570 году [1]), бискупъ Виленскій Валеріянъ Протасевичъ—въ 1579 году [2]), т.-е. до утвержденія въ 1588 году поправленнаго Литовскаго статута, получившаго названіе третьяго.

Съ результатомъ дѣятельности депутатовъ, назначенныхъ въ 1569 году для исправленія статута 1566 года, пришлось уже встрѣтиться королю Генриху на коронаціонномъ сеймѣ 1573 года, на который былъ представленъ одинъ артикулъ статутовой «поправы», не попавшій, однако, въ сеймовую конституцію и обнародованный лишь королемъ Стефаномъ въ 1578 году [3]). О депутатахъ, «по становенью сойму Любельского при уніи постановленыхъ и депутованыхъ певныхъ особахъ для поправы статуту», знаетъ и листъ сеймовый Торунскаго сейма 1576 года, разосланный только что вступившимъ на престолъ Речи Посполитой Стефаномъ Баторіемъ [4]). На Варшавскомъ сеймѣ 1578 года вновь встрѣчаемся съ результатами занятій статутовыхъ депутатовъ, такъ какъ на этотъ сеймъ были представлены «артикулы поправъ статуту Литовского» [5]). Конституція Варшавскаго сейма 1578 года [6]) разсказываетъ, что паны-рада и послы земель, воеводствъ и повѣтовъ великаго княжества Литовскаго поднесли королю для утвержденія потребовавшіе разъясненія артикулы статута Литовскаго и нѣкоторыя добавленія къ нему. Конституція затѣмъ перечисляетъ содержаніе этихъ «поправъ», не выписывая ихъ цѣликомъ. Она говоритъ далѣе объ утвержденіи ихъ Стефаномъ Баторіемъ властью этого сейма и о приказаніи короля разослать ихъ изъ канцеляріи Княжества по всѣмъ воеводствамъ и повѣтамъ Литовскимъ за печатью Княжества и подписью короля. Тотъ же Варшавскій сеймъ 1578 года внесъ въ свою кон-

---

[1]) *J. Wolff.* Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków. 1885. Str. 143.

[2]) X. *Melchior Buliński.* Historya Kościoła Polskiego. T. II. W Krakowie. 1873. Str. 175.

[3]) Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Р. XXIII. Стр. 204.

[4]) А. З. Р. III. № 66. [5]) Временникъ XXIII. Стр. 200—212.

[6]) Vol. leg. II. Str. 186.

ституцію слѣдующій параграфъ: «A w Wielkim Xięstwie Litewskim przy swych prawach, wedlug poprzysiężenia Unii zostaną, poprawę statutu swego wedle konstytucyi w Lublinie w roku sześćdziesiątym dziewiątym uczynioney, y wedle poprzysiężenia Krola I. Mci Henryka y naszego, wcale zachowuiąc. Iakoż ku poprawie tych spraw sądowych Wielkiego Xięstwa Litewskiego y Seymiki w Woiewodztwach Xięstwa Litewskiego naznaczamy w tym roku 1578 miesiąca Maja 23 dnia: a z tych Seymikow większy ziazd maią, mieć Stany W. X. Lit., dla teyże poprawy statutu praw ich, w Nowogrodku na pewny czas na dzień S. Michała w tymże to roku teraźnieyszym. A ztąd maią, tę poprawę przynieść na Seym Koronny pierwszy, ku konfirmacyi naszey» [1]). Такимъ образомъ, 29 сентября [2]) 1578 года, согласно постановленію сейма, долженъ былъ собраться новый Литовскій съѣздъ для «поправы» статута—на этотъ разъ въ Новгородкѣ. Намъ не удалось встрѣтить въ актахъ слѣдовъ дѣятельности Новгородскаго съѣзда, но черезъ два года послѣ представленія на сеймъ 1578 года «поправы статутовой» и утвержденія ея сеймовою конституціею снова встрѣчаемся съ дѣломъ исправленія второго Литовскаго статута, о которомъ была поднята рѣчь на Виленскомъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1580 года. Изъ королевской грамоты, вышедшей 29 апрѣля этого года, узнаемъ, что еще на прошломъ Варшавскомъ сеймѣ были «донесены» королю просьбы Литовскими панами-радами и послами земскими о томъ, чтобы нѣкоторые артикулы «поправы» Литовскаго статута были королемъ «выданы и моцю оного сойму ствержены». Король согласился исполнить эту просьбу и приказалъ дать эти поправы «на писме» вмѣстѣ съ порядкомъ апелляцій, о которомъ хлопотала Литва. Однако, «выдать» эти законы король могъ соглашиться лишь «за варунком и змоцненъемъ тое речи констытуциею соймовою». Онъ уже подписалъ документъ, но «выдать» его оказалось невозможнымъ, такъ какъ Варшавскій сеймъ 1579 года не «дошолъ» и не оставилъ послѣ себя конституціи. Поэтому нельзя было и опубликовать новыхъ законовъ, хотя документы, относящіеся къ нимъ, были уже утверждены королевскою подписью. Такимъ образомъ, окончательное утвержденіе «поправы» статута затянулось опять до слѣдующаго сейма. Но могла ли быть увѣрена Литва, что этотъ новый сеймъ «дойдетъ», а не разойдется

---

[1]) Ibidem.

[2]) *Н. Горбачевскій.* Археографическій календарь. Вильна. 1869. Стр. 94.

безъ всякой конституціи, не сговорившись въ дѣлѣ выработки своихъ постановленій? Виленскій съѣздъ, на которомъ присутствовалъ и самъ король, могъ представляться станамъ Литовскимъ прекраснымъ случаемъ для того, чтобы представить здѣсь вновь королю «поправы» своего кодекса и испросить здѣсь его утвержденія. Процедура новаго представленія ихъ на сеймъ будетъ устранена, и Литва получитъ, несмотря на это, необходимые для нея законы. Но этого мало. Княжество создастъ прецедентъ утвержденія своихъ законовъ безъ всякаго участія въ немъ спольнаго сейма, одними Литовскими станами вмѣстѣ съ государемъ. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года дѣйствительно обратились къ королю съ этою просьбою собравшіеся «за листы и везванемъ» королевскими паны-рада, княжата, панята, маршалки, врядники земскіе и дворные и всѣ станы рыцерство, обыватели великаго княжества Литовскаго. Въ отвѣтъ на эту просьбу король заявилъ, что, давъ уже свое соизволеніе на Литовскую просьбу во время прошедшаго сейма, онъ и теперь «варуетъ» Литовскимъ станамъ, что на ближайшемъ сеймѣ какъ «порадокъ новый около отправованя апеляций» къ королевскому суду, такъ и статутовыя поправы, т.-е. всѣ новые законодательные акты, о которыхъ хлопочетъ Литва, будутъ выданы, вписаны въ конституцію сеймовую и оглашены королевскими листами по всему великому княжеству Литовскому. «А если бы теж того была потреба, же бы и што артикулов в том порадку справедливости поправило», станамъ Литовскимъ это сдѣлать «волно будетъ на сеймикахъ пришлых», и король обѣщаетъ своимъ королевскимъ словомъ «выдать» имъ этотъ исправленный «порядокъ» вмѣстѣ со статутовою поправою, согласно «способу и порадку, яко в коруне Полской естъ постановено» [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣятельность депутатовъ, назначенныхъ для исправленія статута, не прекращается послѣ «поправы» 1578 года. Въ 1579 году готово продолженіе этихъ «поправъ», которое было принесено на сеймъ этого года и о которомъ была поднята рѣчь также на Виленской конвокаціи 1580 года.

Между тѣмъ, пока работали надъ исправленіемъ второго Литовскаго статута, необходимость «поправы» его стала чувствоваться

[1]) Коронная Метрика М. А. М. Ю. $\frac{\text{I B}}{22}$ л. 28 об.—29. Далѣе документъ добавляетъ: «заховавши толко тые суды, которые персуне маестату нашого, особливе о добра столу нашого, власне суду нашому господаръскому належат».

все сильнѣе и сильнѣе. Учрежденіе трибунала Литовскаго въ 1581 году сдѣлало необходимыми соотвѣтствующія измѣненія въ статутѣ, и конституція сейма 1581 года предписала вновь депутатамъ Литовскимъ «поправить» статутъ и сеймовыя конституціи, относящіяся къ суду. Разумѣется, это предписывается сдѣлать такъ, чтобы ничто не стояло въ противорѣчіи со «списами Уніи» Литвы и Польши [1]). Мы не встрѣчаемъ тутъ новаго предписанія о депутатской коммиссіи и новаго учрежденія ея, и это обстоятельство говоритъ за то, что это была та же самая коммиссія, которая существовала съ 1569 года и которая еще не закончила своей дѣятельности, хотя и успѣла уже часть своей работы представить на Варшавскіе сеймы 1578 и 1579 годовъ. Свои поправки къ статуту депутаты вносили на главный Литовскій сеймикъ, и акты сохранили намъ указанія на занятія обще-Литовскаго съѣзда этимъ дѣломъ исправленія Литовскаго кодекса. Волковыйскій съѣздъ 1582 года, какъ мы видѣли выше, удѣляетъ очень много вниманія дѣлу составленія третьяго Литовскаго статута, но еще болѣе имъ занимается обще-Литовскій съѣздъ, собравшійся въ Вильнѣ въ 1584 году. Самъ король также находился въ Вильнѣ въ это время. На этотъ разъ и самою цѣлью съѣзда была статутовая поправа. На Виленскомъ съѣздѣ 25 марта 1584 года «ихъ милость панове-рады и послове, которые се были зъехали тут до Вильни ку сконъченью поправы статутовое, оповедали его королевской милости, ижъ пры доконанью тое справы статутовое не могли некоторых артыкулов и иных речей, до тогожъ статуту потребных, сконъчыт без братьи своее». Они просили, чтобы король, когда онъ будетъ назначать въ повѣтахъ собраніе сеймиковъ передъ вальнымъ сеймомъ, послалъ на повѣтовые сеймики черезъ своихъ пословъ «то, што межы собою намовъляли» станы на съѣздѣ. Паны-рада и послы Литовскіе подали въ канцелярію государеву изложенные письменно эти артикулы, а король приказалъ вписать ихъ въ канцелярейскія книги [2]). Это письменное заявленіе начинается такъ: «мы рада великого князства Литовского духовные и свецкие и послове з воеводствъ и поветов, за волею и листы его кр. милости зобраные тут до Вилни для сконъченья и згоды артыкуловъ прав, писаных через депу-

---

[1]) Vol. leg II. Str. 210.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{II А.}}{61}$ л. 132 об.—136.

татов нашых, яко бы се от всих становъ згодне ку конъфирмацыи и до его кр. милости на съемъ тотъ статут новый прынесенъ был, в котором статуте ижехъмы обачыли...» Далѣе идетъ изложеніе замѣчаній съѣзда по поводу статей, внесенныхъ въ проектъ статута депутатовъ, вмѣстѣ съ выписками изъ нихъ. Въ артикулѣ 7 и 29 третьяго раздѣла проекта съѣздъ увидѣлъ постановленіе постояннаго податка (по 2 гроша съ волоки) на прогоны посламъ повѣтовымъ на вальные сеймы, а также «на будованье домов для зложенья книг земскихъ и на иншые потребы». Съѣздъ не посчиталъ себя въ правѣ согласиться на него, такъ какъ предки «варовали се того, абы вечный плат николи не был вношонъ на маетъности и подданых» обывателей Литовскихъ. Паны-рада совершаютъ поѣздки на сеймы на свой собственный счетъ, и эти поѣздки и безъ новыхъ поборовъ обходятся не дешево подданнымъ сенаторовъ, на которыхъ падаетъ обязанность доставлять своимъ господамъ подводы и удовлетворять другія потребности этихъ путешествій. Что касается до того, откуда изыскать источникъ прогонныхъ денегъ для повѣтовыхъ пословъ, то съѣздъ со своей стороны предлагаетъ слѣдующее. Въ теченіе трехъ лѣтъ великое княжество Литовское вноситъ ежегодно по 8 грошей съ волоки или со службы людей, по 2 гроша съ огородника [1]) и по 5 пенезей съ мѣстскихъ домовъ. Этими собранными деньгами имѣется въ виду «заложить скарбъ речы посполитое, то есть просить его кр. милость, абы мынцу зо всим начынемъ мынцарским даровати рачыл на речъ посполитую». «Зыскомъ з мынцы» будутъ покрываться расходы по отправленію пословъ повѣтовыхъ на сеймъ, а также по удовлетворенію другихъ нуждъ повѣтовъ, каковы напримѣръ, постройка судовыхъ домовъ и другія, подобныя этой нужды. Конечно, всѣ эти расходы могутъ дѣлаться лишь «за намовою спольною речы посполитое». Но вѣдь сеймъ отправляется не каждый годъ, доходъ же съ монетнаго двора будетъ постояннымъ, будетъ получаться непрерывно, а не спеціально передъ сеймами, и такимъ образомъ въ государственномъ скарбѣ Литовскомъ будетъ всегда оставаться извѣстная сумма и она будетъ расти годъ отъ году. Для этихъ свободныхъ денегъ съѣздъ хочетъ видѣть слѣдующее назначеніе. Многіе люди, нуждаясь въ деньгахъ, платятъ большіе

---

[1]) «Тымъ обычаемъ, яко на прошлые войны плачоно». Лит. Метр., $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 133 об.

проценты за ссуды: платятъ «до цалого гроша», а иные и больше за недѣлю ссуды съ копы грошей, взятой въ долгъ. Это несомнѣнно «шкода» для государства, такъ какъ изъ-за этого лихоимства «сынове земские ку убоству и знищенью прыходять». Изъ свободныхъ суммъ государственнаго скарба нуждающіяся въ кредитѣ лица могли бы подъ обезпеченіе въ уплатѣ «на певныхъ маетностяхъ» получать ссуды за проценты, которые не должны превышать двухъ пенезей, въ недѣлю отъ копы грошей ссуды. Такъ какъ сумма, имѣющая поступить въ скарбъ Литовскій, собранная трехгодичнымъ выше изложеннымъ податкомъ, будетъ очень значительна, то и доходъ великому Княжеству отъ этихъ ссудъ сразу будетъ немалый. Такимъ образомъ, выгода предлагаемой мѣры, очевидно, велика и для государства, и для «сыновъ земскихъ». Дѣлопроизводители всего этого должны быть не только изъ шляхты, но и изъ стана «местъского», а одинъ изъ сенаторовъ долженъ каждую четверть года «догледать порадку кованья монеты и шафованья пенезей з мынцы». Итакъ, учрежденіе посполитаго скарба Литовскаго задумано такъ широко, что въ дѣлѣ распоряженія имъ вмѣстѣ сходятся и рядомъ стоятъ не только владѣющіе политическимъ правомъ по закону два высшіе стана, паны-рада и шляхта-рыцерство, но къ нимъ присоединяются и мѣщане—все свободное населеніе Литовскаго великаго княжества объединяется съѣздомъ въ этой реформѣ. Учрежденіе государственнаго Литовскаго скарба съ правомъ ссужать изъ суммъ его нуждающихся въ кредитѣ лицъ дѣлаетъ возможною просьбу съѣзда къ королю о томъ, чтобы въ столичномъ городѣ Литвы Вильнѣ (гдѣ, конечно, и будетъ помѣщаться этотъ скарбъ), никто не давалъ «на лифу на золото и на серебро»—одинъ монетный дворъ въ Вильнѣ имѣетъ право дѣлать денежныя ссуды за два пенезя въ недѣлю отъ копы грошей. А то много купцовъ, оставивъ свою торговлю, занимаются исключительно ссудами подъ проценты. При этомъ чужеземцы вывозятъ много серебра, собравъ его, какъ проценты. Многіе и «зъ стану рыцерского, покинувшы господарства пристойные, на лифу пенези дають». Въ проектѣ съѣзда предполагается запрещеніе занятія ростовщичествомъ только въ Вильнѣ и не упоминается объ этомъ по отношенію къ другимъ городамъ великаго Княжества. Причина этого понятна: нельзя было, запретивъ ссудныя операціи частныхъ лицъ во всѣхъ городахъ, заставить всѣхъ нуждающихся въ кредитѣ непремѣнно ѣхать за нужными деньгами въ Вильну. Тѣмъ не

менѣе проектъ этотъ наносилъ крупный ударъ ростовщичеству въ Княжествѣ, ибо, уничтожая его въ столицѣ и предлагая вмѣсто него населенію болѣе дешевый кредитъ въ столичномъ городѣ, онъ оказывалъ услугу не только столицѣ, но и всему Княжеству, такъ какъ поѣздка въ Вильну была дѣломъ далеко не труднымъ и явленіемъ далеко не такимъ рѣдкимъ въ жизни Литовскихъ обывателей. Существованіе государственнаго монетнаго двора прекрасно разрѣшаетъ и вопросъ о «стравныхъ» деньгахъ для сеймовыхъ пословъ Литовскихъ повѣтовъ. Когда наступитъ время собранія главнаго сеймика Литовскаго въ Слонимѣ—новый статутъ замѣняетъ Волковыйскъ этимъ городомъ для обще-Литовскихъ предсеймовыхъ собраній,—сеймики повѣтовые снесутся съ нимъ, давъ съѣзду Слонимскому «личбу» расходовъ на пословъ. Тогда «справцы мынъцные за ведомостью оного преложоного з рад» выдадутъ эти деньги посламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дадутъ отчетъ съѣзду въ своей дѣятельности, состояніи суммъ и доходѣ монетнаго двора [1]). Паны-рада, послы и рыцерство, которые будутъ собравшимися на съѣздѣ, выслушавъ отчетъ, «мают ихъ, водлугъ годности справы их уваженье чынечы, пры том зоставити, або на тое местъце инъшых обрат, абы се около его объходили и люди до пана въ знаемость и цвиченье прыходили». Необходимо также обезпечить условіемъ («варовать»), чтобы никто не смѣлъ брать денегъ изъ этого скарба безъ «ведомости речы посполитое». Все это, предложенное съѣздомъ, «на сойме сполном с паны Поляки может быти стверъжоно и варовано, яко се будеть налепей видеть и яко се намовят на соймиках; если бы се то имъ не подобало»,—тогда пусть сеймики сами придумаютъ другой способъ «выправованья» пословъ на сеймы и «заложенья скарбу посполитого». Что касается до ближайшаго сейма, то тѣ свѣтскіе паны-рада, которые не поѣдутъ на сеймъ, распорядятся выдачей податка со своихъ подданныхъ въ томъ размѣрѣ, какъ постановитъ шляхта,—но это только для пословъ одного лишь предстоящаго сейма. На будущее время средства для выправы пословъ повѣтовыхъ долженъ давать монетный дворъ, или же какой-нибудь другой «пожытокъ», который изыщутъ повѣтовые сеймики въ замѣну этого, предложеннаго съѣздомъ.

---

[1]) Очень характерно, что въ числѣ этихъ справцевъ мынцныхъ находятся мѣщане, которые такимъ образомъ выдаютъ и «приносятъ» стравныя деньги посламъ сеймовымъ повѣтовой шляхты на ихъ поѣздки на сеймы.

Далѣе съѣздъ переходитъ къ 30-му артикулу IV-го раздѣла депутатскаго проекта исправленнаго статута. Здѣсь стоитъ въ проектѣ: «робота замковъ, мостов, даванья стацый, где передъ тымъ было, абы и тепер давано, што може се вытечать далеко, бо бымъ за тымъ могъ урад и неповинъных прымушати до тое повинъности, а отътоль бы наклад и права уросли», поэтому «се» съѣзду «видело постановити на купецкие люди, ижъ бы вжо всим (sic) места господаръские духовные и свецкие и чужоземские купъцы и кождый чоловекъ, который се купецтвом объходить, прыкладал се и платилъ мыта, ку старому платечы а давно звыклому мыту» прибавку [1]). Полученныя путемъ этого увеличенія мыта деньги съѣздъ предполагаетъ обратить на выкупъ столовыхъ имѣній, заложенныхъ прежними королями. Столовыхъ имѣній король не долженъ раздавать совершенно, «але абы з них наклад чынено» на построеніе замковъ такъ, какъ онъ это черезъ своихъ пословъ съѣзду «всказат рачылъ, хотечы, абы валомъ сыпаны стены замковые, кгдыжъ будованье замковъ деревомъ ничемное естъ и нисчее отъ старости а отъ огня». Над-

[1]) Отъ каменя воску—6 грошей, отъ лою—2, хмѣлю—$1^1/_2$, отъ бочки соли—3, отъ селедцовъ (къ старому мыту)—4 гроша, отъ шкуръ воловыхъ—3 гроша («отъ скур всяких, ижъ въ земли естъ потреба для посполитого чоловека не мало, заграничники без того се обыйти не могуть, а про то купец, выправажаючы за границу, нехай бы платил отъ скур воловых ку старому мыту грошы тры), отъ пары юхтовъ — прибавки 3 гроша, отъ шкуры цимцовой и козловой—прибавки 5 пенезей, отъ двухъ шкуръ дубленыхъ—4 гроша, отъ шкуры яловичей—2 гроша, «от бочки жыта, которую за границу купец провадить, а не господар своее роботы, от бочъки полтора грошa, а такъ и от иного збожъя». Другіе товары, «которые до панства идуть так сукна, яко и едвабъные, золотые, коренья и иные всякие речы косматые товары, шацуючы на копы, отъ копы по грошей тры, а с такихъ местъ, которые нигде мыта не дають, абы, проводечы товары за границу, потому, яко вышей описано, платили. А скобное мыто от тых товаровъ, яко от суконъ едъвабевъ, коренья и иных речей, абы платили по тры грошы. А таковые, которые ѳдно на одномъ местьцу старого мыта не платят и иные купъцы, што провадять за границу и у границу, отъ копы по грошей два ку старому мыту абы давали с купного мыта. А яко купецъ ошацуе свои товары, отъ того мыта дать, а за тым лацъно может быт постановена цена вшеляким товаромъ, почому што мает в земли продавать, показавъшы ему пожытокъ за фурълон и за працу и за то, што мыта даеть, абы и купецъ мелъ пожытокъ и въ земли дорогость товаровъ не была, яко на тотъ час, почому хто хочетъ, продают товары зъ заграничья прыпровадившы». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 134 об.—135.

зоръ за мытомъ въ таможняхъ, находящихся на границахъ государства, имѣетъ и другое значеніе: путемъ его можно будетъ назначать цѣны на товары, такъ чтобы и купецъ имѣлъ свою прибыль и обыватели Княжества не платили слишкомъ дорогихъ цѣнъ. Благодаря этому новому источнику доходовъ для великаго княжества Литовскаго, состоится выкупъ столовыхъ имѣній, которыя затѣмъ образуютъ неприкосновенный капиталъ, доходы съ котораго будутъ идти на сооруженіе крѣпостей Литовскихъ. «А такъ водлугъ важности и купенья именья освободят имена королевъские и тежар з ыменя шляхецкого знесеть се, кгдыжъ и перед тым замки граничные будовано з добръ короля его милости, где на то повинных людей з ыменъ шляхецъкихъ не было». Что касается до мощенія мостовъ, то ихъ можетъ строить владѣлецъ того имѣнія, гдѣ мостъ нуженъ, « а нехай мостовое маеть за свой наклад водлугъ уваженья комисаров, на то отъ» короля «высланыхъ». Съѣздъ далѣе требуетъ, чтобы «варунокъ выбиранья пенезей, на мытах подвышоное вложоных, и на вси тые речы, вышей описаные, яко будет намовенье в поветех, абы передъ прышлым соймом прынесено до Волковыйска, кгдыжъ въ Слониме зъездъ новым статутом еще не естъ ствержоный. А там намовившы се сполне и згодне, на съеймъ до его кр. милости ку стверъженью прынести се то маеть». Въ числѣ вопросовъ, о которыхъ будутъ разсуждать повѣтовые сеймики, занимаясь сообщеннымъ имъ изъ депутатскаго проекта, особенно отмѣчаетъ съѣздъ 46-ой артикулъ IV-го раздѣла, устанавливающій, чтобы роки земскихъ судовъ отправлялись не одновременно во всѣхъ повѣтахъ,—это «отъложоно на соймики в поветы на уваженье всих и для прынесенья на соймикъ Волковыйский». Кромѣ того нужно, чтобы на этихъ же повѣтовыхъ сеймикахъ, имѣющихъ быть созванными королемъ передъ сеймомъ, «намовляли» объ освобожденіи Виленскаго коллегіума отъ службы военной. Объ этомъ просятъ сами «колеяцы» на томъ основаніи, что они даже не могутъ сами имѣть «выживенья» съ «наданыхъ» имъ имѣній, а не только что чѣмъ отправлять военную службу. Предлагается освободить ихъ отъ служенія «войны» со всѣхъ имѣній, не только тѣхъ, которыми они владѣютъ теперь, но и съ тѣхъ, которыя будутъ въ послѣдующее время «наданы» этому и другимъ коллегіумамъ, «кгдыжъ оттуль наука и цвиченье молодым людемъ иде, што за одинъ скарбъ речы посполитой ма быт почытано». Въ заключеніе съѣздъ предлагаетъ вниманію сеймиковъ повѣто-

выхъ мѣру въ интересахъ Литовской торговли. Онъ предлагаетъ «намовляти» о складахъ, которые были бы устроены на границахъ великаго княжества Литовскаго для товаровъ, идущихъ за границу. Всѣ эти товары, а именно «збожъя, попелы, клепъки, ванчосы», бракуются чужеземскими купцами въ очень большомъ количествѣ при пріемѣ ихъ послѣ доставки. Если эти товары, безъ которыхъ чужеземцы не могутъ обойтись, будутъ покупаться иностранными купцами въ складахъ, устроенныхъ на границахъ, то, конечно, Литовскіе продавцы избѣгнутъ браковокъ послѣ затратъ на доставку товаровъ на мѣсто. Такимъ образомъ и интересы Литовской торговли не были забыты Виленскимъ съѣздомъ 1584 года. Заканчивая актъ своихъ обсужденій, съѣздъ писалъ: «а для того то писмо наше оповедали есмо перед его кр. милостью, абы во вси поветы на соймики, посылаючы послы, слово отъ слова выдавано и межы инъшыми речами, от его кр. милости подаными, о томъ намовляли» [1]). 25 марта уже дана была грамота короля Стефана въ повѣты, извѣщающая ихъ о результатахъ дѣятельности съѣзда для исправленія статута. Грамота эта объявляла обывателямъ Литовскихъ повѣтовъ о томъ, что лица, высланныя ими на съѣздъ въ Вильну для окончанія «поправы статутовое, за зложеньемъ и узыченьемъ часу» королемъ, «ознаймили» ему, на что изъ этого исправленнаго статута съѣздъ даетъ свое согласіе и что онъ проситъ подвергнуть обсужденію повѣтовой шляхты черезъ королевскихъ пословъ передъ вальнымъ сеймомъ. Къ этому объявленію король прибавляетъ: какъ онъ «на поправу того статуту» соизволилъ, такъ не задержитъ и его утвержденія своимъ привилеемъ «за згоднымъ прынесеньемъ» его на сеймъ Литовскими обывателями [2]).

Исполненіе королемъ своего обѣщанія сообщить повѣтовымъ сеймикамъ для обсужденія статьи статута, которыхъ не могъ принять съѣздъ безъ «братіи-шляхты», могло послѣдовать въ томъ же 1584 году. На 15 января 1585 года созванъ былъ Баторіемъ вальный сеймъ въ Варшавѣ. Въ то время какъ сеймики Коронные были всецѣло поглощены громкимъ дѣломъ убійства Самуила Зборовскаго и предстоящимъ на сеймѣ судомъ надъ его убійцами, сеймики Литовскіе занимались созданіемъ своего

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 132 об.—136. Документъ находится между актами 24 марта 1584 года.

[2]) Вил. Арх. Сб. III. № 32.

кодекса. 24 декабря 1584 года закончился главный Волковыйскій съѣздъ, очевидно, бывшій предсеймовымъ съѣздомъ сенаторовъ и пословъ земскихъ великаго княжества Литовскаго. Намъ не удалось встрѣтить документа его постановленій по исправленію статута, которое должно было обсуждаться на немъ, какъ и на повѣтовыхъ сеймикахъ, ему предшествовавшихъ. Но сохранился и даже изданъ документъ, излагающій тѣ статьи этого статута, на которыя изъявили свое согласіе духовные и свѣтскіе паны-рада, — онѣ касаются отношеній духовенства къ свѣтскому суду [1]). Документъ этотъ представленъ былъ для вписанія въ канцелярейскія книги лишь 25 марта 1586 года, и сдѣлалъ это «зъ милованья Божого кардыналъ святого костела Римского бискупъ Виленьскій Юрей Радивилъ на Олыцѣ и Несвижу княжа». Называется документъ этотъ такъ: «Артыкулы правные, съ статуту великого князьства Литовского новопоправленого вынятые, на которые ихъ милость панове стану духовного съ ихъ милостями паны стану свѣтского на зъѣздѣ головномъ Волковыйскомъ, въ року тысеча пятьсотъ осмдесятъ четвертомъ дня двадцать четвертого декабря сконченомъ, зголливѣ и въ спольной милости зезволилися, и оные печатьми и подписами рукъ своихъ утвердили». Всего находимъ здѣсь пять артикуловъ: 1) «артыкулъ 31 въ роздѣлѣ третьемъ, о непозыванье свѣтскихъ въ духовное право о рѣчи свѣтскіе», 2) «артыкулъ 32, о довоженье справедливости въ кривдахъ свѣтскимъ зъ станы духовными, также духовнымъ зъ станы свѣтскими», 3) «артыкулъ 33, о права земленые межи станы духовными и свѣтскими», 4) «артыкулъ 34, о позыванью опекуновъ, або экзекуторовъ тестаменту духовныхъ особъ» и, наконецъ, 5) «о колегіятахъ». Четыре первые артикула цѣликомъ вписаны въ третій статутъ [2]). Сличая оба текста, можно лишь отмѣтить нѣсколько словъ, замѣненныхъ другими въ окончательной редакціи, нѣсколько пропусковъ и вставокъ отдѣльныхъ словъ, рѣшительно не измѣняющихъ смысла. Существенной вставкою статута являются лишь слѣдующія слова 32-го артикула: «а где бы тежъ кому отъ князей бискуповъ кривда въ чомъ деяласе, такъ отъ самыхъ особъ, якъ отъ врядниковъ, слугъ, бояръ и подданыхъ ихъ, а они бы сами за упомненьемъ отъ вряду земского черезъ листъ упоминальный сами стороне жалобливой успраедливитися, яко особы духовные, не хотѣли, альбо

[1]) А. З. Р. III. № 161. [2]) III ст. III. 31—34.

з урядниковъ, слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ справедливости не учинили, водълугъ сего права посполитого, тогды о то до насъ господара такъже на рокъ завитый позываныи и тымъ же правомъ земскимъ сужоны быти мають, складаючы рокъ за позвы, естли у великомъ княжствѣ Литовскомъ дворомъ нашимъ будемъ, чотыри недели, а естли за границею великого князства Литовского, осмъ недель» [1]). Что касается до пятаго артикула изъ внесенныхъ въ канцелярейскія книги въ 1586 году Виленскимъ бискупомъ, то онъ принятъ не соглашеніемъ пановъ-радъ свѣтскихъ и духовныхъ, а «за позволеньемъ всихъ становъ» [2]). Онъ также внесенъ въ статутъ 1588 года дословно, но уже въ раздѣлъ второй и составляетъ въ немъ вторую половину девятаго артикула. Этотъ артикулъ «о колегіятахъ» былъ изъ числа тѣхъ отдѣловъ и статей статута, которые, какъ мы видѣли, должны были быть разосланы на обсужденіе повѣтовыхъ сеймиковъ по просьбѣ Виленскаго съѣзда 1584 года и по обѣщанію королевскому, объявленному повѣтамъ Литовскимъ грамотою Баторія отъ 25 марта того же 1584 года. Мы видимъ, однако, что просьба Виленскихъ коллегіятовъ домогалась для Виленскаго коллегіума большаго, чѣмъ даетъ имъ статутъ. Коллегіумъ добивался освобожденія отъ обязанности править земскую службу военную не только съ тѣхъ имѣній, которыми онъ уже владѣетъ, но и съ тѣхъ, которыя еще будутъ ему «наданы». Просьба кромѣ того касалась и другихъ коллегіумовъ, а не одного Виленскаго, и съѣздъ 1584 года отнесся сочувственно къ этой просьбѣ, высказывая мысль, что наука и образованіе юношества—это тотъ же «скарбъ» государства, онѣ равны по пользѣ государственной денежнымъ богатствамъ его. Очевидно, лишь повѣтовые сеймики нѣсколько уменьшили льготы Виленскому коллегіуму, къ которымъ склонялся Виленскій съѣздъ. Въ то же время они совершенно

[1]) III, ст. III. 32.

[2]) А. З. Р. III. № 161. Документъ въ сокращенномъ видѣ изданъ также *С. Л. Пташицкимъ* (Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута. СПБ. 1893. Стр. 11. Прим. 1). Но дата внесенія его въ канцелярейскія книги, приводимая г. Пташицкимъ — 26 марта 1596 года, не можетъ быть вѣрна, такъ какъ кардиналъ бискупъ Виленскій Юрій Радивилъ въ это время былъ уже бискупомъ не Виленскимъ, а Краковскимъ, которымъ онъ былъ назначенъ въ 1591 году (*X. Melchior Buliński.* Hist. Kosciola Polskiego. III. Str. 255). Конечно, это опечатка. Въ текстѣ самъ г. Пташицкій даетъ 1586 годъ. Кромѣ того не хватаетъ въ документѣ, изд. г. Пташицкимъ, артикула «о колегіятахъ».

лишили льготъ прочіе коллегіумы, хотя съѣздъ, повидимому, готовъ былъ распространить ихъ и на всѣ остальныя учрежденія «для науки и цвиченья» юношества.

Если мы теперь, на основаніи изложенныхъ фактовъ, зададимся цѣлью изобразить въ общихъ чертахъ способъ составленія третьяго Литовскаго статута и путь, пройденный имъ до его утвержденія, мы должны представить это слѣдующимъ образомъ. Второй статутъ былъ дополняемъ депутатами путемъ внесенія въ него отчасти статей изъ общихъ постановленій для всей Польско-Литовской Речи Посполитой [1]), отчасти статей, самостоятельно составленныхъ самими депутатами. Дѣло сличенія Литовскаго статута съ Польскими узаконеніями, какъ понимала статутовую поправу конституція Люблинскаго сейма 1569 года, обратилось въ совершенно самостоятельную переработку статута 1566 года на основаніи практики его и потребностей государственной и общественной жизни Литовской. Свои работы депутаты вносили на обще-Литовскій съѣздъ, который разсматривалъ ихъ, прежде чѣмъ «поправы» будутъ представлены королю. Съѣздъ привлекалъ къ работѣ надъ созданіемъ новаго Литовскаго кодекса и всѣхъ шляхетныхъ обывателей Княжества, отсылая на разсмотрѣніе повѣтовыхъ сеймиковъ тѣ статьи, принятія которыхъ онъ не могъ взять на себя. Но кто же давалъ санкцію Литовскому кодексу? «Поправы» 1578 года были внесены на Варшавскій сеймъ, конституціею котораго перечислено содержаніе ихъ [2]). Самый текстъ этихъ «поправъ» статутовыхъ имѣетъ во главѣ слѣдующія слова короля Стефана: «чинимъ знаменито всимъ посполито, кому того вѣдати потреба, што будучы намъ на соймѣ Варшавскомъ всимъ землямъ Короны Польской и Великого Княжства Литовского, обясненя артикуловъ нѣкоторыхъ, въ статутѣ описаныхъ, и ново причиненого порядку справедливости, яко то имъ правомъ посполитымъ и поприсяженямъ нашымъ есть позволено, и просили насъ, абы тоею моцю того сейму зверхностю нашею господарскою было имъ утверженно, и до статуту Великого Князства Литовского уписанно. На што мы Господарь позволивши, и росказали въ констытуцыѣ змѣнъ [3]) о кождомъ таковыхъ артыкуловъ учинити, и въ сесь привилей нашъ слово отъ слова велѣвши уписати, и до всѣхъ воеводствъ, земль и повѣтовъ, которыи ся тымъ

[1]) Напр., изъ акта Варшавской конфедераціи 1573 года.

[2]) Vol. leg. II. Str. 186. [3]) Т.-е. упоминаніе.

правомъ статутомъ Великого Князьства Литовского судити, съ канцлярие Великого Князьства Литовского выдать есьмо казали, яко тыи артыкули такъ въ собѣ мають» [1]).

Тѣ же «поправы» даютъ намъ знать, какъ былъ утвержденъ артикулъ статутовой поправы королемъ Генрихомъ на коронаціонномъ сеймѣ,—«на соймѣ коронаціи короля Гендрика потверженый конституціею соймовою». Въ этомъ артикулѣ читаемъ слѣдующія слова, сказанныя отъ лица короля Генриха: «тогды для прудшой справедливости людской моцю теперешнего сейму, *за дозволенямъ всихъ пановъ-радъ нашыхъ и пословъ земскихъ Великого Князьства Литовского*, тотъ артикулъ, през нихъ до насъ поданый, ухваливши, въ статутъ вписать и ку вживаню привести заказалисьмо тымъ способомъ» [2]). По смыслу приведенныхъ словъ привилея Генриха, внесеніе поправы статутовой на сеймъ не было вовсе дѣломъ, подлежащимъ разсмотрѣнію цѣлаго спольнаго сейма Польско-Литовскаго. Нельзя поэтому думать, что прежде утвержденія ея королемъ поправа разсматривалась и Поляками, и Литовцами вмѣстѣ на сеймѣ; ея разсмотрѣніе и утвержденіе было дѣломъ короля и *однихъ Литовцевъ*. Обратившись къ утвержденію Стефаномъ Баторіемъ «поправъ статутовыхъ» на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года, мы также замѣтимъ особенность его по сравненію съ другими сеймовыми постановленіями. Въ самомъ дѣлѣ, сеймовая конституція 1578 года перечисляетъ лишь заголовки тѣхъ артикуловъ «поправы», которые представлены королю панами-радами и земскими послами великаго княжества Литовскаго. Послѣ перечисленія этихъ артикуловъ конституція отъ имени короля гласитъ [3]): ktore My artykuły wszystkie przyiąwszy, iako rzecz słusznę, y mocą tego Seymu [4]) konfirmuiemy, y za pieczęcią W. X. Litewskiego, z podpisaniem ręki naszey, z Kancellaryi W. X. Litewskiego, we wszystkie Woiewodztwa y Powiaty W. X. Litewskiego odesłacieśmy kazali, aby to za statut maiąc, wedle tego się sądzili». Само собою разумѣется, что сеймовая конституція въ данномъ случаѣ не могла служить для примѣненія «поправъ» судьями, администраціей и всѣми обывателями великаго княжества Литовскаго: по простому перечню заголовковъ артикуловъ,

---

[1]) Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Р. XXIII. Стр. 200.

[2]) Временникъ XXIII. Стр. 204. [3]) Vol. leg. II. Str. 186.

[4]) Конечно опечатка—Seymiku вмѣсто Seymu въ Vol. leg. Исправляемъ ее въ нашей выпискѣ. (Въ спискѣ опечатокъ, приложенномъ въ концѣ II тома Vol. leg., указанія на нее нѣтъ).

не имѣя въ рукахъ полнаго ихъ текста, очевидно, нельзя было дѣйствовать. Но если конституція не могла служить для руководства Литовскимъ врядникамъ и обывателямъ, то самые артикулы также не могли быть вписанными цѣликомъ въ конституцію, такъ какъ послѣдняя была написана на Польскомъ языкѣ, а первые на Русскомъ [1]). Такимъ образомъ, «поправы» 1578 года, утвержденныя сеймовою конституціею, были обнародованы не ею, а королевскимъ привилеемъ, въ который вписанъ ихъ текстъ цѣликомъ [2]). Внесеніе въ конституцію сеймовую только однихъ заголовковъ артикуловъ, а не текста ихъ въ Польскомъ переводѣ, заставляетъ думать, что «поправы» и не разсматривались сеймомъ въ цѣломъ ихъ объемѣ и по существу ихъ содержанія, а лишь просто были прочитаны заглавія артикуловъ, писанныхъ на непонятномъ сейму Русскомъ языкѣ и утвержденныхъ королемъ по представленію Литовскихъ сенаторовъ и пословъ повѣтовыхъ. Такой же порядокъ утвержденія и внесенія въ сеймовую конституцію былъ соблюденъ и при созданіи главнаго Литовскаго трибунала. Въ конституціи сейма 1581 года, утверждающей трибуналъ Литовскій, читаемъ: «Stanom Wielkiego Xięstwa Litewskiego, za potrzebą ich na tym Seymie, wydaliśmy Trybunał, to iest, porządek Sądow nowych głownych, przez Sędzie głowne, ktorzy od Stanow onego Państwa czasu y mieysca naznaczonego obrani będą. O czym szerzey artykuły namowione, za pieczęcią naszą, W. X. Litewskiego, y z podpisem ręki naszey, *wedle praw ich, Ruskim pismem* pisane są, y im do Woiewodztw y Powiatow wydane». Далѣе конституція говоритъ объ исправленіи депутатами Литовскими,—(конечно здѣсь имѣются въ виду депутаты, занимающіеся исправленіемъ статута 1566 года),—Литовскаго статута и ухвалъ сеймовыхъ, относящихся къ судамъ. Это должно быть сдѣлано такъ, чтобы ничто не противорѣчило договору Уніи. Поправа эта должна быть представлена для королевскаго утвержденія (dla konfirmacyi naszey) на ближайшій, первый сеймъ [3]). Что касается до самаго устава Литовскаго трибунала, то онъ, какъ мы видѣли, былъ составленъ и изданъ въ томъ же 1581 году

---

[1]) О томъ, какъ существованіе двухъ различныхъ государственныхъ языковъ, Русскаго и Польскаго, отзывалось на самыхъ существенныхъ сторонахъ политической жизни соединеннаго государства, будетъ рѣчь во второмъ томѣ настоящаго изслѣдованія, въ главахъ, посвященныхъ Литовскому повѣтовому сеймику, обще-Литовскому главному сеймику и спольному сейму.

[2]) Временникъ XXIII. Стр. 200 и сл. [3]) Vol. leg. II. Str. 210.

Но вернемся къ исторiи составленiя и утвержденiя «поправъ статутовыхъ».

Мы видѣли выше, что «поправы» статута послѣ сейма 1578 года были представлены на Варшавскiй сеймъ 1579 года, но сеймъ «не дошолъ», и онѣ остались безъ утвержденiя, хотя и были подписаны королемъ. Видѣли мы также, что Виленскiй съѣздъ 1580 года хотѣлъ обойти новое представленiе ихъ сейму, прося короля объ ихъ немедленномъ обнародованiи. Король отказался это сдѣлать, но гарантировалъ станамъ Литовскимъ, что на ближайшемъ сеймѣ онъ прикажетъ внести артикулы статутовые въ сеймовую конституцiю и обнародуетъ ихъ по всему великому княжеству Литовскому [1]). Не простою ли формальностью

[1]) Приводимъ грамоту цѣликомъ.—«Стефан Божю милостю корол Полский великий княз Литовский. Ознаймуемъ тымъ листом нашимъ всим посполите и кождому зособна, кому то ведать належить, ижъ што перъво сего на прошломъ вальномъ сойме Варшавъскомъ в року минулом 1579-мъ были до нас донесены прозбы отъ пановъ-рад наших (и) пословъ земъских великого князства Литовского около порадку справедливости, то ест отправованя апеляцый, на суд нашъ господаръский належачих, абы тот таковый порадокъ около справедливости и при немъ некоторые артикулы поправы статуту великого князства Литовского им были от нас выданы и моцю оного сойму стверъжены, якож есмо на то позволили водле артикулов, при обираню короля Генрыка постановеных и через насъ поприсяженых, и отсуженя таковых апеляций з нас зложивши, тот порадокъ, которым обычаем таковые апеляцие через особъ, которых вы вси станы великого князства Литовского межи собою на то обрали, на писме посполу с поправою артикулов статутовых выдати есмо им росказали за варунком и змоцненъемъ тое речи костытуциею (sic) соймовою, якож ужо и рукою нашою тот порадокъ, списаный около тых судов, подписали были. Але иж констытуция соймовая на том Варшавском сойме не дошла жадная окром самого универсалу соймового, про то теж и тот порадокъ справедливости отсуживаня апеляций и поправа артикулов статутовых, у ним описаных, не выдано (sic). А панове-рады наши, княжата, панята, маршалки, врядники земские и дворные и вси станы рыцерство обователи панства нашого великого князства Литовского, зъехавшися здесе за листы и везванемъ нашим тут до места Виленского столечного у великом князстве на конвакуцию (sic) ку намовам в справах и потребах военныхъ, вси згодне и одностайне чинили нам припоминане и прозбу о выданемъ (sic) того нового порадку справедливости и около отправованя и отсуживаня апеляций, на што, якосмы перво сего на сойме у Варшаве хутливе были зезволили и оный порадокъ вжо рукою нашою подписали, так и на сес часъ, жеданю и прозбе панов-рад нашихъ и въсих станов досыт чинечи и в том их всих упевняучи (sic), варуем то им сим листом нашимъ, иж на сойме валном пришлом, который напервей от нас для потреб и справ речи посполитое зложонъ будет, маем станом великого князства Литовского тот порадокъ новый около отправованя апеляций, на суд нашъ припадаючих посполу с поправою артикулов

является внесеніе Литовскихъ законовъ на спольный вальный сеймъ Польско-Литовскій, если король до него «упевняетъ» и «варуетъ» исполненіе просьбы Литовскихъ становъ? Ясное дѣло, королемъ совершенно не принимается въ разсчетъ возможность несогласія пословъ и сенаторовъ Коронныхъ съ этими Литовскими узаконеніями, а слѣдовательно, и для утвержденія ихъ было вполнѣ достаточно согласованія желанія Литовскихъ становъ съ волею королевскою. Очевидно, внесеніе на сеймъ этихъ «поправъ» было нужно лишь для того, чтобы они были утверждены королемъ именно во время сейма, какъ утверждались государемъ прежде на сеймѣ же законы Литовскіе въ то время, когда Княжество было совершенно отдѣльнымъ государствомъ и имѣло свои отдѣльные сеймы.

Посмотримъ теперь, какое значеніе имѣли не утвержденныя еще сеймовыми конституціями «поправы» въ практикѣ судовъ Литовскихъ. 22 февраля 1590 года Троцкій подкоморій князь Богданъ Огинскій разбиралъ жалобу на коморника Троцкаго повѣта Яна Совковича, который, «будучы онъ высланый» подкоморіемъ за позвомъ подкоморскимъ «для доизренья справы» между сторонами на мѣстѣ, «для выслуханья доводовъ и отводовъ такъ через писмо, яко и через светки; гдежь дей, будучи онъ на онъ часъ на томъ кгруньте помененомь, одное стороны, доводу, пана Павла Жуковаго, через светъки чиненого слухал, а ее пани Войзбуновое доводу, который она перед нимь готова была показати, яко через листъ увящый пана судьи кгродьского Троцького, такъ тежь через свитки, шляхту и иньшие добрие

статутовых, в нем (sic) описаных, выдати и в констытуцию (л. 28 об.) соймовую то заразом уписати, росказавши по всему панству нашому великому князству Литовскому через листы наши казати обволати, иж бы вжо таковые суды водлуг оного порадку, через нас выданого, отсуживаны и отправованы через нас были. А если бы теж того была потреба, же бы и што артикулов в том порадку справедливости поправило, тогды то им волно будетъ на сеймиках пришлых учинити, а мы то им с тою поправою выдат обецуем под словем нашимъ королевским водлуг того способу и порадку, яко в коруне Полской естъ постановено, заховавши толко тые суды, которые персуне маестату нашого, особливе о добра столу нашого, власне суду нашому господаръскому належат. Для чого тот лист нашъ, рукою нашою власною подписавши, печетю (sic) нашою великого князства Литовского запечатоват есмо велели. Писан у Вилни лета Божего нароженя 1580, месеца апреля 29 дня. Подпис руки господаръское. Коронная Метрика (М. Арх. М. Юст.). $\frac{\text{I B}}{22}$ 28 об.—29.

люди суседы околечьные, сумежники, слухати дей не хотелъ и, не заховуючи се дей водле права посполитого и статуту земьского, не слухаючы выводу ее через свитки и не читаючи листу увящого, пана Павла Жука дей при всихъ кгруньтехъ Кгрутишскихъ не водле права зоставилъ». Однако, панъ Павелъ Жукъ, вмѣстѣ съ коморникомъ позванный панею Войзбуновою на судъ подкоморія, «ниякого дей року» не призналъ и не посчиталъ себя «повиннымъ» становиться на судъ, «беручи собе на то моцъ з статуту старого з розделу четвертого артыкулъ семьдесятый, где пишеть о подкоморской и коморниковской владзы, ижь сторона жалобливая, если бы мела ку кривде судъ коморниковъский, не мела апелевати до подкоморого, але до суду головного...» «Кривженье» пану Жуку было учинено 26 августа 1585 года, а переслано дѣло Троцкому подкоморію земскимъ судомъ Троцкимъ было 14 ноября 1586 года; выѣздъ же коморника на разбирательство состоялся 20 августа 1588 года [1]). Ясное дѣло, что мы не имѣемъ

[1]) Приводимъ документъ цѣликомъ.—«Лета от нароженя Сына Божьего тисеча пятъ сотъ деветдесятого месеца февраля двадцатъ второго дня. Передо мною Богданомъ Окгинъскимъ с Козельска подъкоморымъ Троцъкимъ державцою Дорсунискимъ на року, припаломъ за позвы моими подкоморскими, в Дорсунишкахъ, у дворе его королевское милости обличъне ставшы у права обе стороне, земянъка господаръская повету Ковенъского пани Ядвига Яновна Миколаевая Шимъковича Войзбуновая и з сынъми своими, Лукашомъ а Якубомъ Миколаевичи Войзбуны, через приятеля своего умоцованого пана Томаша Котовича Войзбуна жаловали с позву моего подкоморского на Яна Совкговича, коморника повету Троцъкого, о томъ, што иж дей року прошлого тисеча пятъ сотъ осмъдесятъ осмого будучы онъ высланый от мене за позвомъ моимъ подкоморъскимъ для доизренья справы межи ними, которую они мели зъ земяниномъ господаръскимъ повету Троцъкого паномъ Павломъ Яновичомъ Жукомъ на кгрунте Кгрутишскомъ и Ейнаришскомъ, для выслуханья доводовъ и отводовъ такъ через писмо, яко и через светки, гдежъ дей, будучи онъ на онъ часъ на томъ крунъте помененомъ, одное стороны доводу, пана Павла Жукового, через светъки чиненого слухал, а ее пани Войзбуновое доводу, который она перед нимъ готова была показати, яко черезъ листъ увящый пана судьи кгродъского Троцъкого, такъ тежъ через свитки шляхту и инъшие добрие люди суседы околечъные, сумежники, слухати дей не хотелъ и, не заховуючи се дей водле права посполитого и статуту земъского, не слухаючы выводу ее через свитки и не читаючи листу увящого, пана Павла Жука дей при всихъ кгрунътехъ Кгрутишскихъ не водле права зоставилъ, у которие панъ судя кгродский Троцъкий ее Миколаевую Возбуновую и сыновъ ее урадовне место части всего именья брата того пана Павла Жука, небощика Юря Яновича Жука, за голову мужа ее небощика Миколая Шимъковича Воизбуна у сту пети копахъ и у грошей двадцати чотырохъ былъ увезалъ. По прочытанъю позву и жалобы пани Миколаевое Войзбу-

тутъ ссылки на второй статутъ въ томъ его видѣ, въ которомъ онъ былъ изданъ въ 1566 году. Трибуналъ Литовскій былъ учрежденъ только въ 1581 году, а потому мы напрасно будемъ искать во второмъ статутѣ упоминанія объ апелляціи къ нему. Подъ «старымъ статутомъ», на который ссылался панъ Павелъ Жукъ, возможно понимать только «поправы», которыя въ случаѣ ихъ

новое и сыновъ ее тут же очевисте стоячы третея сторона панъ Павелъ Яновичъ Жукъ, который тежъ через листъ мой оттвороный, урадовне через возного ему поданый, ку прыслуханью тое справы был притягненъ, через умоцованого приятеля своего, пана Войтеха Кульвинъского, поведилъ, ижъ на тотъ позовъ пани Войзбуновое, которымъ коморника припозвала и пана Жука, яко сторону, листомъ вмл., пане подъкоморы, заложила и обънесла ку прислуханью права, ниякого дей року панъ Павелъ Жукъ не признаваетъ и становити се не повиненъ, беручи собе на то мочъ з статуту старого з розделу четвертого артыкулъ семъдесятый, где пишетъ о подкоморской и коморниковъской владзы, ижъ сторона жалобливая, если бы мела ку кривде судъ коморниковъский, не мела апелевати до подкоморого, але до суду головного; кгдыжъ дей тое кривженье стало се пану Жуку от пани Войзбуновое в року осмъдесятъ пятомъ месеца августа двадцатъ шостого дня, а отосланые до суду подкоморского от враду земъского Троцъкого в року осмъдесят шостомъ месеца ноябра чотырнатцатого дня, нижли только выездъ коморника сталъ ся в року осмъдесятъ осмомъ месеца августа двадцатого дня которий коморникъ тымъ статутом старимъ прошлые роки отправовалъ и доводовъ слухалъ, а бачечи дей, ижъ з стороны пани Войзбуновое не водле права апеляцыи до пана подкоморого домогалисе коморника не допустил про то, ижъ до суду головного не апелевала, порадку правного собе отступила и не повиненъ дей былъ в томъ ее коморникъ научать. На то стороны жалобливое от пани Войзбуновое пан Томашъ Котовичъ поведилъ, ижъ, ачъ се тая справа за старого статуту зачала, але дей выездъ коморника былъ в року осмъдесятъ осмомъ месеца августа двадцатого дня, вжо по выданъю нового статуту и бралъ собе на помочъ з статуту нового з розделу девятого артыкулъ десятый, где пишет: если бы се што в справе, в писанью и в поступъку инъшомъ якомъ через коморника поблудило нижли бы пришло до розсудку скутечъного о границы, о такие речы розправа з ними маетъ быти перед подъкоморимъ, а подъкоморий виненъ з нихъ справедливость чинити от принесенъя к нему жалобы надалей за две недели и моцонъ будетъ облуженъя ихъ поправити. Про то дей, ижъ се то за нового статуту стало, тогды тутъ теперъ с коморникомъ и рокъ праву посполитому естъ и повиненъ се естъ передъ вмл., пане подкоморый, усправедливити в томъ, ижъ одное стороны доводов нияких не слухаючы, а што се дей тычетъ апеляцыи на ономъ року передъ нимъ, тогды сторона моя апелевала до вмл., пане подкоморый, нижли коморникъ апеляцыи не допустилъ, и с тыхъ причинъ тутъ естъ коморникъ перед судъ вмл. припозванъ и сторона панъ Жукъ ку прислуханью, абы се то направило, ижъ коморникъ над право стороне одной уближенъе учинилъ и, доводовъ ее не слухаючы, кгрунътъ отсудилъ. А по тыхъ спорехъ и мовенъю ихъ знашол есми, ижъ тая справа маетъ быти новымъ статутом су-

утвержденія «за статутъ» [1]) признаются. Едва ли можно сомнѣваться, что въ приведенномъ дѣлѣ Жука и Войзбуновой мы имѣемъ ссылку на «поправу» статута, разсмотрѣнную Виленскимъ съѣздомъ 1584 года, причемъ примѣнялся тотъ артикулъ, который, не возбудилъ никакихъ вопросовъ, или недоумѣній въ членахъ этого съѣзда, а потому и не попалъ въ число артикуловъ, обсужденіе которыхъ было по просьбѣ съѣзда 1584 года предложено Баторіемъ повѣтовымъ сеймикамъ. Если обратимся къ самому третьему статуту и откроемъ въ немъ 70-ый артикулъ IV-го раздѣла, то не найдемъ въ немъ словъ объ апелляціи отъ суда подкоморія и коморника въ трибуналъ. 70-ый артикулъ

жона с тое причины: хотя сама речъ стала ся за старого статуту, але выездъ коморника за нового статуту вкрочилъ. На што панъ Кулывенъский з стороны пана Жуковое поведилъ, ижъ и в новымъ статуте розделе девятомъ артыкуле десятомъ такъ пишетъ: где бы кому судъ коморника которого не подобал се, о то отзов маетъ им до суду головного, яко и от подкоморого быти. А коморникъ поведил Янъ Совъкговичъ, ижъ, если был дей я стороне жалобливой пани Войзбуновой уближенъе в чомъ учинилъ, яко то собе менуетъ, мела бы дей апелевать до суду головного, а я быхъ имъ апеляцыи не боронилъ, але ижъ дей не водле права до вмл., пане подкоморый, апелевали, с тыхъ причинъ имъ апеляцыя не естъ допущона. А кгды вжо стороны болъше споровъ и мовенъя не мели, я, припатрившы се добре декретови коморника моего, в которомъ зменъку чинитъ, ижъ по декрете его пани Войзбуновая апелевала до подкоморого, нижли ей коморник апеляцыи не допустил, а припатрившы се добре праву посполитому, в статуте описаному, в розделе четверътомъ артыкуле осмъдесятъ шостомъ, ижъ сторона, которая бы собе от суду земъского, кгродского, албо и подкоморъского зрозумела быти сказанъе не водле права учыненое, волъно апелевати до суду головного трибуналъского и, ачъ в томъ сторона жалобливая, пани Войзбуновая и з сынами своими, апелевала не до суду головного, але до подкоморого, а апеляцыя до суду моего подкоморского не належытъ, однакъже ижъ апелевала и апеляцыи по декрете коморничомъ не промолъчала, с тыхъ причин стороне жалобливой, пани Ядвизе Войзбуновой и сыномъ ее, отъ декрету Яна Совъкговича коморника моего, в року осмъдесятъ осмомъ месеца августа двадцатого дня в той справе межи ними и паномъ Жукомъ учиненого, апеляцыю до суду головного трибуналъского быти слушную призналомъ и в томъ облуженъя, ижъ до суду належного апеляцыи сторонами не допустилъ, суду коморника своего поправиломъ. Маютъ обе две стороне, такъ пани Миколаевая Войзбуновая з сынъми своими, яко и панъ Павелъ Жукъ у суду головного у Вилни становити се в року теперешнемъ тисеча пят сот деветъ десятомъ на часъ звыклый, в праве посполитом описаный, кгды справы воеводства Троцъкого сужоны и отправованы будут. Которая справа, яко ся точила, естъ до книгъ моихъ подкоморскихъ записана. Писанъ в Дорсунишъкахъ. Вил. Центр. Архивъ № 5931. Книга Троцкаго подкоморскаго суда 1585—1606 г. Л. 40, 41.

[1]) Выраженіе конституціи сейма 1578 года. Vol. leg. II. Str. 186.

IV-го раздѣла статута 1588 года гласитъ «о участникохъ, которые якое речы доходити усхочуть, ижъ другихъ своихъ учасниковъ на одны роки судовые земъские, яко на рокъ завитый позывати мають». Объ апелляціи отъ суда коморника говоритъ въ статутѣ дѣйствительно 10-ый артикулъ IX-го раздѣла, притомъ буквально то, что гласитъ и заявленіе пана Жука. Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Очевидно, что *редакція статута и порядокъ размѣщенія въ немъ отдѣльныхъ артикуловъ* были переработаны за время между 1584-мъ и 1588-мъ годами. Съ другой стороны, изъ приведеннаго факта, сохраненнаго Троцкими подкоморскими книгами, несомнѣннымъ является и тотъ взглядъ на отсутствіе необходимости утвержденія проекта статута спольнымъ сеймомъ, который былъ у обывателей и врядниковъ Княжества, довольствовавшихся утвержденіемъ его Литовскимъ съѣздомъ.

Но какіе же были источники для составленія третьяго Литовскаго статута? Можетъ быть, онъ былъ составленъ путемъ сведенія въ одинъ кодексъ такихъ узаконеній, которыя уже раньше были утверждены спольнымъ сеймомъ каждое отдѣльно, а потому и новое утвержденіе ихъ, сведенныхъ въ одну книгу, представлялось излишнимъ? Мы не производили изученія источниковъ каждой отдѣльной статьи статута 1588 года, но сдѣлавъ наблюденіе надъ многими изъ нихъ, едва-ли ошибемся, если скажемъ, что источниками третьяго Литовскаго статута были: 1) второй Литовскій статутъ, который легъ въ основаніе статута 1588 года, 2) сеймовыя постановленія времени послѣ Люблинской Уніи, 3) королевскіе привилеи, 4) статьи, созданныя самостоятельно съѣздомъ, повѣтовыми сеймиками Литвы и Литовскими депутатами, назначенными для «поправы» статута. Значеніе статута 1566 года, какъ источника для третьяго статута Княжества, не требуетъ доказательствъ. Что онъ лежитъ въ основаніи статута 1588 года, видно изъ сличенія почти каждой страницы обоихъ кодексовъ, а также и изъ словъ конституціи Люблинскаго сейма 1569 года, предписывающихъ «поправу» статута [1], —Литовскимъ статутомъ, дѣйствовавшимъ въ 1569 году, былъ только статутъ 1566 года. Роль общихъ Польско-Литовскихъ постановленій, сдѣланныхъ по обоюдному согласію обоихъ народовъ на сеймахъ ихъ, какъ источниковъ третьяго статута, несомнѣнна. Откроемъ третій артикулъ

---

[1]) Vol. leg. II. Str. 100.

третьяго раздѣла статута 1588 года, который озаглавленъ «о захованью въ покою всихъ подданыхъ нашихъ обывателей того панства зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженьства хрестияньского». Это не что иное, какъ актъ Варшавской конфедераціи 28 января 1573 года [1]). Самъ статутъ облегчаетъ и безъ того нетрудное дѣло отъисканія источника этого артикула, начиная его такъ: «а ижъ тежъ привильемъ и поприсяженьемъ нашимъ естъ утвержоно покою межы розными в релии стеречи, про то и конфедерацыя часу интерекгни, въ той речы межы станы коруны Польское и великого князства Литовъского учиненая, въ сесь статутъ слово отъ слова есть вписана, абы водле нее, яко мы господаръ, такъ и вси обыватели тыхъ панствъ заховали се, которая конъфедерацыя съ Польское конъстытуцыи водлугъ права, кождому народу належачого, на Руский езыкъ преложона и Рускимъ же писмомъ в сесь статутъ уписана и слово отъ слова такъ се въ собе маеть...»

Для того, чтобы отъискать примѣръ земскаго привилея, вписаннаго въ статутъ, откроемъ 1-ый артикулъ IV-го раздѣла, который представляетъ по формѣ своей земскій привилей обычнаго типа. Наконецъ, мы видѣли выше примѣры созданія статей статута на съѣздѣ обще-Литовскомъ «згодою» его членовъ, или путемъ подачи мнѣній повѣтовыхъ сеймиковъ. Примѣръ перваго— 31, 32, 33 и 34 артикулы третьяго раздѣла третьяго статута, явившіеся, благодаря соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ сенаторовъ на Волковыйскомъ съѣздѣ 1584 года; примѣръ второго— статья «о колегіятахъ», отданная на обсужденіе повѣтовыхъ сеймиковъ Виленскимъ съѣздомъ того же года и внесенная въ 9-ый артикулъ II-го раздѣла статута 1588 года.

Составленный путемъ свода въ одну книгу источниковъ, перечисленныхъ нами, съ исправленіемъ и передѣлкою статута 1566 года, третій Литовскій статутъ лишь въ одной своей части, а именно въ тѣхъ артикулахъ, которые были переводомъ на Русскій языкъ общихъ Польско-Литовскихъ постановленій, могъ по смыслу Люблинскаго договора на Унію не требовать разсмотрѣнія спольнымъ сеймомъ. Во всѣхъ же остальныхъ своихъ частяхъ, а большинство ихъ было подавляющимъ,—третій статутъ долженъ былъ требовать разсмотрѣнія спольнаго Польско-Литовскаго сейма. Сеймовое разсмотрѣніе новаго Литовскаго кодекса было необхо-

[1]) Vol. leg. II. Str. 124.

димо уже потому, что старый, второй статутъ былъ изданъ до Уніи и сама Унія вызвала его пересмотръ по постановленію перваго спольнаго Польско-Литовскаго сейма, засѣдавшаго въ Люблинѣ въ 1569 году. Конституціи спольныхъ сеймовъ и королевскія грамоты, говорящія объ исправленіи Литовскаго статута, требуютъ представленія «поправы» на Польско-Литовскій сеймъ. Иначе и быть не могло по самому смыслу предпринятаго исправленія статута 1566 года. Мы видѣли выше, какъ король Стефанъ отклонилъ отъ себя утвержденіе «поправы», когда объ этомъ его просили Литовскіе станы на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года, хотя въ выраженіяхъ, въ которыхъ онъ далъ свой отвѣтъ на эту просьбу мы уже замѣтили взглядъ на представленіе «поправы» на сеймъ, какъ на простую формальность. А между тѣмъ третій статутъ дѣйствительно вступилъ въ свои права обязательнаго закона великаго княжества Литовскаго безъ разсмотрѣнія спольнаго сейма. Литовскій статутъ 1588 года былъ утвержденъ Сигизмундомъ Вазою единолично, а не сеймовою конституціею [1], хотя онъ и сдѣлалъ это, «намовивъши се въ томъ съ паны-радами» своими «и зо всими станы обоего народу, на сойме вальномъ коронацыи» королевской «будучими». Привилей королевскій, утверждающій третій статутъ Княжеству, данъ за Литовскою печатью 28 января 1588 года за подписью короля Сигизмунда III и скрѣпою Литовскихъ подканцлера Льва Сапѣги и писаря Гавріила Войны [2].

Мы не будемъ входить здѣсь въ изложеніе исторіи утвержденія Литовскаго статута 1588 года и заботъ Литовскихъ становъ о немъ во время безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Стефана Баторія, послѣдовавшей въ Городнѣ 12 декабря 1586 года, такъ какъ это повело бы насъ за хронологическіе предѣлы настоящаго изслѣдованія. Но мы не можемъ не остановиться здѣсь на вопросѣ о томъ, какую роль игралъ въ составленіи статута 1588 года Литовскій подканцлеръ Левъ Сапѣга. С. Л. Пташицкій говоритъ [3], что дѣло съ третьимъ статутомъ «затянулось бы, вѣроятно очень долго, еслибы его не взялъ въ свои руки Левъ Сапѣга, назначенный вице-канцлеромъ въ 1585 году. Онъ подви-

---

[1]) Въ ней нѣтъ упоминанія о статутѣ. Vol. leg. II. Str. 251—270. Ср. *С. Л. Пташицкій*, Къ вопросу объ изд. и коммент. Лит. ст. Стр. 12, 13.

[2]) Временникъ Имп. М. Общ. Ист. и Др. Р. XIX. Стр. IV. См. также *С. Л. Пташицкій*. Къ вопросу объ изд. и пр. Стр. 44.

[3]) Ibidem. Стр. 12.

нулъ дѣло впередъ быстро, и статутъ былъ представленъ къ сейму 1588 года». Самъ г. Пташицкій нѣсколько выше [1]) говоритъ, однако, что «статутъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ въ окончательной формѣ» сеймиками 1584 года. Это заставляетъ думать, что г. Пташицкій приписываетъ Льву Сапѣгѣ лишь заслугу энергической дѣятельности по приведенію третьяго статута къ утвержденію королевскому. Чацкій, первое изданіе труда котораго «O litewskich и polskich prawach» относится къ 1800—1801 годамъ, признаетъ Льва Сапѣгу лишь переводчикомъ статута 1588 года съ Русскаго на Польскій языкъ»: «Opinia bez wsparcia na dowodach», прибавляетъ Чацкій, «tłómacza podała za twórcę prawa» [2]). Даниловичъ уже въ 1841 году призналъ Льва Сапѣгу «только главнымъ блюстителемъ надъ производствомъ труда», который «написалъ предисловія и подносилъ Статутъ Королю на утвержденіе» [3]). Голенбіовскій, сочиненіе котораго вышло въ 1851 году, отвергъ всецѣло признаніе Сапѣги переводчикомъ статута 1588 года на Польскій языкъ, сдѣланное Чацкимъ [4]).

Но кромѣ имени Льва Сапѣги сохранилось и еще одно имя, пріурочиваемое къ дѣлу созданія третьяго Литовскаго статута. Въ сборникѣ надгробныхъ надписей, изданномъ въ серединѣ XVII столѣтія Симономъ Старовольскимъ, встрѣчаемъ надпись на гробницѣ, въ которой былъ похороненъ «Paulus Szerbic praepositus Sandomirien. Canon. Varsavien. Secret. Regius». Въ числѣ обозначеній заслугъ и должностей этого Шербица встрѣчаемъ такое: «Legum Mag. D. Lith. Corrector» [5]). Уже Чацкій обратилъ вни-

[1]) Ibidem. Стр. 11. Въ текстѣ, конечно, опечатка—1574 годъ (стр. 10), и вѣрною нужно считать дату документа, приводимую г. Пташицкимъ въ примѣчаніи—1584 годъ (стр. 11).

[2]) Biblioteka Polska. Serya na Rok 1861. Zeszyt 29 i 30. O Litewskich i Polskich Prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym. Przez *Tadeusza Czackiego*. Zeszyt pierwszy i drugi. Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. W Krakowie. Nakładem Drukarni «Czasu» 1861. Str. 12.

[3]) Проф. *И. Даниловичъ*. Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе статуты (Юридическія записки, издаваемыя *Петромъ Рѣдкинымъ*, докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Имп. Моск. Унив. Т. I. M. 1841). Стр. 29.

[4]) Czasy Żygmunta Augusta. Ustęp z przeszłości. Przez *Seweryna Gołębiowskiego*. Część II. Wilno 1851. Str. 102.

[5]) Monumenta Sarmatarum, viam universae carnis ingressorum. *Simone Starovolscio* Primicerio Tarnoviensi Collectore. Cracoviae. In officina viduae et haeredum *Francisci* Caesarii, S. R. M. T. Typog. Anno Domini MDCLV. P. 149. Шербицъ «vixit annis LVI. Mensibus VI. moritur die XXX Martii A. MDCIX».

маніе на эту надпись, не опредѣляя однако, какого рода участіе принималъ Шербицъ въ исправленіи Литовскаго кодекса. Онъ вообще говоритъ, что «wielkiej liczbie wyznaczonych w różnych epokach ta sława», т.-е. слава составителей статута 1588, «należy» [1].

Мы видѣли выше, какъ составлялся третій статутъ великаго княжества Литовскаго. Его составляли Литовскіе депутаты, повѣтовые сеймики Княжества и обще-Литовскіе съѣзды. Иначе и быть не могло. Если братства и цехи, т.-е. соединяющіеся въ извѣстные группы-союзы жители Литвы, составляли свои уставы, «сами собѣ за намовою братьи своее сполне списавши», и передавали ихъ на утвержденіе королю [2], то, конечно, все великое княжество Литовское не могло допустить составленія своего кодекса иначе, какъ «за намовою» всѣхъ своихъ обывателей, и эта «намова» производилась на повѣтовыхъ сеймикахъ и обще-Литовскихъ съѣздахъ. Но какую-же роль играли въ дѣлѣ составленія третьяго статута Левъ Сапѣга, подканцлеръ Литовскій и Павелъ Шербицъ, секретарь Коронный? Съ большою вѣроятностью можно предположить, что Сапѣга далъ окончательную редакцію статуту 1588 года, расположивъ статьи его въ томъ порядкѣ, въ которомъ они сведены въ кодексѣ Литовскомъ. Мы видѣли выше, что редакція третьяго статута была переработана за время между 1584 и 1588 годами. Въ 1585 году Левъ Сапѣга былъ назначенъ на Литовское подканцлерство, и весьма вѣроятно, что его энергія и дарованія были приложены къ дѣлу созданія окончательной редакціи статута, уже приготовленнаго депутатами, сеймиками и съѣздами. Но, конечно, если и вѣрно это вполнѣ гадательное предположеніе, то даже тутъ станы Литовскіе едва-ли могли оставить работу Сапѣги безъ своего разсмотрѣнія и контроля. Кромѣ того, нужно указать еще на ту его заслугу передъ Литвою, что онъ «тую працу передъ себе взялъ, абымъ тотъ статутъ в друкъ подалъ» [3], т.-е. напечаталъ и тѣмъ далъ его въ руки обывателямъ Литовскимъ, сдѣлавъ возможнымъ распространеніе его. Что касается до составленія третьяго статута, то самъ Левъ Сапѣга говоритъ о немъ слѣдующее въ своемъ посвященіи Сигизмунду Вазѣ: «статутъ новый, а на многихъ местьцахъ отъ людей мудрыхъ, а въ правахъ беглыхъ, з народу нашого на то обраныхъ, поправленый, на томъ першомъ въступку панованья своего

[1]) *T. Czacki.* Str. 12. [2]) Вил. Арх. Сб. I. № 57 (1582 г.).

[3]) Временникъ XIX. Стр. VII.

рачилесь намъ потвердити...» [1]). Итакъ заслуга Сапѣги немалая, но она не была созданіемъ Литовскаго кодекса. Но что же могъ сдѣлать для статута Шербицъ? Коронный секретарь, онъ не могъ имѣть мѣста и участія въ дѣлѣ выработки законодательнаго сборника Литовскаго народа, и уже Даниловичъ категорически отвергъ предположеніе Чацкаго объ его работѣ надъ составленіемъ статута 1588 года [2]). Доказательствомъ того, что Шербицъ, или Щербицъ не былъ участникомъ составленія третьяго статута по крайней мѣрѣ до 25 февраля 1585 года служитъ листъ Стефана Баторія на нобилитацію его, данный въ этотъ день въ Варшавѣ на сеймѣ вальномъ [3]). Въ числѣ заслугъ его, перечисляемыхъ здѣсь, не находимъ упоминанія объ его работѣ надъ статутомъ, и трудно предположить, чтобы это могло быть, если бы Шербицъ дѣйствительно несъ этотъ трудъ [4]). Но какъ примирить это съ категорическимъ свидѣтельствомъ надгробной надписи, говорящимъ совершенно опредѣленно объ участіи Щербица въ дѣлѣ исправленія Литовскихъ законовъ? Можно предположить лишь съ вѣроятностью, что Щербицъ, какъ секретарь Стефана Баторія, переводилъ этому королю Литовскій статутъ на Латинскій языкъ, дѣлая это устно во время рецитаціи Баторію проекта статута, писаннаго на Русскомъ языкѣ, которымъ не владѣлъ король. Что же касается до утвержденія третьяго статута Сигизмундомъ Вазою, то требованіе его было предъявлено ему въ числѣ другихъ Литовскихъ требованій, представленныхъ Княжествомъ, какъ условіе признанія его своимъ государемъ [5]), а «универсалы, от

---

[1]) Ibidem. Стр VI. [2]) *И. Даниловичъ.* Op. cit. Стр. 28, 29.

[3]) Żródła Dziejowe XI. № CLII.

[4]) Вотъ какъ обозначены здѣсь его заслуги: «Quapropter visum nobis est, debitis istis ornamentis afficere spectatam virtutem honestissimi de nobisque optime meriti Pauli Szczerbiec, decretorumque nostrorum scriptoris, quem ipsa natura finxit ingenio praestanti moribusque imprimis compositissimis, quique post peragratas nobilissimas provincias, post inspectos variarum gentium mores, post tot bonarum literarum celebritate clara frequentata emporia, non in aliquo loco abdito, sed in clarissima curiae nostrae luce et totius reipublicae theatro adolescentiam suam traduxit, juris scientia ita instructus, ut in juvenili sua aetate praestantes eo in genere viros exaequet, veluti qui totum aetatis suae tempus in tractando jure civili transegerit, ut omnino par esse, ducamus nostram in eum benevolentiam declarare, in quem non mediocrem coelestis numinis benignitatem munificentiamque effusam esse cognovimus.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 258 об.

короля его милости до воеводствъ и поветов разосланые» [1]) и данные Сигизмундомъ III въ Краковѣ 1 февраля 1588 года, утверждаютъ новый статутъ Литвѣ и предписываютъ ввести его въ дѣйствіе, начиная съ трикрольскихъ, т. е. январьскихъ земскихъ роковъ 1589 года. Такимъ образомъ утвержденіе третьяго Литовскаго статута Сигизмундомъ Вазою было выставлено въ числѣ артикуловъ, предъявленныхъ новому королю въ качествѣ особыхъ требованій Княжества, при условіи исполненія которыхъ оно даетъ ему свое признаніе. Это объясняетъ намъ и отсутствіе упоминанія объ утвержденіи статута 1588 года въ конституціи коронаціоннаго сейма.

Мы окончили очеркъ исторіи отношеній великаго княжества Литовскаго къ Польшѣ за время отъ Люблинской Уніи до окончанія славнаго царствованія Баторія. Сознаніе Литвою своей особности и политическаго значенія своего народа, отдѣльно стоящаго отъ народа Польскаго и лишь имѣющаго съ нимъ часть общаго правительства и общихъ дѣлъ, съ полною ясностью сквозитъ въ событіяхъ только что разсмотрѣнной эпохи. Люблинская Унія 1569 года не измѣнила по существу взглядовъ Литовскаго народа на политическое значеніе своего Княжества. До 1569 года Литву съ Польшею соединяла одна династія, а съ этого года общій король, рядомъ съ которымъ стояли общій сенатъ и сеймъ, распадав-

---

[1]) «Жыкгимонт третий... Князем, паном, воеводам, кашталяном, маршалком, старостам, державцом, тивуном, врядником земским и дворным, дворяном и земяном нашым, шляхте и всему рыцерству нашому, также кнегиням, вдовам, всимъ посполито духовного и светского стану людем, обывателемъ воеводства Берестейского. Ознаймуемъ, иж з воли и презренья Божого а за добровольным обранем от всих станов коруны Полское и великого князства Литовского на столицу тых панствъ припровожени а способомъ и звычаем коронованья королей Полских укоронովани естесмы и соймъ коронацыи нашое щастливе докончили есмо, на котором за домовляньем от панов-рад и послов земских великого князства Литовского на права волности и свободы шляхетские, на захованье покою межы розными въ вере и на иншые прозбы и артыкулы, нам поданые, при коронацыи нашой присегу учыненую, особно великому кз. Литовскому повторившы, и статут новопоправленый привилем нашым утвердили и, ку ужыванью великому князству Литовскому друковать позволившы, выдати есмо велели, которым судити се почати мають в року пришлом тисеча пятсот осмъдесят девятом о трех кролях святе Римскомъ...» и т. д. Дата документа: Краковъ, 1 февр. 1588 года Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 273—237 об. Въ Метрикѣ приведенъ этотъ листъ въ Берестейское воеводство, какъ образецъ. Такіе же листы были разосланы и въ остальные повѣты.

шіеся, однако, весьма замѣтно на части Литовскую и Коронную, механически соединенныя, а не органически слитыя. Мы не станемъ перечислять еще разъ факты, изложенные выше, а обратимъ лишь вниманіе читателя на нѣкоторыя статьи Литовскаго кодекса, явившагося завершеніемъ политической работы Литовскихъ становъ и консолидаціей тѣхъ порядковъ, понятій и идей, которые создавались и существовали въ эпоху, протекшую послѣ Уніи 1569 года. Раскроемъ въ третьемъ Литовскомъ статутѣ тѣ статьи его, которыя соотвѣтствуютъ артикуламъ статута 1566 года, вызвавшимъ такое негодованіе Коронной шляхты на соймѣ 1569 года. Третьему артикулу третьяго раздѣла второго статута соотвѣтствуетъ четвертый артикулъ третьяго раздѣла статута 1588 года. Вотъ что читаемъ въ этомъ артикулѣ: «тежъ добра паньства того великого князства Литовского не уменъшимъ и то, што будеть черезъ непріятелей того паньства отъдалено, разобрано и *ку иншему панству отъ того паньства нашего коли колвекъ упрошоно*, то засе ку власности того великого Князства привести, привлащити и границы направити обецуемъ, а хотя быхъмо тежъ кому заграничникомъ при границахъ тыхъ, верху мененыхъ, земли, именья, села и люди дали, тогды таковые мають с того служити великому князству Литовскому, а хтобы не хотелъ служити, таковыхъ привильевъ не маемъ мы и потомки наши деръжати» [1]. Артикулъ этотъ отличается отъ третьяго артикула второго статута Литовскаго только тѣмъ, что въ немъ не названы поименно эти «иншія панства», т. е. Корона, Мазовія, Пруссія и Инфлянты, какъ это сдѣлано въ статутѣ 1566 года. Во всемъ остальномъ они совершенно тождественны. Артикулъ шестой второго статута слитъ вмѣстѣ съ пятымъ его артикуломъ въ одинъ (6-ой) и измѣненъ такимъ образомъ, что выпущены совершенно слова объ отдѣльномъ Литовскомъ соймѣ, но все-таки буквально внесены изъ второго статута въ третій слова о томъ, что сеймъ будетъ назначаться королемъ за радою «радъ нашихъ тогожъ паньства» [2]. Наконецъ, девятый артикулъ второго статута, помѣщенъ въ статутѣ 1588 года двѣнадцатымъ. Его названіе: «около недаванья чужоземъцомъ достоеньствъ и врядовъ всякихъ, а приходнемъ зъ инъшихъ паньствъ [3]) оселости не давати». Въ этомъ артикулѣ,

---

[1]) III ст. III. 4. [2]) III ст. III. 6.

[3]) III ст. III. 12. Въ изданіи М. Общ. Ист. и Др. Р., конечно, опечатка— «паньствахъ» вмѣсто «паньствъ».

въ большей своей части буквально сходномъ съ девятымъ артикуломъ статута 1566 года, не только читаемъ, что вряды и державы въ Княжествѣ могутъ даваться «только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ старожытнымъ и уроженцомъ великого князства Литовъского и иныхъ земль, тому великому князству належачихъ»; въ немъ находятся и еще болѣе точныя предписанія принадлежности къ исконнымъ обывателямъ Княжества его врядниковъ и несенія повинностей на него его землевладѣльцевъ. «Ведь же и тубыльцомъ, хотя и родичомъ великого князства Литовского, достоеньства и вряды всякие мають быти даваны *добре значнымъ*, и *правдиве незмышлене* в томъ воеводъстве або повете *оселымъ*»: кто же изъ «обчого народу» получитъ осѣлость въ Княжествѣ, «тогды и таковый только оселости оное уживати маеть, учинивши первей присегу по взятью оное оселости на першыхъ рочкохъ кгродскихъ оного повету, передъ врядниками земъскими, або кгродскими того жъ повету, которие на онъ часъ тамъ прибыти могутъ, ижь маеть быти верным и зычливымъ тому паньству великому князству Литовъскому, такъ яко и тубылцы, и служечи службу земъскую тому жъ паньству»—прибавляетъ статутъ 1588 года. Повторяя далѣе принятое и вторымъ статутомъ постановленіе, что не тубыльцы, пріобрѣвшіе осѣлость въ Княжествѣ, не могутъ занимать Литовскихъ урядовъ, третій статутъ добавляетъ объ обязанности печатарей и писарей королевскихъ это «с повинъности своее постерегати» [1]).

Итакъ кодексъ, составленный послѣ Уніи, оказался проникнутымъ тѣмъ же духомъ и такимъ же отношеніемъ къ Польшѣ, какъ и прежній, созданный до нея. Слова конституцій о томъ, что въ исправленномъ статутѣ не должно быть ничего противнаго «списамъ Уніи» [2]), странно звучатъ рядомъ съ этими артикулами кодекса Княжества. Мы видѣли выше, какъ несовершененъ былъ самый договоръ Уніи 1569 года и какъ нѣкоторыя статьи его давали признаніе Литовской особности рядомъ съ Польскимъ стремленіемъ, втѣленія Литвы въ Корону, а нѣкоторыя оказывались неисполнимыми на дѣлѣ. Польша сдѣлала свое дѣло, заключила Унію 1569 года и легкомысленно махнула рукою на ея осуществленіе. Договоръ написанъ, о чемъ же тутъ еще думать!—говоритъ историку настроеніе Поляковъ эпохи послѣ 1569 года. Но жизнь пошла не по той колеѣ, въ которую ее хотѣлъ искус-

[1]) III ст. III. 12. [2]) Vol. leg., II. Str. 210.

ственно вдвинуть Коронный сеймъ 1569 года. Пути, создаваемые политическими фантазіями на бумагѣ, и пути, которыми идетъ жизнь, часто не сходятся совершенно. Что же удивительнаго, что договоръ 1569 года остался въ значительной своей части просто упражненіемъ въ искусствѣ составленія политическихъ документовъ, а Литва, взявъ изъ него то, что она могла взять, отбросила то, что оказалось совершенно не соотвѣтствующимъ реальнымъ свойствамъ ея политическаго и соціальнаго организма. Простой взглядъ на карту и на статистическую таблицу Княжества и Короны говоритъ уже о полной невозможности утраты Литвою своей особности при ея размѣрахъ, большихъ чѣмъ размѣры Короны. Не будемъ забывать при этомъ силы прецедентовъ и принципа сохраненія старины, постоянно выдвигавшагося въ Литвѣ, и мы поймемъ, почему договоръ Уніи рвался по швамъ и зданіе, созданное имъ, трещало по своимъ скрѣпамъ. Иначе и быть не могло. Совершенно измѣнившійся государственный организмъ, попытались трактовать такимъ, какимъ онъ былъ въ эпоху составленія актовъ старыхъ уній. Тѣ силы, которыя выросли въ Княжествѣ за время, протекшее отъ заключенія Уній прежняго времени до 1569 года, непризнанныя Короннымъ Люблинскимъ сеймомъ, желавшимъ стоять на формальной почвѣ старыхъ договоровъ, не могли исчезнуть отъ почерка пера, написавшаго актъ Уніи, и должны были существовать въ дѣйствительности по-прежнему найдя себѣ другія формы обнаруженія и другіе способы выраженія. Уничтожили отдѣльный сеймъ Княжества, на его мѣсто создался обще-Литовскій съѣздъ. Создали на бумагѣ общее для Литвы и Польши избраніе королей и общее подтвержденіе вновь избранными государями правъ обоихъ государствъ, а жизнь такъ легко и такъ просто разрушила все это и создала особое подтвержденіе Литвою елекціи и особое утвержденіе королемъ правъ для Литвы. Отдѣльный трибуналъ, отдѣльные скарбъ, канцелярія, печать и вряды, монета [1]), особый статутъ и свой государственный языкъ (Русскій)—все это, соединяясь съ полнымъ отсутствіемъ взаимной заботы другъ о другѣ обоихъ народовъ, дѣлало постояннымъ противоположеніе Польскаго Литовскому. Культурное вліяніе Поль-

[1]) Еще въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ было постановлено королемъ, чтобы Литовская «монета, которая до того часу бита, знижона и ничимъ зменшена не была» (Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 500), а на сеймѣ 1572 года, какъ мы уже видѣли, была установлена и обязательная цѣна Литовской монеты при переводѣ ея на Польскую.

ши дѣлало свое. Литовская шляхта усваивала Польскую культуру, и Польскій языкъ все болѣе и болѣе распространялся среди Литовской шляхты, но Литва не забыла нисколько своихъ политическихъ правъ, охраняла ихъ отъ покушеній Поляковъ и развивала ихъ. Факты ясно говорятъ объ этомъ. И сильное правительство при дѣйствительномъ исполненіи его законовъ и распоряженій не можетъ передѣлать историческаго прошлаго и созданнаго имъ, а Польшѣ, въ которой, по словамъ ея историковъ, «объ исполненіи законовъ никто не думалъ» [1]) и «stało wszystko ludźmi a nie instytucyami» [2]), еще менѣе подъ силу была борьба съ тѣмъ, чѣмъ было въ дѣйствительности Княжество наканунѣ Уніи 1569 года и какимъ не хотѣла его признать Польша на сеймѣ этого года. А между тѣмъ сами Польскіе дѣятели Люблинскаго сейма знали, что «non is, qui incipit, sed is, qui perseverat, ma sławę otrzymacz» [3]). Не забудемъ при этомъ, что на Люблинскомъ сеймѣ признавалось даже *право* Литовцевъ исправить Унію со временемъ [4]), и Литва хотѣла ее исправить, и это желаніе ея постоянно обращаетъ на себя вниманіе рядомъ съ бдительною охраной ею своихъ правъ. Унія создала двухъ контрагентовъ и федерацію двухъ государствъ, на основаніи договора, опредѣляющаго условія ихъ политическаго супружества, составившихъ Польско-Литовскую Речь Посполитую. Поляки готовы забыть договоръ Уніи, для нихъ выгоднѣе его не вспоминать, а смотрѣть на Литву, какъ на часть Польши. Литовцы же зорко слѣдятъ за исполненіемъ его, конечно, въ тѣхъ его частяхъ, которыя выгодны для нихъ. Литовцы выставляютъ его документомъ, обязательнымъ для исполненія; за предѣлами его и личныхъ интересовъ Литвы Княжеству нѣтъ дѣла до Короны. Но мы уже видѣли выше, какъ Литва стремилась измѣнить договоръ Уніи, и теперь намъ нѣтъ надобности повторять факты, говорящіе объ этомъ. Въ послѣдующія эпохи великое княжество Литовское оставалось вѣрнымъ своимъ традиціямъ политической особности, завѣщаннымъ ему старымъ, совершенно отдѣльнымъ государствомъ и событіями первыхъ десятилѣтій политическаго соединенія съ Польшей. Эти послѣдующія эпохи ожидаютъ еще изученія историка, но нѣкоторые отдѣльные факты, даже взятые безъ изученія остальныхъ явленій, въ связную цѣпь которыхъ они входятъ, говорятъ о томъ, что Литва оставалась

[1]) *М. Бобржинскій.* Очеркъ исторіи Польши. Т. II. Стр. 54.
[2]) J. *Szuiski.* Dz. P. T. II. Str. 207. T. III. Str. 1.
[3]) Дн. Л. с. Стр. 287. [4]) См. выше, стр. 58.

вѣрною себѣ и въ это время. Вотъ нѣсколько фактовъ и наблюденій, которые говорятъ объ этомъ. Когда Сигизмундъ Ваза назначилъ въ концѣ XVI вѣка Виленскимъ бискупомъ Поляка, Бернарда Мацѣевскаго, Литва не приняла его на этотъ врядъ [1]), и Литовская шляхта энергично выступила на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ противъ такого назначенія, потребовавъ, чтобы непремѣнно Литвинъ былъ на этомъ урядѣ [2]). XVII-й вѣкъ съ его страшными событіями войнъ съ казаками, Шведами и Москвою долженъ былъ дать новые факты проявленія Литовской самостоятельности, а 1673 годъ принесъ съ собою и исполненіе Литовскаго желанія, чтобы сеймы бывали попеременно въ Литвѣ и Польшѣ, и если они стали отбываться не совсѣмъ alternatim въ Коронѣ и Княжествѣ, то все-таки съ 1673 года каждый третій сеймъ долженъ былъ отбываться въ Городнѣ [3]). Историкъ XVII столѣтія Андрей Максимиліанъ Фредро такъ характеризуетъ отношенія Литвы и Польши въ эпоху перваго безкоролевья: «łacno dawało się widzieć, że nawet Litwini, którzy przez długie stosunki z Polakami, przyjęli już ich język i obyczaje, a przerodzili się, rzecz można, w Polaków, dostawszy wspólne z nimi prawa, — że nawet Litwini, raczéj przez uszanowanie dla Krolewny z domu jagiellońskiego, jako dla krwie swych dziedzicznych panów, niż ze swéj dobréj woli trzymali jedność z Polską. Był tedy słuszny powód do obawy, iżby po zgonie Żygmunta Augusta nie skierowali gdzie indziéj umysłów, i kogo innego nie obrali swym monarcha» [4]). Въ этихъ словахъ писателя XVII вѣка нельзя не замѣтить вліянія современности, впечатлѣній эпохи, въ которой жилъ историкъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ приведенной цитаты. Польскій языкъ и Польскіе обычаи могли считаться принятыми Литовскою шляхтою лишь во второй половинѣ и въ концѣ XVII столѣтія [5]), что выразилось и въ coaequatio jurium конца этого вѣка. Такимъ образомъ, Фредро придаетъ Литвѣ второй половины XVI столѣтія черты, принадлежащія концу слѣдующаго, XVII вѣка. Тѣмъ харак-

---

[1]) *X. Melchior Buliński.* Historya kościoła Polskiego T. III. W. Krakowie 1874. Str. 255.

[2]) Чрезвычайно энергичное заявленіе и требованіе объ этомъ внесла, напримѣръ, шляхта Виленскаго повѣта въ инструкцію своимъ посламъ на сеймъ 1594 года. А. Вил. VIII. Стр. 333, 334.

[3]) Vol. leg. V. Petersburg. 1860. Str. 417. Ср. *Н. И. Карѣевъ.* Ист. очеркъ Польск. сейма. М. 1888. Стр. 117.

[4]) *Fredro.* Str. 9. Ср. также str. 68.

[5]) Фредро умеръ въ 1679 году Подольскимъ воеводою.

тернѣе является для мысли XVII столѣтія признаніе Литовской особности и отсутствія единства Литвы и Польши послѣ Люблинской Уніи. Сочиненіе Фредро не хроника, или записки современника, а трудъ, написанный писателемъ, какъ сочиненіе продуманное и литературное. Поэтому то, что находимъ въ его произведеніи, является не только изложеніемъ событій изображаемой имъ эпохи, но и фактами, существовавшими въ сознаніи мыслящаго Польскаго общества XVII столѣтія. Послѣдній вѣкъ существованія Польско-Литовскаго государства также сохранилъ намъ свидѣтельства сознанія Княжествомъ своей особности. Вотъ, напримѣръ, «Konfederacya generalna wolna wielkiego xięstwa Litewskiego» [1]) 24 августа 1792 года, въ которой говорится о волѣ *Литовскаго народа*. А вотъ и свидѣтельство современнаго дѣятеля: «съ Польшею же Литва, какъ особое государство, николи, ниже по духовенству и имѣніямъ его, не смѣшивалась» [2])—такъ писалъ отъ 3 сентября 1795 года къ Дм. Пр. Трощинскому Н. В. Репнинъ, управлявшій Княжествомъ по его присоединеніи къ Россіи.

ГЛАВА II.

Народъ-шляхта великаго княжества Литовскаго.

Речь Посполитая, частью которой было съ 1569 года и великое княжество Литовское, признавала народомъ лишь шляхетское сословіе. Обладая установленными законами исключительными правами, которыхъ были лишены другіе общественные классы, народъ-шляхта зорко охранялъ ихъ, стремясь къ дальнѣйшему ихъ расширенію и дѣлая это отчасти на листахъ pacta conventa и сеймовыхъ конституцій, отчасти путемъ осуществленія своего все болѣе и болѣе широкаго взгляда на свои права, свободы и вольности въ конкретныхъ случаяхъ переживаемой имъ дѣйствительности. Рядомъ съ формальнымъ утвержденіемъ новыхъ правъ шло реальное проведеніе въ жизнь отдѣльными шляхетными обывателями принципа, еще не успѣвшаго во всѣхъ своихъ мелочныхъ деталяхъ консолидироваться въ статьяхъ закона, но уже сознаваемаго во всѣхъ своихъ выводахъ въ шляхетскихъ головахъ народа Речи Посполитой Польско-Литовской. Люблинская Унія не была, какъ мы уже видѣли, полнымъ разрушеніемъ стараго строя великаго княжества Литовскаго. Жизнь сильнѣе «пергамена», и эта истина наглядно иллюстрируется строемъ Литовскаго княжества въ эпоху его политическаго соединенія съ короною Польскою. Менѣе всего можно полагать, что вся шляхта соединеннаго государства представляла изъ себя нѣчто совершенно однородное по своему составу и облику въ обѣихъ главныхъ частяхъ соединеннаго государства, и только полувѣковая давность выхода въ свѣтъ послѣдняго по времени общаго обзора Польскаго права [1]) можетъ служить извиненіемъ трактованія шляхты Польской и Литовской вмѣстѣ, не раздѣляя ихъ. Различіе національное прежде

[1]) *S. Hüppe.* Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867. Его источникъ: ***Bandtkie-Stężyński.*** Historya Prawa Polskiego. Warszawa. 1850.

всего ясно сознавалось Польскою и Литовскою шляхтою XVI вѣка, благодаря языку и отчасти религіи. Если Литовцы исповѣдывали въ большинствѣ случаевъ ту же религію, что и Поляки, и такимъ образомъ лишь языкъ ясно отдѣлялъ ихъ отъ послѣднихъ, то Русскіе и Татаре имѣли на лицо обѣ эти преграды для полнаго сліянія ихъ съ Поляками. Отличія въ обычаяхъ, вглядахъ и характерахъ, различія культуры, не успѣвшія еще сгладиться точно также ставили извѣстную линію раздѣла между группами шляхты соединенной Речи Посполитой. Но если шляхта Польская и шляхта Литовская, Литовцы и «братія Поляки», какъ ясно раздѣляетъ ихъ языкъ памятниковъ, отчетливо отдѣляются одни отъ другихъ, то, наоборотъ, шляхетные обыватели великаго княжества Литовскаго, несмотря на различіе національное, сливаются въ плотную, весьма объединенную массу. Объединяющимъ началомъ служила прошлая совмѣстная жизнь въ Княжествѣ, когда оно было совершенно независимымъ государствомъ. Она дала всему народу Литвы сознаніе своихъ интересовъ, какъ интересовъ отдѣльнаго цѣлаго, она дала всему народу и общій языкъ—Русскій, какъ языкъ закона, суда и письменности. Самое проведеніе на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года акта Уніи съ отнятіемъ отъ Княжества Короною лучшихъ, плодороднѣйшихъ земель въ свою пользу, также какъ и послѣдующая исторія взаимныхъ отношеній Литвы и Польши, должны были заставить весь Литовскій народъ-шляхту яснѣе сознать свою особность отъ шляхты Польской, и дѣйствительно народъ-шляхта Литовская зорко наблюдаетъ за соблюденіемъ своихъ правъ со стороны Польши. Онъ требуетъ точнаго исполненія акта Уніи, настаиваетъ на замѣщеніи Литовскихъ урядовъ лишь кандидатами изъ обывателей Княжества, собирается на съѣзды въ дни безкоролевья и вырабатываетъ свои *Литовскія* требованія къ новому королю и панамъ Полякамъ. Такимъ образомъ самая Люблинская Унія способствовала съ одной стороны противоположенію Литовскаго народа Польскому и еще большему единенію различныхъ національностей шляхты великаго княжества Литовскаго, съ другой. Унія, какъ мы видѣли, создала изъ Литвы и Польши двухъ контрагентовъ съ совершенно различными интересами вообще, но имѣющихъ и интересы общіе, ради которыхъ они вступили другъ съ другомъ въ сдѣлку, въ договоръ. Протесты, заявляемые панами-радою и послами повѣтовой шляхты Литвы на вальныхъ сеймахъ, звучатъ диссонансомъ съ криками и рѣчами Польской шляхты, но полнымъ униссономъ

для всѣхъ представителей народа великаго княжества Литовскаго. Русскій языкъ также былъ могучимъ средствомъ сохраненія единства Литовской шляхты. И Жмудинъ, и Татаринъ, и Русскій владѣли этимъ языкомъ и на немъ писали свои заявленія въ суды, завѣщанія, посланія и записки. Польскій языкъ въ XVI вѣкѣ былъ достояніемъ лишь немногихъ представителей рядовой шляхты, и мы еще увидимъ, какъ незнаніе Польскаго языка Литовскою шляхтою отразилось на Литовскомъ сеймикѣ и его дѣятельности.

Если мы обратимся къ королевскимъ грамотамъ въ воеводства и повѣты и прислушаемся къ ихъ обращеніямъ къ обывателямъ Польско-Литовскаго соединеннаго государства, то намъ явятся и другія различія между шляхтою Короны и Княжества. Вотъ, напримѣръ, универсалъ Стефана Баторія въ воеводства Краковское и Сендомірское, данный 1 мая 1578 года [1]). Въ немъ читаемъ: «wszem w obec i każdemu z osobna, tak radom naszym jako stanu rycerskiego ludziom i wszem innym, którym to wiedzieć należy, Krakowskiego i Sędomirskiego województw poddanym naszym, uprzejmie a wiernie nam miłym łaskę naszą królewską», т.-е. «всѣмъ вообще и каждому въ особенности, такъ радамъ нашимъ, какъ и людямъ шляхетскаго стана, кому надлежитъ это знать, подданнымъ нашимъ Краковскаго и Сендомірскаго воеводствъ» и т. д. Но обращаясь 8 ноября 1586 года къ обывателямъ Литовскимъ, тотъ же король Стефанъ говоритъ: «княземъ, паномъ воеводамъ, кашталяномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцам, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, врадником земъским и дворнымъ, земяном и двораном нашим и всей шляхте, обывателем воеводства....» [2]). Простой взглядъ на эти обращенія говоритъ о гораздо большей выдержанности принципа шляхетскаго равенства въ Польшѣ сравнительно съ Литвою. Уже со времени привилея короля Людовика, съ XIV вѣка утверждался этотъ принципъ въ Польскомъ королевствѣ. XVII вѣкъ принесъ съ собою полное его признаніе въ законѣ 1638 года, запретившемъ принятіе титуловъ Поляками и пользованіе ими [3]). Но утвержденные Уніею, т.-е. Литовскіе титулы оставлены были неприкосновенными. Такимъ образомъ въ то время,

---

[1]) Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom piąty i szósty. Warszawa. 1881. № 37.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 200.

[3]) Vol leg. III. Petersburg. 1859. str. 441—442. Ср. *Bandtkie-Stężyński*. Hist. pr. p. Str. 538.

когда среди Польскаго шляхетства торжествуетъ принципъ равенства, шляхетство Литовское сохраняетъ для нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ княжескіе, а также и графскіе титулы. Но это не одна особенность Литовскаго шляхетскаго сословія по сравненію со шляхтою Польши. Если мы взглянемъ на религіозныя вѣрованія, господствовавшія среди народа-шляхты Речи Посполитой за изслѣдуемый періодъ времени, то замѣтимъ несравненно большее разнообразіе въ Княжествѣ, чѣмъ въ Коронѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ рядомъ съ католическою религіею во второй половинѣ XVI вѣка встрѣчаемъ реформаціонное ученіе различныхъ видовъ, хотя, главнымъ образомъ, кальвинизмъ и антитринитаризмъ, кромѣ того ученіе Чешскихъ братьевъ [1]). Въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго наиболѣе распространенною религіею среди шляхты, какъ и всѣхъ остальныхъ сословій, является православіе, но рядомъ съ нимъ католичество, реформаціонное ученіе, сектантство, ученіе Чешскихъ братьевъ и, наконецъ, среди Татаръ-шляхты магометанство. Уже въ 1521 году, т.-е. только черезъ четыре года послѣ выступленія въ Виттенбергѣ Лютера съ его тезисами, открывшими реформаціонное движеніе въ Германіи, въ Вильну прибылъ придворный проповѣдникъ супруги Сигизмунда Стараго, королевы Боны, итальянецъ Францискъ Лисманини, бывшій первымъ провозвѣстникомъ протестантизма въ Литвѣ [2]). Въ 1535 году уже издается королемъ строгій декретъ противъ послѣдователей Лютера. Но этотъ декретъ не остановилъ реформаціоннаго движенія въ Княжествѣ, и въ 1539 году уже сама Литовская національность дала Литвѣ проповѣдника лютеранства—Авраама Кульву, вернувшагося въ Вильну изъ Германіи, гдѣ онъ изучалъ науку. Онъ возвратился на родину не только съ ученою степенью доктора богословія и саномъ католическаго священника, но и съ преданностью ученію Лютера. Въ то же время кальвинизмъ изъ Малой Польши, шляхта которой такъ охотно принимала его, видя въ немъ не только отвѣтъ на свои религіозные запросы, но и средство для борьбы съ духовенствомъ и для торжества надъ клиромъ, распространялся и въ Литвѣ подъ крѣпкимъ щитомъ, которымъ прикрыла его отъ опасностей со стороны католическаго ду-

[1]) См. *Н. Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Въ Варшавѣ. 1883. Ср. *Н. И. Карѣевъ*. Реформація и католическая реакція въ Польшѣ. Вѣстникъ Европы. Августъ 1885 г. Стр. 550 и сл.

[2]) Ср. *И. А. Чистовичъ*. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Часть первая. СПБ. 1882. Стр. 75.

ховенства и властей могущественная фамилія Радивиловъ. Въ самой Вильнѣ устраивается «зборъ» [1]), молитвенный домъ для кальвинистовъ. Устроенная Николаемъ Чернымъ Радивиломъ въ Несвижѣ типографія выпускаетъ въ 1562 году напечатанныя славянскимъ шрифтомъ книги «катихисісъ» [2]) и «о оправданіи грѣшнаго человѣка передъ Богомъ», излагающія на Русскомъ языкѣ религіозное ученіе кальвинизма [3]). Уже въ предисловіи къ «катихисісу» издатели говорятъ и о новыхъ предполагаемыхъ изданіяхъ. Рядомъ съ Несвижскою типографіей Николая Радивила работаетъ имъ же открытая типографія въ Брестѣ, выпустившая въ 1563 году Библію въ переводѣ на Польскій языкъ. Реформатскіе храмы и учебныя заведенія быстро растутъ въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго на денежныя средства Радивиловъ и другихъ сторонниковъ кальвинизма. По мнѣнію митрополита Макарія [4]), «реформатское движеніе въ Литвѣ въ эпоху царствованія Сигизмунда II Августа было до того сильно, что почти все католическое дворянство увлеклось имъ и оставило вѣру отцевъ». Члены лучшихъ фамилій великаго княжества Литовскаго принадлежали къ числу кальвинистовъ. Въ продажной записи на домъ, находящійся въ Вильнѣ, проданный Николаемъ Юрьевичемъ Радивиломъ [5]) «братьѣ збору Пана Кристусового эвангелицкого, у Вильни будучого», находимъ интересный списокъ лицъ, которыя передали Радивилу деньги за этотъ домъ. «Зъ стороны сенаторское» здѣсь были: панъ Евстафій Воловичъ кашталянъ Троцкій подканцлеръ великаго княжества Литовскаго староста Берестейскій и Кобринскій, панъ Миколай Дорогостайскій воевода Полоцкій староста Волковыйскій и Лепельскій державца Шерешовскій Веленскій и Бойсагольскій тивунъ Гондинскій, панъ Матвѣй

[1]) См. *В. Г. Васильевскій.* Очеркъ исторіи города Вильны. Стр. 35. (Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, изд. *П. Н. Батюшковымъ.* Вып. V. Петербургъ 1872.).

[2]) Его издатели: Матвѣй Кавечинскій Несвижскій намѣстникъ, Симонъ Будный и Лаврентій Крышковскій.

[3]) Описаніе «катихисіса» см. въ Вил. Арх. Сб. VII, стр. XVI—XXIV (сдѣлано *П. А. Гильтебрандтомъ*) и въ Памятникахъ Русск. старины въ Зап. губ. Вып. VI. СПБ. 1874. Стр. 152—156.

[4]) *Арх.* (потомъ митрополитъ) *Макарій.* Исторія Русской церкви. Томъ IX. СПБ. 1879. Стр. 321.

[5]) «княжа на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода Виленский, канцлеръ навышший великого князства Литовского, староста Ошменский и Лидский державца Борисовский».

Савицкій каштелянъ Подляшскій писарь великаго княжества Литовскаго, панъ Янъ Глѣбовичъ каштелянъ Минскій державца Оникщенскій, Радошковскій и Зейгвольтскій. Изъ «стану рыцерского збору Пана Кристусового братьи» въ этомъ документѣ названы: князь Александръ Пронскій стольникъ великаго княжества Литовскаго, князь Янушъ Болеславовичъ Свирскій маршалокъ господарскій староста Мойшогольскій, панъ Криштофъ Зеновьевичъ староста Чечерскій и Пропойскій и панъ Стефанъ Роскій дворянинъ господарскій. Далѣе въ актѣ обозначены имена лицъ «зъ стороны братьи тогожъ збору Пана Кристусового, з министровъ, сениоровъ, мещанъ Виленскихъ, в томъ року водле порадку старшихъ въ зборѣ постановленыхъ» [1]). Только въ одномъ зборѣ, такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ видныхъ фамилій, а зборовъ въ Литвѣ было число немалое.

Рядомъ съ кальвинизмомъ распространялось въ Литвѣ и ученіе антитринитаріевъ, явившееся здѣсь даже раньше, чѣмъ въ Польшѣ [2]). Антитринитаризмъ былъ впервые занесенъ въ Литву въ 1556 году Петромъ изъ Гонёндза и распространялся здѣсь, найдя себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ Яна Кишки. Изъ Великой Польши проникло въ великое княжество Литовское также гусситство—ученіе Чешскихъ братьевъ.

Такую оживленную картину въ области религіознаго движенія представляло изъ себя XVI столѣтіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Это религіозное движеніе должно было имѣть громадныя послѣдствія для государства. Историкъ Западно-Русской церкви признаетъ, что «въ самомъ принципѣ протенстантства было много возбудительнаго» [3]). Оно несло съ собою освобожденіе отъ господства папскаго авторитета, отъ неподвижности въ области мысли, несло съ собою стремленіе къ истинѣ и горячее исканіе христіанскаго идеала. Культурное значеніе эпохи реформаціи громадно, и, разумѣется, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ оно не не было инымъ. Но реформаціонное движеніе отозвалось и другими послѣдствіями для великаго Княжества. Ряды православныхъ и католиковъ сильно порѣдѣли послѣ того, какъ реформаціонное движеніе широкою волною всколыхнуло Литовскою шляхту. Объ этомъ мы можемъ судить по примѣру Новгородскаго воеводства,

---

[1]) А. Вил. XX. № 28. Тотъ же документъ—А. Вил. VIII. № 167.

[2]) *Н. Любовичъ.* Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Въ Варшавѣ. 1883. Стр. 273.

[3]) *И. А. Чистовичъ.* Очеркъ ист. Зап.-Р. церкви. I. стр. 75.

въ которомъ изъ болѣе 600 шляхетскихъ домовъ Греческой вѣры остались не увлеченными реформаціей лишь 16, или еще менѣе [1]). Еще болѣе опустошительнымъ было дѣйствіе новаго ученія на ряды католической шляхты. Не будемъ забывать того воздѣйствія на умы рядовой шляхты, которое должна была имѣть принадлежность къ реформаціонному ученію Радивиловъ, Ходкевичей, Воловичей и другихъ знатныхъ Литовскихъ фамилій, отъ которыхъ зависѣли цѣлыя массы служившихъ имъ шляхтичей и отъ которыхъ ждало ходатайствъ передъ королемъ о наградахъ и пожалованіяхъ еще большее число шляхты. Самъ король Сигизмундъ Августъ, мужъ Варвары Радивилъ, готовъ былъ посѣтить молитвенное собраніе кальвинистовъ, и лишь рука Виленскаго бискупа Валеріяна Протасевича, схватившая за узду королевскаго коня и указавшая ему дорогу въ костелъ, лишила реформацію торжественнаго королевскаго признанія [2]). Распространеніе реформаціи требовало и распространенія просвѣщенія, книги и школы [3]), и мы уже знаемъ, какъ Радивилы работали на этомъ поприщѣ, устраивая типографіи и книгою распространяя свои вѣрованія среди своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, реформація вносила въ Литовское княжество несомнѣнно ослабленіе и православія, и католичества, что дало въ XVI вѣкѣ свои политическія послѣдствія, но что въ то же время подготовило торжество іезуитовъ въ эпоху Сигизмунда Вазы, т.-е. уже въ концѣ того же столѣтія. Самое различіе вѣроисповѣданій должно было вносить потребность взаимной терпимости [4]), а эта послѣдняя необходимо являлась новымъ звеномъ, способствовавшимъ сознанію себя однимъ народомъ всею Литовско-Русскою шляхтою, или, лучше сказать, уничтожавшимъ то нѣкоторое раздѣленіе, которое вы-

---

[1]) *Архіеп.* (потомъ митрополитъ) *Макарій.* Исторія Русской Церкви. Томъ IX. СПБ. 1879. Стр. 322.

[2]) *Д. Зубрицкій.* Галицкая Русь въ XVI столѣтіи. Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при М. Унив. 1862 г. Кн. 3. Стр. 50 (Матеріалы Славянскіе).

[3]) Ср. *П. А. Кулишъ.* Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Т. I. Москва 1890. Стр. 25, 26.

[4]) *Ѳ. Евлашевскій* въ своихъ запискахъ прекрасно рисуетъ эту взаимную терпимость. Разсказывая о томъ, какъ онъ, слушая «министровъ вчоныхъ Вендрокгорского и Костеницкого», пользовался расположеніемъ и Яна Маковецкаго, Варшавскаго архидьякона кустоша и каноника Виленскаго, онъ прибавляетъ: «бовемъ на онъ часъ разность веры не чинила наймнейшой разности приятельской». (Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси. Вып. II. Кіевъ 1896. Стр. 7).

зывалось прежнею религіозною исключительностью православія и католичества. Свобода религіозныхъ воззрѣній несла съ собою и большее единство шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлась необходимость уничтожить формальнымъ образомъ прежнее исключительное положеніе, которое занимала католическая церковь въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на основаніи Городельскаго привилея 1413 года. Правда, что привилеемъ 15 октября 1432 года православные князья и бояре Литовской Руси (въ тѣсномъ смыслѣ) были уже сравнены въ правахъ съ католиками-Литовцами [1]; правда, что затѣмъ это уравненіе въ правахъ католиковъ съ православными стало распространяться и на нѣкоторыя земли, не принадлежащія къ составу собственно Литовской Руси [2], равно какъ и на многихъ обывателей остальныхъ земель Княжества, такъ или иначе пріобрѣтавшихъ имѣнія въ этихъ привилегированныхъ земляхъ [3]; но все это еще далеко не было общимъ уравненіемъ въ правахъ католиковъ и православныхъ на всемъ протяженіи Литовско-Русскаго государства. А между тѣмъ внутреннее объединеніе областей Княжества и новое областное дѣленіе, завершенныя реформами шестидесятыхъ годовъ XVI-го столѣтія создавали необходимость уничтоженія по возможности мѣстныхъ привилегій и замѣны ихъ общими законодательными нормами для всего государства. Съ другой стороны, такъ много прежде католической шляхты стало иновѣрною въ эпоху реформаціоннаго движенія, что дѣлалось совершенно невозможнымъ соблюденіе даже со всевозможными ограниченіями требованія Городельскаго привилея о принадлежности правъ шляхетства лишь тѣмъ кто были cultores christianae religionis Romanae ecclesiae subjecti et non schismatici vel alii infedeles [4]. Не было возможности лишать массу «разновѣрной» шляхты ея прежнихъ правъ, да она не позволила бы этого сдѣлать и сама: она сознавала уже въ это время свое значеніе, свою силу и свои права, и самое реформаціонное движеніе съ его идеалами и стремленіями дало этому сознанію новую пищу— реформація внесла свое требованіе религіозной свободы, свободы вѣры и мысли въ понятіе «золотой вольности» XVI вѣка, и Вар-

[1] См. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 75.

[2] Привилей Ягайлы Луцкой землѣ 30 октября 1432 года. См. ibidem, стр. 76.

[3] Ibidem. Стр. 90.

[4] Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ. СПБ. 1865. Стр. 14. Vol leg. I. Petersburg. 1859. Str. 31.

шавская конфедерація 1573 года [1]) закрѣпила его закономъ, для соединенной Речи Посполитой. Но еще раньше, въ 1563 году великое княжество Литовское получило уравненіе иновѣрцевъ съ католиками въ своихъ предѣлахъ. Въ этому году Сигизмундомъ Августомъ былъ изданъ указъ [2]), которымъ уничтожалось совершенно требованіе Городельскаго привилея о принадлежности къ католической церкви для того, чтобы имѣть право пользоваться шляхетскими вольностями и привилегіями. Отнынѣ ими пользуется всякій, кто имѣетъ на нихъ права по своему положенію, лишь бы только онъ принадлежалъ къ христіанской религіи.

Но законъ, изданный на Виленскомъ сеймѣ 1563 года, говоритъ объ одинаковомъ значеніи по отношенію къ правамъ на шляхетство лишь для всѣхъ исповѣданій христіанской религіи; онъ ни слова не говоритъ о религіи магометанской, представителей которой было не мало среди шляхты великаго княжества Литовскаго. Для Татаръ Литовскихъ былъ изданъ Сигизмундомъ Августомъ на Городенскомъ сеймѣ особый привилей 20 іюня 1568 года [3]), вызванный нарушеніемъ нѣкоторыми артикулами статута 1566 года правъ Татаръ-шляхты Княжества [4]). Этотъ привилей гласитъ, что Татаре великаго княжества Литовскаго обратились къ королю и били ему челомъ, жалуясь на то, что изданный королемъ статутъ 1566 года нѣкоторыми своими артикулами нарушаетъ ихъ права и вольности. Въ исполненіе этого челобитья король на сеймѣ постановилъ: «маютъ они во всемъ радитися и справовати въ справахъ своихъ заровне зъ иншыми обывательми панства нашого, великого князства Литовского, стану шляхецкого, потому яко и до сихъ часовъ вольностей своихъ ужывали и въ нихъ се справовали»; что же касается до артикуловъ статута, «которые бы правомъ и вольностямъ ихъ, отъ предковъ нашыхъ и отъ насъ господара имъ наданымъ, противны были, ничого вольностямъ и свободамъ ихъ шкодити и на переказы быти не маютъ вечными часы» [5]).

---

[1]) Vol. leg. II. Petersburg. 1859. Str. 124. [2]) А. З. Р. III. № 32.

[3]) Эта грамота не разъ потомъ подтверждалась. Подтвержденіе ея Сигизмундомъ III въ 1595 году—А. Вил. I стр. 177—179, Станиславомъ Августомъ въ 1766 году—Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopismów i dzieł najrzadszych zebrał i wydał *Kaz. Wł. Wójcicki*. W Warszawie. 1856. Str. 45—47.

[4]) Подробно о положеніи Литовскихъ Татаръ, равно какъ и о происхожденіи привилея 1568 года, будетъ идти рѣчь ниже, въ настоящей же главѣ.

[5]) А. Вил. I, стр. 178.

Итакъ, въ изучаемую эпоху шляхта великаго княжества Литовскаго представляла изъ себя станъ, признававшійся народомъ Литовскимъ, объединенный Русскимъ языкомъ, шляхетскими вольностями и привилегіями, свободою религіи и сознаніемъ своей самостоятельности и отдѣльности, какъ народа. Представляя изъ себя цѣлое въ политическомъ отношеніи, какъ отдѣльный народъ, шляхта великаго княжества Литовскаго представляла изъ себя единое цѣлое и по общимъ правамъ и вольностямъ, принадлежавшимъ сословію - народу. Но, разумѣется, въ самомъ составѣ шляхты Литовской были различныя группы, категоріи шляхетныхъ обывателей Княжества, однородныя по своимъ правамъ, утвержденнымъ закономъ, но различающіяся своимъ положеніемъ и возможностью осуществленія этихъ обще-шляхетскихъ правъ, свободъ и вольностей. Существовалъ рядъ различій въ дѣйствительномъ положеніи отдѣльныхъ шляхтичей, жившихъ на протяженіи территоріи великаго княжества Литовскаго. Самъ статутъ даетъ указаніе на нихъ, называя въ числѣ лицъ, пользующихся шляхетскими вольностями князей, пановъ-радъ, врядниковъ земскихъ и дворныхъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту рыцерство [1]), добавляя въ понятіе этой послѣдней еще шляхту частно-служилую [2]). Шляхта иногда является не только въ актахъ, но и въ самомъ статутѣ подъ именемъ бояръ-шляхты [3]) - названіе, не имѣющее за собою какого-либо особаго реальнаго значенія по отношенію къ объему правъ шляхетскихъ, но имѣющее свой глубокій историческій смыслъ. Такимъ образомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ шляхетское сословіе - народъ дѣлилось на шляхту рядовую и шляхту должностную, шляхту титулованную и нетитулованную и, наконецъ, на шляхту, знающую лишь службу земскую для Речи Посполитой, и шляхту, рядомъ съ этою службою служащую службу частнымъ лицамъ. Всѣ эти различія имѣютъ своими причинами: 1) административно-судебное устройство Литовскаго княжества, создававшее рядъ должностей и выдѣлявшее черезъ это часть шляхты изъ общаго равенства, 2) историческое прошлое Княжества и 3) экономическое положеніе шляхты. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію группъ, на которыя раздѣлялись Литовскіе шляхетные обыватели, намъ необходимо остановиться на самыхъ основаніяхъ, въ силу которыхъ признавались въ Литвѣ обыватели входящими въ ряды шляхты, какъ народа великаго княжества Литовскаго.

---

[1]) II статутъ; нпр., III. 1, 2. [2]) II ст. III. 4, 8. [3]) Нпр., II ст. III. 4.

Шляхта великаго княжества Литовскаго—сословіе туземное, это «тубыльцы» и родичи «того панства». Статутъ 1566 года говоритъ о присягѣ королевской «всимъ обывателемъ всихъ земль Великого Князства Литовского и всихъ земль, ку нему здавна и теперъ належачыхъ» [1]). Статутъ 1588 года также гласитъ отъ имени короля о присягѣ, «которую есмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земль великого князьства Литовъского» [2]). Въ силу признанія шляхты Литовскаго княжества самостоятельнымъ цѣлымъ, принадлежность къ ней опредѣляется правомъ рожденія. Рожденіе отъ шляхтича Княжества даетъ право на обладаніе вольностями и свободами Литовской шляхты. При этомъ принимается въ разсчетъ лишь шляхетская кровь отца. Онъ своимъ шляхетствомъ «ошляхтитъ» и жену, и дѣтей, «зъ нею спложоныхъ», хотя бы она была нешляхтянка, «и таковые жоны и дѣти ихъ за правдивыхъ шляхтичовъ быти маютъ». Конечно, если эта ошляхтившаяся выйдетъ послѣ смерти своего мужа замужъ за «простого человѣка», а не за шляхтича, то она утрачиваетъ «учтивость свою шляхецкую» и будетъ принадлежать уже къ такому «стану», въ которомъ находится ея новый мужъ. Но дѣти ея, которыя у нея были отъ перваго мужа-шляхтича, нисколько не терпятъ отъ новаго супружества матери и остаются шляхтичами, лишь бы только не занимались ремесломъ, т.-е. занятіемъ, пріостанавливающимъ право пользованія шляхетскими вольностями и свободами. Кромѣ рожденія отъ отца-шляхтича для шляхетства дѣтей необходимо было, чтобы они и «поступковъ шляхецскихъ и рыцерскихъ наслѣдовали» [3]). Въ случаѣ сомнѣнія въ шляхетскомъ происхожденіи, выраженнаго по отношенію къ шляхтичу, онъ доказываетъ свое шляхетство тѣмъ, что «поставитъ» двухъ шляхтичей «прирожоныхъ» (по статуту 1588 года—«кровныхъ»), т.-е. родныхъ ему, которые присягнутъ въ томъ, что онъ имъ родной, «прирожоный а правдивый шляхтичъ». Если родъ прекратился («а пакъ бы се будетъ родъ звелъ»), а лицо, въ шляхетскомъ происхожденіи котораго высказывается сомнѣніе,—«тутошнего панства» Литовскаго «тубылецъ», тогда оно должно «поставить» двухъ шляхтичей изъ бояръ-шляхты околичныхъ, которые при немъ и присягнутъ въ томъ, что оно «зъ роду шляхтичъ» [4]). Но кромѣ доказательства шляхетства такимъ признаннымъ статутомъ путемъ присяги двухъ шляхтичей, уже

---

[1]) II ст. III. 1. [2]) III ст. III. 1. [3]) II ст. III. 16. [4]) Ibidem.

давно установился другой способъ для доказательства принадлежности къ шляхетскому сословію—представленіе документовъ, свидѣтельствующихъ о ней. [1]). Оба способа примѣнялись въ дѣйствительности одинаково, смотря по тому, который изъ нихъ былъ удобнѣе для даннаго случая. Дѣла по доказательству шляхетства—совершенно обычное явленіе въ актовыхъ книгахъ великаго княжества Литовскаго, и декреты «въ заданю нетшляхетства» дошли до нашего времени въ очень большомъ числѣ [2]).

Но необходимость вывода шляхетства является не только тогда когда, шляхтичъ слышитъ оскорбительный для него упрекъ въ непринадлежности къ господствующему сословію-народу. Такъ, привилей, данный Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ 15 января 1569 года Слонимскимъ боярамъ Проствиловичамъ «на шляхетство» [3]), какъ и многіе другіе документы, выставляетъ другую причину необходимости хлопотать о доказательствѣ принадлежности къ шляхетскому сословію. Содержаніе этого привилея слѣдующее. Королю Сигизмунду Августу били челомъ бояре Слонимскаго повѣта Проствиловичи (Лень Ивановичъ, Маркъ Климовичъ, Василь Борисовичъ и Петръ Ходоровичъ), заявляя, что они «с продковъ своих» бояре-шляхта, а между тѣмъ ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ заставляли, какъ нешляхту, платить чиншъ, что доказывается и скарбовыми реестрами. Они просятъ короля, чтобы онъ «на вывод шляхетства ихъ» далъ («дали»). По ихъ челобитью Сигизмундъ Августъ приказалъ написать свой королевскій листъ къ Николаю Юрьевичу Радивилу, бывшему тогда Троцкимъ воеводою [4]), чтобы онъ «того выводу шляхетьства их прослухал а у хоружого и бояр Слонимских, если же они суть с продковъ своих бояре-шляхта, опыталъ и пилное а достаточное выведанье около того вделалъ» и королю «того справу на писме далъ». Проствиловичи представили затѣмъ королю выпись изъ

[1]) См. *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 442, 443.

[2]) Нпр., Историко-Юридич. матеріалы XVII, стр. 234: «декретъ семиковы, Грамничний Мстиславскій въ заданю нетшляхетства, отъ небозчика Володимера Кгорского Матею Глушанину виводни, а другий декретъ суда головного трибуналного на потверженя того декрету приводу нашого на шляхецкого (?), который судъ головний трибуналний утвердилъ и при учстивости шляхецкой зоставилъ» (XVII вѣка).

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{IA}}{49}$ л. 39—40.

[4]) Слонимскій повѣтъ принадлежалъ къ числу повѣтовъ Троцкаго воеводства.

книгъ воеводы Виленскаго, такъ какъ Николай Юрьевичъ Радивилъ былъ къ этому времени уже перемѣщенъ съ воеводства Троцкаго на воеводство Виленское,—и въ этой выписи изложеніе разслѣдованія объ ихъ шляхетствѣ. Радивилъ, будучи наивысшимъ гетманомъ, находился тогда въ королевскомъ войскѣ подъ замкомъ Таврусомъ. Онъ поручилъ «около того опытъ и выведанье чинити» хоружію королевскому дворному (въ то время, а потомъ онъ былъ Минскимъ земскимъ судьею) Григорію Рагозѣ, хоружію Новгородскому Ивану Харитоновичу и хоружію Берестейскому Кирдею Кричевскому. Передъ этими тремя хоружими Слонимскіе королевскіе бояре, «люди добрые шляхта», Миколай Станкевичъ и Богушъ Мискевичъ Простивиловичи, выводя шляхетство бояръ-просителей, «тыми словы сознавали, ижъ продкове их были Проствило а Пац роженая братья народу шляхетского. С Проствила вышли два сыны, Станько а Миско. Зъ Станька вышолъ сынъ Микола, а з Миска он, сынъ его Богушъ. А тые бояре вышей помененые, Лень Ивановичъ, Марко Климовичъ, Васил Борысовичъ, а Петръ Ходоровичъ с Проствилова рожоного брата Паца пошли и суть имъ братья стрыечная». Послѣ этого заявленія королевскій бояринъ Онъ Войтеховичъ Квинта «созналъ», что бояре, выводъ шляхетства которыхъ производится, «кревная братья» его отцу Войтеху Квинтѣ и «одного с нимъ гербу, и якъ их зазнал, тогды поспол з нимъ службу земскую военъную служивали». Слонимскій хоружій Михаилъ Соколовскій со своей стороны также заявилъ, что бояре Проствиловичи, какъ при хоружихъ, бывшихъ до него, такъ и въ его хоружество, служивали земскую военную службу вмѣстѣ съ другими боярами-шляхтою Слонимскими. Однако Николай Радивилъ не ограничился всѣми этими заявленіями, ясно доказывающими шляхетство Проствиловичей. Онъ самъ лично «около того шляхетьства их опыт и достаточное выведанье чинилъ», притомъ не только у бояръ Проствиловичей, названныхъ выше, но и у иныхъ бояръ-шляхты, «людей добрыхъ старожитныхъ». Убѣдившись вполнѣ въ томъ, что бояре, выводъ и провѣрка шляхетства которыхъ были поручены ему королемъ,—шляхта, Радивилъ лично, доложилъ объ этомъ королю, когда послѣдній находился въ своемъ дворѣ Воинѣ. Только послѣ всего этого Сигизмундъ Августъ удовлетворилъ челобитье Проствиловичей и призналъ ихъ шляхтою листомъ своимъ, даннымъ 15 января 1569 года. Такимъ образомъ, осторожность при признаніи шляхетства за тѣмъ, или другимъ обывателемъ соблюдалась не-

малая, но значеніе правъ, которыми владѣлъ шляхтичъ дѣлаетъ ее вполнѣ понятною и необходимою. И Проствиловичи, когда ихъ шляхетство было доказано, получили признаніе своихъ правъ равными съ правами остальной шляхты Княжества. Король говоритъ въ своемъ листѣ: «ино мы, постерегаючи, абы волности, права и свободы шляхетьские во всемъ в целости непорушне захованы были, для того и тых вышей помененых бояръ нашихъ Слонимъскихъ, Леня Ивановича, Марка Климовича, Василя Борысовича а Петра Ходоровича и всих потомковъ ихъ, за таковымъ певнымъ, достаточнымъ а яснымъ выводомъ их шляхетства своего, з ласки нашое господарьское отъ плаченья цынъшу до скарбу нашого земского вечне вызволили и симъ листомъ нашимъ вызволяемъ и, моцю звирхности нашое господарьское при шляхетстве ихъ зоставуючи, даем и даруемъ имъ то, ижъ они сами и потомкове их права своего, волности, тытулу и заволанья почъстивого шляхетьского заровно весполокъ з ыншою шляхтою и рыцерствомъ паньства нашого великого князтва Литовского уживати и з них ся веселити маютъ вечными часы». Признаніе бояръ Проствиловичей шляхтою тотчасъ же повлекло за собою и приказаніе короля Григорію Воловичу, Новгородскому кашталяну, бывшему въ то время Слонимскимъ старостою, и тѣмъ, кто будетъ держать Слонимское староство послѣ него,—не требовать съ нихъ циншу въ скарбъ, не причинять имъ никакихъ затрудненій и соблюдать по отношенію къ нимъ и къ ихъ потомкамъ то, что даровано имъ настоящимъ королевскимъ привилеемъ.

Приведенный примѣръ прекрасно рисуетъ процессъ вывода шляхетства, почему мы такъ подробно его и изложили [1]). Въ немъ мы имѣемъ случай доказательства шляхетства прирожденнаго. Но шляхетство можетъ быть и дарованнымъ королемъ лицу, которое не имѣло его по праву рожденія. Король можетъ за особыя заслуги пожаловать шляхетство и человѣку «простого стану» [2])—его доблесть и заслуги даютъ ему право на вступленіе въ ряды народа-шляхты Литовской. При этомъ статутъ, однако, категорически добавляетъ, что изъ простого стана никто

[1]) Прекрасный примѣръ вывода шляхетства послѣ жизни шляхтича въ городѣ и мѣстской дѣятельности и службы см. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 21—21 об.— «Привилей албо варунок Григорю Семеновичу Щиту з стороны шляхецтва его». (Данъ въ Кнышинѣ 5 августа 1568 года).

[2]) II ст. III. 21.

самъ не можетъ себѣ «вольности прывильевъ стану шляхецского» присвоивать «и ихъ никоторымъ образомъ ужывати» [1]). Примѣромъ такого дарованія королемъ права шляхетства человѣку простого стана (plebeiae conditionis) можетъ служить пожалованіе шляхетства (nobilitas) Андрею Волану, служебнику Виленскаго воеводы Николая Радивила, вмѣстѣ съ братомъ его Яковомъ Воланомъ, сдѣланное въ Люблинѣ 6 февраля 1569 года [2]). Сигизмундъ Августъ пожаловалъ въ шляхтичи обоихъ братьевъ Волановъ по рекомендаціи и ходатайству Николая Радивила, засвидѣтельствовавшаго достоинства и высокія качества своего служебника Андрея.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Приводимъ грамоту цѣликомъ. „In nomine Domini. Amen. Ad perpetuam rei memoriam Nos, Sigismundus Augustus, Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae Livoniaeque etc., Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium quibus expedit universis et singulis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris. Quia cum omnis sublimis potestas in hoc sita Domino constituta, ut eam benefactis justa rependat praemia, quam flagitiis debitas exsolvat paenas, si modo tranquillitatem publicam conservare integram cupiat et bene ac fideliter degerendae inter homines vitae causa esse velit. Idcirco et nos pro ratione officii et muneris nostri, quod nobis in excelso et Regali rerum vestigio collocatis impositum agnoscimus et unicuique virtuti et bene meritis hominum suos reddamus honores commendata nobis per illustrem et magnificum Nicolaum Radziwił palatinum Vilnensem et Magni Ducatus Lithuaniae Cancellarium etc., syncere nobis dilectum, insigni virtute summaque morum integritate Andrea Volani seruitoris sui ac praeterea excellenti eruditione et magna ingenii dexteritate, quam ille non modo in rebus suis privatis sed in publicis etiam negotiis multoties prospexit et tam tempore belli quam pacis utilem Reipublicae usu ipso cognovit. Necessariam rem omnino nos facturos duximus, si tot egregias virtutes et merita laudabili aliquo praemio et honore condecoraremus. Cum autem honos et dignitas inter (л. 59 об.) caetera virtutum praemia non postremum habeat locum et his potissimum tribui debet. qui ingenio et virtute sese conspicuos omnibus reddunt, eam dignitatem praedicto Andreae Volano omnino dandam duximus, maxime cum id a nobis postularet supra nominatus Nicolaus Radziwił palatinus Vilnensis, de nobis et Republica tota semper optime meritus ita, ut tam justis ejus precibus aquiescendum esse omnino duxerimus. Et si autem antiquitus praedictus Andreas Volanus maiores suos honesta nobilitatis conditione habuerit, fruentes ita, ut nunc etiam plurimas cognatione praeclaras et nobiles attingat familias, tamen quia successu temporum, ut rerum omnium humanarum vicissitudo est, obscurari quodam modo domus ejus ceperit et in plebejam paene conditionem degeneravit. Nobilitatem ei de(m) integro fratrique ejus germano Iacobo Volano ac toti eorum sexus vtriusque posteritati, ab eis legittime descendenti, ac si integra et nunquam nobilitatis serie interrupta a maioribus eorum ad eos peruenisset pro authoritate et potestate nostra Regia damus, donamus, concedimus cum omnibus praerogatiuis, libertatibus, immunitati-

*

Принадлежность къ шляхетскому сословію такимъ образомъ является или слѣдствіемъ рожденія, или слѣдствіемъ пожалованія. Но можетъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ поселиться и не туземецъ его, а человѣкъ «обчого народу», чужестранецъ. Законъ гласитъ: «а хотя бы хто обчого народу за свои заслуги въ той речы посполитой пришолъ ку осѣлости зъ ласки и данины» государевой, или какимъ-либо «иншимъ правомъ» [1]), такія лица «ужываютъ» свою осѣлость-имѣніе, дѣлаясь черезъ это обывателями Княжества и неся земскую службу Литвѣ. Однако, они не совсѣмъ равны въ своихъ шляхетскихъ правахъ съ родичами Литовскими, такъ какъ «на достоенства и всякій врядъ духовный и свѣцкій» можетъ избираться шляхтою и назначаться государемъ «толко здавна продковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовского Литвинъ и Русинъ» [2]). Статья эта, принятая статутомъ 1566 года изъ статута 1529 года [3]), была принята и статутомъ 1588 года [4]). Этотъ послѣдній опредѣляетъ и то, кого нужно понимать подъ «уроженцами» Литовскаго княжества. Это— «Литва, Русь, Жомойть, родичи старожытные и уроженцы великого князства Литовъского и иныхъ земль, тому великому княз-

---

bus quibuscunque tota Nobilitas tam in Regno nostro Poloniae, quam in Ducatu Magno Lithuaniae gaudet et fruitur, concedentes illis potestatem dignitates omnes et officia ac munera Nobilibus dari pro cuibusque meritis solita capiendi, item terrestria quaeuis bona quocunque modo acquirendi eaque pacifice possidendi cum omni eorum prole ac posteritate temporibus perpetuis non alia conditione ac modo, nisi quo tenentur et possidentur ab aliis Regni nostri Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae nobilibus incolis. Porro Stemma Nobilitatis iam ante illis vsitatum et familiare in omne futurum tempus illis concedimus, sagittam nimirum duabus transuersis (л. 60) lineis dissectam et vulgo Lisowiec dictam flauam ipsam in rubro campo depictam cuius quidem stemmatis ille cum fratre praedicto ac omni posteritate sua non modo in angulis gestandi ac eo litteras et quaeuis munimenta obsignandi, verum etiam in auro et argento sculpendi et in locis priuatis ac publicis depingendi secundum exigentiam rei et temporum plenam omnibus temporibus habebit potestatem. In cuius quidem rei firmius robur et euidens testimonium has illis litteras nostras sigillo nostro appenso munitas concessimus. Datum Lublini die sexta Februarii Anno Domini Millesimo Quingentesimo Sexagesimo Nono in conuentione magna et generali consiliariorum statuumque omnium et ordinum tam Regni Poloniae quam Magni Ducatus Lithuaniae. Per manus supramemorati Nicolai Radziwił Ducis in Dubinki et Bierze Palatini Uilnensis et Magni Ducatus Lithuaniae Cancellarii, syncere nobis dilecti. Subscriptio S. R. Maiestatis. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 59 об.—60 об.

[1]) Нпр., по женѣ. [2]) II ст. III. 9. [3]) I ст. III. 3. [4]) III ст. III. 12.

ству належачихъ». Болѣе точное и подробное опредѣленіе понятія «уроженства», которое даетъ третій статутъ, является, очевидно, вызваннымъ прежде всего договоромъ Люблинской Уніи 1569 года, уничтожавшимъ всѣ уставы и статуты, установленные въ Литвѣ противъ пріобрѣтенія и владѣнія Поляками имѣніями въ Княжествѣ и установлявшимъ одинаковое право и для Поляковъ, и для Литовцевъ владѣть имѣніями въ обѣихъ частяхъ «спольной» Речи Посполитой [1]). Мы видѣли уже выше, какъ сложились отношенія Литвы къ Польшѣ въ эпоху, наступившую послѣ Уніи 1569 года, и знаемъ, что Литовское княжество защищало свои права и свою особность отъ Короны со всею возможною бдительностью. Литва и послѣ Уніи, допуская чужеземцевъ-Поляковъ къ владѣнію землей въ своихъ предѣлахъ, ограничивала ихъ права, закрывая передъ ними доступъ къ Литовскимъ должностямъ, хотя и требовала отъ нихъ земской военной службы для великаго княжества Литовскаго вмѣстѣ съ остальными его обывателями. Если болѣе подробное изложеніе этой статьи третьимъ статутомъ дѣлалось необходимымъ ввиду настойчиваго требованія Люблинскаго договора о томъ, что оба народа—Литовскій и Польскій—должны составлять одинъ «lud» и одно «panstwo», требованія, отъ котораго такъ энергично и стойко отстранялись Литовцы, то существованіе ея въ статутѣ было дѣломъ необходимымъ вслѣдствіе того, что на службѣ у королей Польскихъ великихъ князей Литовскихъ бывало всегда достаточное число иностранцевъ, какъ военныхъ, такъ мастеровъ и лекарей, пользовавшихся милостями государей и пріобрѣтавшихъ имѣнія въ предѣлахъ Княжества. Такъ, 1 іюня 1574 года король Генрихъ Валуа пожаловалъ [2]) ротмистру королевскому Александру Гванини (Кгванинъ) мѣстечко Филипово въ лѣсничествѣ Перстунскомъ со 158 волоками земли, къ нему принадлежащими, а также села Кривую Волю (16 волокъ), Жусневo (34 волоки) и Перерослю (6 волокъ) съ людьми, въ мѣстечкѣ и селахъ осѣлыми, и со всѣми «ихъ служъбами, платы и повинностями цынъшовыми, капъчизнами и иными подачъками, з нихъ приходячими, з млынами и з ихъ вымелъки, зъ кгрунъты, землями, застенъками оселыми и

[1]) Volumina legum II. Str, 90. 14. Документы, объясн. ист. Зап.-Р. края. Стр. 152, 154.

[2]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 110 об.—111 об.

пустыми и инъшими вшелякими пожитьками» [1]). Всѣ доходы и «пожитки», которые имѣются въ названныхъ мѣстечкѣ и селахъ и «которые на потом якимъ кольвекъ обычаемъ вынайдены и постановены быти могут». Гванини будетъ «держати, вживати, всякие пожитъки собе тамъ розмножати и прибовляти и того всего спокойне вживати до живота своего». При этомъ онъ освобождается ото всякихъ уплатъ по своему имѣнію въ скарбъ. Пожалованіе этого имѣнія лишь пожизненное, и по смерти Гванини имѣніе вновь должно отойти на государя, «ку столу» его великаго княжества Литовскаго. Въ пожалованіи имѣнія ротмистру Гванини мы имѣемъ примѣръ награжденія за военную службу. Но и службы другого вида также награждались земельными имуществами, жалуемыми королемъ. Такъ, Лукашъ Вольфъ, цирульникъ короля Сигизмунда Августа, получилъ отъ Генриха Валезія не только листъ [2]) «на волност [3]) дому его в месте Виленскомъ и на

---

[1]) «Генърикъ Божю милостью. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Билъ намъ чоломъ ротъмистръ нашъ Алексанъдро Кгванинъ и просилъ насъ, ижъ быхмо з ласки нашое господаръское за служъбы его, которыми онъ немалые почъты ротъ людей служебныхъ в справе своей маючы и ротъмистром пешимъ будучы а противъ войскъ непріятеля нашого великого князя Московского мужне се зоставуючи яко на замку нашомъ Витебскомъ, такъ и на иншихъ многихъ местъцахъ в паньстве нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ заслуговалъ якое опатренье учинили и оселость ему дали. Якожъ многие панове рады наши, залецаючы годные, пилные и значные заслуги его в справахъ рыцерскихъ противко речи посполитое паньствъ наших, насъ за нимъ у причине жедали А такъ мы, взявши ведомость о служъбахъ звышъ менованого Алексанъдра Кгванина, которыми онъ отъ немалого часу ротъмистромъ будучи и роты людей служебныхъ пешихъ на пограничъномъ замку нашомъ Витебскомъ маючи и на инъших многихъ розныхъ местъцахъ служачы а не только на маетности своей утраты великие приймуючи, але и зъдоровъя своего не литуючы королю его милости славное памети Жикгимонту Августу предку нашому и Речы Посполитой панствъ нашихъ в справахъ рыцерскихъ пожиточне, верне а цнотливе и на всем пильне ласку его королевское милости заслуговал, дали есмо ему... . »

Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 110 об.—111.

[2]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 2 об.—4 об.

[3]) «от стоянья пановъ рад нашихъ ихъ милости духовныхъ и светъскихъ, врядниковъ земскихъ и духовныхъ такъ Коруны Польское, яко и великого князства Литовского, такъже пословъ и гонъцовъ чужоземскихъ, дворанъ и иныхъ слугъ нашихъ и иного всякого стану гостей». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 3 об.

волности ремесла бальверского [1]) везде уживати», но и пожалованіе имѣніемъ. Въ листѣ королевскомъ на это послѣднее пожалованіе [2]) читаемъ, что еще Сигизмундъ Августъ, «маючи баченье на служъбы» цирульника Лукаша Вольфа, «которими онъ черезъ немалый час верне, цнотливе, зо вышелякою пильностью около опатренья здоровъя его королевское милости працовите ласку его королевское милости заслуговалъ», далъ ему «вечнымъ правомъ в дедицство» два села въ Олитской пущѣ—Мотлявку (34 волоки) и Бухты (17 волокъ), придавъ къ волокамъ этихъ селъ еще 15 волокъ лѣсу для дровъ и 2 волоки сѣножатей. Подтверждая по просьбѣ пановъ-радъ это пожалованіе своего «предка», Генрихъ Валезій въ своемъ листѣ говоритъ: «маеть впрод реченый Лукашъ Вольфъ самъ, жона, дети и потомки его села Мотлавку и Бухты зо всякими кгрунъты, широкостями и пожитки и зъ шестьма волоками осочъницъкихъ [3]), въ селе Мотълавце лежачихъ, и зо всимъ на все, якъ ся оные села сами в собе мають, такъже 15 волокъ лесу и две волоки сеножати держати и въживати, вольни будучи тамъ прибавити, розъширити, фольварки, млыны и ставы собе будовати и въсякие пожитъки примножати, маючи вольност тую всю данину короля его милости предка нашого, або часть ее отъдати, продати, даровати, заменити и водле воли своее шафовати, вживаючи с тымъ всякихъ свобод и вольностей во всемъ потому, яко в листе короля его милости предка нашого описано естъ» [4]).

Такимъ образомъ пожалованія имѣніями за службы королю и государству были обычнымъ явленіемъ въ Литовскомъ княжествѣ. Ниже мы увидимъ, что эти пожалованія были вообще однимъ изъ способовъ награжденія лицъ, служившихъ великому княжеству Литовскому. Въ числѣ получившихъ осѣлость путемъ ли пожалованія ея правительствомъ, или путемъ пріобрѣтенія ея чужестранцами дозволенными закономъ способами, было достаточное число лицъ, принадлежащихъ къ такимъ общественнымъ клас-

---

[1]) цирульничьяго.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 19 об.—21 об.

[3]) Эти волоки не были показаны въ привилеѣ Сигизмунда Августа, но король Генрихъ призналъ за Вольфомъ и ихъ, такъ какъ ему пожаловано все село Мотлавка.

[4]) Лит, Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 21, 21 об.

самъ другихъ государствъ, которые могли быть признаваемы имѣющими въ этихъ послѣднихъ аналогическое значеніе со значеніемъ шляхты въ Литовскомъ княжествѣ. Понятнымъ, поэтому, становится вышеприведенное требованіе статута о преимуществахъ «отчичей» и «тубыльцевъ» великаго княжества Литовскаго передъ этими переселенцами, признанными шляхтою и въ Литвѣ. Если мы сравнимъ способы пріобрѣтенія шляхетства въ Польшѣ, то замѣтимъ, что и тамъ главнымъ изъ этихъ способовъ было рожденіе, но рядомъ съ нимъ стояли индигенатъ дворянства чужестраннаго и нобилитація нешляхтичей [1]).

Свободы и вольности шляхты ставятъ ее высоко надъ другими сословіями великаго княжества Литовскаго. Естественны, поэтому, постановленія закона, ограждающія шляхтича отъ оскорбленій, а особенно отъ оскорбительныхъ для него подозрѣній въ нешляхетскомъ происхожденіи. Если шляхтичъ или правительственная власть сомнѣваются въ шляхетскомъ происхожденіи даннаго лица, то послѣднее должно доказать свое шляхетство путемъ вывода его, примѣръ чего мы видѣли выше. Но если шляхтичу «приганитъ» [2]) нешляхтичъ, а тотъ, по отношенію къ кому это сдѣлано, докажетъ свое шляхетство выводомъ его, а кромѣ того, докажетъ, что «приганившій» ему самъ—нешляхтичъ, то этотъ послѣдній наказывается «урѣзаньемъ языка» [3]). Такъ строго карается нешляхтичъ, осмѣливающійся мѣшаться въ дѣла народа-шляхты, который считаетъ его слишкомъ низко стоящимъ по сравненію съ собою для того, чтобы разрѣшить разсуждать о вопросахъ шляхетства. Вольности шляхетства слишкомъ важны, чтобы высказанное даже нешляхтичемъ обвиненіе шляхтича въ нешляхетствѣ, не вызывало доказательства своего «благородства» тѣмъ лицомъ, по отношенію къ которому подозрѣніе было высказано. Но строго казня черезъ «урѣзанье языка» въ случаѣ ошибочности заявленія, законъ долженъ былъ, разумѣется, удерживать нешляхтичей отъ заявленій о нешляхетствѣ того или другого шляхтича. За то шляхтичъ свободно можетъ

---

[1]) X. *Wincenty Skrzetuski S. P.* Prawo polityczne narodu polskiego. I. Warszawa. 1782. Str. 187. ***Bandtkie-Stężyński.*** Hist. pr. p. Warszawa. 1850. Str. 533—537.

[2]) Значеніе слова «приганить» особенно хорошо видно изъ фразъ въ родѣ слѣдующей: «Бартошовая тежъ той духовници приганила и не мела ее за справедливую...» А. Вил. XVII. № 534.

[3]) II ст. III. 18. См. также «о наганене шляхтича забитого». Ibidem. 19.

заявлять свое сомнѣніе въ шляхетствѣ того или другого обывателя. Мы видѣли выше, что подозрѣніе въ неправильной принадлежности къ шляхетскому сословію, высказанное шляхтичемъ влечетъ за собою «выводъ шляхетства». Но законъ знаетъ и такой случай, что шляхтичъ сдѣлаетъ упрекъ другому шляхтичу «такъ о шляхецство, яко и о иншые речы шкодливые доброй славѣ» и обѣ стороны, и оскорбитель и потерпѣвшій, явятся на судъ, но на судѣ обидчикъ откажется отъ своего обвиненія [1]). Въ такомъ случаѣ эта «примовка», эти оскорбительныя рѣчи не будутъ имѣть никакого значенія для чести оскорбленнаго, но за то и оскорбитель, отказавшійся отъ содержанія своего упрека, также свободенъ отъ дальнѣйшаго суда [2]). Нельзя не видѣть въ этомъ постановленіи статута желаніе не закрывать возможности высказыванія подозрѣній въ нешляхетствѣ по отношенію къ отдѣльнымъ шляхтичамъ: права и вольности шляхты слишкомъ важны для того, чтобы закрыть путь къ возможно лучшей провѣркѣ правъ каждаго шляхтича, шляхетство котораго почему-либо является подозрительнымъ. Но упрекъ можетъ быть высказанъ по отношенію къ шляхтичу и въ томъ, что онъ сынъ незаконный, не «чистого ложа сынъ». Тутъ мы встрѣчаемся съ самымъ понятіемъ незаконныхъ дѣтей, или «бенкартовъ», какъ ихъ называетъ статутъ [3]). Незаконными дѣтьми статутъ признаетъ не только тѣхъ дѣтей, которыя прижиты «при властной женѣ съ чужолозницею», но даже и тѣхъ, которыхъ отецъ будетъ имѣть отъ этой женщины, вступивъ съ нею въ бракъ послѣ смерти своей прежней жены [4]). Кромѣ того, бенкартомъ признается закономъ такой сынъ, отъ котораго отрекся отецъ при своей жизни, не признавъ его своимъ ребенкомъ. Но при этомъ требуется статутомъ, чтобы такое непризнаніе ребенка не было сдѣлано «зъ вазни и зъ гнѣву» противъ сына, или жены. Законъ признаетъ за мужемъ право непризнанія лишь такого сына, дѣйствительнымъ отцомъ котораго онъ считаетъ другое лицо. Поэтому, если онъ уже долгое время держалъ дитя у себя въ домѣ, какъ своего собственнаго ребенка, а также и мать его продолжалъ считать своею женою [5]), то самою этою «терпливостью»

[1]) «того се запрѣлъ». [2]) II ст. III. 22. [3]) II ст. III. 23.

[4]) II ст. III. 23. Для лучшаго пониманія не совсѣмъ яснаго текста этой статьи, нужно его сличить съ соотвѣтствующею статьею статута 1588 года (III ст. III. 28).

[5]) Во II-мъ статутѣ по изданію во Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. (XXIII. М. 1855) ошибка; исправляемъ ее по III-му статуту.

своею призналъ его своимъ законнымъ ребенкомъ и уже потомъ не имѣетъ права отъ него отказываться. Особенно подчеркиваетъ статутъ для отца невозможность признать незаконнымъ своего ребенка тогда, когда отецъ, овдовѣвъ отъ перваго брака, въ которомъ онъ былъ съ матерью этого ребенка, вступитъ въ новый бракъ: «тогды вже при мачосѣ отъ имѣнья отчизного отдаляти не можеть потомужь» [1])—законъ ясно предвидитъ возможность вліянія новой жены, стремящагося къ лишенію законности происхожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правъ наслѣдства дѣтей мужа отъ перваго брака для того, чтобы все имущество мужа перешло къ его дѣтямъ отъ брака съ нею. Итакъ, постановленія статута, устанавливающія понятіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей и опредѣляющія, какія дѣти признаются закономъ и какія имъ не признаются,—первое, что необходимо имѣть передъ глазами, когда рѣчь идетъ о законности и незаконности происхожденія, какъ она понималась въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Второе обстоятельство, съ которымъ нужно считаться въ вопросѣ о Литовской семьѣ, это существованіе браковъ съ совершеніемъ церковнаго обряда вѣнчанія и безъ него. Акты судовъ Литовскихъ прекрасно знаютъ браки съ женами «невѣнчальными», хотя, правда, только для лицъ, не слишкомъ выдающихся и важныхъ по своему общественному положенію. Среди подданныхъ государевыхъ и панскихъ такіе браки были явленіемъ нерѣдкимъ. Такъ, напримѣръ, 29 апрѣля 1560 года Слонимскому старостѣ Григорію Воловичу жаловался подданный пана Льва Гонцовскаго Иванъ Кузьмичъ на подданнаго государскаго войтовства Загривецкаго Ониску Куриловича. Иванъ Кузьмичъ такъ излагалъ свою жалобу: «дал есми за сына его Макара дочку свою Орину, по которой дал есми ему, свату своему, по дочце своей корову, козу, свиню, гус 1, кур 3. То пакъ дей тот сын его, мешкавши з нею, сам проч пошол, а дочку мою до мене прислал, которая мешкаеть у мене полтора года». Ониско призналъ, что дочь Ивана была за его сыномъ, но послѣдній «нижли дей для покорменя ишол кормитися». Тогда староста, разбиравшій дѣло спросилъ [2]), вѣнчальною ли женою была Орина. Ониско отвѣчалъ, что она была невѣнчальною [3]), а относительно требуемаго Иваномъ обратно приданаго ея показалъ, что «козеня а порося, гус

[1]) II ст. III. 23. [2]) «пытали есмо, бы то была жона венчалная».
[3]) «он поведил, иж невенъчалная».

и кур трое взял, коза 1 здохла, а корове и сорочкамъ не знался». Иванъ «на то доводу не мел», а потомъ и самъ призналъ, что далъ все это не Онискѣ, а его сыну за своею дочерью [1]) и такимъ образомъ Ониска является неотвѣтственнымъ по этому иску. Оправдавъ Ониска Куриловича [2]), Григорій Воловичъ постановилъ о дочери Ивана Кузьмича слѣдующее: «а што ся дотычеть, дочка его иж невенъчалная была, а злаща и мужа ее нет, тогды можеть се за кого хотя отдать, а если тот муж ее, пришедши, всхочет взят, тогды и то может вчинить, если хочеть» [3]). Итакъ, бракъ безъ церковнаго вѣнчанья совершенъ и трактуется передъ судомъ вовсе не какъ противозаконная связь, а какъ бракъ, совершенный лишь безъ церковнаго обряда. Какъ бы ни смотрѣла на такой бракъ видѣвшая въ немъ грѣхъ церковь, въ глазахъ общества онъ былъ явленіемъ обычнымъ и нисколько не позорнымъ, если женщина, бывшая въ такомъ бракѣ, можетъ быть вновь выдана отцомъ за другого мужа и сдѣлаться затѣмъ даже «вѣнчальною» женою, т.-е. вступить въ бракъ съ совершеніемъ церковнаго обряда вѣнчанія [4]). Совершенный безъ таинства, невѣнчанный бракъ можетъ и расторгаться совершенно просто. Такъ напримѣръ, 11 февраля 1540 года жена жаловалась на своего мужа Городенскому суду: «взялъ онъ мене за жону собе, то пакъ онъ теперь мене отъ себе отбилъ, кроме моей жадной винности». Мужъ на это отвѣтилъ, что, хотя онъ и взялъ ее себѣ за жену но съ нею не вѣнчался и теперь за ея своеволіе не желаетъ болѣе имѣть ее своею женою. И судъ объявилъ мужа отъ жены его «вольнымъ» на томъ основаніи, «ижь тотъ Яцько (мужъ) зъ жоною своею ся не венчалъ» [5]). Но не слѣдуетъ думать, чтобы бракъ безъ церковнаго вѣнчанія практиковался только среди простыхъ подданныхъ, т.-е. крестьянскаго населенія. 22 іюня 1556 года земскимъ судьямъ Городенскимъ жаловался [6]) господарскій бояринъ Городенскаго повѣта Антонъ Ходоровичъ на свою невѣстку Ульку Ѳедьковну боярыню господарскую того же повѣта, въ томъ, что она, будучи невѣнчальною женою его сына Сенка, остается жить

[1]) «а потомъ и самъ знал, иж то не ему, але сыну его за дочкою своею дал».

[2]) «а такъ я от того подданого господарьского вчинил правымъ».

[3]) Виленскій Центральный Архивъ № 7863. Слонимскаго Гродскаго суда № 1. Л. 42 об.

[4]) Нпр., А. Вил. XXI. № 221. Въ этомъ актѣ сама жена заявляетъ о томъ, что она невѣнчальная, и это оспаривается противною стороною.

[5]) А. Вил. XVII. № 181. [6]) А. Вил. XVII. № 986.

въ его домѣ и послѣ смерти этого Сенка и притомъ «немалые шкоды» ему «чинитъ и словы невчьстивыми ся сегаетъ», а изъ дому его не уходитъ. Но Улка на это отвѣчала, что она живетъ въ домѣ Ходоровича потому, что осталась по смерти мужа своего «на вдовемъ столцы, будучи женою венчельною, и зъ сыномъ своимъ Сенкомъ». Когда Ходоровичъ оспаривалъ существованіе вѣнчаннаго брака между его сыномъ и Улкою, послѣдняя «попа ку сведецству поставити подвезалася». Можетъ быть, Улкѣ и удалось потомъ доказать «вѣнчальность» ея брака съ покойнымъ ея мужемъ, но самая возможность жалобы въ судъ Ходоровича съ его заявленіемъ говоритъ о существованіи среди бояръ браковъ безъ совершенія церковнаго обряда. Итакъ, между боярами браки безъ церковнаго вѣнчанія существовали. Но они бывали, повидимому и среди пановъ. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, панъ Иванъ Богушевичъ Таруса, дворянинъ господарскій, явившись передъ земскихъ судей Городенскихъ 3 іюня 1557 года вмѣстѣ съ женою своею пани Мариною Кумпелевною, заявилъ, что, ввиду частой среди нихъ «незъгоды» и взаимнаго несогласія и ссоръ, они рѣшились съ женою развестись. Таруса прибавляетъ въ концѣ своего заявленія: «вольно будетъ, гдѣ похочу, жону собе у малженство взяти, на што есьмо межи собою и листы ростанья своего одинъ другому подъ печатьми нѣкоторыхъ людей добрыхъ на себе дали», и притомъ заключили свое соглашеніе подъ зарукою на государя [1]). Въ этомъ актѣ нѣтъ ни слова о церковномъ разрѣшеніи развода, который необходимъ для развода повѣнчанныхъ супруговъ и о которомъ хорошо знаютъ другіе акты [2]). Можно съ увѣренностью поэтому считать этотъ примѣръ примѣромъ существованія невѣнчанныхъ браковъ и между довольно крупною шляхтою. Что же касается мелкой шляхты, то она такъ близка была по своему экономическому и умственному состоянію къ боярамъ, что можно безъ всякой опасности ошибиться обобщать моральные взгляды боярства и мелкаго шляхетства. Всѣ данныя актовъ о невѣнчальныхъ жонахъ скрѣпляются и самимъ статутомъ, гласящимъ: «а бѣлымъ головамъ шляхецскимъ якъ головщизна, такъ и навезка маетъ быти плачона совито, тымъ же обычаемъ потомъ и ихъ жонамъ и детемъ, которіе *вѣнчалные жоны* маютъ, маетъ быти навезка шляхецская» [3]). Разъ статутъ нахо-

---

[1]) А. Вил. XVII. № 992.
[2]) Нпр., А. Вил. XVII. № 652: «какъ мя митрополитъ зъ нею роспустилъ»
[3]) II ст. XI. 13.

дитъ нужнымъ прибавить *вѣнчальныя* къ слову жоны, онъ уже этимъ самымъ ясно намекаетъ на существованіе жонъ и невѣнчальныхъ. Но какъ же доказывается бракъ, вѣнчанный въ церкви, если не существовало брачныхъ обысковъ и церковныхъ книгъ, куда вносились бы брачныя записи? Доказательствомъ того, что бракъ повѣнчанъ, служило свидѣтельство священника, вѣнчавшаго супруговъ, или заявленіе свидѣтелей совершеннаго церковнаго обряда. Выше мы видѣли, какъ жена, упрекаемая своимъ свекромъ въ томъ, что ея бракъ съ покойнымъ мужемъ ея не былъ вѣнчанъ, ссылается на свидѣтельство священника [1]). Показаніе свѣтковъ также обычное явленіе при доказательствѣ совершеннаго церковнаго вѣнчаніи [2]).

Изъ всего приведеннаго въ характеристику брачныхъ порядковъ Литовско-Русскаго княжества для насъ въ настоящемъ изложеніи важно то, что въ обществѣ взглядъ на бракъ двоился. Если законъ признавалъ законнымъ бракомъ только такой, который состоялся съ совершеніемъ церковнаго обряда, наблюдая при этомъ чистоту брака до такой степени, что не признавалъ законными дѣтьми не только дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, но даже отказывалъ въ признаніи законными дѣтей, прижитыхъ съ женщиною, связь съ которой была нарушеніемъ супружеской вѣрности, хотя бы они рождались уже послѣ церковнаго брака съ нею,— общество сохраняло и бракъ безъ церковнаго обряда, остатокъ еще сѣдой языческой эпохи, сохранявшійся затѣмъ долго и въ христіанскую эпоху по причинѣ отдаленности храмовъ отъ многихъ поселеній обширнаго пространства Княжества, а также и по далеко неглубокому проникновенію населенія церковнымъ ученіемъ. Это необходимо имѣть ввиду, когда встрѣчаемъ въ актахъ оскорбительные упреки, обращенные къ различнымъ лицамъ въ томъ, что они «нечистого ложа сыны» [3]). Не слѣдуетъ всегда видѣть тутъ упрекъ въ происхожденіи отъ брака безъ церковнаго вѣнчанія. Въ сознаніи *всего* Литовскаго общества не могло еще быть утвердившимся въ XVI вѣкѣ требованіе церковнаго обряда для признанія брака: согласіе родителей на совмѣстную жизнь супруговъ считалось еще многими достаточнымъ для того, чтобы считать ее супружествомъ, а не преступною связью. Таким образомъ, въ семейномъ правѣ Литовско-Русскаго великаго княжества

[1]) А. Вил. XVII. № 986. [2]) Нпр., А. Вил. XVII. №№ 167, 168.
[3]) Нпр., А. Вил. XXI. № 22.

мы имѣемъ интересный фактъ различія нормы закона съ нормою жизни. Законъ христіанскаго государства XVI вѣка не могъ не требовать обязательнаго церковнаго обряда и благословенія церкви для освѣщенія супружеской жизни его христіанскихъ подданныхъ, общество же еще не прониклось вполнѣ христіанскимъ взглядомъ и продолжало жить старымъ, языческимъ понятіемъ. Едва ли поэтому можно всегда видѣть въ упрекѣ происхожденіемъ «нечистого ложа», упрекъ въ рожденіи отъ родителей, жившихъ въ супружествѣ безъ церковнаго вѣнчанія, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это и возможно. Что касается до другихъ случаевъ, то въ нихъ нужно подразумѣвать происхожденіе отъ наложницъ, т.-е. рожденія отъ связи мужа при живой женѣ, или связи тайной, безъ согласія родителей.

Теперь посмотримъ, какъ караетъ законъ за оскорбленіе, наносимое упрекомъ въ происхожденіи «нечистого ложа». Если кто-либо сдѣлаетъ такой упрекъ другому, онъ долженъ доказать передъ судомъ, что этотъ послѣдній произошелъ отъ брака «не зъ вѣнчалною, нешлюбною женою», а если этого доказать окажется не въ состояніи, то долженъ свою «примовку», свой упрекъ «очистити» передъ судомъ и сдѣлать это, произнеся слѣдующія слова: «што есмо менилъ на тебе, же бы ты не былъ чыстого ложа сынъ, въ томъ на тебе брехалъ, якъ песъ». Въ случаѣ отказа произнести эту фразу, виновный долженъ быть посаженъ въ тюрьму, «масть седѣти у везенью на замку» королевскомъ и будетъ находиться тамъ до тѣхъ поръ, пока не согласится произнести приведенной выше формулы отреченія отъ содержанія своего упрека. При этомъ врядъ не долженъ оказывать ни малѣйшаго снисхожденія, «никоторое фолкги» такому «упорному» [1]).

Познакомившись съ тѣмъ, какъ доказывалась принадлежность къ шляхетскому сословію, перейдемъ къ изученію положенія, правъ и обязанностей народа-шляхты великаго княжества Литовскаго. Въ народѣ-шляхтѣ объединялись общими правами люди различнаго экономическаго и умственнаго состоянія. Различіе по экономическому положенію и по умственному развитію вносило, конечно, раздѣленіе братіи-шляхты на слои. Самое равенство по правамъ въ принципѣ должно было, несомнѣнно, въ значительной степени ограничиваться различною степенью возможности осуществленія своихъ правъ отдѣльными шляхтичами въ зависимости

[1]) II ст. III. 23.

отъ экономическаго ихъ положенія и умственнаго развитія. Къ этимъ различіямъ нужно еще присоединить существованіе въ великомъ Княжествѣ титуловъ, отчасти старинныхъ-родовыхъ, въ которыхъ звучитъ историческое значеніе той или другой фамиліи (царевичъ, князь), отчасти пріобрѣтенныхъ путемъ пожалованія (князь, грабя, т.-е. графъ). Наконецъ, изъ рядовой шляхты выдѣлялась шляхта должностная, занимавшая придворныя, административныя и судебныя должности въ государствѣ. Но всѣ виды шляхты, всѣ слои ея въ ея чести и правахъ одинаково охраняются закономъ: «князь, панъ, которого кольвекъ стану и достойности, будучы толко бы одно роду шляхецского человѣкъ, заровно всихъ въ томъ почытаючы отъ вельможного до навбожного шляхтича» [1]). Но, конечно, какъ увидимъ ниже, на дѣлѣ у каждаго шляхтича далеко не было возможности чувствовать себя равнымъ съ сильнымъ и богатымъ паномъ. Присмотримся же къ отдѣльнымъ слоямъ шляхты великаго княжества Литовскаго и познакомимся съ ними прежде, чѣмъ говорить о правахъ и обязанностяхъ всего шляхетскаго сословія.

Во главѣ всѣхъ Литовскихъ обывателей ставятся королевскими универсалами и статутомъ князья. Г. Іосифъ Вольфъ [2]) дѣлитъ князей великаго княжества Литовскаго на три категоріи. 1) князья происхожденія Литовскаго, 2) потомки удѣльныхъ Русскихъ князей и 3) выходцы изъ Москвы, Татаръ и Черкесовъ: Первую группу, въ свою очередь, цитируемый авторъ подраздѣляетъ на двѣ, а именно потомковъ Литовскихъ князей, княжившихъ въ Литвѣ до XIII вѣка, и потомковъ Гедимина. Во вторую группу входятъ потомки удѣльныхъ князей, княжившихъ въ Русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Сюда относятся потомки князей Полоцкихъ и Витебскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ и Пинско-Туровскихъ.

Признавая, что классификація князей Княжества, которую встрѣчаемъ въ трудѣ г. Вольфа, вполнѣ правильна въ принципѣ, положенномъ въ ея основаніи, мы, однако, для удобства трактованія князей, какъ извѣстной группы шляхетскаго стана Литвы во второй половинѣ XVI вѣка, предпочитаемъ принять раздѣленіе ихъ на двѣ группы—остатковъ владѣтельныхъ, удѣльныхъ князей великаго княжества Литовскаго и князей служилыхъ и

[1]) II ст. III. 22.

[2]) *Jósef Wolff.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa. 1895. Str. XXI.

князей-земянъ. Территорія Княжества вмѣщала въ себѣ цѣлый рядъ княжескихъ вотчинъ. Историкъ Литовскаго права отмѣчаетъ цѣлый рядъ такихъ земельныхъ владѣній: кн. Крошинскихъ, Путятъ, Подбережскихъ, Заславскихъ, Соломерецкихъ, Ѳоминско-Березуйскихъ, Киндеровичей, Мстиславскихъ, Жилинскихъ и т. д. [1]). Въ болѣе раннее время эти княжескія владѣнія представляли изъ себя территоріи, находившіяся во власти удѣльныхъ князей, подчиненныхъ великому князю Литовскому. «Божію милостію и здоровьемъ господара нашого великого короля Зигимонта мы князь Михайло Ивановичь Мстиславски чынымъ знаменито симъ нашымъ листомъ нынѣшнимъ и напотомъ будучымъ, кому будетъ потреба вѣдати або, чтучы его, слухати»—пишетъ одинъ изъ князей Мстиславскихъ 25 февраля 1526 года въ своей жалованной грамотѣ Пустынскому монастырю на село Радивоновское [2]). Удѣльные князья управляли, судили, собирали «пошлины» и требовали себѣ службы съ населенія ихъ владѣній, дѣйствуя черезъ своихъ намѣстниковъ, тивуновъ и другихъ «урадниковъ» [3]). Но рядомъ съ владѣтельными князьями рано существовали и князья служилые. Такъ въ числѣ «королевыхъ бояръ», упомянутыхъ въ числѣ свидѣтелей одной дарственной записи княгини Ульяны Семеновой Кобринской и сына ея Ивана, князя Семеновича, данной въ 1465 году, встрѣчаемъ Еліокима князя Корецкаго [4]). Итакъ, еще въ XV столѣтіи были двѣ группы князей—князья владѣтельные, владѣвшіе своими вотчинами-удѣлами и князья, вошедшіе въ ряды простыхъ бояръ, т.-е. земянъ-шляхты послѣдующаго времени. Само собою разумѣется, что общественное положеніе обоихъ слоевъ княжескаго класса было различно. Владѣтельные князья входили въ составъ старой великокняжеской рады Литвы [5]). Сеймовые листы въ XVI столѣтіи вызываютъ на сеймы не только врядниковъ, но и князей вмѣстѣ съ панами [6]). Когда реформы 1564—1566 годовъ создали совершенно иную, чѣмъ прежде, организацію политическаго, административнаго и судебнаго строя Княжества, вла-

[1]) См. *Ѳ. И. Леонтовичъ*. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. СПБ. 1894.

[2]) Вил. Арх. Сб. II. № 9. Ср. А. Ю. и З. Р. I. №№ 52, 58, 75, 199, 205.

[3]) Вил. Арх. Сб. II. № 3. А. Ю. и З. Р. I. № 54.

[4]) А. Вил. III. № 2.

[5]) *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 326, 328, 334, 335, 348—352, 360 и др.

[6]) Ibidem. Приложенія. Стр. 22, 23, 66—68, 83—84, 121—122, 131, 153—154, 164—165, 176—177, 205—206.

дѣтельные князья, какъ и паны, остались все-таки въ положеніи высшаго слоя народа-шляхты Литовской. Они вызывались на сеймъ, какъ правители обширныхъ территорій, имъ принадлежавшихъ, также какъ воеводы, каштяляны и врядники. Унія 1569 года лишила ихъ этого права. Соединившись съ Короною, Литва должна была принять и Коронный сеймъ въ томъ его составѣ, какъ онъ былъ организованъ въ эпоху Уніи.

Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: сената и посольской избы. Первую составляли воеводы, каштяляны и высшіе врядники, вторую—послы отъ шляхты Королевства. На спольный Польско-Литовскій сеймъ, возникшій въ 1569 году, Литва должна была высылать одноименныхъ членовъ съ Коронными, и такимъ образомъ часть состава сейма Княжества отпала, не получивъ мѣста въ соединившихся сеймахъ Литвы и Короны. Князья, какъ паны и урядники земскіе и дворные, вызывавшіеся на Литовскій сеймъ въ эпоху до Уніи 1569 года, оказались не удовлетворяющими тѣмъ условіямъ, наличность которыхъ требовалась Коронымъ сеймомъ для права участія въ его засѣданіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не могли оказаться въ ряду сенаторовъ, ибо не соединяли со своимъ значеніемъ въ Княжествѣ званія воеводы, каштаяна, или высшаго врядника [1]), ни членами посольской избы, если не были избраны повѣтовыми сеймиками, давшими имъ посольскія полномочія. Князья, какъ таковые, остались за дверями сената Польско-Литовскаго государства. Мы видѣли выше [2]), какъ они искали для себя мѣста въ сенатѣ въ эпоху, наступившую послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, въ первое и второе безкоролевья. Особенно энергично стремился къ сенаторскому креслу князь Слуцкій. Въ годы наступившаго послѣ второго безкоролевья царствованія Стефана Баторія князь Слуцкій не переставалъ добиваться своего кресла, и даже Литовскіе повѣты вносили требованіе для него мѣста въ сенатѣ въ инструкціи своимъ посламъ сеймовымъ, и сеймы 1581 и 1585 годовъ слышали протестаціи становъ Литовскихъ и друзей дома Слуцкихъ князей [3]). Не получивъ, однако, мѣста въ сенатѣ, князья, какъ и паны, продолжали получать отдѣльные сеймовые листы; приглашающіе ихъ къ участію въ повѣтовыхъ сеймикахъ. Но, конечно, это оста-

[1]) Конечно, бывали весьма нерѣдко случаи занятія князьями воеводскихъ и каштелянскихъ урядовъ, и тогда князья по своимъ врядамъ входили въ сенатъ.

[2]) Глава I. [3]) Źródła Dziejowe. T. XI. №№ CLXXII, CLI.

валось лишь достояніемъ наиболѣе крупныхъ и владѣтельныхъ фамилій. Такъ, въ числѣ документовъ, входящихъ въ составъ «справы соймовой» 1571 года [1]), находятся листы «до княжатъ, панят, то ест до князя Слуцкого, до пановъ Воловичовъ, до пановъ Глебовичовъ, до князей Лукомскихъ, до пановъ Зеновъевичовъ, до пановъ Завишъ, до князей Друцкихъ, до князей Кгедройтевъ, до князей Соколинъскихъ, до пановъ Остиковъ до Нарбутовъ» [2]). Въ Метрикѣ, какъ образецъ этихъ листовъ, находится листъ къ князю Слуцкому [3]), въ которомъ король приглашаетъ его отпра-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 19 об. и сл.

[2]) Ibidem. л. 33 об.

[3]) Приводимъ этотъ документъ цѣликомъ. «Листы отъвороные тымъ обычаемъ. Жикгимонтъ Августъ. Князю Юрю Юревичу Слуцкому. Ознаймуемъ твоей милости, иж для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ коруны Полское и великого князства Литовъского, яко одное сполное Речи Посполитое, которые за отъложеньемъ с прошлыхъ соймовъ выконанья скутечного потребують, до чого приступили не меньшие потребы и небезъпечности земъские, тые тежъ омешканья жадного терепети не могуть, а для того с повинъности нашое господаръское хотечи все ку доброму порадъку привести и в Речы Посполитой успокоенье вчинити, зложили есмо и складаемъ съемъ великий вальный спольный народомъ Польскимъ и Литовъскимъ у Варшеве на день Трохъ Кролей Римского свята, которое будеть в року пришломъ семъдесятъ (л. 33 об.) второмъ. А ижъ водле статуту оного панства нашого великого князства Литовского соймики повстовые съемъ валный чотырма неделями мают упережати, тогды соймикомъ во въсихъ земляхъ воеводъствахъ и поветехъ складаем часъ певный у неделю, месеца декабра девятого дня в семъ року семъдесятъ первомъ. Якожъ на тые соймики до кождого повету послали есмо от насъ господара з наукою зупольною особъ певъныхъ, черезъ которыхъ вси тые справы и потребы земские, што выконанья своего потребуеть, такъже и всякие небезъпечности, о чомъ на сойме вальномъ радити потреба, з науки, отъ насъ имъ на письме даное, всимъ становъ оповеданы и достаточне а меновите озънаймены будуть. А такъ штобы твоя милость, о том ведаючи а на соймикъ поветовый на часъ и ден помененый до повету належного, в которомъ головнейшие имения свои маешъ зъехавши, сполне з ыными князи, паны и врядники земскими и дворными, такъже з рыцерствомъ-шляхтою, которые ся тежъ на оный соймикъ зъедуть, тых всихъ потребъ земъских отъ посланца нашого с писма-науки нашое, ему даное, выслухали и, не ждучи долго иншихъ, хто бы приехати омешкаль, с тыми, которые ся зъедете, в тых речахъ намову межи собою учинивши, послов с посродку себе, людей зацных, мудрих и статечных, которые бы ся о все доброе Речи Посполитое старали, обрали и, давши им зуполную, а не замероную от себе моцъ, до Варшавы на ден, сойму валному зложоный, выправили и послали, жебы на сойме весполокъ з ыными станы коруны Полское и великого князства Литовского вси потребы, Речи Посполитой належачие, маючи не замероную моц (л. 34),

виться на сеймикъ того повѣта, гдѣ лежатъ самыя главныя его имѣнія, тамъ познакомиться съ тѣмъ, что сообщитъ сеймику королевскій посланецъ, и принять участіе въ сеймиковомъ обсужденіи дѣлъ и въ выборѣ пословъ повѣтовыхъ на сеймъ. Такимъ образомъ, князь Слуцкій приглашается королемъ принять участіе въ сеймиковыхъ занятіяхъ наравнѣ съ остальными обывателями повѣта. Какъ отличается этотъ листъ отъ листовъ эпохи до Уніи, которые получалъ тотъ же князь Слуцкій, приглашаемый тогда «обмышлять и радить» вмѣстѣ съ панами-радами государевыми [1]), занимая въ «лавицѣ» радъ Литовскихъ второе мѣсто, садясь рядомъ съ бискупомъ Виленскимъ, выше даже остальныхъ бискуповъ Княжества! [2]) Понятны при сравненіи этихъ листовъ хлопоты князя Слуцкаго и князей Литовскихъ вообще о возвращеніи ихъ вновь въ составъ рады государевой послѣ Уніи 1569 года, изгнавшей ихъ изъ нея. Въ своихъ грамотахъ они вѣдь по прежнему величали себя «з ласки Божое княжа» [3]) и не могли безъ протеста и попытокъ борьбы съ новыми порядками отказаться отъ своего прежняго политическаго значенія. Иногда князья въ отличіе отъ великихъ князей Литовскихъ называются «княжата», какъ и говорилось также «панята», чтобы отличить пановъ хоруговныхъ отъ пана-господаря.

Исторія княжескихъ домовъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ представляетъ изъ себя постепенную демократизацію

скутечне справовати и становити могли. А инакъ с подданое веры своее и для ласки нашое господаръское абы твоя милость не чинилъ. Писан у Варшаве. лет. Бож нарож. 1571 месеца октября 1 дня. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 33 об.— 34 об.

1) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 335. Приложенія. Стр. 122 (1563 г.).

2) Ibidem. Стр. 139.

3) «Симеон Олелкович з ласки Божое княжа Слуцкое» (5 февр. 1572 года). Собраніе Древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предмѣтамъ (sic). Zbiór dawnych Dyplomatow i aktow Miast Mińskiej Gubernii, Prawosławnych Monasterów, cerkwi i w różnych sprawach. Минскъ. 1848. № 23. «Юрии Юрьевич Олелковича княжа Слуцкое». Ibidem. № 30 (15 дек. 1583 года). «Мы Юреи Юревич Олелковича княжа Слуцкое». Ibidem. № 26 (8 марта 1578 года). О немъ также говорятъ: «привилей княжати Юрю Слуцкому на замокъ Бобруйскъ доживотным правомъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 308 об. и сл., «томужъ княжати Юрю Юревичу Слуцкому варунокъ на Бобруйскъ», ibidem. л. 311 и об. и рядъ другихъ документовъ

*

большинства княжескихъ фамилій Литвы. Тутъ прежде всего нужно отмѣтить факторъ экономическій. Княжескія вотчины раздроблялись, раздѣляемыя между сонаслѣдниками, или приходили въ разстройство отъ различныхъ причинъ, вродѣ опустошеній вражескими нашествіями и «лежами» жолнеровъ. На Городенскомъ соймѣ 1568 года, напримѣръ, къ Сигизмунду Августу обратились князья Соколинскіе (Тимофей, Павелъ, Богданъ и Андріянъ) съ просьбою пожаловать ихъ имѣніями, гдѣ они могли бы помѣстить свои семьи: ихъ собственныя имѣнія разорены военными людьми [1]). Демократизаціи княжескихъ фамилій способствовали и браки, заключаемые членами княжескихъ семей съ панами и простыми, рядовыми земянами. Такъ подскарбій дворный Литовскій Иванъ Андреевичъ Солтанъ былъ женатъ на Богданѣ Өеодоровнѣ княжнѣ Четвертинской [2]), а княжна Щасная Юрьевна Боровская была замужемъ за простымъ земяниномъ Упитскаго повѣта Матвѣемъ Рокицкимъ [3]). Утративъ свое прежнее экономическое и политическое положеніе, князья вошли въ общіе ряды народа-шляхты Литовской, за исключеніемъ, конечно, князя Слуцкаго и подобныхъ ему крупнѣйшихъ князей Литвы, оставшихся сильными своимъ экономическимъ положеніемъ и на почвѣ его создавшихъ себѣ вліяніе среди повѣтовой шляхты и чрезъ это сохранившихъ и свое политическое вліяніе, но, однако, проявляя его уже не непосредственно, лично въ радѣ государевой, но черезъ своихъ «пріятелей» и экономически зависимую шляхту. Въ самомъ дѣлѣ, князей встрѣчаемъ на обычныхъ урядахъ и въ обычныхъ должностяхъ, занимаемыхъ и рядовою шляхтою. Встрѣчаемъ ихъ и лѣсничими [4]), и тивунами [5]), и старостами [6]), и подкоморіями [7]),

[1]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 496.

[2]) Его завѣщаніе (24 авг. 1554 г.) Вил. Арх. Сб. VI. № 16. Ср. А. Ю. и З. Р. I. №№ 128, 208. [3]) А. Вил. XXVI. № 71 (1585 г.).

[3]) Нпр., «лисгь князю Полубеньскому на лесництво Слонимьское». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{63}$ л. 4 об. и сл. (7 іюля 1576 г.).

[4]) Нпр., «князю Михаилу Боровьскому на тивуньство в земли Жомоитской Коршовъское потверженье». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 328 и об. (10 іюля 1577 г.). Ср. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 106—107 (7 мая 1574 года).

[5]) «Княз Алекьсандро Полубеньскій староста Вольмерский и Трикацкий державца Вилькейскій и Поюрскій». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 51 об. (3 мая 1574 года).

[6]) Ж. М. Н. Пр. 1899. № 8. Стр. 352, прим. 4, 353.

и ротмистрами [1]), и т. д., какъ и простыми земянами [2]). Встрѣчаемъ князей даже на службѣ у вельможъ. Князь Юрій Боровскій, напримѣръ, былъ маршалкомъ двора Виленскаго воеводы Глѣбовича [3]). Королевскія награды и пожалованія, которыя даются государемъ князьямъ, нисколько не выдѣляютъ ихъ по своимъ размѣрамъ изъ рядовъ награждаемыхъ. Такъ, князю Полубенскому Генрихъ Валезій пожаловалъ 8 мая 1574 года «до живота его» два села (Шуляки и Ярнево) волости Слонимскаго староства [4]).

Демократизаціи княжескаго класса въ Литвѣ способствовали и переходы въ Княжество князей изъ другихъ странъ и владѣній. Если переходъ въ Литовское подданство даже такихъ крупныхъ лицъ, какимъ былъ, напримѣръ, Андрей Михайловичъ Курбскій, не могъ не ослаблять значенія княжескаго класса, ибо выходцы получали земельныя пожалованія отъ государя и не были представителями князей-вотчинниковъ, то переѣздъ въ Литву князей Татарскихъ долженъ былъ ронять даже значеніе самаго княжескаго титула, такъ какъ князья, мурзы и уланы Татарскіе составляли какъ бы низшій слой шляхты, и въ пользу сокращенія правъ ихъ даже существовала въ Княжествѣ, какъ увидимъ ниже, замѣтная тенденція. Но едва ли не болѣе всего демократизаціи княжескаго класса способствовали реформы шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія и Унія 1569 года. Первыя ввели княжескія вотчины въ общія повѣтовыя территоріи великаго княжества Литовскаго, подчинивъ ихъ повѣтовой администраціи и суду. Повѣтовый староста сталъ врядникомъ, компетенція котораго простиралась и на княжескія вотчины, а земскій судъ, составъ котораго избирался шляхтою, и подкоморій, вмѣстѣ съ замковымъ судомъ старосты, оказались судами и для самихъ князей. Вмѣстѣ съ тѣмъ новое дѣленіе на повѣты и новая военная организація Княжества, уничтожившая отдѣльныя хоругви для князей и пановъ хоруговныхъ, поставила ихъ съ ихъ почтами въ общіе

---

[1]) Въ числѣ ротмистровъ пѣшихъ ротъ, которымъ были посланы 30 сент. 1569 года «листы на заслужоное», былъ, нпр., князь Соколенскій. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 79 об. Ср. списки ротмистровъ ниже, въ этой же главѣ.

[2]) Нпр. князь Левъ Ивановичъ Масальскій, земенинъ господарскій воеводства Берестейскаго. А. Вил. II. Стр. 6 и сл. (1584 г.).

[3]) *Adam Boniecki.* Herbarz Polski. Część I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Tom. II. Warszawa. 1900. Str. 56.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 68 об.—69.

ряды рушившейся шляхты повѣта, подъ общую для всего повѣта хоругвь. Это сдѣлали реформы 1564—1566 годовъ. Люблинская Унія докончила дѣло, закрывъ передъ князьями двери сената и выбросивъ ихъ изъ рядовъ пановъ-рады въ массу народа-шляхты. Унія замѣнила прежнія сенаторскія политическія права князей обще-шляхетскими, конечно, не лишивъ ихъ, однако, возможности создавать себѣ въ силу своего положенія и значенія въ повѣтѣ исключительное вліяніе на повѣтовую шляхту. Но вѣдь эта возможность была доступна князьямъ, также какъ и рядовымъ шляхтичамъ, которые сумѣли бы создать себѣ какими бы то ни было средствами вліяніе въ повѣтѣ.

Переходя къ изложенію положенія «пановъ» въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, мы должны будемъ въ значительной степени повторять то, что было сказано о князьяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ болѣе раннее время паны, также какъ и князья, стояли во главѣ своихъ земель, бывшихъ въ то же время и ихъ административно-судебными округами, которыми они владѣли и управляли съ феодальнымъ характеромъ власти. Исторія даже знаетъ пановъ, получившихъ княжескій титулъ, хотя этотъ титулъ былъ и совсѣмъ иного происхожденія, чѣмъ титулы старинныхъ княжескихъ фамилій. Мы имѣемъ въ виду примѣръ Радивиловъ, сдѣлавшихся князьями въ 1547 году по пожалованію императора Карла V [1]). Панскія земли принадлежали своимъ владѣльцамъ «со всимъ правомъ и панствомъ» [2]), и послѣдніе были такими же правителями этихъ земель, какими являлись князья въ своихъ княжескихъ владѣніяхъ. Самое слово «панъ» употреблялось и при обозначеніи великаго князя и короля, и это говоритъ также въ характеристику власти пана въ земляхъ, ему принадлежащихъ. Въ началѣ XVI столѣтія паны, самостоятельно управляя своими землями, несли рядъ повинностей на государя. Эти повинности—военная служба, стаціи и подводы для господаря, пословъ и гонцовъ и подати. Въ этомъ отношеніи положеніе пановъ и князей было совершенно одинаково [3]). Неся повинность военной службы, князья и паны несли ее, не смѣшиваясь своими почтами съ остальными Литовскими землевладѣльцами. Во время собраній земскаго ополченія они становились въ эпоху до второго статута не подъ одну общую съ остальными

---

[1]) *Adam Boniecki*. Poczet Rodów w. W. Ks. Lit. w. XV i XVI wieku. Warszawa. 1887. Str. 276 i 279.

[2]) *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 312.

[3]) Ibidem. Стр. 830—832.

обывателями хоругвь, а ставили свои почты подъ свои собственныя хоругви [1]). Военныя силы, которыя выставлялись князьями и панами въ болѣе раннее время, были дѣйствительно велики. М. К. Любавскій, подсчитавъ цифры реестра 1528 года [2]), замѣчаетъ, что, напримѣръ, одинъ панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ сыномъ со своихъ имѣній выставлялъ на 64 ратника больше, чѣмъ всѣ землевладѣльцы хоругви Гилькомирскаго повѣта и приблизительно въ 7½ разъ болѣе, чѣмъ всѣ бояре и мѣщане Витебской земли [3]). Гаштольды выставляли 466 коней, Кезгайлы—768, Радивилы - 621, кн. Гольшанскіе—380 и т. д [4]). Съ теченіемъ времени, конечно, картина экономическаго и военнаго могущества пановъ должна была измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ, часть панскихъ имѣній перешла къ столу великаго князя послѣ прекращенія рода владѣльцевъ (нпр., Гаштольды), другая же часть ихъ, раздѣлившись между сонаслѣдниками, уже не представляла изъ себя прежняго источника силы и значенія для ихъ владѣльцевъ. Съ данными реестра 1528 года въ этомъ случаѣ очень интересно сопоставить данныя реестра Раковскаго пописа 1565 года [5]). Возьмемъ для примѣра хотя бы пановъ Юндиловъ. Въ 1528 году Павелъ Юндиловичъ выставлялъ 28 коней, его жена—10, Матей и Миколай Юндиловичи—8 [6]). Общее число коней Юндиловъ въ 1528 году было 46. Въ 1565 году панъ Станиславъ Юндилъ отъ себя и отъ своей матери ставилъ 5 коней по-гусарски [7]), панъ Янъ Юндилъ—3 коня и 2 драба [8]), панъ Малхеръ

---

[1]) Ср. *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 702 (прим. 400).

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{IIIA}}{1}$. Часть этого реестра, относящаяся къ Волынской землѣ, издана—А. Вил. XIII. Стр. 19—21.

[3]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 359.

[4]) Ibidem. Стр. 355 и сл.

[5]) «Реестръ попису войска господарского великого князства Литовского, которое се пописовало збирать и пописовать в Ракове року от нароженя Сина Божого тисеча пять сотъ шестьдесят пятого месеца июля девятого дня за гетманъства и справи его милости пана Миколая Радивила, воеводы Троцъкого, гетмана наивышшого великог княз Литовског, старости Мерецъког, державци Лидъского и Сутилиског. А пописовано тое войско через мене, Михала Григоревича Коледу, служебника его королевское милости». Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 82.

[6]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 356 и прим. 182.

[7]) «Панъ Станиславъ Юньдилъ от себе и отъ матки своей ставилъ почту своев коней 5 конъно, збройно, по усарску». Л. 6 об.

[8]) «Панъ Янъ Юньдилъ ставилъ 3 кони в панцер, в прилъ, с тар, з дереви а два драба з ручницами». Ibidem.

Юндилъ—4 коня [1]) и панъ Миколай Юндилъ—4 коня [2]). Такимъ образомъ, всего—18 коней. Цифры «почтовъ панячихъ», также какъ и «почтовъ кназькихъ» въ реестрѣ пописа 1565 года [3]) вовсе не поражаютъ своею грандіозностью. Въ самомъ дѣлѣ князь Збаражскій выставилъ 12 коней, кн. Андрей Андреевичъ Лукомскій—15 коней, кн. Иванъ Любецкій—4 коня, кн. Андрей Вишневецкій 95 коней, кн. Александръ Свирскій—4 коня, панъ Стефанъ Розкій—14 коней, панъ Иванъ Горностай—30 коней, панъ Петръ Хребтовичъ—16 коней, панъ Иванъ Слушка—3 коня, панъ Николай Волчко—15 коней, панъ Миколай Павловичъ Сологубъ—5 коней и т. д. [4]). Итакъ, въ общемъ, несомнѣнно, замѣчается экономическій упадокъ княжескихъ и панскихъ фамилій въ эпоху, протекшую между изданіями перваго и второго Литовскихъ статутовъ. Конечно, это должно было въ значительной степени облегчать введеніе князей и пановъ въ общіе ряды повѣтовой шляхты по несенію повинностей, состоявшееся въ эпоху второго статута. Но не только въ дѣлѣ несенія повинностей князья и паны сравнялись съ рядовою шляхтою въ эпоху статута 1566 года, они подчинились и повѣтовому суду, созданному этимъ статутомъ. Такимъ образомъ, исполнилось, наконецъ, желаніе шляхты, чтобы князья и паны судились въ повѣтахъ, наравнѣ съ остальными обывателями, а не подлежали лишь суду самого государя и спеціально назначаемыхъ имъ для каждаго отдѣльнаго дѣла коммиссаровъ [5]).

Посмотримъ теперь на перемѣну въ политическомъ значеніи въ Княжествѣ, которая совершилась, благодаря Уніи 1569 года, съ панами такъ же, какъ и съ князьями. До учрежденія Литовскаго повѣтоваго сеймика королевскою грамотою отъ 30 декабря 1565 года [6]) князья и паны, какъ и маршалки и всѣ другіе урядники земскіе и дворные, приглашались на вальные сеймы лично, по ихъ положенію. Реформа 1565 года [7]) ввела пословъ повѣтовыхъ и

[1]) «Панъ Малхер Юнъдилъ 4 кони в пан, в прил, з ощепи». Л. 10

[2]) «Панъ Миколай Юнъдилъ 4 кони в пан, в прил, з ощепи». Ibidem.

[3]) «Реестръ попису» въ Раковѣ. Л. 5 об.—10.

[4]) Къ вопросу о происхожденіи панскихъ фамилій можно указать на А. Вил. III. № 2 (6973 г. 19 февр.): Олександро Ходковичъ, Тышко братъ его; Ходко Евсеевичъ, Глядъ братъ Ходковъ и др. имена.

[5]) Ср. *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 579, 590.

[6]) А. З. Р. III. № 38. Ср. *Н. В. Стороженко.* Западно-Русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1888. Стр. 6 и 7.

[7]) О сеймикѣ Литовскомъ рѣчь идетъ во II томѣ настоящаго изслѣдованія.

такимъ образомъ приблизила Литовскій сеймъ по составу къ сейму Коронному. Однако, и послѣ этой реформы княжата и панята получали спеціальныя приглашенія на сеймы [1]). Лишь Люблинская Унія лишила ихъ принадлежавшаго имъ прежде мѣста на сеймѣ. Дѣло въ томъ, что на Коронномъ сеймѣ, съ которымъ слился въ 1569 году сеймъ Княжества, были только сенаторы и послы земскіе. Княжата, панята, маршалки и врядники, за исключеніемъ земскаго и дворнаго маршалковъ, канцлера съ подканцлеромъ и земскаго подскарбія, оказались внѣ сената и посольской избы; на Коронномъ сеймѣ не было мѣстъ для нихъ, ибо тамъ не было такихъ же одноименныхъ Польскихъ членовъ.

Таковы перемѣны, которыя пережили паны вмѣстѣ съ князьями въ XVI столѣтіи. Перемѣны эти, мы видѣли, были совершены факторами экономическаго и политическаго характера. Могущественные своими земельными владѣніями въ прежнее время, князья и паны твердо держали и знамя своего значенія политическаго, притягивая къ себѣ подъ свою власть и «оборону» даже шляхту [2]), поддававшуюся имъ ради послѣдней. Но затѣмъ княжескія и панскія вотчины въ значительномъ числѣ ихъ перестали быть дѣйствительно крупными территоріями феодальнаго характера, а вымираніе нѣкоторыхъ фамилій передавало великому князю часть прежнихъ панскихъ и княжескихъ земель. Такимъ образомъ число крупныхъ пановъ и сильныхъ князей все уменьшалось. Конечно, это должно было благопріятствовать успѣхамъ демократически-шляхетской тенденціи, которая замѣтна въ ходѣ внутренней исторіи Княжества середины XVI столѣтія, завершившемся реформами 1564—1566 годовъ. Но часть пановъ и князей еще ранѣе слилась съ рядовою шляхтою, ставъ въ одинаковое

[1]) Ср. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 732, 831. Въ «Титулахъ пановъ-радъ их милости», находящихся въ 9-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской ($\frac{\text{III A}}{9}$ л. 160—163), встрѣчаемъ рядъ князей и пановъ, приведенный тамъ, очевидно, для разсылки сеймовыхъ листовъ. Вотъ онъ: «до княжать и панятъ—до князей Санкгушъковичовъ, до князей Ружынских, до князей Збаражъскихъ, до князей Вишневецъкихъ, до князей Четвертинъских, до князей Друцкихъ, до князей Соколинских, до князей Лукомъских, до князей Масальских, до князей Деречынских, до веих пановъ Хребътовичов, до въсихъ пановъ Шеметовъ, до пановъ Сологубовъ, до пановъ Нарбутовъ» (л. 162 об.). Въ этотъ же списокъ вписано, но другими чернилами и почеркомъ, поддѣланнымъ подъ почеркъ книги: «до князей Полтевовъ» и «до князей Горскихъ».

[2]) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 641.

съ нею экономическое положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе политическаго и соціальнаго значенія шляхты Литовской приближало ее къ панамъ. Въ самомъ дѣлѣ, шляхтичъ-земянинъ пріобрѣлъ также панскія права надъ своими подданными своихъ селъ и мѣстечекъ. Такимъ образомъ, если князья и паны постепенно принижались въ своемъ значеніи въ Княжествѣ, то шляхта пріобрѣтала въ своихъ шляхетскихъ имѣніяхъ тѣ же права надъ населеніемъ, которыя въ старину были достояніемъ однихъ князей и пановъ. Что же удивительнаго, что оба эти класса, наконецъ, слились и что слово панъ стало съ теченіемъ времени прилагаться ко всякому шляхтичу? Для князей и пановъ осталось лишь вспоминать о своемъ прежнемъ значеніи, читая въ универсалахъ обращеніе къ себѣ, прежде чѣмъ къ воеводамъ и врядникамъ, но въ дѣйствительности находясь въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и остальная шляхта Литовская.

Познакомившись съ тѣмъ, какое значеніе имѣли въ великомъ княжествѣ Литовскомъ князья и паны, перейдемъ теперь къ изученію того, чѣмъ были въ Княжествѣ старосты и державцы. Староства въ изучаемую эпоху были двухъ видовъ: староства судовыя и несудовыя Старосты судовые соединяли въ себѣ значеніе обыкновеннаго несудоваго старосты со значеніемъ главы повѣта, державшаго въ своихъ рукахъ администрацію и судъ не только надъ станами «простыми», но и надъ повѣтовою шляхтою. Познакомимся сначала съ несудовыми старостами и уже затѣмъ обратимся къ изученію положенія судовыхъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить тожество по своему существенному значенію понятій несудоваго старосты и державцы. Въ самомъ дѣлѣ, акты смѣшиваютъ иногда очень характерно оба эти слова. Такъ «конфирмацыя пана Баки на чотыри села у волости Кгруштеньской» [1]) называетъ этого пана Григорія Баку то державцою Рогачевскимъ, то Рогачевскимъ старостою [2]). Однако, съ

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 49 об.—52. Дата: Краковъ, 3 мая 1574 года.

[2]) Въ началѣ документа читаемъ, что Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ «оповедалъ и доброволне вызналъ, ижъ его милость, маючи владность водле уфалы сойму Берестейского имены своими отъчизными и якимъ кольвекъ правомъ набытыми шафовати, воленъ будучы все огулом (л. 49 об.), або часть которую кому хотечи записати, а дознавши его милости з давъныхъ часовъ значъныхъ и добре накладныхъ, ужиточныхъ службъ и учиности приятельскихъ приятеля его милости, пана Григоря Баки, державцы Рогачевского...» Но далѣе во вписанномъ въ настоящій листъ короля Генриха листѣ самого

другой стороны, языкъ актовъ и различаетъ державу отъ староства. Онъ говоритъ иногда: «в староство даемъ» [1]), а иногда—«в державу даемъ» [2]). Отсюда слѣдуетъ, что должно было быть въ понятіяхъ того времени и различіе несудоваго староства съ державою. Это различіе лежало въ размѣрахъ и значеніи жалуемыхъ въ держанье земельныхъ пространствъ. Вотъ, напримѣръ, что́ получилъ въ староство панъ Боркулабъ Корсакъ: замокъ «Дисненскій з местомъ и зо всими селы, к нему прислухаючими, а меновите, зъ селы Владычными Долицами Великими и Малыми, Весницкомъ, Путилковичи, дворцемъ Тетчою и з двема селы ку тому дворцу, Завечельемъ, Усвицою, Вороночомъ, Пискулы, Уличою и зъ селомъ Еванкомъ Манастырскимъ и зъ селомъ Игумениемъ, Мотырыном и теж зъ селомъ Игуменовомъ и зо всими доходы и пожытки тамошними» [3]). Посмотримъ теперь, какъ перечисляютъ акты то, что входитъ въ составъ державы. «Тотъ двор нашъ Шерешовский з местом и зъ волостью и зо всими пожитки, на насъ и до скарбу нашого належачыми и прислухаючими, в держанье и въживанье доживотное ему есмо дали, яко то з особна привилеемъ нашим достаточне ему объваровано естъ и яко тая держава Шерешовская за листы и увяжъчим нашим ему подана будеть»—читаемъ въ листѣ короля Генриха, писанномъ къ земскому подскарбію пану Николаю Нарушевичу 28 мая 1574 года въ Краковѣ [4]) по поводу пожа-

Ходкевича стоитъ: «Янъ Ходкевичъ кграбя на Шклове и Мыши староста головный Жомоитский... (далѣе перечислены всѣ его титулы) ознаймуемъ и чинимъ явьно симъ нашимъ листомъ кожъдому, кому бы то о томъ ведати належало, ижъ, маючи мы владность водле рыцесу сойму Берестейского имены нашими отъчизными и якимъ правомъ набытыми шафовати, воленъ будучи все огуломъ, або часть которую кому хотечи записати, а дознавши есмо з давныхъ часовъ значъныхъ и добре накладныхъ службъ и учинъностей приятельскихъ приятеля нашого, пана Григоря Баки, старосты Рогачевского...» Л. 50 об. Старостою Рогачевскимъ названъ Бака и въ документѣ, озаглавленномъ—«лист пана Баки на села Верхстокъ, Курашово и инъшие до живота ему даныи». Ibidem. Л. 48—49 об. (Дата: Краковъ, 18 апрѣля 1574 года).

[1]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 110. (Всѣ документы этой книги датированы Краковомъ и 1574 годомъ. Такимъ образомъ ихъ даты различаются только мѣсяцами и числами).

[2]) Нпр., ibidem, л. 66 об.: «...в державу ему даемъ и, при немъ зоставуючи, то ему симъ листомъ нашимъ потвержаемъ...»

[3]) «Привилей пану Боркулабу Корсаку на староство Дисеньское». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 2—2 об. (Дата: Кнышинъ, 25 марта 1566 г.).

[4]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 116 об.—117 об.

лованія Шерешовской державы стольнику Литовскому пану Николаю Дорогостайскому [1]). На первый взглядъ можетъ показаться, что отличительною особенностью староства отъ державы является замокъ, входящій въ составъ перваго. Но это предположеніе разрушается сейчасъ же самими актами. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: «Жикгимонт Августъ Божью милостью корол Польский etc. Ознаймуем симъ листомъ нашимъ, штожъ маючи есмо в милостивой памети нашой службы державцы Крычевского небожчика пана Анъдрея Шолухи, которыми онъ отъцу нашому славное памети королю его милости Жикгимонту на послугах его милости господарьских и земских такъже и намъ господару, а особливе на замку нашомъ украинъномъ Кричеве державцою будучи, яко доброму а верънному слузе належало ласку нашу заслуговалъ, не мней тежъ маючи ласковый взгляд на службы дворанина нашого пана Костенътина Шолухи сына его, яко онъ, не упослежаючи цнотливых поступков отъца своего на дворе нашомъ, намъ господару служачи, в тых послугах своих добре ся намъ подобал, а хотячи его ешче уперед ку службамъ нашимъ тым охотнейшого учинити, дали есмо тому дворенину нашому пану Костенътину Шолусе, якожъ и симъ листомъ нашимъ даемъ, держанье, замокъ нашъ Кричевский з местомъ и зъ селы, з бояры и зо всими людьми, к нему прислухаючими, и с пожитками, отътоль на державцу тамошнего приходячими...» [2]) Ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что въ языкѣ изучаемой эпохи староство несудовое понималось просто, какъ болѣе обширная по размѣрамъ пространства, въ нее входящаго, держава. Трудно, конечно, установить тутъ предѣлъ пространства, за которымъ держава начинала называться староствомъ, но несомнѣнно, что слишкомъ небольшая, въ нѣсколько деревень всего, держава староствомъ назваться не могла.

Староства и державы жаловались королемъ въ награду за службу и во вниманіе къ заслугамъ лицъ, получавшихъ ихъ, или же отдавались въ залогъ кредиторамъ скарба съ правомъ выбирать изъ доходовъ отданныхъ королемъ земель деньги, ссуженныя скарбу. Случалось, что оба способа передачи королемъ

---

[1]) «Листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевъского о державу Шерешовскую». Ibidem, л. 115 об.—116 об. (Ярошъ Кречевскій—прежній державца Шерешовскій, отъ котораго эта держава отбирается для передачи Дорогостайскому).

[2]) «Привилей Костентину Шолусе на староство Кричевъское». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 3—3 об. (Дата: Кнышинъ, мартъ 1566 года).

староствъ и державъ соединялись, и онѣ давались въ держанье какъ для уплаты ссуженнаго скарбу, такъ и за службы получающаго ихъ. Примѣромъ пожалованія въ награду за службу можетъ служить упомянутое уже выше пожалованіе Дисненскаго староства пану Боркулабу Корсаку. Въ привилеѣ, данномъ ему, король говоритъ: «ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ, маючи есмо ласкавый взгляд на службы ротмистра нашого пана Боркулаба Ивановича Корсака, который с продковъ своих ку продкомъ нашимъ, а зваща онъ самъ, бываючи в немалых битвах а мужне се зостановляючи напротивко неприятелемъ нашимъ, не литовал здоровъя с проливаньем крови своее, чимъ намъ господару и речи посполитое земское верне ся и цнотливе заслужыл и въ инъших кождых службах, на него преложеных, добре ся намъ завжды подобалъ, а хотячи мы его еще уперед ку службамъ нашимъ господарьскимъ тым охотнейшого способити, дали есмо ему, якожъ и симъ листомъ нашимъ даемъ, в держанье до живота его замокъ нашъ Дисненский з местомъ и зо всими селы, к нему прислухаючими» и т. д.

Какъ на примѣръ полученія державы кредиторомъ скарба, можно указать на пожалованіе, о которомъ говоритъ «листъ князя воеводы Троцкого на Жосле и на Бражоло» [1]). Но иногда дер-

[1]) Вотъ этотъ документъ: «Генрикъ Божю милостью etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашим всимъ посполите и кожъдому з особна, кому бы того была потреба ведати, ижъ што король его милость и великий князь славное памети Жикгимонтъ Август на потребы свои господаръские и земские рачилъ позычити и възяти до скарбу земского великого князства Литовского у воеводы Троцкого князя Стефана Анъдреевича Збаражского певную суму пенезей три тисечи таляровъ в року 1563-мъ мца июля третего дня черезъ руки пана Троцъкого подканъцлерого великого князства Литовского старосты Берестейского и Кобрыньского, на онъ часъ будучи его милости подскарбимъ земскимъ великого князства Литовского, а к тому тежъ што за доходы волости Упитъское, отъ воеводства Троцъкого до столу нашого господаръского приверненые, отъ продковъ нашихъ королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ поступлено-упривильевано на воеводство Троцкое в кожъдый год зъ скарбу нашого земского по семи сотъ копъ грошей личъбы Литовское воеводе Троцкому давати, того юркгельту за рокъ прошлый 69-й двухъ сотъ и осмидесятъ копъ грошей, а за чотыри годы, то есть за рокъ 70-й, 71-й, 72-й и 73-й, по семи сотъ копъ грошей, то ест (л. 7 об.) всего сумою трехъ тисечи и осмидесятъ копъ грошей князю воеводе Троцкому не заплачоно. Которое всее сумы, кладучи таляръ по 26 грошей Литовскихъ и по 4 пенези, чинитъ копъ 1320 копъ грошей, а к тому приложивши тотъ юркгелтъ на воеводство Троцъкое, его милости упривильеваный а за тые роки помененые его милости не заплачоны, всего сумою чинитъ копъ 4400. И жедалъ насъ князь воевода

жава жаловалась въ одно и то же время какъ въ награду за службу, такъ и въ залогъ взятыхъ скарбомъ заимообразно

Троцкий, абыхъмо тую суму пенезей зъ скарбу нашого заплатити и отъдати его милости велели. А ижъ для пильныхъ потребъ нашихъ господаръскихъ и земскихъ тая сума помененая готовыми пенезми зъ скарбу нашого на сесь часъ заплачона быти не могла, ведже не хотечи, абы панъ воевода Троцкий на томъ шкодовалъ, з волею и ведомостью пановъ-рад ихъ милости и врядниковъ земскихъ, при насъ будучихъ, в той всей суме пенезей 4400 копахъ грошей зоставили и завели есмо и симъ листомъ нашимъ зоставуемъ и заводимъ вперед менованому воеводе Троцкому князю Стефану Збаражскому двори наши, то есть двор и местечко Жосли и двор Брожоло с фольварки тыхъ дворовъ, з гумънами, дворцами, зъ селищами, зъ сады, з огороды овощовыми и пашными (sic—описка, вмѣсто пашнями), дворными, с польми и зо всими землями пашными и непашъными и сеножатьми, зъ зарослями, з лесы, з борами, с пущами, зъ озеры, ставы, ставищами, з млыны и з ихъ вымелъки, з реками, з речъками и зъ езами, з берегами и зо всими входы, з ловы звериньными, рыбъными и пъташими и бобровыми гоны, з мещаны Жосленьскими (л. 8) и зъ ихъ капъщизною, зъ слугами путными, з людьми тяглыми и осадными и зъ ихъ служъбами, платы и доходы и въсякими пожитки и зо всимъ тымъ, яко ся тые двори и фольварки нашие Жосли и Бражоло и местечъко Жосленьское сами в собе и во въсихъ пожитъкох своихъ мають и яко то через ревизоровъ нашихъ постановълено и до реестровъ скарбныхъ описано есть, ничого на насъ господара не зоставуючи а ни уймуючи. Маеть князь воевода Троцкий за симъ листом нашимъ тые дворы, местечъко и волость помененую держати и всихъ пожитъковъ, на насъ и на вряды наши тамошние прислухаючихъ и належачихъ, вживати, всихъ мещанъ и подданыхъ нашихъ судити, рядити и зъ нихъ справедливость чинити и винъных винами карати подлугъ выступу ихъ, ажъ до отъданья его милости на рокъ в семъ листе нашомъ, нижей описаный, тое всее сумы пенезей сполъна, 4400 копъ грошей. Якожъ на почать держанья заставнымъ обычаемъ и выкупенье тыхъ дворовъ Жосель и Бражела и местечъка Жосьленьского складаемъ рокъ певный, то есть, почавши отъ свята, близко пришлого светого Войтеха Рымъского свята, которое будеть в року нинешнучомъ 1574-мъ месеца апреля 23 дня до такогожъ другого свята светого Войтеха, которое будет в року пришломъ 75-мъ месеца апреля 23 дня, на который рокъ маемъ мы з скарбу земского тую суму пенезей 4400 копъ грошей князю воеводе Троцкому казати отъдати, а тые двори и местечъко Жосли (л. 8 об.) с тымъ, щимъ его милости подано, до рукъ нашихъ взяти. А где бы есмо на тот рокъ, вышей помененый, оное сумы, вышей меновите описаное, князю воеводе Троцкому з скарбу нашого не отъдали, тогды его милость год до году тые двори помененые, фольварки и местечъко Жосли з волостью, с тымъ дворомъ прислухаючою, и зо всимъ держати и всихъ пожитъковъ уживати маеть до того часу, покуль алиж оная вся сума пенезей ему, або потомкомъ его, або тому, кому бы то онъ по животе своемъ записалъ, зъ скарбу нашого на рокъ, вышей описаный, отъдана и заплачона зуполъна будеть. А по тотъ весь часъ держанья своего князь воевода Троцъкий с тыхъ дворовъ, местечъка, фольварковъ и волости у скарбе нашомъ никоторое личъбы делати,

у даннаго лица денегъ. На коронаціонномъ сеймѣ 1574 года, «при бытности ихъ милости пановъ-рад» королевскихъ «духовныхъ и

такъ тежъ и до жадныхъ роботъ нашихъ людей посылати не будеть повиненъ. Межи тыхъ роковъ описаныхъ мы сами и потомки наши оныхъ дворовъ и места и волости нашое у князя воеводы самого и потомковъ его милости и у того, кому бы его милость то записалъ, окуповати, з рукъ з моцы и зъ держанья его выймовати и никому с того его милости скуповати дозволити и въ таковой суме, а ни в большой вжо тыхъ дворовъ, места и волости заставовати и заводити не маемъ, одно з властного скарбу земского росказати окупити то маемъ. И то тежъ симъ листом нашимъ объваровываемъ, ижъ с тыхъ дворовъ и фольварковъ и местечъка Жосленьского князь воевода Троцкий и его потомки и тотъ, кому бы то онъ по животе своемъ записалъ, служъбы земской военной служити и почъту никоторого ставити не будеть повиненъ. А где бы в томъ часе которого року за держанья пана воеводы самого, або того, кому бы то онъ записалъ, серебъщизна, або податок (л. 9) який же кольвекъ на всихъ подданыхъ замковъ, дворовъ, местъ и волостей нашихъ отъ насъ господара положонъ и постановленъ былъ, тогды черезъ врядники свои тамошние с тыхъ подданыхъ нашихъ оны (sic) податокъ водле постановенья нашого выбирати и до скарбу нашого отъдавати и личъбу с того в скарбе нашомъ делати повиненъ будеть. А покуль сума, верху помененая, зуполъна зъ скарбу нашого князю воеводе Троцкому и потомкомъ его милости, або тому, кому бы то его милость по животе своемъ описалъ, не будеть отъдана, мы господаръ сами и потомки наши во въсякие пожитъки тыхъ дворовъ, местечъка и волости ничимъ се уступовати, селъ, людей, земль никому отъдавати, ревизоровъ и дворанъ нашихъ до тыхъ дворовъ нашихъ Жосель и Бражоль на ревидоване и ни для чого иного всылати не маемъ; такъже если бы за держаня князя воеводы Троцкого, або того, кому то его милость запишеть, шкоды якие кольвекъ з допущенья Божего повестреемъ моровымъ, або от огъна, або отъ неприятеля и людей служебныхъ стали, тогды мы сами и потомки наши его милости самому и потомкомъ его милости и тому, кому бы то по животе своемъ его милость отъписалъ, при отъданью сумы вытручать и потомъ поискивати на немъ не будемъ и не маемъ, але сума его милости, в скарбъ земский дана, гинуть не маеть. А хотя бы изънищели подданые наши, маеть быти имъ отъ насъ и отъ потомковъ нашихъ спольна отъдана, або где на инъшие именья нашие перенесена. Над то тежъ вольно будеть князю воеводе Троцкому и потомкомъ его милости и тому, кому бы то онъ по животе своемъ отъписалъ, потребуючи пенезей, оные дворы и местечъко помененое за симъ же (л. 9 об.) листомъ нашимъ в таковой, а не въ большой суме пенезей кому хотечи записомъ своимъ зоставити и завести, а тотъ, кому то они зоставять и записомъ своимъ заведуть, такъже во всемъ моцю сего запису нашого и артыкуловъ, в немъ описаныхъ, держати и въживати маеть до зупольной заплаты 4400 копъ грошей на рокъ, в семъ листе нашомъ описаный. А ижъ королевна ей милость Польска, панъна Ганъна, до двора, места и волости Жосленьское право свое быти менуеть, про то, естли бы ей милость того дошла, тогды тая сума пенезей, што бы се на Жосли вытрутит пришло, зъ скарбу нашого князю воеводе Троцъкому заплачоно, або на инъшом именью нашомъ записано быти маеть. И на то дали есмо его

свецкихъ, оповедалъ и жаловалъ» передъ королемъ Генрихомъ панъ Владимiръ Семеновичъ Заболоцкiй. Содержанiе его заявленiя было слѣдующее. Сигизмундъ Августъ взялъ у Заболоцкаго и «въ малъжонки его, панеи Алены Череповичовны», въ земскiй Литовскiй скарбъ шесть тысячъ Литовскихъ грошей, считая въ каждомъ грошѣ по 10 бѣлыхъ пенезей. «Яко в той суме пенезей, такъ и за служъбы его, которие онъ его королевской милости чинилъ», Сигизмундъ Августъ «рачилъ былъ» ему и его женѣ «в держанье дати» замокъ Ляховичи съ принадлежащими къ нему мѣстомъ, фольварками и всею волостью. Держава эта дана Заболоцкому «до живота его и малъжонки его, вышей мененое, под таковымъ способомъ, ижъ онъ и малъжонка его, держачи оный замокъ, вси фольварки и волость Ляховицкую, всякие пожитъки до рукъ своихъ выбираючи, только з доходов и цынъшов голыхъ личъбу до скарбу его королевъское милости чинити и, што бы се зъ оныхъ доходовъ и цынъшовъ голыхъ Ляховицкихъ сумы пенезей которого року з личъбы оказати мело, то они в суму пенезей шести тисячей копъ грошей втручати мели; а фольварки, млыны и иные всякие пожитъки Ляховицкие, ничого з нихъ до скарбу его королевское милости не даючи и личъбы не чинячи, на себе держали». Державу эту панъ Заболоцкiй имѣлъ «в спокойномъ держаньи», принося аккуратно «личбу» съ нея, вплоть до послѣдняго дня декабря 1569 года. За это время онъ «выбралъ з доходовъ Ляховицькихъ» 2418 копъ 23 гроша и $5^1/_2$ пенезей, такъ что «ему еще было винъно с тое державы выбирати» 3581 копу 36 грошей и $4^1/_2$ пенезя. Но Сигизмундъ Августъ «оное именье Ляховицкое зо всимъ, якъ се в собе маеть, з нарушеньемъ права его и малъжонки его доживотъного дати рачилъ в отъмену» Яну Еронимовичу Ходкевичу за его Свислочьское имѣнiе, взятое королемъ «к рукамъ своимъ». Мы не станемъ входить въ дальнѣйшее изложенiе документа [1]), такъ какъ мы уже привели изъ него то, что нужно для характеристики пожалованiя державы за службу и за долгъ скарба одновременно.

Не слѣдуетъ думать, чтобы державы давались исключительно панамъ и шляхтѣ. Могло случиться, что нужда въ деньгахъ была

милости сесь нашъ листъ с подписомъ руки нашое господаръское и з нашою печатью.» Дата: Краковъ, 27 апрѣля 1574 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 7 об.—10.

[1]) «Лист пана Виленского на Ляховичи и на Свислочь». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 15 об.—18 об. Дата: Краковъ, 3 апр. 1574 года.

такъ настоятельна, что не было возможности ожидать, пока найдется шляхтичъ, имѣющій свободныя деньги для ссуды скарбу, и приходилось закладывать столовыя имѣнія даже нешляхтичамъ. [1]) Что касается до срока, на который давались державы, то тутъ встрѣчаемъ слѣдующія разновидности. Прежде всего держава могла даваться «в держанье и въживанье доживотное» [2]),

[1]) Сигизмундъ Августъ, «маючи ласкавое баченье на великие, значъные и яко королю его милости, такъ всей речи посполитой паньствъ нашихъ пожиточные заслуги его милости дати ему рачилъ в державу замокъ и место Ковно, двор Румъшишъки зо всими волостьми и селы, ку Ковну и Румшишъкамъ прислухаючими. А ижъ на томъ старостве Ковеньскомъ певные особы немалые сумы пенезей, отъ короля его милости предка нашого записаные, мели и тое староство Ковеньское и двор Румъшишъскій заставою держали, тогды его королевская милость пану Виленьскому, оные сумы пенезей тымъ особам, которие то заставою держали, отъложивши, то ку ономужъ староству Ковеньскому держати позволити рачилъ. Где онъ, за тымъ позволенемъ его королевское милости оное староство Ковеньское и державу Румшишъскую окупуючи, властныхъ пенезей своихъ князю Ярославу Матьфеевичу Микитича за замокъ, место и волость Ковеньскую две тисячи копъ грошей, хоружому Ковеньскому Яну Выдре а Бальцеру Райскому за двор, местечъко и волость Румъшишъскую три тисячи копъ грошей, Станиславу (л. 46) Рокицъкому за село Скребины 400 копъ грошей, подкоморому Ковенъскому Войтеху Девялътовскому за село Бопъты 400 копъ грошей, тивуну Тверскому Анъдрею Илъкговскому за село Вирсвидово 500 копъ грошей, тивуну Дервяньскому Яну Кградовскому за села Ковеньские Конюхи, Анъкгутово и Вежъкговичи 620 копъ грошей. Того всего выдалъ его милость, окупуючи тое староство Ковеньское и державу Румъшишскую, 6920 копъ грошей, все на личъбу великого князства Литовского. Якожъ записы короля его милости отъ тыхъ особъ, которые то в заставе отъ короля его милости мели, его милость освободилъ и до рукъ своихъ взялъ, а оное староство Ковеньское и двор Румъшишъскій спокойне одержалъ, нижли, кгды короля его милости продка нашого панъ Богъ до хвалы своее зъ сего света поволати рачилъ, тогды некоторие панове-рады наши, при теле его короловское милости у Кнышине будучие, для великихъ а пильныхъ потребъ земскихъ, а меновите для освобоженья замъку Пернавъского, в земли Лифлянтъской лежачого, ужили его милости в томъ, ижъ онъ, уступивши права своего, фольваркъ Ковеньскій по Немоне и к тому селъ пять, то есть Вирпиведу, Войшведу, Поспъты, Роканы и Шлелювъ з людми, в оныхъ селахъ оселыми, и зъ ихъ всякими пожитъки завести позволилъ *подданому нашому* Якубу Гинъцы в певъной суме пенезей в 4000 копъ грошей личбы Литовъское, што естъ помененому Якубу Гинъцы отъ пановъ-рад наших заведено...» «Листъ пану Виленьскому на Ковно». Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 46—48. Данъ королемъ Генрихомъ въ Краковѣ 20 апрѣля 1574 года.

[2]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 116.

«до живота» [1]), и такую «державу доживотную» [2]) имѣлъ въ своихъ рукахъ ея владѣлецъ «з доживотьемъ» [3]), «доживотнымъ правомъ» [4]), т.-е. пожизненно. Рядомъ съ пожалованіями державъ и имѣній въ пожизненное обладаніе стоятъ державы, жаловавшіяся «до двухъ животовъ» [5]). Такъ, 7 мая 1574 года Генрихъ Валезій подтвердилъ ротмистру королевскому Криштофу Пирхлинскому, «ему самому, жоне его до двухъ животовъ ихъ» 35 волокъ, пожалованныхъ Сигизмундомъ Августомъ [6]). Кромѣ того, держава могла быть пожалованною и «до воли и ласки» государевыхъ [7]). Но кромѣ пожалованій въ обладаніе пожизненное или «до двухъ животовъ», т.-е. пожалованій въ полномъ смыслѣ этого слова, княжество Литовское широко пользовалось столовыми королевскими землями, какъ залогами, отдаваемыми кредиторамъ скарба за ссуды, ему оказываемыя. При такихъ залогахъ, конечно, срокъ владѣнія державою кредиторомъ скарба опредѣляется уплатою ему денегъ, взятыхъ у него въ скарбъ. Такъ, въ листѣ, данномъ Генрихомъ Валезіемъ 28 марта 1574 года на Шерешовъ Литовскому стольнику Николаю Дорогостайскому [8]), выплатившему деньги прежнему державцѣ Шерешовскому, которому эта держава «заведена» была Сигизмундомъ Августомъ «в певной суме пенезей», говорится: «а кгды бы онъ самъ зъ сего света зышолъ, тогды и въ потомковъ его мы сами и потомъки наши оное державы Шерешовское брати и ничимъ рушати не маемъ, ажъ оная сума пенезей, которую панъ стольникъ Кричевскому дасть, зъ

[1]) Нпр., ibidem, л. 47. об. [2]) Нпр., ibidem, л. 42, 43.

[3]) Нпр., ibidem, л. 17.

[4]) Нпр., ibidem, л. 117 об. («...ведаючи о доживотном праве пана столниковом на той державе, отъ нас даном. . .»)

[5]) Нпр., ibidem л. 52 об., 80 об., 88, 107.

[6]) «Маеть впрод речоный Криштофъ Пирхлиньскій водлугъ поданья и листу увяжъчого Михала Боровского (тивунъ Коршовскій) у войтовстве Поякъменскомъ село Биржелявки волокъ 8, село Лабъвардзе волокъ 18, село Вериче волокъ 4, а у войтовстве Облиньскомъ в селе Ведрахъ волокъ 5, черезъ слугу пана Виленьскаго, Станислава Жука, ему поданые и в листехъ ихъ увяжчихъ достаточне описаные . . . . держати и въживати» и т. д. Ibibem л. 107.

[7]) Нпр., «листъ пану Грыгорю Войне на державу Радошковичы». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 35—35 об. Дата: Люблинъ, 8 мая 1569 года. См. ниже, стр. 278 и 279, примѣчаніе 6.

[8]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 4 об.—6.

скарбу нашого потомкомъ его сполъна отъдана и заплачона будеть». Иногда въ листахъ на «заставы» опредѣляется срокъ, на который «заводится» держава, но тутъ же прибавляется, что, если уплаты скарбоваго долга въ срокъ не послѣдуетъ, то время обладанія для державцы его державою будетъ продолжаться съ году на годъ [1]). Держава, заведенная въ заставу, является достояніемъ владѣльца въ силу гражданскаго права, которое онъ имѣетъ на нее, получивъ ее въ залогъ заимообразно данныхъ государству денегъ. Но если державца, получившій «в суме пенезей» державу, не исполняетъ условій, на которыхъ она ему заведена, то, въ такомъ случаѣ, держава можетъ быть отобрана отъ него и передана другому лицу, уплачивающему, однако, этому кредитору скарба его деньги, не возвращенныя еще ему государствомъ. На такихъ основаніяхъ, напримѣръ, была отобрана въ 1574 году Шерешовская держава отъ земянина Яроша Кричевскаго и передана стольнику Княжества Николаю Дорогостайскому [2]). Но нарушеннымъ актъ сдѣлки государства съ его кре-

[1]) Нпр., въ документѣ, озаглавленномъ «лист пана Сновъского на Куренецъ» (ibidem, л. 53—54 об.), читаемъ, что ему передается держава Куренецкая на два года, «почавши отъ свята светого Станислава в року нинешнемъ 74-мъ, ажъ до таковогожъ свята светого Станислава, которое будеть в року пришломъ 1576-мъ, на который часъ маемъ мы тую всю суму пенезей, то есть 3400 копъ грошей Литовскихъ, пану Сновскому, або потомкомъ его зъ скарбу нашого отъдати, а тую державу Куренецкую зо всимъ с тымъ, яко ся вышей помепило, до рукъ нашихъ взяти. А где быхмо на тотъ рокъ помененый онос сумы пенезей его 3400-тъ грошей ему зъ скарбу нашого не отъдали, тогды онъ и потомки его вжо год от году, то естъ от свята светого Станислава, ажъ до другого таковогожъ свята, помененый двор Куренецкий с тымъ всимъ, с чимъ ему перво сего отъ короля его милости предка нашого заведенъ, такъже з бояри Куренецкими и именьями ихъ, с пущею тамошнею и зъ гоны бобровыми держати и въживати мает до того часу, ажъ тая вся сума пенезей (л. 54) имъ отъ насъ зъ скарбу нашого на самый рокъ, выкупу зложоный, верху описаный, сполъна отъдана и заплачона будеть...»

[2]) Вотъ «листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевъского о державу Шерешовскую» (ibidem, л. 115 об.—116 об.)—«Генърикъ Божю милостью корол Полский великий князь Литовский. Земенину нашому Ярошу Кречевскому, а в небытности его самого въ Шерешове, ино враднику его тамошнему и хтожъ бы колвекъ отъ него двор, место и волост нашу Шерешовскую в заведанью и въ справе своей мелъ. Што первей того (л. 115 об.) славное памети корол и великий князь Жикгимонтъ Августъ, предокъ нашъ, тотъ двор, место и волость Шерешовскую в некоторой певной суме пенезей тобе завести рачилъ под тымъ обычаемъ, ижъ ты оную суму пенезей, которую еси на тую державу Шерешовскую был далъ, водле пораховапья выдеръживати

*

диторомъ можетъ быть не только въ ущербъ государству, но и въ ущербъ самому кредитору. Въ такомъ случаѣ правительствомъ должны быть охранены интересы послѣдняго и возмѣщены его убытки. Въ листѣ, данномъ Генрихомъ 27 апрѣля 1574 года Троцкому воеводѣ князю Стефану Андреевичу Збаражскому на «заведенные» ему въ 4400-хъ копахъ грошей дворы Жосли и Бражоло, читаемъ: «а ижъ королевна ей милость Польска панъна Ганъна

и о томъ, што се выдеръжить, достаточную ведомост дати, а овъсы дякольные на кони его королевское милости предка нашого до Слонима отъсылати еси мелъ, тогды ты якъ рахунку, што которого року за держанья твоего сумы своее собе еси взялъ и выдержалъ, не оказывалъ, такъ и овъсовъ дякольныхъ на кони его королевское милости предка нашого до Слонима не отъсылалъ ку немалой шкоде скарбу земского великого князства Литовского и тымъ самъ еси собе право свое, естли бы съ которое мелъ, нарушилъ и его утратилъ. А такъ, маючы залецоные в насъ верные и цнотливые службы и заслуги стольника нашого великого князства Литовского, деръжавцы Вселеньского пана Миколая Дорогостайского, которыми онъ з молодости летъ своихъ, яко на дворе его королевское милости предка нашого отъ немалого часу будучи, такъ и въ потребахъ речы посполитое до войскъ роты и немалые почъты людей водячы и на соймехъ бываючи, з немалыми утратами маетности своее верне, годне, пильне и въставичне в служъбахъ его королевское милости и въ потребахъ речы посполитое ся заховалъ, тотъ двор нашъ Шерешовский з местомъ и з волостью и со всими пожитки, на нас и до скарбу нашого належачими и прислухаючими, ему в держанье и въживанье доживотное дали, яко то зособна привильемъ нашим достаточне ему объваровано есть. Якожъ и въвезати его в то послали есмо дворенина нашого, урожоного Малхера Райского, который, кгды там до Шерешова приедеть и в то его увяжет, приказуем тобе, ажъбы еси ничимъ ему в томъ противенъ не былъ и в тотъ двор нашъ и въ мѣсто, у волость тамошнюю и в жадные пожитки тое державы Шерешовское черезъ то ничимъ се не уступовал. А што се дотычет сумы, отъ тебе на то взятое, тогды, ачъ кольвекъ за невшполъненьемъ через (л. 116) тобе самого обовязковъ, в справе твоей описаных, и оное сумы пенезей, хотя бы еси еще которое части не выбралъ, за таковым невыполненьем обовязков, в праве твоемъ описаныхъ, отъпадати слушне еси мелъ, а ведже мы, не зычечы никому с подданыхъ нашихъ шкоды на властности его, на том есмо постановили, жебы еси в скарбе земскомъ великого князства Литовского порахованье о том учинилъ и, чого будешъ сумы своее по тые прошлые лета держанья своего не выдержалъ, и вытрутивши то, што еси овсы дякольные задержалъ и ихъ на кони его королевское милости продка нашого до Слонима не отъсылалъ, то все, што тое сумы на тую деръжаву, от тебе даное, еще будешъ не добралъ, от подскарбего земского пана Миколая Нарушевича тобе заплачоно и отъдано будеть». Дата: Краковъ, 28 марта 1574 года. Вслѣдъ за этимъ документомъ въ 57-ой книгѣ Записей Метрики Литовской помѣщенъ «о томъ же листъ, писаный до пана подскарбего земъского» (л. 116 об.—117 об.).

до двора, места и волости Жосленьское право свое быти менуеть, про то, естлибы ей милость того дошла, тогды тая сума пенезей, што бы ея на Жосли вытрутит пришло, зъ скарбу нашого князю воеводе Троцъкому заплачоно, або на инъшомъ именью нашомъ записано быти маеть» [1]). Давая державу въ залогъ, король можетъ и передать ее другому, если этотъ другой возвратитъ кредитору скарба, владѣвшему прежде, его деньги [2]). Такъ, въ привилеѣ, данномъ Генрихомъ 10 апрѣля 1574 года пану Яну Зборовскому на Дубно [3]), стоитъ: «а ижъ оная держава Дубенская отъ предка нашого славное памети Жикгимонъта Августа ложъничому его королевское милости, небощику Лукашу Ленъцкому, малжонъце и детемъ его в двух тисечахъ копахъ грошей личъбы Литовъское обычаемъ зоставы заведена, тогды панъ Янъ Зборовъский тую суму пенезей всю сполъна, два тисеча копъ грошей, малъжонъце Леньского и детемъ его отъложить маеть...»

Всякое пожалованіе державы, будетъ ли это держава, просто жалуемая, или «заводимая» въ деньгахъ, взятыхъ заимообразно, сопровождалось формальностями и закрѣплялось документами. Эти послѣдніе были двухъ категорій: одни говорили о пожалованіи державы правительственною властью, другіе о вступленіи державцы въ обладаніе его державою. Къ первой категоріи относятся привилеи и листы, которыми король, или во время безкоролевья паны-рада жалуютъ державу [4]). Но кромѣ привилеевъ на державу сюда же относятся листы подскарбію земскому, сообщающіе ему отъ имени короля, какъ лицу завѣдующему столовыми землями, о сдѣланномъ королемъ пожалованіи [5]). Что касается до второй категоріи документовъ, то ее составляютъ такъ называемые «листы увяжчіе», документы, вводящіе державцу во владѣніе его державой. Вводъ во владѣніе

---

[1]) Ibidem, л. 10.

[2]) Конечно, если въ привилеѣ на державу не было выговорено, что держава не можетъ быть передаваема королемъ другому лицу.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 43—44.

[4]) См., нпр., листъ «воеводе Полоцкому, пану Миколаю Дорогостайскому на старосто Волковыйское, в некоторой суме пенезей заведеное» (7 іюля 1576 года). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 4. Такихъ листовъ и привилеевъ сохранились въ Литовской Метрикѣ цѣлыя сотни, а можетъ быть и тысячи.

[5]) См. выше—о державѣ Шерешовской.

державою совершался или служебникомъ, посылаемымъ мѣстнымъ врядомъ [1]), или же дворяниномъ, спеціально присланнымъ для этого королемъ [2]). Держава подается иногда просто такъ, какъ ее держалъ предшествующій державца [3]), или же составляется при передачѣ державы формальная ея опись. При этомъ опись составляется или присланнымъ отъ короля или изъ скарба лицомъ [4]), или мѣстнымъ врядомъ [5]), или же, наконецъ, самимъ получившимъ державу [6]). Конечно, при изготовленіи документовъ

---

[1]) Нпр., Сигизмундъ Августъ, жалуя писарю «людей служебныхъ войска» своего, Войтеху Стабровскому, 200 осѣлыхъ волокъ Ретовскаго тивунства земли Жомоитской въ обезпеченіе долга ему скарба, говорилъ въ листѣ, данномъ въ Люблинѣ 27 мая 1569 года къ Жомоитскому старостѣ: «...твоя бы милость, пане староста, Стабровскому за тую суму (л. 34 об.) пенезей его, вышей менованую, которую он на пильные потребы земъские пры войску и людех нашыхъ служебных выдалъ, в заставу в тивуньстве Ретовскомъ Марка Внучка волокъ оселыхъ 200 подати и в то его увезати велелъ». Лит. Метр. $\frac{\text{II I A}}{10}$ л. 34—34 об.

[2]) Нпр., «листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевъского о державу Шерешовскую». См. выше, стр. 275 и 276 примѣчаніе 1.

[3]) А. З. Р. III. № 102 (1578 г.).

[4]) См., нпр., А. Вил. XXV. № 5 (1578 г.).

[5]) Такъ изъ листа Генриха (7 мая 1574 года) на пожалованіе державы пану Пирхлинскому въ Коршовскомъ тивунствѣ земли Жомоитской узнаемъ, что пожалованныя ему села «водлугъ данини его королевское милости продка нашого и за листомъ пана старосты Жомоитского князь Михалъ Боровский, тивун Коршовский, у волости Коршовское..... помененому Криштофу Пирхлиньскому завелъ и подалъ, на што и реестръ свой увяжчый далъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 106—106 об.

[6]) «Листъ пану Грыгорю Войне на державу Радошковичы», напримѣръ, гласитъ: «Жикгимонт Август. Дворанину нашому Грыгорю Войне. Маемъ того ведомость, иж воеводичъ Новъгородский, дворанинъ нашъ, панъ Иванъ Горностай тыхъ недавъныхъ прошлихъ часовъ зъ сего света зышолъ, а ижъ по смерти его замокъ нашъ Радошковичы, бояре, место и волость, ку оному замъку прыслухаючы, што он толко до жывота своего отъ насъ держалъ, на насъ господара, яко власность наша, прышла и спала, тогды мы, маючы ласкавое бачене на служъбы твои, которыми верне и цнотливе намъ господару, ласку нашу господаръскую заслугуючы, тотъ замокъ Радошковичы зъ дворы, з местомъ, зъ бояры-шляхтою и зо всими поддаными нашыми, ку оному замъку прыслухаючыми, (л. 35) тобе в держане до воли и ласки нашое господаръское злецаем. И прыказуемъ тобе, ижъбы еси кромъ жадного замешканя, скоро сесь листъ нашъ тобе данъ будеть, до Радошъковичъ ехалъ и, зо всякою пилностью ея поспешывъшы, оный замокъ, место, волость и бояры, ку оному замъку належачые, в моц и справу и владност свою взялъ, якъ замокъ и стрельбу

случались и ошибки, которыя могли быть результатомъ какъ недосмотра при составленіи самаго документа, такъ и не совсѣмъ точныхъ свѣдѣній о державѣ скарба и канцеляріи Литовскихъ. Иногда въ листахъ бываетъ спутанъ счетъ волокъ [1]), вслѣдствіе чего, конечно, являлась весьма существенная неясность. При пожалованіи державы, отправлялась отъ короля и послушная грамота къ населенію ея, хотя надо думать, что она посылалась лишь въ томъ случаѣ, когда держава переходила къ новому владѣльцу безъ «увязанья» его врядникомъ или спеціальнымъ посланцемъ, или же въ случаѣ сопротивленія населенія вступленію новаго державцы въ свои права. Какъ на примѣръ такой послушной грамоты, можно указать на листъ Стефана Баторія, посланный въ 1577 году къ подданнымъ державы Вилкейской и тивунства Поюрскаго, которымъ король приказывалъ имъ быть послушными княгинѣ Полубенской и ея врядникамъ послѣ взятія въ Московскій плѣнъ самого державцы, ея мужа, князя Александра Ивановича Полубенскаго [2]).

Получая державу, державца получалъ право управленія, суда и веденія господарскаго хозяйства въ ней со всѣми доходами, идущими на него. Въ составъ державы могли входить весьма различные населенные пункты, земли и угодья. Замокъ, мѣсто, мѣстечко, дворъ, фольварокъ, волость, озеро, рѣки, воды, потоки, затоки, сажовки, ставы, млыны, пасѣки, гаи, лѣса, сѣножати и т. д.—все это жаловалось въ державу, или староство, налагая на державцу обязанность хранить, устраивать эти свои владѣнія и вести въ нихъ государево хозяйство Населеніе староствъ и державъ, поступавшее подъ «справу» державцы, дѣлилось на различныя группы—бояре, мѣщане, слуги различныхъ видовъ, подданные, т.-е. крестьяне, кухари, бортники, стрѣльцы, псарцы, бобровники и т. п. подданные спеціальнаго значенія. Въ державахъ, образованныхъ изъ «спадковыхъ» земель, т.-е. изъ земель, перешедшихъ къ королю и «столу» послѣ прекращенія фамилій, которымъ

замъковую, которая бы там была, такъ дворы, место, волость и бояры тамошние и всякие пожытьки, што кольвекъ съ фольварковъ, з местечка и з волости Радошъковъское прыходить, достаточне на реестръ списал и реестръ того списанья своего до насъ без мешканя послалъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 35—35 об Дата: Люблинъ, 8 мая 1569 года.

[1]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 107.

[2]) А. З. Р. III. № 88.

онѣ принадлежали, въ ряды подчиненныхъ державцѣ людей входили и шляхтичи, жившіе на этихъ земляхъ. Познакомимся поближе съ дѣятельностью державцы; онъ былъ тоже своего рода врядникомъ по управленію, суду и эксплоатаціи столовыхъ земель, отданныхъ ему въ державу или въ староство.

Въ привилеяхъ на староства и державы обладаніе ими дается на общихъ основаніяхъ, какъ было прежде, конечно, если только держава не «заводится» въ суммѣ денегъ, когда условія держанья ея могутъ разнообразиться. Вотъ, что напримѣръ, читаемъ въ привилеѣ, данномъ на Могилевъ пану Андрею Ходкевичу королемъ Генрихомъ 6 мая 1574 [1]): «тотъ замокъ Могилевъ з местомъ и зо всими волостьми и селы, к нему прислухаючими, во всемъ потому, яко то небощикъ панъ Виленьский держалъ, впрод речоному пану Анъдрею Ходкевичу в староство даемъ и, при немъ зоставуючи, то ему симъ листом нашимъ потвержаемъ. Маеть впрод речоный панъ Анъдрей Ходкевичъ тое староство Могилевское з местомъ, з дворы, фольварками и зъ волостьми, селы, к нему прислухаючими, держати и въживати, доходы и иные всякие припадки, на старосты и державцы у великомъ князстве Литовскомъ постановеные, ку пожитку своему брати, а иные всякие платы и доходы з местъ, с фольварковъ, с подданыхъ и зо всихъ иныхъ пожитъковъ, яко пенези до скарбу земского великого князства Литовского отъдавати, такъ и личъбу достаточную чинити будеть повиненъ». Король же обѣщаетъ не лишать Ходкевича Могилевскаго староства «до живота» его. Завѣдуя королевскими землями, составляющими его державу, староста или державца прежде всего озабоченъ эксплоатаціей ихъ. Въ хорошо поставленной эксплоатаціи державы выгода и скарба государева, и самого державцы. Державцы имѣютъ подъ своею «справою» замки, города и мѣстечки, волостныя земли и фольварки. Посмотримъ, въ чемъ состоитъ хозяйственная дѣятельность державцы въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ его державы.

Завѣдуя замкомъ, староста или державца долженъ заботиться о содержаніи его въ хорошемъ состояніи и его боевой готовности. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали городничіе, эта обязанность лежала на послѣднихъ, и державца долженъ былъ лишь содѣйствовать имъ въ ихъ дѣятельности. Но если городъ не имѣлъ, городничія то обязанности послѣдняго лежали на самомъ державцѣ. Значе-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 109—110 об.

ніе державцы въ городахъ было различно, смотря по тому, имѣлъ ли городъ привилей на самоуправленіе, т.-е. былъ ли онъ «мѣстомъ упривильеванымъ», или нѣтъ. Города, имѣвшіе самоуправленіе, совершенно освобождались отъ вѣдѣнія державцы и въ своемъ хозяйствѣ, и въ своемъ судѣ, и въ своей администраціи, и только часть домовъ, не попавшая по тѣмъ или другимъ причинамъ въ присудъ «мѣстскій», а находившаяся въ присудѣ замковомъ, подлежала его завѣдыванію. Въ городахъ не «упривильеваныхъ» державца завѣдывалъ раздачею лавокъ и огородовъ мѣстскихъ и сборомъ циншовъ и повинностей съ нихъ. 14 мая 1569 года, напримѣръ, былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ листъ, въ которомъ онъ обращался къ «старосте Гомейскому, пану Михаилу Мыщце Варковскому и напотомъ будучымъ старостамъ Гомейскимъ» [1]). Въ этомъ листѣ король говорилъ, что въ Люблинѣ къ нему обратился ротмистръ Еронимъ Скромовскій, заявляя ему отъ своего имени и отъ имени своего товарища, другого тамошняго ротмистра Алексѣя Презмыцкаго, что Гомейскій староста выправляетъ циншъ съ пляцовъ, огородовъ и сѣножатей драбовъ ихъ ротъ, поселившихся въ Гомлѣ. Варковскій, находясь «сезде, на дворе» королевскомъ, «того справу далъ, ижъ тые вси домы в месте Гомейскомъ в реистре ревизорскомъ под послушенство старостино описаны, яко бы слушне всякии повинности с нихъ полънити мели». Несмотря, однако, на это заявленіе старосты, король все-таки освободилъ драбовъ отъ цинша [2]). Наблюдая за тѣмъ, чтобы не уменьшались доходы какъ

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 24 об.—25 об.

[2]) «Нижъли мы, то уважаючы, же без тыхъ пляцов. огородовъ пры домехъ имъ, яко людемъ служебнымъ, на замъку украиномъ вытрывати трудно, тогды имъ на трыста драбовъ трыдцать господ, то естъ на кожъдый десятокъ драбовъ по господе волно—на роту Презмыцкого господ двадцать на драбовъ двесте, на роту Скромъского господ десять на драбовъ сто, до инъшое науки нашое зоставуемъ и прыказуемъ тобе, ижъбы еси на тыхъ, которыхъ домовъ 30 ротмистрове для господ оберуть, з домовъ, огородовъ цыньшу и никоторыхъ податковъ не правилъ и тому ловенья рыбъ в озерахъ и речъкахъ тамошнихъ, где бы без шкоды скарбу нашого и переказы пожытку твоего старостинского не заборонялъ, кгдыжъ они первей сего з маршалъком (л. 25) нашымъ, бывшимъ старостою Гомейскимъ, паномъ Каленицким Тышкевичемъ перед нами господаремъ о то справу мели их выроку нашого, имъ в томъ всемъ постановенье вделано, што шырей в ономъ выроку естъ доложоно и описано. Ты бысъ в томъ всем ку нимъ водле оного выроку, с Каленицкимъ уделаного, заховалъ конечно». Дата: Люблинъ, 14 мая 1569 года.

государевы, такъ и его самого, державца преслѣдуетъ также корчмы, млыны и другія предпріятія, заводимыя частными лицами, если на нихъ нѣтъ спеціальнаго разрѣшенія королевскаго. Такъ, на того же Варковскаго тѣ же ротмистры жаловались Сигизмунду Августу, что онъ «водле давныхъ обычаевъ пива и инъшыхъ трунъковъ в пивницахъ ихъ мети, товарышомъ и драбомъ роты ихъ тыхъ напоевъ с пивницъ ихъ куповати» препятствуетъ, «прыводячы ихъ ку тому, ижбы въ» его «корчме старостинъской пиво и всякие напои куповали». И по этому дѣлу, какъ по предъидущему, Варковскій заявилъ королю, что онъ считаетъ себя въ правѣ это дѣлать, такъ какъ «корчмы вси в старостве Гомейскомъ» отданы королемъ ему, «и никому инъшому опрочъ корчмы» его «старостинъское жадныхъ напоевъ мети неволно», въ доказательство чего представилъ Сигизмунду Августу листъ королевскій. Но король опять рѣшилъ дѣло въ пользу ротмистровъ, «фолкгуючы тому, иж онымъ ротмистромъ, на томъ замку украиномъ мешкаючы а заплаты з скарбу» государева «не часто беручы, трунъковъ своихъ волныхъ не держачы, выжывеня мети, товарышовъ и драбовъ роты своее для неборздое заплаты заслужоного ихъ з скарбу» государева «задержати не могуть». Но было поставлено и ограниченіе этому праву: «одножъ оны тыхъ трунъковъ своих никому иному обчому продавати не мають, только товаришомъ и драбомъ своимъ». При этомъ просьба ротмистровъ подлежитъ исполненію лишь «до воли инъшого постановенья» королевскаго, или «до успокоенья з непрыятелемъ» Московскимъ, и послѣ заключенія мира съ Москвою Гомельскій староста вновь будетъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ [1]). Мы привели эти примѣры заботы державцы о доходахъ скарба и своихъ собственныхъ, чтобы указать и на нарушенія правъ его королемъ по тѣмъ, или другимъ соображеніямъ.

Въ земляхъ волостныхъ державца озабоченъ веденіемъ хозяйства государева. Онъ раздаетъ волоки желающимъ ихъ взять на условіи несенія повинностей, лежащихъ на нихъ, и примножаетъ доходы государевы, отъ увеличенія которыхъ, какъ увидимъ, зависитъ и увеличеніе его собственныхъ доходовъ. Внутри земель державы державца даетъ имъ различныя назначенія самъ, или

[1]) «Листъ, писаный до старосты Гомейского пана Михаила Мышки Варковъского, абыЯрониму Скромскому и Олекъшому Презмыцкому, ротмистромъ, корчмы и пиньку волного в Гомьи мети не заборонялъ». Дата: Люблинъ, 14 мая 1569 года. Ibidem, л. 23 об.—24 об.

въ исполненіе королевской воли. Такъ державца двора Красницкаго, Лавринъ Война [1]), отбираетъ по приказанію короля Генриха отъ кухаровъ своей державы одни волоки, «взявши» ихъ къ двору Красницкому, и замѣняетъ ихъ другими [2]). Фольварки и всевозможныя угодья также эксплоатируетъ державца для государева и своего дохода. Но каковы же доходы державцевъ отъ веденія государева хозяйства? «Устава на волоки» [3]), данная въ 1557 году опредѣляетъ ихъ такъ: «платъ весь съ десятое волоки; кромъ овса и сѣна третій снопъ зъ гуменъ нашихъ всякого збожья: торговое и помѣрное все и за лопатки пѣнязми дня торгового; десятая рыба при спущанью ставовъ; вина, коли который подданый на работу не выйдетъ, грошъ 1 за день, а за другій день барана; записного отъ волоки пѣнезей 14, а гдѣ на насъ овесъ отбираютъ, ино отъ бочки по пѣнезю». Въ привилеяхъ на староства и державы также встрѣчаемся съ обозначеніемъ доходовъ державцевъ. «А самъ его милость только третій снопъ збожъя, десятый грошъ цынъшу и иншие доходы, на старосты и державцы у великомъ князстве Литовскомъ постановленые, на выхованье и ку пожитку своему брати маетъ» — читаемъ о нормальныхъ доходахъ старосты въ листѣ, данномъ 20 апрѣля 1574 года Генрихомъ Валезіемъ Яну Ходкевичу на Ковно [4]). Однако, рядомъ съ нормальными доходами державцы встрѣчаемъ очень часто и доходы, далеко выходящіе за предѣлы нормы. Это бывало, или благодаря милости государевой, или же въ силу условій, на которыхъ «заведена» держава державцѣ-кредитору скарба. Примѣромъ перваго случая можетъ служить пожалованіе Стобинокъ королемъ Генрихомъ земскому Литовскому подскарбію пану Николаю Нарушевичу. Держава [5]) ему была пожалована на

---

[1]) Подскарбій дворный и писарь великаго княжества Литовскаго, староста Пинскій, державца Олитскій, Квасовскій и Красницкій.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{IA}}{57}$ л. 102 об.—104. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

[3]) А. З. Р. III № 19. (38). *J. Jaroszewicz.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część II. Wilno. 1844. Str. 229—271, 271—275.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{IA}}{57}$ л. 46—48. Ср. ibidem, л. 108 об.

[5]) Вотъ составъ ея: «двор нашъ Стобинъкги у старостве Мерецкомъ с фольварки того двора, на имя Думъленьскимъ и Булъгаковъскимъ, и местечъко Лоздейское з людми, в томъ местечку оселыми и зо всими кгрунъты, до того местечка приналежачыми и зъ людми волостными, осадными и тяглыми воло-

такихъ условіяхъ: «маеть панъ подскарбий и по немъ малъжонка его милости тотъ двор Стобинъкги такъ, яко ся вышей поменило и выписало, со всимъ на себе держати и его вживати до животовъ своихъ, будучи вольни тамъ прибавити и розширити и пожитъки вшелякие подле налепъшого домыслу своего вынайти и причинити и то все ку пожитъку своему властному оборочати и привлащати такъ, яко сами нaлепей розумеючи, а с того всего намъ господару и потомкомъ нашимъ потомкове пана подскарбего жадное личъбы а ни справы до скарбу нашого земского и дворного давати не будуть повинъни». Такимъ образомъ Нарушевичъ и его жена получили во владѣніе державу безъ всякихъ уплатъ доходовъ ея въ скарбъ, а съ правомъ обращенія всѣхъ ея доходовъ въ свою собственность. Примѣровъ такихъ пожалованій державъ съ правомъ державцы безотчетно пользоваться доходами ихъ всецѣло на свой «пожитокъ» можно привести достаточно. Но рядомъ съ такими пожалованіями державы со всѣми ея доходами по милости государевой встрѣчаются и подобныя же пожалованія, но какъ средства уплаты за долги скарба. Тутъ нужно различать слѣдующіе случаи. Держава можетъ жаловаться кредитору скарба въ держанье только до того времени, пока онъ выбираетъ съ нея ссуженныя деньги. Въ такомъ случаѣ державца получаетъ въ качествѣ процентовъ на ссуду доходы, идущіе на державцу по закону, и возвращаетъ себѣ по частямъ капиталъ,

---

сти Лоздейское, а меновите войтовство Стобаньское зо всими селы, войтовъство Задуское тяглое зо всими селы, войтовство Булъгаковское съ фольваркомъ, вышей помененым, и зо всими селы и з людми, в них оселыми, з осадными и с тяглыми и зо всими ихъ платы и доходы, з службами, повинъностями и пошлинами и зо всими кгрунты того двора Стобиньского и фольварковъ помененыхъ и местечъка Лозьдейского и тежъ тыхъ войтовствъ и селъ, к нему (л. 101) прислухаючихъ, такъже з озери, реками, зъ ставы, зъ ставищами, з млынами и зъ ихъ вымелъки, з бобровыми гоны, з рибными входы, зъ езы, з лесы, з бори, з деревомъ бортнымъ и зъ данью медовою, з ловы звеpинъными и пташими и зо всякими пожитками якимъ кольвекъ именемъ могуть быть назъваны, або менены, и такъ долъго и широко, яко то все здавна и теперь на насъ держано было, ничого отътуль ку пожитъку намъ господару и скарбу нашого земского и дворного а ни жадного вряду не уймуючи а ни зоставуючи, такъ, ижъ менованое неменованому, а неменованое менованому ничого шкодити и переказы жадное одно другому ни в чомъ чинити не маеть». Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 100 об—101 об. Дата: Краковъ, 1574 г.

оставляя у себя тѣ доходы, которые должны идти въ скарбъ [1]). Но держава можетъ отдаваться державцѣ просто въ залогъ съ правомъ пользоваться ея доходами, по закону принадлежащими державцѣ, но безъ права возвращать себѣ капиталъ, задерживая скарбовыя поступленія [2]). При такомъ условіи пожалованія державца пользуется опредѣленными по закону доходами въ качествѣ процентовъ, капиталъ же получитъ обратно изъ самаго скарба. Случалось и такъ, что держава заводилась «в суме пенезей» на такихъ условіяхъ: державца, получая законные доходы и внося въ скарбъ, слѣдуемую ему часть, удерживалъ изъ послѣдней опредѣленную сумму согласно привилею [3]). Однако

[1]) Нпр. «листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Ярона Кречевъского о державу Шерешовскую». Ibidem. л. 115 об.—116 об. См. выше, стр. 275 и 276 примѣчаніе 2. Ср. также «лист пана Виленского на Ляховичи и на Свислочъ». (выше, стр. 272).

[2]) Маршалокъ господарскій судья земскій Новгородскій, державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Зыкгмунтовичъ Сновскій «ховалъ» въ землѣ Лифлянтской «почотъ людей служебныхъ», 200 коней «езъныхъ» и 100 «драбов пешихъ», на свои собственныя средства «черезъ некоторый часъ, ажъ до приеханья» короля Генриха. На каждаго коня за четверть года должно быть уплочено жалованья по 6 копъ грошей, а на пѣхотинца по 2 копы. Такимъ образомъ за четверть года скарбъ оказался должнымъ пану Сновскому 1400 копъ грошей Литовскихъ, и ввиду невозможности разсчитаться съ нимъ «около тое заплаты» съ нимъ учинено «постановенье», чтобы король бояръ государевыхъ, принадлежащихъ со своими имѣньями къ Куренецкому двору, а также Куренецкую пущу съ ея «пожитками» присоединилъ къ его державѣ Куренецкой, заведенной ему въ двухъ тысячахъ копахъ грошей Литовскихъ еще Сигизмундомъ Августомъ, и внесъ и записалъ на нихъ эти 1400 копъ. Земли отданы Сновскому со всѣмъ присудомъ и доходами «до певного часу, до двухъ год зупольныхъ, по собе идучихъ, то есть почавши отъ свята светого Станислава в року нинешнемъ» 74-мъ, до такого же дня 1576 года, «на который часъ» король вернетъ всѣ 3400 копъ Сновскому, или его потомкамъ, а державу Куренецкую возьметъ «до рукъ» своихъ со всѣмъ, съ чѣмъ она была дана Сновскому. Если же возвращенія денегъ ему въ срокъ не послѣдуетъ, то Сновскій и его потомки будутъ «год од году» отъ дня св. Станислава до дня св. Станислава «въживати» державу вплоть до уплаты долга скарба. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 53—54 об. (Дата: Краковъ, 2 мая 1574 года).

[3]) Паны-рада во время перваго безкоролевья взяли у пана Александра Ходкевича 8 тысячъ копъ Литовскихъ грошей и эту сумму денегъ ему «выдерживати описали» со староства Городенскаго, переданнаго ему его отцомъ Это староство со всѣмъ, что принадлежитъ къ нему «держечы, вси платы и доходы з него выбираючы, до скарбу земского великого князства Литовского» онъ долженъ «отъдавати и личьбу зо всякихъ пожитьковъ чинити, а собе

бывали случаи пожалованія державъ и на условіяхъ особенно обременительныхъ для скарба. Королевскій привилей, данный 20 апрѣля 1574 года Яну Еронимовичу Ходкевичу на Ковно, отдавалъ ему Ковенское староство, Румшишскій дворъ съ городами, селами и волостями ихъ, также лѣсничества Дорсунишское и Бирштанское и три села лѣсничествъ Олитскаго и Немонойтскаго со всѣмъ, къ нимъ принадлежащимъ, съ правомъ ими владѣть и всякіе ихъ пожитки «на себе брати и ку пожитъку своему оборочати». Со всего этого «ничого до скарбу» государева «давати и личъбы чинити» Ходкевичъ «не повиненъ будеть до того часу, покуль его милости сума пенезей 6920 копъ грошей личъбы Литовское, которую, окупуючы староство Ковеньское, двор Румъшиский и села, в семъ листе нашомъ меновите описаные, особамъ верху менованымъ выдалъ, отъ насъ, альбо отъ потомъковъ нашихъ отъдана и сполъна заплачона будеть», такъ говорить привилей отъ королевскаго имени. Послѣ же уплаты изъ скарбу Ходкевичу самому, или его потомкамъ должной ему суммы, онъ будетъ выплачивать скарбу слѣдуемые ему съ державы доходы, чиня «личъбу», самъ же «только третий снопъ збожъя, десятый грошъ цынъшу и иншие доходы, на старосты и державцы у великомъ князстве Литовскомъ постановленые, на выхованье и ку пожитку своему брати маеть». Король при этомъ гарантируетъ Ходкевичу, что онъ его и послѣ расплаты съ нимъ скарба не лишитъ «до живота его» пожалованныхъ ему въ державу земель [1]).

Итакъ, различныя условія, на которыхъ владѣли державцы державами, создавали различіе въ объемѣ доходовъ, шедшихъ на нихъ. Въ силу этого и отчетъ, который давали державцы скарбу въ поступленіяхъ съ державы, долженъ былъ приниматься подскарбіемъ земскимъ и подчиненными ему врядниками, основываясь не только на законѣ, какимъ въ данномъ случаѣ являлась «устава на волоки», но и на привилеѣ каждаго отдѣльнаго державцы. Въ самомъ дѣлѣ «личба» въ скарбѣ однимъ державцамъ была обязательна во всѣхъ доходахъ державы, другимъ – въ нѣ-

с тыхъ же доходовъ, которые се з личъбы его окажуть, у выдержанье сумы пенезей своихъ, до скарбу земского великого князства Литовского даныхъ, по тисечу копъ грошей брати, а фольваркъ Оделский до выбранья тое сумы на выхованье свое мети маеть....» Ibidem л. 107 об.—108. (Весь документъ— л. 107 об.—109).

[1]) Документъ находится въ Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 46—48.

которыхъ, третьи не представляли ея скарбу совершенно [1]). Это зависѣло отъ условій, на которыхъ была пожалована державцѣ его держава. Конечно, такой порядокъ не могъ не усложнять дѣятельности скарбовыхъ врядниковъ и главы ихъ подскарбія земскаго, на обязанности котораго лежалъ пріемъ въ скарбъ Княжества доходовъ отъ старостъ и державцевъ [2]). Столовыми имѣніями вообще завѣдывалъ земскій скарбъ Княжества. Онъ беретъ въ свое вѣдѣніе земли, поступающія «до рукъ и до столу» государевыхъ [3]), онъ вѣдаетъ разсчеты при залогахъ и передачахъ державъ «въ суме пенезей» [4]); онъ же посылаетъ ревизоровъ въ державы [5]), когда посчитаетъ это своевременнымъ и нужнымъ. Конечно, и передачи державъ отъ одного державцы другому, дѣлаемыя королемъ, сообщаются подскарбію государемъ [6]).

Кромѣ хозяйства государева державца въ предѣлахъ своей державы вѣдаетъ администрацію и судъ. Къ административной дѣятельности державцы прежде всего относится сборъ постановленной сеймомъ серебщизны. «Конюшиная» королевская, «старостиная» Мельницкая, Гераноинская и Кнышинская пани Ярошовая Корыцкая, урожденная Софія Ходкевичевна была въ 1568 году «позвана» передъ короля мандатомъ королевскимъ въ томъ, «ижъ малъжонокъ ее небошчикъ панъ Ярошъ Корицкий серебъшчизну з державы Кгераноинъское, которую за живота своего державъ, за рокъ прошлый шестьдесятъ третий, яко на онъ часъ уфалена была, выбравши», отдалъ ее въ скарбъ, но, «не вчинивши личбы, зъ сего света зшолъ». Кромѣ того, она и сама по смерти своего мужа «з державы Кнышиньское с третее раты в томъ же року от сохи по трыдъцати грошей выбрала и, хотяжъ до скарбу»

---

[1]) См., нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 5 об., 9, 14, 47 об., 49 об., 54 об., 86 об., 93 об., 108 об. и др.

[2]) О врядѣ земскаго подскарбія и его компетенціи см. въ III-ей главѣ.

[3]) Такъ были взяты, напримѣръ, Подольскія имѣнія пана Филона Кмиты по его просьбѣ «до рукъ и до столу» государевыхъ, а ему взамѣнъ ихъ пожалованъ замокъ «Чорнобыли» съ мѣстомъ, мѣщанами, боярами, селами и проч. Привилей, данный ему въ Бѣльскѣ 29 марта 1566 г., см. въ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 4 об., 5.

[4]) См., нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 5 об. (28 марта 1574 года).

[5]) См. ниже, въ III-ей главѣ.

[6]) См. выше, стр. 275, 276, прим. 2.

государева «отъдала, але личбы не вчинила». Дѣло разсматривалось Сигизмундомъ Августомъ 10 сентября 1568 года. Король освободилъ пани Корицкую отъ суда, но это сдѣлалъ лишь по своей милости къ ней [1]). Говоря объ административной дѣятельности державцевъ, необходимо замѣтить, что она совершенно переплеталась съ хозяйственною ихъ дѣятельностью. Въ самомъ дѣлѣ различныя распоряженія, дѣлаемыя державцею въ предѣлахъ его державы, носятъ характеръ и той, и другой стороны его дѣятельности. Самый сборъ серебщизны державцею въ его державѣ является уже актомъ хозяйственно-административнымъ. Другія распоряженія державцы имѣютъ тотъ же характеръ. Вотъ, напримѣръ, «листъ, писаный до старосты Городенского пана Григоря Александровича Ходкевича, абы выправилъ подводы з волостей Городенских до Меречи по овесъ, ижбы везли до Кнышина для коней господаръских» [2]). Въ немъ находится королевское приказаніе самому Ходкевичу, «а в небытности» его самого въ Городнѣ, «подстаростему его милости тамошнему Городенъскому и всимъ врадникомъ дворовъ староства Городенъского», чтобы были высланы 270 подводъ съ подданныхъ королевскихъ, «людей осадныхъ» разныхъ волостей. На каждый возъ должно быть нагружено по три бочки овса, взятаго изъ Шовленскихъ овсовъ, которые «в Меречу зсыпаны лежать». Овесъ этотъ выдастъ государевъ служебникъ Теофилъ Млодецкій, «который пры том овсе мешкаеть». Долженъ быть доставленъ овесъ въ Кнышинъ «што наборздей быти можеть», и «для прудъшого выхованья и высланя подданыхъ ку прыгледанью отвезеня тыхъ овъсовъ до Кнышина» былъ посланъ королемъ дворянинъ. Подобные же листы были отправлены и нѣкоторымъ другимъ державцамъ [3]). Собирая циншъ съ подданныхъ королевскихъ,

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 30, 30 об.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 29—30. Дата: Люблинъ, 15 мая 1569 года.

[3]) «Таковые листы писаны, один до державцы Перстунского и Берзницкого Грыгоря Масалского, ижъбы послалъ до Мереча с Перстуна и Берзникъ подвод 60, а до державцы Олитского пана Станислава Райского, ижбы послалъ до Мереча подданыхъ Олитскихъ подвод 60, а до пана ловчого, ижъбы послалъ до Мереча подвод з волости Меречское подвод 100, а з волости Довсповское подвод 100, с Перелай подвод 40, з Лоздех подвод 40, а писанъ тыми словы, яко вышей написано». Ibidem, л. 30. Къ тому же дѣлу перевозки Шовленскихъ овсовъ см. «листы о отвожене овсов, посланы з Люб-

живущихъ въ предѣлахъ державы, державца уменьшаетъ его сумму, если подданный, находится въ особо стѣсненномъ положеніи. Такъ, Сигизмундъ Августъ далъ въ Люблинѣ 9 іюня 1569 года листъ къ конюшію земскому, державцѣ Гераноинскому пану Якубу Пясецкому, чтобы онъ «фолькгу чинил» королевскому подданному села Коревичъ Геранонпской волости, Томашу Гилевичу, такъ какъ послѣдній «сее зими прошълое з Божего допушъченя зо всею маетностью своею на коренье погорелъ и в великий недостатокъ прышолъ», почему не можетъ заплатить въ скарбъ своего цинша за прошлый 1568 годъ. Король сдѣлалъ свое распоряженіе по челобитью самого Гилевича, приказавъ не взыскивать съ него этого цинша [1]). Бывало, конечно, что державцы налагали на подданныхъ и повинности, которымъ они вовсе не подлежали. Сигизмунду Августу, напримѣръ, жаловались его подданные «волости Кгереноинъское зъ двохъ войтовъствъ, Довъневъского и Цыгановъского зъ села Нестеревичъ, Бочечъвичъ и Коронвицъ, на имя Амъброжей Сташкевичъ, Балътромей Опанасовичъ, Шимко Якутевичъ а Сенько Микутевичъ сами от себе и от инъшыхъ потужъниковъ своихъ» на пана Якуба Пясецкаго, дворнаго конюшія и державцу Гераноинскаго, говоря, что «они, будучы людми осадными, только цынъшъ з волокъ своихъ, которые под собою маютъ, до скарбу» государева «дают, а инъшыхъ дей повинностей полнити не повиньни». Между тѣмъ. Пясецкій привлекаетъ ихъ къ разнымъ работамъ, притомъ не сбавляя имъ за это съ суммы ихъ цинша. Король приказалъ Пясецкому сбавить имъ циншу за

лина через Геркулеса Юрчынского, дворанина его кр. м., чотыры, которые отдавны, маеть самъ подводы з держав, в листех помененых, выправить, которые посланы мая 16 дня». Листь ловчію Княжества Григорію Воловичу, «а в небытности его самого в Меречы, в Докгахъ, в Перелаяхъ, в Сейвахъ и в Лоздеяхъ, вpадникомъ его тамошнимъ». Дата: Люблинъ, 15 мая 1569 года. Ibidem. Л. 31—32.

[1]) «Про то, кгдыжъ оный подданый нашъ Томашъ Кгилевичъ в немалую шкоду от огню попалъ а уставе (sic) описано естъ, же кожъдому упалому для поратованья шкоды его фолькга с цынъшу делана быти маеть, ты бы пане Пясецкий, а в небытъности его самого у Кгеренонахъ тобе, врaднику его тамошный, прыказуемъ, же бы еси о томъ погоренью его достаточъне выведалъ и, окажеть ли ся такъ, яко онъ намъ жалобою своею справу далъ, и быс увес цынъшъ, который онъ з волоки своее за рокъ прошлый 68-й отдати повиненъ, ему отпустилъ и на немъ не отправилъ такъже и грабежы, которые будут ли ему за неотданье того цынъшу поделаны, спольна поворочати казалъ, а то тобе за симъ листомъ въ скарбе нашомъ на личьбе прынято будеть». Ibidem. Л. 41 об.—42 об.

эти работы и по отношенію къ нимъ держать себя «водле уставы» государевой [1]).

По приказанію королевскому державца измѣняетъ характеръ повинностей тѣхъ, или другихъ волокъ. Такъ, державцѣ Красницкому, Литовскому дворному подскарбію Лаврину Войнѣ, было 15 мая 1574 года приказано королемъ Генрихомъ отобрать отъ кухаровъ нѣсколькихъ селъ Красницкаго двора ихъ волоки, «при вернуть» ихъ къ двору, а имъ взамѣнъ дать другія [2]). Точно также по приказанію королевскому державца «заводитъ и подаетъ» земли изъ своей державы, если ихъ жалуетъ кому-либо государь. Такъ, кашталяну и старостѣ Мстиславскому, князю Ивану Соломирецкому было приказано Сигизмундомъ Августомъ 3 апрѣля 1569 года, чтобы онъ «селище, вышей мененое Рудомино, естлибы не большъ одно полъсемы службы кгрунъту было», земянину Мстиславскому Протасу Костровицкому взамѣнъ отобраннаго у него къ замку имѣнія «завелъ и подалъ и, в то его увезавши,

---

[1]) Ibidem, л. 41—41 об. Еще примѣръ—«листъ, писаный до старосты Слонимъского пана Григоря Воловича, абы на боярах служъках зъ села Чемеровицкого пожорнового брати николи не казалъ». Въ немъ читаемъ: «Жикгимонт Август. Кашталяну Новъгородскому, старосте Слонимъскому, пану Грыгорю Воловичу, а в небытъности пана Новъгородского в Слониме, ино подстаростему его милости тамошънему, хто на тотъ часъ отъ него тотъ замокъ нашъ Слонимъ заведаетъ. Прыходили до насъ подданые нашы Слонимъские, бояре путъные, служъки зъ села Чемеровицкого, Ждан Ивановичъ, Федец Манъцовичъ, Демешъ Демяновичъ а Войтехъ Олехъновичъ, жалуючы о томъ, штожъ дей дворанинъ нашъ Илкговъский, з росказанья нашого помераючы на волоки кгрунъту волости нашое Слонимское, вымерывъшы, земли села ихъ Листовъницкого прымучылъ и упустилъ у третее поле селу Чемеровичъкому и далъ имъ в томъ селе волокъ 10 вольныхъ на служъбу служъковскую на пят коней, с которых дей они подлугъ уставы нашое, имъ через него даное, они чергами з листы нашыми и врадовыми такъже с пенезьми доходовыми и где имъ в потребахъ нашыхъ бываетъ росказывано ездити повинни, в ынъшыхъ дей некоторыхъ повинъностей, ани подачокъ на насъ господара и на старосту тамошнего давати не маютъ, якожъ постановенья Анъдрея Илкговъского и листъ его перед нами оказывали». Староста и его врядники, не соблюдая «уставы» государевой, «новинъ имъ в томъ уводятъ и пожорновъщыны на нихъ правятъ». Король исполняетъ челобитье своихъ бояръ и приказываетъ, разслѣдовавъ дѣло, соблюдать права ихъ. Ibidem. Л. 44 об.—45 об. Дата: Люблинъ, 17 іюня 1569 года.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{57}$ л. 102 об.—104. («Лист кухаром двора Красницького, которым за отъмену кгрунтов их по две волоки имъ дано и под прысудъ двора Красницкого их прыдано»).

ужывати ему не забороняль» [1]). Само собою разумѣется, что, если изъ земель державы жалуются королемъ земли, то этимъ нарушаются права державцы на пользованіе всею совокупностью его державы. Если такое пожалованіе дѣлается, оно требуетъ, конечно, обезпеченія правъ державцы, которыя нарушаются имъ. Листомъ, даннымъ въ Краковѣ 10 мая 1574 года [2]), Генрихъ Валезій пожаловалъ три сельца (Коркенята, Мелники и Мойсичи) и Банишскій застѣнокъ со всѣмъ, что къ нимъ принадлежитъ, Азрубалю Цыприскому и его женѣ «в держане и уживанье». Эти «кгрунты» лежатъ въ державѣ Трабской, принадлежащей Берестейскому кашталяну, пану Яну Гайку. Поэтому король говоритъ въ своемъ листѣ, обращаясь къ этому послѣднему: «а ижъ тм., пане кашталяне, на державу Трабскую отъ короля его милости продка нашого право доживотное маешъ, тогды жедаемъ, абыс, то тм. для ласки нашое господаръское чинечи, верху описаные три сельца, Коркеняты, Мельники и Моисечи з людми, в оныхъ селахъ оселыми, и зо всими ихъ кгрунты и пожитки, такъже и застенокъ Банишский Азърубалю Цыприскому безъ всякого затрудненья поступилъ и тому дворенину нашому, его в то все увезати допустивши, Азърубалю в держанью и въживаню ихъ переказы никоторое не чинилъ, але его при том всемъ водлугъ привилю нашого господаръского, ему и жоне его отъ насъ даного, спокойне заховал. А мы тм., симъ листомъ нашимъ варуемъ и упевняемъ, ижъ то праву твоей милости, которое на державу Трабскую маешъ, ничого шкодити не будеть».

Кромѣ административно-хозяйственной власти державца имѣлъ въ предѣлахъ своей державы и власть судебную. Такъ напримѣръ, въ привилеѣ, данномъ Генрихомъ Валезіемъ 2 мая 1574 года маршалку государеву, земскому судьѣ Новгородскому, пану Мальхеру Зыгмунтовичу Сновскому на державу Куренецкую, читаемъ, что Сновскій, его жена и потомки будутъ не только держать эту державу до уплаты имъ скарбомъ долга, но и «бояр, мещанъ, слугъ путныхъ и всихъ подданыхъ тамошънихъ судити и рядити, справедливость з нихъ чинити и винъныхъ винами подлугъ уставы карати» [3]). Королевскіе подданные разныхъ спеціальныхъ видовъ должны находиться «завжды в присуде и послушеньстве державец»

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 6—6 об. [2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 119 об.—120.

[3]) Ibidem. Л. 54.

тѣхъ дворовъ, къ которымъ они были приписаны [1]). Такимъ образомъ нешляхетскіе обыватели, жившіе въ предѣлахъ державы, подлежатъ суду мѣстнаго державцы. Исключеніе изъ этого правила—мѣщане городовъ «упривильеваныхъ», получившихъ свой собственный судъ и самоуправленіе въ силу привилея судиться и управляться Нѣмецкимъ правомъ. Шляхта имѣла свой судъ государственнаго значенія, свободная отъ этого феодальнаго суда державцевъ. Но и тутъ было исключеніе. Шляхта спадковыхъ имѣній, т.-е. имѣній, перешедшихъ къ королю въ качествѣ выморочныхъ [2]), судилась старостами и державцами, и Сигизмундъ Августъ отстоялъ это право своего «стола» на сеймахъ Литовскихъ кануна Люблинской Уніи, несмотря на желаніе шляхты его уничтожить [3]). Въ эпоху послѣ Уніи 1569 года право державцевъ судить шляхту спадковыхъ земель существовало попрежнему, если для освобожденія отъ него приходилось отдѣльнымъ шляхтичамъ подавать челобитья королю и испрашивать у него отдѣльные привилеи. Такой привилей, напримѣръ, получилъ земянинъ Семенъ Груша отъ Генриха Валезія 8 мая 1574 года, въ силу котораго онъ освобождался по своему имѣнію Бокшишкамъ отъ присуда державцы Трабскаго [4]) и поддавался повѣтовому уряду Ошменскому [5]).

---

[1]) Такъ гласитъ, напримѣръ, привилей Генриха Валезія, данный кухару Ручню и его братаничу на четыре волоки въ Олитской волости. Ibidem. Л. 104—105. (Дата: Краковъ, 12 мая 1574 года). Ср. также «Потверженье кухару кор. его милости Яну Радюку на две волоки в селе Родевичах и на прыданье третее волоки в оном же селе Родевичах Левоновское на службе кухарской». Ibidem. Л. 105—105 об. (Дата: Краковъ, 12 мая 1574 года). Также—«Лист Болтромею и Шимону Матеевичомъ на шест волокъ кухарскихъ у волости Красницкой». Ibidem. Л. 99 об.—100.

[2]) Спадокъ—наслѣдство.

[3]) См. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 770, 771.

[4]) Трабы—вотчина князей Трабскихъ, перешедшая по наслѣдству пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду и затѣмъ, по прекращеніи рода Гаштольдовъ, доставшаяся королю. Ср. *М. К. Любавскій*. Областное дѣленіе и пр. Стр. 115, 116.

[5]) «Генърикъ Божю милостью корол. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Поведилъ перед нами земенин нашъ Семенъ Груша о томъ, ижъ онъ держить под собою именейце купленое Стетьковское, прозываючое Бокшишъки, недалеко державы нашое Трабъское над рекою Якунею лежачое, с которого именья державцы наши Трабъские его ку повинъностямъ и присудомъ двора Трабъского примушають и немалые трудности о то, жебы онъ зъ оного именейца, вышей менованого, уряду Трабского послушенъ былъ, ему задають. И билъ намъ чоломъ, ижъ быхмо его с тымъ именейцомъ, вышей менова-

Если мы подведемъ итогъ подъ всѣмъ, что было приведено нами для характеристики державцы и державы, то должны будемъ сказать, что державы представляли изъ себя административно-судебно-хозяйственные округи, различныхъ размѣровъ, находящіеся въ завѣдываніи назначенныхъ королемъ и подчиненныхъ ему и скарбу земскому державцевъ. Староства и державы, какъ административно-хозяйственные округи, противополагаются источниками имѣніямъ частно-владѣльческимъ, бывшимъ такими же округами, только принадлежащими не королю, а частнымъ лицамъ. «Яко в староствахъ и державахъ нашихъ, такъ в ыменьяхъ князьскихъ, паньскихъ, земяньскихъ и духовныхъ», читаемъ въ одномъ королевскомъ листѣ 1574 года [1]).

Переходя къ изображенію положенія въ Княжествѣ старостъ судовыхъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что эти послѣд-

---

нымъ, до повету Ошменьского, где иньшие обыватели великого князства Литовского, коло Ошьмены оселости свои маючие, належать, привернули и ровное вольности з ыньшими обывательми оного повету Ошьменьского ему вживати допустили. Якожъ некоторые панове-рада наши о то насъ за нимъ у причине жедали. А такъ мы, яко вшелякихъ вольностей и свобод подданымъ нашимъ стану шляхетъского ради узычаемъ, так и въ томъ прозбу его слушную видечы, з ласки нашое господаръское вышей менованого Семена Грушу, малъжонку, дети и потомки его з ыменейцомъ его Бокъшишъками и зо всякими кгрунъты, которые онъ при державе Трабъской ку оному именью Бокъшишкомъ держить, с присуду и въсякого послушеньства з державы нашое Трабъское вынявши и вольнымъ его учинивши (л. 69 об.), до свобод, вольности, вряду и судовъ кгродскихъ, земскихъ и под хоругов повету Ошменьского прилучаемъ такъ, ижъ вже преречоный Семенъ Груша, малъжонка, дети и потомки его жадного послушеньства и повинъности до вряду Трабъского з ыменейца своего Бокъшишокъ и зо всихъ кгрунътовъ, которые ку тому именейцу належать, чинити повинъни не будуть, але всякие справы свои, хто бы што до него, абы онъ до кого мелъ, перед врядомъ повету Ошменьского отъправовати и служъбу земскую военъную под хоруговъю оногожъ повету служити маютъ вечными часы, уживаючи зъ онымъ именейцомъ всякое вольности и свебод (sic), яко иньшие обыватели, шляхъта великого князства Литовского волности и свобод своихъ уживають, якожъ каштеляну (написано—кашеляну) Берестейскому, державцы Трабъскому, пану Яну Гайку и напотомъ будучимъ державцамъ Трабскимъ приказуемъ, ижъбы Семена Груши ку жадным повинъностямъ и под послушеньство вряду Трабского не притегали и никоторое трудности имъ о то вечне не задавали. И на то есмо Семену Груши дали сес нашъ листъ, подписавши его властною рукою нашою, до которого на твердость и печать нашу привесити казали». Ibidem. Л. 69—70. Дата: Краковъ, 8 мая 1574 года.

[1]) «Волность жидом Пинскимъ на шест год в некоторыхъ поборехъ и о податках з нихъ». Ibidem. Л. 63 об.—65 об. Дата: Краковъ, 20 апрѣля 1574 года.

ніе соединяли въ своемъ лицѣ два значенія: во-первыхъ, значеніе простого старосты-державцы и, во-вторыхъ, значеніе повѣтоваго вряда. Какъ державцы, судовые старосты вѣдали хозяйство столовыхъ земель, замковъ и дворовъ королевскихъ, судили подлежащихъ суду державцы ихъ обитателей и управляли ими. Въ качествѣ судоваго старосты, какъ таковаго, они вѣдали администрацію и гродскій судъ всего повѣта, а не только столовыхъ земель королевскихъ. Являясь въ качествѣ державцы староства врядникомъ скарбоваго хозяйства съ феодальнымъ характеромъ управленія своею державою, судовый староста былъ въ то же время врядникомъ съ чертами государственнаго должностного лица. Первое значеніе онъ имѣлъ въ предѣлахъ той части повѣта, которая составляла староство-державу, второе—во всѣхъ остальныхъ земляхъ, лежащихъ въ чертѣ повѣта. Судовыя староства были слѣдующія: Ошменское, Вилькомірское, Браславское, Лидское, Городенское, Ковенское, Упитское, Слонимское, Волковыйское, Оршанское, Пинское, Мозырское, Рѣчицкое [1]). Но кромѣ старостъ въ этихъ нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ Литовскихъ старосты судовые существовали и въ трехъ воеводскихъ повѣтахъ, а именно Берестейскомъ, Мстиславскомъ и Минскомъ, воеводы которыхъ не имѣли въ нихъ правъ и значенія судовыхъ старостъ, каковыя имѣли остальные воеводы Княжества въ центральныхъ повѣтахъ своихъ воеводствъ [2]). Намъ не нужно говорить о значеніи судовыхъ старостъ, какъ державцевъ столовыхъ земель, такъ какъ дѣлать это значило бы повторять снова, только что изложенное нами. Мы должны остановиться теперь лишь на дѣятельности судовыхъ старостъ, какъ повѣтовыхъ врядниковъ. Дѣятельность эта была двоякая: судебная и административная. Суду воеводъ и старостъ судовыхъ подлежали слѣдующія дѣла: 1) «о наѣздъ кгвалтовный на домы шляхецкіе», 2) «кгвалтъ въ мѣстехъ» королевскихъ, 3) «о пожогу и разбои по дорогахъ», 4) «о квал-

---

[1]) Перечень Литовскихъ повѣтовъ см. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 352, 353. Также *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. Стр. 226—232. Мозырскій повѣтъ послѣ Уніи 1569 года отошелъ отъ воеводства Кіевскаго, перешедшаго къ Коронѣ, къ Минскому воеводству, оставшемуся въ составѣ Княжества. См. Трибуналъ об. в. кн. Лит., стр. 11. (Временникъ XXV). Ср. также. *M. Baliński i T. Lipiński*. Starożytna Polska pod względem Historycznym, Ieograficznym i Statystyczym. T. III. Warszawa. 1846. Str. 834—845. (Минское воеводство—str. 811—850).

[2]) Подробно объ этомъ въ III-ей главѣ на страницахъ, говорящихъ о воеводахъ Княжества.

товане паненъ и невѣстъ», 5) «о злодѣйство», 6) «о фалшъ», 7) «о голову шляхецкую»[1]). Староста судовый, какъ и простой державца рѣдко бываетъ на своемъ урядѣ. Обыкновенно его обязанности исполняетъ его намѣстникъ. Для суда староста долженъ, кромѣ того, присоединить къ нему еще особыхъ своихъ врядниковъ. Эти врядники — судья замковый и писарь. Судьею тзамковымъ долженъ назначать староста «человѣка доброго, шляхтича въ томъ же повѣтѣ осѣлого, прысяглого», и этотъ послѣдній «уставичнѣ повиненъ будеть посполу зъ урядомъ замковымъ судити и справовати вси речы судовые, которые замку, або вряду нашому приналежати будуть», гласитъ статутъ отъ королевскаго имени. Какъ намѣстникъ, такъ судья замковый и писарь назначены самимъ старостою, являются врядниками, получившими власть отъ него, а потому и жалобы на ихъ судовыя рѣшенія подаются старостѣ и только въ случаѣ, если онъ откажется разсмотрѣть дѣло, или самъ несправедливо пересмотритъ его, подается апелляціонная жалоба государю[2]). На свой судъ староста вызываетъ своею повѣсткою, «позвомъ». Если онъ отсутствуетъ и судитъ «в небытности» его, его намѣстникъ подстароста, этотъ послѣдній посылаетъ и судовую повѣстку. Позовъ везетъ возный повѣтовый, который и передаетъ его по назначенію[3]). Подчиненное свое положеніе подстароста иногда обозначаетъ и въ книгахъ замковаго, гродскаго суда. «На вряде господарскомъ кгродскомъ Упитскомъ, передо мною Станиславомъ Нининскимъ—подстаростимъ Упитскимъ, будучимъ отъ вельможного пана его милости, пана Яна Глебовича — подскарбего земъского великого князства Литовского, старосты Упитъского, пана моего милостивого», читаемъ не разъ въ Упитскихъ гродскихъ книгахъ конца XVI столѣтія[4]). Это же назначеніе отъ старосты подчеркивается иногда Упитскими книгами и для судьи и писаря замковыхъ[5]). Книги гродскихъ судовъ являются интереснѣйшимъ источникомъ для изученія строя Литовскаго общества, а также и его культур-

---

[1]) II ст. IV. 20. Въ текстѣ статута стоитъ: «воеводове, старостове и державцы нашы». Конечно, это недосмотръ редакторовъ статута 1566 года, такъ какъ тутъ буквально выписаны изъ I-го статута эти слова (ср., нпр., I стр, VI. 3), причемъ упустили изъ виду, что уже съ Бѣльскаго привилея 1564 года судъ въ Литвѣ былъ кореннымъ образомъ преобразованъ въ его принципахъ и основаніяхъ.

[2]) II ст. IV. 21. [3]) Нпр. А. Вил. XXVI. № 157, (1585 г.).

[4]) А. Вил. XXVI. №№ 4, 24 др. [5]) А. Вил. XXVI. № 14 и др.

наго состоянія. Преступленія, жалобы, заявленія, гражданскія сдѣлки вносились въ книги этихъ судовъ, причемъ даже записи, подлежащія внесенію въ книги земскихъ судовъ, вносились иногда съ разрѣшенія закона [1]) въ гродскія книги. Дѣло въ томъ, что сессіи судовъ земскихъ отбывались лишь три раза въ годъ въ то время, какъ «рочки» гродскіе—въ началѣ каждаго мѣсяца. Не всегда было возможно заинтересованнымъ лицамъ ожидать земскихъ роковъ, и они пользовались нерѣдко гродскими книгами для внесенія своихъ документовъ перенося потомъ гродскія выписи въ книги земскаго суда [2]). Въ гродскій судъ обращаются со своими дѣлами и заявленіями не только шляхтичи, но и государевы подданные [3]) и мѣщане [4]), и источники очень хорошо знаютъ случаи перевода домовъ, находящихся въ городахъ, владѣвшихъ Магдебургскимъ правомъ изъ присуда мѣстскаго въ присудъ замковый [5]) Апелляціонныя жалобы на рѣшеніе старосты подавались королю [6]), а съ учрежденіемъ трибунала—въ это судилище [7]).

Рядомъ съ судебною властью въ предѣлахъ своего повѣта судовый староста держалъ въ своихъ рукахъ и повѣтовую администрацію. Стоя во главѣ послѣдней, онъ прежде всего обязанъ озабочиваться опубликованіемъ королевскихъ универсаловъ. Въ

---

[1]) III ст. IV. 100. [2]) См. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 290.

[3]) Нпр., А. Вил. XXVI. № 19.

[4]) Такъ «на враде его кр. мл. замку Слонимского передо мною Иваном Черленковским, столником Браславским, на тот час от его мл. пана Виленского пана Остафъя Воловича, моего милостивого пана, подстаростим Слонимским, постановившисе очевисто мещане господарские Слонимские на име...» 6 человѣкъ «а подданые господарские з Миткович.....» 4 человѣка, «которые вси мещане одностайне тыми словы сознали, иж чули есмо, што его мл. панъ Янъ Кунцович, подкоморий Новгородский, винует Томаша Петровича, яко бы мел его быт отчичом, а так мы того сведомы, што тот Туманъ Петрович, живши у Молчади за плебаном и пришол сезде до Слонима з жоною своею и дети сплодил у Слониме и вже тому вотъ болшей год петнадцать, як у Слониме живетъ доброволне а нихто ему не ....» (дальше истлѣло). Документъ датированъ 10 мая 1586 года. Вил. Центр. Архивъ. № 7866 (Слонимскаго Гродскаго суда). Л. 417 об.

[5]) Нпр., «привилей Антонему Влоху муляру на вызволене дому его на передместю Виленском от присуду местского под присуд замковый». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 17, 17 об. Дата: Городно, іюня 4. 1568 года.

[6]) II ст. IV. 21.

[7]) Трибуналъ обывателямъ в. кн. Лит. Стр. 7, 8. Временникъ. Кн. 25. М. 1857.

числѣ документовъ «справы соймовой року 1571» [1]), напримѣръ, находится и листъ «до старост поветовых о ознаймене листов соймовыхъ тым обычаемъ» [2]). Въ немъ стоитъ такое королевское приказаніе каждому повѣтовому старостѣ, или его подстаростѣ: «аж бы еси оный листъ нашъ о зложенью сойму вального и соймиковъ поветовыхъ тогожъ часу, скоро тобе сесь нашъ листъ дан будеть, в месте (имя) и в ыныхъ местечкахъ (имена) пры костелехъ и на торгохъ объволати велелъ и, копею з него списавши, до именей пановъ-радъ нашихъ ихъ милости также княжат, панятъ и врадниковъ земъскихъ и дворныхъ, в ономъ повете лежачихъ, черезъ возныхъ розослалъ, а потомъ тотъ листъ нашъ на соймику тамошнемъ поветовомъ всимъ станом, которые ся тамъ зъедуть, оказалъ, иначей не чинечи конечно». Разумѣется, не одни только соймовые листы оглашались повѣтовыми старостами во всеобщее свѣдѣніе, а всякіе королевскіе универсалы, какого бы содержанія они ни были [3]). Кромѣ оглашенія листовъ

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 19 об. и сл.

[2]) Ibidem. Л. 37. Дата: Варшава, 1571 годъ.

[3]) Приводимъ для образца листъ «до повету Браславского о помкнене року, сойму назначоного, далей, о зложене послом на страву и отрочаючи вси справы судовые на иный часъ. Жикгимонт Августъ. Воеводе Мстиславъскому старосте Браславъскому пану Юрю Остику, а в небытьности его милости самого у Браславлю, ино подъстаростему его милости тамошнему. Посылаемъ в сем фастыкуле листы нашы отъвороные, писаные до князей, пановъ и всихъ становъ народу шляхетъского у повете Браславъскомъ,—одинъ о помкненье року сойму вальному, всимъ обывателемъ панъствъ нашихъ такъ коруны Польское, яко и великого князства Литовского се зде у Варшаве черезъ насъ господара зложоного, одным тыднемъ далей, то есть по великодню, святе тепер прышломъ, в трехъ неделяхъ, а другий о зложенье на страву посломъ тымъ, которые на тот соймъ с повету Браславъского будуть посланы, яко то все с тыхъ листовъ нашихъ ширей и достаточней твоя милость вырозумеешъ. Про то што бы твоя милость, пане воевода (л. 2 об.), а в небытности его милости самого у Браславлю, тобе, подъстаростий его милости тамошний, приказуемъ, ажъ бы еси оный нашъ листъ о помкнене сойму вального тогожъ часу, скоро тобе данъ будеть, в месте в Браславли и в ыныхъ местечкахъ того повету пры костелехъ и на торъгохъ обволати велелъ, а потомъ яко тотъ листъ, такъ и другий, о зложенье на страву посломъ писаный, на соймику тамошнемъ поветовымъ всимъ станомъ, которые ся на тотъ соймикъ зъедуть, оказати велелъ и сам до того з стороны своее ся причинилъ, яко бы, пословъ на съем до Варшевы выправившы, на страву имъ зложили, а то будет на сойме з памовъ спольныхъ осмотрено, отъколь потомъ посломъ земъскимъ на съемъ маеть быти опатрывано. А к тому пры тыхъ же листехъ посылаемъ особливый лист нашъ, писаный также до всихъ становъ того по-

королевскихъ на старостахъ лежали и другія административныя обязанности. По третьему статуту гродскіе вряды уступаютъ шляхтѣ мѣста для постройки домовъ для земскаго суда [1]) и отводятъ «особый домъ престронъный, где на судехъ заседати» [2]), если нѣтъ особаго дома земскаго суда. Статья статута, гласящая объ этой обязанности гродскаго уряда вышла изъ практики, бывшей послѣ изданія статута 1566 года. Въ самомъ дѣлѣ, источники хорошо знаютъ просьбы повѣтовыхъ обывателей къ королю о домѣ судовомъ, въ исполненіе которыхъ давались государемъ соотвѣтствующія распоряженія старостамъ. Такъ напримѣръ, на Торунскомъ сеймѣ 1576 года къ Стефану Баторію обратились «послы земские от всих обывателей с повету Упитского», посланные на сеймъ, и въ числѣ другихъ просьбъ повѣта вознесли къ королю такую просьбу: такъ какъ они «дому, гдебы на рокох земъскихъ судовых того повету на справах судовыхъ заседати мели, местца спокойного не мают», они просятъ короля, чтобы онъ приказалъ «пляц, на тотъ домъ удобный» въ Поневѣжѣ, мѣстечкѣ Упитскаго староства, «местце, на то годное в рынку обрати и вымерыти такъ много, якобы оный домъ сталъ». Король, конечно, исполнилъ просьбу Упитской шляхты и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе Упитскому старостѣ [3]).

Какъ исполнительная власть въ повѣтѣ, гродскій урядъ приводитъ въ исполненіе приговоры судовъ, отправляемые къ нему для исполненія. Въ его распоряженіи находятся для этого палачъ и тюремное помѣщеніе [4]). На непослушнаго приговору земскаго суда врядъ замковый долженъ собрать рушенье повѣта и вмѣстѣ съ повѣтовою шляхтою на такого преступника «ся рушыти» и силою привести въ исполненіе приговоръ земскаго суда. «А гдѣ бы еще повторе тотъ же за позваньемъ до кгроду а рамени и звирхности вряду нашого господарского спротивилсе», гласитъ статутъ [5]), о такомъ замковый урядъ сообщаетъ государю, «а мы

вету около отсроченья всихъ справъ, суду и выроку нашому господарьскому належачихъ, на часъ певный, то есть по великодню у трохъ неделяхъ, яко то вырозумеешъ достаточне с того листу нашого, который тежъ абы еси тогожъ часу кромъ всякого продлуженья в ономъ повете ку ведомости всимъ станомъ объволати и ознаймити велелъ и на соймику поветовомъ его имъ оказалъ. Писан у Варшеве». 24 января 1570 года. Ibidem. Л. 2 об., 3.

[1]) III ст. IV. 13. [2]) III ст. IV. 52.

[3]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{61}$ л. 24. Дата: Торунь, 14 декабря 1576 года.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 288. [5]) II ст. IV. 67.

Господаръ съ канцляреи нашое листы роскажемъ выдати по всему панству нашому Великому Князству Литовскому, и, за горло его поймавшы, съ права гдѣ ся въ томъ виненъ покажетъ, ничымъ иншымъ, только горломъ карати роскажемъ». Замковому же уряду подлежатъ дѣла «о квалтовное выбитье спокойного держанья» [1]), какъ и вообще охрана спокойствія и внутренней безопасности повѣта. Къ нему обращаются обыватели съ заявленіями, какъ объ оскорбленіяхъ и убыткахъ, имъ причиняемыхъ [2]), такъ и объ опасностяхъ, грозящихъ имъ отъ покушающихся на ихъ здоровье и благосостояніе личныхъ враговъ. Такъ, земянинъ господарскій Упитскій Бартломей Бартошевичъ Поезерскій заявилъ 6 августа 1585 года гродскому Упитскому вряду, что земянинъ того же повѣта Матей Авгуштыновичъ Довейко, «поткавши» его «в месте тутошнемъ Поневежскомъ, на рынку предъ домомъ мещанки Поневежское Бируковой, и тамъ на томъ местъцу отповедилъ и пофалъку на здоровье» его «учинилъ, похваляючися» его «самого з детьми, з челедью и с поддаными самыхъ смертью з сего света позбавити, достатки, маетности и весь спрятъ домовый до щатку знищить» [3]). Замковый урядъ имѣлъ, однако, далеко не всегда возможность предупредить ту, или другую опасность, грозящую обывателю отъ враждебныхъ ему лицъ, такъ какъ достаточныхъ для этого средствъ не было въ его распоряженіи. Хотя и были приписаны къ замку, или двору государеву, находившемуся въ центрѣ повѣта, бояре и слуги различнаго вида и назначенія [4]), но акты молчатъ объ участіи ихъ въ несеніи полицейскихъ обязанностей въ повѣтѣ. Органомъ, несшимъ эти обязанности былъ возный, а число возныхъ въ повѣтѣ весьма ограничено, ихъ бывало обыкновенно человѣкъ пять [5]). Ясное дѣло, что они не могли являться фактическою силою, да и сопротивленіе имъ хорошо знаютъ акты Литовскихъ судовъ [6]). Мы видѣли выше, статутъ 1566 года постановлялъ повѣтовое рушенье противъ неповинующихся вряду. Въ «поправы» 1578 года

[1]) II ст. IV. 69.

[2]) Нпр., А. Вил. XXVI. №№ 12, 13, 17, 18, 21, 22 и др.

[3]) Ibidem. № 25.

[4]) Въ числѣ слугъ при замкѣ встрѣчаются и духовныя лица. См., нпр., «привилей протопопе Могилевскому Ивану и брату его Саспну Захариничом на некоторие кгрунты у волости Могилевской правом ленным». Лит. Метр. I A 49 л. 15, 15 об. Дата: Городна, 1 мая 1568 года.

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 272, 273. [6]) Ibidem. Стр. 289.

внесено измѣненіе этого постановленія въ томъ смыслѣ, что «отъ того часу рушеня съ повѣту для отъправы речей сужоныхъ быти не маетъ»; предписывается вряду земскому и гродскому (смотря по тому, который изъ этихъ врядовъ постановилъ приговоръ) съ вознымъ и двумя шляхтичами «вмѣсто рушеня всего повѣту» отправиться «до именя оного противного вряду», и именно «до той части, въ которую подъ тымъ часомъ презыскъ правный сторонѣ поводовой дорогу покажеть». Если владѣлецъ имѣнія, подлежащаго этому дѣйствію вряда, ему воспротивится и «увязаня» не допуститъ, «таковаго противника праву и вряду» государеву должна «сторона поводовая» вызвать «манъдатомъ» на судъ королевскій [1]).

Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ совмѣщеніе урядовъ и державъ. Судовыя староства отдавались лицамъ, выдающимся по своему положенію въ Княжествѣ, и, конечно, занятыя дѣлами по другимъ своимъ врядамъ, а также и по своимъ обширнымъ частнымъ имѣніямъ, они не имѣли возможности лично нести свои обязанности главы повѣтовой администраціи и замковаго суда. Какъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, лично исполнять обязанности Ковенскаго старосты Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, если онъ былъ въ то же время Виленскимъ кашталяномъ, старостою Жомоитскимъ, земскимъ Литовскимъ маршалкомъ, администраторомъ и гетманомъ Лифляндскимъ, державцею Плотельскимъ и Тельшовскимъ [2]) и, сверхъ того, владѣльцемъ обширныхъ частныхъ своихъ имѣній; или Николай Юрьевичъ Радивилъ [3]), совмѣщавшій съ Литовскимъ канцлерствомъ и гетманствомъ цѣлыхъ три судебно-административныхъ старостинскихъ уряда—воеводы Виленскаго и старостъ Ошменскаго и Лидскаго, замѣтимъ при этомъ, повѣтовъ, принадлежавшихъ къ тому же Виленскому воеводству? [4]). Конечно, занятые другими своими дѣлами, они управляли своими повѣтами черезъ подстаростъ, намѣстниковъ. Листы королевскіе, отправляемые по дѣламъ староства обращаются обыкновенно не только къ старостѣ, но и къ его «подстаростему» на случай «небытности» самого старосты въ повѣтѣ [5]).

---

[1]) Временникъ. XXIII. Стр. 207, 208. [2]) Нпр., А. З. Р. III. № 62.

[3]) Нпр. А. З. Р. III. № 82. Ср. *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 150.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 352, 353, прим. 4. Списокъ Ошменскихъ старостъ см. Powiat Oszmiański. Materiały do dziejów ziemi i ludzi. Zebrał i wydał *Czesław ankowski*. Część pierwsza. Petersburg. 1896. Str. 28, 29.

[5]) Примѣры см. выше.

Особую группу въ ряду старостъ и державцевъ Княжества составляли лѣсничіе. Привилеи на лѣсничество [1]) отдаютъ подъ справу

[1]) Приводимъ образецъ такого привилея. «Привилей князю Ивану Полубенскому на лесницьтво Слонимъское. Стефанъ Божью милостью король Полский... Ознаймуемъ симъ нашымъ листомъ, ижъ мовилъ намъ панъ Виленъский, староста Жомоитский, маршалокъ земский великого князства Литовского, администратор и гетманъ земли Ифлянтское, староста Ковенъский, державца Тельшовский, панъ Янъ Иронимович Ходъкевича, залецаючы службы ротмистра нашого князя Ивана Полубенского, которые онъ зъ себе показовалъ за щасливого панованья светобливое и славное памети короля его милости Жикгимонта Августа продка нашого, в земли Ифлянтъской ведучы роты от немалого часу накладомъ и коштомъ немалымъ своимъ власным, кгдыжь его заплата не завше доходила и до тыхъ часовъ не дошла, а тамъ з непрыятельскими войски частокроть поторъжьки мевать, замки непрыятельские убегаючы, вязни водилъ, не литуючы розлитья крви своее на службахъ его королевское милости и речи посполитое черезъ кольконадцать летъ, и жедалъ насъ его милость, абысмо на знакъ нагороды якое з ласки нашое господарское лесницъствомъ Слонимъскимъ князя Полубенского осмотрели, которое теперъ вакуеть по зештью зъ сего света небожчика Дмитра Сапеги. А такъ мы господарь, уважаючы жаданье его милости пана Виленъского и маючы бачность на таковые службы князя Полубеньского, тым лесницъствомъ Слонимскимъ его пожаловавшы, дали есмо и симъ листомъ нашимъ ему даемъ до живота его. Маеть княз Иванъ Полубенский тое лесницъство Слонимское все огуломъ, нероздельне, зо всими стрельцами и осочниками, селы и людми, осочники и бобровники, полазники держати и всее пущы кгранииц старовечныхъ абы в своей власности зоставили, догледаючы до живота своего, албо до болшого и пожыточнейшого опатренья нашого господарского и перестерегаючы пожитковъ нашыхъ господарьских яко въ зверу, такъ тежъ в бортяхъ, в озерах, в сеножатехъ, в бобровыхъ гонахъ, а звлаща в лесныхъ роботахъ, если быхмо коли робити в тыхъ пущахъ наших казали, яко бы ниякая шкода намъ господару и скарбу нашому не была. С чого княз Полубенский повиненъ будеть в скарбе нашомъ личбу чынити зо всихъ тыхъ доходовъ, которые с того лесництва водле реестровъ ревизорскихъ до скарбу нашого належать, а фольваркъ, на лесництво даный отъ его кр. милости даный (sic) пана зошлого продъка нашого, люди и села, а меновите село Борокъ ку роботе того фольварку и то, што-кольвекъ на лесничого здавна на реестрах ревизорскихъ описано, маеть княз Полубенский, на себе держачы, ужывати, а с того жадное личьбы в скарбе нашомъ не чынити, во всемъ потому тое лесницъство Слонимское держачи, яко небощикъ Дмитрей Сапега держалъ. Писанъ у Варъшаве» 8 іюля 1576 года. «Подписъ руки господарское». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 45—46. Пожизненное пожалованіе лѣсничествъ встрѣчаемъ также въ листѣ, данномъ подкоморію Жомоитскому Николаю Станкевичу, озаглавленномъ такъ: «лист пану Станькевичу, на лесництва Вилкейское, Юрборъское и Скерстомоньское даный». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 76 об.—77 об. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

лѣсничія весь его округъ, все «огуломъ», со всѣми селами и крестьянскимъ населеніемъ различнаго назначенія, живущимъ въ его границахъ. Лѣсничій обязанъ заботиться о томъ, чтобы государю и скарбу не было никакого ущерба въ предѣлахъ ввѣреннаго ему лѣсничества, ни въ звѣрѣ, ни въ бортяхъ, ни въ озерахъ, сѣножатяхъ и бобровыхъ гонахъ, ни во всякихъ лѣсныхъ работахъ Пожалованія лѣсничествами дѣлались какъ пожизненно или вплоть до новаго, высшаго и лучшаго пожалованія [1]), такъ и «до воли и ласки господаръское» [2]). Лѣсничіе по своимъ врядамъ являлись органами, подчиненными ловчію, какъ высшему уряднику, вѣдавшему господарскую охоту и все, къ ней относящееся [3]). Какъ врядники, охраняющіе лѣса и завѣдующіе ими, лѣсничіе обязаны были хлопотать объ интересахъ королевской охоты. Они, основываясь на наблюденіяхъ осочниковъ, составляютъ списки мѣстъ для облавъ на потѣху государеву [4]). Но и помимо хлопотъ о государевой охотѣ дѣла у лѣсничія было не мало по веденію хозяйства лѣсничества. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ охрана лѣса отъ расхищенія. «Устава на волоки» требуетъ, чтобы «лѣсничіе никому дерева стоячего на будованье, а ни на жадную рѣчь для пожитковъ своихъ давати не смѣли» подъ страхомъ строгаго наказанія. Только «лежачое дерево» они могутъ отдавать, но и то лишь государевымъ подданнымъ, «которые бы на волокахъ своихъ къ ихъ потребамъ лѣсу не мѣли» [5]). Хозяйство пущъ государевыхъ требовало, чтобы были врядники, вѣдающіе его на самомъ мѣстѣ, и этими врядниками являлись лѣсничіе. Частновладѣльческія пущи также имѣли своихъ панскихъ лѣсничихъ [6]). Вѣдая ту часть пущи, которая составляетъ его лѣсничество, лѣсничій «заводитъ и подаетъ» обрубы лѣсу, если они жалуются кому-нибудь государемъ или если приказывается ему это сдѣлать отъ его началь-

---

[1]) Нпр., только что приведенный привилей кн. Ив. Полубенскому.

[2]) Нпр., «привилей Юрю Кгродзинскому на лесництво Переломское до воли и ласки господаръское». Дата: Тыкотинъ, 18 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 52, 52 об.

[3]) См. ниже—о врядѣ ловчія. [4]) Также.

[5]) А. З. Р. III. № 19. I. 57.

[6]) Ср. Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ съ присовокупленіемъ грамотъ и привилегій на входы въ пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговскимъ Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ въ 1559 году. Вильна. 1867. Стр. 54 (земянинъ Городенскій, лѣсничій пана Миколая Андрушевича).

ника—ловчія. Такъ, Смоленскій воевода и ловчій Литовскій, панъ Григорій Воловичъ, заботясь о доходахъ государевыхъ, отдалъ земянину Городенскаго повѣта Ивану Григорьевичу Святскому «обърубъ лесу проробками врочицомъ Линъкупяньскимъ, в которомъ, кгды се розърoбишь, естъ кгрунъту среднего волокъ 20». Этотъ обрубъ Воловичъ Святскому, по словамъ документа, «до ласки нашое господаръское в держанье и въживанье далъ на служъбе земской военъной». Далѣе читаемъ: «якожъ вже тотъ обрубъ Ивану Святъскому черезъ державъцу Бержницъкого и Перстуньского, а на онъ час бывшого лесничого Олитского и Немоноитского, Григоря Масальского естъ заведенъ и поданъ». У Святскаго были два листа въ доказательство правъ его на пожалованный ему обрубъ—«одинъ пана воеводы Смоленьского, а другий Григоря Масальского» [1]).

Лѣсничій завѣдывалъ своимъ лѣсничествомъ съ тѣми же правами, какъ и обыкновенный державца. Онъ охраняетъ земли лѣсничества, и акты хорошо знаютъ процессы лѣсничихъ съ владѣльцами сосѣднихъ имѣній изъ-за земель пограничныхъ [2]). Въ числѣ способовъ эксплоатаціи лѣсныхъ угодій видное мѣсто занимаетъ «розробка лѣсу», обращеніе его въ пашню. При обиліи лѣсовъ вырубка части ихъ съ обращеніемъ очищенной отъ деревьевъ земли подъ пашню представляла очень большую выгоду для господарскаго хозяйства. Поэтому съ заботою врядниковъ объ этой «розробкѣ лѣсу» часто встрѣчаемся въ актовомъ матеріалѣ, оставшемся отъ эпохи. Мы видѣли выше, какъ воевода Смоленскій и ловчій Литовскій панъ Григорій Воловичъ отдалъ

---

[1]) «Лист Ивану Святъскому на волокъ двадцать в лесницстве Немоноитъскомъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 88 об.—89 об. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

[2]) Такъ въ документѣ, озаглавленномъ „потверженье пану Копътю на кгрунъты именя его Верховицъкого“, читаемъ: „Генърикъ Божю милостью корол Полский... Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всимъ посполите и кожъдому зособна, нинешнимъ и потомъ будучимъ. Поведилъ перед нами дворанинъ нашъ панъ Василей Копоть, ижъ король его милость Польский и великий князь Литовский славное памети Жикгимонтъ Август, предокъ нашъ, за частымъ отъ немалого часу ускаржаньемъ около безъправного забиранья кгрунтовъ и земль, такъже входовъ и иных пожитъковъ его властныхъ именья его Верховицъкого ку пущи короля его милости Беловезъской обаполъ реки Сыропы черезъ лесничого Беловезского небощика Ивана Ивановича Лядского...“ Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 89 об.—93. Дата: Краковъ, 16 мая 1574 года.

на службѣ военной 20 волокъ лѣсу земянину Ивану Святскому. Онъ это сдѣлалъ, «постерегаючи того, абы кгрунъты» государевы «в пусте не лежали, звлаща при границы Пруской в лесницстве Немоноитскомъ лесъ не розъробленый, который первей на обърубъ села Линъкупяновъ былъ назначонъ, где, ачъ некоторые подданые, оседши потроше проробливати его были почали, нижли в часы злые и лета голодные вси отътоль прочъ розешлися и только одинъ чоловекъ тамъ на огороде зосталъ, а иншие вси проробъки, што ихъ потроше ест, у пусте лежать и опят лесомъ заростати почали». Документъ прибавляетъ: «зачимъ с того на насъ господара пожитъку никоторого не было» [1]). Въ этомъ документѣ такимъ образомъ имѣемъ примѣръ опыта «розробки» участка лѣса сначала самимъ лѣсничествомъ, а потомъ передачи его въ руки частнаго лица въ надеждѣ на большую энергію и большій успѣхъ дѣла въ его рукахъ [2]). Конечно, рядомъ съ этимъ способомъ эксплоатаціи лѣсныхъ пространствъ, господарское хозяйство должно было знать и другіе способы ея: бортное дѣло, сѣнокосы, порубка строевого лѣса на продажу, «паленье попеловъ» и т. д.

Что касается доходовъ лѣсничихъ, то они были тѣже, что и обыкновенныхъ державцевъ. Такъ, въ листѣ, данномъ Генрихомъ Валезіемъ Яну Еронимовичу Ходкевичу на староство Ковенское, дворъ Румшишки и лѣсничества Дорсунишское и Бирштанское «зо всими осочъниками, стрельцами и с поддаными, на воляхъ в тыхъ лесницствахъ оселыми», которые онъ получилъ въ залогъ 6920 копъ грошей Литовскихъ, читаемъ, что Ходкевичъ будетъ всѣмъ этимъ владѣть, ничего не платя въ скарбъ изъ доходовъ этихъ земель до тѣхъ поръ, пока ему не будутъ выплачены королемъ, или его премниками всѣ 6920 копъ грошей. Документъ затѣмъ продолжаетъ: «а кгды его милость (sic) самому, альбо потомкомъ его тая сума пенезей з скарбу нашого дойдеть, на онъ часъ онъ, тое староство Ковеньское, двор

---

1) „Лист Ивану Святъскому на волокъ двадцать в лесницстве Немоноитъскомъ“. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 88 об.—89 об. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года. См. выше, стр. 303.

2) Въ данномъ случаѣ ловчій хлопоталъ не только о „пожиткѣ“ королевскомъ, но и о томъ, „нжъбы отъ людей Прускихъ, яко на границы в пущи нашой (т. е. государевой) тамошней шкоды не деяли се“. Ibidem. Л. 88 об.

Румъшишъки и лесницства Дорсунишъское и Бирштаньское и три села Олитские и Немоноитские в держанью своемъ до живота своего маючи, всякие платы и доходы з местъ, с фольварковъ и зъ селъ, вышей помененыхъ, до скарбу земского великого князства Литовского отъдавати и личъбу чинити повиненъ будеть. А самъ его милость только третий снопъ збожъя, десятый грошъ цынъшу и иншие доходы на старосты и державцы, у великомъ князстве постановленые, на выхованье и ку пожитъку своему брати маеть...» [1]). Такимъ образомъ доходы съ лѣсничествъ смѣшаны вмѣстѣ съ доходами староства и державы, слѣдовательно, ихъ характеръ и норма были одинаковы.

Теперь мы должны перейти къ знакомству съ державцами, носившими также особое названіе и имѣвшими свое спеціальное значеніе. Это тивуны земли Жомоитской. Въ спискѣ пановъ-радъ и врядниковъ [2]) эпохи Люблинской Уніи, находящемся въ девятой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской, находимъ слѣдующій списокъ тивуновъ Жомойти: 1) Шовдовскій, 2) Вешвенскій, 3) Ужвенскій, 4) Поюрскій, 5) Тверскій, 6) Ретовскій, 7) Ойрагольскій, 8) Берженскій, 9) Бержинянскій, 10) Дирвянскій, 11) Дирвянскій (вторично), 12) Гондынскій, 13) Коршовскій. Тивунствъ Дирвянскихъ было такимъ образомъ два. Одно изъ нихъ было тивунствомъ «Дирвянъ Болшых» [3]), другое «Дирвянъ Малыхъ» [4]). Иногда тивуны Жомоитскіе называются тивунами волостей; напри-

---

[1]) „Лист пану Виленьскому на Ковно". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 46—48. Дата: Краковъ, 20 апрѣля 1574 года.

[2]) „Тытулы пановъ-радъ их милости". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 160—163.

[3]) Нпр., „подкоморому Лидъскому, тивуну земли Жомоитской Дырвян Болших, пану Миколаю Олехновичу". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 4. Ср. также— „Каспору Криковичу на тивуньство в земли Жомоитской Дирвянъ Болшых". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 16 об.

[4]) А. Вил. XX. № 340 (1721 г.)—„ciwun M. Dyrwian". Вообще въ спискахъ тивуновъ встрѣчаемъ обыкновенно двухъ Дирвянскихъ. См. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 12 об., 24, 32, 36 об.—37, 38, 39 об., 54 об.—55, 55 об.—56, 56 об.—57, 58 об.—59, 64, 67 об., 81 об., 100 об., 126 об. Но иногда только одного: ibidem, л. 6, 22 об., 34—34 об., 42 об.—43, 52 об., 83, 112, 146 об. О Дирвянскихъ тивунствахъ ср. *Ѳ. И. Леонтовичъ*. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Спб. 1894. Стр. 51. Примѣчаніе 4.

мѣръ, тивунъ «волости Поюрское», «волости Берженское», «волости Тверское» и т. д. [1]). «В земли Жомоитской у волости тивуньства Ойракгольского»—читаемъ въ одномъ изъ документовъ 1574 года [2]).

Слово тивунъ въ древнѣйшемъ значеніи этого слова—домашній слуга, ключникъ [3]). Это значеніе оно сохраняло въ языкѣ Литовскихъ актовъ и въ позднѣйшее время. Въ самомъ дѣлѣ, тивунъ, какъ дворникъ, или завѣдующій дворомъ, или имѣніемъ частнаго лица,—явленіе совершенно обычное въ актахъ изслѣдуемаго періода [4]). Какъ ключники, завѣдывали тивуны и волостями государевыми, вѣдая ихъ хозяйство и администрацію, нераздѣльно соединенныя въ эпоху до середины XVI столѣтія. Съ теченіемъ времени тивуны замѣнились намѣстниками-державцами [5]), которые съ большею самостоятельностью и съ большимъ авторитетомъ взяли въ свои руки завѣдываніе дворами и волостями господарскими. Но въ Жомоитской землѣ тивуны остались со своимъ прежнимъ именемъ. Эта земля постоянно стремилась къ сохраненію своей старины. Это былъ принципъ, который Жмудь постоянно выдвигала въ своихъ заявленіяхъ, прося королей сохранить землю Жомоитскую въ ея «звыклыхъ обычаѣхъ стародавныхъ» [6]). Свое право требовать сохраненія своей старины безъ всякаго нарушенія ея господарями Жмудь основывала на томъ, что Жмудины «великимъ княземъ Литовскимъ сами добровольнѣ подъ панованье ся поддали, а не мечомъ, а ни кгвалтомъ до того притѣснены». Короли подтверждали права земли Жомоитской, но на примѣрѣ этихъ подтвержденій видимъ, какъ жизнь вносила разрушеніе въ королевскія присяги и какъ практика шла иногда въ разрѣзъ съ Жомоитскимъ принципомъ сохраненія старины. Въ самомъ дѣлѣ, реформы 60-хъ годовъ XVI сто-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 34, 34 об.

[2]) «Потьверженье листъ пана Кгротовского на три села у волости Ойракгольской». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 81—83 об. Дата: Краковъ, 15 мая 1574 года.

[3]) Ср. *В. И. Сергѣевичъ*: Русскія юридическія древности. Т. I. Спб. 1890. Стр. 351.

[4]) А. Вил. II. Стр. 7, 10 (1584 г.). А. Вил. XXVI. №№ 3 (1585) г.). 55 (1585 г.), 548 (1586 г.) и др. Ср. также А. Вил. VIII, стр. 557 (1603 г.).

[5]) См. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Л.-Р. гос. Passim.

[6]) А. З. Р. III. № 59.

лѣтія ввели въ Жомоитскую землю новыхъ врядниковъ—каштальяна, подкоморія, войскаго, а также судью, подсудка и писаря земскихъ, да и сами Жмудины стали хлопотать о замѣнѣ титула старосты титуломъ воеводы для главы своей земли [1]). Но нарушеніе стародавныхъ правъ земли Жомоитской совершалось и въ другихъ направленіяхъ. Всякіе вряды и «достоенства», тивунства, хоружества и державы, равно какъ и осѣлости въ силу правъ Жмуди не должны королемъ даваться никому, какъ только родичамъ земли Жомоитской, а между тѣмъ такія пожалованія, какъ увидимъ ниже на примѣрахъ, были явленіемъ совершенно обычнымъ. «Въ суммахъ пенезей» также заводились Жмудскія земли, хотя и это шло въ разрѣзъ съ правами Жомоитскими. Что касается до тивуновъ, то они въ чертахъ, характеризующихъ ихъ, сливаются съ державцами другихъ земель Княжества. Въ своемъ административномъ значеніи тивуны Жомоитскіе являлись врядниками, подчиненными Жомоитскому старостѣ. Въ самомъ дѣлѣ, староста Жомоитскій посылаетъ свои приказанія тивунамъ. Такъ, староста Жомоитскій Янъ Ходкевичъ «листъ свой до тивуна Коршовъского, князя Яна Боровского, писалъ, абы онъ в уряде своемъ» согласно королевской данинѣ выбралъ 35 волокъ осѣлыхъ и передалъ ихъ пану Криштофу Пирхлинскому. Исполняя приказаніе своего старосты, тивунъ Коршовскій эти волоки ему «завелъ и подалъ, на што и реестръ свой увяжчый далъ» [2]). Но если тивунъ получаетъ приказанія по передачѣ пожалованныхъ королемъ земель отъ своего старосты, то это вовсе не исключаетъ и непосредственныхъ съ нимъ сношеній по этимъ дѣламъ самого государя. Напримѣръ, жалуя ротмистру, князю Балтазару Лукомскому 15 волокъ въ тивунствѣ Ретовскомъ, Сигизмундъ Августъ 10 іюня 1569 года приказалъ Жомоитскому старостѣ, Яну Ходкевичу, чтобы онъ, «без всякого омешканья и проволоки пославши до тое волости «государевой» Ретовское служебника своего, петнадъцать волокъ земли, людми оселых, обрати и в то его увезати и в держанье скуточное ихъ ему подати

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 753. Ср. ibidem, стр. 330 примѣчаніе 60.

[2]) «Лист пана Пирхлиньского на трыдцат волокъ в земли Жомоитъской, в тивуньстве Коръшовском правом дожывотным самому и малжонце его». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 106—107. Дата: Краковъ, 7 мая 1574 года.

*

велелъ конечно» [1]). Но въ тотъ же день король подписалъ листъ и къ тивуну Ретовскому Марку Внучку, извѣщая его о сдѣланномъ пожалованіи въ его волости и объ отданномъ сейчасъ только приказаніи Ходкевичу. Обращаясь къ Внучку, король говоритъ: «а про то приказуемъ тобе, абы еси тому посланъцу его милости пана старосты Жомоитского оныхъ петнадъцати волокъ, людми оселыхъ, у волости Ретовской, через служебника его милости обраных, тому ротмистру нашому, князю Бальтазару Лукомскому, подавати и в то его увезывати не заборонялъ и по увезанью вже ся в тые люди ничимъ не вступалъ конечно, абы то инакъ не было» [2]).

Стоя во главѣ своего тивунства, какъ административнаго округа, тивунъ охраняетъ и имущество обывателей въ случаѣ смерти владѣльца [3]). Онъ же собираетъ, подобно обыкновеннымъ держав-

[1]) «Князю Балтазару Лукомскому на 15 волок въ земли Жомоитской, в тивунстве Ретовском вечностю». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 44 об.—45. Дата: Люблинъ, 10 іюня 1569 года.

[2]) «О том же лист князю Лукомскому до тивуна Ретовского пана Марка Внучка». Ibidem. Л. 45—45 об. Дата: Люблинъ, 10 іюня 1569 года.

[3]) «Листъ боярына Жомоитъского Юря Матеейтиса.—Жикгимонт Август. Старосте Жомоитъскому, маршалку земъскому великого князства Литовского, администратору и гетману земли Ифлянтское, старосте Ковенъскому, державъцы Плотелъскому и Тельшовъскому, пану Яну Ходкевичу. Билъ намъ чоломъ боярынъ земли Жомоитъское волости Тверское Юри Матеяйтис и поведилъ перед нами, ижъ в року 66-мъ з допущеня Божого дядки его, Войтехъ Дарскалайтис а Павелъ Павилайтисъ, поветреемъ вымерли, по которыхъ вся маетъность, такъ домы со всими кгрунъты на него правом прырожонымъ прышло и спало, нижъли дей тивунъ (л. 62) нашъ Тверский Анъдрей Илъковский по вымертью оныхъ бояр, дядковъ его, всю маетъность ихъ былъ з уряду тивунства своего запечаталъ. Которую маетъность, такъ теж домы со всими землями твоя милость тому Юрю Матеяйтису, близкому з найденья своего, взяти ему допустил и через посланъца своего Марътина Анъдреевича в то его увезалъ и подати ему велелъ, чого онъ будучы в спокойномъ держанью, о то насъ просылъ, абыхъмо его пры томъ увезанью посланъца твоей милости зоставили. Ино, кгдыжъ тотъ Юри Матияйтисъ самъ естъ боярын и оные змерлые дядки его бояре были и земли ихъ ревизор нашъ на волоки не мерылъ и до реистровъ скарбныхъ не вписалъ, твоя бы милость тому Юрю Матеяйтю такъ у земляхъ его властныхъ, яко и в тыхъ землях, што ему по тыхъ змерлыхъ бояр прывернути и подати велелъ, тивуну Тверскому Андрею Илькговъскому и потом будучымъ тивунамъ Тверскимъ в той земли отчызной и по дядкохъ его спалыми ничымъ уступовати не казалъ—нехай онъ тыхъ земль спокойне ужываеть, а намъ господару с того служъбу земъскую военъную служыть потому, яко здавна онъ самъ и тые близкие его служыли». Находится доку-

цамъ, государевы доходы съ земель волости тивунства. Когда 3 августа 1569 года Сигизмундъ Августъ пожаловалъ «хлебокоръмленьемъ» вернувшагося изъ Московскаго плѣна пана Лукаша Гарабурду, вознаградивъ его за его имущество, захваченное Москвою при завоеваніи замка и земель Полоцкихъ, онъ приказалъ пану Николаю Станкевичу Белевичу, бывшему Жомоитскимъ подкоморіемъ и тивуномъ Ойрагольскимъ, слѣдующее. Вмѣстѣ съ посланнымъ отъ короля дворяниномъ тивунъ Ойрагольскій долженъ выбрать въ своемъ тивунствѣ 40 осѣлыхъ волокъ и передать ихъ Гарабурдѣ. Тивунъ долженъ выдать ему и «листъ свой увяжъчый» на переданныя земли, «водле которого мы листу твоего увяжчого», говоритъ король, «то ему листомъ нашымъ господаръскимъ потвердити можемъ». Гарабурда, его жена, дѣти и потомки будутъ владѣть пожалованными волоками «с платы грошовыми, даньми медовыми, дяклы ръжаными, овъсяными и сенными и со всими пожитъки», идущими на государя и на его врядъ. Владѣніе это продолжится «до очыщенья именей его в земли Полоцкой». Далѣе грамота говоритъ тивуну: «а што бы платовъ и доходовъ нашыхъ господаръскихъ с тыхъ волокъ за теперешний рокъ 69-й прыходити мело, и ты бы с тыхъ волокъ, в которые его увяжешъ, тыхъ платовъ вжо на нас не бралъ, але ему вжо тые платы и доходу ку пожитъку его брати допустилъ, кгдыжъ онъ ничымъ на сес часъ з скарбу нашого опатронъ быти не могъ. И вжо бы еси в тые волоки и люди, и в пожитъки, з нихъ прыходячые, ничымъ ся не вступовалъ и заховалъ ся бы еси в томъ водлугъ сего росказанья и листу нашого конечъно» [1]. Подобно остальнымъ державцамъ, тивуны передаютъ кредиторамъ скарба земли, заложенныя имъ государемъ. Такъ, «тивуну въ земъли Жомоитъской волости Ретовское, пану Марку Внучъку, а в небытности самого Внучка в тивунстве Ретовскомъ, наместнику его тамошнему Ретовъскому» было приказано Сигизмундомъ Августомъ выбрать въ тивунствѣ 200 осѣлыхъ волокъ и передать ихъ Вой-

---

ментъ между актами 1569 года. «Подписъ руки господаръское. Лаврын Война, подскарбий дворный писар.». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 62—62 об.

[1]) «Листъ до пана Станкевича, ижбы восполок з дорaнином (sic) его кр. милости обрал у волости Ойракголской волокъ сорокъ, людми оселыхъ, и подал то пану Лукашу Гарабурде до очыщеня именей его в земли Полоцькой». Дата: Люблинъ, 3 авг. 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 65 об.—66 об.

теху Стабровскому, писарю людей служебныхъ, которому скарбъ долженъ 2425 копъ 32 гроша и 7 пенезей. Но можетъ случиться, что эта передача волокъ тивунства другому лицу окажется непріятною тивуну. На этотъ случай грамота ему предлагаетъ слѣдующее: «паклижъ бы еси въ той суме пенезей Стабровъскому двухъ сотъ волокъ поступити не хотячы, его сумы пенезей, 2425 копъ 32 грошы пенезей 7, отдати ся поднялъ, тогды мы господаръ тобе то позволяемъ; кгды тую суму пенезей Стабровскому заплатышъ и отдаси, тогды 200 волокъ, людми оселыхъ, в тивунъстве своемъ тымъ обычаемъ держати будешъ, якъ с тобою потомъ отъ нас господара постановене вчынено будеть» [1]). Стоя во главѣ тивунства и вѣдая его администрацію, тивунъ, естественно, собираетъ съ него и серебщизну, если послѣдняя наложена сеймомъ [2]).

Мы видѣли выше, что тивунъ собираетъ доходы, принадлежащіе въ его тивунствѣ государю. Но акты знаютъ и случаи пожалованія изъ этихъ доходовъ юргельтовъ, т.-е. денежныхъ жалованій, самому тивуну, который такимъ образомъ, сверхъ своихъ обыкновенныхъ доходовъ, какъ державцы-тивуна, получаетъ и нѣкоторую сумму изъ скарбовыхъ поступленій. Такъ, тотъ же Маркъ Внучко, тивунъ Ретовскій, имя котораго мы только что приводили, получилъ въ 1579 году сто копъ грошей ежегоднаго юргельта изъ поступленій въ скарбъ съ его тивунства [3]).

Кромѣ Жомоитскихъ тивуновъ, источники изслѣдуемаго времени знаютъ — Виленскаго и Троцкаго, т.-е. тивуновъ центральныхъ повѣтовъ двухъ старѣйшихъ воеводствъ Литовскихъ. Въ болѣе раннее время, въ началѣ XVI столѣтія, должность тивуновъ существовала не только въ Вильнѣ и Трокахъ, но и въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Городнѣ и т. д., какъ наслѣдіе удѣльной эпохи, уцѣлѣвшее и при намѣстникахъ и воеводахъ, замѣнившихъ удѣльныхъ

---

[1]) «Листъ Стабровского, до пана Внучка писаный, ижъбы ему в тивунстве своемъ в суме пенезей завел и поступил волок двесте». Дата: Люблинъ, 27 мая 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 33 об.—34 об.

[2]) См. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 13—14. («Тые листы тымъ обычаемъ писаны о серебщызну». Дата: Вильна, 14 іюля 1563 года). Также—ibidem, л. 25 об.—27. («Лист до тивуна Ужвентъского и Вешвенского о серебщызне». Дата: Вильна, 9 іюля 1563 года).

[3]) «Привилей пану Марку Внучку тивуну Ретовъскому на сто коп грошей в кождый год юркгелту с тивунства Ретовъского». Дата: Вильна, 13 іюня 1579 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 224 об. и сл.

князей [1]). Но съ теченіемъ времени эти тивунства исчезли совершенно, и только два изъ нихъ—Виленское и Троцкое—сохранились, продолжая существовать въ изслѣдуемую эпоху [2]). Какъ Виленскій, такъ и Троцкій тивуны имѣли въ своемъ завѣдываніи дворы и волости, составлявшіе ихъ тивунства [3]). Въ привилеѣ на тивунство и городничество Троцкое, данномъ Стефаномъ Баторіемъ дворянину королевскому Мартину Стравинскому [4]), читаемъ: «дали есмо пречечоному Марътину Стравинъскому врядъ тивунъство и городничое Троцъкое с фольварками, з людьми тяглыми и осадными, з озерами и зо всимъ потому, што ку тому враду здавна належить и прислухаеть, ни в чомъ его не зменъшиваючы». На первый взглядъ можетъ возникнуть вопросъ, къ которому изъ двухъ врядовъ, жалуемыхъ пану Стравинскому, принадлежатъ эти земли, но далѣе самъ документъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, относя ихъ именно къ тивунству, а не къ городничеству. Тотъ же документъ рисуетъ и картину довольно печальнаго положенія тивуна Троцкаго, такъ какъ значительная часть его владѣній отдана кредиторамъ скарба въ залогъ взятыхъ у нихъ денегъ. Правда, что пану Стравинскому разрѣшается выкупить эти земли у лицъ, которымъ онѣ «заведены», но, конечно, это не измѣняетъ печальной картины состоянія его тивунства [5]). Управляя землями

---

1) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и м. упр. Л.-Р. гос. Стр. 92.

2) См. списки тивуновъ у *Bonieckiego.* Poczet Rodów. Spis dign. i urz. Str. VI—VIII. Ср. также X. *W. Skrzetuski.* Prawo polityczne narodu polskiego. T. I. Warszawa. 1782. Str. 212.

3) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и м. упр. Л.-Р. гос. Стр. 92 и 140.

4) «Привилей пану Мартину Стравинскому на тивунъство и городництво Троцкое». Дата: Брянскъ, 30 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 56—57.

5) «Маеть панъ Марътинъ Стравинъский тот врад тивунство и городничое Троцъкое держати, всякое учъстивости на немъ уживаючы. А ижь естъ не мало людей и селъ наших господарьскихъ того тивунъства Троцького заставою заведено в певной суме пенезей, на потребу речи посполитое до скаръбу земского взятое, ино, кгды ся тые добра до столу нашого зъ скарбу нашого окупять, тогды нихто инъший, одно тот тивунъ нашъ, панъ Марътинъ Стравинъский, маеть при томъ тивунъстве то все держати, чинечи с того враду личбу зо всихъ приходовъ и доходовъ нашихъ, в скаръбъ нашъ належачихъ, а беручи тежь на себе пожитки с того тивунства и городницъства водле реистровъ и личбы скаръбное и яко першие тивунове держали и уживали. А пакли бы тежь такъ борздо тые добра наши господарские не могли ся окупити з скарбу нашого, ино даемъ моцъ симъ листомъ нашимъ пану Стравинъскому то своими властными пенезми окупит, а то все держать и на себе вживат до отложенья тое сумы пенезей зъ скаръбу нашого, в чомъ было то первей заведено». Ibidem.

тивунства, тивунъ, подобно державцѣ, вѣдаетъ въ нихъ господарское хозяйство и администрацію, давая отчетъ въ доходахъ скарбу и самъ получая съ нихъ свои доходы. Что касается до тивунства Виленскаго, то, кромѣ земель его, «в справе и заведанью» Виленскихъ тивуновъ находился мостъ «в Неменъчине на реце Вельи», а также при мѣстѣ Виленскомъ дворъ съ сажовками для храненія рыбы для господарской кухни [1]). Тивуны называются уже врядниками въ актахъ Литовскихъ. Но

[1]) «Лист на древництво пану Станиславу Нарушевичу и на домъ в месте Виленскомъ.—Генърикъ Божю милостью etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Мовилъ намъ подскарбий земский великого князства Литовского, писар нашъ, державца Марковский и Мядельский, Ушпольский и Пеняньский, панъ Миколай Нарушевичъ (л. 18 об.) именемъ тивуна Виленьского пана Станислава Нарушевича, брата своего, о томъ, ижъ што который двор при месте Виленьскомъ за Велею зъ сажовками для хованья рыбъ до кухни нашое господаръское завъжды былъ в справе и заведанью першихъ тивуновъ Виленьскихъ, продковъ пана тивуновыхъ, такъже и мостъ в Неменъчине на реце Вельи, што потомъ в розные руки пришло з неменьшимъ уближеньемъ того вряду стародавного, и просилъ насъ панъ подскарбий именемъ брата своего, абы есмо таковогo уближенья брату его в томъ вряде тивуньскомъ над звычай стародавный далей поносити не допустили, але то, што здавна ку тому вряду прислухало, ку нему за ся привернули. Якожъ и некоторие зъ ихъ милости пановъ-рад великого князства Литовского, а меновите воевода Виленьский, канъцлер нашъ великого князства Литовского, староста Лидский, Мозырский, державца Борысовский, панъ Миколай Радивилъ и з ыными ихъ милость паны-радами оного паньства, насъ о томъ за паномъ тивуномъ Виленьскимъ жедаючи, справу намъ того дали, ижъ тотъ дворъ при месте Виленьскомъ за Вельею, такъже и мостъ в Неменъчине на реце Вельи былъ зъ стародавна в справе и въ заведанью тивуна Виленьского. А такъ мы на прозбу, отъ пана тивуна Виленьского до насъ донессну, и за жеданьемъ ихъ милости пановъ-рад нашихъ и данем в томъ таковое справы отъ ихъ милости, бачечи речъ слушъную, абы кождый вряд на всемъ в целости и важности своей стародавной захованъ былъ, уближенья и нарушенья никоторого ни в чомъ не поносячи, тотъ дворъ при месте Виленьскомъ за Вельею зъ сажовками и зо всимъ кгрунътомъ и с тымъ всимъ, што кольвекъ здавна (л. 19) ку тому двору належало, и тежъ древництво при замку Виленьском и мостъ в Неменъчине на реце Вельи за ся ку тивуньству Виленьскому приворочаемъ и привлащаемъ такъ, ижъ вже отъ того часу, яко панъ тивунъ теперешний, такъ иные потомъ тивунове Виленские, то все, яко ся вышей поменило, ку тивуньству Виленьскому держати и то в справе и заведанью вряду своего тивуньского вечъными часы подле стародавного обычаю мети маютъ. И на то дали есмо пану тивуну Виленьскому сесь нашъ листъ с подписом руки нашое и зъ нашою печатью. Писанъ у Кракове» 12 апрѣля 1574 года. «Подписъ руки короля его милости». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 18 об.—19 об.

они болѣе походили на державцевъ, чѣмъ на врядниковъ, какъ ихъ понимаетъ Княжество послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Къ знакомству съ врядниками Литовскими теперь и обратимся.

Государственные уряды Литовскіе распадаются на нѣсколько категорій. Прежде всего изъ нихъ выдѣляются уряды сенаторскіе, т.-е. воеводы, кашталяны и рядъ министровъ Княжества. Врядники несенаторскіе, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: 1) врядники земскіе, 2) врядники дворные и 3) врядники мѣстскіе. Не говоря уже о дѣленіи всѣхъ урядовъ на высшіе и низшіе, на начальниковъ и подчиненныхъ, необходимо земскихъ врядниковъ раздѣлить на повѣтовыхъ и общегосударственныхъ, а врядниковъ мѣстскихъ на шляхетныхъ и нешляхетныхъ. Только врядниковъ мѣстскихъ, каковыми бывали иногда шляхтичи, мы не будемъ касаться въ настоящемъ томѣ нашего изслѣдованія вряды же сенаторскіе будутъ разсмотрѣны отдѣльно въ слѣдующей главѣ. Начнемъ нашъ обзоръ съ врядовъ повѣтовыхъ, какъ наиболѣе близкихъ къ массѣ земянства-шляхты, постоянно находящихся въ сношеніяхъ и связи съ нею, а затѣмъ перейдемъ къ врядамъ общегосударственнымъ, земскимъ и дворнымъ. Литовскій повѣтъ является территоріальною единицею, имѣющею значеніе административное, судебное, военное и политическое. Каждый повѣтъ Княжества имѣлъ своихъ должностныхъ лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ повѣтовую администрацію, каждый повѣтъ имѣлъ свои суды, свой сеймикъ, какъ политическое собраніе, и своихъ должностныхъ лицъ, становившихся на челѣ повѣтовой шляхты во время рушенья повѣта. Администрація повѣтовая находилась въ рукахъ повѣтовыхъ старостъ въ нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ, а также и въ повѣтахъ центральныхъ воеводствъ, учрежденныхъ въ 1566 году, — и въ рукахъ воеводы въ повѣтахъ центральныхъ воеводствъ, существовавшихъ до введенія новаго территоріальнаго дѣленія. Мы уже видѣли значеніе и дѣятельность старостъ судовыхъ, а съ административно-судебною дѣятельностью воеводъ познакомимся въ слѣдующей главѣ. Кромѣ старостъ, каждый повѣтъ имѣлъ цѣлый рядъ повѣтовыхъ врядниковъ. «Списанье поветов великого князства Литовского и врядниковъ в нихъ» [1]) въ цент-

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об. Издано *М. К. Любавскимъ* Лит.—Р. сеймъ. Приложенія. № 79.

ральныхъ повѣтахъ воеводствъ называетъ, кромѣ воеводы и кашталяна—подкоморія, хоружія, судью, подсудка и писаря, а въ повѣтахъ нецентральныхъ, не имѣвшихъ, слѣдовательно, воеводы и кашталяна,—маршалка, подкоморія, хоружія, судью, подсудка и писаря. Но кромѣ этихъ врядниковъ, повѣты Княжества имѣли еще, какъ увидимъ, цѣлый рядъ другихъ, не упомянутыхъ Списаньемъ повѣтовъ и врядниковъ Литовскихъ. Во главѣ повѣтовыхъ врядниковъ Списанье ставитъ маршалковъ въ повѣтахъ нецентральныхъ; имъ соотвѣтствуютъ кашталяны въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ. Актами и другими источниками упоминаются въ великомъ княжествѣ Литовскомъ маршалки слѣдующихъ пяти видовъ: 1) повѣтовые, 2) государевы, 3) маршалокъ Волынской земли, 4) дворный маршалокъ и 5) земскій [1]). Памятники рано, еще въ XV вѣкѣ, хорошо знаютъ маршалковъ. Г. Іосифъ Вольфъ какъ перваго маршалка земскаго, называетъ Волимунтонича Румбольда, назначеннаго на этотъ урядъ въ концѣ 1411 или въ началѣ 1412 года [2]); а первымъ дворнымъ маршалкомъ тотъ же авторъ считаетъ Григорія Станиславовича Остиковича, получившаго дворное маршалковство въ іюлѣ 1494 года [3]). Но въ книгѣ Бонецкаго «Poczet Rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku», вышедшей черезъ два года послѣ появленія въ печати списковъ сенаторовъ и дигнитаровъ Литовскихъ Вольфа, встрѣчаемъ Станислава Чупурну въ качествѣ маршалка земскаго съ 1396 года и Милона, съ того же 1396 года занимавшаго урядъ маршалка дворнаго [4]). Особенно серьезнымъ является разногласіе обоихъ составителей столь полезныхъ для изслѣдователя пособій въ вопросѣ о времени учрежденія въ Литвѣ маршалковства дворнаго, такъ какъ цѣлое столѣтіе (1396—1494) отдѣляетъ дату, принимаемую Бонецкимъ, отъ даты Вольфа. Во всякомъ случаѣ, ошибка г. Вольфа несомнѣнна. Можно привести цѣлый рядъ упоминаній источниковъ о дворныхъ маршалкахъ ранѣе 1494 года.

[1]) Къ этимъ видамъ маршалковъ, какъ должностныхъ лицъ государственныхъ, нужно прибавить еще маршалковъ частныхъ лицъ, бывшихъ слугами послѣднихъ.

[2]) *Józef Wolff.* Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386—1795). Kraków. 1885. Str. 167.

[3]) Ibidem. Str. 178.

[4]) *Adam Boniecki.* Poczet Rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa. 1887. Spis dignitarzy i urzędników duchownych i świeckich. Str. XIV—XV.

Напримѣръ, 1 іюня 1492 года великій князь Литовскій Александръ писалъ изъ Вильны грамоту къ маршалку своему, намѣстнику Смоленскому пану Миколаю Ивановичу Ильинича, а «правилъ» эту грамоту маршалокъ дворный, намѣстникъ Мерецкій и Оникштенскій, панъ Григорій Станиславъ Остиковича [1]). Можно привести еще болѣе раннія упоминанія актовъ о дворныхъ маршалкахъ. Такъ, въ числѣ лицъ, которыя присутствовали при пожалованіи Витовтомъ Станиславу Дзядку Дорогицкаго войтовства былъ Гаштольдъ, дворный маршалокъ [2]). Что касается до компетенціи маршалковъ земскаго и дворнаго, то рѣчь о ней будетъ ниже, когда будемъ разсматривать сенаторскіе вряды Княжества. Теперь намъ необходимо лишь указать на время возникновенія въ Литвѣ маршалковства вообще, какъ уряда государственнаго. Переходя къ вряду маршалка повѣтоваго, мы должны прежде всего напомнить, что повѣтовый маршалокъ находился въ каждомъ повѣтѣ великаго княжества Литовскаго, не имѣвшемъ въ воеводствѣ значенія центральнаго. Г. Вольфъ говоритъ [3]), что должность повѣтоваго маршалка была создана въ 1569 году во время Люблинскаго сейма. Но стоитъ заглянуть въ статутъ 1566 года, чтобы замѣтить сразу ошибку Вольфа: маршалки, какъ и земства (земскіе суды), существуютъ уже въ эту эпоху въ повѣтахъ [4]). Повѣтовые маршалки во всѣхъ нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ Княжества должны были считать своимъ родоначальникомъ маршалка земли Волынской, существовавшаго въ этой землѣ со времени Свидригайла, учредившаго на Волыни, захваченной имъ, свой дворъ по образцу Польскаго [5]). Обязанности маршалка Волынской земли обрисовываются довольно отчетливо грамотою Сигизмунда Стараго, данною въ 1525 году. Обращаясь ко всѣмъ князьямъ, панамъ, земянамъ и дворянамъ, владѣющимъ имѣніями въ Луцкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ, король въ этой грамотѣ говорилъ, что къ нему присылалъ Владимірскій староста князь Андрей Александровичъ Сангушковичъ, «оповѣдаючи», что онъ уже старъ

---

[1]) Вил. Арх. Сб. III. № 2.

[2]) „Praesentibus nobilibus et strenuis Generosio de Talewicze, Nicolao Stanxo, Jacobo de Cobilani, curiae nostrae marschalco Gasztoldo Juskono alias Herniło, supremo cubiculario Radziwiłło et aliis quam plurimis fide dignis fidelibus nostris dilectis". Акты *Леонтовича.* Т. I. Вып. I. Варшава. 1896. № 2 (послѣ 25 дек. 1428 года).

[3]) *J. Wolff.* Senat. i dign. Str. 166. [4]) Ипр., II ст. II. 6.

[5]) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 209.

и потому не можетъ съ Луцкими и Владимірскими обывателями «на службы» ѣздить «и тымъ врадомъ, маршалковствомъ Волыньское земли, справовати». Онъ проситъ Сигизмунда, чтобы вмѣсто него было дозволено его сыну, князю Θеодору, ѣздить съ обывателями на государевы службы «и тымъ врядомъ справовати». Исполняя его просьбу, король говорилъ въ своемъ листѣ: «ино мы, бачачы на его старость, ижъ онъ вжо недужъ на службы наши ѣздити и тымъ врядомъ справовати, дозволили есмо на его мѣстцо сыну его, князю Θедору, на тую службу нашу нинѣшнею и на иныи службы наши, гдѣ бы кольвекъ потреба вказывала, зъ вами ѣздити и тымъ врядомъ, маршалствомъ Волынское земли, справовати». Въ заключеніе обывателямъ предписывается быть послушными князю Θеодору на службахъ государевыхъ такъ же, какъ они слушались и его отца [1]). Такимъ образомъ, Волынскій маршалокъ былъ вождемъ обывателей Волынской земли во время рушенья ихъ. Повѣтовый маршалокъ въ другихъ земляхъ Княжества былъ такимъ же вождемъ рушившейся шляхты его повѣта. Напримѣръ, листъ, данный Сигизмундомъ Августомъ въ февралѣ 1567 года «урожоному» Адаму Косинскому, прекрасно подтверждаетъ это значеніе маршалковскаго уряда. Въ этомъ листѣ читаемъ: «z łaski naszey Krolewskiey dalismy y tym listem naszym daiemy przerzeczonemu Adamowi Kosinskiemu marszałkowstwo na dworze naszym, ktorego on urzędu marszałkowskiego wedle zwyczaiu starodawnego we wszelakich sprawach, temu urzędu zdawna należących ma używac. A k temu wedle Statutu Państwa naszego Wielkiego Xięstwa Lithewskiego czasu woyny przydawamy mu powiaty Drohicky y Mielnicki, gdyż jeden chorąży w tych powieciech chorągwią sprawuie; ktore powiaty on sprawą swą ma wiesc do woyska naszego, zachowuiąc się, iako y ini marszałkowie naszy». [2]). Привилей Косинскому, выписка изъ котораго только что приведена нами, рисуя обязанности маршалка во время войны, въ то же время говоритъ и объ обязанностяхъ его на дворѣ государевомъ. Во время войны, какъ мы уже видѣли, повѣтовый маршалокъ стоитъ во главѣ рушившейся шляхты своего повѣта. Онъ принимаетъ отъ повѣтоваго хоружія шляхту повѣта и ведетъ ее послѣ рапорта хоружія къ воеводѣ того воеводства, въ составъ котораго входитъ его повѣтъ. Когда шляхта повѣта,

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 79. [2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 36 об.

предводимая своимъ маршалкомъ, достигла мѣста стоянки воеводы, маршалокъ вмѣстѣ съ хоружимъ «мають здати и оповѣдати шляхту воеводѣ, кого нѣтъ, а за чимъ гдѣ» [1]). Такъ ясно опредѣляетъ статутъ обязанности повѣтоваго маршалка во время рушенья. Но какія же обязанности были у маршалка на дворѣ государевомъ и въ какомъ отношеніи находится врядъ маршалка повѣтоваго къ маршалковству господарскому? Уже привилей Косинскому, приведенный въ части своего текста выше, намекаетъ на тожество маршалковъ повѣтовыхъ съ маршалками господарскими. Но чтобы убѣдиться въ этомъ вполнѣ, посмотримъ на имена маршалковъ повѣтовыхъ и маршалковъ господарскихъ конца шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка: тожество ихъ докажетъ и тожество самыхъ врядовъ. «Списанье поветов» [2]) даетъ возможность составить довольно полный списокъ повѣтовыхъ маршалковъ. Вотъ онъ: повѣтъ Ошменскій—панъ Павелъ Островицкій, повѣтъ Браславскій — князь Лукашъ Болеславовичъ Свирскій, повѣтъ Городенскій—панъ Иванъ Воловичъ, повѣтъ Ковенскій—князь Ярославъ, повѣтъ Лидскій—панъ Янъ Волчекъ, повѣтъ Упитскій—панъ Александръ Ѳеодоровичъ Владыка, повѣтъ Мозырскій—панъ Каленицкій Василевичъ Тишковичъ, повѣтъ Владимірскій—панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій, повѣтъ Кремянецкій – панъ Михаилъ Ело, повѣтъ Слонимскій—панъ Иванъ Яцыничъ, повѣтъ Оршанскій—князь Одинцевичъ, повѣтъ Мельницкій [3])—панъ Косинскій, повѣтъ Бѣльскій—панъ Николай Павловичъ Сопега, воеводичъ Новгородскій, повѣтъ Пинскій—панъ Олизаръ Кирдей Мыльскій, повѣтъ Рѣчицкій—панъ Оникій Горностай. Пересматривая этотъ списокъ, мы видимъ не показанными имена лишь маршалковъ Вилькомирскаго и Волковыйскаго. Что касается до повѣта Дорогицкаго, то мы уже знаемъ, что онъ имѣлъ общаго маршалка съ повѣтомъ Мельницкимъ, а въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ, въ которыхъ существовали кашталяны, маршалковъ не было совсѣмъ. Имѣя передъ глазами только что приведенный списокъ повѣтовыхъ маршалковъ, посмотримъ на имена маршалковъ «господарскихъ», такъ часто упоминаемыхъ актами. Вотъ, напримѣръ, «марълалокъ его королевъское милости князь Лукашъ

[1]) II ст. II. 6. [2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об.

[3]) Мы уже знаемъ, что Косинскій имѣлъ въ своемъ завѣдываніи и хоругвь Дорогицкую. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 36 об.

Болеславовичъ Свирский» [1]) (1566 года 3 января), «маршалокъ нашъ (Сиг. Авг.) панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій» [2]) (1566 г. 24 авг.), «маршалокъ нашъ (Сиг. Авг.), писарь замковъ украинныхъ панъ Иванъ Ивановичъ Гришковича Воловича» [3]) (1568 г. 16 іюня), «маршалокъ нашъ (Сиг. Авг.), державца Оршаньский князь Андрей Семенович Одинцевича» [4]) (1566 г. 21 авг.), «маршалковая его королевское милости, кнегиня Ярославовая Матфеевича, кнегиня Дорота Костевна» [5]) (1569 г.). Имена маршалковъ государевыхъ, приведенныя нами изъ различныхъ документовъ, всѣ находятся въ спискѣ повѣтовыхъ маршалковъ, который мы видѣли выше. Полагаемъ, изъ этого можно сдѣлать выводъ, что маршалки повѣтовые были въ то же самое время и маршалками королевскими. Это обобщеніе подтвердятъ и сами акты. Въ листѣ, данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ Городенскій повѣтъ 13 іюля 1567 года о «показанью се на войну, яко до потребы в Молодечне» [6]), читаемъ: «маршалку нашому пану Ивану Воловичу, хоружому, земяном и дворанoм нашимъ и всему рыцерству-шляхте тымъ, которые именя свои в повете Городенскомъ маютъ...», а между тѣмъ въ той же книгѣ Литовской Метрики Иванъ Воловичъ значится маршалкомъ повѣта Городенскаго [7]).

Итакъ, врядъ маршалковъ повѣтовыхъ былъ врядомъ, служившимъ постоянною связью между королемъ и повѣтомъ. Въ эпоху до Люблинской Уніи маршалки повѣтовые даже были членами рады Княжества [8]), подобно кашталянамъ, имѣвшимъ аналогичное съ маршалками значеніе для центральныхъ повѣтовъ воеводствъ. Унія 1569 года, слившая сенаты Польскій и Литовскій въ общій сенатъ соединеннаго государства, оставила маршалковъ повѣтовъ внѣ этого сената, и они перестали быть панами-радами, хотя Литва и требовала отъ Польши послѣ Уніи не разъ возвращенія имъ ихъ сенаторскихъ креселъ [9]). Повѣтовые маршалки

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{50}$ л. 8. [2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 9; 31, 31 об.

[3]) Ibidem. Л. 12. [4]) Ibidem. Л. 10 об. [5]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 190.

[6]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 150 об—151.

[7]) Ibidem. Л. 199. *М. К. Любавскій* (Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 729 и др.) доказываетъ тожество маршалковъ господарскихъ съ маршалками повѣтовыми, идя въ своемъ изслѣдованіи нѣсколько инымъ путемъ.

[8]) См. *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 840.

[9]) См. первую главу.

господарскіе приравнивались къ меньшимъ кашталянамъ Короны. При такомъ высокомъ значеніи уряда повѣтовыхъ королевскихъ маршалковъ естественнымъ дальнѣйшимъ повышеніемъ ихъ по лѣстницѣ служебной іерархіи являлось сенаторское кресло—каштелянство. Такъ, панъ Мальхеръ Завиша былъ назначенъ [1]) Сигизмундомъ III 6 февраля 1588 года изъ маршалковъ королевскихъ на Витебское каштелянство. Король сдѣлалъ это назначеніе, «маючи залецоную годность и службы» своего маршалка, пана Завишы, которыя онъ служилъ королямъ и государству «з молодости» своихъ лѣтъ и которыя «з нелитованьем маетности своее на войнах оказывал», заслуживая тѣмъ «ласку» господареву. Желая его наградить и тѣмъ «хутлившого ку службам» своимъ и «речи посполитое способити и учтивостью стану сенаторского обдарити», король ввелъ его «в лавицу межи инших пановъ-рад» своихъ, давъ ему Витебскую каштелянію. Панъ Завиша такимъ образомъ перешелъ изъ стана шляхетскаго въ станъ сенаторскій. Такое возвышеніе маршалка до сенаторскаго кресла было далеко не исключительнымъ явленіемъ [2]). Число маршалковъ въ эпоху послѣ областной реформы шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка и послѣ Уніи 1569 года было точно опредѣлено въ противоположность порядкамъ предшествующаго времени, когда число ихъ иногда произвольно увеличивалось королемъ съ единственною цѣлью ввести новыхъ лицъ въ свою раду [3]). Въ изслѣдуемую эпоху самое назначеніе новаго маршалка было возможно только тогда, когда какое-нибудь маршалковство дѣлалось вакантнымъ. Прибавленіе словъ «по смерти» маршалка - предшественника, встрѣчающееся во многихъ такихъ назначеніяхъ, ясно подчеркиваетъ это [4]).

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 277, 277 об.

[2]) См. *J. Wolff.* Senat i dign. Str. 176, 177.

[3]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 336—339.

[4]) *I. Wolff.* Senat. i dign. Str. 177. Вотъ образецъ привилея на маршалковство: «листъ на маршалковство Городенское. Стефан Божю милостю король Полский etc. Ознаймуем сим нашим листом всим посполите и кождему зособна, иж мы господарь, маючи ласкавый взъглядъ на зацност и старожытность дому князя Федора Ивановича Масалского также на верные и пилные послуги его, а к тому маючи залецоною (sic) годность в пилности службахь наших а хотечи мы и вперед службам нашим тым пилнейшого и охотънейшого учинити и достоенством враду земского, маршалковскомъ (sic) з ласки нашое господарское опатрыт, дали есмо ему врад маршалковский, который на тотъ

Кромѣ своихъ обязанностей во время повѣтоваго рушенья, маршалки несли еще обязанности на дворѣ королевскомъ. На маршалковъ повѣтовыхъ - королевскихъ нерѣдко возлагалось разбирательство судовыхъ дѣлъ, восходившихъ въ дворный королевскій судъ. Вотъ напримѣръ, «Реистра книги справ судовых, писаны з росказанья господаря, короля его милости и великого князя Жикгимонта Августа, которые справы сужоны и справованы за росказаньемъ его милости господарьскимъ на сойме великомъ вальномъ у Вильни на полацу его кролевское милости через маршалъковъ его милости господарьскихъ, на судовые справы отъ его милости на тотъ час высажоныхъ, пана Юря Васильевича Тишкевича, державцу Волковыйского а пана Григоря Есифовича Тризну а пана Михаила Тихновича Козиньского. А записываны тые судовые справы з росказанья господарьского через дьяка моего, Яна Миколаевича Гайка, маршалъка и писара господаря короля его милости, конюшого Городеньского, державцы Ошмянского, Вилькейского и Красносельского на имя Яна Закревского, которые вси справы судовые нижей меновите до тыхъ книгъ естъ вписаны» (18 ноября 1565 года) [1]). Въ числѣ асессоровъ, разсматривавшихъ судовыя дѣла на дворѣ королевскомъ, также бывали маршалки. Напримѣръ, «з росказаня» короля Стефана Баторія 20 марта 1584 года «смотрели того дела на дворе» королевскомъ «у Вилни асесорове, от» короля «высажоные», кашталяны Витебскій и Берестейскій и маршалки королевскіе «княз Лукашъ а княз Ян Болеславовичи Свирские и пан Мартин Стравинский» [2]).

По своему положенію въ ряду другихъ должностныхъ лицъ маршалки стояли очень высоко. Въ спискѣ врядниковъ, находя-

часъ ваковал по небожчику пану Ивану Воловичу, и сим листом нашим до жывота его, або до лепъшого опатъреня нашого. Маетъ помененый княз Федор Масалский тот врядъ маршалковъский держати и всяких пожытъковъ и учтивости, на тотъ врадъ належачих, постерегати и во всем водлугъ звыклого обычаю и повинности вряду своего заховатися такъ, яко и инъшые маршалкове наши в поветех панства нашого великого князтва Литовского заховываютъ. И на то есмо звыш мененому князю Федору Масальскому дали сес нашъ листъ с подписом руки нашое господарское, до которого на тъвердост и печатъ нашу прытиснути казали есмо. Писан у Городне лет от нароженъя Сына Божего 1582 месеца июня 28 дня. Потъпис руки господарское». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 158.

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{50}$ [2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 187 и 187 об.

щемся въ девятой книгѣ Публичныхъ дѣлъ Литовской Метрики [1]), маршалки названы послѣ пановъ-радъ, подчашія, крайчія, стольника, дворнаго подскарбія, мечнаго, чашника и хоружихъ земскаго и дворнаго Княжества, но выше старостъ, державцевъ и тивуновъ Жомоитскихъ [2]). Въ спискахъ врядниковъ повѣтовыхъ маршалки стояли во главѣ ихъ всѣхъ, т.-е. выше подкоморія, хоружія и земскихъ судьи, подсудка и писаря [3]). Такое же высокое мѣсто занимаютъ маршалки и въ королевскихъ универсалахъ [4]). Что касается до совмѣщенія маршалковства съ другими должностями, то оно было совершенно возможно. Такъ, державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Зыгмунтовичъ Сновскій былъ маршалкомъ королевскимъ и въ то же время земскимъ Новгородскимъ судьею да сверхъ всего этого еще имѣлъ роту изъ двухсотъ всадниковъ и сотни пѣшихъ драбовъ [5]). Очень часто встрѣчается совмѣщеніе съ маршалковствомъ должности писаря королевской канцеляріи [6]), а также и другихъ врядовъ.

Кромѣ маршалковъ повѣтовыхъ, которые, какъ мы уже видѣли, были въ то же время и маршалками королевскими, акты знаютъ маршалка земли Волынской, маршалка дворнаго и маршалка земскаго, какъ врядниковъ Княжества. Въ эпоху, когда земля Волынская не была еще раздѣлена на воеводства и повѣты,

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 160—162.

[2]) Вотъ имена маршалковъ по этому списку, относящемуся къ самому началу 1569 года: панъ Шимковичъ, панъ Петръ Загоровскій, панъ Миколай Сопега, панъ Островицкій, панъ Иванъ Воловичъ, панъ Янъ Волчекъ, князь Ярославъ, панъ Владыка, панъ Каленицкій, панъ Ело, панъ Адамъ Косинскій, панъ Олизаръ Кирдей Мылскій, князь Лукашъ Свирскій, князь Янушъ Свирскій, панъ Малхеръ Сновскій, панъ Василій Загоровскій, панъ Александръ Вагановскій, князь Пузына. Ibidem, л. 161, 161 об.

[3]) «Списанье повстов великого князства Литовского и врядниковъ в нихъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об.

[4]) Нпр., «князем, паном, воеводам, кашталяном, маршалком, старостам, державцам и иным всим врадником нашым, на яких кольвекъ врадехъ от нас постановленымъ, а в небытности их самых на врадех их, ино их подъстаростим и наместником...» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 116 об.

[5]) «Лист пана Сновъского на Куренецъ», данный королемъ Генрихомъ въ Краковѣ 2 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 53, 53 об.

[6]) Напр. Д. М. Арх. Мин. Юст. I. № 163 и др.

а сохраняла вполнѣ цѣльность и нѣкоторую особность въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ ней существовала и особая должность маршалка Волынской земли, ведя свое начало еще со времени Свидригайлы. Но послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія она утратила свой смыслъ и послѣ Люблинской Уніи существовала лишь до смерти послѣдняго маршалка Волынской земли [1]), вступившаго, нося этотъ титулъ, и въ Унію 1569 года. Такимъ образомъ, въ изслѣдуемый періодъ времени маршалковство Волынское было лишь пережиткомъ; притомъ, какъ врядъ, послѣ Люблинской Уніи принадлежавшій уже Коронѣ, а не Княжеству, оно не должно останавливать на себѣ нашего вниманія на настоящихъ страницахъ. Что касается до маршалковъ дворнаго и земскаго, то ихъ вряды были врядами сенаторскими, а потому мы и будемъ заниматься ими въ слѣдующей главѣ, предметомъ которой будетъ Литовскій сенатъ.

Рядомъ съ маршалкомъ въ нецентральномъ повѣтѣ воеводства и съ кашталяномъ въ центральномъ—стоялъ во времена рушенья шляхты повѣта хоружій. Повѣтовый хоружій былъ знаменоносцемъ повѣтоваго рыцерства, народа-шляхты, обывателей повѣта. Въ «списаньѣ поветов великого князства Литовского и врядниковъ въ нихъ» [2]) находимъ описаніе хоругвей-знаменъ Литовскихъ воеводствъ [3]). Въ этомъ «списаньѣ», составленномъ передъ самою Уніею 1569 года, обозначенъ цвѣтъ воеводскихъ хоругвей и приведены имена хоружихъ нѣкоторыхъ повѣтовъ; въ нѣкоторыхъ же повѣтахъ указанъ лишь врядъ хоружія, но не названо имени лица, въ данное время его занимавшаго. Цвѣтъ хоругви, та-

---

[1]) 13 февраля 1608 года.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об.

[3]) Въ Виленскомъ воеводствѣ «чирвоная в белымъ полю гербъ», въ Троцкомъ—«лазуровая в беломъ полю гербъ», въ староствѣ Жомонтскомъ—«белая в чирвономъ полю гербъ», въ воеводствѣ Полоцкомъ—«сикоража в белом полю гербъ», въ Новгородскомъ—«пелистая в белом полю гербъ», въ Витебскомъ—«зеленая в беломъ полю гербъ», въ Берестейскомъ—«блякитная в чирвономъ полю гербъ», въ Мстиславскомъ—«жолътая в чирвоном полю гербъ», въ Минскомъ—«гвоздиковая в беломъ полю гербъ». Въ воеводствахъ, отошедшихъ въ 1569 году отъ Княжества къ Коронѣ цвѣта хоругвей были слѣдующіе: въ Кіевскомъ—«папужъковая в чирвономъ полю гербъ», въ Волынскомъ—«брунатная в белумъ полю гербъ», въ Подляшскомъ—«хоруговъ Дорогицкая и Мельницкая жолто-горачая в белом полю гербъ», въ воеводствѣ Браславля Подольскаго—«шарая в чирвономъ полю гербъ».

кимъ образомъ, былъ одинъ для всѣхъ повѣтовъ одного и того же воеводства, и хоружіе отдѣльныхъ повѣтовъ воеводства носили совершенно одинаковыя знамена. Присмотримся теперь поближе къ повѣтовому хоружію, вряднику, игравшему весьма замѣтную роль въ жизни народа-шляхты Литовской. Второй статутъ посвящаетъ вряду хоружія отдѣльный артикулъ [1]). Хоружимъ государь долженъ назначать «толко людей зацныхъ, добрыхъ, ростропныхъ, можныхъ и осѣлыхъ въ повѣтѣ томъ». Самое назначеніе хоружія дѣлается королемъ, но, разумѣется, шляхта можетъ рекомендовать ему на этотъ врядъ обывателя, пользующагося ея довѣріемъ. Такъ напримѣръ, по рекомендаціи мѣстной шляхты, Стефанъ Баторій назначилъ 6 декабря 1576 года, на вальномъ Торунскомъ сеймѣ, Василія Корсака хоружимъ повѣта Мозырскаго [2]). Въ привилеѣ, выданномъ Корсаку на эту должность, король говоритъ, что «писали и присылали» къ нему «князи, панове, земяне и вся шляхта повету Мозырского, ознаймуючи» королю, «ижь в ономъ повете Мозырскомъ хоружого тамошнего, Василья Лозъки, в животе не стало». Обыватели Мозырскіе бьютъ челомъ государю, чтобы онъ «имъ хоружого в тотъ поветъ Мозырский з ласки» своей господарской далъ. При этомъ они «залецаютъ» королю «писаньемъ своимъ обывателя тамошнего жъ Василья Корсака, же на тотъ врадъ естъ годъный». Король, склоняясь на рекомендацію обывателей, назначилъ Корсака Мозырскимъ хоружимъ, и, по словамъ привилея, «маеть помененый Василей Корсакъ тот врадъ Мозырский, хоружьство, до живота своего держати и имъ радити и справовати тамъ в томъ Мозырскомъ повете, яко и у войску водълугъ статуту земъского и артыкуловъ, в немъ на владность хорýства описаныхъ, и во всемъ потому, яко перпше хоружие Мозыръские на томъ ся върадe радили и справовали». Дѣлая назначеніе хоружія, король вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ [3]) обывателямъ повѣта оказывать ему «вшелякую учъстивость и послушеньство». Хоружій былъ центральною фигурою среди братіи-шляхты повѣта во время повѣтоваго рушенья: онъ несъ

---

[1]) II ст. II. 5.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 85 и 85 об. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 127.

[3]) «Про то вамъ всимъ обывателемъ стану шляхецького, которие кольвекъ именья и оселости свои в повете Мозыръскомъ мають, приказуемъ, ажь бы есте ему вшелякую учъстивость и послушеньство, што на врад его належит чинили».

*

знамя повѣта. Понятно, поэтому, государево требованіе отъ шляхты «учъстивости», почтенія по отношенію къ нему, но понятно и желаніе шляхты видѣть хоружимъ человѣка, почтеннаго въ ея собственныхъ глазахъ и ей желаннаго [1]).

Свою хоругвь, свое знамя повѣтъ получалъ изъ скарба королевскаго. Держа ее, хоружій долженъ быть и вооруженъ вполнѣ прилично для своего выдающагося положенія въ рядахъ «рушившейся» вооруженной шляхты. По требованію статута, онъ долженъ «на собѣ мѣти зброю добрую и гелмъ, албо прильбицу и бронь, а конь абы былъ подъ нимъ добрый» [2]). Когда великій вальный сеймъ сдѣластъ постановленіе [3]) о поднятіи всей земли на войну посполитымъ рушеньемъ, хоружіе извѣщаютъ объ этомъ шляхту, каждый—своего повѣта. Затѣмъ каждый повѣтовый хоружій выѣзжаетъ въ поле, наказавъ своимъ «повѣтникамъ», народу-шляхтѣ своего повѣта, съѣхаться къ нему за три дня до выступленія въ походъ. Когда повѣтовые обыватели соберутся со своими «почтами», хоружій повѣта вмѣстѣ съ ними отправляется къ кашталяну, или маршалку, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о центральномъ повѣтѣ воеводства, гдѣ дѣйствовалъ кашталянъ, или о прочихъ повѣтахъ воеводства, гдѣ вмѣсто него вѣдалъ это дѣло маршалокъ. Здѣсь хоружій дастъ отчетъ кашталяну, или маршалку—весь ли повѣтъ онъ привелъ сполна и кто изъ повѣтовыхъ обывателей находится при немъ, а кто не явился. Послѣ этого шляхта уже не съ однимъ хоружимъ, а съ нимъ и кашталяномъ, или маршалкомъ, «подъ каштеляновою, або маршалковою справою», на-

---

[1]) Другіе примѣры назначенія хоружія см. — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 53, «прывилей Ильи Ивановичу Харитоновича на хоружъство Новгородское». Ibidem. Л. 266 об.: «Василю Букрабе на хоружъство Берестейское»; «о томъ же до обывателей повету Берестейского писаный» (листъ). Ibidem. Л. 267; а также другіе примѣры.

[2]) II ст. II. 5.

[3]) Статутъ 1566 года отъ имени государя гласитъ: «такъ уставуемъ, ижъ гдѣ за потребою земскою будетъ отъ насъ и пановъ-радъ албо гетмана всей земли росказано на войну ѣхати». (II ст. II. 6). Статутъ 1588 года говоритъ о рушеньѣ, собираемомъ лишь «з уфалы сойму великого вального» (III ст. II. 6). Варшавская конфедерація 1573 года (Vol. legum. II. 124—125), формально воспретившая королю посполитое рушенье безъ сеймового постановленія, внесенная потомъ и въ третій Литовскій статутъ (III ст. III. 3), измѣнила и артикулъ II статута о созывѣ рушенья. Поэтому, мы въ изложеніи своемъ слѣдовали акту Варшавской конфедераціи, такъ какъ съ 1573 года порядокъ, излагаемый II-мъ статутомъ былъ уже измѣненъ.

правляется къ воеводѣ своего воеводства, и послѣднему кашталянъ, или маршалокъ вмѣстѣ съ хоружимъ «оповѣдаютъ» шляхту, подаютъ рапортъ, «кого нѣтъ, а за чимъ гдѣ» [1]). Въ своей дѣятельности хоружій подлежитъ строгой отвѣтственности, ибо отъ нея зависятъ въ значительной степени средства обороны Княжества. Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, воевода Виленскій послѣ занятія Гомля Литовскимъ войскомъ въ 1535 году [2]) писалъ къ гетману Юрію Радивилу о томъ, что королю сдѣлалось извѣстнымъ раскрытіе гетманомъ проступка одного хоружія, который отпустилъ изъ войска бояръ своего повѣта. Узнавъ объ этомъ, король сказалъ: «вѣдже дей вѣдаетъ панъ гетманъ, ижъ кождый таковый хоружій горломъ маетъ каранъ быти, который бы кольвекъ хотя одного боярина хоружства своего втаилъ, або съ войска отпустилъ, што жъ то яснѣ и въ статутѣ и въ теперешней уставѣ нашой военной есть описано; а такъ не могъ бы дей панъ гетманъ лѣпѣй учинити, абы дей того хоружого, яко зрадцу нашого, который безъ воли нашое и гетманское бояръ отпускаетъ и тымъ войска уменшиваетъ, и насъ и речь посполитую зражаетъ, ижъ бы его вывести казалъ посередь всего войска, и казалъ бы ему горло взяти, абы ся иншіи съ того карали». Однако, Сигизмундъ Старый, говорившій эти слова, не совсѣмъ твердо помнилъ статью статута, на которую ссылался. Статутъ 1529 года постановлялъ карать хоружихъ, оставившихъ землянина дома, или отпустившихъ его изъ войска безъ вѣдома гетмана, не смертною казнью, а ли-

---

[1]) II ст. п. 6.

[2]) А. Ю. и З. Р. I. № 171. Документъ этотъ, отнесенный издателемъ (Н. И. Костомаровымъ) къ 23 іюля 1576 года, ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ этому времени. Виленскимъ воеводою въ 1576 году былъ князь Николай Юрьевичъ Радивилъ (1566—1584), а не Альбрехтъ Гаштольдъ, умершій въ 1539 году; точно также въ 1576 году и кашталяномъ Виленскимъ былъ Янъ Іеронимовичъ Ходкевичъ (1574—1579), а не Юрій Радивилъ († 1541 г.), а врядъ земскаго подскарбія былъ занимаемъ не Иваномъ Горностаемъ, умершимъ въ 1558 году, а «вакавалъ», такъ какъ Николай Нарушевичъ умеръ въ 1575 году, а Лавринъ Война, его преемникъ, былъ назначенъ только 30 іюля 1576 года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 18—22). Письмо это нужно относить къ 1535 году (т.-е. ко времени войны Москвы съ Литвою въ правленіе Елены Глинской въ Москвѣ), когда Литовское войско, вторгнувшись въ Сѣверскую область, овладѣло Гомлемъ (см. *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга II. СПБ. 1894. Стр. 14). Мы не говоримъ уже о другихъ соображеніяхъ, относящихся къ содержанію и языку документа, не позволяющихъ отнести его къ 1576 году.

шеніемъ вряда и конфискаціей имѣнія [1]). Второй Литовскій статутъ наказываетъ хоружія за эти проступки лишеніемъ хоружества. Онъ гласитъ: «уставуемъ тежъ и приказуемъ, абы хоружые нашы не мѣли жаденъ зъ нихъ земенина дома осажывати и отпущати, а естли бы который земенинъ дома зосталъ, а хоружый бы того передъ гетманомъ не повѣдилъ и втаилъ, а то бы на него было переведено, ижъ то умыслнѣ оставилъ, тогды таковый хоружый врядъ свой тратить» [2]).

Итакъ, роль хоружія въ посполитомъ рушеньѣ не ограничивается лишь тѣмъ, что онъ несетъ повѣтовое знамя, имъ самимъ и хранимое [3]),—онъ имѣетъ серьезныя и весьма отвѣтственныя обязанности и въ дѣлѣ сбора повѣтовой шляхты на ея земскую службу. Намъ не удалось встрѣтить въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ XVI вѣка образцовъ универсаловъ хоружихъ о собраніи шляхты въ посполитомъ рушеньѣ, но, конечно, они не могли очень отличаться отъ универсаловъ XVII вѣка, которые издавались хоружими въ исполненіе повелѣній короля и гетмана [4]). Когда, напримѣръ, Речь Посполитая переживала страш-

---

[1]) I ст. II. 10. [2]) II ст. II. 18. [3]) II ст. II. 5.

[4]) Приводимъ, какъ образецъ, универсалъ пана Базылія Албрыхта Орды, хоружія и мечнаго Пинскаго повѣта, внесенный имъ 27 октября 1657 года въ Пинскія гродскія книги чрезъ своего слугу, пана Полкотыцкаго. «Iasnie wielmożnym, wielmożnym ich mosciom panom, dignitarzom, urzędnikom ziemskim, grodzkim, rycerstwu szlachcie y wszystkim powiatu Pinskiego obywatelom, moim wielce msciwym panom y braci. Po zaleceniu moich w łaskę wmw moich mosciwych pp. służb,—wiadomo iest wmm. moim mosciwym panom, iż tak ikm. pana naszego miłosciwego, iako y iasnie wielmożnego im. pana hetmana wielkiego W. X. L. do naszego Pinskiego powiatu ostrzegaiąc y naupominaiąc nas wychodziły uniwersały, abysmy w pospolitym ruszeniu y w zgromadzeniu viritim w powietie naszym zostawali. Iakoż y ia, powinnosci moiey wmm. moim mosciwym panom nieraz przez moie rozsyłaiąc ię, oznaymowałem y upraszałem uniwersały, abyscie wmsc moie mosciwi pp., swoiey poczuwaiąc się powinnosci, pod chorągwią powiatową, iako prawo miec chcę, swemi własnemi zostawali osobami. A że teraz na powiat nasz ze wszech stron od nieprzyiaciela zachodzą niebezpieczęstwa, zaczem przez ten moy uniwersał wmm moim mosciwym ppm, tak w Zahorodzkiem, iako y w Zarzeckim zostawaiącym tractie, oznaymuię, proszę y z władze mey naupominam, abyscie wmsc moie mosciwi pp., zadnemi nie excipuiąc się warunkami, wszyscy viritim, kto się ieno szlachcicem byc mianue, do Pinska na dzię szosty nowembra pod surowemi, w prawie pospolitym na nieposłusznych założonemi paenami przybywac raczyli, o co y posetnie uprоszaię (л. 857, или стр. 751) moie powolnę wmw moich mosciwych panow łaskę iako naypilniey zalecam usługi. W Pinsku dnia dwudziestego siodmego oktobra anno tysiąc szesc set piędziesiąt siodmego. У того универсалу подпис руки тыми словы:

ную эпоху пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія съ ея войнами съ казачествомъ, Крымомъ, Москвою и Швеціею и опустошеніями, ставившими вопросъ о самомъ существованіи государства. Пинскому повѣту грозила большая опасность со стороны Татаръ. Витебскій воевода и региментарь войскъ великаго княжества Литовскаго, Павелъ Сапега, издалъ универсалы, чтобы Пинская шляхта собралась для предупрежденія вторженія Татарскаго въ Пинскій повѣтъ. Ввиду этого Пинскій хоружій и мечный, панъ Василій Орда, обратился къ Пинской шляхтѣ со своимъ универсаломъ, приглашая ее собраться въ Пинскѣ 17 января 1656 года. Дѣлая это, онъ проситъ обывателей, чтобы они «do miasta Pinska dla namowy z pocztami swemi viritim zgromadzali, postrzegaiąc zdrowia y substantiy swych, y mieysce sobie dla sprowadzenia małżonek, dziatek y dobr swych pod te czasy upatrzyli» [1]). Изъ словъ этого универсала видно, что хоружій былъ не только простымъ исполнителемъ предписанія короля или гетмана [2]),—онъ созывалъ шляхту, хотя уже и готовую съ ея почтами на войну, для предварительныхъ совѣщанія и намовы; онъ же обращалъ вниманіе шляхты и на заботу объ охранѣ семействъ и имущества ея.

Самый характеръ вряда хоружества, дѣлавшій изъ хоружія центральную фигуру земскаго повѣтоваго войска-народа, а также и обязанность его являться въ рушеньѣ повѣта хорошо вооруженнымъ вызывали для лица, занимавшаго этотъ врядъ, необходимость быть вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ. Прекрасной иллюстраціей экономическаго положенія хоружія является описаніе Полоцкой Ревизіи 1552 года [3]). Тутъ описаны имѣнія Полоц-

Waszmosciow mych mosciwych panow zyliwy brat y sługa Bazyli Albrycht Orda chorąży. Который универсалъ за поданем его до книг кгродских Пинских естъ уписан». Виленскій Центральный Архивъ. № 13009. Пинскаго Гродскаго Суда (1656—1658). № 22. А. Л. 857 (стр. 751)—Л. 857 об. (стр. 752).

1) Вил. Центр. Арх. № 13009. л. 16 об., или стр. 10.

2) Павелъ Сапега исправлялъ должность гетмана великаго въ званіи генеральнаго регментаря Литовскихъ войскъ. Акты его называютъ такъ: «Панъ Павелъ Сапега реиментаръ енеральный войскъ его королевъское милости великого князства Литовъского». Нпр., Вил. Центр. Арх. № 13009 л. 42 об., или стр. 62.

3) Намъ извѣстны два экземпляра этой Ревизіи. Одинъ изъ нихъ изданъ на страницахъ 173—247 пятаго тома изданія Scriptores Rerum Polonicarum. (Tomus V. Cracoviae. 1880). Другой хранится въ Военно-Ученомъ архивѣ Главнаго Штаба (отд. 5 № 78 шк. 31 полка 2). Полоцкая Ревизія 1552 года представляетъ изъ себя писцовую книгу, составленную маршалкомъ Яномъ Кмитою и конюшимъ Троцкимъ Мартиномъ Подцевскимъ. Списокъ этой Ревизіи,

каго хоружія, пана Ивана Михайловича Зеновевича, съ которыхъ онъ долженъ былъ выставлять къ службѣ земской 9 коней. Имѣнія пана Ивана Михайловича Зеновевича были слѣдующія. 1) Дворъ Бобыничи, имѣніе отчизное и дѣдизное. Къ этому двору принадлежали: 3 боярина, имѣвшіе каждый своихъ людей, 18 путныхъ слугъ, 6 огородниковъ, 13 дымовъ людей, служившихъ пану Зеновевичу по 2 дня въ недѣлю, 10 дымовъ (5 служебъ) людей отчизныхъ тяглыхъ, 10 дымовъ (5 служебъ) людей тяглыхъ куничныхъ, 1 человѣкъ, дававшій пану Зеновевичу четвертую долю дохода со своей пашни, 22 дыма (13 служебъ) людей отчизныхъ тяглыхъ и 6 дымовыхъ людей вольныхъ. 2) Куликовщина, выслуга брата Ивана Зеновевича, Яцка на королѣ Сигизмундѣ. Въ этомъ имѣніи 1 слуга путный. 3) Дворъ Селище,

изданный д-ромъ І. Шуйскимъ въ Scriptores, относится къ XVIII столѣтію и писанъ латиницею; списокъ же, хранящійся въ архивѣ Главнаго Штаба, писанъ Русскимъ письмомъ XVI столѣтія. Книга, хранящаяся въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, носитъ слѣдующее названіе: «Revizya całego woiewodztwa Połockiego po odebraniu z nieprzyiacielskich rąk to iest Moskiewskich, pod panowaniem krola Stephana Batorego przez Fiedora Skumina podskarbiego dwornego W. X. Litt. a Iuria Druckiego Sokolinskiego podkomorzego Witebskiego, rewizorow I. K. Mci. Roku 1586». О ревизіи, произведенной Скуминымъ и Соколинскимъ сохранился слѣдъ и въ Литовской Метрикѣ. На листѣ 271-мъ 63-й книги Записей Литовскихъ $\left(\frac{\text{I A}}{63}\right)$ находится «Nauka dana panu Fiedorowi Skuminowi, podskarbiemu nadwornemu W. X. Litt, staroscie Brasławskiemu a kniaziu Jerzemu Sokolinskiemu, podkomorzemu Witebskiemu, iako się w tych rzeczach, ktore im w woiewodztwie Połockiem ku sprawowaniu są zleczone, sprawowac maią». Документъ этотъ помѣщенъ между документами 1579 и 1580 годовъ (предшествующій «наукѣ» документъ относится къ 1579 году безъ обозначенія мѣсяца, а слѣдующій за нею датированъ 5 ноября 1580 года). На оборотѣ 80-го листа «Ревизіи», хранящейся въ Архивѣ Главнаго Штаба, находимъ слѣдующую приписку: «Про то я Теодор Скумин, воевода Новгородский, нжем по взятью того воеводства Полоцъкого з рук непрыятельских там в Полоцъку ревизором от его кр. милости змерлого Стефана посланым был и за жеданемъ его милости пана воеводы Полоцького с того реестру первое ревизыи того воеводства, через пана Яна Кмиту и пана Мартина Подцендъковского отправованое, который реестръ пры нас на той ревизыи был, копею слово от слова списавшы, с печатью моею, подписавшы ее власною рукою моею, его милости вельможному пану, пану Миколаеви Монвидови Дорогостайскому, воеводе Полоцкому есьми дал. У тое ревизыи печать вельможъного его милости пана Теодора Скумина, воеводы Новгородского, прытиснена есть, а подъпис руки егожъ милости подписано тыми словы: «Теодор Скумин воевода Новгородский власною рукою». Изъ этой приписки слѣдустъ, что та часть «Ревизіи» Скумина и Со-

имѣніе отчизное и дѣдизное. Къ этому двору: 17 дымовъ (11 служебъ) людей отчизныхъ тяглыхъ, 6 дымовъ людей вольныхъ, 1 человѣкъ, служащій по 2 дня въ недѣлю, 1 бояринъ имѣющій своего человѣка и 1 путный слуга. 4) Дворъ Дисна, имѣніе отчизное и дѣдизное. Къ нему 4 домовыхъ слуги, которые имѣютъ свои земли, а пану Зеновевичу «з сукни служать», 3 слуги путныхъ отчизныхъ, 6 огородниковъ, 2 дыма (2 службы) людей отчизныхъ тяглыхъ и 18 дымовъ людей вольныхъ. 5) Заселье, выслуга отца его на королѣ Александрѣ. На ней: 1 домовый слуга, служащій ему «зъ сукни», 2 путныхъ слуги, 2 огородника, 10 дымовъ людей вольныхъ. 6) «Кондратовщина, а Ваколовщына а Териховщына», выслуга отца И. Зеновевича на королѣ Александрѣ. На ней: 2 слуги путныхъ и 13 дымовъ людей вольныхъ. 7)

колинскаго, которая предшествуетъ настоящей припискѣ, была въ рукахъ этихъ ревизоровъ въ такомъ же значеніи, въ какомъ въ рукахъ Московскихъ писцовъ бывала писцовая книга предшествующаго по времени описанія, т.-е. въ качествѣ «приправочной» книги по Московской терминологіи. На составленіе этой части Полоцкой Ревизіи значительно раньше 1586 года сверхъ того, прямо указываютъ нѣсколько словъ, находящихся на оборотѣ 55-го листа, изъ которыхъ видно, что эта часть книги составлена въ царствованіе Сигизмунда Августа. Здѣсь, при описаніи имѣній Войны Петровича Епимаха, цельника Полоцкаго, встрѣчаемъ слѣдующія слова: «к тому жъ двору село Доложце выслуга его на теперешнем господари его милости, королю Жыкгимонте Августе». Есть и другія данныя для отнесенія этой части книги ко времени царствованія Сигизмунда Августа. Если сличимъ 80 первыхъ листовъ рукописи Архива Главнаго Штаба съ ревизіей Полоцкаго воеводства, изданною въ V-мъ томѣ Scriptores Rerum Polonicarum, то замѣтимъ, что это одна и та же книга. При этомъ экземпляръ, изданный въ Scriptores, не имѣетъ конца, такъ какъ прерывается на 75-омъ листѣ рукописи Главнаго Штаба, а послѣдняя не сохранила самаго начала книги, т.-е. ея вступленія и начала описанія Полоцкаго замка. Такимъ образомъ оба списка взаимно дополняютъ другъ друга. Въ нашемъ изслѣдованіи мы пользуемся спискомъ Архива Главнаго Штаба и дѣлаемъ это по слѣдующимъ причинамъ: 1) этотъ списокъ XVI вѣка въ то время, какъ рукопись, изданная въ Scriptores, относится къ XVIII столѣтію; 2) рукопись, изданная въ Scriptores, прерывается на 75-омъ листѣ рукописи Главнаго Штаба, почему часть описанія имѣній шляхты не напечатана въ V-мъ томѣ Scriptores; для насъ же именно описаніе имѣній Полоцкой шляхты и представляетъ наибольшій интересъ въ настоящемъ изслѣдованіи; 3) въ рукописи, изданной въ Scriptores, есть ошибки въ цифрахъ, въ спискѣ же Главнаго Штаба въ большинствѣ случаевъ числа писаны словами, что внушаетъ къ нимъ больше довѣрія; примѣръ ошибки—«na kotorom mieszczanin sedit, paziema iemu 4 hroszey daiet» (стр. 247, въ описаніи имѣнія Θеодора Ивановича Мелешка), въ спискѣ же главнаго Штаба—«позма ему сем грошей дають» (л. 75). Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на этотъ источникъ мы будемъ для удобства называть его просто—«Полоцкая Ревизія».

«Лукьяновъщына», купля «матки» его. На ней: 1 слуга путный и 3 человѣка, дающіе ему четвертую долю «со всякого збожа». 8) «Ловейковщызна», купля самого И. Зеновевича. На ней: 1 слуга домовый, служащій «з сукни», 4 огородника, 9 дымовъ людей вольныхъ и 3 человѣка, сидящіе на волѣ. 9) Къ двору Диснѣ два сельца—отчизна и дѣдизна на Туросе и Гомей. Въ нихъ: 1 слуга домовый, служащій «з сукни», 2 слуги путныхъ, 2 человѣка, составляющихъ одну тяглую службу, 7 дымовъ людей вольныхъ и 1 огородникъ. 10) Въ сельцѣ Нощыничахъ 2 человѣка куничныхъ. 11) Отчизная земля подъ Городомъ Полоцкомъ на Просмужцу. На ней 6 человѣкъ, платящихъ Зеновевичу 15 грошей. 12) Двѣ лавки на рынкѣ въ мѣстѣ Полоцкомъ, съ которыхъ Зеновевичу шло по 20 грошей въ годъ [1]). Подведя итогъ подъ цифрами, обозначающими населеніе имѣній Полоцкаго хоружія, мы получимъ картину очень значительнаго имѣнія. Въ самомъ дѣлѣ ему принадлежали 4 боярина, имѣвшіе своихъ людей, 30 путныхъ слугъ, 19 огородниковъ, 7 домовыхъ слугъ, крестьянъ разныхъ видовъ 133 дыма и 15 человѣкъ, да кромѣ того еще на волѣ сидѣли 3 человѣка. Когда мы познакомимся съ экономическимъ положеніемъ шляхетской массы, намъ явится картина достатка Полоцкаго хоружія еще болѣе яркою.

При своемъ выдающемся среди народа шляхты повѣтовой положеніи хоружій, естественно, и помимо своего прямого назначенія въ дѣлѣ посполитаго рушенья исполнялъ цѣлый рядъ порученій и дѣлъ. Эти дѣла и порученія возлагались на него какъ высшими властями, такъ и повѣтовою шляхтою: и въ глазахъ властей, и въ глазахъ шляхетныхъ обывателей онъ былъ лицомъ, облеченнымъ довѣріемъ, и человѣкомъ «статечнымъ». Наиболѣе видною ролью хоружія была роль его при «выводѣ шляхетства». Онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой изъ повѣтовой шляхты могъ удостовѣрить шляхетство обывателя и его предковъ, такъ какъ онъ бывалъ въ каждомъ повѣтовомъ рушеньѣ, давалъ отчеты въ составѣ рушившейся шляхты маршалку, или кашталяну и уже тѣмъ самымъ необходимо зналъ всѣхъ шляхетныхъ обывателей своего повѣта. Если законъ требовалъ присяги двухъ шляхтичей

---

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 38—39 об. Источникъ не обозначаетъ количества земли, принадлежащей И. М. Зеновевичу, указывая лишь цифру населенія въ его имѣніяхъ, повинности его и доходы владѣльца.

въ шляхетствѣ выводящаго свой родъ [1]), то практика, какъ мы это уже видѣли выше, выдвинула хоружихъ, какъ лицъ, наиболѣе удобныхъ для свидѣтельствованія о шляхетствѣ обывателей [2]). Въ эпоху дореформеннаго земскаго суда, намѣстникъ, творившій судъ, нерѣдко имѣлъ при себѣ хоружія въ числѣ «добрыхъ людей», съ которыми онъ «чинилъ намову» [3]). Послами на сеймъ также часто посылались повѣтовою шляхтою хоружіе. Такъ на Торунскій вальный сеймъ 1576 года князья, земскіе врядники и вся шляхта Витебскаго повѣта послали своими послами князя Юрія Соколинскаго, подкоморія Өедора Данильевича, хоружія Ивана Өедоровича и хоружича Богдана Пашницкаго [4]). Встрѣчаемъ хоружихъ и въ числѣ лицъ, которыя «депутовались» повѣтовыми сеймиками для внесенія сеймиковаго акта въ судовыя книги [5]), встрѣчаемъ хоружихъ и въ качествѣ поборцевъ [6]) и въ качествѣ членовъ земскаго суда [7]); послѣднее совмѣщеніе, т.-е. совмѣще-

---

[1]) II ст. III. 16.

[2]) См. выше (стр. 240—241) дѣло Проствиловичей. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 39—40.

[3]) А. Вил. XVII. №№ 70, 75, 76, 80, 94, 95, 128, 150, 151, 152 и др.

[4]) А. З. Р. III. № 73.

[5]) Нпр., 10 янв. 1597 года внесли инструкцію Берестейскаго сеймика въ Берестейскія земскія книги «урожоные ихъ милость панъ Василей Букраба, хорунжый воеводства Берестейскаго, панъ Остафій Янъ Тишкевичъ, воеводичъ Берестейскій, секретарь его королевское милости, будучи депутованыи на одданью ку уписанью до книгъ инструкціи, на соймику въ року прошломъ...» А. Вил. II. Стр. 149. Издатели этого тома ошибочно поставили дату этого «актикованья» инструкціи въ книги судовыя — 10 января 1596 года. Самый документъ датированъ 30 декабря 1596 года, а потому и не могъ быть внесенъ въ земскія книги 10 января того же года. Сеймикъ, объ инструкціи котораго идетъ рѣчь, былъ созванъ передъ вальнымъ сеймомъ, засѣдавшимъ отъ 4 февраля по 23 марта 1597 года. См. *J. Szujski*. Dzieje Polski. III. W Krakowie. 1895. Str. 169.

[6]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 162: Щасный Харменскій, хоружій и поборца Кіевскій (1571 г.).

[7]) Нпр., Хоружій Слонимскій, панъ Михаилъ Лавриновичъ Соколовскій въ 1555 году былъ назначенъ писаремъ земскимъ Слонимскимъ (А. Вил. XXII, стр. 2). Въ 1566 году, послѣ преобразованія суда онъ продолжаетъ совмѣщать хоружество съ судовымъ врядомъ, теперь уже съ должностью земскаго судьи (ibidem, стр. 206). Въ 1570 году панъ Михаилъ Соколовскій продолжаетъ еще быть и судьею земскимъ и хоружимъ Слонимскаго, повѣта. Въ продажной записи Слонимскаго земянина Конона пану Михаилу Соколовскому читаемъ, что Кононъ продалъ свою «отчизну» пану М. Соколовскому «хоружому и судьи земъскому повету Слонимского» (А. Вил. XXII. № 650). При этомъ М. Соколовскій названъ занимающимъ оба вряда актомъ дважды (стр.

ніе земскаго судоваго вряда съ хоружествомъ, было, однако, запрещено категорически впослѣдствіи статутомъ 1588 года [1]). Что касается до королевскихъ пожалованій, то хоружіе получали ихъ отъ короля и въ видѣ земель, и въ видѣ доходныхъ статей подобно тому, какъ ихъ получали и другія награждаемыя лица [2]).

Кромѣ повѣтовой шляхты имѣли своихъ хоружихъ и Литовскіе Татаре. Привилей Сигизмунда Августа, данный изъ Варшавы 22 іюня 1570 года). «Татарину Аликечу Улану Бекгимовичу на хоружество Татарское стягу Городенского», гласитъ, что хоружество уланское надъ Татарами Городенскаго стяга до этого времени держалъ и имъ завѣдывалъ слуга государевъ, князь Магметъ Уланъ Юхновичъ. Онъ умеръ и панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, кашталянъ Виленскій, гетманъ наивысшій Литовскій, староста Городенскій, державца Могилевскій, озабоченный тѣмъ, чтобы это хоружество «не ваковало, и часу потребы никоторое ся омешканье в послугах» государевыхъ и земскихъ «не деяло», отдалъ «в заведанье и справу» это уланское хоружество Городенскаго стяга князю Аликечу Улану Бекгимовичу. Сдѣлавъ это, Ходкевичъ написалъ къ королю, прося его, хотя и post factum, пожаловать это хоружество слугѣ королевскому, князю Бекгимовичу. Сигизмундъ Августъ исполняетъ просьбу Ходкевича и даетъ Бекгимовичу этотъ врядъ. «Маетъ онъ», гласитъ привилей, «тое хоружьство Уланьское над Татарами стягу Городеньского держати и онымъ потому, якъ небошчикъ князь Магъметъ Уланъ Юхновичъ радилъ, справовати и пристойне ся на немъ в послугах нашихъ господарьскихъ и земских заховати, ажъ до живота его». Тѣмъ же днемъ (22 іюня 1570 года) помѣчена и королевская

443 и 414). Это мѣсто мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть потому, что выше стр. 228, 302, 306, 309, 310, 442 и др.) М. Соколовскій называется просто земскимъ судьею. Интересно, что въ другихъ актахъ онъ называется иногда и просто хоружимъ. Такъ, въ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ въ документѣ, находящемся на листахъ 39—40, читаемъ: «хоружый Слонимский Михал Соколовский» (1569 г.)

[1]) III ст. IV. 2.

[2]) Нпр., А. З. Р. III, № 127 (1581 г.): Өеофану Богдану, архіепископу Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Стефанъ Баторій жалуетъ Онуфріевскій монастырь, который за «листомъ» Сигизмунда Августа «держалъ до живота своего хоружый Мстиславскій Богданъ Селицкій»

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 69 об.—70. Тотъ же привилей—Лит Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 119. Первый списокъ ошибочно называетъ въ заглавіи стягъ Новгородскимъ, а не Городенскимъ.

грамота [1]) Татарамъ стяга Городенскаго съ приказаніемъ имъ, чтобы они, «о томъ ведаючи а подъ справою его будучи, в послугах» государевыхъ и земскихъ, «вряду его належачих, его послушни были». Хоружіе Татарскіе, очевидно, играли ту же роль въ рушеньѣ Татаръ своихъ стяговъ, какую и хоружіе повѣтовые играли въ рушеньѣ шляхты своего повѣта.

Маршалокъ и хоружій стояли во главѣ повѣтовой шляхты во время ея рушенья—они вели ее въ походъ. Но существовали въ повѣтахъ врядники, которымъ была ввѣрена охрана безопасности самаго повѣта и его центральныхъ пунктовъ и укрѣпленныхъ замковъ. Городскія укрѣпленія и военные матеріалы и оружіе для ихъ обороны подлежали завѣдыванію городничихъ. Акты совершенно отчетливо характеризуютъ этотъ урядъ. Въ грамотѣ Сигизмунда I, данной имъ въ въ 1541 году, затѣмъ представленной шляхетными обывателями Мстиславскаго повѣта Сигизмунду Августу для подтвержденія и имъ подтвержденной 24 ноября 1551 года [2]), читаемъ, что обязанности городничихъ состоятъ въ томъ, чтобы они, будучи «на замкохъ» городничими «речи бронные замковые заведали, которые бы для часу потребы отъ непріятеля» государева «опатрнѣ въ цѣлости черезъ нихъ были хованы». Но не только храненіе орудій обороны замка должно быть заботою городничія, онъ обязанъ имѣть попеченіе о самыхъ замковыхъ укрѣпленіяхъ и распоряжаться ихъ постройкою и починкою, распредѣляя эту работу между волостями. Такъ, во время работъ по укрѣпленію Кіевскаго замка въ началѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія Кіевскій городничій, Иванъ Служка, по приказу королевскому замокъ «вымѣрылъ и по части въ ровность на кождую волость того замку (нашого), водлугъ почту людей, роботы роздалъ» [3]). Городничіе бывали въ болѣе значительныхъ городахъ-замкахъ [4]) великаго княжества Литовскаго, независимо

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{49}$ л. 70 об.

[2]) А. Ю. и З. Р. I. № 124. ***Гейденштейнъ*** опредѣляетъ городничія, какъ «чиновное лицо, имѣющее попеченіе объ укрѣпленіяхъ и замкахъ». (Записки о Моск. войнѣ. СПБ. 1889. Стр. 76).

[3]) А. Ю. и З. Р. I. № 109.

[4]) ***У М. К. Любавскаго*** въ его изслѣдованіи городничьяго вряда (Областное дѣленіе и проч. Стр. 474) есть неточность выраженія. Онъ говоритъ: «городничіе существовали въ *центральныхъ* замкахъ областей, бывшихъ главными базисами ихъ обороны». Но это простая обмолвка, такъ какъ на стр. 667 того же капитальнаго труда читаемъ: «...городничіе, которые назначались

отъ ихъ значенія, какъ центровъ воеводствъ и повѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ городничими Виленскимъ [1]), Троцкимъ [2]), Полоцкимъ [3]), Витебскимъ [4]), Минскимъ [5]) и другихъ центральныхъ пунктовъ воеводствъ [6]), встрѣчаемъ и городничихъ замковъ, не имѣющихъ совершенно повѣтово-центральнаго значенія и являющихся лишь простыми военными пунктами, вродѣ, напримѣръ, Дриссы, замка «украиннаго» [7]), городничимъ котораго былъ въ 1568 году Иванъ Богдановичъ Ракуса [8]).

Назначается городничій королемъ [9]). Шляхта повѣтовая стре-

господаремъ для *важнѣйшихъ* замковъ...» О городничемъ см. *С. А. Бершадскій.* Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады великаго княжества Литовскаго. Кіевъ. 1888. (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Стр. 43—48. Также—*И. Д. Бѣляевъ.* Разсказы изъ Русской исторіи. Книга четвертая. М. 1872. Стр. 404—406. *X. Wincenty Skrzetuski.* Prawo polityczne narodu Polskiego. I. Str. 213. *I. W. Bandtkie-Stężyński.* Historya prawa Polskiego. Str. 631.

[1]) Нпр., бывшій городничій Виленскій небощикъ Енъ (?) Прайтфусъ, городничій Виленскій Войтехъ Протоцкій. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 115 (6 мая 1574 года).

[2]) А. З. Р. III. № 97 (1578 г.): тивунъ и городничій Троцкій панъ Мартинъ Стравинскій. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 187 об. (20 марта 1584 года).

[3]) Нпр., Фронцъ Бартошевичъ Жукъ. А. З. Р. III. № 135 (1582 г.). А. Ю. и З. Р. I. № 196 (1589 г.).

[4]) Писцовыя книги, изд. *Калачова.* I. Отд. II, стр. 425.

[5]) Нпр., Волчокъ Шепелевичъ А. Ю. и З. Р. I. №№ 61 (1516), 62. I (1516), 62. II (1517). Адамъ Волотковичъ—привилей ему на городничество Минское, данный въ 1588 году, см. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 274. См. также А. Вил. XIII, стр. 7: сыновья городничія Минскаго Петра Оношка (1508).

[6]) Нпр., Володимерскій. А. Ю. и З. Р. I. № 150, или Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 29, 29 об. См. также *М. К. Любавскаго.* Обл. дѣл. и пр. passim и *A. Bonieckiego.* Poczet Rodów. Str. IX.

[7]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{III\ A}{7}$ л. 174 об. такъ ее называетъ.

[8]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 21, 21 об.

[9]) Приводимъ для образца «привилей Адаму Волотковичу на городництьство Миньское», относящійся къ 1588 году. «Жыкгимонтъ третий. Ознаймуемъ сим листом нашым. Маем того ведомость от воеводы Троцкого, державцы Упитского, его милости пана Яна Глебовича на Дубровне, иж судя земский Миньский, Мартин Волоткович, будучы зошлый в летех, вряд городництво замку нашого Миньского з себе складаючы, сыну своему Адаму Мартиновичу

милась уже въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія къ тому, чтобы на эту должность въ повѣтѣ назначались только шляхетные обыватели этого же повѣта и чтобы король «иншого, обчого, неродича тамошнего городничимъ» не назначалъ, «жебы ихъ братья, земяне тамошніе, на тыхъ замкохъ» были городничими—такъ по крайней мѣрѣ сумѣла выговорить себѣ у короля шляхта Мстиславская и Радомская [1]). Въ изслѣдуемый періодъ времени назначеніе королемъ на врядъ городничія непремѣнно обывателя-шляхтича того же самаго повѣта, въ которомъ дѣйствовалъ этотъ врядникъ, было общимъ явленіемъ и общимъ порядкомъ для цѣлаго Княжества. Городничій имѣлъ и своего секретаря, замковаго писаря, необходимость котораго для него ясна уже изъ того, что ему приходилось вести списки «вежъ» и «стрѣльбы» замковыхъ [2]), не говоря о другихъ надобностяхъ въ дѣлѣ письмоводства. Такой писарь назначался королемъ, но, конечно, по всей вѣроятности, если не всегда, то обыкновенно, по представленію самого городничія. Такъ, когда умеръ писарь Виленскаго замка, Станиславъ Чаисъ, то король Стефанъ назначилъ ему преемникомъ «за причиною», по просьбѣ самого Виленскаго городничія—шляхетнаго Шимона Дхоровскаго, «взявъ» его «за слугу» своего «за залеценемъ» того же городничія [3]). Этотъ писарь замка Ви-

Волотковичу пустил и билъ нам чоломъ через воеводу Троцкого, абыхмо при том городницстве помененого сына его Адама Волотковича зоставили а то ему листом нашым утвердили. А иж от того воеводы Троцкого цнота, верность и годность того Волоткевича залецона естъ, мы господаръ, чынечы волным Мартина Волотковича от того вряду, сыну его Адаму Волотковичу оный вряд городницство Минское дали есмо и сим листом нашым даемъ, на котором онъ будучы, всякое учстивости, владзы и пожитков, на тотъ вряд здавна належачых, ужывати маеть потому, яко отецъ его и иные перед тым городничые бывшые заховывалисе до жывота своего, альбо до лепшого опатренья нашого. И на то дали есмо Адаму Мартиновичу Волотковичу, городничому замку нашого Миньского, сес нашъ листъ с подписом руки нашое господарское, до которого и печать нашу притиснути есмо велели. Писан у Кракове» 1588 года февраля (число оторвано). Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 274.

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 124.

[2]) См., нпр., списокъ ихъ въ Полоцкой Ревизіи (л. 1—5 об.).

[3]) Вотъ этотъ документъ: «Стефан Божю милостю» и проч. «Ознаймуемъ симъ листом нашим всим вобецъ и кождому зособна, иж по зестю с того света писара замку Виленьского Станислава Чаиса за залеценемъ нам господару городничого Виленского пана Войтеха Претоцкого взяли есмо за слугу нашого шляхетного Шимона Дхоровского, которому з ласки нашое господарьское за причиною тогожъ помененого городничого Виленьского дали и

ленскаго дѣйствуетъ «подъ справою» пана городничія и получаетъ опредѣленное ежегодное денежное жалованье—«юргельтъ».

Городничество имѣетъ и свои земли. Такъ, Сигизмундъ III въ листѣ, данномъ имъ въ Краковѣ 28 января 1588 года, говорилъ: «ознаймуемъ симъ нашим листомъ, иж што перво того продокъ нашъ, кр. его милость Полский и великий княз Литовский Жикгимонт Авъгустъ, ведучи валъку с княземъ великимъ Московским, потребуючи пенезей людемъ служебнымъ на заплату и на иншие потребы свои, державу Сомилискую двор, место, волость, люди Старотроцъкие и *городницства Троцъкого* со всимъ, яко се оный двор, место и волость Сомилишъская, фольварокъ тивунства Троцъкого Старие Троки з людми и зо всими кгрунты Петру Оборъскому у двух тисечахъ копах гр. заставити и завести рачил...» [1]). Акты знаютъ также случаи занятія городничимъ земли частныхъ лицъ «ку стайнямъ» государевымъ, въ которыхъ, вѣроятно, стояли лошади для передвиженія замковыхъ орудій и военныхъ запасовъ [2]).

Исполненіе обязанностей городничія вознаграждалось доходомъ, шедшимъ на эту должность. Выше мы видѣли указаніе на земли

назначили есмо на тое писарство замковое певъный юркгелтъ, то ест кождого году по сороку золотых Полских. Маеть он тое писарство замковое, будучы под справою пана городничого Виленьского, справовати и всего того, чого небощик Станцель (sic) Чансъ догледалъ и заведалъ заведывати и догледати, справуючися во всемъ пристойне и пилне до лепшого з ласки нашое опатренья. И на то дали есмо ему сесъ нашъ лист з нашою печатью и с подписом руки нашое господарьское. Писан у Вилни». 30 мая 1581 года. «Stephanus Rex. Миколай Ясенский писар». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 92 об.

1) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 278 об.

2) Такъ, въ листѣ, данномъ королемъ Генрихомъ пану Мальхеру Сновскому и пану Григорію Войнѣ, сообщается отъ имени короля земскому подскарбію (Н. Нарушевичу) и Виленскому городничію (Войтеху Протоцкому): «поведил перед нами маршалокъ нашъ, судя земский Новгородский, державца Куренецкий, панъ Малхер Жикгимонтовичъ Сновский, самъ отъ себе и именемъ ротъмистра нашого пана Григоря Войны, ижъ дей што который пляцъ у месте Виленьскомъ, при стайнях наших тамошнихъ лежачый, з будованьемъ тымъ, што на нем есть, малъжонкомъ ихъ, то естъ малъжонце его Сновского, пании Барбаре Клочковне, а малъжонце Григоря Войны, пании Раине Клочковне, певным правом по небощику пану Матею Клочку прислухаючый, перво сего черезъ бывшого городничого Виленьского, небощика Епа Прайтъфуса безъ ведомости и позволенья ихъ ку стайнямъ нашимъ Виленьскимъ есть занятъи прилучонъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 115, 115 об. (6 мая 1574 года).

городничества и тивунства Троцкаго. Но и съ земель державъ также шелъ доходъ городничію. М. К. Любавскій приводитъ рядъ свидѣтельствъ [1]) о доходахъ городничихъ (дякло, колодина, глинные пенязи) эпохи до перваго статута. Источники времени, болѣе близкаго къ періоду, изслѣдуемому въ настоящей работѣ, также знаютъ доходы городничія. Съ селъ пригонныхъ Полоцкаго замка шелъ опредѣленный взносъ въ пользу городничія. Такъ, село Зябки (дымовъ 13, а сябровъ ихъ 9) по ревизіи Полоцкаго воеводства, составленной въ 1552 году, давало «заданю городничому Полоцкому осмъ гроше шыроких и тры угорычы» (т.-е. угря [2]), село Клясичи (14 дымовъ) платило «заданю городничому Полоцъкому одинадцат грошей шыроких» [3]) и т. д. Бывало, конечно, что за свою службу городничіе награждались и имѣніями-выслугами отъ короля [4]). Какъ врядникъ и лицо, пользующееся авторитетомъ, городничій иногда спрашивался при «выводѣ шляхетства», какъ, напримѣръ, былъ спрошенъ Дрисскій городничій Иванъ Богдановичъ Ракуса въ 1568 году въ Кнышинѣ вмѣстѣ со старостою Дисненскимъ, ротмистромъ королевскимъ, паномъ Боркулабомъ Ивановичемъ и девжавцею Воронецкимъ, паномъ Оникеемъ Андреевичемъ Корсаками—въ дѣлѣ доказательства шляхетства Григорія Семеновича Щита [5]). Случалось, что городничій замѣнялъ и старостинскаго намѣстника въ повѣтовомъ центрѣ. Напримѣръ, 11 марта 1577 года было сдѣлано одно заявленіе передъ «Павломъ Соклицкимъ, городничимъ замку господарского Берестейского, на мѣсцу вельможного пана его милости пана Троцкого, въ одъѣханью пана Малхера Райского, подстаростего Берестейского, зоставленымъ». Заявленіе это вмѣстѣ съ «сознаньемъ» вознаго по этому дѣлу было внесено въ городскія Берестейскія книги [6]).

Врядъ городничія существовалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ уже въ XV столѣтіи [7]). Съ тѣмъ же значеніемъ, кото-

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Областное дѣленіе и пр. Стр 474, 475.

[2]) Полоцкая Ревизія. Л. 26. [3]) Ibidem. Л. 26 об.

[4]) Нпр., «поведили тые Забеляне (т.-е. жители села Забелья), иж которые села небощык пан Иван городничый выслужыл на господарьи его милости славное памети короли Жыкгимонте—Ореховно, Загатье, Солонеевичы, Прозороки, Санники, в которых менили быти о полтораста подымя». Ibidem. Л 23 об.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 21, 21 об. [6]) А. Вил. V. № 419.

[7]) См. Записи земельныхъ дачъ короля Казиміра. Д. М. Арх. М. Юст. I.

рое онъ имѣлъ въ XVI и, повидимому, въ XV столѣтіяхъ, врядъ этотъ продолжалъ существовать и въ послѣдующее время. Одинъ документъ середины XVII столѣтія прекрасно рисуетъ обязанности городничія въ тѣхъ же чертахъ, что и въ предшествующее время, но болѣе подробно опредѣляетъ ихъ и потому яснѣе представляетъ читателю. Мы имѣемъ въ виду привилей короля Яна Казиміра, данный 4 мая 1662 года Константину Пѣтуху на должность Могилевскаго городничія [1]). Въ немъ читаемъ: «ktory to horodniczy nasz ma y powinien będzie oprawę y obronę zamku tamecznego obmyslac, znaszaiąc się z woytami tameczney włosci, cekawzem, puszkarzami y ich włokami zawiadywac, piechotę, do obrony zamkowey z teyże włosci wybieraiąc onych cwicząc, pod czas incursiey i nieprzyiacielskiey munitiey wszystko w dozorze miec y wszelakiego porządku postrzegac, zostawuiąc pod władzą oekonoma naszego tamecznego, ktoremu y prowiant doroczny naznaczamy, to iest z włok dwoch przetak ięczmienia, przetak owsa, z włok czterech przetak przenicy, przetak gryki, z włok dwudziestu woz siana, z włok dwuchset iałowica, kaban ieden, para baranow: a nadto żadney rzeczy nie powinien będzie wymyslac». 30 марта 1663 года панъ Константинъ Пѣтухъ, въ качествѣ уже Могилевскаго городничія, представилъ для вписанія въ книги Могилевскаго магистрата инвентарь [2]) замка Могилевскаго, составленный паномъ Юріемъ Суходольскимъ, чесникомъ Мстиславскаго воеводства скарбовымъ королевскимъ дворяниномъ, подстаростою Могилевскимъ въ присутствіи двухъ Оршанскихъ генераловъ-возныхъ и двухъ шляхтичей, представлявшихъ собою «сторону» при этомъ актѣ. На отвѣтственности городничія, такимъ образомъ, былъ замокъ и состояніе его укрѣпленій и средствъ обороны—обязанности весьма серьезныя, такъ какъ замокъ являлся не только оплотомъ противъ вражескаго нашествія, но и мѣстомъ спасенія для обывателей съ ихъ семьями и имуществомъ въ годины бѣдствій вторженія непріятеля. Шляхетскіе дома въ городахъ служили своимъ владѣтелямъ не только во времена сеймиковъ и шляхетскихъ съѣздовъ, или просто поѣздокъ шляхтичей въ городъ по своимъ частнымъ

М. 1897. Стр. 20. Акты *Леонтовича*. I. № 32. См. также Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ. XXXV. СПБ. 1882. № 66 (1501 г.): «лѣта 7009, генваря въ 13 день, пріѣхалъ изъ Литвы отъ великого князя Александра посольствомъ Богданъ Иващенцовъ городничего». Много указаній и въ другихъ источникахъ.

[1]) Историко-Юридич. Матеріалы. X. Стр. 321—323.

[2]) Ibidem. Стр. 323—329.

дѣламъ, но и во время вторженія врага въ предѣлы повѣта. Особенно ярко обрисовывается источниками это значеніе города для эпохи Московской войны (съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ) короля Яна Казиміра, но факты, сохраненные актами этого времени, могутъ съ полнымъ правомъ служить для характеристики этого значенія города Княжества и для предшествующаго времени. И «маетность рухомая» и всѣ привилеи, справы и листы [1]) отвозила шляхта въ замки, «видучы страхъ, удавшисе зо всимъ убозтвомъ своимъ....» [2]).

Рядомъ съ городничимъ въ дѣлѣ охраны повѣта стоитъ войскій. М. К. Любавскій отмѣчаетъ войскихъ въ Берестейско-Подляшской землѣ, указывая на то, что эта должность возникла по примѣру Польши [3]) и существовала уже въ нѣкоторыхъ частяхъ великаго княжества Литовскаго еще до эпохи перваго статута (1529 г.). Адамъ Бонецкій называетъ войскихъ Бѣльскихъ (до 1554 года), Брестскихъ (до 1547 г.), Дорогицкихъ (до 1570 г.), Гродненскихъ (до 1551 г.), Каменецкаго (до 1541 г.), Кобринскаго (до 1557 г.), Кремянецкаго (до 1528 г.), Мельницкихъ (до 1558 г.), Пинскихъ (до 1569 г.), Слонимскаго (до 1541 г.) [4]). Послѣ Уніи 1569 года и отторженія Польшею, отъ Княжества южныхъ областей его и Подляшья только четыре изъ этихъ войскихъ остались врядниками Литовскими, а именно Брестскій, Городенскій, Пинскій и Слонимскій. Но, конечно, и войскіе этихъ повѣтовъ существовали послѣ хронологическихъ датъ, приведенныхъ Бонецкимъ, да и были войскіе не только въ нихъ, но по всей вѣроятности во всѣхъ повѣтахъ Литовскихъ, и только упоминанія о нихъ случайно не встрѣтились Бонецкому. Въ самомъ дѣлѣ, можно привести примѣры упоминанія источниками войскихъ и земли Жомоитской [5]), и Новгородскаго [6]).

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. XVII. Стр. 177—180, 219, 227 и сл., 234 и сл., и др.

[2]) Ibidem. Стр. 179.

[3]) *М. К. Любавскій.* Областное дѣленіе и пр. Стр. 673.

[4]) Poczet Rodów. Str. XLVIII—XLIX.

[5]) Нпр., панъ Янъ Яновичъ Бурба, войскій земли Жомоитской (1586 г.) А. Вил. XXVI. № 629, или войскій земли Жомоитской, панъ Войтехъ Шеметъ (1580 г.) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 23 об.—24.

[6]) Нпр., войскій Новгородскій, державца Пуньскій, панъ Александръ Бриндза (время безкоролевья послѣ смерти Сигизмунда Августа). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 40 об.

и Минскаго [1]), а также рядъ указаній на войскихъ второй половины XVI вѣка, о которыхъ совсѣмъ не упоминаетъ Бонецкій [2]).. Польскій историкъ права считаетъ войскихъ врядниками, существовавшими въ каждомъ Литовскомъ повѣтѣ [3]), и противъ этого едва ли возможно спорить.

Врядъ войскаго—врядъ земскій. Акты прямо говорятъ: «врядъ земский, войское Берестейское» [4]). Назначаетъ на этотъ врядъ самъ король. Когда, напримѣръ, умеръ войскій Берестейскій Рафалъ Прокулей Литвиновскій, который «державъ» отъ короля этотъ врядъ «до живота своего», Сигизмундъ Августъ назначилъ въ Берестье новаго войскаго. Онъ выбралъ для этого назначенія своего дворянина Григорія Вагановскаго, «маючи ласкавый взглядъ на службу» его, «яко онъ, от немалого часу на дворе» королевскомъ «будучи, ласку» королевскую «пильне заслуговалъ собе». Другими мотивами для этого назначенія были желаніе короля сдѣлать Вагановскаго впередъ «тымъ охотнейшого» къ службамъ государевымъ, а также и «причина», ходатайство Троцкаго кашталяна и подканцлера Литовскаго, старосты Берестейскато и Кобринскаго, пана Остафія Воловича. По словамъ привилея, дается королемъ Вагановскому «врядъ земский, войское Берестейское зо

[1]) «Листъ пана Ванкевичовъ на войское Менское». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 11. Тотъ же документъ Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 16, 16 об. (22 іюля 1576 года): дается врядъ Минскаго войскаго, вакантный послѣ смерти князя Петра Пузины.

[2]) Нпр., «Матей Савицкій, писаръ и секретаръ, староста Мельницкій, войскій Дорогицкій» (1569 г.) А. Ю. и З. Р. I. № 151. Онъ же (1571 г.)—ibidem, № 159. Рафалъ Прокулей (Литвиновскій), войскій Берестейскій съ 13 апрѣля 1568 г. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 11. Его преемникъ Григорій Вагановскій съ 1570 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 76, 76 об. Панъ Бенедиктъ Василевичъ, войскій Городенскій. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 7, 7 об. (30 мая 1566 г.). Григорій Война, войскій Городенскій. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 143 об., 144 (листъ ему на войское Городенское, данный въ Торунѣ 15 декабря 1576 года). Аврамъ Мелешко, войскій Слонимскій. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 185 об. и сл., $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 77, 77 об. (листъ ему на войское Слонимское, данный въ Торунѣ 31 октября 1576 года).

[3]) *J. W. Bandtkie-Stężyński.* Hist. pr. p. Str. 629

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 76—76 об.

всякою учстивостью и владностю, тому вряду належачою, такъже и зо всякими пожитки и доходы, здавна и тепер тому вряду приходячими и належачими, до живота его» [1]).

Врядъ войскаго можетъ быть совмѣщаемъ съ другими врядами повѣта, даже съ такими обремененными дѣлами, какъ писарство земское [2]). Уже это должно говорить о томъ, что войскій по своему уряду не былъ заваленъ дѣлами. По опредѣленію Н. Горбачевскаго войскій «въ древности тоже, что войтъ, въ позднѣйшее время—адъютантъ гетмана. Обязанностью его было: смотрѣть за безопасностью воеводства или земли, заступать мѣсто каштеляна во время всеобщаго ополченія шляхты. Войскіе были большіе и меньшіе», далѣе продолжаетъ Горбачевскій, «большіе—земскіе, а меньшіе—гродскіе» [3]). Въ этомъ опредѣленіи вѣрнымъ можетъ быть признано лишь то, что обязанностью войскаго было наблюденіе за безопасностью повѣта во время отсутствія изъ него повѣтовой шляхты въ посполитомъ рушеньѣ. Что касается до смѣшенія войскаго съ войтомъ, или обращенія его въ гетманскаго адъютанта, то это явное недоразумѣніе, на которомъ не нужно даже и останавливаться. Раздѣленія войскихъ на большихъ и меньшихъ великое княжество Литовское не знало: оно имѣло мѣсто лишь въ Польшѣ [4]). Ближе къ вѣрному пониманію значенія вряда войскаго Порай-Кошицъ, который говоритъ, что «войскій Литовскій (tribunus) обязанъ былъ, подобно Коронному, принимать надлежащія мѣры для всеобщей безопас-

---

[1]) Далѣе привилей продолжаетъ: «маеть Григорей Вагановский тотъ вряд войское Берестейское потому, яко перед тым ажъ до сего часу вси войские Берестейские тотъ вряд держали, зо всякою учъстивостью и владностью его держати, также всяких доходовъ и пожитковъ, к нему здавна и тепер належачих, уживати и на томъ вряде слушне и пристойне се радити и справовати ажъ до живота своего. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ, подписавши его рукою нашою господарьскою, до которого на тверъдость того и печать нашу притиснути есмо велели. Писанъ у Варъшаве» 31 іюля 1570 года. «Подписъ руки господарьское. Базилиусъ Древинский писарь». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 76, 76 об.

[2]) Нпр., «Листъ, Авраму Мелешку на войское и писарство земъское повету Слонимского належачый». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 185 об. и сл.

[3]) *Н. Горбачевскій*. Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго края и царства Польскаго. Вильна. 1874. Стр. 366.

[4]) *Bandtkie-Stężyński*. Hist. pr. p. Str. 628, 629 i 630. См. также Słownik rzeczy starożytnych. Kraków. 1896. Str. 478—481.

ности особенно въ то время, когда дворянство выступало въ походъ противъ непріятеля» [1]). Но и этотъ авторъ ошибочно дѣлитъ войскихъ на земскихъ и гродскихъ, не различая такимъ образомъ вряда войскаго въ Княжествѣ и одноименнаго вряда въ Коронѣ [2]). Врядъ войскаго въ его обязанностяхъ и назначеніи довольно хорошо опредѣляется однимъ привилеемъ, приводимымъ М. К. Любавскимъ въ только что вышедшемъ его капитальномъ изслѣдованіи Литовско-Русскаго сейма. Въ этомъ привилеѣ, выданномъ 20 февраля 1534 года земянину Мартину Туру королемъ на врядъ войскаго въ Берестьѣ, читаемъ: «маеть онъ тое войское держати и въ небытности старосты нашого Берестейского часовъ небезпечныхъ отъ неприятелей, або естли бы служба наша земская зашла, при томъ замку нашомъ мешкати и въ доброй опатрности его мети и во всемъ справоватися такъ, яко иншии войскии на замкахъ нашихъ ся справують» [3]). Врядъ войскаго былъ, очевидно, перенесенъ въ Литву изъ Польши съ тѣмъ измѣненіемъ, что Княжество усвоило просто должность войскихъ, безъ раздѣленія ихъ на большихъ и меньшихъ; въ Польшѣ же войскіе были обязаны вмѣстѣ съ подстаростами находиться во время посполитаго рушенья въ замкахъ, вѣдая охрану мѣстной безопасности. Конституція 1621 года, которая предписываетъ это [4]), прибавляетъ, что войскіе «prawem dawnem» освобождены отъ посполитаго рушенья [5]), и несомнѣнно, что дѣйствительно издавна были опредѣляемы именно такъ обязанности войскаго. Еще конституція Піотрковскаго сейма 1538 года постановила, что новыя должности войскихъ, установленныя королемъ, будутъ существовать лишь до смерти лицъ, ихъ занимавшихъ [6]); конституція же сейма 1550 года, также собравшагося въ Піотрковѣ, уничтожила всѣ новые вряды войскихъ, установленные послѣ 1538 года, объясняя это тѣмъ, что «woiennеy służby Woyskiemi nie mało ginie» [7]). Понятна забота сейма о томъ, чтобы войскихъ не было слишкомъ много: они освобождались отъ обязанности участвовать въ посполи-

---

[1]) Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ. Сочиненіе Коллежскаго Совѣтника Ивана Порай Кошица. Санктпетербургъ. 1858. Стр. 49.

[2]) Ibidem.

[3]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 161. Привилей этотъ— Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{17}$ л. 469 об., 470.

[4]) Volumina legum. III. Petersburg. 1859. Str. 202. [5]) Ibidem. Str. 201.

[6]) Vol leg. I. Str. 261. De novis Tribunatibus.

[7]) Vol. leg. II. Str. 7. 17.

томъ рушеньѣ. Что касается до Литовскаго великаго княжества, то въ немъ было не болѣе одного войскаго на повѣтъ.

Какъ мы видѣли выше, на врядъ войскаго назначаетъ самъ король. Если въ приведенномъ выше примѣрѣ назначенія Григорія Вагановскаго на Берестейское войское король принималъ во вниманіе ходатайство и рекомендацію старосты Берестейскаго, т.-е. старосты того повѣта, въ который войскій назначался, то въ другихъ случаяхъ встрѣчаются примѣры назначенія королемъ войскаго безъ всякаго ходатайства и рекомендаціи повѣтовой власти. Такъ, Рафалъ Прокулей, предшественникъ Вагановскаго на врядѣ Берестейскаго войскаго, былъ назначенъ Сигизмундомъ Августомъ изъ дворянъ королевскихъ по ходатайству Яна Еронимовича Ходкевича [1]), не имѣвшаго никакой административной власти въ Берестейскомъ повѣтѣ [2]).

Въ повѣтѣ своемъ войскій занималъ почтенное положеніе. Въ эпоху дореформеннаго суда въ великомъ Княжествѣ, т.-е. въ эпоху до реформы 1564—1566 годовъ [3]), когда областной судъ сосредоточивался въ земскомъ судѣ, бывшемъ тогда судомъ воеводъ, старостъ и намѣстниковъ, встрѣчаемъ войскихъ въ ряду лицъ, присутствовавшихъ иногда при разборѣ дѣлъ въ судѣ [4]). Сынъ войскаго по вряду своего отца назывался войсковичемъ [5]), что выдѣляло его изъ рядовъ простой шляхты. Въ качествѣ посла повѣтоваго не разъ встрѣчаемъ войскаго [6]). На сеймиковыхъ постановленіяхъ также фигурируетъ подпись войскаго въ ряду подписей должностныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ сеймикованьѣ повѣта [7]).

---

[1]) Староста Жомоитскій, маршалокъ земскій Княжества, администраторъ и гетманъ земли Лифлянтской, державца Ковенскій, Плотельскій и Тельшовскій.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 11 (привилей данъ въ Кнышинѣ 13 апрѣля 1568 года).

[3]) См. Ж. М. Нар. Пр. 1897. № 6. Стр. 294—299.

[4]) Нпр., А. Вил. XVII. № 128.

[5]) Нпр., Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 184. № 65: «imść p. Felicyan Łukomski, woyskowicz wdztwa Witto.

[6]) Нпр., въ Пинскія гродскія книги внесена «instructia ich msciom panom posłom naszym na dzisieyszym seymiku dnia piętnastego octobris tysiąc szescset szescdziesiąt osmego w zamku Pinskim na connocatią Warszawską dnia piątego nowembris złożoną obranym, iego msci panu Stanisławowi Ciechanowiczowi, Woyskiemu Pinskiemu y imsci panu Janowi Fiłonowi Woroniczowi, skarbnikowi Kiiowskiemu, sędziemu Grodzkiemu Pinskiemu dana". Вил. Центр. Архивъ. № 13020. (Пинскаго гродскаго суда.) Стр. 811.

[7]) Нпр., А. Вил. VIII, стр. 340: «Jerzy Tyskiewicz, woyski woiewodztwa Wileńskiego, starosta Obelski или Samuel Kazimierz Giedroyć, woyski Mścisławski

Кромѣ своихъ обязанностей по оборонѣ повѣта войскій имѣлъ и другія обязанности. 13 мая 1566 года въ Люблинѣ была подписана Сигизмундомъ Августомъ слѣдующаго содержанія грамота войскому Городенскому, пану Бенедикту Василевичу [1]). «Што даешъ намъ знати», обращается королъ къ Городенскому войскому, «широце а по достатку всю справу выписуючи, яко тых недавно минулых часовъ подданые князей Жославских, Гринько Атаманъ, Остапко Барановичъ а Васечко, холопъ Матеев, беручи заплату свою за розбой и за розбите на томъ розбою жида Жославского Агрона и о побранье при немъ немалое сумы пенезей, яко полшоста ста копъ грошей, поволали лесничого князей Жославских, именемъ Станислава Скинъдера, чоловека народу шляхетского, яко бы онъ в томъ зломъ учинъку, в розбою оного жыда и в бранью того лупу, учасникомъ был и, имъ товаришомъ будучи, того допомогалъ; и тое поволане его смертью своею запечатали. За которымъ поволаньемъ приятели оного Агрона забитого жида, именемъ Хемъя а Мошко Ильиничи, а жона тогож забитого Рахиля у права просили тебе, абы и тот Скиндер тымъ тромъ злочиньцомъ в томъ розбою смерти оного жида причиньцою былъ, такъ же, яко и они, через право заплату свою взялъ и за то былъ скаранъ....» [2]). Но панъ Василевичъ отложилъ разрѣшеніе этого

(1671 г.). Или ibidem, стр. 345: „woyski Starodubski, podstarości Wileński" (1698 г.) и др.

[1]) «Оповолане Станислава Скиндера з стороны розбою жида Жославского». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 7—7 об.

[2]) Документъ продолжаетъ такъ: «даючи до того тую причину, ижъ, хотяжъ оный Станиславъ Скиндер естъ шляхтичъ и водле права до присеги ся къ отъводу береть, але ему то ити не можеть ку помочи, кгдыжъ тые тры злочиньцы его поволали и тое поволанье их за трое собе поволанье быти розумели, але ты, не коньчечи тое речи, отложилъ еси то до тых часовъ, поколь бы есмо о томъ тобе науку нашу дали, если же тые жидове за тых трохъ злочиньцовъ поволаньемъ, смертью ихъ утверженымъ, близшие суть поприсягнути того Станислава Скинъдера о тое на розбою забитье оного приятеля своего Агрона жида, альбо пакъ оному Станиславу Скиндеру, яко человеку шляхетьскому, отъ того ся присягою телесною отвести прийдеть. Которой справе на выписе твоемъ достаточне вырозумели есмо, а бачечи, ижъ тое трохъ злочинцов в одномъ учинъку и товарыстве одно поволанье не можеть быти розумяно за трое поволанье а тотъ Станиславъ Скиндер, яко человекъ шляхетского народу, если будеть перед тымъ нигде в жадномъ поволани николи не былъ, водле обычаю права посполитого и статуту земского найдуемъ того Станислава Скиндера близшимъ от того объвиненя и розбою присягою своею отвестися, о чомъ бы еси ведаючи, того Станислава Скиндера

дѣла до тѣхъ поръ, когда онъ получитъ «науку» отъ короля, какъ онъ долженъ поступить. Этою «наукою» и является нашъ источникъ, приведенная нами грамота. Можетъ быть два предположенія для объясненія дѣятельности пана Василевича. Или онъ дѣйствовалъ въ качествѣ намѣстника Городенскаго старосты въ гродѣ повѣта, или же разсматривалъ дѣло, какъ повѣтовый войскій. Едва ли можно остановиться на первомъ изъ этихъ объясненій, такъ какъ если бы оно было правильно, то королевская грамота обратилась бы къ «вряду гродскому Городенскому», или къ намѣстнику, подстаростѣ, если не къ самому старостѣ, да и самъ Василевичъ, если бы онъ дѣйствовалъ, какъ подстароста, обратился бы за указаніемъ не непосредственно къ королю, а, конечно, къ своему старостѣ, пану Григорію Ходкевичу [1]). Между тѣмъ, нашъ документъ обращается къ «войскому Городенскому, пану Бенедыкту Василевичу» [2]), не упоминая ни разу о гродскомъ Городенскомъ врядѣ и о должностныхъ лицахъ его. Такимъ образомъ приходится признать, что войскій вѣдалъ не только охрану безопасности повѣта, но имѣлъ и подвѣдомственныя ему судебныя дѣла. Грамоты о назначеніи войскихъ говорятъ, къ сожалѣнію, слишкомъ обще объ ихъ обязанностяхъ, не давая возможности подробно обрисовать функціонированіе этого вряда. Онѣ говорятъ просто, что назначаемый вновь войскій «мает» свой врядъ «зо всякою учтивостью и владностью его держати, также всяких доходов и пожитков, к нему здавна и тепер належачих, уживати и на томъ вряде слушне и пристойне радити и справовати потому, яко перед тымъ ажъ до сего часу вси войские» этого повѣта «держали, зацности, владности и пожитковъ, ему приналежачихъ, уживати». Конечно, войскій держитъ свой врядъ пожизненно, или «поколи его чимъ лепшимъ» король «осмотритъ» милостью своею государевою [3]).

Въ числѣ должностныхъ лицъ повѣтовъ Княжества встрѣчаемъ

водле обычаю права посполитого статуту земского заховалъ. Писанъ у Люблине». 3 мая 1566 года. «Подписъ руки господарьское. Базылиусъ Древинскій писар». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 7—7 об.

[1]) См. *Adam Boniecki*. Poczet Rodów. Str. XXIX.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 7.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 11 (1568 года 13 апрѣля).

и конюшія [1]). Опредѣленія, данныя этой должности въ литературѣ настолько разнообразны, что заслуживаютъ упоминанія для характеристики запутанности и противорѣчій, существующихъ въ исторической литературѣ вообще въ изложеніи вопросовъ, относящихся къ внутреннему строю великаго княжества Литовскаго. Въ сочиненіи Порай-Кошица [2]), вышедшемъ въ Петербургѣ въ 1858 году, читаемъ, что конюшій, также какъ и стольникъ, подстолій, чашникъ или чесникъ, подчашій, ловчій, меченосецъ или мечникъ, подконюшій, крайчій, скарбникъ или казначей, когда то входилъ въ составъ придворнаго штата. «Всѣ сіи должностныя лица», читаемъ на 57-ой страницѣ этого сочиненія, «составлявшія придворный штатъ, находились въ воеводствахъ, въ каждомъ уѣздѣ, и посему, для различія отъ придворныхъ сановниковъ, постоянно служившихъ при особѣ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, назывались воеводскими, или земскими чинами, удерживая лишь только при себѣ одинъ почетный титулъ, означавшій придворное званіе». Они заступали, по словамъ Порай-Кошица, соотвѣтствующихъ имъ придворныхъ сановниковъ во время пребыванія короля въ воеводствѣ. И. Д. Бѣляевъ [3]), совершенно игнорируя конюшія, какъ областного врядника, трактуетъ его, какъ «одинъ изъ самыхъ важныхъ придворныхъ чиновъ». Онъ дѣлитъ конюшихъ на земскихъ и дворныхъ. Хотя Бѣляевъ и говоритъ далѣе, что «кромѣ того были еще конюшіе по нѣкоторымъ областямъ», но онъ, повидимому, не знаетъ совершенно мнѣнія Порай-Кошица о нихъ, какъ о врядникахъ, бывшихъ «въ каждомъ уѣздѣ». Н. Горбачевскій опредѣляетъ конюшія, какъ шталмейстера [4]). Совсѣмъ иное представленіе о врядѣ конюшія даетъ М. К. Любавскій. «Господарскими конюшнями и конскими заво-

---

[1]) Нпр., панъ Янъ Юрьевичъ Волочковича, конюшій Виленскій, державца Василишскій—А. З. Р. III. № 36 (1564 г.); конюшій Смоленскій Василій Павловичъ Полтева—ibidem, № 101 (6974 г.); конюшій дворный и Троцкій намѣстникъ Волконицкій и Лепунскій, лѣсничій Городенскій, панъ Якубъ Кунцевичъ—А. Ю. и З. Р. I. № 64 (1516 г.); маршалокъ королевскій, конюшій Виленскій и подконюшій земскій, державца Василишскій.... Юрьевичъ Волчко—ibidem, № 215 (1579 г.); конюшій Троцкій—А Вил. XVII. № 469, конюшій Городенскій—ibidem № 476, и т. д.

[2]) Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ. Сочиненіе Коллежскаго Совѣтника Ивана Порай-Кошица. Санктпетербургъ. 1858.

[3]) *И. Д. Бѣляевъ.* Разсказы изъ Русской Исторіи. IV. М. 1872. Стр. 439.

[4]) *Н. Горбачевскій.* Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго края и царства Польскаго. Вильна. 1874. Стр. 13 (подъ словомъ *agaro*).

дами, находившимися при дворахъ, бывшихъ нѣкогда мѣстопребываніемъ удѣльныхъ князей, завѣдывали особые конюшіе» — читаемъ на стр. 842-ой «Областного дѣленія и мѣстнаго управленія Литовско-Русскаго государства». Возникшая еще въ эпоху удѣловъ должность конюшія продолжала существовать и въ послѣднія времена политической жизни Речи Посполитой [1]). Однако, въ силу этого происхожденія должности областного конюшія является возможность думать, что не во всѣхъ повѣтахъ великаго княжества Литовскаго и даже не во всѣхъ воеводствахъ существовали конюшіе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ высказаться опредѣленно по этому вопросу. Изъ того, что намъ лично не удалось встрѣтить указанія на должность конюшія того, или другого повѣта въ тѣхъ актахъ, которые просмотрѣны нами, мы не рѣшаемся дѣлать вывода о несуществованіи въ немъ этого вряда: со временемъ, при дальнѣйшемъ изученіи архивнаго матеріала, можетъ быть, и придется встрѣтиться съ такими указаніями, а несомнѣнно существовавшая въ Княжествѣ тенденція къ созданію врядовъ и почетныхъ титуловъ въ неимѣвшихъ ихъ мѣстностяхъ по образцу имѣвшихъ позволяетъ надѣяться на это. Конюшіе бывали и въ воеводствахъ, и въ повѣтахъ. Рядомъ съ конюшимъ Виленскимъ [2]), или Троцкимъ [3]), или Витебскимъ [4]) встрѣчаемъ и конюшія Городенскаго [5]), т.-е. Городенскаго повѣта Троцкаго воеводства. Адамъ Бонецкій [6]) указываетъ въ изслѣдуемую нами эпоху лишь на конюшихъ Городенскаго (Янъ Гайко) и Виленскаго (Янъ Волочковичъ); но, конечно, это простая случайность: Бонецкій просто не встрѣтилъ упоминаній объ этомъ врядѣ въ другихъ повѣтахъ, и никто изъ знающихъ, чтó изъ себя представляетъ работа надъ актовымъ матеріаломъ, не поставитъ этого въ вину его книгѣ; но еще менѣе возможно считать неупоминаніе у Бонецкаго доказательствомъ несуществованія вряда.

Привилеи на врядъ конюшія [7]) обыкновенно составлены въ

---

[1]) Нпр., Историко-Юрид. мат. XXIII. № 56, стр. 185 (1716 г.).

[2]) Нпр., А. З. Р. III. № 36 (1564 г.).

[3]) Нпр., А. Вил. XVII. № 45 и др.

[4]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 79.

[5]) Нпр., А. Вил. XVII. №№ 204, 212 и др.

[6]) Poczet Rodów. Spis dign. i urzędn. Str. XII.

[7]) Приводимъ образецъ привилея на врядъ конюшія: «Привилей на конюшство Витебское Анъдрею Сивицкому» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 79. «Жикгимонт

обычныхъ выраженіяхъ королевскихъ привилеевъ на должности, т.-е. безъ точнаго и полнаго опредѣленія обязанностей вряда. Предѣлы компетенціи уряда и его обязанности были ясны въ то время всѣмъ, хотя и позволительно сомнѣваться, чтобы они были опредѣлены настолько точно, что не сокращались, или не расширялись въ зависимости отъ личности, энергіи и частнаго положенія врядника. Ввиду того, что привилеи на назначеніе врядника на должность слишкомъ мало говорятъ изслѣдователю для опредѣленія круга дѣятельности и компетенціи уряда, приходится искать въ другихъ источникахъ данныхъ для характеристики его. Акты знаютъ конюшни королевскія въ повѣтахъ [1]), знаютъ и конюховъ, въ повѣтахъ жившихъ [2]). Прежде всего для характеристики вряда укажемъ, что конюшіе бывали и у богатыхъ лицъ. Такъ, акты Городенскаго земскаго суда упоминаютъ, напримѣръ, Михна, служебника - конюшія старосты Пинскаго, Кобринскаго, Клецкаго и Городенскаго, державцы Селецкаго [3]). И частныя лица могли имѣть такое количество коней и конюшень, что требовался особый служебникъ для завѣдыванія ими.

Августъ Божью милостью корол Полский, великий княз Литовский etc. Ознаймуем сим листом нашим. Поведил перед нами воевода Витебский, державца Суражский, пан Станислав Миколаевичъ Пац, ижъ которое конюство земское в повете Витебском за даниною нашою держалъ земянинъ нашъ повету Витебского, Григорей Шапка, а ижъ тот Шапка вжо змер, его милость по смерти оного Шапки тотъ вряд, конюштво земское Витебское, земянину нашому тогож Витебъского повету, Андрею Якубовичу Сивицкому, бачечи его на тотъ вряд быти годного, зо всякими пожитки и доходы, к нему належачими, далъ до воли и ласки нашое господарьское и на то ему лист свой далъ. И жедалъ насъ панъ воевода Витебский, абыхмо тому земянину нашому Андрею Сивицкому ласку нашу господарьскую вчинили а тот вряд, конюшство земское Витебское, листом нашим господарьскимъ утвердили ему. Ино мы з ласки нашое господарьское а на жедане и причину пана воеводы Витебского то учинили и оного земянина нашого Анъдрея Якубовича Сивицкого при томъ вряде, конюшстве Витебском, зоставили и, симъ листомъ нашимъ давши ему, при немъ его зоставуемъ. Маеть тотъ Андрей Якубовичъ Сивицкий тотъ вряд, конюство земское Витебское, зо всякими доходы и пожитки, к нему належачими, держати, уживати до живота своего с тым к тому, яко и первые конюшие Витебские, того вряду до сего часу держачи, уживали, а намъ господару съ того вряду служити будеть повиненъ. И на то есмо ему, Анъдрею Сивицкому, конюшому Витебскому, дали сесь нашъ листъ под нашою печатью. Писанъ у Варшаве» 1572 года 29 мая. «Подписъ руки его милости пана Троцкого подканцлерого. Базилиусъ Древинский писар».

[1]) А. Вил. XVII. № 3.

[2]) Упоминаній очень много, нпр., А. Вил. XVII—passim.

[3]) А. Вил. XVII. № 892.

Конюшій повѣтовый завѣдывалъ конюшнями и конюхами государевыми. Для управленія конюхами въ его распоряженіи находились подчиненныя ему лица, какъ сотникъ [1]) и дѣцкій [2]). Сдѣлки на землю конюховъ по ихъ гражданскимъ обязательствамъ совершаются за «дозволенымъ листомъ» конюшія [3]), который наблюдаетъ, чтобы съ нихъ шла служба конюха. Акты сохранили указанія и на расправу конюшія съ подчиненными ему конюхами. Такъ, 27 сентября 1540 года въ земскомъ Городенскомъ судѣ мѣщанинъ Городенскій, Гришка Андреевичъ Переломецъ, заявилъ: «правда дей есть, ижъ, коли еще панъ Богданъ Гринкевичъ конюшимъ Городенскимъ былъ и я въ него въ тотъ часъ служилъ, и зъ росказанья его не одного конюха, але всихъ конюховъ грабливалъ, бо я надъ ними дѣцкимъ былъ» [4]). Служебники и бояре конюшихъ не разъ упоминаются актами [5]), что говоритъ и объ ихъ обезпеченномъ матеріальномъ положеніи. Совмѣщеніе должности конюшія съ другими врядами—явленіе совершенно возможное. Встрѣчаются и совмѣщенія конюшества съ другимъ врядомъ того же повѣта [6]). Что касается до времени, на которое давалось конюшество повѣта, то въ изслѣдуемый періодъ оно давалось обыкновенно на всю жизнь. Для времени болѣе ранняго М. К. Любавскій приводитъ примѣръ назначенія конюшія Витебскаго на два года [7]). Кромѣ конюшихъ упоминаются въ областяхъ Княжества и подконюшіе [8]).

Въ Вильнѣ и Трокахъ въ изслѣдуемый періодъ времени встрѣчаемъ и вряды ключника и подключія. Въ привилеѣ, данномъ Стефаномъ Баторіемъ Андрею Тризнѣ на вряды Троцкихъ ключника и подключія [9]), читаемъ, что королю заявилъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, «ижь въ тых часехъ войского Городенъского, ключника и подключого Троцького, пана Бенедыкъта Протасовича, въ животе не стало». Маршалокъ земскій Янъ Еронимовичъ Ход-

---

[1]) А. Вил. XVII. № 945.

[2]) А. Вил. XVII. № 476. [3]) А. Вил. XVII. № 945. [4]) А. Вил. XVII. № 476.

[5]) Нпр., А. Вил. XVII, №№ 298, 469, 735 и др. См. также № 115—листъ вызнаный конюшія Городенскаго Сопотька.

[6]) Нпр., конюшій, войскій Городенскій. А. Вил. XVII. № 551.

[7]) *М. К. Любавскій.* Областное дѣленіе и пр. Стр. 843 (1524 г.).

[8]) Ibidem. Стр. 844.

[9]) «Привилей Андрею Трызне на враду ключництво и подключое Троцкое». Дата: Торунь, 1576 года декабря 15. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 94 об., 95. Тотъ же документъ — Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 143.

кевичъ рекомендовалъ Баторію на врядъ Троцкихъ ключника и подключія «чоловека народу зацъного, шляхетского, у великомъ князстве Литовскомъ добре значного, то естъ Анъдрея Тризъну, судью кгродского Новгородского». Король принялъ рекомендацію Ходкевича и исполнилъ его просьбу о назначеніи Тризны на эти Троцкіе вряды. Отъ имени короля привилей такъ говоритъ о правахъ Тризны, какъ ключника и подключія Троцкаго: «маеть онъ тые врады, отъ насъ ему даные, держати, въсякое владзы и пожитковъ, ку нимъ здавъна належачихъ, и, яко перщие ключъники и подъключие Троцъкие держали, уживати до своего живота, албо до лепъшого опатренья нашого, ни въ чомъ тыхъ врядовъ не зменъшаючи». М. К. Любавскій объясняетъ врядъ ключниковъ Виленскаго и Троцкаго, какъ врядъ, на обязанности котораго лежало завѣдываніе погребами, въ которые поступала медовая дань съ волостей [1]). Что же касается до подключихъ, то, по словамъ того же изслѣдователя, они завѣдывали господарскимъ медовареніемъ и тѣми людьми, которые его производили [2]). Уже то обстоятельство, что въ Трокахъ одно и то же лицо занимало одновременно оба вряда говоритъ о малой обремененности дѣлами каждаго изъ нихъ. При этомъ соединеніе въ однѣхъ рукахъ обоихъ этихъ урядовъ въ Трокахъ было явленіемъ совершенно обычнымъ, едва ли не постояннымъ во второй половинѣ XVI вѣка. По крайней мѣрѣ, предшественникъ Андрея Тризны, панъ Бенедиктъ Васильевичъ Протасовичъ, именуется въ актахъ ключникомъ и подключимъ Троцкимъ, войскимъ Городенскимъ [3]). Но въ болѣе раннее время ключникъ Троцкій является лицомъ, имѣющимъ только этотъ урядъ [4]). Должность ключника Виленскаго также совмѣщалась съ другими врядами. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка она бывала въ рукахъ скарбнаго и писаря скарбоваго, а именно Ивана Зарецкаго [5]) и Яна Исаковскаго [6]).

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 844.

[2]) Ibidem. Стр. 847. То же опредѣленіе вряда ключника и подключія принято *Ѳ. И. Леонтовичемъ* (Акты Литовской Метрики. Т. I. Вып. II. Стр. XI и XIX).

[3]) А. Вил. VIII. Стр. 255.

[4]) Акты *Леонтовича.* I. I. № 255 (1496 г.). I. II. № 635 (1502 г.).

[5]) «Я Иванъ Зарецкий, скарбный великого князства Литовъского, староста Упитский и ключникъ Виленъский»—такъ начинается его «листъ вызнаный», данный 3 іюля 1584 года. 4 сентября 1585 года онъ уже былъ «небощикомъ». А. Вил. XXVI. № 291.

[6]) «Панъ Янъ Исаковскій, писаръ его королевской милости скарбовый, ключникъ и дровничій Виленскій, державца Виршубскій». А. Вил. VIII. №№ 184 (1602 г.), 219 (1601 г.).

Кромѣ Вильны и Трокъ, встрѣчаемъ врядъ ключника и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Для болѣе ранняго времени можно привести цѣлый рядъ ключниковъ кромѣ Виленскаго и Троцкаго, а именно Берестейскаго, Витебскаго, Городенскаго, Кіевскаго, Ковенскаго, Луцкаго, Минскаго, Новгородскаго, Пинскаго, Смоленскаго [1]). Къ нимъ можно прибавить Слонимскаго [2]), а по всей вѣроятности и рядъ другихъ, если принять въ разсчетъ тенденцію къ увеличенію числа врядовъ въ повѣтахъ, существовавшую въ Княжествѣ. Не будемъ забывать при этомъ, что ключники существовали и въ большомъ хозяйствѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, каковыми были, напримѣръ, Виленскіе бискупы [3]).

Кромѣ врядовъ, перечисленныхъ нами, въ повѣтахъ великаго княжества Литовскаго актами послѣдующаго времени упоминается цѣлый рядъ должностей, одноименныхъ съ тѣми, которыя встрѣтимъ на дворѣ государевомъ, а именно, мечника [4]), чашника [5]), подчашія [6]), стольника [7]), подстолія [8]). Кромѣ того, въ областяхъ стали возникать и должности, существовавшія прежде не пріуроченными къ отдѣльнымъ воеводствамъ и повѣтамъ, какъ напримѣръ, должность мостовничія [9]). Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, притомъ лишь по отношенію къ нѣкоторымъ повѣтамъ, мы можемъ видѣть остатокъ, пережитокъ удѣльной эпохи, когда эти повѣты были еще удѣльными княжествами, князья которыхъ имѣли свои особые дворы [10]), то по отношенію къ другимъ сказать этого мы не имѣемъ права. Внѣ всякаго сомнѣнія, многіе изъ этихъ урядовъ возникли лишь въ эпоху послѣ Люблинской Уніи. Мы не рѣшаемся давать объясненія этому явленію: было ли оно вызвано все большимъ и большимъ развитіемъ самостоятельности отдѣльныхъ воеводствъ и повѣтовъ, или тутъ

---

1) См. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. LXXXVI. Акты *Леонтовича*. I. II. Стр. XI.

2) А. Вил. XXII. № 143 (1559 г.).

3) А. Вил. XX. №№ 4 (1543 г.) и 13 (1554 г.).

4) Нпр., А. Вил. XX, №№ 335 (1586 г.), 353 (1735 г.). Не слѣдуетъ, однако, мечника-врядника смѣшивать съ мечникомъ-ремесленникомъ. См. ibidem, стр. 421 и др.

5) Нпр., А. Вил. VIII. № 80 (1711 г.), А. Вил. XIII. № 1 (1641 г.).

6) Нпр., А. Вил. XX. № 312 (1686 г.) и др.

7) Нпр., А. Вил. VIII. № 91 (1736 г.).

8) Нпр., А. Вил. VIII. № 103 (1772 г.).

9) Нпр., А. Вил. XX. № 363 (1770 г.).

10) См. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 837—852.

нужно просто видѣть проявленіе стремленія къ удовлетворенію честолюбія шляхты, мало-мальски поднимающейся надъ массою своей братіи. Къ этому прибавляется вопросъ о томъ, насколько тутъ дѣйствовало и Польское вліяніе. Все это вопросы настолько важные для общаго освѣщенія состоянія Княжества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, что къ ихъ разрѣшенію нельзя обращаться до детальнаго изученія источниковъ и документовъ, сохранившихся отъ эпохи. Кромѣ этихъ врядовъ въ повѣтахъ, шляхтичи могли занимать вряды мѣстскіе въ городахъ по ихъ управленію, а также исполнять обязанности сборщиковъ мытъ различнаго вида. Сюда относятся и восковничіе, и дровничіе, каковыми бывали шляхтичи [1].

Мы видѣли выше, что администрація повѣта находилась въ рукахъ повѣтоваго старосты, а въ центральныхъ повѣтахъ старыхъ воеводствъ—въ рукахъ воеводъ, бывшихъ въ нихъ и старостами. Теперь намъ нужно остановиться на должностяхъ судовыхъ, существовавшихъ въ каждомъ повѣтѣ Княжества.

Вряды судовые имѣли особое значеніе въ повѣтѣ. И взглядъ общества и правительства на «справедливость», какъ на «фундаментъ покою посполитого» вмѣстѣ съ «обороною» государства [2], и дѣйствительное, реальное значеніе судовыхъ приговоровъ, рѣшеній и книгъ судовъ въ жизни шляхты ставили суды повѣтовые и ихъ врядниковъ на значительную высоту въ ряду учрежденій и дигнитарей великаго княжества Литовскаго. Повѣтовыми судами были судъ земскій, гродскій, и подкоморскій. Главнымъ судомъ считался земскій судъ, «земство», бывшій со времени второго статута судомъ независимымъ отъ администраціи и собиравшимся на свои судовыя сессіи періодически, по три разъ въ годъ. Эти сессіи носили названіе роковъ судовыхъ и отправлялись одинъ разъ въ году зимою, одинъ разъ лѣтомъ и одинъ разъ осенью. Зимняя сессія носила названіе роковъ трекрольскихъ и начиналась 7 января, на другой день послѣ праздника Трехъ Кролей (т.-е. Крещенія); лѣтняя называлась роками троицкими и начиналась на другой день послѣ Троицына дня и третья—роками Михайловскими, начинаясь 30 сентября, «на завтрее» послѣ

---

[1]) Нпр., А. Вил. XX. № 91 (1597 г.). Для характеристики этого рода мытниковъ, см. А. Ю. и З. Р. I. № 134 и А. Ю. и З. Р. II. №№ 87 и 98.

[2]) Такъ, напримѣръ, опредѣляютъ значеніе суда листы Стефана Баторія, посланные имъ по повѣтамъ Литовскимъ съ Торунскаго сейма 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 36. Ср. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 263 и сл.

праздника св. Михаила. Судовый земскій врядъ составляли судья, подсудокъ и писарь, выбиравшіеся на сеймикѣ повѣтовою шляхтою, какъ кандидаты, и получавшіе затѣмъ утвержденіе отъ короля. Сеймикъ выбиралъ четырехъ своихъ «електовъ» на судовую должность земства, а король изъ представленныхъ ему четырехъ кандидатовъ выбиралъ одного, которому и давалъ свое утвержденіе привилеемъ. Главою земской судовой корпораціи былъ земскій судья, вторымъ ея членомъ—подсудокъ, третьимъ—писарь. Являясь лицомъ, уже получившимъ отъ обывателей повѣта однажды доказательство довѣрія къ себѣ, а также и королевское утвержденіе, подсудокъ и писарь не должны были вновь подвергаться избранію на общихъ основаніяхъ въ случаѣ, если повѣтъ избиралъ ихъ на мѣсто, вакантное за смертью, или за отказомъ отъ должности кого-либо изъ врядниковъ земскаго суда. Если шляхта выбирала подсудка преемникомъ судьи, или писаря преемникомъ подсудка, она представляла королю избраннаго одного, а не вмѣстѣ съ тремя другими кандидатами. Въ члены земскаго суда должно было выбирать «людей добрыхъ, цнотливыхъ, ростропныхъ, въ правѣ умѣетныхъ, роду шляхецского, въ томъ повѣтѣ добрѣ оселыхъ, не иное вѣры только хрестіянское» [1]. Послѣ выбора повѣтовою шляхтою и утвержденія государемъ члены земскаго суда приносятъ присягу по своей должности на первой-же судовой сессіи передъ воеводою (въ землѣ Жомоитской—старостою Жомоитскимъ), «при зобранью шляхты», а въ случаѣ отсутствія воеводы, то передъ каштеляномъ.

Земскій повѣтовый судъ имѣетъ власть «на роки зложоные позывати передъ себе, судити и справовати всихъ пановъ-радъ духовныхъ и свѣцскихъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту и бояръ о земскіе речи зъ имѣней однако, одностаійно, хто одно кольве въ томъ повѣтѣ имѣнья свои мѣти будетъ» [2]. Лишь самъ государь и врядники его по имѣніямъ государя не подлежатъ земскому суду—тутъ судъ творитъ уже самъ государь, или тотъ, кому онъ его поручитъ. Судъ земскій является судомъ шляхетскимъ, судомъ судей, выбранныхъ народомъ-шляхтою повѣтовою изъ своей собственной среды на повѣтовомъ сеймикѣ, въ составъ котораго входила одна только шляхта. Однако, его разбору подлежатъ дѣла не одной шляхты исключительно; самъ статутъ кромѣ пановъ-радъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ

[1]) II ст. IV. 1. [2]) II ст. IV. 2.

и шляхты, отдаетъ земскому суду и дѣла бояръ, которые совсѣмъ не принадлежали къ шляхетскому сословію и не могли «веселиться» его свободами, правами и вольностями [1]). Отъ своихъ врядовъ, врядники судовые земскіе имѣютъ свой доходъ, опредѣленный закономъ [2]), а по своему матеріальному положенію они были людьми достаточными, что видно изъ тѣхъ документовъ, касающихся ихъ имѣній, которые встрѣчаются въ земскихъ книгахъ ихъ собственнаго суда. Кромѣ значенія своего, какъ суда, «земство» великаго княжества Литовскаго имѣло еще значеніе нотаріальное. Книги суда служили повѣтовымъ обывателямъ не только для внесенія въ нихъ разбирательствъ и постановленій земскаго суда, но и для записыванія въ нихъ всевозможныхъ документовъ, завѣщаній, актовъ гражданскихъ сдѣлокъ, королевскихъ листовъ и т. д. съ цѣлью предохранить ихъ отъ утраты: выпись изъ судовой книги имѣетъ то же значеніе, какъ и самый оригиналъ грамоты. Понятно поэтому, что и законъ, и общество такъ озабочены были храненіемъ книгъ судовыхъ [3]).

Рядомъ съ судомъ земскимъ въ каждомъ повѣтѣ Княжества находился судъ замковый, или гродскій, отбывавшій свои «рочки гродскіе» съ перваго числа каждаго мѣсяца. Но мы уже знакомы съ этимъ судомъ и его составомъ, такъ какъ видѣли его, когда разсматривали значеніе въ повѣтѣ судоваго старосты и врядниковъ, имъ назначаемыхъ. Третьимъ судомъ каждаго Литовскаго повѣта былъ судъ подкоморскій. Просьба Литовской шляхты объ учрежденіи въ каждомъ повѣтѣ Княжества по подкоморію «для справъ граничныхъ и земленыхъ» была вознесена къ королю на Виленскомъ сеймѣ 1565 года [4]), и въ статутѣ 1566 года былъ уже внесенъ артикулъ о подкоморскомъ повѣтовомъ врядѣ и объ его судѣ [5]). На Подляшьѣ подкоморіе существовали уже задолго до введенія ихъ по всему Княжеству [6]). Но еще до обнародованія второго статута явились подкоморіе и въ другихъ воеводствахъ и повѣтахъ Литовскихъ. Уже въ 1565 году Слонимскій повѣтъ

---

[1]) О томъ, что Витебскій земскій судъ и послѣ изданія III-го статута вѣдалъ дѣла мѣщанъ Витебскихъ, см. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 284, 285.

[2]) II ст. IV. 3. [3]) II ст. IV. 11.

[4]) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 170, 24. Въ Польшѣ уже въ эпоху до короля Людовика существовали подкоморіе въ значеніи судей по дѣламъ граничнымъ. *Bandtkie-Stężyński*. Hist. pr. p. Str. 204.

[5]) II ст. IV. 70.

[6]) *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 672, 673.

имѣлъ своего подкоморія, пана Станислава Николаевича Нарбута, Подляшскаго воеводича, который былъ назначенъ королемъ «з раменя своего господарьского» [1]), (еще до постановленія Виленскаго сейма 1565 года). На Берестейскомъ сеймѣ, утвердившемъ второй статутъ Литовскій, въ числѣ пословъ земли Жомоитской встрѣчаемъ уже подкоморія Жомоитской земли, тивуна Ойрагольскаго, пана Николая Станькевича [2]). Въ королевскихъ грамотахъ, разосланныхъ по Литовскимъ повѣтамъ къ воеводамъ и старостамъ о введеніи новыхъ судовъ послѣ общей судовой реформы 1564—1566 годовъ, предписывалось и начало дѣйствій подкоморскаго уряда. «Также и подкоморый враду своего потому. яко в статуте описано ест, яко се индеі в поветех того панства нашого вел. кн. Лит. заховати будетъ, мает ужывати водлугъ описаня порадку розделу судового в новом статуте доложоного» [3])— гласитъ королевская грамота о началѣ дѣйствія преобразованнаго суда въ Пинскомъ повѣтѣ (28 янв. 1566 года). Изъ всего выше приведеннаго ясно, что подкоморскій судъ не началъ функціонировать во всѣхъ повѣтахъ Княжества въ одинъ и тотъ же день. Были мѣсяцы, отдѣляющіе возникновеніе этого вряда въ одномъ повѣтѣ отъ возникновенія его въ другомъ, но, во всякомъ случаѣ, введеніе этого уряда въ Литовскихъ повѣтахъ произошло въ 1565—1566 годахъ, конечно, за исключеніемъ повѣтовъ Подляшскихъ, гдѣ онъ явился гораздо раньше. Подкоморій [4]) врядникъ «присяглый», т.-е. принесшій присягу на свой врядъ. Онъ долженъ быть обывателемъ, осѣлымъ въ томъ повѣтѣ, въ которомъ получаетъ подкоморство, и это условіе требуется закономъ и подчеркивается привилеями на должность [5]) Свой урядъ онъ зани-

---

[1]) А. Вил. XXII. Стр. 148.

[2]) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 200.

[3]) Вил. Центр. Арх. № 13014. Пинскаго гродскаго суда № 27. Стр. 357

[4]) II ст. IV. 70.

[5]) Нпр., привилей «Богушу Олексеевичу на подкоморство Новгородское.— Стефан Божъю милостью король Полский, великий княз Литовский. Ознаймуемъ симъ нашымъ листомъ. Поведилъ передъ нами писар нашъ великого князства Литовского панъ Анъдрей Ивановичъ, ижъ што который врадъ земский, подъкоморство Новгородъское, деръжалъ он и тепер на себе деръжить з ласки и данины короля его милости Жыкгимонта Авъгуста, славное памети продка нашого, за листомъ его королевское милости, на то ему данымъ, ино ижъ онъ. будучы забавенъ обецными служъбами нашими на дворе нашомъ за возваньемъ его на тотъ врадъ писарства нашого и не могучы потребамъ и тому суду. враду подъкоморъскому належнымъ, досыть чинити, а не хотечы замешканья

маетъ «до живота своего, яко и иные врядники земскіе». Обязанность подкоморія разбирать «всякіе розници земленые, або граничные» повѣта, т.-е. дѣла о границахъ имѣній и земель повѣтовыхъ. Хотя законъ и говоритъ, что предъ подкоморіемъ справа возникаетъ лишь «за одосланьемъ отъ суду земского», но жизнь расширила путь, по которому къ подкоморію шли дѣла на его «розсудокъ», и къ нему стали пересылаться дѣла и судомъ гродскимъ, а послѣ учрежденія трибунала Литовскаго, и трибунальскимъ. III-й статутутъ призналъ уже это [1]). Но сверхъ того могли возникать дѣла предъ подкоморіемъ и непосредственно [2]).

По второму статуту подкоморій назначается королемъ. Привилеи въ эпоху дѣйствія второго статута также говорятъ о назначеніи этого врядника королемъ своею властью. Но по III-му статуту право выбора повѣтоваго подкоморія передается повѣтовой шляхтѣ [3]), и король уже обязывается давать подкоморство не иначе, «одно за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей кождое земли и повету», т.-е. порядокъ совершенно тотъ же, какъ и при замѣщеніи должности врядняковъ судовыхъ земскихъ, членовъ земскаго повѣтоваго суда. Но этотъ способъ назначенія подкоморія былъ признанъ и утвержденъ лишь статутомъ 1588 года; въ

никоторого у справедливости людской тымъ делати, спустилъ добровольне тотъ врад земский, подъкоморство Новгородское, дворанину нашому, у вономъ воеводстве Новгородъскомъ оселому, Богушу Олекъсеевичу Овсяному...» Назначая Овсянаго подкоморіемъ, король говоритъ ему въ своемъ привилеѣ: «а такъ, кгдыжъ писаръ нашъ панъ Анъдрей самъ добровольне тотъ врадъ ему спустилъ, мы господаръ на то позволили и, з ласки нашое то чинечы а хотечы его ку службамъ нашимъ охотнейшого вчинити, оный врад земский, подъкоморство Новгородъское, тому дворанину нашому Богушу Овъсяному дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ и то въ справу и владность его ему поручаемъ. Маеть онъ тотъ врадъ, подъкоморъство оного воеводъства Новгородъского, на себе деръжати и всякое владъности в немъ вживати и пожытки, с того враду приходячие, на себе брати, справуючы и заховываючы ся во всемъ потому, яко в статуте правъ земскихъ около того враду и владности его описано естъ. Которого жъ то враду будеть онъ ужывати ажъ до жывота своего, або до иньшого, большого опатренья нашого господаръского. А на тверъдость того, подъписавшы сесь нашъ листъ рукою нашою, и печать нашу к тому приложити казали. Писанъ у Торуни», 30 ноября 1576 года. «Подъпись руки господаръское. Матей Савицъкий кашталянъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 108 об.—109 об.

[1]) III ст. IX. 2.

[2]) См. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 362—364.

[3]) III ст. IX. 1.

эпоху же, которой посвящено настоящее изслѣдованіе, подкоморій повѣтовый назначался королемъ по личному его выбору и усмотрѣнію, лишь бы только онъ былъ лицомъ, осѣлымъ въ повѣтѣ. Въ своихъ приговорахъ и постановленіяхъ подкоморій подлежалъ обжалованію суду дворному королевскому, а послѣ учрежденія въ Литвѣ трибунала, — этому послѣднему. За свой трудъ подкоморій получалъ опредѣленный доходъ, установленный закономъ. Его положеніе въ повѣтѣ было весьма почтеннымъ. Въ спискѣ повѣтовъ и врядовъ повѣтовыхъ (послѣ преобразованія управленія и суда въ Литвѣ въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка), помѣщенномъ въ Литовской Метрикѣ въ числѣ актовъ 1568 и 1569 годовъ [1]), врядъ подкоморія поставленъ вслѣдъ за врядомъ маршалка и выше хоружія, судьи, подсудка и писаря земскихъ. На сеймикѣ повѣтовомъ подкоморій также лицо замѣтное: его подпись фигурируетъ въ первыхъ рядахъ подписей сеймикующей шляхты на инструкціяхъ сеймовымъ посламъ и постановленіяхъ сеймиковъ (лявдумъ). Послами сеймовыми также не разъ бывали подкоморіе. И связи ихъ представляются немаловажными [2]). Отъ королей подкоморіе получали, заслуживъ государеву «ласку», и другія должности [3]), и державы [4]), и земельныя дачи [5]). Какъ спеціалистъ по граничному и межевому дѣлу, подкоморій былъ наи-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об. Изд. *М. К. Любавскимъ*—Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 226—232.

[2]) См. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 352—354.

[3]) Нпр., привилей «подкоморому Виленскому пану Миколаю Ясеньскому на писарство великого князства Литовского». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 61 об.—62 об. (Дата: Берестье, 24 августа 1576 года).

[4]) Нпр., «привилей подкоморому Мелницкому пану Каспору Криковичу на тивунство Болшых Дирвянъ в земли Жомоитской». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 11 об.—12 об. Послѣ смерти пана Криковича это тивунство было передано въ 1578 году Лидскому подкоморію, какъ даетъ знать «привилей подкоморому Лидскому пану Миколаю Олехновичу на тивуньство Дырвянъ Большыхъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 180 и об. Къ тому же назначенію относятся: «о той же речы листъ, писаный до пана Яна Ходкевича, старосты Жомоитского» (ibidem, л. 180 об.—181) и листъ волостному населенію о томъ же (ibidem, л. 181).

[5]) Нпр., «прывилей подкоморому Волковыйскому Юрю Юндилу на села в старостве Могилевъском—Кишчычы, погостъ Русановичы и Чомоданы доживотным правомъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 103 об. и сл.

болѣе подходящимъ лицомъ для исполненія обязанностей коммиссара, или ревизора. Такъ, ревизія Полоцкаго воеводства послѣ возвращеніи его изъ рукъ Москвы Баторіемъ была произведена въ 1586 году Ѳеодоромъ Скуминымъ, подскарбіемъ дворнымъ великаго княжества Литовскаго и Юріемъ Друцкимъ Соколинскимъ, подкоморіемъ Витебскимъ [1]). У подкоморія былъ и помощникъ. Могло ихъ быть даже и больше одного. По требованію статута, въ видахъ того, чтобы «отправа всякихъ справъ, вряду подкоморого належачыхъ, омѣшканья и затрудненья никоторого не пріймуючи, але тымъ снадней кромъ вшелякое проволоки и продолженья скутокъ, а конецъ свой пріймовала», подкоморій долженъ въ помощь себѣ выбрать въ повѣтѣ одного, или двухъ коморниковъ, «шляхтичовъ, въ повѣтѣ осѣлыхъ, людей годныхъ и статечныхъ». Они на рокахъ судовыхъ (земскихъ) передъ кашталяномъ, или повѣтовымъ маршалкомъ и передъ врядомъ земскимъ, или дворнымъ приносятъ такую же присягу, какъ и самъ подкоморій. Сдѣлавъ это, коморники «по особну за сланьемъ подкоморого, гдѣ бы самъ подкоморый на которой справѣ быти не могъ, тую всю моцъ и владность зуполную мѣти маютъ и будуть, яко самъ подкоморый». Такимъ образомъ коморникъ былъ своего рода викаріемъ подкоморія. Онъ разбираетъ дѣло, подлежащее «розсудку» подкоморія, но не иначе, какъ по особому порученію послѣдняго на каждый отдѣльный случай. Судъ коморника замѣняетъ судъ самого подкоморія, а поэтому въ эпоху дѣйствія второго статута и апелляціонной инстанціей для него является общая апелляціонная инстанція, т.-е. королевскій дворный судъ, а съ учрежденіемъ трибунала,—этотъ послѣдній [2]).

Чтобы покончить съ повѣтовыми врядниками Литовскими, намъ нужно еще коснуться одного, а именно вознаго. «Врядъ возновскій» произошелъ изъ сліянія функцій вижа и дѣцкаго. Съ одной стороны возный являлся исполнителемъ судебныхъ приговоровъ, передавая присужденныя судомъ имѣнія сторонѣ, съ другой—онъ былъ оффиціальнымъ свидѣтелемъ, посылавшимся врядомъ и испрашиваемымъ обывателями у вряда для освидѣтельствованія всевозможныхъ ранъ, шкодъ и т. п., которыя являлись причиною для вчинанія дѣла передъ судомъ. Къ этимъ обязанностямъ воз-

[1]) См. выше, стр. 328 прим.

[2]) Объ апелляціи на судъ коморника въ эпоху второго и третьяго статутовъ см. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 392—394.

наго нужно прибавить еще третью—присутствіе на судѣ для наблюденія порядка и дѣятельность его въ это время по «приволыванью ку праву», т.-е. по вызову передъ судей сторонъ, ожидающихъ своей очереди стать на судъ, а также его обязанность развозить и отдавать судовые «позвы», повѣстки. Статутъ потребовалъ, «абы воеводове въ кождомъ повете судовомъ, гдѣ книги лежать, а староста Жемоитскій тамъ въ той земли Жомоитской возныхъ выбирали, пострыгали, уставляли тежъ шляхту, людей добрихъ, вѣры годныхъ, цнотливыхъ, оселыхъ въ томъ же повѣтѣ». Возныхъ въ каждомъ повѣтѣ должно быть числомъ столько, сколько требуется «водлѣ повѣту и шырокости его а потребы людской» [1]). Вступая въ свой урядъ, возный приноситъ установленную присягу. При себѣ, въ каждой своей справѣ, возный долженъ имѣть «стороною», свидѣтелями своего дѣйствія, двухъ шляхтичей «для подпору вызнанья и свѣдецства своего» [2]). За свои дѣйствія и разъѣзды возный получаетъ опредѣленное закономъ вознагражденіе [3]).

Отъ изученія врядовъ повѣтовыхъ обратимся къ обзору врядовъ обще-Литовскихъ. Эти вряды были дворные и земскіе. Одни изъ нихъ имѣли значеніе придворныхъ должностей, и лица, ихъ занимавшія, завѣдывали тою, или другою отраслью дворцоваго хозяйства и развлеченій королевскихъ, или служили государю за его столомъ, украшали его дворъ во время церемоній и торжествъ. Другіе были не столько дворцовыми врядами, сколько государственными, хотя и соединяли въ своей должности черты вряда дворцоваго съ урядомъ государственнымъ. Наконецъ, третій разрядъ обще-Литовскихъ должностей совершенно не имѣлъ характера врядовъ дворцовыхъ. Если кухмистръ, подчашій, стольникъ, подкоморій и подобные имъ дигнитари были въ полномъ смыслѣ слова дворцовыми врядниками, то уже ловчій, инстигаторъ и имъ подобныя должностныя лица соединяли въ себѣ какъ обязанности придворной службы, такъ и обязанности обще-государственнаго значенія, такъ какъ первый не только вѣдалъ охоту государеву, но управлялъ лѣсничими, завѣдывавшими пущами Княжества и ихъ хозяйствомъ, а второй рядомъ съ охраною интересовъ личнаго имущества короля охранялъ и интересы земскаго скарба. Нако-

[1]) II ст. IV. 4. [2]) II ст. IV. 5.

[3]) Для времени до второго статута акты судовъ Литовскихъ знають и подвозныхъ, назначавшихся самимъ судомъ. А. Вил. XXII. №№ 68, 94, 105 и др.

нецъ, гетманъ польный, земскій хоружій, ротмистры, мостовничіе и т. п. совсѣмъ уже не имѣли характера придворныхъ чиновъ двора государева. Мы не будемъ въ своемъ изложеніи выдѣлять въ особыя группы эти категоріи обще-Литовскихъ урядовъ, такъ какъ характеръ каждаго уряда самъ покажетъ безъ всякой регламентаціи, къ которой группѣ врядниковъ принадлежитъ отдѣльный урядъ.

Кухнею государевою завѣдывалъ особый врядникъ, который носилъ названіе кухмистра [1]). 25 іюля 1576 года былъ назначенъ Стефаномъ Баторіемъ на эту должность панъ Станиславъ Шеметъ [2]). Назначеніе состоялось по заявленіи Яномъ Ходкевичемъ, Виленскимъ кашталяномъ, Жомоитскимъ старостою, маршалкомъ земскимъ Литовскимъ, старостою Ковенскимъ и державцею Тельшовскимъ—«о зацности дому старожитного», пановъ Шеметовъ въ Княжествѣ. Въ ихъ домѣ, говоритъ привилей, «завжды достоенъства и врады земъские бывали за почтивыми службами ихъ ку продкомъ» государевымъ, королямъ Польскимъ и великимъ князьямъ Литовскимъ, «якожъ зособна залецалъ» королю Ходкевичъ, «ку знаемости» короля «приводячы и офяруючы пана Станислава Шемета». Этотъ послѣдній, «наследуючы во всемъ продъковъ своих, не занехавалъ в молодости летъ своихъ служыти речы посполитой»; онъ бывалъ на службахъ земскихъ военныхъ «з немалымъ накладомъ своимъ, справуючыся во всемъ учстиве, яко доброму сыну земъскому належить». Желая сдѣлать Шемета еще болѣе охотнымъ къ службамъ своимъ государевымъ и земскимъ, король Стефанъ пожаловалъ ему кухмистровство, такъ говоря объ этомъ въ привилеѣ: «даемъ врад на дворе нашомъ кухмистровъство в панъстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ до его живота, албо до болшого, поважнейшого и пожиточнейшого з ласки нашое господарьское опатренья. Маеть панъ Станиславъ Шеметъ зо всякою учстивостью тотъ врадъ, кухмистровство на дворе нашомъ, держати и имъ, яко и передъ тымъ перъшые кухмистры великого князства Литовского за продъковъ нашихъ, ко-

---

[1]) Акты знаютъ и кухмистровъ королевы. Нпр., акты *Леонтовича.* Т. I. Вып. I. № 691 (1504 г.—королевы Елены Ивановны).

[2]) «Привилей пану Станиславу Шемету на вряд кухмистровство вел. кнз. Литовского». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 52 об., 53. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 24 об.

ролей Польскихъ и великихъ князей ихъ милости Литовъских, радили, справовати, всякое владзы и пожитковъ, тому врадови з давныхъ вековъ у великомъ князстве Литовскомъ належачихъ, ужываючы до живота своего». Изъ этого привилея видно, что должность кухмистра давалась лицу, происходившему изъ дома, уже зарекомендовавшаго себя дѣятелями на врядахъ Литовскихъ, и притомъ уже послужившему и имѣющему личныя свои заслуги. Кромѣ того, изъ привилея Шемету видно, что должность кухмистра давалась на всю жизнь врядника, или до назначенія его на высшій врядъ и не могла быть отнята у лица, ее занимавшаго. Врядъ кухмистра существовалъ уже въ XV вѣкѣ [1]). Въ завѣдываніи кухмистра, несомнѣнно, находились и повара-кухары, которыхъ хорошо знаютъ акты XVI столѣтія [2]). Кухары за свою службу владѣли волоками земли «на служъбе кухарской». Эти земли ихъ свободны «отъ платов и въшелякихъ повинъностей»; ихъ они могутъ «только на служъбе кухарской держати и въживати, а з нихъ служъбу кухарскую в кухни» королевской, когда имъ «росказано будеть по першому обычаю служити» [3]). Однако, бывали случаи, когда и кухары должны были вносить податки въ видѣ исключенія, если положеніе государства требовало изысканія исключительныхъ источниковъ доходовъ [4]). Но это бывало въ исключительныхъ случаяхъ, а во времена обычныя служба въ кухнѣ была единственною обязанностью, лежавшею на кухарахъ. Если эта служба ихъ и не нужна въ данное время, они все-таки, разумѣется, владѣютъ своими землями [5]). Акты знаютъ и переходы кухарскихъ земель въ частное владѣніе по пожалованію королевскому: слишкомъ большое число кухаровъ, бывшее необходимымъ во времена удѣловъ отдѣльнымъ князьямъ удѣльнымъ, было не нужно уже для кухни государевой. Такъ, напримѣръ, Сигизмундъ Августъ, «маючы ласкавое бачене на заслуги» своего маршалка пана Михаила Ела Малинскаго, пожаловалъ въ 1569

---

1) *J. Wolff.* Senat. i dign. Str. 231. Для времени начала XVI столѣтія см. А. Ю. и З. Р. I. №№ 43 (1507 г.), 61 и 62 (1516 г.).

2) Нпр., А. З. Р. III. № 68.

3) Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 105 об.

4) Нпр., А. З. Р. III. № 68.

5) Лит. Метр. $\frac{IA}{57}$ л. 105 об. (документъ данъ 12 мая 1574 года). Другіе документы о кухарахъ—ibidem л. 99 об.—100 об., 102 об.—104, 104—104 об., 104 об.—105 об.

году «ему самому, жоне, детем и ихъ потомъкомъ у вотчызну на вечъность дворыща и селища в селе Велицкомъ», которыя держали «под собою» государевы подданные, кухары замка Луцкаго села Велицкаго, Малей, Санецъ, Янъ, Найденъ, Андрей, Васка, Андрей, Созонъ и вся «ихъ братья и потужники». Королевскій листъ извѣстилъ объ этомъ пожалованіи самихъ кухаровъ, глася такъ: «вы бы о томъ ведали и, скоро тотъ посланецъ нашъ оные земли нашы пану Малинскому заведеть и в то его увяжеть, вы бы ему тыхъ земль поступили и болшъ того ничымъ ся в оные земли без воли пана Еловы не вступовали, а естли ему служыть похочете, вы бы его послушни были конечно» [1]). Въ документахъ 1574 года, бывшихъ главнымъ нашимъ источникомъ свѣдѣній о кухарахъ, встрѣчаемся съ ходатайствами за нихъ передъ королемъ Генрихомъ. За кухаровъ ходатайствовали паны-рады вообще и особенно Янъ Ходкевичъ, а о кухмистрѣ не упоминаютъ эти акты ни однимъ словомъ. Причинъ этого двѣ: 1) кухмистръ не имѣлъ возможности вообще ходатайствовать передъ королемъ лично, такъ какъ онъ не входилъ въ составъ сената и 2) какъ разъ съ 1569 года по 1576 врядъ кухмистровскій ваковалъ [2]).

Конюшни и конскія стада королевскія находились въ завѣдываніи особаго дворнаго врядника. Онъ носилъ имя конюшія королевскаго дворнаго [3]), или конюшія дворнаго Литовскаго [4]), или, наконецъ, просто государева конюшія [5]). Для изображенія дѣятельности вряда конюшія прекраснымъ источникомъ является «ордынацыя стадна», изданная королемъ Генрихомъ 15 мая

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 65, 65 об.: «Листъ до кухаров замъку Луцкого села Велицкого, жебы дворыща и селища, которые они держали, поступили пану Елу Малинъскому, або с ними ему служыли».

[2]) *J. Wolff.* Senat. i dign. Str 232.

[3]) Нпр., «Ярошъ Корыцский, конюший корол дворный, староста Мельницкий и Лосичъский, державца Кгерановский и Кнышинский». Въ 1566 году онъ называется умершимъ (небощикомъ). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 5 об.

[4]) Нпр., «конюшому нашому дворному великого князства Литовского, державцы Кгерановскому, Якубу Пясецкому». А. З. Р. III. № 124 (1580 г.).

[5]) Нпр., «конюшиная наша, старостиная Мельницкая, Кгераноинъская и Кнышинъская, пани Ярошовая Корыцкая, пани Зофия Ходкевичовна». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 30, 30 об.

1574 года [1]). Эта ординація была издана, такъ какъ представлялось необходимымъ ввести порядокъ въ дѣло устройства стадъ королевскихъ, а также нужно было продать лишнихъ лошадей въ интересахъ скарба. Ординація 1574 года представляетъ изъ себя «науку» конюшію, пану Якубу Пясецкому, «якъ стада и стадники» государевы въ великомъ Княжествѣ «постановити и которые стада ку потребе стайни» королевской «зоставити, а которые ку пожитку скарбу» государева, «ошацовавъши, росказати спродати масть». Оставивъ 530 лучшихъ лошадей, остальныхъ конюшій долженъ продать. Стада королевскія были распредѣлены по разнымъ дворамъ и державамъ [2]) и до 1574 года заключали въ себѣ 951 голову лошадей. Изъ ординаціи узнаемъ, что «пильновать», т.-е. стеречь стада должны конюхи; конюхи же должны косить сѣно на стада, какъ это дѣлали и подданные королевскіе нѣкоторыхъ волостей. Волости эти должны также строить и поправлять «стайни», т.-е. конюшни и вывозить изъ нихъ «гнои». При этомъ приказывается волостнымъ людямъ, чтобы они «се недостатъкомъ людей до кошенья сенъ и направованья стаенъ вымовки не деяли».

Тѣ конскія стада, которыя королемъ приказано сохранить, панъ конюшій дворный великаго княжества Литовскаго долженъ объѣхать, осмотрѣть двухлѣтнихъ жеребятъ и выбрать изъ нихъ тѣхъ, которые окажутся «на потребу» для государевой конюшни. На третій годъ, осенью они должны быть отправлены въ Липнишки, а затѣмъ весною выложены, за исключеніемъ тѣхъ, «которие бы ся добре дрыкганътами [3]) до езды и до стадъ згодзили». Негодныхъ жеребятъ конюшій долженъ распорядиться продать, назначивъ цѣну въ своемъ реестрѣ для старостъ й державцевъ. Ординація опредѣляетъ и кормъ для коней королевскихъ. Въ своихъ подробностяхъ она идетъ такъ далеко, что постановляетъ, по

---

1) Конечно, самъ король участвовалъ въ созданіи этой ординаціи лишь своею подписью. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 94—99 об.

2) Дворъ Новодворскій—105 головъ, Липнишки—69, держава Олитская—80, дворъ Бирштанскій—71, Вилькія—98, держава Велюньская—64, Скерстомоньская—56, дворъ Добучиньскій—71, держава Радуньская—50. Итого 664 головы. Кромѣ того, были еще мелкія стада («дробные и мало потребъные»); въ нихъ во всѣхъ (Пунскомъ, Добучинскомъ, Переломскомъ, Волпенскомъ, Мелелскомъ, Красницкомъ, Трокельскомъ и Кгорждовскомъ) было 287 головъ. Такимъ образомъ, всего—951 голова.

3) Заводскій жеребецъ.

скольку «стадниковъ», т.-е. заводскихъ жеребцовъ, должно быть оставлено на стадо [1]). Сѣно для стадъ должно доставляться съ фольварковъ и лѣсничествъ, «до статъ прилегълых», т.-е. ближайшихъ къ мѣстамъ расположенія стадъ; тамъ же, гдѣ «дворныхъ и лесничихъ сенъ не ставало», т.-е. не хватало, тамъ добавлять сѣномъ дякольнымъ. Кромѣ сѣна на кормъ стадамъ шелъ овесъ и сѣчка изъ ржаной соломы, которые выдавались мѣстными старостами и державцами. При стадахъ королевскихъ до ординаціи 1574 года находились стадничіе, особыя лица, вѣдавшія ихъ, но по этой ординаціи «для великого кошту скарбного» ихъ имѣть уже нельзя, и къ стадамъ должны быть приставлены только машталеры [2]), которые получатъ «стадничого» вознагражденія по 2

[1]) По одному на 20.

[2]) Машталеръ—стремянной, конюхъ. Въ актахъ это слово встрѣчается нерѣдко (нпр., А. Вил. XVII. № 636 и др.); «дворные машталеры»—нпр. А. З. Р. III, № 68 и др.; машталеръ Сигизмунда Августа Мартинъ Головенца—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 2 и сл., или ibidem л. 84. За свою службу машталеры получали денежное вознагражденіе и земли «на службе машталерской». Вотъ напримѣръ, «лист до пана Виленського, абы отъмену Головенчиной далъ, писаный». Въ немъ король Генрихъ приказываетъ Яну Ходкевичу, какъ старостѣ Жомоитскому, говоря такъ: «ижъ есмо з ласки нашое господаръское а за залеценьемъ и причиною вм. самого дали секретару нашому, писару земскому Виленьскому, Анъдрею Мацковичу, сельцо Заровданьское у волости Веленское, ку именейцу его Понемоньскому прилеглое, волокъ 10, людми оселыхъ, и при томъ сельцы чотыри шнури бояр путныхъ, але ижъ продокъ нашъ, славное памети король его милость Жикгимонтъ Август машъталеру своему Мартину Головеньце, жоне и детемъ его мужского рожаю оное сельце на службе машталерской дати рачилъ, ино хотяжъ бы тая Головеньчиная вжо по смерти мужа своего до того сельца никоторого права мети не могъла, кгдыжъ нихто з нихъ службы нашое машталерское не служить, але однакожъ мы господаръ, постерегаючы того, абы нихто у праве своемъ никоторого уближенья не мелъ и показуючи в томъ Мацковичу ласку нашу господаръскую хочемъ мети и приказуемъ, абы твоя милость у волости Скерстомоньской, або гдежъ кольвекъ у Жомоити у дворехъ нашихъ, або у тивунствахъ казавши обрать сельцо якое с поддаными нашими, которые бы такъ же много цынъшу давати могли, яко и тые люди Зароданские», и это сельцо долженъ Ходкевичъ передать Головенчиной въ замѣну отобраннаго у нея для Мацкевича. Листъ этотъ данъ въ Краковѣ 8 мая 1574 года. (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 83 об.—84 об.). Королевскій листъ самой Головенчиной по этому дѣлу слѣдуетъ въ книгѣ Метрики за только что приведеннымъ документомъ. (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 84 об., 85)—«лист Головенъчиной на отмену» (дата та же—8 мая

вольныхъ волоки да по 8 грошей въ недѣлю, какъ и прочіе машталеры. Кромѣ того при 80 коняхъ, которые будутъ при конюшемъ, выбранные имъ изъ жеребятъ, долженъ быть одинъ кузнецъ («коваль»). Онъ владѣетъ двумя вольными волоками и, сверхъ того, получаетъ изъ скарба 12 золотыхъ, да на «железа, узьденицы, гребла, попонъки, кугли» на 80 жеребцовъ по 64 копы на два года. Такъ какъ самому конюшію трудно «уставичъне» объѣзжать и досматривать стада и молодыхъ коней, то при жеребятахъ, которые родятся въ Новодворскомъ стадѣ долженъ «с порученя пана конюшого» находиться и «уежъдчати» молодыхъ коней кальвокаторъ государевъ Сципіянъ Кампо. Послѣдній имѣлъ отъ короля «опатренье оселости», т.-е. землю и, сверхъ того, получалъ за свой трудъ по Новодворскому стаду по 300 золотыхъ Польскихъ ежегодно. Кальвокаторъ передаетъ выбранныхъ имъ отборныхъ коней конюшію, который, «отъбираючи» ихъ «за росказаньемъ» государевымъ отъ него, отсылаетъ ихъ къ королю. Кромѣ того, для лучшей охраны этихъ отборныхъ коней конюшій имѣетъ двухъ слугъ, «добрыхъ и въ томъ умеетныхъ», на которыхъ ему будетъ отпускаться изъ Литовскаго скарба по 109 золотыхъ и по 10 грошей въ годъ (на обоихъ). Тяглые конюхи, которые до этого времени были при жеребцахъ, должны и теперь быть оставлены «на той же служъбе конюшъской тягълой». Эти конюхи лѣтомъ пасутъ стада, а зимою ихъ кормятъ (рѣжутъ сѣчку) и охраняютъ. Конюховъ Трокельскихъ (12 волокъ) король оставляетъ при конюшемъ, хотя тамъ стада уже не будетъ (оно продается), такъ какъ они будутъ пасти отборныхъ молодыхъ жеребцовъ, «до инъшое науки» государевой. Что касается вообще до конюховъ, приписанныхъ къ тѣмъ дворамъ королевскимъ, гдѣ стадъ больше не будетъ, то они будутъ переведены на чиншъ. Въ заключеніе ординація 1574 года предписываетъ конюшію, какъ только можно скорѣе, съѣздить въ Слонимъ, гдѣ находятся при дворянинѣ государевомъ Янѣ Ковальскомъ королевскіе кони, выбрать изъ этихъ коней «возъниковъ шеръстистых цукговъ пошостныхъ 10 а езъдныхъ коней што лепшихъ 40» и отослать ихъ къ королю. Осталь-

---

1574 года въ Краковѣ). Въ той же книгѣ, значительно только выше (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 1 об.—2 об.), находится и королевское пожалованіе Мацкевичу земли Головенчиной: «листъ пана Мацкевичовъ на полторы волоки под Ковномъ и на застенокъ у волости Велюньской» (данъ въ Краковѣ 29 апрѣля 1574 года). Земли машталеровъ также—А. З. Р. III. № 68 (1576 г.).

ная часть Слонимскихъ коней должна быть отправлена въ Липнишки, которымъ даетъ ординація значеніе центральнаго пункта для конскихъ стадъ королевскихъ. Мы подробно пересказали содержаніе ординаціи стадной 1574 года: она ясно доказываетъ, что врядъ конюшія въ Литвѣ отнюдь не былъ лишь синекурою и почетнымъ титуломъ [1]), а былъ сопряженъ со значительнымъ трудомъ, властью и немалою отвѣтственностью. При томъ интересѣ, который былъ всегда у королей Речи Посполитой къ верховымъ конямъ и экипажнымъ выѣздамъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что конюшня и дѣятельность конюшія пользовались особымъ вниманіемъ государя. Квитанціи въ доставленіи коней на непосредственныя нужды государя выдавались конюшію отъ короля самого [2]). Сохранились также документы, касающіеся выдачи конюшимъ лошадей изъ стадъ королевскихъ и не на личныя нужды государевы, а, напримѣръ, потерпѣвшимъ на войнѣ, плѣннымъ [3]) и т. д. До насъ дошли также королевскія грамоты, въ которыхъ король озабочивается «порядкомъ» среди машталеровъ и конюховъ и содержаніемъ стадъ Такъ, 17 августа 1576 года Стефанъ Баторій предписывалъ старостѣ Городенскому и Могилевскому, державцѣ Аинскому, пану

---

[1]) Такъ утверждаетъ, нпр., Вольфъ. (Sen. i dign. Str. 220).

[2]) «Квитацыя конюшого дворного, пана Якуба Пясецкого, зъ сорока и одного коня стад вел княз Литовского.—Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ конюший нашъ дворный великого князства Литовского, державца Кгераноньский и Липнишский, панъ Якубъ Пясецкий, за волею и росказаньемъ нашимъ припровадил и отдалъ до насъ коней стадъ нашихъ великого князства Литовского, до рукъ его отдаваныхъ, сорокъ одинъ, с которыхъ мы впрод менованого конюшого нашого, пана Якуба Пясецкого, квитуемъ симъ нашимъ листомъ с подъписомъ руки нашое, до которого и печать нашу приложити есмо росказали. Писанъ у Варшаве» 16 августа 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 34 об.

[3]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 111 об.: «Выданы суть три листы с подписом руки господаръское до пана Пясецкого, конюшого великого князства Литовского, абы зъ стада Кгераноинского далъ жеребцовъ трох слугам пана Троцкого, которим кони побито в потребе остаточной под Псковом в року 81», Или — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 271 об.: «Листъ, писаный до пана Якуба Пясецкого конюшого о клячы до справъцы староства Городенского, пана Стефана Белявского, для розданья Москвы» (5 ноября 1580 года). Послѣдній документъ изданъ въ А. З. Р. III. № 124. (Въ заглавіи пропущено нѣсколько словъ).

Александру Ходкевичу, распорядиться, чтобы Новодворское стадо королевское охранялось и содержалось «водлугъ постановенья пана конюшого». Дѣло въ томъ, что король «с певныхъ а слушныхъ причинъ» не пожелалъ, чтобы стадо королевское въ Новомъ Дворѣ находилось въ завѣдываніи кальвокатора Сципіяна Кампо. Поэтому онъ приказалъ конюшію дворному Княжества, «абы онъ тое стадо» государево Новодворское самъ «в справе и в моцы своей мелъ и порадокъ слушный около хованья оного стада» въ Новомъ Дворѣ «постановилъ». Ходкевичъ извѣщается королемъ объ этомъ для того, чтобы онъ это зналъ, когда конюшій «з ведомости подъскаръбего земъского» Литовскаго «около захованья тамъ того стада» государева «въ Новомъ Дворе порадокъ слушный вынайдеть и постановить» [1]). Тотъ же король Стефанъ подписалъ въ Варшавѣ 9 августа 1576 года «листъ до конюшого пана Якуба Пясецкого, приводячы в слушный порадокъ машталеров и конюхов стадных» [2]). Въ этомъ листѣ королевскомъ говорится, что, ввиду уменьшенія королевскихъ стадъ [3]), для скарба «бесъпотребная шкода» въ существованіи въ разныхъ староствахъ и державахъ большого числа машталеровъ и конюховъ «седельныхъ», владѣющихъ по двѣ волоки земли каждый «на тую службу». Отъ имени короля грамота продолжаетъ далѣе: «а то до слушного порадку приводечы, прикладомъ того, яко инъшие слуги нашы дворные постановлены, такъ постановляемъ и хочемъ мети», чтобы и всѣ машталеры и конюхи государевы сѣдельные во всемъ Княжествѣ, владѣвшіе каждый двумя волоками на свою службу, «только одну волоку вольно деръжали», а съ другой волоки вносили бы въ скарбъ чиншъ, какъ это дѣлаютъ иные подданные королевскіе. Баторій приказываетъ конюшію привести въ исполненіе настоящее свое повелѣніе [4]).

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{63}$ л. 34, 34 об. (Въ документѣ очевидная описка—«постановичить» вмѣсто «постановить», какъ читаемъ мы).

[2]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 45, 45 об.

[3]) Конечно, въ силу ординаціи стадной 1574 года.

[4]) «про то приказуемъ тобе, пане конюший, ажъ бы еси, о томъ ведаючы а подлугъ сего постановенья нашого господаръского заховываючы, помененыхъ слугъ нашыхъ, стадныхъ машталеровъ и конюховъ седельныхъ, которые в справе и заведанью твоемъ суть, при той службе кождого только на одной волоце зоставилъ, а з другое волоки цынпъ потому, яко инъшие подъданые наши старостъ и деръжавъ тыхъ, которыхъ тежъ они земли свое мають,

Вѣдая всѣхъ конюховъ и машталеровъ, конюшій, разумѣется, долженъ былъ входить и въ дѣла по земельнымъ участкамъ, находившимся въ ихъ владѣніи на службѣ конюшеской и машталерской [1]).

Кромѣ конюшія, существовалъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и врядъ земскаго подконюшія, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что врядъ этотъ явился только въ концѣ XVI вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ спискахъ дигнитаровъ Литовскихъ, составленныхъ Вольфомъ, мы встрѣчаемъ указаніе на Литовскихъ подконюшихъ, лишь начиная съ тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія [2]), а Бонецкій совершенно не говоритъ о нихъ,—слѣдовательно, ему не встрѣчался въ его источникахъ этотъ врядъ въ числѣ врядовъ XVI столѣтія [3]). Но акты знаютъ все-таки Литовскаго земскаго подконюшія, по крайней мѣрѣ съ 1579 года [4]). Изъ того, что о подконюшемъ земскомъ нѣтъ ни слова въ ординаціи стадной 1574 года, нужно заключить, что во время ея составленія этой должности еще не существовало; terminus, ante quem возникла она—1579 годъ. Такимъ образомъ должность земскаго подконюшія Княжества должна была возникнуть въ первые годы славнаго царствованія Стефана Баторія. По всей вѣроятности, подконюшій земскій Литовскій былъ помощникомъ конюшія и первымъ врядникомъ этого уряда былъ Волчокъ (Юрьевичъ), конюшій Виленскій и подконюшій земскій, державца Василишскій [5]).

Охота государева также имѣла особаго врядника, ею завѣды-

з волокъ своихъ платять, на насъ господара давати и платити велелъ и тотъ платъ жебы еси с тых всихъ машталеровъ и конюховъ нашыхъ седельныхъ, в семъ року семьдесятъ шостом отъ одное волоки брати почавши, потомъ на кождый годъ сполна выбиралъ а до скарбу земского великого князства Литовского отъдавалъ и личбу с того скутечную в скарбе нашомъ чинилъ конечно». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 45 об.

[1]) См., напримѣръ, «листы до пана конюшого, пана Пясецкого, о поступленье села конюховъ ку Олите, ку фольваркови Краковопольскому, а на тое местце абы взялъ иншое село, от ревизоров для стада от Олиты назначоное». (1578 годъ). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 39.

[2]) *J. Wolff.* Senat. i dign. Str. 298.

[3]) *A. Boniecki* (Poczet rodów. Spis dign. i urzędn. Str. XXI) знаетъ лишь Виленскихъ подконюшихъ.

[4]) А. Ю. и З. Р. I. № 215 (документъ относится къ 1595 году; подконюшій земскій, по его словамъ, дѣйствовалъ въ 1579 году).

[5]) А. Ю. и З. Р. I. № 215.

вавшаго. Будучи любимымъ развлеченіемъ вѣка, охота не могла не занять очень виднаго мѣста въ ряду дѣлъ королевскаго двора и должна была организоваться, какъ особый институтъ государственный[1]). Ловчій великаго княжества Литовскаго былъ далеко не послѣднимъ сановникомъ государства. Врядъ ловчія иногда даже держалъ въ своихъ рукахъ сановникъ, занимавшій въ то же время сенаторское кресло. Такъ, въ 1569 году ловчимъ Литовскимъ былъ державца Мерецкій, Ейшискій, Довговскій, Перелайскій, Оранскій, Коневскій и Дубицкій, панъ Григорій Воловичъ[2]). Когда онъ сдѣлался затѣмъ воеводою Смоленскимъ, то продолжалъ занимать врядъ ловчія, какъ и прежде[3]). Преемникомъ Воловича по вряду ловчія былъ Николай Николаевичъ Радивилъ, а Радивилъ не могъ занимать какого-либо невысокаго вряда, и уже одно имя Радивила, какъ ловчія, ручается за высокое положеніе вряда, который могъ занимать членъ этой фамиліи[4]).

Вѣдѣнію ловчія, какъ должностного лица, завѣдывавшаго государевою охотою, подлежали лѣсничества и пущи королевскія, а также ихъ населеніе и врядники, и, наконецъ, забота объ охранѣ дикаго звѣря, на котораго охотился король, а также забота о собакахъ и соколахъ, при помощи которыхъ эта охота производилась. Когда Баторій пожаловалъ лѣсничество своему дворянину и струкцасу Юрію Кгроденскому, онъ послалъ объ этомъ грамоту къ ловчію Литовскому Николаю Радивилу[5]). Въ ней король говоритъ о томъ, что онъ пожаловалъ Кгроденскаго Переломскимъ лѣсничествомъ со всѣмъ, съ чѣмъ держалъ его «першый леш-

---

[1]) О Стефанѣ Баторіи, какъ охотникѣ, см. *A. Pawiński.* Stefan Batory jako Myśliwiec. *Źródła* Dziejowe. T. XI. Str. 5—49. См. также *Рейнгольда Гейденштейна.* Записки о Московской войнѣ (1578—1582). СПБ. 1889. Стр. 84.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 58 (іюль 1569 г.); по Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 53 об.— державца Мерецкій, Ейшискій, Коневскій, Дубицкій и Оранскій (ноябрь 1569 г.).

[3]) Нпр., «воевода Смоленьский, ловчый великого князства Литовского. староста Мерецкий, державца Ейшиский, Довкговский, Перелайский, Коневский, Вораньский, панъ Григорей Воловичъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 88 об.; онъ же — ibidem, л. 44 об., 48 об., 66, 67, 90, 120.

[4]) *J. Wolff* (Sen. i dign. Str. 236), на основаніи А. Вил. VIII, стр. 411, относитъ первое о немъ упоминаніе, какъ о ловчемъ, къ 1577 году. По Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 62 об. знаетъ его ловчимъ уже въ 1576 году.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 82. (Дата: Мальборгъ, 12 сент. 1577 года).

24

ницый, небощикъ» Войтехъ Радимскій, со всѣми селами, людьми, пожитками и доходами, которые относятся къ этому лѣничеству, но, конечно, съ обязательствомъ для лѣсничія давать въ этихъ доходахъ отчетъ скарбу. Оказалось, однако, что панъ ловчій «завесть казалъ» Кгроденскому не всѣ земли, принадлежащія къ Переломскому лѣсничеству издавна, и «не подалъ ему инвентаря «тых сел, людей и пущъ» королевскихъ. Поэтому новый лѣсничій не имѣетъ возможности «доходов, с того лесницства прислухаючыхъ», собрать «а ни личбы до скарбу» государева «чинити». Ввиду этого король приказалъ ловчію, чтобы онъ «тое лесницство Переломское со всим потому, яко и першый лесничый держалъ, подалъ такъ тежъ инвентар, щымъ тое лесницство ему подано, достаточне описавшы, выдать росказалъ без жадного омешканя и проволоки». Такимъ образомъ, ловчій передаетъ [1]) то, или другое лѣсничество, жалуемое королемъ извѣстному лицу; онъ же имѣетъ у себя и инвентари лѣсничествъ, ибо они подлежатъ вѣдѣнію вряда ловчія великаго княжества Литовскаго. Жалуя земли въ лѣсничествахъ, король посылаетъ ловчію приказъ «подать» ихъ новому владѣльцу и въ нихъ его «увязать», такъ какъ это «враду ловецкому належить» [2]). О лѣсничихъ, какъ о видѣ державцевъ, мы говорили уже выше, а потому здѣсь прямо можемъ перейти къ дальнѣйшему изложенію компетенціи и функціонированія вряда ловчія.

Звѣрь, доставлявшій королю удовольствіе охоты, жилъ въ пущахъ, подлежащихъ вѣдѣнію и охранѣ ловчія. Если король въ видѣ особой милости позволялъ кому-либо изъ близкихъ къ нему лицъ, или вельможъ, поохотиться въ своей пущѣ, онъ извѣщалъ объ этомъ ловчія, точно опредѣляя, какое число головъ и какого звѣря онъ, разрѣшилъ убить. Такъ, Стефанъ Баторій двумя своими грамотами ловчію изъ Мальборга отъ 25 октября 1577 года позволилъ Николаю Криштофу Радивилу убить въ Бѣловѣжской пущѣ четырехъ зубровъ [3]), а Яну Замойскому далъ разрѣшеніе

---

[1]) См., нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 7 и 7 об.: «листъ до пана ловчого о поступене лесницства Слонимского князю Полубеньскому» (7 іюля 1576 года).

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{A}}{57}$ л. 120 об. («Листъ ротъмистру Валенътому Каменьскому до пана Григоря Воловича, воеводы Смоленского, ловчого etc. о шеснадцать волок неоселыхъ в лесництве Немоноитском», л. 120—120 об.).

[3]) «Стефан Божю милостью . . . . . Ловчому нашому великого князстваy Литовского, пану Миколаю Радивилу. Ижъ есмо позволили маршалъку нашому

взять изъ той же пущи убитыхъ четырехъ зубровъ и четырехъ лосей; король приказалъ ловчію распорядиться, чтобы тамошній лѣсничій убилъ ихъ и передалъ служебнику Замойскаго [1]). Самыя пущи государевы великаго княжества Литовскаго были переписаны въ 1559 году Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ [2]) Въ этой ревизіи описаны слѣдующія пущи: Стербельская, Черногородская, Ковельская-Нюинская, Ковельская-Вижовская, Пинскія пущи, а именно войтовства Черчицкаго, войтовства Купетицкаго, войтовства Христоболотскаго и Зарѣцкаго, войтовства Фоенскаго, войтовства Кужелицкаго, села Гати, волости Вяжской, села Ковнятинскаго и Свертинскаго, пуща Слонимская Загривецкая, Любиская, Переволотьская, Здитовская, Лososинская, Бѣлавицкая, Селецкая, Лысковская, Бѣлская, Кринская, Одельская, Молявицкая, Кузницкая, Кнышинская, Олитская, Бирштанская, Дорсунишская, Румшиская, Ковенская, Вилкійская, Мерецкая, Перстуньская, Не-

---

дворному великого князства Литовского, пану Миколаю Крыштофу Радивилу, в пущы нашой Беловежской чотыры зубры убить, про то хочемъ мети, абы твоя милость того пану маршалъку боронити не велелъ. Писан у Малборку». 25 октября 1577 года. «Stephanus Rex». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 84 об.

[1]) «Стефан Божю милостью etc. Ловчому нашому великого князства Литовского, пану Миколаю (Крыштофу—ошибочно прибавлено въ подлинникѣ) Радивилу. Ижъ есмо позволили подканцлерому нашому Корунному, старосте Белзскому и Кнышынскому, пану Яну Замойскому чотырох зубров и чотырохъ лосей в пусчы нашой Беловежской убитых взять на потребу его милости, а такъ хочем мети, абы твоя милость, лесничому нашому тамошнему, Филипу Мафицу о том ознаймившы, науку ему дал, абы он, чотыры зубры и чотыры лоси в той пущы нашой Беловежской убившы, до того служебника пана подъканцлерого отдалъ, которого онъ для того тамъ пошлеть. Писанъ у Малборку» 25 октября 1577 года. «Stephanus Rex». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 84 об.

[2]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ съ присовокупленіемъ грамотъ и привилегій на входы въ пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговскимъ Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ въ 1559 году. Съ прибавленіемъ другой актовой книги, содержащей въ себѣ привилегіи, данныя дворянамъ и священникамъ Пинскаго повѣта, составленной въ 1554 году. Вильна 1867. О работахъ по составленію ревизій различныхъ мѣстностей и округовъ Княжества чиновниками школы Сигизмунда Стараго и Боны см. *С. А. Бершадскій.* Литовскіе Евреи. СПБ. 1883. Стр. 303—304. Издана также для XVII вѣка—Ординація королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго, составленная по инструкціи короля Владислава IV коммиссарами, Виленскимъ каноникомъ и королевскимъ секретаремъ, Петромъ Далматомъ Исайковскимъ и Упитскимъ маршалкомъ, Христофоромъ Бѣлозоромъ въ 1641 году. Вильна 1871.

*

реломская, Веленская, Скирстомонская и Юрбарская [1]). Кромѣ того, одна пуща, а именно Бульская «на поля розроблена и у волоки помѣрена» [2]). Эти пущи находились въ юго-западномъ, пространствѣ великаго княжества Литовскаго, считая его въ тѣхъ предѣлахъ, которые оно имѣло до 1569 года. Пущи и переходы звѣриные, описанные ревизіей Воловича, «идуть изъ-за Днѣпровскихъ поль до пущъ великого княжества Литовского» [3]) и простираются на сѣверъ до Шерешовской и Бѣловѣжской пущъ, т.-е. до пространства, гдѣ начинаются рѣки системы Нѣмана. Цѣль, съ которою была произведена Воловичемъ по предписанію короля Сигизмунда Августа его ревизія—«вывѣданье и описанье» вышеозначенныхъ пущъ и переходовъ звѣриныхъ, но также и «осаженье» селъ и городовъ, «гдѣ бы се садили на мѣстцахъ погожихъ» и «будованье дворовъ пріѣханья короля его милости въ ловы въ тыхъ пущахъ». Ревизія Воловича описываетъ границы отдѣльныхъ пущъ, и въ этомъ прежде всего ея значеніе. При изученіи этого памятника хлопотливость вряда ловчія становится особенно замѣтной. Въ самомъ дѣлѣ, въ пущи королевскія имѣютъ «входы» различныя лица, получившія на то право. Такъ, напримѣръ, въ Пинскую пущу селъ Ковнятинскаго и Сверетинскаго имѣли входы «къ дереву бортному» Рожчаловскіе подданные пана Николая Яновича Радивила, воеводы Виленскаго, Крайницкіе подданные Троцкаго воеводы, пана Довойны, и Пинскіе земяне Завиши, Николай Щепичъ и другіе [4]). Эти входы могли служить источникомъ злоупотребленій и требовали надзора. Бывали случаи и захвата королевской земли частнымъ лицомъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, панъ Семенъ Ѳедюшко, который, «на властивомъ кгрунтѣ короля его милости въ селѣ Гати пять человѣковъ осадивши, и немало земли короля его милости за себе забралъ» [5]), или—панъ Иванъ Кунцевичъ, который «не вѣдати которымъ обычаемъ, къ дворцу своему» захватилъ государеву землю въ четырехъ мѣстахъ Ковенской пущи [6]). Такимъ образомъ, нуженъ былъ постоянный надзоръ за тѣмъ, чтобы имущество государево не расхищалось частными лицами въ предѣлахъ пущъ Литовскихъ.

---

[1]) Ревизія пущъ и т. д. Стр. 1—62.
[2]) Ibidem. Стр. 18. [3]) Ibidem. Стр. III.
[4]) Ревизія пущъ и т. д. Стр. 15. Ср. также А. Вил. II. Стр. 137 (1586 г.).
[5]) Ревизія пущъ и т. д. Стр. 15.
[6]) Ibidem. Стр. 43.

Но и разногласія по поводу границъ отдѣльныхъ пущъ [1]) также должны были останавливать на себѣ вниманіе ловчія.

Охрана пущъ была обязанностью осочниковъ. Ревизуя Юрбарскую пущу, Григорій Воловичъ назначилъ къ ней 10 коней осочниковъ, «которые мають съ пильностью стерегучи и станье звѣру въ тыхъ пусчахъ, гдѣ на которомъ мѣстцю звѣрь становити ся будеть, и оступы лѣсничій, списавши, до его королевской милости мають дать знати на реестръ списавши» [2]). Итакъ, осочники сторожатъ пущу и стерегутъ звѣря въ ней, наблюдая, гдѣ онъ становится. По ихъ наблюденіямъ и замѣтамъ, лѣсничіе записываютъ затѣмъ мѣста для облавъ (оступы) и, составивъ ихъ списокъ, доводятъ его до свѣдѣнія короля. Но осочники не единственный видъ сельскаго населенія, пріуроченный къ дѣлу государевой охоты. Подобно имъ, охотѣ королевской служили и стрѣльцы, псарцы, сокольники и мысливцы [3]).

Кромѣ заботы объ охотѣ государевой, ловчій былъ озабоченъ и дѣломъ увеличенія доходовъ королевскихъ въ предѣлахъ земель, ввѣренныхъ его вряду. Въ грамотѣ короля Генриха, данной 28 апрѣля 1574 года [4]), читаемъ, что еще Сигизмундъ Августъ взялъ у Смоленскаго воеводы и ловчія Литовскаго его село Соричи (Волковыйскаго повѣта). Какъ взамѣнъ этого села, такъ за службы пана ловчія, которыми онъ служилъ Сигизмунду Августу «отъ немалого часу верне, пилне, працовите и накладне», а особенно за то, что онъ, «за волею и росказаньемъ его королевское милости воли в пущахъ осаживаючи, не толко ижъ не малую утрату на маетности своей принялъ, але и ку немалому ущербку здоровъя своего пришолъ», еще Сигизмундъ Августъ назначилъ ему села изъ тѣхъ же «воль», которыя самъ Воловичъ «осадилъ». Послѣдній Ягеллонъ не успѣлъ за своею смертью закрѣпить этого

---

[1]) Нпр., споръ о части Переломской пущи между осочниками Переломскими и Городенскими. Ibidem. Стр. 53.

[2]) Ревизія пущъ и т. д. Стр. 60.

[3]) Нпр., А. З. Р. III. № 68. Ср. также Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 274 — 275 об. «декрет псарцом волости Ейшиское з села Килвинянцов з соколником Маты сом Тепиносом о две волоки земли и о шкоды». См. также А. Вил. XIII. Стр 23—24 (1536 г.).

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 44 об.—45 об.: «лист пана воеводы Смоленьского на села Шкобелево, Грузское, Дубровку, Яловое и Городище».

пожалованія привилеемъ, и это сдѣлалъ Генрихъ настоящею своею грамотою.

Кромѣ врядниковъ, вѣдавшихъ ту, или другую отрасль королевскаго хозяйства, каковыми были кухмистръ, конюшій и ловчій, дворъ Литовскій имѣлъ должностныхъ лицъ того, или другого назначенія при особѣ государевой. Сюда относятся ложничій, подкоморій, крайчій, чашникъ и подчашій, стольникъ и подстолій. Ложничій былъ, очевидно, должностнымъ лицомъ, вѣдавшимъ государеву постель. Ложничій Сигизмунда Августа, Лукашъ Ленцскій, былъ настолько состоятеленъ, что имѣлъ возможность ссудить своего государя двумя тысячами копъ Литовскихъ грошей (т.-е. 120 тысячами грошей), и въ этой суммѣ была «обычаемъ зоставы заведена» держава Дубенская ему, его женѣ и дѣтямъ [1]). Должность ложничія рѣдко упоминается актами; это является причиною того, что о ней почти нѣтъ упоминаній въ исторической литературѣ [2]). Удѣльныя княжества Русскія, вошедшія въ составъ Литовско-Русскаго государства, хорошо знали въ числѣ придворныхъ чиновъ своихъ подкладника, котораго г. Грушевскій понимаетъ, какъ спальника [3]), а г. П. В. Голубовскій, какъ постельничія [4]). Но, конечно, ложничій великаго княжества Литовскаго второй половины XVI столѣтія былъ врядникомъ, потомкомъ не этого Русскаго уряда, а должностнымъ лицомъ, перенесеннымъ въ Литовскій великокняжескій дворъ изъ двора Польскаго. По словамъ Оржельскаго, ложничій въ Польшѣ былъ то же самое, что и королевскій подкоморій, и на его обязанности лежала охрана ложа государева [5]). Гейденштейнъ называетъ великое, т.-е. дворное

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 43 об.: «листъ пана Зборовъского на Дубно» (10 апр. 1574 г.). Въ 1574 году Ленцскій уже былъ «небощикомъ», по словамъ этого документа.

[2]) *J. Wolff.* (Sen. i dign. Str. 301) не отмѣчаетъ ложничія, какъ дворнаго урядника, но въ числѣ подстолихъ называетъ Яна Сопегу, который былъ „cubicularius regis“ (начало XVII вѣка). Ср. *М. К. Любавскій.* Лит.-Р сеймъ. Стр. 422.

[3]) *М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1891. Стр. 333.

[4]) *П. В. Голубовскій.* Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Кіевъ. 1895. Стр. 228. *В. Е. Данилевичъ* (Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1896) не встрѣтилъ указаній на существованіе этого вряда въ Полоцкѣ (стр. 208), но, конечно, изъ этого нельзя заключать, что его тамъ не было совершенно.

[5]) Dziejopisowie Krajowi. *Swiętosława z Bożejowic Orzelskiego.* Dzieję Polski. T. I. Petersburg i Mohilew. 1856. Str. 33. „Po śmierci Łożniczego czyli Pod-

подкоморство, отличая его этимъ прилагательнымъ, очевидно, отъ подкоморства повѣтоваго—praefectura cubiculi. Онъ говоритъ, что эта должность представлялась особенно заманчивою для ея врядника потому, что онъ могъ знать всѣ тайные замыслы королевскіе и быть стражемъ при нихъ [1]). Такимъ образомъ, подкоморій королевскій вѣдалъ спальню государеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ отвѣтственнымъ за безопасность особы государевой, когда король въ ней находился. Послѣ бѣгства Генриха Валезія изъ Кракова Коронный подкоморій, Тенчинскій, бросился догонять его, «pomny na godnosc ojczyzny i na swój urząd», какъ говоритъ Оржельскій [2]). Тотъ же Тенчинскій забралъ себѣ стоившій громадныхъ денегъ королевскій коверъ, распоряжаясь въ комнатахъ королевскихъ послѣ бѣгства Генриха [3]).

Должность подкоморія существовала въ великомъ княжествѣ Литовскомъ уже въ первой половинѣ XV столѣтія [4]). Акты, къ сожалѣнію слишкомъ скупы на упоминанія о дѣятельности подкоморія, чтобы можно было представить ее во всѣхъ ея деталяхъ. Подкоморіе не разъ упоминаются въ качествѣ землевладѣльцевъ [5]), или свидѣтелей при томъ, или другомъ актѣ [6]); знаютъ акты королевскаго подкоморія и какъ члена коммиссіи, которая «за росказаньемъ листовнымъ и устною наукою его королевское милости» передала и «завела» въ 1535 году «мѣщаномъ Каменецкимъ на дрова и на будованье пущи» [7]); ихъ знаютъ источники и дѣйствующими, какъ старосты-намѣстники государевы [8]), но съ дѣятельностью подко-

---

komorzego Królewskiego, do którego należało przestrzeganie przystojności, całości i porządku łoża Królewskiego...“

[1]) Dziejopisowie Krajowi. *Rajnolda Hejdensteina* sekretarza królewskiego. Dzieje Polski. T. I. Petersburg. 1857. Str. 143. Ср. также str. 155.

[2]) Dziepis. Kr. *Swiętosława z Bożejowic Orzelskiego.* Dzieje Polski. T. II. Petersburg i Mohilew. 1856. Str. 4. Ср. также J. *Szujski.* Dzieje Polski. T. III. W Krakowie. 1895. Str. 42, 43.

[3]) *Heidenstein.* Dz. P. I. Str. 155, 156.

[4]) *А. Boniecki.* Poczet Rodów. Spis dign. i urz. Str. XX. Юрій Стромила (1428—1430). Ср. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 349, прим. 4.

[5]) Нпр., акты *Леонтовича.* I. I. №№ 79 (1493 г.), 266 (1496 г.); А. Вил. II. Стр. 128 (1532).

[6]) А. Вил. II. Стр. 4 (1508)—«подкоморій Нимейскій, панъ Андрей Якубъ Довойновича, подскарбій Нимутенскій, панъ Иванъ Андреевичъ». Очевидно, что «Нимейскій» и «Нимутенскій»—названія державъ и что мѣсто испорчено такимъ образомъ въ рукописи, или въ изданіи.

[7]) А. Вил. VI. Стр. 215.

[8]) Нпр., А. Вил. XXIV. №№ 78 (1550), 80 (1551).

морія именно по этому уряду намъ не пришлось встрѣтиться въ актахъ Литовскихъ. Во всякомъ случаѣ, подкоморія королевскаго ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ подкоморіемъ повѣтовымъ [1]), онъ игралъ на дворѣ королевскомъ приблизительно такую же роль, какую игралъ на бискупьемъ дворѣ подкоморій бискупа [2]). Самая должность подкоморія государева существуетъ непрерывно до середины XVI вѣка, и затѣмъ вновь встрѣчаемъ подкоморіевъ королевскихъ Литовскихъ только уже съ 1633 года. Г. Вольфъ утверждаетъ, что этотъ вакатъ наступилъ въ 1559 году, съ назначеніемъ Григорія Александровича Ходкевича на Троцкую каштелянію [3]). Доказательствомъ своего мнѣнія г. Вольфъ приводитъ свидѣтельство акта назначенія въ 1633 году Януша Радивила на подкоморство, гласящій, что этотъ урядъ ваковалъ послѣ Григорія Ходкевича [4]), совмѣщавшаго его съ кресломъ воеводы

[1]) Это дѣлаетъ проф. Ѳ. И. Леонтовичъ (Акты Л. М. I. II, стр. XIX) опредѣляющій подкоморія, какъ «Польскій урядъ, введенный въ Подляшскихъ земляхъ по разграниченію земель и разбирательству земельныхъ тяжбъ на мѣстѣ». Проф. Леонтовичъ ссылается на М. К. Любавскаго (Обл. дѣленіе и пр., стр. 672), но послѣдній говоритъ лишь о подкоморіяхъ Подляшскихъ повѣтовъ, а не о подкоморіяхъ королевскихъ, о которыхъ говорятъ акты, изд. г. Леонтовичемъ.

[2]) А. Вил. XVII. № 907. А. Вил. XX. № 4.

[3]) J. *Wolff.* Sen. i dign. Str. 296.

[4]) Этотъ Григорій Ходкевичъ умеръ въ 1574 году, но не 12 ноября (J. *Wolff.* Str. 79), а въ началѣ этого года. Это несомнѣнно изъ привилея, даннаго королемъ Генрихомъ 6 мая 1574 года сыну его, пану Андрею Ходкевичу, подстолію Литовскому, на Могилевъ. Въ этомъ привилеѣ читаемъ: «Генърикъ Божю милостью корол. Ознаймуемъ симъ листом нашим, кому будеть потребъ того ведати. Поведилъ перед нами панъ Виленьский, староста Жомонтский, маршалокъ земский великого князства Литовского, администратор и гетманъ земли Лифлянтское, староста Ковенский, державца Тельшовский, панъ Янъ Ходкевичъ, кграбя на Шклове и на Мыши, о томъ, ижъ што панъ Виленьский, гетманъ навышъший великого князства Литовского, староста Городеньский и Могилевский, стрый его милости, маючи певное право и доживотье на старостве Могилевскомъ, еще за живота своего оное староство Могилевское подстолему великого князства Литовского, пану Анъдрею Ходкевичу, сыну своему, пустилъ, которое спущенье оного староства Могилевского и королю его милости славное памети Жикгимонту Августу предку нашому ознаймилъ, и о то, жебы его королевская милост то помененому пану подстолему, сыну его милости, потвердити рачилъ, просилъ». Сигизмундъ Августъ далъ свое согласіе на просьбу Ходкевича, приказалъ «подати» Могилевское староство пану подстолію, что и сдѣлано было дворяниномъ Константиномъ Кунцевичемъ. Но Сигизмундъ Августъ умеръ, не успѣвъ выдать документъ, «потверженье» королевское. По просьбѣ Яна Ходкевича король Генрихъ дѣлаетъ это слѣдую-

Витебскаго и Кіевскаго, но сложившаго его съ себя съ назначеніемъ на кашталянство Троцкое [1]). Но «реестръ попису» войска Литовскаго 1565 года [2]) называетъ подкоморіемъ королевскимъ пана Станислава Андреевича Довойну, старосту Пинскаго и Кобринскаго, выставившаго 10 августа этого года 60 коней своего «почту». Если обратимся къ упоминаніямъ о Станиславѣ Довойнѣ въ другихъ актахъ, замѣтимъ то обстоятельство, что онъ не именуетъ себя подкоморіемъ [3]), и это тѣмъ удивительнѣе, что обыкновенно ни одинъ врядникъ не пропускалъ въ своихъ титулахъ ни одного изъ занимаемыхъ имъ врядовъ. Въ 1568 году панъ Станиславъ Андреевичъ Довойна былъ уже «небощикомъ» [4]). Кромѣ того нужно замѣтить, что онъ не называется подкоморіемъ и и до 1565 года [5]), и послѣ него [6]). Такимъ образомъ, нужно полагать, что съ самымъ назначеніемъ Довойны подкоморіемъ случилось какое-нибудь недоразумѣніе, т.-е. или оно состоялось только на словахъ, или же сразу послѣ назначенія своего новый подкоморій сложилъ съ себя свою должность. Что касается до положенія королевскаго подкоморія въ ряду другихъ дигнитарей Литовскихъ, то доказательствомъ высоты его служитъ совмѣщеніе его съ врядомъ ловчія [7]) и съ сенаторскимъ кресломъ [8]).

Для двора господарскаго необходима была и должность дворнаго казначея. Эта должность носила названіе вряда подскарбія дворнаго [9]). А. Павинскій, труды котораго имѣютъ такое круп-

щими словами: «а такъ мы, маючи ласкавое баченье на значъные а высокие заслуги продковъ ихъ милости пановъ Ходкевичовъ и теперешнего пана Виленьского а особъливе знакомитые и верные служъбы *недавно зешлого* пана Григоря Ходкевича, пана Виленьского, гетьмана навышъшого великого князства Литовского, старосты Городеньского и Могилевского, которые его милость...» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 109—109 об.

[1]) J. *Wolff.* Sen. i dign. Str. 296. Г. Вольфъ дѣлаетъ ошибку, считая этого Ходкевича не тѣмъ же самымъ лицомъ, о которомъ онъ говоритъ на стр. 79. Приведенная въ предыдущемъ примѣчаніи выписка изъ грамоты короля Генриха дополняетъ списокъ его урядовъ.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 82, л. 3.

[3]) А. Вил. III. Стр. 196. А. Вил. XXIV. №№ 156, 224.

[4]) А. Вил. III. Стр. 195. [5]) А. Вил. XXIV. №№ 156. 224.

[6]) А. Вил. VI. Стр. 196 (1566).

[7]) Панъ Николай Юрьевичъ Пацевичъ былъ подкоморіемъ и ловчимъ. А. Вил. II. Стр. 128.

[8]) Панъ Григорій Ходкевичъ.

[9]) Приводимъ образецъ привилея на этотъ урядъ. «Привилей пану Федору Скумину на подскарбъство дворное.—Стефанъ Божью милостью король

ное значеніе для исторіи Польши, коснулся дворнаго скарба Литовскаго въ добавленіи къ своему труду «Skarbowość w Polscze i jéi dzieje za Stefana Batorego» [1]). Самъ покойный знатокъ вну-

Польский... Чинимъ явно симъ нашымъ листомъ нинешнимъ и напотомъ будучымъ, ижъ мы господаръ, оседшы столицу панствъ нашыхъ, коруны Польское и великого князства Литовского, взяли есмо ведомость от ихъ милости пановъ-радъ нашых великого князства Литовского о службах, прыпоминанья годныхъ над потомъки, марьшалька господарского, державцы Чорнобыльского, небожчика пана Скумина Львовича Тишкевича, которые онъ зъ себе оказовалъ, служачы продкомъ нашымъ, светобливое славное памети королемъ и великимъ княземъ ихъ милости Жыкгимонту першому и Жыкгимонту Августу, служачи на дворех ихъ королевское милости верьне, працовите и накладне; а за узнаньемъ годности таковое в нимъ посыланъ былъ до Орды в посельстве по колько кроть, где будучы на той позлузе земской, постерегаючы достойности продковъ нашыхъ на особе своей посельской, на всемъ веру статочную оказовавшы, с пожыткомъ речы посполитое завжды тую дорогу отправилъ. А такъ ихъ милость некоторые ихъ милость панове-рады нашы паньства нашого великого князтва Литовского, таковые службы людей заслужоных до ведомости нашое господарское донесъшы, залетили нам сына небожьчыка помененого марьшалька господарского пана Скуминова, Федора Скуминовича Тишкевича, который взновилъ в себе заслуги отьцовские, служачы на дворе короля его милости Жикгимонта Августа, продъка нашого, немалый часъ, якожь и в поселстве до Москвы от его королевское милости посыланъ, тамъ на всемъ верне и цнотливе справы, на него преложоные, справовалъ. А ижь кождая справа в речы посполитой працовитая потребуеть нагороды з оздобеньнымъ всякою учстивостью, про то мы, маючи ласкавый взглядъ на потомство заслужоного врядника продъкомъ нашимъ, то естъ на пана Федора Скумина, а хотечы его тымъ хутлившого и впередъ ку службамъ нашимъ господарскимъ и речы посполитой способити, дали есмо впередъ реченому пану Федору Скумину врадъ на дворе нашомъ, подъскарбство надворьное панъства нашого великого князства Литовского, до его живота. Маеть панъ Федор Скуминъ тотъ врадъ, подъскарбство дворъное, держати, учстивости месца на соймехъ и соймикахъ, такъ тежъ владзы и пожытковъ, на тотъ врад здавна належачихъ, уживати до живота своего, албо до большого и пожитечнейшого опатренья нашого господарского, справуючы тымъ врадомъ потому, яко и першие подскаръбие дворъные великого князства литовского з давныхъ часовъ справовали. А мы господарь, того враду на немъ ни в чомъ не змнейшаючы, в ласце а бачности нашой господарской его заховати хочемъ. И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ с подъписом власное руки нашое господарское, до которого и печать нашу на твердость тое речы прывесити есмо росказали. Писанъ у Варъшаве» 6 іюля 1576 года. «Подписъ руки господарское». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 42 об.—43 об. Тотъ же документъ—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 1 об.—2. Описки одного списка были нами исправлены при изданіи на основаніи другого.

[1]) Źródła Dziejowe. T. VIII. Warszawa. 1881.

тренней исторіи Польши сознается, что вообще изложеніе скарба и финансовой системы Княжества заслуживаетъ болѣе подробнаго и обстоятельнаго трактованія, чѣмъ это возможно въ одномъ коротенькомъ прибавленіи [1]). Недостатокъ источниковъ, въ чемъ сознается самъ Павинскій, не позволилъ ему представить обстоятельнаго очерка Литовскаго скарба [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣтить и другую причину, помѣшавшую покойному Варшавскому профессору дать въ своей книгѣ правильное представленіе о скарбѣ Княжества. Это—общій взглядъ на Литовскіе порядки послѣ Уніи 1569 года, навѣянный отождествленіемъ Литовскаго и Польскаго, взглядъ, въ которомъ лежитъ коренная ошибка исторіографіи не только Польской, но въ значительной степени и Русской. Литовскіе институты не были Польскими по своему содержанію, хотя они и носили одноименныя съ Коронными названія. Было сходство, но было и различіе. Вѣдь вряды и обычаи, съ которыми вступило Княжество въ Унію съ Польшею, установились въ немъ въ то время, когда оно было совершенно отдѣльнымъ государствомъ. Оно жило въ иныхъ историческихъ условіяхъ. чѣмъ жила Польша, и эти условія оно переживало, имѣя въ основѣ Литовскую и Русскую старину, а не старину Польскую. Если врядамъ и институтамъ Литовскимъ давались тѣ же названія, которыя имѣли аналогичные вряды и институты въ Коронѣ; если дѣйствительно многіе изъ нихъ переносились изъ Польши, болѣе развитой въ ея цивилизаціи, то и эти институты не могли не измѣняться въ своемъ содержаніи, такъ какъ въ него входило, кромѣ переносимаго изъ Польши, и свое исконное, стародавнее. Литовскіе вряды и институты должны изучаться самостоятельно, какъ таковые, и только тогда явится возможность дать ихъ правильную характеристику. Кромѣ того, только при такомъ изученіи Литовскихъ институтовъ изслѣдованіе прошлаго Княжества и всей Польско-Литовской Речи Посполитой дастъ тотъ дѣйствительно важный матеріалъ для общихъ историческихъ выводовъ, касающихся вопросовъ о культурномъ вліяніи народа на народъ и вообще для теоріи историческаго процесса, который оно дать должно и можетъ въ чрезвычайно интересныхъ фактахъ и явленіяхъ.

Но обратимся къ разбору изложенія Павинскаго «O Skarbowości litewskiéj». Павинскій говоритъ, что хотя и имѣло Княже-

[1]) Ibidem. Str. 464. [2]) Ibidem. Str. 465.

ство отдѣльный скарбъ, но несмотря на это между Литвою и Короною существовала «pod tym jak i wielu innemi względami wzaiemność» [1]). Къ этому онъ прибавляетъ, что Литовскія скарбовыя средства шли «na wspólne cele całéj rzeczy-pospolitéj, na utrzymanie tego samego króla, na te same wyprawy wojenne» [2]). Но мы уже видѣли, какъ Литва охраняла средства своего скарба отъ расходованія ихъ на Коронныя нужды; видѣли также, какъ и Корона отказывалась давать свои деньги на нужды Княжества [3]). Такимъ образомъ о «взаимности» скарбовъ Короннаго и Литовскаго не можетъ быть и рѣчи. Посмотримъ теперь, какъ представлены Павинскимъ источники поступленій въ Литовскій скарбъ. Павинскій дѣлитъ Литовскій скарбъ на надворный и посполитый. Въ послѣдній, по мнѣнію Павинскаго, поступаютъ поборы съ Княжества, установляемые сеймомъ. Тутъ прежде всего нужно исправить ошибочное положеніе, что способъ установленія поборовъ въ Княжествѣ сеймомъ явился со времени Уніи 1569 года. Онъ существовалъ въ немъ задолго до нея, и Княжество вступило въ Унію уже съ этимъ порядкомъ. Затѣмъ, объ учрежденіи посполитаго скарба Литовскіе станы стали думать только въ эпоху царствованія Стефана Баторія, толковали о немъ на своихъ съѣздахъ этой эпохи [4]), представили требованіе его учрежденія Сигизмунду Вазѣ и наконецъ получили его королевскою грамотою 28 января 1588 года [5]). Этотъ посполитый скарбъ былъ земскій скарбъ Княжества, окончательно отдѣленный отъ дворнаго по требованію Литовскихъ становъ. Грамотою 28 января 1588 года исключительно «на подымованье» государя и «столу» его «господарского» назначались слѣдующія староства и державы: 1) староство Городенское и держава Олитская съ фольварками, мѣстечками, селами, волостями и лѣсничествами ихъ [6]), 2) староство Берестейское и держава Кобринская и Каменецкая съ принадлежащимъ къ нимъ [7]) и 3) держава Шавленская въ землѣ Жомоитской «зо всими тежъ волостями, селы и приле-

[1]) Ibidem. Str. 464. [2]) Ibidem. Str. 464, 465.

[3]) См. первую главу. [4]) См. стр. 200 и сл.

[5]) А. Вил. VII. Стр. 95—97. Тотъ же документъ—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 279—281.

[6]) «Городница, Новый Дворъ, Лабно, Крынки, Одельско, Красникъ, Квасовка, Кузница, Котра, Скидель, Вертилишки, Озера, Салаты, Мильковщизна, Мосты и иншіе фольварки, мѣстечка, села, волости и лѣсництва староства Городеньского и державы Олитское».

[7]) «зъ фольварками: Рѣчица, Воинь, Милейчицы, Ломазы, Коденецъ, Кіевецъ, Пружона, Клещеле, Везки, Дивинокъ зо всими волостями» и пр.

глостями». Такимъ образомъ только со вступленіемъ Сигизмунда Вазы на престолъ соединенной Речи Посполитой совершилось полное отдѣленіе средствъ скарбовъ земскаго и дворнаго въ Княжествѣ. При этомъ лишь часть, а не всѣ державы и староства были отданы въ Литвѣ надворному скарбу, остальныя же по прежнему остались въ вѣдѣніи скарба земскаго. Это было крупнымъ отличіемъ финансоваго управленія Литовскаго отъ Короннаго, такъ какъ въ Польшѣ всѣ староства съ ихъ доходами составляли рессурсы дворнаго скарба Короны. Теперь мы исправили и ошибочное утвержденіе Павинскаго, что столовыя земли составляли въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ источникъ поступленій въ дворный скарбъ [1]). Мы особенно старались разобрать мнѣніе Павинскаго, чтобы показать, насколько неправильно вообще переносить на явленія Литовской государственной жизни аналогичные факты жизни Короны. Крупныя дарованія, громадныя знанія и чрезвычайно внимательное отношеніе ко всѣмъ деталямъ изучаемаго имъ явленія при постоянномъ стремленіи не удаляться отъ точнаго фактическаго матеріала, которыя характеризуютъ покойнаго Варшавскаго профессора, не спасли его отъ такихъ крупныхъ ошибокъ въ характеристикѣ Литовскаго скарба, благодаря взгляду на Литовскіе порядки и государственное устройство, какъ на сколокъ съ порядковъ и устройства Короны.

Въ спискахъ г. Вольфа, какъ первый подскарбій дворный, названъ Иванъ Богдановичъ Литаворъ Хребтовичъ въ концѣ XV столѣтія [2]). А. Бонецкій также съ него начинаетъ свой рядъ дворныхъ подскарбіевъ [3]). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что дворный подскарбій—это лишь новое названіе, которое усвоилъ себѣ великокняжескій казначей, должность, хорошо извѣстная и двору Московскаго князя [4]). Сами Литвины называли подскарбіемъ казначея по Московской терминологіи [5]). Какъ казначей государевъ, дворный подскарбій долженъ былъ по всей вѣроятности дѣлать выдачи и уплаты по личнымъ расходамъ государя и по его и двора содержанію. Со времени Ливонской войны, которая стала поглощать всѣ рессурсы земскаго скарба, у дворнаго скарба явились и особыя средства. Эти

---

[1]) Żr. Dz. T. VIII. Str. 465, 466. [2]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 190.

[3]) *A. Boniecki.* Poczet Rodów. Sp. dign. i urz. Str. XXII.

[4]) *В. И. Сергѣевичъ.* Русскія Юридическія Древности. Т. I. Стр. 415, 416.

[5]) Такъ казначей кн. Шуйскаго называется подскарбіемъ его. А. З. Р. III. № 35 (1564 г.). Въ монастыряхъ манахъ-казначей также назывался монастырскимъ подскарбіемъ. Вил. Арх. Сб. IX. Стр. 18, 60 и др.

средства стали давать спадковыя имѣнія, т.-е. земли, доставшіяся государю, какъ выморочныя. Онѣ считались землями, «власной, особе его королевской милости належачими» [1]). Въ эпоху до Уніи 1569 года дворный подскарбій былъ членомъ господарской рады, но послѣ соединенія Литвы съ Польшею остался внѣ ея [2]). Находясь постоянно около короля, дворный подскарбій, естественно, имѣлъ полную возможность пріобрѣтать различныя пожалованія [3]), а его опытность въ финансовыхъ дѣлахъ, пріобрѣтаемая по его вряду и въ силу постоянныхъ сношеній со скарбомъ земскимъ, дѣлала его вполнѣ подходящимъ кандидатомъ на трудную и отвѣтственную должность земскаго подскарбія. Въ самомъ дѣлѣ переходъ дворнаго подскарбія на врядъ подскарбія земскаго былъ совершенно обычнымъ явленіемъ [4]). Кромѣ того дворный подскарбій былъ и самымъ подходящимъ лицомъ для временнаго завѣдыванія земскимъ скарбомъ во времяваката вряда земскаго подскарбія до назначенія новаго лица на этотъ урядъ [5]).

Должность крайчія существовала въ великомъ княжествѣ Литовскомъ уже въ XV столѣтіи [6]). Назначеніе этого уряда можетъ быть выведено изъ самаго его названія. Слово крайчій происходитъ, очевидно, отъ слова krająć—кроить, рѣзать. Латинское названіе этой должности—incisoriatus, производное отъ incidere (рѣзать). Такимъ образомъ назначеніемъ вряда крайчія должно было быть нарѣзываніе для королевскаго стола тѣхъ кушаній, которыя этого требовали. Въ Польшѣ крайчіе существовали уже въ первой половинѣ XV столѣтія. Врядъ крайчія—врядъ королевскаго стола въ прямомъ смыслѣ этого слова, incisoriatus mensae nostrae, какъ говоритъ о немъ Сигизмундъ Августъ въ своемъ привилеѣ, даномъ 20 іюня 1569 года пану Ивану Кишкѣ Техановецкому на врядъ крайчія великаго княжества Литовскаго [7]). Утверждая за

---

1) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 397, 398.

2) Ibidem. Стр. 840.

3) Нпр., «привилей подскарбему дворному, пану Федору Скумину Тишкевичу на две селе в земли Жомоитской, в тивунстве Бержанском, до живота ему и жоне его». (1576 г.) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 95—96 об.

4) Нпр., Лавринъ Война, Θеодоръ Скуминъ Тишкевичъ. См. *J. Wolff.* Sen. dign. Str. 191.

5) Примѣръ см. у *М. К. Любавскаго.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 398. Прим. 340.

6) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 225.

7) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 63 об.—64 об.

Иваномъ Кишкою должность Литовскаго крайчія, привилей гласитъ отъ имени короля: «quo circa omnibus in universum consiliariis, dignitariis, officialibus Regni Poloniae, Magni Ducatus Lithuaniae ac curiae nostrae et reliquis omnibus ordinibus nobis tam in Regno Poloniae quam in Magno Ducatu nostro Lithuaniae subjectis, significamus, ut eum pro vero atque legittimo incisore Magni Ducatus Lithuaniae habeant et agnoscant illique de omnibus iuribus, praerogativis et emolumentis ad officium ipsius spectantibus, respondeant responderique curent nec aliter faciant pro gratia nostra». Какъ всякій другой врядъ, врядъ крайчія имѣлъ свои права и «почтивость», принадлежавшія должности. По всей вѣроятности, первоначальною обязанностью крайчія было разрѣзываніе для королевскаго стола кушаній на куски, какъ мы выше уже замѣтили, и уже потомъ только, съ развитіемъ двора и его должностей, онъ обратился въ должностное лицо, лишь стоявшее «у стола государя для усиленія торжественной обстановки парадныхъ обѣдовъ», какъ характеризуетъ проф. В. И. Сергѣевичъ крайчія Московскихъ царей [1]) и какъ, конечно, было и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

Кромѣ крайчія, при дворѣ королевскомъ состояли чашникъ и подчашій. Чашникъ, pincerna, въ спискахъ Вольфа значится съ конца XV столѣтія [2]), а подчашій, subpincerna, съ середины того же вѣка [3]). Г. Вольфъ замѣчаетъ, что подчашій первоначально соединялъ въ своемъ лицѣ обѣ должности и часто въ то время является съ титуломъ чашника [4]). Это замѣчаніе вѣрно не только относительно XV-го столѣтія, но даже и XVI-го. Такъ, Криштофъ Радивилъ изъ крайчихъ былъ сдѣланъ чашникомъ Княжества [5]), какъ узнаемъ изъ привилея, даннаго Ивану Кишкѣ, назначенному 20 іюня 1569 года Литовскимъ крайчимъ на его мѣсто. Между тѣмъ акты называютъ его подчашимъ Княжества [6]), чашникомъ же въ 1569 году былъ Матвѣй Петкевичъ, бывшій уже умершимъ въ 1574 году [7])

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ.* Русскія юридическія древности. Т. I. Стр. 411.

[2]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 208. [3]) Ibidem. Str. 288. [4]) Ibidem.

[5]) «Qua de causa cum post ascensum illustris Christopheri Radziwil de Dubingi et Bierze ducis ad pincernatus Magni Ducatus honorem incisoriatus mensae nostrae vacaret...» Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 64.

[6]) Нпр., А. З. Р. III. №№ 61 (1574), 63 (1575), 76 (1576), 84 (1577), 103 (1578); А. Ю. и З. Р. I. № 167 (1573) и др. *J. Wolff* (Sen. i dign. Str. 290) помѣщаетъ его только въ спискахъ подчашихъ, а не чашниковъ.

[7]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 93 об., 94 (8 мая 1574 года).

Такимъ образомъ во врядѣ pincernatus смѣшивались оба Русскія названія врядовъ. Можно, однако, думать, что, именуясь pincerna, Николай Радивилъ былъ и чашникомъ, и подчашимъ одновременно. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ смерти Петкевича должность чашника можетъ быть (если признать за вакатъ отсутствіе актовыхъ извѣстій о чашничествѣ въ изысканіяхъ г. Вольфа) не замѣщалась, а функціи ея отправлялъ подчашій Радивилъ вплоть до своего назначенія на Троцкую каштелянію (16 октября 1579 года). По крайней мѣрѣ, новый чашникъ по смерти Петкевича, по свѣдѣніямъ Вольфа, былъ назначенъ лишь около 1580 года [1]). Если сравнить списки чашниковъ и подчашихъ Литовскихъ, то сразу бросается въ глаза большая, если можно такъ выразиться, аристократичность вряда подчашія по сравненію съ врядомъ чашника. Дѣйствительно, въ должности подчашія въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ рядъ Радивиловъ, Кезгайла, Ходкевича, кн. Острожскаго, въ то время какъ чашниками были лишь люди менѣе знатныхъ фамилій. Уже это одно должно убѣдить насъ въ томъ, что врядъ подчашія былъ выше вряда чашника и что приставка *под* въ словѣ подчашій, какъ и въ словѣ подкоморій, вовсе не означаетъ, что лицо, занимающее эту должность, находится подъ чашникомъ, т.-е. ниже его, какъ и повѣтовый подкоморій былъ не только выше своего коморника, но даже его хозяиномъ, господиномъ. Въ ряду придворныхъ должностей подчашій стоялъ выше крайчія, что видно изъ словъ приведеннаго нами привилея Ивану Кишкѣ, говорящихъ о повышеніи Радивила съ вряда крайчія на врядъ подстолія. По словамъ Лелевеля [2]), во время придворныхъ торжествъ при дворѣ подчашій наливалъ королю напитки, которые подавалъ чашникъ. Акты знаютъ и о юргельтѣ — денежномъ жалованьѣ, которое могъ получать подстолій. Такъ, Стефанъ Баторій, «маючы ласкавый взглядъ на службы значъные» своего подчашія и гетмана польнаго Литовскаго, Криштофа Радивила, которыя онъ «завжды зъ себе ку речы посполитой оказовалъ и теперъ оказовати не переставаеть, не малый коштъ подыймуючы на враде гетманьства польного», и желая его «и вперед тымъ хутлившого ку службам» своимъ государевымъ и земскимъ «спссобити», «поступилъ» ему «юркгельту в скаръбе» своемъ великаго княжества Литовскаго ежегодно по 2 тысячи золотыхъ

[1]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 209.

[2]) *J. Lelewel.* Polska, dzieje i rzeczy jéj. T. IV. Poznań. 1856. Str. 63.

Польскихъ, «то естъ осмъ сотъ копъ грошей личбы и монеты» Литовской. Это пожалованіе, по словамъ привилея, было сдѣлано королемъ «до большого и пожиточнейшого з ласки нашое господарское опатренья» [1]).

Документъ этотъ, кромѣ того, что даетъ свѣдѣнія объ юргельтѣ, который могъ получать подчашій, хотя, конечно, Радивилъ получалъ его не по вряду подчашія, а по вряду польнаго гетмана, дѣйствительно сопряженному съ немалыми расходами,— даетъ возможность заключать и о томъ, что врядъ подчашія вовсе не требовалъ постояннаго присутствія на дворѣ королевскомъ занимавшаго его врядника. Разъ подчашій могъ быть одновременно и польнымъ гетманомъ, не можетъ быть и рѣчи объ его постоянномъ исполненіи своихъ придворныхъ обязанностей, а стало быть, не такъ часто и требовалось ихъ исполненіе. Тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя, подобно земскому подскарбію, были завалены государственными дѣлами, гетманами не назначали никогда.

Рядомъ съ крайчимъ, подчашимъ и чашникомъ стояли стольникъ и подстолій. Оба эти дворные уряда существовали въ Литвѣ съ XV столѣтія, и этимологическое значеніе словъ въ данномъ случаѣ является реальнымъ, такъ какъ дѣйствительно подстолій въ служебной іерархіи стоялъ ниже, чѣмъ стольникъ. Объ этомъ ясно говоритъ возможность повышенія подстолія въ должность стольника [2]). Привилеи, какъ это мы замѣчали уже не разъ, вручая тому или другому лицу урядъ, по большей части совсѣмъ не даютъ данныхъ изслѣдователю для характеристики этого вряда. Должность привилеемъ просто ввѣряется лицу съ тѣми ея прерогативами, которыя существовали издавна и которыя были прекрасно извѣстны современникамъ. Привилей пану Яну Зеновъевичу на подстольство Княжества [3]), данный 18 іюля 1576 года, также не представляетъ изъ себя чего-нибудь особенно драгоцѣннаго для изслѣдователя. Въ немъ при назначеніи

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 27 об., 28: «Пану Криштофу Радивилу, подчашому и гетману полному вел кн Литовского лист до пана подскарбего о выдаване его мл юркгелту, на тое гетманство поступленого в кождый год по две тисечи золотых».

[2]) См. примѣры у J. *Wolff*'а (Sen. i dign. Str. 318, 319)—Веселовскій, Криштофъ Сапега и др.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 51—51 об. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 13—13 об.

подстолимъ Зеновъевича говорится отъ имени короля такъ: «маеть панъ Янъ Зеновьевичъ тотъ врадъ на дворе нашомъ деръжати и имъ справовати, всякое владзы, тому врадови з давныхъ вековъ у великомъ князстве Литовскомъ належачые, уживаючи во всемъ потому, яко и перъшие подстолие великого князства Литовского врадомъ помененымъ справовали, ничимъ его не зменъшиваючы...» Дѣлая это назначеніе, король принялъ во вниманіе заявленіе Яна Еронимовича Ходкевича, который «оповедалъ» передъ королемъ «о зацности дому старожитного» въ Княжествѣ «пановъ Зеновъевичовъ, в которомъ завжды достоенъства и врады земъские бывали и теперъ суть за почстивыми службами ихъ» передъ прежними королями, «якожь зособна залецалъ» королю Ходкевичъ, «ку знаемости» государевой «оферуючи пана Яна Яновича Зеновъевича, которий, наследуючы во всемъ продъковъ своихъ, не занехавалъ в молодости лѣтъ своихъ» служить речи посполитой, бывая на службахъ земскихъ военныхъ «з немалымъ накладомъ своимъ, справуючыся во всемъ учтиве, яко доброму сыну належит». Такимъ образомъ, врядъ подстолія давался человѣку родовитому, и въ числѣ подстолихъ встрѣчаемъ Станислава Паца, сына Подляшскаго воеводы, и Андрея Ходкевича, сына Виленскаго кашталяна Григорія Ходкевича [1]). Переходъ подстолія на врядъ сенаторскій былъ дѣломъ обычнымъ [2]). То же самое, конечно, нужно сказать и относительно стольничества. Съ 1566 года по 1576 занималъ этотъ врядъ панъ Николай Дорогостайскій, сдѣлавшійся потомъ Полоцкимъ воеводою [3]). Предшественникомъ его былъ знаменитый Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, гетманъ королевскій въ землѣ Лифляндской [4]), сдѣлавшійся въ 1563 году Жомоитскимъ старостою, а преемникомъ—князь Александръ Пронскій [5]), получившій потомъ Троцкое кашталянство [6]). Стольники, какъ и чашники существовали еще въ удѣльныхъ Русскихъ княжествахъ [7]). Были они и въ удѣлахъ Польскихъ, а какъ остатокъ старины

---

[1]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 300, 301. Ему еще при жизни своей отецъ его передалъ и староство Могилевское Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 109.

[2]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 300, 301.

[3]) Ibidem. Str. 318. См. также, нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 4 об. и сл. 116, 117.

[4]) Нпр., А. З. Р. III. №№ 26, 27. А. Ю. и З. Р. I. № 137.

[5]) Нпр., А. З. Р. III. № 67.

[6]) J. *Wolff.* Sen. i dign. Str. 317, 318.

[7]) См. *В. И. Сергѣевичъ.* Р. Юр. Др. Т. I. Стр. 477.

продолжали кое-гдѣ въ воеводствахъ существовать и въ XVI столѣтіи [1]). Стольникъ Литовскій очень отличался отъ стольниковъ Московскихъ: онъ былъ одинъ, и его положеніе было весьма почетнымъ, въ то время какъ стольники Московскіе считались сотнями [2]), и уже въ силу одного этого послѣдніе не могли сравняться съ Литовскимъ.

Великое княжество Литовское имѣло хоружихъ земскаго и дворнаго и мечника, какъ центральные уряды. Еще въ XV вѣкѣ существовали хоружіе, державшіе знамя Княжества, а съ начала XVI столѣтія они уже и называются земскими хоружими Литовскими [3]). Обязанности земскаго хоружія вполнѣ опредѣляются привилеемъ на этотъ врядъ, даннымъ 1 сентября 1544 года дворянину Миколаю Третьяку [4]). Земскій хоружій долженъ «хоруговъ земскую великого князства Литовского въ собе мети и завжды у войску съ хоруговью земскою при гетмане» государевомъ «великомъ быти». Онъ назывался потомъ и просто хоружимъ великаго княжества Литовскаго [5]). Хоругвь, подъ которую становились королевскіе дворяне, держалъ хоружій дворный. Въ 1566 году, 30 марта Сигизмундъ Августъ на постъ дворнаго хоружія, вакантный послѣ избранія Григорія Рагозы земскимъ Минскимъ судьею, назначилъ брата его, дворянина своего, Василія Рагозу [6]). Дворная хоругвь отдѣльно записывается и въ «пописахъ», войска, какъ это сдѣлано въ Раковскомѣ пописѣ 1565 года [7]). Что касается до мечника, то врядъ его существовалъ въ Литвѣ также уже въ XV столѣтіи [1]). Въ одномъ изъ своихъ

---

[1]) «Панъ Доминикъ Аламаньни Вепсара дедичъ стольникъ Любельскій». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 57 об. (3 іюля 1572 года).

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*. Р. Юр. Др. Т. I. Стр. 479.

[3]) J. *Wolff*. Sen. i dign. Str. 201. *Adam Boniecki*. Poczet Rodów. Spis dign. i urz. Str. IV.

[4]) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 414. Прим. 415.

[5]) А. Вил. XX. № 210 (1621 г.).

[6]) Литр. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 6 об. См. также ibidem, л. 39—40, также—л. 28 об.

[7]) Рук. Имп. Публ. Биб. F. IV. № 82 Л. 10.

[8]) J. *Wolff* (Sen. i dign. Str. 242) называетъ первымъ извѣстнымъ ему мечникомъ Литовскимъ Войтеха Ивашковича, указывая на 1499 годъ, какъ дату упоминанія о немъ *A. Boniecki* (Poczet Rodów. Spis dign. i urz Str. XVII) начинаетъ свой списокъ мечниковъ съ Януша Костевича (1505 г.). Однако Янушъ Станкевичъ Костевича, «мечный господара нашого» упоминается уже въ 1444 году. А. Ю. и З. Р. I. № 22. V.

*

писемъ къ Криштофу Радивилу Левъ Сапега говоритъ о немъ, что это «urząd zacny i wielki» [1]). Обязанности мечника состояли въ томъ, что онъ долженъ былъ держать королевскій мечъ во время торжествъ и церемоній [2]).

Дворъ королевы также имѣлъ своихъ спеціальныхъ придворныхъ врядниковъ. Такъ по крайней мѣрѣ было при королевахъ Еленѣ и Бонѣ. Но въ Литвѣ великая княгиня Литовская едва ли имѣла цѣлый десятокъ особыхъ должностныхъ лицъ, какъ это было въ Польшѣ. Въ числѣ этихъ должностныхъ лицъ первое мѣсто занимаетъ охмистръ (т.-е. hofmeister). Въ эпоху до Люблинской Уніи охмистръ былъ лицомъ несомнѣнно большого значенія: онъ былъ членомъ великокняжеской рады. Когда въ 1541 году Сигизмундъ Старый вмѣстѣ со своею супругою королевою Боною и сыномъ Сигизмундомъ Августомъ находился въ Вильнѣ, а при нихъ было много князей, пановъ, рыцерства Литовскаго и Польскаго, дворъ «ихъ кролевское милости», да кромѣ того еще много прибывшихъ чужеземцевъ, цѣна на припасы сильно поднялась, и «мужики хлопы простые», привозившіе овесъ, сѣно, дрова, «што хотѣли, то на шляхтѣ брали». Ввиду этого «ихъ королевская милость отправили для установленія цѣнъ въ Виленскую ратушу своихъ пановъ-радъ, а именно «пана Судомирского, охмистра господарини королевое ее милости, пана Миколая Вольского, а подскарбего земского, маршалка и писара ихъ милости, пана Ивана Горностая», а при нихъ въ ратушѣ находились Виленскіе войтъ, бурмистры и радцы [3]). Свидѣтельство этого документа важно по многимъ причинамъ. Прежде всего, изъ него вытекаетъ, что охмистромъ Боны былъ Полякъ, т.-е. врядникъ Коронный, и что едва ли у нея и былъ особый охмистръ Литовскій, такъ какъ послѣдній долженъ бы былъ находиться при ней въ Вильнѣ. Что касается до Елены супруги Александра Казиміровича, то въ 1495 году ея охмистромъ состоялъ Войтко Клочко, бывшій одновременно и намѣстникомъ Утенскимъ [4]). Въ 1504 году охмистромъ королевы былъ тотъ же Войтехъ Яновичъ Клочко, маршалокъ и охмистръ королевы, державца Ковенскій [5]). Его встрѣчаемъ и въ числѣ пановъ-радъ (domini consiliarii nostri) короля Александра [6]), встрѣчаемъ и съ

---

[1]) Archiwum Domus Sapiehanae. T. I. № 39 (2 марта 1588 года).

[2]) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 422.

[3]) А. Ю. и З. Р. I. № 107. [4]) Акты *Леонтовича*. I. I. № 222.

[5]) Акты *Леонтовича*. I. II. № 691.

[6]) Albertus (т.-е. Войтехъ) Яновичъ. Ibidem. № 660. 10 апр. 1503 года.

королевскимъ порученіемъ «досмотрѣти», разобрать тяжбу [1]). Намѣстничества - державы, бывшія въ завѣдываніи Яновича, мѣнялись слѣдующимъ образомъ: сначала онъ именуется намѣстникомъ Утенскимъ [2]), а затѣмъ Ковенскимъ [3]). Получая Ковенскую державу, онъ передалъ Утенскую князю Михаилу Глинскому, который въ 1502 году именуется дворнымъ маршалкомъ, намѣстникомъ Мерецкимъ и Утенскимъ [4]). Въ эпоху послѣ Люблинской Уніи королевы Речи Посполитой продолжали имѣть при себѣ охмистра своего двора. Такъ, королева Анна Ягеллонка, супруга Стефана Баторія, на Торунскомъ сеймѣ 1576 года черезъ своего охмистра заявила «протестацыю королевое ее милости Ганъны, ижъ не за ее королевъское милости причиною обликгацыи ее королевское милости на спученье права на добра рухомые и не рухомые, Речы Посполитой под певными кондыцыями учыненой, досыт се не стало» [5]). Изъ этой протестаціи узнаемъ, что она была заявлена королевою «черезъ умоцованого и двору своего охъмистра, врожоного Яна Конецъкого, старосту Ломъзеньского». Янъ Конецкій, Коронный староста, былъ такимъ образомъ охмистромъ «двора» королевы. Изъ этого заключаемъ, что дворъ ея былъ одинъ, безъ раздѣленія его на дворы Коронный и Литовскій, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно бы было ожидать соотвѣтственнаго добавленія къ словамъ охмистръ, или дворъ въ нашемъ документѣ. Дворъ королевы, повидимому, не былъ предметомъ ревнивой охраны для Литвы въ ея стремленіи сохранить свое значеніе и свои права въ эпоху существованія спольной Речи Посполитой,

---

[1]) Ibidem № 433.

[2]) Акты *Леонтовича*. I. I. №№ 222 (1495 г.), 312 (1496 г.). I. II. № 433 (1499 г.).

[3]) А. Ю. и З. Р. I. № 37 (1502 г.). Акты *Леонтовича*. I. II. №№ 660 (1503 г.) и 691 (1504 г.). I. I. № 236 называетъ его нам(ѣстникомъ) Пин(скимъ); но это или описка переписчика, или недосмотръ издателя, такъ какъ въ это время (1496 г.), какъ говоритъ самъ проф. Леонтовичъ (Очерки ист. Лит.-Р. права. СПБ. 1894. Стр. 130, 131), Пинскимъ удѣломъ управляла княгиня Марія Семеновна, а не намѣстникъ великокняжескій. Погрѣшностью изданія нужно объяснять иименованіе охмистра Яновича Станиславомъ, а не Войтехомъ (Акты Леонт. I. I. № 390), такъ какъ Станиславъ Яновичъ совершенно другое лицо. Онъ былъ уже въ 1486 году Жомоитскимъ старостою. См. *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 91. Ср. также, нпр., А. Ю. и З. Р. I № 36 (1501 г.).

[4]) А. Ю. и З. Р. I. № 38.

[5]) Лит. Метр. $\frac{IA}{58}$ л. 121 об.—122 об.

когда семья избирательнаго короля не могла имѣть сколько-нибудь серьезнаго политическаго значенія въ глазахъ народа, смотрѣвшаго на государя, лишь какъ на высшее должностное лицо государства. А если дворъ королевы не былъ вещью, имѣющею значеніе для охраны Литовскихъ политическихъ правъ въ Речи Посполитой, то и личный составъ врядниковъ долженъ былъ выбираться лишь при наличности одного условія, пріятности того, или другого лица королевѣ, и, конечно, уже не Анна Ягеллонка, которая, по выраженію Ивана Глѣбовича, по отношенію къ Литовцамъ «gębę nosi wysoko i hardo» [1]), стала бы избирать для своихъ придворныхъ должностей Литовцевъ. Дворъ Боны также не былъ Литовскимъ, и только дворъ Елены [2]) да, предположительно, Варвары Радивилянки былъ таковымъ. Мы не станемъ, поэтому, останавливаться вообще на дворѣ «кролевой ее милости» [3]). Но охмистръ упоминается не только въ качествѣ врядника двора королевы. Въ молодые годы Сигизмунда Августа, еще до вступленія его на Литовскій великокняжескій престолъ, при немъ находился охмистръ Польскій, Опалинскій [4]). Едва ли охмистръ вообще не соединялъ со своимъ врядомъ гофмейстера нѣкоторыхъ чертъ своего рода опекуна, должностного лица, охранявшаго особу королевы или королевича.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ должностямъ двора великаго князя Литовскаго, необходимо исправить слова И. Д. Бѣляева, дающія совершенно ложное представленіе о дворныхъ урядахъ. На страницахъ 443-й и 444-й IV-й книги «Разсказовъ изъ Русской исторіи» читаемъ: «къ каждой изъ сихъ должностей приписаны были различныя волости на содержаніе и, кромѣ того, каждый изъ сихъ сановниковъ былъ урядникомъ, или управителемъ какого-либо повѣта или области». Если первая часть этого мнѣнія безусловно невѣрна, то и вторая можетъ быть принята только

---

[1]) A. H. R. G. P. ill. XI. № XXIII. (P. 34).

[2]) См. *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 197 и акты passim. Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 37 (охмистръ и крайчій королевы), 41 (ея канцлеръ).

[3]) А. Ю. и З. Р. I. № 116 (12 февр. 1547 г.) упоминаетъ «урожоного Полоцкое земли охмистра» Ивана Ситянку. Но это явное недоразумѣніе, описка въ подлинникѣ, или ошибка издателя. Несомнѣнно, что въ актѣ идетъ рѣчь объ обыкновенномъ ротмистрѣ, который получилъ отъ короля пожалованіе за свою службу и въ возмѣщеніе убытковъ вслѣдствіе опустошенія его имѣнія войсками королевскими.

[4]) См. *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 264.

съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Никакихъ волостей, приписанныхъ на содержаніе своихъ врядниковъ, придворныя должности не имѣли вовсе. Что же касается до соединенія съ занятіемъ придворнаго вряда завѣдыванія старостовомъ, или державою, то это дѣйствительно обыкновенно бывало, но вовсе не являлось необходимымъ, обязательно-существующимъ при каждой придворной должности. Изъ существованія обыкновенія нельзя выводить необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ владѣющими [1]) староствами и державами придворными врядниками встрѣчаемъ и врядниковъ, ихъ не имѣющихъ вовсе [2]). Теперь вернемся къ продолженію нашего обзора.

Судовые врядники великокняжескаго двора Литовскаго должны были играть далеко не послѣднюю роль въ Княжествѣ при томъ значеніи, которое имѣлъ дворный судъ королевскій. До учрежденія трибунала Литовскаго въ 1581 году королевскій судъ являлся единственною апелляціонною инстанціей для всѣхъ Литовскихъ повѣтовыхъ судовъ, т.-е. гродскаго, земскаго и подкоморскаго. Мы не станемъ теперь подробно излагать дѣятельности дворнаго суда: на настоящихъ страницахъ насъ интересуютъ лишь дворные врядники, какъ дигнитари, выдѣляющіеся своимъ положеніемъ изъ рядовой шляхты. Дворный судъ королевскій издавна творился на дворѣ государевомъ самимъ королемъ, иногда однимъ, но по большей части со своими панами-радами. Однако, уже давно великіе князья Литовскіе стали поручать судныя дѣла разсмотрѣнію вельможъ, или своихъ врядниковъ, которые въ такомъ случаѣ судили «по прыказанью короля его милости» [3]). Король не имѣлъ физической возможности лично разсмотрѣть всѣ дѣла, къ нему восходившія: не будемъ забывать, что ему приходилось разбирать не только справы по жалобамъ на рѣшенія намѣстниковъ и врядниковъ, но нерѣдко и дѣла въ первой инстанціи. Литва не знала судовъ-вѣчей, которые были въ Польшѣ [4]), а съѣзды пановъ-радъ на судовые сеймы не пользовались слишкомъ уже большимъ авторитетомъ, да, повидимому, и не совсѣмъ аккуратно собирались. Во всякомъ случаѣ, король оставался, въ концѣ концовъ, един-

---

[1]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 64, 85, 167 и др. А. З. Р. III. №№ 26, 27, 61, 63, 76, 84 и др.

[2]) Нпр., А. З. Р. III. № 67.

[3]) А. Ю. и З. Р. I. № 22. III. Ср. Акты *Леонтовича*. I. I. № 15 и др.

[4]) О нихъ см. *Oswald Balzer*. Geneza trybunału koronnego. Warszawa. 1886. Str. 13 et sq.

ственнымъ judex supremus для Княжества. Это значеніе дворнаго королевскаго суда, создававшее громаду судныхъ дѣлъ, подлежавшихъ королевскому «выроку», должно было рано выдвинуть вопросъ о замѣнѣ личнаго суда короля его дворнымъ судомъ, имѣющимъ равную силу съ судомъ самого господаря. Такимъ образомъ, должны были явиться дворные судьи государевы, «отъ господаря высажоные». Разсмотримъ, какъ примѣръ, хотя одинъ случай дѣятельности дворныхъ судей. 26 іюля 1540 года (12 индикта) въ Вильнѣ разбирали судовое дѣло [1]) «судьи дворные, от господаря короля его милости высажоные, князь Анъдрей Михайловичъ Коширъский а князь (Андрей) [2]) Иванович Полубеньский, пан Шимко Мацкевичъ тивунъ Виленьский, пан Янъ Войтехович, пан Павел Нарушевичъ а панъ Миколай Анъдрошевичъ». Въ своемъ судовомъ листѣ они говорятъ: «жаловал господарю королю его милости Стас Мицейкевичъ Весторъковича, боярынъ повету Ейшиского, на пана Андрея Мацковича, державцу Волъкиницъкого и Лепунского, ижъ...» и т. д., т.-е. судъ какъ бы творится самимъ государемъ, который какъ бы присутствуетъ на судѣ самъ, и судьи дворные, его замѣняя, представляютъ собою его лицо. Далѣе въ своемъ листѣ дворные судьи говорятъ, что Стась Мицейкевичъ о своемъ дѣлѣ «бил чоломъ господарю королю его милости, ино кгды король его милость рачил намъ приказати, абысмо ся тое речи досмотрели промежъку тому Стасю а пану Андрею Мацкевичу...» и т. д. Судьи далѣе разсказываютъ разборъ самаго дѣла и заключаютъ свой листъ такъ: «и мы, то обачивши, подлугъ вызнанья пана Андрея и подлугъ росказанья господарьского Стася при тыхъ земляхъ зоставили и казали есмо Стасю тые земли держати со всимъ с тымъ, яко ся тые земли в собе маюты, а с того господарю королю земскую службу служити, а панъ Андрей в тые земли ничим уступоватися... ино мы, вышей писаные судьи господарьские дворные, дали есмо Стасю сес нашъ листъ на тые земли судовый, на имя на Пуневшчизну и на Юравшчизну под нашими печатьми».

Изъ приведеннаго документа видно, что подъ выраженіемъ дворный судья нельзя понимать особаго врядника, для котораго это выраженіе служило бы наименованіемъ: дворными судьями

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{1A}{49}$ л. 56 об.—57 об.

[2]) Имя пропущено въ текстѣ и написано надъ строкою карандашомъ.

могли быть различные вельможи и врядники, которымъ прикажетъ король разобрать то, или другое дѣло, тотъ, или другой рядъ дѣлъ, въ то, или другое данное время. Такимъ образомъ королевскій дворъ Литовскій не имѣлъ особаго дворнаго судьи, какъ спеціальнаго врядника, каковаго, напримѣръ, имѣлъ дворъ бискупа [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что и въ задачу нашу на настоящихъ страницахъ не можетъ входить изложеніе суда королевскаго, такъ какъ черты судовой дѣятельности различныхъ врядниковъ и вельможъ, маршалковъ и пановъ-радъ мы должны указывать, характеризуя ихъ, а не дворъ королевскій. Здѣсь же нужно объяснить только выраженіе ассессоръ, которое иногда встрѣчается при обозначеніи состава дворнаго суда. Въ декретѣ [2]), данномъ въ Городнѣ 6 декабря 1584 года «земяном Мстиславским Зубовичом зъ Миколаемъ Ковнацкимъ о пят земль, которие был Ковнацкий под отцом их упросил во Мстиславском повете», читаемъ: «з росказанья его королевское милости слухали тое справы ихъ милость панове асесорове, на отъправованье судовъ отъ короля его милости высажоные». Слѣдовательно, подъ ассессорами нужно разумѣть дворныхъ судей, которымъ король поручаетъ разсмотрѣніе справъ судовыхъ. Что касается до состава ассессорскаго суда, то въ него входили и сенаторы, и маршалки. Такъ, напримѣръ, въ Вильнѣ 20 марта 1584 года [3]) разсматривали дѣло о «Руской» церкви села Хотетова Могилевской волости ассессоры, отъ короля «высажоные», два кашталяна—Витебскій (державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Жигимонтовичъ Сновскій) и Берестейскій (панъ Богданъ Сопега) и три маршалка (князья Лукашъ и Янъ Болеславовичи Свирскіе и панъ Мартинъ Стравинскій). Вообще въ составъ ассессорскаго суда обязательно входятъ и члены рады королевской, и врядники земскіе, и въ этомъ его отличіе, какъ суда смѣшаннаго, отъ суда пановъ-радъ и отъ суда маршалковъ [4]).

---

[1]) Нпр., А. Вил. XX. № 6: «князь мистрь Станиславъ Кгабрияловичъ, плебанъ Тыкотинскій, его милости князя бискупа Виленского дворный судья».

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 387—388 об. [3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 187—187 об.

[4]) Вотъ примѣръ, иллюстрирующій это опредѣленіе. Въ документѣ, находящемся на листахъ 211 об.—212 книги $\frac{\text{I A}}{65}$ Литовской Метрики читаемъ такое начало акта: «з росказаня его королевское милости слухали тое справы их милость панове-рады, врадники земъские, на отправоване судовъ высажоные»; а ниже читаемъ слѣдующія заключительныя слова документа: «зачим

Не имѣя особыхъ судей, какъ спеціальныхъ врядниковъ, королевскій дворъ имѣлъ, однако, врядниковъ, состоящихъ при дворномъ судѣ, а именно возныхъ и генерала. Обязанности возныхъ и генерала дворныхъ при дворномъ судѣ были тѣ же, что обязанности возныхъ повѣтовыхъ на повѣтовомъ судѣ, т.-е. они вызываютъ предъ судъ стороны [1]), подаютъ и отвозятъ позвы на судъ королевскій [2]), дѣлаютъ по отношенію къ королевскому суду все, что дѣлаетъ возный повѣтовый по отношенію къ повѣтовому. Акты знаютъ и случаи совмѣщенія вряда повѣтоваго возпаго съ должностью вознаго дворнаго. Такъ, Томашъ Юрьевичъ Тыдикъ былъ вознымъ Городенскимъ и въ то же время «енераломъ дворнымъ». какъ онъ самъ себя называетъ въ своемъ «сознаньѣ», поданномъ въ канцелярейскія королевскія книги 20 марта 1584 года [3]).

Возные были должностными лицами, состоявшими при дворномъ королевскомъ судѣ. Совсѣмъ другое значеніе имѣлъ инстигаторъ королевскій, нерѣдко фигурирующій на судѣ и дворномъ,

---

их милость панове ассоровс, за домовянемъ се того от стороны противное и захонуючисе в том водлугъ права посполитого, сторону поводовую, Албрихта Савицъкого, за нестаного здавши, пана Андрея Тиковского з Войславич и менованую малжонку его от того обвиненя и обмовы волными учинили, што про памет до книгъ его милости господарских канцлерийских ест записано, с которих и сесь декрет под печатю его милости господарскою пану Анъдрею Тиковскому выдан естъ. Писан у Городне». 1586 года 26 ноября.

[1]) Нпр., «сторона позваная, Андрей Тиковский, сам и за моцю от малжонъки своее, у суду господарского перед их милости паны а (сесоры) скоро пилност чинилъ и сторону свою противную, Албрихта Савицъкого, по три дни, то ест месеца ноября 22, 24 и 27 дня, з реистру черезъ возного дворного Томаша Юревича Тидика до права приволывати давал...» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 211 об.—212.

[2]) Нпр., «постановивъшыся очевисто у книгъ господаръских канъцлярейских, возный его королевъское милости дворный, на тотъ час пры справахъ судовых дворныхъ великого князства Литовского будучый, Войтех Пясецъкий, вызнал тыми словы, ижъ в року тепер идучомъ 1585-м месеца февраля осмого дня, маючы он пры собе сторону, двух шляхтичовъ, подалъ очевисто в руки позов его королевъское милости пану Юрю Ронъчковскому, ротъмистрови его королевскос милости, по него самого и по малжонъку его писаный в жалобе земенина господаръского земли Жомоитское, пана Якуба Матеевича Семашъка, о....» Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 441 об.—442.

[3]) «Я Томаш Юръевичъ Тыдыкъ, возный Городеньский, енералъ дворный, сознаваю, ижъ....» Ibidem, л. 97—97 об. («Сознане возного господаръского повету Городеньского, Томаша Тыдика»).

и повѣтовомъ. Инстигаторъ, несомнѣнно, явился въ Литвѣ, какъ должность, заимствованная изъ Польши [1]).

По опредѣленію историка Польскаго права, инстигаторы были государственными обвинителями въ преступленіяхъ, совершенныхъ по отношенію къ королю, государству, или, наконецъ, шляхтичу (въ послѣднемъ случаѣ тогда, если некому было выступить доносителемъ и истцомъ) [2]). Въ самомъ дѣлѣ, законъ знаетъ инстигатора вызывающимъ на судъ и «de crimine laesae majestatis» [3]) и по дѣламъ столовыхъ имѣній и доходовъ королевскихъ [4]), и о невыданныхъ въ скарбъ поборахъ [5]), и за неявку на сеймъ [6]), и по другимъ дѣламъ. Литовскіе акты изслѣдуемаго времени хорошо знаютъ королевскаго инстигатора, какъ Литовскаго врядника [7]). Его полное названіе: «инстикгаторъ его королевское милости великого князства Литовского» [8]). Акты знаютъ хорошо, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ инстигаторъ необходимъ, и безъ него невозможно судовое разсмотрѣніе извѣстныхъ дѣлъ [9]).

---

[1]) Volumina legum впервые упоминаютъ объ инстигаторѣ въ конституціи Піотрковскаго сейма 1565 года (Vol. leg. II. Petersburg. 1859. Str. 44), но эта конституція не учреждаетъ должности инстигатора вновь, а пользуется ею, какъ уже существующею.

[2]) *Bandtkie-Stężyński*. Hist. pr. p. Str. 626.

[3]) Vol. leg. II. Str. 251 (1588 г.).

[4]) Ibidem. Str. 372 (1598 г. Въ Литвѣ).

[5]) Ibidem. Str. 312 (1590 г.). [6]) Ibidem. Str. 44 (1565 г.).

[7]) Нпр., А. Вил. VI. Стр. 142, или «декрет инстыкгатору с потомками Станислава Жикгимонтовича о именье Романское, в старостве Ковенскомъ лежачое». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 358 об.—361. (Листа 359 въ книгѣ нѣтъ).

[8]). А. Вил. VI. Стр. 142.

[9]) Вотъ примѣръ такого документа. «Стефанъ Божью милостью корол Полский. З росказанья нашого смотрели тое справы панове-рады и урядники нашы, на отъправованье судов отъ нас высажоные. На року, за манъдатом прыпаломъ, жаловал з мандату кашъталянъ Новгородский, староста Слонимский, панъ Грыгорей Воловичъ на земенина нашого повету Слонимского Ждана Миколаевича о томъ, штожъ дей онъ волокъ чотыри в селе Бракове, в повете Слонимском лежачые, не ведати зачымъ дерѫжачы, всяких пожытьковъ отътул ужываеть ку шкоде скарбу нашого и ку перекaзе аренъды его, которую отъ насъ господара на староство Слонимское маеть. На которую жалобу сторона позваная, Жданъ Миколаевич, готов был на все на то право свое и давность дерѫжанья своего показати, але панове асесорове нашы, бачечы то, же в мандатехъ о пожытки и о шкоды столу скарбу нашого господаръского доложоно, о што пану Новъгородскому попирати и въ право удавати ся безъ инъстыкгатора нашого не годило, и обовляючысе того, абы сто-

Въ случаѣ земельной тяжбы частнаго лица съ подданными королевскими, а также судоваго дѣла, предметомъ котораго является нанесеніе вреда государевымъ подданнымъ, представителемъ интересовъ послѣднихъ бывалъ инстигаторъ, являвшійся, какъ на судъ [1]), повѣтовый или коммиссарскій, такъ и на судъ королевскій [2]). Само собою разумѣется, что положеніе инстигатора, какъ врядника-истца на судѣ по дѣламъ королевскимъ и государственнымъ, вовсе не исключало для него возможности и добровольно, а не по долгу службы являться въ судахъ въ качествѣ «умоцованого» частныхъ лицъ [3]).

Какъ мы уже замѣтили выше, должность инстигатора была заимствована Литвою отъ Польши. Она уже существовала въ Княжествѣ во время царствованія Сигизмунда Августа [4]). Объ

рона поводовая столу и скарбу нашому чого не уступила, вырокомъ своим знашли, абы о шкоды скарбу нашого инъстыкгатор нашъ попирал. А што се дотычеть переказы аренды пана Новгородского, яко в манъдате нашом было доложоно, о то панъ Новъгородский, похочет ли доходити своимъ, а не скарбу нашого именемъ, то ему вольно будеть, ведьже слушне водлуг права позвати маеть. А на тотъ час сторону позваную от року и позву вольнымъ учынили. Который декретъ пановъ-рад и врадников нашых обеюм сторонамъ слово въ слово выдати семо велели под нашою печатью. Писанъ у Городне» 1584 года 18 ноября. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 303—303 об.

1) Нпр., А. Вил. VI, стр. 142 и сл. (1586 г.), стр. 200 и сл. (1599 г.), стр. 214 и сл. (1601 г.).

2) Такъ, 5 мая 1570 года въ книги канцеляріи записана «пильность» инстигатора «на князя Михаила Оболенского», своевольно захватившаго королевскіе «кгрунты» Обельскіе, обвиняемаго притомъ въ «збите врадника Обельского Якуба Масальского» и въ «починенье многих крывдъ и шкодъ подъданых тамошних». Инстигаторъ явился «з стороны подъданых Обелских и врадника тамошнего Якуба Масальского» и, по словамъ акта, «передъ его королевскою милостью постановившыся, того всего, о што князь Оболенъский прыпозван, доводити и права попирати готовъ былъ». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 222 об.—223.

3) Нпр., инстигаторъ королевскій Воцлавъ Лопатинскій—умоцованый Дороты Андреевны, жены Войтеха Петровскаго (1584 г.). Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 184.

4) Примѣръ 1570 года см. выше. Вотъ упоминаніе инстигатора въ 1566 году. «Actum in Knyschin in cancellaria S. R. Maiestatis Magni Ducatus Lithuaniae Feria tertia post festum sanctae Catherinae virginis proxima anno Domini 1566. Coram officio eiusdem cancellariae nobilis Mathias de Łapy ministerialis terris Bielscensis cum nobilibus Michaele olim Philippi de Zacharia Mathiae de Łapy praesentibus recognouit, quia feria secunda proxime praeterita ipso festo

инстигаторѣ знаетъ и Виленскій сеймъ 1565 года [1]), на которомъ королю была подана просьба о томъ, чтобы «инстыкгаторъ з рамени господарского и зезволенья всихъ становъ того сойму уставленъ былъ» въ справѣ тѣхъ, кто «службы земское замешкивали и на войнахъ не бывали». Какъ многіе вряды Литовскіе, возникшіе путемъ заимствованія изъ Польши, инстигаторъ, по всей вѣроятности появился впервые въ Подляшьѣ и уже затѣмъ сталъ обще-Литовскимъ достояніемъ. Подляшье въ эпоху передъ Люблинской Уніею имѣло своихъ инстигаторовъ, и изученіе этого вряда на Подляшьѣ даетъ намъ ясную и опредѣленную картину его функціонированія и назначенія. Въ королевской грамотѣ, данной въ Люблинѣ 16 августа 1566 года на Подляшскую инстигатуру (in instigationem Podlasensem) Мельхіору Нѣцѣцкому [2]) читаемъ: «quia ex superioritatis nostrae debito prospicere cupientes, quantum pro posse et viribus, ut homines innocentes, praesertim qui secundum statum conditionemque suam Deum primum deinde leges reuereantur, quiete et sine molestia permaneant ab illis, qui ea negligant ac posthabeant, tum ne illi, qui pro effrenata libidine, timore Dei et proximi dilectione obmissis, nulla habita nostrae superioritatis ac legum reuerentia, suis potius obtemperent cupiditatibus, magis ac magis ruant in scelera in detrimentum superioritatis nostrae proborumque hominum. Habentesque certam notitiam ex dilactione quorundam fide dignorum esse in terris nostris Podlassensibus non paucos, qui impune talia facinora perpetrarent, quibus et diuina prouocat ira et superioritas nostra contra leges et condita publica offendant. Qua re nos, volentes talibus malis contraire, officium seu munus instigationis nostrae in illis terris nostris Podlasensibus, nempe Drohiciensi Mielniciensi, Belscensique, generoso Melchiori Nieciecki, cuius dexteritas nobis probata est, commitentes, dantes et conferentes, duximus, committimusque, damus et conferimus praesentibus». Далѣе королевская грамота приказываетъ всѣмъ обитателямъ Подляшскихъ земель—старостамъ, врядникамъ и всѣмъ обывателямъ признавать упомянутаго Нѣцѣцкаго «pro vero instigatore causa-

---

sanctae Catherinae cittationem mandati S—ae Regiae Maiestatis ex parte eiusdem maiestatis Regiae et instigatoris ipsius super nobiles . . . . ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 33—33 об.

[1]) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 163.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 18 об.—19.

rum omnium nostrarum in illis terris». Итакъ, должность инстигатора имѣетъ своимъ назначеніемъ защиту мирныхъ и исполняющихъ законъ Бога и государя обывателей отъ дурныхъ и преступныхъ. Это своего рода прокуроръ, обязанный бороться съ преступностью и беззаконностью въ гражданской жизни великаго княжества Литовскаго [1]).

Для записыванія различныхъ справъ, привилеевъ, листовъ, универсаловъ и т. д., ихъ составленія, переписыванія и внесенія въ книги, а также для всякихъ вообще канцелярскихъ нуждъ самого короля лично и его двора существовалъ цѣлый рядъ писарей, имѣвшихъ самыя различныя назначенія. Въ ряду дворныхъ писарей королевскихъ первое мѣсто занимаютъ секретари. Привилей на секретарство, данный Яну Богушевичу Овсяному Стефаномъ Баторіемъ въ Торунѣ 30 ноября 1576 года [2]), говоритъ, что король имъ даетъ «врадъ секретарский въ раде» своей «такъ в коруне Польской, яко и въ великомъ князстве Литовскомъ». На этотъ врядъ, гласитъ далѣе отъ имени короля привилей, секретарь «и присягу звычаемъ посполитымъ до рады нашое въчинилъ. Маеть Янъ Богушевичъ Овсяный тотъ врад секретарский держати до живота своего и, што-кольвекъ его секретарскому ураду належить, зъвлаща, што от насъ господара альбо отъ пановъ-радъ нашихъ великого князства Литовского и одъ пановъ печатаровъ нашихъ будеть злецоно, того онъ, перестерегаючи, верьне намъ господару и речи посполитое служити будеть повиненъ, маючи вольный приступъ до рады нашое, уживаючи всякое учтивости такъ, яко и иные секретари наши великого князства Литовского здавна на тых врадехъ бывали ся и справовали». Итакъ, секретарь это такой письмоводитель, или «писарь», которому поручаются

---

[1]) Г. Вольфъ (Sen. i dign. Str. 218) напрасно считаетъ инстигаторовъ членами дворнаго суда Литовскаго—они лишь бывали на судѣ, если этого требовало веденіе ими того, или другого дѣла, но бывали въ качествѣ «стороны», а совсѣмъ не членовъ суда. Вообще, г. Вольфъ совершенно напрасно сливаетъ въ своей характеристикѣ инстигаторовъ Короннаго и Литовскаго. Что касается до вице-инстигаторовъ, то намъ они совершенно не встрѣтились въ источникахъ изслѣдуемаго періода времени.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 86 об.—87: «привилей Яну Богушевичу Овсяному на вряд секретарский». Ср. также Лит Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 281 («Na Secretarstwo Panu Czizowy») и Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 1—1 об. («Прывилей урожоному Ерониму Маковецькому на секретарство»).

самыя серьезныя государственныя дѣла королемъ, панами-радами и хранителями печати государственной и который по своему положенію имѣетъ право входа въ засѣданія рады, конечно, для исполненія канцелярскихъ обязанностей, а вовсе не для участія въ ея совѣщаніяхъ. Секретари въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовали уже задолго до Люблинской Уніи [1]). Соединеніе секретарства съ другимъ врядомъ было явленіемъ совершенно обычнымъ. При этомъ соединялось оно и съ врядомъ дворнымъ [2]), и съ врядомъ повѣтовымъ [3]). Назначеніе въ секретари обыкновенно дѣлалось уже послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы, въ награду за нее, по словамъ привилеевъ. Такъ «урожоный» Іеронимъ Маковецкій былъ пожалованъ въ секретари 20 марта 1574 года королемъ Генрихомъ [4]) по свидѣтельству пановъ-радъ [5]) о службахъ его, которыя онъ при предшественникахъ Генриха, «будучи спосыланъ в посельствахъ и справахъ великоважныхъ тыхъ обудвух паньствъ, коруны Польское и великого князства Литовского, до королей ихъ милости хрестияньскихъ, Дуньского, Шведского и до королевны ей милости Анъкгельское, такъже до кнежатъ Режъскихъ, завжды годне и пожиточне, не литуючи утратъ мастности своее, часъ не малый служилъ и на всемъ в служъбахъ своихъ противко королю его милости пану своему и речи посполитой верне и пристойне се заховалъ». Король дѣлаетъ назначеніе, имѣя «ласкавый взгляд на заслуги» Іеронима Маковецкаго [6]).

---

[1]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 56 (1510 г.), 64 (1516 г.) и др. акты.

[2]) Нпр., секретарь и писарь—А. З. Р. III. № 17, А. Ю. и З. Р. I. №№ 151, 173.

[3]) Нпр., «писарь и секретар нашъ (Сигизм. Авг.), староста Мельницкий, войский Дорогицкий, панъ Матей Савицъкий» (1568 г.)—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 23 об. и сл. Секретарь кор. подкоморій Новгородскій—А. З. Р. III, № 48. IV (1569 г.). Секретарь королевскій, писарь земскій Виленскій, Андрей Мацковичъ. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 1 об. и сл. 84, 85. Секретарь королевскій, ключникъ Троцкій, панъ Матвѣй Протасовича Островецкій. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 40.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 1—1 об.

[5]) Виленскаго воеводы Николая Радивила, Жомоитскаго старосты Яна Ходкевича, маршалка дворнаго Литовскаго Николая Криштофа Радивила.

[6]) «маючи ласкавый взгляд на заслуги вперед речоного Еронима Маковецъкого, вряд секретарский в паньстве нашом великомъ квязстве Литов-

Подобно всякому другому должностному лицу, секретарь могъ получать отъ короля пожалованія державами и имѣніями [1]), какъ и денежнымъ жалованьемъ [2]) Бывали случаи и откомандированія секретаря для занятій въ скарбъ, въ распоряженіе подскарбія земскаго. Такъ, въ грамотѣ земскому подскарбію Николаю Нарушевичу, данной въ Краковѣ 13 мая 1574 года [3]), король Генрихъ говоритъ, что передъ нимъ «поведил» секретарь его, писарь земскій Виленскій, Андрей Мацковичъ, что еще король Сигизмундъ Августъ, «взявши его до службъ своихъ господаръскихъ» назначилъ ему «юркгельту» изъ скарба по 100 копъ грошей Литовскихъ въ годъ. Однако, подскарбій земскій отказалъ ему въ выдачѣ этихъ денегъ за 1573 годъ, а также и на будущее время. Далѣе королевская грамота продолжаетъ: «ино ажъ есмо ему поручили, абы онъ на всякие справы и потребы скарбу нашого господаръского, где бы того потреба указовала, за посланьемъ твоей милости, пане подскарбий, ездилъ». Прикомандировывая Мацковича къ земскому скарбу, король назначаетъ ему тѣ самыя 100 копъ грошей юргельту,

скомъ ему есмо дали и нань преложили, которого вряду секретарского Еронимъ Маковецъкий такъ в раде нашой, яко и в ынъшихъ местъцахъ уживаючи и въсякое учъстивости, тому вряду належачое, не опущаючи, маеть намъ господару и речи посполитой водле повинъности вряду своего секретарского верне и пожиточне служити потому, яко и инъшие секретари на дворе нашомъ тыхъ врядовъ своихъ уживають».

[1]) Нпр., «прывилей секретару и старосте Тыкотинскому Лукашу Кгоръницкому на Василково доживотне». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{63}$ л. 9 и сл.

[2]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 223 об.: «Secretario R. M. Andreae Spil stipendium annuum.—Stephanus Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lithuaniae etc. Significamus praesentibus literis nostris quorum interest, uniuersis et singulis. Quia nos nobili Andreae Spil secretario nostro stipendium annuum ex tesauro magni Ducatus Lituaniae ad numerandum centum nimirum et viginti sexagenarum Lituanicarum dedimus et assignauimus, ipse uero negotia nostra in Magno Ducatu Lituaniae vel in prouincia Liuonica, quo ei commitentur fideliter tractare, promouere et conficere pro facultate debebit in aulaque nostra et, si commorari non tenebitur, vocatus tamen comparebit mandataque nostra ubique faciet. Proinde tesaurario nostro terrestri magni ducatus Lituaniae mandamus memoratam summam a festo circumcisionis Domini incipiendo annis singulis dicto Andreae Spil numeret numerarique faciat, quod nos in rationibus refferendis probaturi admissurique sumus. In praemissorum fidem praesentes sigillo nostro Magni Ducatus Lituaniae consignare iussimus. Datis Bidgoscii die XX Februarii Anno Domini MDLXXVII. Stephanus rex».

[3]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 85—86.

которыя были ему пожалованы еще Сигизмундомъ Августомъ, но которыя отказался теперь выдавать ему Нарушевичъ. Такимъ образомъ, Генрихъ нашелъ выходъ изъ того страннаго положенія, въ которое была поставлена королевская прерогатива отказомъ подскарбія подчиняться распоряженію Сигизмунда Августа. Онъ предписываетъ Нарушевичу выдать Мацковичу пожалованный ему юргельтъ и за 1573 годъ. Однако, получая въ свое распоряженіе королевскаго секретаря за юргельтъ, который будетъ ему теперь выплачиваться скарбомъ, подскарбій долженъ будетъ еще оплачивать его поѣздки по скарбовымъ дѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, грамота говоритъ далѣе подскарбію: «одножъ абы твоя милость и по немъ (sic) иные подскарбие наши, на всякие справы и потребы скарбу нашого его отправуючы и посылаючы, особливе кромъ того юркгельту его, ему поступленого, на страву зъ скарбу нашого его отъправуючи и посылаючы особъливе кромъ того юркгельту водле важности дороги и уважаючы мешкане его на таковыхъ справахъ скарбовыхъ ему за симъ листомъ нашимъ давали, а то все вамъ при квите его на личьбе приймовано будеть».

Если секретари имѣли право входа въ засѣданія рады королевской [1]) и являлись такимъ образомъ дѣлопроизводителями, писарями высшаго, такъ сказать, разряда, то и писари государевы пользовались весьма высокимъ значеніемъ. Соединеніе должности государева писаря съ достоинствомъ сенатора [2]) было дѣломъ нерѣдкимъ, какъ и соединеніе ея съ врядомъ подскарбія дворнаго [3]), маршалка[4]), подканцлера [5]), или врядника повѣтоваго [6]). Равнымъ образомъ случалось, что одно и то же лицо было одновременно и секретаремъ и писаремъ королевскимъ[7]). Рядомъ съ писарями встрѣчаемъ также дьяковъ, которые, повидимому, являлись писцами канцеляріи, или вообще чиновниками, болѣе низкаго значе-

[1]) Бывали, однако, случаи, когда дѣла и вопросы, обсуждавшіеся въ радѣ являлись настолько серьезными и секретными, что даже секретари удалялись изъ нея. См. Дневн. посл. пох. Стефана Баторія, стр. 99.

[2]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 173. А. З. Р. III. №№ 67, 68, 107, 117, 135 Относительно соединенія подскарбства съ писарствомъ и его происхожденія см. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 402 и сл.

[3]) Нпр., А. З. Р. III. №№ 46, 48 II, 48 III, 48 IV, 50.

[4]) Нпр., А. З. Р. III. № 34, или А. Вил. XIII. Стр. 31.

[5]) Нпр., А. З. Р. III. № 145.

[6]) Нпр., А. З. Р. III. № 77. А. Ю. и З. Р. I. № 151.

[7]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I №№ 151, 173.

нія, чѣмъ писари [1]). Однако, иногда акты отождествляютъ оба эти названія, т.-е. и дьяка, и писаря [2]). Тутъ, кромѣ того, нужно замѣтить, что слово дьякъ употребляется актовымъ языкомъ въ двоякомъ значеніи—писца, или писаря, и дьяка, причетника церковнаго [3]).

Въ кругъ обязанностей и дѣятельности государева писаря прекрасно вводитъ текстъ его присяги, приносимой по должности [4]). Вотъ эта присяга въ переводѣ на Русскій языкъ. «Я (имя) присягаю Всемогущему Богу, Творцу неба и земли, въ томъ, что на семъ врядѣ писаря королевскаго государю своему милостивому буду вѣренъ во всемъ, что будетъ мнѣ ввѣрено его королевскою милостью или канцеляріею его. Буду это вѣрно хранить и никому не открою и не повѣрю тайны. Людямъ, нуждающимся въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ (odprawa) канцеляріи королевской не буду чинить притѣсненія, не буду дѣлать ничего противнаго праву и справедливости человѣческой, ни противозаконно измѣнять (ubliżac) всякія пожалованія (daniny) и не иначе, а только согласно приказанію его королевской милости и печатарей великаго княжества Литовскаго буду писать и исполнять (odprawowac). Какъ мембрановъ такъ и листовъ пергаменныхъ не буду никому выдавать безъ воли его королевской милости и королевскихъ печатарей. Все полезное и вредное для его королевской милости буду не укрывать, но со всею правою и цѣлою вѣрностью буду доносить и предупреждать для его королевской ми-

---

[1]) Примѣры упоминаній дьяковъ—Акты *Леонтовича*. I. I. №№ 308, 316. О дьякахъ см. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ, стр. 391, 392, 393 и др. и *С. Л. Птзшицкій*. Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. СПБ. 1887. Стр. 5.

[2]) А. З. Р. III. № 53 (1571 г.) «Дьяка канцлерыи нашое Коронноѣ Евтиха Васильевича Высоцкого»—такъ говорится въ самомъ документѣ. Въ заглавіи же его читаемъ: «доживотье на Межигорьскій манастыръ въ Кіевѣ и на землю, альбо городище Вышегородское, тежъ въ Кіевѣ, отъ замку Кіевского въ дву миляхъ, Евтихови Васильевичу Высоцкому, писарови канцлерыи Коронноѣ Рускихъ справъ».

[3]) Нпр., Акты *Леонтовича* I. I. № 28. А. З. Р. III. № 140.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 3 об.—4. Та же присяга—Лит. Мет. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 304. Текстъ послѣдней исправляетъ слова первой—«przez woli Iego Kro. Mci» въ «bez woli . . . .» что даетъ смыслъ фразѣ, не имѣющей его по тексту книги $\frac{\text{III A}}{8}$. Форма присяги писаря господарскаго 1522 года—см. Акты Литовско-Русскаго государства, изданныя *М. Довнаръ-Запольскимъ*. I. М. 1900 № 156.

лости и речи посполитой великаго княжества Литовскаго. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Богъ».

Итакъ, писарь королевскій работаетъ въ государевой канцеляріи. Онъ дѣйствуетъ въ ней, однако, не какъ лицо, самостоятельно ведущее дѣла, а лишь исполняя приказанія короля и печатарей, т.-е. канцлера и подканцлера Литовскихъ. Писарь составляетъ бумаги и документы, выходящіе изъ канцеляріи Княжества; онъ же ведетъ и книги ея, представляющія изъ себя копіи съ бумагъ, выходящихъ изъ нея, то, что на канцелярскомъ языкѣ нашего времени называется «отпусками». Книги Литовской Метрики, сохранившіяся до нашего времени, въ большей своей части и являются книгами, составленными изъ этихъ отпусковъ канцеляріи. Нѣкоторыя изъ нихъ цѣликомъ заключаютъ въ себѣ документы справы одного и того же писаря [1]), другія — различныхъ [2]). Иногда въ книгахъ встрѣчаемъ документы подъ которыми вмѣсто подписи писаря красуется подпись самого пана печатаря. Такъ, привилей Евстафію Воловичу на Виленское каштелянство скрѣпленъ такою подписью: «Christophorus Radziwił castellanus Trocensis, vicecancellarius et campiductor Magni Ducatus Lithuaniae [3]). Все это заставляетъ признать, что не было общимъ правиломъ, чтобы каждый писарь имѣлъ свою особую книгу, въ которую онъ вносилъ бы копіи со всѣхъ грамотъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, а просто документы вписывались въ ту книгу, которая была подъ рукою. Часть книгъ архива Княжества, т.-е. Метрики Литовской, возилась обыкновенно за королемъ. Это видно не только изъ того, что въ одной и той же книгѣ встрѣчаются даты документовъ, различныя по мѣсту датированія [4]), но и изъ прямого свидѣтельства источниковъ. Подтверж-

---

[1]) Нпр. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ — писаря Базыліуша Древиньскаго.

[2]) Нпр. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ На 2-мъ листѣ этой книги читаемъ такую подпись: «Матей Савицкий, каштелян Подляский, писаръ господаръский» (также л. 3 и др.); а на листѣ 16 об.: «Лавринъ Война подъскарбий и писар»; на л. 18: «Михайло Гарабурда писаръ»; на л. 62 об.: «Андрей Иванович писар» и т. д.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 1 об.

[4]) Вотъ, напримѣръ, города, которыми датированы документы книги $\frac{\text{I A}}{49}$ Литовской Метрики: Городна, Кнышинъ, Бѣльскъ, Кнышинъ, Люблинъ, Кнышинъ, Городна, Кнышинъ, Варшава, Люблинъ, Вонъ, Люблинъ, Кнышинъ, Вильна, и т. д.

дая на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года привилей, данный Полоцкимъ обывателямъ Сигизмундомъ Августомъ по листамъ великихъ князей Казиміра и Александра, Стефанъ Баторій въ своемъ листѣ «потверъженя права шляхце целой воеводъства Полоцъкого» говоритъ: «а которых метрыкъ канцелярейских, зъвлаща давных справ, на сесь час у Вилни при канцлерыи нашой не было, тогды и напотомъ што ся колвекъ давных справ, потребъ, правъ и волностей, всей земъли Полоцкой належачих, тамъ покажеть и чого коли они з метрык потребовати будуть, то все в канцлереи нашой шляхте Полоцкой выдавано быти маеть [1]).

Въ книги канцеляріи Литовской вписывались листы самаго различнаго характера — и привилеи на должности и имѣнія, и универсалы, и сеймовые листы, и судовые акты, и всевозможные виды другихъ документовъ. При этомъ въ одной и той же книгѣ можно встрѣтить самые различные документы. Лучшимъ образцомъ такого смѣшенія въ одной книгѣ самыхъ различныхъ категорій документовъ является *подлинная* книга Литовской Метрики, находящаяся въ ней подъ № 65-мъ въ разрядѣ «Записей Литовскихъ» [2]). Здѣсь встрѣчаемъ и привилеи на должности, и листы въ повѣты, и документы по подготовкѣ сеймиковъ повѣтовыхъ, и справы судовыя королевскаго дворнаго суда, и документы главнаго Литовскаго сеймика, и акты безкоролевья послѣ смерти Баторія, и образцы присягъ, и т. д. Въ книгу, несомнѣнно, вписывалось все, что представлялось въ канцелярію, или выходило изъ нея, безъ всякаго разбора документовъ на какія-либо группы по содержанію.

Но вернемся къ обязанностямъ писаря, какъ ихъ рисуетъ его присяга. Мы видѣли, что онъ вѣдаетъ мембраны и листы пергаменные, выходящіе изъ королевской канцеляріи. Подъ мембраномъ вообще разумѣется документъ, писанный на бумагѣ и скрѣпленный печатью и подписью [3]). Такимъ образомъ, писарь выдаетъ изъ канцеляріи листы, писанные и на бумагѣ, и на пергаменѣ, т.-е. всѣ, выходящіе изъ нея. Подпись писаря считалась доказа-

---

[1]) Кор. Метр. М. Арх. М. Юст. $\frac{\text{I B}}{22}$ л. 77.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$. См. *С. Л. Пташицкій.* Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Спб. 1887. Стр. 89.

[3]) См. А. Вил. XXVI. № 587. Ср. также — ibidem, № 11. или А. Вил. XVII. № 1010.

тельствомъ подлинности документа, и нерѣдко документу отказывалось въ признанiи, если онъ былъ «безъ подпису не только короля его милости, але и писарского» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, подпись писаря подъ документомъ необходима, какъ скрѣпа его: король лишь подписываетъ документъ, а «справа» его — дѣло писаря [2]). Писарей бывало по нѣскольку въ одно и то же время, да иначе и быть не могло при массѣ дѣлъ, которыя приходилось вести канцелярiи по управленiю государствомъ и по суду королевскому. Въ награду за свою службу писари государевы Литовскiе получали и державы, и имѣнiя, и юргельты [3]).

Кромѣ писарей, правительству великаго княжества Литовскаго необходимы были и толмачи. Толмачи были нужны прежде всего для переговоровъ съ послами, особенно Восточными [4]); что касается до пословъ Западно-Европейскихъ и Московскихъ, то, конечно, спецiальные толмачи не были тутъ необходимостью, ибо языки Латинскiй и Русскiй не могли оказаться неизвѣстными Литовскимъ правительственнымъ лицамъ. Но толмачи фигурируютъ и въ сношенiяхъ короля съ нѣкоторыми его подданными, а именно Татарами Литовскими. Трудно сказать, осталось ли это простымъ пережиткомъ того времени, когда Литовскiе Татары еще были вновѣ на территорiи Княжества, а потому и не знали его государственнаго (Русскаго) языка, или же дѣйствительно часть Татаръ не вполнѣ еще владѣла имъ, хотя Татары и являются совершенно обычными истцами, отвѣтчиками и заявителями въ судахъ Литовскихъ, всегда изъясняясь на Русскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, когда въ 1563 году были посланы Литовскимъ Татарамъ королевскiе листы, «абы с почты своими ехали и збиралися в Ганушишкахъ, а оттоль тягнули до замъку его королевское милости Волмера», то Татарскому хоружiю Новгородскаго

---

[1]) А. Вил. VI. Стр. 225.

[2]) Актовый языкъ иногда оттѣняетъ это. Нпр., «тотъ привилей справы пана Матея Савицъкого, писаря короля его милости». Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{57}$ л. 83.

[3]) Нпр., «потверженье писару его королевское милости пану Анъдрею Ивановичу листов его королей их милости Жикгимонъта Августа и Генриха на юркгелту двесте копъ грошей, в кождый год належачых». Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{58}$ л. 76.

[4]) Нпр., толмачи, сопровождавшiе пословъ Перекопскихъ. *М. В. Довнаръ-Запольскiй.* Литовскiя упоминки Татарскимъ ордамъ. Симферополь. 1898. Стр. 72 и др.

повѣта и князьямъ, уланамъ, мурзамъ и всѣмъ Татарамъ, «которые именья и оселости свои у стягу того хоружъства маютъ», понесъ такой листъ «толмач его королевское милости Мухоедимъ» [1]). Акты судовъ и королевскіе привилеи также знаютъ толмачей Татарскихъ [2]), и вообще толмачъ—явленіе совершенно обычное въ Литовскихъ актахъ [3]).

Врядники, которыми мы занимались до сихъ поръ, имѣли опредѣленное назначеніе, и каждая группа ихъ была пріурочена къ тому, или другому дѣлу. Но былъ разрядъ лицъ, служившихъ королю въ самыхъ различныхъ видахъ дѣятельности, хотя и носившихъ общее названіе слугъ или служебниковъ королевскихъ. Въ этомъ разрядѣ слугъ государевыхъ встрѣчаемся съ людьми различныхъ общественныхъ группъ Княжества, различныхъ религій, различныхъ національностей. Рядомъ съ шляхтичемъ, получающимъ даже потомъ врядъ [4]), можно было встрѣтить въ качествѣ королевскаго слуги жида [5]), рядомъ съ Татарскимъ царевичемъ [6])—Москвитянина, выѣхавшаго «на ласку» государеву «съ земли Московской» [7]). Понятіе слуги государева весьма широко. Слугою государевымъ можетъ быть и докторъ [8]), и цирульникъ [9]),

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 5. Толмачи далеко не всегда носили магометанскія имена. См., нпр., Акты *Довнаръ-Запольскаго.* I, стр. 32: «толмачу Илясу, сыну Василья Хребтовича».

[2]) Нпр., А. Вил. XVII № 351. А. Ю. и З. Р. I. №№ 71, 156, 161.

[3]) Нпр., А. З. Р. III. № 49. А. Ю. и З. Р. I. №№ 71, 156, 161.

[4]) Нпр., Фронцъ Жукъ. Лит. Метр. $\frac{\text{IA}}{57}$ л. 70 об. — 71 об. («Лист пану Жуку на писарство полное у великомъ князстве Литовскомъ». Дата: Краковъ, 8 мая 1574 года).

[5]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 209.

[6]) Нпр., Сигизмундъ Августъ «дати былъ рачилъ добре заслужоному слузе своему, Исляму царевичу Пуньскому сельцо Подлипъе». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 41.

[7]) Нпр., А. З. Р. III. № 159.

[8]) Нпр., въ грамотѣ Стефана Баторія, данной въ Вильнѣ 10 іюня 1580 года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 34 об., 35) читаемъ: «билъ нам чолом слуга и доктор нашъ Матыяс Ункторыус».

[9]) Нпр., Лукашъ Вольфъ, часто упоминаемый въ Лит. Метрикѣ (нпр., $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 2 об.—4 об., 19 об.—21 об. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 88—89).

и жидъ-мытникъ [1]), и человѣкъ военный [2]), и мѣщанинъ, служащій военную службу [3]). Положеніе слуги государева отъ положенія врядника прежде всего отличается тѣмъ, что первый служитъ лишь до тѣхъ поръ, пока этого желаетъ государь, а второй занимаетъ свою должность до «живота» или «до вывышенья», т.-е. пожизненно, или до новаго высшаго назначенія. Поэтому со смертью короля и со вступленіемъ на престолъ новаго государя, слуга можетъ и не сохранить своего прежняго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, когда вступилъ на престолъ король Генрихъ, то онъ вновь, напримѣръ, принимаетъ «до службъ» своихъ Лукаша Вольфа, цирульника покойнаго короля, Сигизмунда Августа, дѣлая притомъ это «за залеценьемъ некоторыхъ пановъ-рад» [4]). Принятый королемъ на службу «слуга и цырyликъ» его сразу обратился къ нему съ просьбою освободить его домъ въ Вильнѣ «отъ стояня гостей всякого стану» и о разрѣшеніи ему, «яко слузе» государеву, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ другихъ городахъ, «тамъ, где бы и коль онъ похотелъ, такъ при бытности, яко и в небытности» короля, своего ремесла «доброволъне, без цеху бальверского и въсякихъ повинъностей цеховых уживати было вольно». Король исполнилъ просьбу своего слуги, далъ ему освобожденіе отъ цеха, а также исполнилъ его просьбу и относительно его Виленскаго дома (для него, его жены и потомства), выговаривая лишь то, что «Лукашъ и потомки его с того дому всякие повинъности местъские, которые до того часу з него бывали, на ратушъ Виленьский полънити, в присуде и послушеньстве вряду местъского Виленьского быти мають вечне» [5]). Въ награду за свою службу слуги государевы получали и земельныя дачи. Такъ, слуга Сигизмунда Августа, Яцко Богдановичъ Быстрейскій, «который в тыхъ часехъ з везенья и з рукъ неприятельских, з Москвы, до» короля, «пана своего вышолъ», былъ пожалованъ королевскою грамотою, данною 9 ноября 1569 года въ Кнышинѣ, «хлебокормленьемъ»—33 волоками въ селѣ Кулбакахъ Лидской волости «до очищенія именей его Полоцкихъ» [6]), какъ давались хлѣбокормленья и другимъ Полоцкимъ обывателямъ, земли которыхъ были захвачены Мо

[1]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 190.

[2]) Примѣры см. ниже. [3]) А. З. Р. III. № 83.

[4]) Николая Юрьевича Радивила, Евстафія Воловича, Яна Ходкевича и Николая Криштофа Радивила.

[5]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 2 об.—4 об. [6]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 49.

сквою. Чтобы покончить со слугами королевскими, укажемъ на то, что сохранились и листы-пожалованія въ званіе слуги государева [1]).

Въ числѣ общественныхъ группъ великаго княжества Литовскаго королевскіе универсалы выдѣляютъ дворянъ государевыхъ [2]). Самое выдѣленіе ихъ въ обращеніяхъ королевскихъ къ обывателямъ Княжества уже говоритъ о ихъ многочисленности. Слово дворянинъ, очевидно, происходитъ отъ слова дворъ. Такимъ образомъ, дворяне—дворные люди [3]). Какъ таковые, они могли быть и у государя, и у частнаго лица. И въ самомъ дѣлѣ источники знаютъ рядомъ съ дворянами господарскими дворянъ частныхъ лицъ [4]). Къ числу дворныхъ людей, несомнѣнно, принадлежали и дворные бояре вродѣ Костюшки Валюжинича, получившаго 1 сентября 1395 года отъ Мстиславскаго князя Лугвенія «кгрунтъ, названый Валюжинскій» [5]). Въ XV вѣкѣ «дворянинъ» встрѣчается въ актахъ Литовскихъ [6]), также какъ и въ XVI столѣтіи. Но дворянъ нужно отличать отъ «челяди дворной», также извѣстной источникамъ [7]). На дворянъ возлагались различныя порученія довольно серьезнаго значенія, во всякомъ случаѣ службы высшаго порядка, а не та черная работа, которая была дѣломъ челяди. Личный составъ дворянъ XV вѣка, какъ и послѣдующаго времени, ни въ какомъ случаѣ не можетъ позволить думать о низкомъ значеніи дворянина въ Литвѣ, такъ какъ въ числѣ ихъ встрѣчаемъ и князей [8]), и сыновей подскарбія [9]). Порученія, которыя давались дворянамъ въ XV и первой половинѣ XVI вѣка бывали «увязанья» въ жалуемыя имѣнія [10]), или монастыри [11]), поѣздки по королевскому приказу «для лепьшое справедливости» справу «доведати» и потомъ «отказати» государю [12]), завѣдываніе построй-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 190. [2]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. №№ 113, 173.

[3]) Ср. *В. И. Сергѣевичъ*. Русскія Юрид. Др. Т. I. Стр. 423.

[4]) Нпр., «Гришко Андреевичъ, дворянинъ пана Юрья Миколаевича, старосты Городенского». А. Вил. XVII. № 249 (1540 г.) и др. Какъ примѣръ конца XVII вѣка (1685 г.): «дворянинъ пана Матусевичовъ Мавловичъ». Ист.-Юр. Мат. III. Стр. 63.

[5]) А. Вил. XIII. Стр. 3—4.

[6]) Нпр., Акты *Леонтовича*. I. I. №№ 16 (1454 г.), 20 (1461—1481 г.).

[7]) Нпр., Акты *Довнаръ-Запольскаго*. I. Стр. 33.

[8]) Ibidem, № 51. [9]) Вил. Арх. Сб. V. Стр. 3.

[10]) Нпр., Акты *Леонтовича*. I. I, № 20.

[11]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. I. №№ 80, 82.

[12]) Акты *Довнаръ-Запольскаго*. I. № 47. Ср. ibidem, № 63.

кою мостовъ [1]) и т. д. Къ характеристикѣ дворянства этого времени важно еще прибавить, что дворяне черезъ свою службу на дворѣ вовсе не переходили изъ одного общественнаго класса въ другой, а лишь принимали на себя службу на дворѣ государевомъ, оставаясь попрежнему въ той общественной группѣ, къ которой они принадлежали по своему происхожденію и по своей «осѣлости». Такъ, Пинскій князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ, жалуя своему служебнику Оѳанасу Самойловичу дворище, говоритъ въ своей грамотѣ, ему выданной, что онъ «маеть» ему съ этого дворища «служыти, какъ который дворанинъ земенинъ» [2]). Королевѣ Бонѣ «билъ» о своей вотчинѣ «чоломъ дворенинъ короля его милости, бояринъ» королевы «Пинскій, Олизаръ Дмитріевичъ» [3]).

Имѣя ввиду все, только что сказанное о дворянахъ, мы можемъ перейти къ изображенію ихъ въ седьмомъ и слѣдующихъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка. Городенскій сеймъ 1567 года [4]) ввиду военныхъ потребностей Княжества постановилъ, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ при канцеляріи королевской оставалось дворянъ «для розсыланья до потребъ и з листы» только по 20 человѣкъ, и то такихъ, которые выставляютъ на войну небольшіе почты (въ три, самое большое – въ четыре коня); всѣ же остальные дворяне должны ѣхать на войну и становиться къ военной службѣ подъ дворною хоруговью. Сеймъ отличаетъ при этомъ дворянъ Литовскихъ отъ дворянъ, служащихъ на дворѣ «за пенези». Послѣдніе на государевомъ дворѣ служатъ «с почтами за пенези», имѣя «кони пописаные». Такимъ образомъ существовали двѣ категоріи государевыхъ дворянъ. Одни находились при канцеляріи великаго княжества Литовскаго для различныхъ административныхъ нуждъ и разноса листовъ канцелярійскихъ; другіе служили на дворѣ военную службу, получая за нее деньги за свои почты. По своимъ имѣніямъ, независимо отъ службы дворной, и тѣ, и другіе подлежали земской военной службѣ, какъ и всѣ остальные обыватели Княжества. Награждая дворянина за службу его, король обыкновенно говорилъ въ своемъ привилеѣ, что онъ это дѣлаетъ за вѣрныя и «цнотливыя послуги» своего дворянина, «которыми он от немалого часу, на дворе» королевскомъ «будучи, и в послугах»

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 100.

[2]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ. Стр. 261.

[3]) Ibidem. Стр. 65. О Полоцкихъ городскихъ дворянахъ см. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 814.

[4]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 458–459.

государевыхъ «верне ся заховываючи, заслуговал ласку» королевскую [1]). Что касается до «послугъ», которыми служилъ дворянинъ королевскій, то акты сохранили очень много для ихъ характеристики. Дворянинъ передавалъ староства и державы во владѣніе и управленіе вновь назначенному старостѣ, или державцѣ, какъ было, напримѣръ, «за росказаньемъ и листы» Сигизмунда Августа «подано» Могилевское староство дворяниномъ королевскимъ Константиномъ Кунцевичемъ подстолію Литовскому пану Андрею Ходкевичу [2]). Дворянинъ королемъ посылается «въвезати» новаго державцу въ жалуемую ему державу [3]). Передавая державу, дворянинъ вручалъ новому державцѣ инвентарь ея [4]), а также свой листъ «увяжчій», бывшій доказательствомъ введенія его въ обладаніе державой, пожалованной королемъ [5]). Случалось, что дворянинъ посылался для «отправы» приговора судоваго въ той или другой суммѣ, присужденной на отвѣтчикѣ высшимъ судомъ [6]). Бывали, конечно, случаи, когда дворяне встрѣчали и сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ по вводу въ обладаніе державою или имѣніемъ [7]). Кромѣ порученій по вводу въ державу, или имѣніе дворяне высылались со двора государева и по другимъ дѣламъ. Такъ, когда 15 ноября 1589 года Троцкій подкоморій Богданъ Огинскій вмѣстѣ съ королевскимъ ревизоромъ Иваномъ Мокуличемъ «за росказаньемъ и листомъ его королевское милости комисейнымъ» разсматривалъ спорное дѣло о землѣ между Троцкимъ земяниномъ паномъ Лавриномъ Савичемъ и державцою Волкиницкимъ, паномъ

---

[1]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 6 об. Ср. ibidem, л. 11, 11 об.—12, 76—76 об.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 109—110 об. (Подтвержденіе Генриха—6 мая 1574 года). Ср. ibidem, л. 67 об.: «якожъ за росказаньем и листы короля его милости тые дворы Ейшишъки, Вораны, Коневу и Дубичи черезъ дворанина его королевское милости Яна Васильевича ему суть поданы».

[3]) Нпр., дворянинъ королевскій, «урожоный» Мальхеръ Райскій увязывалъ въ державу Шерешовскую пана Николая Дорогостайскаго. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 115 об.—116 об.

[4]) Нпр., А. Вил. XIV. Стр. 297.

[5]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 187 об.

[6]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 214 об.

[7]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 24 (6 мая 1580 года).

Каспоромъ Клодинскимъ [1]), войтъ Волкиницкаго мѣста «положилъ» передъ коммисарами «сознанье пана Фредрыха Ватриньского, дворанина его королевское милости, который былъ высланъ до державы Волъкиницкое на поправу волокъ померы пана Юря Волъчька». Посылались дворяне и для завѣдыванія дѣломъ постройки мостовъ [2]), когда это вызывалось потребностями государства, посылались и для завѣдыванія работами по постройкѣ замковъ [3]). На повѣтовый сеймикъ также было удобно послать королевскаго дворянина, какъ посла государева съ «кредецсомъ» [4]), удостовѣряющимъ его посольство и съ инструкціей, или «наукой и злеценемъ поселства» [5]), документомъ, указывающимъ ему, какъ онъ долженъ дѣйствовать и что долженъ говорить отъ имени короля повѣтовымъ обывателямъ, собравшимся на сеймикъ. Отправляясь на сеймикъ, дворянинъ получалъ письменное приказаніе посольства отъ короля [6]).

Дворяне посылались королемъ наблюдать и за дѣятельностью державцы и исполненіемъ подданными ихъ повинностей, какъ, напримѣръ, былъ посланъ Сигизмундомъ Августомъ 15 мая 1569 года дворянинъ, «который того, ижбы вси люди з дворовъ помене-

[1]) Вил. Центр. Архивъ № 5931. Троцкаго подкоморскаго суда. Л. 37—39. Ср. «дворанинъ мерьчый» А. Вил. XXIV № 224.

[2]) Нпр., въ 7-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовской Метрики подъ датою 5 іюля 1563 года записано: «послано дворенина господарского Яна Пацовича для мощченья мостов, кгды войско Немецкое тягнути маеть тою дорогою с Ковна на Орло, на Обяны, на Ванголу, на Педю, на Шилайну, на Кейданы, на Белюну, на Криконово, на Линков село пани Виршиловое, на Жемели». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 12.

[3]) Нпр., въ листѣ «о постановеню роботы Тыкотинъское», данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 29 марта 1568 года (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 96 об.—97 об.), читаемъ: «якожъ для того, нижъ бы им в посыланю тых людей до роботы никоторое омешъканье не деяло, тогды есмо того догледати и непослушных, хто бы с подданых нашых ку роботе омешкивал, выганяти росказали дворянину нашому Секлицкому»—такъ говоритъ грамота державцѣ, съ державы котораго должны были высылаться рабочіе «для поспешное роботы» королевскаго замка Тыкотинскаго.

[4]) См., нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 11—11 об.: «кредексъ до князей, пановъ на соймикъ, до повету через дворанина посланый».

[5]) См. ibidem, л. 16 об.—20 об.

[6]) См. ibidem, л. 12: «листъ до дворанина, иж бы на соймик до повету посломъ ехалъ и тамъ водле листу посельство справовал».

ныхъ водле сего листу нашого кромъ жадного сплошенства выправени, дозрети маеть», какъ говоритъ королевская грамота [1]). Рѣчь въ этой грамотѣ идетъ о доставленіи въ Кнышинъ для коней королевскихъ овсовъ съ волостей Мерецкой, Довговской, Перелайской, Сейвовъ и Лоздей, бывшихъ въ державѣ ловчія Литовскаго пана Григорія Воловича. Листы эти, адресованные на имя самого Воловича, или его намѣстниковъ на случай, если его самого не застанетъ въ его державахъ государева грамота, посланы «через дворанина его королевское милости Геркулеса Юрчынъского з Люблина до пана конюшого. А тые листы маеть роздати и з державъ, в листехъ помененыхъ, подвод выправить двор(енинъ) его королевское милости Грышко Ивановичъ, одно з Люблина посланы через Юрчынъского до пана конюшого месеца мая 17 дня» [2]). Могли посылаться дворяне королевскіе и съ порученіемъ, «абы устава вчинена на товары всякие и мера на збожье под штрыхъ такъ в местехъ» королевскихъ, «яко и панскихъ» [3]). Если король самъ отправлялъ нерѣдко то того, то другого изъ своихъ дворянъ «досмотрѣть», провѣрить, распорядиться, то эти посылки по личному приказу государеву далеко не могли удовлерить всей потребности командировокъ отъ правительства для наблюденія и контроля надъ державцами столовыхъ земель—староствъ и державъ. Вопросъ о правильномъ веденіи державцами хозяйства въ староствахъ и державахъ, безъ ущерба для государства и его скарба, прежде всего долженъ былъ интересовать земскаго подскарбія, какъ министра, вѣдавшаго финансы государственные. Для провѣрки и контроля державцевъ и собираемыхъ ими государственныхъ доходовъ подскарбію было необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное число лицъ, притомъ лицъ, достаточно авторитетныхъ, для разсылки ихъ по надобностямъ земскаго скарба, и, конечно, дворяне государевы были наиболѣе подходящими для этой цѣли людьми. Самъ король въ своемъ «отказѣ» на одну изъ просьбъ Жомоитской шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ дѣлаетъ предписаніе земскому подскарбію пользоваться дворянами для надобностей скарба [4]). Въ самомъ дѣлѣ, когда Жомоитская шляхта «оповедала» королю «на Рейнолтъ Кракова», державшаго отъ государя Коржды, Кретинку

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 31 об. [2]) Ibidem, л. 32.

[3]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 479. [4]) Ibidem. Стр. 183, 184.

и Полонку, что онъ «нищить и убожить» подданныхъ королевскихъ, а шляхту и ея подданныхъ «на мытехъ и поборехъ убожить, недбаючи росказанья его королевское милости и уфалу соймовую, и ку тому гандлемъ своимъ великую шкоду речи посполитое делаеть»,—король отвѣчалъ ей, что онъ «росказати рачилъ» земскому подскарбію, «абы его милость, яко подскарбий земский», отправилъ «которого дворанина его королевское милости, человека доброго», въ Коржды, Кретинку и Полонку «и выведанье достаточное в томъ вделати ему велелъ». Но не только для посылокъ въ нуждахъ самого скарба требовались ему дворяне. Скарбъ разсылалъ королевскіе листы по Княжеству, а для этой цѣли ему были нужны дворяне, которые разносили бы ихъ по государству [1]). Впослѣдствіи для дворянъ, находившихся въ распоряженіи скарба явилось и особое названіе — «дворанинъ скарбовый» [2]). Но не одинъ подскарбій земскій пользовался дворянами для нуждъ своего вряда. Другіе высшіе врядники Княжества также посылали ихъ по надобностямъ своихъ урядовъ. Такъ, 6 декабря 1576 года «постановившысе очевисте», государевъ дворянинъ, панъ Григорій Мартиновичъ Залусскій, «сознал до книг канъцелярейских, иж дей онъ, будучы приданым зъ ураду от его милости пана, пана Виленского, маршалка навышшого великого князства Литовского», имѣя при себѣ «сторону» («людей добрых, меновите Войтеха Яворовского а Федора Василевича Токаревского»), вручилъ въ Торунѣ королевскій мандатъ Виленскому мѣщанину, пану Матвѣю Рудоминѣ [3]).

Въ награду за свою службу дворяне получали назначенія на вряды и земельныя пожалованія. Назначеніе дворянина на какой-нибудь повѣтовый врядъ — дѣло совершенно обычное. Такъ напримѣръ, дворянинъ королевскій Рафалъ Прокулей былъ назначенъ 13 апрѣля 1568 года войскимъ Берестейскимъ [4]), Григорій Вагановскій — въ 1570 году войскимъ того же повѣта [5]), Богушъ Алексѣевичъ Овсяный, дворянинъ королевскій, «оселый»

---

[1]) Нпр., «листы господарьские посланы через дворенина господарского Павла Войниловича до старость, жебы дерево до Киева на будоване замъку Киевского спушчали». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2.

[2]) Нпр., Ист.-Юр. Мат. IX. Стр. 75 (1692 г.).

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 18. [4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 11.

[5]) Ibidem. Л. 76—76 об.

въ Новгородскомъ воеводствѣ, получилъ 30 ноября 1576 года Новгородское подкоморство [1]) и т. д. Земельныя пожалованія также были обычною наградою дворянина за его службу. 13 мая 1574 года въ Краковѣ передъ королемъ Генрихомъ «поведилъ» дворянинъ королевскій, «панъ Петръ Цыприский, о томъ, ижъ король его милость славное памети Жикгимонтъ Августъ, предокъ» Генриха, «маючи ласкавое баченье на служъбы его и на брата его Азърубала Цыприского, которими они з давныхъ часовъ на дворе короля его милости верне, пильне а цнотливе ласку его королевское милости заслуговали, назъначити былъ рачилъ дати имъ певные кгрунъты оселые в державе Трабской», прилегающіе къ имѣнію Петра Цыприсскаго [2]). Случалось, что и староства получали дворяне, какъ получилъ староство Кричевское королевскій дворянинъ, панъ Константинъ Шолуха, по привилею, данному въ Кнышинѣ въ мартѣ 1566 года [3]). Бывало, что въ пожизненное управленіе они получали и монастыри съ ихъ доходами [4]).

Само собою разумѣется, что дворяне, находясь по надобностямъ службы въ какомъ-либо городѣ, или проживая въ немъ съ дворомъ государевымъ, имѣли право постоя въ домахъ горожанъ. Такъ, домъ королевскаго цирульника, Лукаша Вольфа, освобожденъ былъ королемъ Генрихомъ, какъ гласитъ его грамота, «от стоянья пановъ-рад нашихъ ихъ милости духовныхъ и светъскихъ», всякихъ врядниковъ «такъ коруны Польское, яко и великого князства Литовского, такъже пословъ и гонъцовъ чужоземскихъ, дворанъ и иныхъ слугъ нашихъ и иного всякого стану гостей» [5]). По своему экономическому положенію дворяне бывали людьми достаточными, обыкновенно средняго достатка, а иногда и выше средняго. Акты знаютъ и дворянскихъ слугъ-шляхтичей. Въ грамотѣ Стефана Баторія, данной въ Мальборкѣ 25 сентября 1577 года [6]), говорится, что королю билъ челомъ его дворянинъ, панъ «Володимер, и поведил» передъ нимъ «о служъбах подда-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 108 об.—109 об. Примѣръ другихъ назначеній—назначеніе дворянина Степана Пацковича мостовничимъ на дорогѣ изъ Минска въ Кіевъ. (4 дек. 1576 г.). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 17—17 об.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 87—88. [3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 3—3 об.

[4]) А. Ю. и З. Р. I. № 172 (1576 г.).

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 3 об. [6]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 74.

ного» королевскаго, «шляхтича» великаго княжества Литовскаго, «служебника своего, Мартина Петровъского, ижъ он, будучы в почте его вжо од немалого часу» королю и «речы посполитой земской верне, учтиве и цнотливе служыл», какъ и продолжаетъ служить, находясь при панѣ Владимірѣ въ королевскомъ войскѣ у Гданска. Панъ Владиміръ просилъ короля, чтобы онъ «з ласки своей» государевой наградилъ «хлебокорменемъ того служебника его». Исполняя просьбу своего дворянина, Баторій говоритъ въ своемъ привилеѣ: «а такъ мы за жеданем и прычыною дворенина нашого, пана Володимира, и хотечы его тым охотнейшого ку службам нашым и речы посполитое уделать и способить, дали есмо тому служебнику его, Мартину Петровскому, десеть волок оселых, в котором колвекъ старостве албо в повете у великомъ князстве Литовском лежачых». Выбрать эти десять волокъ король предоставляетъ земскому подскарбію, «где се наилепей» ему «повидить». Итакъ, дворянинъ не только имѣлъ служебника-шляхтича, но даже могъ явиться передъ королемъ съ ходатайствомъ о награжденіи его, подобно тому, какъ это дѣлали вельможи для своихъ служебниковъ.

Въ числѣ дворянъ королевскихъ были и такъ называемые трукцасы, или струкцасы государевы. Это были дворяне, прислуживавшіе королю за его столомъ [1]). Будучи на глазахъ государя, они легко могли заслужить его расположеніе и получить пожалованіе державою. Такъ, Стефанъ Баторій, «маючы ласкавый възгляд на службы дворанина и трукцаса» своего, Юрія Гродинскаго, «якожъ и впередъ хотечы его тымъ хутъливщого до служб» своихъ государевыхъ «способити», пожаловалъ ему Переломское лѣсничество [2]). Пожалованіе это сдѣлано въ Тыкотинѣ 17 іюля 1576 года, а на другой же день, т.-е. 18 іюля, былъ данъ королемъ листъ-предписаніе [3]) ловчію Литовскому, въ которомъ послѣднему приказывалось распорядиться и «струкцасу» государеву «Кгродзынскому з належности враду своего тое лесницъство Переломское в моцъ и держанье подати и в то его увезати» и при-

---

[1]) Ср. Słownik Rzeczy Starożytnych. Kraków. 1896. Str. 448. (Стихъ Баховскаго).

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 11 об.—12.—«Струкъцасу господарскому Юрю Кгродинъскому на лесництво Переломъское».

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 18 об.

томъ сдѣлать это «без жадного омешканя и проволоки». Конечно, Переломское лѣсничество жалуется струкцасу «зо всимъ потому, яко и перший лесничий, небожьщикъ Войтехъ Радзимъский, держалъ, зо всими селы и людьми тяглыми и цынъшовыми, стрельцы, осочъники, бобровники и полазники до воли и ласки» королевской. Но вниманіе Баторія къ своему струкцасу не ограничилось этимъ пожалованіемъ. Черезъ полгода вновь встрѣчаемся съ выраженіемъ расположенія его къ Гродинскому. 12 января 1577 года былъ данъ ему королевскій листъ къ земскому подскарбію [1], «абы того досмотрелъ около озеръ, которые первей ку лесництъву Переломскому належали, а теперъ хто иный держыть, для чого шкода в пущы дееть ся». Приказывается также королемъ подскарбію сдѣлать постановленіе относительно озеръ и сѣножатей пущи, а также постановить «оранъду» съ Гродинскимъ касательно доходовъ этого лѣсничества. Въ тотъ же день былъ данъ Гродинскому и другой листъ королевскій къ тому же подскарбію, которымъ разрѣшалось струкцасу взять себѣ сто талеровъ [2]) изъ доходовъ лѣсничества Переломскаго и мѣстечка Переросльскаго. Подскарбіемъ это должно «принято» быть «ему на личбе», т.-е. при отчетѣ и отдачѣ доходовъ лѣсничества въ скарбъ. Дѣлается это королемъ «з ласки его милости господаръское, взглядомъ служобъ его, будучы посланый до князя великого Московъского» [3]). Изъ послѣдняго видно, что струкцасы кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей могли употребляться и для другихъ цѣлей, какъ напримѣръ, для посольствъ.

Но кто же вступалъ въ ряды дворянства Литовскаго и какъ совершалось это вступленіе? Въ числѣ дворянъ можно было встрѣтить людей самаго различнаго происхожденія. Тутъ были и Литовскіе князья, и сыновья пановъ и врядниковъ рядомъ съ бѣдными шляхтичами и выходцами изъ другихъ государствъ [4]). Привилеи на вряды, какъ несенаторскіе, такъ и сенаторскіе, очень часто говорятъ о началѣ службы врядника именно на дворѣ королевскомъ. Такъ, привилей, данный Баторіемъ Габріелю Горностаю на Берестейское воеводство [5]), говоритъ, что король дѣлаетъ

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{IA}{58}$ л. 204 об.—205. [2]) Въ рукописи—«тамаровъ сто».

[3]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 205.

[4]) Ср. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 418.

[5]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 1– 1 об. Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года.

это назначеніе, «маючы мы залецоные службы воеводы и старосты Меньского, державцы Каменецкого, пана Кгабриела Горностая, сына его милости пана воеводы Новгородского, которые его милость з молодости лет своихъ зъ себе оказовалъ, служачы уставичне на дворе светобливое памети Жыкгимонта Августа, продка нашого...» и т. д. Въ привилеѣ, данномъ Виленскому подкоморію пану Миколаю Ясенскому на Литовское писарство [1]), также читаемъ слѣдующія слова отъ имени короля Стефана: «онъ з молодости летъ своихъ, будучы у двору при послугах продка нашого Жыкгимонта Августа, славное памети короля его милости Польского и великого князя Литовского, верне, пильне и накладне пану своему и речы посполитой заслуговалъ...» и т. д. Примѣровъ подобныхъ свидѣтельствъ привилеевъ о службѣ врядниковъ на дворѣ государевомъ можно привести очень большое число. Конечно, служба на дворѣ давала дворянамъ очень большую возможность обратить на себя вниманіе государя, или того или другого пана-рады, который бы потомъ «у причине жедалъ» короля о назначеніи дворянина на врядъ или о какомъ-либо пожалованіи ему. Самое вступленіе въ ряды дворянъ совершалось черезъ внесеніе лица въ дворянскіе списки. Надо думать, что каждый урядникъ дворный, вѣдавшій ту или другую отрасль администраціи или хозяйства дворныхъ принималъ въ свои реестры нужныхъ ему дворянъ. По крайней мѣрѣ Левъ Сапега въ одномъ письмѣ своемъ къ Криштофу Радивилу такъ говоритъ о своемъ вступленіи въ дворную службу: «jakoż mię już pan podstoli dawno przyjął w swój rejestrz» [2]). Если могъ это дѣлать подстолій, то по всей вѣроятности имѣлъ право это дѣлать и подскарбій, и конюшій, и другіе дворные урядники, нуждавшіеся въ дворянахъ, какъ подчиненныхъ себѣ служителяхъ и помощникахъ. Но надо думать, однако, что пріемъ того или другого лица въ число дворянъ королевскихъ совершался съ доклада маршалку дворному, если не съ вѣдома самого короля. По крайней мѣрѣ маршалокъ дворный по требованію Берестейскаго сейма 1544 года долженъ былъ составить общій реестръ дворянъ [3]).

Дворяне представляли изъ себя и вооруженную силу, охранявшую дворъ государя, а также составлявшую особую дворную хо-

---

[1]) Ibidem. Л. 61 об.—62 об. Дата: Берестье, 24 августа 1576 года.

[2]) Archiwum Domus Sapiehanae. Т. I. Lwów. 1892. № 4. Дата: 12 сентября 1582 года.

[3]) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 298.

ругвь въ случаѣ военнаго рушенья. Тутъ нужно, какъ мы уже видѣли, отличать дворянъ обыкновенныхъ отъ дворянъ, служившихъ со своими почтами «за пенези» и бывшихъ, такимъ образомъ, наемною гвардіею государя. Что касается до участія дворянъ въ посполитомъ рушеньѣ, то они должны были подниматься въ случаѣ объявленія его, становясь подъ дворную хоругвь и подъ справу дворныхъ хоружія и маршалка. Съ врядомъ дворнаго маршалка, какъ врядомъ сенаторскимъ, мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, на врядѣ же дворнаго хоружія, который мы уже упомянули выше, остановимся теперь.

Дворное хоружество передается привилеями на этотъ урядъ новымъ хоружимъ съ тою же компетенціею и съ тѣми же правами, которыя принадлежали лицамъ, прежде его занимавшимъ [1]). Хоружій дворный стоитъ во главѣ рушившагося дворянства съ тѣмъ же значеніемъ, съ которымъ стоятъ во главѣ шляхты повѣтовъ хоружіе повѣтовые. Съ его имени начинается списокъ дворянъ въ «реестрѣ пописа» Литовскаго войска-народа [2]). Въ рецессѣ Городенскаго сейма 1567 года читаемъ, что за исключеніемъ 20 дворянъ, необходимыхъ для нуждъ канцеляріи, всѣ остальные, ввиду серьезности войны, «в тыхъ двухъ годехъ» должны «на войну ехати и под хоруговъю хоружого дворного ку службе военной ста новити» [3]). Какъ и хоружій повѣтовый, дворный хоружій фигу

---

[1]) «Привилей Василю Рагозе на хоружство дворное. Жикгимонт Августъ Божью милостью корол Полский etc. Ознаймуемъ сим листом нашимъ, што которое хоружство дворное панства нашого великого князства Литовского перво сего з ласки нашое деръжалъ хоружый нашъ дворный Григорей Рагоза, але, ижъ есмо его за елекцыею на судейство земское в повете Меньскомъ преложили, а в томъ часе тое хоружъство дворное ваковало, ино мы, дознавши верныхъ а цнотливых послугъ дворянина нашого Василья Рагозы, брата его, которыми онъ от немалого часу, на дворе нашом будучи и въ послугах нашых господарьских верне ся заховываючи, заслуговал ласку нашу, про то тое хоружство дворное тому предречоному дворанину нашому Василью Рагозе дали есмо з ласки нашое, якожъ и симъ листомъ нашимъ даем. Маеть он тое хоружство дворное панства нашого великого князства Литовского держати, моцы, владности и достойности, тому враду належачое уживати потому, яко и перед ним будучие хоружые дворъные того враду хоружства дворного моцы, владности и достойности до сего часу уживали. И на то дали есмо ему сесь нашъ лист з нашою печатью и с подписомъ руки нашое господарьское. Писанъ у Люблине». 30 марта 1566 года. «Подъписъ руки господарьское. Базылиусъ Древинский писаръ». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 6 об.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. Т. IV. № 82.

[3]) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 459.

рируетъ и при «выводахъ» шляхетства, примѣръ чего мы видѣли выше [1]). Занимая замѣтное положеніе на дворѣ королевскомъ, дворный хоружій могъ довольно легко получать различныя пожалованія [2]), да и его экономическое положеніе не могло быть мало обезпеченнымъ. Если хоружій повѣтовый не могъ быть человѣкомъ бѣднымъ [3]), то тѣмъ болѣе достаточность была необходима для хоружія дворнаго. Источники сохранили указанія на матеріальныя средства послѣдняго. Такъ, въ реестрѣ Раковскаго «пописа» 1565 года находимъ слѣдующее описаніе выставленныхъ имъ воиновъ. «Хоружий дворъни панъ Григорей Рагоза показалъ водъле повинъности 20 коней збройно с тарчи, а пешихъ чотири з ощепи; а на ляску господарскую — два кони збройно по козацъку з сагайдаками з ощепи а пешов(о) однов(о) з ощепом» [4]). Бѣднымъ шляхтичамъ, конечно, были не подъ силу подобные «почты».

Особую группу лицъ спеціальнаго назначенія, толпившихся на дворѣ государевомъ представляли собою коморники. Слово комора употребляется вообще въ актахъ въ значеніи комнаты, пристройки [5]). Коморники были дворцовыми служителями, и число ихъ было очень значительно. Въ рядахъ коморниковъ можно было встрѣтить и шляхтичей и нешляхтичей, и такимъ образомъ служба въ коморникахъ вовсе не была исключительнымъ достояніемъ шляхты. Извѣстны случаи нобилитаціи коморниковъ за ихъ заслуги [6]). При большомъ числѣ коморниковъ, конечно, всѣ они не были нужны для несенія различнаго рода услугъ, которыя требовались на дворѣ и въ «палацѣ» государевомъ [7]). Поэтому коморники употреблялись для различныхъ порученій помимо собственно дворцовой службы. Ихъ посылали, какъ и дворянъ, разносить королевскіе листы, позвы на судъ дворный, а также вводить владѣльцевъ въ пожалованныя имѣнія. Такъ, въ листѣ къ

---

[1]) См. стр. 241.

[2]) Нпр., «привилей Василю Рагозе на корчму волную в ыйменю его Крайску» (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 28, 28 об.), или «привилей томуж Василю Рагозе на корчму волную в ыйменю его Хотенчичах» (ibidem, л. 28 об., 29). Оба документа относятся къ 1568 году.

[3]) См. стр. 327. [4]) Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV. № 82. Л. 10.

[5]) См. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 387 — 389. Ср. Archiwum domus Sapiehanae. Т. I. № 44.

[6]) См. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 457, 461.

[7]) М. К. Любавскій признаетъ коморниковъ камеръ-лакеями государевыми (Лит.-Р. сеймъ. Указатель, стр. LX).

*

подданнымъ села Кумелы Городенской пущи, извѣщающемъ ихъ о пожалованіи ихъ Стефаномъ Баторіемъ Яну Замойскому [1]), читаемъ: «вы бы о томъ ведали и, скоро помененый коморъникъ нашъ оное село Кумялы и васъ, подъданыхъ нашихъ его милости пану канъцлеру подаст [2]) и в то его милость увяжеть, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте всякое послушеньство ку его милости, яко пану своему чинили и повинъности ваши звыклые на пожитокъ его милости выполняли конечно». 30 декабря 1580 года, «постановившися у книгъ его милости господарьских канцлярейских коморникъ его кр. милости, Януша Паревскій, будучи приданый з уряду его милости пана маршалка надворного», заявилъ, что онъ «отдал позовъ его кр. милости» отъ Волынскаго кашталяна, пана Михаила Мышки съ Варковичъ, Берестейскому кашталяну, пану Богдану Сапегѣ. Содержаніе позва: «о староство Гомейское» [3]). Подобныхъ примѣровъ дѣятельности коморниковъ можно привести не мало, но и приведенныхъ достаточно для иллюстраціи ея.

Теперь мы должны обратиться къ обзору должностныхъ лицъ наемныхъ войскъ великаго княжества Литовскаго. Войска Литовскія дѣлились на двѣ далеко не равныя по своей численности главныя части: 1) войско земское — народъ-шляхта со своими почтами въ посполитомъ рушеньѣ и 2) войска наемныя. «люди служебные». Къ этимъ двумъ главнымъ частямъ нужно прибавить еще двѣ, а именно стяги Татарскіе и войска казацкія. Съ военнослужилыми Татарами мы еще познакомимся ниже, казаки же, не имѣвшіе ни правъ шляхетства, ни шляхтичей-начальниковъ, не могутъ останавливать на себѣ нашего вниманія на настоящихъ страницахъ. Двѣ главныя части войска Княжества, народъ-шляхта и «люди служебные» были не равны своею численностью. Толпы вооруженной въ посполитомъ рушеньѣ шляхты далеко превосходили своею массою отряды «служебныхъ», но за то въ изслѣдуемый періодъ времени лишь регулярныя роты послѣднихъ представляли изъ себя дѣйствительную военную силу съ точки

---

[1]) «Листъ, велможному пану Яну Замойскому канцлеру Корунъному etc. до подданых в пущи Городенской села Кумелы, ижъ их кр. его милость его милости отдати рачыл, даный». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 269 - 269 об.

[2]) Въ рукописи описка «подат» вмѣсто «подаст».

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 76.

зрѣнія такихъ знатоковъ военнаго дѣла, какимъ былъ, напримѣръ, Стефанъ Баторій. Начальниками повѣтовой шляхты, «рушившейся» на врага, были хоружіе, маршалки, кашталяны и воеводы, дворянъ вели дворные хоружій и маршалокъ, во главѣ же всѣхъ рушившихся обывателей стоялъ гетманъ наивысшій. Дѣятельность и значеніе всѣхъ этихъ врядниковъ мы отчасти уже видѣли, а отчасти встрѣтимся съ нею въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда будемъ говорить о службѣ земской шляхетской и о сенаторскихъ урядахъ Княжества. Что касается до начальствующихъ лицъ въ регулярныхъ войскахъ Литовскихъ, то это были поручники, ротмистры и гетманъ польный или дворный. «Люди служебные» [1]) прежде всего раздѣлялись на «людей ѣздныхъ» [2]) и «людей пѣшихъ» [3]). Болѣе частные ихъ виды и другія названія— драбы [4]), жолнеры [5]), гусары [6]) и т. д.

Акты великаго княжества Литовскаго 60-хъ годовъ даютъ возможность составить довольно полный списокъ ротмистровъ Литовскихъ [7]). Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ и родичей Княжества и

1) Нпр., А. З. Р. III. №№ 81, 82, 84, 86, 96, 99, 100.

2) Нпр., А. З. Р. III. № 27.

3) Нпр., А. З. Р. III. №№ 34, 41.

4) Нпр., А. З. Р. III. №№ 35, 41, 61.

5) Нпр., А. З. Р. III. №№ 34, 63, 86, 104, 134, 146.

6) Нпр., А. З. Р. III. № 84.

7) Вотъ этотъ списокъ: Адамъ Оборскій, Янъ Цедровскій, Янъ Закревскій, Янъ Корицкій, Павелъ Слуцкій, Станиславъ Русецкій, Янъ Павчичъ Чехъ, Петръ Миклашовскій, Лопотъ, Янъ Клюковскій, Прецлавъ Оборскій, Павелъ Гладышъ, Щасный Губа, Болтромей Стравинскій, Хома Машевичъ, староста Браславскій, Петръ Седлецкій, Станиславъ Куницкій, Андрей Вронскій, князь Александръ Полубенскій, Розмыслъ Довгирдъ, Богданъ Стецковичъ, Млодавскій, панъ Николай Талвошъ, Гловацкій, Адамъ Мисевичъ, Талипскій — Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2 об. Млодавскій, Миклашовскій, Щасный Губа, Павелъ Кгладзышъ, Закревскій, Розміевскій, Стравинскій, Янъ Клюковскій, Вонсовичъ, Андрей Вронскій, Богданъ Стецковичъ, Талипскій, князь Иванъ Полубенскій, Павелъ Слуцкій, Кгловацкій, князь Александръ Полубенскій, Адамъ Мисевичъ, Адамъ Оборскій, Куницкій, Миколай Талвошъ ibidem, л. 4. Станиславъ Русецкій, Юрій Рачковскій, Оленскій, Пресмыцкій, Валентый Каменскій, Богушъ Селицкій, Валентый Каменецкій, Петръ Серебрицкій, Голубицкій, Станиславъ Збышевскій, Янъ Карницкій, Петръ Курницкій, Дмитрій Бобоѣдъ, Янъ Закревскій, Амброжей Влохъ, Войтехъ Любатовскій, Янъ Вилковскій, Фронцъ Пребыславскій, Каспоръ Стуржинскій, Адамъ Оборскій, Янъ Вербицкій, Матей Белавскій, Бернатъ Кгульбицкій—ibidem, л. 141—141 об. Мартинъ Курчъ, панъ Григорій Тризна кашталянъ Подляшскій, Бабинскій,

чужеземцевъ. Въ ряду ротмистровъ находились и шляхтичи, даже князья, и люди, не принадлежащіе къ шляхетскому сословію: были и старосты, были и люди, не имѣвшіе никакихъ державъ и даже никакой осѣлости, ни одной волоки въ Княжествѣ. Такимъ образомъ, составъ ротмистровъ былъ весьма разнообразенъ. Эти десятки ротмистровъ составляли довольно пеструю толпу воителей, служившихъ королю за плату на свои роты и за награды, которыя давались королемъ. Въ спискахъ ротмистровъ встрѣчаемъ князей Соколинскихъ (Павла и Семена) Полубенскихъ (Александра и Ивана), Андрея Масальскаго, Фридриха Жижемскаго и Николая Ярославовича. Къ нимъ можно прибавить князя Бальцера Андреевича Лукомскаго [1]) и, вѣроятно, другихъ. Рядомъ съ этими князьями стоятъ каштялянъ Подляшскій, подстолій Литовскій, старосты [2]), дворяне королевскіе [3]), хоружичи [4]), но наряду съ

Григорій Чапличъ, князь Павелъ Соколинскій, Андрей Масальскій, Мартинъ Стравинскій, Ярофей Гостскій, панъ Юрій Тишкевичъ, Остафій Шолуха — ibidem, л. 144. Каспоръ Новоселецкій, Янъ Радзиминскій, Станиславъ Русецкій, Богушъ Селицкій, Янъ Здровецъ, Станиславъ Збышевскій, Дмитрій Бобоѣдъ, Станиславъ Голубицкій, Амброжей Влохъ, Янъ Серебрицкій, Войтехъ Любатовскій, Бальцеръ Вербовскій, Иванъ Ракуса, Олекшей Пресмыцкій, Валентый Каменскій, князь Фридрихъ Жижемскій, Юрій Ставскій, Петръ Курницкій, Петръ Хоружичъ, Яронимъ Скромовскій, Александръ Влохъ, князь Семенъ Соколинскій, Янъ Буяновскій—ibidem, л. 195 об.—196. Панъ Макаръ Курчъ, князь Миколай Ярославовичъ, Гасанъ Улановичъ, подстолій Литовскій, Криштофъ Зеновевичъ, Мартинъ Яцыничъ, князь (имя пропущено), Янъ Свидерскій, Григорій Туръ, Илья Ивановичъ Хоружичъ, Володимеръ Заболоцкій, Юрій Тишкевичъ—Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 78—78 об. Юрій Тишкевичъ, Мартинъ Курчъ, Каспоръ Новоселецкій, Станиславъ Збыховскій, Яронимъ Старомовскій, Александръ Влохъ, князь Соколенскій, Станиславъ Русецкій, Яъ Здоровцъ, Янъ Буяновскій, Петръ Яновичъ Хоружичъ, Янъ Радиминскій, Янъ Серебрыцкій, Петръ Курницкій, Селицкій, Валентый Каменскій, Балцеръ Вербовскій, Юрій Славескій, Олексей Пресмыцкій, Войтехъ Любятовскій, Амброжей Влохъ—ibidem, л. 79 об.—80.

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 41 об., 42, 44 об., 45, 45 об.

[2]) Браславскій, Кокенгаузенскій, Вольмерскій.

[3]) Нпр., «листъ приповедный пану Макару Курчу на полтораста коней». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 77 об. — 78. Въ началѣ документа, послѣ королевскаго титула, читаемъ: «дворанину нашому пану Макару Курчу». Изъ документа узнаемъ, что пану Курчу дана наивысшимъ гетманомъ Григоріемъ Ходкевичемъ рота въ 150 коней. Дата документа: Кнышинъ, 25 сентября 1569 года.

[4]) Петръ Яновичъ, Илья Ивановичъ. См. выше списокъ ротмистровъ.

ними и иностранные выходцы [1]), люди нешляхетскаго происхожденія [2]) и Татаре [3]). Разумѣется, при выборѣ ротмистровъ невозможно было выдерживать никакого другого принципа, кромѣ принципа ихъ военныхъ качествъ, а потому нѣтъ и ничего удивительнаго въ этой крайней пестротѣ ихъ состава. Иностранцы послуживъ въ войскахъ Литовскихъ и заработавъ или награбивъ себѣ достатокъ, возвращались на родину, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Александръ Гванини, уѣхавшій въ 1578 году обратно въ свое отечество Италію, «до Влохъ» [4]). Другіе оставались, получивъ въ Княжествѣ осѣлость и вступивъ въ число его обывателей. Въ чемъ же служба ротмистра и какія его заслуги передъ королемъ и государствомъ? Королевскіе листы и привилеи, награждающіе ротмистровъ, говорятъ довольно много объ этомъ. Вотъ напримѣръ, «лист пана Кгваниновъ на Филипово» [5]). Въ немъ говорится отъ имени короля Генриха: «билъ намъ чоломъ ротъмистръ нашъ Александро Кгванинъ и просилъ насъ, ижъ быхмо з ласки нашое господаръское за служъбы его, которыми онъ, немалые почъты ротъ людей служебныхъ в справе своей маючы и ротъмистром пешимъ будучы а противъ войскъ неприятеля нашого великого князя Московского мужне се зоставуючи, яко на замку нашомъ Витебскомъ, такъ и на иншихъ многихъ местъцахъ в панъстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ заслуговалъ, якое опатренье учинили и оселость ему дали». За него передъ королемъ ходатайствовали и «многие панове-рады» коро-

---

[1]) Нпр., Гванини, Чехъ, Влохъ и т. д. (см. выше списокъ ротмистровъ). Богданъ Петровичъ, воеводичъ Волоский, ротмистръ королевскій. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 21, 21 об. Дата документа: Кнышинъ, 5 августа 1568 года.

[2]) Нпр., Валентый Каменскій получилъ шляхетство только при коронаціи короля Генриха. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 52 - 53. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

[3]) Гасанъ Улановичъ, ротмистръ Татарской роты. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 78. Дата документа: Кнышинъ, 25 сентября 1569 года.

[4]) А. Вил. I. Стр. 159. См. также *A. Boniecki*. Poczet Rodów. Str. 69. Александромъ Гванини было составлено: «Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur». Такимъ образомъ, въ лицѣ Гванини имѣемъ интереснаго представителя наемныхъ ротмистровъ, бывшаго не только воиномъ, но и наблюдательнымъ писателемъ.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 110 об. - 111 об. Дата: Краковъ, 1 іюня 1574 года.

левскіе, «залецаючы годные, пилные и значные заслуги его в справахъ рыцерскихъ противко речи посполитое паньствъ» государевыхъ. Далѣе грамота продолжаетъ: «а такъ мы, взявши ведомость о служъбахъ звышъменованого Алексанъдра Кгванина, которими онъ, отъ немалого часу ротъмистромъ будучи и роты людей служебныхъ пеших на пограничъномъ замку нашомъ Витебскомъ маючи и на инъшихъ многихъ розныхъ местъцахъ служачы а не только на маетности своей утраты великие приймуючи, але и здоровъя своего не литуючи, королю его милости славное памети Жикгимонту Августу предку нашому и речы посполитой панствъ нашихъ в справахъ рыцерскихъ пожиточне, верне а цнотливе и на всем пильне ласку его королевское милости заслуговал»... Итакъ, служба ротмистровъ — командованіе ротами служебныхъ людей, притомъ какъ въ полѣ, такъ и въ замкахъ, безразлично. Иными словами, они служили и полевую, и гарнизонную службу, но, конечно, послѣднюю лишь въ замкахъ «украинныхъ», пограничныхъ, которымъ можетъ въ силу ихъ положенія грозить вражеское нападеніе. Города центральные не имѣли у себя гарнизоновъ государственныхъ; въ нихъ мѣстскій урядъ самъ содержалъ сторожей, казаковъ и драгуновъ для охраны порядка и внутренней безопасности города [1]).

Величина роты, которую велъ ротмистръ, была различна: бывали роты и въ 50 человѣкъ, бывали и по 90, и по 100, и по 150, и по 200. Правительство предписывало ротмистру привести съ собою то или другое число пѣшихъ драбовъ, или конныхъ всадниковъ, смотря по степени военной надобности, а также и сообразуясь съ состояніемъ казны: вѣдь за каждаго драба нужно будетъ платить изъ скарба. Ротмистръ былъ кондотьеромъ, служившимъ за деньги, и свою роту набиралъ уже онъ самъ — правительство имѣло дѣло лишь съ нимъ, а не съ его солдатами. Вотъ, напримѣръ, содержаніе листовъ, писанныхъ 25 марта 1567 года въ Петриковѣ и посланныхъ къ ротмистрамъ королевскимъ. «Оземъши Бога на помоч», король рѣшилъ «за кривду» свою и своего «панства» самъ «особою» своею со своими войсками «тягнуть» противъ врага, великаго князя Московскаго. «Про то для лепшого способу видело ся» королю «людей служебныхъ езных и пешихъ народовъ посторонныхъ под справу родичовъ обывателей» великаго княжества Литовскаго «до обозу» своего «господаръского

[1]) Ист.-Юр. Мат. IV. Стр. 75, 76. V, Стр. 112 и др.

причинити, яко жъ вжо ротмистры ездные и пешие на то» королемъ «обраны суть». Имъ король «службу» приказалъ «приповедати» также, какъ и ротмистру-адресату настоящаго листа. Ему (кашталяну Подляшскому пану Григорію Тризнѣ) приповѣдается настоящимъ листомъ служба на 150 коней «на кождого коня на чверть року по 10 золотых Польских». Обращаясь къ ротмистру, королевская грамота гласитъ далѣе: «ты бы тот почотъ людей сторонnихъ ку služъбе нашой на къшталтъ почту нашого дворного, не омешкиваючи, способялъ и поготову мелъ великимъ накладомъ з коштом, войне не потребнымъ ни прекладаючися, шкоды прожное в томъ не приймуючи, одно потому на тую служъбу нашу выправовался бы еси, яко тобе» отъ гетмана наивысшаго Литовскаго, пана Григорія Александровича Ходкевича, «ознаймено будеть; и по пенези на тотъ почотъ по святе теперешнемъ прошломъ великодни вборзде слалъ бы еси вборзде до пана гетьмана жъ, а жебы тые люди мели до кождого десятъку возъ чотырма конми сукъном черленымъ крытый и возница в сукни черленой же, а при двух таковыхъ возехъ и пицовный возъ быти может» [1]. Изъ этой грамоты прекрасно видно, какъ формируется рота ротмистра. Король «приповѣдаетъ», такъ сказать, заказываетъ ему извѣстное число солдатъ, которыхъ этотъ кондотьеръ и доставляетъ государству. Король выбираетъ изъ всѣхъ ротмистровъ, находящихся въ его распоряженіи, извѣстное число, и имъ приказываетъ быть готовыми къ войнѣ и сформировать свои роты опредѣленнаго на данный случай состава, на которыя они будутъ получать изъ казны содержаніе. Грамота, приведенная нами, предписываетъ ротмистру набрать свою роту изъ «людей сторонних»; причина такого требованія, очевидно, та, что обыватели Княжества нужны будутъ государству въ посполитомъ рушеньѣ, которое можетъ потребоваться. Но, конечно, нужно думать, что обыкновенно, по крайней мѣрѣ, въ тѣ времена, когда рушенье поспольства-шляхты не требовалось положеніемъ дѣлъ, въ рядахъ драбовъ ротмистра служили люди самыхъ различныхъ національностей и общественныхъ положеній. Въ образецъ роты для ротмистра ставится «почетъ» дворный королевскій, т.-е. отрядъ войска, стояв-

[1] Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 144—144 об. Ср., нпр., «лист приповедный Станиславу Куницкому, ротмистру на замку Маенгавъском, на пятьдесят драбов». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 118—118 об. Дата: Краковъ; 12 мая 1574 года.

шій на дворѣ государя. Начальникомъ ротмистра, въ распоряженіи котораго послѣдній находится, является гетманъ; въ примѣрѣ только-что приведенномъ—наивысшій Литовскій, въ другихъ случаяхъ — польный, или Лифлянтскій. Итакъ, ротмистръ и его рота не могутъ быть названы постоянными войсками: ротмистръ былъ военачальникомъ, готовымъ всегда по первому королевскому приказу явиться на военную службу съ ротою своихъ наемныхъ солдатъ. Плата на служебныхъ шла, обыкновенно, по четвертямъ года, но скарбъ Литовскій далеко не всегда былъ въ состояніи аккуратно расплачиваться съ Литовскими жолнерами. Напримѣръ, 30 сентября 1569 года въ Кнышинѣ Сигизмундъ Августъ подписалъ «листъ» [1]) земскому подскарбію такого содержанія: «што которое постановене пры бытъности» самого подскарбія Николая Нарушевича было сдѣлано королемъ въ Кнышинѣ «на заплату ротъмистром драбъскимъ на замъкохъ» королевскихъ «украинъныхъ, а то тым обычаемъ, ижъ перед тымъ святомъ Всихъ Святых маеть кождый ротъмистръ в скарбе» государевомъ «объраховатся, яко великую суму заслужоного своего маеть», а также «которого заслужоного» каждому изъ нихъ должно быть изъ скарба заплачено впередъ сполна за четверть года службы на день Всѣхъ Святыхъ 1569 года въ Вильнѣ. Когда же «выйдеть» новая четверть года отъ дня Всѣхъ Святыхъ, то и эта новая четверть должна имъ также быть оплачена изъ скарба, «пры которомъ», продолжаетъ документъ, «чверти старого заслужоного ихъ такеж кожъдому жъ з нихъ четьвертую часть маеть быти з скарбу нашого плачоно и потомъ завъжды по выслузе кожъдое чверти маеть быти всимъ ротъмистромъ чверть сполна и часть долгу осталого в скарбе нашомъ плачоно, уважаючы, якобы заслужоное старое до шести чвертей было выплачоно; а где бы которые чверти про неспособность скаръбу нашого которому з нихъ заслужоного не заплачоно, тогды будуть повиньни шафары замъковые жывъности зъ шпихлиров имъ на боркгъ давати, а скоро они заслужоное (з) скарбу нашого озмуть, того ж часу и за тую жывность повинъни будуть шафаромъ платити».

Такимъ образомъ, жалованье, «заслужоное», полагавшееся ротмистрамъ, они должны были получать по четвертямъ года, но

[1]) «Листъ, писаный до подскарбего земского пана Миколая Нарушевича, абы ротмистромъ пенези жолънеръские на ново были даваны». Лит. Метр. $\frac{III\,A}{10}$ л. 78 об.—79 об.

скарбъ Литовскій былъ зачастую неаккуратнымъ плательщикомъ, и, какъ свидѣтельствуетъ только что приведенный документъ, не только накоплялись у ротмистровъ на скарбѣ недоимки за прошлое время службы, но даже скарбъ долженъ былъ прибѣгать къ уплатѣ ихъ за неимѣніемъ «готовыхъ», наличныхъ денегъ, натурою, тѣми поступленіями живностью съ державъ и староствъ, которыя были въ распоряженіи замковыхъ шафаровъ. Разумѣется, ротмистры и ихъ солдаты требовали себѣ денегъ, въ случаѣ задержки ихъ скарбомъ; они должны были грозить и уходомъ со службы, вызывая своими угрозами и напоминаніями королевскіе листы, «упевняючіе о заплатѣ», гарантирующіе имъ уплату жалованья, но съ новымъ ожиданіемъ исполненія скарбомъ своихъ обязательствъ передъ наемными войсками великаго княжества Литовскаго. Такъ, 18 апрѣля 1563 года изъ Петрикова были писаны королевскіе листы къ ротмистрамъ «замков украинных, упевняючы о заплате» [1]). Въ этихъ листахъ король, обращаясь въ каждомъ листѣ къ тому или другому ротмистру «и поручнику и всимъ товарышомъ роты его», говоритъ, что, хотя имъ еще не выплачены изъ скарба деньги за ихъ службу, но онъ проситъ ихъ, «яко добрых слугъ» своихъ, чтобы они, «тескливы не будучи, за трудно собе того не покладали, а малый часъ теръпливы были и с того замъку не езждчали, але въ доброй опатръности и остро̂жности на» замкѣ, въ которомъ они стоятъ «мешкали». Король обѣщаетъ далѣе, что лишь только онъ прибудетъ въ Вильну,—изъ Петрикова онъ имѣетъ «волю» выѣхать «на сих часехъ»,—то «безъ каждого мешканья пенези» ротмистрамъ прикажетъ послать изъ скарба; да еще и до прибытія короля въ Вильну «заплата» ротмистровъ «дойдеть», лишь бы только они «водле звыклое вери своее» служили государю. Король «держитъ», думаетъ о нихъ, «яко о добрых и верныхъ слугахъ» своихъ, что они не уменьшатъ «верности свее противко» государю. Что касается до «живности», т.-е. провіанта, то Сигизмундъ Августъ уже приказалъ «живность зе Кгданска моремъ до Риги припустити, а оттол з Риги» она будетъ отправлена по всѣмъ замкамъ для ротмистровъ и ихъ отрядовъ. Но, конечно, неплатежъ денегъ буйной толпѣ, собиравшейся по призывамъ ротмистровъ на военную службу въ роты служебныхъ, имѣлъ самыя печальныя по-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 4—5.

слѣдствія для жителей окрестныхъ селеній. Солдаты не способны были ожидать спокойно, пока имъ будетъ выплачено ихъ заслуженное жалованье, и жолнеры и драбы сами добывали себѣ средства къ жизни и деньги на счетъ населенія областей, въ которыхъ они стояли. Тотъ же листъ королевскій, который «упевнялъ» ротмистрамъ уплату ихъ «заслужоного» продолжаетъ отъ имени короля такъ: «и тому доходить насъ ведомость, иж обователемъ земли тамошнее великие кривды, шкоды, мордеръства, обтяжливости и неслыханые срамотные втиски от людей наших служебъных деються, и естли же што иного, тогды не мней таковое захованье служебных естъ переказою склонности и прихилности ку намъ людей тое земли [1]), для чого естъ потреба обаватися, абы, чого Боже сховай, за тымъ ку якому впадку тая земля за шкодою нашою не пришла. А про то, яко есьмо вжо не пооднокроть до васъ о томъ писали, такъ и тепер приказуемъ вамъ, ажъбы есте ку людемъ земли тамошнее безъ обътяжливости заховали и никоторых кривдъ, шкодъ, мордеръствъ и втисковъ не чинили, а которые ся кривды от кого з васъ будуть стали, вы бы кожъдый водле ведомости своее в томъ ся з ними поеднали и такъ в то погодили, яко бы они вжо, на томъ пеpеставаючи, неприязни ку вамъ не мели и шамъраня межи собою не чинили. Конечно абы то инакъ не было». Разумѣется, однако, всѣ эти строгіе приказы не причинять вреда и насилій обывателямъ земель, въ которыхъ стоятъ люди служебные, обращенные къ людямъ, мало чувствующимъ надъ собою королевскую власть, притомъ въ значительной своей части людямъ «стороннимъ», а не Литовскимъ «тубыльцамъ», не могли достигать своей цѣли, тѣмъ болѣе, что приказы эти находились въ той же самой грамотѣ, въ которой король только что *просилъ* жолнеровъ подождать уплаты имъ выслуженнаго жалованья и служить ему по прежнему. «Cnota draba» вошла въ поговорку, и, конечно, она не могла сдерживаться при томъ положеніи, въ какомъ находились роты служебныхъ. Неаккуратность въ уплатѣ ротмистрамъ и жолнерамъ ихъ «заслужоного» была настолько велика, что даже сама шляхта иногда выступала съ ходатайствомъ за нихъ. Такъ, въ инструкцію, данную Виленскимъ повѣтовымъ сеймикомъ посламъ на сеймъ 1595 года, было внесено порученіе просить за украинныхъ

[1]) Листъ адресованъ старостѣ «Дунемьборскому» ротмистру, роты «ездное» Николаю Тальвошу.

ротмистровъ и жолнеровъ великаго княжества Литовскаго, чтобы имъ выдали «заплату» ихъ «заслужонаго» для подмоги въ ихъ нищетѣ [1]). Въ такомъ положеніи находились люди служебные иногда, и надо думать, что это было далеко не исключеніемъ. Но акты знаютъ и награжденія начальниковъ наемныхъ войскъ Княжества. Какъ мы видѣли выше, главнымъ начальникомъ роты былъ ротмистръ [2]), его ближайшимъ помощникомъ—поручникъ [3]), а остальные «служебные» роты носили названіе товарищей ея, изъ которыхъ, однако, выдѣлялись еще десятники [4]). Ротмистръ стоялъ во главѣ роты, онъ былъ ея хозяиномъ, принимавшимъ къ себѣ на службу въ роту наемниковъ, которыхъ онъ же самъ и судилъ [5]); конечно, онъ и могъ разсчитывать на награды отъ короля, будетъ ли это земельная дача, или денежная пенсія (юргельтъ), или, наконецъ, «пасованье на рыцерство», возведеніе въ шляхетское достоинство великаго княжества Литовскаго. Награды ротмистрамъ были тѣмъ понятнѣе, что они не только служили своимъ мужествомъ и военною опытностью, но нерѣдко и на собственный свой счетъ выставляли «почты коней,» какъ это, напримѣръ, дѣлалъ царевичъ Пуньскій Islямъ Янбековичъ, который въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа, «ротъмистромъ будучи», бился со Шведами въ Лифляндіи «и, не малый почот коней на онъ часъ тамъховаючи, упадокъ великий на маетности своей принял» [6]). Награды, которыя давались ротмистрамъ въ видѣ земельныхъ пожалованій были довольно различны по величинѣ жалуемаго имѣнія. Такъ, ротмистръ королевскій князь Балтазаръ Лукомскій получилъ 15

---

[1]) А. Вил. VIII. Стр. 336.

[2]) Самое слово ротмистръ—сокращеніе латинскаго rotmagister. См. Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. *Alexandri Gwagnini* Veronensis, Equitis Aurati, peditumque praefecti. Cui suplementi loco ea, quae gesta sunt superiori anno inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum Spirae. M. D. LXXXI. P. 63, 63 об.

[3]) Нпр., А. З. Р. III. №№ 63, 95.

[4]) А. Ю. и З. Р. I. № 151.

[5]) «Але драба маеть судити ротмистръ, чьей роты есть». А. Ю. и З. Р. I. № 137. II. (1559 г.).

[6]) «Лист царевича Пунского на село Подлипъе». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 40—41 об. Дата: Краковъ, 8 апрѣля 1574 года.

волокъ [1]), Станиславъ Тарновскій получилъ 30 волокъ [2]), князь Бальцеръ Андреевичъ Лукомскій—22 волоки [3]), Александръ Гванини—158 волокъ въ лѣсничествѣ Перстуньскомъ да 56 волокъ въ селахъ войтовства Жуснева [4]), и т. д. Словомъ величина пожалованія зависѣла отъ заслугъ ротмистра и «ласки» королевской, а также, конечно, и отъ ходатайства пановъ-радъ за награждаемаго, такъ какъ при награжденіи принимались во вниманіе и заслуги его и засвидѣтельствованіе ихъ гетманомъ [5]), или раднымъ паномъ [6]). На замкахъ «украинныхъ» и пограничныхъ, гдѣ нужна была военная власть въ виду военнаго положенія, на которомъ почти постоянно должны были находиться пограничныя мѣстности въ силу постоянной опасности отъ Москвы и отъ «поганства Та-

---

[1]) Въ тивунствѣ Ретовскомъ въ землѣ Жомонтской. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 44 об.—45 и л. 45—45 об. Дата: Люблинъ, 10 іюня 1569 года.

[2]) Въ томъ же тивунствѣ. Ibidem, л. 46 об. (1569 г.).

[3]) Ibidem, л. 41 об.—42 (1569 г.).

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 110 об.—111 об. Дата: Краковъ, 1 іюня 1574 года.

[5]) Нпр., «а такъ мы, маючи ласкавый взгляд на службы его, ижъ онъ от немалого часу будучи ротмистромъ и ведучи роты людей служебных при границы паньства нашого великого князства Литовского, в земли Руской, верне, цнотливе и докладне намъ служилъ, з нелитованемъ выносити здоровья и розлитья крови, и такъ тежъ есмо будучи ведоми и маючи справу от воеводы Браславского, гетмана нашого дворного, старосты Житомиръского, державцы Речицкого, князя Романа Федоровича Санькгушковича, ижъ будучи онъ при его милости при добываню замку Ульского добре а почъстиве, яко ему, человеку рыцерскому, належало, служилъ...» Изъ привилея Сигизмунда Августа князю Бальцеру Андреевичу Лукомскому. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 41 об. — 42. (1569 г.).

[6]) Нпр., «ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ (Генрихъ Валезій), ижъ мы, маючи ласкавое баченье на служъбы ротъмистра нашого князя Ивана Полубенского, которыми онъ вже отъ немалого часу у войскахъ короля его милости славное памети Жикгимонъта Августа предка нашого и речы посполитое паньствъ нашихъ немалые почъты ротъ езныхъ водячи и противъ войскамъ и селамъ (sic) короля Шведского и великого князя Московского зоставуючы се, не только ижъ значъныхъ утратъ на маетности своей не литуючи, але и зъдоровъе свое в небезъпечность выносячи, верне, цнотливе, пильне и мужне не въпослежаючи правъ рыцерскихъ предковъ своихъ. Заслуги его, яко намъ суть отъ многихъ панов-рад нашихъ достаточне ознаймены, такъ ласкового объясненья и нагороды суть годны...»—«Лист князя Полубеньского на две селе у волости Слонимской». Дата: Краковъ, 8 мая 1574 года Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 68 об.—69.

таръ», ротмистры бывали и старостами [1]). Но староства давались ротмистрамъ иногда и въ награду за ихъ службу [2]). Акты знаютъ также случаи замѣны королемъ ротмистру однихъ его имѣній другими по его просьбѣ. Такъ, 29 марта 1566 года былъ подписанъ Сигизмундомъ Августомъ «привилей пану Филону Кмите на имене Чорнобыл, заменою даное на вечность» [3]), изъ котораго узнаемъ, что и прежде «не по однокроть, але от колькан адъцати летъ бил» королю челомъ дворянинъ его, уже теперь «небощчикъ, панъ Семенъ Кмита, а потомъ такъже от немалого часу и сын его, ротмистръ» королевскій «панъ Филонъ Кмита прозбы свои чоломъбитьемъ» къ государю «доносилъ, поведаючи, ижъ для уставичных послугъ», королевскихъ и земскихъ военныхъ, государемъ и гетманами его «на него преложоных, отъ именей своих Подольских, которые в повете Венипкомъ маеть, то есть именья Летина, Полтевичъ и Солаши и двора Веницкого и всих людей своих тамошних, яко отъ безвестного уторгненья Татарского тамъ в тые краины государевы «пограничные, такъже от крывдъ и шкод, которые ся ему и тым именьям его зъ стороны короны Полское обывателей, на остатокъ и от враду» королевскаго «Веницкого деють, боронити не может». Въ этомъ всемъ Кмита видитъ для себя «великие а незносные шкоды» и обращается ввиду этого къ королю съ просьбою, взявъ его имѣнія Подольскія на государя, замѣнить ихъ ему какимъ-либо другимъ имѣніемъ. Король исполнилъ его просьбу. Отправивъ предварительно своего дворянина Василія Мацкевича въ Подольскія имѣнія пана Кмиты «списати» ихъ въ ихъ «кгрунтех и обыходех», людяхъ и пожиткахъ, король приказалъ передать «до скарбу» ихъ реестръ, составленный дворяниномъ и, взявъ Подольскія земли своего ротмистра «до рукъ и до столу» своего, далъ ему «отъменою» лежащій въ Кіевской землѣ замокъ Чернобыли «з местомъ и з мещаны тамошними и з бояры, слуги путными и их кгрунты и селичбами и селищами» и т. д. [4])—словомъ «зо всимъ на все, яко се то

---

[1]) См. списки ротмистровъ выше, стр. 421 прим. 7

[2]) Нпр., см. «привилей пану Боркулабу Корсаку на староство Дисеньское». (Боркулабъ Ивановичъ Корсакъ—ротмистръ). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 2, 2 об. Дата: Кнышинъ, 25 марта 1566 года.

[3]) Ibidem, л. 4 об.—5.

[4]) «А меновите з двема сельцы под Овручимъ, тамже в земли Киевской на имя Кубелиномъ, Алевковцами, бояры, слуги путными и их подсуседми з

само в собе, в границах и обыходех своихъ здавна маеть», со всѣмъ тѣмъ и со всѣми тѣми доходами, съ которыми Чернобыльскій замокъ «до сего часу был держанъ» на государя. Конечно, въ привилеѣ Филону Кмитѣ на Чернобыли замѣна эта трактуется, какъ награда ему за его службы. Получали ротмистры и юргельтъ, т.-е. денежное жалованье изъ скарба земскаго. Такъ, 25 ноября 1576 года Стефаномъ Баторіемъ былъ данъ «привилей ротмистру Петру Казимерскому на юркгелтъ доживотный з мыта Ковенского, в кождый год по 150 таляровъ», въ которомъ ему пожаловано по 150 талеровъ въ годъ «монеты Польское, личачи в кождый таляръ по тридцати три грошей Польских» [1]). Но высшею наградою для ротмистра, если онъ былъ нешлятичемъ, являлось возведеніе въ шляхетское достоинство, притомъ не только въ силу пожалованія ему «благородства» по понятіямъ вѣка, но и въ силу того, что такое «пасованье на рыцерство» открывало ему путь къ пріобрѣтенію врядовъ, державъ и староствъ великаго Княжества, такъ какъ статутъ строго запрещалъ [2]) «повышать» людей простыхъ «надъ шляхту». Давая человѣку «стану простого» шляхетство, король дѣйствовалъ согласно закону, предвидѣвшему возможность такой награды за особыя заслуги [3]). Какъ примѣръ возведенія ротмистра нешляхтича въ шляхетское достоинство въ награду за его службы можетъ быть указано «пасованье» Валентина Каменскаго [4]). При коронаціи Генриха панъ Николай Радивилъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій, староста Лидскій, державца Борисовскій, «ознаймилъ» новому королю «мужъные и знакомитые заслуги в справахъ рыцерскихъ ротъмистра» королевскаго «Валенътого Каменского», водившаго «немалые

их селидчбами, селищами и зо всими кгрунты пашными и бортными, также в Чорнобыли з людми тяглыми и подсуседъки, з мытомъ головнымъ и посполитымъ, сухою и воденою дорогою, с коръчмами всякого питья шинку, з реками и речками, езами, с озеры, з бобровыми гоны, з ловы зверынъными и пташими, з деревомъ бортнымъ и зо всимъ на все, яко се то само в собе, в границах и обыходех своихъ здавна маеть, с чимъ и с которыми пожитки тот замокъ нашъ Чорнобыльский на нас господара до сего часу был держанъ, ничого тамъ на себе и на потомки наши не зоставуючи».

1) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 77 об. 78.

2) II ст. III. 15. Ср. ibidem 9, 15. 3) II ст. III. 21.

4) «Лист Каменьского на шестнадцать волокъ в лесництве Немоноитскомъ» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 52—53. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

почъты ротъ людей» противъ Москвы и служившаго съ ротами «на замкохъ украиныхъ», дѣлавшаго притомъ все это «добре, цнотливе, верне, мужне» и не щадя здоровья своего. Въ силу своихъ заслугъ онъ «въсякого вывышенья учъстивости рыцерское естъ годенъ». Радивилъ просилъ, поэтому, Генриха, чтобы онъ, «знакъ учъстивости рыцерское при щастливой корунацыи» своей «на него вложивши и тымъ его приозъдобивши, чымъ его з ласки» своей государевой пожаловалъ. Король исполнилъ просьбу воеводы Виленскаго. Грамота отъ его имени гласитъ: «а так мы таковые годные и мужные в речы посполитой заслуги помененого Валенъто́го Каменьского досветъчоные и залецоные маючи, подле звычаю пановъ и королей хрестияньскихъ при такъ щастливой корунацыи нашой впрод речоного Валенътого Каменьского знаком пасованья рыцерского и рукою нашою господаръскою на рыцерство его пасовали, зоставуючы при немъ всякую учъстивость и вывышенье стану рыцерского, которого за таковымъ пасованьемъ люди стану рыцерского уживати звыкли». Кромѣ того, король оказалъ ему свою «ласку» и «подпоможеньемъ маетности», пожаловавъ ему 16 волокъ «кгрунъту неоселого» въ лѣсничествѣ пущи Немоноитской, «ему самому и малъжонце его до двухъ животовъ». Ротмистръ могъ иногда ссудить и скарбъ земскій деньгами, будетъ ли это въ случаѣ расплаты имъ своими средствами съ жолнерами и драбами, или прямою, непосредственною ссудою государственному скарбу. Какъ и другіе кредиторы скарба, ротмистръ могъ въ такомъ случаѣ получить въ «заставу», столовыя земли вплоть до уплаты ему скарбомъ долга. Такъ напримѣръ, взявъ «певное сумы пенезей в скарбъ» свой «господарьский и земский на потребу» свою «господарьскую и земскую у старосты и ротъмистра» своего «замку Коконгавзенского в земли Лифлянтской, у Миколая Богдана Стецковича», король заставилъ и записалъ «ему в той суме мети и держати до выкупленья» нѣкоторыя села Браславскаго повѣта [1]). Бывали, конечно, случаи и постройки ротмистрами замковъ въ цѣляхъ обороны государства, а затѣмъ освоенія их въ свою собственность. Такъ 31 октября 1571 года была дана въ Варшавѣ къ кашталяну Полоцкому, старостѣ Чечерскому, Лепельскому и Пропойскому, пану Юрію Зеновьевичу и Дисенскому старостѣ, пану Боркулабу Ивановичу Корсаку грамо-

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 11 об.—12. Дата: Городна, 7 іюня 1568 года.

та Сигизмунда Августа [1]) слѣдующаго содержанія. Зеновьевичъ и Корсакъ писали къ королю о томъ, что «в небытности» ихъ въ замкахъ королевскихъ «украиных», въ то время, когда они находились въ Вильнѣ при панахъ-радахъ, ротмистръ королевскій Воронецкій, Богданъ Кошчичъ, «одержавши на роту и взявши отправу отъ пана Виленского, гетъмана» наивысшаго Литовскаго [2]), стоялъ въ Воронецкомъ королевскомъ замкѣ, а «потомъ до копъца Веченского, которий перво сего ротъмистръ» королевскій «козацкий Богдан Телица под неприятелемъ убегъ, и тамъ на немъ замочокъ будовати почалъ, ехавши, а менуючи то быть отчизною своею, его оселъ и с моцы Теличыны взялъ». Телица на этотъ поступокъ Кошчича жаловался тогда же въ Вильнѣ панамъ-радамъ, но затѣмъ, не ожидая «росправы скутечьное» со своимъ обидчикомъ, «помочъ собе, яко противъ неприятеля» государева, «собралъ и, з многими людьми, также зъ стрельбою тот копецъ Вечельский обълегъши а недъбаючи на упоминанье врадника» Лепельскаго, пана кашталяна Зеновьевича, который оффиціально «гамовал» его въ томъ, чтобы «бурды и замешанья, яко на украине не чинилъ», взялъ спорный копецъ «под Кошкою моцъю непристойне». Овладѣвъ Веченскимъ копцомъ, Телица, «тамъ вшодъшы, Кошъчича самого и хто при немъ былъ, яко людей неприятельскихъ. бить и иные неслушные збытъки чинити велелъ, и в замешанью тамъ вся маетность Кошъчина роспрошона, жоне, девъкам и служебницамъ его бои, зраненье и легкость великая учинена». Приводимое свидѣтельство документа важно для насъ и въ другомъ отношеніи: оно рисуетъ нравы ротмистровъ, возможность для нихъ находить въ своихъ отрядахъ готовую военную силу для своихъ частныхъ, личныхъ дѣлъ и интересовъ и жестокость кровавой расправы, учиняемой ими. Эта картинка нравовъ тѣмъ болѣе важна для изслѣдователя, что она рисуетъ моральныя качества лицъ, или занимавшихъ уже свое мѣсто въ рядахъ политически полноправнаго народа - шляхты при его громадномъ и соціальномъ значеніи въ Княжествѣ, или же имѣвшихъ бо̀льшую возможность, чѣмъ кто-либо другой изъ людей «стану простого» получить «пасованье» королевское и вступить въ ряды шляхетныхъ обывателей Литовскихъ. Чтобы закончить нашъ обзоръ

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 3—4 об.

[2]) Староста Городенскій и Могилевскій, панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ.

положенія ротмистровъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, намъ нужно еще указать на существованіе особыхъ ротмистровъ казацкихъ [1]) и Татарскихъ [2]), которые командовали отдѣльными казацкими и Татарскими военными отрядами. Нужно еще прибавить то, что иногда и простые «товарищи» ротъ ротмистровъ получали королевскія пожалованія, какъ, напримѣръ, получилъ 11 ноября 1568 года на службѣ земской двѣ пустовщизны «товарышъ роты ротмистра» королевскаго «Киевского, Каспора Стужиньского, Янъ Жилинский» [3]). Подчиненными ротмистрамъ военными начальниками были поручники и десятники. Но мы уже видѣли, что они вполнѣ должны были зависѣть отъ ротмистра, который былъ ихъ хозяиномъ-начальникомъ, закрывавшимъ ихъ своею особою и отъ непосредственныхъ сношеній съ Литовскимъ правительствомъ, конечно, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ слишкомъ уже выдающихся ихъ заслугъ.

Кромѣ ротъ, находящихся подъ командою ротмистровъ и дѣйствующихъ совмѣстно съ остальными Литовскими войсками, Княжество знало и партизанскіе отряды, дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, независимо отъ остальныхъ войскъ. Такъ Стефанъ Баторій во время Московской войны далъ право самостоятельныхъ военныхъ дѣйствій противъ Москвы Мартину Голанду и Ридигеру Арби, военныя способности которыхъ были извѣстны королю. Оба эти военачальника получили отъ Баторія разрѣшеніе нападать на Московскія владѣнія и войска, какъ и гдѣ они пожелаютъ, причемъ всю добычу они могутъ обращать въ свою пользу. Въ случаѣ же если они займутъ своимъ горнизономъ непріятельскій замокъ, или городъ, то этому гарнизону король обѣщаетъ свое жалованье, какъ получаютъ его и королевскія войска [4]).

Командованіе войсками Литовскими было въ рукахъ гетмановъ, которыхъ въ великомъ Княжествѣ въ изслѣдуемый

---

[1]) Нпр., названный выше Богданъ Телица.

[2]) Нпр., Гасанъ Улановичъ, ротмистръ Татарской роты. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 78 (1569 г.). Ср. также Ист.-Юр. Мат. V, стр. 87: «для бывшихъ ихъ млстей пановъ жолнеровъ зъ подхоронкгви Татарской, ротмистра и поручника...» (1688 г.).

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 36 («Яну Жилинскому на две земли в повете Киевскомъ»).

[4]) Сборникъ *Муханова.* Изданіе второе дополненное. СПБ. 1866. № 89. Дата: Варшава, 4 марта 1578 года.

*

періодъ времени было три: наивысшій, Лифлянтскій и польный. Только послѣдній урядъ подлежитъ разсмотрѣнію въ настоящей главѣ, ибо остальные два были заняты сенаторами, и будутъ разсмотрѣны въ числѣ врядовъ сенаторскихъ. Гетманъ польный иначе назывался гетманомъ дворнымъ. Иногда одинъ и тотъ же документъ употребляетъ оба названія [1]). Нельзя сказать, чтобы должность Литовскаго дворнаго или польнаго гетмана была правильно опредѣлена въ исторической литературѣ. Порай-Кошицъ говоритъ, что «полевой гетманъ былъ при великомъ гетманѣ начальникомъ штаба». Далѣе Порай-Кошицъ продолжаетъ, что урядъ этотъ былъ «впервые установленъ» при королѣ Стефанѣ и заканчиваетъ свое изображеніе вряда польнаго гетмана слѣдующими словами: «полевой гетманъ имѣлъ мѣсто въ сенатѣ, сохранялъ свое титло пожизненно и, въ отсутствіе великаго гетмана, исправлялъ его должность» [2]). Въ приведенной характеристикѣ вряда польнаго гетмана не можетъ быть признана вѣрною ни одна черта. Въ самомъ дѣлѣ гетманъ польный имѣлъ вполнѣ самостоятельное значеніе, а вовсе не былъ лишь начальникомъ штаба при великомъ гетманѣ. Это видно хотя бы уже изъ того, что во время четырехлѣтняго ваката (1572—1576), наступившаго послѣ смерти Григорія Александровича Ходкевича [3]), въ рядахъ гетмановъ наивысшихъ, гетманъ польный по прежнему занималъ свой урядъ [4]), и не было назначено никого исправлять обязанности гетмана великаго, или же его «начальника штаба», по опредѣленію Порай-Кошица. Невѣрно также и то, что польное гетманство возникло лишь въ царствованіе Баторія, такъ какъ оно существовало уже до его начала [5]). Наконецъ, нельзя принять и утвержденія, что польный гетманъ былъ сенаторомъ и занималъ свой урядъ пожизненно. Гетмана польнаго не встрѣчаемъ въ спискѣ пановъ-радъ Речи Посполитой, составленномъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года [6]). Гетманъ польный, или дворный, Николай Криштофъ Радивилъ, былъ одновременно подчашимъ Литовскимъ. Онъ сдѣлался членомъ сената лишь послѣ того, какъ получилъ Троцкую каштелянію [7]). Наконецъ, на примѣрѣ того же Николая

[1]) Нпр. А. Ю. и З. Р. I. № 167 (1573 г.).

[2]) *Порай-Кошицъ.* Ист. р. о Лит. дв. Стр. 44.

[3]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 150. [4]) Николай Криштофъ Радивилъ.

[5]) См. *М. К. Любавскій.* Лит.—Р. сеймъ. Стр. 335, 336.

[6]) Vol. leg. II. Str. 93.

[7]) Въ 1579 году. См. *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 155. [8]) См. ibidem.

Криштофа Радивила видимъ, что врядъ гетмана польнаго не былъ пожизненнымъ, такъ какъ въ 1589 году послѣднiй замѣнилъ его гетманствомъ наивысшимъ. Не менѣе ошибочнымъ является представленiе о гетманѣ польномъ, которое даетъ И. Д. Бѣляевъ [1]). Онъ считаетъ гетмана дворнаго и гетмана польнаго двумя различными должностными лицами. Мы уже видѣли, что это одинъ и тотъ же урядъ. Дворнаго гетмана И. Д. Бѣляевъ опредѣляетъ, какъ начальника «наемныхъ войскъ государева двора», а относительно гетмановъ польныхъ говоритъ, что ихъ «значенiе по имѣющимся даннымъ, нельзя опредѣлить прямо и положительно, но кажется такъ назывались временные гетманы на полѣ битвы, подчиненные великому гетману, такъ сказать, вице-гетманы, или товарищи гетмана». М. К. Любавскiй соединяетъ гетманства дворное и польное въ одинъ урядъ, но въ характеристику этого уряда приводитъ лишь то, что «въ тѣхъ случаяхъ, когда должность гетмана (т.-е. гетмана наивысшаго) оставалась незамѣщенною, гетмана наивысшаго замѣщалъ гетманъ дворный, или польный» [2]).

Таковы представленiя о врядѣ Литовскаго гетмана польнаго, существующiя въ исторической литературѣ Русской. Познакомившись съ ними, постараемся обрисовать врядъ гетмана польнаго насколько позволяютъ намъ это сдѣлать наши источники. Но прежде чѣмъ заняться самимъ гетманомъ польнымъ, познакомимся съ врядникомъ, находившимся при немъ, а именно съ писаремъ польнымъ. Это знакомство дастъ намъ возможность отчетливѣе себѣ представить и врядъ самого польнаго гетмана. Писарь польный велъ списки «людей служебныхъ», т.-е. жолнеровъ, и документы называютъ писаря польнаго и писаремъ людей служебныхъ [3]). Документы, говорящiе о назначенiи на писарство польное, рисуютъ этотъ врядъ урядомъ, подъ «справою» котораго находятся жолнеры, расположенные по замкамъ и въ полѣ [4]). Другiе источ-

---

[1]) *И. Д. Бѣляевъ.* Разсказы изъ Русской исторiи. Кн. IV. Стр. 347.

[2]) *М. К. Любавскiй.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 414.

[3]) Войтехъ Стабровскiй называется королемъ «писар людей служебныхъ войска нашого» (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 33 об., 34 об. Оба документа относятся къ 27 мая 1569 года); въ другомъ же документѣ онъ названъ писаремъ польнымъ (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 57 об.—см. слѣдующее примѣчанiе).

[4]) «Листъ Фроньца Жука на писаръство польное.—Жикгимонт Августъ Божю милостью корол Польский etc. Подскарбему земъскому великого князства Литовского, пану Миколаю Нарушевичу. Ознаймуемъ твоей милости, нжъ

ники даютъ знать, что писарь польный вѣдалъ и выдачу «служебнымъ» ихъ жалованья. Такъ, польный писарь Войтехъ Стабровскій «не мало пенезей своихъ властных, позычывшы ув ыншыхъ людей, выдалъ на пилные потребы земъские пры войску и людех» королевскихъ «служебныхъ». Общая сумма его выдачи изъ собственныхъ денегъ—2425 копъ 32 гроша и 7 пенезей, «яко се то з личбы его в скарбе земъскомъ показало» [1]). Такимъ образомъ, повидимому, польный писарь былъ и казначеемъ, выдававшимъ наемному войску его жалованье [2]). Когда король назначалъ новаго польнаго писаря, онъ извѣщалъ объ этомъ назначеніи ротмистровъ и жолнеровъ, предписывая имъ ставить передъ нимъ свои отряды, когда онъ пожелаетъ получить отъ нихъ «ведомость» объ ихъ солдатахъ и пожелаетъ ихъ «пописовати» [3]). Врядъ

мы господаръ, бачачы быти годного и потребъного ку служъбамъ нашымъ господаръскимъ и потребамъ речы посполитое служебника нашого Фронъца Жука, з ласки нашое господаръское поручыли есмо ему справу писарства польного над всими людми служебными, которые в панъстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ (л. 57) в поли и на замъкохъ служать. Твоя бы милость о томъ ведалъ и на тое писарство польное ему юркгелтъ зыклый (sic) з скарбу нашого пенезьми готовыми сукнами, одамашками в кожъдый год потому, яко и першому писару полному Войтеху Стабровъскому даивано, выдати велел и, ничого не задерживаючы, юркгельту потому, яко и Войтеху Стабровъскому давывано з скарбу нашого, твоя милость выдавати будешъ; то за симъ листом нашымъ и за квитами его часу личъбы твои (sic) милости прыймовати роскажемъ». Дата: Люблинъ, 15 іюля 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 57—57 об.

[1]) «Листъ Стабровского, до пана Внучка писаный, ижъбы ему в тивунстве своемъ в суме пенезей завел и поступил волок двесте». Дата: Люблинъ, 27 мая 1569 года. Ibidem, л. 33 об.—34 об. См. также «листъ до пана старосты Жомоитъского, Стабровъскому в той же речы даный». Дата та же. Ibidem, л. 34 об.—35.

[2]) Ср. А. Ю. и З. Р. I. № 167 (1573 г.).

[3]) «Листъ до ротмистровъ украиныхъ, Жуку даный, ижъбы о том (т. е. объ его назначеніи писаремъ польнымъ) ведали и почты свои перед нимъ пописовали. — Жикгимонт Август Божю милостью корол Полский etc. Ко всимъ ротъмистромъ ездныимъ и пешымъ, поручъникомъ и товарышомъ ротъ ихъ на замъкохъ украиныхъ в панъстве нашомъ, великом князстве Литовскомъ. Ознаймуемъ вамъ, ижъ мы господаръ, бачачы быти годного и потребъного ку служъбамъ нашымъ господаръскимъ и потребамъ речы посполитое служебника нашого Фронъца Жука, з ласки нашое господаръское поручыли есмо ему справу писаръства полного над всими людми служебными, которые в панстве (л. 57 об.) нашомъ великомъ князстве Литовскомъ в поли и на замъкохъ служать. Вы бы о томъ ведали, и прыказуемъ вамъ, ижъбы есте

писаря польнаго въ Княжествѣ былъ, повидимому, совершенно сходнымъ съ одноименнымъ врядомъ Короны. По крайней мѣрѣ Лелевель такъ опредѣляетъ назначеніе этого врядника: «pisarze polni ustanowieni do przeglądu żolnierzy i koni, spisywania jich i wyliczania żoldu» [1]). Въ дополненіе къ тому, что мы сказали въ характеристику писарства польнаго нужно добавить, что на этотъ врядъ шло ежегодное жалованье, юргельтъ. Въ изслѣдуемый періодъ времени Княжество имѣло двухъ писарей польныхъ, такъ какъ къ обычному врянику этого уряда былъ прибавленъ еще спеціально для Инфлянтъ особый писарь польный «в земли Лифлянтской», состоявшій тамъ при гетманѣ Лифлянтскомъ. Постъ администратора и гетмана Лифлянтскаго занималъ съ 1566 года по 1578 Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, а писаремъ польнымъ къ нему былъ назначенъ еще Сигизмундомъ Августомъ въ послѣднее время его жизни тивунъ Вешвенскій, панъ Войтехъ Стабровскій, бывшій до этого назначенія писаремъ польнымъ Литовскимъ [2]).

Познакомившись съ писаремъ польнымъ вернемся къ характеристикѣ вряда его ближайшаго начальника, гетмана польнаго. Надо думать, что если «польный» писарь вѣдалъ наемныхъ жолнеровъ, то и «польный» гетманъ стоялъ также во главѣ ихъ. Гетманъ польный долженъ былъ быть командиромъ наемнаго войска. Наемное войско было во дворѣ для охраны государя и его двора; наемныя войска были расположены на границахъ государства, «в поли» и въ замкахъ. Понятно поэтому, что гетманъ, командовавшій наемными войсками, могъ называться и гетманомъ дворнымъ, и гетманомъ польнымъ въ одно и то же время.

почъты свои, которые за пенези наши ку службе земъской военъной ставити повинни, перед нимъ, кгды васъ пописовати и ведомость от васъ мети похочеть, оказывали и во всемъ ся потому, яко и першымъ писаромъ полнымъ заховывали конечъно». Дата: Люблинъ, 15 іюля 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 57 об.—58. (Передъ словомъ «конечъно» вписано «и ку нему заховали». Какъ позднѣйшую приписку, мы не внесли этихъ словъ въ документъ, издавая его).

[1]) *Joachim Lelewel.* Polska, dzieje i rzeczy jej. Tom IV. Poznań. 1856. Str. 66.

[2]) См. «потверженье пану Войтеху Стабровскому на писарство полное в земли Ифлянтской и на юркгелт на тое писарство и на почот водлугъ привилю короля Генърыка». Дата: Станиславово, 4 августа 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 60—61.

Какъ командиръ лишь наемнаго войска, гетманъ польный самъ находится подъ командою гетмана наивысшаго, который стоитъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ, т.-е. и наемныхъ, и народно-шляхетскихъ. Во время походовъ и битвъ польный ґетманъ дѣйствуетъ «зъ росказанья пана гетмана навышшого» [1]). Въ рушеньѣ шляхты гетманъ польный не можетъ быть ея главнокомандующимъ; шляхта станетъ только подъ команду гетмана наивысшаго, если не самого государя. Янъ Глѣбовичъ писалъ Яну Ходкевичу 29 января 1576 года: «do garła i z bracią szlachtą swą tego nie postąpie, abym się pod regiment polnego hetmana udać miał...» [2]). Гейденштейнъ, разсказывая объ обращеніи Баторія въ 1577 году къ Литовской шляхтѣ съ призывомъ на войну, говоритъ, что король передалъ военную власть въ Княжествѣ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, «такъ какъ Григорій Ходкевичъ, который раньше тамъ начальствовалъ, въ это время умеръ» [3]). Ясное дѣло, что необходимымъ назначеніе гетмана наивысшаго сдѣлалось потому, что въ войнѣ должны были принимать участіе не одни наемныя войска, но и народъ-шляхта, рушащійся по призыву королевскому. Какъ начальникъ наемныхъ войскъ, гетманъ дворный получаетъ королевскія приказанія для передачи старостамъ «украинымъ» о формированіи ихъ отрядовъ [4]). Когда Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ сложилъ съ себя обязанности администратора и гетмана Лифлянтскаго, Стефанъ Баторій просилъ Криштофа Радивила взять въ свои руки заботу объ оборонѣ Инфлянтъ. Ему передается командованіе жолнерами, а самъ онъ въ качествѣ польнаго гетмана становится подъ начальство своего отца, гетмана наивысшаго, Николая Радивила [5]). Должность гетмана польнаго была соединена съ немалыми расходами ввиду необходимости постоянныхъ разъѣздовъ, а также содержанія своего почта, отряда-охраны для этого врядника [6]). Поэтому Криштофъ Радивилъ, подчашій и гетманъ польный Княжества, получалъ по 800 копъ грошей Литовскихъ юргельта, пожалованнаго ему королемъ Стефаномъ [7]).

[1]) А. З. Р. III. № 35 (1564 г.). [2]) A. H. R. G. P. ill. XI. № IV.

[3]) Записки о Моск. войнѣ. Стр. 5, 6.

[4]) A. H. R. G. P. ill. XI. № XXVI. (Листъ Стефана Баторія Криштофу Радивилу. Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года).

[5]) Biblioteka Ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konst. Swidzińskiego. Tom piąty i szósty. № 53. Ср. *Гейденштейнъ*. Зап. о М. в. Стр. 39.

[6]) См. А. Ю. и З. Р. I. № 167.

[7]) «Пану Криштофу Радивилу, подчашому и гетману полному вел. кн. Литовского, лист до пана подскарбего о выдаване его мл. юркгельту, на тое

Переходя къ изображенію положенія частно-служилой шляхты, т.-е. шляхетныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, служившихъ частнымъ лицамъ и врядникамъ и несшимъ такимъ образомъ эту службу одновременно съ обязательствомъ исполнять земскую свою службу Речи Посполитой, мы должны предварительно отвѣтить на два вопроса: почему болѣе состоятельные обыватели принимали къ себѣ на службу шляхтичей и почему эти послѣдніе мѣняли свое независимое положеніе свободнаго и полноправнаго обывателя, «брата» пана, на отношенія, отъ него зависимыя? Вѣдь не всегда могло представляться пану желательнымъ имѣть служебника-шляхтича, котораго сословное положеніе давало ему извѣстныя права и «благородство» котораго требуетъ къ себѣ

гетманство поступленого, в кождый год по две тисечи золотых.—Стефанъ Божю милостью король Польский etc. Подъскарбему земскому и писару нашому великого князства Литовского, старосте Пинъскому и Олитскому, державцы Квасовскому, пану Лаврыну Войне. Ижь мы, господарь, маючы ласкавый взглядъ на службы значъные подъчашого нашого и гетмана полного великого князства Литовского, пана Крыштофа Радивила, которые его милость завжды зъ себе ку речы посполитой оказовалъ и теперъ оказовати не переставаеть, не малый коштъ подыймуючы на враде гетманьства польного, а хотечы его милости и вперед тымъ хутлившого ку службам нашимъ господарскимъ и земскимъ способити, поступили есмо его милости и симъ листомъ нашимъ поступуемъ юркгельту в скаръбе нашомъ великого князства Литовского на кождый год две тисечы золотыхъ Польскихъ, то естъ осмъ сотъ копъ грошей личбы и монеты паньства нашого великого князства Литовского до большого и пожиточнейшого з ласки нашое господарское опатренья. А маеть быти его милости тотъ юркгелтъ зъ скарбу нашого завжды выдаванъ в рокъ на светый Мартинъ, почавшы отъ прышлого светого Марътина в року семдесят шостомъ. А такъ твоей милости, подскарбему земъскому и писару нашому великого князства Литовского, старосте Пинъскому и Олитъскому, державцы Квасовскому, пану Лаврыну Войне и инымъ напотом будучым подскарбимъ земъскимъ прыказуемъ, абы еси пану подчашому тот юркгельтъ две тисечы золотыхъ Польскихъ, почавшы отъ прышлого светого Марътина на кождый годъ спольна зъ якихъ-кольвекъ пенезей нашыхъ, которые одно наперодъ мети будешъ, платилъ без всякого омешканья и переводу. А то твоей милости за симъ листомъ нашымъ и за квитомъ пана подъчашого на личбе будеть прыймовано. Якожъ пану подчашому особливый листъ нашъ господарский на тот юръкгелтъ естъ данъ и под одною датою, ведьже тые оба два листы нашы на одинъ юркгелтъ належать. Писан у Кнышине» 30 іюля 1576 года. «Матей Савицъкий» Подляшскій кашталянъ и писарь Литовскій. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 27 об.—28. Самый «привилей пану Криштофу Радивилу на юркелтъ на гетьманьство полное в кождый год по две тисечи золотых Полских» см. ibidem, л. 57—57 об. Дата: Кнышинъ, 30 іюля 1576 года.

все-таки извѣстныхъ границъ въ обращеніи съ нимъ, притомъ этому служебнику необходимо было рядомъ со службою своему хозяину думать и о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству. Обладаніе слугою-шляхтичемъ рядомъ съ удобствами и выгодами давало много и неудобствъ, и невыгодъ. Что касается до причинъ, побуждавшихъ самихъ шляхетныхъ обывателей искать службы у богатыхъ и «можныхъ» людей, то выясненіе ихъ также необходимо. Чтобы отвѣтить на первый вопросъ, мы должны обратиться къ изученію состава слугъ и ихъ назначенія въ домѣ богатаго обывателя Княжества того времени. Оно объяснитъ намъ и причины, вызывавшія принятіе къ себѣ на службу панами шляхтичей, и то мѣсто, и то положеніе, которыя занимали шляхетные слуги въ ряду слугъ частныхъ лицъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. На второй вопросъ отвѣта будемъ искать въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жила шляхетская масса Княжества.

Источники знаютъ слугъ свободныхъ и рабовъ. Разрядъ свободныхъ слугъ притомъ раздѣляется на два: 1) слуги, обязанные своею службою въ силу своей принадлежности къ составу населенія того, или другого имѣнія, какъ и крестьяне, приписанные къ нему, и 2) слуги, добровольно, по своему личному побужденію ставшіе слугами того, или другого лица. Въ первомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ принадлежностью къ той или другой группѣ населенія въ силу рожденія и обладанія извѣстнаго назначенія земельными участками; во второмъ—съ условіями найма, или заемнаго обязательства, хотя и также въ силу необходимости, необходимости экономической, но съ точки зрѣнія документа и права добровольнаго вступленія въ ряды слугъ. Названіе слугъ-рабовъ—«челядь невольная», «невольники». Статутъ признаетъ три источника рабства въ Княжествѣ. Онъ установляетъ: «ижъ неволницы мають быти троякихъ причинъ: первые, которые суть здавна въ неволи, або з невольныхъ се родятъ: другіе, которые полономъ заведены суть изъ земли непріятельское; третіе, коли бы се сами въ неволю поддали» [1]). Въ разрядъ отдавшихъ самихъ себя въ неволю должны быть отнесены и тѣ, кто, «вѣдаючы жонку неволную, въ малженство понялъ, хотя человѣкъ вольный, тогды таковый самъ и дѣти ихъ въ неволи быти мають». Далѣе статутъ продолжаетъ: «а естьли бы се невѣдоме поняли, а одинъ

[1]) II ст. XII. 13.

зъ нихъ будучи вольнымъ не хотѣлъ въ томъ быти», то необходимо только что вступившимъ въ бракъ обратиться «до права духовного, водле которого ихъ мають розвести, а по розводѣ таковый вольный маеть зостати вольнымъ, а невольный невольнымъ». Эти слова закона, указывая выходъ изъ того положенія, въ которомъ оказался вступившій въ бракъ съ несвободнымъ человѣкомъ, заставляютъ думать, что и по женѣ-рабѣ, и по мужу-рабу другой изъ супруговъ дѣлается самъ рабомъ. То-есть принципъ тотъ же, что и въ Московскомъ законодательствѣ: «по робѣ холопъ, по холопѣ роба» [1]). Нужно, однако, замѣтить, что какъ разъ въ изслѣдуемую эпоху, т.-е. въ періодъ времени между изданіемъ второго и третьяго Литовскихъ статутовъ, взглядъ на невольничество въ законѣ нѣсколько измѣнился, и статутъ 1588 года постановляетъ, что «невольники впередъ не мають быти з ынъшихъ причинъ, одно полоненики», всю же остальную «челядь невольную», а также и дѣтей полонениковъ онъ предписываетъ осаживать на земляхъ, и они должны «розумены быти за отчичовъ» [2]), т.-е. они переходятъ въ разрядъ крѣпостныхъ. Акты знаютъ и случаи, когда, несмотря на несвободу одного изъ супруговъ, другой оставался вольнымъ [3]). Какъ бы то ни было, «неволники» существуютъ и въ XVIII вѣкѣ [4]).

Въ изслѣдуемый періодъ времени дѣйствующимъ законодательствомъ былъ статутъ 1566 года, а потому намъ необходимо вновь вернуться къ его постановленіямъ о несвободныхъ [5]). За-

---

[1]) Царскій Судебникъ—76. Судебникъ Ивана III—66.

[2]) III ст. XII. 21.

[3]) Нпр., «паробки двора Роского: Степурка, козачокъ, жона вольная, детей нѣтъ». Вил. Арх. Сб. I. № 46, стр. 147 (1571 г.).

[4]) Нпр., Ист.-Юр. Мат. XVIII. Стр. 85 (1710 г.).

[5]) Съ примѣрами продажи и даренія рабовъ въ источникахъ встрѣчаемся очень нерѣдко. Такъ Герберштейнъ разсказываетъ: «Мелецкій, возвратившись съ войскомъ къ королю, привелъ съ собою большое число плѣнниковъ, которыхъ частію подарилъ публично королю, частію друзьямъ». (Записки о Моск. войнѣ. Стр. 79). А вотъ еще примѣръ изъ книгъ Могилевскаго Магистрата (Вит. Центр. Архивъ. Могилевской губерніи, Могилевскаго Магистрата № 3. Актовая, л. 286): «Закупене Московки Иванка.—Перед лентвойтом, бурмистрами, райцами, лавниками места Могилевского того року (1580), на справах меских в ратушу будучымъ, ставши очевисто, Петръ Станиславович, Петръ Миткевичь а Хома Шыдкович чынили сознане того, иж што мы достали были Московку за границою под Рославлемъ в року прошломъ семъдесятъ девятомъ у в осень, на име Ирению. Тую Московку заставили мещанину Могилевскому Иванку Сапроновичу у двух копах грошей Литовских, которую он

конъ озабоченъ былъ охраною имущества каждаго обывателя, а слѣдовательно и охраною для него его рабовъ. Въ силу этого онъ дѣлаетъ постановленіе «о челядь невольную, которая втечетъ отъ пана своего» [1]). Этою статьею постановлялось, что, если бы кто-нибудь «вывелъ» чью-либо невольную челядь, «або вѣдаючи заказъ, въ себе переховывалъ, а то бы на него правомъ было переведено», онъ обязанъ отыскать эту челядь и вернуть ее ея господину. Если онъ не сможетъ, или не пожелаетъ этого сдѣлать, то обязанъ заплатить за нее цѣну, установленную закономъ [2]), и вознаградить за убытки, причиненные хозяину бѣгствомъ его рабовъ и потерею рабочихъ рукъ, уплативъ по 6 грошей «мужику и жонцѣ за кождую недѣлю». Конечно, можетъ быть и такой случай, что «челядинъ невольный», уйдя отъ своего господина и скрывъ свое рабство, «за кого зашолъ», тогда его настоящій, т. е. тотъ, отъ котораго онъ ушелъ, господинъ проситъ «права» у этого новаго пана своего челядина. Если тотъ не захочетъ «ему на него права дати», то дѣло должно дойти до суда — «тогды таковый маеть притягненъ быти ку праву земскому», и въ случаѣ, если искъ будетъ доказанъ собственникомъ раба, а также будетъ имъ доказано, что онъ «въ него просилъ справедливости разъ и два, а онъ не далъ», то этотъ принявшій къ себѣ челядина, долженъ его «навезати» по 6 грошей въ недѣлю, начиная отъ того времени, когда у него собственникъ «права просилъ». Въ случаѣ же бѣгства раба, собственникъ получитъ со своего отвѣтчика то, что полагается за головщизну [3]). Но если законъ гарантируетъ рабовладѣльцу обладаніе его собственностью-рабомъ, то, съ другой стороны, онъ понимаетъ, что рабъ, какъ человѣкъ, также требуетъ для себя хотя какой-либо заботы закона. Во время неурожая и голода господамъ становится невыгодно держать у себя своихъ рабовъ, которыхъ нужно кормить, и прогнать ихъ на это время изъ дому представляется выгоднымъ господину. Статутъ выступаетъ тутъ на защиту невольной челяди и постановляетъ, что, если кто-нибудь свою

маеть держать, поки се у него выробит, а меновите до чотырех рок. А по выистю тых чотырех лет волна мает быт пущона, кому хотя, тому служыт. А где бы се ее приятели перед рокомъ озвили, тогды маеть ее отдат на окупъ. Мы вжо от сего часу ее упоминат се у него не маемъ часы вечными. Которое сознане их Ивашка сълышачы, дал то до книг записат».

[1]) II ст. XII. 10. См. также II ст. XIII. 5 («яко челядь невольная втеклая маеть быти заповѣдана»).

[2]) II ст. XII. 1. [3]) II ст. XII. 9.

челядь во время голода выгналъ изъ своего дома, «не хотечи ее кормити и переховывати», она становится людьми вольными, а не невольными. Разумѣется, такое дѣйствіе рабовладѣльца должно быть доказано, и это получается слѣдующимъ образомъ. Выгнанная изъ дому челядь заявляетъ о поступкѣ съ нею ея господина повѣтовымъ врядникамъ, или мѣстскому вряду, бурмистрамъ, или мѣщанамъ, «а тые, которымъ се оповѣдаютъ», должны «обослати того пана, чія челядь» и если онъ сознается, что выгналъ ее изъ дому «для голоду», не желая ее кормить, «тогды оная челядь вѣчнѣ маетъ быти вольна» [1]). Забота о челяди выражается и въ другомъ постановленіи статута, касающемся ея, хотя и не столько въ силу защиты ея интересовъ, сколько въ силу принципа исключительнаго значенія христіанской религіи въ государствѣ. «Жидъ, Татаринъ и кождый бесурмянинъ» не имѣетъ права покупать христіанина «у вѣчную неволю». Если онъ это сдѣлаетъ, то «пенези тратитъ, а тотъ хрестіянинъ маетъ быти воленъ» [2]). Но если, какъ мы сейчасъ видѣли, въ статутѣ 1566 года есть артикулы, въ которыхъ обнаруживается нѣкоторая забота закона о рабахъ, уже находящихся въ рабскомъ состояніи, то въ немъ есть и постановленіе, имѣющее цѣлью борьбу съ экономическою нуждою, какъ силою, толкающею свободнаго въ ряды рабовъ. Если кто-нибудь «въ голодъ» самъ себя, или сына своего, или, наконецъ, вообще вольнаго человѣка «въ неволю продалъ и листъ на то далъ», т.-е. выдалъ письменный документъ-обязательство, то этотъ листъ «не маетъ быти держанъ», не имѣетъ силы, но, когда минуетъ голодъ и продавшійся, или проданный въ неволю добудетъ себѣ денегъ, онъ вернетъ «пенези» покупщику, а самъ снова сдѣлается свободнымъ. Такой человѣкъ еще не челядь невольная, которую вольно продавать и которая «ведле продажи маетъ вѣчнѣ держана быти» [3]).

Такимъ образомъ, статутъ совершенно ясно и отчетливо опредѣляетъ невольную челядь, какъ общественную группу населенія великаго княжества Литовскаго. Если обратимся къ актамъ Литовскимъ, увидимъ въ нихъ тѣ назначенія, которыя давались челяди невольной. Вотъ, напримѣръ, «паробки двора Роского» имѣнія пани Юрьевой Ходкевича, пани Троцкой, княжны Софіи Юрьевны Слуцкой, перешедшаго послѣ ея смерти къ ея дѣтямъ подъ опекою старосты Жомоитскаго Яна Ходкевича [4]). Паробки

[1]) II ст. XII. 12. [2]) II ст. XII. 5. [3]) II ст. XII. 11.
[4]) Вил. Арх. Сб. I. № 46 (1571 г.). Стр. 147.

этого двора слѣдующіе: «Степурка, козачокъ, жона вольная, дѣтей нѣтъ. Василь, кухаръ, Дуло, жона вольная. Минецъ, козачокъ, жона вольная. Иванъ Рудый и жона невольная, сынъ 1...» и т. д.. «Тымъ всимъ невольникомъ»,—читаемъ послѣ списка паробковъ,—«мѣсячины дають на годъ каждому зъ нихъ на голову по 4 копы жита». Въ данномъ случаѣ имѣемъ, такимъ образомъ, примѣръ челяди невольной, имѣющей своимъ назначеніемъ службу во дворѣ и прислуживаніе господину въ его домѣ. Но, конечно, незачѣмъ было при обиліи невольниковъ, а то и по инымъ какимъ-либо различнымъ соображеніямъ рабовладѣльца, употреблять всѣхъ своихъ рабовъ на дворовую службу и на услуги. Такимъ невольникамъ нужно было платить «мѣсячину», содержаніе, но можно рабовъ перевести на пашню, и тогда они сами себя прокормятъ да, сверхъ того, еще дадутъ доходъ и владѣльцу. При наличности необходимыхъ для этого условій, обладаніи незанятою крестьянами землею, возможности и желаніи обойтись безъ дворовыхъ услугъ тѣхъ, или другихъ рабовъ—такой переводъ рабовъ на оброкъ и повинности совершался естественно. Напримѣръ, въ имѣніи Обновлянскомъ (въ землѣ Жомоитской) находимъ паробковъ, сидящихъ на моргахъ [1]. Это пять человѣкъ, и «кождый зъ нихъ держитъ моркговъ по дванадцати. Повинность ихъ до двора на службу ходити, на кождый тыдень зимѣ и лѣтѣ по пети дней, пашню дворную волми и клячами дворными пахати о своемъ хлѣбѣ, а жены ихъ водлѣ давного звычаю маютъ служити до двора». Подобныя этому условія перевода челяди невольной на морги, конечно, представляли несомнѣнную выгоду для рабовладѣльца.

Передъ своею смертью очень нерѣдко рабовладѣльцы отпускали на волю своихъ невольниковъ. Такъ напримѣръ, передъ своею смертью «вольнымъ учинилъ» [2]) своего пастуха и другую челядь невольную своего имѣнія Пештувянъ Ковенскаго повѣта панъ Иванъ Винкъ, земянинъ Ковенскій. Статутъ постановляетъ: «ижъ кождый якого кольвекъ стану невольнику своему, не вчинившы его напередъ вольнымъ, ничого тестаментомъ записати не можетъ, абы его первей вольнымъ учинилъ» [3]). Въ завѣщаніяхъ очень часто можно встрѣтиться съ отпускомъ на волю рабовъ, какъ съ богоугоднымъ дѣломъ, совершаемымъ передъ смертью.

[1]) А. Вил. XIV. № 24 (1583 г.). Стр. 268.
[2]) А. Вил. XIV. № 25 (1583 г.). Стр. 273. [3]) II ст. VIII. 4.

Такъ, жена королевскаго маршалка, державцы Мойшокгольскаго, князя Яна Болеславовича Свирскаго, урожденная Ганна Рагозянка въ своемъ тестаментѣ пишетъ: «челядь моя невольная, а меновите: невѣста на име Федья, прозвищомъ Утка, и дочька ее Настасья и зъ сыномъ своимъ, и Орина зъ сыномъ своимъ и братъ ее Васько, также и иншая вся челедь, што кольвекъ есми ее мѣла, и по животѣ моемъ гдѣжъ кольвекъ зостанеть, такъ мужского, яко и невѣстего стану, вольная и невольная, по животѣ моемъ мастъ быти вольно выпущона зъ дѣтьми, зъ статкомъ и зо всею маетностью ихъ» [1]. Дѣти завѣщательницы и всѣ ея близкіе и ихъ потомки по волѣ ея «до тое челеди» ея, «до дѣтей и маетностей ихъ ничого мѣть и нигдѣ ихъ поискивать не мають и не будуть мочи вѣчными часы». Примѣровъ такихъ отпусковъ на волю невольниковъ въ завѣщаніяхъ можно привести очень много. Но куда-же дѣвались эти рабы, получающіе свободу? Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ былъ классъ «людей похожихъ», не осѣвшихъ, такъ сказать, ни въ какой группѣ населенія его съ опредѣленною ея физіономіею, а переходившихъ съ мѣста на мѣсто безъ недвижимой собственности, или владѣнія, иногда перебиваясь случайною работою, иногда вступая на службу по найму, или по домовому обязательству, а въ случаѣ отсутствія работы иногда пользуясь подаяніемъ, которое давали похожимъ людямъ и частныя лица, и города, какъ они давали «ялмужну» и похожему человѣку, и студенту, и монаху, и драгуну, и всякому другому, кто, проходя черезъ городъ обращалъ на себя вниманіе и возбуждалъ милосердіе мѣстскаго вряда [2].

Челядь невольная составляла одинъ лишь видъ слугъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Кромѣ нея, были слуги, живущіе на земельныхъ участкахъ служебнаго назначенія, владѣя которыми они обязаны были въ силу этого владѣнія нести тотъ, или другой видъ службы въ пользу собственника имѣнія. Были еще и слуги-наймиты, или слуги-заемщики, служившіе по обязательству «листовному», какъ выразились бы Литовскіе акты. Въ очень многихъ имѣніяхъ, а въ крупныхъ почти во всѣхъ, встрѣчаемъ особый классъ слугъ различнаго рода. Возьмемъ для примѣра имѣнія Полоцкаго хоружія пана Ивана Михайловича Зеновевича [3]. Въ его

---

[1] А. Вил. VIII. № 173 (1588 г.). Стр. 462—463.

[2] Нпр., Ист. Юр. Мат. VII. Стр. 45, 46, 88, 102, 110 и др.

[3] Полоцкая Ревизія. Л. 38—39 об.

имѣніи Бобыничахъ было 18 путныхъ слугъ, въ Куликовщинѣ— 1 слуга путный, въ Диснѣ—3 путныхъ и 4 домовыхъ слуги, въ Засельѣ—1 домовый и 2 путныхъ, въ Кондратовщинѣ, Ваколовщинѣ и Териховщинѣ—2 путныхъ, въ Лукъяновщинѣ—1 путный, въ Ловейковщизнѣ—1 домовый, въ сельцѣ Туросѣ—1 домовый, въ сельцѣ Гомьѣ—2 путныхъ. Такимъ образомъ пану Зеновевичу принадлежали 36 слугъ, изъ которыхъ 29 были путными и 7 домовыми. Путные слуги для своего пана «зъ листы езъдять», и въ этомъ заключается та повинность, которою они обязаны по отношенію къ землевладѣльцу, своему пану. Полоцкая ревизія 1552 года прямо говоритъ о путныхъ слугахъ: «тые ему служать, где потреба з листы ездять» [1]). Путные слуги не были исключительною принадлежностью имѣній очень богатыхъ, выдающихся по своему состоянію землевладѣльцевъ, какимъ является Полоцкій хоружій панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевичъ среди шляхты Полоцкой. Въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ средней руки слуги путные—явленіе обычное. Такъ напримѣръ, Семенъ Митковичъ Кублицкій, владѣвшій 33 дымами крестьянъ, имѣлъ еще пять путныхъ слугъ [2]), Өедоръ Богдановичъ Кублицкій, владѣвшій 31 дымомъ,—3 дыма слугъ путныхъ [3]), Гринашко Кублицкій, владѣвшій 35 дымами,— 4 дыма слугъ путныхъ [4]). Даже въ довольно мелкихъ имѣніяхъ встрѣчаемъ иногда путныхъ слугъ. Такъ, къ двору Тяпино [5]), имѣнію отчизному Матвѣя Ивановича Тяпинскаго, принадлежали 2 путныхъ слуги [6]), 4 службы людей тяглыхъ [7]), 8 человѣкъ людей куничныхъ [8]), да 4 огородника [9]). Однако, не всегда путный слуга служилъ дѣйствительно «путь», службу путную, «листовную», развозя листы своего пана. Съ теченіемъ времени владѣлецъ имѣнія могъ перестать нуждаться въ путной службѣ своего слуги. Прежде большое имѣніе могло раздробиться на части, раздѣленное между сонаслѣдниками, и новые владѣльцы небольшихъ имѣній, явившихся на смѣну одного крупнаго послѣ его раздробленія, не могли уже позволить себѣ роскошь имѣть слугъ спеціально путнаго назначенія. Что возможно и доступно болѣе, или менѣе крупному пану, то далеко не всегда было по средствамъ его потомкамъ

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 38.
[2]) Ibidem. Л. 63. [3]) Ibidem. [4]) Ibidem. Л. 63 об.
[5]) Ibidem. Л. 72 об. [6]) «ему конем служать».
[7]) «ему по два дни въ недели служать».
[8]) съ нихъ «ему куницы приходить копа и 37 грошей».
[9]) «ему по дню въ неделю служать»

обратившимся въ рядовую шляхту. Поэтому въ мелкихъ и среднихъ имѣніяхъ обыкновенно путные слуги уже значатся служащими «конемъ», т.-е. военную службу своему господину; такимъ образомъ ими онъ пользуется для исполненія своихъ обязанностей передъ государствомъ въ дѣлѣ военной службы со своего имѣнія. Но иногда и въ крупныхъ имѣніяхъ встрѣчаемъ случаи перевода землевладѣльцемъ путныхъ слугъ съ ихъ путной службы на другую повинность. Въ имѣніяхъ, напримѣръ, пана Дмитрія Богдановича Корсака, землевладѣльца крупнаго, ставившаго 26 коней «ку службе земской военной», путные слуги были переведены на оброкъ, а съ листами ѣздили бояре, которыхъ у него было 25 человѣкъ и 10 дымовъ[1]).

Кромѣ слугъ путныхъ, источники знаютъ слугъ домовыхъ, также какъ и путные, владѣющихъ особыми земельными участками на своей службѣ. Домовые слуги «земли свои мають», а землевладѣльцу «з данины», или «з сукни служать»[2]). Они исполняютъ домовыя службы въ домѣ землевладѣльца. Какъ и путные слуги, домовые переводились въ мелкихъ имѣніяхъ обыкновенно на службу «конемъ»[3]). Кромѣ того, источники знаютъ слугъ, которые землевладѣльцу «зъ данинъ служатъ, земли свои маютъ»[4]). Есть слуги, сами владѣющіе людьми[5]), подобно тому, какъ ими владѣютъ и бояре.

Всѣ эти слуги были людьми крѣпкими своимъ земельнымъ участкамъ и обязанными за нихъ нести свою службу: они уже въ силу своего рожденія въ этомъ классѣ населенія были слугами того, или другого назначенія. Рядомъ съ этими слугами были въ Литвѣ и слуги по своему «листу», по обязательству, выдаваемому ими своему пану, служить ему за долгъ, сдѣланный ими. Вотъ, напримѣръ, запись Андрея Петкевича пану Буйвиду[6]), данная 10 марта 1571 года. Въ этой записи Андрей Петкевичъ, «чоловѣкъ похожій», вмѣстѣ со своими дѣтьми, Павломъ и Лавриномъ, «чинитъ явно» и «сознаетъ» своимъ настоящимъ листомъ, что онъ вмѣстѣ со своими дѣтьми, живя не мало «за паномъ» Матвѣемъ Григоровичемъ Буйвидомъ на землѣ его «пашной», имѣлъ «одъ пана своего черезъ немалый часъ наданье немалое» наличными деньгами, хлѣбомъ молоченымъ и немолоченымъ, ско-

1) Его имѣнія описаны—ibidem, л. 34—38.

2) Нпр., ibidem, л. 40, 39 об. 3) Нпр., ibidem, л. 67.

4) Нпр., ibidem, л. 58 об. 5) Ibidem. Л. 59.

6) Вил. Арх. Сб. I. № 47 (Стр. 149—150).

томъ и «иншими речми всякими, ку подворью потребными». Все, что взялъ Петкевичъ у пана Буйвида за все это немалое время, онъ оцѣнилъ въ 10 копъ грошей Литовскихъ. Ставъ въ такое положеніе должника, Андрей Петкевичъ вмѣстѣ со своими сыновьями, Павломъ и Лавриномъ, принимаетъ на себя обязательство служить «пану своему», пану Буйвиду, его женѣ и потомкамъ на вѣчное время, «и ни въ чемъ пана своего выступити» они не будутъ имѣть права. Въ случаѣ, если они нарушатъ свой листъ, или уйдутъ отъ своего пана, то онъ, его жена и потомки «маютъ» ихъ, «где колвекъ нашодши въ мѣсцы урадовномъ», или также у земянъ, взять, «яко своихъ власныхъ отчичовъ». Убытки, «шкода», отъ такого ухода слугъ отъ пана Буйвида имѣютъ быть имъ оцѣнены, и Петкевичи должны будутъ ему служить «вѣчне» какъ за прежнія 10 копъ грошей, такъ и за эту шкоду, которая такимъ образомъ еще болѣе закрѣпитъ и безъ того вѣчное обязательство ихъ службы Буйвиду, его женѣ и потомкамъ. Случалось, что въ своихъ долгахъ родители «заставляли» служить своему кредитору только дѣтей своихъ [1]). Но кромѣ такихъ слугъ по дол-

[1]) «Месеца мая 18 дня. Жаловал мнѣ Лаврину Здитовскому нам. Слонимскому мещанинъ господарьский Слонимъский Давыд Подлытковичъ на чоботара Слонимъского Долбенку о томъ, иж дей зоставил был мнѣ сына своего Максимъца у 30 грошей. То пакъ первый рокъ мнѣ служилъ без выпусту, а на сес рокъ и покул бы аж отслужил тую 30 грошей умовилъ есми ему выпущат по осми грошей; нижли не выслуживши ни одного року от мене детина вшолъ прочъ». Долбенка оспаривалъ заставу сына, но Давидъ «слался на довод» и поставилъ свидѣтелемъ Андрея Огурцевича. «Давыд, и не шлючися до светка, выпускал ему за один рокъ грошей 8, а 22 гроши просилъ Долбенька пред ся на светка, подвезуючися все платит, што Андрейко созналь, иж того сведомъ, иж яко Долбенка у тридцати грошей Давыду сына своего зоставил и о выпускъ жадное умовы не слышал. Ям тую 30 грошей сказал ему Давыду заплатит за 2 недели» (1560 годъ). Вил. Центр. Арх. № 7863. Слонимскаго Гродскаго суда № 1. Л. 59 об. Еще документъ. «Месеца мая 26 дня. Жаловала мнѣ Лаврину Здит. нам. Слонимскому мещанка господарьская Слонимъская Богдановая Пятниковича на подданую господарьскую с Койлевич, на Супроновую Маню, о томъ, иж дей небожчикъ муж мой описал ми на духовницы своей на ней полкопы грошей позычоных и сермягу новую, чого мнѣ она и до тых часов не платит. Тая Маня, ставши, на то поведила, иж я была винна мужу ее 25 грошей, алемъ за то служила з мужомъ своимъ шесть год, а сын мой также служил два годы; то все муж ее нам отпустил. Тягниловая поведила, если дей они служили тогды за живота мужа моего, за то им платил, а мнѣ по смерти мужа моего не служили, ку чому ся они сами знали, иж ей не служили по смерти мужа ее. А такъ иж они за небожчика мужа ее служили, сказалом тую 30 грошей платит, а за сермягу 15 грошей; рокъ заплате 4 недели» (1560 годъ). Ibidem. Л. 60 об., 61.

говымъ обязательствамъ были и простые наемники, «наймиты» и «наймитки» [1]), служившіе за плату. Передъ Лавриномъ Здитовскимъ, Слонимскимъ намѣстникомъ, жаловался 8 января 1560 года бояринъ «з Лопухова Матей, зят Росолов, на человека служалого, который в наймех въ его был и пошол от него прочъ, не вчстивши его, на Мацеля: то пакъ дей тогож часу по немъ взято з гумна соломы три возы а жита четверть, которую шкоду от него быт менилъ. Тот Мацел поведил, иж ему заслужил добре и на рокъ, вдаривши чоломъ, пошол прочъ и суседомъ его оказалъся, Павлу. Мацелю, а солому взяломъ дей свою. И брал ся на присягу к тому, што ни в чомъ ему не шкодникъ. Матей ку присязе его пустилъ. Рокъ присязе въ середу» [2]). Этотъ небольшой документъ даетъ совершенно ясную картину наймита, служащаго извѣстный срокъ, по истеченіи котораго онъ «ударяетъ челомъ» своему хозяину и воленъ идти на всѣ четыре стороны. А вотъ и документъ, опредѣляющій срокъ найма и плату наймиту. «Жаловала мне, Федору Славутичу, пани Яновая Талкевича на человека похожого Масюка, который поведал ся с Холпеницы пани Некрашовое, тымъ обычаемъ, иж первей сего, так рокъ, тот Масюкъ з жоною своею пришол до мене и нанялся на лето, гдемъ дей ему задала грошей десет». Но этотъ Масюкъ, по словамъ истицы, «задатокъ взявши и шкодъ починивши, ночнымъ обычаемъ втекъ прочъ». Передъ судомъ Масюкъ «ся знал, иж задатокъ взял и з жоною служит пани Яновой нанялся, алемъ дей тые гроши мужику панее ж отдал и пошол» прочь. Хотя онъ и не билъ челомъ своей хозяйкѣ, «но и шкоды никоторое не чинил». Судъ постановилъ: «кгдыж самъ ся знал, иж пошол от панеи проч, не учстивши а задаток взявши, винен платит шкоды, на чомъ бы пани Яновая довод вчинила, и задаток вернуть». Эти «шкоды», убытки свои пани Яновая заявила — «за сермяги, кожух, сорочки», забранные наймитомъ, «втекаючи», и судъ оцѣнилъ ихъ въ 57 грошей. Разборъ всего дѣла закончился тѣмъ, что «тот человекъ тут же, на праве, пани Яновое просил и за тые шкоды зъ жоною своею заслужити мелъ. Якож пани Яновая взяла его до себе, а он мел жону свою отыскати и з нею годъ пани Яновой заслужити» [3]). Итакъ, наймитъ — человѣкъ, нанимающійся служить дру-

[1]) См., нпр., А. Вил. XXVI. №№ 176, 185, 188 и др.

[2]) Вил. Центр. Арх. № 7863. Слонимскаго Гродскаго суда № 1. Л. 5.

[3]) Ibidem. Л. 26. Вотъ еще документъ для характеристики положенія наймитки. «Тогож дня (13 мая). Жаловал мнѣ Лаврину Здитовскому, намест-

гому лицу за извѣстную плату. Прежде чѣмъ уйти отъ своего хозяина, онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы послѣдній не имѣлъ на него никакихъ законныхъ матеріальныхъ претензій, а также долженъ обязательно «ударить челомъ» хозяину и, лишь совершивъ эту формальность разрыва прежнихъ его отношеній къ нему, онъ можетъ оставить своего нанимателя. Слуги, жившіе у болѣе или менѣе достаточныхъ людей, несомнѣнно, живали изъ найма, но возможно, что живали и, такъ сказать, на милость панскую, т.-е. безъ опредѣленной платы, а за подарки, дѣлаемые паномъ. Бывали слуги, служившіе своимъ господамъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Напримѣръ, въ четвергъ 1 марта 1576 года передъ врядъ гродскій Слонимскій, передъ подстаросту Слонимскаго Офанаса Гавриловича, явился [1]) «похолокъ, который ся на тотъ час меновал быт слугою земянина господарского повету Слонимского пана Василя Михайловича Скипорова, именемъ Янута Павловичъ». Онъ вряду «плачливе оповедал», что онъ «первей того з детинства своего» служилъ покойному пану Давиду Яцковичу и его покойной женѣ и что еще при жизни своей «небожчик» панъ его, «яко слугу своего напоминал», чтобы онъ «по смерти его детемъ пани малжонки его доброволне служил». Въ силу этой просьбы своего пана Янута Павловичъ по смерти его и его жены «з доброе воли своее» служил дѣтямъ ихъ, т.-е. пану Василію Скипору и его сестрѣ, Томилѣ Скипоровнѣ. О своей жизни въ это время онъ говоритъ такъ: «и мешкалом в ыименью их Узловскомъ у хоромах своих, которые ми был дал еще за живота своего небожчик панъ Давид с пани малжонкою своею, а моею панею, на штомъ дей я, поправуючи оные хоромы, немало з убогое выслуги свои выложил». Такимъ образомъ, передъ нами слуга, пользовав-

———

нику Слонимскому—на тот час были при мне пан Гришко Перепеча а Буйно, подданый пана Гришка Перепечин,—Яхно Бердник на подданого господарьского Ивана Есковича о томъ, иж дей сестра моя Орина служила ему през девет летъ, то пакъ тыхъ часов ее ни щимъ выгнал а заслуженого ей ни за одно лето не заплатил. То Иван, на то отпор чинечи, поведил, иж дей я ее был взял собе в лихую филю за дочку и кормиломъ ее до тых часов и обецаломъ ее замуж выдати, то пак она тых часов от мене невинне втекла, а найму есми ей не вмовлял давать, бомъ ее мел за дочку и теперъ ее не кидаю. Я пыталом оное девки, если бы хотела до того Ивана. Она до него не хотела. Я с тое причины вчиниломъ Ивана от того найму волнымъ для того, иж он ее и тепер не кидал, а лихие лета перекормилъ». Ibidem. Л. 56.

[1]) Вил. Центр. Арх. № 7864. Слонимскаго гродскаго суда № 2. Л. 225 об.—226.

шійся несомнѣннымъ довѣріемъ и милостью своихъ господъ. Онъ съ дѣтства живетъ въ господской семьѣ, онъ даже имѣетъ свои хоромы, пожалованныя ему его господиномъ, которыя составляютъ его собственность, и на улучшеніе ихъ онъ тратитъ получаемое имъ жалованье [1]). Янута Павловичъ принадлежалъ, очевидно, къ высшему разряду слугъ, бывавшихъ у земянъ Литовскихъ. Но и такой высшій слуга, какъ видимъ на примѣрѣ этого Януты Павловича, не былъ гарантированъ отъ непріятностей со стороны господъ. 27 февраля 1576 года пани Томила вмѣстѣ со своимъ мужемъ паномъ Тарасомъ Островскимъ, «не помнечи того», что Янута «пану своему, яко и ей однако и заровно служил и в сполномъ именью их мл. мешкал, але безвинне звазнившися», посадила его «до везенья своего». Въ то же время, держа его въ этомъ заключеніи, она все имущество Януты, которое онъ «з молодости своее на пану Давыде Яцковичу выслужил, забрала и до дому своего отпровадила». Это имущество составляли: 2 вола, купленные за 5 копъ грошей, 2 овцы, 2 свиньи, 3 гуся, 8 куръ, 8 бочекъ жита, ½ бочки пшеницы, ½ бочки ячменю, ½ бочки ярицы, различныя части мяса, сѣно, солома, пустыя бочки и т. д. Заявляя обо всемъ этомъ гродскому вряду, Янута Павловичъ говорилъ: «гдеж я, вжо будучи яко человекъ волный, з везеня выпущоный, просиломъ пани Томилы через добрых людей, при чомъ и возный Гаврило Михайловичъ был, абы ми маетност мою вернула». Но пани Томила отказалась это сдѣлать, а на судъ прислала боярина своего брата, заявляя что Янута ея подданный, убѣжавшій отъ нея изъ «везенья».

Въ лицѣ Януты Павловича мы встрѣтились со слугою высшаго разряда. Ни одинъ панъ, или достаточный земянинъ не могъ обойтись безъ такихъ слугъ, которымъ онъ могъ бы довѣрять въ силу ихъ къ нему преданности и которымъ онъ могъ бы, благодаря извѣстной степени ихъ умственнаго развитія, довольно сложныя обязанности по управленію своими имѣніями и по веденію своихъ дѣлъ. Крупные паны, или вельможи, имѣвшіе свой дворъ, какъ бы копію королевскаго въ миніатюрѣ, тѣмъ менѣе могли обходиться безъ нихъ. У нихъ былъ и свой скарбъ [2]), въ который поступали доходы съ земель, имъ принадлежащихъ,

---

[1]) Слугъ награждали господа и передъ своею смертью. См., нпр., завѣщаніе И. А. Солтана. Вил. Арх. Сб. VI. № 16 (1554 года).

[2]) Нпр., скарбъ Сапеги. А. Вил. III. № 12 (1588 г.).

широко раскинувшихся по различнымъ повѣтамъ Литовскимъ; у нихъ были свои маршалки [1]), подкоморіе [2]), конюшіе [3]), свои дворяне [4]) и т. д, также какъ и свои мѣрники [5]), волочники [6]) и т. п. Управленіе имѣніями крупнаго вельможи должно было занимать цѣлые десятки довѣренныхъ слугъ его, которымъ разсылалъ для исполненія свои приказы вельможный панъ-владѣлецъ. «От Миколая Радивила воеводы Виленского, канцлера великого князства Литовъского, старосты Мозырского и Лидского, державцы Борысовского, служебнику нашому Балцеру Раецкому», читаемъ въ одномъ изъ листовъ Радивила [7]) къ его управляющимъ. Въ этомъ листѣ Радивилъ пишетъ своему служебнику, что къ нему пріѣзжали три боярина государскіе Вилькомирскаго повѣта, заявляя, что $3^1/_2$ («полчетверты») волоки изъ земли, прилегающей къ Попельскому имѣнію Радивила, взяты и ихъ «прывернено» къ этому имѣнію, «а имъ дей за то еще отмены не дано». Радивилъ прибавляетъ далѣе: «якож о томъ и ревизор его кролевское милости пан Ян Стецковичъ, которы в томъ помененомъ именю нашомъ померу становит, дал нам того справу», что онъ дѣйствительно «прывернулъ» эти $3^1/_2$ боярскихъ волокъ къ Попельскому имѣнію Виленскаго воеводы. Бояре Вилькомирскіе просили Радивила дать имъ за землю, взятую у нихъ, въ имѣніи его «Вижунскомъ, тамъ где бы имъ споручно было, отмену слушную». Заканчивается листъ воеводы Виленскаго такъ: «ино кгдыж тые бояре помененые земль своих нам поступили, а на то местцо имъ ся досыт не стало, прыказуемъ тобе, абы еси им кгрунты нашыми Вижунскими такъ добрыми, яко в них взято, где бы было без шкоды нашое, отмену слушную без мешканя далъ такъ, якобы они на том перестали и нам о то болшъ не докучали, якож и лист, пи-

---

[1]) См., нпр., Ист.-Юр. Мат. IV, стр. 67, 70, 132, 133, 136—канцлера; Ист.-Юр. Мат. XXIV, стр. 52 — подскарбія. Хотя эти примѣры относятся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, но, конечно, явленіе существовало и въ XVI вѣкѣ. Ср.—маршалокъ митрополита. Вил. Арх. Сб. IX, стр. 37 (1516 г.).

[2]) Подкоморій бискупа. А. Вил. XVII. № 907.

[3]) Нпр., Ист.-Юр. Мат. XVIII, стр. 50.

[4]) Нпр., Ист.-Юр. Мат. III, стр. 63.

[5]) Нпр., служебникъ и мѣрникъ Сапеги. А. Вил. VI, стр. 4. (1564 г.).

[6]) Нпр., служебникъ и волочникъ Миколая Криштофа Радивила. Вил. Арх. Сб. III. № 31, стр. 57.

[7]) Вил. Центр. Архивъ № 13878. Вилькомирскаго Гродскаго суда № 1. Л. 400.

саны от пана Стецкевича о томъ до нас, до тебе пры семъ же листе нашомъ посылаемъ, с которого достаточне вырозумешъ» [1]). Само собою разумѣется, что для того, чтобы имѣть возможность получать подобныя предписанія и исполнять ихъ, служебникъ долженъ не только пользоваться довѣріемъ своего пана, но и по своему умственному развитію стоять выше не только обыкновенныхъ слугъ, но и многихъ земянъ. Изъ словъ акта гродскаго Вилькомирскаго суда, говорящихъ объ явкѣ листа Радивила въ судѣ на ноябрьскихъ гродскихъ рочкахъ 1596 года «для згубы, огня и всякого иного прыпадку» узнаемъ, что Балцеръ Раецкій былъ внѣ всякаго сомнѣнія шляхтичемъ, ибо судовая гродская книга называетъ его паномъ [2]). Такимъ образомъ, мы, наконецъ, подошли и къ служебникамъ-шляхтичамъ, изображеніе положенія которыхъ было нашою главною цѣлью въ настоящемъ очеркѣ. Служба земянъ частнымъ лицамъ явленіе, извѣстное еще XV вѣку. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ уже 7 ноября 1480 года жаловалъ три четверти мили своей Подляшской пущи Супрасльскаго двора своимъ слугамъ, королевскимъ земянамъ, урожонымъ панамъ Омельяну, Ивану и Лукъяну Ивановичамъ Соболевскимъ [3]). Паны Соболевскіе были родомъ изъ Кіевской земли, но еще ихъ предки оставили ее и переселились въ Городенскій повѣтъ, здѣсь «имѣнья собѣ набывши добръ шляхецкихъ» и служа по нимъ на войнахъ королю и речи посполитой. Ходкевичъ, ихъ «видечы быти» годными «до послугъ службъ рыцерскихъ», къ себѣ ихъ «до послугъ» своихъ «притягнулъ». Это онъ сдѣлалъ, «прырекши имъ словомъ» своимъ «панскимъ послуги ихъ учтивые добре нагорожати». Земяне Соболевскіе, «яко люди шляхетные, на слово» Ходкевича «шляхетное» со своей стороны «позволившы», вѣрно ему служили немалое время. Въ чемъ же была ихъ служба? По словамъ грамоты, они «пры боку и почтахъ» Ходкевича на государевой послугѣ противъ врага «панства» Литовскаго «частокротне персями своими заставлялися», не щадя своего здоровья, «на рыцерскихъ послугахъ оборону чинили и въ послугахъ своихъ» Ходкевичу «высажали частокротне». Цѣня заслуги и качества земянъ Соболевскихъ. Ходкевичъ хочетъ сохранить ихъ у себя на службѣ и сыновей и потомство ихъ

---

[1]) Листъ Радивила писанъ въ Вильнѣ 29 марта 1590 года. «У того листу печат прытиснена одна, а подпис руки тыми словы: Ręką swą».

[2]) Ibidem. Л. 399 об.

[3]) Вил. Арх. Сб. VII. № 8 (стр. 5).

даже имѣть на своихъ «послугахъ», а чтобы наградить и привязать ихъ къ себѣ, онъ приказалъ имъ «угледати» его имѣнія и, что въ нихъ имъ понравится, то онъ имъ и пожалуетъ. Выбранная Соболевскими часть пущи Ходкевича пожалована имъ, ихъ потомкамъ и дѣтямъ, и будетъ въ ихъ держаньѣ «вѣчными а не порушными часами». Эта земля на сорокъ лѣтъ освобождена Ходкевичемъ отъ всякой повинности и даже земской службы, а по истеченіи этого времени на Ходкевича и его потомковъ по прежнему съ нея не должно идти никакихъ повинностей, «толко гдѣ укажеться послуга господарская и речи посполитое», когда будетъ посполитое рушенье противъ врага королевскаго, лишь тогда съ этой земли пойдетъ повинность—трехъ коней съ пахолками «и рыннтунками военными, яко до бою» должны они будутъ ставить при почтѣ Ходкевича.

Если мы обратимся ко времени, наступившему послѣ Люблинской уніи, то увидимъ тотъ же порядокъ службы шляхтичей панамъ. Потомки прежде служившихъ шляхтичей, какъ мы уже видѣли изъ только-что пересказанной грамоты служили тому же роду, той же семьѣ, которымъ служили и предки, служили, не связанные никакимъ обязательствомъ вѣчной и потомственной службы и имѣя право всегда оставить своего пана, конечно, если они не запутывались въ гражданскихъ по отношенію къ нему обязательствахъ. Статутъ 1566 года отлично знаетъ и признаетъ существованіе частно служилой шляхты. Требуя, чтобы вся повѣтовая шляхта становилась подъ повѣтовою хоруговью въ часы посполитаго рушенья, онъ обязываетъ ставить на своемъ мѣстѣ, брата, родственника или, наконецъ, просто «такъ добраго шляхту, якъ самъ», такого шляхетнаго повѣтоваго обывателя, который служитъ пану-радѣ, вряднику, или вообще кому-нибудь другому [1]). Имѣть у себя на службѣ шляхту панамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо. Кого другого, кромѣ шляхтича, могъ назначить повѣтовый староста своимъ намѣстникомъ въ старотствѣ и кого этотъ послѣдній могъ сдѣлать своимъ «понамѣстникомъ», если не шляхтича, когда имъ нужно было завѣдывать замковымъ урядомъ и судить гродскіе рочки вмѣстѣ съ судьею гродскимъ? Державцамъ и старостамъ несудовымъ также для авторитета ихъ намѣстника, или подстаростія нельзя было поручить завѣдываніе державою человѣку стана «простого». Вести дѣло въ судѣ также

[1]) II ст. II. 7.

лучше поручить служебнику-шляхтичу, чѣмъ слугѣ простого стана уже въ силу того одного, что его на рокахъ и рочкахъ будетъ охранять отъ всякихъ случайностей не только имя его хозяина, но и его шляхетское достоинство, а, стало быть, и чести хозяина является черезъ это новая гарантія. Въ речи посполитой Литовской, равно какъ и Польской, вошло въ обычай имѣть шляхетныхъ слугъ, конечно, поначалу вслѣдствіе боевыхъ качествъ бояръ-шляхтичей прежняго времени, дѣлавшихъ ихъ несравненно лучшими членами панскихъ почтовъ, чѣмъ люди простого стана. Въ то время, когда бояринъ былъ дѣйствительно воиномъ, для котораго война и военное дѣло были не только требованіями, предъявленными къ нему закономъ, но дѣйствительною стихіею, въ которой онъ жилъ и съ которою свыкся въ такой же степени, въ какой онъ свыкся съ охотою на дикаго звѣря, онъ былъ желаннымъ и дорогимъ членомъ почта-дружины пана, способный съ честью для пана биться и за господаря, и за пана съ врагомъ речи посполитой и съ врагомъ своего пана. Но прошли года и характеръ шляхты сталъ мѣняться. Появленіе наемныхъ войскъ и все болѣе торжествовавшая тенденція къ замѣнѣ поголовной службы земянъ серебщизною на наемъ «служебныхъ» отдаляли для обывателя военную службу до минутъ исключительной опасности государственной и тѣмъ отнимали отъ него привычку къ войнѣ и, измѣнили характеръ воинственнаго Литовскаго земянства. Не будемъ забывать, что въ концѣ XVIвѣка посполитое рушенье уже далеко не было тою грозною силою, какою бывалъ «рушившійся» народъ прежде. Нравы измѣнились, но обычай остался. Служилая шляхта изъ слугъ-воиновъ все болѣе и болѣе обращалась въ значительной своей части въ простыхъ врядниковъ и даже простыхъ служителей панскихъ. Въ описаніи пира магната Речи Посполитой XVII вѣка, оставленнаго Бопланомъ, встрѣчаемъ шляхтичей, прислуживающихъ гостямъ хозяина [1]). Конечно, и въ концѣ XVI столѣтія въ Литвѣ бывало то же. Служилые шляхтичи при своихъ панахъ занимали положеніе ихъ врядниковъ и управляющихъ, какъ въ державахъ, такъ и въ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, водили ихъ почты и служили въ нихъ, вели ихъ дѣла на судѣ, выбирали податки съ населенія ихъ земель, исполняли и другія обязанности и порученія своихъ пановъ, въ числѣ которыхъ были и наѣзды

[1]) Мемуары, относ. къ ист. Южной Руси. Вып. II. Кіевъ 1896. Стр. 384.

и нападенія на панскихъ недруговъ. Въ иныхъ случаяхъ обладаніе слугою-шляхтичемъ давало пану право не ѣхать лично къ бирчимъ для уплаты податка, а послать его; не имѣвшій же такого слуги обязывался лично дѣлать это [1]). Ко всему этому нужно прибавить заманчивую возможность оказывать давленіе на повѣтовый сеймикъ въ его постановленіяхъ и дѣйствіяхъ, опираясь на своихъ служебниковъ, присутствующихъ на немъ въ качествѣ братіи-шляхты. Выборъ пословъ и должностныхъ лицъ, инструкціи и постановленія повѣта—на все это могъ вельможа оказывать свое давленіе черезъ голоса своихъ слугъ-шляхтичей.

Но что же побуждало самихъ шляхетныхъ обывателей Литовскихъ оставлять свои шляхетскія имѣнія и независимость и тѣсниться на панскомъ дворѣ, или жить въ имѣніи пана, служа своему добровольно признанному господину? Прежде всего тутъ необходимо отмѣтить тяжелыя экономическія условія жизни шляхетской массы, которая не имѣла возможности въ нихъ существовать и исполнять свою земскую повинность. Разсматривая земельныя владѣнія шляхты Княжества, мы наглядно увидимъ это. Другимъ мотивомъ, побуждавшимъ Литовскую шляхту обращаться въ панскихъ слугъ, является стремленіе найти себѣ въ трудную минуту опору и поддержку у сильнаго пана, которому служитъ шляхтичъ. Если въ Западной Европѣ эта опасность изолированности, опасность быть предоставленнымъ однимъ своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ безъ надежды найти обязательную помощь отъ человѣка болѣе сильнаго, въ средніе вѣка выразилась въ исчезновеніи аллодіальной собственности, то и въ Восточной Европѣ

---

[1]) Нпр., въ универсалѣ, данномъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 96—99) „о уставе серебщызну и иных платов и о готовости на войну“ читаемъ: „который же податокъ, на теперешнемъ сойме уфаленый, безъ каждого мешканья до тых бирчихъ поветовых отнесенъ и отданъ быти маеть черезъ врядниковъ и слуг ваших народу шляхецкого, а которые таковыхъ врядниковъ и слугъ народу шляхецкого не маютъ, тые сами отдати и при отданью того податку перед тымижъ бирчими присегу вчинити...“ Л. 98. О слугахъ-шляхтичахъ см. также „тые листы тымъ способомъ писаны о поборе поголовномъ и с подданых господарских, яко на шляхту положон с подданых их“ (ibidem, л. 86 об.—89). Въ листѣ, писанномъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года къ „маршалку“ государеву, „старосте Оршаньскому, князю Андрею Одинцевичу“ предписывается, чтобы онъ „тотъ податокъ черезъ слугъ своихъ людей народу шляхетского выбиралъ...“ (л. 88 об.).

видимъ явленія, на образованіе которыхъ въ той или другой степени повліяло это чувство самосохраненія и самообороны. Въ Московскомъ государствѣ встрѣчаемъ рядъ землевладѣльцевъ, служившихъ частнымъ людямъ, богатымъ и сильнымъ по своему общественному положенію. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ также мы должны признать такое исканіе сильнаго защитника, несмотря на вольности, свободу и братство шляхетскаго сословія-народа. Равенство шляхты, провозглашаемое громко закономъ и рѣчами не было въ Литвѣ дѣйствительнымъ принципомъ, проведеннымъ въ жизнь вполнѣ реальнымъ образомъ. Мы уже видѣли, что сами королевскіе универсалы ставятъ надъ шляхтою рядовою рядъ высшихъ группъ. Законъ далеко не всегда обезпечивалъ или, лучше сказать, не былъ въ силахъ обезпечить реальнымъ образомъ собственность и личность обывателя. Несмотря на строгость «права», наѣзды и насилія—явленіе обычное въ актовыхъ книгахъ судовъ Литовскихъ. Судъ издавалъ свой «декретъ», а его исполненіе предоставлялось обыкновенно самому истцу, врядъ давалъ лишь вознаго ему въ помощь, и хотя существовало въ законѣ строгое наказаніе для неподчиняющагося судовому постановленію, но позволительно сомнѣваться, чтобы всегда оно примѣнялось. При такомъ положеніи дѣлъ, личная независимость не могла представляться въ XVI вѣкѣ такимъ благомъ, какимъ она представляется въ наше время, когда каждое лицо должно было быть готовымъ само силою и оружіемъ защищать себя противъ далеко не рѣдкихъ опасностей и случайностей. Такимъ образомъ, небогатый шляхтичъ легко могъ увлекаться мыслью найти себѣ и большую матеріальную обезпеченность, и защиту подъ покровомъ громкаго имени, вліянія и богатства пана-хозяина.

Кромѣ того, служба у богатаго пана могла дать шляхтичу увеличеніе его шляхетской «маетности» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, Московскіе писцы, бояре и воеводы, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и князь Василій Семеновичъ Серебряный въ своей писцовой книгѣ 1563 года отмѣчаютъ деревни слугъ пана Довойны [2]). Пожалованіе панами своихъ служебниковъ землями изъ своихъ имѣній было дѣломъ совершенно обычнымъ. Вотъ, напримѣръ, листъ Витебскаго воеводы князя Стефана Збаражскаго, данный имъ своему служебнику въ Витебскѣ 10 августа 1562 года

---

[1]) Уже первый статутъ знаетъ это (I ст. III. 15).

[2]) Писцовыя книги *Калачова*. Т. I. Отд. II. Стр. 440, 441.

и внесенный 9 іюня 1625 года въ Витебскія земскія книги [1]) по просьбѣ потомковъ этого служебника, пановъ Александра и Льва Гурковъ. Въ этомъ листѣ Витебскій воевода «ознаймуетъ», что его просилъ «служебникъ» его, Василій Григорьевичъ Гурко, подарить ему «сельцо пустое, именемъ Новоселки», которое опустѣло недавно, во время опустошенія края Москвою. Князь Збаражскій исполняетъ просьбу своего служебника, который былъ «старшимъ надъ слугами» князя и воевалъ храбро съ Москвою, совершивъ рядъ подвиговъ, перечисляемыхъ въ листѣ князя. Витебскаго воеводу просили за Гурку и «панове земяне, шляхта Витебские». Но не только самъ знатный панъ жаловалъ своего служебника, онъ могъ исходатайствовать ему пожалованіе и отъ короля. Такъ, королю Генриху, какъ узнаемъ изъ его листа, даннаго въ Краковѣ 15 мая 1574 года [2]), заявилъ «шляхетъный Матей Кгротовскій», служебникъ Яна Ходкевича, что Сигизмундъ Августъ «за причиною» его пана «дати рачилъ ему самому, жоне, детемъ и потомкомъ его ув отъчизну на вечность» три села въ волости тивунства Ойрагольскаго земли Жомоитской. Представивъ этотъ привилей Сигизмунда Августа Гротовскій просилъ новаго короля сохранить за нимъ данину и подтвердить ее вновь привилеемъ. Янъ Ходкевичъ «служъбы Кгротовского, которые онъ не по одинъ разъ, у войскахъ при его милости в земли Лифляантъской бываючи», королю и речи посполитой «добре и цнотливе зъ себе показовалъ, залецаючы», короля Генриха «о томъ за нимъ у причине жедалъ». Король исполнилъ просьбу пана Виленскаго, старосты Жомоитскаго и его служебника и подтвердилъ привилей своего предшественника, данный Гротовскому въ Кнышинѣ 20 августа 1568 года, приказавъ вписать его въ свой собственный. Такимъ образомъ, Ходкевичъ дважды не поставилъ себѣ въ трудъ просить короля за своего слугу; конечно, далеко не для всякаго шляхтича онъ согласился бы это сдѣлать.

Кромѣ наградъ и пожалованій, ходатайствъ и защиты, служба у знатнаго пана давала мелкому шляхтичу и почетъ, бо̀льшій, чѣмъ тотъ, которымъ онъ пользовался, какъ свободный и полноправный шляхетный обыватель великаго княжества Литовскаго со всѣми его политическими правами. Какъ ухаживали напримѣръ.

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 434—436.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 81—83 об.

мѣстскія власти за слугами подскарбія, канцлера, вообще всякаго вельможи [1]), проѣзжавшаго черезъ городъ, стараясь подарками расположить ихъ въ свою пользу, а черезъ нихъ найти лазейку и къ ихъ господамъ и уплачивая имъ «за авдыенцыю», доставленную ими у ихъ пана [2])!

Служилая шляхта составляла особую группу шляхетныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго [3]). Особую же группу шляхетнаго населенія Княжества составляли и Литовскіе Татары-шляхта. Уже въ эпоху до Витовта появляются Татары, какъ обыватели Литовской территоріи [4]). Плѣнные Татары, захватываемые въ плѣнъ во время битвъ и вооруженныхъ столкновеній, съ Монголами, должны были быть поселяемы въ предѣлахъ Княжества. Гедиминъ даже имѣлъ въ своихъ войскахъ служившихъ ему Татаръ [5]). Возможно, что часть Татаръ, служившихъ Гедимину, осталась затѣмъ жить въ предѣлахъ его Княжества. Изслѣдователь исторіи Литовскихъ Татаръ, А. Мухлинскій, приводитъ свидѣтельство анналиста Францисканскаго ордена, упомянувшаго подъ 1324 годомъ о встрѣчѣ миноритскими миссіонерами въ Литовской землѣ Скиѳовъ, молившихся на азіатскомъ языкѣ [6]). Въ 1362 году Ольгердъ разбилъ на берегахъ рѣки

---

[1]) Примѣровъ, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, очень много въ приходо-расходныхъ книгахъ Могилева, изданныхъ въ Историко-Юрид. Матеріалахъ.

[2]) Ист.-Юр. Мат. IV. Стр. 96: «Пану Миреевскому, слузе пана подскарбего за авдыенцыю до пана подскарбего, дали ему таляръ одинъ, золотыхъ шесть».

[3]) Акты знають даже земянъ панскихъ, какъ и земянъ господарскихъ. Нпр.: «земенинъ его милости ясневельможного пана его милости пана Льва Сапеги, канцлера великого князьства Литовъского, старосты Слонимского, Ясвонского, Марковского и Мядельского, именья его милости Островьного, Самъсон Петрович». Вит. Центр. Арх.. Вит. губ., Вит. уѣзднаго суда № 32 земская. Л. 181 об.. 182 (1592 г.).

[4]) Изслѣдованіе о Литовскихъ Татарахъ—статья орд. проф. Турецкой словесности С.-Петерб. университета *А. Мухлинскаго*, напечатанная въ «Годовомъ торжественномъ актѣ въ Императ. Санктпет. Университетѣ, бывшемъ 8 февраля 1857 года» (СПБ. 1857. Стр. 113—182). Статья эта, весьма обстоятельная, предполагалась къ произнесенію на актѣ, какъ ученая рѣчь, но не была произнесена за недостаткомъ времени и прямо явилась въ печати. Полное ея названіе: «Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ».

[5]) Въ сраженіи съ Тевтонскими рыцарями въ 1319 году участвовали Татары, какъ передовое войско.

[6]) *А. Мухлинскій*. Op. cit. Стр. 119.

Синія воды трехъ князей Татарскихъ,—Кутлубугу, Хаджибея и Дмитрея. Остатки разбитыхъ Татаръ удалились въ Крымъ и Добруджу [1], но по всей вѣроятности часть ихъ все-таки осталась въ Подольѣ, завоеванномъ послѣ этой битвы Литовцами. Сохранились воспоминанія и о походахъ Джанибека въ «Лехистанъ». Одинъ изъ такихъ походовъ Татаръ окончился даже пораженіемъ ихъ Польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ въ 1343 году въ окрестностяхъ Сендоміра. Конечно, всѣ эти походы давали Литвѣ то, или другое число плѣнныхъ, осѣдавшихъ на ея территоріи. Но особенно благопріятнымъ временемъ для образованія Татарскихъ поселеній въ предѣлахъ Литовскаго княжества было княженіе Витовта. По свидѣтельству исторіографа султана Мурада IV, Пэчеви, жившаго въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, нѣсколько Татарскихъ племенъ бѣжали въ Польшу, т.-е. въ Литву, спасаясь отъ грознаго нашествія на Кипчакъ страшнаго Тимура. Тамъ они и поселились, образовавъ шестьдесятъ селеній. Это было въ 1391 году, а черезъ пять лѣтъ и самъ ханъ Кипчака, Тохтамышъ, изгнанный изъ своего ханства, прибѣгнулъ къ милости Витовта, и послѣдній принялъ его, далъ ему мѣстопребываніе въ Лидѣ и обѣщалъ свою помощь. Въ союзѣ съ Василіемъ Димитріевичемъ Московскимъ онъ двинулся противъ Татаръ Азовской орды въ концѣ 1397 года. Азовскіе Татары были разбиты. Плѣненныхъ Татаръ Литовскій великій князь частью отправилъ къ Ягайлу въ Польшу, большую же часть поселилъ у себя въ Литвѣ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми «на берегахъ рѣки Ваки въ 14 верстахъ отъ Вильны, а также въ самой Вильнѣ и въ нынѣшнихъ уѣздахъ Трокскомъ, Ошмянскомъ и Лидскомъ Виленской губерніи, Новогрудскомъ—Минской, Брестскомъ—Гродненской, на Волыни и въ Августовской губерніи» [2]. Переселяемымъ Татарамъ жаловались великимъ княземъ земли въ полную ихъ собственность съ правомъ полнаго ими распоряженія и съ освобожденіемъ отъ податей и поборовъ, притомъ съ разрѣшеніемъ селиться не только въ селахъ, но и въ городахъ. Поселяя Татаръ въ своемъ Княжествѣ, Витовтъ признавалъ за ними полную свободу ихъ религіи и обычаевъ. Лишь, по словамъ изслѣдователя ихъ быта, ограничено было, до одной число женъ, которое могъ имѣть Татаринъ [3]. Забота Витовта о Татарахъ встрѣчала въ

---

[1]) *В. Б. Антоновичъ.* Монографіи по исторіи Западной и Юго-зап. Россіи. I. Кіевъ. 1885. Стр. 126.

[2]) *А. Мухлинскій.* Op. cit. Стр. 123. [3]) Ibidem. Стр. 140.

нихъ полное признаніе и чувство благодарности по отношенію къ великому князю. Вѣрность Литвѣ они сохраняли постоянно, сражаясь съ врагами ея, хотя бы это были даже ихъ единовѣрцы [1]). Дѣятельность Витовта, направленная къ поселенію въ предѣлахъ Княжества Татаръ, должна представляться для историка эпохою высокаго интереса. Въ то время, когда Западъ Европы совершалъ избіенія Евреевъ и сожженія еретиковъ, Витовтъ признаетъ принципъ свободы религіи и даетъ у себя спокойное жительство Татарамъ и караимамъ, отвѣчая упрекавшимъ его въ этомъ, что «и самыхъ лютыхъ звѣрей кротостію можно утишить» [2]). Послѣ пораженія на Ворсклѣ въ 1399 году Витовтъ не прекратилъ своихъ сношеній съ Ордою, какъ не принялъ и никакихъ репрессалій по отношенію къ Татарамъ, своимъ подданнымъ, въ отомщеніе за пораженіе отъ ихъ единоплеменниковъ. Въ битвѣ при Грюнвальденѣ подъ знаменами Литовскаго великаго князя вновь стояли уже десятки тысячъ союзныхъ ему Татаръ подъ начальствомъ Тохтамышева сына Джэлял-эд-дина и такимъ образомъ въ 1410 году мирныя отношенія съ Ордою оказались уже вновь вполнѣ возстановленными. Несмотря на недоразумѣнія, возникшія во время этого похода съ Татарами изъ-за ихъ насилій надъ мирными жителями и наказанія ихъ съ согласія Витовта, Джэлял-эд-динъ въ 1411 году живетъ съ нимъ въ Кіевѣ, а черезъ годъ великій князь Литовскій даже успѣлъ утвердить его на престолѣ Кипчака. Татары еще болѣе сблизились съ Литвою. Часть Татаръ, кочующая за Днѣстромъ, даже повиновалась ему, а кочевавшіе отъ Днѣпра къ Дону были въ зависимости отъ Литвы. Когда по смерти Витовта и послѣ возникновенія Крымскаго ханства начались постоянные набѣги Крымцевъ на Литовскія земли, Татары Литовскіе оставались всегда вѣрными своему новому отечеству, отказываясь принимать приглашенія дѣйствовать за-одно присылаемыя къ нимъ ихъ единоплеменниками. Самые набѣги Крымцевъ могли служить увеличенію числа Литовскихъ Татаръ, такъ какъ плѣнные могли селиться также въ Княжествѣ.

Всѣхъ Татаръ, жившихъ въ предѣлахъ Литвы, ихъ историкъ дѣлитъ на три категоріи, по происхожденію ихъ поселеній на Литовской территоріи: 1) «осѣдлыхъ наемныхъ и союзныхъ воиновъ Татарскихъ ордъ», 2) «улусовъ, пригнанныхъ Витовтомъ, и

[1]) Нпр., см. Исторію Хотинскаго похода *Якова Собѣскаго*. Мемуары, отн. къ ист. Южной Руси. Вып. II. Кіевъ 1896. Стр. 71.

[2]) *А. Мухлинскій.* Op. cit. Стр. 124.

плѣнныхъ на войнахъ съ Татарами» и 3) «выходцевъ Татарскихъ, добровольно переселявшихся въ Литву» [1]). Литовскіе Татары пользовались правомъ шляхетства, которое они старательно охраняли все время существованія великаго княжества Литовскаго, какъ во время его отдѣльной политической жизни, такъ и въ эпоху соединенія съ Польшею. Когда изданный въ 1566 году второй Литовскій статутъ своими постановленіями пошелъ въ разрѣзъ съ правами Татарскими, совершенно равнявшими Татаръ съ Литовскою шляхтою, они обратились къ Сигизмунду Августу на Городенскомъ сеймѣ 1568 года съ просьбою о томъ, чтобы изъ статута были «выкинены. або поправени» артикулы его, имъ «дотклывые и учтивости» ихъ «ущипливые» [2]), а именно 5-й артикулъ XII-го и 3-й IX-го раздѣловъ Литовскаго кодекса. Первымъ изъ этихъ артикуловъ устанавливалось, чтобы «жидъ, Татаринъ и каждый бесурмянинъ на достоенство а ни на которыи врядъ» не былъ назначаемъ государемъ или панами радою, а равнымъ образомъ, чтобы «хрестіянъ въ неволи не мѣлъ». Если нехристіанинъ купитъ христіанина въ вѣчную неволю, купленный свободенъ», а купившій теряетъ свои деньги, за него заплаченныя. Если нехристіанинъ «хлопа, або жонку закупитъ», онъ долженъ явиться передъ врядъ и дать записать въ книги, въ какой суммѣ сдѣлана эта закупа, а также вписать, и въ какой суммѣ даны ему эти люди, если ему они будутъ выданы «въ заплатѣ». Если сумма невелика, то «тотъ закупъ и закупня за семь лѣтъ» съ этихъ денегъ «масть выробитися»: въ томъ же случаѣ, если сумма велика, то каждый годъ работы такихъ закуповъ даетъ «выпуску» изъ нея «хлопу полтину грошей, а жонцѣ полкопы грошей». Находящихся у нихъ закупныхъ христіанъ басурмане не должны ни склонять къ принятію басурманской вѣры, ни тѣмъ болѣе совершать надъ ними обрѣзаніе, виновные же въ этомъ наказываются казнью черезъ сожженіе. «Мамками» басурманскихъ дѣтей христіанки быть не должны, и приневоливающій къ этому христіанокъ наказывается смертною казнью. Далѣе тотъ же артикулъ постановляетъ объ имѣніяхъ, жалуемыхъ государемъ «Татарину, або жиду, або которому бесурмянину». Владѣя такими имѣніями нехристіане не имѣютъ права приневоливать христіанъ-людей этихъ земельныхъ пожалованій

---

[1]) А. *Мухлинскій.* Op. cit. Стр. 133, 134.

[2]) Док. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 494,

къ «подачкамъ и службамъ незвыклымъ»; а если люди эти перейдутъ съ пожалованнаго имѣнія на другія земли королевскія, княжескія, панскія и шляхетскія, то они признаются «вольными», и ихъ нельзя вернуть на прежнее мѣсто ихъ жительства, хотя земля, на которой они жили и остается въ рукахъ владѣльца, получившаго ее въ пожалованіе отъ короля. Что касается до 3-го артикула IX-го раздѣла, то имъ было постановлено, что свидѣтелями на судѣ не могутъ быть «жыдове а ни Татарове», но только христіане «Рымского, або Греческого закону».

Сокращеніе правъ Татаръ, внесенное во II-ой статутъ обоими этими артикулами, является тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что «навезка» Татарамъ, владѣющимъ земскими имѣніями и служащимъ военную службу, должна быть такою же «яко шляхтичу» [1]). Страннымъ представляется и внесенное во второй статутъ постановленіе о свидѣтеляхъ [2]), которымъ не только нехристіане не допускались къ свидѣтельству, но и изъ христіанъ имѣли право «свѣдѣцства» лишь тѣ, которые ежегодно исповѣдывались и причащались у своихъ «плебановъ, або у поповъ». Едва ли можно признать постановленіе статьи этой согласнымъ съ общимъ духомъ времени съ его «разновѣрствомъ», господствовавшимъ въ ту эпоху въ Литвѣ и Польшѣ и нашедшимъ свое выраженіе въ извѣстномъ постановленіи о посполитомъ покоѣ «межы розорваными и розными людми въ вере и набоженстве» Варшавской конфедераціи 1573 года, внесенномъ и въ третій Литовскій статутъ [3]). Приходится полагать, что оно проникло въ статутъ 1566 года, отражая въ себѣ образъ мыслей кого-либо изъ лицъ, трудившихся надъ Литовскимъ кодексомъ, и лишь части изъ становъ Княжества, разсматривавшихъ его [4]), одержавшей въ данномъ случаѣ верхъ надъ остальными. Король не былъ на сторонѣ ограниченія правъ Татаръ Литовскихъ. Это видно изъ того, что онъ поспѣшилъ исполнить просьбу ихъ о возстановленіи ихъ правъ, поданную ему на Городенскомъ сеймѣ 1568 года. Онъ отвѣтилъ на эту просьбу, что въ ея исполненіе уже «привилей его королевской милости на то тутъ в Городне на семъ сойме данъ естъ», а артикулы, которые противны ихъ правамъ, будутъ исправлены «при поправованью статуту», причемъ въ

[1]) II ст. XII. 6. [2]) II ст. IX. 3. [3]) III ст. III. 3.

[4]) О составленіи второго Литовскаго статута и чтеніи его станами Княжества см. *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 296, 520, 631, и др.

него будутъ внесены и ихъ привилеи [1]). Подавая свою просьбу въ 1568 году, Татары, прося объ уничтоженіи противныхъ ихъ правамъ артикуловъ, хлопотали объ этомъ для того, «жебы з ыншими обывательми здешними народу шляхетского подъ однымъ правомъ и уфалою захованы были водле привилья его королевской милости», недавно имъ даннаго на Виленскомъ сеймѣ. Что касается до привилея, даннаго Литовскимъ Татарамъ Сигизмундомъ Августомъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, то онъ подтверждался потомъ не однажды. Подтвержденъ онъ былъ и Сигизмундомъ III-имъ 6 марта 1595 года [2]), какъ подтверждался и его преемниками вплоть до послѣдняго короля Польско-Литовской Речи Посполитой, Станислава Августа, приказавшаго выдать экстрактъ его изъ книгъ метрики канцеляріи Литовской, приложивъ къ нему печать Княжества [3]). Привилеемъ 1568 года Сигизмундъ Августъ объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что «князи, уланы, хоружые, маршалки и вси Татарове панства» его «великого князства Литовского» обратились къ нему на Городенскомъ сеймѣ съ извѣстною уже намъ просьбою и король, «за дознанемъ» ихъ «веры, цноты ку службамъ» своимъ государевымъ и земскимъ, сохранилъ имъ ихъ прежнія права, данныя его предшественниками. Привилей гласитъ, что «маютъ они во всемъ радитися и справовати въ справахъ своихъ заровне зъ иншыми обывательми» Литовскаго великаго княжества «стану шляхецкого потому, яко и до сихъ часовъ вольностей своихъ ужывали и въ нихъ се справовали», а артикулы статута, противные ихъ правамъ, «ничого вольностямъ и свободамъ ихъ шкодити и на переказы быти не маютъ вечными часы». Въ послѣдующее время къ этому привилею прибавился еще и другой привилей, данный Татарамъ Яномъ III-имъ Собѣсскимъ 24 мая 1677 года и подтверж-

---

[1]) Д. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 494.

[2]) А. Вил. I. Стр. 177—179. Мухлинскій (Op. cit., стр. 142 и сл.) такимъ образомъ напрасно посчиталъ Сигизмунда Вазу притѣснителемъ Литовскихъ Татаръ. Въ III-ій статутъ внесены опять непріятныя Татарамъ постановленія, но мы видѣли, что это было сдѣлано и статутомъ 1566 года, да притомъ третій статутъ составлялся безъ всякаго участія самого Сигизмунда Вазы, даже до начала его царствованія, и лишь былъ утвержденъ имъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 года.

[3]) 21 августа 1766 года. Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopismów i dzieł najrzadzych zebrał i wydał *Kaz. Wł. Wojcicki.* W Warszawie. 1856. Str. 45—47.

денный потомъ Августомъ II-ымъ 12 мая 1698 года и, наконецъ, Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ 3 декабря 1778 года [1]).

Но вернемся къ положенію Татаръ Литовскихъ въ эпоху, изучаемую нами въ настоящемъ изслѣдованіи [2]). Татары Литовскіе дѣлились на двѣ категоріи: одни изъ нихъ владѣли земскими имѣніями Литовскими и несли военную земскую службу, другіе занимались извозомъ, ремеслами и торгомъ. Мы должны на этихъ страницахъ заняться лишь Татарами первой категоріи, потому что только они входили въ ряды Литовской шляхты. Военная служба Татаръ, несомнѣнно, была очень цѣнна для государства, и уже въ уфалу Виленскаго сейма 1565 года было внесено постановленіе, чтобы никто изъ князей и пановъ Княжества не принималъ къ себѣ на службу Татаръ, имѣющихъ «оселости» и имѣнія «подъ его кр. милостью»; лишь неосѣлыхъ Татаръ можно принимать обывателямъ къ себѣ на службу «з датку» [3]). Акты знаютъ хорошо и призывы Татаръ королемъ на службу военную. Такъ, 8 мая 1563 года были даны въ Люботинѣ королевскіе листы Татарскимъ хоружимъ «о еханью Татаров до земли Лифлянтское противъ непрыятеля на войну» [4]). Какъ образецъ этихъ листовъ, въ Метрикѣ приведенъ листъ Татарамъ Городенскимъ. Въ немъ объявлялось «хоружому Татарскому в повете Городенскомъ и князем, вланомъ, мурзамъ и всимъ Татаромъ, которые именья и оселости свои у стягу того хоружъства маютъ», о томъ, что до короля доходятъ слухи изъ земли Лифлянтской «о небезпечности, которая се на сесь часъ тамъ деетъ». Ввиду такого положенія дѣлъ король рѣшилъ усилить людьми тамошніе замки, почему онъ и приказываетъ Татарамъ, чтобы они «конъно.

---

[1]) А. Вил. XIII. Стр. 108—112.

[2]) Татары бывали и на службѣ Московской. На листахъ 165—167 седьмой книги Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской находится списокъ, озаглавленный такъ: «Вязни Москва, которые за помочю Божю живо поймани в битве межи Улы и Сущи року 1567 месеца августа 23 дня». Въ этомъ спискѣ въ числѣ другихъ «вязней» обозначены: «Кинъдюк сын Табуковъ Татарин, Тоурза Товкелевъ Резановъ Татарин пойманъ от служебъника князя Романова Злобы, Баксаши мурза Яковлев сынъ Казаньских Татар,... Кайдар Татарин, поймал его Маско Малиц Машичъ з роты князя Шахдовлетовы,... Янъ Чур Татаринъ Мстиславец» и т. д.

[3]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 172.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 5—5 об. О происхожденіи этого призыва Татаръ см. *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 643.

*

збройно, што наборздей и наспешней быти можеть, на служъбу» королевскую «до тое земли ехати готовилися», всѣ собирались въ имѣніи пановъ Остиковъ, Ганусишкахъ, а оттуда «тягнули» бы въ замокъ Вольмеръ, гдѣ и должны собраться на срокъ черезъ недѣлю послѣ Вознесенья [1]). «Омешкати» нельзя, это строго воспрещается королемъ, и виновный въ ослушаніи королевскому приказу «срокго каранъ» будетъ, «а охотнымъ и ку служъбе» государевой «поспешным ласкою» своею государевой король «паметовати» будетъ. По прибытіи въ Вольмеръ всѣмъ Татарамъ будетъ доставлено «жалованье з скарбу» государева, въ Вольмеръ же будетъ прислано и лицо, «под чиею справою» они тамъ должны будутъ находиться. Листы такого содержанія были посланы Татарскимъ хоружимъ стяговъ Аирскаго и Мерешлянскаго и повѣтовъ Виленскаго, Троцкаго, Новгородскаго и Городенскаго вмѣстѣ съ Татарами, владѣющими осѣлостями въ стягахъ ихъ хоружествъ. 16 іюля того же 1563 года вновь были написаны, а на другой день, т.-е. 17 іюля, отправлены «военъные листы до Татар, абы на день светого Якуба у Радошковичох становилися» [2]). На этотъ разъ они были посланы хоружимъ Татарскимъ повѣтовъ и стяговъ Виленскаго, Троцкаго, Аларскаго, Новгородскаго, Городенскаго, Мерешлянскаго, Кревскаго, а также къ царевичу Пунскому. Какъ образецъ, приводится въ Метрикѣ листъ «хоружому Татарскому в повете Мерешлянскомъ Всеину и всимъ князем, вланомъ и мурзамъ и Татаром, которые именья и оселости свои в повете того хоружъства маютъ», но документъ какъ разъ прерывается на этихъ словахъ [3]), не давая такимъ образомъ возможности подробнаго ознакомленія съ его содержаніемъ.

Но не только, призывая на войну, говорятъ акты о Татарахъ. Когда 30 августа 1567 года были даны въ Кнышинѣ королемъ «листы отправчие, хто податков водле уставы не отдал» [4]), которыми предписывалось «увязанье» посылаемому дворянину въ имѣнія обывателей, не уплатившихъ податка, установленнаго рецессомъ Городенскаго сейма 1567 года и объявленнаго королевскими листами, то въ числѣ этихъ неаккуратныхъ плательщиковъ оказались и нѣкоторые Татары. Такіе листы были по-

[1]) «в тыдень по Вступеньи Божъемъ в небо».

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 12. [3]) Ibidem. Л. 12 об.

[4]) Ibidem. Л. 159 об.—160 об.

сланы «до всих Татаръ, которые именя и оселости свои под Красным Селомъ в Забашевичъ и Негоничахъ маютъ», «до всих Татар, которые именья в повете Менскомъ и помешканя свои около Покалина, Шеметова, Положина и инших сел маютъ», Татарамъ, имѣющимъ имѣнія и «помешканья» въ Ошменскомъ повѣтѣ, и наконецъ, отдѣльный листъ къ Татарину того же повѣта Якиму Царицѣ [1]). Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ источниковъ можно извлечь нѣкоторыя черты, характеризующія положеніе Литовскихъ Татаръ. Они имѣли свои осѣлости, земскія имѣнія, по которымъ были обязаны военною службою. Но есть разница въ этой военной службѣ Татаръ и шляхты. Если сравнить съ приказомъ Татарамъ ѣхать на войну, даннымъ королемъ въ 1563 году, листъ о посполитомъ рушеньѣ, выданный въ томъ же году [2]), то замѣтна весьма существенная въ нихъ разница. Листъ Татарамъ—простое королевское приказаніе; въ немъ нѣтъ ни слова о сеймовой уфалѣ, въ силу которой Татары призываются на войну, наоборотъ, въ листахъ о рушеньѣ упоминаніе объ этой уфалѣ стоитъ на первомъ планѣ. Отсюда слѣдуетъ, что Татары служили военную службу за свои имѣнія, которыми они владѣли, какъ своего рода ленами, въ то время какъ шляхтичи несли земскую повинность, какъ свободные земельные собственники, обязанные защищать свое отечество. Въ то время, какъ шляхта пріобрѣла право служить войну лишь по сеймовому постановленію, какъ гласитъ и Литовскій статутъ 1566 года [3]), Татары все еще находились въ положеніи обязанныхъ служить по листу государеву, какъ въ эпоху перваго статута служили и всѣ Литовскіе обыватели [4]). За свою службу, мы видѣли, Татары получали денежное жалованье, котораго не получала шляхта за посполитое рушенье. Наконецъ, Татаръ король передвигалъ совершенно свободно по своему усмотрѣнію въ замки, притомъ призывая на войну то одни стяги, то другіе. Такимъ образомъ есть несомнѣнное различіе въ военной службѣ Татаръ и шляхты Литовскихъ. Но Татары во всемъ остальномъ пользуются шляхетствомъ и его вольностями наравнѣ со шляхтою, они только военнослужилые люди, и въ этомъ ихъ отличіе отъ шляхты обыкновенной Не забудемъ, что и среди христіанской шляхты Литовской бывали военно-служилые люди, какъ ротмистры и товарищи ротъ

---

[1]) Ibidem. Л. 164—164 об.

[2]) Ibidem. Л. 8 об.—10. [3]) II ст. II. 2. [4]) I ст. II. 1.

конныхъ и пѣшихъ, правда, однако, служившіе исключительно за денежное жалованье, а не по своимъ шляхетскимъ имѣніямъ. Земскій судъ, разрѣшавшій дѣла шляхты, разбиралъ и дѣла Татаръ господарскихъ [1]), а категорическія постановленія королевскія о шляхетствѣ Татаръ заставляютъ думать, что они принимали участіе и въ сеймиковыхъ собраніяхъ шляхты своихъ повѣтовъ.

Относительно болѣе ранняго времени мы имѣемъ факты, говорящіе о несомнѣнномъ полномъ равноправіи Татаръ съ христіанскими обывателями [2]). Такъ, въ числѣ лицъ, бывавшихъ при судѣ намѣстника дореформеннаго земскаго суда, встрѣчаемъ и Татаръ. Напримѣръ, жалобу Татарина господарскаго Мурзы Оразовича на Татаръ же господарскихъ, Ораза Давыдовича, его сына Богдана и князя Соболя Базаровича, Городенскій намѣстникъ Войтѣхъ Гришковичъ Кимбаръ разсматривалъ 14 ноября 1540 года при бывшихъ съ нимъ лѣсничемъ Городенскомъ Петрѣ Мицутѣ, бояринѣ Андреѣ Сасинѣ и Татаринѣ господарскомъ, князѣ Мулкуманѣ Мискевичѣ [3]). Въ изданныхъ актахъ Городенскаго суда Татары господарскіе являются постоянно съ ихъ справами передъ этимъ земскимъ судомъ дореформеннаго времени [4]).

Татары Литовскіе имѣли и своихъ начальствующихъ, и своихъ высшихъ лицъ, возвышающихся надъ рядовыми Татарами-шляхтою. Такъ, грамота Сигизмунда Августа 1568 года, подтверждавшая права Татарскія, которую мы видѣли уже выше, гласитъ: «оповедали передъ нами князи, уланы, хоружые, маршалки и вси Татарове панства нашого великого князства Литовского» [5]), выдѣляя такимъ образомъ изъ рядовыхъ Татаръ высшій ихъ слой. Князья Татарскіе, по словамъ изслѣдователя-спеціалиста, были потомками беговъ Золотой и другихъ ордъ Татарскихъ [6]), а уланъ,

---

[1]) Нпр., Вил. Арх. Сб. II. № 89 (1589 г.).

[2]) *М. К. Любавскій* приводитъ изъ хроники Стрыйковскаго фактъ возведенія въ 1505 году королемъ Александромъ въ рыцерское достоинство множества Поляковъ, Литовцевъ и Татаръ (Лит.-Р. сеймъ. Стр. 454). Конечно, эти Татары были новопоселенными, а не потомками жившихъ въ Литвѣ еще во времена Витовта, обладавшихъ уже издавна правами шляхетства.

[3]) А. Вил. XVII. № 551.

[4]) См. А. Вил. XVII и XXI. [5]) А. Вил. I. Стр. 178.

[6]) *Мухлинскій* приводитъ и обозначенія беговъ различной степени: *Туманъ-беги* князь тумана, тьмы, т.-е. 10.000, или темникъ въ Русскомъ переводѣ ярлыковъ; *Мингъ-беги,* тысячный бегъ, тысячникъ; *Юзъ-беги*, сотный бегъ, сотникъ; *Унъ-беги*, десятный бегъ, десятникъ». Изсл. о пр. и сост. Лит. Т. Стр. 135.

или угланъ обозначаетъ то же, что у Персовъ слово мирза, т.-е. употреблялось для обозначенія родственниковъ ханскихъ. Что касается до слова мирза, или мурза, то Мухлинскій придаетъ ему не большее значеніе, чѣмъ господинъ, панъ [1]). Но кромѣ князей и улановъ (названія, бывшія своего рода титулами болѣе знатныхъ и родовитыхъ) среди Татаръ, были маршалки и хоружіе. Изъ того, что въ текстѣ королевской грамоты маршалки поставлены послѣ хоружихъ, можно заключать о болѣе низкомъ ихъ положеніи по сравненію съ послѣдними. Мы не можемъ принять толкованія Мухлинскимъ словъ привилея, даннаго Сигизмундомъ Старымъ 15 мая 1540 года на званіе маршалка князю Махмету Улану Осанчуковичу. Мухлинскій слова этого привилея—«въ стягу ся рядити и справовати», считаетъ обозначающими не военное, а «земское» званіе маршалка [2]). Прежде всего нужно по поводу этого замѣтить, что и военное значеніе вряда могло быть и дѣйствительно бывало земскимъ. Вряды гетмана, хоружія были врядами земскими въ такой же степени, въ какой и должности судьи, или подсудка. Кромѣ того и самое значеніе маршалка въ Литвѣ было прежде всего въ посполитомъ рушеньѣ, т.-е. тоже, можно сказать, военное. Дѣло въ томъ, что современный языкъ не различалъ военную дѣятельность отъ земской, а отличалъ ее отъ судовой и административной. Наконецъ, выраженіе «радить и справовать»—выраженіе совершенно обычное, употреблявшееся во всѣхъ привилеяхъ на всякія должности рѣшительно. Мы уже видѣли его употребленнымъ и въ грамотѣ на Татарское хоружество. Къ сожалѣнію, намъ не удалось собрать данныхъ для характеристики маршалковства Татарскаго, и грамоты, съ которыми знакомы мы, совсѣмъ даже не упоминаютъ о маршалкахъ Татаръ Литовскихъ. Что же касается до хоружія, то источники, изученные нами, позволяютъ довольно отчетливо обозначить эту должность. Хоружій Татарскій несъ хоругвь, стягъ и игралъ среди Татаръ своего стяга такую же роль, какую игралъ хоружій повѣтовый среди повѣтовой шляхты. Его назначеніе дѣлалось самимъ королемъ. Но мы уже познакомились выше съ этимъ Татарскимъ урядникомъ [3]).

Обратимся теперь къ изображенію экономическаго положенія шляхты Литовской въ шестидесятые, семидесятые и восьми-

---

[1]) Ibidem. [2]) *Мухлинскій.* Op. cit. Стр. 138.

[3]) См. выше, стр. 332, 333.

десятые годы XVI вѣка. Тутъ мы должны опредѣлить тѣ виды «маетности», изъ которыхъ слагалось имущество шляхетнаго обывателя Литовскаго, и уже затѣмъ сдѣлать очеркъ каждаго вида. Прежде всего, какъ это оттѣняютъ и сами источники, обыватель владѣлъ «речьми рухомыми» и «речьми нерухомыми», т.-е. движимостью и недвижимостью. Къ этимъ двумъ основнымъ видамъ имущества шляхты нужно прибавить еще третій—права на разнаго рода сборы, жалуемые королемъ. Что касается до недвижимыхъ имѣній шляхты, то они, въ свою очередь, были нѣсколькихъ видовъ. Тутъ основнымъ видомъ является «отчизна», имѣніе родовое, имѣніе предковъ, переданное ими изъ поколѣнія въ поколѣніе потомкамъ. Кромѣ имѣній «отчизныхъ» шляхта владѣла имѣніями благопріобрѣтенными. Способами пріобрѣтенія были: купля и залогъ въ случаѣ неуплаты долга, даръ и приданое по женѣ, выслуга на государѣ и его пожалованіе. Эти виды земельныхъ имуществъ составляли полную собственность своихъ владѣльцевъ. Но кромѣ земельной собственности великое княжество Литовское знало и владѣніе пожизненное или временное. Сюда относятся староства и державы различнаго рода, имѣнія, жалуемыя королемъ пожизненно, или на нѣсколько «животовъ», или срочно и, наконецъ, имѣнія, которыми владѣли «въ заставѣ» отъ короля, или отъ частнаго лица. Движимость шляхтича состояла изъ невольной челяди, скота, денегъ и различнаго домоваго скарба. Наконецъ, права на доходы, жалуемые королемъ, были арендою мытъ, мостовыми сборами и т. д.

Имѣніе отчизное должно бы было, повидимому, быть основнымъ, самымъ главнымъ въ ряду другихъ имѣній одного и того же владѣльца. На дѣлѣ, однако, это бывало далеко не всегда, и причиною этого служило постоянное дробленіе имѣній при переходѣ отъ отца къ сыновьямъ, обращавшее иногда прежде большое имѣніе въ такое, которое ни въ какомъ случаѣ уже не могло быть «наиголовнѣйшимъ» изо всѣхъ имѣній обывателя, «отчызныхъ, выслужоныхъ, купленыхъ и жониныхъ»,—обстоятельство, вызывавшее переносъ и земской службы шляхтича иногда въ другой повѣтъ изъ того, гдѣ лежала его «отчизна» [1]). Вотъ напримѣръ, четыре брата Ососки, шляхта Полоцкая — Яцко, Лецко, Василій и Жданъ Ивановичи, которые по описанію Полоцкой Ревизіи 1552 года имѣли всѣ вмѣстѣ имѣніе «отчызное у Прозо-

[1]) II ст. II. 8.

рокахъ, дворцы с пашнями». Къ этимъ дворцамъ принадлежали 7 вольныхъ людей, «всихъ братей», какъ поясняетъ Ревизія, дававшихъ имъ четвертый снопъ всякаго хлѣба и служившихъ толоки; кромѣ того, Ососкамъ принадлежали 4 огородника, служившіе толоки, да 2 человѣка, сидѣвшіе «на слободе» и еще не платившіе никакого плата землевладѣльцамъ [1]). Во что̀ бы обратилось имѣніе каждаго изъ Ососковъ, если бы они вздумали подѣлиться? Разумѣется, случайное пріобрѣтеніе новаго имѣнія путемъ брака, дара, выслуги, сейчасъ же поставитъ эту «отчизну» на второй планъ и переведетъ земскую службу шляхтича на его новую «маетность нерухомую». При раздѣлѣ своихъ имѣній между сыновьями владѣльцы далеко не всегда, конечно, соблюдали равенство частей и не всегда дробили свои владѣнія на одинаково мелкія части, чѣмъ предупреждалось, такимъ образомъ, распаденіе имѣнія сразу на нѣсколько мелкихъ; но зато при такомъ раздѣлѣ рядомъ съ крупными являлись части еще болѣе мелкія, чѣмъ онѣ были бы въ случаѣ равнаго раздѣленія. Какъ сильно дробились имѣнія, видно хотя бы по примѣру раздѣла своихъ земель королевскимъ дворяниномъ Николаемъ Павловичемъ Юндиломъ [2]). Онъ былъ въ бракѣ дважды. Отъ перваго брака имѣлъ трехъ сыновей, отъ второго—столько же. Такъ какъ по первой своей женѣ онъ взялъ большіе «посагъ» и «выправу», то сыновьямъ отъ перваго брака онъ завѣщалъ лучшее свое имѣніе—Бусяжъ въ Слонимскомъ повѣтѣ, а сыновьямъ отъ второго брака—имѣнія Палесу и Ваверку, лежащія въ Лидскомъ повѣтѣ. Если продолжимъ это дѣленіе еще на одно поколѣніе, то можемъ себѣ представить, на какія небольшія части должны были распасться земли Николая Юндила.

Когда мы говоримъ объ имѣніяхъ, переходящихъ наслѣдственнымъ путемъ отъ родителей къ дѣтямъ, необходимо помнить, что они бывали какъ «отчизныя», такъ и «материстыя», т.-е. передавались, какъ отъ отца, такъ и отъ матери.

Рядомъ съ имѣніями родовыми Литовская шляхта владѣла имѣніями благопріобрѣтенными. «Купля», «земля купленая»—носили названіе земли, пріобрѣтенныя путемъ покупки. Въ разрядѣ имѣній шляхетскихъ «купленыхъ» нужно различать двѣ группы: 1) имѣнія, купленныя шляхтою у шляхты же, и 2) имѣнія, купленныя ею у землевладѣльцевъ другихъ сословій. Законъ даетъ

---

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 75 об. [2]) А. Вил. XXII. № 638 (1570 г.).

право «всимъ станомъ шляхецского народу, яко и людемъ вольнымъ», всѣми своими имѣніями «отчизными, материстыми и якимъ же кольвекъ обычаемъ набытыми шафовати» [1]). Ихъ имѣетъ право владѣлецъ отдать, продать, даровать, записать, заложить, промѣнять—«водлѣ потребы, воли и подобанья своего». Такимъ образомъ землевладѣлецъ-шляхтичъ не былъ связанъ въ распоряженіи своею землею, какого бы вида она ни была. Поэтому естественно, что на рынкѣ Княжества въ различныхъ его повѣтахъ всегда имѣлись шляхетскія земли, ищущія для себя покупателя. Въ эпоху до второго статута и Берестейскаго сейма 1566 года продажа земянскихъ имѣній совершалась съ разрѣшенія мѣстнаго воеводы [2]). Берестейскій сеймъ 1566 года и второй статутъ признали полную свободу шляхты распоряжаться своими имѣніями, и потому съ 1566 года продажа и купля ихъ производились совершенно свободно. Только обыкновенно, продавая свою землю, шляхтичъ заявляетъ, что онъ это дѣлаетъ «посполъ з женою и з детьми» своими [3]), что, конечно, являлось гарантіею для покупателя въ томъ, что семья продавца не будетъ искать проданнаго имѣнія послѣ смерти своего главы, продавшаго его. Во всякомъ случаѣ государственное стѣсненіе права шляхты распоряжаться своими имѣніями было устранено въ 1566 году.

Рядомъ съ имѣніями, покупаемыми шляхтою у шляхты же, покупались ею имѣнія и у людей, не принадлежащихъ къ этому сословію-народу. Пріобрѣтались они шляхтичами и у бояръ [5]), и у слугъ [4]) панцырныхъ, или путныхъ, и тому подобныхъ королевскихъ подданныхъ спеціальнаго назначенія [6]), покупались и у мѣ-

---

[1]) II ст. III. 33.

[2]) Нпр., на листѣ 75 об. Полоцкой Ревизіи читаемъ: «Артем Иванович маеть именье купленое за дозволенем пана Станислава Довойна воеводы Полоцького у земенина Полоцького Борыса Шыловича, дворец на Белом с пашнею».

[3]) Нпр., А. Вил. XXII. № 650 (1570 г.),

[4]) Нпр., А. Вил. XXII. № 644 (1570 г.).

[5]) Нпр., «тотъ же Фронцъко маеть сельцо Борысковичы, куплю свою от слуг путъныхъ Полоцьскихъ на име от Демешка Скоковки, от Андрея Перхурова, от Левона Васильевича а от Конона Альхимовича». Полоцкая Ревизія. Л. 61.

[6]) Покупались и у простыхъ подданныхъ. Нпр., Полоцкая Ревизія, л. 68: «Иван Игнатович Митрополи маеть земли—куплю отца своего и теж свою подъданыхъ господарьскихъ на Сушыне, на...»

щан[1]) и духовенства[2]). Пріобрѣтаемая шляхтичемъ земля, конечно, сливается съ остальными его владѣніями и единственная повинность, идущая теперь съ нея — служба земская военная и податокъ, налагаемый сеймомъ въ случаѣ исключительныхъ нуждъ государства. Такимъ образомъ, земля, покупаемая шляхтичемъ, обѣляется, освобождается отъ прежнихъ повинностей, на ней лежавшихъ. Но земли не только покупались шляхтою, онѣ ею и продавались, притомъ продавались не только шляхтѣ же, но и лицамъ другихъ сословій. Продавались шляхетскія имѣнія и духовенству[3]), продавались и мѣщанамъ[4]). Статутъ отлично знаетъ, что въ рукахъ нешляхты находятся шляхетскія имѣнія, обязанныя земскою военною службою[5]), а относительно владѣнія шляхетскими имѣніями духовными лицами говоритъ еще подробнѣе[6]). Черезъ

[1]) Нпр., Полоцкому шляхтичу Василію Митковичу принадлежало «село Ухотъевичов, купля отца его в мещан Полоцъкихъ». Полоцкая Ревизія. Л. 66. об.

[2]) Нпр., мѣна боярина Чаплича съ Супрасльскимъ монастыремъ (1516 г.). А. Вил. I. Стр. 44, 45. Покупка церковнаго дома (1593 г.). А. Вил. VIII.Стр. 2

[3]) См., напр., А. Вил. I. Стр. 9—12 (1585 г.). Прекрасный примѣръ продажнаго листа духовному лицу—л. 216 об.—218 книги № 3 Вилькомирскаго гродскаго суда (Вил. Центр. Архивъ № 13880). Внесенный въ Вилькомирскія гродскія книги, этотъ листъ начинается такъ: «Я Станиславъ Матеевич Буйвид, земенинъ господарский повету Виленского, а я Алшка Миколаевна, малъжонъка звышъ помененого пана Станислава Буйвида, одинъ за обудвухъ, а обадва за одного почытаючы (л. 216 об.), згодне, одностайне, чиним явно и сознаваем сим нашым листом доброволным, записом вечыстое продажы нашое всим вобецъ и кождому зособна, кому бы то потреба была ведати, албо, чтучы его, слышати, иж што мы, маючы в моцы и в держаню своемъ пустовщызну нашу властную, прозываемую Пацушку, лежачую в повете Виленском, а так мы, зажываючы в томъ волности шляхетское и права посполитого, ижъ волно естъ кождому, яко хотечы, мастностю своею шафовати а потребуючы мы пилно пенезей, тую помененую пустовщызну Пацушку свою власную, никому ничым не пенную, першым а ни последнейшым записом не записаную, зо всим на все огулом, ничого сами на собе, дети и потомки свои не оставуючы а ни уймуючы, продали есмо обел, вечно и на веки непорушно в моц, в держане и ужыване поступили есмо велебному в Бозе его милости князю Бенедикту Войне, кустошу костела головного светого Станислава на замку Виленском, администратору бискупства Виленского, пробоцу Троцкому и всим их милости князем, пралатом, канеником капитулы Виленское за певную и до рукъ нашых отданую суму пенезей, то естъ за осмъдесят коп грошей личбы Литовское...» и т. д.

[4]) См. примѣры покупки Витебскими конными мѣщанами земель у земянъ— Вит. Центр. Архивъ. Вит. губ. Вит. у. с. № 32. Земская. Л. 205—206; 212—214 и др.

[5]) II ст. II. 1. [6]) II ст. II. 9.

выходъ шляхетской «маетности» изъ рукъ шляхетнаго владѣльца и переходъ ея въ руки нешляхтича интересы земской службы не страдали, ибо, согласно статуту, земская служба должна была идти съ земскаго имѣнія, кто бы имъ ни владѣлъ. Страдали лишь интересы повѣта, какъ коллективной единицы политически-правоспособнаго народа, такъ какъ число шляхтичей, ее составлявшихъ, сокращалось, потому что «осѣлость» въ повѣтѣ была необходимымъ условіемъ для пользованія шляхетскими правами по участію въ администраціи и политической жизни повѣта.

Кромѣ покупки, земли пріобрѣтались шляхтою и путемъ даренія, будетъ ли это даръ «пріятелю», или супругу. Вотъ, напримѣръ, даритъ своему «пріятелю» имѣніе Янъ Ходкевичъ, испрашивая 3 мая 1574 года въ Краковѣ на свой подарокъ« конфирмацыю» короля Генриха. Ходкевичъ заявляетъ королю, что онъ дѣлаетъ подарокъ своему «пріятелю», пану Григорію Бакѣ, имѣя полное право на основаніи уфалы Берестейскаго сейма распоряжаться своими имѣніями, какъ пожелаетъ. Оцѣнилъ же Ходкевичъ преданность себѣ Рогачевскаго державцы Григорія Баки во время военныхъ дѣйствій, когда послѣдній былъ при немъ, командуя ротами. Заслуги Баки «на добромъ баченью маючи, а хотечи тежъ вдячность свою приятельскую оказать и тымъ его охотнейшого собе способити», Ходкевичъ «далъ, даровалъ и листомъ своимъ на вечность записалъ» ему свои 4 села, находящіяся «в ыйменью Кгрушътеньскомъ в земли Жомоитской». Король, конечно, утвердилъ этотъ даръ [1]). Особый обширный отдѣлъ дарственныхъ записей, въ такомъ изобиліи сохраненныхъ актовыми книгами Литовскихъ судовъ, а также и Литовскою Метрикою, составляютъ дарственныя записи супруговъ, «дознавшихъ» къ себѣ со стороны своего «малжонка», или «малжонки» своей «доброго и цнотливого, а верного захованья в милости малъженьской» [2]). Такія записи давались и передъ смертью своею однимъ изъ супруговъ [3]), и просто во время жизни въ супружествѣ, по-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{1\ A}{57}$ л. 49 об.—52. См. выше, стр. 266 и прим. 2. Ср. дарственныя записи зятю (нпр., А. Вил. XXII. № 611), сыну (нпр., А. Вил. XXII. № 599).

[2]) Нпр., см. Лит. Метр. $\frac{1\ A}{57}$ л. 55 об. («Конфирмацыя пани Барбары Ердановны Зборовской». Л. 54 об.—58).

[3]) См., напр., А. Вил. XXII. № 619.

видимому, безъ особыхъ причинъ опасеній за свое земное существованіе [1]).

Къ числу дарственныхъ записей супружескихъ относятся и такъ называемыя вѣновныя записи. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ. Выходя замужъ, жена приносила своему мужу «посагъ», «выправу посаговую», т.-е., приданое. Это приданое оцѣнивалось, и мужъ записывалъ новобрачной «подлугъ обычаю права посполитого и статуту земского вено з совитостю» [2]), т.-е. на своихъ имѣніяхъ записывалъ ей двойную сумму противъ той, въ которую оцѣнилъ приданое. Эта запись дѣлалась на третьей части всѣхъ имѣній новобрачнаго. Такая запись, установленная закономъ [3]), имѣетъ цѣлью сохранить за женою стоимость ея приданаго, приносимаго ею въ домъ своего мужа, и, если «отецъ, выдаючы дѣвку замужъ, передъ выданьемъ ее вѣна и отправы отъ зятя своего не одержалъ, таковая дѣвка по смерти мужа своего внесенье тратитъ», какъ бы велика ни была стоимость ея приданаго. Законъ, охраняя имущественныя права жены, такъ постановляетъ относительно мужняго вѣна, записаннаго ей въ замѣну ея посага: когда умретъ мужъ, оставивъ послѣ себя дѣтей, а вдова его вновь выйдетъ замужъ, то дѣти, или близкіе его, если пожелаютъ «съ тое третее части имѣнія за живота ее вывѣновати», должны будутъ выплатить ей цѣликомъ всю сумму, которая гарантирована ей вѣновною записью ея мужа. Въ томъ же случаѣ, если «будутъ дѣти ждать смерти матки своее, не всхочутъ выкупити», то должны будутъ послѣ ея смерти выдать тому, кому она откажетъ, лишь ту сумму, которую она внесла въ домъ ихъ отца въ качествѣ своего посага. Что же касается до «совитости», до двойного размѣра суммы, записанной ей ея мужемъ по сравненію съ ея посагомъ, то вторая половина ея является, въ качествѣ «привѣнка», уже не принадлежащею ей въ такомъ случаѣ, и передавать ее она уже не имѣетъ права никому. Если же она умретъ, не оставивъ отъ новаго брака дѣтей и никому не завѣщавъ своего стараго посага, то онъ долженъ быть выплаченъ въ домъ, изъ котораго она была взята тѣмъ ея мужемъ, о посагѣ которому идетъ рѣчь. Такъ старательно опредѣляя и гарантируя женѣ ея право на приданое, вне-

---

[1]) См., нпр., ibidem, №№ 597, 610 и др.
[2]) А. Вил. XXII. № 613. Ср. А. Вил. VIII, № 169 (стр. 420—423) и др.
[3]) II ст. V. 1, 2.

сенное въ домъ мужа, статутъ не забываетъ постановить, что то имѣніе, на которое мужъ записалъ своей женѣ «отправу», онъ уже никому другому «никоторымъ правомъ, а ни способомъ записовати, а ни въ чужіе руки задавати не можетъ, хотя и призволенье отъ жены показовалъ»; только ея личное признаніе этого дѣйствія мужа, сдѣланное передъ врядомъ, можетъ разрѣшить мужу распоряжаться, а вряду «чинить отправу» на такихъ имѣніяхъ [1]).

Кромѣ исчисленныхъ способовъ благопріобрѣтенія шляхтичами имѣній нужно еще назвать пожалованія государемъ, имѣнія-выслуги. Но объ этихъ пожалованіяхъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, когда излагали тѣ виды награжденій, которые жаловались государемъ въ награду за службу и заслуги передъ нимъ, и здѣсь можемъ просто указать на страницы, говорящія объ этомъ, и не повторять вновь сказаннаго раньше [2]).

Рядомъ съ земельною собственностью шляхта имѣла земли, по отношенію къ которымъ она пользовалась лишь правомъ владѣнія Это право владѣнія, конечно, не исключало права передачи его на тѣхъ же самыхъ условіяхъ и другому лицу. Сюда относятся такъ называемыя «заставы», имѣнія заставныя, служащія залогомъ въ суммѣ денегъ, выданныхъ въ ссуду собственнику такого имѣнія. Шляхтичъ, нуждаясь въ деньгахъ, отдавалъ свои имѣнія въ залогъ. Такую «заставу» новый владѣлецъ держитъ на себя, пользуясь всѣми доходами и работами подданныхъ имѣнія въ теченіе срока, на который оно заставлено. Этотъ срокъ опредѣлялся временемъ, на которое назначалась уплата взятыхъ въ долгъ денегъ. Если въ срокъ имѣніе выкуплено не будетъ, то уплата денегъ отсрочивалась еще на годъ, а вмѣстѣ съ нею отсрочивалось и возвращеніе кредиторомъ имѣнія его законному собственнику [3]). Конечно, владѣніе имѣніемъ гарантировалось кредитору болѣе или менѣе основательно, вродѣ, напримѣръ, обязательства не требовать возвращенія имѣнія до сроковъ, не чинить «переказы» и т. д. [4]). Шляхетскія имѣнія, разумѣется, какъ продавались, такъ и заставлялись не только лицамъ шляхетскаго же стана, но и нешляхтѣ: при «вольности» каждому шляхтичу «шафовати» своею «маетностью», лишь его личный интересъ, его желаніе и его личная

---

[1]) II ст. V. 16. [2]) Стр. 429 и др.

[3]) См., нпр., А. Вил. XXII, № 612 и др. [4]) Нпр., ibidem и др.

выгода должны были служить для него руководствомъ въ распоряженіи имѣніемъ. Но не одни частныя лица «заводили» и «заставляли» кредиторамъ свои имѣнія. Королевскія столовыя земли оказывались нерѣдко въ качествѣ залога въ рукахъ кредиторовъ скарба Литовскаго, ибо и скарбъ нуждался въ ссудахъ подобно частнымъ лицамъ, обывателямъ Княжества. Какъ подданные его, такъ и король оказывались иногда вынужденными отдавать свои земли въ залогъ за ссуды, дѣлаемыя имъ ихъ кредиторами. Мы видѣли выше державы и староства, закладываемыя королемъ кредиторамъ скарба [1]). Отдѣльныя села также бывали предметомъ залога лицамъ, ссудившимъ государство. Вотъ, напримѣръ, королевскій листъ «пану Миколаю Богдану Стецковичу на некоторие села в старостве Браславском в суме пенезей» [2]), данный Сигизмундомъ Августомъ въ Городнѣ 7 іюня 1568 года. Въ этомъ листѣ король приказываетъ Браславскому старостѣ, Мстиславскому воеводѣ пану Юрію Остику, или его подстаростѣ, если его самого не окажется въ Браславлѣ, не противиться королевскому дворянину въ его передачѣ Стецковичу селъ, заставленныхъ ему королемъ, хотя эти села панъ Остикъ и «ку роботе фольварку» королевскаго «Друйского обернулъ» и на этомъ основаніи уже однажды отказалъ въ передачѣ ихъ пану Стецковичу и даже лично заявлялъ объ этомъ, «о то з нимъ перед» королемъ «мовенье маючи». О томъ, какъ сдѣлался Стецковичъ владѣльцемъ этихъ селъ, король въ своей грамотѣ говоритъ слѣдующее: «взявши есмо певное сумы пенезей в скарбъ нашъ господарьский и земский на потребу нашу господарьскую и земскую у старосты и ротъмистра нашого замку Коконгавзенского в земли Лифлянтской у Миколая Богдана Стецковича, зоставили и записали есмо ему в той суме пенезей мети и держати до выкупленья села наши у повете Браславскомъ войтовъства Гавриловского с певными застенъками, то естъ села...» Случалось и такъ, что части какого-нибудь староства, или державы сначала раздавались въ заставу нѣсколькимъ лицамъ, а потомъ выкупались однимъ, которое такимъ образомъ принимало на себя и всю ссуду скарбу Княжества [3]). Кромѣ заставныхъ имѣній отъ короля получали иногда въ награду за заслуги и имѣнія съ правомъ владѣть ими

[1]) См. выше, стр. 268 и сл.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{49}$ л. 11 об., 12.

[3]) Примѣръ см. выше—стр. 273, прим. 2.

лишь пожизненно, «правомъ доживотнымъ», или «до двухъ животовъ» [1]).

Къ числу имѣній, которыми владѣли шляхтичи не по праву собственности, а по праву владѣнія на извѣстное время нужно отнести и земли, которыми завѣдывали опекуны по праву опеки. Статутъ отводитъ опекѣ цѣлый раздѣлъ, состоящій изъ 12-ти артикуловъ [2]), и имѣнія, которыми владѣли шляхтичи «въ опецѣ» часто упоминаются источниками [3]). Кромѣ, того источники знаютъ и имѣнія, которыми шляхтичи управляли «в порученстве» [4]).

Кромѣ земель въ повѣтѣ, имѣній, въ составъ которыхъ входили пустоши, деревни и села, мѣстечки, городки, шляхта владѣла и недвижимостью въ большихъ городахъ. Полоцкою ревизіею 1552 года весьма значительное число шляхтичей показано владѣющими имуществомъ въ самомъ Полоцкѣ. Этимъ имуществомъ были дворы и дворища, лавки и мѣщане. Дворы въ Полоцкѣ, бывшіе собственностью шляхтичей, иногда описываются стоящими во главѣ цѣлаго имѣнія, лежащаго около города. Въ такомъ случаѣ они являются обыкновенными шляхетскими дворами, къ которымъ былъ приписанъ цѣлый рядъ селъ и земель, къ нимъ относящихся. Такъ напримѣръ, «двор в замку» [5]) имѣлъ въ числѣ своихъ владѣній панъ Глѣбъ Ивановичъ Зеновьевича-Корсакъ. Къ нему принадлежали села: Оболи (3 дыма), на Горанехъ (3 дыма), Завезневичи (3 дыма), Черепетъ (3 дыма), Стайки (5 дымовъ), Гомле (2 дыма слугъ путныхъ), Виховичи (4 дыма), на Вели (5 дымовъ), сельцо на Мосарѣ (3 дыма), сельцо Забрадовичи (1 дымъ), да, кромѣ того, земля Шевино, фольваркъ на Просмужцѣ (передъ городомъ Полоцкомъ) и 5 человѣкъ сидѣвшихъ на волѣ (на Вшаболкахъ и на Кубку). Такое же значеніе имѣетъ и «в замку Полоцком двор», принадлежавшій Ѳеодору

---

[1]) Примѣромъ можетъ служить хотя бы уже названный нами выше ротмистръ Каменскій, получившій отъ короля Генриха при его коронаціи шляхетское достоинство и 16 волокъ «кгрунъту неоселого» въ Немоноитскомъ лѣсничествѣ, которыми будутъ владѣть Каменскій и «жона его, по немъ позосталая» со всѣмъ, что принадлежитъ къ нимъ «до двухъ животовъ своихъ». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 52—53. См. выше, стр. 432, 433.

[2]) II ст. VI. [3]) Нпр., Полоцкая Ревизія, л. 52 об., 77.

[4]) Нпр., «тотъ же Матфей Томкович Кгетолтъ масть в порученстве своем именье дядка своего Александра Кгетолта; двор Плюнский, отчызну его». Ibidem. Л. 64.

[5]) Полоцкая Ревизія. Л. 43—43 об.

Ивановичу Зеновевичу-Корсаку [1]), или подобный же дворъ, принадлежавшій Богдану Ивановичу Корсаку [2]). Но рядомъ съ такими дворами въ Полоцкѣ были шляхетскіе дворы и другого характера: они не имѣютъ значенія главнаго пункта имѣнія шляхтича, а просто являются придаткомъ къ его владѣніямъ, дворами имѣющими самостоятельное значеніе, представляющими изъ себя такую же единицу, въ общемъ числѣ имѣній шляхтича, какъ каждое изъ этихъ послѣднихъ. Такіе дворы или служили жилищемъ владѣльцу, или же сдавались имъ въ наемъ-аренду. Такъ, Федько Ивановичъ Волынецъ имѣлъ «в месте на посаде Заполоцькомъ двор, в которомъ самъ мешкаеть» [3]), по словамъ Полоцкой Ревизіи 1552 года. Другіе владѣльцы сдавали свои дворы въ аренду, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Федько Комаровичъ со своими четырьмя дворами, находившимися въ Полоцкѣ «на посаде Великомъ»: съ нихъ ему шелъ доходъ въ размѣрѣ 52 грошей позема («позма») [4]). Кромѣ дворовъ источникъ знаетъ и дворища, какъ собственность шляхтичей въ Полоцкѣ, приносящую имъ доходъ [5]). Своимъ дворамъ и дворищамъ владѣльцы могли, конечно, давать различныя назначенія и извлекать изъ нихъ доходъ тѣми способами, которые имъ представлялись наиболѣе выгодными и удобными. Полоцкій хоружій, панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевича, по словамъ Ревизіи 1552 года, «в месте Полоцкомъ на рынку маеть две лавки, с которых ему плату прыходить на рок 20 грошей» [6]). Случалось, что шляхтичи владѣли и мѣщанами, жившими въ городѣ. Такъ, Богданъ Андреевичъ Епимахъ имѣлъ 12 мѣщанъ въ Екиманскомъ посадѣ Полоцка, съ которыхъ ему шло 44 гроша позема [7]), Богданъ Андреевичъ Селява въ Заполоцкомъ посадѣ того же города имѣлъ 10 мѣщанъ, «которые з местом тягнуть, а ему кождый позма по чотыры грошы платять» [8]), и т. д.

---

[1]) Ibidem. Л. 46—46 об. [2]) Ibidem. Л. 47 об.—48.

[3]) Ibidem. Л. 74 об. Кромѣ этого двора у Волынца были два имѣнія, въ которыхъ показаны Ревизіей 7 человѣкъ крестьянъ, 1 домовый слуга и 2 сидящихъ на волѣ. Къ земской службѣ Волынецъ ставилъ одного коня.

[4]) Ibidem. Л. 77.

[5]) Обыкновенно поземъ средняго размѣра съ дворища представлялъ изъ себя сумму въ 6—7 грошей. Нпр., Василій Олехновичъ „маеть в месте на посаде Заполоцькомъ два дворыща, с которыхъ ему позма прыходить 12 грошей". Ibidem. Л. 76. Цѣна колеблется, конечно, въ зависимости отъ величины дворища. Такъ встрѣчается плата, напримѣръ, съ двухъ дворищъ—8 грошей (ibidem, л. 72 об.), съ одного—12 грошей (ibidem, л. 74).

[6]) Ibidem. Л. 39 об. [7]) Ibidem. Л. 56. [8]) Ibidem. Л. 65 об.

Такимъ образомъ, шляхта имѣла земельную собственность не только въ повѣтахъ, но и въ городахъ. Доказывать, что фактъ этотъ имѣлъ мѣсто не въ одномъ Полоцкѣ, но и въ другихъ городахъ, нѣтъ надобности: изданные акты Литовскихъ судовъ даютъ цѣлый рядъ документовъ сдѣлокъ и продажъ, предметомъ которыхъ являются шляхетскіе дома и пляцы въ различныхъ городахъ Княжества [1]). Что касается цѣли, ради которой пріобрѣтали и держали свои дворы въ городахъ шляхтичи, то тутъ прежде всего выдается потребность имѣть убѣжище, куда можно было бы удалиться въ дни вражескаго вторженія въ границы великаго княжества Литовскаго, когда жизнь въ близлежащихъ къ границѣ повѣтахъ становилась опасной, а иногда прямо невозможной. Въ эпоху, напримѣръ, вторженія Московскихъ войскъ въ предѣлы Мстиславскаго воеводства во время второй Польской войны Московскаго царя Алексѣя Михайловича шляхта потянулась со своими семьями и пожитками въ замокъ Мстиславль, чтобы укрыться за его «парканомъ», за его стѣнами [2]). Конечно, желаніе имѣть дворъ въ замкѣ на случай такого несчастія должно было являться особенно сильнымъ преимущественно у шляхты «украинной», жившей въ пограничныхъ повѣтахъ Княжества. Но и для всякаго шляхтича было не лишнимъ имѣть дворъ въ замкѣ, вблизи отъ замковаго вряда, на случай столкновенія съ сильнымъ сосѣдомъ, грозящимъ опасностью его жизни. Равнымъ образомъ на случай пріѣзда въ городъ на роки земскіе, рочки гродскіе, или на сеймикъ не мѣшало имѣть въ немъ свой домъ. Къ этому нужно прибавить, что жизнь въ городѣ представляла удобства и для обученія дѣтей. Статутъ знаетъ шляхту «которые бы въ мѣстѣ осѣлость прынели» [3]). Онъ постановляетъ, что, если шляхтичъ, «занехавшы имѣнья шляхецского, а ищучы пожывенья», переселится въ городъ и, живя тамъ, будетъ торговать, имѣть «шынкъ» въ своемъ домѣ, или заниматься ремесломъ,

---

[1]) См., нпр., А. Вил. XX, № 27 и длинный рядъ другихъ актовъ.

[2]) Ист.-Юр. Мат. XVII. Акты Кричевской Магдебургіи—очень много документовъ, говорящихъ объ этомъ. (Стр. 176 и сл.). См. выше, стр. 339. Выше мы видѣли, какъ Полоцкая шляхта XVI вѣка хранила свои документы въ Полоцкомъ храмѣ св. Софіи (см. стр. 176). Обычай хранить документы въ церквахъ былъ и въ Московской Руси. Такъ, Тверскіе землевладѣльцы хранили свои документы въ Тверскомъ соборномъ храмѣ Спасова Преображенія. См. Писцовыя Книги *Калачова*. Т. I. Отд. II. Стр. 154 и др.

[3]) II ст. III. 20.

«понехавшы на тотъ часъ шляхецства своего», его дѣти не утрачиваютъ своего шляхетства въ томъ случаѣ, когда не будутъ заниматься такимъ нешляхетскимъ дѣломъ своего отца, а наслѣдуютъ «поступковъ рыцерскихъ продковъ своихъ». Но шляхтичъ могъ жить въ городѣ, и не занимаясь никакимъ торгомъ или ремесломъ, могъ даже занимать мѣстскіе вряды безъ ущерба для своего шляхетства. Въ документѣ, озаглавленномъ «привилей албо варунок Григорю Семеновичу Щиту з стороны шляхецтва его», данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 5 августа 1568 года [1]), король говоритъ: «бил намъ чоломъ земенинъ нашъ земли Полоцкое, Григорей Семеновичъ Щитъ, и поведил перед нами—дед его, Мартин Трухоновичъ Щитъ, с продковъ своих будучи шляхътичом для убозътва своего, найдуючи собе пожиивенье, вшолъ был до места нашого Полоцъкого и, тамъ мешкаючи, не бавил ся хлопскимъ, простымъ ремесломъ, а ни жадными делы, стану шляхетскому противными, але на врадех местскихъ в месте Полоцкомъ радцою и бурмистромъ бывалъ и с тымъ замкомъ нашимъ Полоцкимъ до рукъ неприятеля нашого великого князя Московского естъ взят...» Такимъ образомъ шляхта могла жить въ городахъ, не утрачивая своего шляхетства, если только она не занималась торговлею или ремесломъ; могла даже занимать должности врядниковъ мѣстскихъ. Войтомъ мѣста бывалъ очень часто шляхтичъ, занимая этотъ урядъ по назначенію короля [2]), или по своему наслѣдственному праву, лишь

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 21, 21 об. Другой примѣръ занятія шляхтичемъ мѣстскихъ врядовъ—А. Вил. VI. Стр. 159—176 (коммиссарское разбирательство дѣла Берестейскихъ мѣщанъ и пана Ивана Брозовскаго въ 1599 году).

[2]) Такъ, первымъ Могилевскимъ войтомъ былъ Николай Ясенскій, королевскій писарь Литовскій, Виленскій подкоморій, назначенный войтомъ въ Могилевъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1577 году одновременно съ дарованіемъ Могилеву Магдебургскаго права (А. З. Р. III. № 77. Тотъ же документъ изданъ—Бѣлоруссій Архивъ Древнихъ Грамотъ. Часть первая. Москва. 1824. Стр. 31. Въ послѣднемъ изданіи невѣрна дата—1578 годъ, такъ какъ уже въ 1577 году Могилевъ началъ управляться Магдебургскимъ правомъ, и первая актовая книга его магистрата начата въ 1577 году. (Вит. Центр. Архивъ. Могилевской губерніи, Могилевскаго магистрата. Актовая. № 1). Но уже черезъ годъ въ должность Могилевскаго войта вступилъ панъ Мартинъ Стравинскій, тивунъ и городничій Троцкій. «Перед его милостью велможным паном Мартином Стравиньскимъ, тивуномъ и городничым Троцкимъ, державцою Гунскимъ, войтомъ места Могилевского, ставшы очевисто на року апелецыи пан Ждан Богданович, лавникъ сегорочный, жаловал и оповедал на учтивого

*

утверждаемый государемъ [1]). Другіе мѣстскіе вряды также бывали въ рукахъ шляхты, жившей въ городахъ, какъ мы это только что видѣли на примѣрѣ Мартина Трухоновича Щита. Шляхтичи являлись со своими справами передъ войтовскій урядъ, обращаясь къ нему съ жалобами и заявленіями [2]). «Постано-

Ивана Тарасовича...»—читаемъ въ записяхъ, сдѣланныхъ въ 1579 году въ актовыхъ книгахъ Могилевскаго магистрата (Витебскій Центральный Архивъ Могилевской губерніи, Могилевскаго магистрата. № 3. 1579 и 1580 годовъ. Актовая. Л. 218. № 502). Мартинъ Стравинскій занималъ врядъ Могилевскаго войта еще и въ 1588 году (Бѣл. Арх. Ч. I. Стр. 56).

[1]) О такомъ наслѣдственномъ войтовствѣ говоритъ, напримѣръ, «привилей Якову Гричину на войтовъство Воинское» (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 20 об., 21). Приводимъ его цѣликомъ. «Жикгимонт Августъ Божью милостью корол Польский etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, што первей сего король его милость Жикгимонт славное памети, панъ отецъ нашъ, далъ и упривильевалъ войтовство в месте нашом Воинъскомъ дворанину нашому, небощику пану Гаврылу Грычину, и потомкомъ его, за которымъ наданьемъ и упривильеваньемъ оного войтовства небожчикъ Гаврыло Гричинъ в спокойномъ держаньи былъ и по смерти сынъ его, Яковъ, до сего часу оное войтовство держалъ. Ино, ижъ по небощику Гаврылу колькос сыновъ зостало, тогды ся они землями, ку тому войтовству належачими, на ровные части поделили и то межы собою розровнывали, нижли што ся дотычетъ враду войтовского, прысуду его, тогды бурмистры, радцы и все поспольство места нашого Воинского присылали до насъ, бьючи намъ чоломъ, ижъ быхмо под розную справу всимъ сыномъ небожчика Гаврыла Гричина их не поддавали, але одного с них, брата старшого, Якова Грычина имъ войтомъ дали и установили. Ино, кгдыжъ во всехъ местехъ наших не розные, але одна особа таковымъ врядомъ войтовскимъ справуетъ, а подъданые наши Воинъские, того Якова Гричина сами за войта обираючи, намъ чоломъ бьютъ, мы з ласки нашое господарьское тое войтовство Воиньское, съ присудомъ в томъ месте звыклымъ и зо всякими пожитки, на войта прислухаючими, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ. Маетъ Яковъ Гричинъ самъ, жона, дети и потомки его, окромъ иньшое братьи его, в том месте Воинъскомъ будучи войтомъ, всякие справы, враду войтовскому належачие, справовати и мешчан тамошних радити и судити и всякое владности и пожитков, ку тому войтовству прислухаючих, вживати вечными часы, водлугъ першихъ листовъ и привилья отца нашого, небожчику Гаврылу Грычину, отцу его, даных, потому, якъ небожчикъ отецъ их до живота своего и он самъ по смерти отца своего тое войтовство держалъ и имъ справовалъ. И на то есмо Якову Гричину дали сесь нашъ лист, подписавши его рукою властною нашою господарьскою, и з нашою печатью. Писанъ у Кнышине» 20 іюля 1568 года. «Подписъ руки господарьское».

[2]) Мы имѣемъ тутъ ввиду обычное, не исключительное время жизни повѣтовой шляхты. Конечно въ такія исключительныя времена, какъ времена вражескаго вторженія, въ магистратъ обращалась вся шляхта со всѣми своими

вившысе на уряде войтовства Могилевского, чинил жалобу шляхетный панъ Адамъ Адамович, земенин Кнежицский на Овдотью Кононовну, штож дей она, будучы у жоны моее у заставе поспол з мужомъ своимъ, Андреемъ Микиновичомъ, у двух копехъ грошей монеты Литовское, за которые пенези подвезалисе служити год тры, а так они, не заслуживщы мне тых трех годъ, поспол з мужом своим от мене утекли...»—читаемъ въ одной изъ актовыхъ книгъ Могилевскаго магистрата [1]). А вотъ еще примѣръ: «перед врадом войтовства Могилевского, ставши очевисто, шляхетный пан Кузма Маркович, земянин Могилевский, чинил оповеданъе...» [2]). Или еще образецъ—въ документѣ, озаглавленномъ «справа с Филипомъ а з Богданомъ о седло» читаемъ, что дѣло разбиралось «з жалобою земянина велеможного кнежати Ярослава Ярославовича Головчинского Кнежыцского, шляхетного пана Богдана Григорьевича» [3]).

Можетъ быть въ такихъ обращеніяхъ къ мѣстскому уряду можно видѣть указаніе на извѣстную привычку къ мѣстскимъ порядкамъ шляхты, жившей въ городѣ, такъ какъ шляхта съ заявленіями о побѣгахъ работниковъ своихъ обращалась въ судъ замковый [4]). Но, можетъ быть, тутъ можно видѣть широкое толкованіе статьи статута о томъ, что, «кгды бы се трафило жаловати которому шляхтичу» на Виленскихъ мѣщанъ «о раны, о головщизны, тогды о то судить врядъ мѣскій маеть своимъ судомъ, Майдеборскимъ правомъ» [5]). Если принять второе, нужно будетъ признать перенесеніе и на другіе города Магдебургскаго права привилегію Виленскихъ мѣщанъ, а также и расширеніе круга

заявленіями по той простой причинѣ, что шляхетскіе суды не могли дѣйствовать въ такія эпохи. См., нпр., Ист.-Юр. Мат. XVII, стр. 175 и сл.

[1]) Вит. Центр. Архивъ. Могил. г. Мог. маг. № 2. Актовая. № 34, Л. 16 (1578 г.).

[2]) Вит. Центр. Архивъ. Мог. г. Мог. маг. № 1. Актовая. Л. 163. № 376 (1578 г.). Въ описи книгъ Витебскаго Центральнаго Архива неправильно обозначена актовая книга Могилевскаго магистрата № 1 книгою 1577 года (Ист.-Юр. Мат. I. Стр. XLVII). Эта книга относится къ 1577 и 1578 годамъ. Начиная съ документа № 359, идутъ уже справы 1578 года, а передъ этимъ номеромъ находится слѣдующій заголовокъ: «Акта албо справы уряду войтовства Могилевского справоват се почалы в року тисеча патсот семъдесат осмомъ месеца генвара девятого дна».

[3]) Вит. Центр. Архивъ. Мог. г. Мог. маг. Актовая. № 1. Л. 246. № 595 (1578 г.).

[4]) Нпр., А. Вил. XXVI. № 99 и др. [5]) II ст. III. 27.

преступленій, который устанавливается статутомъ для такого обращенія шляхты къ мѣстскому уряду. Конечно, лишь детальное изученіе жизни городовъ Княжества можетъ разрѣшить этотъ вопросъ [1]). Для насъ въ настоящемъ изложеніи важно лишь показать, что шляхта несомнѣнно жила въ городахъ, имѣя въ нихъ недвижимую собственность, занимала вряды мѣстскіе и являлась передъ мѣстскимъ урядомъ со своими дѣлами.

Всѣ виды имуществъ, принадлежавшихъ шляхтѣ всецѣло или на извѣстныхъ временныхъ правахъ, разсмотрѣнные нами представляютъ изъ себя недвижимость, «речи нерухомые», которыми владѣли шляхетные обыватели Княжества. Что касается до движимаго имущества шляхты, то акты Литовскихъ судовъ и королевской канцеляріи Княжества сохранили въ очень большомъ числѣ перечень «речей рухомыхъ» различныхъ шляхтичей въ ихъ тестаментахъ, раздѣльныхъ актахъ, спискахъ «шкодъ», причиненныхъ наѣздомъ, описяхъ имуществъ послѣ умершихъ владѣльцевъ, спискахъ «посагу» и т. п. Подробному перечню всѣхъ видовъ движимости, являвшихся имуществомъ шляхетныхъ обывателей, не мѣсто на настоящихъ страницахъ, такъ какъ изученіе ихъ слишкомъ отвлекло бы насъ отъ той цѣли, которую преслѣдуетъ нашъ очеркъ—выяснить экономическое положеніе шляхты; но *стоимость* движимаго имущества шляхты имѣетъ для насъ первостепенное значеніе. Приведемъ, поэтому, нѣсколько примѣровъ оцѣнки движимости различныхъ шляхетныхъ обывателей Княжества. Послѣ смерти пани Станиславовой Некрашевича Анны Ивановны, на ея имѣніе Городище напали староста Кревскій и Румборскій, панъ Николай Юрьевичъ Остикъ, и князья Свирскіе, Лукашъ и Янъ Болеславовичи. Сдѣлали они это «у неделю» 24 октября 1563 года, «наехавъшы моцно, кгвалътомъ», и забрали имущество пани Некрашевичевой. Въ составъ этого имущества, реестръ котораго былъ представленъ королевскому суду въ Вильнѣ 5 февраля 1566 года, входили: «готовые грощи», т.-е. наличныя

[1]) Когда мы говоримъ о жизни шляхтичей въ мѣстѣ и о занятіи ими мѣстскихъ урядовъ, необходимо имѣть ввиду, что магистратъ вообще назывался обыкновенно шляхетнымъ (см., напримѣръ, А. Вил. XX, стр. 421 и приходо-расходныя книги Могилева, изданныя въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ, томы I—XXVII). Еще въ концѣ XVIII вѣка Кіевскій магистратъ напоминалъ о томъ, что мѣстскимъ врядникамъ Кіевскимъ по правамъ города полагается шляхетская «навезка». Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 3. Изд. редакторъ неоффиціальнои части Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей. А. А. Кіевъ. 1882. Стр. 29, 30.

деньги, серебряные посуда, ложки и пояса, «костелные речи» съ покрывалами для нихъ, «шаты», «цына», меды, «зброя военная», «речы стравные». Вся эта движимость была оцѣнена вмѣстѣ съ наличными деньгами, входившими въ ея составъ, въ девять тысячъ копъ Литовскихъ грошей [1]). Пани Некрашовая была вдовою человѣка далеко не бѣднаго: Станиславъ Некрашевичъ выставилъ въ 1528 году цѣлыхъ 27 коней въ войскѣ земскомъ [2]). Поэтому примѣръ стоимости ея движимости [3]), можетъ служить для насъ примѣромъ состоятельности богатыхъ пановъ, высшаго слоя народа-шляхты. Посмотримъ теперь на имущество рядового земянина средняго достатка. Вотъ, напримѣръ, завѣщаніе Слонимскаго земянина, пана Николая Гурскаго [4]). Женѣ своей, въ ея единоличное владѣніе онъ завѣщаетъ пустовскую землю Луковщизну, купленную имъ за 15 копъ грошей, 8 копъ грошей, отданныхъ въ долгъ подъ залогъ имѣнія, вороного коня, трехъ тельныхъ коровъ, одну яловицу, двухъ подтелковъ, трехъ воловъ, четырехъ овецъ, двухъ ягнятъ, трехъ козъ, двухъ гусей, двухъ утокъ. Своимъ сыновьямъ, Фронцу и Сонку, Гурскій завѣшалъ одного коня съ сѣдломъ, вола да корову: двумъ дочерямъ—суконный кожухъ, подшитый смушками, да двѣ скрини. Земли, за исключеніемъ выдѣленнаго женѣ, завѣщаются дѣтямъ какъ отъ перваго, такъ и отъ второго браковъ. Далѣе въ завѣщаніи упоминается посѣянное жито, «збожье вымолоченое», конь «шерстью плеснивый, сверепа гнедая з седлы», три вола, два быка «неукихъ», одинъ бычокъ «малый», три «яловыхъ» коровы, одинъ подтелокъ, 15 овецъ, 7 ягнятъ, 6 козъ. Таково имущество пана Николая Гурскаго, которое онъ дѣлитъ между своими наслѣдниками, не забывъ при этомъ распорядиться своимъ погребеніемъ—«вола полового белохвостого, продати и тыми пенезьми по погребе моемъ вси обыходы отправовати». Какъ, на примѣръ имущества небогатаго шляхтича, укажемъ на имущество, оставшееся послѣ смерти Ковенскаго зе-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{50}$ л. 140—143.

[2]) *A. Boniecki.* Poczet Rodów. Str. 203.

[3]) Притомъ, конечно, она не вся обозначена въ этомъ спискѣ, такъ какъ не все же, что было въ домѣ, до-чиста взяли наѣхавшіе на имѣніе Некрашовой. Кромѣ того въ спискѣ не обозначены челядь и скотъ.

[4]) А. Вил. XXII. № 620. Ср. также инвентарь имѣнія Русоты (1556 г.) *Яковъ Головацкій.* Черты домашняго быта Русскихъ дворянъ на Подляшьѣ. Вильна. 1888. Стр. 14—18. Тотъ же документъ—А. Вил. XXI. № 297.

мянина Матея Григорьевича [1]). Послѣ него остался крытый соломою домъ съ дворовыми постройками. Движимости кромѣ «збожья» остался лишь скотъ въ такомъ составѣ: одинъ волъ, двѣ коровы, три свиньи, да три курицы. Вотъ и все, что осталось послѣ Матея Григорьевича [2]).

Кромѣ недвижимости и движимости, нѣкоторые обыватели Княжества владѣли еще правами на какой-либо доходъ, дарованными имъ королемъ. Мы уже видѣли, что должностныя лица получали иногда юргельтъ, жалованье по своей должности. Кромѣ того, нѣкоторымъ врядамъ принадлежали тѣ, или другіе «пожитки», доходы, что мы видѣли также. Но иногда жаловалась королемъ и какая-либо доходная статья, аренда. Такъ напримѣръ, князю Роману Сангушку Сигизмундъ Августъ 27 іюля 1566 года пожаловалъ [3]) корчму при королевскомъ дворѣ въ Веницѣ и извѣстилъ объ этомъ земянъ и мѣщанъ Веницкихъ, чтобы они «о томъ ведали и яко сами, такъ подъданые» ихъ «добровольне в той корчме трунъковъ собе брали и тамъ их уживали». Люди менѣе знатные, чѣмъ воевода Браславскій князь Романъ Сангушко, также получали подобныя пожалованія [4]). Какъ доходная статья, давались въ завѣдываніе и церкви, монастыри и даже епископскія каѳедры. Такъ, церковь св. пророка Иліи при городѣ Владимірѣ надъ рѣкою Лугомъ «поданья» королевскаго до 1568 года держалъ Тишко Конаховичъ. Но онъ оказался не въ силахъ держать ее долѣе «для знишченья от обаполныхъ суседовъ про забранье кгрунтовъ церковныхъ и для убозства своего». Стараясь о томъ, «абы тая церъковъ ку большому знищченю не пришла и хвала Божая не вменшивалася», онъ передалъ ее со всѣми землями, сѣножатями, съ дворищемъ и садомъ и со всѣмъ, «якъ держалъ», королевскому маршалку и городни-

---

[1]) А. Вил. XIV. № 29.

[2]) Кромѣ того, въ инвентарѣ записано: «пенезей, што небожчиковского длугу менила (его жена), плативши чотыри копы невѣстцѣ своей Петровой, чотыри копы».

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 8 об.—9. («Князю Роману Санкушку о корчму у Веницы при дворе Кмитинском». Дата: Люблинъ, 27 іюля 1566 года).

[4]) Нпр., «прывилей Яцку Сушку на будоване корчмы волное в ыйменью его Туличове при замку Кобрыньскомъ» (ibidem, л. 6), или «привилей Василю Рагозе на корчму волную в ыйменю его Крайску» (ibidem, л. 28—28 об.), или «привилей томуже Василю Рагозе на корчму волную в ыйменю его Хотенчичах» (ibidem, л. 28 об.—29).

чію Владимірскому, пану Василію Загоровскому, «на вечность» и взялъ отъ него за это «слушное нагороженье». Подтверждая эту передачу церкви однимъ держателемъ другому, Сигизмундъ Августъ оттѣняетъ то, что Конаховичъ не имѣлъ права этого сдѣлать «на вечность», такъ какъ церковь эта—«подаванья» королевскаго, стало быть она должна бы была лишь на время передаваться подъ право «подаванья» другого лица [1]).

Аренда мыта также иногда отдавалась королемъ вельможѣ и шляхтичу. Такъ, въ Петриковѣ въ 1566 году была дана Сигизмундомъ Августомъ Яну Ходкевичу и Остафію Воловичу аренда мыта слѣдующаго года. А такъ какъ «ихъ милости не сут сведоми добре справъ поборовых, к тому будучы забавени на врадех своих велице-важными справами и послугами» государевыми и земскими, «звлаща под нинешнемъ часомъ валечнымъ», то оба они, и Ходкевичъ и Воловичъ, просили короля дозволить имъ къ этой арендѣ «припустити для споръшого дозору ку престреганью пожитъковъ скарбных справцу мыт и поборов» государевыхъ, Менделя Изаковича и его товарищей, «которых он, быти на то чуйныхъ розумевшы, ку собе приймет и способит». Аренда мытъ на 1567 годъ отдана Ходкевичу и Воловичу за 52 тысячи копъ Литовскихъ грошей [2]). Въ 1568 году въ Кнышинѣ Сигизмундъ

---

[1]) ... нно, ачъ кольвекъ тотъ Тишко Конаховичъ тое церкви кромъ позволенья нашого господарьского съпущати никому не мелъ, кгдыжъ оная церъковъ естъ подаванья нашого господарьского, але мы з ласки нашое на прозбу пана Загоровского то чинечи, при оной церкви светого Ильи водлугъ листу, отъ Тишка Конаховича ему даного, его зоставуемъ и симъ листомъ нашимъ ему то потвержаемъ на вечность. Маеть онъ самъ, потомки, дети и шчадки ихъ оную церковъ светого Ильи зъ землями и сеножатьми, з дворышчомъ и садом над рекою Лугомъ и зо всимъ тымъ, што здавна ку той церкви прыслухають, держати, и маючи тамъ попа, у томъ законе Греческомъ коло справы церъковное умеетного, фалу Богу Сотворытелеви польнечи, за зъдоровье наше господарьское Бога просити и тую церковъ будовати и всякими потребами направовати; и вольно ему будеть на кгрунтех тое церкви люде садити и всякихъ пожитковъ якими-кольвекъ имены могуть быти названы и поменены, якъ самъ налепей розумети будет розмнажати и причиняти. И на утверженье того дали есмо ему сесь нашъ лист, до которого и печать нашу приложити казали».—«Привилей пану Василю Загоровскому на церковъ при месте Володимерском заложеня светого Или з кгрунтами». Дата: Кнышинъ, 16 августа 1568 года (Подпись короля, скрѣпа писаря Базыліуса Древинскаго). Ibidem. Л. 29—29 об.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{IV A}}{10}$ л. 1—8. Происхожденіе этой аренды Сигизмундъ Августъ въ своемъ листѣ объясняетъ такъ: «што которые поборы в паньстве

Августъ отдалъ на три года [1]) аренду на новыя мыта своему служебнику Валентину Иберфельту и подданному Исааку Бродавкѣ за 26 тысячъ копъ Литовскихъ грошей въ годъ [2]). Что касается до передачи права аренды мыта однимъ лицомъ другому, то это было дѣломъ совершенно возможнымъ, и сами королевскія грамоты говорили: «вольно кожъдому аренъду свою кому хотечи спустити» [3]).

нашомъ великомъ князстве Литовскомъ от всякихъ товаровъ перво сего постановили есмо на потребу речы посполитое, которые арендою заведали от нас справцы мыт нашыхъ, жыдове Берестейские, Давыд Шмерлевичъ а Изакъ Бородавка, а потомъ панове-рада наша их милость духовные и светские зо всими станы, сойму належачыми, будучи на прошломъ сойме Берестейскомъ, на оборону земли Инфлянтское, не уменшываючы, але еще прычинили того побору болшей над перъший, от кождого товару меновите певъную личбу постановивши выбирати, для чого в местех, селах и именяхъ своих на выбиранье того побору комор и прикоморъковъ поступили. А иж на онъ часъ тые жыдове, не могучи тому сами досыть учынити, кгдыж многие князей, панов и земянъ в ыйменьях своих, ку границамъ прилеглых, не допущати того побору на потребу речи посполитое выбирати от своих и переежчых купъцовъ, пожитки неякие собе привлащаючы, про то тые справы поборовые жыдове помененые с того ся намъ господару вимовили. Ведже абы потребамъ земъскимъ в томъ омешканье якое не стало ся, тогды волею нашою господаръскою были на тую справу приведени староста Жомонтъский, маршалокъ земский великого князства Литовского, панъ Янъ Еронимович Ходкевича а подканъцлерий нашъ и маршалокъ дворный великого князства Литовского, пан Остафей Воловичъ, же тые обои поборы, яко перъво того от нас постановленые, такъ и тые на Берестейскомъ сойме от всих станов уфаленые, ихъ милости есмо на теперешний рокъ 67-й арендовали...» См. также другіе документы той же книги Переписей Литовскихъ. Изданы грамоты Сигизмунда Августа 1568 года объ отдачѣ пошлинъ Княжества на откупъ Ходкевичу, Воловичу и Менделю Изаковичу (Грамоты великихъ князей Литовскихъ съ 1390 по 1569 годъ, собранныя и изданныя подъ редакціею *Владиміра Антоновича* и *Константина Козловскаго*. Кіевъ. 1868. № 55). Объ этихъ Евреяхъ и ихъ арендахъ см. *С. А. Бершадскій*. Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ Евреевъ. Т. II. 1550—1569. Спб. 1882.

[1]) Съ 1 ноября 1569 года по 1 ноября 1572 года.

[2]) Лит. Метр. $\frac{IV\ A}{10}$ л. 20—26 об. Имъ же—«на старое мыто Ковеньское» (Дата: Кнышинъ, 15 августа 1568 года. Ibidem. Л. 26 об.—28 об.). Имъ же—«на старые мыта во всемъ великомъ князстве Литовском» (Дата: Кнышинъ, 15 августа 1569 года. Ibidem. Л. 28 об.—31 об. Въ пагинаціи книги Метрики—ошибка: 28 листь ошибочно обозначенъ 18-мъ). Имъ же—«на мыта Волыньские» (Дата: Кнышинъ, 7 декабря 1569 года. Ibidem. Л. 32—33 об.).

[3]) Лит. Метр. $\frac{IV\ A}{10}$ л. 40 об.

Зная виды имущественныхъ собственности и владѣнія, которые бывали въ рукахъ шляхетныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго, постараемся теперь представить картину экономическаго положенія шляхты Литовской. Для насъ необходимо хотя въ самыхъ общихъ чертахъ представить экономическую состоятельность народа-шляхты Литовской, державшей de jure въ своихъ рукахъ всю полноту политической власти въ Княжествѣ. Имѣла ли вся шляхта Литовская возможность обладать этою властью de facto? Разрѣшенію этого вопроса поможетъ картина ея экономическаго состоянія.

Чтобы представить себѣ болѣе или менѣе наглядно экономическое положеніе шляхты въ ея слояхъ, возьмемъ имущество различныхъ обывателей одного и того же повѣта для сравненія ихъ одно съ другимъ. Вотъ, напримѣръ, имѣніе Полоцкаго шляхтича Ивана Пѣтуховича Кублицкаго. Все оно состоитъ изъ дворца Кублицкаго съ пашнею, къ которому принадлежатъ 3 человѣка вольныхъ людей, дающіе ему со своей пашни четвертую часть всякаго хлѣба и служащіе ему толоки. Съ этого имѣнія онъ ставитъ къ земской службѣ одного коня [1]). Григорій Грибунъ имѣлъ пустовщину «за датою» Сигизмунда Стараго. На этой землѣ у него были 3 человѣка вольные, дававшіе ему четвертую долю сбора хлѣба со своей пашни. Онъ также къ земской службѣ выставлялъ одного коня [2]). Имѣній, подобныхъ имѣніямъ Кублицкаго и Грибуна, въ ряду земель Полоцкой шляхты было далеко не два. Но эти имѣнія слишкомъ уже невелики. Ихъ всетаки было менѣе десятка въ Полоцкомъ воеводствѣ по его описанію 1552 года. Остальныя имѣнія, съ которыхъ шла земская служба въ размѣрѣ одного коня, были значительно больше. Возьмемъ для примѣра хотя бы имѣніе Остафія Ивановича Буцка. Въ его отчизномъ имѣніи, Сушинскомъ, находились 8 человѣкъ, платившихъ ему четвертую долю своего сбора хлѣба, 4 человѣка новоосаженныхъ, сидѣвшихъ на волѣ и потому ничего ему не платившихъ, и 6 огородниковъ, служившихъ только толоки [3]). Посмотримъ теперь на размѣръ населенія имѣнія, съ котораго выставляются къ земской службѣ 2 коня. Въ имѣніи княгини Ивановой Соколинской было 9 дымовъ людей отчизныхъ тяглыхъ, 16 дымовъ людей вольныхъ и 4 путныхъ слуги. Тяглые отчиз-

---

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 78 об.
[2]) Ibidem. Л. 80. [3]) Ibidem. Л. 73 об.—74.

ные люди давали ей доходу всѣ вмѣстѣ 5 Полоцкихъ пудовъ меду и 50 грошей Литовскихъ, ежедневно ходили «на службу» и ѣздили въ подводы; съ вольныхъ людей ей шла четвертая часть ихъ сбора съ полей; наконецъ, путные слуги служили ей конемъ и, «где потреба», ѣздили «з листы» [1]). Сравнимъ теперь съ этими цифрами цифры населенія самаго крупнаго землевладѣльца изъ Полоцкой шляхты по ревизіи 1552 года — пана Дмитрія Богдановича Корсака. Ему принадлежали пять имѣній — Березвичо, Плисо, Язно, дворъ на Славнѣ и Ластовица. Населеніе ихъ удобно видѣть изъ слѣдующей таблички [2]).

Виды населенія.	Имѣнія.					Итогъ.
	I.	II.	III.	IV.	V.	
Мѣщане	40 ч.	54 д.	—	—	—	40 ч.+54 д.
Бояре, имѣющіе своихъ людей. .	2 ч.	4 ч.	4 ч.	—	4 ч.	14 ч.
Бояре, своихъ людей не имѣющіе.	8 ч.	4 д.	6 д.	1 ч.	2 ч.	11 ч.+10 д.
Слуги путные. . .	2 ч.	—	—	—	—	2 ч.
Задворники и огородники	21 ч.	4 ч.	9 ч.	1 ч.	1 ч.	36 ч.
Люди отчизные . .	29 д.	27 д.+1 ч.	10 д.	12 д.+1 ч.	79 д.	157 д.+2 ч.
Люди вольные .	42 д.	80 д.	26 д.	11 д.	40 д.	199 д.
Мѣщане новоосѣлые	—	9 ч.	—	—	—	9 ч.
Люди, сидящіе на волѣ	-	—	—	4 ч.	—	4 ч.
						420 д.+118 ч.

Сверхъ того, что приносило пану Димитрію Корсаку населеніе его имѣній, его корчмы, давали ему доходъ, котораго было $16^{1}/_{2}$ копъ грошей Литовскихъ [3]). Обладая своими 420-ю дымами

[1]) Ibidem. Л. 54 об.

[2]) Римскими цифрами обозначены въ таблицѣ пять имѣній Корсака: I—Березвичо, II—Плисо, III—Язно, IV—дворъ на Славнѣ, V—Ластовица. Д.—обозначасть дымъ, ч.—человѣкъ.

[3]) Всего у Д. Б. Корсака Ревизіею показаны три корчмы: 1) медовая корчма въ мѣстечкѣ Березвичѣ, которую онъ «заставляет на год за семъ копъ грошей», 2) медовая и пивная корчма при дворѣ Язненскомъ «чынит ему до году полтрети копы грошей», 3) къ двору на Славнѣ «на передместьи Полоцком у Якиманны» корчма, «которая ему чынит семь копъ грошей».

и 119-ю людьми, панъ Димитрій Богдановичъ Корсакъ долженъ былъ выставлять къ земской военной службѣ 26 коней. При взглядѣ на цифры Полоцкой ревизіи 1552 года невольно бросается въ глаза отсутствіе пропорціональности числа коней, выставляемыхъ къ земской службѣ съ имѣнія, съ числомъ живущаго въ немъ населенія, а слѣдовательно и съ экономическимъ его значеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, панъ Димитрій Корсакъ, выставлялъ коня съ $16\frac{4}{26}$ дыма и $4\frac{14}{26}$ человѣкъ, а Григорій Грибунъ [1]), Иванъ Пѣтуховичъ Кублицкій [2]) и многіе другіе съ 3-хъ человѣкъ, жившихъ на ихъ землѣ, ставили по коню также. Буцко ставилъ коня съ 18 человѣкъ [3]), княгиня Соколинская—съ $12^1/_2$ дымовъ и 2-хъ путныхъ слугъ [4]). Такимъ образомъ, такъ сильно отличаясь размѣромъ своихъ имѣній и ихъ экономическимъ значеніемъ, шляхта рѣзко различалась въ то же время и степенью тяжести военной службы для отдѣльныхъ шляхетныхъ обывателей.

Изъ всего изложеннаго видно, въ какихъ сравнительно грубыхъ чертахъ нужно принимать для характеристики экономическаго положенія шляхты цѣлаго повѣта ту таблицу, которую мы сейчасъ предлагаемъ вниманію читателя [5]).

Въ имѣніяхъ Д. Б. Корсака были 4 церкви «наданья егожъ». Кромѣ описанныхъ въ Ревизіи имѣній «тогож пана Дмитра Корсака имене Пуповичы отышъло в сторону непрыятелскую, в котором, поведил, людей шест сот чоловековъ а бояр трыдъцать». Имѣнія Д. Б. Корсака описаны на 34—38 листахъ Полоцкой Ревизіи.

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 80. [2]) Ibidem. Л. 78 об.

[3]) Ibidem. Л. 73 об., 74. [4]) Ibidem. Л. 54 об.

[5]) Въ первой графѣ этой таблицы указано, въ какомъ размѣрѣ отбывалась земская военная повинность владѣльцемъ (или нѣсколькими владѣльцами вмѣстѣ, если они владѣли нераздѣльно имѣніемъ, или рядомъ имѣній, составлявшихъ ихъ общее владѣніе). Панъ Дмитрій Богдановичъ Корсакъ выставлялъ 26 коней, панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевича—9 коней, Семенъ и Василій Борисовичи—1 коня и т. д. При этомъ нѣсколько совладѣльцевъ посчитаны за одного владѣльца, такъ какъ ихъ общее имѣніе въ глазахъ государственной власти было единицею земельнаго владѣнія. Вторая графа показываетъ, сколько было въ Полоцкомъ воеводствѣ земельныхъ владѣній, съ которыхъ земская служба отбывалась въ одномъ и томъ же размѣрѣ 26 коней выставляло одно владѣніе, по 9-ти—четыре, по 3—двѣнадцать и т. д. Наконецъ, въ третьей графѣ показано, по скольку коней выставляли всѣ единицы-владѣнія, съ которыхъ правительство требовало несенія земской военной службы въ одномъ и томъ же размѣрѣ.

Число коней, выставляемыхъ съ имѣнія или ряда имѣній, принадлежащихъ одному владѣльцу.	Число имѣній или ихъ группъ, принадлежащихъ одному владѣльцу.	Сумма выставляемыхъ коней.
26	1	26
20	1	20
14	1	14
11	1	11
10	1	10
9	4	36
8	1	8
5	1	5
4	12	48
3	12	36
2	29	58
1	47	47
«Водле можности»—1 конь	1	1
	Итого—112	Итого—320 коней

Дѣлая выводы на основаніи фактовъ, почерпаемыхъ изъ Полоцкой Ревизіи 1552 года, мы должны выяснить себѣ, вся ли дѣйствительно Полоцкая шляхта описана нашимъ источникомъ. Текстъ Полоцкой Ревизіи 1552 года не даетъ никакого права думать иначе. Въ самомъ дѣлѣ, передъ началомъ описанія имѣній Полоцкой шляты въ Ревизіи находится общій заголовокъ—«Шляхта Полоцъкая» [1]), а послѣ описанія имѣнія послѣдняго по описи шляхтича, Микиты Васильевича Новоцы, читаемъ слѣдующую приписку: «сума почту с тых всих именей князскихъ, паньскихъ и земяньских ку служъбе господарьской земъской вышей пры замку описана, то естъ трыста и двадцать коней» [2]). За этою припиской идетъ обозначеніе въ ихъ суммѣ повинностей, которыя несли имѣнія шляхты Полоцкой на государя и на Полоцкій замокъ [2]). Вслѣдъ за этимъ находится извѣстная уже намъ [3]) приписка о дачѣ настоящаго списка Полоцкой Ревизіи, составленной Кмитою и Подцендковскимъ, Полоцкому воеводѣ Дорогостайскому по его просьбѣ Скуминымъ, Новгородскимъ воеводою [4]). Итакъ, сама книга въ

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 34. [2]) Ibidem. Л. 80.
[3]) См. выше, стр. 328. [4]) Полоцкая Ревизія. Л. 80 об.

своемъ текстѣ не даетъ никакой возможности заподозрить ее и предположить, что въ ней переписана не вся Полоцкая шляхта, а лишь часть послѣдней [1]). Но цифра шляхты можетъ на первый

[1]) Приводимъ списокъ Полоцкой шляхты, составленный по Ревизіи 1552 года: 1) Панъ Дмитрій Богдановичъ Корсакъ, 2) панъ Иванъ Михайловичъ Зеновевича, хоружій Полоцкій, 3) панъ Василій Михайловичъ Корсакъ, городничій Полоцкій; 4) панъ Глѣбъ Ивановичъ Зеновевича Корсакъ, 5) Боркалабъ Ивановичъ Корсакъ, 6) Федоръ Ивановичъ Зеновевичъ Корсакъ, 7) Богданъ Ивановичъ Корсакъ, 8) Яковъ Глѣбовичъ Корсакъ, 9) Петръ Васильевичъ Корсакъ. 10) Остафій Глѣбовичъ Корсакъ. 11) Аникей Ивановичъ Корсакъ; Корсаки—хоружій Полоцкій панъ Иванъ Михайловичъ, городничій Полоцкій, панъ Василій Михайловичъ; Корсаки—Остафій и Янъ Глѣбовичи, ихъ братаничи Петръ Васильевичъ, Боркалабъ Ивановичъ, Аникей Андреевичъ, Костихно Семеновичъ, 12) князь Юрій Тимофеевичъ Масальскій, 13) князь Иванъ Тимофеевичъ Масальскій, 14) князь Павелъ Юрьевичъ Соколинскій, 15) князь Тимофей Юрьевичъ Соколинскій, 16) князь Михайло Васильевичъ Соколинскій, 17) княгиня Андреевая Соколинская, Василиса Андреевна Сангушковна и сыновья ея, князья Борисъ и Андрей Соколинскіе, 18) княгиня Ивановая Соколинская, панна Андреевна, 19) княгиня Болковая, 20) Война Петровичъ Епимахъ, целникъ Полоцкій, 21) Богданъ Андреевичъ Епимахъ, 22) Фредрихъ, Янъ и Василій Епимахи, 23) Павелъ, Сидоръ, Иванъ, Миколай, Глѣбъ, Ходотъ Глѣбовичи Есмановы, 24) Янко Богдановичъ Быстрейскій, 25) Михайло Ловейковичъ Воисецкій, 26) Иванъ Яцковичъ Стрежовскій, 27) Григорій Яцковичъ Подберезскій. 28) Фронцко Каспаровичъ, 29) Петръ Олеша, 30) Семенъ Федоровичъ Ульскій, 31) Федя Васильевна, Александровича Богдановая Ульская, 32) князь Петръ Богдановичъ Жыжемскій, 33) Семенъ Митковичъ Кублицкій, 34) Федоръ Богдановичъ Кублицкій, 35) Гринашко Кублицкій, 36) Ганна Лаврыновна Васильевая Олехновича Кублицкая, 37) Богданъ Чижевичъ, 38) князь Дмитрій и князь Богданъ Федоровичи Глинскіе, 39) Матфей Томковичъ Кгетолтъ, 40) Гаврило Гридковичъ Юревскій, 41) Федоръ Тарасовичъ Шобловинскій, 42) Гаврило, Константинъ и Федоръ Юревскіе, 43) Иванъ Андреевичъ Селява, 44) Богданъ Андреевичъ Селява, 45) Василій Андреевичъ Селява, 46) Тишиная Быковская Федя, 47) Петръ Свецкій, 48) Василій Митковичъ, 49) Василій Гридковичъ Меницкій, 50) Миколай Индрыховичъ Лодятичъ, 51) Иванъ Волоткевичъ, 52) Марина Васильевна Глѣбовая, 53) Янковая Богдановая Голубицовича, 54) Иванъ Игнатовичъ Митрополи, 55) Александро Михайловичъ, 56) Богданъ Михайловичъ, 57) Лукашъ Богдановичъ Гарабурда, 58) Петръ Андреевичъ, 59) Олехно Рагоза, 60) Петръ Невельскій, 61) Семенъ и Василій Борисовичи, 62) Василій и Иванъ Богдановичи Ракусы, 63) Павелъ Козицкій, 64) Бартошъ Рогусскій ловчій, 65) Филипъ Федоровичъ Шишка, 66) Василій Полупета, 67) Семенъ Степановичъ, 68) Василій Картенъ, 69) Микула Картанъ, 70) Матей Ивановичъ Тяпинскій, 71) Миколай Ивановичъ Тяпинскій, 72) Васильевая Войниновича Картиная, Соня Рафаловна, съ сынми своими, Степаномъ, Богданомъ и Иваномъ, 73) Федоръ Мартиновичъ Проселокъ, 74) Васильевая Проселковая, 75) Гарасимъ а Федоръ Шостовичи, 76) Остафій Ивановичъ Буцко, 77) Андрей Михайловичъ, 78) Федько Ивановичъ Волынецъ, 79) Жданъ Василье-

взглядъ показаться слишкомъ незначительною для числа всего «народа»-шляхты воеводства-повѣта и потому требуетъ сравненія съ цифрою шляхетскаго населенія какой-либо другой области великаго княжества Литовскаго. Удобнѣе всего это сдѣлать, сопоставивъ цифры Полоцкой Ревизіи 1552 года съ цифрами «пописа» 1528 года, части котораго изданы, напримѣръ, съ «пописомъ земли Волынской» [1]). По этому «попису» всѣ обыватели Волынской земли должны были выставлять на земскую службу 819 коней. Это число вооруженныхъ ратниковъ было распредѣлено между 272-мя владѣльцами [2]). Если принять во вниманіе, что размѣры Волынской

вичъ, 80) Иванъ Михайловичъ Стрежъ, 81) Федоръ Ивановичъ Мелешко, 82) Иванъ Опонасовичъ Мелешко, 83) Шымко Мартиновичъ Мелешко, 84) Яцко Петровичъ, 85) Яцко, Лецко, Василій и Жданъ Ивановичи Ососки, 86) Артемъ Ивановичъ, 87) Василій Олехновичъ, 88) Гарасымъ Левоновичъ, игуменъ Воскресенскій, съ братіею своею Михномъ и Васкомъ, 89) Якимъ Гунца съ братомъ Михайломъ и съ братаничами своими Васкомъ и Максимомъ, 90) Тишко Скирневичъ, 91) Федько Комаровичъ, 92) Степанъ Глазковичъ, 93) Остафій, Матфей и Семенъ Хряпци, 94) Иванъ Ринковъ, 95) Иванъ Исаевичъ, 96) Михайло Полупета, 97) Михайло Кгодачевскій, Опанасъ Ивановичъ, Семенъ Олехновичъ и Петръ Семеновичъ, 98) Яцко и Якубъ сыновья Якуба Оханка вмѣстѣ со своею сестрою Зофіею, «которые еще летъ своихъ не доросли, суть в опеце дядька своего, плебана Нестанижскаго», 99) Иванъ Семеновичъ, 100) Иванъ Логвиновичъ Нечай, 101) Иванъ Пѣтуховичъ Кублицкій, 102) Ганна Дубровиная, 103) Степанъ Богатыревичъ, 104) Андрей, попъ дворный, съ братомъ Левономъ и со своими братаничами Кожчычами, 105) Василій Мамевичъ, попъ Юревскій Туловскій, 106) Павелъ Полозовичъ, 107) Занько и Иванъ Грыдковичи Болотове, 108) Куньца, Иванъ и Семенъ Васильевичи Шышлове 109) Петрашко Охромеевичъ Головиничъ, 110) Иванъ Яцковичъ Ворона, 111) Матфей Михновичъ, 112) Ермола Ивановичъ Ульяновичъ съ братіею, своею стрыечною, Андреемъ и Гавриломъ, 113) Вольфромей и Матфей Заньковичи, 114) Володько Игнатовичъ Невельскій, 115) Григорій Грибунъ, 116) Микита Васильевичъ Новоша.

[1]) А. Вил. XIII. Стр. 18—21.

[2]) Именно владѣльцевъ, а не лицъ, такъ какъ нѣсколько совладѣльцевъ, напримѣръ, братьевъ, сосчитаны нами за одного. М. К. Любавскій (Л.-Р. сеймъ. Стр. 358, 359) считаетъ въ Волынской землѣ по «попису» 1528 года—821 коня, выставляемыхъ 282-мя владѣльцами. Можетъ быть, нужно объяснять это различіе въ цифрахъ нашего подсчета съ подсчетомъ М. К. Любавскаго погрѣшностью списка внесеннаго въ трибунальскія книги, изъ которыхъ документъ взятъ въ XIII-мъ томѣ Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи. Во всякомъ случаѣ различіе въ обоихъ подсчетахъ не существенно ввиду незначительности его. Что касается до цифры коней, которую выставляли въ 1528 году князья и бояре Полоцкіе, то она не можетъ, конечно, идти въ сравненіе съ цифрою 1552 года. Эта цифра—443 коня, которыхъ выставляли 103 владѣльца. (Подсчитано нами по А. Вил. XXIV. стр. 54—55).

земли были болѣе чѣмъ вдвое обширнѣе, размѣровъ Полоцкой, что видно уже изъ того, что, послѣ новаго раздѣленія воеводствъ на повѣты, Волынское воеводство имѣло три повѣта (Луцкій, Владимірскій и Кремянецкій), а Полоцкое — лишь одинъ, то цифра Полоцкой Ревизіи не покажется сомнительною и по своей величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленные между тремя повѣтами 819 коней выразятся лишь цифрою въ 273 коня для каждаго повѣта. Если мы примемъ во вниманіе ростъ населенія, который, однако, лишь въ весьма небольшой пропорціи увеличивалъ количество выставляемыхъ силъ повѣта, такъ какъ съ увеличеніемъ числа шляхтичей-хозяевъ дробились имѣнія, что уменьшало число коней, выставляемыхъ съ каждаго отдѣльнаго имѣнія, увеличивая общее число шляхетскихъ имѣній, — несмотря на двадцатичетырехлѣтній промежутокъ времени, протекшій между «пописомъ» 1528 года и Полоцкой Ревизіей 1552 года, мы не можемъ заподозрить приведенныя цифры послѣдней. Кромѣ того, необходимо имѣть ввиду и то, что часть Полоцкой земли была къ 1552-му году уже захвачена Москвою.

Присматриваясь къ табличкѣ земской службы Полоцкой шляхты, помѣщенной выше, мы замѣчаемъ, что изъ 112-ти владѣльцевъ, выставлявшихъ вооруженныхъ всадниковъ въ посполитомъ рушеньѣ, лишь 11 ставили болѣе четырехъ коней и лишь 35 — болѣе двухъ. Около 43% общаго числа владѣльцевъ выставляли по одному коню и около 26% — по два. Лишь 31% владѣльцевъ выставляли болѣе двухъ коней. Видѣвъ выше примѣры размѣровъ имѣній шляхты, выставлявшей по одному и по два коня, мы можемъ себѣ представить и экономическое положеніе этихъ 69% Полоцкихъ шляхтичей. Оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо обезпеченнымъ. Примемъ при этомъ во вниманіе постоянное дробленіе шляхетскихъ имѣній вслѣдствіе раздѣловъ ихъ между

Мы не привлекали ее къ сравненію въ текстѣ потому, что самые размѣры Полоцкаго воеводства были гораздо меньше въ 1552 году, чѣмъ въ 1528, такъ какъ часть его была завоевана Иваномъ Васильевичемъ, царемъ Московскимъ. Намъ нужно было сравнить цифры Полоцкой Ревизіи 1552 года съ цифрами другого какого-либо воеводства съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность сравнить Полоцкій повѣтъ-воеводство съ другими какими-либо повѣтами послѣ новаго территоріальнаго дѣленія Княжества 60-хъ годовъ XVI-го столѣтія. Старое же Полоцкое воеводство въ его территоріальныхъ размѣрахъ 1528 года уже не существовало въ эпоху введенія новаго раздѣленія государства на повѣты, ибо значительная часть его принадлежала Москвѣ (См. Писцовыя книги *Калачова.* I. II. Стр. 421—566).

32

сыновьями умершаго владѣльца, и намъ станетъ яснымъ, что число шляхетскихъ имуществъ, похожихъ на упомянутое нами выше [1]) имущество, оставшееся послѣ смерти Ковенскаго земянина Матвѣя Григорьевича, должно было все увеличиваться, а инвентарь его, внесенный 17 октября 1584 года въ книги Ковенскаго земскаго суда [2]), — описаніе имущества крестьянина средняго достатка нашего времени.

Итакъ, изъ всего приведеннаго въ характеристику матеріальной обезпеченности шляхты Литовской, полагаемъ, слѣдуетъ, какъ несомнѣнный фактъ, что экономическое положеніе громаднаго большинства повѣтовой шляхты было таково, что лишь подъ условіемъ весьма небольшого развитія потребностей владѣльца давало ему возможность существовать на свои средства [3]). При наличности этого факта понятнымъ становится и стремленіе шляхтичей къ частной службѣ, въ широкихъ размѣрахъ существовавшее среди шляхетныхъ обывателей Княжества. Понятной должна стать и та постоянная группировка шляхты партіями около сильныхъ и богатыхъ вельможъ въ надеждѣ на матеріальныя выгоды отъ вниманія того или другого пана. Можетъ быть, и страсть къ сутяжничеству, несомнѣнно существовавшая среди шляхты, имѣла одною изъ причинъ своего происхожденія эту малую экономическую обезпеченность, въ силу которой пустой на нашъ взглядъ предметъ, какая-нибудь небольшая полоска пустоши, сабля, или шапка представлялись дѣйствительною цѣнностью, когда выиграть процессъ, имѣющій цѣлью пріобрѣсти или удержать ихъ за собою, было не только вопросомъ самолюбія, или чувства ненависти, зависти и имъ подобныхъ, но и вопросомъ, можетъ быть, жгучаго имущественнаго интереса.

Мы видѣли выше тѣ разряды, на которые дѣлилось шляхетское сословіе, видѣли и его экономическое состояніе. Но различіе между отдѣльными обывателями лежало не только въ томъ, что одинъ былъ титулованнымъ, должностнымъ, богатымъ, а другой рядовымъ и бѣднымъ. Различало ихъ и умственное развитіе, и степень образованности, выдѣлявшія однихъ изъ ряда другихъ, дававшія вліяніе на повѣтовыхъ ихъ «братьевъ-шляхту» и нерѣдко

---

[1]) Стр. 487, 488. [2]) А. Вил. XIV. № 29.

[3]) Убогую шляхту, не имѣющую крестьянъ, хорошо знаютъ поборовые универсалы. Vol. leg. II. Str. 102 и др. О положеніи убогой шляхты ср. *Н. И. Павлищевъ.* Сочиненія. Т. I. Польская Анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину. СПБ. 1878. Стр. 39 и сл.

возводившія ихъ на вряды. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію правъ и обязанностей «народа-шляхты», мы должны коснуться также этого производителя неравенства между единицами большого соціальнаго тѣла, именовавшагося народомъ-шляхтою великаго княжества Литовскаго.

Источниками, изъ которыхъ вливались въ шляхетскія головы обывателей Литовскихъ знанія, какъ элементы умственнаго развитія, были школа, книги, путешествія, встрѣчи и бесѣды съ частными лицами въ частныхъ собраніяхъ, встрѣчи и присутствіе на сеймикѣ и сеймѣ, на рокахъ судовыхъ и, наконецъ, законъ, доступный каждому вмѣстѣ съ универсалами королевскими, гетманскими, воеводскими и врядничими. Великое княжество Литовское къ началу изслѣдуемаго періода имѣло уже рядъ школъ, въ которыхъ получали образованіе дѣти шляхты Литовской. Въ самый же періодъ, которому посвящено настоящее изслѣдованіе, число школъ растетъ очень замѣтно. Школы въ Литвѣ[1]) существовали при католическихъ каѳедрахъ и приходахъ, устраивались онѣ и при протестантскихъ сборахъ, частью уже возникшихъ къ началу нашего періода, частью возникавшихъ въ теченіе его. Что касается до школъ, устраиваемыхъ православными, то въ эпоху до возникновенія братскихъ школъ конца XVI вѣка слишкомъ трудно говорить объ этихъ школахъ, вслѣдствіе отсутствія указаній источниковъ, а соображеній можно много высказать и за ихъ развитіе, и противъ него, соображеній, взаимно уничтожающихъ другъ друга. Католическія школы существовали, во-первыхъ, при бискупскихъ каѳедрахъ. Существовало и нѣкоторое число школъ парохіальныхъ, приходскихъ (Виленская Свято-Янская, Жижморская, Трабская, Новодворская и т. д.), но лишь съ появленіемъ іезуитовъ въ Литвѣ (1569 г.) число католическихъ школъ стало дѣйствительно замѣтно возрастать. Это происходило потому, что отчасти сами іезуиты устраивали свои училища, начиная съ Виленскаго, основаннаго ими въ 1570 году, отчасти подъ вліяніемъ ихъ, прямымъ и отрицательнымъ, и католическое духовенство открывало свои новыя школы Нравы католическаго ду-

[1]) См. *Józef Łukaszewicz*. Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. T. I. Poznań 1849. T. II. Poznań. 1850. T. III. Poznań. 1851. T. IV. Poznań. 1851. и *К. Харлампowичъ*. Западно-Русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань. 1898.

*

ховенства Польши и Литвы [1]) и цѣли, которыя оно себѣ ставило, до этой эпохи были слишкомъ далеки отъ учительства и заботъ о народномъ образованіи. Рядомъ съ каѳедральными и пароxіальными училищами великое княжество Литовское уже съ 1566 года обладало училищемъ гражданскаго права, существовавшимъ въ Вильнѣ при костелѣ св. Яна. Здѣсь преподавались правà Римское, Саксонское и Магдебургское, также какъ и Литовское, но едва ли эта юридическая школа обходилась безъ преподаванія и каноническаго права. Изученіе Римскаго права имѣло несомнѣнно значеніе основы юридическаго образованія въ XVI вѣкѣ, особенно необходимой послѣ эпохи Возрожденія; что же касается до правъ Литовскаго, Саксонскаго и Магдебургскаго, то изученіе ихъ должно было имѣть чисто практическое значеніе [2]). Святоянское Виленское юридическое училище несомнѣнно и подготовляло тѣхъ знатоковъ дѣйствовавшихъ въ Княжествѣ законовъ и юридическихъ порядковъ, которые потомъ становились юристами-практиками въ качествѣ инстигаторовъ и прокураторовъ.

Со времени прибытія въ Вильну въ 1569 году іезуитовъ число католическихъ училищъ сильно возрастаетъ. Дѣятельность іезуитовъ, которая такъ долго была трактуема исключительно съ точки зрѣнія борьбы ихъ за католическую вѣру, оставалась обыкновенно оцѣниваемою совершенно односторонне, и за этою одностороннею оцѣнкою проходили нерѣдко незамѣчаемыми или даже оцѣниваемыми несправедливо тѣ положительные результаты, которые были внесены ихъ дѣятельностью въ общечеловѣческую культуру. Но заслуги ихъ въ дѣлѣ школьной дидактики и развитія ея пріемовъ, какъ таковыхъ, ихъ вліяніе на общій подъемъ знаній и на увеличеніе числа школъ, а также ихъ вліяніе въ дѣлѣ

---

[1]) См. *Н. Любовичъ.* Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. Варшава 1883. Стр. 24, 41, 42 и др.

[2]) Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. К. Харламповича (op. cit., стр. 37), что изученіе Римскаго и Саксонскаго правъ было не нужно для юристовъ-практиковъ Литвы. Римское право, помимо своего значенія, какъ основы юридическаго образованія,—что сознавалось и до Возрожденія древности, и послѣ него,—имѣло несомнѣнно и практическое значеніе для юриста, помогая ему разобраться въ современныхъ законахъ, и вопросъ въ высшей степени интересный представляетъ изъ себя изученіе Литовскихъ статутовъ съ точки зрѣнія рецепированія ими Римскаго права. Что же касается до Саксонскаго права, то изученіе его для Литовскаго юриста являлось прямою необходимостью, ибо оно было *дѣйствующимъ* въ Литвѣ, въ ея городахъ, управлявшихся нѣмецкимъ правомъ.

болѣе строгаго отношенія церковныхъ дѣятелей къ себѣ лично и подчиненія частныхъ интересовъ лица общему дѣлу—неотъемлемая историческая заслуга іезуитовъ. Для насъ въ нашемъ очеркѣ умственнаго состоянія Литовской шляхты времени съ эпохи Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія нѣтъ надобности останавливаться на исповѣдныхъ результатахъ педагогической дѣятельности іезуитовъ; намъ нужно лишь указать на ихъ значеніе въ дѣлѣ увеличенія числа католическихъ школъ въ Княжествѣ и распространенія знаній среди шляхты Литовской. Въ 1570 году уже открылись іезуитская коллегія и школа въ Вильнѣ, а затѣмъ іезуитскія школы стали возникать и въ другихъ мѣстахъ великаго княжества Литовскаго. Іезуитская коллегія въ Полоцкѣ возникла въ 1581 году, тогда же, повидимому, тамъ стала дѣйствовать и ихъ школа [1]). Въ Несвижѣ іезуиты основались лишь въ 1584 году [2]). Остальныя іезуитскія училища возникли въ Княжествѣ уже за тѣми хронологическими предѣлами, которые ограничиваютъ наше изслѣдованіе положенія шляхты Литовской. Къ школамъ, названнымъ нами, нужно еще прибавить духовную семинарію въ Вильнѣ [3]). Кто же были ученики католическихъ школъ великаго княжества Литовскаго, изъ какихъ сословій дѣти учились въ училищахъ, устроенныхъ при католическихъ каѳедрахъ, приходахъ и іезуитскихъ коллегіяхъ? Безъ сомнѣнія, это были дѣти шляхты и мѣщанъ Княжества. Крестьяне Литовскіе не имѣли тѣхъ заботъ законодательства объ ихъ образованіи и обученіи, которыя имѣло Польское крестьянство [4]), а, принадлежа въ большей своей части къ православному исповѣданію, они не могли и пользоваться католическою школою, даже если бы и имѣли для обученія въ школѣ внѣшнюю возможность. Католическая школа Княжества, конечно, предназначалась для мѣщанства и шляхты и должна была служить дѣлу обученія дѣтей именно

---

[1]) *J. Łukaszewicz.* Hist. Szk. Str. 132. *К. Харлампповичъ.* Op. cit Стр. 67 и прим. 2.

[2]) *J. Łukaszewicz.* Hist. Szk. T. IV. Poznań. 1851. Str. 119.

[3]) Въ Жомоитскомъ бискупствѣ не было своей семинаріи до начала XVII вѣка, несмотря на требованіе Тридентскаго собора, чтобы каждый католическій епископъ устроилъ семинарію въ своей епархіи. Жомоитскіе бискупы изучаемой эпохи приготовляли священниковъ своей епархіи, пользуясь Виленской академіею, въ которую посылали учиться избранныхъ ими юношей, отпуская на это обученіе средства. Ks. biscup *Maciej Wołonczewski.* Biskupstwo Żmujdzkie. Kraków, 1898. Str. 132.

[4]) Факты см. у *К. Харлампповича.* Op. cit. Стр. 4, 5.

этихъ сословій. Иногда въ бурсахъ шляхетскія дѣти жили вмѣстѣ съ мѣщанскими, иногда отдѣльно, въ спеціальныхъ шляхетскихъ бурсахъ.

Кромѣ школъ католическихъ, въ Литвѣ въ серединѣ XVI вѣка появились и школы протестантскія. Въ 1539 году въ Вильнѣ была открыта школа (тайная) лютераниномъ Авраамомъ Кульвою, а въ пятидесятыхъ годахъ Яномъ Винклеромъ. Но обѣ школы были весьма недолговѣчны и не могутъ быть серьезно разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ значенія для поднятія знаній Литовскаго. шляхетства. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи были школы кальвинистовъ. Виленская и другія кальвинскія школы несомнѣнно дѣлали свое дѣло такъ же, какъ и социніанскія, но число ихъ все-таки ни въ какомъ случаѣ не могло быть слишкомъ уже велико. Вообще необходимо признать, что школъ католическихъ и протестантскихъ, взятыхъ вмѣстѣ, далеко не было числомъ столько, чтобы онѣ могли быть достояніемъ шляхты и мѣщанъ всего Княжества. Существованіе бурсъ при школахъ облегчало родителямъ помѣщеніе ихъ дѣтей въ ученье въ школахъ, но, конечно. ими пользовались сравнительно немногіе, а города, въ которыхъ находились школы, лежали слишкомъ далеко отъ большей части повѣтовой шляхты, для того чтобы она могла при своихъ въ массѣ небольшихъ средствахъ пользоваться школою и чтобы школьное обученіе сдѣлалось правиломъ, а не болѣе или менѣе частымъ исключеніемъ. Переходя къ школѣ православной, мы находимся въ большомъ затрудненіи, такъ какъ источники очень скупы на упоминанія о ней [1]). Если и была въ изслѣдуемую эпоху православная школа въ Княжествѣ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, она предназначалась главнымъ образомъ для дѣтей самого духовенства, и размѣры ея дѣятельности не были таковы, чтобы она могла считаться дѣйствительнымъ факторомъ большого значенія, даже равнаго съ католическою и протестантскою школами въ дѣлѣ умственнаго развитія и образованія Литовскаго народа-шляхты [2]).

Подводя итогъ подъ сказаннымъ о школѣ Литовскаго княжества, мы должны признать значеніе школы для образованія шляхты, но лишь какъ фактора, и количественно, и качественно

---

[1]) Примѣры упоминанія о ней—А. З. Р. III. №№ 77, 144.

[2]) Лукашевичъ, говоря о Русскихъ школахъ, пишетъ: «przynajmniéj ani Kazimierz Wielki, ani Witold, odebrawszy kraje ruskie, szkół w nich żadnych nie zastał». *J. Łukaszewicz.* Historya Szkół. T. I. Str. 11.

стоявшаго въ ряду другихъ, а не выдающагося надъ ними. Грамотность и даже знанія болѣе высокаго, чѣмъ она, порядка пріобрѣтались и помимо школы, какъ учебнаго заведенія, а безграмотность шляхты—явленіе давольно обычное по документальнымъ свидѣтельствамъ Литовскихъ актовъ. Такъ, Мстиславскому уряду «жаловал и оповедал» земянинъ Мстиславскаго воеводства Семенъ Людосскій на земянина того же воеводства Ивана Матвѣевича Судиловскаго «тым и таковым способом о то, иж року теперешнего 1665 мца ноября 28 дня, будучы мне правом и покоем посполитым обварованый, убезпечоный, ни в чом никому, яко чоловек рохманый, *писма и права неумеетный*...» и т. д. [1]). Неграмотность шляхты въ XVI вѣкѣ, конечно, была еще болѣе обычнымъ явленіемъ, чѣмъ въ XVII-мъ. Инструкція 1596 года, данная Брестскимъ сеймикомъ своимъ посламъ, подписана только 19-ю шляхтичами, изъ которыхъ 7 были должностными лицами [2]). Само собою разумѣется, что тутъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, что мы имѣемъ подписи всей шляхты, собравшейся на сеймикъ. Неумѣніе шляхты писать довольно часто упоминается въ книгахъ Литовскихъ судовъ. Даже возными были иногда лица неграмотныя [3]), а документы сеймиковъ сохранили и собственныя свидѣтельства сеймикующей шляхты о своей неграмотности. «Всим вобец и кождому зособна, кому бы то належало ведати. Мы особы, нижей помененые, которие есмо до того листу печати свои притиснувшы, и руками своими, которие умели подписали, ознаймуем и сведецство певное даем»...—такъ начинается удостовѣреніе личности пана Криштофа Шолковскаго, «с повету Вилкомирского чоловека», выданное Вилькомирскою шляхтою на трикрольскихъ Вилькомирскихъ рокахъ 1598 года [4]). Самъ статутъ, говоря объ избраніи шляхтою кандидатовъ на должности членовъ земскаго суда, требуетъ выбора шляхтичей, «писати умеючихъ» [5]), повторяя то же самое и относительно другихъ врядниковъ [6]). Ясное дѣло, что самъ законъ признаетъ существованіе неграмотной шляхты въ Княжествѣ, и слишкомъ оптимистично смотрятъ на дѣло тѣ, кто предполагаетъ чуть не поголовную грамотность шляхты великаго княжества Литовскаго [7]).

[1]) Ист.-Юр. Мат. XXV. Стр. 504. [2]) А. Вил. II. Стр. 154.
[3]) См. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 277.
[4]) Вил. Центр. Архивъ № 13880. Вилькомирскаго Гродскаго суда № 3. Л. 110.
[5]) III ст. IV. 1. [6]) Нпр., III ст. IX. 10.
[7]) Г. *К. Харлампович* (Op. cit., стр. 196, 197) слишкомъ преувеличиваетъ грамотность въ Литвѣ. Его утвержденіе о грамотности шляхты разрушается

Кромѣ школьнаго обученія въ Княжествѣ практиковалось безъ сомнѣнія и обученіе внѣшкольное, учителемъ на дому по приглашенію родителей. Церковный дьякъ былъ естественнымъ учителемъ грамоты [1]), но наряду съ нимъ, по всей вѣроятности, бывали такими учителями и вообще грамотные, притомъ досужіе люди. Θеодоръ Евлашевскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что на пятомъ году его начали «бавити наукою Рускою, кгдыжъ въ тыхъ часехъ [2]) въ той нашей стороне не было иншихъ наукъ, и для того пришло» ему «зостати зъ Рускою наукою» [3]). Онъ ни слова не говоритъ о томъ, гдѣ и какъ происходило это обученіе, и, можетъ быть, это обстоятельство нужно считать доказательствомъ внѣшкольнаго его обученія. Но далѣе онъ прибавляетъ, что онъ умѣлъ писать и по-еврейски; едва ли бы сталъ учить его этому церковый дьякъ. Можетъ быть и среди мѣщанъ, особенно изъ числа бывавшихъ за границею по своимъ дѣламъ, также бывали такіе случайные учителя. Какъ бы то ни было, уже съ XV столѣтія извѣстны примѣры домашняго обученія [4]).

Другимъ средствомъ усвоенія знаній и пріобрѣтенія умственнаго развитія являлась книга. Тутъ мы стоимъ передъ вопросомъ о томъ, какія книги были въ рукахъ Западно-Русскаго общества и откуда онѣ были, такъ сказать, родомъ, какого происхожденія? Но предъ нами и другой вопросъ, насколько распространены были книги

приведенными нами въ текстѣ свидѣтельствами источниковъ; что же касается его утвержденія о грамотности крестьянъ (Op. cit., стр. 198), то тутъ простое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что г. Харламповичъ въ доказательство своихъ словъ о грамотности крестьянъ ссылается на поученіе Кіевскаго митрополита Сильвестра новопоставленному іерею (относится къ 1562 году), запрещающее пѣть и читать въ церкви *простымъ* людямъ. Но слово простой означаетъ въ данномъ случаѣ не крестьянъ, какъ полагаетъ г. Харламповичъ, а мірянъ въ противоположность церковному причту. Это видно изъ самаго текста поученія Сильвестра, въ которомъ читаемъ: «пріимшимъ рукоположеніе отъ епископа, верхъ постриженъ носяще, краткій фелонь, чести чтенія и апостолъ, пѣти прокимны и «Богъ Господь», а простымъ ни пѣти, ни чести». (А. З. Р. III. № 31). Съ такимъ же значеніемъ слова *простой* встрѣчаемся и въ другихъ памятникахъ. Напримѣръ, въ посланіи Іоанна Вишенскаго къ православнымъ Литвы и Польши находимъ такія слова: «Гдѣ непорочное священство, гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ *простое* благоговѣнное и благочестивое христіянство?» (А. Ю. и З. Р. II. Стр. 224).

[1]) Ср. *К. Харламповичъ*. Op. cit. Стр. 201.

[2]) Въ началѣ 50-хъ годовъ XVI столѣтія.

[3]) Мемуары, относ. къ ист. Южной Руси. Вып. II Кіевъ 1896. Стр. 5, 6.

[4]) *J. Łukaszewicz*. Hist. Szkół. T. I. Str. 73.

въ обществѣ того времени, какъ много ихъ обращалось вообще въ Княжествѣ и какъ много въ частности между шляхтою? Чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ, необходимо остановиться на цѣнѣ книгъ, такъ какъ это намъ дастъ исходный пунктъ для нашихъ требованій отвѣта отъ актоваго матеріала, оставшагося отъ эпохи. Прекраснымъ источникомъ для ознакомленія со стоимостью книгъ въ Литвѣ въ серединѣ XVII столѣтія является опись имущества, оставшагося послѣ смерти Виленскаго бурмистра, шляхетнаго пана Стефана Лебедича [1]). Славянская библія Острожскаго изданія показана въ описи стоющею 10 золотыхъ Польскихъ [2]), псалтырь—2 золотыхъ, молитвенникъ Мамоничской печати—6 грошей, Польская библія—12 золотыхъ. Въ длинномъ спискѣ книгъ Лебедича нѣтъ ни одной стоимостью менѣе 2-хъ грошей. Имѣя такую цѣнность въ XVII вѣкѣ, книги ни въ какомъ случаѣ не могли стоить дешевле въ XVI столѣтіи, а должны были стоить еще дороже. При такой стоимости книгъ онѣ едва ли бы могли не упоминаться въ завѣщаніяхъ, инвентаряхъ, дарственныхъ актахъ, вообще въ документахъ, въ которыхъ находятся описи движимаго имущества шляхты. Такихъ документовъ дошли до насъ тысячи, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчаемъ упоминанія о парѣ гусей, парѣ утокъ [3]), но ни слова о книгахъ. Крайне рѣдко встрѣчается въ актахъ случайное упоминаніе о книгахъ шляхты [4]). Это единицы на сотни актовъ, которые могли бы упомянуть о нихъ, но которые ихъ не знаютъ. Да и могла ли рядовая шляхта владѣть книгами при ея небольшомъ достаткѣ, когда большинство ея имѣло лишь столько матеріальныхъ средствъ, чтобы еле-еле сводить концы съ концами? Едва ли могъ позволить себѣ покупку книги рядовой шляхтичъ, имѣвшій всего на всего трехъ, четырехъ крестьянъ, дававшихъ ему четвертую часть своего дохода. Такимъ образомъ и книгу, какъ и школу, мы не можемъ признать достояніемъ всего шляхетства Литовскаго. Книга могла во второй половинѣ XVI столѣтія оказаться въ числѣ вещей лишь безусловно состоятельнаго человѣка, пана, а не

---

[1]) А. Вил. IX. Стр. 479—485 (1649 г.).

[2]) Въ золотомъ Польскомъ было 24 гроша Литовскихъ (А. Ю. и З. Р. I. № 167, 1573 г.): 15 золотыхъ равны 6 копамъ грошей Литовскихъ.

[3]) Нпр., А. Вил. XXII, № 620.

[4]) Нпр., А. Вил. XXII, № 143. Между тѣмъ завѣщатели, владѣвшіе книгами, упоминаютъ о нихъ. См., нпр., завѣщаніе священника. Вил. Арх. Сб. VI. № 5 (1522 г.).

рядового шляхтича. Но посмотримъ, что̀ за книги обращались въ XVII вѣкѣ въ Княжествѣ, основываясь на спискѣ книгъ Виленскаго бурмистра, шляхетнаго Лебедича. Библіотека его состояла изъ книгъ писанныхъ на трехъ языкахъ: Латинскомъ, Русскомъ и Польскомъ. Самымъ многочисленнымъ былъ отдѣлъ книгъ Латинскихъ. Въ немъ имѣлось 94 названія. Самымъ небольшимъ—отдѣлъ книгъ Польскихъ, имѣвшій всего 5 названій. Что касается до Русскаго, то онъ имѣлъ 12 названій. Русскія книги были слѣдующія: 1) Славянская Библія Острожской печати, 2) книга св. Василія, также Острожской печати, 3) Дѣянія св. Апостоловъ (рукописная), 4) Учительное Евангеліе, 5) Апостолъ изд. Скорины, 6) Катехизисъ Острожской печати, 7) Псалтырь, 8) Повседневныя молитвы, 9) Объ образахъ и о крестѣ катехизисъ, 10) Ежедневныя молитвы, 11) Молитвы Мамоничской печати, 12) Молитвы же въ новой оправѣ. Книги Польскія: 2 экземпляра Библіи, Хроника Мартина Кромера, Testament postarzały и Апокалипсисъ св. Іоанна. Изъ этого перечня видно, что въ громадномъ большинствѣ Русскія и Польскія книги Лебедича были религіознаго содержанія. Гораздо разнообразнѣе составъ Латинскихъ книгъ библіотеки. Тутъ встрѣчаются прежде всего также книги религіознаго содержанія, какъ Evangelia dominicis consuetis legenda, или De vita religiose instituenda, или Summa totius Evangelii graecolatina, или De imitatione Christi и т. д. Рядомъ съ ними находятся произведенія классической литературы—Marcii Tulli Ciceronis opera omnia, Homeri Oddisea graeco-latina, Valerii Maximi libri novem, Cai Julii Caesaris historiae, Publii Terentii comaediae и т. д. Философія классическая и средневѣковая также имѣла своихъ представителей въ библіотекѣ Виленскаго бурмистра первой половины XVII столѣтія, равно какъ въ ней были и пособія для ея изученія. Тутъ былъ и Аристотель со введеніемъ въ его діалектику, и Artemidori Daediani philosophia, и діалектика Іоанна Цезарія, и другія сочиненія въ такомъ же родѣ. Путешествія также не были забыты Лебедичемъ, какъ и историки Польши: въ числѣ его книгъ были путешествіе въ Іерусалимъ Радивила, itinerarium nobilium Italiade religionum, исторія Польши Гербурта и др. Наконецъ, встрѣчаемъ въ спискѣ словари (Латинско-Еврейскій, Латинско-Греческій, вокабулы Польско Латинскія, lexicon historicum ac poeticum) различныя пособія (calligraphia Romana, silva vocabulorum et phrasium), книги по медицинѣ и естествознанію (pharmatographia naturalis и др.) и наконецъ пособія въ родѣ oratio-

nes in variis actibus dicendae. Обращаетъ на себя вниманіе и книга—Respublica Poloniae sive status regni, Lithuaniae et Prussiae (in duodecimo). Такимъ образомъ списокъ книгъ библіотеки Виленскаго бурмистра, шляхетнаго пана Лебедича, даетъ довольно большое число книгъ [1]). Но вѣдь Лебедичъ былъ человѣкомъ несомнѣнно очень выдающимся по своему состоянію среди обывателей Виленскихъ: описаніе его имущества не даетъ возможности думать иначе. Поэтому подобное его библіотекѣ собраніе книгъ и для XVII вѣка должно считаться исключительнымъ по богатству состава для невельможнаго человѣка, а будучи рѣдкимъ явленіемъ въ XVII вѣкѣ, конечно, было еще болѣе рѣдкимъ для XVI столѣтія Интересною чертою для библіотеки XVII вѣка, каковою была библіотека Лебедича, является и обиліе Латинскихъ книгъ при полной бѣдности Польскихъ и сравнительно небольшомъ числѣ Русскихъ. Черта эта такъ наглядно свидѣтельствуетъ о проникновеніи наиболѣе культурныхъ слоевъ населенія Литовскаго княжества обще-европейскою образованностью.

Третьимъ источникомъ для пріобрѣтенія новыхъ знаній и для расширенія умственнаго кругозора служили въ великомъ княжествѣ Литовскомъ путешествія. Путешествія за границу статутъ призналъ правомъ Литовскихъ обывателей, и это было сдѣлано Литовскимъ законодательнымъ сборникомъ во всѣхъ трехъ его редакціяхъ [2]). Статутъ 1566 года, бывшій дѣйствующимъ правомъ въ изслѣдуемый періодъ, постановляетъ на вѣчныя времена, чтобы «княжата и панове хоруговные, шляхты и кождый человѣкъ рыцерскій и всякого стану» имѣли «вольность и моцъ выѣхати и выйти» изъ земель Княжества «для наукъ у писмѣ, цвиченя, учынковъ рыцерскихъ и лѣпшого счастья своего, и тежъ будучы неспособного здоровья своего для лекарствъ». Такія поѣздки возможны во всѣ заграничныя страны, кромѣ земель постоянныхъ враговъ Литвы, т.-е. земель Московскихъ и басурманскихъ, а также и тѣхъ государствъ, съ которыми Княжество находится въ войнѣ въ данное время Такимъ образомъ законъ разрѣшаетъ обывателямъ Литовскимъ свободное путешествіе за границу, ставя ограниченіе лишь по отно-

---

[1]) Не можемъ не обратить вниманія читателя на отсутствіе въ немъ полемическихъ сочиненій по церковнымъ вопросамъ. Можетъ быть, не такъ сильно интересовалось общество ими въ эту эпоху, чѣмъ это представляется обыкновенно.

[2]) I ст. III. 8, II ст. III. 13, III ст. III. 16.

шенію къ государствамъ, съ которыми Литва ведетъ войну. Если сравнимъ постановленіе это въ первомъ и во второмъ статутахъ, то замѣтимъ прежде всего расширеніе цѣлей путешествій заграничныхъ въ пониманіи статута. По первому статуту эти поѣздки предпринимаются въ цѣляхъ «набытя лепшого щастья своего и навченя учинковъ рыцерских», между тѣмъ какъ статутъ 1566 года прибавляетъ къ этому и изученіе наукъ, какъ цѣль, стоящую рядомъ съ изученіемъ военныхъ пріемовъ и традицій рыцерства. Кромѣ того, второй статутъ прибавляетъ и еще одну цѣль— леченіе за границей отъ болѣзней, которой не знаетъ еще статутъ 1529 года. Это расширеніе цѣлей заграничныхъ путешествій безспорно говоритъ о развитіи сознанія пользы и значенія сношеній съ Западной Европою и о желаніи пользоваться ея культурными преимуществами. Другая особенность редакціи этого артикула въ статутѣ 1566 года та, что въ немъ находится категорическое запрещеніе поѣздокъ въ Москву и въ страны мусульманскихъ сосѣдей, чего нѣтъ не только въ первомъ, но и въ третьемъ статутахъ. Враждебныя отношенія къ Москвѣ и Крыму въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка были настолько прочно утвердившись въ сознаніи современныхъ дѣятелей, что даже въ законѣ они оказались признанными на вѣчныя времена, «вечными часы». Итакъ, законъ даетъ полную свободу заграничныхъ поѣздокъ во всѣ государства, не находящіяся въ войнѣ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Польская шляхта даже представляла самое путешествіе за границу дѣломъ заслуживающимъ особаго вниманія и награды королевскихъ. Одинъ изъ членовъ посольской избы сейма 1569 года, Вислицкій, принося королю ходатайство о награжденіи Краковскаго подкоморія, говорилъ про него: «онъ усердно работалъ и усовершенствовалъ себя въ чужихъ краяхъ, чтобы быть достойнымъ слугою вашей королевской милости» [1]).

Но широко ли пользовались обыватели Княжества своимъ правомъ путешествій. Это крайне сомнительно. Если вельможи могли ѣздить учиться за границу, слушая тамъ лекціи въ университетахъ, то шляхта и даже средней руки паны не могли этого дѣлать въ силу своего экономическаго положенія. Конечно, бывали случаи такихъ поѣздокъ, но въ общее правило они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть возводимы. Для простой шляхты,

---

[1]) Дн. Л. с. Стр. 203.

особенно служилой, болѣе возможны были заграничныя поѣздки по порученіямъ для покупки заграничныхъ товаровъ и продажи сырыхъ продуктовъ изъ имѣній пановъ также какъ и для мѣщанъ, ведшихъ заграничную торговлю. Исторія знаетъ и нѣсколькихъ Литовцевъ, учившихся въ заграничныхъ университетахъ и ставшихъ потомъ распространителями реформаціоннаго ученія въ Литвѣ, но это все единицы, масса же шляхетства внѣ всякаго сомнѣнія не совершала заграничныхъ поѣздокъ. Поѣздка въ Корону,—это дѣйствительно должно было быть явленіемъ нерѣдкимъ, но и по отношенію къ такимъ поѣздкамъ можно съ увѣренностью сказать, что было достаточное число шляхтичей, не бывавшихъ въ Польшѣ ни разу въ теченіе всей своей жизни, хотя и должны бы были всѣ viritim собираться на избирательномъ полѣ въ часы безкоролевья. Слѣдуетъ отмѣтить, что самъ статутъ 1588 года говоритъ о поѣздкахъ за границу великаго княжества Литовскаго, а не его и Короны Польской, и если слова эти являются лишнимъ подтвержденіемъ сознанія Литвою своей отдѣльности отъ Польши, то въ то же время они значительно уменьшаютъ и число поѣздокъ за границу *всей Польско-Литовской* Речи Посполитой, которое могло бы рисоваться нашему воображенію Какъ мы уже говорили, путешествіе за границу могло быть доступнымъ только людямъ состоятельнымъ. Такъ напримѣръ, въ 1580 году собрался, «маючи волю, для поратованья здоровья своего до чужое земли, до Нѣмецъ, ѣхать» панъ Михаилъ Боговитинъ Козерадскій, обладатель крупнаго земельнаго имущества, какъ видно изъ его завѣщанія, внесеннаго имъ въ земскія Берестейскія книги и составленнаго на случай, «естли бы въ той дорозѣ Панъ Богъ на него часъ смертельный допустити рачилъ» [1]). Что касается до поѣздокъ Литовскихъ обывателей за границу для образованія, то мы уже говорили, что о нихъ, какъ объ явленіи болѣе или менѣе общемъ, можно говорить лишь по отношенію къ людямъ вельможнымъ. Въ предѣлахъ Речи Посполитой дѣлу высшаго образованія служили Краковскій университетъ, Виленская академія, а съ 1594 года Замойская академія, дѣтище знаменитаго Яна Замойскаго. Но и пользованіе этими учебными заведеніями несомнѣнно было достояніемъ единицъ а не тысячъ, или даже, сотенъ. Акты, однако, знаютъ, хотя очень рѣдко, поѣздки за границу со

---

[1]) А. Вил. II. Стр. 208—216.

специально учебною цѣлью и людей незнатныхъ. Такъ, по всей вѣроятности въ Константинопольскую патріаршую школу [1]) поѣхалъ королевскій дворянинъ Станиславъ Броневскій, по поводу поѣздки котораго Сигизмундъ Августъ писалъ въ февралѣ 1568 года такую грамоту патріарху: «велебъному в Бозе отъцу патрыярху Константинополскому. Ижъ дворянин нашъ Станислав Броневъский, хотячи быти годънейшимъ слугою намъ господару своему и панъствамъ нашимъ, для науки и езыка Греческого, Турецкого и для иншихъ наукъ и цвиченя, которых потребуеть, ехал до земъли Турецъкое. Тогъды мы тебе, яко настоятеля веры хрестиянъское, в томъ уживаемъ, ижъбы еси тому дворянину нашому около наукъ квиченя его во въсемъ зычъливе оказывал и в тых речахъ, о чомъ ся онъ до тебе втекати будеть, ему, яко слузе и дворянину нашому помочон был, в чомъ намъ реч вдячную вделаешъ» [2]). Само собою, однако, разумѣется, что поѣздки, подобныя поѣздкѣ Броневскаго не могли быть явленіемъ частымъ.

Несомнѣнно большее значеніе, чѣмъ школа, книги и путешествія за границу, для массы шляхетства имѣли путешествія по Княжеству, сношенія другъ съ другомъ какъ въ частныхъ бесѣдахъ и собраніяхъ, такъ и во время судовыхъ роковъ, сеймиковъ и съѣздовъ. Литовскіе акты хорошо знаютъ встрѣчи шляхтичей въ корчмахъ и на бесѣдахъ, и, конечно, во время веселыхъ разговоровъ и бражничанья могли подниматься и такія темы и раздаваться такіе случайные разсказы, которые западали потомъ въ душу шляхтича и давали ему толчокъ для его мысли. Самый законъ, который должны были соблюдать суды Княжества, универсалы, оглашавшіеся на торгахъ и при костелахъ во всеобщее свѣдѣніе шляхты, давали несомнѣнную пищу уму и распространяли понятія высшаго порядка и высшей степени умственнаго достоинства, чѣмъ понятія, господствовавшія прежде. Самый укладъ жизни, въ которой была вдвинута Литовская повѣтовая шляхта реформами шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, являлся громаднымъ развивающимъ средствомъ и давалъ все болѣе и болѣе толчковъ къ умственному развитію, сознательно искомому или безсознательно усваиваемому Литовскими шляхетными обывателями. Королевскіе универсалы и законъ провозгла-

[1]) См. объ этой школѣ *К. Харламповичъ*. Зап.-Р. прав. школы. Стр. 220.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 67—67 об.

шали принципы, которые сами по себѣ должны были быть развивающими и заставляли обывателя разсуждать, благодаря своимъ требованіямъ. Законъ, выразившійся въ Литовскомъ статутѣ 1566 года, стоялъ внѣ всякаго сомнѣнія выше, чѣмъ тотъ уровень развитія, на которомъ находилась масса шляхетскаго народа Княжества. Въ силу этого онъ былъ факторомъ умственнаго развитія, ибо вводилъ въ шляхетскія головы Литовскихъ обывателей высшія идеи и понятія по сравненію съ тѣми, которыя имѣлись тамъ прежде. И обязанности власти передъ народомъ, и «одинаковая справедливость» для всѣхъ подданныхъ государства народа шляхетскаго, и обязанности каждаго по отношенію къ речи посполитой, и признаніе значенія науки, ради которой стоитъ ѣздить за границу,—самое утвержденіе этихъ принциповъ и проникновеніе ими было уже громаднымъ шагомъ въ дѣлѣ умственнаго развитія. Посполитое рушенье, созываемое по постановленію сеймовому и распоряженію короля, гетмана и хоружихъ, давало новый толчокъ. Сколько разсказовъ можно тутъ было услышать отъ людей бывалыхъ и много видѣвшихъ, и отъ своихъ, и отъ наемныхъ искателей счастья и приключеній, стоявшихъ подъ знаменами Речи Посполитой, съ разныхъ концовъ Европы собравшихся въ наемные отряды! Сеймикъ вводилъ шляхтича въ дѣла государства. Онъ узнавалъ о предметахъ сейма, передъ которымъ собирался повѣтовый сеймикъ, и, по началу не всегда понимая суть его дѣлъ, о которыхъ сообщалось сеймикующей шляхтѣ, но мало-по-малу входя въ эти дѣла, съ годами пріучался понимать ихъ. Сеймикъ будилъ мысль, какъ будилъ и патріотическое чувство и личное честолюбіе шляхтича. Къ этому присоединялись коллективныя дѣйствія повѣтовой шляхты въ различныхъ дѣлахъ, помимо сеймовыхъ, заботы о сохраненіи и защитѣ своихъ правъ личныхъ, повѣтовыхъ и государственныхъ, рѣчи, приправленныя текстами и сентенціями, заимствованными изъ древнихъ авторовъ и авторитетовъ мысли и практической дѣятельности— все это создавало атмосферу, дыша которой шляхтичъ набирался новыхъ понятій и знаній. Система суда, стоявшаго такъ высоко по принципу своего устройства и необходимость умѣть защитить себя и свое имущество при сложныхъ постановленіяхъ гражданскаго права, наконецъ, необходимость знать и формальную сторону каждаго гражданскаго акта для того, чтобы обезпечить и оградить себя и свою семью отъ случайностей несправедливаго процесса и опасности непризнанія своего распоряженія и дѣянія

закономъ, родными и истцами, которые могли найтись. Прибавимъ къ этому толки о реформѣ церкви, проникшіе съ Запада, отголоски идей, поднятыхъ изъ-подъ спуда монастырскихъ библіотекъ Италіи въ сокровищахъ классической древности, идеи реформаціоннаго ученія и принципы свободы совѣсти утвердившіеся такъ глубоко въ головахъ народа-шляхты. Пусть идеи Запада и его культуры XV и XVI вѣковъ проникали въ Литву иногда черезъ посредство десятковъ устъ, пусть нѣкоторыя изъ нихъ теряли многое по пути, искажаясь передающими, но онѣ все-таки проникали. Все это создавало извѣстную атмосферу, въ которой носились идеи, понятія и взгляды, схватываемые совершенно невольно, но съ которыми сроднялись обыватели, усваивая ихъ вмѣстѣ съ тою обстановкою жизни и господствующими понятіями, въ которыхъ они рождались и проводили свою жизнь. Не въ систематической школѣ, или чтеніи нужно искать главный источникъ идей и понятій массы шляхетскаго общества, а именно въ этихъ общихъ условіяхъ ея жизни.

Интереснымъ источникомъ для ознакомленія съ внутреннимъ міромъ Литовскаго шляхтича второй половины XVI столѣтія являются записки Новгородскаго подсудка Θеодора Евлашевскаго [1]). Онъ родился въ Ляховичахъ 7 февраля 1546 года и жилъ еще въ началѣ XVII вѣка. Небогатый шляхтичъ, Евлашевскій вышелъ изъ православной семьи. На пятомъ году его стали учить «наукою Рускою», потомъ ему удалось научиться писать и по-еврейски. Вотъ весь учебный багажъ, съ которымъ, по разсказу Евлашевскаго, онъ вступилъ въ жизнь. А между тѣмъ изъ записокъ его узнаемъ, что онъ пользовался несомнѣннымъ довѣріемъ къ своимъ знаніямъ и способностямъ какъ со стороны лицъ, которымъ служилъ въ качествѣ служебника, такъ и со стороны обывателей Новгородскаго повѣта, которые посылали его своимъ повѣтовымъ посломъ на сеймъ и избрали его на врядъ земскаго подсудка своего повѣта. Евлашевскій былъ человѣкомъ глубоко религіознымъ. Имя Бога, которое онъ произноситъ постоянно, прославляя и благословляя, встрѣчается на каждой почти страницѣ его записокъ. За всякую удачу, за освобожденіе отъ опасности онъ прежде всего благословляетъ Бога и Его милосердіе. Когда сынъ его Янъ былъ убитъ недругами-шляхтичами, Евлашевскій былъ внѣ себя отъ горя,

---

[1]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. II. Кіевъ. 1896. Стр. 5—39.

но похоронивъ его въ самый день своего рожденія и вспоминая о томъ, какъ весело встрѣчалъ онъ этотъ день прежде, онъ пишетъ: «зъ чого всего нехъ будетъ похвалено имя Пана Бога всемогущаго»[1]). При своей религіозности онъ не остался равнодушнымъ къ проповѣди реформаціоннаго ученія, раздававшейся въ то время громко въ Княжествѣ. Слушая проповѣдниковъ реформаціи, онъ и самъ увлекся ихъ ученіемъ, оставилъ вѣру отцовъ и сдѣлался евангеликомъ. Но съ полною терпимостью Евлашевскій смотритъ на вѣроученія, имъ самимъ не исповѣдуемыя. Въ концѣ своей жизни, переживая эпоху религіозной вражды времени царствованія Сигизмунда Вазы, Евлашевскій, съ горестью вспоминая о минувшихъ годахъ полной взаимной религіозной терпимости, называетъ ихъ золотымъ вѣкомъ[2]). Прекрасный семьянинъ, Евлашевскій былъ и нѣжнымъ сыномъ. Онъ оплакиваетъ смерть своей матери и брата; не жалѣя хлопотъ и затратъ, устраиваетъ отца на Пинскую епископію, чтобы онъ могъ покончить свои дни въ чести и достаткѣ; заботится о братьяхъ и сестрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Евлашевскаго было и несомнѣнное стремленіе къ пріобрѣтенію знаній. Онъ мечтаетъ ѣхать «до Угоръ и до Турціи, зведати инше краины далеке, научить се ремеслъ розныхъ»[3]). Практическій опытъ былъ скоро пріобрѣтенъ Евлашевскимъ. Онъ сталъ служить различнымъ панамъ—Радивилу[4]), Ходкевичамъ, князю Константину Острожскому, другимъ и даже самому Сигизмунду Августу. Къ чести Евлашевскаго нужно сказать, что онъ хранилъ къ большинству изъ пановъ, которымъ служилъ, чувство искренней привязанности и вѣрности. Говоря о своихъ службахъ Сигизмунду Августу, Евлашевскій пишетъ: «спысковалемъ въ потребахъ короля его милости, хоть ми послуга мерзила»[5]). Едва ли эти услуги не были службами при дѣлахъ разврата послѣдняго

---

[1]) Стр. 35. [2]) Стр. 7. [3]) Стр. 11.

[4]) Въ изданіи записокъ Евлашевскаго говорится объ его службѣ пану Миколаю Криштофу *Ходкевичу*, дворному маршалку, князю на Олыкѣ и Несвижѣ, потомъ Троцкому воеводѣ. Конечно, здѣсь нужно читать не Ходкевичъ, но Радивилъ. Началъ свою службу Радивилу Евлашевскій въ 1572 году, а въ 1603 году все еще продолжаетъ, «хоть потымъ не завше притомне», служить ему, да и дѣтямъ своимъ завѣщаетъ служить «его *княжеской* милости» и его потомкомъ. (Стр. 10, 11). Въ 1572 году дворнымъ маршалкомъ былъ Мик. Кр. Радивилъ, потомъ сдѣлавшійся Троцкимъ каштеляномъ, затѣмъ Троцкимъ воеводою и наконецъ въ 1604 году—воеводою Виленскимъ. Ходкевичи же притомъ не были и князьями.

[5]) Стр. 9.

Ягеллона. Во всякомъ случаѣ характерны слова Евлашевскаго, говорящія объ его охотѣ къ такимъ лишь службамъ, въ которыхъ его дѣятельность казалась ему достаточно чистою. Исполняя порученія различныхъ пановъ, онъ много разъ велъ судебныя дѣла какъ въ повѣтовыхъ судахъ, такъ и въ инстанціяхъ высшихъ. Опытность его въ веденіи судныхъ дѣлъ была на столько велика, что ему была даже предложена должность инстигатора. Извѣстность Евлашевскаго панамъ-радамъ и самому королю дала ему врядъ мостовничія, а потомъ по выбору Новгородской шляхты онъ былъ представленъ королю въ числѣ четырехъ «електовъ» на врядъ Новгородскаго земскаго подсудка и утвержденъ на этомъ урядѣ королемъ, оказавшимъ ему предпочтеніе передъ остальными тремя кандидатами. Какъ записки врядника, мемуары Евлашевскаго страдаютъ отсутствіемъ полноты разсказа о политическихъ событіяхъ пережитой авторомъ эпохи. О заключеніи Люблинской Уніи находимъ у него всего нѣсколько строкъ, о сеймахъ — не больше, о событіяхъ безкоролевій – почти ничего, даже о такомъ событіи, какъ битва при Бычинѣ въ 1588 году, когда королевская елекція рѣшалась междоусобною войною, не встрѣчаемъ разсказа, въ которомъ чувствовался бы сколько-нибудь сильный интересъ автора къ пережитой кровавой эпохѣ. Болѣе остановился Евлашевскій лишь на возстаніи Наливайки въ 1595 году, которое заставило бояться за свою безопасность центральные повѣты Княжества. Правда, что однажды онъ даетъ объясненіе своему молчанію, говоря, что онъ это дѣлаетъ, «яко ведаючи достаточне то отъ инших выписано» [1], но, конечно, если бы у него былъ силенъ политическій интересъ, онъ не могъ бы не высказаться по поводу упоминаемыхъ событій. Однако, свое, Литовское, онъ не забываетъ противопоставлять Польскому. Онъ отмѣчаетъ страхъ Поляковъ въ эпоху перваго безкоролевья, «абы се Литва зъ Московскимъ не порозумела» [2], про Криштофа Радивила говоритъ, что онъ былъ «стлупъ (т.-е. столпъ) панства Литовского» [3], а разсказывая о сеймѣ 1578 года, отмѣчаетъ: «маршалковалъ межи послами *нашъ Литвинъ*—князь Лукашъ Болько Свирский» [4]. Выросши въ шляхетскихъ понятіяхъ «благородства», Евлашевскій, разсказывая о своемъ бракѣ, заботливо поясняетъ, что предокъ его жены былъ «человекъ значный» [5], а какъ сынъ своего вѣка,

[1]) Стр. 12, 13. [2]) Стр. 12. [3]) Стр. 38.
[4]) Стр. 18. [5]) Стр. 16.

онъ часто говоритъ о чарахъ, пророческихъ снахъ, видѣніяхъ и т. д., а также съ особымъ интересомъ слѣдитъ за событіями жизни вельможъ. Трудно сказать, насколько эти черты, которыя даютъ записки Евлашевскаго, могутъ быть принимаемы для характеристики умственнаго состоянія всей шляхты Литовской въ томъ среднемъ ея слоѣ, къ которому принадлежалъ подъ конецъ своей жизни Евлашевскій. Но его записки представляютъ изъ себя единственные извѣстные пока мемуары Литовскаго шляхтича второй половины XVI и начала XVII столѣтія, почему онѣ и заслуживаютъ очень большого вниманія. Одинъ изъ сыновей самого Евлашевскаго уже долженъ былъ бы оказаться нѣсколько инымъ человѣкомъ, чѣмъ его отецъ, такъ какъ свою молодость онъ провелъ за границею вмѣстѣ съ Яномъ Каролемъ Ходкевичемъ. И, конечно, много было оттѣнковъ въ понятіяхъ и внутренней жизни отдѣльныхъ шляхетныхъ обывателей Литовскихъ, но образъ Новгородскаго подсудка Ѳеодора Евлашевскаго все-таки можетъ помочь представить себѣ ея картину.

Перейдемъ теперь къ изложенію правъ Литовской шляхты, какъ ихъ понимали законъ и жизнь въ первое двадцатилѣтіе совмѣстной государственной жизни Княжества и Короны. Права эти дѣлятся на права частныя и права политическія. Личность шляхтича была гарантирована закономъ отъ лишенія свободы безъ суда Каждый осѣлый шляхтичъ не можетъ «иманъ и въ везенье сажонъ быти» прежде, чѣмъ онъ будетъ приговоренъ къ этому судомъ, т.-е. если онъ еще — «непоконаный правомъ» [1]). При этомъ «о почстивость», т.-е. въ дѣлахъ, касающихся чести шляхтича, его судитъ самъ государь, хотя бы даже данный шляхтичъ былъ панскимъ слугою. Что же касается «злодѣйства, забійства и иншыхъ речей, выступковъ», то частно-служилую шляхту въ такихъ дѣлахъ судятъ ея паны, но не иначе, какъ «осадившы при собѣ пред се шляхту, людей добрыхъ» [2]). Такимъ образомъ и личность частно-служилаго шляхтича охраняется закономъ, личность же шляхетнаго обывателя вольнаго охраняется судами, въ которые онъ всегда можетъ обратиться. За убійство шляхтича статутомъ опредѣлена смертная казнь и, сверхъ того, «головщизна близкимъ» убитаго [3]). За «кгвалтъ», за нападеніе на домъ былъ назначенъ штрафъ въ 12 рублей и сверхъ того вознагражденіе

[1]) II ст. III. 7. [2]) II ст. III. 8. [3]) II ст. XI. 1, 23.

*

причиненныхъ убытковъ [1]). Шляхетская головщизна, т.-е. штрафъ за убійство шляхтича опредѣляется въ 100 копъ грошей, а за рану, или лишеніе какой-либо части тѣла, равно какъ за ударъ— «навезка» различнаго размѣра, соединенная въ большинствѣ случаевъ съ болѣе или менѣе продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ [2]).

Шляхтянкамъ головщизна и навезка полагаются въ двойномъ размѣрѣ по сравненію съ мужчинами-шляхтою [3]). Свобода личности шляхтича, конечно, должна была требовать и полной свободы религіи для него, и мы уже видѣли выше, что Литовская шляхта имѣла эту свободу [4]). Имущество шляхты охраняется статутомъ и судомъ, примѣняющимъ его артикулы къ отдѣльнымъ случаямъ, требующимъ активнаго проявленія его охраны. Шляхта и всѣ княжата и паны, «которые имѣнья свои отчызные, выслужоные и купленые и якіе-кольвекъ набытые» со временъ Казиміра до времени царствованія Сигизмунда Августа, издавшаго второй статутъ,—всѣ эти имѣнія ихъ владѣльцы держатъ спокойно на вѣчныя времена, сами и ихъ потомки, даже и въ томъ случаѣ, если бы «и листовъ никоторыхъ на то не мѣли» [5]). Статутъ 1566 года признаетъ полное право собственности шляхтичей на ихъ имѣнія; въ это право не можетъ вторгаться власть государя, вслѣдствіе королевской присяги не имѣющая силы отнимать у шляхты какъ ея имѣній, такъ и вольностей. Договоръ Люблинской Уніи выговорилъ Литовской шляхтѣ сохраненіе права ея на всѣ ея имѣнія, отвергнувъ экзекуцію правъ въ Княжествѣ на вѣчныя времена подъ угрозою разрыва Уніи съ Короной [6]). Относительно земельныхъ имуществъ, бывшихъ пожалованіями государевыми, статутъ даже дѣлаетъ спеціальное постановленіе ввиду возможности перехода такого имѣнія къ новому владѣльцу. Онъ установляетъ, что, если государь пожаловалъ кому-нибудь «имѣнье, або люди и земли», а кто-либо другой отнимаетъ такое имѣніе, то первый владѣлецъ «можеть того доходити и правомъ поискивати», но не въ большемъ, конечно, размѣрѣ, чѣмъ ему было дано государемъ. Разумѣется, не слѣдуетъ лишь пропустить десятилѣтней давности для такого иска [7]).

Люди свободные, шляхтичи были вольны въ распоряженіи своимъ имуществомъ. «Всимъ станомъ шляхецского народу, яко

[1]) II ст. XI. I. [2]) II ст. XI. 13. [3]) Ibidem. [4]) См. выше, стр. 236, 237.
[5]) II ст. III. 36. [6]) См. выше, стр. 4. [7]) II ст. III. 37.

людемъ вольнымъ, вольно естъ и будетъ имѣньями своими отчизными, материстыми и якимъ же кольвекъ обычаемъ набытыми шафовати»,—распоряжаться ими безъ всякаго ограниченія, какъ того потребуютъ надобность, воля и желаніе ихъ [1]). Относительно имѣній, выслуженныхъ на государѣ, статутъ оказывается вынужденнымъ сдѣлать спеціальное поясненіе, такъ какъ «выслуги» бывали двухъ видовъ. Въ привилеяхъ на однѣ изъ нихъ передавалось ихъ владѣльцамъ право не только владѣть самимъ, но и «отдати, даровати, и записати», кому они пожелаютъ [2]). Относительно этихъ имѣній статутъ признаетъ за владѣльцами право распоряжаться ими такъ же, какъ отчизнами и куплями. Нужно только предъявить вряду, вносящему актъ гражданской сдѣлки въ свои книги, королевскій привилей, данный на имѣніе. Другое дѣло выслуженныя имѣнія, которыя даны государемъ «леннымъ правомъ, або дожывотьемъ, або до воли и ласки» государевой. Передача своихъ правъ на такія имѣнія можетъ совершаться ихъ владѣльцами не иначе, какъ только передъ самимъ королемъ, съ его вѣдома. Король не будетъ «того боронити» и будетъ ихъ «заховати водлугъ привильевъ ихъ» и своей государевой милости [3]).

Давая шляхтѣ полную свободу распоряженія ея имуществомъ, статутъ предупреждаетъ и возможность насилія надъ волею владѣльца имѣнія, хотя бы это насиліе выражалось въ требованіи дѣтей. Онъ постановляетъ, что отецъ своимъ дѣтямъ при своей жизни «не повиненъ» ни одного своего имѣнія «поступати, нижли по доброй воли своей, што воля его будеть». Лишь имѣнія «материстыя» отецъ обязанъ передать своему сыну, достигшему совершеннолѣтія, и дочери, «замужъ ее выдавши», но при этомъ дѣти не имѣютъ права требовать отъ отца ни отчета въ этихъ имѣніяхъ, ни возмѣщенія убытковъ, если таковые

---

1) II ст. III. 33, 34.

2) Таково было, напримѣръ, пожалованіе Сигизмундомъ Августомъ Матею Кгротовскому на три села Ойрагольскаго тивунства Жомоитской земли, сдѣланное въ Кнышинѣ 20 августа 1568 года. Относительно права распоряженія ими привилей говоритъ: «маеть Матей Кгротовский, такъжо жона, дети и потомки его обоего рожаю» пожалованныя села, «держати, пожитьки вшелякие собе тамъ водле воли, баченья и уподобанья своего примножати» и т. д., а также «кому хотечи отъдати, продати, зоставити, заменити, записати и тымъ, яко властностью своею шафовати вечне». Это пожалованіе было подтверждено королемъ Генрихомъ 15 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 81—83 об.

3) II ст. III. 34.

окажутся [1]). Воспрещеніе закономъ всякаго насилія надъ волею собственника, конечно, и вызвало упоминанія актовъ продажъ, дареній и тому подобныхъ передачъ своихъ правъ на имѣнія о томъ, что это право передается «безъ жадное намовы людское», но «по своей доброй воли», «безъ жадного примушенья» [2]). Имѣя право распоряжаться своимъ имуществомъ, дарить и записывать его кому пожелаетъ, шляхта, конечно, имѣла полное право «записати такъ имѣней лежачыхъ, яко и иныхъ маетностей» и своему государю, какъ гласитъ статутъ въ особомъ своемъ артикулѣ [3]). Конечно, это она могла дѣлать, также лишь соблюдая требуемыя закономъ формальности. Право безусловнаго распоряженія своимъ имуществомъ было еще новымъ правомъ въ эпоху второй половины XVI вѣка. Оно было пріобрѣтено Литовскою шляхтою на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года [4]). Провозглашеніе его было крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія правъ Литовскаго шляхетства. Оно было знакомъ превращенія подданныхъ владѣльцевъ земли, верховнымъ собственникомъ которой былъ великій князь, въ свободный народъ-собственникъ своей земли, своихъ «осѣлостей». Изъ подданныхъ великаго князя, какъ лица, шляхта Литовская въ признаніи закона обратилась въ подданныхъ государства и государя, какъ его главы.

Свободно распоряжаясь своимъ имуществомъ, шляхтичъ имѣлъ полное право распоряжаться и своею собственною особою. Онъ могъ, какъ мы видѣли выше, поступить на службу къ частному лицу и сдѣлаться его служебникомъ, пользуясь даже охраною закона въ своей «почстивости». Онъ имѣлъ полное право отъѣзда за-границу по своимъ дѣламъ, нуждамъ и надобностямъ [5]).

---

[1]) II ст. III. 32. [2]) См., нпр., А. Вил. XXII, №№ 597, 600 и др.

[3]) II ст. III. 35. Ср. А. Ю. и З. Р. I, № 91.

[4]) II ст. VII. I. Шляхтичи иногда особенно подчеркиваютъ это постановленіе Берестейскаго сейма въ документахъ. «А звлаща заживаючы в томъ ведъле права посполитого и уфалы сойму вального Берестейского, в року минуломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ шостомъ постановленого и уфаленого, вольности шляхетное, ижь кожъдому чоловеку народу шляхетъского вольно естъ именьемъ своимъ отъчызнымъ, купленымъ, выслужонымъ и яко-кольвекъ набытым водъле воли и въподобанья своего шафовать, отдать, продат, даровать, записать и, яко хотечы, на пожитокъ свой оборочати...» говоритъ въ своемъ дарственномъ листѣ женѣ Витебскій намѣстникъ Янъ Война Ромейко (1591 г.) Витебскій Центр. Архивъ Вит. губ. Вит. уѣзднаго суда. Земская. № 32. Л. 51, 52.

[5]) II ст. III. 13.

Онъ имѣлъ, наконецъ, право оставить свое шляхетское имѣніе, переселиться въ городъ, утрачивая свое шляхетство лишь въ томъ случаѣ, если бы сталъ заниматься мѣщанскимъ дѣломъ, т.-е. торговлею, или ремесломъ. Однако переселившійся въ городъ шляхтичъ сохранялъ свое шляхетское достоинство для своихъ дѣтей, а также и для себя самого, если дѣти его, или онъ самъ не станутъ дѣлать этого мѣщанскаго дѣла [1]). Женщины-шляхтянки также трактуются статутомъ, какъ свободныя, а не какъ собственность государя, имѣющаго власть по своему произволу устраивать ихъ судьбу и жизнь. Статутъ отъ имени короля обѣщаетъ и повелѣваетъ княгинь, панскихъ вдовъ, княженъ, «паненъ-дѣвокъ, шляхтянокъ и всякого иного стану рожаю земского, яко людей вольныхъ, подъ вольнымъ панованьемъ» его государевымъ, «заховати ихъ», и насильно, «кгвалтомъ», король не долженъ ихъ выдавать замужъ ни за кого, но «за кого хотя, за того волно пойти» [2]). Постановленіе это, внесенное уже въ статутъ 1529 года [3]), было уничтоженіемъ прежняго, стародавняго обычая, по которому господарь выдавалъ замужъ за своихъ бояръ женщинъ и дѣвушекъ по своему собственному желанію и по своему произволу [4]).

Свободная въ дѣлѣ устройства своего брака по отношенію къ власти государя, шляхетная дѣвушка можетъ выдти замужъ и противъ воли родителей. Статутъ не лишаетъ ее этого права; за выходъ замужъ противъ родительской воли онъ лишаетъ ее только «посага», т.-е. приданаго и наслѣдственнаго имѣнія «отчизного и материстого». Она лишается своего права на наслѣдство и въ томъ случаѣ, если она была единственною дочерью у своихъ родителей, «тогды отчызна на близкихъ спадываеть мимо таковую дѣвку» [5]).

[1]) II ст. III. 20. [2]) II ст. III. 31. [3]) I ст. IV. 18.

[4]) Примѣровъ пользованія великими князьями Литовскими своею властью надъ подданными и въ этомъ направленіи—достаточно. См., нпр., Ист.-Юр. Мат. XXI, стр. 415, гдѣ издана грамота Александра, въ которой упоминается листъ Свидригайла, представленный великому князю Александру Витебскими боярами, Федкомъ Михайловичемъ и Иванкомъ Гарасимовичемъ съ ихъ братіею. Въ немъ читаемъ: «штожъ великий князь Швитригайло далъ за деда ихъ, на име за Михайла, жону, на имя Александрову Брузкгалову со всими имени мужа ее и з людми, зо всимъ потому, какъ Ортемей Сверко ее держалъ». Такая выдача великимъ княземъ замужъ вдовы одного боярина за другого представлялась выгодною и удобною потому, что и земли его находили себѣ новаго владѣльца-боярина, который въ свою очередь получалъ въ нихъ господарскую награду, и вдова получала себѣ защитника и мужа.

[5]) II ст. V. 7.

Если дѣвушка осталась круглой сиротою послѣ смерти своихъ родителей, то мѣсто родителей въ дѣлѣ заботы о ней для нея замѣняютъ ея братья и стрыи, т.-е. близкіе ея. Выходя замужъ безъ согласія этихъ родныхъ, замѣняющихъ ей родителей, достигла ли она совершеннолѣтія, т.-е. 15-ти лѣтъ, или нѣтъ,— это безразлично, дѣвушка лишается и посага, и наслѣдственнаго имѣнія, какъ и въ случаѣ брака ея безъ согласія родителей. Но статутъ предвидитъ и случаи задерживанія родными брака дѣвушки изъ своихъ эгоистическихъ разсчетовъ, а потому дѣлаетъ постановленіе, что, если родственники дѣвицы не будутъ желать выдать ее замужъ, она все-таки, если желаетъ сохранить свои права на имущество, «своволнѣ не масть ни за кого ити», но должна «дати знати до вряду черезъ кровныхъ вѣдомость, а врядъ ей масть дозволити замужъ пойти». Выходя замужъ за равнаго себѣ шляхтича, хотя и противъ воли родныхъ, но съ вѣдома и разрѣшенія вряда, шляхтянка не утрачиваетъ своихъ правъ на имѣнія, и вступившій съ нею въ бракъ будетъ имѣть право «доходити маетности жоны своее», т.-е. искать ея имущества судомъ [1]). Такимъ образомъ свобода личности шляхетской дѣвушки въ дѣлѣ вступленія ея въ бракъ пользуется полнымъ признаніемъ статута; только ея имущественныя права подвергаются ограниченію и сохраняются на наслѣдственное имѣніе лишь тогда, когда бракъ совершится съ согласія людей, отъ которыхъ она зависитъ по семейному праву, причемъ по отношенію къ власти надъ нею братьевъ и родственниковъ законъ даже совершаетъ ея полное освобожденіе въ случаѣ недобросовѣстнаго пользованія ими своимъ правомъ. Такъ же, какъ дѣвица, свободна въ своей личности по отношенію къ новому браку и вдова. Послѣ смерти своего мужа она можетъ вновь выдти замужъ. Статутъ только заботится о томъ, чтобы «малженство (бракъ) въ почстивости было заховано», а потому въ этихъ цѣляхъ, а также въ цѣляхъ «вѣдомости плоду» хочетъ, чтобы вдова шляхтича вступала въ новый бракъ не прежде истеченія шести мѣсяцевъ со смерти своего прежняго мужа. Первое соображеніе служило охранѣ идеальной стороны дѣла взаимной привязанности и вѣрности супруговъ, второе — стремилось къ установленію гарантіи признанія «плода» жены несомнѣннымъ ребенкомъ перваго или втораго ея супруга. Но и тутъ законъ не рѣшается примѣнить

---

[1]) II ст. V. 8.

средства насилія надъ личностью шляхтянки и, несмотря на всю серьезность дѣла, не налагаетъ строгаго и категорическаго запрещенія подъ угрозою суровой кары: онъ лишь ограничивается постановленіемъ объ утратѣ вѣна, записаннаго ей прежнимъ ея мужемъ, и только въ случаѣ его неимѣнія налагаетъ на вдову штрафъ, «заплату до скарбу» государева, въ 12 рублей [1]). Свободныя по отношенію къ семейной и государственной власти въ дѣлѣ выбора себѣ мужа, дѣвушка и вдова шляхетскія охранялись закономъ и отъ насильственнаго захвата ихъ себѣ въ жены мужьями. Статутъ постановляетъ, что, если кто-нибудь насильно, «кгвалтомъ», взялъ за себя шляхтянку «безъ воли отца и матки, стрыевъ або близкихъ», говоря, «ижъ бы ему въ малженство его шлюбила», и объ этомъ было бы донесено государю, панамъ-радамъ и всякому вряду, «таковая персуна маетъ первей быти взята до секвестру». Когда затѣмъ судебное разбирательство обнаружитъ, что на этотъ бракъ не было «позволенья» ни «пріятель кревныхъ», т.-е. близкихъ этой шляхтянки, ни ея самой, виновный въ насиліи наказывается смертною казнью, а третья часть его имѣнія идетъ «за навезку» въ пользу женщины или дѣвушки, насильственнымъ образомъ взятой имъ себѣ въ жены. Кромѣ того, если «при томъ кгвалтѣ» были насильникомъ причинены матеріальные убытки, то они, послѣ того какъ будутъ доказаны, присуждаются на остальныхъ двухъ частяхъ его имѣнія. Если же при разборѣ дѣла обнаружится, что дѣвица, «укривши то передъ родичами своими, на тое малженство и на взятье позволила и на правѣ се того знала», она теряетъ свои права на наслѣдственныя имѣнія и на «выправу», какъ въ обыкновенномъ случаѣ выхода замужъ противъ воли родителей или родственниковъ [2]).

Кромѣ права свободы личности и права свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ, шляхтичъ Литовскій обладалъ свободою отъ постоянныхъ податей. Мы видѣли выше, какъ Виленскій съѣздъ 1584 года заявлялъ, что предки «варовали се того, абы вечный плат николи не был вношонъ на маетъности и подданых» Литовскихъ обывателей [3]). Во второмъ томѣ настоящаго изслѣдованія мы увидимъ, что и самое обложеніе податьми и налогами въ Княжествѣ могло производиться не иначе, какъ по постановленію сейма, т.-е. съ согласія представителей народа-

[1]) II ст. V. 12. [2]) II ст. XI. 9. [3]) Стр. 200.

шляхты, получившихъ свои полномочія отъ него на повѣтовыхъ сеймикахъ. Шляхта была свободна отъ всякихъ циншовъ и постоянныхъ денежныхъ сборовъ, и признаніе шляхетскаго достоинства за обывателемъ влекло за собою немедленное освобожденіе его отъ цинша [1]).

Итакъ, свобода личности и имущества шляхтича были основою его частныхъ правъ. Кромѣ личныхъ правъ, шляхта Княжества имѣла и права политическія. Во главѣ этихъ политическихъ правъ стояло право выбора себѣ государя. По словамъ статута 1566 года Сигизмундъ Августъ обязуется своимъ словомъ, за себя и за своихъ преемниковъ, великихъ князей Литовскихъ, «заховати» всѣхъ князей, пановъ-радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, всѣхъ земскихъ и дворныхъ врядниковъ, хоруговныхъ пановъ, «шляхту, рыцерство, мѣщане и всихъ людей посполитыхъ» въ Княжествѣ и его земляхъ «при свободахъ и вольностяхъ хрестіянскихъ, въ которыхъ они, яко люде вольные, вольно обираючы изъ стародавна изъ вѣчныхъ своихъ продковъ собѣ пановъ и господарей, великихъ князей Литовскихъ, жыли и справовали прикладомъ и способомъ волныхъ панствъ хрестіянскихъ, ровнаючи, однако маючы и тыхъ вольностей ужываючы и зъ сусѣды, братьею своею, рыцерствомъ и иные станы народу коруны Польское» [2]). Право это признанное закономъ еще до соединенія Литвы съ Польшею Люблинскимъ договоромъ 1569 года, и послѣ этого договора, въ статутѣ 1588 года, является выраженнымъ буквальною выпискою изъ текста второго статута [3]), т.-е. съ признаніемъ права Литовскихъ мѣщанъ и подданныхъ государевыхъ на участіе въ выборѣ своего государя. Нельзя не видѣть изъ этого, что еще и въ эпоху третьяго статута не было настолько полнаго выдѣленія шляхты изъ другихъ сословій, что не было никакого мостика соединяющаго ее съ другими сословіями не только въ жизненной практикѣ, но и въ нормировкѣ ея закономъ, въ основѣ котораго лежали теоретическіе принципы шляхетской исключительности. Интересно, что узаконенія статута 1566 года о правѣ населенія самому избирать себѣ государя нѣтъ въ статутѣ 1529 года. Явившись въ Литовскомъ законѣ, какъ черта перенесенная изъ Польши и какъ одно изъ правъ Польской шляхты, право королевской елекціи въ формулировкѣ его статутомъ обратилось въ право не одной шляхты, но всего Литовскаго народа, за исклю-

[1]) См. выше, стр. 242. [2]) II ст. III. 2. [3]) III ст. III. 2.

ченіемъ лишь той его части, которая была подданными не государя, а частныхъ лицъ. Конечно, на практикѣ, лишь шляхта и высшіе разряды ея, какими были князья, паны, врядники и сенаторы, пользовались этимъ правомъ, но и самое теоретическое трактованіе права выбора государя, какъ права всего народа, а не народа-шляхты, въ высшей степени характерно для эпохи. Варшавская конфедерація 1573 года, постановленіе которой было внесено потомъ и въ третій Литовскій статутъ, нѣсколько ограничиваетъ право выбора короля, ограничивая число лицъ, которыя могутъ быть возводимы на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой. Король—безусловно избирательный, но свое право избранія народъ-шляхта можетъ приложить лишь къ такому лицу которое «по обранью» принесетъ присягу 1) въ сохраненіи мира и спокойствія между разновѣрными обывателями, 2) въ томъ, что ни подъ какимъ видомъ не будетъ заставлять шляхту идти на войну за границу и 3) въ томъ, что не будетъ созывать посполитаго рушенья иначе, какъ по сеймовому постановленію [1]). Такимъ образомъ сама шляхта въ 1573 году нѣсколько ограничила свое право избранія государя, хотя и не коснулась его сущности.

Кромѣ права избранія короля шляхта владѣла политическимъ правомъ сеймикованья. Второй статутъ знаетъ лишь два вида сеймика: предсеймовый и судово-избирательный, избиравшій членовъ земскаго повѣтоваго суда. Но затѣмъ, въ періодъ времени, протекшій между изданіемъ второго и третьяго статутовъ, къ этимъ двумъ видамъ сеймика прибавились еще два—реляціонный и для выбора судей трибунальскихъ. Съ этими сеймиками подробно познакомимся въ слѣдующемъ томѣ нашего изслѣдованія. Теперь мы должны указать лишь на ихъ значеніе въ ряду другихъ шляхетскихъ правъ и вольностей. Сеймикъ предсеймовый имѣлъ своею цѣлью ознакомленіе повѣтовой шляхты съ предметами занятій предстоящаго сейма, выборъ ею своихъ пословъ сеймовыхъ и снабженіе ихъ инструкціей, указывающей имъ, какъ они должны высказаться въ томъ или другомъ вопросѣ сеймованья. Реляційный сеймикъ собирался для выслушанія отчета пословъ повѣтовыхъ, вернувшихся съ сейма, и для постановленій по повѣту въ исполненіе сеймовой конституціи. Такимъ образомъ оба сеймика, связанные съ сеймомъ, давали народу-

[1]) III ст. III. 3. Vol. leg. II Str. 124, 125.

шляхтѣ непосредственное участіе въ политическихъ дѣлахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, стоящихъ на очереди въ данное время и требовавшихъ верховной санкціи вальнаго сейма. Черезъ своихъ пословъ сеймовыхъ повѣтовая шляхта принимала участіе и въ работахъ сейма, парламента Польско-Литовскаго государства. Сеймики судейскій елекціонный и трибунальскій давали повѣтовой шляхтѣ возможность выбора земскихъ судей повѣта и трибуналистовъ, членовъ верховнаго апелляціоннаго судилища Княжества, и, собираясь на этихъ сеймикахъ, повѣтовая шляхта создавала судовыя корпораціи своихъ повѣтовъ и цѣлаго великаго княжества Литовскаго.

Первое безкоролевье принесло съ собою и расширеніе шляхетскихъ правъ. Оно дало Литовской шляхтѣ впервые реальный случай воспользоваться своимъ правомъ избранія короля, оно заставило самъ народъ, предоставленный самому себѣ безъ привычной династіи и съ не совсѣмъ привычнымъ еще принципомъ шляхетскаго равенства, взяться за дѣло государственнаго устройства—замѣщеніе вакантнаго трона и охрану внутренняго порядка при затруднительныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, войнѣ съ Москвою и страхомъ передъ вторженіями Татаръ. Съ одной стороны необходимость самой шляхтѣ, руководимой панами-радами, практически разрѣшить рядъ сложныхъ вопросовъ жгучей потребности и чрезвычайнаго значенія, съ другой стороны—идеи, выводы изъ принциповъ и фактовъ, невольно являвшіеся въ головахъ шляхетнаго народа подъ вліяніемъ происходившаго въ Княжествѣ и въ спольной Речи Посполитой. Потребность охраны спокойствія, личности и имущества создаетъ каптуровый судъ, избираемый въ своемъ составѣ повѣтовою шляхтою, рѣшающій въ послѣдней инстанціи дѣла обывателей [1]). Въ то же время вопросы общегосударственные и различныя потребности повѣтовъ создаютъ необходимость повѣтовыхъ и обще-Литовскихъ собраній и съѣздовъ. Права шляхты, если и не получили въ эту эпоху новой формулировки въ Литовскомъ законѣ, то они формулировались уже въ умахъ отдѣльныхъ шляхтичей подъ вліяніемъ быстро смѣнявшихся событій. Самый судъ, дѣйствовавшій до безкоролевья исключительно отъ имени короля, подъ его «тытуломъ» [2]) даже писавшій свои позвы, замѣнился судомъ, установленнымъ шляхтою,—верховенство короля въ судѣ замѣнилось вер-

[1]) См. Ж. Н. Пр. 1897 г. № 6. стр. 266, 291. [2]) II ст. IV. 10.

ховенствомъ шляхты. Къ этому нужно прибавить, что и повѣтовые вряды, вакантные въ часы безкоролевья, замѣщались путемъ шляхетскаго избранія, если почему-либо неудобно было обождать съ ихъ замѣщеніемъ до избранія новаго короля. Таково было политическое значеніе шляхты Литовской въ изучаемую эпоху. Въ обычное время, когда король сидѣлъ на тронѣ Речи Посполитой, оно нѣсколько уменьшалось, какъ бы скрываясь до времени, готовое вновь обнаружиться, когда этого потребуютъ обстоятельства; въ дни же безкоролевья оно съ полною силою, всецѣло проявлялось наружу. Безкоролевья были своего рода приливами скрытой въ обычное время силы, но, когда время ихъ проходило, часть прилившей силы оставалась на поверхности, и сознаніе шляхтою своихъ значенія и силы все расло и расло, даже просто въ силу привычки къ своему новому чрезвычайному положенію, не говоря уже о значеніи этихъ эпохъ по ихъ содержанію и существу ихъ фактовъ.

Кромѣ своего права участія въ политическихъ дѣлахъ Княжества и соединеннаго государства Польско-Литовскаго Литовская шляхта пользовалась и исключительнымъ правомъ занятія всѣхъ административныхъ и судебныхъ должностей въ Княжествѣ. Участвуя въ законодательствѣ и въ верховномъ правительствѣ, Литовская шляхта въ то же время держала въ своихъ рукахъ всю администрацію и судъ великаго княжества Литовскаго, такъ какъ лишь лица шляхетскаго происхожденія имѣли право на занятіе административыхъ и судебныхъ должностей въ Княжествѣ. Статутъ гласитъ, что король долженъ «простыхъ людей надъ шляхту не повышати, на достойности ихъ прекладати и врядовъ» государственныхъ «простымъ людемъ давати». Лишь шляхтичъ, притомъ родичъ великаго княжества Литовскаго можетъ быть назначенъ на урядъ государственный [1]). Даже пріобрѣвшій осѣлость въ Княжествѣ чужеземецъ не можетъ занимать въ немъ врядовъ духовныхъ и свѣтскихъ, но «толко здавна продковъ своихъ уроженецъ великого князства Литовского, Литвинъ и Русинъ» [2]). Послѣ 1569 года, какъ мы уже видѣли, постановленіе это не только осталось въ полной силѣ, но было даже еще опредѣленнѣе формулировано III-мъ статутомъ [3]). Самые вряды не

[1]) II ст. III. 15. Если король нарушалъ это требованіе Литовскаго статута, Литовскіе станы настаивали на немъ, требуя отмѣны неправильно сдѣланнаго назначенія. См. выше, стр. 227.

[2]) II ст. III. 9. [3]) III ст. III. 12. См. объ этомъ выше, стр. 223, 224.

могутъ «быти нарушоны» въ своихъ правахъ и прерогативахъ [1]), и привилеи королевскіе на пожалованіе тѣмъ или другимъ урядомъ всегда говорятъ о томъ, чтобы вновь назначаемый врядникъ дѣйствовалъ, «справуючы тымъ врадомъ потому, яко и перъвшые» врядники, его предшественники, «з давныхъ часовъ справовали»; самъ же государь желаетъ «того враду на немъ ни в чомъ не зъмнейшаючы, в ласъце и бачъности» своей «господаръской его заховати» [2]).

Чтобы пользоваться большею частью своихъ политическихъ правъ, шляхтичъ долженъ принадлежать къ тому или другому повѣту. Въ самомъ дѣлѣ, принимать участіе въ занятіяхъ сеймика повѣта могъ только шляхтичъ, имѣющій осѣлость въ этомъ самомъ повѣтѣ; избраннымъ въ число пословъ сеймовыхъ повѣта могъ быть также только осѣлый въ этомъ повѣтѣ шляхтичъ. Такимъ образомъ участіе въ разрѣшеніи дѣлъ общегосударственныхъ и повѣтовыхъ было достояніемъ лишь «повѣтниковъ», шляхетскихъ корпорацій, представляющихъ изъ себя шляхту территоріальной единицы Княжества — повѣта. Въ главѣ, посвященной повѣтовому сеймику, мы еще будемъ имѣть случай болѣе подробно остановиться на значеніи повѣта въ дѣлѣ политической организаціи народа-шляхты. Теперь же мы должны лишь обратить вниманіе читателя на необходимость для шляхтича быть «повѣтникомъ» для того, чтобы пользоваться своимъ правомъ участія въ обсужденіи дѣлъ повѣтовыхъ и государственныхъ, равно какъ для занятія повѣтовыхъ урядовъ и несенія военной земской службы, также организованной по повѣтамъ, какъ увидимъ ниже

Итакъ, шляхетское сословіе обладало гарантированными закономъ правами, какъ личными и имущественными, такъ и политическими. Эти права вмѣстѣ съ землевладѣніемъ создавали и извѣстное соціальное значеніе шляхты въ ряду другихъ сословій Княжества. Но что же давала шляхта государству кромѣ своего труда по участію въ верховномъ правительствѣ и управленіи государственномъ? Если участіе въ сеймовыхъ собраніяхъ считалось трудомъ, который вмѣнялся въ заслугу и былъ достоинъ награды [3]), то и сеймикованье также должно было признаваться

---

[1]) II ст. III. 10.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 2. Другіе примѣры см выше.

[3]) О заслугахъ стольника Литовскаго пана Миколая Дорогостайскаго такъ говорится въ листѣ, данномъ ему на Шерешовскую державу: «про то мы (король

таковымъ. Но и кромѣ сеймикованья на всей шляхетской массѣ лежали повинности на государство. Это—служба земская военная и поборъ, обѣ повинности, налагаемыя лишь самимъ народомъ-шляхтою на себя черезъ согласіе своихъ повѣтовыхъ пословъ, данное на вальномъ сеймѣ. Къ изученію этихъ повинностей шляхты теперь и обратимся.

Прежде чѣмъ изложить тѣ повинности которыя возлагались на шляхту великаго княжества Литовскаго въ періодъ времени съ 1569 года до смерти Стефана Баторія, посмотримъ, въ какомъ положеніи по отношенію къ отбыванію повинностей находились Литовскіе обыватели наканунѣ 1569 года. Сдѣлавъ это, мы получимъ возможность сравнить тяжесть этихъ повинностей и способъ обложенія ими до Люблинской Уніи и послѣ ея заключенія. Шестидесятые годы XVI столѣтія были эпохою, въ высшей степени тяжелою для Княжества. Трудная Московская война и опасности, грозившія постоянно съ юга отъ «поганства Татаръ», переживались имъ въ эти годы и, конечно, именно эта эпоха должна была потребовать отъ обывателей Литовскихъ полнаго напряженія ихъ силъ для обороны государства, а потому и для изслѣдователя повинностей шляхты она должна представляться наиболѣе полною картиной возлагаемыхъ на шляхту обязанностей и предъявляемыхъ къ ней требованій государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ эти годы обывателямъ Княжества приходилось и собираться въ посполитомъ рушеньѣ и выдавать серебщизну на содержаніе войска, притомъ дѣлать это не только въ разные годы, но и одновременно. Остановимся сперва на сборахъ посполитаго рушенья за это время.

Посполитое рушенье было объявлено въ 1563, 1566 и 1567 годахъ. Королевскій универсалъ, данный съ Виленскаго сейма 1563 года [1]), объявилъ Княжеству, что сеймъ постановилъ посполитое рушенье для возвращенія захваченнаго Иваномъ IV Мо-

Генрихъ) о заслугахъ пана стольниковыхъ, которыми онъ з молодости летъ своихъ, яко на дворе короля его милости предка нашого отъ немалого часу будучи, такъ и въ потребахъ речи посполитое до войскъ роты и не малые почъты людей водячи и на соймехъ бываючи, з немалыми утратами маетности своее годне, пильне а въставичьне в служъбахъ короля его милости и въ потребахъ речи посполитое оказывалъ, певную ведомость отъ некоторыхъ пановъ-рад маючи...». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 5. (Дата: Краковъ, 28 марта 1574 года).

[1]) А. З. Р. III. № 34.

сковскимъ Полоцка и отомщенія врагу за его дерзость. Но это рушенье Литовскихъ обывателей было не совсѣмъ обычнымъ. Ввиду затруднительнаго положенія Княжества на его границахъ и ввиду серьезности войны, сеймъ «надъ вси обычаи звыклые и повинности свои, въ статутѣ описаные», на этотъ только разъ постановилъ, что кромѣ обычныхъ почтовъ своихъ обыватели приведутъ еще добавочныхъ ратниковъ, а именно каждый, кто выставлялъ двухъ конныхъ [1]), долженъ къ нимъ прибавить еще пѣшаго «зъ ручницою» и сѣкирою, или съ рогатиною и сѣкирой. Но этого мало. На одну настоящую войну сеймъ согласился, чтобы всѣ братья и сыновья, «зъ отцы недѣлные, шляхта, лѣтъ дорослые» не оставались дома, но тоже шли на войну. При этомъ было выговорено, что недѣльные братья и сыновья, выправивъ на войну одного изъ своей среды, сами могутъ служить королю на войнѣ за плату, или же могутъ служить также панамъ, какимъ пожелаютъ; но для присмотра за домомъ долженъ остаться одинъ изъ братьевъ, а при больномъ и престарѣломъ отцѣ—одинъ изъ его сыновей. Всякій, кто не подчинится требованію военной службы въ размѣрахъ, установленныхъ сеймомъ 1563 года, подлежитъ наказанію «сѣденьемъ у вѣжи надолѣ дванадцать недѣль, такъ тяжкимъ сѣденьемъ, яко за голову караютъ». Отъ этого наказанія освобождены лишь тѣ «недѣльные», которымъ «пѣнезей за службу жолнерскую и пешую за его стараньемъ не дано», т.-е. такіе, которымъ, несмотря на ихъ стараніе, не удалось поступить въ наемныя войска. Освобождаются отъ наказанія также и тѣ, кого не пожелали принять къ себѣ на службу паны. Всѣ такіе шляхтичи должны заявить объ этомъ хоружимъ, и они будутъ свободны отъ наказанія. Объявляя объ этомъ сеймовомъ постановленіи, король гарантировалъ обывателямъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не будетъ обращено въ обычный порядокъ, «въ пошлину», и не будетъ служить въ ущербъ правамъ ихъ. Это распоряженіе сейма было чрезвычайнымъ. Оно было сдѣлано въ дополненіе къ постановленному этимъ же сеймомъ рушенью обывателей Княжества на войну [2]). Уже 27 марта 1563 года былъ данъ приказъ пановъ-радъ, посланный и въ Новгородскій повѣтъ,—

[1]) Конный ратникъ выставлялся съ 20 службъ «подлѣ давной и теперешнее ухвалы». За 20 службъ будетъ считаться, если у владѣльца службъ болѣе десяти.

[2]) Объ этомъ сеймѣ см. *М. К. Любавскій*. Литовско-Русскій сеймъ Стр. 639 и сл.

быть обывателямъ его готовыми къ службѣ военной и явиться на часъ и мѣсто, которые имъ будутъ назначены листами пановъ-радъ, или гетмана [1]). Затѣмъ, послѣ универсала о чрезвычайномъ сборѣ войска, изданнаго Сигизмундомъ Августомъ съ Виленскаго сейма 1563 года, были разосланы и грамоты объ этомъ сборѣ къ врядникамъ, державцамъ, князьямъ и панамъ въ іюлѣ того же года [2]). Въ листахъ этихъ говорилось, что государь «с паны-радами» своими, «князи, паны, врадники земъскими и дворными, княжаты, паняты и со всими станы всих земль великого князства Литовского, сойму належачими», постановилъ, чтобы «вси, войне повинъные з ыменей своих отчизных, выслужоных и купленых, яким кольве обычаемъ набытых, ку службе военной почты свои сполна ставили подлугъ уфалы Берестейское, з девяти службъ людей десятого», а кто имѣетъ 10 службъ, то одного пахолка на конѣ «збройно з древомъ а с тарчъю». Такъ точно и духовныя лица, и вдовы, не имѣющія взрослыхъ сыновей, владѣющія земскими имѣніями, должны выставить съ нихъ ратниковъ въ томъ же размѣрѣ. Что же касается до шляхты осѣлой, но служащей панамъ «и пенези датокъ на кони в них» берущей, то сами такіе шляхтичи должны служить «особою своею» при своихъ панахъ, а мѣсто свое подъ хоруговью повѣтовою должны замѣстить «такъ добрым шляхтичом, яко самъ, на добромъ кони подле уфалы с почтомъ слугъ своих». Далѣе грамота говоритъ объ извѣстномъ уже намъ чрезвычайномъ добавленіи къ обычнымъ почтамъ, установленномъ на сеймѣ 1563 года. Затѣмъ она прибавляетъ: «и што ся дотычеть дальшое и ширшое уфалы на том сойме около служъбы военъное, тягненя, становеня у пана гетмана и заслугованье шиху и по шиху отежд-

[1]) «...яко при допущченью войска от мене гетмана всимъ станомъ естъ ознаймено в готовости быти на службу военъную, такъ и теперъ, бачачи того быти потребу пилъную, вси споломъ и именемъ его милости господарскимъ вамъ приказуемъ, ажъбы есте безъ кождого сплошенъства ку служъбе земъской военъной по готову были, а кгды листы нашими, або одного его милости пана гетьмана обосланы будете, вы бы вжо, не ждучи другихъ листовъ, на часъ и местцо назначоное конъно, збройно ехали, никоторого омешканя вчинити не смеючи и не вымовляючися, хотя бы в томъ часе и на съемъ вам ехати росказано. Писанъ у Вильни року 63 месеца марца 27 дня». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 1.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 6—10.

ченя, позыченя зброй и коней и иных речей, а яко ся хто в томъ заховати и в тых речах, вышей мененых, поступовати маеть и который бы тежъ тому досыть не вчинилъ, какъ за то каранъ будеть, то достаточней на писме под печатью нашою (королевскою) во вси поветы и хоружъства через самых вжо тых, што на сойме был и через тых и роздано. Где на збиране и попис к той войне и часъ певный на том же сойме зложили есьмо и симъ листомъ нашимъ складаемъ» — 1 августа въ Кревѣ. Адресату листа приказывается стать со своими почтами на часъ и мѣсто, назначенные Троцкимъ воеводою, гетманомъ наивысшимъ, и «пописаться» не только днемъ, но и часомъ не опоздавъ, подъ угрозою наказанія, «в статуте описаного и на том сойме увaленого» [1]). Однако собраніе посполитаго рушенья въ Кревѣ 1 августа 1563 года, какъ это было рѣшено, не состоялось. Дѣло въ томъ, что Московскій царь писалъ Сигизмунду, какъ разсказываетъ его грамота, отлагающая этотъ сборъ, чтобы перемиріе было продолжено до 1 ноября, и къ нему были посланы Литовскіе послы. Король по различнымъ соображеніямъ рѣшилъ продолжить перемиріе до дня, желаемаго Иваномъ IV, послалъ къ нему пословъ, а потому и перенесъ день собранія рушенья съ 1 августа на 29 сентября, «ижъ подъ тымъ часомъ перемире выходити будеть и потреба за часу собранья войска». Вновь отдается строгій приказъ не пропустить назначеннаго времени, а если встрѣтится надобность въ болѣе раннемъ созывѣ, то спѣшить на него по объявленію великаго гетмана, Николая Юрьевича Радивила [2]). 7 сентября того же 1563 года были разосланы по всему Княжеству «листы военные» съ объявленіемъ, «абы на ден све-

---

[1]) «которое от сего часу жадному пропушчоно не будеть, а мы охотнымъ и поспешнымъ ласкою нашою господарскою паметовати и нагорожати хочомъ. Теж абы есте о томъ ведали и за часу того ся постерегали, иж хто бы колвекъ якого ж кольвекъ зуполъна почту своего з ыменей своих не поставил, а што таковото имени утаил, а то бы на него переведено такъ перед нами господаремъ, яко и перед паномъ гетьманомъ великимъ, тогды в того, хто почту сполна не поставить, на нас господара две части того имени взято, третяя часть оного ж именья, хто на него то обявить и доведеть, тому маеть быти дана. А кгдыжъ то на томъ сойме уфалено от всих становъ а через нас господара утверъжоно, про то абы кожъдый водлугъ того ся заховал и ничимъ выступити с того не смел подъ ласкою нашою господарскою а утратою таковых именей. Писанъ у Вильни лет. Бож. Нарож. 1563 месеца 28 дня». Лит. Метр. $\frac{\text{Ш А}}{7}$ л. 10.

[2]) Ibidem, л. 27 об., 28.

того Лукаша у Креве становилися» [1]). Листы эти были адресованы къ отдѣльнымъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, различнымъ врядникамъ, князьямъ, панамъ, бискупамъ, митрополиту, владыкамъ, вдовамъ и названы въ Метрикѣ Литовской листами «о ставенье се на войну ку попису». Какъ образецъ содержанія этихъ листовъ, вписанъ въ книгу Метрики листъ къ хоружимъ, а именно къ хоружію Вилькейскому [2]). Въ немъ объявлялось «хоружому Вилькейскому и всимъ бояромъ шляхте, которые под хоруговъю Вилькейскою становитися повинни», о новомъ отложеньѣ дня собранія посполитаго рушенья. По началу этимъ днемъ, какъ мы уже видѣли, было назначено сеймомъ 1 августа, затѣмъ король перенесъ его на день св. Михаила «Рымского свята прийдучого», т.-е. на 29 сентября; теперь этимъ днемъ было назначено 18 октября, день святого «Лукаша», и эта новая отсрочка была сдѣлана «с певных а великих причинъ, стерегучи того, абы войско, на одномъ местцу долъго лежачи, в панъстве» государевомъ, т.-е. великомъ княжествѣ Литовскомъ «спустошенья не чинило»,—срокъ перемирія съ Москвою наступитъ лишь 1 ноября [3]).

Но и дню 18 октября не суждено было сдѣлаться дѣйствительнымъ днемъ собранія вооружившагося народа, такъ какъ были разосланы по Княжеству новые листы королевскіе по дѣлу того же собранія посполитаго рушенья [4]). Въ нихъ говорилось о томъ, что великій князь Московскій писалъ королю, «перемирю рокъ для

[1]) Ibidem, л. 35. [2]) Ibidem, л. 37 об.—38.

[3]) «про то приказуемъ и конечно мети хочомъ, абы кождый, ничимъ не вымовляючися, становил ся на местцу назначономъ у Креве под тою жъ виною и каранемъ, яко на сойме уфалено естъ, конно, збройно и со всякою живностю, достаточне выправившися такъ, яко бы черезъ всю зиму, будучи на служъбе нашой и земъской, выховати ся могъ со всимъ почтомъ своимъ и в тягнени ничимъ не ушкожалъ людей вшелякого стану, чого абы ты, хоружий, стерогъ подле тоежъ уфалы соймовое, а ижбы кожъдый, права шляхетского уживаючи, не смел омешкати часу и дня на местцу назначономъ у Креве становити, стерегучи ся караня, в статуте и уфале соймовой описаного, бо недбалый, омешкавши часу и дня назначоного, сродзе каран будетъ, а особливе вамъ бояромъ шляхъте приказуемъ, ижъбы есте водлугъ постановенья и уфалы соймовой и подлугъ первшого росказанья и листов нашихъ з людей своихъ серебъщизну до хоружого спольна, никоторое проволоки не чинечи, отдали. А ты хоружый, абы еси тую серебщизну на рокъ назначоный, на ден Нароженья Панъны Марии, теперешнее пришлое свято, здеся от него и до бирчихъ, на то уставленых отдалъ, ничим того року омешкати не смеючи конечно. Писан у Вил. року 63 авг. 31 днъ». Ibidem, л. 37 об.—38.

[4]) Ibidem, л. 52—54.

*

пословъ откладаючи до светого Николы, свята прийдучого декабра шостого дня»; поэтому Сигизмундъ Августъ отложилъ и день «пописа» до 21 ноября, дня «оферованя Панъны Марии». Въ силу этого рѣшенія отправившіеся уже въ Крево обыватели Княжества, гдѣ бы ихъ ни встрѣтилъ настоящій листъ короля, должны вернуться домой и быть затѣмъ готовыми къ военной службѣ. Имъ приказывается, чтобы къ назначенному времени они «такъ ся зготовили и способили, яко бы через всю зиму и весною, з войска не розежчаючися, могли выживенье мети». Мѣстомъ сбора посполитаго рушенья по прежнему оставалось назначеннымъ Крево. Конечно, всѣмъ запрещается «омешкати» и отговариваться какими бы то ни было причинами для неявки въ Крево. Грамота гласитъ: «не сподеваючися кажъдый недъбалый милосердъя ужити, кгдыжъ за недбалостью и непоспешностю реч посполитая немало шкоды терпить, для чогожъ абы есте вси, хто войну служити повинен, ознаймовал в торгохъ и при костелах у парафеях обволывати казалъ [1]), абы неведомостю нихто причины вымовы не найдовал, якожъ ся не можеть нихто вымовляти, кгдыжъ вжо часъ не малый ку готовости и на выправу маете». Замѣтимъ тутъ, что настоящая грамота дана 20 октября, т.-е. черезъ два дня послѣ срока, назначеннаго для собранія рушенья. Если потребовалось писать грамоты, а не просто объявить собравшимся, то это доказываетъ неаккуратность обывателей Литовскихъ въ дѣлѣ исполненія ихъ повинности

Переговоры о мирѣ, веденные въ Москвѣ въ 1563 году Ходкевичемъ, Воловичемъ и Гарабурдою [2]), не привели къ заключенію мира между Литвою и Москвою, да Сигизмундъ Августъ и не желалъ его, стараясь лишь протянуть время, собраться съ силами и поднять Крымскаго хана противъ Ивана IV. Когда вновь открылись военныя дѣйствія, они ознаменовались успѣхомъ Литовскаго гетмана Николая Радивила, нанесшаго пораженіе князю Петру Ивановичу Шуйскому на рѣкѣ Улѣ. Надо думать, что эта побѣда одержана была имъ уже при помощи посполитаго рушенья, собравшагося наконецъ въ Кревѣ 21 ноября 1563 года. Когда затѣмъ это посполитое рушенье было распускаемо въ Леплѣ наивысшимъ гетманомъ, онъ ввиду новыхъ опасностей, грозившихъ Литвѣ отъ Москвы, именемъ короля

---

[1]) Король обращается къ панамъ Щитовичамъ.

[2]) О нихъ см. *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ др. вр. Кн. II. СПБ. 1894. Стр. 193—195.

приказалъ Литовскимъ обывателямъ собраться для отпора врага въ Минскѣ черезъ двѣ недѣли послѣ дня св. Мартина 1564 года [1]). Для того, чтобы это распоряженіе гетмана получило еще большую авторитетность, король повторилъ его отъ своего имени, приказывая обывателямъ съ ихъ почтами [2]) «оказаться» передъ гетманомъ въ назначенный день и «пописаться». При этомъ король проситъ, чтобы всѣ, кто выставилъ, согласно постановленію Виленкаго сейма 1563 года при каждыхъ двухъ пѣшихъ ратникахъ одного пѣшаго съ ручницею, или рогатиною и сѣкирою, сдѣлалъ бы это и теперь. Конечно, король гарантировалъ, что въ пошлину это не пойдетъ и не сдѣлается обычнымъ уже требованіемъ отъ обывателей увеличенія ихъ прежнихъ почтовъ, которые они должны были выставлять для защиты Княжества.

1565-й годъ прошелъ безъ новаго созыва посполитаго рушенья, но въ 1566 году встрѣчаемся вновь съ приказаніемъ короля обывателямъ, чтобы они «в готовности были, маючи кони сыты и всю спижу военъную по готову, и где бы потреба пришла рушеня, жебы ся тымъ ничого не змешкало, але поспешне на отпоръ неприятелеви тамъ тягнули, где збиранью войска месцо назначоно и зложоно будеть». Документъ, выписку изъ котораго мы только что привели, данъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года и названъ въ Литовской Метрикѣ листомъ «до всих вобецъ о уставе серебщызну и иных платов и о готовости на войну» [3]). Онъ говоритъ все еще объ исполненіи постановленія Виленскаго сейма 1563 года, сдѣланнаго на три года. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ изданія январьскаго распоряженія 1566 года, 3 апрѣля были даны въ Вилнѣ «листы, такъ писаны о еханье до Друцка на певный час для пописанья се перед паномъ гетманомъ» [4]). Этими листами обывателямъ Княжества королемъ объявлялось, что онъ приказалъ наивысшему Литовскому гетману Григорію Александровичу Ходкевичу [5]), «з людми пенежными собравшися на

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 144, 145.

[2]) Въ Лит. Метрикѣ, какъ образецъ этихъ листовъ королевскихъ, внесенъ листъ его къ чашнику Литовскому, державцѣ Скерстомонскому и Россинскому, пану Матвѣю Петковичу. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 61 об.—63 об.

[3]) Ibidem, л. 96—99. [4]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 102—102 об.

[5]) «пану Виленьскому гетману навышъшому великого князства Литовского, старосте Городенскому, пану Григорю Александровичу Ходкевичу». Только въ этомъ (1566) году Ходкевичъ и получилъ великое Литовское гетманство. *J. Wolff.* Senat. i dign. Str. 150.

местъцу певномъ, положити, о чомъ его милости устная наука» дана королемъ. Далѣе грамота продолжаетъ: «а ижъбы тымъ можней неприятелеви отпоръ вчиненъ, хотечи мы господаръ посилкомъ не омешканымъ к войскамъ нашимъ прибыти, для того, ачъ в статуте новомъ описано, ижъ без уфалы соймовое рушенье посполитое быти не маетъ, а ведже ижъ есмо над первшую уфалу сойму прошлого валного Виленьского, в року 63-мъ вделаную, инъшого постановенья около валки не вчинили и войны, з неприятелем нашимъ великим княземъ Московским зачатое, не вспокоили, а иж то о васъ самых, жоны, дети и маетности ваши идеть, вы бы, о таковых слухах небезпечных от неприятеля ведаючи, поготову были, маючи кони сыты, зброю чисту и всю спижу военъную, беручи ся ку войне не на малый часъ; а рок збиранью войска и местцо певное кладаемъ у во Друцку в тыждень по святой Троице Римъского свята в року нинешнемъ 66-мъ». Всѣмъ обывателямъ предписывается королемъ не опоздать съѣздомъ къ гетману «для ласки» государевой «и стерегучи повинъности свои, яко о томъ в статуте правъ земъскихъ есть описано». Исключаются изъ общей массы Литовскихъ обывателей, обязанныхъ собраться готовыми къ войнѣ около гетмана, тѣ, кто «за листы» государевыми «сойму належить и хто от повету посломъ обран естъ». Такіе сами должны ѣхать на сеймъ, назначенный въ Берестьѣ, «заступуючи служъбу военную почтомъ своимъ подле уфалы соймовое и статуту земского».

Берестейскій сеймъ 1566 года вновь постановилъ посполитое рушенье. Уфала этого сейма гласитъ, что гетману великому стало извѣстно возвращеніе пословъ королевскихъ изъ Москвы безъ заключенія перемирія. Гетманъ извѣщаетъ, что большія непріятельскія силы должны уже двигаться къ границамъ и тамъ ожидаются. Ввиду новой громадной опасности всѣ Литовскіе станы, спѣша на отраженіе врага, «яко на кгвалтъ», разъѣхались съ сейма, «моцю соймовою» сдѣлавъ уфалу объ оборонѣ и тѣмъ закончивъ сеймъ. Этою уфалою постановлялось, что всѣ обыватели Княжества, обязанные военною службою «посполитымъ рушеньемъ», должны немедленно спѣшить со своими почтами, «яко на кгвалтъ». Всякій, кто привелъ бы съ собою большій почетъ, чѣмъ это требуется отъ него статутомъ, или кто, совсѣмъ не будучи обязанъ «войны служити», поѣдетъ самъ и приведетъ почетъ, дѣлая это добровольно изъ любви къ отчизнѣ, — всѣ эти добровольныя увеличенія войскъ Литовскихъ будутъ оплачены изъ

тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя будутъ получены скарбомъ отъ взносовъ по пяти копъ съ коня, выбираемыхъ согласно постановленію Виленскаго и Берестейскаго сеймовъ съ лицъ, не ѣздившихъ на прошлыя войны, какъ штрафъ за ихъ неявку. Кромѣ того, такіе добровольные защитники Княжества будутъ награждены еще и королевскою «даниною». Старосты и лѣсничіе также должны лично ѣхать на войну, ведя съ собою почты свои со своихъ осѣлостей и врядовыхъ земель. Поляки и другіе чужеземцы, пріобрѣвшіе выслугою, куплею, черезъ бракъ, или инымъ какимъ-либо способомъ осѣлости въ Княжествѣ, также обязаны лично ѣхать на войну и стать передъ гетманомъ тамъ, гдѣ въ это время «з войскомъ его милость будеть». Угрозою всѣмъ, не исполняющимъ сеймоваго постановленія о посполитомъ рушеньѣ, является конфискація ихъ имѣній. [1])

Въ декабрѣ того же 1566 года вновь собрался Литовскій вальный сеймъ, на этотъ разъ въ Городнѣ. Однако, ему не суждено было благополучно дойти до своего конца, потому что онъ по королевскому приказанью былъ «выволанъ» до окончанія ввиду новыхъ опасностей, надвинувшихся на границахъ, и послѣ этого сейма осталась поэтому не уфала, а лишь рецесъ, отлагающій до слѣдующаго вальнаго сейма окончательное утвержденіе и дополненіе всего еще не разсмотрѣннаго, но предполагавшагося къ разсмотрѣнію [2]). Какъ бы то ни было, этимъ Городенскимъ сеймомъ все-таки была постановлена «оборона земъская—выправа ку войне и податокъ на люд служебный на два года, тепер идучие», т.-е. 1567 и 1568. Размѣры требуемой теперь отъ обывателей военной службы были чрезвычайны, также какъ и въ ближайшіе прошлые годы [3]). 15 апрѣля изъ Петрикова были разосланы по

---

[1]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 199—200.

[2]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 449—463.

[3]) «а особливе для таковое жъ войны потужъное постановено и уфалено на томъ же сойме валномъ в Городне, иж, хто повиненъ двухъ коней ку службе военъной ставити, ино межи двема конъными пеший третий мает быти и колько тыхъ драбовъ пешихъ поставить; тогды с таковыми броньми мають пешие быти—два з ручницами, третий з рогатиною и з сокирою. А убогая шляхъта, которые людей своих не мають, тые драба ставити и складатися на него не повинни; а которая шляхта мають люди свои по служъбе, або по колку волокъ оселыхъ и дымовъ, тые мають складатися на драба одного з 20-ти служобъ, альбо волокъ, а з дымовъ сорока. Тые драби мають быти при панехъ своихъ в тягненью и на местъцу у войску, лечъ часу шиху войска до битвы и ку штурму и до потребъ шанцовыхъ мають быти даваны под

всему великому княжеству Литовскому военные листы, «складаючи рок збиранью войска у Молодечне на день семое суботы теперешнего пришлого свята» [1]). Въ этихъ листахъ, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ призывомъ королемъ обывателей Литовскихъ съ ихъ почтами собраться въ Молодечнѣ въ исполненіе сеймоваго постановленія о посполитомъ рушеньѣ [2]). Черезъ три мѣсяца послѣ этихъ военныхъ листовъ, въ Кнышинѣ 13 іюля 1567 года были выданы королемъ новые листы по тому же дѣлу, листы «о показанью се на войну, яко до потребы в Молодечне» [3]). Въ одномъ изъ такихъ листовъ, а именно въ листѣ маршалку, хоружію, земянамъ, дворянамъ и всему рыцерству Городенскаго повѣта [4]) приказывалось королемъ Сигизмундомъ Августомъ ѣхать обывателямъ съ ихъ почтами согласно уфалѣ Городенскаго сейма «до Молодечна, днемъ и ночью, яко на квалтъ поспешаючися». Это

справою и послушенъствомъ пана гетмана великого». Кромѣ того, съ мѣстъ князей, пановъ духовныхъ и свѣтскихъ и земянъ должны выставить на войну одного пѣхотинца съ ручницею и мечомъ. Живности для трехъ человѣкъ долженъ быть возъ одноконный; при возѣ возница «з рогатиною, з сокерою, з рыдлемъ, з мотыкою». Конечно, король грозитъ и наказаніемъ тѣмъ, кто не явится къ гетману: всякій, кто безъ «слушныхъ» причинъ, обозначенныхъ въ статутѣ, не выѣдетъ на войну, держа шляхетское имѣніе, тотъ лишенъ вольностей шляхетскихъ и будетъ наказанъ согласно статуту. Исполнительнымъ же въ этомъ дѣлѣ—«ласка» государева и награда. «Особливе и того естъ потреба», говоритъ далѣе королевскій листъ обывателямъ, «абы есте по местех, дворехъ и селахъ нашихъ господаръскихъ, воеводствах, староствахъ и державахъ (въ подлинникѣ описка—«державцахъ») своих охочихъ людей ку служъбе военъной якого колвекъ стану вынайдовати велели; такъже и цыганомъ всимъ дорослымъ, ку бою годънымъ, яко ся на сойме намовило, росказали до войска нашого ити, зоставивши жоны и дети звычаемъ ихъ в местех и селахъ, где хто до тых часовъ перемешкивали, допустивши жонамъ ихъ живити ся и выробляти, покуля з войска нашого вернуться. А кожъдому таковому охочому всякого народу людемъ», кто только будетъ служить, «з ласки нашое нагорода с причиненьемъ учтивости водле кожъдого заслугъ делана будетъ». Дата этого универсала: Кнышинъ, 1 янв. 1567 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 135 об.—139 об. (Въ пагинаціи книги недосмотръ: листъ 137 отсутствуетъ, а прямо послѣ 136-го помѣченъ 138-й).

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 145—148.

[2]) Образецъ этого листа, приведенный въ Метрикѣ, датированъ Петриковымъ и 14 апрѣля 1567 года. Ibidem, л. 148.

[3]) Ibidem, л. 150 об.—151.

[4]) Одинаковаго содержанія листы были, конечно, посланы по всѣмъ повѣтамъ.

повелѣніе королевское приказывалось «обволывать» вездѣ, въ городахъ при костелахъ и на торгахъ, и распорядиться этимъ должны были маршалокъ и хоружій. Конечно, въ центральныхъ повѣтахъ эта обязанность должна была лежать не на маршалкѣ, а на воеводѣ, или кашталянѣ. Собраніе войска требовало и обезпеченія его провіантомъ. Съ этою цѣлью также дѣлались соотвѣтствующія распоряженія. Въ Городнѣ 23 августа 1567 года были даны королевскіе «листы до державецъ (о) еханье самых с почты до Молодечна а о проваженье стацыи водле повинности с подданых господарских» [1]), въ которыхъ дѣлалось такое распоряженіе.

Мы видѣли цѣлый рядъ постановленій и распоряженій, рисующихъ посполитое рушенье въ великомъ княжествѣ Литовскомъ наканунѣ Люблинской Уніи 1569 года. Акты, приведенные или пересказанные нами, имѣютъ, кромѣ того, и одно спеціальное значеніе для историка: они касаются эпохи, когда какъ разъ вступалъ въ свое значеніе регулятора обязанностей и правъ обывателей Литовскихъ тотъ законодательный сборникъ, съ которымъ вступила Литва въ совмѣстную государственную жизнь съ Польшею. Посмотримъ же теперь на то, какъ рисуетъ посполитое рушенье второй Литовскій статутъ въ посвященныхъ «оборонѣ земской» артикулахъ второго раздѣла.

Основнымъ условіемъ, необходимымъ для того, чтобы подлежать службѣ военной въ посполитомъ рушеньѣ, является обладаніе земскимъ имѣніемъ. Князья, паны, духовныя лица, бояре, вдовы, Татары, наконецъ, мѣщане мѣстъ королевскихъ обязаны [2]) «часу потребы» при государѣ, или при гетманахъ государевыхъ «сами особами своими войну служыти и выправовати на службу военную», когда это будетъ нужно и будетъ постановлено сеймомъ Княжества. Но служить лично имѣютъ дѣйствительную возможность далеко не всѣ владѣльцы земскихъ имѣній. Вдовы и малолѣтніе взамѣнъ личной своей службы выставляютъ въ рушенье «пахолка зо всимъ на добромъ кони», стоящимъ не менѣе восьми копъ Литовскихъ грошей, и въ очень хорошемъ вооруженіи [3]). Можетъ случиться также и то, что владѣлецъ не имѣетъ въ своемъ имѣніи столько людей, сколько потребуетъ «устава» сеймовая; такой самъ во всякомъ случаѣ долженъ ѣхать

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III А}}{7}$ л. 162—162 об. [2]) II ст. II. 1.

[3]) «Сукня цвѣтная, панцеръ, прилбица, мечъ, павеза, древо съ прапорцемъ цвѣтнымъ».

и служить [1]). Если имѣніемъ владѣютъ нѣсколько братьевъ, не раздѣливъ его между собою, то они должны выбрать изъ своей среды самаго годнаго и, конечно, притомъ совершеннолѣтняго, и онъ будетъ служить съ этого имѣнія, какъ идетъ служба со всѣхъ остальныхъ имѣній земскихъ. Не несутъ общей военной повинности лишь владѣльцы имѣній, отданныхъ королемъ имъ въ «заставу», въ залогъ взятыхъ въ долгъ въ казну денегъ. Но не только шляхта, а и мѣщане, по желанію королевскому должны служить войну съ другими обывателями вмѣстѣ, или «выправлять» за себя воиновъ за дозволеньемъ государевымъ. Мы видѣли сейчасъ, что всѣ владѣльцы земскихъ имѣній обязаны были военною службою государству. Но кто же долженъ отбывать и нести ее, если имѣніе отдано въ залогъ? [2]) Тутъ обязанность службы зависитъ отъ условій гражданской сдѣлки, передавшей имѣніе въ заставу. Если въ «записѣ» выговорено, чтобы несъ земскую службу собственникъ, а не владѣлецъ имѣнія по закладной, то, конечно, послѣдній свободенъ отъ нея и несетъ ее первый. Но если актомъ гражданской сдѣлки этого выговорено не было, то земскую службу съ заложеннаго имѣнія несетъ лицо, владѣющее имъ заставнымъ правомъ. Итакъ, со всѣхъ земскихъ имѣній должна, въ случаѣ надобности, идти военная служба, и лишь владѣльцы государственныхъ имѣній, заставленныхъ имъ по королевскому приказанію за ссуду въ казну, свободны отъ нея по закону. Но кромѣ свободныхъ отъ обязанности военной службы по закону статутъ знаетъ и освобождаемыхъ отъ нея королевскими листами [3]). Вообще онъ постановляетъ, что государь не можетъ никого освобождать отъ обязанности идти въ посполитомъ рушеньѣ и выставлять свой почетъ для борьбы съ врагами Княжества. Онъ не можетъ дѣлать этого, а также отпускать изъ войска ни своимъ «словнымъ росказаньемъ», ни листомъ. Само собою разумѣется, что если статутъ признаетъ это невозможнымъ для короля, то не имѣетъ власти на такія исключенія и гетманъ. Но все-таки есть лица, которыя могутъ быть освобождены отъ войны. Это врядники и слуги, которыхъ государь оставитъ при себѣ для «послугъ» своихъ и «справъ земскихъ», но и они обязаны выправить и выслать, «почты свои водле можности именей ихъ». Однако, мы видѣли выше, что не только врядники земскіе и слуги государевы

---

[1]) II ст. II. 1. [2]) II ст. II. 4. [3]) II ст. II. 3.

освобождались отъ обязанности личной службы во время посполитаго рушенья, а были и еще освобожденные отъ нея. Если рушенье совпадало со временемъ собранія сейма, то и послы сеймовые отъ повѣтовъ Княжества и члены сената освобождались отъ нея: ихъ обязанность—присутствовать на сеймѣ и служить государству не мечомъ, а сеймовыми трудами. Старосты и державцы украинные, т. е. управляющіе пограничными замками и землями, конечно, обязаны «часу вальки», какъ и вся остальная шляхта, нести военную повинность со своихъ имѣній. Сами же они, если освобождены отъ личной службы во время войны королемъ, или гетманомъ, высылаютъ все-таки свои почты, «што зъ урядовъ своихъ повинни». Причина этого освобожденія ясна: они нужны на своихъ замкахъ «украинныхъ» для обороны границъ государственныхъ. Не свободны отъ обязанности обороны государства и духовныя лица [1]), если они владѣли «свѣцкими и костелными надаными» имѣніями, съ которыхъ до ихъ перехода въ руки духовенства шла земская военная служба. Со всѣхъ «наданыхъ» въ церковь земскихъ имѣній, равно какъ со всѣхъ, «войнѣ повинныхъ» шляхетскихъ имѣній отдѣльныхъ лицъ, «отчызныхъ, купленыхъ и закупленыхъ», должна идти земская военная служба, и она отбывалась духовенствомъ такимъ образомъ, что съ имѣнія выправлялся слѣдуемый съ него почетъ, а вмѣсто самого владѣльца отправлялся съ нимъ къ гетману «человѣкъ добрый шляхтичъ», нанимаемый за себя владѣльцемъ. Такимъ образомъ переходъ шляхетскаго имѣнія въ руки духовенства и церкви, какъ и въ руки вообще не-шляхты, отнюдь не сопровождался какимъ-либо измѣненіемъ въ несеніи государственныхъ повинностей, которымъ оно подлежало. Литва не знала выхода земли изъ службы, что было такимъ обычнымъ явленіемъ въ землевладѣніи Московской Руси, а потому она и не знала чего-либо вродѣ Московскихъ постановленій XVI и XVII вѣковъ, имѣвшихъ цѣлью прекратить переходъ служилыхъ земель къ монастырямъ и церквамъ, ибо этотъ переходъ «обѣлялъ» самыя земли и дѣлалъ ихъ неслужилыми изъ служилыхъ въ ущербъ интересамъ государственнымъ. Если право полнаго распоряженія своимъ имуществомъ, дарованное каждому шляхтичу Берестейскимъ сеймомъ 1566 года и бывшее такимъ дорогимъ въ глазахъ шляхты, соблюдалось, какъ основное право свободнаго обывателя

---

[1]) II ст. II. 9.

Литовскаго, то отъ этого права военные интересы Княжества нисколько не страдали: кто бы ни владѣлъ шляхетскою землею, въ случаѣ нужды государства въ защитѣ всенародной, съ нея встанетъ воинъ въ ряды земскаго ополченія, получившаго въ Литвѣ названіе посполитаго рушенья. Самое рушенье посполитое не можетъ быть постановлено иначе, какъ только вальнымъ сеймомъ [1]). Власть короля съ его панами-радою недостаточна для приказанія всему народу-шляхтѣ вооружиться и выйти со своими почтами на борьбу съ врагами, какъ недостаточна она и для обложенія народа-шляхты серебщизною, или какимъ-либо «поплатомъ». Лишь вальный сеймъ имѣетъ достаточную для этого власть. Но если бы не могло быть сдѣлано исключенія изъ этого статутоваго постановленія, государство могло бы иногда оказаться въ невозможности защититься всѣми своими силами отъ врага. Для созыва сейма требуется время; оно нужно и для разсылки сеймовыхъ листовъ по повѣтамъ, и для собранія повѣтовыхъ сеймиковъ, которые по закону должны быть созываемы за шесть недѣль до вальнаго сейма. Въ то время, пока будетъ подготовляться сеймъ, Княжество можетъ подвергнуться такому разгрому, что и дальнѣйшая его защита можетъ сдѣлаться слишкомъ уже трудною. Поэтому въ томъ случаѣ, если «якое прудкое уторгненье было се» въ великое княжество Литовское, и безъ сейма, только «за листы» королевскими, а въ отсутствіе короля за листами пановъ-радъ и гетмана великаго Литовскіе обыватели, которые «войны повинны», должны, «яко на кгвалтъ» спѣшить «на часъ и мѣстце назначоное», дѣлая это «зъ милости речы посполитое, боронечы собѣ, жоны и дѣтей, маетности, отчызны свои». Послѣ изданія универсала о созывѣ посполитаго рушенья шляхта должна собираться по повѣтамъ около врядниковъ, спеціально и существовавшихъ для посполитаго рушенья, а именно повѣтовыхъ хоружихъ, маршалковъ и кашталяновъ. Когда король, паны-рада, или гетманъ оповѣстятъ Княжество о посполитомъ рушеньѣ и всѣмъ будетъ «росказано на войну ѣхати» [2]), повѣтовый хоружій оповѣщаетъ шляхту своего повѣта и выѣзжаетъ въ поле, куда по его повѣтовому универсалу должна съѣхаться вся шляхта повѣта и сдѣлать это за три дня до выхода рушенья изъ повѣта. День собранія повѣтовой шляхты

---

[1]) II ст. II. 2.

[2]) II ст. II. 6. Ср. актъ Варшавской конфедераціи 1573 года. Vol. leg. II. Str. 124.

около хоружія не долженъ быть пропущенъ обывателями, и они со своими почтами обязаны собраться около него, не опоздавъ и «не вымовляючися». Подъ повѣтовою хоруговью должна собраться вся шляхта повѣта, въ немъ осѣлая, и не становиться и не «шыховаться» нигдѣ, какъ только около своего хоружія, конечно, «кромъ особного росказанья гетманского». Шляхтичъ, служащій пану-радѣ, вряднику, или кому-нибудь другому, и тотъ долженъ на своемъ мѣстѣ поставить своего брата, родственника, или вообще «такъ добраго шляхту, якъ самъ», притомъ обязанъ это сдѣлать подъ страхомъ лишенія своего имѣнія, находящагося въ повѣтѣ. Въ собраніи рушившейся повѣтовой шляхты князья, паны хоруговные, маршалки и врядники королевскіе земскіе и дворные должны становиться на своихъ мѣстахъ «подлугъ стародавного обычаю» [1]). Что касается до шляхтичей, владѣющихъ имѣніями, лежащими въ различныхъ повѣтахъ, то они и сами становятся, и почетъ свой ставятъ въ томъ повѣтѣ, въ которомъ находится «наиголовнѣйшее имѣніе» изъ всѣхъ, имъ принадлежащихъ [2]). Но можетъ случиться, что шляхтичъ заболѣетъ, «немоцъю обложоною», которая помѣшаетъ ему ѣхать на военную службу. Если онъ имѣетъ взрослаго сына, то послѣдній и будетъ служить вмѣсто своего отца; если же взрослаго сына у больного шляхтича нѣтъ, то онъ долженъ объявить о своей болѣзни хоружію и тремъ шляхтичамъ, которые лично, «очыма своими», удостовѣрятся въ его болѣзни и потомъ «подъ сумненемъ своимъ» доложатъ о ней королю, или гетману. Когда заболѣвшій шляхтичъ поправится, онъ будетъ обязанъ присягнуть предъ хоружимъ «безъ отступу напотомъ» въ томъ, что онъ дѣйствительно «для правдивое и обложное немоцы не могъ на тую послугу земскую ѣхати». Само собою разумѣется, что почетъ заболѣвшаго выставлялся имъ, несмотря на болѣзнь. Если для удостовѣренія болѣзни рядового шляхтича существовалъ только что изложенный порядокъ, то шляхта высшаго разряда, а именно паны-рада, князья паны и всѣ врядники, заболѣвъ, выправляютъ свой почетъ, а послѣ возвращенія рушенья съ войны должны присягнуть передъ гетманомъ, что дѣйствительно были больны. Если кто-нибудь заболѣетъ уже во время войны, онъ долженъ заявить объ этомъ государю, а въ его отсутствіи гетману. Нужно еще прибавить, что отказавшійся отъ присяги,

[1]) II ст. II. 7. [2]) II ст. II. 8.

требуемой закономъ для удостовѣренія болѣзни, лишается своего имѣнія, отбираемаго на государя [1]).

Мы видѣли выше, что больной отецъ можетъ за себя выставить въ рушенье взрослаго своего сына. Но замѣнять свою личную службу службою своего сына отцу дозволено закономъ и въ то время, когда онъ здоровъ, а не только въ случаѣ болѣзни. Всякій, кто имѣетъ «сына дорослого лѣтъ осмнадцати, а не нижей», притомъ годнаго къ военной службѣ, можетъ выслать его, и этотъ сынъ будетъ «за отца войну служыти» съ отцовскимъ почтомъ, все равно отдѣленъ ли сынъ отъ отца, или нѣтъ. Требуется лишь нѣкоторая формальность для признанія полной законности случаевъ такой замѣны. Отецъ желающій вмѣсто себя выслать на службу своего сына, долженъ привести его вмѣстѣ съ тремя своими сосѣдами-шляхтичами къ хоружію своего повѣта «и ему оповѣдати». Хоружій же, признавъ его годнымъ къ военной службѣ, долженъ «оповѣдати» его гетману при кашталянѣ [2]), и гетманъ обязанъ принять его къ «попису» и къ службѣ государевой [3]).

Конечно, шляхта должна быть исполнительною и аккуратною въ дѣлѣ несенія своей земской повинности и сбора на войну. Кто «замѣшкалъ року», назначеннаго королемъ или панами-радою для собранія войска, или кто не сталъ передъ гетманомъ въ день, имъ назначенный, всѣ такіе вносятся по приказанію великаго гетмана въ особый реестръ, и гетманъ докладываетъ королю, кто и на сколько времени опоздалъ. Всѣ виновные въ опозданіи наказываются такимъ образомъ, что гетманъ посылаетъ ихъ на границы, или въ такія мѣста, гдѣ будетъ нужда для государства въ военныхъ силахъ, и тамъ они будутъ обязаны служить двойнымъ почтомъ и вдвое больше времени, чѣмъ то, на которое они опоздали [4]).

Когда шляхта собралась около хоружія своего повѣта, онъ долженъ имѣть о каждомъ шляхтичѣ «добрую вѣдомость и печу» и долженъ отправиться вмѣстѣ съ нею къ повѣтовому маршалку, если рѣчь идетъ о нецентральныхъ повѣтахъ воеводствъ Литовскихъ, и къ кашталяну, если дѣло происходитъ въ центральномъ. Разумѣется, эта встрѣча съ маршалкомъ, или кашталяномъ должна быть заранѣе точно опредѣлена въ своихъ времени и мѣстѣ. Съѣхавшись съ кашталяномъ, или маршалкомъ, смотря по тому,

[1]) II ст. II. 11.

[2]) Въ нецентральныхъ повѣтахъ, конечно, при маршалкѣ.

[3]) II ст. II. 12. [4]) II ст. II. 13.

къ кому изъ нихъ велъ повѣтовую шляхту хоружій, онъ долженъ ему передать приведенную шляхту и дать отчетъ, «если все сполна, албо и хто есть. . . » Когда хоружіе повѣтовъ воеводства приведутъ свою шляхту къ своимъ маршалкамъ и кашталяну, тогда рушившіеся повѣты направляются къ своему воеводѣ, идя уже «подъ кашталяновою, або маршалковою справою». Добравшись до воеводы, кашталянъ, или маршалки, съ хоружимъ своего повѣта каждый, сдаютъ приведенную шляхту воеводѣ, при этомъ докладывая ему, «кого нѣтъ, а за чимъ гдѣ». Теперь уже воевода станетъ во главѣ шляхты всѣхъ повѣтовъ своего воеводства, приведенной маршалками и кашталянами вмѣстѣ съ повѣтовыми хоружими. Онъ поведетъ ее вмѣстѣ съ кашталяномъ, маршалками и хоружими на мѣсто, назначенное королемъ или панами-радою съ великимъ гетманомъ. Когда такимъ образомъ соберется около гетмана шляхта всѣхъ воеводствъ Княжества она должна становиться не въ безпорядкѣ, сбившись въ одну общую массу, а по воеводствамъ, становясь каждая около своего воеводы, «будучы въ послушенствѣ и справѣ пановъ воеводъ своихъ». При этомъ и повѣты не должны сбиваться въ общую безпорядочную массу воеводской шляхты: «станъ свой повѣтники на войнѣ при хоружомъ у-въ одномъ мѣстцу маютъ мѣти, а не розно» [1]). Съ другой стороны становиться и слишкомъ далеко отъ гетмана также никто не имѣетъ права. Не больше мили разстоянія должно отдѣлять отдѣльныя части войска отъ гетмана, и никто не можетъ «далѣй мили» отъ него становиться, «але такъ яко имъ водлѣ потребы часу панъ гетманъ роскажетъ» [2]). Стоя во главѣ шляхты своего воеводства, воевода долженъ не только заботиться о ней самой, но наблюдать и за тѣмъ, чтобы она въ дорогѣ и въ станѣ никому не дѣлала насилій и не причиняла убытковъ, но кормы себѣ и конямъ своимъ покупала, притомъ «торгомъ, а не уставою». Виновный въ причиненіи убытковъ другимъ обывателямъ подлежитъ суду воеводы, или кашталяна, но, конечно, лишь до тѣхъ поръ, пока не стали воеводы подъ команду гетмана, приведя къ нему свои воеводства, такъ какъ гетманъ самъ держалъ въ своихъ рукахъ всю юрисдикцію въ своемъ станѣ. Творя свой судъ во время похода, воеводы и кашталяны сразу присуждаютъ убытки и производятъ «отправу на винномъ и на маетности его» безъ всякой проволочки. Ихъ шляхта, «повѣтники»,

---

[1]) II ст. II. 10. [2]) II ст. II. 29.

обязаны быть въ полномъ повиновеніи у нихъ, а непослушные и противящіеся ихъ приказаніямъ должны также подвергаться ихъ немедленному суду и наказанію, которое будетъ наложено на нихъ судомъ воеводы, или кашталяна.

Такъ вели свою шляхту воеводы къ гетману, сами управляя ею военною властью во время посполитаго рушенья до прибытія въ гетманскую ставку. Когда собралась шляхта въ гетманской ставкѣ, она должна «пописаться», т.-е. гетманскіе писари должны записать въ свои реестры всѣхъ, явившихся на военную земскую службу. Пописъ долженъ дѣлаться настолько подробный, что гетманъ долженъ «кождого коня въ шерсть написати и петно, которое будеть на кони, въ рестръ намалевати» [1]). Отъ попису писари гетманскіе должны брать за свой трудъ по полъ-гроша отъ коня, но этотъ взносъ полагается съ шляхты лишь тогда, когда войско сбирается; когда же пописъ производится передъ распущеніемъ войска гетманомъ, послѣдній и его писари не должны брать за него со шляхты ничего «подъ ласкою» государевою, хотя войско и распускается гетманомъ «зъ реестру» этого пописа [2]). Послѣ пописа собравшіеся обыватели вмѣстѣ со своими почтами подлежатъ «шиху», т.-е. смотру [3]) и послѣ него обязаны служить военную службу при королѣ, или при гетманѣ на тѣхъ же коняхъ и «съ тѣми оброями», съ которыми были на пописѣ и шихѣ, вплоть до распущенія войска. Уѣхавшій изъ войска, хотя и послѣ пописа, но безъ разрѣшенія и вѣдома гетмана, или отпустившій хотя часть своего обязательнаго почта домой, лишается своего имѣнія, все равно какъ и не служившій войны. Но кромѣ людей, обязанныхъ военною службою по своей осѣлости, въ рядахъ посполитаго рушенья стояли неосѣлые наемники, которые наняты обывателями за себя, или и при себѣ къ своимъ почтамъ. Если уйдетъ изъ войска такой неосѣлый, онъ «честь свою тратитъ такъ, якобы зъ войны утекъ» [4]). Грозя наказаніемъ за самовольный отъѣздъ изъ войска, статутъ строго караетъ и бѣглецовъ съ битвы. Убѣжавшій съ битвы въ первый разъ наказывается лишеніемъ имѣнія, бѣжавшій же вторично «почтивость свою тратитъ» по приговору (выроку) государеву, произносимому «за слушнымъ доводомъ отъ гетмана» [5]). Но не одно бѣгство съ поля битвы, или изъ военнаго стана является тяжкимъ государствен-

---

[1]) II ст. II. 10.
[2]) II ст. II. 16. [3]) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 413.
[4]) II ст. II. 10. [5]) II ст. II. 14.

нымъ преступленіемъ обывателя во время посполитаго рушенья. Статутъ предвидитъ и другія. Прежде всего изъ нихъ онъ упоминаетъ о ссудѣ оружія и всякой брони однимъ шляхтичемъ другому въ войскѣ. Если будетъ доказана такая ссуда, клонящаяся къ обману правительства, то сдѣлавшій ее карается конфискаціей всего его «статка» [1]), который отбирается гетманомъ на государя. Тотъ же, кто совершитъ это преступленіе вторично, наказывается смертью, «яко омылный слуга речы посполитое» [2]). Кромѣ того, могутъ во время похода совершаться наѣзды на дома обывателей и опустошеніе ихъ угодій. Будутъ ли они причинены кѣмъ-либо изъ рушившихся обывателей другому обывателю, стоящему въ тѣхъ же рядахъ вооружившагося народа-шляхты, или сдѣланы по отношенію къ владѣльцу просто встрѣтившейся случайно на пути и привлекшей почему-либо къ себѣ вниманіе проходившаго шляхтича земли — виновный платитъ «кгвалтъ и шкоды», конечно только «за слушнымъ доводомъ», а не иначе [3]). Но не одни грабежи случалось дѣлать шляхтичамъ и ихъ почтамъ во время посполитаго рушенья. Ненависть, разсчетъ, или, наконецъ, случайная ссора могли оказаться причиною убійства, или пораненія того, или другого лица, стоявшаго на службѣ военной государевой. Если преступленіе (убійство, или пораненіе) совершилось и доказана виновность преступника, онъ наказывается смертью; если же онъ не ранилъ, а лишь ударилъ, или, надо думать, пытался это сдѣлать [4]), такого гетманъ наказываетъ самъ «водлѣ баченья своего» [5]). Въ числѣ преступленій, которыя могутъ совершаться въ войскѣ, статутъ считаетъ и задержку у себя коня «блудяги». Согласно статуту, никто во время посполитаго рушенья не можетъ у себя держать отставшаго отъ господина коня долѣе, чѣмъ до утра слѣдующаго за поимкою его дня [6]). Кто продер-

---

[1]) Третій статутъ (III ст. II. 15) говоритъ объ этомъ яснѣе—«статокъ позычоный», т. е. все, данное въ ссуду.

[2]) II ст. II. 15. [3]) II ст. II. 20.

[4]) Въ текстѣ стоитъ: «а хотя и не ударилъ». Въ III-мъ статутѣ: «а хотя и не ударилъ, але словы неучъстивыми соромотилъ, або шкоду якую учинилъ». Мы не рѣшаемся ввести эти слова въ наше изложеніе текста II-го статута, такъ какъ они, вѣроятно, были вставлены лишь при «поправѣ» статутовой. Въ рукописномъ экземплярѣ II-го Литовскаго статута, хранящемся въ Имп. Публ. Библ. подъ номеромъ F. II. № 34, этой вставки III-го статута нѣтъ.

[5]) II ст. II. 23.

[6]) Конецъ 27-го артикула II-го раздѣла статута, который мы пересказываемъ въ текстѣ, такъ искаженъ въ изданіи М. Общ. Исторіи и древностей Росс.

жить его у себя дольше, т.-е. послѣ исхода первой, наступившей послѣ поимки ночи, тотъ долженъ считаться преступникомъ. Найденнаго коня, равно какъ всякую другую находку, сдѣланную въ обозѣ, нашедшій, не теряя времени, обязанъ представить къ гетману. Гетманъ прикажетъ о находкѣ «въ обозѣ закликати», а за найденнаго коня гетманъ «не маеть казати» нашедшему брать болѣе гроша [1]). Вообще, становясь подъ начальство гетмана, шляхта посполитаго рушенья обязана повиноваться ему въ его распоряженіяхъ. Если гетманомъ, или государемъ будутъ отдѣлены части рушенья для отдѣльныхъ дѣйствій, нужныхъ въ данное время, эти части должны подчиняться назначеннымъ надъ ними гетманомъ или королемъ начальникамъ, а эти «старшіе оные справцы, роспущаючи людей, и такъ же ся, яко панъ гетманъ заховывати маютъ» [2]).

Становясь въ ряды войска государева, шляхта стоитъ въ нихъ рядомъ съ наемными жолнерами, обученными военному дѣлу войсками, служащими государству за деньги. На жолнерахъ лежали обыкновенно и обязанности карауловъ, къ которымъ, надо думать, они были и болѣе пригодны, чѣмъ рушившаяся шляхта, вслѣдствіе несравненно лучшей военной выправки, опытности и дисциплины. Но и шляхта не должна была отказываться отъ сторожевой службы во время похода, и статутъ прямо требуетъ ея отъ вооруженныхъ обывателей въ томъ случаѣ, если въ войскѣ не будетъ жолнеровъ, такъ какъ это «не чыя иншая потреба и безпечность, одно ихъ властная» [3]).

Таковы требованія статута отъ шляхты великаго княжества Литовскаго въ дѣлѣ защиты государства отъ враговъ его посполитымъ рушеньемъ. Но не только въ то время, когда разразилась война и требуется немедленная защита отчизны «персями» ея сыновъ, могъ созвать король военнымъ собраніемъ народъ-шляхту Княжества. Созывъ вооруженной шляхты съ ея почтами, готовыми для войны, законъ разрѣшалъ королю дѣлать и во время мира, «часу покою», если онъ считалъ нужнымъ это сдѣлать. Въ такомъ случаѣ король своими листами назначаетъ обывате-

(Временникъ. XXIII), что мы считаемъ нужнымъ привести его изъ рукописнаго экземпляра статута 1566 года, хранящагося въ Имп. Публ. Библіотекѣ (F. II. № 34): «а гетманъ нашъ маеть заказать от блудяг болшы не брать толко от коня грош, а о иншые речи в обозе гетманскомъ закликати, а тое, што знашолъ, мает до пана гетмана отдати».

[1]) II ст. II. 27. [2]) II ст. II. 17. [3]) II ст. II. 19.

лямъ Княжества день, въ который всѣ, «хто водлугъ уфалы земское служыти войну повиненъ», должны явиться и «пописаться» въ судовыхъ повѣтахъ. Являются и подвергаются «попису» обыватели предъ воеводами (въ землѣ Жомоитской—передъ старостою Жомоитскимъ, имѣющимъ въ этой землѣ значеніе воеводы) въ центральныхъ повѣтахъ и старостами судовыми въ повѣтахъ судовыхъ. Вмѣстѣ съ ними выставляютъ свои почты и сами воеводы и старосты. При этомъ, разумѣется, соблюдается и то, чтобы лица, владѣющія имѣніями, находящимися въ разныхъ повѣтахъ, «показывали» и «пописывали» свои почты со всѣхъ своихъ имѣній при главнѣйшемъ. Сборъ шляхты для пописа сейчасъ же ставитъ и вопросъ объ ея содержаніи и снабженіи провіантомъ во время съѣзда, и статутъ требуетъ, чтобы собравшіеся покупали себѣ «жывность» не уставою, т.-е. не по обязательнымъ установленнымъ цѣнамъ, но «торгомъ», т.-е. по соглашенію съ продающими. Отъ такихъ пописовъ, совершаемыхъ въ мирное время по королевскому приказанію, съ обывателей не должно взиматься никакой платы [1]).

Вотъ постановленія статута о сборѣ посполитаго рушенья, этого всенароднаго шляхетскаго войска носившаго въ себѣ древнюю идею вооруженнаго народа, всею своею массою становившагося на защиту родины, выражавшуюся и въ земскомъ ополченіи Русскихъ удѣльныхъ княжествъ, и въ народной борьбѣ Литовцевъ до великокняжеской эпохи съ ихъ врагами, Поляками, Русскими и Нѣмцами, «законниками»-рыцарями. Но, конечно, жизнь вносила свои ослабленія въ тугія пружины, поставленныя закономъ въ организацію посполитаго рушенья, и далеко не такъ стройно и въ такомъ порядкѣ, какъ требовалъ статутъ, собиралось, передвигалось и дѣйствовало оно. Въ самомъ дѣлѣ, королевскіе листы, данные въ Радошковичахъ 10 декабря 1567 года и разосланные по всему Княжеству [2]), прекрасно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ, въ листѣ, посланномъ въ Минскій повѣтъ [3]), король говорилъ: «то пак маемъ ведомость, ижъ многие с того повету на войну не выехали, а иные, толко пописавшися, з войны проч ехали, в недбалост вину статутовую и уфалу соймовую по-

[1]) II ст. II. 28.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 172 об.—173 об.

[3]) По образцу этого листа были написаны листы и во всѣ остальные повѣты.

*

ложили; про то, хотечи, абы ся нихъто того важити не смелъ, будучи намъ се зде у Радошковичахъ, с паны-радами нашими ихъ милостью в томъ зостановене есмо такимъ обычаемъ вчинили, ижъ в кожъдомъ повете посланец, на то отъ нас посланый, маеть выведатися от бирчихъ тогожъ повету под ихъ повинъностью и верою ку намъ господару и от ыншихъ врадниковъ и суседовъ, хто бы, повинен будучи войну служити, яко в статуте и уфале сойму Городенского описано, в дому зосталъ, або выехавши и пописавшися в реистръ гетманьский и не дожъдавши шиху, або и по шиху отехалъ, альбо почотъ отослалъ, не жъдучи роспущенья войска з войны, таковогo кождого именья со въсимъ маеть взяти ку руце нашой господарской и где бы у другихъ поветехъ именья мел, тогды маетъ [1]) ознаймовати один другому посланец, абы ся в нихъ увязывали, а увезавшися мають подавати посланъцы старостамъ и державцамъ нашимъ, где ближей будеть ку руце нашой господаръской» [2]). Передача эта, конечно, сопровождалась извѣстными формальностями и выдачею реестровъ отобраннаго имѣнія.

Подводя итогъ подъ изложеннымъ о посполитомъ рушеньѣ, мы должны признать, что оно имѣло вполнѣ опредѣленныя черты и значеніе въ эпоху, когда великое княжество Литовское соединялось съ Польшею Люблинскимъ договоромъ 1569 года. Прежде чѣмъ говорить о посполитомъ рушеньѣ въ эпоху послѣ 1569 года, познакомимся съ другимъ видомъ государственной повинности,

---

[1]) Въ рукописи описка—«маемъ» вмѣсто «маетъ».

[2]) «а которого часу ему подано и с чимъ подасть, того посланецъ реистръ старосте маеть дати, а от старосты собе такъже реистръ противний взяти, а староста вжо маеть нам господару ознаймити, которого часу ему подано, ижъбы посланцы не задерживали при собе именья, увезавшися. А хто бы посланъцу нашому спротивился и не поступил увязанья в ыйменя, тоть маеть быти, яко противникъ, горломъ каранъ. Якожъ мы посылаемъ в тотъ поветъ Менский (чистое мѣсто для имени посланца), росказавши ему в том, яко вышей поменено, водлугъ уфалы и статуту заховатися под его телесною присегою, которую на тую справу намъ господару вделалъ, ижъбы а ни по дорочах, а ни по приязни, а ни для жадное речи таковымъ непослушнымъ в служъбе речи посполитое фолкги не делалъ, бо где бы ся иначей показало, тогды посланецъ маеть быти каранъ, яко кривоприсяжъца, такъже и за неотданье податъковъ, вземши от бирчихъ ведомость, томужъ посланцу нашому увязыватися в ыйменья казали есмо водле уфалы соймовое, о чомъ ведаючи, абы каждый сему росказаню и тому посланъцу нашому противитися не смел, стерегучися срокгости права и всего того, яко в сем листе поменено».

которой подлежали шляхетскія земскія имѣнія въ годы, предшествовавшіе заключенію Люблинской Уніи. Какъ и посполитое рушенье, «серебщизна», денежный поборъ съ шляхетныхъ обывателей, назначалась не иначе, какъ сеймомъ. Сеймъ 1563 года, постановившій посполитое рушенье, постановилъ и серебщизну. Въ исполненіе этого сеймоваго постановленія были посланы 15 іюля 1563 года съ дворяниномъ Θеодоромъ Каменицкимъ королевскіе листы, между другими, и къ Жомоитскимъ тивунамъ, такъ какъ серебщизна была постановлена не только съ обывательскихъ, но и съ королевскихъ земель [1]). Размѣръ побора былъ такой: съ каждой сохи, воловьей и конской, «по полукопю» грошей, а съ полсохи, т.-е. съ одного вола, или одной лошади, по 15 грошей. «А хто бы воловъ а ни кляч не мел, тогды зъ земли суполъное служъбу, которую пашуть, по петнадцати грошей», съ огородника по 5 грошей, а въ городахъ съ людей, не имѣющихъ ни пашни ни огородовъ, отъ воротъ по 3 гроша. Днемъ «однесенью и отданью» этой серебщизны было назначено 8 сентября 1563 года, праздникъ «Нароженя Панны Марии». 3 января 1566 года снова былъ данъ въ Вильнѣ королевскій универсалъ о серебщизнѣ—«лист до всих вобецъ о уставе серебщызну и иных платов и готовости на войну» [2]). Въ этомъ универсалѣ [3]) король объявлялъ, что на

---

[1]) «Тивуну земли Жомоитской волости Дирманьской Яну Крадовскому. Ижъ для потребы речи посполитое уфалили и постановили есьмо серебъщизну, яко съ подданых наших, такъ з людей княжских, паньских и духовных...» Лит. Метр. $\frac{\text{Ш А}}{7}$ л. 13—14.

[2]) Ibidem. Л. 96—99.

[3]) Въ Метрикѣ Литовской, какъ образецъ, приведенъ листъ въ Кіевскій повѣтъ. Его начало не совсѣмъ обычно, почему приводимъ его (послѣ титула): «Княземъ, паномъ, воеводамъ, старостам, кнегиням, панямъ, державцамъ, вдовамъ, хоружимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, Татаромъ и всякого стану подъданымъ нашимъ, тымъ, которые оселости свои иминья подъ правомъ земъскимъ в повете Киевъскомъ мають, стану такъ духовного, яко и свецкого у границахъ, нижей писаныхъ, то есть, почавши от Гонъчарихи у Случъ, а Случъю на долъ Чоръторый пани Семашковое старостиное Кремянецкое, а оттоль до Колодезное Селаша Улина и далей Случъю до Каменого села Бабиньского в границу Дубровицкую, держачи поправи повет Киевъский, а полеве Пиньский, Дубровицкий кгрунтъ, а Дубровицкою границою аж до устья реки Убортине, займуючи кгрунътовъ Городецких и Туровских аж до Мозыръской границы, держачи по Уборти по праве села бискупи и каноницкие до Припети Мозырскою границою до Брагинское граници, а Брагинскою границою до Днепра, по левой сторони пущаючи волость Речицкую до Любеча, а з Любеча вниз Днепромъ по обема сторонамъ Днепра,

засѣдавшемъ тогда Виленскомъ сеймѣ, «будучи водле звыклого обычаю панове-рады» государевы «духовные и свецкие, князи, панове и вси врадники земъские и дворные и все рыцерство, сойму належачие, везваны, донесли» королю просьбу о томъ, чтобы «сфолкгованье подданымъ было въ третей серебъщине, которая уфалена была на прошломъ вальномъ сойми [1]) на три лета». Серебщизна эта, какъ мы уже видѣли выше, была установлена въ размѣрѣ полу-копы грошей съ сохи и должна была быть внесена на день Рождества Богородицы. Кромѣ податка за 1565 годъ не всѣ еще внесли и податокъ за 1563 и 1564 года. Давая приказаніе, чтобы всѣ эти податки были выданы сполна всѣми станами на срокъ черезъ три недѣли послѣ Рождества Христова 1565 года, король повелѣваетъ обывателямъ распорядиться, чтобы врядники, или слуги ихъ, отдавая этотъ податокъ, присягали передъ бирчими земскими въ томъ, что «за вшкоженьемъ подъданых не могъ выбрати серебщины такъ сполна, яко перъшого року выбралъ». Тотъ же, кто не отдалъ серебщины еще за 1563 годъ, «абы и тепер тую серебщину сполъна выдалъ за присегою жъ, ижъ у в ономъ року не болшъ, але такъ много серебщины з людей его приити мело, яко тепер серебщину даеть». Точно также и тотъ, кто не выплатилъ еще серебщизны за второй годъ ея сбора, т.-е. 1564-ый, долженъ присягнуть, что съ него дѣйствительно слѣдовало ея именно столько, сколько онъ вноситъ въ данную минуту. Но Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ, исходатайствовавъ согласіе короля на нѣкоторое облегченіе неимущихъ обывателей, прибавилъ еще новый поборъ для покрытія военныхъ расходовъ. «А к тому еще болший почотъ служебных причиняючи, вси станы» согласились постановить «поголовный платъ» со своихъ подданныхъ, какъ мѣщанъ, такъ сельчанъ, огородниковъ и паробковъ. И съ государевыхъ, и съ обывательскихъ (духовныхъ и свѣтскихъ) мѣщанъ, «которые ганъдлюють и ремество вживають с кожъдого домового господара, братьи и суседовъ отъ головы» по 6 грошей, отъ ихъ женъ и дѣтей также по 6 грошей съ головы; съ шинкаровъ и

ажъ до реки Десны, до Остра, оттоль до Киева Днепромъ до Ловъ до Черъкасъ и Канева и до Белой Церкви, оттоль черезъ поле просто межи Слободищъ и Пыкова, ажъ до тоежъ пяты могилы Гончарихи. А в тых же границах войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и тежъ жидомъ и Татаромъ...»

[1]) Т.-е. на сеймѣ 1563 года.

перекупниковъ съ головы по 4 гроша, а со всѣхъ остальныхъ мѣщанъ, которые живутъ въ городѣ, но «торговъ, гандлевъ, перекупъничества и шинку не вживають», по 3 гроша. Съ наймитовъ, «зъ их властного мыта, або найму», господа ихъ должны выдать по 3 гроша. Съ «людей волочащих, которые без службы мешкають, и теж з медведниковъ, дудниковъ, скрипъниковъ и с каждого гудка и иных, в местех мешкаючихъ, хто службы певное не маеть», со всѣхъ такихъ, съ ихъ женщинъ («белыхъ головъ») и дѣтей взимается по 8 грошей, а съ жидовъ, какъ осѣлыхъ, такъ и пріѣзжихъ, «в чием кольвек именью будут», съ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—по 15 грошей отъ головы, а съ ихъ слугъ и челяди, «не жидовъ, наймитовъ и наймичокъ, которых в домехъ своихъ для послугъ ховають»,—по 2 гроша отъ головы. Съ Татаръ, «которые войны не служать, а ремествомъ, фурманъствомъ и иными речъми живяться» должно идти по 10 грошей съ человѣка, а съ женъ и дѣтей ихъ по 5 грошей [1]). Со всѣхъ волостныхъ и сельскихъ людей, съ каждой головы «музъское и женьское и тежъ коморниковъ, або суседовъ, наймитовъ [2]), наймичокъ и детей ихъ» идетъ по 2 гроша, а съ людей «воль», какъ государевыхъ, такъ и обывательскихъ [3])—отъ головы по 5 грошей; съ огородниковъ по 1, съ челяди невольной, «которые домы и присевки свои мають», по 5 пенезей отъ головы, съ челяди же невольной, не имѣющей домовъ и присѣвковъ, а живущей «на месечине, на хълебе в домах шляхетскихъ», не взимается ничего. Точно также не подлежатъ уплатѣ податка за себя, своихъ женъ и дѣтей путные бояре. Они платятъ поголовный поборъ лишь «от людей наймитовъ, наймичокъ своих» по 2 гроша отъ головы, а съ невольной своей челяди—по 5 пенезей. Что касается до земянъ-шляхты, не имѣющихъ своихъ подданныхъ, то они не должны со своихъ наймитовъ, наймичекъ и невольной челяди платить ничего. Изъ этого податка «выняты особы стану духовного и люди народу шляхецкого, которые войну служать», а также дѣти, «в персей будучие».

---

[1]) «а тые Татарове, которые службу земъскую, албо з датъку панов своих служать и на войне бывають, таковые з людей своих такъже ровный податокъ, яко и шляхетьские подданые повинни дати».

[2]) Въ рукописи описка—«наймитомъ» вмѣсто «наймитовъ».

[3]) «а з людей воль наших господарских, такъже князских, паньскихъ земянских, духовных и свецких, которые, хотя воли не выседели, але якихъкольве пожитков вживають, с кождое головы по 5 грошей...»

Таковъ былъ поборъ, наложенный на Литовскихъ обывателей сеймомъ 1565—1566 годовъ. Если послѣ выдачи податка окажется, что на наемныя войска денегъ нужно больше, чѣмъ далъ поборъ, тогда на повѣтовыхъ сеймикахъ, которые только что учреждены Сигизмундомъ Августомъ въ Княжествѣ, «вземъши от бирчихъ земъскихъ ведомость, маеть быти ешче половица того податку, вышей помененого, съ кождое головы выдано» [1]). Повѣтовые бирчіе ни подъ какимъ видомъ не должны освобождать отъ этого податка никого изъ обывателей, сами же за пять недѣль «от нового лета, в року нине идучомъ» 66-мъ должны передать собранныя ими деньги бирчимъ земскимъ, т.-е. архидьякону Маковецкому и Градовскому, принеся при этомъ свою присягу. «Отъ квитовъ», росписокъ, выдаваемыхъ повѣтовыми бирчими шляхтѣ, они не должны брать себѣ никакой платы, а вознагражденіе имъ должно идти изъ денегъ, собранныхъ тѣмъ же податкомъ. [2]).

Такъ рисуютъ акты сборъ серебщизны, установленной на три года Виленскимъ сеймомъ 1563 года. Городенскій сеймъ 1567 года, не доведенный до конца за разъѣздомъ ввиду военныхъ опасностей съѣхавшихся на него обывателей и оставившій послѣ себя лишь рецессъ, передающій довершеніе его дѣла и занятій слѣдующему ближайшему сейму, все-таки успѣлъ наложить на Княжество новую серебщизну. 28 ноября 1567 года были даны Сигизмундомъ Августомъ въ Радошковичахъ листы «о даванье серебщизны водле уфалы на сейме Городенском» [3]), разосланные

---

[1]) «на часъ, листы нашими назначоный, который же податокъ на теперешнемъ сойме уфаленом без каждого мешканья до тых бирчихъ поветовых отнесенъ и отданъ быти маеть черезъ врадниковъ и слуг ваших народу шляхецкого, а которые таковыхъ врядниковъ и слугъ народу шляхецкого не мають, тые сами отдати и при отданью того податку перед тыми жъ бирчими присегу вчинити мають...»

[2]) Это вознагражденіе («на страву») было опредѣлено въ двѣ копы съ каждыхъ ста копъ грошей собраннаго податка. Заканчивается документъ слѣдующими словами: «к тому хочемъ мети (и) приказуемъ вамъ, ижбы есте в готовости были, маючи кони сыты и всю спижу военъную по готову, и где бы потреба пришла рушеня, же бы ся тымъ ничого не змешкало, але поспешне на отпоръ неприятелеви тамъ тягнули, где збиранью войска месцо назначоно и зложоно будетъ».

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 168 об.—171.

по повѣтамъ великаго княжества Литовскаго. Въ нихъ [1]) объявлялось, что на Городенскомъ сеймѣ 1567 года былъ постановленъ «певный податокъ серебъшчизный», на оборону государства отъ Москвы «водле достаточного описанья и ознайменья в рецесе, з сойму Городеньского выданого». Первый податокъ, согласно сеймовому постановленію, долженъ быть выданъ «в десети неделяхъ» послѣ «выволанья», т.-е. окончанія Городенскаго сейма, срокъ же второму былъ назначенъ сеймомъ — «отъ свята Трех Кролевъ в року близко пришломъ» 68-мъ за 12 недѣль. Но въ Лебедевѣ «при бытности» государевой «вси станы, до войска се зъехавши а великие и кгвалтовные налеглые потребы земъские бачачи и хотечи людей служебныхъ для потужънейшое войны задержати», сами всѣ «с призволенемъ» государевымъ «уфалили и постановили» измѣнить срокъ для отдачи этого второго податка. Рѣшено было, ввиду необходимости скорѣйшей уплаты наемнымъ войскамъ ихъ жалованья, перенести день уплаты съ 1568 года на 1567 и выдать его передъ Рождествомъ Христовымъ этого года, сокративъ, такимъ образомъ, время его выдачи на цѣлые три мѣсяца. Благодаря лишь этому постановленію, удалось сохранить «людей служебныхъ при служъбе земъской». Они ожидають уплаты своего жалованья и, если ея не послѣдуетъ, «далей жаднымъ обычаемъ служити не хочуть». Требованіе наемнымъ войскомъ жалованья было, очевидно, очень настойчивымъ, если даже многіе паны-рада, «упевняючи никоторых ротъмистровъ, сами им заплату пенезей на роты ихъ прирекли», пообѣщали. Они прямо со своихъ имѣній передадутъ ротмистрамъ слѣдуемый съ нихъ податокъ, дѣлая это «для поспешнейшое людем служебнымъ заплаты», и, конечно, повѣтовые поборцы не должны съ нихъ требовать вторичной уплаты въ свои руки податка. Поборцы должны въ такомъ случаѣ принимать отъ них «квит ротмистровъ», росписку въ полученіи денегъ, вмѣстѣ «з реистромъ» землевладѣльца, «як податок з ыменя своего выбралъ», считая эту росписку совершенно равною по значенію съ наличными деньгами, слѣдуемыми съ нихъ въ качествѣ побора.

---

[1]) Какъ образецъ этихъ листовъ, въ Метрикѣ находится листъ въ Лидскій повѣтъ—«княземъ, паном, воеводамъ кашталяномъ, маршалкомъ, старостам, державцам, врадникомъ поветовымъ, кнегиням, паням, земяномъ, бояромъ и двораномъ нашимъ и всимъ станомъ духовнымъ, которые имена и оселости свои во въсемъ окрузе повету Лидского маютъ». Ibidem, л. 170. Документъ изданъ *М. К. Любавскимъ*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 192—194.

Въ іюлѣ 1568 года состоялась уфала Городенскаго вальнаго сейма, послѣдняго отдѣльнаго сейма Литовскаго [1]). На этомъ сеймѣ былъ постановленъ податокъ на наемъ и содержаніе жолнеровъ,— «место рушенья посполитого» [2]). Въ исполненіе этого сеймоваго постановленія были даны въ Кнышинѣ 8 іюля того же года королевскіе листы въ повѣты «о податокъ, на сойме Городеньскомъ в року 68 уфаленый» [3]).

Итакъ, въ эпоху наканунѣ Люблинской Уніи 1569 года земская повинность шляхты Литовской состояла въ ея службѣ въ посполитомъ рушеньѣ для защиты отечества противъ внѣшнихъ враговъ и въ уплатѣ податковъ, серебщизны, которая налагалась на шляхетскія осѣлости также для цѣлей обороны государственной. Такимъ образомъ, можно сказать, что единственною «повинностью» шляхты Литовской наканунѣ вступленія ея въ совмѣстную политическую жизнь со шляхтою Польскою была «оборона» Княжества отъ его враговъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ и степени опасности, для этой обороны назначался податокъ съ земскихъ имѣній, или посполитое рушенье ихъ владѣльцевъ, или, наконецъ, то и другое вмѣстѣ. При этомъ какъ рушенье, такъ и серебщизна постановлялись не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ, т.-е. съ согласія самихъ обывателей, даннаго черезъ сенаторовъ, князей, пановъ, врядниковъ и пословъ повѣтовой шляхты. Посмотримъ теперь, каковы были повинности Литовской шляхты въ эпоху, наступившую послѣ Люблинской Уніи. Разсмотримъ прежде всего поборы, которые налагались на шляхту за время съ 1569 по 1586 годъ.

Поборовые универсалы по всей Речи Посполитой были за это время изданы въ 1569, 1573, 1577, 1578, 1580 и 1581 годахъ [4]). Теперь поборъ уже налагается спольнымъ Польско-Литовскимъ сеймомъ, хотя собираемыя имъ деньги и поступаютъ не въ одинъ общій скарбъ, а въ два отдѣльные: Польскіе взносы — въ Коронный, Литовскіе — въ Литовскій. Люблинскій сеймъ 1569 года, т.-е. первый спольный сеймъ только что образовавшейся Польско-Литовской Речи Посполитой, уже постановилъ поборъ по всему соединенному государству. Мы не станемъ приводить всѣхъ цифръ этого

---

[1]) Д. М. Арх. М. Юст. I. Стр. 464—496. [2]) Ibidem. Стр. 467.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 176—179.

[4]) Vol. leg. II. Str. 102—106, 126—130, 176—181, 191—198, 198—206, 212—219.

побора, такъ какъ, изданный въ Volumina legum универсалъ самъ можетъ ихъ передать читателю. Мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы хотя приблизительно показать, насколько поборъ былъ обременителенъ для обывателей шляхетскаго стана. Универсалъ 1569 года [1]) требуетъ отъ шляхты Короны и Княжества безразлично уплаты побора съ ея подданныхъ сельскихъ и мѣщанъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ поборомъ, идущимъ съ одноименнаго населенія духовныхъ и королевскихъ имѣній. Съ крестьянъ (кметовъ), какъ королевскихъ, такъ и частно-владѣльческихъ должно было поступить въ Литовскій скарбъ по 20 грошей съ каждаго крестьянина. По 20 грошей должны платить всѣ виды крестьянскаго населенія, а также и путные бояре. Шляхта, не имѣющая крестьянъ, должна платить по 12 грошей съ каждой волоки своей земли. Кромѣ сельскихъ подданныхъ шляхетскихъ поборъ должны были платить и жители мѣстъ и мѣстечекъ, принадлежащихъ какъ королю, такъ и духовнымъ и свѣтскимъ обывателямъ. Податокъ былъ наложенъ также на различныхъ ремесленниковъ, промышленниковъ, гултаевъ, жидовъ, словомъ на все населеніе Речи Посполитой, какъ въ Коронной ея части, такъ и въ Литовской. Но мы не будемъ входить въ детальное изученіе размѣровъ этихъ поборовъ. Они касаются мѣстечекъ и городовъ, которые были достояніемъ лишь шляхты крупной, пановъ, для насъ же особый интересъ представляетъ собою обложеніе шляхты рядовой, менѣе состоятельной.

Поборъ, установленный избирательнымъ сеймомъ 1573 года, потребовалъ опять по 20 грошей съ Польскаго кмета и съ каждой крестьянской службы Литовской [2]). Такой же размѣръ побора встрѣчаемъ и въ поборовомъ универсалѣ 1577 года [3]). Но въ слѣдующемъ уже 1578 году цифра побора, взимаемаго съ землевладѣльцевъ по числу ихъ сельскихъ подданныхъ, была увеличена въ полтора раза и доведена до 30 грошей съ кмета [4]). Въ такомъ же размѣрѣ онъ былъ постановленъ въ 1580 [5]) и 1581 [6]) годахъ. Чтобы представить себѣ степень тяжести этихъ поборовъ для шляхты, мы должны сравнить эти цифры съ количествомъ дохода, который приносилъ крестьянинъ своему землевладѣльцу. Въ Полоцкой Ревизіи 1552 года встрѣчаются нерѣдко крестьяне, переведенные на денежный оброкъ вмѣсто уплаты землевладѣльцу

---

[1]) О поборовомъ универсалѣ этомъ см. выше, стр. 17 и 18, примѣчаніе 3.
[2]) Vol. leg. II. Str. 126. [3]) Ibidem. Str. 177.
[4]) Ibidem. Str. 191. [5]) Ibidem. Str. 198. [6]) Ibidem. Str. 213.

части (обыкновенно четвертой) своего сбора. Иногда этотъ оброкъ соединялся съ барщинною работою, иногда же крестьяне, платя свой оброкъ, были свободны отъ барщины. Въ числѣ имѣній братьевъ Есмановыхъ [1]) былъ дворъ Григоровичи, купля ихъ отца. Онъ купилъ этотъ дворъ у Чижевичей, дѣтей государева конюшія. Между людьми, принадлежавшими къ этому имѣнію, были 3 куничника, съ которыхъ владѣлецъ получалъ всего 2 копы 44 гроша, а кромѣ нихъ и другихъ крестьянъ, платившихъ четвертую долю своего сбора и ходившихъ на работу «съ чимъ роскажутъ», были еще 14 дымовъ въ селѣ Удоложецъ, платившихъ землевладѣльцамъ 13 копъ и 8 грошей и косившихъ сѣно [2]). На каждаго куничника, такимъ образомъ, приходилось по $54^2/_3$ гроша и на каждый дымъ сельца Удоложецъ по $56^2/_7$ гроша. Но рядомъ съ этими цифрами дохода землевладѣльца-шляхтича со своихъ оброчныхъ крестьянъ встрѣчаемъ и цифры значительно меньшія. Такъ, Петръ Олеша въ имѣніи двора Передолаго, отчины жены своей, имѣлъ въ числѣ другихъ крестьянъ человѣка на Гоми, платившаго ему куницы 10 грошей, человѣка на Оболи, платившаго куницы 15 грошей, и двухъ человѣкъ на Мосарѣ, съ которыхъ получалъ куницы 12 грошей [3]). При соображеніяхъ надъ этими цифрами необходимо принять въ разсчетъ, во-первыхъ, то, что Литовскій грошъ, который фигурируетъ въ Полоцкой Ревизіи, былъ одною четвертью больше современнаго ему Польскаго гроша [4]) и, во-вторыхъ, различіе во времени составленія Полоцкой книги и во времени сеймовъ, постановленіями которыхъ были наложены приведенные нами податки.

Итакъ, мы должны признать размѣръ податка, выплачиваемаго шляхтою по сеймовымъ постановленіямъ, весьма значительнымъ для обывателя средняго достатка. Конечно, податокъ вызывалъ увеличеніе размѣровъ оброка землевладѣльцемъ и ложился своею тяжестью, главнымъ образомъ, на шляхетскихъ подданныхъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и самой шляхтѣ приходилось сокращать свои доходы съ крестьянъ, платящихъ поборъ, отдавая часть ихъ поборцамъ податка. Мы уже не говоримъ объ убогой шляхтѣ, крестьянъ не имѣвшей и своимъ собственнымъ трудомъ обрабатывавшей свою землю.

Обратимся теперь къ другой повинности шляхетской—службѣ

[1]) Павелъ, Сидоръ, Иванъ, Миколай, Глѣбъ, Ходоть Глѣбовичи Есмановы.

[2]) Полоцкая Ревизія. Л. 57 об. [3]) Ibidem. Л. 61 об.

[4]) *Горбачевскій.* Словарь др. актоваго языка. Стр. 145.

земской военной въ посполитомъ рушеньѣ народа-шляхты. Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда Августа, т.-е. въ первые годы существованія спольной Польско-Литовской Речи Посполитой не было надобности въ посполитомъ рушеньѣ, какъ чрезвычайномъ средствѣ защиты государства, такъ какъ въ 1570 году было заключено съ Москвою трехлѣтнее перемиріе съ оставленіемъ каждаго изъ воюющихъ государствъ при тѣхъ владѣніяхъ, которыя у него были въ данное время; а въ теченіе трехъ лѣтъ перемирія должны были вестись переговоры о мирѣ [1]). Наступившія послѣ смерти послѣдняго Ягеллона елекціи, давъ Московскому царю надежду на включеніе въ число его владѣній всей Речи Посполитой или, по крайней мѣрѣ, Литовской ея части путемъ избранія его на престолъ всего соединеннаго государства, или Литовскаго княжества, заставили его удерживаться отъ военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Но послѣ избранія Баторія вражда между Москвою и Литвою еще болѣе обострилась: къ прежнимъ ея причинамъ присоединились обманутые разсчеты и надежды Московскаго царя. Съ самаго начала своего царствованія Баторію пришлось серьезно заняться дѣломъ обороны Княжества и возвращенія его владѣній, отнятыхъ Москвою. Только что (1 мая) коронованный король, отбывъ коронаціонный сеймъ въ Краковѣ и присягнувъ передъ высланнымъ къ нему въ этотъ городъ Литовскимъ посольствомъ, Стефанъ Баторій отправился въ Кнышинъ и Тыкотинъ, гдѣ должны были изъявить ему свое подданство собравшіеся тамъ Литовскіе сенаторы [2]). Здѣсь ему пришлось сразу дѣлать распоряженія, касающіяся Московской войны. 25 іюля 1576 года въ Кнышинѣ были даны королевскіе листы «о готовости на войну» [3]). Въ этихъ листахъ Баторій объявлялъ, что ему донесъ князь Иванъ Соломерецкій, кашталянъ и староста Мстиславскій о томъ, что Московскій «князь» собираетъ свои войска. Король не стремится къ войнѣ и не желаетъ кровопролитія: онъ отправилъ въ Москву своихъ пословъ, извѣщая Московскаго государя «о пановаьнѣ» своемъ и о «склонности ко всему доброму хрестіянскому» и приказавъ оповѣстить по всѣмъ пограничнымъ замкамъ, чтобы по отношенію къ государству и подданнымъ великаго князя Московскаго «спокойнѣ заховывалися, безъ всякоѣ зачѣпки». Но ввиду того, что срокъ перемирія скоро кончается, а также остерегаясь, какъ бы

[1]) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ др. временъ. Кн. II. СПБ. 1894. Стр. 203.
[2]) См. выше—стр. 149. Ср. *J. Szujski.* Dz. P. III. Str. 59—62.
[3]) А. З. Р. III. № 67.

Московскій врагъ не вторгся въ Литовскіе предѣлы внезапно, не извѣстивъ о началѣ военныхъ дѣйствій, король дѣлаетъ распоряженіе о готовности къ войнѣ, хотя «постановленье около войны сойму вальному належитъ». Опасность грозитъ, и король извѣщаетъ о ней, своимъ «ласкавымъ жеданьемъ» прося обывателей[1]), чтобы они по примѣру своихъ предковъ и своему собственному, а также по примѣру обывателей Коронныхъ, на коронаціонномъ сеймѣ безъ Литовцевъ согласившихся на рушенье, «гдѣ бы съ которое стороны небезпечность на» государство «приходила». Король проситъ обывателей Литовскихъ быть въ военной готовности для защиты отчизны и увѣряетъ, что онъ самъ своею особою не

[1]) Хотя документъ, напечатанный въ А. З. Р., и адресованъ къ Литовскому стольнику, князю Александру Пронскому, но несомнѣнно, что это одинъ изъ листовъ, посланныхъ по всему Княжеству—«таковых листовъ послано всихъ 15», гласитъ приписка при этомъ листѣ. Но, конечно, всѣхъ листовъ было гораздо больше, а 15 листовъ, вѣроятно, были посланы къ лицамъ той категоріи врядниковъ, къ которой принадлежалъ князь Ал. Пронскій. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, напримѣръ, данныя о разсылкѣ листовъ Баторія изъ Городны 16 марта 1580 года о съѣздѣ въ Вильнѣ на 17 апрѣля того же года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 3—4 об.). Были посланы 22 листа по повѣтамъ, 14 листовъ къ Жомотскимъ тивунамъ, затѣмъ указаны листы къ сенаторамъ, но, конечно, должны были быть еще отдѣльные листы къ князьямъ, панамъ и врядникамъ, такъ какъ они получали ихъ отдѣльно. Такимъ образомъ, Метрика не всегда помѣщаетъ указанія на всѣ документы по одному и тому же дѣлу въ одномъ мѣстѣ, а, стало быть, нельзя думать, что и 25 іюля 1576 года были даны непремѣнно только 15 листовъ, если эту цифру находимъ въ припискѣ. Въ Литовской Метрикѣ находимъ и данные того же 25 іюля 1576 года «листы, писаные до панов рад и всих станов вел кз Литовского, радечи и жедаючы, абы готовост военьную спосбляли». Въ этихъ листахъ (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 20—20 об.) король говоритъ буквально то же, что въ листѣ князю Пронскому. Приведенный въ Метрикѣ, какъ образецъ этихъ листовъ, листъ въ Виленское воеводство начинается послѣ титула такъ: «князю Валериану, бискупу Виленьскому, пану Миколаю Радивилу, воеводе Виленьскому, канъцлеру великого князства Литовского, старосте Лидскому и Мозырскому, державцы Борисовъскому, пану Яну Ходкевичу, пану Виленьскому, старосте Жомоитскому, маршалъку земъскому великого князства Литовского, адъминистратору и гетъману земли Ифлянтское, старосте Ковенъскому, державцы Полотелскому и Телшовскому и всимъ княземъ, паномъ, врадникомъ земъскимъ и дворнымъ и всему рицерству воеводъства Виленъского...» Просьба королевская здѣсь читается такъ: «жеданьемъ нашимъ господарскимъ вашей милости пановъ-рад нашихъ и всихъ становъ напоменути, якожъ о то жедаемъ...»

замедлитъ прибыть въ Литву въ случаѣ опасности. Между тѣмъ, послѣ разсылки королевскихъ листовъ событія шли своимъ чередомъ. Вернувшись изъ Тыкотина, Стефанъ Баторій отправился, въ Пруссію, заѣхавъ въ Варшаву [1]). Въ Брестѣ Куявскомъ ему принесъ присягу черезъ своихъ пословъ Прусскій герцогъ, а въ Торунѣ королю Стефану присягнула вся королевская Пруссія за исключеніемъ одного лишь Гданска. Возстаніе этого города противъ власти Польскаго короля, начавшееся еще въ царствованіе Сигизмунда Августа [2]), продолжалось и послѣ вступленія на престолъ Стефана Баторія. Предстояло усмиреніе Гданска, требовавшее не малыхъ расходовъ и военныхъ силъ. Открывшійся 4 октября 1576 года Торунскій сеймъ долженъ былъ заняться королевскимъ предложеніемъ податка на эти надобности [3]). Но мы уже знаемъ [4]), что сеймъ отказался исполнить желаніе Баторія и вмѣсто податка вотировалъ посполитое рушенье, весьма невысокое въ своихъ боевыхъ качествахъ, рушенье, которое притомъ король не имѣлъ права дѣлить на отдѣльные отряды [5]), а также выводить за границы государства [6]). Ясное дѣло, что король имѣлъ право сказать объ этомъ сеймѣ въ своихъ грамотахъ, посланныхъ къ панамъ-радамъ великаго княжества Литовскаго и данныхъ въ обозѣ подъ Гданскомъ 10 августа 1576 года, что «ся тотъ съемъ за скараньемъ Божьимъ не водлѣ потребы речи посполитое скончилъ» [7]). Въ этихъ листахъ, извѣщая о своемъ приказаніи Литовскому земскому подскарбію [8]) принять на службу столько наемныхъ отрядовъ, сколько позволяютъ средства скарба, а также о своемъ повелѣніи, чтобы были «рушены» Татары и стрѣльцы Литовскіе и чтобы всѣ обыватели были готовы къ посполитому рушенью, Стефанъ Баторій сообщалъ панамъ-радамъ Литовскимъ о томъ, что главные сеймики Великой и Малой Польшѣ уже согласились на желаемый королемъ податокъ вмѣсто посполитаго рушенья. Король уже распорядился написать объ этомъ панамъ радамъ и станамъ Литовскимъ, чтобы и они собрались на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, а потомъ и на главномъ сеймикѣ Волковыйскомъ, но

---

[1]) Изъ Варшавы, напримѣръ, въ августѣ 1576 года былъ данъ документъ, изданный въ А. З. Р. III (№ 68).

[2]) См. выше, стр. 153 и сл. Ср. *J. Szujski.* Dz. P. II. Str. 390.

[3]) См. выше, стр. 154 и сл. Ср. *J. Szujski.* Dz. P. III. Str. 65, 66.

[4]) См. выше, стр. 154. [5]) Vol. leg. II. Str. 161. 6.

[6]) Vol. leg. II. Str. 124. [7]) А. З. Р. III. № 86. [8]) Лаврину Войнѣ.

онъ все еще не имѣетъ извѣстія объ его постановленіи. Между тѣмъ, военныя потребности растутъ. Въ Лифляндіи Москва осадила Кокенгаузенъ, а такъ какъ у короля въ рукахъ нѣтъ никакого постановленія Литвы кромѣ постановленія рушенья посполитаго, да если бы оно и было, то теперь уже невозможно его привести въ исполненіе,—король предписываетъ поспѣшить на «отпоръ» врагу, или прямо направившись противъ его войска, или же вторгнувшись въ его собственныя земли. Выборъ изъ этихъ способовъ противодѣйствія Москвѣ виднѣе самимъ панамъ-радамъ Княжества. Король занятъ подъ Гданскомъ, но, когда онъ получитъ отъ пановъ-радъ извѣстіе о необходимости его личнаго присутствія въ Инфлянтахъ, онъ поспѣшитъ туда. Но мы уже знаемъ, что король получилъ извѣщеніе о постановленіи Литовскимъ съѣздомъ желаннаго для короля податка. Несмотря на постановленіе податка, сдѣланное Волковыйскимъ съѣздомъ, король все-таки просилъ пановъ-радъ, чтобы они «вси яко на кгвалтъ, зъ милости своее къ отчизнѣ и речи посполитой, для такъ наглоѣ потребы поспѣшилися». На средства же, добытыя сборомъ податка должны быть наняты возможно скорѣе жолнеры. Конечно, не одни паны-рады со своими почтами «рушилися» въ 1577 году противъ Москвы, а вмѣстѣ съ ними должна была рушиться и большая часть шляхты, хотя едва ли вся шляхта Литовская это сдѣлала: податокъ, постановленный въ Волковыйскѣ, долженъ былъ многимъ обывателямъ представиться достаточнымъ для исполненія всѣхъ обязательствъ, лежащихъ на шляхтѣ, и едва ли могла идти рѣчь о наказаніи не явившихся въ рушенье, такъ какъ съ формальной стороны они были правы. Но и явившихся на службу королевскую также несомнѣнно было много. Въ своемъ листѣ, данномъ 7 мая 1580 года въ подтвержденіе правъ Полоцкой шляхты, Баторій прославлялъ труды шляхты этого воеводства во время войны съ Москвою [1]). Еще за годъ до Виленскаго съѣзда 1580 года, 20 апрѣля 1579 года въ своемъ универсалѣ король заявлялъ и о заслугахъ Литовскихъ становъ, которые добровольно пошли съ королемъ на войну. Король благодарилъ Литовскихъ обывателей за это, назначалъ день «ку тягненью до войска» и гарантировалъ Литвѣ, что такое добровольное рушенье не пойдетъ ей «въ пошлину»—Литва обязана рушиться «водлѣ спису Уніи» лишь вмѣстѣ съ Поляками по сеймовому постановленію [2]).

[1]) См. выше, стр. 176. [2]) См. выше, стр. 177 и сл.

Такимъ образомъ, рушенье Литвы во время Московской войны Стефана Баторія было не «повинностью» народа-шляхты Литовской, а ея «милостью», дѣломъ доброй воли и любви къ отчизнѣ и государю. Литовская шляхта, какъ и Литовскіе вельможи [1]), добровольно выставляла свои почты и служила во время Московской войны. Со смерти послѣдняго Ягеллона въ Княжествѣ за весь изслѣдуемый періодъ времени не было посполитаго рушенья въ силу обязанности шляхты отбывать его, а потому мы и не можемъ разсматривать эту добровольную службу Литовской шляхты, говоря о «повинностяхъ» ея. Мы должны только сказать еще нѣсколько словъ о «рушеньѣ повѣта на непослушныхъ вряду». 67-й артикулъ IV-го раздѣла второго Литовскаго статута [2]) постановляетъ, что, если присужденное земскимъ судомъ на отвѣтчикѣ не будетъ послѣднимъ уплочено во время земскихъ роковъ, то по ихъ окончаніи земскій судъ посылаетъ вознаго съ двумя шляхтичами, который и долженъ «отправу вчинити» въ присужденной суммѣ на имѣніи отвѣтчика. Если отвѣтчикъ не согласится добровольно допустить «увязанья», ввода во владѣніе въ присужденной суммѣ, земскій судъ отсылаетъ дѣло къ суду замковому или дворному, и истецъ вызываетъ его предъ этотъ судъ черезъ двѣ недѣли, «яко на рокъ завитый». Когда будетъ на судѣ доказано упорство и сопротивленіе отвѣтчика, то замковый врядъ [3]) долженъ «з раменя» государева обослать всю шляхту того повѣта и, назначивъ день, «съ ними ся рушыти и моцно, яко што первей у суду земского сказано, такъ и въ закладехъ, у во имѣнья того непослушного увезати», и заруки половина пойдетъ въ пользу истца, а половина на государя. Вторичное сопротивленіе, т.-е. сопротивленіе «за позваньемъ до кгроду», которое, какъ мы видѣли, дѣлалось «з раменя» государева, доводится урядомъ до королевскаго свѣдѣнія, и король объявляетъ объ этомъ по всему Княжеству и приговариваетъ виновнаго къ смертной казни. Что касается до самой шляхты въ рушеньѣ ея на «непослушнаго», то она «за обосланьемъ старостинскимъ» должна ѣхать въ немъ «збройно, яко на войну, на таковое увязанье и за се на то иманье таковаго противника». Исключеніе въ обязанности рушиться дѣлается лишь для пановъ-радъ и

---

[1]) См. выше, стр. 170, 171. [2]) «О отправахъ речей сужоныхъ».

[3]) «...гдѣ воевода будеть, ино воевода, або староста, або державца, сами особами своими, а въ небытности ихъ, ино намѣстники ихъ».

дворныхъ королевскихъ врядниковъ, занятыхъ своими дѣлами по вряду. Виновные же въ несоблюденіи статутоваго постановленія о рушеньѣ на «непослушнаго» подвергаются опредѣленному статутомъ наказанію. Акты знаютъ случаи требованія такого рушенья [1]). Но въ 1578 году Варшавскимъ сеймомъ въ его «поправахъ статутовыхъ» [2]), было отмѣнено это посполитое рушенье повѣта на «непослушныхъ вряду» и было замѣнено другими средствами принужденія отвѣтчика, противящагося приговору [3]).

Исторія посполитаго рушенья представляетъ изъ себя отраженіе состоянія нравовъ шляхты. Въ болѣе раннее время, когда народъ былъ народомъ-воиномъ, шляхта представляла изъ себя дѣйствительно грозную военную силу, притомъ единственную до появленія наемныхъ отрядовъ. Когда появились наемныя войска, боевыя качества народа-шляхты оказались ниже, чѣмъ боевыя качества наемныхъ солдатъ, спеціалистовъ военнаго дѣла. Развитіе огнестрѣльнаго оружія и необходимость учиться употребленію его, а также искусственному военному строю должны были особенно принижать боевыя качества войска-народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ качества народнаго войска понижались и съ развитіемъ его правъ. Исторія Польши хорошо знаетъ обращенія рушившейся шляхты изъ войска въ суверенное собраніе народа. Нешавскіе привилеи 1454 года, этотъ фундаментъ, на которомъ Коронное шляхетство выстроило зданіе своихъ политическихъ правъ, были потребованы и получены рушившимся народомъ [4]). Исторія Литвы также хорошо знаетъ военные сеймы [5]). Такая возможность обращенія войска въ народное собраніе, въ сеймъ, конечно, чрезвычайно уменьшала пригодность шляхты, какъ войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

[1]) См., нпр., «листъ пану Каспору Демъбинскому до воеводы Мстиславъского пана Юря Остика, откладаючы справу их о именье Росошу и иные речы на сеймъ». Дата: Варшава, 16 августа 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 29—30 об.

[2]) Временникъ. XXIII. Стр. 200—212. [3]) Ibidem. Стр. 207—210.

[4]) См. *A. Pawiński*. Sejmiki Ziemskie. Warszawa. 1895. Str. 71. Ср. также *Jan Friedberg*. Pospolite ruszenie w Wielkopolsce w drugiej połowie XV wieku (Studya nad historyą prawa Polskiego, wydawane pod redakcyą Oswalda Balzera. Tom I. Zeszyt 3). Lwów. 1900. Str. 4, 5.

[5]) *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. сеймъ. Стр. 223, 224, 271—282, 680—681 783, 784, 787.

сама шляхта отвыкала отъ военной службы и забывала свои военныя доблести. Такимъ образомъ, мало-по-малу совершилось полное перерожденіе характера шляхты, и изъ военнаго класса она постепенно должна была превратиться въ классъ, сильный лишь своимъ политическимъ и соціальнымъ значеніемъ, а не дѣйствительною боевою способностью.

ГЛАВА III.

Паны-рада великаго княжества Литовскаго.

Въ составъ спольнаго Польско-Литовскаго сената, созданнаго Уніею 1569 года, входили слѣдующіе Литовскіе сенаторы: 1) бискупы Виленскій и Жомоитскій, 2) воеводы и кашталяны, а именно, воевода Виленскій, кашталянъ Виленскій, воевода Троцкій, кашталянъ Троцкій, староста Жомоитскій, воеводы—Смоленскій, Полоцкій, Новгородскій, Витебскій, Берестейскій, Мстиславскій и Минскій, кашталяны—Жомоитскій, Смоленскій, Полоцкій, Новгородскій, Витебскій, Берестейскій, Мстиславскій и Минскій, 3) министры—маршалокъ земскій, канцлеръ, подканцлеръ, земскій подскарбій и маршалокъ дворный [1]). Былъ еще одинъ врядникъ, который не былъ внесенъ въ списокъ сенаторовъ соединеннаго государства, составленный въ 1569 году. Это гетманъ наивысшій. Но необходимость, чтобы этотъ урядъ былъ занимаемъ непремѣнно сенаторомъ слѣдуетъ съ полною очевидностью. Какъ главнокомандующій всѣхъ военныхъ силъ Княжества, подъ команду котораго становился весь народъ-шляхта Литвы въ обоихъ ея слояхъ, т.-е. и сенаторскомъ, и просто-шляхетскомъ, онъ не могъ быть лицомъ не сенаторскаго стана. Въ противномъ случаѣ, его авторитетъ не былъ бы достаточно великъ для того, чтобы отдавать приказанія рушившимся сенаторамъ, стоящимъ вмѣстѣ со всею шляхтою подъ его «справою» во время посполитаго рушенья. Кромѣ того, гетманомъ наивысшимъ не могло быть лицо не-сенаторскаго стана и потому, что онъ безусловно долженъ былъ въ силу своихъ обязанностей, сложности и значенія дѣла, ему подлежащаго, присутствовать въ сенатѣ какъ для того, чтобы знать всѣ дѣла, въ немъ обсуждаемыя, такъ и для того, чтобы со своей стороны, подавая свой голосъ, высказывая свои

[1]) Vol. leg. II. Str. 93.

взгляды и знакомя сенатъ съ ходомъ военныхъ дѣлъ, настаивать на распоряженіяхъ правительства, для успѣха ихъ необходимыхъ. Число членовъ сената отъ Княжества въ Речи Посполитой было меньше, чѣмъ число пановъ-радъ Литовскихъ въ эпоху совершенно отдѣльнаго политическаго существованія Литовско-Русскаго государства, такъ какъ до Люблинской Уніи кромѣ тѣхъ радныхъ пановъ, которые оказались сенаторскими врядниками Короны за оторваніемъ четырехъ Литовскихъ воеводствъ и присоединеніемъ ихъ къ Польшѣ [1]), въ Литовской радѣ засѣдали еще «столовые» урядники и повѣтовые маршалки, не получившіе мѣста въ спольномъ Польско-Литовскомъ сенатѣ [2]). Прежде чѣмъ наблюдать дѣятельность Литовской рады, какъ учрежденія, познакомимся съ сенаторами Княжества, какъ врядниками, занимающими тотъ или другой государственный урядъ, вводившій ихъ въ самый сенатъ. Познакомимся сначала со значеніемъ въ Княжествѣ каждаго сенаторскаго вряда и его функціями и уже затѣмъ обратимся къ совмѣстной дѣятельности радныхъ пановъ, развивавшейся въ радѣ, или сенатѣ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ говорить о политическомъ зданіи Литовскаго сената, мы изслѣдуемъ матеріалъ, изъ котораго оно было построено. Во главѣ Литовскаго сената стояли духовные его члены—бискупы Виленскій и Жомоитскій. Описывая политическое устройство Польско-Литовскаго государства, Гванини называетъ архіепископовъ и епископовъ «principes autem et praecipui regni senatores», признавая за ними первенство въ сенатѣ «propter venerandam ecclesiastici ordinis majestatem autoritatemque et opes, quibus affluunt, praestantissimas». Во время засѣданій сената духовные его члены занимаютъ первыя мѣста, садясь по обѣимъ сторонамъ королевскаго трона [3]).

Въ цѣломъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ тѣхъ его предѣлахъ, которые были установлены Люблинскою Уніей, были только два бискупства — Виленское и Жмудское. Остальныя бискупства Литовско - Русскаго государства оказались

---

[1]) Подляшскаго, Кіевскаго, Волынскаго и Браславля Подольскаго.

[2]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 840.

[3]) Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. *Alexandri Gwagnini* Veronensis, Equitis Aurati peditumque praefecti. Cui suplementi loco ea, quae gesta sunt superiori anno inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae, breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum. Spirae. Cum privilegio imper. et Regis Gall. Apud Bernardum Albinum. M D LXXXI. P. 42.

лежащими въ предѣлахъ короны Польской послѣ оторванія отъ него южной Руси и Подляшья. Виленское бискупство было учреждено Ягайлою въ 1387 году. Первымъ бискупомъ въ Вильнѣ былъ Полякъ Андрей Василь, герба Ястрембецъ, духовникъ королевы Ядвиги и ея матери Елизаветы. Тогда же были учреждены только что принявшимъ католичество Литовскимъ княземъ нѣсколько католическихъ приходовъ [1]). Само собою разумѣется, что священники этихъ приходовъ должны были быть Поляками: языческая Литва не могла сразу образовать національнаго клира. Съ появленіемъ въ столицѣ Литовской бискупа и съ возникновеніемъ католическихъ церквей и приходовъ, естественно, самое распространеніе христіанства по Латинскому обряду пошло успѣшнѣе. Тѣ части великаго княжества Литовскаго, населеніе которыхъ не было крещено въ 1387 году, вскорѣ увидѣли у себя католическихъ миссіонеровъ. Въ 1414 году католическая миссія явилась и въ самой преданной языческой старинѣ изъ всѣхъ Литовскихъ земель, Жмуди. Жмудины крещены, основаны 12 приходскихъ церквей, и въ 1416 году на Констанцскомъ соборѣ уже было испрошено королевскими уполномоченными учрежденіе самостоятельнаго бискупства для земли Жомоитской. Въ 1417 году новое бискупство было открыто [2]), и первымъ Жомоитскимъ бискупомъ былъ назначенъ Матвѣй, пробощъ Виленской каѳедры. Резиденціей бискупа сдѣлались Мѣдники. Недолго, однако, пришлось спокойно управлять дѣлами своей каѳедры новому бискупу. Уже въ слѣдующемъ, 1418 году языческая реакція въ Жмуди разразилась съ такою силою, что бискупъ былъ изгнанъ изъ своей епархіи и были разрушены католическіе храмы. Только вооруженною рукою удалось Витовту возстановить спокойствіе въ Жмуди. Итакъ, бискупство Виленское, учрежденное въ 1387 году,—старше Жмудскаго на цѣлыя тридцать лѣтъ. Между тѣмъ, въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ великое княжество Литовское пережило событіе первостепенной важности для всего Литовскаго управленія. Мы разумѣемъ Городельскую Унію 1413 года. Учрежденіе двухъ воеводствъ—Виленскаго и Троцкаго и ихъ кашталяній дало первое мѣсто въ радѣ великаго князя Литовскаго этимъ чинамъ вмѣстѣ со старостою Жомоитскимъ. Есте-

---

[1]) *X. Melchior Buliński*. Historya kościoła Polskiego. Tom II. W Krakowie. 1873. Str. 23.

[2]) *Kz. biskup. Maciej Wołonczewski*. Biskupstwo Żmujdzkie. Kraków. 1898. Str. 24.

ственно, что существовавшій уже въ то время бискупъ въ Вильнѣ сталъ впереди всѣхъ этихъ свѣтскихъ сановниковъ въ силу своего авторитета и занялъ первое мѣсто во всей радѣ Литовской, стоя на челѣ ея. Другіе бискупы не могли сравняться съ бискупомъ Виленскимъ въ его значеніи. Онъ всегда занималъ первое мѣсто въ ряду пановъ-радъ Княжества, и только договоръ Люблинской Уніи, вводя общій сенатъ Литовско-Польскій, поставилъ его въ списокъ сенаторовъ Речи Посполитой рядомъ со всѣми остальными духовными членами его. Но во внутренней жизни Литвы онъ по прежнему игралъ первую роль въ Литовскомъ сенатѣ, далеко выдаваясь впередъ передъ бискупомъ Жомоитскимъ, своимъ сочленомъ въ духовной части Литовской государственной рады. Принадлежность бискуповъ къ панамъ-радамъ придавала имъ особенно большое значеніе въ глазахъ населенія: съ авторитетомъ епископскаго сана они соединяли положеніе пана-рады, столь вліятельное и важное въ государствѣ, какъ увидимъ ниже. Намъ уже извѣстно, какъ энергично настаивала Литва въ концѣ XVI столѣтія на томъ, чтобы непремѣнно «родичъ» Литовскій былъ бискупомъ Виленскимъ [1]). Княжество боролось противъ желанія Сигизмунда Вазы назначить на Виленскую каѳедру Поляка потому, что санъ Виленскаго бискупа былъ врядомъ сенаторскимъ государственнымъ не менѣе, чѣмъ саномъ церковнымъ. Политическое значеніе бискуповъ въ глазахъ населенія великаго княжества Литовскаго, пестраго по своему вѣроисповѣдному составу, шло впереди ихъ значенія религіознаго, и такой взглядъ на бискуповъ дѣлалъ ихъ земскими врядниками для всѣхъ обывателей Литовскихъ независимо отъ ихъ принадлежности къ той или другой религіи. Присмотримся же поближе къ положенію бискупа въ Княжествѣ и постараемся познакомиться съ его правами и значеніемъ.

За время съ 1569 по 1586 годъ Виленское бискупство было въ рукахъ сначала Валеріяна Протасевича (1556—1580 г.), извѣстнаго дѣятеля католической реакціи въ Литвѣ, призвавшаго въ Вильну іезуитовъ, а затѣмъ Юрія Радивила [2]), Жмудское же—въ рукахъ Юрія Петкевича (1567—1574 г.) и Мальхера Гедройтя [3]).

---

[1]) См. выше, стр. 227.

[2]) *Kz. Win. Przyałgowski.* Żywoty Biskupów Wileńskich. Tom I, II i III. Petersburg. 1861. Валеріяну Протасевичу посвящены стр. 160—200 перваго тома (Tom I. Petersburg. 1860), кардиналу Юрію, князю Радивилу—страницы 1—42 второго тома (Tom II. Petersburg. 1860).

[3]) *Kz. biskup Maciej Wołonczewski.* Bisk. Żm. Str. 44—56.

Назначеніе бискупа зависѣло отъ короля, но, конечно, утверждалъ его затѣмъ Римскій папа. Свое назначеніе (nominatio) король посылалъ въ Римъ, испрашивая папскаго утвержденія. Одновременно съ грамотою къ папѣ посылались грамоты къ нѣсколькимъ кардиналамъ съ просьбою ихъ содѣйствія дѣлу утвержденія папою представляемаго королемъ кандидата. Такъ, когда Стефанъ Баторій подписалъ въ Маріенбургѣ 4 декабря 1576 года грамоту къ папѣ съ представленіемъ на Холмское бискупство Адама Пилховскаго, королевскаго секретаря и референдарія Подляшскаго [1]), онъ въ тотъ же день подписалъ и листы къ шести кардиналамъ съ просьбою «hanc nostram nominationem S. D. nostro commendare curareque, ut eam ratam et gratam authoritateque sua pontificali, qua in terris secundum Deum maxima fungitur, quam primum confirmatam esse velit» [2]). Лишь папская конфирмація обращала «електа», или кандидата, номинованнаго королемъ, въ законнаго бискупа, подлежащаго церковному посвященію, если онъ не имѣлъ до этого времени епископскаго сана. Если мы заглянемъ въ списки бискуповъ, то встрѣтимъ въ нихъ цѣлый рядъ громкихъ и «можныхъ» фамилій Княжества. Въ самомъ дѣлѣ, въ рядахъ бискуповъ Виленскихъ встрѣчаемъ Радивиловъ, Воловича, Сапегу, кн. Гольшанскаго [3]), въ рядахъ бискуповъ Жомоитскихъ — также представителей знатныхъ родовъ [4]). Стоя во главѣ своей епархіи, бискупы сами должны были находиться въ іерархическомъ подчиненіи своимъ митрополитамъ-арцибискупамъ. Оба бискупства Княжества входили въ составъ митрополіи примаса, архіепископа Гнѣзненскаго [5]).

Вѣдая католическое духовенство своей епархіи, бискупъ назначалъ священниковъ въ костелы, наблюдалъ за ними, судилъ ихъ и наказывалъ за проступки. Такъ, 22 сентября 1545 года королемъ Сигизмундомъ Старымъ было предписано Яну, бискупу Виленскому, не только подвергнуть своему суду каплановъ св. Яна въ Вильнѣ, безчинным образомъ звонившихъ ночью «у звонъ

[1]) Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго. Отд. I. Метрика Коронная. № XXI. Л. 244. Ср. Litterae nominationis. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія. Приложенія. № 11.

[2]) М. Арх. М. Ин. Д. Арх. Ц. П. Отд. I. М. К. № XXI. Л. 244 об.

[3]) X. *Melchior Buliński*. Hist. k. P. T. II. Str. 174, 175. T. III. Str. 255, 256.

[4]) Ibidem. T. II. Str. 187, 188. T. III. Str. 257, 258.

[5]) Ibidem. T. II. Str. 174, 187.

церковный» православнаго соборнаго храма «Пречистое Богоматери», но и «впередъ своихъ духовныхъ повстягнути», чтобы они «такого находу и легкости» храмамъ «закону Греческого не чинили» [1]). Считая себя обязаннымъ охранять чистоту католическаго ученія и защищать католическую религію отъ ущербовъ, причиняемыхъ ей разновѣріемъ, бискупы съ энергіей принялись за исполненіе этой своей обязанности послѣ того, какъ католическая реакція вывела ихъ изъ бездѣйствія, а борьба шляхты съ клиромъ, поднявшаяся въ эпоху реформаціи на почвѣ идеальной и соціально-матеріальной въ Польшѣ, отозвалась и въ Литвѣ и тѣмъ дала Литовскимъ бискупамъ толчокъ къ ревнивой охранѣ ихъ правъ и преимуществъ. О размноженіи протестантскихъ сборовъ въ Вильнѣ было донесено бискупомъ Валеріяномъ королю Стефану, и изъ Владислава 27 марта 1577 года было предписано Баторіемъ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, чтобы въ столицѣ Литовской никто не строилъ новыхъ храмовъ, домовъ или дворовъ для собраній и школъ, а также, чтобы никто не заводилъ въ построенныхъ уже домахъ школъ и собраній. По словамъ короля, все это противъ юриздикціи Виленскаго бискупа, попеченію котораго подлежатъ храмы и школы, противно это и правамъ самой королевской власти, безъ разрѣшенія которой не могутъ строиться новые храмы [2]) Но и въ первой половинѣ XVI вѣка, т.-е. еще до начала католической реакціи въ Польшѣ и Литвѣ, встрѣчаемъ примѣры охраны бискупами своихъ правъ и прерогативъ. Встрѣчаемъ даже примѣры попытокъ неправильнаго расширенія бискупской власти на счетъ власти православныхъ митрополита и бискуповъ. Такъ, Кіевскій митрополитъ Іосифъ жаловался въ 1531 году королю Сигизмунду I [3]), что «которыи попы и люди» митрополита находятся въ Вильнѣ,—врядникъ Виленскаго бискупа Яна ихъ «безправне имаеть и въ нялство сажаетъ и ихъ судить и радить, а въ право» митрополита «духовное вступуеть». Врядникъ бискупа, какъ разсказываетъ жалоба митрополита, укрывалъ, кромѣ того, тѣхъ православныхъ священ-

[1]) Вил. Арх. Сб. VI. № 14. Стр. 24.

[2]) «Id vero esset non solum contra iurisditionem episcopi Vilnensis, ad quem cura delubrorum et scholarum pertinet, sed etiam multo magis contra authoritatem nostram regiam, citra cuius consensus neque nova delubra, neque scholae erigi, neque caetus extraordinarii, praesertim in civitatibus nostris cogi, aut convocari possunt». А. Вил. VIII. Стр. 3.

[3]) Іосифъ III, преемникъ Іосифа Солтана.

никовъ, которые, совершивъ проступокъ, бѣжали къ нему отъ суда митрополичьяго. Король воспретилъ вряднику бискупа все это дѣлать, посылая въ этомъ смыслѣ приказаніе самому бискупу [1]).

Для управленія своей епархіей, для отправленія своего суда и для веденія хозяйства каѳедры, естественно, бискупъ долженъ былъ имѣть цѣлый штатъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ. Если дворъ православныхъ митрополитовъ и епископовъ, какъ въ Руси восточной, такъ и западной, представлялъ изъ себя копію великокняжескаго двора въ миніатюрѣ [2]), то же самое можно сказать и о дворѣ бискупа, не упуская, конечно, лишь изъ виду тѣхъ спеціальныхъ чертъ церковнаго католическаго управленія, которыя, будучи общими администраціи католическихъ каѳедръ вообще, не могли не проникнуть и въ Литву. Въ самомъ дѣлѣ, при дворѣ бискупа встрѣчаемъ всѣхъ главнѣйшихъ врядниковъ и министровъ, которые имѣлись въ государственномъ и дворномъ управленіи великихъ князей Литовскихъ. Канцлеръ [3]) его милости князя бискупа стоялъ во главѣ бискупьей канцеляріи, храня и печать каѳедры. Во главѣ финансоваго управленія стоялъ подскарбій, который завѣдывалъ казною, расходами и доходами бискупства [4]). Дворъ бискупа имѣлъ и подкоморія [5]). Были и книги духовнаго суда, которыя велъ «писаръ явный права духовного» [6]). Въ то время, какъ войтъ бискупа [7]) творилъ судъ надъ мірянами-подданными каѳедры, дворный судья [8]) бискупа, плебанъ, разбиралъ на дворѣ его справы церковныя. При бискупѣ находились и его суфраганъ [9]), и капелланъ [10]), и цѣлый рядъ духовныхъ лицъ, нужныхъ ему для богослуженія [11]) или исполняющихъ различныя его порученія. Не отсутствовали на дворѣ бискупа и кухмистръ [12]), и ключникъ [13]), и служебники различныхъ назначеній [14]). Бискупы были крупными землевладѣльцами, владѣя

---

[1]) Вил. Арх. Сб. VI. № 18.

[2]) Ср. Пр. *М. И. Горчаковъ.* О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода. СПБ. 1871. Стр. 239 и сл.

[3]) А. Вил. XX. №№ 4, 10. [4]) А. Вил. XX. №№ 4, 24.

[5]) А. Вил. XX. № 4. А. Вил. XVII. № 907.

[6]) А. Вил. XX. № 23. Ср. ibidem, № 2 (писарь бискупа).

[7]) А. Вил. XX. №№ 4, 6, 7, 13, 18, 21. Судовыя книги его—ibidem, 12, 25, 26, 34.

[8]) А. Вил. XX. № 6. [9]) А. Вил. XX. № 7.

[10]) Ibidem. [11]) Архидіаконъ—А. Вил. XX. №№ 4, 5, 7, 8, 9, 18.

[12]) А. Вил. XX. № 2. [13]) А. Вил. XX. №№ 4, 13.

[14]) А. Вил. XX. № 6. А. З. Р. III. № 8. А. Ю. и З. Р. I. № 67.

землями каѳедры и своими личными земельными собственностями. Если каѳедры и церкви имѣли въ числѣ своихъ земельныхъ владѣній земли, освобожденныя отъ земской военной службы, то онѣ имѣли и земли, подлежащія отбыванію этой службы. Статутъ гласитъ, что «духовные зъ имѣней своихъ свѣцкихъ и костелныхъ наданыхъ, съ которыхъ служба земская военная бывала до сихъ часовъ, также зъ имѣней своихъ отчызныхъ купленыхъ и закупленыхъ шляхецскихъ, войнѣ повинныхъ, службу земскую служыти маютъ»—они должны выставлять съ этихъ имѣній причитающійся съ нихъ «почетъ», а вмѣсто самихъ себя высылать «человѣка доброго шляхтича» [1]). Если простое веденіе хозяйства требовало для себя крестьянъ-работниковъ, то военная служба заставляла и бискуповыхъ врядниковъ пріискивать лицъ, подходящихъ для ея несенія. притомъ значительнаго числа шляхтичей, ибо количество имѣній, принадлежавшихъ бискупу, было далеко не малое. Нужно было, кромѣ того, имѣть служебниковъ, которые бы служили бискупу въ качествѣ его разсыльныхъ, или спутниковъ во время поѣздокъ [2]) — все это создавало необходимость цѣлаго ряда различныхъ слугъ, частью на самомъ дворѣ бискупа, частью въ его имѣніяхъ, и прежде всего управляющихъ для этихъ послѣднихъ. Но кромѣ имѣній каѳедры, бискупу нерѣдко принадлежало весьма значительное число его собственныхъ имѣній, наслѣдственныхъ или пріобрѣтенныхъ. Рядъ врядниковъ и слугъ былъ необходимъ и для нихъ. Служебники нужны были и для веденія тяжбъ въ судахъ, такъ какъ, конечно, не самому же бискупу было ѣздить по судамъ со своими судовыми справами. Такимъ образомъ, служебники и должностныя лица бискупа раздѣлялись на три категоріи: 1) особы духовнаго сана, 2) служилые шляхтичи и 3) слуги, не принадлежащіе къ шляхетскому сословію.

Въ какихъ же отношеніяхъ находился бискупъ къ свѣтской власти? Въ общественномъ и политическомъ положеніи бискупа замѣтны двѣ стороны его значенія: 1) значеніе чисто церковное

---

[1]) II ст. II. 9. Ср. ibidem, 1.

[2]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 67 (1517 г.). Ср. также А. Вил. XXIV, № 266 (1584 г.). Примѣръ веденія дѣла бискупа въ судѣ его служебникомъ: «прыцедъши очевисто до книгъ канцлярейскихъ господара короля его милости Жыкгимонта Августа за зуполъною моцъю отъ его милости князя Януша Андрошевича, бискупа Луцъкого и Берестейского, служебникъ его милости Станиславъ Александровичъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 5 об. (Дата документа: Кнышинъ, 22 марта 1566 года).

и 2) значеніе политическое, свѣтское. Къ верховной власти бискупы имѣютъ отношеніе и какъ лица, стоящія во главѣ церковнаго управленія, и какъ члены королевской рады со всѣмъ значеніемъ сенатора. Управляя своею епархіей, бискупы озабочены охраною католической религіи и заботою объ исполненіи постановленій ея живущими въ ихъ епархіи католиками. Они обращаются къ королевской власти за ея содѣйствіемъ въ этой своей дѣятельности: мы видѣли выше просьбу Виленскаго бискупа Валеріяна Протасевича къ королю Стефану о королевскомъ запрещеніи устройства протестантскихъ сборовъ и школъ въ Вильнѣ [1]). Бискупъ Виленскій Павелъ въ 1548 году жаловался Сигизмунду Августу на упадокъ нравовъ въ своей паствѣ [2]), и король, хотя и бывшій въ то время подъ вліяніемъ покровителей Литовскаго разновѣрія, Радивиловъ, издалъ указъ, не только уполномочивающій служебника бискупа силою брать виновныхъ для казни, но и повелѣвающій всѣмъ оказывать въ этомъ ему помощь [3]). Король—«зверхній оборонца костеловъ и церквей Божіихъ» [4]), и на этомъ основывается право церкви искать его содѣйствія въ тѣхъ или другихъ ея нуждахъ. Но сношенія бискуповъ по ихъ церковному управленію не ограничивались однимъ требованіемъ вмѣшательства свѣтской власти и ея распоряженій противъ враговъ католической церкви, или плохихъ сыновъ ея. Право королевскаго патроната на многіе приходы и церкви епархіи бискупа ставило его въ необходимость сношеній съ королемъ. Акты знаютъ и пожалованія бискупу права патроната на извѣстныя церкви его епархіи [5]), и затрудненія, которыя возникали при замѣщеніи приходовъ, подлежащихъ королевскому патронату и лишившихся своихъ пастырей въ эпоху безкоролевья, т.-е. въ то время, когда некому было назначить новаго священника; не имѣя возможности откладывать назначенія священника въ приходъ, бискупъ дѣлаетъ это самъ, но затѣмъ испрашиваетъ у новаго короля ему утвержденія [6]). Наконецъ, бискупъ получаетъ отъ короля земельныя по-

---

[1]) А. Вил. VIII. Стр. 3. [2]) А. З. Р. III. № 8.

[3]) Ibidem. [4]) А. Ю. и З. Р. I. № 191 (1589 г.).

[5]) Нпр., «Donatio juris patronatus ecclesiarum certarum reverendissimo domino Valeriano Episcopo Vilnensi». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{62}$ л. 46.

[6]) Нпр., «Confirmatio Alberto Krzyczowski collationis tempore interregni per reverendissimum dominum Valerianum Episcopum Vilnensem ecclesiae parochialis in Nowydwor». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 3 об., 4 (8 іюля 1576 г.).

жалованія «з ласки» его королевской, что, конечно, также вызываетъ сношенія его съ государемъ [1]). Матеріальные интересы и заботы ставили бискуповъ нерѣдко въ положеніе просителей передъ королями, хлопотавшихъ объ освобожденіи отъ различныхъ сборовъ, налоговъ и т. п. [2]).

Земельныя и другія пожалованія давались бискупамъ не только въ награду за ихъ духовную и церковно-административную дѣятельность, но и за дѣятельность чисто государственную. Какъ панъ-рада, бискупъ являлся въ глазахъ короля и Речи Посполитой облеченнымъ особымъ авторитетомъ и вліяніемъ по отношенію къ обывателямъ того повѣта, въ центрѣ котораго находится его резиденція. Созывая въ 1577 году повѣтовые и главные сеймики въ Коронѣ и Княжествѣ для назначенія податка на наемное войско [3]), Стефанъ Баторій проситъ Кіевскаго бискупа Николая Паца, чтобы онъ «до того тежъ радою своею, на соймику повѣтовомъ и головномъ у Волковыйску будучи, приводилъ, яко бы тая потреба речи посполитоѣ згоднѣ и одинаково отправована была» [4]). Сношенія короля съ бискупами передъ сеймиками и сеймами имѣютъ то же самое содержаніе, что и ихъ сношенія съ остальными панами-радами. Бискупы получаютъ и различныя порученія отъ короля подобно другимъ сенаторамъ. Церковное значеніе бискупа вовсе не заслоняетъ его значенія, какъ пана-рады, и король Сигизмундъ Августъ, напримѣръ, прямо выражаетъ это въ своихъ грамотахъ: «князь бискупъ, яко рада наша, завжды обецнѣ тутъ на мѣстцу, у Вилни, для справъ нашихъ господарскихъ и земскихъ мѣшкаеть» [5])—такъ гласитъ одинъ

---

[1]) Нпр., Николай Пацъ, бискупъ Жомоитскій, получилъ отъ Сигизмунда Августа въ 1570 году 150 волокъ въ землѣ Жомоитской. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 10—10 об. («Отписъ до князя Миколая Паца, бискупа Киевского». Дата: Варшава, 29 марта 1570 года).

[2]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 134. [3]) См. выше, стр. 158 и сл.

[4]) А. З. Р. III. № 81. Въ этой грамотѣ Николай Пацъ ошибочно названъ бискупомъ Виленскимъ, а не Кіевскимъ. *X. Melchior Buliński* говоритъ (T. II. Str. 194. Nota I. T. III. Str. 280. Nota I), что Николай Пацъ въ 1572 году сдѣлался кашталяномъ Мстиславскимъ. Само по себѣ такое назначеніе бискупа кашталяномъ, т.-е. повѣтовымъ вождемъ посполитаго рушенья должно уже представляться въ высшей степени страннымъ. Кромѣ того, кашталяномъ Мстиславскимъ былъ въ это время князь Иванъ Васильевичъ Соломерецкій (*J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 114), а Паца мы еще въ 1574 и 1576 годахъ встрѣтили выше (стр. 118, 136), какъ Кіевскаго бискупа.

[5]) А. Ю. и З. Р. I. № 134.

изъ его листовъ. Но, конечно, какъ особа духовная, бискупъ пользуется особымъ почетомъ въ ряду другихъ сенаторовъ. Такъ, Стефанъ Баторій 4 іюля 1581 года принялъ Виленскаго бискупа, стоя выслушавъ его привѣтствіе, и стоя же на него отвѣтилъ [1]).

Порученія, которыя давались королями бискупамъ, какъ панамъ-радамъ, бывали иногда очень серьезны. Такъ, Николаю Пацу, бискупу Кіевскому, хотя и вызванному вмѣстѣ съ другими сенаторами на сеймъ въ Варшаву, было поручено королемъ замѣнить вмѣстѣ съ братомъ его, Павломъ Пацомъ, Витебскимъ кашталяномъ, воеводу Виленскаго во время его отсутствія изъ Вильны. Опасности войны съ Москвою и страхъ передъ возможными въ Вильнѣ безпорядками побудили короля принять чрезвычайныя мѣры для охраны Литовской столицы во время поѣздки ея воеводы и въ то же время канцлера великаго княжества Литовскаго, Николая Юрьевича Радивила. Присутствіе его необходимо на сеймѣ, но въ то же время необходимо и Вильну не лишить авторитетнаго главы воеводства въ трудное для Литвы время. Король видитъ исходъ изъ затрудненія въ назначеніи временныхъ замѣстителей Виленскаго воеводы и дѣлаетъ ими Кіевскаго бискупа и Витебскаго кашталяна, присутствіе которыхъ на сеймѣ не такъ нужно, какъ присутствіе Николая Радивила, перваго по мѣсту изъ всѣхъ свѣтскихъ сенаторовъ Литовскихъ, да кромѣ того еще и канцлера Княжества. Обязанности Кіевскаго бискупа во время его завѣдыванія Виленскимъ воеводствомъ вмѣстѣ съ Павломъ Пацомъ король опредѣляетъ такъ: «если бы, чого Боже уховай, такъ отъ непріятеля, яко и зъ иныхъ припадковъ, небезпечность, шкода и злочинства якіе отъ своволныхъ людей дѣятися мѣли, того абы еси обаспольнѣ, съ повинное вѣры своее противо намъ господару и речи посполитой, пильнѣ догледали и постерегали, и своволныхъ люзныхъ людей не терпѣли, але ихъ карати велѣли; и о всякихъ речахъ, штобы ся таковского трафило, а сами бысте тому здѣлати не могли, намъ господару достаточную и неомѣшкалую вѣдомость писаньемъ своимъ знати давали» [2]). Бискупы бывали и ревизорами вмѣстѣ со свѣтскими сановниками [3]). Бискупъ ссужаетъ государство деньгами въ случаѣ затрудненій скарба, какъ

---

[1]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 20. Ср. Вил. Арх. Сб. IV, № 15 (Отношеніе къ Виленскому бискупу пановъ-радъ).

[2]) А. Ю. и З. Р. I. № 154.

[3]) Нпр., А. Вил. XIV, стр. 191.

это дѣлаютъ и другіе паны-рада [1]). Словомъ, земское значеніе бискупа такъ велико, что въ цѣломъ рядѣ грамотъ, писанныхъ къ бискупамъ по дѣламъ земскимъ, мы могли бы свободно замѣнить имя и титулъ бискупа соотвѣтствующими словами имени и титула свѣтскаго пана-рады—и наоборотъ. Земское значеніе бискупа ставило его въ положеніе свидѣтеля актовъ, вышедшихъ изъ-подъ утвержденія королевскаго, имѣющихъ предметомъ пожалованія и православному духовенству, и православной церкви. Его имя въ числѣ пановъ-радъ, которые «при томъ были», вовсе не звучитъ страннымъ звукомъ имени католическаго епископа, написаннаго на грамотѣ, преслѣдующей интересы другого вѣроисповѣданія, неправильнаго съ точки зрѣнія католической церкви—онъ присутствуетъ въ качествѣ пана-рады, а вовсе не католическаго епископа [2]). Послѣ разсмотрѣнія земскаго значенія бискупа невольно долженъ явиться вопросъ, почему православные владыки, или по крайней мѣрѣ митрополитъ, не имѣли того же государственнаго значенія, которое имѣли епископы католическіе? Въ самомъ дѣлѣ, общее число православныхъ обывателей великаго княжества Литовскаго не только не было меньше, но превышало число обывателей-католиковъ; духовный судъ, церковное управленіе, обширныя земельныя имущества и даже обширный дворъ дѣлали владыкъ, а въ особенности митрополита нисколько не уступающими католическимъ бискупамъ, а между тѣмъ для нихъ не было мѣста въ королевской радѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года, актѣ значительно забытомъ великимъ княжествомъ Литовскимъ, какъ мы видѣли выше [3]), но оставившемъ послѣ себя все-таки очень сильный слѣдъ въ государственной жизни Литвы ввидѣ установленій, передававшихся уже какъ привычный порядокъ, какъ обычай. Городельскій привилей, ставя исповѣдываніе католической религіи необходимымъ условіемъ для пользованія правами шляхетства, поставилъ принадлежность къ этой религіи необходимымъ условіемъ и для полученія учрежденныхъ тогда же высшихъ государственныхъ должностей, воеводъ и кашталяновъ Виленскихъ и

---

[1]) Нпр., «листъ екъзекутором тестаменту небощыка князя Валеріяна, бискупа Виленского, на суму пенезей, до скарбу господарского позычоную». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 275 об. и сл.

[2]) Нпр., Вил. Арх. Сб. IX, № 3 (стр. 9).

[3]) Стр. 236, 237.

Троцкихъ, ставшихъ во главѣ Литовскаго сената [1]). Жизнь потомъ уничтожила своею властною рукою это пергаменное постановленіе, и послѣдующая исторія великаго княжества Литовскаго хорошо знаетъ пребываніе въ радѣ великаго князя не только православныхъ удѣльныхъ князей Русскихъ, но и воеводъ и кашталяновъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Но, конечно, введеніе православныхъ митрополита и владыкъ въ раду было уже слишкомъ бросающимся въ глаза нарушеніемъ этого привилея, остававшагося формально не отмѣненнымъ въ цѣломъ вплоть до Люблинской Уніи, а въ своей части, устанавливающей преимущества католическаго шляхетства, — до 1563 года. Но середина XVI вѣка принесла съ собою реформаціонное движеніе съ его новыми идеями. Отрицаніе папскаго авторитета было лишь одною стороною ихъ. Свобода изслѣдованія и самое исканіе истиннаго христіанства охватили лучшую часть Литовскихъ обывателей, какъ и населенія цѣлой Европы. Новыя вѣянія, новый духъ времени создали для Литвы имѣвшій такое глубокое значеніе указъ 1563 года, уравнивающій въ правахъ обывателей некатоликовъ съ католическою шляхтою. Что же удивительнаго, если именно въ это время шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія королю пришлось выслушать на Городенскомъ соймѣ 1568 года въ числѣ просьбъ, поданныхъ ему митрополитомъ Іоною, и просьбу о томъ, чтобы «владыки, епископы закону Греческого, мѣстцо и вотумъ въ радѣ его милости господарской, зъ милостивоѣ ласки его королевской милости и водлѣ обычаю звыклого, яко то предки» его «архіепископы мѣвали, одержати могли» [2]). Правда, что король отвѣтилъ на эту просьбу лишь то, что онъ это дѣло «на иншій часъ откладати рачитъ», да иначе отвѣтить онъ и не могъ ввиду приближавшагося заключенія Уніи съ Польшей, а слѣдовательно и общей реформы Литовскаго сената. Однако для насъ важно не только самое появленіе этой просьбы но и указаніе на то, что бывали и прежде приглашенія высшихъ православныхъ іерарховъ въ засѣданія Литовскаго сената.

Стремленіе получить мѣсто «въ лавицѣ радъ» не умирало въ православномъ высшемъ духовенствѣ. Оно ярко обнаруживается потомъ во время заключенія Церковной Уніи, будучи однимъ

---

[1]) Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. СПБ. 1865. Стр. 12. Volumina legum. I. Petersburg. 1859. Str. 31.

[2]) А. З. Р. III. № 43. Просьба 4.

изъ видныхъ побужденій согласія на нее Кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и епископовъ, но ему не суждено было осуществиться для уніатскаго духовенства, какъ и для православнаго, хотя право православнаго Кіевскаго митрополита на кресло въ сенатѣ и было внесено уже въ серединѣ XVII вѣка въ Зборовскій трактатъ, проникнувъ въ него по потокамъ казацкой и шляхетской крови, пролитой въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Утвердившаяся съ конца XVI вѣка католическая реакція закрыла навсегда для православныхъ владыкъ двери Польско-Литовскаго сената, въ которыя стучался въ 1568 году Кіевскій митрополитъ Іона, и такимъ образомъ католическіе бискупы были единственными духовными сенаторами сената соединеннаго государства въ обѣихъ, Польской и Литовской, его частяхъ.

Перейдемъ теперь къ знакомству съ сенаторскими врядниками, занимавшими въ радѣ слѣдующее мѣсто за мѣстомъ бискуповъ. Этими врядниками были воеводы. Въ періодъ времени съ 1569 по 1586 годы въ великомъ княжествѣ Литовскомъ существовали десять воеводствъ: Виленское, Троцкое, староство Жомоитское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Берестейское, Мстиславское, Минское и Смоленское. Воеводами въ этихъ десяти воеводствахъ въ изслѣдуемый періодъ времени были слѣдующія лица: 1) воеводство Виленское—князь Николай Юрьевичъ Радивилъ (1566—1584) и сынъ его, князь Криштофъ Николай Радивилъ (1584—1603), 2) воеводство Троцкое—князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій (1566—1586), 3) староство Жомоитское—Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1563—1579) и Янъ Станиславовичъ Кишка (1579—1589), 4) воеводство Полоцкое—Станиславъ Станиславовичъ Довойна (получилъ Полоцкое воеводство въ 1542 году, въ 1563 году былъ взятъ въ плѣнъ Москвою, умеръ въ 1573 году) и Николай Николаевичъ Дорогостайскій (1576—1597), 5) воеводство Новгородское—Павелъ Ивановичъ Сапега (1558—1579) и князь Николай Николаевичъ Радивилъ (1579—1589), 6) воеводство Витебское—Станиславъ Николаевичъ Пацъ (1566—1588), 7) воеводство Берестейское—Юрій Васильевичъ Тишкевичъ (1566—1576) и Гавріилъ Ивановичъ Горностай (1576—1588), 8) воеводство Мстиславское—Юрій Юрьевичъ Остикъ (1566—1578) и Павелъ Николаевичъ Пацъ (1578—1593), 9) воеводство Минское—Гавріилъ Ивановичъ Горностай (1566—1576) и Николай Павловичъ Сапега (1576—1588). Кромѣ этихъ девяти воеводствъ, которыя упоминаются «списаньемъ» Литовскихъ повѣ-

товъ, составленномъ послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ [1]), съ 1569 года является вновь въ актахъ Литовскихъ и воеводство Смоленское, несмотря на то, что самый Смоленскъ, утраченный въ 1514 году, Княжество себѣ вернуло лишь въ 1611 году. Должность Смоленскаго воеводы въ изслѣдуемый періодъ занимали: Василій Тышкевичъ (1569—1571), Григорій Богдановичъ Воловичъ (1572—1577), Юрій Юрьевичъ Остикъ (1578—1579) и Филонъ Семеновичъ Кмита (1579—1587).

Не всѣ перечисленныя воеводства возникли одновременно. Древнѣйшими были три: Виленское, Троцкое и староство Жомоитское. Послѣднее, будучи воеводствомъ по своему значенію и занимая третье мѣсто въ спискѣ воеводствъ великаго княжества Литовскаго, не имѣло, однако, этого названія вплоть до 1793 года [2]). Всѣ три воеводскія должности — воеводы Виленскій и Троцкій и староста Жомоитскій существовали съ 1413 года, со времени Городельскаго привилея. Но въ послѣдующее время въ Княжествѣ, раздѣленномъ въ 1413 году на три большіе округа—Виленскій, Троцкій и Жомоитскій,—имѣвшихъ значеніе дѣленій, и военнаго, и административнаго, и судебнаго, стали выдѣляться новые округи, стремившіеся пріобрѣсти самостоятельное значеніе административно-судебно-военнаго округа въ государствѣ. Новые округи, впрочемъ, выдѣляются лишь изъ воеводствъ Виленскаго и Троцкаго; староство Жомоитское сохраняетъ и свои предѣлы, и свою старину. Самая обширность воеводствъ, установленныхъ въ 1413 году, должна была требовать этого выдѣленія. Если въ основѣ раздѣленія Литовскихъ владѣній на два воеводства лежалъ политическій дуализмъ временъ Ольгерда и Кейстута, то уже одно это способно объяснить необходимость образованія новыхъ округовъ. Тѣ обширные предѣлы земельныхъ округовъ, въ которыхъ возможно осуществленіе власти князя, какъ государя, не поддаются уже управленію власти намѣстника-воеводы. И въ самомъ дѣлѣ, съ сохраненіемъ военнаго

---

[1]) «Списанье повстовъ великого князства Литовского и вpадниковъ въ нихъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 197 об.—203 об. Издано *М. К. Любавскимъ*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 79. Въ немъ показаны, конечно, и воеводства, отошедшія въ 1569 году къ Коронѣ, такъ какъ оно составлено до Уніи, послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Имена воеводъ, приведенныя нами см. у *J. Wolff'a*. (Sen. i dign.).

[2]) *J. Wolff*. Sen. i dign. Str. 90.

единства воеводства начинають выдѣлять изъ себя новые большіе округи, державцы которыхъ титулуются титуломъ воеводы. Такъ выдѣлился Новгородскій повѣтъ изъ состава Виленскаго воеводства [1]). Намѣстникъ великаго князя въ Новгородкѣ управлялъ самостоятельно, безъ подчиненія Виленскому воеводѣ. Уже Петрашъ Монтыгирдовичъ, бывшій Новгородскимъ намѣстникомъ съ 1431 по 1452 годы, называется воеводою [2]). Князь Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій также иногда титулуется воеводою [3]), а съ 1506 года титулъ воеводы сдѣлался уже обычнымъ для всѣхъ намѣстниковъ Новгородскихъ. Но съ выдѣленіемъ новаго воеводства все таки сохранялась военная связь земель, вошедшихъ въ него, съ прежнимъ военно-земскимъ центромъ. Поэтому и Новгородское воеводство становилось во время рушенья по прежнему подъ команду Виленскаго воеводы. Какъ изъ Виленскаго воеводства выдѣлилось въ началѣ XVI столѣтія воеводство Новгородское, такъ изъ состава Троцкаго зимою 1513—1514 годовъ были выдѣлены Сигизмундомъ Старымъ округи Дорогицкій, Брестскій, Бѣльскій, Каменецкій, Мельницкій и Кобринскій, изъ которыхъ король образовалъ новое воеводство—Подляшское [4]). Около того же времени стали именоваться воеводами и намѣстники земель Бѣлой Руси, входившихъ въ составъ Княжества. Такъ явились Полоцкіе воеводы съ 1504 года, Смоленскіе—съ 1508 года, Витебскіе—съ 1511 года. Въ южной Руси они явились еще раньше: Кіевскимъ воеводою титуловался уже князь Михаилъ Ивановичъ Гольшанскій, бывшій намѣстникомъ Кіевскимъ съ 1422 по 1430 годъ. Такимъ образомъ девять воеводствъ великаго княжества Литовскаго существовали уже задолго до вступленія на престолъ послѣдняго Ягеллона, царствованіе котораго имѣетъ такое громадное значеніе въ исторіи Литвы. Реформы шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія потребовали новаго областного дѣленія государства. Цѣлыхъ пять новыхъ воеводствъ были созданы въ 1566 году, что значительно уменьшило размѣры прежнихъ воеводствъ и измѣнило значеніе прежнихъ воеводъ, придавъ имъ рядъ новыхъ товарищей, засѣдающихъ рядомъ съ ними въ радѣ великаго князя Литовскаго, творящихъ судъ и управу въ земляхъ, гдѣ прежде они одни были судьями, правителями и командирами воеводской

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 126.

[2]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 34. [3]) Ibidem. Str. 35.

[4]) Ср. *М. К. Любавскій.* Обл. д. и м. упр. Стр. 20.

шляхты, ведущими къ гетману земское обывательское войско-рушенье. Въ 1566 году были учреждены на Виленскомъ сеймѣ воеводства Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское. Мы ограничимся пока лишь этимъ указаніемъ для того, чтобы ниже, въ другой связи, разсмотрѣть въ цѣломъ значеніе этой реформы для власти и положенія Литовскихъ воеводъ. Исторія областного управленія Литовско-Русскаго государства можетъ быть раздѣлена эпохою шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка на два отдѣла, границею между которыми и является эта эпоха.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію положенія воеводы Княжества времени послѣ этой эпохи, бросимъ бѣглый взглядъ на Литовскаго воеводу предшествующаго времени. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Литовско-Русское государство, сложившись изъ различныхъ Литовскихъ и Русскихъ земель постепенно, притомъ въ большинствѣ случаевъ даже не путемъ завоеванія, а путемъ мирнаго присоединенія согласно желаніямъ самого населенія, долгое время сохраняло цѣлый рядъ областныхъ особенностей [1]). Старина и обычай держались, охраняемые самою верховною властью. «Нехай то будетъ по тому, какъ здавна бывало,.... бо мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ» —говорятъ великіе князья Литовскіе въ своихъ грамотахъ [2]). Самые законодательные кодексы, издаваемые верховною властью – судебникъ 1468 года и первый Литовскій статутъ—не только не изгоняютъ обычая и старины, но многое изъ нея обращаютъ въ писанный законъ, притомъ сохраняя и обычай, какъ руководство въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны закономъ [3]). «А которых бы артыкуловъ не было еще в тых правах вышей писано, тогды тое право мает сужоно быти водле старого обычая, а на потомъ на волном сойме тот члонок и иные, чого потреба вкажет, мает уписано быти» [4])—гласитъ статутъ 1529 года, санкціонируя не только право обычая на значеніе юридической нормы, но даже требуя внесенія въ кодексъ тѣхъ обычныхъ нормъ, которыя упущены первою редакціею Литовскаго статута. Когда въ эпоху шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія эти областныя особенности зна-

---

[1]) См. рецензію *С. А. Бершадскаго* на «Областное дѣленіе и м. упр.» *М. К. Любавскаго*. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при М. Ун. 1894 г. IV.

[2]) А. З. Р. I. № 90. Ср. ibidem, №№ 120, 127 и др.

[3]) См. *М. Ясинскій*. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ. 1889. Стр. 4.

[4]) I ст. VI. I. Ср. ibidem, 37.

чительно сгладились и прежняя слишкомъ замѣтная спайка отдѣльныхъ земель замѣнилась болѣе органическою государственною связью, самый взглядъ правительства на обычай нѣсколько измѣнился. Крѣпко сохраняясь во многомъ не только въ XVI, но и въ послѣдующіе вѣка, онъ уже не признается въ Литовскомъ законодательствѣ источникомъ дѣйствующаго права, а вступленіе высшаго слоя Литовскаго общества въ культурное общеніе съ Западною Европой потребовало примѣненія постановленій и порядковъ Западно-Европейскихъ государствъ вмѣсто стараго обычая въ роли восполнителя упущеній кодекса Княжества. Интересна постепенность въ этомъ устраненіи правъ обычая изъ Литовскаго законодательства. Статутъ 1566 года постановляетъ, что ни самъ государь, ни воеводы, ни судъ земскій, замковый или дворный и никакой судья вообще не должны судить иначе, какъ «только водле статуту сего, яко въ немъ стоить выображоно» [1]). Обычай, такимъ образомъ, уже не принимается законодательствомъ, какъ источникъ для судебной практики и самого законодательства, но пока еще ничего не ставится на его мѣсто. Третій статутъ пошелъ дальше. Онъ гласитъ: «а где бы чого в томъ статуте не доставало, тогды судъ, прихиляючыся до ближъшое справедливости, водле сумненья своего и прикладомъ иншыхъ правъ хрестианьскихъ то отправовати и судити маеть» [2]). Но, ставя примѣръ другихъ государствъ, какъ руководство для судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не находитъ его въ статутѣ, Литовскій кодексъ не забываетъ упомянуть и «сумненье» судьи, т.-е. его личное мнѣніе и указаніе его совѣсти. И въ томъ, и въ другомъ не могли не играть роли обычай и старина, о которыхъ слышали и въ которыхъ росли Литовскіе дѣятели. Въ самомъ дѣлѣ, на обычай любили ссылаться Литовскіе судьи, а лучшимъ образчикомъ прочности старины можетъ служить такъ называемый копный судъ, жившій безъ всякаго писаннаго закона еще въ XVIII столѣтіи [3]).

Итакъ, сохраненіе старины—тенденція, проходящая красною нитью въ заявленіяхъ Литовской верховной власти вплоть до шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка [4]). Но сохраняемая во многомъ, она не могла сохраняться во всемъ. Время шло и несло съ собою

---

[1]) II ст. IV. 30. [2]) III ст. IV. 54. [3]) А. Вил. XVIII. № 445 и сл.

[4]) О сохраненіи старины въ Княжествѣ въ эпоху послѣ Уніи 1569 года см. выше, стр. 225.

новые запросы и задачи, которые постепенно и разрѣшались. Старина во многомъ мало-по-малу стала обращаться лишь въ пережитокъ, ея прежде крѣпкіе устои стали давать трещины, и эти трещины быстро заполнялись новымъ содержаніемъ, которое давала жизнь. Новое содержаніе, новые взгляды и потребности и новые порядки пріобрѣтаютъ затѣмъ господствующій тонъ въ картинѣ, хотя и ясны еще тоны старины. Эти соображенія необходимо имѣть въ виду какъ вообще при изображеніи строя Литовской политической и соціальной жизни, такъ въ частности при изученіи положенія Литовскаго воеводы.

Назначеніе воеводы совершалось двумя способами. Первый способъ – простое назначеніе великимъ княземъ, совершенно такое же по своему внутреннему смыслу и по внѣшнимъ формальностямъ, какъ и всякое другое пожалованіе высокою государственною должностью. Но уставныя грамоты Литовско-Русскаго государства хорошо знаютъ и другой способъ назначенія на воеводство: великій князь предварительно узнаетъ «волю» земли, т.-е. сама земля избираетъ себѣ воеводу, котораго затѣмъ утверждаетъ великій князь. Такое право имѣть воеводою лишь лицо, угодное землѣ принадлежало землѣ Жомоитской и воеводствамъ Полоцкому и Витебскому [1]). Выборы эти происходили на областныхъ сеймахъ [2]). Подтвержденіе словъ уставныхъ грамотъ Полоцкой и Витебской земель, говорящихъ о томъ, что великій князь долженъ дать землѣ другого воеводу вмѣсто того, который имъ «не любъ» и котораго они «обмовятъ» передъ государемъ [3]), находимъ и въ актахъ, выдержки изъ которыхъ приводитъ М. К. Любавскій [4]). Жалоба бояръ и мѣщанъ Витебскихъ на Витебскаго воеводу Ивана Богдановича Сапегу (1517—1526) за его притѣсненія и несправедливости прекрасно рисуютъ осуществленіе этого права. Бояре и мѣщане били государю челомъ, «не хотячы того воеводы собѣ мѣти, абы его милость водлѣ правъ и прывильевъ предковъ его милости и его милости самого, далъ» имъ «иного воеводу». Король вывелъ Сапегу изъ Витебска и далъ ему Подляшское воеводство. Но относительно права земель Полоцкой и Витебской имѣть своего воеводу по своему желанію

---

[1]) См. *М. Ясинскій*. Уст. з. гр. Л.-Р. гос. Стр. 118.
[2]) См. *М. К. Любавскій*. Обл. д. и м. упр. Стр. 873.
[3]) *М. Ясинскій*. Уст. з. гр. Л.-Р. гос. Стр. 118.
[4]) *М. К. Любавскій*. Обл. д. и м. упр. Стр. 873.

можно думать, что оно осуществлялось въ дѣйствительности, обыкновенно, не столько въ самомъ выборѣ себѣ воеводы, сколько въ правѣ ходатайства о его смѣщеніи въ случаѣ его непопулярности среди мѣстнаго населенія. Думать такъ не мѣшаетъ построеніе фразы въ уставныхъ грамотахъ Витебской и Полоцкой земель, а побуждаютъ привилеи на воеводства, выданные королемъ. Такъ, назначая въ 1531 году Витебскаго воеводу и своего маршалка Яна Юрьевича Глѣбовича воеводою Полоцкимъ, Сигизмундъ I совсѣмъ не упоминаетъ о выборѣ его землею. Мотивами для этого повышенія урядомъ Яна Глѣбовича являются по словамъ королевскаго привилея лишь: 1) желаніе государя наградить его за его заслуги и сдѣлать такимъ образомъ «охотнѣйшимъ и послушнѣйшимъ ку службамъ» королевскимъ и 2) «прычына», т.-е. ходатайство супруги короля, Боны [1]). О выборѣ Глѣбовича Полоцкимъ населеніемъ такимъ образомъ нѣтъ въ привилеѣ ни слова. Но если можно думать такъ о правѣ участія въ назначеніи своего воеводы земель Полоцкой и Витебской, то земля Жомоитская, несомнѣнно, осуществляла цѣликомъ свое право собственнаго выбора своего старосты-воеводы. Такъ, когда умеръ Жомоитскій староста Станиславъ Яновичъ (Кезгайло), къ королю Сигизмунду Старому «присылали» его подданные, «панове, тивунове, вся шляхта земли Жомоитское неколькось тивуновъ», короля «великожедаючи и чоломъ бьючи», чтобы онъ имъ оказалъ «ласку» и «заховалъ» ихъ «водлѣ правъ и привилеевъ ихъ, на то даныхъ» имъ его предками и имъ самимъ. Они присылали къ Сигизмунду и самые «привилея и права свои», прося назначить имъ старостою «тамошнего прироженца земли Жомоитское, а наболей сына бывшого старосты Жомоитского, пана Станислава Станиславовича». Самъ Станиславъ Станиславовичъ просилъ о томъ же «весполокъ съ ними». Король исполнилъ эту просьбу и сдѣлалъ его старостою земли Жомоитской [2]). Преемники его также избирались самою землею [3]). Самый текстъ уставной Жмудской грамоты опредѣленнѣе выражаетъ это право Жомоитской земли на выборъ своего старосты. Эта грамота говоритъ: «тежъ ста-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 96.

[2]) А. Ю. и З. Р. I. № 86.

[3]) Избраніе и назначеніе Петра Станиславовича Кишки см. *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 874. Избраніе и назначеніе Яна Еронимовича Ходкевича—*М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 657.

росту, которого бы хотѣли мѣти, того имъ даемъ, а вѣдь же зъ нашою волею» [1]).

Итакъ, воеводы назначались въ Литовско-Русскомъ государствѣ двумя способами—великимъ княземъ непосредственно во всѣхъ воеводствахъ кромѣ трехъ, а именно Полоцкаго, Витебскаго и староства Жомоитскаго, и великимъ княземъ совмѣстно съ самимъ населеніемъ—въ этихъ трехъ воеводствахъ. Обязанности воеводы въ его воеводствѣ распадаются на три отдѣла: 1) военныя, 2) административныя и 3) судебныя. Воевода стоитъ во главѣ военной силы, представляемой населеніемъ его воеводства. Подъ его начальство стягиваются военно-служилые землевладѣльцы со своими «почтами», а вмѣстѣ съ ними становятся и всѣ почты и воины, высылаемые лицами, не обязанными собственною особою служить военную службу (духовенство, пани-вдовы). Значеніе воеводы, какъ военачальника земскаго ополченія воеводства сохранятся дольше во всѣхъ земляхъ, входившихъ въ составъ его округа, чѣмъ функціи административныя и судебныя. Выдѣляясь въ отдѣльное воеводство, Новгородскій повѣтъ Виленскаго воеводства сохранилъ вполнѣ военную связь съ Виленскимъ воеводою и становился подъ его начальство вмѣстѣ съ другими повѣтами его округа [2]). Начальникъ земскаго войска своего воеводства, воевода ведетъ его къ гетману и ставитъ подъ его команду. Что касается до его административныхъ обязанностей, то они могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: 1) управленіе его въ тѣхъ земельныхъ округахъ, въ которыхъ онъ являлся самъ намѣстникомъ-державцею, 2) его административное значеніе для тѣхъ земельныхъ округовъ, которые, будучи расположенными въ предѣлахъ воеводства, находились въ державѣ и подъ управленіемъ другихъ намѣстниковъ-державцевъ, 3) правительственное значеніе воеводы по отношенію къ землямъ, принадлежащимъ частнымъ землевладѣльцамъ, князьямъ, панамъ, шляхтѣ, боярамъ, духовенству, мѣщанамъ, и, наконецъ, 4) отношеніе функцій воеводскаго управленія къ городамъ, пользовавшимся самоуправленіемъ по Нѣмецкому праву. Само собою разумѣется, что власть воеводы и его административныя права были различны по отношенію ко всѣмъ этимъ группамъ земельныхъ владѣній и частей территоріи его воеводства. Въ тѣхъ земельныхъ пространствахъ, въ которыхъ воеводы были намѣстниками-державцами, воеводскій

---

1) *М. Ясинскій.* Уст. з. гр. Л.-Р. гос. Стр. 118.

2) *М. К. Любавскій.* Обл. д. и м. упр. Стр. 126.

урядъ и функціонировалъ такъ, какъ отправляли свою дѣятельность другіе державцы. Воевода завѣдывалъ господарскимъ хозяйствомъ на замковыхъ земляхъ со всѣми хлопотами и доходами этого завѣдыванія. Эксплоатація пашенной земли, выгоновъ, пастбищъ, луговъ, лѣсныхъ угодій, озеръ, рѣкъ находилась въ его вѣдѣніи въ предѣлахъ его округа, какъ державцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему принадлежала и обязанность собирать подати и налоги и творить судъ и управу среди живущихъ въ его державѣ крестьянъ. Сдѣлки крестьянъ на участки земли и угодья въ предѣлахъ его державы должны совершаться съ вѣдома его, какъ намѣстника-державцы.

Раздача пустыхъ земель также, конечно, подлежитъ его заботѣ и дѣятельности, равно какъ и расширеніе эксплоатаціи и развитіе хозяйства господарскаго. Черезъ руки воеводъ идутъ различныя поступленія съ косвенныхъ налоговъ, а въ XV вѣкѣ они даже сами налагали новыя «мыта». Воеводы наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы отъ пожалованія государемъ частнымъ лицамъ права на сборъ мыта, или на учрежденіе торга не терпѣли ущерба господарскіе доходы. Воеводы, какъ и другіе державцы, обязаны давать государю «стацію» въ случаѣ его пріѣзда. Имѣя въ своемъ держаньѣ государевы земли, они, конечно, подлежатъ обязанности выправлять и выводить вмѣстѣ со своими хоружими на военную службу въ случаѣ надобности всѣхъ обязанныхъ военною службою жителей ихъ державы, т.-е. князей, пановъ, бояръ, земянъ, мѣщанъ и военно-обязанныхъ крестьянъ. Забота объ исполненіи военно-служилымъ населеніемъ его обязанности «служить войну» шла рядомъ съ дѣятельностью воеводы въ устройствѣ военно-служилаго землевладѣнія: воеводы или сами своею властью раздавали имѣнія и земли подъ условіемъ земской службы съ нихъ, дѣлая это до утвержденія, «до воли» великаго князя, или же давали такія земли по приказанію отъ государя. Для исполненія всѣхъ этихъ многосложныхъ обязанностей, конечно, воеводы имѣли цѣлый рядъ слугъ различнаго назначенія [1]).

Рядомъ съ дѣятельностью воеводъ въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ выступаетъ ихъ дѣятельность какъ преемниковъ удѣльныхъ князей тѣхъ земельныхъ пространствъ, которыя составляли ихъ воеводства, обращенныя въ

---

[1]) О дѣятельности воеводъ, какъ намѣстниковъ-державцевъ, въ началѣ XVI вѣка см. *М. К. Любавскій*. Обл. дѣл. и м. упр. Стр. 766—824.

нихъ изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ Литовско-Русскаго государства. «Отъ удѣльныхъ князей воеводы и старосты получили извѣстную долю правительственной власти и значенія по отношенію къ областямъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ какъ не всѣ функціи удѣльныхъ князей господарь перенесъ на себя непосредственно, какъ не уничтожилъ онъ совершенно и политической особности и самобытности областей» [1]). Какъ преемники удѣльныхъ князей, воеводы имѣли извѣстную власть и административныя права по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія землямъ, входившимъ въ составъ ихъ воеводства. На первомъ планѣ тутъ нужно поставить военное дѣло и оборону, которыя требовали участія всѣхъ жителей воеводства. Замокъ, какъ мы видѣли [2]), былъ мѣстомъ убѣжища, въ которое могли спасаться въ минуту опасности въ тяжкое время вражескаго нашествія жители всего воеводства. Замокъ былъ оплотомъ и всего государства, и отдѣльнаго воеводства. Естественно, что городовое дѣло, какъ повинность «рубить городъ», строить городовыя укрѣпленія и чинить ихъ— должно было ложиться на всѣ державы, лежащія въ воеводствѣ, а не на однѣ лишь земли державы самого воеводы. Кромѣ того держать караулъ въ центральномъ городѣ воеводства должны были не только волости державы воеводы, но и волости прочихъ намѣстниковъ-державцевъ воеводства. За этою повинностью по оборонѣ и охранѣ центральнаго замка и города слѣдуетъ повинность намѣстниковъ-державцевъ всѣхъ державъ, находившихся въ воеводствѣ, посылать своихъ крестьянъ на различныя работы въ державу воеводы. Наконецъ, крестьяне, жившіе въ державахъ другихъ намѣстниковъ-державцевъ, тянули дякломъ къ главнымъ городамъ области. Но конечно, описанныя связи привязывали къ центральнымъ замкамъ далеко не всѣ волости, находившіяся подъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ [3]). Такимъ образомъ, являясь нитями, которыя притягивали къ центру часть державъ, находившихся въ воеводствѣ, эта связь не была общею для ихъ всѣхъ, и нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что всѣ безъ исключенія державы воеводства были связаны ею съ воеводою. Настоящею общею связью его со всѣми землями воеводства была лишь связь военная.

По отношенію къ землевладѣльцамъ воевода имѣетъ общій

[1]) Ibidem. Стр. 766. [2]) См. выше, стр. 338, 339.
[3]) *М. К. Любавскій.* Обл. д. и м. упр. Стр. 827.

надзоръ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей, лежащихъ на нихъ въ пользу государства. Поэтому продажа земель не только приписанными къ замку военно-служилыми крестьянами, но даже и земянами совершается съ его вѣдома [1]). По отношенію къ лежащимъ въ предѣлахъ его воеводства городамъ, пользующимся Нѣмецкимъ правомъ самоуправленія, воевода держитъ въ своихъ рукахъ надзоръ, чтобы они не захватывали подъ свой судъ и управленіе людей, имъ не подлежащихъ. Такъ, 28 іюня 1536 года Виленскій воевода Гаштольдъ приказалъ мѣщанамъ города Вильны не судить мѣщанъ митрополита и не брать съ нихъ «подачокъ никоторыхъ» [2]). Высокое значеніе воеводы въ его воеводствѣ основывалось не только на томъ, что онъ былъ главою земскаго войска и высшимъ представителемъ администраціи, онъ имѣлъ и судовыя функціи. Къ его суду отзываются даже отъ мѣстнаго суда державъ, не бывшихъ подъ властью его, какъ намѣстника-державцы, а только входившихъ въ территорію его воеводства [3]).

Послѣ всего изложеннаго понятенъ тотъ высокій авторитетъ который имѣлъ воевода въ своемъ воеводствѣ. Панъ-рада и близко стоящій около трона вельможа, онъ является посредникомъ между великимъ княземъ и населеніемъ воеводства. Онъ передаетъ государю нужды и просьбы обывателей, онъ рекомендуетъ государю различныхъ лицъ на земскіе вряды. Воевода сознаетъ свое значеніе и выражаетъ это даже въ своихъ листахъ, начиная ихъ иногда подобно самому великому князю. «Мы Олбрахтъ Мартиновичъ Кгашътолтъ, воевода Виленскій, канцлеръ великого князства Литовского, староста Бѣльскій и Мозырскій, явно чинимъ тымъ нашимъ листомъ»—такъ начинаетъ свой мѣновный листъ на мѣну съ Кіевскимъ бискупомъ Вежгаломъ Виленскій воевода Гаштольдъ 17 августа 1529 года [4]). Ходатайство воеводы весьма цѣнно, и онъ удѣляетъ его лицамъ такого высокаго положенія, какъ митрополитъ [5]).

На протяженіи времени между 1529 годомъ, т.-е. эпохою перваго статута, и шестидесятыми годами XVI столѣтія, когда создался тотъ строй Литвы, съ которымъ она приступила къ заклю-

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 75 об. См. выше, стр. 474 прим. 2. Ср. Полоцкая Ревизія, л. 45: «тот же Борколабъ маеть именье, двор Павловичы, который отцу его земенин Полоцкий записал, Остафей Крывоногъ за дозволенемъ воеводы Полоцкого пана Петра Кишки».

[2]) Вил. Арх. Сб. VI. № 11. [3]) А. Вил. XVII. № 977.

[4]) А. Ю. и З. Р. I. № 89. [5]) А. З. Р. III. № 18.

ченію Уніи съ Польшею мы должны отмѣтить одинъ крупный фактъ въ исторіи мѣстнаго управленія Литовско-Русскаго государства—волочную помѣру [1]), организовавшую управленіе староствами и державами великаго княжества Литовскаго.

Реформы шестидесятыхъ годовъ начались съ указа Сигизмунда Августа, изданнаго 7 іюня 1563 года [2]) и даровавшаго великому княжеству Литовскому полное уничтоженіе принципа пріобрѣтенія правъ шляхетства лишь подъ условіемъ принадлежности къ католической церкви. Могучій духъ реформаціи сломилъ этотъ принципъ и сравнялъ массы православнаго земянства съ католическою шляхтою. 1564 годъ принесъ новое измѣненіе въ положеніи воеводъ и старостъ Ихъ право суда надъ всѣми обывателями воеводствъ и старостствъ (кромѣ лицъ и категорій жителей, имѣющихъ спеціальные суды) было утрачено. По словамъ Бѣльскаго привилея 1564 года, сами воеводы [3]) и иные врядники земскіе, а также старосты и всѣ державцы, которые только владѣли правомъ суда, явившись предъ короля, лично отказались добровольно отъ этого своего права: «маючи напродъ Пана Бога и справедливость светую передъ очима своими», они «важили большъ тую а нижли которое въ томъ поволи, звирхности, владности и пожитки свои». Они отказались отъ своего права суда со всѣми доходами, которые оно имъ приносило. Второй статутъ раздѣлилъ всѣ дѣла, подлежащія областному суду, между тремя судами повѣта—земскимъ, подкоморскимъ и гродскимъ. Первые два суда были совершенно независимы отъ воеводъ и старостъ. Лишь судъ гродскій остался по прежнему въ ихъ рукахъ, но и этотъ судъ подлежалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ надзору земскаго суда [4]). Въ рукахъ гродскаго суда остались преступленія уголовныя, да, кромѣ того, гражданскіе иски по движимостямъ и дѣла тѣхъ обитателей повѣта, которые по своему состоянію не имѣли доступа ни въ земскій, ни въ магдебургскій суды. 1565 годъ принесъ Княжеству новую крупную реформу. 30-го декабря этого года была издана съ Виленскаго сейма королевская грамота объ учрежденіи повѣтовыхъ сеймиковъ для выбора пословъ на сеймъ шляхтою повѣтовъ. Такимъ образомъ, шляхта получила организацію своего представительства на вальномъ сеймѣ, которой она не

---

[1]) А. З. Р. III. № 19. [2]) А. З. Р. III. № 32.

[3]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 48. Временникъ. XXIII. Стр. 4—11.

[4]) См. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 282, 283.

имѣла до этого времени, хотя и высылала своихъ представителей на сеймы. Наконецъ, въ 1566 году увеличилось самое число воеводъ великаго княжества Литовскаго черезъ учрежденіе цѣлыхъ пяти новыхъ воеводствъ—Волынскаго, Берестейскаго, Мстиславскаго, Браславля Подольскаго и Минскаго. Королевскіе послы на повѣтовыхъ сеймикахъ, созванныхъ въ 1566 году передъ Берестейскимъ сеймомъ, уже заявили обывателямъ, что король «для лепшого вечных часовъ порадку и оздобы речи посполитое того панъства подле прозбъ, на прошломъ сойме Виленскомъ учиненыхъ, причинити рачилъ достоенъствъ для лавицы рады своее яко воеводъствъ, кашталяней, такъ тежъ маршалъковъ и подкоморыхъ» [1]. При этомъ послы могутъ назвать имена назначенныхъ на эти новыя должности лицъ. Чрезъ учрежденіе новыхъ воеводствъ, естественно, уменьшились размѣры старыхъ. Если административная власть воеводъ до этой реформы не была велика въ староствахъ, которыя были обращены въ 1566 году въ воеводства, то ихъ военное значеніе было одинаково для всѣхъ безъ исключенія волостей, лежавшихъ въ предѣлахъ столь обширныхъ прежнихъ воеводствъ. Не нанеся, такимъ образомъ, большого ущерба административной власти воеводскихъ урядовъ, существовавшихъ прежде, реформа 1566 года значительно уменьшила территоріальные предѣлы ихъ военнаго значенія. Вмѣстѣ съ введеніемъ пяти новыхъ воеводствъ въ прежній составъ областного дѣленія Литовско-Русскаго государства состоялось и правильное раздѣленіе его на повѣты. Воеводство раздѣлилось на нѣсколько повѣтовъ, изъ которыхъ одинъ былъ центральнымъ. Въ послѣднемъ лежалъ главный городъ воеводства, въ которомъ находились воеводскіе паны-рада—воевода и кашталянъ. Число повѣтовъ въ воеводствѣ было отъ пяти до одного и каждый повѣтъ имѣлъ свои повѣтовые суды, являясь такимъ образомъ единицею судебною, свой отдѣльный сеймикъ, что его дѣлало единицею политическою, своего старосту, или воеводу, какъ административную власть, что придавало ему значеніе единицы административной, и, наконецъ, хоружихъ имѣли всѣ повѣты, кашталяна—центральные и маршалковъ—всѣ, кромѣ центральныхъ, это были вряды, придававшіе повѣту значеніе единицы земско-военной. И судъ, и администрація, и поли-

---

[1] Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 116. Документъ изданъ *М. К. Любавскимъ*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 57.

тическая дѣятельность повѣтовъ стояли внѣ сферы прямого вліянія воеводы. Лишь центральный повѣтъ; или, какъ онъ иногда называется, воеводство въ тѣсномъ смыслѣ слова, былъ подчиненъ его административной и судебной власти, равно какъ и его авторитету и вліянію его голоса на имѣющемъ политическое значеніе повѣтовомъ собраніи, сеймикѣ. Оставаясь такимъ образомъ самостоятельными единицами въ политическомъ, судебномъ и административномъ отношеніяхъ, повѣты сохраняли полную связь съ центромъ лишь въ земско-военномъ отношеніи. Воевода и кашталянъ стояли на челѣ обывателей всѣхъ повѣтовъ, поднявшихся вооруженною силою въ посполитомъ рушеньѣ. Но мы уже видѣли выше роль воеводы во время посполитаго рушенья [1]) и теперь можемъ обратиться прямо къ болѣе детальному изученію положенія воеводы въ его повѣтѣ.

Въ привилеяхъ, данныхъ королемъ въ 1566 году новымъ воеводамъ на ихъ должности, подчеркивается то, что это новыя, только что учрежденныя воеводства. Такъ, въ привилеѣ князю Роману Сангушку на воеводство Браславское [2]) читаемъ такія слова короля: «ижъ што на сойме вальномъ прошломъ у Вильни за покорными прозбами пановъ-рад наших духовных и светских, и тежъ княжатъ, панятъ и всих станов рыцерства нашого земли великого князьтва Литовского о прымноженье в лавицы рад нашихъ умыслили и постановили есмо в земли Подольской, паньству нашому великому князтву Литовскому прыналежачой, то есть въ Расълавли и Веницы, бачачи яко тамъ на тыхъ замкох нашихъ намъ к тому паньству нашому, великому князтву Литовскому, много належыть, тымъ же порадкомъ, яко и в ынших земляхъ нашихъ и воеводствахъ, воеводу упривильевати». Изъ этихъ словъ привилея мы ясно узнаемъ и двѣ причины учрежденія новыхъ воеводствъ въ 1566 году. Первая причина — желаніе увеличить составъ рады Литовской черезъ учрежденіе новыхъ сенаторскихъ мѣстъ въ ней. Что касается до второй, то она кроется въ потребностяхъ лучшаго областнаго дѣленія и въ необходимости передать функціи воеводской власти въ части слишкомъ обширныхъ территорій прежнихъ воеводствъ другимъ лицамъ, облеченнымъ въ нихъ полнотою воеводской власти: «много належыть» государству и королевской власти въ той или другой мѣстности, поэтому нужно выдѣлить

---

[1]) Стр. 543 и сл. [2]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 3 об.—4 об.

ее въ особое воеводство. Однако, старосты въ этихъ округахъ, обращенныхъ въ 1566 году въ новыя воеводства, не были упразднены сразу.

Въ самомъ дѣлѣ, 27 іюля 1566 года Сигизмундъ Августъ послалъ листъ [1]) князю Богушу Өедоровичу Корецкому, *старостѣ* Луцкому, *Браславскому и Веницкому* съ приказаніемъ ему ѣхать въ его Браславское и Веницкое староство ввиду опасностей, грозящихъ отъ Татаръ. Королемъ уже приказано отправиться туда князю Роману Өедоровичу Сангушковичу, *воеводѣ Браславскому* старостѣ Житомирскому, и князю Корецкому предписывается, чтобы онъ «тамъ до староствъ своих Браславля и Веницы ехалъ, а тамъ мешкаючи» государю и речи посполитой «весполокъ зъ его милостью княземъ воеводою служилъ и в тых послугахъ и потребах» государевыхъ «и земскихъ его, яко рады» королевскаго «а воеводы своего, послушонъ был конечне». На гробницѣ Василія Тишкевича въ Супрасльскомъ монастырѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Въ лето отъ Нароженя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1571 мѣсеца Августа 13 дня въ неделю, преставися рабъ Божій, панъ Васили Тишкевичъ, Воевода Смоленскій, *Староста Менскій* и Пинскій, положенъ въ храмѣ Благовѣщенія Богородицы, въ монастыри Супрасльскомъ» [2]). Въ то время, какъ воеводою Берестейскимъ въ 1566 году былъ назначенъ Юрій Васильевичъ Тишкевичъ [3])), старостою Берестья былъ Остафій Воловичъ [4]). Послѣ его смерти также встрѣчаемъ старостъ Берестейскихъ [5]). Воеводство Мстиславское тоже имѣло своихъ старостъ одновременно съ воеводами. Такъ, въ то время, когда занималъ это воеводство Юрій Юрьевичъ Остикъ (1566—1578) и его преемники, упоминается, какъ староста Мстиславскій, князь Иванъ Соломерецкій [6]). Наконецъ, старостою Луцкаго староства, обращеннаго въ Волынское воеводство въ 1566 году, былъ князь Богушъ Өедоровичъ Корецкій [7]),

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 8. [2]) Вил. Арх. Сб. IX. № 24 (стр. 74).

[3]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 9.

[4]) А. Ю. и З. Р. I. № 173 (1566 г.). Цѣлый рядъ примѣровъ именованія его Берестейскимъ старостою вплоть до его смерти. Нпр., А. З. Р. III. №№ 61, 98, 114 и др.

[5]) А. Ю. и З. Р. I. № 197.

[6]) Нпр., А. З. Р. III. № 67 (1576 г.), № 155 (1585 г.).

[7]) Ср. А. З. Р. III. № 46 (1568 г.).

въ то время какъ Волынскимъ воеводою былъ князь Александръ Өедоровичъ Чарторыйскій, преемникомъ котораго Корецкій затѣмъ въ 1572 году и сдѣлался. Естественно является вопросъ, чѣмъ же были эти старосты рядомъ со своими воеводами? Обратимся къ актамъ судовъ этихъ воеводствъ и поищемъ тамъ отвѣта на этотъ вопросъ. Въ 1567 году Сигизмундъ Августъ исполняетъ просьбу земянина Берестейскаго повѣта Михна Рожчича, утверждая за нимъ сельцо Мокраны, данное ему изъ королевскихъ земель взамѣнъ за его дворцы Збирозскій и Кгершоновицкій, взятые въ волочную помѣру. Король посылаетъ соотвѣтствующее приказаніе не вступаться въ Мокраны старостѣ Берестейскому и «напотомь будучимъ старостомъ Берестейскимъ» [1]). Оказать помоць «жидамъ, арендарамъ» склада соли въ Берестейскомъ воеводствѣ также предписывается старостѣ, а не воеводѣ. Королевская грамота, данная 21 января 1580 года [2]), говоритъ: «хочемъ мѣти, абы твоя милость въ староствѣ своемъ Берестейскомъ и Кобрынскомъ врадникомъ своимъ тамошнимъ съ пильностью того догледити, а, што до скарбу нашого водлугъ тое аренды приходити маетъ, отбирати и до скарбу нашого отдавати велѣлъ конечно». 11 іюля 1582 года жалобу Пружанскаго священника Тимофея Өедоровича на Пружанскихъ мѣщанъ Николая Зубовскаго и Яна Ставецкаго разсматривалъ Остафій Воловичъ, панъ Виленскій, канцлеръ Литовскій, староста Берестейскій и Кобринскій, и дѣло записано въ книги гродскія *староства Берестейскаго* [3]). Думать, что сохраненіе власти, правъ и значенія старосты было оставлено лишь на время, пожизненно тѣмъ лицамъ, которыя имѣли его въ моментъ реформы 1566 года, нельзя, такъ какъ и послѣ смерти этихъ лицъ въ новыхъ воеводствахъ-повѣтахъ существуютъ и старосты и воеводы. Такъ, въ 1631 году, 27 октября приносится «оповѣданье» для вписанія его во врядовыя книги Берестейскія передъ Гедеона Михаила Тризну, стольника Литовскаго, *старосту Берестейскаго* [4]).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ актовъ необходимо сдѣлать выводъ, что и судъ, и администрація, и завѣдываніе столовыми землями Берестейскаго повѣта находились цѣликомъ въ рукахъ старосты, а не воеводы. Прежде чѣмъ обобщать наше наблюде-

[1]) А. Вил. VI. № 1. Стр. 3—4.

[2]) А. Вил. III. № 157. Стр. 293—294.

[3]) А. Вил. III. № 7. Стр. 10—11. Ср. ibidem, стр. 12, 17.

[4]) Ibidem. № 23. Стр. 36—37.

ніе надъ фактами старостинскихъ суда и администраціи Берестейскаго староства по отношенію ко всѣмъ учрежденнымъ въ 1566 году воеводствамъ, обратимся къ какому-либо другому изъ ихъ числа и посмотримъ на его управленіе. 4 сентября 1672 года инструкція Оршанскаго сеймика его посламъ сеймовымъ была принесена для вписанія въ Минскія гродскія книги слугою Оршанскаго хоружія, Самуила Кмитица, Яномъ Бочковскимъ, который явился для этого «актикованья» предъ врядъ гродскій Минскій, передъ Мартина Казиміра Володковича, городничія и подстаросту Минскаго [1]). Не подвоеводій, а подстароста представляетъ изъ себя этотъ врядъ, являясь, такимъ образомъ, замѣстителемъ старосты, а не воеводы. Минскія гродскія книги хорошо знаютъ и другіе примѣры такого вписанія сеймиковыхъ актовъ подстаростою, какъ врядомъ гродскимъ [2]).

Итакъ, учрежденные въ 1566 году воеводскіе уряды отличались по своему значенію и правамъ отъ старыхъ воеводскихъ должностей, существовавшихъ уже прежде. Функціи административныя, судебныя и хозяйственныя по прежнему принадлежали старостамъ въ центральныхъ повѣтахъ новыхъ воеводствъ; лишь значеніе военное и значеніе пана-рады воеводства принадлежало

[1]) «Лета от нароженя Сына Божого тысеча шест сот семдесятъ второго месеца сентебра четвертого дня. На враде кгродском в замку господарском Минском, передо мною, Мартином Казимером Володковичом, городничым и подстаростим Минским, постановившысе очевисто, слуга его мл. пана Самуеля Кмитыца, хоружого Оршанского, его мл. пан Ян Бочковский, покладал ку актыкованю до книг инъструкъцыю их мл. панов обывателов повету Оршанского, даную их мл. паном послом, до короля его мл. обраным, в середыне зъ речю, в нем выражоную, просячы, абы тая инструкъцыя была до книг кгродских Минских акътыкована и уписана». Вил. Центр. Архивъ. № 11787. Минскаго гродскаго суда. Л. 355.

[2]) Нпр., Вил. Центр. Архивъ. № 11795. Минскаго гродскаго суда, л 69: «Na urzędzie grodzkim Minskim przedemną Theodorem Antonim Wankowiczem, starostą Poduswiackim, stolnikiem y podstaroscim wdztwa Minskiego»—вписывается 19 февраля 1710 года laudum Минскаго воеводства. Онъ же принимаетъ laudum Минскаго воеводства 17 іюня 1712 года—ibidem, л. 1352—1353 об. Или того же архива № 11798 (того же суда), л. 492—497: «na urzędzie I. K. M. grodzkim Minskim przedemną Andrzeiem Benedyktem Karnickim, podstarostim sądowym woiewodztwa Minskiego»—вписывается 12 сентября 1730 года сеймиковая инструкція. Л. 492—497 об. Примѣръ дѣйствія подстаросты конца XVI-го вѣка: «писал и присылал до враду кгродского замку господарьского Менского, до мене Яна Петрашковича, подстаростего Менского...» (1590 г.). Вил. Центр. Архивъ. № 11765. Минск. гр. с. Л. 438.

новымъ воеводамъ, явившимся въ Княжествѣ въ 1566 году. Бывали случаи и соединенія въ одномъ и томъ же лицѣ обоихъ достоинствъ, т.-е. и воеводы, и старосты, и это, конечно, было самымъ простымъ разрѣшеніемъ неудобства, проистекавшаго изъ существованія въ повѣтѣ воеводы и старосты одновременно. Такъ, панъ Гавріилъ Горностай былъ въ одно и то же время воеводою [1]) и старостою Минскимъ [2]).

Назначеніе воеводы рисуется цѣлымъ рядомъ привилеевъ, дошедшихъ до насъ. Такъ, 7 іюля 1576 года Стефанъ Баторій назначилъ Полоцкимъ воеводою стольника Княжества, старосту Волковыйскаго, державцу Шерешовскаго и Веленьскаго, тивуна Годинскаго и Бойшагольскаго, Николая Олехновича Дорогостайскаго. Привилей, данный ему [3]), такъ объясняетъ мотивы для этого назначенія. Король, «оседъшы столицу паньствъ своихъ» Польской короны и великаго княжества Литовскаго и «досегънувъшы певное ведомости» отъ пановъ-радъ Польскихъ и Литовскихъ, узналъ «о службах, прыпоминанья годъных, продъковъ» Николая Олехновича Дорогостайскаго. Эти службы «они в дому своемъ старожытъномъ завъжды оказовали ку королемъ и великимъ княземъ их милости продъкомъ» королевскимъ и «речы посполитой, зачымъ достоеньствъ и врадовъ земских дослуговали се». Заслуги ихъ «взновилъ и объяснилъ в собе панъ стольникъ, ничымъ не зъмнейшаючы славы и зацъности продъковъ своих, але з молодости летъ векъ свой провадилъ на служъбах» короля Сигизмунда Августа. Онъ получилъ затѣмъ земскій врядъ, стольничество великаго княжества Литовскаго, «которого онъ уставичне будучы пиленъ, на дворе его королевъское милости на всемъ веру свою статечне оказовалъ, а тымъ часъ веку своего травилъ, на дворе его королевъское милости служачы» своему государю и речи посполитой,

---

[1]) Съ 1566 по 1576 годы.

[2]) Въ привилеѣ на воеводство Берестейское, данномъ ему Стефаномъ Баторіемъ, читаемъ: «маючы мы залецоные службы воеводы и старосты Менъского, державцы Каменецъкого, пана Кгабрыеля Горностая, сына его милости пана воеводы Новгородъского, которые его милость з молодости летъ своихъ зъ себе оказовалъ...» Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 41 об.—42 об. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 1—1 об.

[3]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 2—3. Тотъ же привилей—Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 44—45.

«роты за свое властъные пенези противъ непрыятелей великого князства Литовского выводилъ». Онъ никогда «не омешкалъ» ни «жадное потребы военъное», ни сеймовъ. Все это дошло до свѣдѣнія короля, и онъ назначаетъ его воеводою Полоцкимъ. Баторій это дѣлаетъ, «повинъность» свою государеву «ку выконанью нагороды за службы пана стольниковы значные прызънавшы» и, кромѣ того, желая «способити» его «хутлившого» къ службамъ королевскимъ и речи посполитой. Итакъ, Дорогостайскій назначенъ Полоцкимъ воеводою въ награду за заслуги предковъ и свои личныя. Эти заслуги требуютъ награды по признанію короля. Съ другой стороны, назначеніе на воеводство является импульсомъ для дальнѣйшей дѣятельности Дорогостайскаго, который, получивъ награду, еще охотнѣе и энергичнѣе будетъ служить. Нѣтъ ни слова о томъ, что Дорогостайскаго желаетъ видѣть своимъ воеводою населеніе Полоцкой земли, которое, какъ мы видѣли выше, имѣло право участія въ назначеніи своего воеводы. Связь воеводы съ землею, основывавшаяся на его осѣлости и извѣстности населенію, утратилась такимъ образомъ совершенно. Воевода назначается королемъ совсѣмъ независимо отъ этихъ соображеній. Но какія же функціи признаетъ привилей за урядомъ воеводы Полоцкаго? Онъ находится въ «лавицѣ радъ» королевскихъ и пользуется всею «владзою того достоеньства», со всѣмъ, что подлежитъ ей издавна. Когда возвращены будутъ изъ рукъ Московскихъ замокъ Полоцкій и всѣ земли и волости Полоцкія, захваченныя Москвою, «то все по давному обычаю маеть пан Миколай Дорогостайский, воевода Полоцький, деръжати зо въсякими на воеводъство тое пожитъками и з доходами яким кольвекъ именемъ назваными, здавна прыслухаючыми», какъ и «першые» воеводы Полоцкіе держали. Врядъ воеводскій дается Дорогостайскому «до жывота», или до высшаго и «пожиточнейшого опатреня» королевскаго. Новый воевода получаетъ право «всякое учтивости такъ на соймех вальных панъствъ» королевскихъ «в короне Польской и у великомъ князстве Литовскомъ на местъцу своемъ, правомъ посполитымъ упрывилееванымъ, в раде» королевской «заседаючы, яко тежъ на соймикохъ, на зъездехъ поветовых въ воеводъстве своемъ и в ыншых воеводъствах короны Польское и великого князства Литовского, где бы ся трафило радити и вотовати с присяги и водле набольшое уметъности своее». Съ этимъ привилеемъ на воеводство сходны и другіе, сохранившіеся до нашего времени въ довольно большомъ

*

числѣ [1]). Ихъ различіе въ обозначеніи временныхъ условій, въ которыхъ находится этотъ врядъ, какъ напримѣръ, положеніе Полоцкой земли, захваченной Москвою во время назначенія Полоцкимъ воеводою Дорогостайскаго, или же въ указаніи на мѣсто воеводы «въ лавицѣ радъ» королевскихъ. О компетенціи воеводскаго вряда въ его мѣстномъ значеніи всѣ привилеи говорятъ одинаково, и притомъ въ одинаково общихъ выраженіяхъ. Присмотримся же теперь къ дѣятельности воеводскаго уряда, какъ его рисуютъ источники, въ такомъ богатствѣ сохранившіе данныя для его характеристики.

Со времени Люблинской Уніи, отторгнувшей отъ великаго княжества Литовскаго и присоединившей къ Коронѣ цѣлыхъ четыре Литовскихъ воеводства [2]), Литовскія земли дѣлились на воеводства—Виленское, Троцкое, староство Жомоитское, Полоцкое, Новгородское, Витебское, Берестейское, Мстиславское, Минское и Смоленское. Каждое воеводство дѣлилось на нѣсколько повѣтовъ, за исключеніемъ лишь трехъ—староства Жомоитскаго и воеводствъ Полоцкаго и Мстиславскаго. Всѣ остальныя имѣли по нѣскольку повѣтовъ, и число этихъ послѣднихъ колебалось между пятью и двумя для каждаго отдѣльнаго воеводства. Пять повѣтовъ имѣло воеводство Виленское, четыре—Троцкое, три—Новгородское и Минское и по два—Витебское, Берестейское и Смоленское [3]). Значеніе воеводы было неодинаково по отношенію ко всѣмъ повѣтамъ, входившимъ въ составъ его воеводства, какъ мы это уже замѣтили выше. Дѣло въ томъ, что въ его врядѣ соединялись два—врядъ воеводы для всего земельнаго округа, составляющаго воеводство, и врядъ старосты для того повѣта, который имѣлъ центральное значеніе въ цѣломъ воеводствѣ. Мы видѣли даже, что не во всѣхъ воеводствахъ было такое сліяніе въ воеводскомъ врядѣ и воеводскаго, и старостинскаго значенія. Воеводства, учрежденныя въ 1566 году, имѣли въ своихъ центральныхъ повѣтахъ рядомъ съ воеводами старостъ. Лишь въ воеводствѣ Мстиславскомъ по смерти князя Ивана Васильевича Соломерец-

[1]) Изданъ для изслѣдуемой эпохи привилей на воеводство Смоленское пану Филону Кмитѣ Чернобыльскому (1579 г.); притомъ изданъ дважды—А. З. Р. III. № 115 и Описаніе Рук. Отд. Виленской Публичной Библіотеки. III. Вильна. 1898. Стр. 87.

[2]) См. выше, стр. 565.

[3]) Ср. *Zygmunt Gloger*. Geografia Historyczna Dawnej Polski. Kraków. 1900. Str. 271—318.

каго, соединявшаго въ своихъ рукахъ старостинскій и каштелянскій уряды Мстиславскіе, врядъ старосты получилъ воевода, именуясь, однако, воеводою и старостою Мстиславскимъ одновременно, не принимая, такимъ образомъ, старостинскаго Мстиславскаго вряда, какъ обязательно слитаго съ воеводскимъ [1]). Значеніе воеводы по отношенію къ цѣлому воеводству, ко всѣмъ повѣтамъ, принадлежащимъ къ нему, выражалось въ военной его власти надъ рушеньемъ шляхты всѣхъ повѣтовъ его воеводства. Мы уже видѣли выше, что подъ команду воеводы ставятъ рушившуюся шляхту каштелянъ и маршалки повѣтовъ [2]). Во время приведенія воеводства на военное положеніе ввиду опасностей вражескаго вторженія, шляхтѣ предписывалось королемъ полное послушаніе мѣстному воеводѣ [3]). Какъ начальникъ военныхъ силъ повѣта, воевода долженъ находиться на своемъ посту во время опасностей, грозящихъ его воеводству. Какъ военачальнику, ему обязаны повиноваться и повѣтовые старосты [4]). Военное значеніе вождя шляхты цѣлаго воеводства и было главною основою власти воеводы надъ всѣми повѣтами его воеводства. Стоя во главѣ посполитаго рушенья всѣхъ повѣтовъ воеводства, воевода призывается королемъ и къ провѣркѣ правъ шляхетства по отношенію къ обывателямъ не только центральныхъ, но и остальныхъ повѣтовъ [5]).

Значеніе воеводскаго уряда для цѣлаго воеводства проявля-

---

[1]) «Воеводе и старосте Мстиславскому и Вилкомирскому, державцы Берженицкому пану, Павлу Миколаевичу Пацу»—читаемъ въ спискѣ сенаторовъ, которымъ были разосланы сеймовые листы 1580 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 4 об.

[2]) См. выше, стр. 543.

[3]) Вотъ напримѣръ, «лист до земян Браславских и Веницких о небезпеченстве от Татар.—Жикгимонт Августъ Божью милостью корол Полский etc. Ко всимъ земяномъ нашимъ Браславскимъ и Веницким. Маючи ведомост о небезпечностях оного краю от поганьства Татар, росказали есмо через листъ нашъ воеводе Браславскому, старосте Житомирскому, князю Роману Федоровичу Санькгушку, на воеводство свое тамъ до Браславъля и Веницы для послугъ наших господарьских и земских ехати и тамъ мешкати и намъ господару и речи посполитой служити. А такъ прыказуемъ вамъ, абы есте в послугах и во всяких потребах наших господарьских и земских его милости, яко рады нашое а воеводы своего послушни были конечно. Писанъ у Люблине» 27 іюля 1566 года. «Подписъ руки господарьское. Базылиусъ Древинский писарь». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 8 об.

[4]) См. выше, стр. 591. [5]) Примѣръ см. выше, стр. 240, 241.

лось также въ дѣлѣ выбора членовъ земскаго суда во всѣхъ повѣтахъ воеводства. Въ случаѣ смерти судьи, или подсудка, или писаря земскихъ, членовъ земскаго повѣтоваго суда, оставшіеся въ живыхъ земскіе судовые врядники извѣщаютъ о смерти своего товарища воеводу — все равно, имѣла ли смерть судового врядника мѣсто въ центральномъ, или прочихъ повѣтахъ воеводства. Воевода, получивъ такое извѣщеніе, назначаетъ своими листами сеймикъ «старостамъ, врядникамъ и шляхтѣ того повѣту». Конечно, въ землѣ Жомоитской это дѣлаетъ равный въ ней по значенію воеводѣ староста Жомоитскій. Послѣ выбора сеймикомъ четырехъ кандидатовъ на вакантный судовый урядъ [1]), воевода же доводитъ до свѣдѣнія короля объ этомъ избраніи «черезъ листы свои отвороные за печатью воеводиною», испрашивая королевское утвержденіе для одного изъ кандидатовъ, представленныхъ государю [2]). Акты знаютъ дѣятельность воеводы въ исполненіе этого требованія статута. Когда, напримѣръ, наканунѣ самой Люблинской Уніи, въ 1568 году умеръ земскій подсудокъ Владимірскаго повѣта, «земенинъ тамошний Павелъ Шпаковский», Волынскій воевода, князь Александръ Өедоровичъ Чарторыйскій, «заховываючи ся в томъ водлугъ статуту, всихъ князей и пановъ, земянъ оного повету по кольку кроть листомъ своимъ объсылалъ»; князь Чарторыйскій приглашалъ ихъ съѣхаться во Владимірскій замокъ для выбора четырехъ «електов» вмѣсто умершаго. Приводимый примѣръ выбора Владимірскаго подсудка интересенъ и въ томъ еще отношеніи, что, за неприбытіемъ на сеймикъ многихъ обывателей и несогласіемъ прибывшихъ, выборъ былъ совершенъ самимъ воеводою вмѣстѣ съ мѣстнымъ владыкою [3]), маршалкомъ [4]) и «з некоторыми иными, в томъ повете оселыми» [5]). Кромѣ того

---

[1]) См. выше, стр. 353.

[2]) II ст. IV. I. Третій статутъ требуетъ непосредственнаго извѣщенія самого короля земскими судовыми врядниками и лишь во время его «небытности» въ Литвѣ—воеводы, или капиталяна. III ст. IV. I.

[3]) «з владыкою Володимерским и Берестейскимъ Феодосиемъ».

[4]) «з маршалкомъ нашимъ, паномъ Петромъ Богдановичемъ Загоровскимъ». Онъ былъ маршалкомъ именно Владимірскаго повѣта. См. ***М. К. Любавскій***. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 228.

[5]) Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 31—31 об. («Привилей Гаврилу Яковицкому на подсудство Володимерское». Дата: Варшава, 29 сентября 1568 года).

воевода же «пострыгаетъ» т.-е. назначаетъ возныхъ для повѣтовъ своего воеводства [1]).

Если мы обратимся къ дѣятельности и власти воеводы въ его собственномъ повѣтѣ, то увидимъ картину весьма большого административнаго и судебнаго значенія. Въ предѣлахъ своего повѣта онъ пользовался всею властью судоваго старосты, придавая ей еще бо́льшую авторитетность своею принадлежностью къ сенаторскому стану, дававшею возможность постояннаго вліянія на правительственныя распоряженія по государству, а также личныхъ сношеній съ королемъ и другими панами-радами. Власть и значеніе воеводы проявлялись въ повѣтѣ по отношенію: 1) къ шляхтѣ-обывателямъ его, 2) къ врядникамъ повѣтовымъ и 3) къ нешляхетному населенію замковыхъ и волостныхъ земель — мѣстъ, мѣстечекъ и селъ. По отношенію къ шляхтѣ воевода держалъ въ своихъ рукахъ повѣтовую администрацію и замковый или гродскій судъ повѣта. Не живя самъ въ своемъ воеводствѣ безвыѣздно — членъ рады и владѣлецъ другихъ врядовъ и староствъ, воевода постоянно былъ отвлекаемъ отъ своихъ воеводскихъ обязанностей и часто отсутствовалъ изъ воеводства — онъ назначалъ своего намѣстника, вѣдавшаго администрацію повѣта, какъ староста — своего подстаросту. Онъ же вмѣстѣ съ гродскимъ судьею, также назначаемымъ воеводою [2]), вѣдалъ замковый судъ. Намѣстникъ и гродскій судья, такимъ образомъ, были врядниками гродскими, «на справы судовыя высажоными отъ ясне вельможного» своего воеводы [3]). Если что-нибудь «недойзрѣньемъ ихъ на томъ урядѣ въ справѣ ихъ поблудило», воеводы, какъ и старосты, пересматриваютъ вновь дѣло сами «за отозваньемъ», т.-е. по апелляціи тяжущагося [4]). Воевода имѣетъ полное право кассировать рѣшеніе своего гродскаго суда, также какъ и наблюдать за его исполненіемъ. Такъ, въ 1570 году панъ Юрій Тишкевичъ, воевода Берестейскій, совершилъ «кгвалтовное наслане» своего Логойскаго врядника со многими своими боярами и слугами на домъ Епимаха Шириновича, врядника Жомоитскаго войскаго, пана Войтеха Шемета, изранившихъ и избившихъ его и разграбившихъ его домъ. Но этого мало, въ тотъ же день Тишкевичъ совершилъ «насланье кгвалтовное» на Заозерскій дворъ Шемета и его жены, и этимъ «насланьемъ» было произведено «починенье шкод немалых». Мин-

---

[1]) II ст. IV. 4. Ср. Ж. М. Нар. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 273.

[2]) II ст. IV. 21.

[3]) См., нпр., А. Вил. XX. № 39 (1584 г.). [4]) II ст. IV. 21.

скіе гродскіе врядники разобрали это дѣло и «водлугъ суду своего кгродского Менского складаючы роки на заплату сумы пенезей, от них въсказаное, беглостю права посполитого листъ свой писали»—эту сумму долженъ былъ выплатить Шемету Берестейскій воевода. Но Юрій Тишкевичъ не только не заплатилъ этой суммы, но даже «увязанья» посланному въ его имѣніе Минскому возному «не поступилъ». Затѣмъ, «за листом упоминалным их милости пановъ-рад по зыстью с того света» Сигизмунда Августа, «пан воевода Берестейский року семдесятъ осмого листъ свой писал, упоминаючи паном воеводичом, абы водлугъ сказанья суду его кгродского Меньского» присужденную на ихъ умершемъ отцѣ сумму въ 510 копъ и 8 грошей «на личбу Литовскую» заплатили Шемету и его женѣ. Берестейскій воевода Гаврила Ивановичъ Горностай писалъ свой листъ по дѣлу, касавшемуся Минскаго вряда потому, что во время возникновенія справы и разбора ея Минскимъ гродскимъ судомъ онъ былъ воеводою Минскимъ [1]). Но воеводичи Берестейскіе, паны Ѳедоръ и Мартинъ Тишкевичи, и этому листу оказали непослушаніе. Тогда Горностай къ нимъ послалъ Минскаго вознаго 16 октября того же 1578 года снова съ увящимъ листомъ, но они и ему «также увезаня не поступили». Наконецъ, терпѣніе Шеметовъ лопнуло, и Берестейскій воевода, Каменецкій державца, панъ Гаврила Горностай былъ «манъдатомъ» королевскимъ «о неотъправу сумы пенезей, от суду его кгродского всказаную позван». Однако, воевода, не ставъ предъ судъ королевскій, «не вдаючися дей въ право стороною, але заховаючисе в томъ водлугъ уфалы сойму Варшавского» [2]), послалъ гродскаго Минскаго судью въ Логойскъ, имѣніе Тишкевичей, «чинечи отправу на имену замку Логойского, в люди и в кгрунты, за тую суму пенезей, от них всказаную пану войскому и малжонце его, положивши заруку водлуг тоеж уфалы сойму Варшавского». Но воеводичи и теперь оказались противящимися вряду и не допустили «увезанья». Теперь, уже въ 1580 году, панъ Войтехъ Шеметъ на королевскомъ судѣ просилъ, «абы водлугъ уфалы Варшавское был захован, то ест пан Мартин Тишкевичъ, яко тот, который се враду спротивил, до везеня абы был дан и заруки совито на немъ абы были сказаны». Но Мартинъ Тишкевичъ за-

---

[1]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 25.

[2]) Эта уфала замѣнила рушенье повѣта на непослушнаго вряду такою посылкою врядника съ двумя шляхтичами. Временникъ. XXIII. Стр. 207, 208. См. выше, стр. 561, 562.

явилъ черезъ своего «умоцованого», что приговоръ и судъ Минскій—«неслушный», такъ какъ «в статуте права посполитого» въ 20 артикулѣ IV раздѣла стоитъ: «иж панове воеводове, старостове, або намесники их присяглые каждую реч, на судъ их кгродский належачую, судити и отправовати мають; а иж не сам воевода, а ни подстаростий его судилъ, одно понаместникъ» — поэтому онъ и отказывается признать приговоръ имѣющимъ законную силу. Тишкевичъ заявилъ далѣе, что и самъ воевода, понявъ незаконность этого суда, кассировалъ его рѣшеніе. Въ доказательство этого былъ имъ представленъ «лист судовый вряду кгродского Менского, которим судом своим присудил вряд кгродский Менский на воеводе зешлом с того света Берестейском, пану Юрю Тишкевичу суму пенезей звышъ помененую; у того листу судового подписъ руки воеводы Берестейского и старосты Менского в тые словы: я Гаврыло Горностай, воевода и староста Менский тот судъ с причин слушных, водле статуту касую; власною моею рукою подписал» [1]). На эту кассацію и сослался Тишкевичъ, какъ на оправдывающую его дѣйствія и, наоборотъ, ставящую самый врядъ Минскій и воеводу въ странное положеніе ищущихъ и требующихъ отъ Тишкевичей увязанья по не существующему, кассированному воеводою судовому приговору. Пересказанный документъ прекрасно рисуетъ отношеніе воеводы къ своему гродскому судовому уряду. Съ одной стороны, онъ дѣлаетъ распоряженія, имѣющія цѣлью обезпечить исполненіе приговора своего суда [2]), съ другой — онъ имѣетъ власть кассировать самый этотъ приговоръ.

Стоя во главѣ повѣтовой администраціи, воевода, какъ староста, сколько это въ его силахъ, заботится объ охранѣ личности и имущества обывателей. Воевода получаетъ листы по поимкѣ преступниковъ, какъ напримѣръ, 8 іюля 1576 года былъ данъ Баторіемъ листъ «воеводе Полоцкому, пану Миколаю Дорогостай-

---

[1]) Вся эта справа, разбиравшаяся на королевскомъ судѣ, изложена въ судовомъ листѣ Стефана Баторія, данномъ въ Вильнѣ 6 мая 1580 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 23 об.—24.

[2]) Ср. также «листъ, писаный до пана воеводы Виленского, ижбы Лву Голеницу з дворанином господаръским Миколаем Юндиломъ о дочъку того Голеница въ пресконченье вчинилъ». Дата: Люблинъ, 1569 годъ. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 25 об.—28.

скому до всихъ вобецъ о пойманье злочынцы, Андрея Ошменишка» [1]). Глава администраціи повѣта, притомъ сановникъ, облеченный званіемъ сенатора со всѣмъ его значеніемъ и авторитетомъ, воевода иногда даже раздавалъ своею властью земскіе уряды своего повѣта, ходатайствуя потомъ передъ королемъ о подтвержденіи своихъ назначеній. Такъ, Станиславъ Николаевичъ Пацъ, воевода Витебскій, державца Суражскій, послѣ смерти земскаго Витебскаго конюшія, Григорія Шапки, отдалъ «вряд, конюштво земское Витебское», Витебскому земянину Андрею Якубовичу Сивицкому. Сдѣлавъ это назначеніе «до воли и ласки» государевой, Пацъ затѣмъ испросилъ на него подтвержденіе Сигизмунда Августа, которое и было дано королевскимъ привилеемъ [2]). Но не только по отношенію къ врядникамъ воеводства проявляли воеводы свою власть назначенія и пожалованія «до воли и ласки» государевой; какъ старосты-державцы столовыхъ земель, они жаловали иногда участки этихъ земель земянамъ и врядникамъ своего воеводства, дѣлая это до подтвержденія королевскаго [3]). При этомъ, стоя близко къ королю, воевода легко можетъ исхлопотать у государя подтвержденіе своего пожалованія, какъ и вообще можетъ ходатайствовать передъ нимъ о награжденіяхъ какъ для врядниковъ, такъ и для рядовыхъ шляхтичей.

На сеймикѣ своего повѣта воевода игралъ выдающуюся роль. «За пильнымъ стараньемъ» его сеймикъ достигаетъ своего благополучнаго конца [4]). Имѣя возможность, какъ панъ-рада, постоянно сноситься съ королемъ, воевода выступаетъ передъ нимъ съ ходатайствами по дѣламъ сеймиковымъ. Такъ, Виленскій воевода въ 1571 году просилъ Сигизмунда Августа не винить сеймовыхъ пословъ Виленскаго воеводства, которые опоздаютъ на

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 5 об. [2]) См. выше, стр. 347, 348, прим. 7.

[3]) См., напримѣръ, «лист пана Станькевичовъ на пустовъщизны, в земли Жомоитской лежачые». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 74 об. — 76 об. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года.

[4]) Въ листѣ Сигизмунда Августа Жомоитскому старостѣ, данномъ въ Варшавѣ 13 января 1571 года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 9 об.—10), читаемъ: «данъ естъ намъ листъ твоее милости, в которомъ твоя милость до насъ пишешъ, ознаймуючи, же соймикъ поветовый в земли Жомоитской за пильнымъ старанемъ твоее милости, ачъ з великою трудностью и небезъпечностью повет-рея вжо дошолъ...»

сеймъ; воевода мотивировалъ это опозданіе въ своемъ листѣ [1]). Случай, о которомъ идетъ рѣчь, обращаетъ на себя вниманіе и потому, что сеймикъ, заставившій Виленскаго воеводу хлопотать передъ королемъ, былъ сеймикомъ не Виленскаго повѣта, а всѣхъ пяти повѣтовъ воеводства, собранныхъ на одномъ сеймикѣ по причинѣ сильнаго морового повѣтрія, мѣшавшаго съѣздамъ шляхты. Воевода вообще выступаетъ въ качествѣ посредника между королемъ и шляхтою, и если онъ вліяетъ на шляхту въ направленіи, желательномъ для короля, то, съ другой стороны, онъ доводитъ до короля тѣ слухи, которые доходятъ до него отъ шляхты, а также ея желанія и требованія [2]). Находясь въ радѣ, при королѣ, воевода можетъ всегда выступить въ защиту обывателей и врядниковъ своего воеводства и повліять на разрѣшеніе имѣющаго значеніе для воеводства дѣла. «Не замолчалъ бы его милость панъ воевода зъ онымъ часомъ передъ королемъ его милостью противъ тому контрадыковати, кгды се тотъ декретъ сталъ» [3])—гласитъ одинъ документъ, и это можетъ сдѣлать воевода не только по своему личному дѣлу, но и въ дѣлахъ воеводства и его обывателей.

Какъ староста своего повѣта, воевода вѣдаетъ и всѣ столовыя земли его, составляющія его воеводство-державу, а какъ глава повѣтовой администраціи, подобно судовому старостѣ, простираетъ свою судебно-административную власть и на остальную территорію повѣта, лежащую за предѣлами его державы. Завѣдуя столовыми землями, воевода передаетъ имѣнія и села, выдѣляемыя изъ нихъ королемъ въ пользу того или другого лица, въ вѣчное или временное владѣніе, въ полную собственность, или на тѣхъ или иныхъ условіяхъ «держанья». Такъ 10 іюня 1569 года въ Люблинѣ было подписано Сигизмундомъ Августомъ приказаніе Жомоитскому старостѣ, Яну Ходкевичу, передать ротмистру князю Лукомскому 15 волокъ «людми оселых» въ Ретовской волости. Ходкевичъ долженъ былъ по королевскому приказу послать въ эту волость своего служебника, который передастъ князю Лукомскому пожалованную ему королемъ землю [4]). Примѣры такихъ пожалованій мы уже видѣли выше не разъ [5]).

---

[1]) Лит Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 9.

[2]) См. выше, стр. 88, 89, прим. 2 и 3. [3]) А. Вил. VI. Стр. 212.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 44 об.—45. Эти земли пожалованы королемъ князю Лукомскому, «жоне, детемъ и потомкомъ его на вечность».

[5]) Стр. 364, прим. 2 и др.

Акты сохранили и примѣры нарушенія воеводами правъ владѣльцевъ волостныхъ земель королевскихъ. 14 августа 1569 года, напримѣръ, былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ листъ [1]) Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, въ которомъ король говорилъ, что «бывшый» воевода Виленскій, земскій маршалокъ и канцлеръ Литовскій, староста Берестейскій и Ковенскій, Николай Радивилъ, «далъ Миколаю Конъчы у войтовстве Виленскомъ у волости Рудоминской 10 волок оселыхъ, сельцо Вишунъцы». Затѣмъ Сигизмундъ Августъ, прежде чѣмъ было дано Виленское воеводство настоящему его воеводѣ, подтвердилъ Кончѣ эту землю «за службы его привилеемъ» своимъ «водле листу пана воеводы Виленского». Послѣ этого Конча «за даниною воеводы Виленского и за потверженем» королевскимъ «в спокойномъ держанью былъ». Но новый воевода Виленскій, двоюродный братъ воеводы, давшаго Кончѣ землю, «не ведати для чого, оную 10 волокъ в него взяти велелъ и за листом и за дворянином» государевымъ, «Костентиномъ Брынъзою, перво сего» королемъ «знову на увезане его в тое сельцо посланымъ, в то его увезати не допустилъ». Конча обратился къ королю съ просьбою защитить его отъ «шкоды», и король послалъ приказаніе Виленскому воеводѣ немедленно передать пожалованное сельцо; въ противномъ случаѣ королевскій посланецъ передастъ его Кончѣ верховною властью государя [2]). Такимъ образомъ авторитетъ воеводы не избавлялъ его отъ обязанности повиноваться королевскимъ приказаніямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ его личными желаніями и разсчетами. Во время съѣзда въ центральномъ городѣ воеводства, будетъ ли это съѣздъ повѣтовый или обще-Литовскій, или

---

[1]) «Листъ до его милости пана воеводы Виленского, ижбы селцо Вешунцы, волок 10 оселых у воеводстве Виленском въ селе (sic) Рудомине, которые ему еще первей сего от его королевское милости было потвержено, подал и поступилъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 67—68.

[2]) «...и прыказуемъ тобе, абы твоя милость тое селцо Вешунцы перед тымъ дворанином нашымъ ему подалъ и поступилъ, проволоки в томъ ему никоторое не чынечы. Естлижъ бы твоя милость и за симъ листомъ и росказанъемъ нашымъ того сельца еще ему поступити не хотел, мы росказали тому дворанину нашому моцю зверхности нашое господаръское в тое сельцо его увезати и в моц и в держанье ему подати. Твоя бы милость, о томъ ведаючы, тому дворанину нашому в томъ противен не был и в тое сельцо его увезати и в моц и в держане ему подати не заборонял и заховался бы твоя милость в том водлугъ сего росканъя (sic) и листу нашого конечъно».

пребываніе короля съ его дворомъ, воевода вмѣстѣ съ великимъ и дворнымъ маршалками, врядниками и становничими вѣдаетъ дѣло отвода квартиръ двору, панамъ-радамъ и врядникамъ, прибывшимъ въ городъ [1]). Онъ это дѣлаетъ, какъ лицо, стоящее во главѣ мѣстной администраціи.

По отношенію къ мѣщанамъ также имѣлъ свое административное значеніе воевода. Конечно, это значеніе было неодинаково по отношенію къ мѣщанамъ городовъ «упривильеваныхъ», т.-е. получившихъ самоуправленіе по Нѣмецкому праву, и къ мѣщанамъ городовъ «неупривильеваныхъ», т.-е. Нѣмецкаго самоуправленія не имѣвшихъ. Послѣдніе были такими же подданными староства воеводы, какъ и сельчане, что же касается первыхъ, то власть воеводы надъ ними ограничивалась даннымъ имъ королевскимъ привилеемъ. Самое «осаживаніе», основаніе новаго города, возникавшаго въ предѣлахъ его воеводскаго округа, совершалъ воевода. Напримѣръ, 29 сентября 1568 года былъ данъ по Владимірскому повѣту королевскій универсалъ, предметомъ котораго было «осажене места в селе Смедине в повете Володимерском» [2]). Въ немъ объявлялось [3]), что «для розмноженья пожитковъ скарбу» государева и земскаго, король поручилъ Волынскому воеводѣ, князю Александру Ѳедоровичу Чарторыйскому «в селе» государевомъ «Смедине, в повете Володимеръскомъ лежачомъ, людми похожыми, не отчизными место осаживати и в нем торгъ в день четверговый и ярмарку один раз в рок то естъ на празникъ ихъ на день святого Крыжа», т.-е. 14 сентября, «установити и везде то объволати казати». Универсаломъ приказывается обывателямъ, чтобы они «не забороняли» приходить «таковымъ людямъ» въ городъ Смединъ и въ немъ «оседати», а точно также не препятствовали бы и «всимъ купцомъ, мешчаномъ и подданымъ своимъ до того места» государева «Смедина до торгу и на ярмарку с куплями их, хто што маеть, доброволне ездити, куповати и продавати».

Особенно интересными являются права воеводы по отношенію

[1]) См. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 3 об. [2]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 32 об.

[3]) «Князем, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, кнегинямъ, паням, старостамъ, державцамъ, врядникомъ нашимъ земскимъ и дворнымъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцомъ и всим подданымъ нашимъ господарьскимъ, князскимъ, паньскимъ и духовных, тымъ, которые именья свои в земли Волынской и в повете Володимерскомъ маютъ...»

къ мѣщанамъ, пользовавшимся Магдебургскимъ самоуправленіемъ, потому что города, которымъ было даровано Магдебургское право, освобождались отъ всякаго присуда и власти воеводъ, кашталяновъ, старостъ, державцевъ, ихъ намѣстниковъ, судей и всякихъ должностныхъ лицъ [1]). А между тѣмъ съ дѣятельностью воеводы, направленною къ урегулированію отношеній между мѣщанами, и съ его различными распоряженіями, касающимися городовъ «упривильеваныхъ», встрѣчаемся нерѣдко [2]). 23 іюня 1593 года на Троицкихъ рокахъ Витебскаго земскаго суда 18 человѣкъ конныхъ Витебскихъ мѣщанъ жаловались суду отъ своего имени и «ото всее братии своее, мещанъ конъныхъ» на мѣщанъ посполитыхъ и на ихъ «помочниковъ» въ томъ, что они не допустили ихъ вступить въ ихъ право вмѣстѣ съ мѣщанами посполитыми «важницу и скриню мескую съ привильями, дворъ гостиный со всими пожытками мескими посполу справовати»; это они сдѣлали, несмотря на то, что мѣщане конные требовали своего права, явившись на городской гостиный дворъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ, гродскими врядниками и слугами воеводы, возным генераломъ [3]), «приданымъ» отъ земскаго суда, и пятью Витебскими шляхтичами. Витебскій намѣстникъ, панъ Тимоѳей Казаринъ, распорядился прочтеніемъ мѣщанамъ черезъ генерала листа, писаннаго отъ воеводы къ посполитымъ мѣщанамъ объ удовлетвореніи требованій мѣщанъ конныхъ, но посполитые заявили: «ижъ его милости, нашого милостивого пана, поважаемъ, але дей васъ, мещанъ конъныхъ, до справованья у важницы, тако же дей у скрини меское и тежъ до двора гостиного и до всякихъ пожытъковъ мескихъ не припущаемъ и до горлъ нашихъ боронити будемъ». Самый листъ Витебскаго воеводы, Николая Сапеги, приведенъ цѣликомъ въ этой справѣ, записанной въ Витебскія земскія книги [4]). Въ немъ воевода говорилъ, что къ нему обратились Витебскіе конные мѣщане съ жалобою на посполитыхъ—послѣдніе де, не соблюдая постановленія, существующаго между обѣими группами Витебскаго мѣщанства, хранимаго уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, одни, безъ

---

[1]) См., нпр., грамоту Баторія на Магдебургское право, данную Могилеву А. З. Р. III. № 77. Бѣлорусскій Архивъ. № 12. О датѣ ея см. выше, стр. 483 прим. 2.

[2]) Ср. А. Вил. XIII, стр. 83—85: Виленскій воевода Левъ Сапега въ 1623 году разъясняетъ отношенія юрисдикцій замковой и мѣстской въ Вильнѣ.

[3]) О возномъ генералѣ см. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6, стр. 274, 275.

[4]) Ист.-Юр. Мат. I. Стр. 328—330.

вѣдома мѣщанъ конныхъ, выбрали войта и, «ихъ отъ справъ скрыны меское, печати поотрывавъшы, сами безъ ихъ воли и ведомости» ведутъ «справы меские» и раздаютъ «вольности меские». О возстановленіи своихъ правъ представители конныхъ мѣщанъ били челомъ воеводѣ въ присутствіи и посланцевъ посполитыхъ. Сапега, «взглянувъши въ справы ихъ», представленныя ему конными мѣщанами и движимый желаніемъ успокоить «ростырки и бунты» между мѣщанами, «тую речъ зостановилъ» такъ: лишь только вернутся конные мѣщане въ Витебскъ изъ Вишничей, гдѣ находился Сапега, и подадутъ листъ воеводы его намѣстнику Витебскому, они сейчасъ же должны быть этимъ последнимъ «припущоны до всякихъ справъ меских, то естъ, до скрини меское. печати и привилеевъ и листовъ, важъницы и двора гостиного зо всими пожытъками». Съ этого времени должны согласно «постановеня стародавняго» вѣдать все это мѣщане конные вмѣстѣ съ посполитыми—изъ 12 выборныхъ для завѣдыванія мѣстскими дѣлами шесть должны быть мѣщанами конными, а шесть посполитыми. Такъ какъ настоящій войтъ выбранъ одними посполитыми безъ участія конныхъ, воевода назначаетъ день для новаго избранія войта, но уже всѣмъ Витебскимъ мѣщанствомъ, а выбраннаго неправильно войта отрѣшаетъ отъ его должности. Въ обезпеченіе исполненія своего распоряженія Сапега наложилъ «на непослушныхъ и противныхъ» ему 3 тысячи копъ грошей «вины» на государя и тысячу—на себя, воеводу. Намѣстнику своему Витебскому Сапега приказалъ не допускать подъ этими «заруками» раздоровъ и безпорядковъ среди мѣщанъ, а если бы изъ ихъ среды оказался «бунтовникъ», который бы «все место бунтовать мелъ», такого намѣстнику Витебскому приказано карать «винами и везеньемъ» [1]). Такимъ образомъ, воевода являлся наблюдающимъ за спокойствіемъ и порядкомъ въ Витебскѣ среди мѣщанъ, владѣвшихъ Магдебургскимъ правомъ: онъ принимаетъ челобитье тѣхъ, чьи права подвергаются нарушенію въ городѣ, и своими административными мѣрами приводитъ городскую жизнь къ нормальному, опредѣленному закономъ и правами теченію. Хотя приведенный сейчасъ фактъ и произошелъ нѣсколькими годами позже окончанія эпохи, подлежащей нашему изслѣдованію,

---

[1]) Вся эта справа, записанная въ Витебскія земскія книги, напечатана въ Ист.-Юр. Мат., I, стр. 324—332. Слѣдующіе документы, напечатанные дальше, являются продолженіемъ того же дѣла.

но за эти годы не было никакихъ коренныхъ измѣненій въ положеніи воеводскаго уряда, такъ что событіе это могло свободно имѣть мѣсто и въ болѣе раннее время.

Статутъ, кромѣ того, даетъ въ руки воеводамъ, какъ и старостамъ съ державцами, надзоръ за мѣрами [1]). Размѣръ бочки, которою мѣрился продаваемый хлѣбъ, былъ опредѣленъ закономъ. Второй статутъ предписываетъ Виленскому воеводѣ, чтобы его врядомъ была вымѣрена бочка, причемъ при этой промѣрѣ долженъ находиться вмѣстѣ съ урядомъ воеводскимъ и урядъ мѣстскій. То же самое должны сдѣлать и остальные воеводы, старосты, державцы и тіуны, также имѣя при себѣ мѣстскіе вряды, тѣхъ городовъ, которые владѣютъ Магдебургскимъ правомъ. Равнымъ образомъ воеводы и старосты вмѣстѣ съ тѣми же мѣстскими урядами обязаны «черезъ врядниковъ своихъ постановенье чинити» и по отношенію къ мѣрѣ и цѣнѣ «шынкованья питья привозного, мушкателы, малмазеи и меду, пива», а также «около ваги и локтя», т.-е. вѣса и мѣры мелочного торга [2]).

По отношенію къ королевскимъ подданнымъ, живущимъ въ предѣлахъ его воеводскаго повѣта-староства, воевода также пользуется властью, равною власти обыкновенныхъ повѣтовыхъ старостъ. Онъ вѣдаетъ населеніе и военно-служилое, и промышленное, и земледѣльческое. Бояре и различные замковые служители находились въ вѣдѣніи воеводы. Въ 1571 г. Сигизмунду Августу жаловались Витебскіе королевскіе бояре, Татарскіе, Сташкевичи и Сидоровичи на Витебскаго воеводу Станислава Николаевича Паца въ томъ, что онъ отдалъ ихъ въ прошломъ 1570 году королевскому ротмистру Валентину Каменскому, а между тѣмъ Витебскіе земяне, шляхта и мѣщане имѣютъ привилей гарантирующій имъ, что ни Витебскій воевода, ни самъ король не будутъ ихъ съ ихъ землями никому дарить, ни отдавать. Спрошенный королемъ прибывшій на Варшавскій сеймъ Станиславъ Пацъ объяснилъ ему, что ротмистръ Каменскій у него выпросилъ боярскія земли «за пустотины», т.-е., представивъ ихъ ему незаселенными пустошами, и воевода «въ неведомости тыхъ прывильевъ вольностей ихъ» эти земли ему отдалъ. Но затѣмъ къ нему явился

---

[1]) II ст. III. 30.

[2]) III-й статутъ еще подробнѣе говоритъ о мѣрахъ и цѣнахъ въ 36 артикулѣ III-го раздѣла. Ср. универсалъ Витебскаго воеводы отъ 10 августа 1596 года, въ которомъ онъ дѣйствуетъ на основаніи этого артикула. Ист. Юр. Мат. XVIII. Стр. 165—166.

Витебскій повѣтовый хоружій вмѣстѣ со шляхтою, боярами и мѣщанами Витебскими, и они показали ему «прывилья и волности», въ силу которыхъ король и воеводы его не могутъ никому отдавать и дарить бояръ государевыхъ, «але волни они именьями, оселостями своими шафовати такъ, яко иная шляхта Витебская». Воеводѣ пришлось, узнавъ о «вольности» бояръ Витебскихъ и о томъ, что ротмистръ «за пусто, не слушне въ него упросилъ», отобрать отъ него и свой листъ—«дату» и королевское подтвержденіе его. Что касается до бояръ, то ихъ Пацъ вновь до «замку» королевскаго «прывернулъ», король же еще разъ подтвердилъ ихъ вольности и права [1]).

Кромѣ бояръ, къ замку для цѣлей его обороны бывали приписаны замковые казаки, панцырные слуги, а также и слуги путные. По даннымъ Полоцкой ревизіи 1552 года, къ Полоцку были приписаны 9 человѣкъ казаковъ «замъку Полоцкого» [2]). Двое изъ нихъ не имѣли земли, а только дома въ городѣ, трое имѣли земли, а четверо обладали и домами, и землями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли землю, данную имъ воеводою Полоцкимъ [3]), другіе сверхъ «даты» воеводы владѣли еще подтвержденіемъ ея королемъ [4]). Затѣмъ Полоцкая ревизія называетъ панцырныхъ слугъ Полоцкаго замка. Они слиты въ описаніи вмѣстѣ съ путными, которые также выставляютъ со своихъ дымовъ то, или другое число коней для земской службы. Списокъ этотъ даетъ довольно яркую картину утраты замкомъ земель, приписанныхъ къ нему на этой военной службѣ. Онѣ переходили въ частную собственность шляхты и врядниковъ путемъ пожалованій, покупокъ и захватовъ. Въ селѣ Кононовичахъ путные люди заявили составителямъ ревизіи, что у двухъ ихъ потужниковъ купилъ

---

[1]) Ист.-Юр. Мат. II. Стр. 221—223 (подтвержденіе Сигизмундомъ III, въ которое вписана грамота Сигизмунда Августа).

[2]) Богданъ Русиновичъ, Опонасъ Плиница, Сергѣй Артемовичъ, Отрохимъ Цветуха, Сопронъ Кондратовичъ, Иванъ Долгій, Костя Артимовичъ, Иванъ Коновка, Иванъ Кострыца.

[3]) «Богдан Русинович маеть землю пустовскую на имю Чурыловщыну за датою пана Станислава Довойны, воеводы Полоцкого, у волости Нещерецкой на службу козацкую. С того конь». Полоцкая Ревизія. Л. 20.

[4]) Нпр., «Опонас Плиница а Сергей Артемович мають домы в месте а к тому им же пан Станислав Довойно, воевода Полоцкий, прыдалъ на службу козацкую тры земли пустовские, на имя Прыстовщыну, Тимоновщыну а Лещынич у Нещерде на Поречи, на што потверженье господаря короля его милости Жыкгимонта Августа мають. С того коня ставить». Ibidem.

землю панъ Станиславъ Глѣбовичъ въ бытность его Полоцкимъ воеводою и отдалъ ее своему служебнику Кривоногу, который «осадилъ» на ней двухъ человѣкъ. Послѣ его смерти земля перешла къ пану Боркулабу Корсаку, а люди, на ней живущіе, не хотятъ уже ни въ чемъ помогать путнымъ села Кононовичъ [1]). Путные люди села Куриловичъ разсказали о покупкѣ Полоцкимъ городничимъ и хоружимъ у ихъ предка земли, съ которой также не идетъ никакой помощи путнымъ въ отбываніи ихъ повинностей [2]). Путные люди и села Забелья также заявили о выслугѣ и покупкѣ земель покойнымъ Полоцкимъ городничимъ [3]). Встрѣчались и случаи владѣнія шляхтою землями путныхъ людей, въ которыхъ имѣлъ мѣсто самовольный захватъ, хотя владѣлецъ и старался привести законное основаніе для своего владѣнія [4]). Въ описаніи имѣній шляхты также въ изобиліи встрѣчаются примѣры перехода къ шляхтичамъ земель путныхъ людей и бояръ [5]). Итакъ, воевода, какъ староста своего повѣта, вѣдалъ приписанныхъ къ замку военно-служилыхъ людей. Населеніе мѣстское, т.-е. населеніе городовъ и мѣстечекъ, лежащихъ въ предѣлахъ его повѣта также под-

---

[1]) «Село Кононовичы, люди путные Сои дымов сем а сябръ одинъ. С того села на господаря его милости бобровщыны прыходить 15 грошей шырокихъ. На стан Курыловский стацею и подводы дають. Сторожом замковым одинъ грошъ шырокий. Ку служъбе земской коня ставять. Поведили тые Сои, иж дей пан Станислав Глебович, будучы воеводою Полоцким, купил землю в их потужников, у Василя а у Ивана Свинчычов, которыи имъ того коня выправовати помагали и вси повиноватости полнили. Скупившы тую землю, отдал служебънику своему Остафъю Крывоногу. Тотъ Крывоногъ на той земли осадил два чоловеки. По смерти Крывонога держыть пан Борколабъ Корсак, а тым Соям жадной повиноватости помагати не хочуть». Полоцкая Ревизія. Л. 22 об.

[2]) «Поведили тые Курыловляне, иж городничый Полоцкий пан Василей а хоружый Полоцкий пан Иван купили в продка ихъ Грыдюшъка земълю, а тепер они с тое земли им тыхъ повинностей помагати не хочуть». Ibidem. Л. 23.

[3]) «Поведили тые Забеляне, иж которые села небощык пан Иван, городничый выслужыл на государьи его милости славное памети короли Жыкгимонте, Ореховно, Загатье, Солонеевичы, Прозороки, Санники, в которых менили быти со полтораста подымя». Ibidem. Л. 23 об.

[4]) Люди путные села Щапильна заявили: «иж село Могинно люди путные, которыи, нет ведома в который обычай, держыть земенин земли Полоцъкое Иван Яцъкович, которые дей ку службе земской тры кони ставливали и бобровщызну плачывали. А Иван Яцъкович тое село менил быти выслугою своею на господарьи его милости славное памети Жыкгимонте». Ibidem. Л. 21.

[5]) Нпр., ibidem л. 42, 42 об., 44 об., 60 об., 61 и др.

лежало его завѣдыванію, какъ и земледѣльческое населеніе повѣта-староства. Онъ былъ старостою въ повѣтѣ и распоряжался и дѣйствовалъ въ его предѣлахъ съ совершенно тѣми же правами и властью, которыя мы уже видѣли, когда знакомились съ положеніемъ старостъ Княжества [1]). Воевода имѣлъ свое пребываніе въ замкѣ своего воеводства; но нельзя и думать о томъ, чтобы онъ не только постоянно, безвыѣздно, но даже по очень долгу жить въ главномъ городѣ своего воеводства. Съ одной стороны собранія сената и порученія, налагаемыя на него королемъ, посылающимъ его въ коммиссіяхъ, съ другой—староства, державы и различные уряды, которые совмѣщалъ воевода со своею воеводскою должностью, постоянно отзывали его изъ его воеводства; къ этому нужно прибавить обширныя собственныя имѣнія, разбросанныя по разнымъ повѣтамъ Княжества. Ясно что мы менѣе всего имѣемъ право представлять себѣ пребываніе воеводы на его урядѣ съ постояннымъ отправленіемъ его обязанностей по воеводству. Даже сеймикъ заставалъ иногда воеводу не въ его воеводствѣ [2]). Но какъ бы то ни было въ замкѣ находился рядъ построекъ, предназначенныхъ для воеводы, его семьи и слугъ. Такъ, въ Полоцкомъ замкѣ по ревизіи 1552 года находились шесть домовъ, назначенныхъ для жительства воеводы и при нихъ рядъ домовыхъ, хозяйственныхъ построекъ [3]).

Очень часто не находясь на своемъ воеводскомъ посту, воевода необходимо долженъ былъ имѣть своего намѣстника, кото-

---

[1]) Стр. 279 и сл.

[2]) Примѣры, которые мы можемъ привести, относятся къ концу XVI-го и къ XVII-му столѣтіямъ. На Берестейскомъ сеймикѣ 1596 года находился Николай Сапега, воевода Витебскій (А. Вил. II. Стр. 154), на сеймикѣ того же повѣта въ 1634 году—Ярошъ Воловичъ, староста Жомоитскій (А. Вил. II. Стр. 170), на Виленскомъ сеймикѣ 1671 года—Григорій Подберезскій, воевода Смоленскій (А. Вил. VIII. Стр. 340), на сеймикѣ того же повѣта въ 1698 году—Стефанъ Курчъ, воевода Берестейскій (А. Вил. VIII. Стр. 345).

[3]) «Будоване замковое в Полоцъку, где воевода мешъкаеть—на первей домъ на подклете, светлица великая зъ сеньми и зъ кганъкомъ; другий домъ ветена замковой на городнях светлочъка, комора и сень зъ кганком; третий дом на подклете, комора и сеньє; четверты дом на подклете, светлочка а сень; пятый домок на подклете, светлочка, комора а сень згнила; шостый дом новый на подклете, светлицы две, комора а сень, еще печей и коменков нет; пивница а на ней схoване; кухъня пекарня зъ сенями; стайня рубаленая, а за двором лазня (у воротъ замъковых к великому посаду клет королевская, в которой жыто, спижа бывала; тая клет ничемна, згнила; спижы до тог замку...» Полоцкая Ревизія. Л. 5 об.—6.

*

рый бы завѣдывалъ текущими дѣлами воеводскаго повѣта, находясь въ полной зависимости отъ воеводы и ведя дѣла подъ его непосредственною властью. Статутъ прекрасно знаетъ намѣстниковъ воеводъ и старостъ. Королевскія грамоты также постоянно говорятъ о намѣстникахъ, къ которымъ обращаются приказанія короля въ случаѣ «небытности» воеводъ и старостъ въ ихъ воеводствахъ и староствахъ. Намѣстникъ назначался самимъ воеводою [1]): это былъ его слуга, волею своего пана обращавшійся во врядника. Король не зналъ утвержденія намѣстниковъ, и уже это одно говоритъ о характерѣ ихъ власти и значенія въ повѣтовой администраціи. Намѣстникъ—викарій воеводы или старосты, ими назначаемый, но ими же и смѣняемый, въ случаѣ недовольства, не имѣющій власти по вряду, но лишь по порученію своего господина. Иногда своимъ намѣстникомъ воевода дѣлалъ кого-либо изъ шляхтичей, или даже земскихъ врядниковъ своего повѣта. Такъ, намѣстникомъ Виленскаго воеводы въ 1577 году въ Вильнѣ былъ Янъ Абрамовичъ, войскій Виленскій [2]). Но постъ намѣстника имѣли право занимать не всѣ повѣтовые врядники: члены земскаго суда повѣта, не имѣли на это права [3]).

Положеніе воеводы, какъ врядника-сенатора, стоящаго во главѣ цѣлаго воеводства по своему земскому значенію и во главѣ центральнаго повѣта его по своему значенію судебно-административному, требовало и извѣстнаго внѣшняго блеска и пышности въ образѣ его жизни [4]). Число слугъ и обстановка жизни воеводы должны были соотвѣтствовать его высокому положенію въ сенатѣ и въ воеводствѣ. Матеріальныя средства

---

[1]) Одинъ документъ, внесенный 24 іюня 1596 года въ Витебскія земскія книги, очень хорошо рисуетъ назначеніе воеводою намѣстника. Витебскій воевода, явившись лично передъ земскій судъ своего повѣта, «оповедати то рачылъ», что онъ «по отеханью своемъ отсюль з Витебъска» оставилъ на своемъ воеводскомъ мѣстѣ «зацного и родовитого человека, пана Юрка Войну Ромейка до прибитья своего». Однако Ромейко сложилъ затѣмъ съ себя намѣстничество. Тогда воевода свое Витебское намѣстничество отдалъ пану Миколаю Яновичу Деражинскому, говоря: «абы и онъ без бытности моее не только абы справы судовые поветовые и местские Витебъские, яко на наместникы врадъ...» (документъ прерывается) Ист.-Юр. Мат. XX. Стр. 468—469.

[2]) А. Вил. XX. № 28. Тотъ же документъ изданъ въ А. Вил. VIII (стр. 405—411). Абрамовичъ же былъ намѣстникомъ не только въ 1577 году, но вообще около этого времени. А. Вил. XX. № 27 (1576 г.).

[3]) См. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 6. Стр. 268, 269.

[4]) Ср. также расходы на похороны Витебскаго воеводы въ 1599 году. Вил. Арх. Сб. IV. Стр. 306--308.

воеводы слагались изъ его доходовъ: 1) съ имѣній, принадлежавшихъ ему, какъ частному лицу, 2) со староствъ и державъ и пожалованій королевскихъ и 3) изъ доходовъ по его воеводскому уряду. Собственныя имѣнія воеводы бывали обыкновенно весьма значительны. До воеводскаго кресла возвышался обыкновенно панъ, который могъ оказаться не слишкомъ уже отличающимся по своимъ матеріальнымъ средствамъ отъ старинной Литовской аристократіи, занимавшей издавна сенаторскія кресла. Ссуды скарбу дѣлали сенаторы вообще и воеводы въ частности въ цѣлыя тысячи копъ Литовскихъ грошей—сумма, размѣръ которой по условіямъ жизни того времени намъ станетъ особенно понятенъ, если мы вспомнимъ цѣны эпохи, хотя бы цѣну работы годового работника, которая была около копы [1]). Мы видѣли выше и тѣ «почты», которые были въ состояніи выставлять Литовскіе вельможи [2]). Знаемъ мы также и о доходахъ которые приносили воеводамъ пожалованныя въ ихъ завѣдываніе староства и державы [3]), а также и аренды мытъ, которыя они иногда получали [4]). Теперь мы должны лишь изложить тѣ доходы, которые воеводѣ давала собственно его воеводская должность. Эти доходы составлялись прежде всего изъ тѣхъ платовъ, которые шли на воеводу съ земель, приписанныхъ къ замку. Мы можемъ довольно отчетливо видѣть эти доходы на примѣрѣ Полоцкаго воеводства по даннымъ ревизіи 1552 года. Нужно лишь имѣть въ виду два обстоятельства, измѣнившія цифры этихъ доходовъ Полоцкаго воеводы: 1) уставу на волоки и 2) отторженіе ряда Полоцкихъ земель послѣ 1552 года Москвою, такъ какъ, хотя эти земли потомъ и были возвращены Баторіемъ, но уже, разумѣется, въ измѣненномъ экономическомъ состояніи и съ другою населенностью, чѣмъ это было во время составленія ревизіи. Такимъ образомъ, не претендуя на ариѳметическую точность картины доходовъ одного изъ воеводствъ, мы дадимъ читателю перечень воеводскихъ доходовъ. Полоцкое воеводство и впослѣдствіи представляло изъ себя одинъ повѣтъ, и мы рѣшаемся дать читателю перечень доходовъ Полоцкаго воеводы въ 1552 году предупредивъ, какъ нужно пользоваться приводимыми цифрами для того, чтобы представить себѣ хотя въ самыхъ общихъ чертахъ размѣры доходовъ воеводы эпохи послѣ 1569 года. Доходы эти

[1]) См. выше, стр. 451. [2]) См. выше, стр. 170.
[3]) См. выше, стр. 283 и сл. [4]) См. выше, стр. 489.

прежде всего шли съ Полоцкихъ мѣщанъ. Мѣщанъ, находившихся «под прысудом права Майдабурского» числилось 1.487 человѣкъ, всѣхъ вмѣстѣ, т.-е. «господарских, князких, панских, земянских и духовных» [1]). Доходы съ нихъ шли и на государя [2]), и на воеводу. Въ пользу послѣдняго поступали слѣдующіе сборы. Прежде всего такъ называемая «явка», а именно «от гостей прыеждчых явки з головы по два грошы шырокихъ», а если бы привезенныхъ возовъ оказалось больше, чѣмъ головъ, то по 2 широкихъ гроша съ каждаго воза. Кромѣ того, «с тых же гостей» шло на воеводу «от всякого железа»—отъ сковородъ, топоровъ, лемешовъ, а также отъ мяса, масла, сыровъ и другихъ «стравных речей» тридцатая часть и еще «от фасы, то ест отъ полти сечы кос» по 30 широкихъ грошей. «А коли с Полоцка назад Москвичы водою до земли Московское идуть, тогды с кождого струга по 30 грошей шырокихъ». Помимо этого дохода на воеводу шло еще мыто, собираемое его мытникомъ [3]). Онъ получалъ также половину «вымелъковъ», которые давалъ «млынъ» замковый, находившійся на рѣкѣ Полотѣ [4]). Съ жителей, приписанныхъ къ замку и его волостямъ, на воеводу шли также опредѣленные доходы. Съ казаковъ и людей панцырныхъ и путныхъ замковыхъ получались два пуда меду ежегодно, да тѣ же люди платили воеводину подорожнику 2 копы и 25 грошей широкихъ [5]), да его кидничему 3 ½ Литовскихъ гроша [6]). Псарцы Полоцкаго замка, которыхъ было два села, выплачивали воеводѣ «овъса десеть четьвертокъ, каждая по две солянки, а полкопы грошей шырокихъ» [7]).

Въ привилеяхъ на воеводство королемъ жалуется воеводскій урядъ съ правомъ, какъ они говорятъ отъ имени государя, «местце в лавицы рад наших заседати, всякое учстивости, владности и моцы и тежъ пожитков воеводства оного (Браславского и Веницкого), от насъ наданых уживати ..» [8]).

---

[1]) Полоцкая Ревизія. Л. 11. [2]) Ibidem. Л. 11—11 об.

[3]) «К тому мыто на Сари на пана воеводу...» Ibidem. Л. 12.

[4]) Ibidem. Л. 12 об.

[5]) Грошъ широкій былъ больше гроша Литовскаго. Литовскій грошъ равнялся 10 пенезямъ, а широкій—14-ти. См. ibidem, л. 25 («12 грошей шырокихъ чынить Литовских—16 грошей и 8 пенезей»).

[6]) Ibidem. Л. 25. [7]) Ibidem. Л. 25 об.

[8]) «Привилей князю Роману Санкгушку на воеводство Браславское и Веницкое». Дата: Люблинъ, 1566 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 3 об.—4 об.

Кромѣ доходовъ, получаемыхъ съ замковыхъ земель и торговли, воеводы имѣли еще доходы, которые давались правительственною властью въ замѣну земель, по той или другой причинѣ отобранныхъ отъ ихъ воеводствъ. Такъ, Троцкій воевода, князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій «писалъ и присылалъ» къ королю Стефану Баторію на Торунскій сеймъ «о том, иж дей на воеводство Троцкое от протков» государевыхъ, «королей Полских и великих князей Литовскихъ, за доходы волости Упитское, от воеводства Троцкого до столу» государева «приверненые, есть поступлено» изъ скарба по 700 копъ Литовскихъ грошей «воеводе Троцкому платити» [1]). Сохранился въ Метрикѣ также листъ-предписаніе отъ Сигизмунда Августа земскому подскарбію выдавать этотъ юргельтъ, пожалованный Троцкому воеводѣ [2]). Юргельты вообще считались въ числѣ доходовъ нѣкоторыхъ воеводъ. Такъ, въ Торунѣ 27 декабря 1576 года былъ данъ Баторіемъ «привилей пану Миколаю Дорогостайскому, воеводе Полоцкому, на юркгельтъ в кождый год по триста коп грошей Литовъскихъ» [3]). Иногда воеводы получали отъ короля право держать корчму, что также служило источникомъ ихъ доходовъ [4]). Получали воеводы доходы и съ державъ и староствъ, жалуемыхъ имъ королемъ, или закладываемыхъ въ «сумахъ пенезей», вносимыхъ воеводами въ видѣ ссуды въ скарбъ [5]). Это владѣніе воеводъ староствами и державами сдѣлалось настолько обычнымъ, что мы не можемъ привести примѣра воеводы, который не имѣлъ бы державы, или староства.

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. 36.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 1 об., 2. Дата: Городна, 18 марта 1566 года.

3) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{63}$ л. 159 об.—160.

4) Нпр., листъ «князю Роману Санкушку о корчму у Веницы при дворе Кмитинском.—Жикгимонт Августъ Божью милостью корол Полский etc. Ко всимъ земяномъ и мещаномъ нашимъ Веницкимъ. Дозволили есмо воеводе Браславскому, старосте Житомирскому, князю Роману Федоровичу Санкгушковича, при дворе нашомъ Кмитинскомъ, у Веницы лежачомъ, который его милость от насъ держыть, корчму постановити. Вы бы о томъ ведали и, яко сами, такъ подъданые ваши добровольне в той корчме трунъковъ собе брали и тамъ их уживали. Писанъ у Люблине». 27 іюля 1566 года. «Подписъ руки господарьское. Базылиусъ Древинский писарь». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 8 об., 9.

5) См. выше, стр. 269, прим 1.

Но помимо всѣхъ этихъ доходовъ, опредѣленныхъ правительственною властью, въ сундукъ воеводы поступали и доходы совершенно другого характера. Это были подарки, дѣлаемые ему обывателями отчасти въ силу обычая, отчасти въ силу необходимости искать покровительства и защиты воеводы, какъ сильнаго вельможи, отъ опасностей, грозящихъ со стороны властей. Пріѣздъ воеводы въ какой-нибудь городъ, даже иногда не его административнаго округа, сопровождался поднесеніемъ ему весьма цѣнныхъ подарковъ [1]). Акты сохранили свѣдѣнія о томъ, что даже одинъ изъ богатѣйшихъ вельможъ эпохи, Виленскій воевода Криштофъ Радивилъ, за ходатайство передъ королемъ въ интересахъ Виленскаго типографщика Луки Мамонича, получилъ въ 1588 году обѣщаніе послѣдняго доставлять ему ежегодно по три бочки хорошаго вина и по одной бочкѣ мальвазіи [2]). Все это было въ духѣ времени и не представлялось ни предосудительнымъ, ни обиднымъ для самолюбія вельможи. По своему положенію сенатора, воевода получалъ различныя королевскія порученія, придававшія ему еще бо́льшій авторитетъ, но съ этими порученіями познакомимся ниже, когда будемъ говорить о значеніи врядниковъ-сенаторовъ, какъ радныхъ пановъ, а не какъ врядниковъ того или другого отдѣльнаго уряда. Ниже увидимъ болѣе обстоятельно и значеніе ходатайствъ передъ королемъ сенаторовъ, а какъ таковыхъ, и воеводъ, но теперь мы должны замѣтить, что ходатайство воеводы не могло не быть особенно цѣннымъ тѣмъ болѣе, что онъ иногда къ своему голосу присоединялъ и голоса обывателей своего воеводства. Такъ, въ 1562 году Полоцкая архіепископія была отдана Сигизмундомъ Августомъ иноку Арсенію Шишкѣ «за писаньемъ и жеданьемъ воеводы Полоцкого и за чоломбитьемъ бояръ, шляхты и мѣщанъ, всего поспольства земли Полоцкое» [3]).

Второе мѣсто послѣ воеводы занималъ въ воеводствѣ кашталянъ. Оба они были панами-радами воеводства, его представителями въ сенатѣ, но ихъ значеніе и въ радѣ и въ воеводствѣ было неодинаково. Если въ сенатѣ голосъ кашталяна иногда и могъ быть не менѣе авторитетнымъ, чѣмъ голосъ воеводы, то

[1]) См. приходо-расходныя книги Могилева, изданныя въ Ист.-Юр. Матеріалахъ. Нпр. II, стр. 41 и сл.

[2]) Вил. Арх. Сб. VII. Стр. 58—59.

[3]) А. З. Р. III. № 30. Ср. содѣйствіе Новгородскаго воеводы Павла Сапеги въ дѣлахъ митрополита къ королю. А. З. Р. III. № 18.

это было результатомъ личнаго значенія лица, занимавшаго каштalянію, притомъ соединявшаго съ нею нерѣдко другіе весьма вліятельные уряды. Конечно голосъ Яна Еронимовича Ходкевича, соединявшаго съ Виленскою кашталяніею врядъ старосты Жомоитскаго, администраторство и гетманство Лифляндіи, земское маршалковство, не говоря уже о староствахъ и державахъ, ему принадлежавшихъ, былъ въ сенатѣ нисколько не слабѣе голоса Виленскаго воеводы Николая Радивила. Но это могло быть лишь въ радѣ. Въ предѣлахъ воеводства вся административная власть центральнаго повѣта [1]) и извѣстное значеніе по отношенію къ остальнымъ повѣтамъ воеводства лежали въ рукахъ воеводы и для кашталяна изъ нихъ ничего уже не оставалось. Значеніе кашталяна въ воеводствѣ выступаетъ лишь во время посполитаго рушенья. Но разсмотримъ сначала тѣ взгляды на врядъ кашталяна, которые высказаны въ литературѣ. Это лучше всего введетъ насъ въ ознакомленіе съ дѣятельностью этого врядника сенаторскаго стана. Порай-Кошицъ [2]) раздѣляетъ кашталяновъ на высшихъ и низшихъ. Ссылаясь на Бандтке, онъ приводитъ значеніе слова castellum, какъ города, крѣпости, замка, укрѣпленнаго города. Кашталянъ такимъ образомъ, по опредѣленію Порай-Кошица, былъ комендантомъ замка. «Какъ помощники воеводъ», говоритъ цитируемый авторъ далѣе, «кастеляне раздѣляли занятія ихъ по военной части и по части земскаго управленія, были судьями уголовныхъ дѣлъ и предсѣдателями на сеймикахъ, а въ случаѣ отсутствія воеводъ вступали въ управленіе ихъ должности». Кашталяны высшаго и низшаго разряда различались, по словамъ Порай-Кошица, своимъ значеніемъ: «первые, подъ главнымъ начальствомъ воеводъ, управляли областью или воеводствомъ (castellani provinciales) и посему въ гражданской іерархіи непосредственно слѣдовали за воеводами и рядомъ съ ними засѣдали въ сенатѣ, а послѣдніе—завѣдывали однимъ только городомъ и принадлежащимъ къ нему округомъ или уѣздомъ (castellani territoriales), въ сенатѣ же составляли второй рядъ сенаторовъ и назывались некресловыми кастеллянами, потому что сидѣли въ сенатѣ позади воеводъ, на скамьяхъ». Это изображеніе кашталянскаго уряда страдаетъ цѣлымъ рядомъ ошибокъ. Мы не ста-

[1]) Конечно, какъ мы уже видѣли, это было только въ центральныхъ повѣтахъ старыхъ воеводствъ.

[2]) *Порай-Кошицъ*. Ист. р. о Лит. дв. Стр. 41—42.

немъ входить въ разборъ его, какъ изложенія значенія и положенія Короннаго кашталянства, но какъ разсказъ о врядѣ кашталяна Литовскаго, оно не можетъ быть принято ни въ какомъ случаѣ. Прежде всего Литовскій сенатъ не знаетъ раздѣленія кашталяновъ на высшихъ и низшихъ. Всѣ Литовскіе кашталяны въ спольномъ Польско-Литовскомъ сенатѣ находились въ ряду кашталяновъ высшихъ (kasztellani większi), а двое изъ нихъ—Виленскій и Троцкій—даже въ ряду воеводъ [1]). Комендантами замковъ также нельзя считать кашталяновъ Литовскихъ, такъ какъ врядъ ихъ не былъ вовсе достояніемъ всѣхъ замковъ Литовскихъ, притомъ не былъ достояніемъ цѣлаго ряда пограничныхъ, т.-е. имѣвшихъ наибольшее значеніе замковъ, въ которыхъ начальствовали старосты и ротмистры. Объ управленіи кашталянами воеводствами «подъ главнымъ начальствомъ воеводъ» также не можетъ быть и рѣчи, ибо это управленіе находилось въ центральныхъ повѣтахъ старыхъ воеводствъ въ рукахъ самихъ воеводъ и ихъ намѣстниковъ, а въ остальныхъ повѣтахъ—въ рукахъ старостъ и ихъ намѣстниковъ, подстаростъ. Не можетъ быть рѣчи и объ уголовномъ судѣ кашталяновъ, такъ какъ судъ по уголовнымъ преступленіямъ принадлежалъ гродскому суду повѣтовому и его врядникамъ. Что касается до председательства на сеймикѣ, то дѣйствительно кашталянъ могъ явиться председателемъ на немъ, но вовсе не по своему кашталянскому вряду и въ силу его обязанностей, а просто въ силу своего авторитета и старшинства между сеймикующею шляхтою. При этомъ кашталяны далеко не всегда и присутствовали на сеймикахъ своихъ повѣтовъ [2]).

Вторымъ мнѣніемъ, высказаннымъ о кашталянахъ Литовскихъ, которымъ мы займемся, является мнѣніе И. Д. Бѣляева [3]). По словамъ покойнаго изслѣдователя, учрежденіе должности кашталяновъ не многимъ опередило время изданія перваго Литовскаго статута, т.-е. 1529 годъ. Въ Литвѣ кашталянъ «не только былъ непосредственнымъ начальникомъ гарнизона, но и второстепеннымъ предводителемъ всей мѣстной шляхты во время похода».

---

[1]) Vol. leg. II. Str. 93.

[2]) Нпр., на Берестейскомъ сеймикѣ избирательномъ-трибунальскомъ 1634 года присутствовали кромѣ Берестейскаго кашталяна кашталяны Виленскій и Новгородскій, не бывшіе такимъ образомъ на сеймикахъ своихъ воеводскихъ повѣтовъ. А. Вил. II. Стр. 170.

[3]) Разсказы изъ Русской исторіи. М. 1872. Стр. 384—388.

Были кашталяны только въ тѣхъ областяхъ, которыя управлялись воеводами, и являлись «собственно помощниками и товарищами воеводъ и въ ихъ осутствіе временно заступали ихъ мѣсто». Въ числѣ обязанностей кашталяна было прежде всего «смотрѣніе за исправностью укрѣпленій, состоящихъ въ его вѣдѣніи». Затѣмъ, «какъ военачальникъ, онъ преимущественно завѣдывалъ военными людьми, состоящими на жалованьи, или наемными; но тѣмъ не менѣе на его обязанности лежало собирать въ походъ всю мѣстную шляхту и вести ее на сборное мѣсто и передавать воеводѣ, а иногда онъ и самъ въ походѣ занималъ мѣсто воеводы». Кромѣ военныхъ дѣлъ, кашталяну, по словамъ Бѣляева, принадлежали и судебныя обязанности: «кастелянъ, подобно маршалку, былъ высшимъ судьею, когда тяжущіяся были не довольны судомъ подкоморія». Бѣляевъ говоритъ, что нѣтъ пока извѣстій о томъ, вѣдалъ ли кашталянъ и другія судебныя дѣла, «но по всему вѣроятію, кастелянъ завѣдывалъ всѣми судебными и административными дѣлами, когда онъ заступалъ мѣсто отсутствующаго воеводы, или когда ему самому поручалось какое-либо староство, данное какому-либо воеводѣ, который тамъ не жилъ, а получалъ только съ даннаго староства доходы». Бѣляевъ не знаетъ, получалъ ли кашталянъ доходы по своему вряду, но онъ говоритъ: «кажется должно признать, что кастеляну за его кастелянскую службу всегда назначалось какое-либо староство или державство, какъ источникъ опредѣленнаго дохода». Наконецъ, въ заключеніе, изслѣдователь признаетъ, что «кастеляны въ Литовскомъ княжествѣ до Люблинской уніи, имѣли далеко не то значеніе, какое они получили послѣ Люблинской уніи, слѣдуя Польскимъ порядкамъ». Мнѣніе И. Д. Бѣляева заслуживаетъ особенно тщательнаго разбора: и мѣсто въ ряду научныхъ дѣятелей, и авторитетъ покойнаго изслѣдователя, и значеніе, которое имѣетъ IV томъ его «Разсказовъ» въ Русской исторической литературѣ, какъ до самаго недавняго времени [1]) единственный, стройный и захватывающій въ своемъ изложеніи очень много предметовъ трудъ по внутреннему строю великаго княжества Литовскаго, заставляютъ это сдѣлать, а потому мы и привели его мнѣніе почти все его собственными словами. Но и мнѣніе Бѣляева не можетъ быть признано правильнымъ ни въ общемъ, ни въ деталяхъ своихъ.

---

[1]) До появленія въ печати труда *М. К. Любавскаго.* Литовско-Русскій сеймъ. М. 1901.

Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ представленія о времени возникновенія кашталянства въ Литвѣ все почти ошибочно въ этомъ мнѣніи. Первыя кашталяніи въ Княжествѣ возникли въ 1413 году, т.-е. за сто слишкомъ лѣтъ до изданія перваго Литовскаго статута. Городельскій привилей, создавшій въ Литвѣ первыя воеводства—Виленское и Троцкое,—создалъ и кашталянства въ этихъ воеводствахъ [1]), и паны, или кашталяны Виленскій и Троцкій часто упоминаются актами времени послѣ Городельскаго привилея [2]). Несомнѣнно вѣрнымъ нужно признать то, что кашталяны были лишь въ тѣхъ областяхъ, которыя имѣли и воеводъ, но нельзя согласиться, какъ это мы уже видѣли при разборѣ мнѣнія Порай-Кошица, что кашталяны замѣняли воеводъ во время отсутствія послѣднихъ изъ воеводствъ; для такой замѣны существовали воеводскіе намѣстники, да сверхъ того кашталяны и не могли служить такимъ замѣнамъ, такъ какъ ихъ отлучки для сеймовъ и радъ государевыхъ происходили одновременно съ отлучками воеводъ для тѣхъ же самыхъ цѣлей. Завѣдываніе городскими укрѣпленіями находилось въ рукахъ городничихъ, а не кашталяновъ [3]), а наемными войсками командовали ротмистры и гетманы. Высшимъ судьею по апелляціоннымъ жалобамъ на судовыя разбирательства подкоморія кашталянъ былъ также не по своему уряду: онъ высылался въ качествѣ коммиссара королемъ и дѣйствовалъ такимъ образомъ, какъ коммиссаръ, а вовсе не какъ кашталянъ. Самъ 70-й артикулъ IV-го раздѣла статута 1566 года, на который ссылается Бѣляевъ, совершенно ясно говоритъ объ этомъ; вообще судъ кашталяна имѣлъ мѣсто въ обычное время лишь тогда, когда онъ получалъ «коммиссію», т.-е. высылался въ качествѣ коммиссара вмѣстѣ съ другими членами коммиссіи, назначаемыми, какъ и онъ, спеціально на каждое отдѣльное дѣло королемъ. О приписанныхъ къ кашталянствамъ староствахъ и державахъ не можетъ быть и рѣчи: ихъ не было и староства и державы жаловались самымъ различнымъ сенаторамъ и врядникамъ безъ всякаго пріурочиванія тѣхъ или другихъ державъ или староствъ къ одному какому-нибудь уряду. Ту державу, которую держалъ кашталянъ, могъ получить послѣ смерти владѣльца, совсѣмъ не его преемникъ по кашталянству. Кромѣ

---

[1]) Vol leg. I. Str. 30. Документы, объясн. ист. З.-Р. края и его отн. къ Р. и къ П. Стр. 12.

[2]) Нпр., А. Ю. и З. Р. I, №№ 27, 28 и др.

[3]) См. выше, стр. 333, 338.

того, повышаясь по іерархической лѣстницѣ врядовъ Княжества, врядники сохраняли свои староства и державы, вовсе и не думая передавать ихъ своимъ преемникамъ по оставляемымъ врядамъ. Нельзя согласиться и съ утвержденіемъ Бѣляева, что послѣ Уніи въ положеніи каштеляновъ произошла какая-то радикальная перемѣна,—Люблинская Унія отнюдь не внесла измѣненій въ мѣстное значеніе ни одного Литовскаго вряда. Перемѣны въ мѣстномъ значеніи и компетенціи Литовскихъ областныхъ урядовъ создавались эпохою середины шестидесятыхъ годовъ, создавшей второй Литовскій статутъ. Что касается до роли кашталяна во время посполитаго рушенія, то онъ не собиралъ шляхту (притомъ своего повѣта, а не цѣлаго воеводства), а принималъ ее отъ хоружія центральнаго повѣта, собиравшаго ее и приводившаго къ кашталяну, какъ принимали повѣтовые маршалки шляхту своихъ повѣтовъ отъ ея хоружихъ [1]). Кашталянъ не замѣнялъ воеводу во время мира, да и какъ онъ могъ это дѣлать, занимая обыкновенно еще другіе вряды, бывая иногда одновременно кашталяномъ одного воеводства и воеводою другого [2])? Конечно, естественно, ожидать, что если не было во время рушенья воеводы на мѣстѣ, кашталянъ становился во главѣ шляхты воеводства, какъ единственный панъ-рада его во время отсутствія воеводы, но статутъ знаетъ лишь, что кашталянъ можетъ замѣнять воеводу въ судѣ во время рушенья, пока воеводская шляхта не достигнетъ гетманской ставки [3]).

Гораздо осторожнѣе поступилъ въ дѣлѣ характеристики кашталянскаго вряда К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, который просто опредѣлилъ кашталяновъ, какъ помощниковъ воеводъ, не входя въ подробное изложеніе ихъ дѣятельности и компетенціи [4]). Но слишкомъ короткое, это опредѣленіе не даетъ читателю сколько-нибудь яснаго представленія о характерѣ кашталянскаго вряда.

---

[1]) II ст. II. 6. См. выше, стр. 540.

[2]) Нпр., Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ былъ кашталяномъ Виленскимъ и въ то же время старостою Жомоитскимъ.

[3]) II ст. II. 6.

[4]) Русская исторія. Томъ второй. Выпускъ первый. СПБ. 1885. Стр. 61. Указывая на ошибку И. Д. Бѣляева въ пріуроченіи времени появленія кашталяновъ въ Литвѣ къ эпохѣ статута 1529 года, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ объ упоминаніи кашталяній привилеемъ Ягайлы 1387 года. Но въ этомъ привилеѣ слово *castelania*, по всей вѣроятности, означало лишь округъ, область, во главѣ которой стоитъ замокъ, а совсѣмъ не кашталянство въ томъ смыслѣ, въ которомъ хочетъ понимать его покойный ученый.

Обращаясь къ Польской литературѣ исторіи права Речи Посполитой, мы встрѣчаемъ трактованіе и Польскихъ, и Литовскихъ кашталяновъ вмѣстѣ, съ однѣми и тѣми же чертами и характеристикою вряда, чего не должно бы было быть ввиду отличій, существовавшихъ между кашталянами Литовскими и ихъ Коронными товарищами. Тутъ уже прежде всего бросается въ глаза существованіе въ Коронѣ кашталяновъ большихъ и меньшихъ, совершенно неизвѣстное Княжеству. Отдѣльно мы остановимся лишь на мнѣніи Вольфа въ его трудѣ «Senatorowie i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego». Онъ говоритъ [1]), что въ Литвѣ кашталянскій урядъ былъ учрежденъ для увеличенія числа сенаторовъ. Кашталяны, по мнѣнію Вольфа, бывали замѣстителями воеводъ, а обязанностью ихъ собственнаго вряда было предводительство надъ войскомъ округа. Слова Вольфа о причинѣ учрежденія кашталяній въ Княжествѣ могутъ быть приняты цѣликомъ — они, какъ увидимъ, прямо подтверждаются источниками. Что же касается до замѣстительства воеводы и предводительства надъ войскомъ округа, то слова нашего автора должны приниматься съ нѣкоторыми ограниченіями. Кашталянъ являлся замѣстителемъ воеводы лишь въ его авторитетѣ, какъ сенатора воеводства, около котораго группируются врядники и обыватели воеводства, но онъ не былъ замѣстителемъ воеводы въ его административной и судебной дѣятельности, такъ какъ для этого каждый воевода имѣлъ своего намѣстника, который и стоялъ во главѣ замковаго, или гродскаго вряда воеводства подъ высшимъ начальствомъ воеводы. Начальникомъ же земскаго войска кашталянъ былъ лишь для шляхты центральнаго повѣта воеводства начальствовалъ надъ нею подобно тому, какъ надъ шляхтою остальныхъ повѣтовъ начальствовали маршалки, и сдавалъ, какъ они, команду воеводѣ, лишь только приведетъ къ нему рушившуюся шляхту, притомъ и самъ становясь подъ эту команду.

Въ Русской литературѣ на должность кашталяна было высказано много вѣрнаго въ совершенно забытой, писанной шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ статьѣ автора, не пожелавшаго подписать своего имени, помѣщенной въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ» Общества исторіи и древностей Россійскихъ [2]). Авторъ

---

[1]) Senatorowie i dignitarze W. Ks. Litewskiego. Str. 97.

[2]) Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Редакторъ профессоръ *Погодинъ*. (Т. IV). Книжки 2 и 3. Москва. 1841. «Историческій взглядъ на древнее образованіе славян-

этой статьи приводитъ въ переводѣ слѣдующую выписку изъ сочиненія Станислава Кристановича, писавшаго въ началѣ XVII столѣтія [1]): «Кастелляніи соотвѣтствуютъ *уѣздамъ*, *землямъ*, или *частицамъ Воеводства*... Въ каждомъ изъ Воеводствъ полагается четыре, три и не менѣе двухъ Кастелляній. Кастеллянъ, будучи тоже сенаторомъ и намѣстникомъ Воеводы, во время народнаго ополченія начальствуетъ вмѣсто его надъ дворянствомъ своего округа. Кромѣ управленія въ военное время, Кастелляны не пользуются никакимъ другимъ судебнымъ вѣдомствомъ (jurisdictio) въ своихъ земляхъ. Нынѣ считается 83 кастелляновъ въ Польшѣ, то-есть 31 большихъ (majores) и 52 меньшихъ (minores). Большіе допущены наравнѣ съ прочими сенаторами къ самымъ тайнымъ совѣщаніямъ; рѣдко, или даже никогда, меньшіе, хотя и они слывутъ сенаторами. Кромѣ того, тремъ изъ Кастелляновъ присвоено первенство въ сенатѣ даже передъ Воеводами, то-есть: Краковскому, Виленскому и Троцкому». Это свидѣтельство Станислава Кристановича и должно быть полагаемо въ основаніе характеристики кашталяновъ Речи Посполитой эпохи послѣ Люблинской Уніи. Говоря о Литовскихъ кашталянахъ, мы должны только устранить изъ него то, что относится спеціально къ Коороннымъ.

Итакъ, врядъ кашталянскій былъ вторымъ послѣ воеводы сенаторскимъ урядомъ воеводствъ Литовскаго великаго княжества. Всѣ кашталяны Литовскіе занимали мѣсто въ спольномъ Польско-Литовскомъ сенатѣ между кашталянами большими, засѣдая въ радѣ государства рядомъ съ воеводами. Въ перечнѣ Литовскихъ сенаторовъ, находящемся въ 65-ой книгѣ Записей Метрики Литовской, помѣщенномъ тамъ въ спискѣ лицъ, которымъ были отправлены сеймовые листы 1580 года [2]), находимъ слѣдующихъ кашталяновъ: Виленскаго, Троцкаго, Кіевскаго, Жомоитскаго, Смоленскаго, Полоцкаго, Новгородскаго, Витебскаго, Берестейскаго, Мстиславскаго и Минскаго. Если выкинуть изъ этого списка кашталяна Кіевскаго, который съ 1569 года принадлежалъ къ числу Коронныхъ врядниковъ, то окажется 10 кашталяновъ для вели-

---

скихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII ст.» Стр. 155—299 Сборника.

[1]) Стр. 260—261. Сочиненіе это называется—Status Regni Poloniae Descriptio. (Lugd. Batav. 1627). Приведена въ статьѣ и Латинская выписка изъ оригинала.

[2]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 4—4 об.

каго княжества Литовскаго. Тѣхъ же кашталяновъ встрѣчаемъ въ спискѣ сенаторовъ, составленномъ въ 1569 году послѣ соединенія Литвы и Польши въ одно государство, когда слились и сенаты этихъ государствъ въ одинъ, спольный [1]). Два изъ Литовскихъ кашталянствъ, а именно Виленское и Троцкое, были учреждены въ 1413 году, и ихъ врядники занимали въ Литовской радѣ одни изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, входя въ число «пановъ-радъ старшихъ», дѣйствительно старшихъ не только по своему мѣсту въ сенатѣ, но и по времени учрежденія своихъ урядовъ по сравненію съ остальными, возникшими впослѣдствіи воеводскими и каштелянскими должностями. Виленскій каштелянъ занималъ третье мѣсто въ радѣ Литовской (послѣ бискупа и воеводы Виленскихъ), Троцкій—пятое (послѣ бискупа, воеводы и каштеляна Виленскихъ и воеводы Троцкаго). Остальные каштеляны, явившіеся въ Княжествѣ позднѣе, въ Литовскомъ сенатѣ занимали мѣста ниже всѣхъ Литовскихъ воеводъ, въ спольномъ же, Польско-Литовскомъ — размѣщались между большими каштелянами Коронными въ то время, какъ Виленскій и Троцкій занимали мѣста среди воеводъ. Всѣ каштелянства Княжества, кромѣ Виленскаго, Троцкаго и Смоленскаго, были учреждены въ 1566 году. Виленское и Троцкое, какъ мы уже видѣли, — въ 1413 году, а Смоленское — въ 1569 году [2]). Названіе каштеляна очень часто замѣнялось названіемъ пана воеводства, и нерѣдко одно и то же лицо, въ одномъ и томъ же документѣ называлось и паномъ, и каштеляномъ [3]). При этомъ панами воеводствъ назывались не только каштеляны Виленскій и Троцкій, но и остальные [4]). Учрежденіе новыхъ каштелянствъ вмѣстѣ съ новыми воеводствами было совершено Сигизмундомъ Августомъ на Виленскомъ сеймѣ конца 1565 и начала 1566 годовъ. Какъ гласитъ его грамота по повѣтамъ Литовскимъ, оно было сдѣлано по просьбѣ самихъ обывателей: «а к тому жедали нас панове-рады наши с прозбами покорными от всихъ станов рыцеръства, на тотъ сеемъ зобраных о примножене радъ и достоенствъ врадовъ в кожъдомъ повете» [5]).

[1]) Vol. leg. II. Str. 93.

[2]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 130. [3]) Нпр., А. З. Р. III. № 147.

[4]) Нпр., панъ Смоленскій. А. З. Р. III. № 135. Панъ Виленскій—Ibidem, №№ 45, 75, 158 и др.; панъ Троцкій—ibidem. №№ 48, 125 и др.

[5] Лит. Метр. $\frac{III\ A}{7}$ л. 94 об. Дата. Кнышинъ, 22 марта 1566 года. (Документъ находится на л. 94—95 об. Изданъ *М. К. Любавскимъ.* Л.-Р. сеймъ. Приложенія. Стр. 166—167).

Мы видѣли выше [1]), что послы королевскіе, явившіеся на повѣтовые сеймики 1566 года, созванные передъ Берестейскимъ сеймомъ, объявили и словесно Литовскимъ обывателямъ объ учрежденіи новыхъ кашталяній вмѣстѣ съ новыми воеводствами и повѣтовыми врядами. Такимъ образомъ, учрежденіе новыхъ воеводствъ и новыхъ кашталяній въ 1566 году было одною изъ частей общей реформы Княжества, завершенной въ 1566 году, реформы, помощью которой Литва готовилась съ полнымъ достоинствомъ и равенствомъ вступить въ Унію съ Польшею. Учрежденіе новыхъ воеводствъ и кашталяній входило, какъ органическая часть въ эту реформу и въ преобразованіе рады Княжества, приближаемой къ сенату Короны черезъ введеніе въ нее новыхъ врядниковъ-сенаторовъ, одноименныхъ съ Коронными. Однако, одинъ изъ кашталяновъ, явившихся въ 1566 году, выдавался изъ ряда товарищей своимъ особеннымъ положеніемъ. Это былъ кашталянъ Мстиславскій. Случилось такъ, что въ то время, какъ на остальныя только что учрежденныя должности были назначены врядники изъ другихъ областей и лица, не занимавшія административныхъ урядовъ въ земляхъ только что образованныхъ новыхъ воеводствъ, на кашталянію Мстиславскую былъ назначенъ Мстиславскій староста, князь Иванъ Васильевичъ Соломерецкій [2]). Онъ, сдѣлавшись кашталяномъ, сохранилъ за собою и Мстиславское староство, оставаясь на этомъ урядѣ вплоть до своей смерти, послѣдовавшей около 1580 года [3]). Такое соединеніе двухъ врядовъ Мстиславскихъ въ однѣхъ рукахъ должно было выдвинуть князя Соломерецкаго изъ ряда его товарищей, такъ какъ въ предѣлахъ Мстиславскаго повѣта онъ пользовался не только значеніемъ кашталяна, но и всею судебно-административною властью старосты съ его правами и доходами. Все Мстиславское воеводство имѣло только одинъ Мстиславскій повѣтъ, а это еще болѣе возвышало князя Соломерецкаго въ его значеніи, потому что, благодаря этому обстоятельству, власть его, какъ старосты, простиралась на цѣлое вое-

[1]) Стр. 589. [2]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 114.

[3]) Въ 1580 году сеймовый листь посылался уже «каштеляну Мстиславскому, пану Гричуну Войне» (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 4 об.). Такимъ образомъ, Вольфъ ошибочно считаетъ его живущимъ до 1586 года. Что касается до Гричуна Войны, то онъ совершенно не помѣченъ Вольфомъ, и послѣ князя Соломерецкаго прямо показанъ Мстиславскимъ кашталяномъ Станиславъ Павловичъ Нарушевичъ.

водство. Акты Княжества вполнѣ сохранили для изслѣдователя это значеніе Мстиславскаго кашталяна. 31 марта 1569 года изъ Люблина былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ «отъпис до князя Ивана Соломирецького» [1]), въ которомъ король отвѣчалъ ему на его листъ объ опасностяхъ со стороны Москвы и о томъ, что имъ не получено еще денегъ и одежды для стрѣльцовъ, находящихся въ его замкѣ [2]). Конечно, онъ доносилъ обо всемъ этомъ, какъ староста, а не какъ каштялянъ. Донесеніе князя Соломерецкаго было обыкновеннымъ донесеніемъ украиннаго старосты, и образцы такихъ донесеній сохранились до нашего времени въ достаточномъ числѣ [3]). Тотъ же князь Соломерецкій въ современныхъ актахъ является и дѣйствующимъ въ совершенно обычной дѣятельности повѣтовыхъ старостъ. Сигизмундъ Августъ далъ въ Люблинѣ 3 апрѣля 1569 года ему предписаніе, въ которомъ говорилъ: «кашталяну и старосте Мстиславъскому, князю Ивану Соломирецкому — што перъво дали есмо были земянину нашому повету

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 4—5. Въ разсылкѣ сеймовыхъ листовъ 1568 года (сеймикъ на 11 ноября этого года) значится: «кашталяну и старосте Мстиславскому, князю Ивану Соломирецкому». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 161. Ср. также А. З. Р. III. № 67 (1576 г.).

[2]) «Жыкгимонтъ Августъ. Кашталяну и старосте Мстиславъскому, князю Ивану Соломирецькому. Мели есмо тыхъ часовъ листъ твоей милости, до насъ писаный, которого вырозумели есмо, о чомъ еси до насъ писалъ. А ижъ ся о поступъкох непрыятеля нашого великого князя Московъского и о забранью войска его, которое с княземъ Пронъскимъ у Смоленъску лежить, намъ ознаймилъ, то еси добре учинилъ и напередъ которые бы слухи съ стороны непрыятельское тебе доходили, жебы еси черезь писанъе свое намъ ведати не омешкивалъ. К тому тежъ пишешъ до насъ, ознаймуючы, же людемъ ездньмъ, которыхъ есмо тобе двесте коней тамъ на оном замъку мети росказали, и водле постановенъя нашого вже тебе заплата дошла, нижъли на 400 стрельцовъ пешыхъ, которые еси водле постановенъя пана Виленъского, гетьмана наивышъшого великого князтва Литовского, старосты Городенъского и Могилевъского, пана Грыгоръя Алекъсанъдровича Ходъкевича на ономъ же замъку мелъ, пенезей и суконь тобе не дано и просишъ, абыхмо заплату заслуженого онымъ стрельцомъ вделати велели». Король распорядился въ исполненіе просьбы князя Соломерецкаго и приказалъ приготовить листы къ гетману и къ подскарбію съ повелѣніемъ удовлетворить его требованію денегъ (гетманъ—изъ средствъ земскаго податка) и платья (подскарбій). Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 4—5.

[3]) Особенно часто посылалъ ихъ Оршанскій староста, панъ Филонъ Кмита. О немъ см. ниже.

Мстиславъского, Протасу Кастровицкому, село нашое у волости Мстиславской, прозываемое Бобыничы, ино потомъ з некоторыхъ причинъ то отъ него взято и ку замъку нашому Мстиславъскому прыверънено». Теперь король, «за чоломъбитьемъ его» и помня его службы, пожаловалъ Кастровицкому находящееся при Мстиславскомъ замкѣ «селище, где передъ тымъ было село» королевское Рудомино, въ которомъ $6^1/_2$ службъ. Кастровицкій имѣетъ на это пожалованіе «особливый листъ, данину» государеву. Обращаясь къ князю Соломерецкому, грамота заканчивается такъ: «твоя бы милость о томъ ведалъ и тое селище, вышей мененое Рудомино, естлибы не большъ, одно полъсемы службы кгрунъту было, тому Костровицькому завелъ и подалъ и, в то его увезавши, ужывати ему не заборонялъ; нехай то онъ держыть и вжываеть водъле листу нашого, на то ему даного, а с того служъбу земъскую военъную заровъно з ынъшыми земяны нашыми Мстиславъскими служить» [1]). Грамота эта и рисуемая ею дѣятельность князя Соломерецкаго въ Мстиславскомъ повѣтѣ не даютъ мѣста никакому сомнѣнію въ томъ, что онъ былъ въ его предѣлахъ старостою со всѣми обязанностями и правами послѣдняго. Мы видѣли выше [2]), что реформа 1566 года оставила старостъ при нѣкоторыхъ воеводахъ, и эти старосты управляли воеводскимъ повѣтомъ, несмотря на то, что рядомъ съ ними находился самъ воевода. Воеводство Мстиславское, также созданное лишь въ 1566 году, было въ числѣ такихъ воеводствъ, но старостинскій врядъ въ первую половину изслѣдуемаго времени въ немъ занималъ его кашталянъ. Послѣ смерти князя Ивана Соломерецкаго Мстиславское старество было отдѣлено отъ кашталяніи того же воеводства и передано въ руки воеводы, который такимъ образомъ взялъ въ свои руки цѣликомъ всю воеводскую власть въ своемъ воеводствѣ, хотя и держалъ ее не по одному воеводскому вряду, а по двумъ—воеводскому и старостинскому. Въ самомъ дѣлѣ, въ спискѣ сенаторовъ, которымъ были посланы сеймовые листы 1580 года, читаемъ: «воеводе и старосте Мстиславскому и Вилкомирскому, державцы Берженицкому, пану Павлу Миколаевичу Пацу» [3]). Теперь уже воевода вѣдалъ и администрацію, и судъ

[1]) «Листъ Костровицкому до князя Ивана Соломирецкого, ижъбы ему селище Рудомино, полъсемы службы подалъ и в то его увезалъ». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 6—6 об. [2]) Стр. 591 и сл.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 4 об.

*

старосты въ повѣтѣ [1]). Но случай, который представляло собою соединенiе въ рукахъ Мстиславскаго кашталяна власти старосты воеводскаго повѣта съ кашталянствомъ того же воеводства, былъ исключительнымъ явленiемъ, и это соединенiе, какъ мы уже видѣли, прекратилось со смертью лица, занимавшаго оба эти уряда. Исключенiемъ же было и исполненiе обязанностей Полоцкаго воеводы Полоцкимъ кашталяномъ, Юрiемъ Зеновьевичемъ. Послѣднiй несъ воеводскiя обязанности за Станислава Станиславовича Довойну, попавшаго въ Московскiй плѣнъ при взятiи Полоцка войсками Ивана IV [2]). Самое отсутствiе административнаго центра, захваченнаго Москвою, и врядника, державшаго въ своихъ рукахъ судъ и администрацiю воеводства-повѣта въ остаткахъ По-

[1]) 6 декабря 1584 года въ Городнѣ королевскiе ассессоры слушали дѣло «за отосланьемъ от подстаростего Мстиславъского, Марътина Верыбоговича, и за зложеньемъ часу» черезъ королевскiй листъ земянамъ Мстиславскимъ, Богдану, Василiю, Радку и Дмитрiю Васильевичамъ Зубовичамъ съ Мстиславскимъ же земяниномъ, Николаемъ Ковнацкимъ о пяти земляхъ, «которые земли они Зубовичы под собою мают, а Ковнацкий под отцомъ их то был упросилъ». Ковнацкiй на судъ не явился, а Богданъ Васильевичъ Зубовичъ явился самъ за себя и въ качествѣ уполномоченнаго своихъ братьевъ. «Онъ, даючы таковую справу, жаловалъ, ижъ дей тотъ Ковнацкий в року 1569-мъ у каштеляна и старосты Мстиславъского и Радомъского, небожчыка князя Ивана Васильевича Соломерецъкого, оную пять земль, звышъ менованых, под отъцом их, Васильемъ Зубомъ, давшы таковую справу, яко бы в пусте лежати мели, упросилъ и листъ собе на то отъ него одержалъ, а потомъ за листомъ прычынънымъ того жъ небощыка князя Соломерецъкого и за даньемъ справы своее омыльное королю его милости, теперешнему пану нашому милостивому Стефану и листъ его королевское милости на то собе былъ одеръжалъ. Нижли дей яко перед тым за листом князя Соломерецкого, такъ же и за листомъ господаръским николи тых земль не деръжалъ и въжываныю (sic) их не былъ, о што дей потомъ в року 1574-м перед воеводою и старостою теперешним Мстиславским, его милостью паномъ Павъломъ Пацомъ з отцомъ их право и росправу мелъ. Тогъды его милость панъ воевода за оказаньемъ листу небожчыка пана Василья Полубеньского, старосты Мстиславского, за которымъ отецъ их тых земль в уживанью был и тежъ же вжо отъ летъ сорока то на себе деръжали, службу земскую военъную с того служыть пры тыхъ землях отца их зоставил, а Миколай Ковнацький от суду пана воеводы Мстиславъского до его кр. милости апелевалъ, которое апеляцыи пан воевода имъ допустилъ, назначывшы певный рокъ перед его кр. милостью становитисе...» и т. д.—«Декрет земяном Мстиславским Зубовичом зъ Миколаемъ Ковнацкимъ о пят земль, которие был Ковнацкий под отцом их упросил во Мстиславском повете». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 377—378 об.

[2]) *С. М. Соловьевъ.* Исторiя Россiи съ др. временъ. Кн. II. СПБ. 1894. Стр. 191. Интересны подробности взятiя Полоцка, опускаемыя обыкно-

лоцкой земли, сохраненныхъ еще Княжествомъ, прекрасно рисуется документомъ, къ пересказу котораго мы теперь переходимъ. Этотъ документъ—«отписъ до пана воеводы Виленьского в речи кашталяна Полоцкого, пана Юря Зеновевича о вряд кгродский земли Полоцкое» [1]). Изъ этого листа, даннаго Сигизмундомъ Августомъ въ Варшавѣ 25 октября 1571 года къ Николаю Радивилу, узнаемъ, что Виленскій воевода писалъ къ королю «в речи кашталяна земли Полоцъкое, старосты Чечерского, Пропойского и Лепелского, пана Юря Зеновъевича, то есть около вряду кгродского земли Полоцкое, абы в Леплю былъ постановленъ». Но въ то время, когда Полоцкій воевода находился въ плѣну, на его воеводскую власть было сдѣлано покушеніе и отъ нея стали отрывать часть того, что ей принадлежало. «Староста Дисенский, пан Боркулабъ Корсакъ, листы отъ» короля «одержавши, кгрод у Дисне мѣти и шляхту земли Полоцкое судити хочеть». Виленскій воевода просилъ короля, чтобы онъ запретилъ Боркулабу Корсаку «в то ся вступовати» и постановилъ «вси справы враду кгродского земли Полоцъкое пану кашталяну у Леплю отъправовати»; просилъ также Радивилъ короля распорядиться извѣщеніемъ и его самого, воеводы Виленскаго, о разрѣшеніи этого дѣла. Королевское рѣшеніе гласитъ слѣдующее: «ачъ и намъ господару такъ бы ся видело, абы оный кгрод слушней у Леплю, а нижли у Дисне былъ, нижли ижь яко твоя милость пишешъ, же панъ

венно Русскими историками въ разсказѣ объ этомъ успѣхѣ Московскаго войска. Гурницкій такъ разсказываетъ о паденіи Полоцка. — «Главною причиною того, что Полоцкъ напрасно (nikczemnie) попалъ въ Московскія руки, были раздоры воеводы съ ротмистрами, а также неразуміе, выразившееся въ томъ, что воевода Довойна заключилъ съ Москвою перемиріе на извѣстное время, не выговоривъ себѣ того, чтобы Москвитяне оставались на своемъ мѣстѣ и не подвигали шанцовъ ближе къ замку. Они придвинули свои шанцы къ самому замку, лишь только было оглашено перемиріе, а когда оно окончилось, зажгли и замокъ. Наши и гасили, и оборонялись, пока могли, и наконецъ, не имѣя возможности погасить огня, вышли изъ замка на волю князя Московскаго. Взятъ въ плѣнъ воевода вмѣстѣ съ женою, взятъ Глѣбовичъ, взятъ владыка и, сколько тамъ ни было Литовцевъ, всѣ взяты». Dzieje w Koronie Polskiey za Zygmunta I-go y Zygmunta Augusta aż do smierci iego z przytoczeniem niektorych postronnych ciekawości od roku 1538 aż do roku 1572 przez *Łukasza Górnickiego* Tykocińskiego i Wasiłkowskiego Starostę spisane. Zbiór pisarzów polskich. Częśc druga. *Pisma Ł. Górnickiego.* Tom IV. W Warszawie. 1828. Str. 186.

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 1.

Боркулабъ листы наши на то до Дисны одержалъ, которых мы собе на паметь привести не можем, якимъ ся то обычаемъ стало, тогды на сесь часъ зараз того на конец отъправити намъ еще не здалося, але откладаемъ то до сейму пришлого, на которомъ твоя милость самъ будешъ, такъже пан кашталян Полоцъкий и пан Боркулабъ быти можеть. А на он часъ то водле воли нашое господарьское и рады вашое милости пановъ-рад нашихъ, якобы наслушней было, осмотрети и постановити хочем». Мы не знаемъ, какъ разрѣшилось, въ концѣ концовъ, это дѣло, такъ какъ сеймъ 1572 года не оставилъ послѣ себя конституціи, а лишь рецессъ, отлагающій дѣла до слѣдующаго вальнаго сейма [1]), а королевской грамоты, которая, по всей вѣроятности, была дана Сигизмундомъ Августомъ, мы не встрѣтили въ бывшихъ въ нашихъ рукахъ книгахъ Литовской Метрики. Во всякомъ случаѣ, если дѣло и было рѣшено въ пользу Полоцкаго кашталяна, то послѣдній долженъ былъ судить шляхту Полоцкую не въ качествѣ кашталяна, а въ качествѣ Лепельскаго старосты, присудъ котораго увеличивался. Если бы кашталянъ былъ по праву своего вряда замѣстителемъ воеводы въ его судебно-административномъ значеніи, то, конечно, король не могъ бы дать своихъ листовъ Дисенскому старостѣ, отдающихъ ему судъ на шляхтою Полоцкаго воеводства. Картина, которая рисуется приведенною грамотою, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно характерна для состоянія Полоцкой земли въ ея остаткахъ, еще сохраненныхъ въ эту эпоху Литвою; характерна она и для значенія кашталяна, отнюдь не несомнѣннаго замѣстителя воеводы при такомъ даже исключительномъ положеніи вещей, какъ плѣнъ послѣдняго. Этотъ документъ лучше всякихъ другихъ фактовъ опровергаетъ тѣ ученыя мнѣнія, которыя считаютъ кашталяна обязательнымъ замѣстителемъ воеводы по вряду послѣдняго.

Обязанности кашталяна по его должности проявляются лишь во время посполитаго рушенья, и мы уже видѣли его роль въ это время, когда знакомились съ организаціей рушенья повѣтовой шляхты Княжества [2]). Однако, и помимо часовъ рушенья кашталянъ выступаетъ со своимъ авторитетомъ сенатора въ жизни шляхты своего повѣта. Когда собирается повѣтовый сеймикъ, кашталянъ играетъ на немъ видную роль вмѣстѣ со своимъ воеводою, какъ сенаторъ, имѣющій громадный авторитетъ среди

[1]) См. выше, стр. 86—91. [2]) См. выше, стр. 540 и сл.

сеймикующей шляхты. Вмѣстѣ съ воеводою онъ оказываетъ весьма замѣтное вліяніе на шляхту и на ея сеймикованье [1]). Какъ сенаторъ, кашталянъ является нерѣдко членомъ коммиссій, назначаемыхъ королемъ. Такъ, Новгородскій кашталянъ, староста Слонимскій, Григорій Воловичъ былъ, напримѣръ, членомъ коммиссіи для разбора, сначала въ 1568 году, а потомъ въ 1569-мъ, дѣла о захватѣ Слонимской королевской пущи государевымъ дворяниномъ, княземъ Гаврилою Кгимбулятовичемъ Пятигорскимъ и его женою [2]). Равнымъ образомъ бывали кашталяны и членами посольствъ, отправляемыхъ въ другія государства [3]). Но были коммиссіи, въ которыя кашталяны назначались обязательно. Это—коммиссіи, высылавшіяся для разсмотрѣнія дѣлъ по апелляціямъ на рѣшенія повѣтовыхъ подкоморскихъ судовъ. Если тяжущійся былъ недоволенъ разрѣшеніемъ дѣла судомъ подкоморскимъ, онъ подавалъ апелляціонную жалобу королю, и государь высылалъ коммиссаровъ для разсмотрѣнія этого дѣла. Такъ какъ дѣла о границахъ земельныхъ имуществъ были весьма серьезными дѣлами [4]), притомъ требующими знакомства съ территоріей повѣта, то составъ такихъ коммиссій долженъ былъ подбираться особенно тщательно. Въ такую коммиссію долженъ входить непременно авторитетный врядникъ изъ числа повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, и такимъ обязательнымъ членомъ этихъ коммиссій былъ кашталянъ для подкоморскаго суда центральнаго повѣта, какъ маршалокъ—для остальныхъ повѣтовъ [5]). Когда въ 1581 году былъ учрежденъ главный Литовскій трибуналъ, какъ высшее апелляціонное судилище, въ которое съ этого времени должны были направляться апелляціонныя жалобы, то высылка коммиссій для пересмотра подкоморскихъ рѣшеній перешла въ его вѣдѣніе, но кашталянъ, или

---

[1]) См. выше, стр. 88, 89, прим. 3.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. 139 об.—140. Кромѣ Григорія Воловича, въ составъ этой коммиссіи входили: Берестейскій воевода, державца Волковыйскій Юрій Тишкевичъ, ловчій Литовскій, староста Мечерскій, державца Ейшискій, Воранскій, Коневскій, Довговскій и Перелайскій Григорій Воловичъ, маршалокъ господарскій, державца Немоноитскій Янъ Палускій и дворянинъ королевскій Григорій Скуминъ.

[3]) Нпр., однимъ изъ пословъ въ Москву въ 1570 году былъ Николай Талвошъ (*С. М. Соловьевъ.* Ист. Р. Кн. II. Стр. 203), какъ разъ въ этомъ году перемѣщенный съ кашталянства Минскаго на кашталянство Жомоитское (*J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 109).

[4]) См. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8. Стр. 341, 342. [5]) II ст. IV. 70.

маршалокъ, остались по прежнему обязательно назначаемыми ихъ членами [1]).

Кашталяны, какъ и другіе сенаторы, владѣли староствами и державами, и акты даютъ массу примѣровъ такого владѣнія. По этимъ державамъ и староствамъ кашталяны и имѣли постоянныя дѣла, а не по своимъ кашталянскимъ урядамъ, которые, какъ мы уже видѣли, лишь изрѣдка требовали ихъ труда и дѣятельности. Кашталяны получаютъ по этимъ староствамъ и державамъ королевскія предписанія, и, хотя въ нихъ король обращается къ нимъ, говоря—«пане кашталяне» [2]), содержаніе такихъ предписаній обыкновенно касается ихъ староствъ и державъ, а не кашталянскаго уряда. Какъ другія состоятельныя лица, кашталяны ссужали скарбъ, получая за то «въ заставу» отъ правительства города и земли. Такъ, въ эпоху второго безкоролевья кашталянъ Минскій, державца Оникштенскій, Радошковскій и Зейгвольскій, Янъ Глѣбовичъ, ссудилъ администратора и гетмана Лифляндіи, знаменитаго Яна Ходкевича, 1700 копъ Литовскихъ грошей, нужныхъ ему на уплату жалованья наемнымъ войскамъ. Въ этихъ деньгахъ Ходкевичъ «заставилъ» ему въ 1575 году королевскій замокъ Зейгволтъ [3]) со всѣми его фольварками и волостью, и Стефанъ Баторій подтвердилъ это распоряженіе Ходкевича своимъ

[1]) III ст. IX. 7. Ср. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г. № 8, стр. 379—381. Нужно замѣтить, что только что назначенные въ 1566 году кашталяны сразу въ этомъ же году должны были исполнить чрезвычайно важное порученіе по граничному дѣлу. Въ Литовской Метрикѣ между актами 1566 года находится «Списанье поветовъ и границъ» ихъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ ($\frac{\text{III A}}{7}$ л. 117—125). Въ концѣ этого документа читаемъ: «тые границы маютъ быти черезъ кашталяна и увесь врадъ кождого повету выпростованы и копцами засыпаны водле наболшого уваженя, яко наслушней быти розумеючи, водами живыми и дорогами, а где не можеть быти, тогды копцами осыповати их». Документъ изданъ *М. К. Любавскимъ*. Лит.-Р. сеймъ. Приложенія. № 55.

[2]) Такъ, напримѣръ, обращается король Генрихъ къ кашталяну Берестейскому, державцѣ Трабскому, пану Яну Гайкѣ, въ листѣ, данномъ въ Краковѣ 10 мая 1574 года. Въ этомъ листѣ находится предписаніе пану Гайкѣ передать пану Азрубалю Цыприскому и «увязывающему» его дворянину три сельца и застѣнокъ въ державѣ Трабской. На всю Трабскую державу имѣлъ Янъ Гайко отъ Сигизмунда Августа «право доживотное». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 119 об.—120.

[3]) Этотъ замокъ былъ отданъ Сигизмундомъ Августомъ Яну Ходкевичу въ пожизненное владѣніе и на «выхованье» его во время пріѣздовъ въ Лифлянты.

листомъ, даннымъ въ Торунѣ 12 декабря 1576 года [1]). Тотъ же Глѣбовичъ нѣсколькими мѣсяцами раньше получилъ отъ Баторія привилей «на державу Радошковскую в суме пенезей и правом доживотным» [2]). Иногда жаловались кашталянамъ, какъ многимъ другимъ врядникамъ, и юргельты изъ скарба. Такъ, кашталяну Полоцкому Зеновьевичу былъ данъ въ Кнышинѣ 28 іюля 1576 года за подписью Стефана Баторія и скрѣпою писаря Михаила Гарабурды листъ, «потвержаючы юръкгелтъ, на службу Лепельскую отъ короля его милости Жыкгимонта Августа поступленый, абы з доходовъ Могилевъскихъ на светый Мартинъ в кождый годъ до лепъшого опатренья давано его милости по триста коп грошей Литовъскихъ» [3]). Было послано предписаніе и державцѣ Могилевскому, старостѣ Городенскому, Александру Ходкевичу, чтобы онъ выдавалъ «пану Полоцъкому» этотъ юргельтъ изъ Могилевскихъ доходовъ, а подскарбій земскій будетъ отъ него принимать эту выдачу при его отчетѣ, «на личбе» въ скарбѣ [4]). Это не единственный примѣръ выдачи юргельта кашталяну. Можно указать на упомянутаго уже Минскаго кашталяна, Яна Глѣбовича, который получалъ юргельтъ въ 400 копъ грошей ежегодно, дарованный ему на всю его жизнь Баторіемъ. Изъ привилея, даннаго Глѣбовичу въ Варшавѣ 9 іюля 1576 года, узнаемъ, что этотъ

---

1) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 102—106.

2) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 58—60. О причинахъ этого пожалованія привилей отъ имени Стефана Баторія говоритъ такъ: королю заявилъ Янъ Глѣбовичъ, «ижь за взятемъ замку Полоцъкого до рукъ неприетельскихъ не мало именей его милости отчизных въ сторону неприетельскую пошло, за которие его милости и до сего часу ниякая нагорода не стала ся и, ачъ была обетница короля его милости славное памети Жикгимонъта Августа, продка нашого, на што и листъ его королевское милости зашитый до себе в отъписе маеть, не отмавяючы дати ему замокъ и двор нашъ Радошковъский. Нижли за зестьемъ зъ света его королевское милости тая обетница и данина Радошковичъ его милости не дошла, ажь его милость панъ Меньский самъ Радошковичы пенезьми своими властными окупилъ у потомъковъ маршалъка нашого, державцы Радошковского, пана Каленицкого Тишковича, отложивши сумы всее, в скарбъ нашъ великого князства Литовского взятое, копъ чотыри тисячи деветнадцать и грошей сорокъ, на што и листы головные, в чомъ пану Каленицъкому было то от продка нашого заведено, перед нами оказовалъ...» Дата: Кнышинъ, 4 августа 1576 года.

3) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 18. 4) Ibidem.

юргельтъ былъ данъ ему за заслуги его и его предковъ, а особенно въ воздаяніе за то, что онъ былъ захваченъ въ плѣнъ при взятіи Москвою Полоцкаго замка [1]). Такимъ образомъ, юргельтъ былъ данъ Глѣбовичу ввиду особаго положенія, въ которомъ находился этотъ сенаторъ, побывавшій въ плѣну и вышедшій «на окупъ и на отъмену з вязенья» [2]). Слѣдовательно, юргельтъ не былъ присвоенъ должности кашталяна, а давался иногда кашталяну за его личныя, даже и не по вряду, заслуги. Чтобы закончить наше изслѣдованіе кашталянскаго вряда, намъ остается только сказать, что привилеи, назначающіе на него, сохранились до нашего времени [3]) и не представляютъ изъ себя

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 46 об.—47. «Привилей кашталяну Менскому пану Яну Глебовичу на юркгелтъ в кождый год по чотырыста коп грошей».

[2]) Ibidem.

[3]) Приводимъ образецъ привилея на кашталянскій урядъ. «Привилей его милости пану Малхеру Завишы на кашталянею Витебскую.—Жикгимонтъ третий Божю милостью корол Полский, и великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтский, тою же милостью назначоный корол Швецкий, Кготский, Вандалский и великое княжа Финлянское. Ознаймуем сим нашим листом всим вобецъ и кождому зособна, кому бы того потреба была ведати, ижъ мы господаръ, маючи залецоную годность и службы маршалка нашого пана Малхера Завиши, которые онъ, з молодости лет своих служачи продком нашимъ королемъ их (дальше нѣсколько буквъ заклеено; несомнѣнно тутъ было написано—«милости Пол»)ским и великим княземъ Литовским и речи посполитой з нелитованьем маетности своее на войнах оказывал, заслугуючи тым ласку нашу господарьскую. На што мы господаръ ласкавый взгляд и бачене маючи а хотечи то ему ласкою нашою господарьскою нагородити и оного тымъ хутлившого ку службам нашим и речи посполитое способити и учтивостью стану сенаторского обдарити, з ласки нашое господарьское в лавицу межи иншых пановъ-рад наших посадити, дали есмо ему и симъ нашим листом даем кашталянею Витебскую. Масть его милость панъ Малхер Завиша, кашталянъ Витебский тую кашталянею Витебскую до живота своего, албо до иншого болшого вывышенья и опатренья нашого господарьского уживати, на немъ всякое учтивости, такъ на соймех валных панствъ наших в коруне Полской и у великом князстве Литовском на местцу своемъ, правом посполитым упривильеваном, заседати, такъ теж на соймиках и везде на зъездех всяких посполитых радити и вотовати с присеги и водле наболшое умеетности своее, такъ теж уживаючи всяких пожитковъ, которие бы здавна на тую кашталянею належали потому, яко и первший кашталян Витебский держал. И на то дали есмо его милости пану Малхеру Завиши сесь нашъ листъ с подписом руки нашое. до которого и печать нашу привесити есмо велели. Писанъ у Кракове» 6 февраля 1588 года. «Подпись руки господарское. Іелияшъ Пелкгримовский писарь». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 277—277 об.

точнаго опредѣленія вряда—черта, общая, какъ мы уже не разъ замѣчали, громадному большинству Литовскихъ привилеевъ на должности.

Вслѣдъ за панами-радами, соединявшими со своимъ сенаторскимъ кресломъ мѣстное значеніе, каковыми были, бискупъ, воевода и кашталянъ, списокъ сенаторовъ, составленный въ 1569 году [1], называетъ слѣдующихъ Литовскихъ сенаторовъ: наивысшаго маршалка, канцлера, подканцлера, земскаго подскарбія и дворнаго маршалка. Это были своего рода министры, вѣдавшіе по своимъ урядамъ дѣла обще-земскаго значенія. Списокъ сенаторовъ Польско-Литовской Речи Посполитой ничего не говоритъ о гетманѣ наивысшемъ. Мы уже видѣли выше [2], что великій гетманъ долженъ былъ быть непремѣнно лицомъ сенаторскаго стана. Но нужно пояснить, почему онъ не попалъ въ списокъ пановъ-радъ 1569 года. Очевидно, причиною этого было то, что великое гетманство Коронное какъ разъ въ это время «ваковало», не замѣщенное послѣ смерти гетмана и Русскаго воеводы Николая Сѣнявскаго, хотя Польская шляхта и хлопотала на Люблинскомъ сеймѣ о назначеніи новаго гетмана [3]. Что же касается до гетмана великаго Литовскаго, то Григорій Александровичъ Ходкевичъ, занимавшій врядъ наивысшаго гетманства Княжества въ 1569 году, получилъ свое кресло въ спольномъ сенатѣ по должности Виленскаго кашталяна. Такимъ образомъ, не было надобности для Литвы обозначать своего гетмана отдѣльно въ числѣ членовъ Польско-Литовскаго сената: гетманъ Княжества и безъ того засѣдалъ въ немъ, а ввиду того, что не былъ обозначенъ въ спискѣ и гетманъ Коронный, не было надобности хлопотать о внесеніи въ этотъ списокъ Литовскаго гетмана—для равноправія Княжества съ Короной не было ничего невыгоднаго въ этомъ пропускѣ. Вообще же не только врядъ наивысшаго гетмана, но и остальные министерскіе уряды Княжества совмѣщались съ воеводствами, кашталянствами, или другими сенаторскими врядами. Въ самомъ дѣлѣ, за изслѣдуемый періодъ времени должность земскаго маршалка Литовскаго была занята слѣдующими вельможами, смѣнявшими одинъ другого: Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ (1566—1579), Николаемъ Криштофомъ Радивиломъ (1579—1584) и Львомъ Ивановичемъ Сапегою (1585—1589). Первый былъ въ то же время Виленскимъ кашталяномъ

---

[1] Vol. leg. II. Str. 93. [2] Стр. 564, 566. [3] Дн. Л. с. Стр. 257 и др.

(1574—1579) и Жомоитскимъ старостою (1563—1579), а третій—подканцлеромъ (съ 1585 года). Канцлерами въ это же время были: Николай Юрьевичъ Радивилъ (1566—1579), воевода Виленскій, потомъ гетманъ наивысшій, и Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1579—1587), Троцкій, а съ 1579 года Виленскій каштелянъ. Подканцлерскій урядъ за тотъ же періодъ времени занимали: Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1566—1579), до 1569 года бывшій дворнымъ маршалкомъ, а съ 1569 по 1579 годъ—Троцкимъ каштеляномъ, Виленскій каштелянъ Николай Радивилъ (1579—1584) и Левъ Ивановичъ Сапега. Что касается должности земскаго подскарбія, то съ 1566 года по 1575-ый ее занималъ Николай Павловичъ Нарушевичъ, съ 1576 по 1580-ый—Лавринъ Матвѣевичъ Война, а съ 1580 по 1586-ой—Янъ Яновичъ Глѣбовичъ. Всѣ они въ то же время были писарями, а послѣдній, сверхъ того, и сенаторскимъ врядникомъ, Минскимъ каштеляномъ. Наконецъ, дворными маршалками въ изучаемую эпоху были два Радивила, а именно Николай Криштофъ (1569—1579) и Альбертъ или Войтехъ (1579—1586). Просматривая этотъ списокъ мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ вряды сенаторскіе министерскіе соединялись въ однѣхъ рукахъ съ другими должностями, вводившими своихъ врядниковъ въ «лавицу пановъ-радъ». Гетманство наивысшее, какъ мы видѣли, тѣмъ болѣе должно было быть замѣщаемо сенаторомъ, уже имѣвшимъ свое кресло въ радѣ соединеннаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, наивысшимъ Литовскимъ гетманомъ былъ съ 1566 до 1572 года Виленскій каштелянъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, а съ 1576 года, послѣ четырехлѣтняго ваката, Николай Юрьевичъ Радивилъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1584 году, для этого вряда снова наступилъ вакатъ, на этотъ разъ пятилѣтній. Кромѣ великаго гетманства въ Княжествѣ, существовало еще гетманство польное, которое могло соединяться съ сенаторскимъ кресломъ, а могло съ нимъ и не соединяться. Съ врядомъ гетмана польнаго мы уже познакомились выше [1]. Теперь намъ нужно только сказать, что съ 1579 года польный гетманъ, Николай Криштофъ Радивилъ, соединялъ свой гетманскій урядъ съ Троцкой каштеляніей и подканцлерствомъ. На примѣрѣ Радивила мы видѣли, что врядъ гетмана польнаго могъ занимать и не сенаторъ, а потому онъ и разсмотрѣнъ нами въ числѣ вря-

[1]) Стр. 435—440.

довъ, не соединенныхъ съ мѣстомъ въ радѣ. Третьимъ гетманствомъ, существовавшимъ въ первую половину изслѣдуемаго періода было гетманство въ Лифляндіи, которое держалъ въ своихъ рукахъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, соединяя его съ администраторствомъ въ этой странѣ. Ходкевичъ былъ въ то же время Виленскимъ кашталяномъ, Жомоитскимъ старостою и земскимъ Литовскимъ маршалкомъ и, сверхъ того, старостою и державцею нѣсколькихъ державъ и староствъ. Съ гетманствомъ Инфлянтъ Ходкевичъ, такимъ образомъ, соединялъ цѣлыхъ три сенаторскихъ кресла.

Итакъ, мы должны признать, что министерскіе вряды, помѣщенные въ спискѣ сенаторовъ, составленномъ въ 1569 году, обыкновенно соединялись съ воеводскими и кашталянскими должностями, что, конечно, уменьшало число лицъ, которыя могли бы засѣдать въ соединенномъ сенатѣ. Познакомимся теперь поближе съ каждымъ изъ этихъ урядовъ въ отдѣльности. То обстоятельство, что министерскіе вряды соединялись обыкновенно въ однѣхъ рукахъ съ другими сенаторскими должностями, должно говорить о малой обремененности дѣлами по своимъ врядамъ этихъ врядниковъ. Лишь должность земскаго подскарбія была дѣйствительно завалена массою дѣлъ, притомъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, но эта должность обыкновенно и не соединялась съ другими сенаторскими урядами.

Маршалокъ земскій занималъ первое мѣсто между министрами Княжества. Его присяга вводитъ насъ въ обязанности [1]) земскаго маршалковства. Маршалокъ земскій въ своей присягѣ клянется исполнять свои обязанности на сеймахъ и на дворѣ королевскомъ. Кромѣ того, подобно другимъ сенаторамъ, онъ присягаетъ подавать свою раду въ сенатѣ вѣрно и по крайнему своему разумѣнію, а также хранить тайны, ему извѣстныя. Онъ даетъ клятву отвращать и предупреждать все, что услышитъ вреднаго королю и государству, и предупреждать объ этомъ короля и сенаторовъ. Далѣе онъ присягаетъ принимать во вниманіе личность, «достоинство и годность» каждаго, не допускать никакихъ ссоръ, пожоговъ и распутства, на дворѣ королевскомъ и на сеймахъ, а, если что-нибудь таковое приключится, то строго карать виновныхъ. Во всемъ остальномъ маршалокъ земскій обязуется исполнять

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2, 2 об.

обязанности своего уряда, дѣйствуя согласно съ Литовскимъ статутомъ, притомъ поступать не безъ рады и общей воли всѣхъ остальныхъ радныхъ пановъ.

Такимъ образомъ, мѣстомъ функціонированія уряда земскаго маршалка Литовскаго были сеймъ и королевскій дворъ. При вступленіи земскаго маршалка въ должность, ему вручался жезлъ, какъ знакъ его вряда, и передъ этимъ жезломъ должны были склоняться всѣ, подчиняясь юрисдикціи этого врядника на сеймахъ и на дворѣ королевскомъ. Врядъ маршалка земскаго обыкновенно и проявляетъ себя во время сейма или на государевомъ дворѣ. Когда собирается сеймъ и для присутствованія на немъ съѣзжаются король съ дворомъ, сенаторы, врядники и шляхта. маршалокъ земскій вмѣстѣ съ дворнымъ маршалкомъ распоряжается отведеніемъ «господъ», квартиръ для съѣхавшихся на сеймъ [1]). Во время сейма земскій маршалокъ, какъ членъ сената, засѣдаетъ въ немъ и подаетъ свою раду въ дѣлахъ, обсуждаемыхъ радными панами. Въ радѣ маршалокъ раздаетъ голоса сенаторамъ и поднимаетъ жезлъ для возстановленія тишины и для предупрежденія о рѣчахъ королевскихъ [2]). Дѣлаемыя королемъ назначенія на вряды оглашаются земскимъ маршалкомъ. Такъ, когда на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, король назначилъ 20 іюня этого года Евстафія Воловича Троцкимъ кашталяномъ [3]), оставшійся послѣ этого назначенія вакантнымъ врядъ дворнаго маршалка былъ пожалованъ Сигизмундомъ Августомъ Николаю Христофору Радивилу, и это назначеніе было утверждено королевскимъ привилеемъ, даннымъ того же 20 іюня 1569 года [4]). Но эти назначенія были рѣшены королемъ еще раньше того дня, когда онъ подписалъ привилеи на нихъ, и оглашены они были земскимъ маршалкомъ [5]). То же самое о дѣятельности земскаго маршалка читаемъ въ привилеѣ, данномъ въ тотъ же день 20 іюня 1569 года на врядъ крайчія Яну Кишкѣ: «quod et nuper per magnificum Ioannem Chodkieuicz capitaneum Samogitiae generalem et Magni Ducatus Lithuaniae suppremum marschalcum viua voce fecimus...» [6]), гласитъ этотъ послѣдній отъ королевскаго имени. Черезъ земскаго маршалка король давалъ свои обѣщанія относительно наградъ и пожалованій. Такъ, передъ королемъ

---

[1]) См. выше, стр. 605. [2]) См. выше, стр. 67.

[3]) Привилей Воловичу—Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 60 об.—61 об.

[4]) Ibidem. Л. 61. об.—63. [5]) Ibidem. Л. 62 об. [6]) Ibidem. Л. 64.

Генрихомъ заявилъ въ 1574 году Янъ Ходкевичъ [1]) о томъ, что король Сигизмундъ Августъ, «маючи ласкавое баченье на заслуги старосты Рогачевского, пана Григоря Баки», за его службы «ему опатренье слушъное дати мелъ и то былъ черезъ пана старосту Жомоитского, яко маршалъка земского ему обецалъ». Такое значеніе земскаго маршалка давало ему возможность чаще, чѣмъ кому-либо другому изъ пановъ-радъ, рекомендовать королю лицъ для назначенія на вряды, и дѣйствительно маршалокъ земскій чаще, чѣмъ какой-нибудь другой панъ-рада, упоминается актами «жедающимъ у причинѣ», «дающимъ справу», или «вѣдомость» о службахъ и т. д. Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, занимавшій постъ земскаго маршалка, даетъ, напримѣръ, королю Стефану въ 1576 году «справу» о вакатѣ въ Минскомъ воеводствѣ вряда войскаго послѣ смерти князя Петра Пузины. Минскимъ воеводою былъ въ это время назначенный на эту должность 6 іюля того же 1576 года Николай Павловичъ Сапега. Можетъ быть, онъ еще не успѣлъ войти въ дѣла своего воеводства къ 22-му іюля 1576 года, когда былъ данъ Баторіемъ его привилей на врядъ Минскаго войскаго, но, во всякомъ случаѣ, королю было заявлено о необходимости назначить въ Минскъ войскаго никѣмъ другимъ, какъ именно маршалкомъ земскимъ. Привилей далѣе продолжаетъ: «а ижъ подъ тымъ часомъ бачачи быти того потребу, абы тотъ врадъ в томъ воеводъстве особою якою зацъною засажонъ былъ, подавши намъ его милость (Ходкевичъ) на то земенина тоежъ земли Меньское, Стефана Юръевича Ванькевича, просилъ насъ за нимъ, абыхмо его, яко чоловека з народу зацъного, шляхетъного, а до того годного, на тотъ врадъ преложили» [2]).

Итакъ, дѣятельность земскаго маршалка на дворѣ королевскомъ и во время сейма проявлялась въ слѣдующихъ направленіяхъ: онъ распоряжается назначеніемъ «господъ» для прибывшихъ лицъ двора и сенаторовъ, онъ руководитъ порядкомъ въ радѣ и онъ оглашаетъ назначенія на должности и пожалованія, ходатайствуя

---

[1]) «Лист пана Баки на села Верхстокъ, Курашово и инъшие, до живота ему даные». Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{57}$ л. 48—49 об. Дата: Краковъ, 18 апрѣля 1574 года.

[2]) «Стефану Ванькевичу на войское Менское». Дата: Тыкотинъ, 22 іюля 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{56}$ л. 16—16 об.

нерѣдко при этомъ за награждаемыхъ и назначаемыхъ. Но кромѣ этого, какъ мы видѣли уже изъ содержанія его присяги, онъ имѣлъ свою юрисдикцію. Гейденштейнъ передавая содержаніе споровъ, возникшихъ въ 1580 году въ королевскомъ лагерѣ, по поводу того, кому поручить осаду Велижа, говоритъ, что при особѣ королевской вся гражданская юрисдикція должна находиться въ рукахъ великаго Короннаго маршалка [1]). Но если надъ Поляками ее имѣлъ маршалокъ Коронный, то юрисдикція надъ Литовцами должна была находиться въ рукахъ маршалка земскаго Литовскаго. Онъ отъ своего вряда посылаетъ мандаты, вызывающіе на судъ королевскій въ случаѣ возникновенія дѣла на королевскомъ дворѣ [2]). Онъ же произноситъ приговоры надъ нарушителями порядка и спокойствія въ королевской резиденціи. налагая наказанія до смертной казни включительно [3]). Къ изложенному для характеристики дѣятельности земскаго маршалка во время обычнаго теченія государственной жизни Речи Посполитой, т.-е. когда король царствуетъ, занимая престолъ соединеннаго государства, нужно прибавить еще нѣсколько словъ объ участіи маршалка земскаго въ тѣхъ церемоніяхъ, которыя имѣли мѣсто на дворѣ королевскомъ. Предъ королемъ въ торжественныхъ его выходахъ маршалки Коронный и Литовскій несли свои маршальскіе жезлы, и никто не имѣлъ права идти тогда между ними и королемъ. Когда королева Марія-Казиміра добивалась того, чтобы въ торжественныхъ выходахъ королевичи шли позади маршалковъ, впереди короля Августа II, маршалокъ великій Коронный Станиславъ Любомирскій не допустилъ этого.

Функціонируя во время царствованія королей, врядъ маршалка не переставалъ функціонировать и во время безкоролевій. Въ это время онъ даже пріобрѣталъ особое значеніе въ государствѣ. Отъ маршалка земскаго Литовскаго во время безкоролевья зависитъ назначеніе съѣздовъ Литовскихъ, а также сеймиковъ по Княжеству, и если въ сношеніяхъ Литовскихъ радныхъ пановъ съ Яномъ Ходкевичемъ въ эпоху двухъ первыхъ безкоролевій проглядываетъ уваженіе ихъ къ его личному авторитету, то въ то же время оно, несомнѣнно, обусловливалось и значеніемъ его, какъ маршалка земскаго Литовскаго [4]). Кромѣ своего значенія,

[1]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. войнѣ. Стр. 112. [2]) См. выше, стр. 413.

[3]) *Bandtkie-Stężyński* Hist. pr. p. Str. 618.

[4]) См. ниже, въ изложеніи дѣятельности пановъ-радъ Литовскихъ во время безкоролевья.

какъ врядника, отъ котораго зависятъ назначенія собраній шляхетскихъ для нуждъ Княжества, великій маршалокъ сохранялъ еще въ своихъ рукахъ и юрисдикцію, но эта юрисдикція уже простиралась на все Княжество, а не на одинъ только дворъ государевъ. Такъ, въ 1572 году во время безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Сигизмунда Августа, къ Яну Ходкевичу, какъ земскому маршалку [1]), обратился «dobry uczciwy człowiek», митрополитъ «cerkwi Ruskiey», жалуясь ему въ своемъ письмѣ на пановъ Ярослава и Щаснаго Головчинскихъ, «швагровъ» Ходкевича въ томъ, что они отняли фольварокъ въ Свенциникахъ, издавна «наданый» на церковь, и выгнали оттуда митрополичьяго врядника. Прежде чѣмъ исполнить просьбу православнаго митрополита и выдать напоминальный листъ своимъ родственникамъ, Ходкевичъ проситъ ихъ, «iako powinny przyiaciel», вернуть несправедливо захваченный ими фольварокъ и предупредить такимъ образомъ законное теченіе дѣла со всѣми его послѣдствіями.

Маршалки земскіе оглашаютъ мѣсто для совершенія королевской елекціи, назначаемое примасомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ [2]). Во время перваго безкоролевья Янъ Фирлей, великій маршалокъ Коронный, даже оспаривалъ у примаса право стоять во главѣ государства, считая это право своимъ [3]). Что касается до оглашенія избранія королевскаго, то номинація Генриха была

[1]) Вил. Арх. Сб. X. № 2 (Стр. 218).

[2]) Въ универсалѣ, выданномъ подъ Варшавою 25 августа 1587 года послѣ номинаціи двухъ королей (Сигизмунда и Максимиліана), читаемъ: «my, rady ricerstwo oboiga narodu coronny (sic) Polskiey i wielkiego xięstwa Litewskiego, wszystkim, komu to wiedziec naliezy, oznaimuiemy, isz, ziachawszy sie do Warszawy na seim elekcyei krolia, staralismy, aby naprzod uulnera R. P. spolnei oboiga narodu excessi exorbitanciae, grawamina przed nominatią krolia zniessione i wwsą k liubę wprawione byli, chcąc pana do rządu przywiesc, liecz. isz niektorzy z senatorow, z ricerstwa coronnego, miedzi ktoremi i czi byli, co sie na to podpisali, nie przyimuiąc w tei mierze conwocatyei, burzili to nam rozmaietemi sposoby, czas zwłocząc. Za tem wielie liudzi iako senatu, tak ricerstwa więtsza częsc, widząc czas zwłoczony i rozumieiąc, ze nad zwyczai seimowy electia daliei trwac nie miała, roziachali sie, a w tym częsc senatorow i ricerstwa coronnego okrom narodu Litewskiego, odłączywszy sie na osobne mieisce od kola generalnego oboiga narodu, od mieisca, wszech stanow naznaczonego i przez arcibiskupa Gnieznienskiego marszalki oboiga narodu publicowanego bez bytnosc i wiadomosci częsci R. P., to iesth wszytkiego narodu wielkiego x. Litewskiego...» Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 236.

[3]) См. выше, стр. 92 и. сл.

начата примасомъ и провозглашена Короннымъ и Литовскимъ земскими маршалками [1]); провозглашеніе же Баторія королемъ соединеннаго государства совершилось безъ участія Литовцевъ [1]).

Чтобы покончить наше изложеніе функціонированія вряда земскаго маршалка Княжества, нужно сказать еще нѣсколько словъ о значеніи великаго маршалка во время войны. «Что же касается до Польскаго гетмана», читаемъ у Гейденштейна, [2]) «то обычаемъ предковъ установлено такъ, что высшая военная власть должна принадлежать (великому) гетману, а вся гражданская юрисдикція при особѣ королевской должна находиться въ рукахъ великаго маршалка Короннаго; въ случаѣ же отсутствія гетмана, маршалокъ принимаетъ на себя его обязанности въ лагерѣ». Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что порядокъ, излагаемый Гейденштейномъ для гетмана и земскаго маршалка Коронныхъ былъ такимъ же и для одноименныхъ врядовъ Литовскихъ. Трудно себѣ представить, чтобы земскій маршалокъ не имѣлъ никакого земско-военнаго значенія въ государствѣ, въ которомъ большинство земскихъ врядовъ возникло именно въ цѣляхъ организаціи военнаго дѣла въ посполитомъ рушеньѣ. Мы видѣли выше, какое значеніе имѣлъ маршалокъ земли Волынской [3]). Несомнѣнно, что и маршалокъ земскій долженъ былъ играть выдающуюся роль во время рушенья шляхты-народа Княжества. На основаніи словъ Гейденштейна о значеніи въ лагерѣ земскаго маршалка Короны рядомъ съ ея гетманомъ можно по аналогіи заключать, что и Литовскій земскій маршалокъ во время рушенья былъ вторымъ лицомъ по значенію и замѣстителемъ наивысшаго гетмана Княжества.

Кромѣ маршалка земскаго великое княжество Литовское имѣло въ числѣ своихъ сенаторовъ-врядниковъ маршалка дворнаго. Нося то же названіе маршалка, этотъ послѣдній стоялъ на іерархической лѣстницѣ Литовскихъ сенаторскихъ врядовъ, гораздо ниже маршалка земскаго. Земскій маршалокъ занималъ первое послѣ кашталяновъ мѣсто въ спискѣ сенаторскихъ врядовъ Княжества, маршалокъ же дворный стоялъ въ этомъ спискѣ самымъ послѣднимъ, и переходъ изъ дворныхъ маршалковъ на маршалковство земское являлся очень крупнымъ повышеніемъ сенатора

---

[1]) См. выше, стр. 103.

[2]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. войнѣ. Стр. 112.

[3]) А. Ю. и З. Р. I. № 79 (1525 г.).

по іерархической лѣстницѣ урядовъ. Въ привилеѣ, данномъ Сигизмундомъ Августомъ 20 іюня 1569 года Николаю Криштофу Радивилу на должность дворнаго маршалка, его обязанности распадаются на двѣ главныя части: 1) marschalcatus curiae. 2) disciplina aulae, т.-е. обязанности маршалка въ сенатѣ и порядокъ на дворѣ королевскомъ [1]). Исполняя первую часть своихъ обязанностей, онъ раздаетъ голоса сенаторамъ во время ихъ засѣданій, какъ это дѣлаетъ и маршалокъ земскій. Черезъ дворнаго, какъ и черезъ земскаго маршалка, король объявляетъ о своихъ назначеніяхъ. Такъ, Баторій, назначивъ Яна Замойскаго великимъ Коронньмъ гетманомъ въ 1581 году, объявилъ свое назначеніе черезъ дворнаго Короннаго маршалка, Андрея Зборовскаго [2]). Тотъ же Зборовскій оглашалъ и другія назначенія по Коронѣ [3]), такъ какъ великій Коронный маршалокъ, Опалинскій, не былъ при королѣ во время похода. Аналогичную роль при назначеніяхъ по Княжеству, конечно, долженъ былъ играть дворный маршалокъ Литовскій, замѣняя собою земскаго маршалка Княжества. Кромѣ того, маршалокъ дворный стоялъ во главѣ дворныхъ королевскихъ врядниковъ и дворянъ. Во время посполитаго рушенья онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ среди нихъ то же значеніе, которое имѣлъ маршалокъ повѣтовый среди врядниковъ и шляхты своего повѣта. Стоя во главѣ дворянъ, онъ передаетъ имъ и королевскія распоряженія относительно переѣзда двора съ

---

[1]) «Quam ob rem cum post ascensum magnifici Eustachii Wołowicz Magni Ducatus Lithuaniae vicecancellarii et marschalci curiae nostrae ad ampliorem castellanatum Trocensem gradum, marschalcatus curiae nostrae Magni Ducatus Lithuaniae vaccaret, hic nobis occurrebat cum illum hoc tempore mandandum arbitraremur. Quod quidem paulo ante publice viua voce per magnificum Ioannem Chodkiewicz, capitaneum Samogitiae et Magni Ducatus Lithuaniae suppremo (sic) marschalco (sic) fecimus et nunc hisce litteris nostris facimus: marschalcatum curiae nostrae eundem ac aulae nostrae disciplinam et regimentum sententiarum rogandarum hospitiorum assignandorum foraliumque pro usus (sic) suo exigendorum ius et potestatem eidem dantes et committentes cum caeteris omnibus negotiis et muneribus, quae sub ditione huius magistratus antiquitus, ac potissimum magnifico Eustachio Wołowicz illum gerente, erant ac cum omnibus priuilegiis, praerogatiuis et emolumentis, quae ad eum ex legibus vel consuetudine pertinet, vel deinceps pertinebunt nullis omnino exceptis». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 62 об., 63.

[2]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. войнѣ. Стр. 190. Коронный великій маршалокъ Опалинскій не находился при королѣ въ походѣ.

[3]) Нпр., Дневникъ п. п. Ст. Б. Стр. 16.

*

одного мѣста на другое [1]). Во время переѣздовъ королевскаго двора онъ назначаетъ «господы», какъ и маршалокъ земскій [2]). Наконецъ, дворный маршалокъ исполняетъ свои опредѣленныя обязанности и во время придворныхъ церемоній, притомъ иногда замѣняя земскаго маршалка, если послѣдній отсутствуетъ.

Помимо обязанностей дворнаго маршалка «in curia» и «in aula» привилей Николаю Криштофу Радивилу говоритъ о «foralia» [3]), о сборѣ съ торговцевъ, взимаемомъ маршалкомъ дворнымъ, по словамъ грамоты, «pro usu suo», т.-е. въ свою пользу. Акты знаютъ о распоряженіяхъ маршалковъ, касающихся сборовъ въ скарбъ государевъ. Такъ, 4 іюля 1563 года изъ Ковна черезъ дворянъ были разосланы листы «до мест о позычку». Вмѣстѣ съ ними были посланы «листы пана маршалъка его милости дворного, писаны до поборъцовъ, абы в мешчан пенези отбирали» [4]). Оригинала этихъ листовъ маршалка въ книгѣ Метрики Литовской не сохранилось: онъ не былъ вписанъ въ нее, а былъ лишь упомянутъ. Королевскій же листъ вписанъ въ книгу, и вотъ содержаніе листа, писаннаго въ Бобруйскъ, по образцу котораго составлены были и всѣ остальные листы, лишь съ замѣною именъ и суммы «позычки» другими [5]). «Войту и всимъ мешчаномъ места Бобруйского. Ижъ великие пилные а праве кгвалтовные потребы на сес часъ припали, на которые пенезей до скаръбу нашого естъ потреба, а податокъ на потребу речи посполитое, на сойме, тепер недавно минуломъ, уфаленый серебъшчина ешче не выбрана, про то покладаем на тое место нашо на всих васъ суму пенезей двесте копъ грошей». Въ Бобруйскъ посылается королевскій дворянинъ и мѣщанамъ приказывается, чтобы они черезъ недѣлю послѣ предъявленія имъ настоящаго листа дворяниномъ, отдали требуемыя съ нихъ деньги тамошнему поборцѣ, Стомѣ Макеевичу, «проволоки никоторое в томъ не чинечи и того часу и дня назна-

---

[1]) Дворный маршалокъ Коронный, напримѣръ, передалъ двору королевское рѣшеніе «рушиться» въ Вильну (1581 г.). Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 156.

[2]) См. выше, стр. 643 прим. 1.

[3]) О значеніи слова см. *Н. Горбачевскій.* Словарь древняго актоваго языка С.-З. края и царства Польскаго. Стр. 135.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 11 об.; листы до поборцевъ Берестейскаго и Волковыйскаго упомянуты въ книгѣ Метрики отдѣльно, выше на л. 10 об.

[5]) «Тые листы такъ писаны о данье пенезей водле вложенья соймового кождого места». Ibidem. Л. 11.

чоного ничимъ омешкати не смеючи». Поборца же эти деньги представитъ въ скарбъ и, когда постановленный сеймомъ податокъ будетъ внесенъ въ скарбъ, бирчіе земскіе, назначенные «на отбиране серебъщчины», вернутъ мѣщанамъ взятыя у нихъ теперь деньги [1]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ случай принудительнаго займа въ скарбъ съ городовъ, и маршалокъ дворный посылалъ свое приказаніе «выбирать» этотъ заемъ, постановленный королемъ.

Въ той же книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Метрики сохранилась и такая запись: «а то листы пана маршалъка дворного писано, жебы серебшчизну на ден Нароженья Панъны Марии до скарбу его кр. млсти отнесли» [2]). Запись эта сдѣлана также въ 1563 году. Наконецъ, тамъ же встрѣчаемъ и еще одну запись, говорящую о дѣятельности дворнаго маршалка—«месеца сент. 21 дня послано князя Ивана Жижемского з листы, то естъ з листы пана маршалъка его милости дворного до мешчанъ, абы поборы арендовали в местах» [3]). Самаго текста маршалковскихъ листовъ въ книгѣ не приведено въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ также, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что дворный маршалокъ игралъ какую-то роль при сборѣ денежныхъ податковъ, налагаемыхъ сеймомъ, а также и при финансовыхъ операціяхъ скарба въ городахъ. Однако, мы не имѣемъ возможности подробно выяснить эту сторону дѣятельности вряда дворнаго маршалка, такъ какъ намъ не удалось встрѣтить въ источникахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ для этого данныхъ.

Второе послѣ земскаго маршалка мѣсто въ ряду сенаторовъ-министровъ занималъ канцлеръ. Его присяга тождественна по своему содержанію съ присягою подканцлера. Вотъ ея текстъ [4]) времени Сигизмуда Августа въ переводѣ съ Польскаго языка: «я (имя) присягаю въ томъ, что на этомъ врядѣ канцлерства (или подканцлерства), мнѣ порученномъ, буду вѣренъ наіяснѣйшему князю и пану, пану Сигизмунду Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому и потомкамъ его королевской милости; не выдамъ никакихъ листовъ пергаменныхъ безъ вѣдома, воли и устнаго приказанія его королевской милости, великаго князя; точно также и листовъ бумажныхъ, какъ въ Княжество,

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 11, 11 об.

[2]) Ibidem. Л. 39. [3]) Ibidem. Л. 44.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 3.

такъ и на сторону, которые бы служили во вредъ достоинству, авторитету и величію короля и великаго князя, или благодаря которымъ могъ бы приключиться какой-либо вредъ королю или Княжеству, или, наконецъ, которые были бы противны правамъ и вольностямъ посполитымъ Княжества или противорѣчили бы другимъ листамъ, выданнымъ изъ канцеляріи, или имѣли бы другой съ ними смыслъ—никакихъ мембрановъ не буду выдавать и писать иначе, какъ съ вѣдома короля, по приказанію и съ вѣдома котораго только и обязуюсь выдавать мембраны. Въ радѣ буду подавать мой совѣтъ королю самому и Литовскому княжеству и речи посполитой правдиво, вѣрно и благожелательно. Никакихъ тайнъ, мнѣ ввѣренныхъ, никогда и никому не открою иначе, какъ по волѣ и приказанію его королевской милости. Все вредное, что только замѣчу и увижу, откуда бы то ни было, доложу королю, въ томъ его предупрежу и самъ, сколько буду имѣть возможности, буду отражать и отвращать. Такъ помоги мнѣ Боже!»

Текстъ этой присяги, относящійся ко времени послѣдняго Ягеллона и, вѣроятно, къ эпохѣ еще до Уніи 1569 года, рисуетъ обязанности канцлера исключительно въ дѣлѣ выдачи листовъ изъ канцеляріи. Въ соединеніе съ Польшею Княжество вступило, имѣя своимъ канцлеромъ Виленскаго воеводу, Николая Юрьевича Радивила. Но въ 1579 году онъ сложилъ съ себя должность канцлера, сдѣлавъ это по словамъ привилея [1]), даннаго на канцлерство его преемнику, «et propter ingravestentem aetatem et propter onera imperatoris belli, cuius officio difficili ac negocioso nunc fungitur». Привилей этотъ, данный Евстафію Воловичу, не перечисляетъ обязанностей канцлера, а лишь исчисляетъ достоинства Воловича, назначаемаго на эту должность. Конечно, онѣ остались такими же, какими были и во время канцлерства Радивила, какими были и наканунѣ Уніи 1569 года.

Текстъ присяги, приносимой по своему вряду канцлеромъ, говоритъ лишь о завѣдываніи имъ королевскою канцеляріей и листами, документами, изъ нея выходящими. Въ рукахъ канцлера находилась большая печать великаго княжества Литовскаго—Sigillum maius Magni Ducatus Lithuaniae, безъ приложенія которой не признаются дѣйствительными листы и грамоты, выходящіе отъ короля. Въ силу того, что канцлеръ и подканцлеръ были хранителями госу-

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 1—1 об.

дарственной печати и прикладывали ее къ документамъ, они носили званіе «печатарей». Когда на сеймики 1571 года были посланы Сигизмундомъ Августомъ сеймовые листы и инструкціи посламъ его запечатанными не, какъ обыкновенно, большою печатью Княжества, а просто королевскимъ сигнетомъ, повѣтовая шляхта стала требовать новыхъ листовъ съ обычною печатью, и паны-рада даже нашли нужнымъ заявить объ этомъ королю [1]). Изъ грамоты короля, писанной къ сенаторамъ въ отвѣтъ на это ихъ заявленіе, узнаемъ, что листы эти были запечатаны сигнетомъ, т.-е. перстнемъ королевскимъ, потому, что во время ихъ изготовленія и разсылки при королѣ не было никого изъ печатарей. Король говоритъ, что въ Польшѣ дѣло обычное—если нѣтъ при королѣ печатарей, то листы всегда запечатываются сигнетовою печатью, чтобы не было никакой задержки въ отправленіи государственныхъ дѣлъ. Если бы пришлось привилеи или данины выпустить изъ канцеляріи съ сигнетовою печатью, то эти документы «собе отновляли потомъ у большое печати». Сигизмундъ Августъ говоритъ, что, когда канцлеръ, или подканцлеръ живутъ при королѣ, то и листы сеймовые и всѣ иныя справы земскія должны отправляться не иначе, какъ «через руки и справу» ихъ. Печатари въ этомъ дѣлѣ требовали, чтобы листы до ихъ разсылки были посланы для подписи и приложенія печати къ канцлеру или подканцлеру. Переписка эта короля съ панами-радами даетъ намъ прекрасныя свѣдѣнія о значеніи печатарскаго вряда въ Княжествѣ. Безъ приложенія печатарями печати не имѣетъ силы привилей королевскій; онъ долженъ быть утвержденъ не только королевскою подписью, но и государственною печатью. Если въ поднятомъ шляхтою вопросѣ о запечатываніи сеймовыхъ листовъ слышится, главнымъ образомъ, опасеніе за права Княжества въ соединенномъ государствѣ, то для пановъ-радъ особенно, а также и для самой шляхты, это нововведеніе могло казаться опаснымъ прецедентомъ для усиленія королевской власти. Печатарь могъ

[1]) См. выше, стр. 88—90, прим. 3. На одной грамотѣ Баторія городу Городнѣ, относящейся къ 1576 году, значится—«a pieczęć w. x. Lit. mnieysza» (А. Вил. VII. Стр. 103). Но едва ли это не погрѣшность изданія. Въ самомъ дѣлѣ, если меньшая печать Литовская была приложена къ этому документу при королѣ Стефанѣ, то нужно ожидать, что и на подтвержденіи этой грамоты Сигизмундомъ III будетъ находиться та же печать; между тѣмъ, на ней значится просто печать Княжества. По всей вѣроятности, въ Литвѣ была только одна—большая печать государственная.

противиться болѣе или менѣе удачно королевскому распоряженію и могъ даже прямо отказаться приложить печать къ грамотѣ, идущей въ разрѣзъ съ правами Литвы и съ ея обычными порядками.

Литовская печать, повидимому, имѣлась въ двухъ экземплярахъ: одинъ долженъ былъ находиться у канцлера, другой—у подканцлера; иначе нельзя себѣ объяснить, почему королю представлялось возможнымъ посылать одни и тѣ же листы для приложенія печати и къ тому, и къ другому печатарю безразлично. Самая печать Княжества представляла изъ себя «погоню», т.-е. изображеніе скачущаго вооруженнаго всадника. Хранилась она со всевозможною осторожностью и заботливостью. Евстафій Воловичъ, находясь въ лагерѣ Баторія во время его похода 1581 года, хранилъ Литовскую печать подъ замкомъ въ желѣзномъ сундукѣ, прикрѣпленномъ къ ножкѣ постели [1]). Однако, несмотря на всю заботу объ ея сохранности, бывали случаи пропажи печати. Она была украдена у того же Воловича въ ночь на 18 іюля 1581 года [2]). Конечно, пропажа печати вызвала общую тревогу, озаботила самого короля и потребовала даже изданія особыхъ универсаловъ [3]).

Итакъ, въ обязанностяхъ канцлера мы должны прежде всего отмѣтить храненіе государственной печати: онъ хранитъ ее и прикладываетъ къ королевскимъ грамотамъ, не имѣющимъ безъ нея несомнѣнной силы и безспорнаго значенія. Другою стороною въ дѣятельности канцлера было управленіе и завѣдываніе государственною канцеляріей Княжества. Какъ государственная печать хранилась у канцлера и подканцлера, причемъ они оба могли утверждать королевскіе листы, прикладывая ее, такъ и канцеляріей завѣдывалъ канцлеръ при ближайшемъ участіи и помощи со стороны подканцлера. Подъ начальствомъ канцлера состоялъ цѣлый штатъ писарей и дьяковъ, которые вели книги канцеляріи подъ надзоромъ и завѣдываніемъ обоихъ пановъ-печатарей, т.-е. канцлера и подканцлера. Но мы уже выше познакомились съ Литовскою канцеляріей, когда разсматривали обязанности писарей Княжества [4]). На королевскомъ дворѣ въ канцеляріи Литовской служили многія лица, подобно Ужвенскому тивуну, Семену Войнѣ, который служилъ тамъ «з давнихъ часовъ, а праве з молодости

[1]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 31. [2]) Ibidem. Стр. 29, 30.
[3]) Ibidem. Приложенія. № 53 (стр. 277, 278).
[4]) Стр. 402—405.

летъ своихъ» [1]), или подобно секретарю королевскому, земскому Виленскому писарю Андрею Мацкевичу, который Сигизмунду Августу также «з молодости летъ своихъ при каньцлярыи, на služъбахъ его королевское милости бываючи, охотне прислуговывалъ» [2]). Всѣ они, конечно, находились «подъ справой» канцлера и подканцлера, несли ли обязанности писарей, или дьяковъ, или употреблялись на другія нужды и надобности Литовской канцеляріи.

Въ радѣ королевской канцлеръ Литовскій долженъ былъ играть выдающуюся роль. И то, что этотъ врядъ вручался самымъ первымъ по своему значенію раднымъ панамъ Литовскимъ, и то, что онъ имѣлъ значеніе, изложенное выше, уже говоритъ намъ за это. Въ самомъ дѣлѣ, канцлеръ долженъ былъ стоять особенно близко къ королю вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ нимъ государя по поводу каждаго листа и привилея королевскаго, обязательно проходящаго черезъ руки его или подканцлера. «Намова» короля съ канцлеромъ должна была быть дѣломъ особенно частымъ, обычнымъ и необходимымъ. Когда, напримѣръ, Сигизмунду Августу написалъ Кіевскій бискупъ, Николай Пацъ, что онъ еще не получилъ пожалованныхъ ему полутораста волокъ въ землѣ Жомоитской, король ему отвѣчалъ изъ Варшавы 29 марта 1571 года: «в той речи мы господаръ сезде з воеводою Виленъскимъ, канцлеромъ великого князства Литовского, старостою Мозырским и Лидъскимъ, державцою Борисовъскимъ, паномъ Миколаемъ Радивиломъ намову учинивши, через его жь милость твоей милости волю нашу ознаймити не занехаемъ» [3]). Гейденштейнъ говоритъ, что канцлеръ «предсѣдательствуетъ въ радѣ, въ судахъ, вводитъ пословъ и представляетъ королю о просьбахъ и заслугахъ отдѣльныхъ лицъ; къ канцлеру же, въ случаѣ отсутствія маршалка, переходитъ и вся власть послѣдняго» [4]). Но въ этой характеристикѣ вряда канцлера явное недоразумѣніе, такъ какъ предсѣдателемъ рады былъ король, а во время безкоролевій — примасъ; что же касается до судовъ, то вовсе не существовало никакого спеціаль-

---

[1]) «Лист пану тивуну Ужвеньскому на державы Полонку и Кгоржьды». Дата: Краковъ, 4 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 86—87.

[2]) «Листъ пана Мацкевичовъ на полторы волоки под Ковномъ и на застенокъ у волости Велюньской». Дата: Краковъ, 29 апрѣля 1574 года. Ibidem. Л. 1 об.—2 об.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 11 об. [4]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. в. Стр. 112.

наго суда, или вида судовъ, въ которомъ канцлеръ былъ бы председателемъ по своему вряду. Вѣрнымъ въ характеристикѣ должности канцлера, которую находимъ въ «Запискахъ о Московской войнѣ», трудно признать и то, что канцлеръ вводилъ по своему вряду пословъ къ королю. Когда 1 февраля 1581 года Стефану Баторію представлялись прибывшіе Московскіе послы, то представленіе ихъ было совершено слѣдующимъ образомъ. На встрѣчу посламъ вышли два каштеляна, Жарновскій и Сохачевскій, и проводили ихъ до избы, въ которой находился король вмѣстѣ съ сенаторами. Передъ дверями ихъ встрѣтилъ Евстафій Воловичъ, Виленскій каштелянъ и канцлеръ Литовскій, вмѣстѣ съ дворнымъ маршалкомъ Короннымъ. Но Воловичъ встрѣтилъ пословъ съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ [1]), и ясное дѣло, что въ данное время онъ исполнялъ обязанность отсутствовавшаго земскаго маршалка, а не канцлера. Во время пріема пословъ канцлеръ по своему собственному вряду не встрѣчалъ пословъ, а давалъ имъ королевскій отвѣтъ. Когда 12 февраля 1581 года тѣ же Московскіе послы были вновь введены маршалками къ королю и, когда ударивъ ему челомъ, едва дошли до своей скамьи, канцлеръ Литовскій произнесъ громкимъ голосомъ: «слово господарское». Когда послы встали, онъ объявилъ имъ королевское рѣшеніе — согласно ихъ желанію, они еще разъ должны переговорить съ панами-радами, удалившись въ другой домъ [2]). Передача канцлеромъ рѣшеній и мыслей королевскихъ была тѣмъ естественнѣе, что онъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ короля и исполнителемъ его повелѣній, какъ начальникъ государственной канцеляріи. Не будемъ забывать, что Коронный канцлеръ Янъ Замойскій, былъ обычнымъ ораторомъ на сеймахъ эпохи Баторія, высказывая въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ мысли и намѣренія короля.

Что касается до объявленія назначеній и пожалованій королевскихъ, то, повидимому, нужно признать, что они дѣлались канцлеромъ такъ же, какъ и маршалкомъ земскимъ. Мы видѣли выше, что Литовскій канцлеръ долженъ былъ извѣщать Кіевскаго бискупа о королевскомъ пожалованіи. «Дневникъ» послѣдняго похода Баторія говоритъ также и о назначеніяхъ, оглашаемыхъ канцлеромъ [3]).

Характеризуя врядъ канцлера, мы уже дали и характеристику

---

[1]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 2. [2]) Ibidem. Стр. 5.
[3]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 162.

должности подканцлера. Въ самомъ дѣлѣ, оба эти врядника, хранители государственной печати стоятъ во главѣ государственной Литовской канцеляріи, и какъ канцлеръ завѣдуетъ выдачею листовъ и привилеевъ изъ канцеляріи, такъ и подканцлеръ получаетъ приказанія королевскія выдать привилей тому или другому лицу [1]). Мы видѣли выше, что присяга ихъ обоихъ по своему содержанію совершенно тождественна; слѣдовательно, ихъ обязанности были одинаковы и ихъ положеніе отличалось лишь старшинствомъ вряда и большею авторитетностью, съ нимъ связанною: подканцлеръ былъ младшимъ товарищемъ канцлера. При королевскихъ пріемахъ также присутствовали подканцлеры [2]), но, конечно, и тутъ была замѣтна меньшая авторитетность ихъ, чѣмъ канцлеровъ.

Познакомившись съ врядами печатарьскими, перейдемъ къ характеристикѣ едва ли не самаго труднаго и сложнаго по кругу дѣлъ, ему подчиненныхъ, вряду—должности земскаго подскарбія. Завѣдываніе государственными финансами — дѣло сложное и нелегкое вообще, затруднялось въ Княжествѣ еще болѣе, благодаря спеціальнымъ условіямъ, въ которыхъ находился Литовскій земскій скарбъ изучаемой эпохи, при своей задолженности, неаккуратныхъ поступленіяхъ, системѣ залога столовыхъ имѣній, военныхъ расходахъ эпохи и рядѣ другихъ неблагопріятныхъ условій. Земскій подскарбій, подобно всѣмъ остальнымъ врядникамъ великаго княжества Литовскаго, при вступленіи въ свою должность приносилъ присягу. Текстъ ея введетъ насъ въ кругъ его дѣятельности, а потому приведемъ его въ переводѣ съ Польскаго языка, какъ мы это дѣлали и при изложеніи дѣятельности другихъ врядовъ. Текстъ этотъ, какъ и текстъ присяги маршалка и печатарей, относится къ эпохѣ послѣдняго Ягеллона. «Я (имя) присягаю въ томъ, что буду на порученномъ мнѣ врядѣ подскарбства вѣренъ наіяснѣйшему князю и пану, пану Сигизмунду Августу, королю Польскому великому князю Литовскому, его потомкамъ и великому княжеству Литовскому; врядъ мой буду исправлять съ искреннею вѣрностью и съ величайшимъ усердіемъ не для моихъ собственныхъ выгодъ, а лишь для пользы его королевской милости. Всякіе клейноты и инсигніи великаго Княжества, привилеи и скарбъ его буду хранить съ великою тщатель-

---

[1]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 20 об. [2]) Нпр., Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 20.

ностью, всѣ доходы и все, что належитъ и принадлежитъ скарбу его королевской милости, буду выбирать съ величайшею вѣрностью и вниманіемъ и буду завѣдывать ими съ величайшею вѣрностью и стараніемъ. Чеканить монету, когда явится въ этомъ надобность, буду съ выгодою, нужные расходы изъ государственнаго скарба—выправу жолнеровъ, дворянъ, пословъ и всѣ справы, которыя только какъ къ собственной, такъ и къ государственной выгодѣ его королевской милости и великаго Княжества относятся, также всѣ мои обязанности и вряды согласно опредѣленію статутовъ княжества Литовскаго буду обдумывать и выполнять. По приказанію его королевской милости, великаго князя Литовскаго и за радою сенаторовъ и врядниковъ его королевской милости въ радѣ короля его милости и великаго Княжества буду подавать совѣты доброжелательно, никакихъ тайнъ, довѣренныхъ мнѣ королемъ его милостью или панами радами его королевской милости, никому не открою и не объявлю противъ воли и къ ущербу и униженію короля и великаго Княжества. Все, что увижу, пойму, придумаю и услышу, доведу до свѣдѣнія короля его милости и сенаторовъ и въ томъ его королевскую милость и сенаторовъ предостерегу и по мѣрѣ силъ моихъ буду (вредное) отражать [1]). Такъ помоги мнѣ Боже!» [2]). Присяга была составлена еще до 1569 года, но врядъ земскаго подскарбія нисколько не измѣнилъ своего значенія и компетенціи и послѣ заключенія Люблинской Уніи. Мы уже знаемъ, что Литовскій скарбъ послѣ Уніи остался по прежнему отдѣльнымъ скарбомъ Княжества и объ измѣненіи положенія и значенія земскаго Литовскаго подскарбія не было и рѣчи на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Ввиду отвѣтственности, сложности и значенія вряда земскаго подскарбія, назначеніе на него должно было быть дѣлаемо съ особою осторожностью. Въ моментъ вступленія Стефана Баторія на престолъ Речи Посполитой врядъ этотъ «ваковалъ» послѣ смерти земскаго подскарбія Николая Павловича Нарушевича, послѣдовавшей въ 1575 году. Новый король, только что вступившій на Польско-Литовскій престолъ, замѣстилъ этотъ врядъ, назначивъ на него дворнаго подскарбія, Лаврина Войну, но сдѣлалъ это не иначе, какъ обратившись съ просьбою о рекомендаціи достой-

[1]) Здѣсь другою рукою вписано еще слѣдущее: «na sądach sprawiedliwę dam sentencię».

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 3—3 об.

наго и способнаго лица на эту должность къ панамъ-радамъ Польскимъ и Литовскимъ [1]). Привилей, данный Лаврину Войнѣ на его врядъ, въ отличіе отъ обыкновенно выдаваемыхъ привилеевъ на должности, очень подробно перечисляетъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскаго подскарбія, и даетъ такимъ образомъ для изслѣдователя весьма цѣнный матеріалъ. Обязанности земскаго подскарбія этимъ привилеемъ раздѣляются на его обязанности въ радѣ королевской и въ скарбѣ земскомъ. Въ сенатѣ подскарбій долженъ подавать мнѣнія и воты, пользуясь при этомъ всѣми преимуществами и почетомъ, принадлежащими званію пана-рады и земскаго подскарбія. Такимъ образомъ въ радѣ королевской онъ засѣдаетъ рядомъ съ другими панами-радами, принимая участіе на равныхъ съ ними условіяхъ въ совѣщаніяхъ и дѣятельности сената. Гораздо сложнѣе были его обязанности по управленію и завѣдыванію скарбомъ земскимъ Литовскимъ. Весь земскій скарбъ «в справованю своемъ» долженъ имѣть онъ и никто другой, какъ говоритъ привилей. Завѣдуя скарбомъ земскимъ, онъ вѣдаетъ и поступленія въ него и изъ него выдачи. Поступленія въ скарбъ идутъ отъ воеводъ, старостъ, державцевъ, ловчаго Литовскаго, намѣстниковъ, тивуновъ, лѣсничихъ, цельниковъ, мытниковъ, поборцевъ («такъ хрестиянъ яко и жидовъ»), войтовъ, старцевъ и всякихъ врядниковъ, какимъ бы именемъ они ни назывались, словомъ ото всѣхъ, кто собираетъ какіе бы то ни было доходы, подлежащіе передачѣ въ скарбъ черезъ ихъ посредство, со столовыхъ имѣній, мытъ, товаровъ лѣсныхъ, всякихъ арендъ и т. д. Принимая эти поступленія, подскарбій долженъ выслушать отчетъ «личбу» и, провѣривъ его, принять то, что представлено правильно, и выдать свой «квитъ», квитанцію въ пріемѣ. Вѣдая всѣ эти доходы, подскарбій можетъ замѣтить необходимость ревизіи того или другого источника скарбоваго дохода, будетъ ли это воеводство, староство, лѣсничество, или какая-либо другая доходная государственная статья. Въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право самъ своею властью, не спрашиваясь у короля и пановъ-радъ, послать ревизоровъ для такой ревизіи и послѣ нея своею властью сдѣлать постановленіе объ уменьшеніи

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 18—21 об. Ввиду очень большого объема, документъ не можетъ быть изданъ въ примѣчаніи, а потому ограничиваемся лишь подробнымъ его пересказомъ. Дата документа: Варшава, 30 іюля 1576 года.

или увеличенiи скарбоваго дохода по той или другой доходной статьѣ.

Но не однихъ ревизоровъ назначаетъ подскарбій своею властью. Онъ также назначаетъ мытниковъ и поборцевъ для сбора старыхъ мытъ, серебщизныхъ поборовъ и всякихъ податковъ съ имѣній государевыхъ, княжескихъ, панскихъ, духовныхъ и земянскихъ, которые были установлены въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и имъ даетъ приказаніе «с пильностью» выбирать ихъ въ скарбъ земскій. Доходы скарба получались не только съ воеводствъ и державъ, отданныхъ въ держанье и управленіе; источникомъ доходовъ государственныхъ была и сдача въ аренду государственныхъ земель и угодій. Подскарбій имѣетъ власть сдавать въ аренду фольварки, гумна, доходы староствъ и державъ, принадлежащіе скарбу, точно такъ же, какъ всѣ товары лѣсные въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ земляхъ, ему принадлежащихъ, такъ же какъ и мыта самъ лично и черезъ своихъ писарей «справовати» и сдавать въ аренду съ наибольшею выгодою для скарба. Такимъ образомъ въ рукахъ подскарбія земскаго сосредоточивается все завѣдываніе доходами земскаго скарба, Въ силу этого со смертью всякаго державцы столоваго имѣнія (будетъ-ли это воевода, староста, державца, намѣстникъ, тивунъ, лѣсничій, владыка или архимандритъ Русскій), въ ихъ земли подскарбій земскій (и притомъ онъ одинъ и имѣетъ на это право) посылаетъ своихъ уполномоченныхъ, беретъ земли на государя, держитъ ихъ и всѣ доходы, идущіе съ нихъ въ скарбъ, въ него собираетъ; что же касается до тѣхъ доходовъ съ этихъ земель, которые причитаются державцѣ ихъ, то онъ беретъ ихъ себѣ и обращаетъ въ свою частную собственность. Онъ завѣдуетъ и эксплоатируетъ эти земли, изыскивая въ нихъ новые источники дохода вплоть до того времени, когда будетъ назначенъ новый ихъ державца, а съ назначеніемъ таковаго подскарбій же долженъ передать ему эти земли и сдѣлать его въ нихъ «увязанье». Такова компетенція подскарбія земскаго по отношенію къ тому, что является источникомъ доходовъ для скарба великаго княжества Литовскаго. Но скарбъ не только получаетъ доходы, онъ дѣлаетъ и расходы на нужды государственныя. Эти расходы, прежде всего и главнымъ образомъ, дѣлаются на оборону государства и на военныя его нужды. Подскарбій ведетъ счетъ тому, сколько выслужили на скарбѣ государственномъ «люди служебные» конные и пѣшіе, замковые и польные, также пушкари,—

счетъ и того, что они уже выслужили, и того, что они будутъ выслуживать. Кромѣ содержанія войска, оборона государства требуетъ устройства и содержанія въ исправности крѣпостей. Поэтому подскарбій долженъ не только выплачивать «заслужоное» людямъ служебнымъ и пушкарямъ, но и ремесленникамъ замковымъ, а также и то, что требуется на строевые расходы и снабженіе провіантомъ замка Виленскаго и другихъ Литовскихъ замковъ, а особливо Русскихъ и Лифлянтскихъ. Всѣ эти расходы распоряженіемъ подскарбія вписываются въ скарбные реестры и согласно имъ производится изъ скарба выдача государственныхъ денегъ. Но не на одни военные расходы производитъ подскарбій выдачи изъ земскаго скарба; юргельты, т.-е. пенсіи, назначаемыя королемъ какъ людямъ военнымъ, такъ и земскимъ врядникамъ, также выдаются имъ по назначенію королевскому. Наконецъ, обязанностью земскаго подскарбія является и чеканка монеты. Согласно Люблинскому договору 1569 года монета въ Литвѣ и Коронѣ должна быть uniformis et aequalis, одна и та же. Поэтому привилей Лаврину Войнѣ на подскарбство, который мы теперь пересказываемъ, говоритъ, что земскій Литовскій подскарбій долженъ чеканить монету въ Литвѣ такую же, какую король установитъ и для Польши. Для чеканки монеты онъ долженъ устроить монетный дворъ въ Вильнѣ, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, гдѣ въ Княжествѣ ему покажется удобнѣе и выгоднѣе. Какой доходъ, расходъ и выгода въ Коронѣ будутъ отъ чеканки монеты для Короннаго скарба, такіе же должны они быть и въ скарбѣ земскомъ Литовскомъ; какой доходъ и вознагражденіе за трудъ будетъ поступать въ Коронѣ въ личную собственность Короннаго подскарбія, такія же суммы будутъ получаемы и земскимъ Литовскимъ подскарбіемъ въ его личную пользу. Изъ бѣглаго перечня обязанностей подскарбія, представляемаго привилеемъ на этотъ врядъ, мы видимъ всю сложность его обязанностей и громадное количество дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Разумѣется, одинъ подскарбій не могъ управиться со всѣми дѣлами, относящимися къ завѣдыванію его вряда. У него существовалъ цѣлый рядъ подчиненныхъ ему лицъ.

Этими подчиненными его были скарбный, скарбные писари и дворяне, находившіеся въ распоряженіи скарба и потому, особенно въ позднѣйшее время, называемые скарбовыми дворянами. Само собою разумѣется, что всѣ скарбовые врядники назначались королемъ не иначе, какъ по рекомендаціи и представленію ему

кандидата на должность самимъ земскимъ подскарбіемъ. Въ 1576 году, въ годъ назначенія Лаврина Войны на должность земскаго подскарбія, скарбнымъ былъ Упитскій староста, ключникъ и подключій Виленскій, панъ Иванъ Зарецкій, находившійся въ Вильнѣ при скарбѣ [1]). Скарбный былъ ближайшимъ помощникомъ подскарбія и вторымъ послѣ него по значенію врядникомъ земскаго скарба. Онъ принимаетъ и записываетъ скарбовые приходы и расходы, и черезъ его руки принимаются въ скарбъ поступленія и дѣлаются изъ него выдачи. Панъ скарбный, какъ врядникъ государственный, существуетъ уже въ началѣ XVI столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, скарбовая книга 1502—1509 годовъ [2]), заключающая въ себѣ отчетность Литовскаго скарба по сношеніямъ съ Татарскими ордами, составлена скарбнымъ. Скарбнаго нерѣдко упоминаютъ источники и послѣдующаго времени [3]). Кромѣ скарбнаго при скарбѣ находятся въ распоряженіи земскаго подскарбія скарбные писари, обязанность которыхъ состояла въ принятіи и выслушиваніи «личбы», отчетовъ лицъ, представляющихъ въ скарбъ поступающіе въ него доходы. Скарбовыми писарями бывали, конечно, какъ и на всѣхъ Литовскихъ врядахъ, лица свѣтскія [4]), но въ видѣ исключенія встрѣчаются и лица духовныя, столь часто занимавшія канцелярскія должности въ Польшѣ [5]). Иногда въ распоряженіе подскарбія откомандировывались даже секретари [6]). Но не только на мѣстѣ, въ скарбовой канцеляріи исполняли свои обязанности скарбовые писари; они несли также обязанности ревизоровъ и поборцевъ. Такъ, Еронимъ Квилецкій былъ ревизоромъ королевскаго замка Плотельскаго [7]), а королевская грамота, данная въ Вильнѣ 9 іюля 1563 года,

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 31 об.—33.

[2]) *М. Довнаръ-Запольскій.* Литовскія Упоминки Татарскимъ Ордамъ. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 г. Симферополь. 1898.

[3]) Нпр., «пан скарьбный взял листы соймовые розослати». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2 об. (1563 г.).

[4]) Нпр., «державцы Ясвонскому, писару скарбу нашого, Ярониму Квилецкому»—приказъ Сигизмунда Августа (1563 г.). Вил. Арх. Сб. I. № 41 (стр. 138).

[5]) Нпр., деканъ Виленскій, архидьяконъ Варшавскій, писарь королевскій скарбный, князь Янъ Маковецкій. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 26 (1563 г.).

[6]) См. выше, стр. 400. [7]) Вил. Арх. Сб. I. № 41.

предписывающая выдачу постановленной на сеймѣ серебщизны, гласитъ: «гдежъ и бирчихъ на то обрано тежъ черезъ вси станы, до которыхъ у Вильни тую серебщизну относити и отдавати масте, то естъ маршалька нашого державцу Вилкомирского, пана Яна Кмиту, а декана Виленского, ардьякона Варшевъского, писара нашого скарбного, князя Яна Маковецкого, а, при них дьяком поборовымъ, тивуна Дирваньского, Яна Кградовъского» [1]. Давая возможность изслѣдователю присутствовать при самомъ назначеніи скарбовыхъ писарей, документы въ то же время указываютъ на положеніе ихъ, какъ писарей королевскихъ, хотя и служащихъ въ дѣлахъ скарба. Наконецъ въ распоряженіи подскарбія находились дворяне для различныхъ надобностей скарба. Какъ мы уже замѣтили выше, въ позднѣйшее время въ Литовскихъ актахъ упоминаются такъ называемые скарбовые дворяне [2]. Но въ періодъ времени, подлежащій настоящему изслѣдованію, повидимому, еще не было спеціально причисленныхъ для исполненія скарбовыхъ порученій дворянъ, а подскарбій земскій просто бралъ для своихъ надобностей тѣхъ или другихъ дворянъ королевскихъ изъ находившихся въ данное время незанятыми другими порученіями и службами на королевскомъ дворѣ. Можно лишь думать, что подскарбій бралъ для своихъ порученій обыкновенно однихъ и тѣхъ же дворянъ. Это должно было быть потому, что онъ долженъ былъ нѣкоторымъ изъ дворянъ оказывать большее довѣріе, чѣмъ остальнымъ, а также и потому, что они были уже не новичками въ поручаемыхъ имъ дѣлахъ, что давало извѣстную увѣренность въ успѣшномъ исполненіи даннаго имъ порученія. Иногда порученія подскарбія исполняли и простые его служебники [3]. Врядъ подскарбія, по всѣмъ признакамъ, еще не закончилъ вполнѣ въ изслѣдуемую эпоху своей организаціи, въ которую жизнь и потребности вносили все новыя черты и требованія.

Прежде чѣмъ показать, какъ проявлялась дѣятельность земскаго Литовскаго подскарбія въ фактахъ реальной дѣйствитель-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 26. [2]) См. выше, стр. 413.

[3]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 67 (1564 г.). «того жъ дня писано листъ до мытниковъ Луцкихъ, абы з служебниками пана подскарбего, Василемъ Коледою а Григоремъ Конюховичом, скуповали за пенези поборовые и мытные волы, яловицы, овцы, мяса вепровые, сала, масла, сыри и к тому горохи и пшоно; тот листъ понесъ Василъ Коледа».

ности, сохраненныхъ Литовскими актами, остановимся на отвѣтственности этого врядника-сенатора, на вопросѣ о томъ какъ, передъ кѣмъ и въ какихъ предѣлахъ она отдавалась. Привилей Лаврину Войнѣ на должность земскаго подскарбія говоритъ, что всѣ отчеты воеводъ, старостъ и державцевъ всѣхъ видовъ, разъ они приняты земскимъ подскарбіемъ, будутъ признаны королемъ, панами-радами и всѣми станами Княжества; всѣ аренды и сдѣланныя подскарбіемъ распоряженія, касающіяся мытъ, поборовъ, столовыхъ имѣній, король считаетъ себя «повиннымъ» признать и «держать»; всѣ выдачи изъ скарба, сдѣланныя имъ на земскія нужды, равнымъ образомъ должны быть принимаемы королемъ и его преемниками безъ всякой «вонтъпливости». Итакъ, во всѣхъ расходахъ, и пріемахъ поступленій земскій подскарбій облеченъ полнымъ довѣріемъ со стороны короля и становъ, и всякое его дѣйствіе не должно возбуждать никакихъ сомнѣній въ правильности и безкорыстности. Этого мало. Привилей Лаврину Войнѣ гласитъ, что онъ будетъ занимать земское подскарбство до своей смерти, или до повышенія его на высшую должность; король не считаетъ, слѣдовательно, возможными какой-нибудь проступокъ, или оплошность подскарбія, могущіе обнаружить его недобросовѣстность, или неспособность. Такимъ образомъ, правильность его показаній приходовъ и расходовъ земскаго скарба въ его отчетахъ не можетъ быть контролирована, но онъ долженъ все-таки представить свой отчетъ, свою «личбу» государю и всей «речы посполитой». Отчетъ этотъ принимается съ полнымъ довѣріемъ къ цифрамъ поступленій и выдачъ, но самыя цифры должны быть представлены подскарбіемъ въ его отчетахъ съ указаніемъ источниковъ поступленій и назначеній расходовъ. Кромѣ того, земскій подскарбій, скарбный и писари скарбные должны всегда имѣть готовыми реестры своихъ «личбъ», чтобы представить ихъ въ случаѣ надобности. Привилей на земское подскарбство, разсматриваемый нами, даетъ Лаврину Войнѣ не только гарантію довѣрія къ нему и его дѣйствіямъ со стороны короля, онъ гарантируетъ также его семьѣ, что она не будетъ привлекаема къ уплатѣ въ скарбъ тѣхъ недочетовъ, которые могутъ въ немъ обнаружиться въ случаѣ, если подскарбія настигнетъ смерть прежде, чѣмъ онъ сдастъ свою «личбу»; въ случаѣ смерти его, отчетъ въ скарбѣ должны будутъ дать скарбный и скарбовые писари, а не семья и потомки его.

Литовскій скарбъ времени послѣ Люблинской Уніи не имѣетъ

спеціальнаго изслѣдованія [1]). Выше мы уже имѣли случай коснуться нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ Литовскому скарбу Павинскимъ; видѣли и ошибочность представленій покойнаго ученаго о скарбѣ Княжества [2]). Литовскій скарбъ имѣлъ очень большія отличія отъ скарба Короннаго, и объ этомъ мы уже упомянули выше. Теперь же мы можемъ прямо перейти къ изображенію дѣятельности Литовскаго подскарбія земскаго, какъ ее обрисовываютъ дошедшіе до насъ акты Княжества.

Поступленія въ Литовскій скарбъ были слѣдующія. Во-первыхъ—доходы со старостві и державъ. Мы уже знаемъ, что старосты и державцы столовыхъ земель должны были отдавать доходы ихъ въ земскій скарбъ Княжества, удерживая изъ нихъ себѣ установленную закономъ часть. Поэтому теперь мы уже не будемъ останавливаться вновь на этихъ поступленіяхъ. Но подскарбій земскій не только принималъ доходы со столовыхъ земель; послѣ смерти державцы, или старосты онъ управлялъ державою и передавалъ ее новому державцѣ.

Другимъ источникомъ доходовъ земскаго скарба были мыта, которыя арендовались, обыкновенно, жидами, но иногда и шляхтичами, даже вельможами [3]). Затѣмъ, въ числѣ скарбовыхъ доходовъ были различные сборы, существовавшіе въ городахъ. Самое преобразованіе села въ городъ дѣлалось, по словамъ королевскихъ грамотъ, «для розмноженья пожитковъ скарбу нашого (короля) господарьского и земского» [4]). Въ скарбъ же шли поборы съ Евреевъ [5]). Все это—обыкновенныя поступленія въ земскій скарбъ. Но рядомъ съ ними поступали въ него и доходы чрезвычайные. Къ этому разряду скарбовыхъ поступленій принадлежатъ налагаемые сеймомъ, или королемъ поборы на города, а также принудительные займы съ нихъ, и серебщизна, налагаемая сеймомъ на все Княжество — и на шляхту, и на все остальное его на-

[1]) Въ настоящее время печатается въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ изслѣдованіе М. В. Довнаръ-Запольскаго, посвященное финансовому устройству Княжества, но мы не воспользовались имъ, такъ какъ наша работа печаталась одновременно съ этимъ трудомъ.

[2]) О скарбѣ Литовскомъ въ книгѣ А. Павинскаго мы уже говорили выше— стр. 377 и сл.

[3]) См. выше, стр. 489 и прим. 2.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 32 об. См. выше, стр. 605.

[5]) Ср. *М. К. Любавскій.* Л.-Р. сеймъ. Стр. 643 и др.

*

селеніе—для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ государства [1]). Къ этому нужно прибавить поступленія въ видѣ ссудъ, которыя дѣлали скарбу его кредиторы, получавшіе въ залогъ своихъ денегъ столовыя имѣнія и державы [2]).

Что касается выдачъ изъ скарба, то онѣ прежде всего дѣлались на военныя нужды Княжества, т.-е. на постройку и содержаніе крѣпостей и на жалованье наемнымъ войскамъ. Однако, какъ мы уже знаемъ, земскій скарбъ по большей части не былъ въ силахъ аккуратно расплачиваться по земскимъ нуждамъ. Приходилось часто принимать тѣ или другія мѣры «для уфолькгованья» его, такъ какъ онъ «на сесь час розъными бремены обътяжонъ» [3]). Затрудненія скарба имѣли своею причиною или чрезвычайные расходы, или уменьшеніе поступленій [4]), но какъ бы то ни было, объ его затрудненіяхъ источники говорятъ очень часто [5]). Для того, чтобы добыть денегъ, государство прибѣгало къ займамъ «черезъ руки» подскарбія, закладывая во взятой въ долгъ суммѣ староства, державы и столовыя имѣнія [6]). Но случалось нерѣдко, что наличныхъ денегъ не хватало, несмотря на займы; тогда приходилось вступать въ то или другое соглашеніе съ самими ротмистрами, требующими слѣдуемыхъ имъ со скарба денегъ. Такъ, король Генрихъ въ своей грамотѣ отъ 2 мая 1574 года говоритъ: пану Мальхеру Зигмунтовичу Сновскому [7]) сумма, слѣ-

---

[1]) См. поборовые универсалы въ Vol. legum.

[2]) См. выше, стр. 269 и сл. О числѣ «заведенныхъ» въ залогъ столовыхъ имѣній самъ король Сигизмундъ Августъ говоритъ такъ: «ведъже маючы на бачности нашой господаръской потребу речы посполитое, ижъ на сесь часъ за уставичными войнами (sic) от немалого часу, которую з неприятелемъ нашым великимъ княземъ Московъскимъ ведомо, скарбъ нашъ земский великого князства Литовского великие беремена на собе поносит, который с пожытковъ и доходовъ замковъ, дворовъ, местъ и волостей нашыхъ потребамъ военымъ досыть вчынити не можеть, кгдыжъ много замковъ, дворовъ и местъ и волостей оногожъ паньства нашого великого князства Литовского от столу нашого господаръскогорознымъ особамъ обычаемъ заставнымъ въ пенезях заведъшы не на што инъшого, только на потребу земскую военъную черезъ руки пана подскаръбего земского выдати есмо росказали...» Лит. Метр. $\frac{IV\ A}{10}$ л. 20 об.

[3]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 78 об.

[4]) См. выше, стр. 289. [5]) См. выше, стр. 269 и др. [6]) Ibidem.

[7]) Маршалокъ господарскій, судья земскій Новгородскій, державца Куренецкій.

дуемая ему за содержаніе его роты «на сес часъ отъ насъ зъ скарбу нашого заплачона быти не могла, тогды около тое заплаты учинили есмо з нимъ постановенье тым обычаемъ, ижъ бояр нашихъ з ыменьями ихъ, ку двору Куренецъкому здавна належачыхъ и тежъ пущу тамошнюю Куренецъкую з гоны бобровыми и зъ иными всякими ее пожитъками» къ его державѣ Куренецкой «взносимъ и записуемъ» [1]).

Кромѣ «заслужоного» ротмистрамъ, выдавались изъ земскаго скарба различнымъ лицамъ «юргельты», т.-е. также денежныя жалованья. Выдавались юргельты и должностнымъ лицамъ военнымъ [2]), и панамъ-радамъ [3]), и врядникамъ [4]). Ко времени Стефана Баторія накопилось столько выдачъ юргельтовъ изъ земскаго скарба, что онъ отдалъ приказаніе земскому подскарбію, «абы юркгелтов и пенезей стравных, от королей Жикгимонта Августа и Генриха постановленых, никому без особливых листовъ господарских не давалъ» [5]). Кромѣ постоянныхъ юргельтовъ должностнымъ лицамъ, дѣлались также единовременныя выдачи. Такъ, Михаилу Гарабурдѣ, отправленному посломъ въ Москву и задержавшемуся въ Оршѣ, Сигизмундъ Августъ писалъ въ листѣ, данномъ изъ Варшавы 28 октября 1571 года: «... а ижь, до того часу в Орши мешкаючи, не малый коштъ приняти мусишъ, то тобе ласкою нашою господарьскою паметовати хочем и з скарбу нашого нагородити роскажемъ» [6]).

Подскарбію тѣмъ труднѣе было вести свое скарбовое дѣло, что нерѣдко доходы скарба расходовались еще до поступленія ихъ въ него. Листъ Сигизмунда Августа, данный 15 іюля 1568 года и вписанный 14 апрѣля 1574 года въ листъ короля Генриха, гласитъ, что Янъ Ходкевичъ, «за листы» королевскими «заховываючи певный почотъ людей служебныхъ ездъныхъ и пешихъ и беручи пенези зъ скарбу» короля «земского и розъныхъ платовъ и до-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 53 об. См. выше, стр. 285, прим. 2.

[2]) Нпр., писарю польному. См. выше, стр. 439.

[3]) См. выше, стр. 615 и др. [4]) Нпр., см. выше, стр. 400.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 28—29. Дата: Варшава, 13 августа 1576 года.

[6]) «Отписъ перший до пана Михаила Гарабурды писара etc., в посолстве до Москвы посланого, который се вернулъ от границ до Орши». Дата: Варшава, 28 октября 1571 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 1 об., 2.

ходовъ» короля «господаръскихъ и податковъ земскихъ» [1]), не только отдалъ въ уплату войскамъ эти деньги, но еще выдалъ имъ и свои собственныя. Тотъ же листъ Генриха, въ который вписана эта грамота Сигизмунда Августа, говоритъ, что часть израсходованныхъ Ходкевичемъ собственныхъ его денегъ была ему возвращена «такъ зъ скарбу короля его (милости), яко с певъных местцъ» [2]). Выдавались изъ мытныхъ сборовъ и юргельты до поступленія мытныхъ денегъ въ скарбъ. Такъ, Владимірскій плебанъ, князь Криштофъ Подосскій заявилъ Сигизмунду Августу, что «водле фунъдушу и наданя продковъ» королевскихъ «першимъ плебаномъ Володимеръскимъ и ему самому з мыта коморы Луцкое плачивано в кождый годъ по чотыры копы грошей». Такъ какъ мытники перестали выплачивать эти деньги на Владимірскій костелъ, то плебанъ и обратился къ королю съ просьбою, чтобы онъ «в томъ ему шкодовати» не допустилъ, «а оные пенези, за прошлые годы задержаные, выдати и потомъ завжды платити» приказалъ. «Справу» королю въ этомъ дѣлѣ далъ «намененый владыка Пиньский и Туровский, Иванъ Борздобогатый», заявивъ, что, «кгды он мыта Волыньские заведал, тогды тотъ юркгельтъ плебаномъ Володимерскимъ завъжды плачиванъ былъ». На основаніи этой справки король отдалъ приказъ, чтобы законное требованіе юргельта Владимірскимъ костеломъ было удовлетворено и впередъ его право на него не было бы нарушаемо [3]).

Стоя во главѣ финансоваго управленія государства и вѣдая источники земскихъ доходовъ, подскарбій получаетъ отъ короля предписанія разслѣдовать дѣло въ случаѣ претензій частныхъ лицъ на государственныя имущества. 6 мая 1574 года, напримѣръ, король Генрихъ далъ такое приказаніе Литовскому подскарбію, Николаю Нарушевичу: «то на твою милость, пане подскарбий земский, прекладаем, абы еси, о томъ (вы)веданье певное взявши, естли намъ до оного пляцу права никакого нетъ»—дѣло въ томъ, что было предъявлено женою маршалка Сновскаго и женою ротмистра Григорія Войны ихъ право на пляцъ въ Вильнѣ, который былъ захваченъ Виленскимъ городничимъ къ королевскимъ конюшнямъ [4]).

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 11. [2]) Ibidem. Л. 10 об.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 35—35 об. (3 ноября 1568 года).

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 115—115 об. См. выше, стр. 336, прим. 2

Акты знають цѣлый рядъ реестровъ, которые находятся въ скарбѣ, какъ документы, необходимые ему въ его дѣлахъ: реестры скарбные [1]), или реестры выбиранья доходовъ [2]), квиты [3]) и т. п. часто упоминаются въ современныхъ актахъ. Вѣдая сборы въ скарбъ, подскарбій вступаетъ въ сношенія съ плательщиками этихъ сборовъ и пишетъ имъ свои листы съ различными извѣщеніями [4]). Но кромѣ документовъ, которые составляются по нуждамъ скарбовымъ, въ скарбѣ хранятся и другіе документы, въ него поступающіе, а именно «права» на имѣнія, которыя въ него поступаютъ отъ ихъ владѣльцевъ, передающихъ свои земли скарбу въ обмѣнъ на другія, жалуемыя имъ государемъ [5]). Выше мы видѣли, что въ скарбѣ хранились государственныя инсигніи Княжества и привилеи, и подскарбій земскій, вступая въ должность, клялся охранять ихъ. Такимъ образомъ, скарбъ былъ въ то же время архивомъ и хранилищемъ клейнотовъ и драгоцѣнностей государственныхъ [6]).

Кромѣ того, скарбъ Литовскій игралъ роль учрежденія государственно-почтоваго—онъ разсылалъ по Княжеству листы и универсалы королевскіе. «Тые листы, пописавши, посланы ку разосланю до скарбу господарского»—читаемъ въ ряду записей, сдѣланныхъ въ Литовской Метрикѣ въ 1564 году [7]). Но если въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ листами, писанными въ исполненіе королевскаго распоряженія отъ самого подскарбія, то въ другихъ случаяхъ содержаніе разсылаемыхъ скарбомъ листовъ не имѣетъ никакого отношенія къ спеціальному кругу дѣлъ, вѣдаемыхъ скарбомъ.

---

[1]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 8 об. (описана доходность дворовъ и мѣстечекъ), или Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 39—40 (описанъ циншъ).

[2]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 30—30 об.

[3]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 64, или Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 117 об., 119 об. и др. Ср. квиты поборовые—А. Вил. VI, стр. 231.

[4]) Нпр., «писаны листы от его милости пана подскарбего а по двором господарскимъ о живность, фолкгу чинечи, абых з двух волокъ третего выправовали». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 64. (1564 г.).

[5]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 18 об.

[6]) См. *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 395.

[7]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 65.

Напримѣръ, въ числѣ записей 1566 года читаемъ такую «тые листы посланы ку розосланью до скарбу»[1]); между тѣмъ содержаніемъ этихъ листовъ было королевское распоряженіе «о еханье до Друцка на певный час для пописанья се перед паномъ гетманомъ»[2]). Надо притомъ замѣтить, что листы по этому дѣлу не всѣ были разосланы изъ скарба, а весьма значительная часть ихъ была отправлена прямо со двора, черезъ королевскихъ дворянъ; при этомъ и непосредственно дворянамъ, и въ скарбъ для разсылки были переданы листы къ адресатамъ совершенно одинаковаго значенія — и къ сенаторамъ, и къ князьямъ, и къ панамъ, и къ врядникамъ, и въ повѣты были доставлены листы черезъ оба способа безразлично. Такимъ образомъ, за скарбомъ Литовскимъ мы должны признать еще одну функцію — значеніе государственной почты при разсылкѣ правительственныхъ распоряженій и листовъ, хотя и не всѣ эти листы разсылались скарбомъ обязательно.

Помимо своихъ обязанностей, какъ врядника, завѣдывающаго скарбомъ государственнымъ, подскарбій земскій получалъ иногда и порученія, не входящія въ его прямыя обязанности. Такъ напримѣръ, онъ бывалъ въ числѣ депутатовъ, выбранныхъ для сбора установленнаго сеймомъ податка[3]). Но надо думать, что вообще избѣгали давать земскому подскарбію стороннія порученія, такъ какъ его врядъ требовалъ слишкомъ много вниманія и времени отъ своего врядника.

Вознагражденіемъ земскаго подскарбія за его трудъ служатъ его доходы по вряду, которые мы уже видѣли выше[4]), а также юргельтъ, идущій ему изъ скарба. Привилей на земское подскарб-

---

[1]) Ibidem. Л. 101.

[2]) Ibidem. Л. 102. Ср. «листы до пана подскарбе(го) ку розсыланью». Ibidem. Л. 181 об. (1568 г.—листы сеймовые). Или еще: «того ж року 66 в месецы апрели писаны листы увяжчие до поветовъ о невыданье податку поголовного и послано листы ку розосланью до скарбу месеца апреля 20 дня». Ibidem. Л. 102 об.

[3]) «Wielmoznemu Janu Hliebowiczowi na Dąbrownic, casztalianowi Mienskiemu, podskarbiemu ziemskiemu y pisarzowi naszemu W. X. Lit., urodzonemu Stanisławowi Naruszewiczowi, ciwunowi Wilienskiemu a urodzonemu Dmitrowi Chalieckiemu, miecznikowi W. X. Lit., deputatom na odbiranie y szafowanie podatkow ziemskich, na seimie walnym Warszawskim ufalionych, postanowionym». Листъ Баторія отъ 14 января 1582 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 110—110 об.

[4]) Стр. 655 и слѣд.

ство Лаврину Войнѣ говоритъ, чти послѣднiй будетъ пользоваться всѣми доходами и «пожитками», которыми владѣли его предшественники, а именно Евстафiй Воловичъ и Николай Нарушевичъ, приведенные въ примѣръ, какъ ближайшiе подскарбiе, бывшiе до Войны. Получалъ подскарбiй и земельныя пожалованiя подобно остальнымъ врядникамъ и сенаторамъ Литовскимъ. Наконецъ, получалъ онъ и повышенiя по iерархической лѣстницѣ сенаторскихъ врядовъ. Такъ, Евстафiй Воловичъ изъ подскарбiя былъ сдѣланъ въ 1566 году подканцлеромъ, а потомъ продолжалъ и еще далѣе возвышаться, получая новые вряды, и затѣмъ достигъ канцлерства и Виленскаго каштелянства (1579 г.). Присутствуя въ радѣ, земскiй подскарбiй также съ удобствомъ могъ наблюдать свои личные интересы и интересы своихъ близкихъ. Такъ, Николай Нарушевичъ, какъ даетъ знать королевская грамота отъ 12 апрѣля 1574 года [1]), «мовилъ» королю Генриху «именемъ тивуна Виленьского, пана Станислава Нарушевича, брата своего», дѣлая это въ интересахъ послѣдняго.

Сенаторскiе уряды, съ которыми мы сейчасъ познакомились, были врядами, постоянно существовавшими въ Княжествѣ. Но была должность, которая постояннаго замѣщенiя не требовала, хотя она и была самою высшею въ государствѣ, – подъ начальство ея врядника становились всѣ сенаторы безъ исключенiя, какъ и весь народъ-шляхта. Эта должность—врядъ гетмана наивысшаго. Если просмотримъ списки гетмановъ наивысшихъ Литовскихъ [2]), то прямо бросятся въ глаза постоянно встрѣчающiеся вакаты въ XVI и XVII столѣтiяхъ. Въ большинствѣ случаевъ послѣ смерти гетмана наивысшаго нѣсколько лѣтъ преемникъ ему не назначался. Уже одно это должно говорить за то, что наивысшiй гетманъ не былъ врядникомъ, дѣятельность котораго требовалась бы для государства безпрерывно. Разъ получивъ титулъ гетмана, вельможа носилъ его уже вплоть до своей смерти, или до добровольнаго отъ него отказа, но функцiонировалъ врядъ великаго гетмана не постоянно, а лишь въ болѣе, или менѣе исключительныя эпохи. Гетманъ наивысшiй долженъ былъ функцiонировать лишь во время весьма серьезныхъ войнъ, притомъ, главнымъ образомъ, когда собиралось посполитое рушенье. Какъ

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 18 об.—19 об.

[2]) *J. Wolff.* Senat. i dign. Str. 149—152.

врядъ не постоянно существующій, гетманство наивысшее не нашло себѣ мѣста въ ряду сенаторскихъ урядовъ въ спискѣ 1569 года [1]). Но какъ мы уже замѣтили выше [2]), гетманъ наивысшій долженъ былъ быть обязательно сенаторомъ, притомъ однимъ изъ самыхъ первыхъ по своему значенію.

Самое назначеніе наивысшаго гетмана дѣлается нѣсколько иначе, чѣмъ назначеніе остальныхъ врядниковъ. Въ то время какъ остальныхъ сенаторовъ и врядниковъ король назначаетъ, повышая по службѣ и жалуя, гетмана наивысшаго онъ *проситъ* принять на себя обязанности этого уряда. Назначивъ въ 1576 году Николая Радивила на врядъ гетмана наивысшаго Литовскаго, Стефанъ Баторій объявилъ объ этомъ универсаломъ [3]) по Княжеству; въ этомъ универсалѣ читаемъ: «про то ужили есьмо жеданьемъ нашимъ королевскимъ воеводу Виленского, канцлера великого князства Литовского, старосту Ошменского и Лидского, пана Миколая Юрьевича Радивила, абы тую працу и небезпечности рѣчи посполитое на себе принялъ». Тотъ же универсалъ объясняетъ и причину, почему потребовалось непремѣнно назначеніе наивысшаго гетмана. Король говоритъ объ опустошеніи Москвою Инфлянтъ и о приближеніи Московскаго войска къ границамъ Княжества; затѣмъ, призывая шляхту къ общему рушенью противъ врага, продолжаетъ: «чому забѣгаючи и ознаймуючи всимъ еманомъ, листы наши писати есьмо казали, жедаючи абы, яко къ кгвалтовному припадку, къ отпертью непріятелю, кождый зъ хути и зъ милости своее къ рѣчи посполитой, для насъ господаря, и бороннчи отчизны и славы народу своего, поспѣшили и на одно мѣстцо до войска збиралися. А ижъ до таковото собранья есть потреба певноѣ парсоны, къ справованью надъ всимъ войскомъ порядку», то король и упросилъ Виленскаго воеводу принять на себя обязанности наивысшаго Литовскаго гетмана.

Итакъ гетманъ наивысшій—главнокомандующій всѣми войсками Княжества, т.-е. и наемнымъ, и шляхетско-народнымъ. Мы видѣли выше [4]), что шляхта не станетъ въ своемъ рушеньѣ подъ команду начальника наемнаго войска, гетмана польнаго [5]); видѣли также, что и самъ гетманъ польный становился «подъ справу» гетмана наивысшаго [6]). Какъ начальникъ послѣдняго, онъ коман-

[1]) Vol. leg. II. Str. 93. [2]) Стр. 564. [3]) А. З. Р. III. № 69
[4]) Стр. 440. [5]) О гетманѣ польномъ см. стр. 435 и сл.
[6]) Стр. 440.

дуетъ наемными войсками, непосредственнымъ начальникомъ которыхъ былъ польный гетманъ [1]). Что же касается до роли наивысшаго гетмана во время посполитаго рушенья, то мы уже видѣли ее, когда изучали повинности шляхты Литовской. Гетманъ наивысшій былъ главнокомандующимъ всѣми военными силами Литовскими. Какъ таковой, онъ является дѣйствительно «наивысшимъ» лицомъ въ цѣломъ государствѣ.

Мы не будемъ долго останавливаться на этомъ врядѣ: функціи его мы встрѣтили выше, когда говорили о военныхъ врядникахъ Княжества и о посполитомъ рушеньѣ народа-шляхты [2]). Теперь обратимся еще къ одному вряду, чтобы закончить обзоръ всѣхъ сенаторскихъ урядовъ изслѣдуемаго времени. Этотъ врядъ — администраторство и гетманство Лифляндіи. Если гетманство наивысшее нельзя назвать постояннымъ урядомъ, то администраторство и гетманство Лифляндіи было должностью уже совершенно исключительною. Эта должность возникла слѣдующимъ образомъ. Въ 1561 году во главѣ Ливоніи, принятой Княжествомъ подъ свою власть и охрану, былъ поставленъ Кеттлеръ, бывшій магистръ Ливонскаго Ордена, въ то время герцогъ Курляндскій. Но въ 1566 году Литовскіе станы, собравшіеся на Берестейскомъ соймѣ, рѣшили поставить во главѣ и военнаго, и гражданскаго управле-

---

[1]) «Листъ писаный ку пану гетьману великого князтва Литовского, пану Григорю Ходкевичу, жебы сто и двадцат копъ зъ серебъщизных податковъ до князя Романа Федоровича Санъкгушъковича на люди служебъные послалъ.—Жикгимонт Август. Пану Виленъскому, гетману наивышому великого князства Литовского, пану Грыгорю Ходкевичу. Мовилъ намъ воевода Браславъский, староста Жытомирский, державъца Речыцкий, княз Романъ Федоровичъ Санъкгушковича, ижъ с потребъ пильныхъ речы посполитое задержалъ пры собе на служъбе нашой людей пенежъных з роты князя Костентына Вишъневецкого, 30 коней, которые под справою, ведомостью и послушенствомъ его цалую чвирть году без пенезей служыли, за которую чвирть року, платячы имъ на кожъдого коня по 4 копы грошей, прыйдеть дей всего 120 копъ грошей. Про то хочемъ мети, ижъбы твоя милость тые пенези, 120 копъ грошей, с пенезей податку серебъщызного, на сойме Городенъскомъ в року 68-мъ на люд пенежный ку обороне земъской уфаленого, до рук его милости князя воеводы Браславъского бирчымъ земли Волынъское отдати велелъ и у которомъ повете его милость взяти их похочеть, заплатити казалъ. Писанъ в Люблине» 28 іюня 1569 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 46. Изъ этого документа видно, что гетманъ вѣдалъ и серебщизну, установленную сеймомъ на веденіе войны.

[2]) См. выше, стр. 537 и сл. Подробно говорить о гетманскомъ урядѣ *М. К. Любавскій*. Лит.-Р. соймъ. Стр. 411—415.

нія Ливоніи старосту Жомоитскаго и маршалка земскаго Княжества, Яна Еронимовича Ходкевича. 2-го августа 1566 года состоялось это назначеніе, и Ходкевичъ получилъ въ свои руки завѣдываніе Инфлянтами [1]). Въ грамотѣ [2]), адресованной Волмерскому старостѣ, князю Александру Ивановичу Полубенскому, а также «всимъ старостамъ и державцамъ замковъ арцыбискупства Рижского и всихъ иныхъ замковъ и державъ» королевскихъ «въ земли Лифлянтской и тежъ всимъ ротмистромъ и ихъ товаришомъ ротъ ѣздныхъ и пѣшихъ, которые служатъ въ земли Лифлянтской», читаемъ приказаніе повиноваться Яну Ходкевичу. Власть его въ Инфлянтахъ хорошо обрисовывается слѣдующими словами короля, обращенными въ этой грамотѣ къ старостамъ, державцамъ и наемнымъ войскамъ Лифляндіи: «...и злѣтили есмо его милости (Ходкевичу) всю справу, моцъ и владность арцыбискупства Рижского и иные вси замки наши, и гетманство земли Лифлянтскоѣ, давши ему суполную моцъ арцыбискупствомъ Рижскимъ и всими замки нашими въ оной земли Лифлянтской, также и вами, людми служебными, рядити и справовати, и непріятелемъ границъ того панства съ добрымъ и пожиточнымъ нашимъ отпоръ чинити, и укривжонымъ подданнымъ справедливость дѣлати, и служебныхъ пріймовати въ службу и имъ приповѣдати, и всякіе рѣчи водлугъ зданья его милости справовати». Ходкевичъ будетъ и судить наемниковъ въ случаѣ жалобъ на нихъ со стороны мирныхъ жителей, онъ же будетъ и расплачиваться съ жолнерами, такъ какъ онъ отъ короля «науку достаточную маетъ, откуль заплату теперешнего заслужоного» наемныхъ войскъ въ Лифляндіи «чинити будетъ». Такимъ образомъ Ходкевичъ получилъ всю полноту власти въ Ливоніи въ тѣхъ ея предѣлахъ, въ которыхъ можетъ имѣть ее лишь самъ король.

При такомъ высокомъ положеніи администраторъ и гетманъ Лифляндіи долженъ былъ имѣть и извѣстный внѣшній блескъ, который бы окружалъ его, какъ правителя страны. На свое «выхованье» Ходкевичъ получилъ въ Лифляндіи, замокъ Зейгволтъ [3]), въ которомъ долженъ былъ имѣть свою резиденцію, если положеніе дѣлъ не требовало его присутствія въ другомъ мѣстѣ. Какъ правитель Ливоніи, онъ принимаетъ посольства, отправляемыя прямо къ нему [4]). Ходкевичъ не былъ новичкомъ въ Ливоніи и былъ

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Р. сеймъ. Стр. 749.

[2]) А. З. Р. III. № 40. [3]) См. выше, стр. 632 и прим. 3.

[4]) Нпр., «instructio ad dominum castellanum Vilnensem a castellanis regiae majestatis Ultradunensis Ducatus, Gasparo a Minckhausen data, per eundem ca-

хорошо знакомъ съ войною въ ея предѣлахъ, когда получилъ свое назначеніе. Еще задолго до него онъ вмѣстѣ съ Чечерскимъ и Пропойскимъ старостою, паномъ Юріемъ Миколаевичемъ Зеновевичемъ, былъ гетманомъ въ Инфлянтахъ, находясь тогда подъ командою гетмана наивысшаго [1]). Конечно, и онъ уже зналъ Ливонію, да и его знали мѣстныя войска, когда состоялось его назначеніе правителемъ Инфлянтъ. Военное положеніе, на которомъ находились Инфлянты, требовало соединенія военной власти съ гражданскою, какъ для болѣе удачной борьбы съ Москвою, такъ и для того, чтобы защищать мирныхъ жителей отъ насилій наемныхъ солдатъ. Ходкевичъ и долженъ былъ преслѣдовать обѣ эти цѣли. Не получая изъ скарба аккуратно слѣдуемыхъ на веденіе войны и оборону Лифляндіи денегъ, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ «якъ на заплаченье людемъ служебънымъ, такъ на опатренье замковъ и на многие розъные а пильные потребы военъные не малую суму властныхъ пенезей своихъ былъ выдалъ», разсказываютъ акты [2]). При этомъ приходилось ему и просить ротмистровъ выставлять на свой счетъ роты до уплаты изъ скарба [3]), и даже закладывать свои собственныя земли [4]), такъ какъ военные расходы не могли ожидать, пока скарбъ соберется съ силами и пришлетъ денегъ. Мы видѣли выше, въ какомъ отчаянномъ положеніи былъ Ходкевичъ въ 1574 и 1575 годахъ [5]), умоляя Корону помочь ему деньгами и войскомъ и требуя этого отъ нея потому, что она установила на Ливонію свое право рядомъ съ правомъ Литвы. Когда, утомленный всѣми дѣлами по управленію Ливоніей, Ходкевичъ сложилъ въ 1578 году съ себя администраторство и гетманство Инфлянтъ, преемникъ

---

stellanum Vilnensem r. majestati missa». Дата: «Rigae, 18 marcii anno 1577». Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Метрика Коронная. № XXI. Л. 52—53 об.

[1]) А. З. Р. III. №№ 26 (1559 г.), 27 (1560 г.). А. Ю. и З. Р. I. № 137. (1559 г.) и др.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 10 об. О расходахъ Ходкевича въ Лифляндіи сохранилось въ Метрикѣ очень много упоминаній.

[3]) Такъ, Ходкевичъ «для убезпеченья земъли Ифлянтъское ужилъ въ томъ» пана Сновскаго, «ижъ онъ» выставилъ бы на свой счетъ роту. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 53 об. См. выше, стр. 275.

[4]) См., нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 46 об. [5]) См. выше, стр. 117 и сл.

ему не былъ назначенъ, и въ эту страну для командованія войсками былъ посланъ гетманъ польный Литовскій, Криштофъ Радивилъ, который уже дѣйствовалъ тамъ «z wiadomoscią», гетмана наивысшаго, своего отца, Виленскаго воеводы Николая Радивила [1]). Такимъ образомъ администраторство и гетманство Лифляндіи, какъ особый врядъ, прекратило свое существованіе въ 1578 году съ отказомъ отъ него Яна Ходкевича.

Познакомившись съ функціями и значеніемъ каждаго высшаго вряда великаго княжества Литовскаго, имѣвшаго своихъ представителей въ радѣ Литовской, обратимся теперь къ изученію самой рады, объединявшей въ себѣ всѣхъ этихъ высшихъ врядниковъ, засѣдавшихъ въ ея «лавицѣ». Но прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности пановъ радъ Литовскихъ, какъ таковыхъ, присмотримся сначала къ личному составу сената великаго княжества Литовскаго. Сдѣлать это необходимо по нѣсколькимъ причинамъ. Уже замѣчено, что въ Речи Посполитой Польско-Литовской все дѣлалось отдѣльными лицами, а не учрежденіями [2]), и нельзя въ значительной степени не признать этого замѣчанія Польскаго историка справедливымъ по отношенію къ жизни великаго княжества Литовскаго. Лица, сильныя своимъ вліяніемъ, высоко держали свое чело, смѣло и гордо смотря какъ на самого короля, такъ и на обывателей Литовскихъ. Въ сношеніяхъ короля съ его радными панами проглядываетъ ясно различное отношеніе къ отдѣльнымъ лицамъ въ зависимости отъ авторитета и степени вліятельности ихъ. Не званіе раднаго пана, общее имъ всѣмъ, а личность и родъ лица—основаніе для этого. Съ другой стороны, аристократизмъ Литвы—общее мѣсто, принятое и высказываемое, уже какъ несомнѣнная черта порядка Литовской государственной жизни. Провѣрить это на такомъ фактѣ, какъ составъ рады, особенно интересно. Наконецъ, наблюденіе надъ составомъ Литовскаго сената должно ввести насъ въ кругъ взаимныхъ отношеній его членовъ, которыя такъ часто бывали главною пружиною, приводившею къ движенію въ томъ или другомъ направленіи всю Литовскую раду со всѣмъ ея значеніемъ для государства.

Въ составъ Литовской рады въ ея свѣтской части за время съ 1569 по 1586 годы входили слѣдующія фамиліи: Война, Вол-

[1]) Biblioteka Ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom piąty i szósty. № 53. См. выше, стр. 440.

[2]) *J. Szujski.* Dzieie Polski. T. II. Str. 207. T. III. Str. 9.

минскій, Воловичъ, Гайко, Гарабурда, Глѣбовичъ, Горностай, Довойна, Дорогостайскій, кн. Збаражскій, Зеновевичъ, Кишка, Кмита, Нарушевичъ, Остикъ, Пацъ, кн. Полубенскій, кн. Радивилъ, Сапега, Сновскій, кн. Соломерецкій, Талвошъ, Тризна, Тишкевичъ, Ходкевичъ и Шеметъ. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе при разсмотрѣніи этого списка фамилій—небольшое ихъ число. Въ самомъ дѣлѣ ихъ всего 26. Между тѣмъ, лицами, носившими ихъ, занимались 10 воеводскихъ врядовъ, столько же каштелянскихъ [1]) и 6 министерскихъ [2]). При этомъ въ изслѣдуемый періодъ времени только два [3]) изъ этихъ урядовъ были заняты одними и тѣми же лицами всѣ 17 лѣтъ, имъ охватываемыя. Большинство врядовъ (16) за эти годы имѣли по два лица, ихъ занимавшихъ [4]), шесть имѣли по три своихъ представителя [5]),

[1]) Воеводства и каштелянства Виленскія, Троцкія, Жомоитскія, Смоленскія, Полоцкія, Новгородскія, Витебскія, Берестейскія, Мстиславскія и Минскія.

[2]) Гетманъ наивысшій, канцлеръ, подканцлеръ, маршалокъ земскій, маршалокъ дворный и земскій подскарбій.

[3]) Воеводство Троцкое держалъ кн. Стефанъ Андреевичъ Збаражскій (1566—1586), воеводство Витебское—Станиславъ Николаевичъ Пацъ (1566—1588).

[4]) Воеводства: Виленское—Николай Юрьевичъ Радивилъ (1566—1584), его сынъ Криштофъ Радивилъ (1584—1603); Жомоитское (староство)—Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1563—1579), Янъ Станиславовичъ Кишка (1579—1589); Полоцкое—Станиславъ Станиславовичъ Довойна (1542—1563—1573), Николай Николаевичъ Дорогостайскій (1576—1597); Новгородское—Павелъ Ивановичъ Сапега (1558—1579), Николай Николаевичъ Радивилъ (1579—1589); Берестейское—Юрій Васильевичъ Тишкевичъ (1566—1576), Гавріилъ Ивановичъ Горностай (1576—1588); Мстиславское—Юрій Юрьевичъ Остикъ (1566—1578), Павелъ Николаевичъ Пацъ (1578—1593); Минское—Гавріилъ Ивановичъ Горностай (1566—1576), Николай Павловичъ Сапега (1576—1588). Каштелянства: Жомоитское — Мальхеръ Станиславовичъ Шеметъ (1566 — 1570), Николай Станиславовичъ Талвошъ (1570—1588); Полоцкое—Юрій Николаевичъ Зеновевичъ (1566—1579), Янъ Волминскій (1579—1588); Новгородское—Григорій Гринковичъ Воловичъ (1566—1585), кн. Александръ Ивановичъ Полубенскій (1586—1607); Витебское—Павелъ Николаевичъ Пацъ (1566—1578), Мальхеръ Жигмунтовичъ Сновскій (1578—1587); Мстиславское—кн. Иванъ Васильевичъ Соломерецкій, панъ Гричунъ Война. Канцлерство—Николай Юрьевичъ Радивилъ (—1579), Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1579—1587). Маршалковство земское—Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1566—1579), Николай Криштофъ Радивилъ (1579—1586). Маршалковство дворное—Николай Криштофъ Радивилъ (1569—1579), Войтехъ Радивилъ (1579—1586). Гетманство наивысшее—Григорій Александровичъ Ходкевичъ (1566—1572), Николай Юрьевичъ Радивилъ (1576—1586).

[5]) Каштелянства: Виленское — Григорій Александровичъ Ходкевичъ (1564—1572), Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ (1574—1579), Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1579—1587); Троцкое — Евстафій Богдановичъ Воловичъ

одинъ врядъ имѣлъ четырехъ [1]) и одинъ - пять [2]). Общее число Литовскихъ сенаторовъ было 26. Но это не значитъ, что число лицъ, составлявшихъ Литовскую раду равнялось постоянно 26-ти. За изслѣдуемый періодъ времени оно никогда не равнялось числу сенаторскихъ врядовъ, а было значительно меньше, такъ какъ одни и тѣ же сенаторы занимали по нѣскольку урядовъ. Такъ, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ совмѣщалъ три сенаторскихъ уряда—Виленское кашталянство, Жомоитское староство и земское маршалковство, Николай Юрьевичъ Радивилъ совмѣщалъ также три—Виленское воеводство, канцлерство Литовское и наивысшее гетманство, Евстафій Воловичъ, Янъ Глѣбовичъ и другіе тоже соединяли въ своихъ рукахъ по нѣскольку сенаторскихъ урядовъ. Это, конечно, съ одной стороны, усиливало значеніе отдѣльныхъ Литовскихъ сенаторовъ, но за то значительно уменьшало число ихъ сравнительно съ сенаторами Короны. Отдѣльныя фамиліи, къ которымъ принадлежали за изслѣдуемый періодъ времени сенаторы Княжества, дали Литовской радѣ далеко не одинаковое число своихъ представителей. Радивиловъ [3]), встрѣчаемъ пять въ спискѣ пановъ-радъ Литовскихъ изучаемой эпохи Пацовъ [4]) и Сапегъ [5])—по четыре, Воловичей [6])—трехъ, Ходкеви-

---

(1569—1579), Криштофъ Радивилъ (1579—1584), Янъ Яновичъ Глѣбовичъ (1585—1586); Берестейское—Янъ Николаевичъ Гайко (1566—1580), Богданъ Павловичъ Сапега (1580—1585), Криштофъ Юрьевичъ Зеновичъ (1585—1588); Минское—Николай Станиславовичъ Тальвошъ (1566—1570), Янъ Яновичъ Глѣбовичъ (1571—1585), Михаилъ Богдановичъ Гарабурда (1585—1586). Подканцлерство—Евстафій Богдановичъ Воловичъ (1566—1579), Криштофъ Радивилъ (1579—1584), Левъ Ивановичъ Сапега (1585—1589). Земское подскарбство—Николай Павловичъ Нарушевичъ (1566—1575), Лавринъ Война (1576—1580), Янъ Яновичъ Глѣбовичъ (—1586).

[1]) Воеводство Смоленское—Василій Тишкевичъ (1569—1571), Григорій Богдановичъ Воловичъ (1572—1577), Юрій Юрьевичъ Остикъ (—1579), Филонъ Семеновичъ Кмита (1579—1587).

[2]) Кашталянство Смоленское—Григорій Іосифовичъ Тризна (1569—1571) Доминикъ Николаевичъ Пацъ (1571—1579), Юрій Николаевичъ Зproductosевичъ (1579—1583), Николай Николаевичъ Пацъ (1583—1585), Богданъ Павловичъ Сапега (1585—1586).

[3]) Николай Юрьевичъ, Криштофъ, Николай Криштофъ, Николай Николаевичъ и Войтехъ.

[4]) Павелъ Николаевичъ, Станиславъ Николаевичъ, Доминикъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ.

[5]) Павелъ Ивановичъ, Николай Павловичъ, Богданъ Павловичъ, Левъ Ивановичъ.

[6]) Евстафій Богдановичъ, Григорій Богдановичъ, Григорій Гринковичъ.

чей [1]), Зеновевичей [2]) Война [3]) и Тишкевичей [4])—по два, представителей остальныхъ 18-ти фамилій—по одному.

Въ числѣ этихъ фамилій были представители старинныхъ панскихъ и княжескихъ фамилій Литвы (напр., Радивилы, Остики, кн. Збаражскій), но были и homines novi въ радѣ Княжества, какъ напримѣръ, Филонъ Кмита, или Михаилъ Гарабурда. Само собою разумѣется, что эти члены сената Литовскаго очень отличались своимъ богатствомъ и матеріальною обезпеченностью, также какъ и образованіемъ. Въ рукахъ однихъ находились обширныя родовыя вотчины; другіе не могли равняться съ первыми своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Мы не можемъ представить въ цифрахъ это различіе въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ сенаторовъ, но, конечно, оно должно было быть очень значительнымъ. Самые староства, державы и юргельты, получаемые сенаторами, для большой части ихъ являлись необходимыми, ибо едва ли бы могли они жить на свои частныя средства при требованіи извѣстнаго блеска обстановки жизни сенатора, а также при частыхъ поѣздкахъ къ королю и на съѣзды по надобностямъ своего сенаторскаго уряда. По образованію сенаторы также должны были различаться. Одни изъ нихъ получали европейское образованіе въ университетахъ Запада, другіе пріобрѣтали свѣдѣнія не столько школьнымъ путемъ, сколько путемъ жизненнаго опыта. Рядомъ съ Радивилами, получившими образованіе за границей, сидѣлъ въ лавицѣ радъ Литовскихъ Левъ Сапега, который вмѣсто заграничной поѣздки и продолженія образованія поступилъ еще въ юности въ дворянскую службу [5]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того пути, который проходили Литовско-Русскія должностныя лица, прежде чѣмъ войти въ тяжелыя двери сената и занять мѣсто на его «лавицѣ». Само собою разумѣется, что путь этотъ былъ далеко не одинаково продолжителенъ для потомка могущественной своимъ историческимъ именемъ, матеріальнымъ положеніемъ и высокимъ значеніемъ въ государствѣ фамиліи и для лица, пробивающаго себѣ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ изъ незнатнаго рода лишь своею личною энергіею и даро-

[1]) Григорій Александровичъ и Янъ Еронимовичъ.
[2]) Юрій Николаевичъ, Криштофъ Юрьевичъ.
[3]) Гричунъ и Лавринъ.
[4]) Юрій Васильевичъ и Василій.
[5]) См. Archiwum Domus Sapiehanae. Т. I. № 4.

ваніями. Люди знатнаго рода и люди личной заслуги и милости короля—вотъ двѣ категоріи, на которыя дѣлились паны-рады великаго Литовскаго княжества. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что личная заслуга и дарованіе были чужды лицамъ первой категоріи. Достаточно вспомнить одного Яна Еронимовича Ходкевича и его заслуги предъ государствомъ въ Инфлянтахъ, и еще большія заслуги въ дѣлѣ отстаиванія правъ Литвы противъ притязаній Польши [1]).

Подыскалось и своего рода теоретическое основаніе для преимуществъ въ дѣлѣ предоставленія высшихъ государственныхъ должностей членамъ знатныхъ фамилій. Происхожденіе изъ знатнаго рода по понятіямъ, существовавшимъ въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ имѣетъ значеніе не только потому, что даетъ блескъ славнаго имени, прославленнаго и возвеличеннаго предками, принесшими славу и пользу отчизнѣ, но и потому, что годность къ службѣ, способности передаются отъ предковъ къ потомкамъ. Григорій Ходкевичъ рѣшился передать своимъ сыновьямъ Александру и Андрею — первому староство Городенское, а второму (подстолію великаго княжества Литовскаго)—Могилевское, но не успѣлъ вполнѣ при жизни своей сдѣлать этого, и стрый его Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ ходатайствовалъ передъ королемъ Генрихомъ о королевскомъ подтвержденіи этой передачи, сдѣланной «небощикомъ» паномъ Виленскимъ, гетманомъ наивысшимъ. Король исполняетъ эту просьбу, которая отчасти [2]) уже была раньше вознесена къ его предшественнику Сигизмунду Августу, но которой послѣдній не успѣлъ вполнѣ исполнить, застигнутый смертью, — подтвержденіе короля Сигизмунда «пана подскарбего не дошло». Въ листѣ королевскомъ мотивами для исполненія просьбы этой королемъ является прежде всего «ласкавое баченье» Генриха на «значъные а высокие заслуги» родичей Ходкевичей, Яна Еронимовича, ходатайствующаго передъ королемъ, но особенно «недавно зешлого» пана Григорія Ходкевича, исполненіемъ желанія котораго и является королевское подтвержденіе. Грамота говоритъ, что король даетъ свое подтвержденіе на передачу староства,

[1]) См. первую главу. Характеристику Яна Еронимовича Ходкевича см. у *А. С. Трачевскаго*. Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. М. 1869. Стр. 111 и сл. Дословная выписка этой характеристики у *П. А. Чистовича*. Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви. Ч. I. СПБ. 1882. Стр. 70—71.

[2]) О Могилевскомъ староствѣ.

заслуги его «в доброй ведомости маючы и ихъ ласкаве поважаючы а потомство его милости до таковыхъ же справъ и поступъковъ годное быти розумеючи и ласку» свою королевскую «надъ ними указуючы» [1]). Ясное дѣло, что при такомъ взглядѣ карьера членовъ знатныхъ фамилій упрощалась чрезвычайно. Вниманіе верховной власти къ службамъ и высокому значенію отцовъ и родственниковъ замѣняло для нихъ долгіе годы дѣятельности и личныя заслуги. Такъ, когда Александръ Ходкевичъ, староста Городенскій, командовавшій жолнерами въ землѣ Инфлянтской уѣхалъ изъ Инфлянтъ по болѣзни и такимъ образомъ долженъ былъ оставить отправленіе своихъ обязанностей, Стефанъ Баторій назначаетъ на его мѣсто Криштофа Радивила, Литовскаго подчашія, сына Николая Радивила, воеводы Виленскаго. Король извѣщаетъ объ этомъ изъ Львова 31 іюня 1578 года Виленскаго воеводу [2]): сынъ въ качествѣ польнаго гетмана, такимъ образомъ, становится подъ ближайшее начальство своего отца, бывшаго великимъ Литовскимъ гетманомъ. Такъ упрощалась служба для Радивила. Тотъ же Криштофъ Радивилъ въ 1579 году сдѣлался кашталяномъ Троцкимъ и подканцлеромъ, а въ 1584 году былъ уже Виленскимъ воеводою, сдѣлавшись непосредственнымъ преемникомъ ни этомъ врядѣ своего отца. Съ 1589 года онъ былъ и гетманомъ великимъ.

Путь, который проходили лица, не имѣвшія счастливой случайности родиться въ знатной семьѣ, былъ гораздо сложнѣе. Возьмемъ для примѣра хотя бы пана Филона Семеновича Кмиту, получившаго въ 1579 году воеводство Смоленское, въ случаѣ его возвращенія въ составъ территоріи великаго княжества Литовскаго [3]). Филонъ Кмита [4]) былъ сыномъ дворянина королевскаго, пана Семена Кмиты. Сдѣлавшись королевскимъ ротмистромъ онъ несъ «уставичныя послуги» государевы и земскія военныя, «преложоныя» на него королемъ и гетманами. По словамъ привилея онъ «отъ немалого часу на послугахъ» государевыхъ и земскихъ «и

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 110—на Могилевъ; ibidem, л. 108, 108 об.—на Городно.

[2]) Biblioteka Ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konst. Świdzińskiego. Tom piąty i szósty. Warszawa. 1881. № 53. См. выше, стр. 440.

[3]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 52.

[4]) Свѣдѣнія о немъ—въ привилеѣ, данномъ пану Филону Кмитѣ на Чернобыльское имѣніе. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 4 об.—5. См. выше, стр. 431.

*

въ немалыхъ битвахъ бываючи, противъ неприятеля» королевскаго, «не жалуючи горла и розлитя крови своее, мужне ся, яко правому рыцеру належыть, заставлял». Филонъ Кмита заслужилъ «ласку» короля и «добре ся» королю «подобал». Отдавшись всецѣло исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, онъ даже не имѣлъ возможности и времени заниматься своими частными дѣлами. Результатомъ этого было полное разстройство его Подольскихъ имѣній. Его имѣнія Летино, Полтевичъ, Солаши и дворъ Веницкій со всѣми людьми, принадлежавшими ему на этихъ земляхъ, терпятъ, «яко отъ безвестного уторгненья Татарского тамъ в тые краины (наши) пограничные, такъ же от крывдъ, и шкод, которые ся ему и тым именьям его зъ стороны короны Полское обывателей, на остатокъ и от враду (нашого) Веницкого деють, боронити не может». Не видя выхода изъ этихъ затрудненій, Филонъ Кмита обращается къ королю Сигизмунду Августу съ просьбою взять его имѣнія на государя, а ему взамѣнъ ихъ дать другое какое-нибудь имѣніе. Король исполнилъ эту просьбу. Былъ посланъ дворянинъ королевскій Василій Мацкевичъ для составленія «реестра», описи этихъ имѣній со всѣми ихъ землями, населеніемъ и доходами. Реестръ этотъ поступилъ въ земскій скарбъ и по нему были взяты Подольскія имѣнія Кмиты «до рукъ и до столу (нашого) господарьского», а ему 29 марта 1566 года былъ данъ «отъменою» замокъ государевъ Чернобыли, находящійся въ землѣ Кіевской, съ мѣстомъ и со всѣмъ, что къ нему принадлежитъ [1]). Съ тѣхъ поръ и къ фамиліи Кмиты стало присоединяться иногда прилагательное «Чернобыльскій» [2]). Пожалованіе замкомъ Чернобыльскимъ было какъ нельзя болѣе кстати для храбраго, опытнаго въ военномъ дѣлѣ и расторопнаго ротмистра. Онъ былъ въ числѣ «украинныхъ», и охрана его Кмитою была въ то же время и охраною государства [3]). Что касается до службы и дѣятельности Филона Кмиты, заслужившей признаніе королевской грамоты, то о ней сохранился цѣлый рядъ указаній источни-

---

[1]) См. выше, стр. 431, 432.

[2]) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 1 об.

[3]) Державца Чернобыльскій находится въ спискѣ старостъ и державцевъ украинныхъ замковъ, которымъ, напримѣръ, были посланы 27 марта 1563 года листы отъ udpановъ-радъ Литовскихъ, «ознаймуючи имъ, ижъ з бояры Московскими мир взят их милость рачили до Успенья Пречисто Богородицы». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 1 об.

ковъ. То онъ, командуя отрядомъ, посылаетъ своихъ служебниковъ подъ Московскій замокъ (Путивль), которые захватываютъ «вязня ранного», раненаго плѣннаго [1]), то одерживаетъ побѣду надъ «людьми Московскими» подъ Стародубомъ и беретъ въ плѣнъ Московскаго воеводу, князя Василія Ивановича Томкина [2]), то одерживаетъ другія побѣды и совершаетъ другіе подвиги [3]), иногда разсчитываясь со своимъ отрядомъ собственными даже своими деньгами и ожидая затѣмъ ихъ возвращенія изъ земскаго скарба. Назначенный Оршанскимъ старостою [4]), Филонъ Кмита обнаруживаетъ и другую сторону своихъ способностей. Положеніе Оршанскаго старосты было чрезвычайно серьезнымъ по тѣмъ исключительнымъ обязанностямъ, которыя онъ несъ. Находясь на Московской границѣ, онъ долженъ былъ не только принимать въ своемъ административномъ округѣ Московскихъ и Литовскихъ пословъ, но и собирать свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ Московскомъ государствѣ, что имѣло какое-либо значеніе и хотя какой-нибудь интересъ для Литвы и ея правительства. Развѣдочная служба была важною стороною дѣятельности его вряда, и нужно признать, что Филонъ Кмита умѣлъ ее нести. Цѣлый рядъ листовъ его, адресованныхъ къ королю, Литовской радѣ и отдѣльнымъ сенаторамъ Литовскимъ [5]), листовъ, богатыхъ содержаніемъ,—

---

[1]) Вил. Арх. Сб. I. № 39. (1562 г.).

[2]) Вил. Арх. Сб. IV. № 5 (1562 г.).

[3]) См. о немъ, нпр., Вил. Арх. Сб. I, №№ 51, 52, 53, 55, Вил. Арх. Сб. IV, №№ 31, 60, 61, 62, 64, 65, 67, 72, 75.

[4]) 1 іюня 1567 года онъ уже былъ Оршанскимъ старостою (Вил. Арх. Сб. IV. № 65), а 2 апрѣля 1566 года еще не имѣлъ этого уряда (ibidem, № 64).

[5]) Żródła do dziejów Polskich, wydawane przez *Mikołaja Malinowskiego* i *Alexandra Przezdzieckiego*. Tom drugi. Wydanie Adama Zawadzkiego. Wilno. 1844. Str. 243 et sq. О значеніи Оршанскаго старосты, какъ врядника, черезъ котораго шли сношенія съ Москвою, говоритъ также «отписъ перший до пана Михаила Гарабурды, писара etc., в поселстве до Москвы посланого, который се вернулъ от границ до Орши». Въ немъ читаемъ: «Жикгимонт Авъгустъ etc.—Писару нашому, державцы Свислоцкому, пану Михаилу Гарабуръдс. Даны намъ суть листы одинъ от тебе, а другий от старосты Оръшаньского пана Филона Кмиты Чорнобыльского, до насъ господара писаные, с которихъ достаточне есмо вырозумели, зъ якиx причинъ муселъ еси назад верънутися отъ границ и зостати у Орши, што ся стало з писаня воеводы Смоленъского до пана Филона, бы ся въ Орши позадержалъ, вымову незвыклую выписуючи неготовостью корму и подводъ за неданьемъ ему первей приеханя твоего тамъ до Орши от пана Филона знати, што до господара его ты, посланникъ нашъ едешъ, а к тому яко бы для поветрия, которое у Смоленску

доказательство этого. Не даромъ, такимъ образомъ, получилъ этотъ дѣятель великаго княжества Литовскаго мѣсто въ королевской радѣ, бывшее наградою за его полную труда и таланта предшествующую дѣятельность. Новые военные подвиги въ Московской войнѣ, особенно подъ Смоленскомъ, побудили, наконецъ, Стефана Баторія 13 октября 1579 года принять его «в лавицу радъ» своихъ и дать ему воеводство Смоленское [1]). Говоря о заслугахъ Кмиты, королевскій привилей, однако, не забываетъ упомянуть о томъ, что король дѣлаетъ свои пожалованія, «вземъши ведомость о зацности дому старожитъного пана Филона Кмиты Чорънобыльского, старосты Оршанъского», и о его заслугахъ и заслугахъ его предковъ передъ королемъ и государствомъ, подчеркивая такимъ образомъ «старожитность» фамиліи Кмитъ, хотя она и лишена была ореола знатности—отецъ Филона, Семенъ Кмита, былъ простымъ дворяниномъ, и члены этой фамиліи совсѣмъ не занимали высшихъ урядовъ до Филона Семеновича. Привилей Баторія далѣе говоритъ, что король хочетъ заслуги Филона Кмиты, старосты Оршанскаго, «баченьемъ» своимъ «королевскимъ нагородити, а *въ дому* и на особе его таковые цные поступъки и справы его оздобити». Такимъ образомъ цѣлый родъ возвышается, и фамилія Кмита на будущее время уже будетъ звучать рядомъ съ именами знатныхъ родовъ Литовскихъ. Самая награда, воеводство Смоленское, наводитъ на мысли о томъ, что Кмита все-таки не являлся совершенно равнымъ въ глазахъ короля съ Радивилами, Ходкевичами, Глѣбовичами и другими фамиліями, стоявшими на челѣ Литовскаго народа. Получивъ мѣсто въ радѣ королевской, онъ «владность», справы и «пожитки», которые принадлежали прежнимъ Смоленскимъ воеводамъ, получитъ лишь тогда, «кгды Панъ Богъ щастъливе справы речи посполитое поводечи, Смоленскъ ку великому князству Литовъскому привернетъ». Радивилъ, или Ходкевичъ не получилъ бы такого назначенія.

славят, тобе до князя великого ехати нельза и очей его долъго не видети. Ведже обецуеть воевода Смоленъский на листе своемъ, взявши науку от господара своего, ознаймити, на которие местца кажеть тобе до себе ити...» Далѣе грамота говоритъ, что Смоленскій Московскій воевода напишетъ Филону Кмитѣ о томъ, позволяетъ ли его государь ѣхать Гарабурдѣ въ Москву. Дата документа: Варшава, 28 октября 1571 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 1 об., 2.

[1]) Описаніе Рукоп. Отд. Виленской Публ. Библ. Вып. III. Вильна 1898. № 38 (стр. 87). Ср. также ibidem, стр. 17, 189.

Литовскій сенатъ, какъ мы видѣли выше, дѣлился въ своемъ личномъ составѣ на двѣ категоріи сенаторовъ по ихъ происхожденію: 1) члены знатныхъ фамилій и 2) члены фамилій, не отличавшихся своею знатностью. Изъ 26-ти фамилій, которыя встрѣчаются въ Литовскомъ сенатѣ за время съ Люблинской Уніи до окончанія царствованія Стефана Баторія, шесть только однажды, именно въ изучаемый періодъ времени, имѣли своего представителя въ Литовской радѣ. Эти фамиліи—Волминскій, Гайко, Гарабурда, Довоіна, Кмита и Сновскій. Такимъ образомъ, лишь 25 процентовъ сенаторовъ были людьми новыми, 75 же процентовъ ихъ были членами фамилій, болѣе или менѣе прочно усѣвшихся въ лавицѣ радъ королевскихъ, имѣя тамъ своихъ членовъ въ различныя времена существованія Княжества. Если мы развернемъ списокъ воеводъ Виленскихъ въ XVI вѣкѣ, то сразу бросится въ глаза малочисленность фамилій, представители которыхъ занимали этотъ первый въ ряду свѣтскихъ Литовскихъ сенаторовъ урядъ. Въ самомъ дѣлѣ всего три фамиліи встрѣчаются на этомъ врядѣ за цѣлое столѣтіе [1]): Радивилъ Гаштольдъ и Глѣбовичъ. Притомъ пять Рядивиловъ и по одному Гаштольду и Глѣбовичу. На Виленской кашталяніи за то же время встрѣчаются девять фамилій: кн. Ольшанскій, кн. Острожскій, Кезгайло, Радивилъ, Остикъ, Ходкевичъ, Воловичъ, Кишка и Пацъ [2]). Воеводство Троцкое за цѣлое XVI столѣтіе было подъ управленіемъ воеводъ изъ слѣдующихъ восьми фамилій [3]): Забрезинскій, Радивилъ, Остикъ, Гаштольдъ, кн. Острожскій, кн. Гольшанско-Дубровицкій, кн. Збаражскій и Глѣбовичъ. Троцкая кашталянія [4]) за то же время была въ рукахъ девяти фамилій: Кезгайло, Радивилъ, Кишка, Ходкевичъ, кн. Збаражскій, Воловичъ, Глѣбовичъ, кн. Пронскій и Тальвошъ. Посмотримъ еще списки старостъ Жмудскихъ за то же время, и тогда мы будемъ знать имена всѣхъ фамилій, занимавшихъ за цѣлое XVI столѣтіе всѣ старшіе свѣтскіе вряды Литовскаго сената. Старостами Жомоитскими въ XVI столѣтіи были лица изъ слѣдующихъ фамилій: Кезгайло, Кишка, Радивилъ, Яновичъ, Билевичъ, Ходкевичъ [5]).

Какъ всякое учрежденіе, состоящее изъ довольно значительнаго числа лицъ, Литовская рада разбивалась на нѣсколько партій. Во главѣ ихъ стояли наиболѣе видные вельможи. Нѣтъ сомнѣнія,

[1]) *J. Wolff.* Sen. i dign. Str. 72—73.
[2]) Ibidem. Str. 78—80. [3]) Ibidem. Str. 57—59.
[4]) Ibidem. Str. 63—65. [5]) Ibidem. Str. 91—93.

что личныя отношенія и матеріальные интересы во многомъ мѣшали отдѣльнымъ Литовскимъ сенаторамъ дѣйствовать самостоятельно и въ интересахъ государства исключительно. Но съ другой стороны невозможно и совершенно отрицать идеальной подкладки весьма многихъ поступковъ и дѣйствій пановъ-радъ великаго княжества Литовскаго. Какою, напримѣръ, искреннею любовью къ отчизнѣ звучатъ письма различныхъ дѣятелей къ Виленскому воеводѣ князю Николаю Радивилу по поводу роковыхъ событій 1569 года [1])! Ходкевичъ и Нарушевичъ являются корреспондентами князя на Дубинкахъ и Биржахъ, и ихъ письма, сохраненныя для потомства Несвижскимъ архивомъ, прекрасно характеризуютъ эту идеальную связь, дававшую единство мнѣніямъ и дѣйствіямъ отдѣльныхъ радныхъ пановъ, каковы бы ни были ихъ личныя отношенія. За то въ другихъ случаяхъ нельзя не подмѣтить группировки членовъ сената по партіямъ, во главѣ которыхъ стояли особенно вліятельные и крупные паны-рады. Невольно подмѣчается особая личная связь отдѣльныхъ болѣе сильныхъ сенаторовъ съ сенаторами менѣе сильными, которые идутъ за голосами первыхъ, поддерживая ихъ не столько по внутреннему убѣжденію, сколько по мотивамъ личнаго и матеріальнаго свойства. Не будемъ забывать, что въ числѣ пановъ-радъ были такія лица, которыя достигли своего положенія послѣ долгой службы въ дворянахъ, ротмистрахъ, писаряхъ, господарскихъ маршалкахъ, или въ качествѣ другихъ врядниковъ дворныхъ, или земскихъ. При прохожденіи своей службы они пользовались покровительствомъ и ходатайствами отдѣльныхъ сенаторовъ передъ верховною властью. Ясно, что, обязанные имъ въ предшествующемъ своемъ служебномъ поприщѣ и гораздо ниже ихъ стоявшіе прежде, они сохраняли извѣстный піететъ къ нимъ, усѣвшись на лавицу радъ рядомъ съ ними. Филонъ Кмита долженъ былъ искать поддержки и ходатайства радныхъ пановъ. Обращаясь къ Евстафію Воловичу, онъ пишетъ ему изъ Орши 5 декабря 1573 года: «а про тожъ прошу покорне пана своего милостивого, абымъ могъ за милостивымъ призволеніемъ вашей милости пановъ-радъ для пильныхъ долеглостей моихъ, зъ сего краю староства моего до его кролевской милости, пана намъ пришлого, зъѣхать, а за милостивыми причинами вашей панской милости опатреніемъ которымъ государскимъ упадлость мою поратовать такъ, якъ того

---

[1]) Вил. Арх. Сб. VII. №№ 21—28.

зъ самое милостивое жычливости вашей милости государя моего рада и наука мнѣ есть и яко заслужоное въ скарбѣ, такъ и селка тые подъ Овручемъ, которыемъ вже зъ милостивого розсудку вашей милости пановъ-радъ и правомъ перевелъ, жебыхъ вже всего того скуткомъ дойти могъ. Якожъ милостивый государю, пане Троцкій, въ надѣю милостивой ласки вашей милости, государя моего, при семъ листѣ моемъ посылаю ку вашей панской милости мамранъ. Вашей милости государю моему вѣдѣть, яко о таковыхъ повинахъ, такъ и около того зъѣханя моего писати до ихъ милости пановъ-радъ Корунныхъ. Ваша милость, мой милостивый государь, ведле милостивого а наибольшого баченья вашей милости панского, рачь росказать зъ милостивое ласки своее до ихъ мости тотъ листокъ отъ мене, слуги вашей милости, писару вашей панской милости справить, а я за таковую милостивую ласку вашей милости пана, государя моего, Пана Бога просечи за счасливое панованіе вашей милости, вѣчне службами моими заслуговать повиненъ буду. Съ тѣмъ жычечи вашей панской вельможности, моему милостивому пану, въ ласцѣ Божей при добромъ здровью» [1]). Въ таномъ тонѣ пишетъ будущій воевода Смоленскій Евстафію Воловичу, бывшему въ то время Троцкимъ кашталяномъ, подканцлеромъ великаго княжества Литовскаго и старостою Берестейскимъ и Кобринскимъ [2]), рядомъ съ которымъ онъ сѣлъ въ Литовскомъ сенатѣ въ 1579 году.

Переписка Ходкевича, Радивиловъ. Сапегъ, сохранившаяся и изданная [3]), даетъ возможность представить себѣ тѣ личныя отношенія, которыя существовали между отдѣльными панами-радами. Какъ старательно, напримѣръ, сообщаетъ [4]) Левъ Сапега, стоя

---

[1]) Żródła do dz. P. wydawane przez *M. Malinowskiego* i *A. Przezdzieckiego*. Tom drugi. Str. 245—246. Документъ напечатанъ латиницею. Мы привели его, замѣнивъ Польскія буквы Русскими, которыми писалъ Филонъ Кмита, но правописанія подлинника возстановить не было возможности, такъ какъ передача его латиницею издателями не позволила этого сдѣлать.

[2]) Упоминаній очень много. Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 89.

[3]) Scriptores rerum Polonicarum. Tomus VIII. Continet Epistolas ex archivo domus Radziwillianae depromptas. Cracoviae. 1885. Archiwum Domus Sapiehanae. Tomus I. Continet codicem epistolarum 1575—1606. Вил. Арх. Сборникъ. Т. VII. Письма Литовскихъ сенаторовъ, кромѣ того, разбросаны и по другимъ томамъ различныхъ изданій (другіе томы Вил. Арх. Сб., А. Н. R. G. P. ill XI и т. д.).

[4]) Нпр., Arch. D. Sap. T. I. №№ 14, 15 и др.

во главѣ Литовской канцеляріи, всѣ новости Криштофу Радивилу! Янъ Глѣбовичъ пишетъ къ Яну Ходкевичу, исполняя посольство Княжества къ избранному безъ участія Литовцевъ Баторію [1]). Въ эпоху, когда былъ еще живъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, онъ и Виленскій воевода Николай Радивилъ были самыми авторитетными членами Литовскаго сената, около которыхъ группировались остальные. Мы видѣли выше переписку этихъ двухъ сильнѣйшихъ Литовскихъ сенаторовъ, когда излагали событія 1569 года [2]).

Конечно, при раздѣленіи сенаторовъ на группы-партіи, приходится считаться съ ихъ родствомъ, которое соединяло отдѣльныхъ пановъ-радъ Литовскихъ между собою, а также иногда ихъ и съ сенаторами Коронными. Такъ, Подольскій воевода Николай Мелецкій былъ женатъ на Радивилянкѣ Елизаветѣ [3]), Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ [4]) былъ въ свойствѣ со Зборовскими, Янъ Станиславовичъ Кишка [5]) былъ женатъ на княжнѣ Острожской, Станиславъ Андреевичъ Довойна [6]) былъ женатъ на Радивилянкѣ и т. д.

Кромѣ родства, большей сплоченности отдѣльныхъ сенаторовъ способствовала, конечно, принадлежность къ одной и той же религіи. Если, какъ мы уже видѣли, въ Княжествѣ и существовала полная взаимная религіозная терпимость въ эту эпоху [7]), то все-таки нельзя не признавать принадлежности къ одной и той же религіи связью, соединявшею отдѣльныхъ сенаторовъ, хотя бы уже въ силу того, что у нихъ были общіе интересы по обезпеченію храмовъ, молитвенныхъ собраній и т. п. Сторонниками реформаціоннаго ученія были въ 1570 году, согласно замѣткѣ въ дневникѣ сейма 1570 года [8]), слѣдующіе Литовскіе сенаторы: воеводы Виленскій (Николай Радивилъ), Троцкій (кн. Стефанъ Андреевичъ Збаражскій), Смоленскій (Василій Тишкевичъ), Новгородскій (Павелъ Ивановичъ Сапега), Витебскій (Станиславъ Николаевичъ Пацъ), Берестейскій (Юрій Васильевичъ Тишкевичъ), Мстиславскій (Юрій Юрьевичъ Остикъ), Минскій (Гавріилъ Ивановичъ Горностай), староста Жомоитскій (Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ), кашталяны, Троцкій (Евстафій Воловичъ), Жомоитскій (Мальхеръ Станиславовичъ Шеметъ), Берестейскій (Янъ

1) A. H. R. G. P. ill. XI. № XXIII. 2) Стр. 42, 43.
3) *A. Boniecki*. Poczet Rodów. Str. 276.
4) См. выше, стр. 94. 5) *A. Boniecki*. Poczet Rodów, Str. 128.
6) Ibidem. Str. 49. 7) См. выше, стр. 235—237.
8) Scriptores rerum Polonicarum T. I. P. 151—155.

Николаевичъ Гайко), Полоцкій (Юрій Николаевичъ Зеновичъ), Витебскій (Павелъ Николаевичъ Пацъ) и Минскій (Николай Станиславовичъ Тальвошъ). При этомъ Литовскимъ канцлеромъ былъ Виленскій воевода, подканцлеромъ—Троцкій кашталянъ, земскимъ маршалкомъ—староста Жомоитскій. Таковъ списокъ сенаторовъ протестантовъ. Можно сомнѣваться, однако, въ правильности его. По крайней мѣрѣ, Василій Тишкевичъ, надо думать, былъ православнымъ, или вскорѣ перешелъ въ православіе, такъ какъ онъ былъ похороненъ въ 1574 году въ церкви Супрасльскаго монастыря. Православнымъ сенаторомъ въ 1570 году показанъ замѣткою сеймоваго дневника этого года кашталянъ Новгородскій (Григорій Воловичъ). Остальные сенаторы были католиками.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности пановъ-радъ Литовскихъ, какъ она обрисовывается источниками. Въ Литовской Метрикѣ сохранились образцы присягъ, приносимыхъ различными должностными лицами великаго княжества Литовскаго по должности [1]). Для сенатора существуютъ двѣ формы присяги, одна для обычнаго времени государственной жизни великаго Княжества, другая—для времени безкоролевья. Разсмотримъ пока лишь первую форму этой присяги. Въ переводѣ съ Польскаго языка она гласитъ слѣдующее: «я (имя) присягаю его королевской милости великому князю Литовскому въ томъ, что на настоящемъ врядѣ правильному исполненію моего назначенія буду вѣренъ [2]) и хочу вѣрно подавать мою раду его королевской милости и речи посполитой того Княжества. Тайны, которыя будутъ мнѣ повѣданы его королевскою милостью или ихъ милостью панами-радами, касающіяся его королевской милости или речи посполитой отдѣльно, или совмѣстно, буду вѣрно хранить и никому ко вреду его королевской милости или речи посполитой не объявлю (открою). Насколько только возможно буду стараться объ умноженіи выгодъ (пожитковъ) его королевской милости и речи посполитой (того) Княжества и, что только вреднаго для его королевской милости и речи посполитой Княжества увижу, уразумѣю, или услышу, въ томъ обязанъ буду предостеречь его королевскую милость и речь посполитую Княжества и каждому такому вредному дѣлу буду противодѣйствовать насколько только хватитъ силъ

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2 и сл.; также—Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 303 и сл.

2) «wiernosci przełozeństwa wierzen będę na tym urzędzie».

моихъ. Буду охранять правосудіе (справедливость), покой (миръ) посполитый и единомысліе (згода) какъ въ государевой радѣ, такъ и между иными людьми, подданными его королевской милости, и раздоровъ, ссоръ и никакой непріязни ни самъ не буду чинить, ни помогать имъ желать не буду. Этой моей присягою хочу подлежать власти и верховенству его королевской милости всецѣло, всею моею вѣрностью. Такъ помоги мнѣ Боже и святое Евангеліе» [1]).

Время составленія этой присяги не обозначено въ источникѣ, однако текстъ ея составленъ при Сигизмундѣ Августѣ. Въ самомъ дѣлѣ, текстъ присяги великаго маршалка, слѣдующей въ книгѣ Литовской Метрики за текстомъ присяги сенаторовъ, называетъ этого государя по имени. «Ja N. przysięgam, iz naiasnieyszemu Xiązęciu Panu Panu Zygmuntowi Augustowi, Krolowi Polskiemu y Wielkiemu Xiędzu Lithewskiemu y iego potomkom y Wielkiemu Xięstwu Lithewskiemu na tym Urzędzie Marszalstwa, mnie zleconym, będę wierzen.....» [2]). Но съ другой стороны, перевернувъ два листа той же книги, мы встрѣчаемъ присягу сенаторовъ во время безкоролевья [3]), а перевернувъ еще листъ, находимъ текстъ присяги, принесенной 25 апрѣля 1536 года Литвѣ Сигизмундомъ Августомъ [4]). Такимъ образомъ, на указаніи имени Сигизмунда Августа нѣкоторыми изъ текстовъ присягъ [5]) основываться вполнѣ и исключительно едва ли возможно. Ясно, что въ той книгѣ, въ которой находится текстъ сенаторской присяги, мы имѣемъ сборникъ документовъ, составленный съ тою, или другою цѣлью путемъ выбора ихъ, а не книгу отпусковъ, копій, снимавшихся съ документовъ, выходившихъ изъ канцеляріи великаго княжества

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2. Текстъ этой присяги по Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 303 совершенно тождественъ съ текстомъ $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2. Только два раза вмѣсто naywysszey (naywyszszey) стоитъ naywiętszey (naywietszey).

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 2.

[3]) Juramentum senatorum tempore interregni. Ibidem. Л. 4 об.

[4]) Juramentum, quod praestitit serenissimus Rex Sigismundus Augustus Dominis Lithuanis die *XXV* Aprilis *MDXXXVI*. Ibidem. Л. 5 об., 6.

[5]) Кромѣ текста присяги великаго маршалка, имя Сигизмунда Августа даютъ przysięga canclerzowa и podcanclerzowa (л. 3), przysięga podskarbiego ziemskiego (л. 3—3 об.), juramentum consiliariorum Regni serenissimo Principi Domino Sigismundo Augusto Poloniae Regi Magno Duci Lithuaniae etc. vivente patre praestitum (л. 5—5 об.), juramentum, quod praestitit serenissimus Rex

Литовскаго. Но та же книга сохранила въ себѣ слова, которыя могутъ намъ дать основаніе для заключенія о времени, къ которому относится текстъ присяги сенаторовъ. Послѣ текста присягъ пановъ-радъ, великаго маршалка, канцлера и подканцлера, подскарбія земскаго, писарей королевскихъ, старостъ, земскихъ подкоморихъ и сенаторовъ времени безкоролевья читаемъ слѣдующія слова: «Ad eas Juramentorum formas, quae in statuto continet adiectae sunt etiam et aliae Juramentorum formulae partim ex Regestris cancellariae partim etiam aliunde descriptae praemisso atque hic inserto primum sacrosancto Jesu Christi Euangelio ad quod tam quam verba vitae et veritatis christiani merito iuramenta sua praestare debent: Initium Sancti Jesu Christi Euangelii secundum Ioannem Cap. I. Vide in principio huius libri» [1]). Такимъ образомъ текстъ присягъ врядниковъ, находящихся въ книгѣ, надо думать, былъ дѣйствительнымъ во время, къ которому относится и составленіе присягъ безкоролевья, т.-е. въ семидесятые годы XVI вѣка.

Итакъ, обязанности сенатора, какъ ихъ опредѣляетъ его присяга, въ обычное время состоятъ въ подачѣ совѣта, рады королю и государству, въ сохраненіи королевскихъ или государственныхъ тайнъ, довѣренныхъ ему, въ заботѣ о пріумноженіи интересовъ короля и государства и предупрежденіи всякаго для нихъ ущерба, въ охранѣ правосудія, спокойствія и согласія какъ въ средѣ самого сената, такъ и за его предѣлами въ широкихъ границахъ, которыя опредѣляются подданствомъ королю Польскому и великому князю Литовскому. Уже изъ текста самой присяги, приносимой паномъ-радою по своей должности, видно, что онъ не былъ только совѣтникомъ своего государя—панъ-рада не только совѣтникъ, онъ въ то же время стражъ спокойствія, правосудія и согласія въ цѣломъ государствѣ. Если уже въ качествѣ простого совѣтника королевскаго сенаторъ высказывался

Sigismundus Augustus Dominis Lithuanis die *XXV* Aprilis *MDXXXVI* (л. 5 об.—6), jusjurandum a serenissimo Sigismundo Augusto Rege Poloniae statibus Regni praestitum Cracoviae IIII Februarii Anno *MDXXXVII* (л. 6—6 об.), juramentum Alexandri Valachiae Palatini Regiae Maiestati et Regno Poloniae praestitum (л. 6 об.—8), juramentum serenissimi Domini Sigismundi Augusti Regis Poloniae Alexandro Palatino Valachorum (л. 8), juramentum cancellarii et vicecancellarii Regni (л. 8 об.—9), juramentum marschalci Regni л. 9—9 об.).

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 5.

и заявлялъ свое мнѣніе по тому, или другому дѣлу, не только вызванный на это вопросомъ со стороны короля, но и по своему собственному почину—онъ долженъ вѣдь предупреждать грозящую государству и королю, но неизвѣстную послѣднему опасность,—то охрана правосудія и спокойствія въ цѣломъ государствѣ придаетъ ему характеръ высшаго должностного лица, дѣйствующаго почти независимо отъ королевской власти. Со времени Люблинской Уніи король и сенатъ взаимно дополняютъ другъ друга, и если сенатъ или сенаторъ, самостоятельно рѣшая какое-нибудь дѣло, рѣшаетъ его лишь «до воли» королевской, то и король, въ свою очередь, постановляетъ свое рѣшеніе или дѣлаетъ указъ «за радою пановъ-радъ» своихъ. Это взаимное дополненіе одного политическаго стана Речи Посполитой другимъ говоритъ о весьма близкомъ по размѣрамъ значеніи ихъ въ государствѣ. Стоя на первой сверху ступенькѣ королевскаго трона въ цѣломъ своемъ составѣ, хотя и размѣщаясь на всѣхъ его ступеняхъ отдѣльными своими членами, смотря по значенію своего сенаторскаго вряда и личному вліянію и имени каждаго отдѣльнаго пана-рады, сенаторы титулуются «его милость», какъ титулуется самъ «его милость король» [1]). Молитва въ церквахъ должна совершаться за пановъ-радъ рядомъ съ королемъ [2]). Если власть законодательная въ Речи Посполитой принадлежала нераздѣльно всѣмъ тремъ политическимъ ея станамъ, т.-е. королю, сенату и народу-шляхтѣ черезъ его представителей, составлявшихъ посольскую избу, то высшая администрація и высшій судъ были правомъ короля, которое онъ дѣлилъ съ сенатомъ.

Акты великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ рисуется жизнь его населенія, представляютъ слѣдующимъ образомъ дѣло

---

[1]) Это особенно бросается въ глаза, когда встрѣчаются рядомъ обозначеніе короля и пана-рады. Такъ, въ листѣ, данномъ королемъ Генрихомъ Яну Ходкевичу на Ковно, читаемъ: «якожъ записы короля его милости отъ тыхъ особъ, которые то в заставе отъ короля его милости мели, его милость (Янъ Ходкевичъ) освободилъ и до рукъ своихъ взялъ...» Лит. Метр. $\frac{\text{I А}}{57}$ л. 46 об.

[2]) Такъ, панъ Иванъ Ивановичъ Хребтовичъ установляетъ, что священникъ церкви его имѣнія Липскаго «водлугъ звыклости хрестиянское за Господаря Короля его милости, за пановъ-радъ, за ктиторовъ тое церкви, а пановъ своихъ и за всихъ православныхъ хрестіянъ уставичные мольбы до Господа Бога приносити и духовному враду и послушенству своему досить чинити будетъ повиненъ до своего живота...» А. Вил. I. Стр. 6. Ср. ibidem, стр. 5.

устройства народнаго управленія. Весь народъ, какъ свободный, самъ держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть въ государствѣ. Но требуется корпорація, которая была бы постоянно блюстительницей этой народной власти, которая бы постоянно обнаруживала эту народную власть, не имѣющую возможности всегда проявляться уже въ силу самой многолюдности ея носителей. Рада эпохи послѣ Уніи и была такою корпораціей. Она состояла изъ цвѣта народа и должна была блюсти его интересы. Аналогія поможетъ при характеристикѣ значенія рады Литовской. Города, обладавшіе Магдебургскимъ самоуправленіемъ, имѣли свою «раду мѣстскую» [1]). Эта рада состояла изъ войта, бурмистровъ и радцевъ — выборныхъ людей изъ всего «поспольства» даннаго города Поспольство — это все населеніе города, весь «народъ» его, если представимъ себѣ городъ отдѣльною самостоятельною единицею въ государствѣ. Изъ народа-поспольства избирается мѣстская рада, которая блюдетъ интересы города, ведетъ его управленіе и хозяйство, но которая созываетъ и все поспольство въ чрезвычайныхъ случаяхъ городской жизни, а также принимаетъ нѣкоторыхъ его членовъ въ свои финансовыя коммиссіи. Рада великаго княжества Литовскаго не избиралась; ея члены назначались королемъ, хотя это и дѣлалось имъ съ согласія самихъ радныхъ пановъ, а не по своему произволу. Зерно рады составляли нѣсколько крупныхъ Литовскихъ фамилій, которыя пріобрѣли прочную извѣстность въ народѣ и вліяніе на него. Остальные члены рады проникли въ нее за свои службы и по милости королевской. Если первые въ глазахъ народа-шляхты должны были являться совершенно естественными представителями, истолкователями и блюстителями народныхъ интересовъ, то и послѣдніе, какъ члены рады, пріобрѣтали подобное же значеніе. Каждый радный панъ имѣлъ свое земское значеніе не только какъ совѣтникъ короля, но и какъ земскій врядникъ, пользующійся опредѣленнымъ значеніемъ въ центральномъ, или областномъ управленіи или военномъ устройствѣ Княжества. Если сенатъ является однимъ изъ трехъ становъ, составляющихъ Речь Посполитую, то въ то же время сенаторы считаются людьми шляхет-

---

[1]) Нпр., Вил. Арх. Сб. I. № 57: «мы, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Виленского, чинимъ явно тымъ нашимъ листомъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы то належало вѣдать, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ, будучи намъ въ звыкломъ собранью нашомъ на ратушу въ *радѣ мѣстской*...»

ными [1]). Такимъ образомъ, если источники иногда говорятъ о сенаторскомъ званіи, то это званіе было въ то же время и шляхетскимъ, лишь съ добавленіемъ къ достоинству шляхтича достоинства сенатора [2]). Если воевода передавалъ своему сыну право именоваться «воеводичемъ», то вѣдь и всякій врядъ несенаторскій давалъ право сыну врядника на соотвѣтствующее именованіе, и «судичъ», «войсковичъ» и тому подобныя обозначенія дѣтей шляхетскихъ врядниковъ—совершенно обычное явленіе въ источникахъ. Итакъ, сенатъ не представляетъ изъ себя чего-нибудь совершенно чуждаго народу-шляхтѣ. Наоборотъ, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, паны-рада были тѣсно связаны съ народомъ-шляхтою. Это одно и то же дерево; паны-рада представляютъ изъ себя лишь его сердцевину. Рада связана съ посполитствомъ всегда. Какъ рада мѣстская не можетъ обходиться безъ созыва отъ времени до времени всего посполитства, такъ и рада великаго княжества Литовскаго не можетъ существовать безъ сношеній съ народомъ-шляхтою, и эти сношенія нашли себѣ даже опредѣленныя формы. Рада великаго княжества Литовскаго была политическимъ учрежденіемъ, обладавшимъ высокимъ значеніемъ въ государствѣ. Она дѣйствовала при королѣ, но дѣйствовала и отдѣльно отъ него. Ея значеніе и власть получали свою силу не отъ короля, а были отъ него независимы. Лишь степень энергіи короля и величина его таланта, какъ правителя, могли нѣсколько отражаться на увеличеніи или уменьшеніи значенія сената. Однако, при такомъ увеличеніи, или уменьшеніи значенія сената вопросъ всегда касается лишь того, всецѣло ли долженъ былъ король подчиняться мнѣніямъ своей рады, или же былъ способенъ давать большій просторъ своей личной иниціативѣ и личнымъ желаніямъ. Такимъ образомъ, изслѣдователь долженъ исполнить двѣ задачи, изучая раду Княжества: 1) онъ долженъ обрисовать дѣятельность ея и 2) онъ долженъ показать то, на чемъ основывалось громадное значеніе въ государствѣ, бывшее достояніемъ пановъ радныхъ.

Сенаторы спольной Речи Посполитой, обѣихъ частей ея т.-е. обоихъ народовъ—Польскаго и Литовскаго, составляли съ 1569 года одинъ общій сенатъ. Его общее собраніе собиралось во вре-

---

[1]) Нпр., «взяломъ зъ стороны сенаторское въ томъ зборе пана Криштусовомъ будучихъ черезъ руки ясне вельможныхъ и зацне врожоныхъ и шляхетныхъ и опатрныхъ пановъ, пана Остафя Воловича, кашталяна Троцкого...» и т. д. А. Вил. XX. № 28 (стр. 31).

[2]) См., нпр., *Гейденштейнъ*. Зап. о М. войнѣ. Стр. 108.

мя сейма, но могло собираться и независимо отъ созванія послѣдняго. Ленгнихъ въ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ XVIII вѣкѣ и до сихъ поръ не утратившемъ своего значенія, насчитываетъ три вида совѣщаній короля съ сенатомъ: 1) совѣщаніе его съ сенатомъ послѣ только что окончившагося сейма для обсужденія приведенія въ исполненіе сеймовыхъ постановленій и разрѣшенія вопросовъ, возникшихъ вслѣдствіе дѣятельности сейма; 2) рады сенаторовъ-резидентовъ при королѣ и 3) совѣщанія короля съ сенаторами-резидентами и другими панами-радами, вызванными королемъ ввиду сложности и важности политическаго положенія [1]). Всѣ эти собранія сенаторовъ были собраніями пановъ-радъ обоихъ народовъ вмѣстѣ. Но рядомъ съ ними происходили и совѣщанія короля съ панами-радами одного только народа, и мы увидимъ ниже такія рады его съ сенаторами Литовскими.

Обычными совѣщаніями короля съ радными панами были его рады съ сенаторами-резидентами. Въ 1573 году было постановлено, чтобы при королѣ кромѣ министровъ постоянно находились четыре сенатора. Сеймъ съ этою цѣлью долженъ былъ назначать по 16 сенаторовъ, которые затѣмъ по четыре, каждый по полгода, должны были пріѣзжать къ королевскому двору и жить здѣсь для участія въ государственныхъ дѣлахъ и радахъ королевскихъ. Сенаторы эти жили при дворѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сенаторами-министрами, дѣлавшими это по обязанности своего министерскаго вряда. Мы уже знаемъ, какъ Литва настояла при вступленіи на престолъ Баторія, чтобы въ этой «прибочной» радѣ королевской непремѣнно находились Литовскіе сенаторы [2]). Если развернемъ Дневникъ послѣдняго похода короля Стефана, или Записки о Московской войнѣ Рейнгольда Гейденштейна, то увидимъ цѣлый рядъ совѣщаній короля съ панами-радами. Вновь прибывавшіе въ войско сенаторы также немедленно вступали по своему сенаторскому званію въ раду, и составъ ея былъ то больше, то меньше въ зависимости отъ пріѣзда, или отъѣзда отдѣльныхъ радныхъ пановъ. Это — совѣщанія обыкновенныя. Дѣло, разсматриваемое въ нихъ, бывало временами дѣломъ чрезвычайнаго значенія, но сами они не имѣютъ характера чрезвычайныхъ собраній сенаторовъ. Иногда рада отправляла

[1]) *B. Lengnich.* Prawo pospolite Królestwa Polskiego. Kraków. 1836. Str. 379—381. Ср. *X. W. Skrzetuski.* Prawo polityczne narodu Polskiego. T. I. W Warszawie. 1782. Str. 136—138.

[2]) См. выше, стр. 147.

44

свои засѣданія въ тѣсномъ своемъ кругу съ сохраненіемъ полной тайны своихъ обсужденій и предположеній: сенаторы собирались «in secretissimo consilio» [1]). Въ такихъ случаяхъ, конечно, кромѣ пановъ-радъ, въ засѣданіе не допускался никто посторонній [2]). Однако, во время похода, силою обстоятельствъ, рада иногда обращалась въ военный совѣтъ. Въ ея засѣданія приглашались иногда даже ротмистры [3]), которые высказывали свои мнѣнія рядомъ съ сенаторами. Фаренсбекъ, Датчанинъ, прибывшій къ Баторію съ отрядомъ всадниковъ и пѣхотинцевъ для войны съ Москвою [4]), всегда приходилъ къ королю, когда у него бывала рада, и сидѣлъ подлѣ маршалковъ, а рядомъ съ нимъ садился Путлеръ, поручикъ почта герцога Курляндскаго; кромѣ того, «synowiecz» королевскій, когда присутствовалъ, всегда занималъ «in senatu primum locum» [5]). Итакъ, обыкновенная рада при королѣ бывала или «zawarta» [6]), закрытая, которая отправлялась «secretissime», съ такою тайною, что даже не всѣ секретари знали о предметѣ ея [7]), и рада, въ которую приглашались лица, не принадлежащія къ числу радныхъ пановъ государства. Въ присутствіи рады король принималъ и пословъ иностранныхъ, давая имъ отвѣты черезъ своихъ сенаторовъ и министровъ и назначая тѣхъ или другихъ сенаторовъ для переговоровъ съ ними [8]). Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы совѣщаніями съ панами-радами въ засѣданіяхъ рады исчерпывались совѣщанія короля. Кромѣ засѣданій оффиціальныхъ, король собиралъ у себя иногда и «consilium privatum» [9]). Рядомъ съ совѣщаніями короля съ радными панами всего соединеннаго государства король имѣлъ еще отдѣльныя совѣщанія съ радою одного народа Речи Посполитой, т.-е. Литовскаго, или Польскаго. Такъ, Баторій 29 іюля 1581 года имѣлъ раду «таемную» съ панами Литовскими [10]). Предметомъ ея была не попытка короля прекратить споры и несогласія Литовцевъ съ Поляками, или какой-нибудь частный вопросъ, касаю-

---

[1]) Дневн. п. п. Ст. Б. Стр. 118.

[2]) Ibidem, стр. 99 («okrom senatorów nikogo tam nie przipuszczono»).

[3]) Нпр., ibidem, стр. 45, 52, 103, 104, 117.

[4]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. войнѣ. Стр. 112.

[5]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 74. [6]) Ibidem. Л. 22.

[7]) По крайней мѣрѣ не зналъ составитель Дневника посл. пох. Ст. Баторія, бывшій Короннымъ секретаремъ.

[8]) Нпр., Дн. п. п. Ст. Б., стр. 2, 3.

[9]) Ibidem. Стр. 69. [10]) Ibidem. Стр. 41.

щійся Литвы, или Литовскаго сената, а въ высшей степени важный вопросъ похода: куда двинуться и какой пунктъ избрать цѣлью похода. Именно это засѣданіе короля съ Литовскими панами-радами и рѣшило назначить Псковъ цѣлью послѣдняго похода короля Стефана.

Что касается до времени дня, въ которое собиралась рада въ эпоху похода Баторія, то оно было самое различное. Случалось, что она собиралась и передъ обѣдомъ [1]), случалось, что продолжала свои совѣщанія и ночью, начинаясь, вѣроятно, вечеромъ, или, во всякомъ случаѣ, послѣ обѣда [2]). Мы видѣли выше, что число сенаторовъ въ радѣ Баторія во время его послѣдняго Московскаго похода бывало различно, уменьшаясь, или увеличиваясь по мѣрѣ пріѣзда въ войско, или отъѣзда изъ него радныхъ пановъ. Бывали, однако, случаи, когда король вызывалъ къ себѣ сенаторовъ для рады, не ожидая ихъ случайнаго пріѣзда. Такъ, по разсказу Гейденштейна [3]), король Стефанъ въ 1578 году послѣ назначенія сеймиковъ въ Краковскомъ, Сендомірскомъ и Сѣрадзскомъ воеводствахъ для установленія налога, отправившись изъ Варшавы во Львовъ и узнавъ на пути, что Краковское и Сендомірское воеводства не дали согласія на требуемый королемъ налогъ, остановился въ Сендомірѣ и вызвалъ сюда сенаторовъ Малой Польши. Это былъ, такимъ образомъ, сенаторскій съѣздъ пановъ-радъ цѣлой провинціи Малопольской [4]). Но бывали и созывы королемъ большей части всего сената, когда этого требовало состояніе дѣлъ, хотя время не было временемъ сейма. Когда, напримѣръ, въ 1582 году обнаружилось вполнѣ, что виды Шведскаго короля на Ливонію идутъ въ разрѣзъ съ интересами Речи Посполитой и когда посолъ Баторія, Аламанній, сталъ присылать извѣстія, что отношенія къ государю Швеціи становятся все болѣе и болѣе натянутыми, король Стефанъ, находившійся въ то время въ Гроднѣ, вызвалъ къ себѣ большую часть сенаторовъ и здѣсь согласно общему ихъ желанію рѣшилъ скорѣе назначить сеймъ для сообщенія ему о дѣйствіяхъ Шведскаго короля [5]).

Какъ же происходили засѣданія рады королевской? Вотъ раз-

---

[1]) Ibidem. Стр. 22. [2]) Ibidem. Стр. 118.

[3]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. в. Стр. 31.

[4]) Состояла изъ одиннадцати воеводствъ (Краковское, Сендомірское, Кіевское, Русское, Волынское, Подольское, Люблинское, Бельзское, Подляшское, Брацлавское, Черниговское).

[5]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. в. Стр. 280.

*

сказъ [1]) автора Дневника послѣдняго похода Стефана Баторія противъ Москвы, Короннаго секретаря, писавшаго этотъ дневникъ для своего покровителя, Короннаго маршалка Андрея Опалинскаго. Рада собралась 23 октября 1581 года въ лагерѣ подъ Псковомъ. Троцкій каштalянъ, князь Криштофъ Николай Радивилъ, представилъ реляцію своихъ военныхъ дѣйствій, которыя онъ велъ, стоя во главѣ отдѣльнаго отряда. Затѣмъ стали разсуждать объ опасномъ положеніи Гарабурды съ его Татарами подъ Порховомъ, такъ какъ панъ Троцкій довелъ до свѣдѣнія засѣдавшихъ о томъ, что въ шести миляхъ отъ Порхова находятся пять тысячъ Москвы и Татаръ, «ktorzy piczownіki brać bendą». Было высказано въ радѣ желаніе прогнать оттуда Москву, но каштелянъ Троцкій заявилъ, что тутъ ничего не подѣлать. Непріятели настолько осторожны, что, провѣдавъ о приближеніи врага, отступятъ въ Новгородъ, а биться не станутъ: такъ имъ приказано отъ великаго князя Московскаго. Отправившись въ эту экспедицію, войско короля напрасно передвинется и лишь только повернется оттуда, Москва сейчасъ же по его слѣдамъ снова выступитъ впередъ. Поэтому, по мнѣнію Криштофа Радивила, лучше усилить Гарабурду, чтобы онъ находился подъ Порховомъ, сторожа врага: объ этомъ должны позаботиться паны гетманы. Послѣ этого, «semotis arbitris», трактовался вопросъ еще большаго значенія. Замойскій въ пространной рѣчи докладывалъ, каковъ «praesens belli status»; положеніе таково: завоеваніе города трудно, время наступаетъ зимнее, тяжелое, и приходится «nova consilia quaerere»—что дѣлать? Излагая далѣе положеніе дѣлъ, Коронный гетманъ выяснилъ его подробно и высказалъ свое мнѣніе—подождать еще нѣкоторое время, не снимая осады со Пскова, несмотря на ея трудности, и тѣмъ не дать Москвѣ возможности требовать менѣе выгодныхъ для Речи Посполитой условій мира. Послѣ рѣчи канцлера высказался самъ король «in eundem sensum», какъ и Коронный гетманъ. Онъ говорилъ пусть не думаютъ, что онъ хочетъ потерять все свое войско, благодаря зимнему стоянью подъ Псковомъ; онъ не такой «insanus», чтобы «sibi ipsi deberet infigere cultrum in pectus; in salute huius exercitus salus» его самого «consistit, dignitas, honor et existimatio». Поэтому пусть подождутъ и пусть срокъ стоянья подъ Псковомъ будетъ оставаться «indefinitum». Далѣе король говорилъ о томъ,

[1]) Дн. п. п. Ст. Бат. Стр. 122—127.

что, если разсчитать, то во Псковѣ и провіанту хватать не должно, и Шуйскому придется въ скоромъ времени выслать изъ города массу людей, а самому остаться лишь «cum defensoribus», которыхъ тамъ немного, а къ тому же немало и убитыхъ—ему тогда будетъ трудно со всѣхъ сторонъ защищать Псковскія стѣны. Когда королевскія войска залягутъ Новгородскую дорогу,—а только по этой дорогѣ и можетъ городъ получать помощь и провіантъ,—когда будутъ взяты Порховъ и Печерскій монастырь, «żeby pabulatia wolna beła exercitui», тогда городъ долженъ будетъ дойти «ad extremam necessitatem». Врагъ сдѣлается «faciliог ad pacificandum», видя такое постоянство и упорство осаждающихъ. Если «temere» оставить Псковъ, снова придется впасть «in summas dificultates», которыхъ концу уже почти радуются король и войско. Придется вновь имѣть дѣло со станами изъ-за денежныхъ средствъ, оставить жолнеровъ на Литовскихъ лежахъ «coby nam nie integrum uczinic propter conscientiam, patrzancz tak często na płacz y skwierk ludzi ubogich», прибавилъ Баторій. Ввиду всего этого, по мнѣнію короля, нужно оставаться подъ Псковомъ и, если непріятель не заключитъ мира, то опустошить на 20 миль кругомъ земли около города, забрать и пожечь все, что тамъ есть, размѣстить войско на постоянныхъ квартирахъ около Порхова, Русы, Воронца,—такимъ образомъ будетъ занята Новгородская дорога, и Псковъ не будетъ имѣть возможности получить какой-либо помощи, а жолнеры будутъ пользоваться удобствами и провіантомъ. Кромѣ того королю говорилъ панъ Троцкій, что около Русы, за Порховомъ, деревни такъ густы, какъ въ Мазовіи, притомъ такъ велики, что въ одной деревнѣ могутъ расположиться «sub tectis» нѣсколько тысячъ жолнеровъ; ржи, ячменя, овса онъ видѣлъ тамъ такія большія и высокія скирды, что хлопъ едва перекинулъ камень; если бы не хватило овса и ячменя, то можно будетъ прокормиться и прокормить коней рожью. Такъ высказался король. Послѣ его рѣчи стали вотовать Литовскіе паны-рада, всѣ «generaliter» въ томъ смыслѣ, что невѣроятно, чтобы можно было выдержать жизнь подъ Псковомъ. Рѣчь идетъ не объ имуществѣ, или здоровьѣ Литовцевъ-сенаторовъ, а объ особѣ самого короля. «Чтобы тебя въ опасность не привести», говорилъ воевода Виленскій, обращаясь къ Баторію, «мы будемъ ждать, пока будемъ имѣть возможность это дѣлать, но у насъ теперь всего убываетъ, а Москва имѣетъ, какъ commoditates, села, съ которыхъ будутъ прибывать къ

ней подкрѣпленія и припасы съ Днѣпра, съ Дона: врагъ будетъ имѣть, когда станетъ ледъ, свѣжихъ людей, которыхъ лѣтомъ ему имѣть было трудно». Великій маршалокъ Литовскій высказался такъ: «помнимъ мы экспедицію подъ Улу — былъ я тамъ также; въ ту зиму также, когда мы начали, намъ казалось, что мы играемъ въ шахматы — такъ мы lusimus effigiem belli; однако потеряли мы тогда 500 человѣкъ, погибшихъ отъ руки непріятельской, да около 8.000 погибли и поубѣжали отъ зимнихъ невзгодъ. То повѣдаю милостивому королю, что съ Москвою воевать лучше лѣтомъ, а зимою лучше грѣться дома у теплаго камина». Панъ Виленскій также прибавилъ со своей стороны къ высказанному его Литовскими радными сотоварищами. Онъ говорилъ: «подождемъ, пока вернется Поссевиновъ слуга отъ князя, уже не назначая никакого опредѣленнаго времени для пребыванія подъ Псковомъ; если онъ принесетъ что-либо опредѣленное и правдивое, что дѣйствительно Московскій князь хочетъ мира и соглашенія, то мы будемъ служить вашей королевской милости до тѣхъ поръ, пока не состоится это соглашеніе. Правдиво ли и искренно ли хочетъ мира и стремится къ соглашенію князь — признакъ этого будетъ въ томъ, поспѣшно или нѣтъ онъ отошлетъ назадъ того слугу. Если предположеніе о его желаніи мира вѣрно, то ожидаю слугу обратно такъ черезъ недѣлю. Но если онъ по старому хитритъ и лишь хочетъ протянуть время, я увѣренъ, что онъ не скоро отправитъ этого слугу, и это будетъ вѣрнымъ признакомъ его намѣренія». Наконецъ, Жомоитскій староста добавилъ, что, хотя это и тяжело, но Литовскіе сенаторы согласны; пусть лучше жолнеры будутъ находиться у нихъ въ Литвѣ на лежахъ, чѣмъ здѣсь дойти «ad extremum». Что касается до Польскихъ сенаторовъ, то они, не опредѣляя точно времени, предлагали ждать, пока будетъ возможно. Затѣмъ, послѣ новой рѣчи Замойскаго и выраженнаго Коннымъ дворнымъ маршалкомъ Зборовскимъ мнѣнія о необходимости созыва сейма, король «nazad concludował» и формулировалъ рѣшеніе: время пребыванія войска подъ Псковомъ не должно быть «definitum», нужно ждать возвращенія Поссевинова слуги и уже затѣмъ «e re nata capere consilium»; что же касается затронутаго Зборовскимъ вопроса о созывѣ сейма, то король радъ его разсмотрѣть и задумалъ предложить его на обсужденіе, но уже утро, и сегодня нѣтъ времени имъ заняться. Рада разошлась послѣ этого заключительнаго королевскаго слова.

Пересказанное засѣданіе рады королевской рисуетъ намъ,

какъ велось обсужденіе дѣлъ въ сенатѣ Речи Посполитой. Мы не ошибемся, если скажемъ, что не было опредѣленной формы открытія его обычныхъ засѣданій. Иногда открывалъ своимъ заявленіемъ засѣданіе король, иногда—кто-либо изъ сенаторовъ. Рада была слишкомъ обычнымъ собраніемъ для того, чтобы тутъ могли всегда соблюдаться формальности. Ежедневныя собранія ея при томъ взглядѣ, который долженъ былъ существовать на избирательнаго короля, лишь какъ на первое лицо въ государствѣ, должны были значительно упростить внѣшнюю форму веденія засѣданій. Самыя воты, подаваемыя сенаторами, мы видѣли, подавались ими не по старшинству ихъ урядовъ. Прежде другихъ высказался Виленскій воевода, затѣмъ—маршалокъ земскій [1]) и уже послѣ него говорилъ старшій, чѣмъ онъ, по сенаторскому креслу панъ Виленскій. Послѣ него говорилъ староста Жомоитскій. Необходимо, однако, замѣтить, что, съ другой стороны, иногда, особенно въ полномъ собраніи сената, порядокъ подачи голосовъ по старшинству сенаторскихъ мѣстъ и соблюдался [2]).

Кромѣ обычныхъ собраній пановъ-радъ въ неполномъ ихъ составѣ, король созывалъ иногда конвокацію цѣлаго сената, когда этого требовало положеніе дѣлъ государства, въ которомъ король не рѣшался поступить безъ совѣщанія съ цѣлымъ сенатомъ. Какъ на примѣръ такого чрезвычайнаго созыва сената, можно указать на сенаторскую конвокацію во Вроцлавкѣ, созванную ввиду неудачи Торунскаго сейма 1576 года и опасностей государства [3]). Въ полномъ своемъ составѣ сенатъ собирался во время сейма, но эти сеймовыя собранія пановъ-радъ подлежатъ нашему изслѣдованію уже въ слѣдующемъ томѣ нашей работы. Мы должны теперь указать еще только на засѣданія сената послѣ окончанія сейма. Такъ, послѣ сейма 1582 года, когда разъѣхались уже сеймовые послы, король и сенатъ продолжали свои занятія и выработали цѣлый рядъ распоряженій для Ливоніи [4]). Но кромѣ тѣхъ видовъ собранія пановъ-радъ, которыя бывали полными во время

---

[1]) Николай Криштофъ Радивилъ.

[2]) См., напр., «vota przednieyszych radh Coronnych na propositią seimową w roku 1585». (Библіотека Главнаго Штаба. Akta od 1585 do 1606 roku. Рукописная книга in folio). Первый говорилъ архіепископъ Гнѣзненскій, потомъ архіепископъ Львовскій, далѣе—воевода Сендомірскій, воевода Подольскій, маршалокъ Коронный и канцлеръ.

[3]) См. выше, стр. 159.

[4]) *Гейденштейнъ.* Зап. о М. в. Стр. 305.

сейма и въ случаѣ созыва королемъ сенаторскихъ конвокацій, былъ еще случай, когда весь сенатъ собирался около короля и когда обычныя совѣщанія короля съ радными панами обращались въ постоянныя совѣщанія его съ цѣлымъ сенатомъ въ полномъ его составѣ. Это бывало во время посполитаго рушенья, когда всѣ обыватели, а стало быть и всѣ паны-рада, собирались около короля вооруженными, живя при немъ и принимая постоянное участіе въ засѣданіяхъ его рады. Но посполитаго рушенья не было въ изучаемую эпоху, было лишь добровольное рушенье Литвы по призыву короля Стефана Баторія, собравшее дѣйствительно около него бо̀льшую часть Литовскихъ сенаторовъ, но изъ Коронной части сената въ этомъ собраніи радныхъ пановъ было немного.

Мы видѣли сейчасъ цѣлый рядъ совѣщаній короля съ панами-радами. Всѣ эти совѣщанія происходили устно: король слушалъ своихъ радныхъ пановъ, они убѣждали его, онъ—ихъ, и путемъ взаимнаго обмѣна мнѣній созрѣвало рѣшеніе, которое потомъ приводилось въ исполненіе. Но кромѣ совѣщаній устныхъ нерѣдко практиковалась письменная подача своихъ «зданій», т.-е. мнѣній панами-радами, живущими въ данное время вдали отъ государя. Источники знаютъ о томъ, что король, обыкновенно, письменно спрашивалъ совѣта старшихъ сенаторовъ въ важнѣйшихъ своихъ начинаніяхъ [1]). Король отправлялъ свои листы къ сенаторамъ, требуя ихъ отвѣта и совѣта въ тѣхъ дѣлахъ, которыя доводились до ихъ свѣдѣнія [2]). Король не только просилъ совѣта, онъ въ то же время сообщалъ отсутствующему сенатору дѣла и вопросы, которые правительству приходится разрѣшать въ его отсутствіи. Но говоря объ освѣдомленности пановъ-радъ въ дѣлахъ государственныхъ, мы должны раздѣлить ихъ на двѣ группы: паны-рада старшіе и паны-рада младшіе. Старшими сенаторами, какъ мы уже видѣли выше, были въ Литвѣ бискупъ, воевода и каштелянъ Виленскіе, воевода и каштелянъ Троцкіе и староста Жомоитскій. Такимъ образомъ, хотя рада Княжества и расширилась въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, но различіе между старыми, существовавшими еще съ 1413 года сенаторскими врядами и новыми, вновь учрежденными, осталось. Иногда король

[1]) *Гейденштейнъ*. Зап. о М. в. Стр. 284. Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 34.

[2]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 86, 100. Приложенія №№ 59 *и* 60. Ср. А. Н. R. G. P. ill. XI. № XLIII и др. документы.

сносился лишь съ одними старшими сенаторами иногда же приказывалъ писать ко всѣмъ панамъ раднымъ безъ исключенія. Но «лавицу таемную» королевскую составляли не одни старшіе паны-рада, а всѣ они, т.-е. и старшіе, и младшіе одинаково. Такъ, жалуя 5 ноября 1569 года воеводѣ Подляшскому, пану Василію Тишкевичу графство, Сигизмундъ Августъ говорилъ въ своемъ привилеѣ [1], данномъ ему на это достоинство, что награждаетъ его за перечисленныя различныя его заслуги, а также и за то, что, какъ гласитъ привилей, «в лавицы нашой таемной будучи, радою своею мудрою годне и пожиточне намъ господарю и речи посполитой служилъ». Между тѣмъ, Подляшскій воевода не былъ старшимъ паномъ-радою, не принадлежа къ числу шести первыхъ сенаторовъ Литовскихъ. Такимъ образомъ, невозможно предполагать, что младшіе паны-рады могли вообще оказаться не знающими какого-нибудь изъ вопросовъ государственныхъ: рано, или поздно, и ихъ не минуетъ государственная тайна. Возможно только, что король въ болѣе постоянныхъ сношеніяхъ находился лишь со старшими панами-радами, стоявшими на челѣ сената и пользовавшимися въ немъ большимъ авторитетомъ и вліяніемъ. Въ силу этого, старшій сенаторъ оказывался часто болѣе освѣдомленнымъ въ данное время, чѣмъ его младшій товарищъ: онъ уже получилъ королевскій листъ, знакомящій его съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, младшій же узнаетъ о немъ позднѣе, когда свидится съ королемъ, или другими панами-радами. Невозможно предположить, чтобы сенаторы Литовскіе дѣлились по своимъ правамъ на два отдѣла: единственнымъ основаніемъ, создававшимъ ихъ различіе въ степени ихъ значенія въ радѣ было ихъ личное вліяніе, а не номеръ сенаторскаго кресла.

Какъ же устанавливалось рѣшеніе рады королевской? Какое значеніе имѣли въ совѣщаніяхъ ея голосъ королевскій и голоса сенаторовъ? Въ трудахъ по исторіи Польскаго права [2]) рѣшенія сената представляются рѣшеніями по большинству голосовъ, т.-е. коллегіальнымъ порядкомъ. Мы не совсѣмъ согласны съ этимъ. Общее правило, которое имѣлось ввиду при всѣхъ совѣщаніяхъ и обсужденіяхъ дѣлъ въ Польшѣ, а потомъ и въ Речи Посполитой Литовско-Польской, было требованіе «згоды», соглашенія всѣхъ совѣщаю-

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 47 об.—48 об.

[2]) См., нпр., *Bandtkie—Stężyński.* Hist. pr. P. Str. 596.

щихся: «Consensus» становъ для введенія чего-либо новаго въ Польшѣ требовался еще Коронною конституціей 1505 года. Въ совѣщаніяхъ рады съ королемъ такая «згода» достигалась тѣмъ, что король, выбирая то или другое мнѣніе, убѣждалъ его противниковъ подчиниться рѣшенію, пріятному и желательному для него, и такимъ образомъ пристать къ общему мнѣнію. Бывали случаи, когда король не исполнялъ желанія пановъ-радъ цѣлаго народа. Такъ, когда посланные въ 1571 году въ повѣты сеймовые листы королевскіе оказались запечатанными сигнетомъ, а не печатью Княжества, паны-рады Литовскіе, въ виду недовольства шляхты, подали Сигизмунду Августу «раду и зданье свое»—переписать листы и перемѣнить печать [1]). Но король поступилъ по своему и такимъ образомъ пошелъ противъ цѣлой рады Литовской, но не будемъ забывать, что этотъ король былъ Ягеллонъ, наслѣдственный великій князь Литовскій. Короли послѣдующіе, т.-е. уже избранные на престолъ Речи Посполитой «спольной», не могли позволять себѣ этого. Говоря о значеніи голоса короля и голосовъ сенаторовъ, мы едва ли ошибемся, если представимъ дѣло такъ. Рѣшающимъ голосомъ былъ, несомнѣнно, голосъ короля; кто изъ сенаторовъ умѣлъ подчинить его мнѣніе своему, убѣдивъ его въ правильности этого послѣдняго, или подѣйствовавъ на него своимъ личнымъ значеніемъ и силою своего вліянія въ государствѣ, тотъ и былъ господиномъ положенія. Полякъ, составитель Дневника Псковского похода Баторія, относящійся далеко не съ расположеніемъ къ Литовцамъ, все-таки записываетъ о дѣйствіяхъ короля «za persuazią panow Lithewskich» [2]). Королю приходилось, такимъ образомъ, постоянно сообразоваться въ засѣданіяхъ рады и съ самымъ дѣломъ, и съ настроеніемъ своихъ отдѣльныхъ радныхъ пановъ. Королю нужно было дѣйствовать своею личностью, дарованіемъ, тактомъ и энергіей, а не какими-либо правами его короны надъ сенатомъ для того, чтобы достигать соглашенія между сенаторами и общаго, принятаго всѣми рѣшенія. Едва ли можетъ быть рѣчь о приказаніи избирательнаго короля тому самому сенатору, который могъ наложить свою руку

---

[1]) «Отписъ до панов-рад Литовских на лист их мл., который писали, хотечи ведати, естли бы соймъ далей не был помкненъ для поветрея. О печатоване листов соймовых сыкгнетовою печатю и о зъехане поветов на одно местъцо». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 5 об.—7. См. выше, стр. 88 и 89, прим. 2 и 3.

[2]) Дн. п. п. Ст. Б. Стр. 42.

на корону и не дать ея королю во время его коронаціи, если онъ не присягнетъ въ соблюденіи условій его избранія на престолъ. Такъ буквально сдѣлалъ Коронный маршалокъ Янъ Фирлей во время коронаціи Генриха Валезія [1]). Бывали бурныя засѣданія рады съ рѣзкою критикою королевскихъ дѣйствій, когда сенаторъ, заявивъ, что онъ долженъ высказать то, что думаетъ, а не «quod placet», откровенно говорилъ о положеніи дѣлъ, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ великій Литовскій маршалокъ въ засѣданіи рады 12 октября 1581 года [2]). Случалось, что протестовали противъ дѣйствій короля и его рѣшеній сенаторы цѣлаго народа, какъ это сдѣлали 19 октября того же года въ радѣ Баторія бывшіе тамъ паны Литовскіе [3]). Итакъ, хотя король и пользовался рѣшающимъ голосомъ въ своей радѣ, онъ «concludował», т.-е. заключалъ своимъ рѣшеніемъ «рады» сената, но онъ далеко не всегда имѣлъ возможность высказать въ своемъ заключительномъ словѣ именно то, что хотѣлъ и что считалъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса. Передъ его глазами должна была всегда стоять перспектива ссоры и затаенной вражды пана-рады съ его вліяніемъ на сосѣдей по сенаторскимъ кресламъ, на родныхъ и друзей, засѣдающихъ въ томъ же сенатѣ, наконецъ на шляхту своего повѣта, а также и другихъ повѣтовъ по безчисленнымъ нитямъ, соединяющимъ его съ обязанными ему покровительствомъ, или службою врядниками и шляхтичами. Рада короля въ изучаемую эпоху была не только совѣтомъ, «радившимъ» королю: она была въ то же время учрежденіемъ, ограничивавшимъ его власть. Гванини прямо говоритъ: «ita cum sit potentissimus rex Poloniae, tamen secundum legum et *senatus praescripta* viuere tenetur....» [4]).

Акты на своемъ языкѣ прекрасно выражаютъ это значеніе сената: король дѣйствуетъ не только за «радою», но и за «зезволеньемъ» радныхъ пановъ. При такомъ положеніи и значеніи

---

[1]) Ср. *J. Szujski.* Dz. P. III. Str 38. [2]) Дн. п п. Ст. Б. Стр. 109.

[3]) Ibidem. Стр. 118. Протестація по указанію источниковъ дѣлается для того, чтобы не имѣть какого-либо ущерба въ своихъ правахъ и владѣніяхъ. Такъ, земянинъ Оршанскаго повѣта, панъ Мартіянъ Соморокъ, у котораго пропали во время войны документы, «aby w dobrach swoich leżących uszczerbku iakiego nie ponosił, żałował yprotestował takowym sposobem». Ист.-Юр. Мат. XVII. Стр. 232. О значеніи протестаціи говоритъ также Гейденштейнъ: «ею какъ ничье право не уменьшается, такъ и не усиливается». Зап. о М. войнѣ. Стр. 15.

[4]) *Gwagnini.* P. 42.

сенаторовъ, ихъ рука сказывается на всѣхъ королевскихъ распоряженіяхъ, имѣющихъ государственное значеніе. Почти всѣ назначенія и пожалованія королевскія дѣлались за «залеценьемъ», «жеданьемъ» и «причиною» пановъ-радъ, всѣхъ или нѣкоторыхъ Король въ своихъ привилеяхъ говоритъ о ходатайствахъ и одного сенатора [1]), и нѣсколькихъ [2]), и даже цѣлой рады вмѣстѣ съ земскими послами во время вальнаго сейма [3]). Само собою разумѣется, что сеймовое ходатайство не могло быть особенно частымъ и должно было требовать отъ лица, за которое предпринималось, заслугъ, извѣстныхъ всѣмъ обывателямъ. Въ главѣ, посвященной Литовскому повѣтовому сеймику, увидимъ, что иногда въ инструкцію своимъ посламъ на сеймъ повѣтовая шляхта вносила порученіе ходатайствовать за то, или другое частное лицо, хотя еще и вопросъ, всегда ли удавались на сеймѣ эти ходатайства отдѣльныхъ повѣтовъ.

[1]) Такъ, напримѣръ, врядъ Берестейскаго войскаго былъ пожалованъ Сигизмундомъ Августомъ 31 іюля 1570 года Григорію Вагановскому по ходатайству Остафія Воловича. См. выше, стр. 340. Особенно часто въ актахъ изслѣдуемой эпохи, встрѣчается ходатайство Яна Еронимовича Ходкевича.

[2]) См. выше, стр. 407 и прим. 4.

[3]) Нпр., «листъ пана Зборовъского на Дубъно», данный Генрихомъ Валезіемъ въ Краковѣ 10 апрѣля 1574 года, гласитъ отъ имени короля: «ознаймуемъ симъ листом нашимъ, ижъ мы, маючи ласкавое бачене на заслуги старосты Одоляновского и Кеского, пана Яна Зборовского, которими онъ первей королю его милости и великому князю Жикгимонъту Августу такъ на дворе его королевское милости служачи, якъ ку оброне и потребе речы посполитое паньствъ нашихъ немалые почъты и роты людей служебныхъ водячи, добре, верне и накладне, наследуючи знаменитыхъ заслугъ продковъ своихъ зъ себе оказывалъ, а особливе и тых недавныхъ часовъ, кгды онъ до короля его милости Француского, брата нашого, вживаючи насъ на тые паньства, на коруну Полскую и на великое князство Литовское, отъ Речи Посполитое обраны будучи, ездилъ тогды и в томъ посельстве якъ пильне, верне а статечъне потребы Речи Посполитое зо всякою учъстивостью Корунною отъпрововалъ, такъ и немалый наклад и утрату на маетъности своей приняти мусел, што все мы пану Яну Зборовскому, ласкою нашою хотечи вызнати и нагороду такъ зацныхъ заслугъ и утратъ его вделати, за причиною пановъ-рад нашихъ духовныхъ и свецкихъ и за прозбою пословъ земскихъ, дали есмо ему в державу доживотную двор нашъ Дубно, в повете Городеньскомъ лежачий....» Документъ находится—Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 43—44. Другой примѣръ—«Яцку Быстрейскому на тридцать и три волоки у волости Лидской в селе Кулбаках до очищеня именей его Полоцкихъ», Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 49. Дата: Кнышинъ, 10 ноября 1569 года.

Ходатайство пановъ-радъ передъ королемъ было для него обязательнымъ не только въ силу ихъ авторитета, но и въ силу того, что избирательный король садился на престолъ совершенно чуждаго ему прежде государства; онъ былъ чужимъ человѣкомъ и самъ долженъ былъ это сознавать. При такомъ положеніи, разумѣется, онъ не могъ совершенно самостоятельно дѣлать назначеній на должности и раздавать пожалованій, такъ какъ онъ не зналъ ни лицъ, которыхъ долженъ былъ назначать, ни значенія всѣхъ врядовъ, которые ему приходилось замѣщать своими назначеніями. Особенно это было такъ въ первое время послѣ вступленія новаго короля на престолъ. Для короля являлось необходимымъ присутствіе пановъ-радъ въ то время, когда онъ подписывалъ привилеи на должности и пожалованія. Ходатайство пана-рады очень часто бывало ходатайствомъ начальника за своего подчиненнаго, извѣстнаго ему лично способностями и заслугами [1]), или просьбою о назначеніи самому сенатору подчиненнаго ему врядника, или, наконецъ, ходатайствомъ воеводы за врядника его воеводства [2]). Такое ходатайство являлось для короля и гарантіей того, что назначаемое имъ лицо окажется вполнѣ пригоднымъ для занятія жалуемаго ему вряда. Не зная совершенно просителя, обращающагося къ нему, король долженъ справиться о немъ у пановъ-радъ, которые и даютъ ему «справу», «ведомость», «сведецство» относительно того, или другого дѣла, или

---

[1]) Напримѣръ, король Стефанъ пожаловалъ ротмистру своему Василію Немирѣ 10 служебъ въ селѣ Красномъ въ Мстиславскомъ воеводствѣ «за причиною их милости пановъ-рад и гетманов» государевыхъ «за учтивые, верные а не пооднокроть показаные службы» его. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 105. Или еще примѣръ: Янъ Ходкевичъ ходатайствовалъ объ юргельтѣ для польнаго писаря Лифляндіи, Войтеха Стабровскаго, и король Генрихъ утвердилъ юргельтъ за Стабровскимъ, дѣлая это, по словамъ привилея, «з ласки» своей «господаръское и за причиною пана Виленьскаго, *яко администратора и гетъмана в земли Лифлянтъской*». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 74.

[2]) Нпр., тивунство и городничество Троцкое король Стефанъ отдалъ 30 іюля 1576 года пану Мартину Стравинскому, «маючи на ласкавой бачности» своей «господарьской залеценье воеводы Троцького, державцы Сомилиского и Жосленского, князя Стефана Корибутовича Збаражского а кашталяна Троцкого, подъканъцлерого великого князства Литовского, старосты Берестейского и Кобрыньского, пана Остафъя Воловича». Документъ находится Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 56—57.

лица. Когда, напримѣръ, къ Генриху Валезію обратился царевичъ Пунскій Islямъ Янбековичъ съ просьбою о подтвержденіи ему земельнаго пожалованія, сдѣланнаго еще Сигизмундомъ Августомъ, скончавшимся, однако, прежде, чѣмъ «царевичъ до держанья того сельца пришолъ»,—Генрихъ исполнилъ его просьбу не только «з ласки» своей государевой, но и «взявши ведомость о заслугахъ того царевича отъ некоторыхъ пановъ-рад» своихъ [1]). Но не только при оцѣнкѣ качествъ того или другого лица нуждается король въ указаніи сенаторовъ; они должны указывать ему, какъ бывало «зъ стародавна» по отношенію къ данному вряду, или дѣлу. Такъ, «некоторие зъ ихъ милости пановъ-радъ» Литовскихъ, «а меновите» воевода Виленскій, канцлеръ Литовскій, Николай Радивилъ, «и з ыными ихъ милость паны-радами оного паньства», короля Генриха «о томъ за паномъ тивуномъ Виленьскимъ жедаючи, справу» по его дѣлу королю «дали» [2]). Можно привести безконечный рядъ примѣровъ такого участія пановъ-радъ въ назначеніяхъ и ихъ указаній королю. Но если это участіе сенаторовъ въ распоряженіяхъ короля нужно ему, какъ указаніе, какъ совѣтъ, то оно нужно было ему и для того, чтобы его распоряженія не могли представляться народу-шляхтѣ чѣмъ-либо несогласнымъ съ традиціями и интересами государства и дѣлаемымъ королемъ по своему личному желанію и произволу. Избирательный король не можетъ сразу получить народное довѣріе, и указаніе въ документѣ, подписанномъ королемъ, на совѣтъ сенаторовъ должно было быть важнымъ для самого короля въ его личныхъ интересахъ. Перечисленіе именъ сенаторовъ въ концѣ многихъ привилеевъ и грамотъ послѣ словъ «при томъ были», поэтому, должно было получить свое новое значеніе въ глазахъ народа послѣ соединенія Литвы съ Польшею и введенія избирательнаго престола. Въ концѣ королевскихъ грамотъ и прежде очень часто поименовывались тѣ радные паны, которые присутствовали при данномъ распоряженіи государя; ихъ имена перечислялись послѣ словъ: «при томъ были». Возникновеніе этого обычая очень древнее. Когда дѣлалось какое-либо важное распоряженіе или постановленіе, было необходимо при немъ присутствіе свидѣтелей, могущихъ потомъ напомнить и засвидѣтельствовать совершившееся передъ ними. Документъ можетъ погибнуть легко,

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 40—41 об.

[2]) Ibidem. Л. 19. См. выше, стр. 312, прим. 1.

а въ древнѣйшее время Метрикъ не было и о сохраненіи документовъ Литовское правительство не заботилось такъ, какъ это оно дѣлало впослѣдствіи. Свидѣтели постановленія или распоряженія должны были замѣнять въ то время актовыя книги, и ихъ заявленіе должно было замѣнять выпись изъ книгъ позднѣйшаго времени. Нѣкоторые документы прекрасно рисуютъ такое значеніе тѣхъ, кто «при томъ были». Такъ, Рижскій архіепископъ Альбертъ, давая въ 1269 году Іоанну Тизенгаузену въ ленъ имѣнія, которыми прежде «jure feodali» владѣлъ «Th. miles dictus de Kokenus et uxor ejus Sophia» по пожалованію Рижскаго епископа Николая, такъ заканчиваетъ свою грамоту: «hujus rei testes sunt dominus Iohannes praepositus, Iohannes cellerarius, Conradus Hauerland canonici Rigenses, dominus Iohannes miles dictus de Dolen, Iohannes de Ungaria, Gerandus Livo, vassali nostri et alii quam plures» [1]). Жалованная грамота великаго князя Литовскаго Свидригайла его вѣрному слугѣ, пану Ершу Терешковичу, данная 9 января 1450 года, заканчивается также подобнымъ указаніемъ на свидѣтелей сдѣланнаго пожалованія. Въ концѣ ея читаемъ: «а при томъ были свѣтки—рада, князь Михайло Васильевичь, а князь Иванъ Романовичь, а панъ Немиря, староста Луцкій, а панъ Сѣмашко Михайловичь, а панъ Юшко Войдатовичь, а панъ Сенко Калениковичь, подскарбій и подканцлерій нашь, а иныхъ много добрыхъ при томъ было» [2]). Невольно напрашивается на сравненіе обычай, существовавшій и у частныхъ лицъ приглашать свидѣтелями «людей добрыхъ» при гражданскихъ своихъ актахъ—имъ будетъ «свѣдомо» распоряженіе, или сдѣлка, и они, когда потребуется, подтвердятъ ихъ дѣйствительность [3]). Итакъ обычай

[1]) Żródła do dziejów Polskich, wydawane przez *Michała Grabowskiego* i *Alexandra Przezdzieckiego*. T. I. Wilno 1845. Str. 125, 126.

[2]) Вил Арх. Сб. VII. № 3.

[3]) Примѣровъ чрезвычайно много въ документахъ гражданскихъ актовъ въ книгахъ Литовскихъ судовъ. Особенно хорошо и ясно опредѣляетъ это «при томъ были» записная грамота Виленскому Пречистенскому собору, данная княгинями, Софіей Дмитріевой Зубревицкой и Маримьяною Семеновною Трабской (6 августа 1486 года). Въ концѣ ея читаемъ: «*а свѣдомо то* князь Ивану Жославскому, а князь Ивану Васильевичу, а пану Андрею Олександровичу, подскарбьему королеву, а брату его пану Солтану, маршалку короля его милости, а брату нашому князю Семену Юрьевичю Галшанскому, а князю Ивану Глинскому, архимандриту Лаврошевскому Өеодосію, а пану Өеодку, господаря нашого писарю». Вил. Арх. Сб. VI. № 1. Иногда писалось: «а при томъ были и того суть добре сведоми». Напр., А. Вил. XX. №№ 6, 17 и др.

перечисленія пановъ-радъ въ королевскихъ грамотахъ древній, и возникъ онъ изъ потребности, чтобы каждое распоряженіе государя, имѣющее государственное значеніе, и каждое его пожалованіе имѣли свидѣтелей, которые могли бы ему напомнить о содержаніи его, когда встрѣтится въ томъ надобность для самого великаго князя, или для лица, въ немъ заинтересованнаго. Даже въ концѣ третьей четверти XVI вѣка, несмотря на заботы о сохраненіи книгъ Метрики государственной, случалось, что король откладывалъ дѣло до сейма, когда соберутся паны-рада, такъ какъ онъ не можетъ «собе на память привести» своихъ листовъ, данныхъ по дѣлу прежде [1]. Въ эпоху избирательнаго правленія упоминаніе о радныхъ панахъ, знающихъ о данномъ распоряженіи королевскомъ, дѣлаемое или въ старинной формѣ «при томъ были», или въ самомъ текстѣ грамоты съ указаніемъ на ихъ роль при разрѣшеніи дѣла, пожалованіи, или повелѣніи королевскомъ пріобрѣтаетъ, несомнѣнно, новое значеніе: оно является доказательствомъ извѣстности панамъ-радамъ королевскаго дѣянія и отсутствія въ немъ произвола. Иначе и быть не можетъ: народу-шляхтѣ нужна была гарантія правильности распоряженій короля, ему совершенно неизвѣстнаго и даже чуждаго по національности. На почвѣ незнакомства избраннаго короля съ государствомъ и народомъ выростала обязанность, обращавшаяся потомъ въ сознаніи дѣятелей въ право,—руководить королемъ, сидящимъ на избирательномъ престолѣ Речи Посполитой. Такимъ образомъ и долженъ былъ создаться такой порядокъ, что король ничего, сколько-нибудь имѣющаго государственное значеніе, не могъ сдѣлать безъ соглашенія со своими радными панами, хотя, конечно, отъ личности короля зависѣло смягчить и ослабить для себя такое положеніе королевской прерогативы.

Окруженный своими панами-радами, своими совѣтниками и наблюдателями, король пользуется ими и при своемъсудѣ. Участіе пановъ-радъ въ высшемъ, королевскомъ судѣ Литовскомъ можетъ быть раздѣлено на два главные вида. Король творитъ свой судъ вмѣстѣ съ панами-радою лично, или же они судятъ самостоятельно. Королевскій судъ до 1581 года, т.-е. до учрежденія главнаго трибунала въ Княжествѣ, былъ единственною апелляціонною инстанціею для Литовскихъ судовъ, такъ какъ су-

[1] Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. 1. См. выше, стр. 629, 630.

довые съѣзды пановъ-радъ не привились въ Литвѣ [1]). Мы видѣли выше, какъ обремененъ былъ массою судныхъ дѣлъ король по апелляціямъ. Но являясь апелляціонной инстанціей, королевскій судъ былъ въ то же время и инстанціей первой и окончательной для цѣлаго ряда справъ судовыхъ. Такъ, «ображенье маестату господарского» подлежало суду короля вмѣстѣ съ его панами-радою [2]). Государевыхъ врядниковъ по преступленіямъ по ихъ должностямъ, «кому бы кольвекъ кривда се дѣяла, або видѣла» судилъ также только государь [3]). Если король пребываетъ съ дворомъ своимъ въ Княжествѣ и при «бытности» его «учинилъ хто кому кгвалтъ, бой, раны, або якую шкоду» на дворѣ королевскомъ, то виновный «не маеть се повѣтомъ вымовляти, а ни позвы брати и ими се закрывати», но долженъ сразу быть поставленъ королевскимъ дворяниномъ предъ короля, или его дворный Литовскій судъ, «кому то отъ» короля «злецоно будетъ» [4]). Аренда мыта сопровождалась, обыкновенно, также дарованіемъ арендатору права быть подсуднымъ только одному королю [5]). Мы уже видѣли, что невозможность для короля управиться со всею массою подлежащихъ его «розсудку» дѣлъ, вызвало учрежденіе трибунала [6]), видѣли также ассессорскіе суды, возникшіе, какъ видъ дворнаго королевскаго суда Литовскаго [7]). Теперь мы должны коснуться лишь участія пановъ-радъ въ двор-

---

[1]) См. выше, стр. 181, 182. [2]) II ст. I. 3.

[3]) II ст. IV. 45. [4]) II ст. IV. 18.

[5]) Напримѣръ, въ грамотѣ Сигизмунда Августа на аренду старыхъ и новыхъ мытъ во всемъ Княжествѣ, данной въ Кнышинѣ 15 августа 1569 года королевскимъ подданнымъ, «жидамъ Берестейскимъ», Исааку Бродавкѣ и Менделю Изаковичу, а вмѣстѣ съ ними и королевскому секретарю Валентому Иберфельту, читаемъ: «к тому тежъ они, мытники наши, слугъ своихъ, которыхъ будуть на местцахъ своихъ на коморахъ головныхъ и на прикоморъкахъ зоставовати, и кому бы кольвекъ якая потреба была, мають сами судити, а воеводы, старостове, деръжавъцы и ихъ наместъники, войты и бурмистры до ихъ слугъ ничого мети не мають, звлаща в речахъ мытныхъ и промытах звыклыхъ окромъ кривавыхъ чотырохъ причинъ, естлибы ся от слугъ ихъ який кгвалт, або забойство, пожога, або пакъ розъбой кому сталъ, таковых врадъники замъков и дворов наших мають и вольни будуть судити и радити подле ихъ правъ и привильевъ жыдовъскихъ, ведъже самыхъ тыхъ мытниковъ нашихъ особъ во всякихъ речахъ, буд купецъкихъ и мытъныхъ, або и крывавыхъ, яко ся вышей поменило, не маеть нихто з воеводъ, старостъ, державецъ и ихъ наместъниковъ судити, одно мы господаръ, або подскаръбий нашъ земский». Лит. Метр. $\frac{IV\ A}{10}$ л. 31 об.

[6]) Стр. 181 и сл. [7]) Стр. 393.

номъ судѣ Княжества. Участіе ихъ имѣло мѣсто въ трехъ формахъ дворнаго суда. Эти формы были слѣдующія: 1) судъ короля совмѣстно съ панами-радами; 2) судъ однихъ пановъ-радъ и 3) судъ ассессорскій. Съ ассессорскимъ судомъ мы уже познакомились выше, а потому остановимся теперь лишь на первыхъ двухъ видахъ дворнаго суда Княжества.

«Смотрели есмо того дела с паны-радами нашыми ихъ милостью короны Польское и великого князства Литовского, на тотъ часъ здесе, у Варшаве, при нас господари будучыми» — такъ начинается актъ разсмотрѣнія Стефаномъ Баторіемъ на сеймѣ Варшавскомъ въ январѣ 1580 года апеляціи отъ земскаго суда въ тяжбѣ мечнаго Литовскаго, пана Димитрія Есифовича Халецкаго съ земянкою господарскою Васильевою Коптевою, панею Полонеею Воловичовой [1]). Во время сейма особенно удобно королю заниматься разсмотрѣніемъ судныхъ дѣлъ, такъ какъ на сеймъ собирается сенатъ въ полномъ составѣ. Въ обыкновенное время малочисленность сенаторовъ, находящихся въ данную минуту около короля, заставляла его иногда отлагать дѣло до сейма. Такъ, дѣло земскаго Виленскаго судьи, «урожонаго» Яна Войтеховича Млечка, съ Полоцкимъ воеводою, паномъ Николаемъ Дорогостайскимъ [2]), король Стефанъ «смотрѣлъ» въ Городнѣ 23 ноября 1584 года [3]) вмѣстѣ «с паны-радами» своими, «на тот часъ» при королѣ бывшими. Но по причинѣ малаго числа сенаторовъ, находившихся тогда при королѣ, дѣло было отложено до предстоявшаго въ 1585 году сейма [4]), очевидно, съ разсчетомъ для короля имѣть возможность посовѣтоваться съ цѣлымъ сенатомъ.

Но во время сейма вовсе не обязательно для короля личное

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 10—11.

[2]) «О неуступене села Бержъ, в державе его милости Бойсакколской ему в суме пенезей заведеного».

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 324 об.—326.

[4]) «Мы господаръ, намовившыся в томъ с паны-радами нашыми, выслухавшы обудву сторонъ, спору и моненья, а не хотечы тое справы на сесь часъ выроком нашымъ конъчыть для малое личьбы панов-рад нашыхъ, пры насъ на тотъ час будучых, тую справу отложыли есмо до сойму валного, близко прышлого в року прышлом 85-мъ обеюм сторонамъ. Што для памети до книгъ нашых господаръскихъ канъцлярейскихъ вписано». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 326.

разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, восходящихъ на судъ королевскій. Дѣла могутъ разсматривать и одни паны-рада безъ короля, притомъ не въ полномъ составѣ сената, а въ составѣ лишь нѣсколькихъ сенаторовъ, назначенныхъ королемъ. Напримѣръ, актъ справы Пинскаго земянина Семена Яцковича съ земянининомъ Клецкимъ, Войною Пахабомъ объ имѣніи Кривчицкомъ и о двухъ домахъ въ мѣстѣ Пинскомъ, составленный 11 іюля 1570 года въ Варшавѣ, во время сейма, гласитъ: «будучи намъ господару (Сигизмундъ Августъ) на сойме великомъ валномъ здеся у Варшаве, за росказаньемъ нашимъ смотрели того дела панове-рады их милость, воевода Виленский, канцлер великого князства Литовского, староста Лидский, державца Мозырский и Борысовский, панъ Миколай Радивил, пан Троцкий, подканцлерий великого князтва Литовского, староста Берестейский и Кобринский, панъ Остафей Воловичъ, староста Жомоитский, маршалокъ земский великого князтва Литовского, администратор и гетманъ земли Ифлянтское, староста Ковенский, державца Плотелский и Телшовский, панъ Янъ Ходкевич» [1]). Тѣ же лица разсматривали судебныя дѣла и въ другіе дни [2]). Паны-рада, разсматривая по королевскому порученію судовое дѣло, иногда сами разрѣшали его [3]), но въ большинствѣ случаевъ, не постановляя своего рѣшенія, докладывали его королю, брали справу «на опытанье маестату его королевское милости» [4]). Паны-рада, «на прослуханье тое справы от его королевское милости высажоные», представляли дѣло королю—«такъ, якося оная справа перед их милостю точила, его королевской милости оповедили и реляцыю вчинили», и уже король разбиралъ дѣло и постановлялъ приговоръ [5]).

Разсмотрѣніе дѣла панами-радою имѣетъ, конечно, силу раз-

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 234—236 об.

2) Нпр., 14 іюля 1570 года—«справа князя Анъдрея Курпъского з Матеем Рудоминою о збитье и поранене товарышов роты его». Ibidem. Л. 238 об.—244.

3) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 303—303 об.—«Вызволене от позву и року земенина повету Слонимского Ждана Миколаевича в запозваню от кашталяна Новгородского, старосты Слонимского, пана Григоря Воловича, его, а не инстыкгаторским именем, о 4 волоки в селе Бракове в повете Слонимском etc». Дата: Городна, 18 ноября 1584 года.

4) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. 275 об. 5) Ibidem. Л. 278—279.

смотрѣнія его самимъ королемъ непосредственно. Оно вписывается въ канцелярейскія книги, и его актъ имѣетъ форму королевскаго листа, который пишется подъ королевскимъ титуломъ, отъ его собственнаго имени. Напримѣръ—«Стефан Божю милостю король. Смотрели того дела з росказаня нашого их милость панове-рада наши. Приточиласе справа перед насъ господара за позвомъ нашимъ подъкоморому Жомоитскому, державцы Скирстомонскому и Росенскому, пану Венцлаву Шемету з врадниками земскими Жомоитскими, паномъ Казимером Яновичомъ Орвидом, судею, а паномъ Криштофом Яновичом Белевичом, штож дей...» [1]) и т. д. Далѣе идетъ изложеніе самаго дѣла и его разбора. Но конецъ акта говоритъ уже о непосредственномъ участіи самого короля въ этомъ дѣлѣ. «Мы с тых причин», читаемъ въ заключительныхъ строкахъ документа, «намовивъшися з их милостю паны-радами нашими» и т. д. [2])—слѣдуетъ изложеніе приговора. Статутъ прекрасно знаетъ, что судъ короля производится имъ совмѣстно съ сенаторами. Говоря о виновномъ въ «ображеньѣ маестату господарского» [3]), онъ отъ имени короля гласитъ: «таковый с права зъ розсудку нашого с паны-радами нашими Великого Князства Литовского честь, горло тратить» и т. д. [4]). Но если судъ короля совмѣстно съ панами-радою является судомъ его съ совѣта сенаторовъ, то существованіе суда радныхъ пановъ однихъ является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что король самъ не могъ управляться со всею массою судовыхъ дѣлъ, которыя восходили на его разрѣшеніе. Источники сохранили ясное сознаніе населеніемъ Княжества одинаковаго значенія суда сенаторовъ и суда самого короля. Въ одномъ земельномъ дѣлѣ разсмотрѣнномъ коммиссарами [5]), высланными въ 1599 году королемъ Сигизмундомъ III-мъ [6]), Берестейскіе мѣщане такъ высказались по поводу листа, представленнаго противною стороной: «на тотъ листъ мѣщане повѣдили, же тотъ кгрунтъ, пжъ его менуетъ шляхецкимъ, не есть водле права справленый, бо

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 208 об.

[2]) Ibidem. Л. 209. [3]) II ст. I. 3. [4]) Ср. II ст. III. 4.

[5]) Григорій Война, кашталянъ Берестейскій, Янъ Шуйскій подкоморій Берестейскій, Мальхеръ Райскій дворянинъ королевскій.

[6]) Дѣло о спорной землѣ между земяниномъ Иваномъ Калиховичемъ Брезовскимъ и Берестейскими мѣщанами. А. Вил. VI. Стр. 176.

есть ручный, а передъ его королевскою милостью, або радою его королевской милости не признаный» [1]).

Въ изложеніи отправленія суда на дворѣ государевомъ мы уже встрѣтились съ дѣятельностью пановъ-радъ не совмѣстно съ самимъ королемъ, а лишь по его слову, по данному порученію. Но не на одномъ только дворѣ королевскомъ имѣла мѣсто такая дѣятельность сенаторовъ. Коммиссіи, порученія «за листомъ комисійнымъ» были для пановъ-радъ дѣломъ обычнымъ. Онѣ имѣли и несудовый и судовый характеръ. Судовыя порученія давались королемъ панамъ-радамъ, конечно, въ дѣлахъ чрезвычайной важности, которыхъ обыкновенный судъ не могъ разрѣшить съ достаточнымъ авторитетомъ. Напримѣръ, въ 1571 году Сигизмундомъ Августомъ было дано нѣсколькимъ панамъ-радамъ порученіе разобрать дѣло о копцѣ Вечельскомъ, содержаніемъ котораго была междуусобная война двухъ ротмистровъ изъ-за этого копца [2]). Король «преложилъ» это дѣло на Виленскаго бискупа Валеріяна, Виленскаго воеводу и канцлера Николая Радивила, Виленскаго кашталяна и гетмана наивысшаго Григорія Ходкевича, Троцкаго кашталяна и подканцлера Евстафія Воловича и земскаго подскарбія Николая Нарушевича. Король приказалъ написать имъ «листъ» королевскій, «абы их милость на онъ часъ, кгды на соймикъ поветовый воеводства Виленского, который маеть быти месеца декабра девятого дня, зъедуться, на той справе засели и, обу двомъ сторонамъ перед собою стати казавши, того межи ними досмотрели и всего того, яко се деяло, знову межи ними прослухали», постановили приговоръ и государю «о всем том писаньемъ своимъ ознаймили».

По учрежденіи въ Княжествѣ трибунала, этотъ судъ также сталъ высылать пановъ-радъ повѣтовыхъ на разсмотрѣніе граничныхъ дѣлъ по апелляціямъ отъ суда подкоморскаго. Но мы уже знаемъ обязанность кашталяновъ быть членами коммиссій, высылаемыхъ по апелляціямъ отъ подкоморскаго суда. Особенно удобнымъ представлялось королевское порученіе раднымъ панамъ разсмотрѣть ту или другую претензію обывателей въ то время, когда они входили въ составъ ревизорской ком-

---

[1]) А. Вил. VI. Стр. 172.

[2]) «Отписъ до кашталяна Полоцкого пана Зеновича и до пана Боркулаба Корсака о Телицу и Копцича». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 3—4 об. См. выше, стр. 433, 434.

миссіи, посланной въ мѣстность, гдѣ возникла эта претензія. Такъ, въ 1581 году король Стефанъ предписалъ коммиссарамъ, высланнымъ имъ «на ограниченье» Бѣловѣжскихъ пущъ, Берестейскому кашталяну Богдану Сапегѣ и королевскому секретарю Станиславу Локницкому—разсмотрѣть дѣло по жалобѣ Берестейскаго земскаго судьи Адама Потея съ братьями и Берестейскаго подстаросты Малхера Райскаго, именемъ его жены, пасербовъ и всѣхъ участниковъ имѣнія Рѣчицкаго, на захватъ Подляшскимъ кашталяномъ Матвѣемъ Савицкимъ ихъ входовъ въ пущу Бѣловѣжскую по имѣнію Черные Лозы [1]). Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы во всякой коммиссіи, посылаемой королемъ, находился радный панъ, какъ непремѣнный членъ ея. Бывали случаи коммиссій королевскихъ безъ всякаго участія въ нихъ сенаторовъ [2]). Иногда ревизоры высылались на ревизію столовыхъ земель цѣлаго повѣта. Такъ, Жомоитскій бискупъ Мальхеръ князь Гедройть вмѣстѣ съ королевскимъ маршалкомъ и Ошменскимъ подкоморіемъ Яномъ Полускимъ Довквидомъ дѣйствуютъ въ 1577 году, какъ «одъ его королевское милости до добръ господарскихъ въ воеводствѣ Берестейскомъ на ревизію высланыи» [3]). Коммиссія, дававшаяся раднымъ панамъ, касалась всегда предметовъ серьезнаго значенія, а иногда являлась дѣломъ особенно важнымъ. Къ числу такихъ дѣлъ нужно, конечно, отнести установленіе границъ территорій Литвы и Польши послѣ заключенія Люблинской Уніи. Опредѣленіе границъ Подляшья, вошедшаго въ 1569 году въ составъ Короны, было поручено въ 1576 году королемъ Стефаномъ Подляшскому воеводѣ Николаю Кишкѣ и кашталянамъ Бѣльскому, Жигмунту Чижовскому, и Варшавскому, Войтеху Ренчайскому,—съ Польской стороны, и Полоцкому воеводѣ, Смоленскому кашталяну Доминику Пацу и Литовскому крайчію Кишкѣ—со стороны Княжества [4]). Не менѣе серьезнымъ дѣломъ являлась и назначенная въ 1588 году, коммиссія въ Инфлянты, въ составъ которой вошли Смоленскій воевода Янъ Волменскій, Минскій кашталянъ Вацлавъ Агриппа и другіе несенаторскіе врядники [5]).

---

[1]) А. Вил. VI. Стр. 135—136. [2]) Нпр., ibidem, стр. 139.

[3]) А. Вил. III. Стр. 13.

[4]) Библіотека Главнаго Штаба. Acta Historyczne. XI. Заглавіе документа: «Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithuaniae et Palatinatum Podlachiae». См. выше, стр. 169, 170.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 281, 281 об.

Для мирныхъ переговоровъ также назначались паны-рада. Напримѣръ, въ ноябрѣ 1581 года были назначены для веденія переговоровъ о мирѣ съ Московскими уполномоченными—Браславскій воевода, дворный Литовскій маршалокъ и при нихъ третьимъ Гарабурда [1]), а для переговоровъ подъ Люценъ во время того же Псковского похода Баторія—Троцкій каштелянъ вмѣстѣ съ Собѣсскимъ [2]).

Итакъ, предметы порученій, даваемыхъ отдѣльнымъ панамъ-радамъ, могутъ быть самыми различными. Всякое дѣло, представляющееся почему-либо особенно серьезнымъ и важнымъ, могло требовать авторитета сенатора для своего разрѣшенія. Выше мы видѣли участіе сенаторовъ и въ дѣлѣ провѣрки шляхетства. Такимъ образомъ, паны-рада не только являлись совѣтниками короля и вѣдали въ своихъ совѣщаніяхъ дѣла государственныя, они часто дѣйствовали облеченные и исполнительною властью въ дѣлахъ первостепеннаго государственнаго значенія. Не менѣе важнымъ представляется участіе пановъ-радъ въ подготовкѣ предстоящаго сейма. Актъ Люблинской Уніи требуетъ, чтобы спольные Польско-Литовскіе сеймы собирались въ Польшѣ тамъ, гдѣ это покажется наиболѣе удобнымъ королю и панамъ-радамъ [3]). Это требованіе исполняется королями, которые послѣ 1569 года назначаютъ сеймы, «за доложеньемъ и радою их мл. пановъ-радъ Корунныхъ и великого князства Литовского» [4]), обозначая, впрочемъ, иногда короче—«за радою пановъ-радъ нашихъ» [5]). Опредѣленіе времени и мѣста для сейма, равно какъ и предварительное обсужденіе вопросовъ и дѣлъ, которые будутъ представлены правительствомъ на сеймовое разсмотрѣніе, были дѣломъ короля и сената нераздѣльно. Въ 1571 году, зимою, паны-рада великаго княжества Литовскаго получили отвѣтъ [6]) короля Сигизмунда Августа на свою просьбу объ отсрочкѣ сейма, назначеннаго на

---

[1]) Дн. п. и. Ст. Б. Стр. 160. [2]) Ibidem. Стр. 172.

[3]) См. выше, стр. 2.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{56}$ л. 20 об.

[5]) «...для пилных и великоважных потребъ Речи Посполитое за радою пановъ-радъ нашихъ зложили есмо соймъ валный у Варшаве...» (на 2 февр. 1587 года). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 200. Дата документа: Городно, 8 ноября 1586 года.

[6]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 5 об.—7. Дата: Варшава, 25 ноября 1571 года.

день Трехъ Кролей 1572 года, ввиду «казни Божьей», повѣтрія, которое свирѣпствовало въ то время не только «мало не по всихъ сторонах» въ Княжествѣ, но проникло и въ Корону и тамъ распространилось «мало не по всих кутехъ». Король на просьбу Литовскихъ сенаторовъ отвѣтилъ предписаніемъ съѣхаться на сеймики 9 декабря, какъ это и было предписано раньше, для выбора повѣтовыхъ пословъ на трекрольскій сеймъ 1572 года. Что касается до отсрочки сейма, то король говоритъ объ этомъ такъ: «о томъ ни от кого с пановъ-рад нашихъ Корунныхъ до насъ не писано, намъ тежь самымъ откладати нельзя, на што ся ваша милость, вси панове-рады наши первей зезволили». Далѣе король продолжаетъ: «хиба, если бы, чого Боже вховай, былъ кгвалтъ, а казнь Божая ширила ся, для которое бы трудно сеймовати, тогды роскажемъ вашой милости ознаймити о всемъ достаточне, если ся съемъ далей помъкнути мусить, а соймики на положоный часъ пред ся кгды дойдуть и послы ся оберуть, ино тымъ ся ничого не затруднить, але то еще лепей, же готовы будуть ехати на съемъ, хотяжь бы ся и преложилъ на дальший часъ». Этотъ королевскій «отписъ» данъ Литовскимъ сенаторамъ, которые поименно перечисляются въ обращеніи королевскомъ, а именно Виленскому воеводѣ и канцлеру Литовскому Николаю Радивилу, пану Виленскому и гетману наивысшему Литовскому Григорію Ходкевичу, пану Троцкому и подканцлеру Княжества Евстафію Воловичу и маршалку земскому Литовскому, старостѣ Жомоитскому, Яну Еронимовичу Ходкевичу. Приведенный «отписъ» ясно говоритъ о предварительныхъ сношеніяхъ короля съ сенатомъ обоихъ народовъ, которыя бываютъ передъ сеймомъ для полученія согласія сената на предполагаемый созывъ сейма.

Мы видѣли сейчасъ дѣятельность радныхъ пановъ въ королевскомъ совѣтѣ и въ коммиссіяхъ и порученіяхъ, даваемыхъ имъ государемъ. Въ глазахъ народа-шляхты и прочаго населенія панъ-рада, несомнѣнно, являлся окруженнымъ ореоломъ величія и «можности», силы и вліянія. Такое положеніе пана-рады имѣло по понятіямъ вѣка и свою идеальную основу. Восхваляя предковъ пана Василія Тишкевича, воеводы Подляшскаго, привилей Сигизмунда Августа [1]), данный ему на графство 5 ноября 1569 года, гласитъ: «домъ его милости з давных часовъ славне и мужне господаромъ своимъ за продковъ нашихъ великихъ князей Ли-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 47 об.—48 об.

товских служилъ и в томъ панъстве, великомъ князьстве Литовскомъ, в справах своих почтивых от пановъ своих непоследне былъ поважанъ, а с початку фамилеи своея зацные а великие мужества чинечи и войска водечи, неприятелей господарей своих потлумяли и горла свои на службахъ клали и, значне на всемъ речи посполитой и паномъ своимъ служивши, часу покою в каждой пильной престрозе вольности свободъ тутошняго панъства нашого великого князства Литовского и в раде будучи з местца своего повинъности своее не опуцали». Такимъ образомъ, службы государевы и охрана свободъ и вольностей—дѣло пана-рады. Ясно, что и то, и другое должно было получить свое признаніе въ лучшей части населенія и дать панамъ-радѣ право на его уваженіе. Слово раднаго пана не можетъ возбуждать сомнѣнія въ своей истинности. «Были бы то дивныи и непотребныи речи, ижъбы еще не могло быти вѣры додавано вашей милости, предней радѣ его королевской милости»—писалъ земскій подскарбій и дворный маршалокъ Княжества Иванъ Горностай Жомоитскому старостѣ Ерониму Ходкевичу [1]). Засѣдая въ королевской радѣ, панъ-рада можетъ «контрадыковати» [2]) противъ всякаго распоряженія, которое онъ считаетъ неправильнымъ. Онъ можетъ вступиться и за интересы отдѣльныхъ лицъ, которымъ грозитъ враждебное настроеніе короля и части сената, и можетъ защитить ихъ своимъ словомъ и вліяніемъ. Тотъ же Иванъ Горностай писалъ къ тому же Ерониму Ходкевичу, прося его помоцы и защиты противъ Виленскаго кашталяна: «не стоечи, але седечи при его королевской милости, панѣ нашомъ милостивомъ, рачь ми зычливостью и пріязнью вѣрною зъ серца своего у справедливости и въ невинности моей противко того пана допомогати. А естли, пане господине, усхотять меня бити и за бороду рвати, ваша милость рачьте мя боронити и не рачьте мя, ваша милость, повольного своего отъ себе отметывати, але по старому рачьте ласкави быти» [3]). Желаніе пользоваться расположеніемъ того, или другого сенатора

[1]) Вил. Арх. Сб. I. № 54. Издатели этого тома совершенно невѣрно отнесли документъ къ 1580 году. Онъ писанъ ранѣе 1558 года, такъ какъ Иванъ Горностай умеръ въ этомъ году. Еронима Ходкевича также не было въ 1580 году въ живыхъ, онъ умеръ въ 1561 году. См. *J. Wolff.* Senat. i dign. Str. 185 i 92.

[2]) А. Вил. VI. Стр. 207.

[3]) Вил. Арх. Сб. I. № 45. Необходимо отмѣтить ошибку издателей въ датированіи и этого документа, такъ какъ онъ относится ко времени до 1558 года, какъ и № 54.

было совершенно обычнымъ чувствомъ шляхты и врядниковъ Литовскихъ. Филонъ Кмита, занявшій въ 1579 году самъ мѣсто въ «лавицѣ радъ» королевскихъ, такъ писалъ изъ Орши 5 декабря 1573 года Евстафію Воловичу [1]): «ваша милость, мой милостивый государь! ведле милостиваго а наибольшаго баченя вашей милости панскаго, рачь разсказать зъ милостивое ласки своее до ихъ милости [2]) тотъ листокъ, отъ мене, слуги вашей милости, писару вашей панской милости справить, а я за таковую милостивую ласку вашей милости, пана государя моего, Пана Бога просечи, за счастливое панованіе вашей милости вѣчне службами моими заслуговать повиненъ буду».

Но если для врядниковъ и шляхты, обладавшихъ политическими правами въ государствѣ, расположеніе и ходатайство раднаго пана были такъ цѣнны и заманчивы, то еще дороже были они для мѣщанъ. Если мѣщане не упускаютъ случая расположить въ свою пользу всякаго врядника земскаго, или дворнаго, сдѣлавъ ему подарокъ на средства своего мѣстскаго скарба, то, конечно, радный панъ, проѣзжающій черезъ мѣсто, получаетъ обильные дары отъ депутаціи мѣщанъ, являющейся къ нему съ поклономъ, привѣтствіемъ и просьбою не забыть своею «ласкою» ихъ мѣсто. Приходо-расходныя книги городовъ Западно-Русскихъ сохранили списки такихъ подношеній, составлявшихъ, въ концѣ концовъ, довольно крупный расходъ въ городскомъ хозяйствѣ. Такъ, когда въ началѣ 1686 года въ Могилевъ пріѣхалъ канцлеръ Литовскій (князь Мартіянъ Огинскій), то послѣ встрѣчи его и проводовъ въ замокъ, войтъ [3]) «запросилъ пановъ маистратовыхъ, пана Кондрата Автушковича Войта и пановъ бурмистровъ и радецъ, такъ рочныхъ, яко и не рочныхъ, на ратушъ». Это совѣщаніе, по всей вѣроятности, и имѣло своимъ предметомъ обсужденіе вопросовъ, которые были связаны для Могилева съ пребываніемъ въ немъ «ясневельможнаго его милости канъцлера». На слѣдующій день, т.-е. 5 января, магистратъ [4]) ходилъ къ канцлеру съ поклономъ. При этомъ «поклону» было дано ему 50 штукъ «таляровъ твардыхъ», что составило сумму въ 300 золотыхъ. Разумѣется нельзя было вручить эти деньги просто, нужно было ихъ обернуть или

---

[1]) Źródła do dziejów Polskich, wydawane przez *Mikołaja Malinowskiego* i *Alexandra Przezdzieckiego*. Tom drugi. Str. 246. См. выше, стр. 681.

[2]) Т.-е. къ остальнымъ панамъ-радамъ Литовскимъ.

[3]) Ист.-Юр. Мат. IV. Стр. 68—71. [4]) «Панове маистратовые».

положить во что-нибудь, и на обертку («увиване») этихъ талеровъ пріобрѣтенъ отъ райцы, пана Яна Коробанки локоть «китайки небеское воднистое». Не забыта была и пани «канцлеровая». Ей были поднесены два сорока горностаевъ на сумму въ 115 золотыхъ. При этомъ канцлеру магистратъ предложилъ въ видѣ дара два гарнца вина «флянскаго» въ красивыхъ бутылкахъ, «фляшахъ гарцовыхъ», и разнаго «кореня», какъ-то «цукру», перца, имбиря, «розынекъ великихъ и мнейшихъ», миндалю, «гоздиковъ», шафрану, «рыжу»—всего цѣною на 29 золотыхъ и 20 осмаковъ. Но этихъ даровъ и расходовъ для выраженія городомъ своего почтенія канцлеру было мало. Встрѣча его, когда онъ въѣзжалъ въ Могилевъ, потребовала расходовъ отъ города. «Споткали его всеми цехами» и на стрѣльбу «до дзялъ большихъ и мнейшихъ» израсходовали 25 фунтовъ пороху; при этомъ хоругвь «конная», которую держали при торжественномъ въѣздѣ канцлера, обошлась 17 золотыхъ [1]). Маршалокъ канцлера получилъ отъ города 90 золотыхъ. Отъѣздъ канцлера изъ Могилева также былъ соединенъ съ большими расходами для магистрата. Самому ясневельможному его милости опять были поднесены 50 талеровъ, т.-е. 300 золотыхъ, да, сверхъ того, магистратъ израсходовался на его креденцаровъ, гайдуковъ, трубачей, становничія, пана капляра рейтарскаго, пана поручника и его «товарыство». Пріемъ князя Огинскаго Могилевомъ, описанный Могилевскою приходо-расходною магистратовою книгою, разумѣется, не былъ явленіемъ единичнымъ. Такъ пышно встрѣчали въ своихъ стѣнахъ Литовско-Русскіе города радныхъ пановъ, конечно, не только въ концѣ XVII вѣка, но и въ болѣе раннее время, желая имѣть въ нихъ могущественныхъ покровителей и ходатаевъ. Если большинство грамотъ-привилеевъ городамъ не говорятъ о ходатайствахъ радныхъ пановъ за города, то, во всякомъ случаѣ, примѣры ихъ встрѣчаются. Когда Дисненскіе мѣщане хлопотали передъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ о дарованіи имъ Магдебургскаго права ввиду ихъ трудовъ и расходовъ для укрѣпленія замка во время войны съ Москвою, «за ними листомъ своимъ у причинѣ» короля «жедалъ» Григорій Александровичъ Ходкевичъ, Виленскій каштальянъ и гетманъ наивысшій Литовскій, староста Городенскій

[1]) За матерію для этой хоругви—15 золотыхъ, «кравцу» за работу—1 зол.; на капу (чехолъ) къ хоругви пошло Московской крашакины 2 локтя по 12 осмаковъ за локоть, да кравцу за работу капы—6 осмаковъ. Ibidem. Стр. 71.

и Могилевскій. Королевская грамота, изданная 20 января 1569 года въ Люблинѣ, гласитъ, что король снисходитъ на челобитье Дисненскихъ мѣщанъ не только «зъ ласки» своей государевой и по удостовѣреніи ихъ трудовъ и «хути ку службамъ» королевскимъ старостою Дисненскимъ, но и «на прымову пана Виленьского» [1]).

Паны-рада, какъ и всѣ врядники, служившіе королю и речи посполитой, получали и награды. Этими наградами были пожалованія староствъ и державъ, назначеніе юргельта изъ земскаго скарба, повышеніе въ іерархическомъ порядкѣ сенаторскимъ врядомъ высшаго значенія и дарованіе графскаго титула. Примѣры пожалованій староствъ и державъ мы видѣли выше [2]), также какъ и примѣры пожалованія юргельтовъ [3]). Жаловались сенаторамъ и пляцы въ городахъ для постройки домовъ [4]). Повышеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы сенаторскихъ вря-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 151. [2]) Стр. 269 и сл. [3]) Стр. 615 и др.

[4]) «Лист пану Троцкому на пляц в Городне.—Стефан Божю милостю корол Полский, великий княз Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецкий, Ифлянтский, княжа Седмигродское и иных. Ознаймуем сим листом нашим нинешъним и потом в прышълый час будучимъ, иж мы господаръ, того потребно быти видечи, абы для отправованья потреб великоважных господарских и речи посполитое пан Троцкий, подканцълерый и гетъман полный великого князства Литовского, староста Борысовъский и Солецкий, его милост пан Крыштофъ Радивил, княжа на Дубинках, обецне на дворе нашом господарском пры нас будучымъ, дом свой властъный для покойного мешканя и отправованя таковых справ в месте нашом Городенъском, где бы набълижей замку нашого мети могъ,—с тых причин дали есмо его милости пану Троцкому и сим листом нашим даем пляцъ замковый, пры саду замковомъ надъ рекою Немном лежачом (sic), почавъшы вдолжъ одным концом од рову, идучого од мосту замкового на дол ку Немну, а другим до улицы мостовое, з рынку идучое, противъ дому мешчанина Городенского Стефана Улька, а въ шир з одное стороны, почавъшы от рову пры дому суди земского Городенского, пана Грыгоря Масалского ажъ до край пляцу того над садом замковым, вышей помененым. Маст его милост пан Троцкий сам и потомки его милости помененый пляц так, якова в собе вдолжъ и вшир мастъ на волности земской на себе держати и оного, ку пожытку своему напленшому оборочаючи, спокойне ужывати на вечные и потомные часы, волны будучи тот пляц з будованем, на нем тепер и напотом будучим, отъдати, даровати, продати, заменити и, куды ходтя (sic), водле воли и уподобаня своего оборочати. На штото для певнейшое ведомости дали есмо его милости пану Троцкому-сес нашъ нашъ (sic) лист с подписомъ руки нашое господаръское, до которого есмо и печат нашу прытиснути росказали. Писан у Городне» 22 іюня 1582 года. «Stephanus Rex. Венцлавъ Акгрипа писарь». Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 156 об.

довъ, равно какъ совмѣщеніе съ однимъ врядомъ еще другого, также давались въ награду сенаторамъ за ихъ заслуги. Наконецъ, наградою для раднаго пана могло быть и возведеніе въ графское достоинство. Титулъ графа, «кграбя», — какъ называютъ графа Литовскіе акты,--жаловался далеко не часто. За изслѣдуемый періодъ времени его носили лишь три сенатора — Янъ Ходкевичъ, Василій Тишкевичъ и Николай Криштофъ Радивилъ. «Привилей пану Василю Тишкевичу, воеводе Подляскому на кграбьство» былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 5 ноября 1569 года [1]). Тишкевичъ имѣлъ титулъ графа на Логойскѣ и Бердичевѣ, Ходкевичъ—на Шкловѣ и Мыши [2]) и Радивилъ—на Шидловцѣ [3]). Графскій титулъ жаловался вельможѣ на тѣхъ или другихъ его

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 47 об.—48 об. Онъ такъ гласитъ объ этомъ титулѣ: «...и хотечи тую памятку его милости таковыхъ верных а значныхъ и пожиточныхъ служьбъ на особе его милости самого и потомстве его милости зоставити, а розмножаючи зацность и старожитность дому его милости, яко через руки зацные справы годные в речи посполитой отъ продковъ потомкомъ суть поданы, хотечи, абы и его милость потомству оздобенье дому его было побудкою до всякихъ зацныхъ справъ, с порадою пановъ-радъ нашихъ даруемъ и даемъ менованому воеводе Подляскому, Менскому и Пенскому старосте, державцы Лысковскому, Межирецкому и Анскому, пану Василью Тишкевичу, самому, детемъ его милости, потомкомъ и щадкомъ, титулъ зацности и вывышенья, то есть кграбство, которое его милостъ, дети его милости, потомки и щатки с всимъ вывышеньемъ, оздобою и окрасою на вечные часы вживати и на особахъ своихъ носити маютъ заровно, яко иные грабн от цезаровъ ихъ милости и королей християнскихъ учинены и вывышоны суть, такъ яко бы вси оздобы и окрасы, тому титулу належачие, тутъ описаны были. И вжо впредъ речоны воевода Подляский панъ Василей Тишкевичъ, самъ. дети его милости, потомки и щатки того титулу, кграбства. зо всими належностями, оздобою и вольностями вживати, славить писать, меновать, такъ в панствахъ нашихъ, яко и чужоземскихъ, а гербомъ своимъ прирожонымъ лелива, печатовати маютъ и вольны будутъ кромъ всякое переказы отъ вшелякого стану подъ караньемъ и винною звыклою, отъ цезаровъ и королей християнскихъ в таковой справе застановеной, которая, ач в семъ листе нашомъ описана не естъ, ветже властне за тымъ нашимъ позволеньемъ розумено быти маетъ, яко бы тутъ выображона была, а отъколь бы его милость самъ, дети его милости, потомки и щатки, яко упривилиованые кграфы, тымъ зацнымъ титуломъ кграбскимъ писатися мели, на вечные часы постановляемъ. уфаляемъ и тотъ титулъ кграбства взносимъ на именья его милости Логойскъ и Бердичевъ».

[2]) А. З. Р. III. №№ 55, 75, 76, 79, 82, 117. Ср. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 44 об., 46, 50 об. 86. 93 об., 109, 118 об., 119.

[3]) *A. Boniecki.* Poczet Rodów. Str. 276.

имѣніяхъ. Но необходимо замѣтить, что имѣвшіе этотъ титулъ далеко не всегда имъ именовались. Василій Тишкевичъ въ своемъ завѣщаніи называетъ себя просто—«я рабъ Божій, Василій Тишковичъ, воевода Смоленскій, староста Менскій и Пинскій» [1]). Надпись, сдѣланная на его гробницѣ въ Благовѣщенскомъ храмѣ Супрасльскаго монастыря, также не называетъ его графомъ [2]). Равнымъ образомъ, и Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ не всегда титулуется графскимъ титуломъ [3]), а Радивилъ, именуемый графомъ, встрѣчается прямо какъ исключеніе [4]).

Мы видѣли дѣятельность пановъ-радъ при королѣ и въ коммиссіяхъ, назначаемыхъ королемъ, видѣли взглядъ на нихъ населенія Княжества и отношеніе его къ нимъ, видѣли и награды, которыя получали сенаторы отъ короля и которыя еще болѣе возвышали отдѣльныхъ лицъ сенаторскаго стана. Прежде чѣмъ переходить къ изображенію дѣятельности и значенія пановъ радъ въ эпохи безкоролевій, мы должны еще коснуться связей, которыя существовали между ними и народомъ-шляхтою и которыя соединяли эти два стана Литовскихъ. Тутъ прежде всего нужно отмѣтить власть и значеніе вряда сенатора въ воеводствѣ, или въ цѣломъ Княжествѣ. Воеводы, кашталяны, маршалки, гетманы, печатари и подскарбій земскій имѣли каждый свою компетенцію и власть, которой должна была подчиняться шляхта въ томъ или другомъ отношеніи непосредственно; соединеніе же нѣсколькихъ урядовъ въ рукахъ одного и того же сенатора еще болѣе увеличивало прямую власть надъ шляхтою ихъ носителей. Кромѣ того, сенаторы всегда владѣли державами и староствами, многіе владѣли староствами судовыми, что еще болѣе расширяло кругъ шляхты и врядниковъ, находившихся въ прямой зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ, самые вряды сенаторовъ ставили ихъ въ извѣстныя сношенія со шляхтою и создавали зависимость ея отъ нихъ, а также ихъ знакомство. Благодаря такому знакомству дѣла-

---

[1]) Вил. Арх. Сб. IX. № 23 (стр. 66). [2]) Ibidem. № 24 (стр. 74).

[3]) Нпр., А. З. Р. III. № 94, Вил. Арх. Сб. IX, стр. 78. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 48, 48 об., 49 об., 51 об., 53, 53 об., 102, 103, 104 об., 105 об., 106, 106 об., 107 об., 117 об.

[4]) Нпр., «велможный панъ его милость, панъ Миколай Криштофъ Радивил, княжа на Олыце и Несвижу, кграбя на Шидловцу, маршалокъ дворный великого князтва Литовского». Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л 264.

лись возможными ходатайства радныхъ пановъ за шляхту,—отдѣльныхъ шляхтичей и врядниковъ, или за цѣлые повѣты въ ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Мы видѣли цѣлый рядъ примѣровъ такихъ ходатайствъ. Паны-рада были посредниками между шляхтою и королемъ, доводя до него нужды и интересы шляхетскіе, но они являлись также и проводниками желаній королевскихъ въ шляхетскія массы. До пановъ-радъ доходятъ слухи «отъ некоторое шляхты» [1]), и они передаютъ королю о настроеніи ея по отношенію къ тому или другому королевскому распоряженію, предупреждая разладъ, могущій возникнуть между королемъ и народомъ-шляхтою. Съ другой стороны, они побуждаютъ шляхту на сеймикѣ и вліяютъ на нее въ направленіи, желательномъ для короля, до извѣстной степени создаютъ отношеніе сеймикующей шляхты къ дѣламъ и вопросамъ, сообщеннымъ сеймику королевскимъ универсаломъ и посломъ государя [2]). Не будемъ забывать, что такое содѣйствіе пана-рады государевымъ планамъ было тѣмъ болѣе цѣннымъ, что сенаторъ, дѣйствуя на сеймикѣ, оказываетъ на сеймѣ свое вліяніе двумя путями: въ званіи раднаго пана онъ засѣдаетъ и высказывается въ сенатѣ въ то время, когда въ посольской избѣ дѣйствуютъ послы повѣтовъ его воеводствъ и староствъ, на которыхъ онъ оказалъ свое вліяніе на ихъ сеймикахъ, лично, или черезъ намѣстниковъ, и которые были сами выбраны подъ его давленіемъ, да и инструкцію привезли съ собою, составленную повѣтовою шляхтою подъ его вліяніемъ. Но кромѣ всего этого, пана-раду съ народомъ-шляхтою связывала необходимость защищать интересы Литовскаго народа отъ опасностей, которыя могутъ имъ грозить отъ дѣйствій избирательнаго короля-чужестранца и «братіи»-Поляковъ. Первый, не имѣя надобности заботиться о государственномъ благосостояніи въ интересахъ своего потомства и династіи, могъ слишкомъ стремиться къ блеску своего царствованія въ ущербъ послѣдующему времени; онъ могъ расточить матеріальныя средства государственнаго скарба на привлеченіе къ себѣ людей, нужныхъ ему для его цѣлей, составляя партію преданныхъ сторонниковъ. Помимо всего этого, простое незнаніе жизненныхъ условій Княжества, его дѣйствительныхъ интересовъ и положенія могло создать цѣлый рядъ

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. 5 об.—7. См. выше, стр. 88—90, прим. 2 и 3.

[2]) См. выше, стр. 88—90, прим. 3.

его дѣйствій и распоряженій, крайне вредныхъ для речи посполитой Литовской. Что касается до взаимныхъ отношеній Поляковъ и Литовцевъ, то мы уже знаемъ ихъ характеръ въ годы, наступившіе за Уніей 1569 года. Эти отношенія были таковы, что Литва должна была постоянно охранять свои права въ соединенномъ государствѣ отъ покушеній на нихъ со стороны Поляковъ, и паны-рада Княжества были естественными блюстителями интересовъ и правъ Литовской речи посполитой, какъ отдѣльной самостоятельной части соединеннаго государства. Паны-рада Литвы охраняли свободы, вольности и права Литовскаго народа отъ могущихъ возникать для нихъ опасностей со стороны короля и Короны. Это было также крѣпкою нитью, связывающею Литовскую шляхту съ ея сенатомъ.

Но кромѣ извѣстныхъ отношеній, которыя слагались между шляхтою и панами-радами въ силу должностного значенія послѣднихъ, существовали между ними отношенія и связи, въ основѣ которыхъ лежало экономическое положеніе радныхъ пановъ, создававшее для нихъ вліяніе среди повѣтовой шляхты. Какъ крупный и богатый землевладѣлецъ, сенаторъ не могъ не пользоваться авторитетомъ среди шляхты тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ лежали его имѣнія. Къ этому необходимо прибавить то вліяніе на повѣтъ, которое было въ рукахъ пана-рады, благодаря службѣ у него цѣлаго ряда служебниковъ-шляхтичей, участвовавшихъ лично на сеймикѣ и обладавшихъ родственными и дружественными связями среди повѣтовыхъ обывателей. Даже врядники, не говоря уже о рядовой шляхтѣ, служили панамъ раднымъ [1]). Кромѣ того, мы видѣли выше, что въ «лавицу радъ» проникали не только издревле вельможные паны, но и шляхтичи повѣтовые и дворяне, постепенно поднимаясь по іерархической лѣстницѣ и, наконецъ, достигая сенаторскаго кресла. Они сохраняли среди повѣтовой шляхты родныхъ, друзей и знакомыхъ и, конечно, черезъ нихъ имѣли полную возможность связи съ повѣтовою шляхтою.

Существовавшая между панами-радою и народомъ-шляхтою связь особенно должна была чувствоваться въ дни безкоролевій. Какова бы ни была дѣйствительная власть короля въ Польско-Литовскомъ государствѣ, онъ занималъ его престолъ и давалъ народу-шляхтѣ свою эгиду «стража справедливости» и защитника

[1]) См. выше, примѣръ Евлашевскаго—стр. 513, 514.

его земель, имущества и жизни отъ враговъ. Но послѣ смерти короля Литовскій народъ оставался лишь со своими сенаторами рядомъ съ народомъ Польскимъ, заботящимся только о себѣ, часто пренебрегая интересами Княжества. Выборы королей стали производиться противъ желаній и заявленій Литвы и даже съ нарушеніемъ ея правъ, на защиту которыхъ она должна была энергично выступать каждое безкоролевье. Само собою разумѣется, что сенатъ Литовскій долженъ былъ тѣснѣе сплачиваться съ Литовскою шляхтою каждый разъ, когда наступало безкоролевье. Со смертью короля наступало распаденіе рады соединеннаго королевства на двѣ отдѣльныя рады—Польскую и Литовскую. Не было общаго короля, объединяющаго ихъ, и государственное тѣло соединенной Речи Посполитой распадалось на два, изъ которыхъ каждое начинало вырабатывать свои особыя требованія къ новому королю и каждое отдѣльно вступало въ завѣдываніе своими текущими государственными дѣлами. Для Княжества въ изслѣдуемый періодъ каждое безкоролевье соединялось съ двойными опасностями: съ одной стороны, Москва и Крымъ грозили его границамъ, съ другой—Поляки своими поступками угрожали его правамъ. Создавшееся черезъ это чувство общей опасности для всего Княжества должно было еще болѣе сближать сенаторскій и шляхетскій Литовскіе станы. Но это мало. Въ эпохи безкоролевій просыпалось въ Княжествѣ сознаніе утраченной полной самостоятельности, а, проснувшись, оно должно было воскрешать въ умахъ мыслящихъ людей Литовскихъ пережитые удары Люблинскаго сейма 1569 года. Росло желаніе передѣлать статьи Люблинскаго договора и выговорить себѣ новыя права, измѣняющія его статьи и способныя дать Литвѣ болѣе совмѣстныя съ ея достоинствомъ и настоящимъ значеніемъ условія жизни въ общемъ съ Короною государствѣ. Конечно, въ эти эпохи единеніе и связь между шляхтою и сенатомъ Княжества должны были быть особенно замѣтны.

Въ эпохи безкоролевій дѣятельность Литовскаго правительства, отдѣльнаго отъ Польскаго во время «интеррегни», должна была преслѣдовать двѣ цѣли и развиваться въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, на рукахъ у него были забота о безопасности государства—внутренней и внѣшней—и веденіе текущихъ дѣлъ государственныхъ, которыя при жизни короля велись имъ съ его радою. Паны-рада постоянные блюстители государственнаго блага и распорядители дѣлами въ Княжествѣ, въ то время, какъ всѣ станы

собираются лишь на съѣздъ и дѣлаютъ обязательныя для всѣхъ постановленія. Во-вторыхъ, Литовское правительство должно было заниматься вопросомъ о выборѣ новаго короля, о королевской елекціи, которую Литва должна произвести вмѣстѣ съ Польшею и которая вернетъ Речь Посполитую вновь къ обычному порядку государственной жизни. Мы говоримъ о Литовскомъ правительствѣ; но изъ кого же оно состояло? Правительствомъ великаго княжества Литовскаго во время безкоролевій была Литовская рада и съѣздъ обще-Литовскій. Тѣ обычныя дѣла, которыя при жизни короля велись имъ совмѣстно съ панами-радами, теперь ведутся радными панами одними, совершенно самостоятельно; тѣ же, которыя по своей важности не подлежали рѣшенію короля и сената, а требовали обсужденія сейма и сеймиковъ, рѣшалъ обще-Литовскій съѣздъ, въ вѣдѣніе котораго поступала и масса дѣлъ, и вопросовъ первостепеннаго государственнаго значенія, возникающихъ исключительно во времена безкоролевій, каковы установленіе чрезвычайнаго суда, выборъ новаго государя и т. д.

Въ ряду распоряженій и дѣйствій пановъ-радъ послѣ смерти короля прежде всего выступаютъ ихъ дѣйствія по исполненію тѣхъ распоряженій, которыя уже были сдѣланы покойнымъ королемъ, но которыя оформить и скрѣпить своимъ листомъ помѣшала ему смерть. Изъ привилея короля Генриха, даннаго цирульнику Лукашу Вольфу 20 апрѣля 1574 года «на две селе у пущи Олицкой» [1]), узнаемъ, что этотъ Вольфъ представилъ новому королю листъ Сигизмунда Августа, данный ему «на тые две села Мотълавку и Бухты такъже на 15 волокъ лесу и на две волоки сеножати ему даные, и к тому другий листъ некоторыхъ пановъ-рад, на онъ часъ при королю его милости будучихъ, то естъ князя Франъцышка, бискупа Краковского, подканъцлерого коруны Польское, пана Троцъкого, подканъцлерого великого князства Литовского, старосты Берестейского и Кобриньского, пана Остафъя Воловича, Еронима Синявского, каштеляна Каменецкого, Яна Дульского, каштеляна Хельминьского, старосты Браньского и Рокгозиньского, Миколая Криштофа Радивила кнежати на Олыце и Несвижу, маршалъка дворного великого князства Литовского, с печатьми и с подписами рукъ ихъ милости, в которомъ пишут, сознаваючи то, ижъ его кролевская милость, в неспособномъ здоровъю будучи, ихъ милости то, ижъ ему таковое опатренье за

[1]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 19 об.—21 об.

службы его далъ, ознаймити и привилей на тую данину пану Троцкому, подканъцлерому великого князства Литовского, старосте Берестейскому и Кобриньскому, пану Остафъю Воловичу, выдати росказати рачилъ». Король не успѣлъ самъ подписать этого привилея, и рады удостовѣрили своимъ листомъ лечившему его медику королевское пожалованіе. Въ это время паны-рады еще не разъѣхались и не успѣли раздѣлиться на два совершенно отдѣльныхъ сената. Листъ ихъ, о которомъ говоритъ привилей Вольфу, былъ ими данъ, или въ послѣдніе часы жизни короля Сигизмунда, или тотчасъ послѣ смерти этого послѣдняго Ягеллона. Затѣмъ распоряженія Литовскихъ пановъ-радъ дѣлаются уже ими одними безъ всякаго участія Польскихъ сенаторовъ и являются совершенно самостоятельными ихъ дѣйствіями. Эти распоряженія касались и назначеній на должности, вакантныя въ данное время, и займовъ въ скарбъ земскій съ залогомъ столовыхъ земель, и исполненія судовыхъ приговоровъ и пожалованій державъ, и сношеній съ другими государствами.

4 декабря 1576 года Стефаномъ Баторіемъ было подтверждено за королевскимъ дворяниномъ Степаномъ Пацкевичемъ мостовничество дороги изъ Минска въ Кіевъ, данное ему панами-радами Литовскими во время только что окончившагося безкоролевья [1]). Конечно, паны-рада дѣлали свои назначенія «до воли и ласки» государевой, но, разумѣется, новый король никогда не отмѣнялъ, да и не имѣлъ возможности отмѣнить этихъ quasi-временныхъ назначеній сенаторовъ. Держа въ своихъ рукахъ исполнительную власть въ текущихъ дѣлахъ великаго княжества Литовскаго во время безкоролевій, паны-рады Литовскіе вѣдали

[1]) «Стефанъ» и проч. «Ознаймуемъ симъ листомъ нашым, штож бил нам чолом дворенинъ нашъ Степанъ Пацкевичъ и листъ ихъ милости пановъ-рад нашых великого князства Литовского под печатми и с подписом рукъ их милости перед нами покладалъ, писаный до всих князей, панов и обывателовъ великого князства Литовского, которые повинни по дорозе, з Менска до Киева идучыи, поддаными своими мосты мостити и напровавати, ознаймуючы то имъ через лист свой, иж мостовничый бывшый, Стома Пацкевичъ, в том часе зъ сего света зъшолъ, а тое мостовництво тым гостинцом в небытности нас господара без мостовничого в непорадку не хотечы зоставити и проездъ безпечный учынити, выбравшы на то человека годного, того Степана Пацкевича, тое мостовництво ему до воли и ласки нашое господарское дали...» Дата документа: Торунь, 4 декабря 1576 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{61}$ л. 17—17 об. Тотъ же документъ—Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 123 об.—124.

*

и финансовыя дѣла Литвы, изыскивая денежныя средства для скарба земскаго путемъ залога столовыхъ земель, что при жизни короля не могло совершаться иначе, какъ по его разрѣшенію и листу. Новымъ королямъ приходилось потомъ подтверждать такія распоряженія пановъ-радъ своими листами послѣ своего вступленія на престолъ. Такъ, въ эпоху безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Сигизмунда Августа, паны-рады великаго княжества Литовскаго «взяли и позычили» въ земскій Литовскій скарбъ «за вѣдомостью и черезъ руки» Литовскаго земскаго подскарбія [1]) у пана Лаврина Войны [2]) 500 копъ грошей Литовскихъ. Въ этихъ деньгахъ «завели и заставили» ему паны-рады три села. Но одно изъ этихъ селъ—Рогачи, принадлежащее къ селамъ Индурской волости оказалось на коронаціонномъ сеймѣ 1574 года отданнымъ Виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, такъ какъ вся эта волость «съ певныхъ а слушныхъ причинъ» была ему пожалована королемъ Генрихомъ. Лавринъ Война тогда, «то ку убліженью права и ку немалой шкодѣ своей розумѣючи, билъ» королю «чоломъ» о новомъ обезпеченіи ему скарбоваго долга [3]). Къ тому же королю Генриху обратился Янъ Ходкевичъ [4]), заявляя, что «панъ Виленьский, гетъманъ навышъший великого князства Литовского, староста Городеньский и Могилевский, стрий его милости, маючи певное право и доживотье на старостве Городеньскомъ, еще за живота своего оное староство Городеньское спустилъ сыну своему, пану Алексанъдру, а потомъ панове-рады ихъ милость великого князства Литовского для великих а пильныхъ потребъ и отъправъ земскихъ въ ономъ паньстве» королевскомъ, Литовскомъ великомъ княжествѣ, взяли у того же пана Александра Ходкевича «обычаемъ позычоным» въ земскій Литовскій скарбъ 8 тысячъ копъ грошей. Эти деньги «з оногожъ старостства Городеньского» пану Александру Ходкевичу они «выдерживати описали» такимъ образомъ, что сдавая въ скарбъ доходъ со староства и давая въ немъ отчетъ, онъ ежегодно будетъ по тысячѣ копъ грошей оставлять у себя въ счетъ уплаты ему

[1]) Николай Нарушевичъ.

[2]) Дворный Литовскій подскарбій и писарь, староста Пинскій, державца Олитскій и Квасовскій.

[3]) Вил. Арх. Сб. III. № 27. Ср. А. Вил. VIII. Стр. 253—255.

[4]) «Лист пана Александра Ходкевича на Городно». Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 107 об.—109. Ср. также А. Вил. VIII, стр. 229—230, или Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. 46—48.

долга скарбомъ; одинъ же изъ фольварковъ староства (Одельскій) онъ «до выбранья тое сумы на выхованье свое мети маеть». Это такимъ образомъ своего рода проценты на ссуду. Когда Ходкевичъ вернетъ себѣ всѣ деньги, ссуженныя скарбу, то онъ будетъ держать эти земли на обычныхъ условіяхъ держанья староствъ и державъ въ Княжествѣ съ «личбою» въ скарбѣ.

Но не одними внутренними дѣлами управляли Литовскіе паны-рада въ Княжествѣ во время безкоролевій. Сношенія съ сосѣдними государствами не только не прерывались въ эти эпохи, а, наоборотъ, усиливались, такъ какъ къ обычнымъ вопросамъ и предметамъ переговоровъ прибавлялись еще посольства сосѣдей, имѣвшія цѣлью предстоящую королевскую елекцію. Сосѣднія съ Речью Посполитою государства должны были стремиться повліять на эту елекцію въ томъ или другомъ направленіи, такъ какъ этого требовали ихъ собственные интересы. Паны-рада Литовскіе получаютъ донесенія отъ пограничныхъ врядниковъ и дѣлаютъ свои распоряженія, отдавая приказанія должностнымъ лицамъ. Такъ, 17 марта 1573 года Литовскіе сенаторы [1]) дали свое предписаніе «зацне урожоному пану брату и прыятелю» своему «милому», пану Филону Кмитѣ Чернобыльскому, старостѣ Оршанскому, извѣстившему ихъ объ отправленіи Московскимъ царемъ пословъ къ панамъ-радамъ Коронным и Литовскимъ. Паны-рада Княжества полагаютъ «того быти потребу великую, абы противъ тымъ посломъ стрѣча была послана на границу». Они предписали Витебскому воеводѣ, Полоцкому кашталяну и князю Константину Лукомскому старостѣ Ульскому, пану Боркулабу Ивановичу Корсаку старостѣ Дисненскому и пану Оникію Корсаку послать «почтовъ своихъ» — первымъ четыремъ по 50, а послѣднему 30 коней «передъ Проводною Недѣлею за часу, покуля тые послы въ границу того панства не въѣдутъ». Филона Кмиту паны-рада «жедаютъ», чтобы и онъ со ста конями своего почта Московскихъ пословъ «водлѣ звыклого обычаю съ тымъ людомъ служебнымъ стрѣлъ» на границѣ. Къ этимъ вооруженнымъ людямъ прибавятся еще 150 коней Криштофа Радивила [2]). Панамъ радамъ Литовскимъ Оршанскій староста доноситъ обо всѣхъ «новинахъ», которыя онъ долженъ былъ узнавать о дѣйствіяхъ Москвы и Крыма. Онъ сообщаетъ имъ о томъ, что «зъ земли непріятель-

[1]) Бискупъ Виленскій Валеріянъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій Николай Радивилъ, земскій Литовскій подскарбій Николай Нарушевичъ и маршалокъ дворный Литовскій Николай Криштофъ Радивилъ.

[2]) Вил. Арх. Сб. I. № 48.

ское слышать», будто Московскіе воеводы, бывшіе въ Астрахани, ушли изъ нея послѣ двухлѣтней обороны противъ Ногайскихъ Татаръ и Черемисовъ вслѣдствіе недостатка провіанту и пуль; будто бы они вступили въ Казань, а Астраханью овладѣли Татары и Черемисы; прибавляетъ къ этому о возвращеніи Московскихъ войскъ, посланныхъ было въ Инфлянты, и о движеніи ихъ къ Казани, а также доноситъ о перемиріи Москвы со Швеціей [1]. Сообщаетъ Кмита панамъ-радамъ и объ отъѣздѣ Грознаго царя съ сыновьями изъ Москвы въ Александровскую слободу [2], передаетъ и другіе слухи и достовѣрно ему извѣстныя событія въ сосѣднихъ государствахъ и намѣренія ихъ правительствъ [3]. Желая отправиться со своего поста въ Краковъ на коронаціонный сеймъ «въ потребахъ» замка своего и въ своихъ «власныхъ долеглостяхъ», Филонъ Кмита проситъ у пановъ-рады разрѣшенія отлучиться отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Когда разрѣшить ему эту поѣздку раднымъ панамъ «подъ тымъ часемъ ся не видѣло», Кмита остался въ Оршѣ, «того росказанія» сенаторскаго «не ослухиваючи» [4]. Во второе безкоролевье, когда въ февралѣ 1576 года въ Литву прибылъ Московскій гонецъ, Янъ Ходкевичъ писалъ «до пановъ-радъ ихъ милости, которые бы на тотъ часъ, у Вильни были», чтобы этотъ гонецъ былъ «прыймованъ» въ Липнишкахъ или въ Сперенойнахъ [5].

Такимъ образомъ, паны-рады ведутъ всѣ текущія дѣла великаго княжества Литовскаго, будутъ ли это дѣла внутренія, или внѣшнія. Если обратимся отъ эпохи, наступившей послѣ Люблинской Уніи ко времени до 1569 года, найдемъ много аналогичнаго въ дѣятельности пановъ-радъ Княжества эпохи его совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго существованія съ ихъ дѣятельностью въ эпоху безкоролевій спольной Речи Посполитой. Отъѣзды великаго князя Литовскаго въ Польшу, престолъ которой онъ занималъ одновременно съ престоломъ Княжества, ставили пановъ-радъ Литовскихъ при каждомъ такомъ отъѣздѣ въ положеніе своего рода Расправной палаты, каковая была при Московской думѣ, только съ большею авторитетностью и свободою дѣйствій и распоряженій. Въ самомъ дѣлѣ, паны-рада давали приказанія отпусковъ изъ земскаго скарба денегъ, мѣховъ и драго-

---

[1]) Żrodła do dz. P., wydawane przez *M. Malinowskiego* i *A. Przezdzieckiego*. Tom drugi. Str. 247.

[2]) Ibidem. Str. 249. [3]) Ibidem. Str. 244 et sq.

[4]) Ibidem. Str. 248. [5]) Вил. Арх. Сб. IV. № 16.

цѣнностей [1]). Они же посылали отъ своего имени листы къ ротмистрамъ, «приповѣдающіе» имъ службу [2]), какъ и листы къ старостамъ и державцамъ «украинныхъ» замковъ съ извѣщеніемъ о «покорѣ» съ Москвою [3]) и т. п., они дѣлали и различныя иныя распоряженія [4]). Что касается сношеній пановъ-радъ Литовскихъ съ другими государствами, то и это было дѣломъ обычнымъ въ эпоху совершенно самостоятельнаго существованія Литовско-Русскаго государства [5]). Итакъ, панамъ-радамъ Литовскимъ еще до перваго безкоролевья была знакома дѣятельность по управленію государствомъ въ «небытности» государевой. Всего черезъ три года послѣ Уніи 1569 года наступившее первое безкролевье было еще такъ близко ко времени отдѣльнаго существованія Княжества, чтобы въ его дни у Литовскаго сената не оказалось навыка и умѣнья самостоятельно управлять государствомъ.

Мы видѣли уже, съ какимъ тактомъ и пониманіемъ нуждъ Литвы дѣйствовали паны-рада Княжества во время безкоролевій изслѣдуемаго времени [6]). Но въ какомъ своемъ составѣ держала Литовская рада въ рукахъ правительственную власть въ Княжествѣ въ дни безкоролевій? Въ идеѣ, конечно, Литвою управляла вся ея рада, но въ дѣйствительности текущими дѣла Княжества завѣдывали тѣ его сенаторы, которые находились въ его столицѣ, Вильнѣ, и отдѣльные радные паны, значеніе и вліяніе которыхъ особенно выдавалось. Глейтовный листъ пановъ-радъ Литовскихъ, данный 21 февраля 1575 года, начинается такъ: «мы рады великого князства Литовского, которыи есьмо на тотъ часъ у Вильни были» [7]). Изъ перечисленія ихъ узнаемъ, что это была лишь небольшая часть Литовскаго сената, а именно Виленскій бискупъ Валеріянъ, Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій

---

[1]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Литовскія Упоминки Татарскимъ Ордамъ. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 г. Симферополь. 1898. Стр. 36 и др.

[2]) Нпр., «месеца апреля первого дня писаны листы до ротъмистровъ о приповедане служъбы от ихъ милости пановъ-радъ, то есть о(т) бискупа Виленьского, Луцкого, Киевъского, Жомоитъского, воеводы Виленьского и Троцкого и розосланы тые листы з скарбу». Лит Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 2—2 об. (1 апр. 1563 года).

[3]) Ibidem. Л. 1 об.—2 («ознаймуючи имъ, ижъ з бояры Московскими мир взят их милость рачили до Всепенья Пречисто Богородицы». 27 марта 1563 г.).

[4]) Нпр., Вил. Арх. Сб. VII, №№ 13, 14.

[5]) Нпр., Сб. Имп. Р. Ист. Общ. XXXV, №№ 70, 71 и др.

[6]) См. первую главу. [7]) А. З. Р. III. № 62.

Николай Радивилъ, Виленскій кашталянъ, Жомоитскій староста и земскій Литовскій маршалокъ Янъ Ходкевичъ, Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ и дворный маршалокъ Княжества Николай Криштофъ Радивилъ. А между тѣмъ этотъ листъ былъ опасною грамотою Московскимъ посламъ, стало быть его выдача была актомъ высокаго государственнаго значенія. Однако и большій составъ сенаторовъ, ведущихъ текущія дѣла Княжества, также встрѣчается въ листахъ-предписаніяхъ радныхъ пановъ эпохи безкоролевій [1]). Отдѣльные сенаторы, выдававшіеся своимъ значеніемъ въ Княжествѣ, имѣли, конечно, рѣшающій голосъ въ общихъ распоряженіяхъ Литовской рады. Такъ, находившіеся въ Вильнѣ паны-рада [2]) писали 11 февраля къ Яну Еронимовичу Ходкевичу, занимавшему въ то время выдающееся положеніе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, прося его не «омѣшкати» своимъ пріѣздомъ къ нимъ въ Вильну «такъ для принятья и слуханья Московского гонца, яко тежъ и для отправы посла Цесарского» [3]). Въ томъ же письмѣ къ Ходкевичу паны-рада отвѣчали на выраженное имъ желаніе, чтобы былъ созванъ 20 февраля съѣздъ въ Новгородкѣ, о чемъ онъ писалъ панамъ-радамъ, «докладаючи, жебы и княже его милость Слуцкое могло тамъ быти и зъ иныхъ повѣтовъ рыцерству снадне ся зъѣхати». Такимъ образомъ Ходкевичъ желалъ собрать обще-Литовскій съѣздъ не въ столицѣ Княжества, а въ Новгородкѣ, что требовало переѣзда туда и бывшихъ въ Вильнѣ сенаторовъ. Къ этому желанію послѣдніе относятся не совсѣмъ сочувственно. Они пишутъ Виленскому кашталяну, что нужно бы было «фолкговати и его милости князю бискупу Виленскому, радѣ его королевской милости, владицы доховной преднѣйшей, брату нашому, который часъ и лѣта свои стравилъ и старкгалъ на службѣ его королевское милости и речи посполитой». Мало того, шляхта многихъ повѣтовъ заявляетъ, что мѣсто для съѣзда должно быть избрано такъ, чтобы каждому было недалеко пріѣхать; особенно Вилькомирская шляхта, писавъ и присылавъ къ панамъ-радамъ пословъ, просила, чтобы «не по далеку краю ихъ мѣстце на зъѣханье зложоно было», и ея листъ

---

[1]) Ibidem. № 61.

[2]) Валеріянъ, бискупъ Виленскій, Малхеръ Гедройть, електъ Жомоитскаго бискупства. Николай Радивилъ, воевода Виленскій и Николай Криштофъ Радивилъ, дворный маршалокъ Литовскій.

[3]) Вил. Арх. Сб. IV. № 16. Объ этихъ послахъ, съ просьбою пріѣхать въ Вильну ихъ выслушать, писали паны-рада Ходкевичу уже 7 февр. 1576 года. Ibidem. № 15.

сенаторы даже пересылаютъ къ Ходкевичу. Но несмотря на все это, паны-рады склоняются передъ желаніемъ пана Виленскаго, старосты Жомоитскаго и земскаго маршалка Яна Ходкевича: такъ былъ великъ его авторитетъ и значеніе въ это время. Лишь о днѣ съѣзда паны-рада сдѣлали ему возраженіе, но и то въ такой формѣ, что заранѣе соглашались съ нимъ, если онъ будетъ настаивать на своемъ желаніи. Они пишутъ Ходкевичу, прося его «въ то пильно угленути», могутъ ли всѣ паны-рада и вся шляхта собраться въ желаемый имъ день, такъ какъ «естли бы часъ короткій зложонъ былъ, нижъ ся листы во вси повѣты розошлють, тогды тотъ часъ збѣжить». Это соображеніе тѣмъ справедливѣе, что настоящее посланіе пановъ-радъ къ Ходкевичу писано всего за девять дней до 20 февраля [1]), которое послѣдній назначаетъ днемъ съѣзда. Паны-рады просятъ его, «своего брата», чтобы онъ, «намысливпися въ томъ, рачилъ» имъ уже совершенно опредѣленно «ознаймить листъ, на который бы часъ видѣлося» ему «тое зъѣханье зложити». Листы въ повѣты о съѣздѣ паны-рады уже приказали готовить, оставляя въ нихъ пустое мѣсто для вписанія дня съѣзда и, «дождавши» отъ Ходкевича «вѣдомости», распорядятся вписать его. Чтобы не было проволочки въ этомъ важномъ дѣлѣ, сенаторы просятъ Ходкевича «безъ мѣшканья» извѣстить ихъ объ его рѣшеніи и «печать свою ку запечатанью тыхъ листовъ, около зъѣханья въ повѣты писаныхъ, прислати». Воевода Виленскій Николай Радивилъ, бывшій въ то же время и канцлеромъ Литовскимъ, прибавляетъ отъ себя еще, что онъ послѣ отвѣта Ходкевича, оставивъ у себя листы для разосланья въ Виленскій повѣтъ, всѣ остальные листы, «росказавши въ нихъ уписати день, на который бы тотъ зъѣздъ мѣлъ быти, для розосланья» къ Ходкевичу «зъ ихъ милостью паны-радами пошлетъ».

Пересказаннымъ документомъ ясно рисуется значеніе Яна Еронимовича Ходкевича во время безкоролевья, наступившаго послѣ бѣгства изъ Кракова перваго избраннаго короля Польско-Литовской Речи Посполитой. Ходкевичъ рѣшаетъ, когда и гдѣ соберется весь Литовскій народъ-шляхта вмѣстѣ со своими па-

[1]) Въ документѣ день этого съѣзда обозначенъ одинъ разъ—«мѣсеца Февраля двадцатого дня», а въ другой, «шостогонадцать Февраля». Надо думать, что второе обозначеніе ошибка, такъ какъ и до 20-го февраля съ 11-го, когда писано настоящее посланіе Литовскихъ пановъ-радъ къ Ходкевичу, времени для разсылки листовъ о съѣздѣ немного, а въ 5 дней (если принять 16-е число), конечно, это сдѣлать едва ли возможно.

нами-радою, и остальные сенаторы, въ томъ числѣ бискупы и Радивилы, склоняются передъ его рѣшеніемъ. Безъ его печати радные паны не могутъ разослать листовъ по повѣтамъ, и приложеніе печатей остальныхъ сенаторовъ безъ печати Ходкевича недостаточно въ глазахъ обывателей Литовскихъ для того, чтобы распоряженіе рады имѣло полную авторитетность. Въ главѣ, посвященной обще-Литовскому съѣзду, мы увидимъ, какую роль при созывахъ его игралъ врядъ земскаго маршалка, занимаемый Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ въ эту эпоху, теперь же мы должны лишь указать на то, какимъ вообще выдающимся значеніемъ пользовался этотъ сенаторъ въ Княжествѣ. Мы видѣли уже его крупную роль на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, а также въ сношеніяхъ Литовцевъ съ Поляками во время первыхъ двухъ безкоролевій [1]; къ тому, что было приведено выше, нужно добавить то, что мы видѣли сейчасъ,—Ходкевичъ руководилъ Литвою и въ ея внутреннихъ дѣлахъ, а не только въ сношеніяхъ съ Польшею.

Что касается до королевской елекціи, которая въ силу Люблинскаго договора должна была совершаться Поляками и Литовцами вмѣстѣ, то, говоря о дѣятельности Литовскихъ сенаторовъ, вызываемой ею, мы должны указать на сношенія радныхъ пановъ Княжества съ кандидатами на престолъ соединеннаго государства и ихъ агентами, на сношенія пановъ-радъ между собою по дѣламъ елекціи и, наконецъ, на ихъ сношенія съ Короною по тому же предмету. Съ введеніемъ вольной елекціи и первымъ ея осуществленіемъ послѣ смерти послѣдняго Ягеллона, Речь Посполитая, по словамъ Польскаго историка, стала «zajezdnym domem polityki obcej, targowicą władzy królewskiej» [2]). Москва, Германія, Франція, Швеція выставили своихъ кандидатовъ на вакантный престолъ, и сразу Польско-Литовское государство представило изъ себя картину борьбы партій и честолюбивыхъ разсчетовъ, когда происки сосѣднихъ и дальнихъ чужестранныхъ государей перемѣшались на ея аренѣ съ корыстными разсчетами вельможъ и чистымъ патріотизмомъ шляхетской массы, смѣшаннымъ со стремленіями къ полной свободѣ совѣсти и развитію вольностей народныхъ. Эпоха первыхъ безкоролевій—волнующееся море, на поверхность котораго передъ глазами изслѣдователя всплываетъ столько поразительно-противоположныхъ цѣлей и стремленій, прозрачно-чистыхъ рядомъ съ отвратительно-грязными, увлеченій идеей и разсудочно-осмотрительныхъ разсчетовъ эгоизма рядомъ съ

[1]) См. первую главу. [2]) *J. Szujski*. Dz. P. III. Str. 10.

горячею преданностью государству и отечеству. Выборъ короля ставилъ вопросъ объ его личности, матеріальныхъ средствахъ, союзахъ, которые онъ принесетъ съ собою для Речи Посполитой, правахъ народа и обязанностяхъ короля, въ соблюденіи которыхъ заставятъ присягнуть вновь избираемаго короля, давая ему корону, но принимая отъ него скрѣпленныя его присягою pacta conventa. Если Речь Посполитая ожидала предложеній отъ искателей блестящаго престола ея, передаваемыхъ черезъ ихъ пословъ, то отдѣльные сенаторы обыкновенно входили въ сношенія съ искателями короны и дѣлали это или сами своимъ почином, иногда даже внушая самую мысль о кандидатурѣ лицу, о ней и не думавшему, или же подаваясь на происки и щедро раздаваемыя обѣщанія агентами и посланцами кандидатовъ на Польско-Литовскій престолъ. Условія, на которыхъ обѣщали свою поддержку тѣ или другіе сенаторы, были, конечно, различны въ зависимости отъ нравственнаго уровня отдѣльныхъ лицъ: одни условія могли предложить такіе дѣятели, какъ Зборовскіе, и, разумѣется, совершенно другія требованія къ кандидату въ короли предъявляли такіе люди, какъ Янъ Замойскій, или Янъ Ходкевичъ. Какъ бы то ни было, чѣмъ вліятельнѣе было то или другое лицо изъ радныхъ пановъ государства, тѣмъ упорнѣе и сильнѣе стремились завербовать его въ число своихъ сторонниковъ искатели вакантнаго престола. Царь Московскій Иванъ Васильевичъ, потерпѣвшій неудачу во время избирательной борьбы перваго безкоролевья, такъ писалъ Яну Ходкевичу послѣ того, какъ Стенжицкій съѣздъ призналъ Польско-Литовскій престолъ вакантнымъ послѣ бѣгства во Францію Генриха Валезія: «и только намъ послужишъ, и тѣ три государства (Москва, Польша и Литва) случатца въ одно мѣсто, и намъ велитъ Богъ на тѣхъ государствахъ быти,— и мы тебя своимъ жалованьемъ во всякихъ почестливостехъ и въ прибыткѣхъ учнемъ нагорожать свыше иныхъ пановъ, также вотчинами и скарбомъ пожалуемъ тебя и здоволимъ» [1]). Если съ Востока получалъ панъ Виленскій такія обѣщанія за свою поддержку на елекціи, то и съ Запада также не скупились на нихъ по отношенію къ нему. Петръ Зборовскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы перетянуть его на сторону кандидатуры Чешскаго вельможи, Вильгельма изъ Розенберга, обѣщая ему 100 тысячъ золотыхъ за содѣйствіе дѣлу его избранія [2]); однако, замѣтимъ,

[1]) Вил. Арх. Сб. IV. № 14.

[2]) *Ѳ. Вержбовскій.* Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда. Варшава. 1889. Стр. 125.

что самъ Вильгельмъ не считалъ возможнымъ подкупить Яна Еронимовича Ходкевича [1]). Послѣдній, дѣйствительно, оставался вѣрнымъ своей склонности къ императорскому Габсбургскому дому и поддерживалъ его въ эпоху второго безкоролевья, какъ это дѣлалъ и во времена перваго [2]). По отношенію къ другимъ раднымъ панамъ также дѣлались съ различною степенью успѣха попытки завербовать ихъ въ число сторонниковъ того или другого кандидата.

Совершенно естественно, что во времена безкоролевій паны-рады раздѣлялись на партіи: одни стояли за одного кандидата, другіе—за другого. Если раздѣленіе сенаторовъ на партіи было дѣломъ обычнымъ даже въ то время, когда престолъ Речи Посполитой былъ занятъ сидящимъ на немъ королемъ, то еще болѣе было основаній для образованія сенаторскихъ партій въ эпохи безкоролевій, когда престолъ «ваковалъ». Въ эпоху второго безкоролевья главными руководителями Литовскаго народа были Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, Виленскій каштелянъ, Жомоитскій староста и земскій маршалокъ Княжества, и Николай Радивилъ (Рудый), Виленскій воевода и канцлеръ Литовскій [3]). Оба они стояли во главѣ двухъ партій, на которыя раздѣлялась Литва, идя за авторитетомъ этихъ, самыхъ вліятельныхъ своихъ сенаторовъ. Однако, мы видѣли то единодушіе, съ которымъ выступали Литовцы на общихъ съ Поляками съѣздахъ эпохи, изъ чего несомнѣнныхъ является, что всѣ разногласія въ Литвѣ примирялись и погашались на обще-Литовскихъ съѣздахъ и путемъ сношеній Литовскихъ дѣятелей между собою. Когда Корона самовольно провозгласила королемъ Стефана Баторія [4]), нарушая тѣмъ совершенное Литовцами и частью Поляковъ избраніе императора Максимиліана, по началу Ходкевичъ и Радивилъ пошли разными путями, и первый сталъ склоняться на сторону Баторія, въ то время какъ послѣдній обнародывалъ универсалы, провозглашая императора [5]); однако, затѣмъ, вся Литва вновь объединилась въ постановленіи Мстибоговскаго съѣзда отправившаго къ королю Стефану пословъ съ Литовскими условіями его признанія [6]). Но, боязнь за усиленіе главы одной партіи въ ущербъ значенія главы другой замѣтна въ корреспонденціи членовъ отдѣльныхъ партій. Сто-

[1]) Ibidem. Стр. 137.

[2]) Ibidem. Стр. 58. Тѣмъ непонятнѣе слова того же автора объ «измѣнѣ» Ходкевича Вильгельму изъ Розенберга (стр. 129); нѣсколько выше, въ томъ же изслѣдованіи читаемъ, что подкупить Ходкевича не удалось (стр. 137).

[3]) Ср. ibidem, стр. 111—112. [4]) См. выше, стр. 134 и сл.

[5]) См. выше, стр. 141, 142. [6]) См. выше, стр. 142 и сл.

ронникъ Яна Ходкевича, Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ писалъ ему 30 января 1576 года: «ale mciwy Panie, pisząc otworzyście jeśli kiedy, to teraz domowi W. Mci panów Zborowskich trzeba się czuć, bo jeśli tu Radziwiłłowie, a tam Mieleccy z Firlejami górę wezmą siędzie bieda, a tak źle że, nigdy gorzej...» [1]). Такъ рѣзко расходились обѣ Литовскія партіи въ своихъ интересахъ. Сторонниками Яна Ходкевича были Минскій кашталянъ Янъ Глѣбовичъ, Литовскій крайчій Янъ Кишка [2]), дворный подскарбій Княжества Лавринъ Война [3]) и, конечно, многіе другіе сенаторы и врядники. Само собою разумѣется. что вопросы эпохи безкоролевій, какъ въ дѣлѣ королевской елекціи, такъ и въ другихъ нуждахъ и дѣлахъ государственныхъ, вызывали сношенія Литовскихъ радныхъ пановъ съ сенаторами Коронными [4]).

Родство и единство взглядовъ въ вопросѣ о кандидатѣ на престолъ соединяли въ одну партію многихъ Коронныхъ и Литовскихъ сенаторовъ, а для Литовскихъ пановъ-радъ и сенаторовъ тѣхъ воеводствъ, которыя были оторваны отъ Княжества Польшею въ 1569 году, эта связь была еще легче и сильнѣе въ виду недавней принадлежности ихъ къ одному и тому же совершенно отдѣльному и самостоятельному великому княжеству Литовскому. Личныя связи здѣсь согрѣвались воспоминаніями прежняго политическаго единства, и, напримѣръ, Волынскій кашталянъ Михаилъ Мышка такъ высоко ставилъ Яна Еронимовича Ходкевича, что писалъ ему о своемъ уваженіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «a iż ja, Mciwy Panie Wileński, jako też i inszych zacnych ludzi wiele, to o W. Mci zawżdy rozumiem i dzierżę, że W. Mść cokolwiek podawać raczysz Rzeczypospolitej, dobrem to sercem czynisz, zabiegając wszemu złemu, raczysz przywodzić też do tego i mnie, który aczem chudy, ale nie widzę nic tak nazbyt dobrego, czemubym się więcej radować nad dobro pospolite miał, i dalibóg wiernie a życzliwe przeciw R. P. we wszem postępuję» [5]). Рядомъ со сношеніями между отдѣльными панами-радами шли оффиціальныя сношенія между Литовскимъ и Короннымъ сенатами. Не только отдѣльные сенаторы сговаривались и сносились другъ съ другомъ для того, чтобы заранѣе подготовить почву для согласнаго голосованія во время елекціи,

---

[1]) A. H. R. G. P. ill. XI. № VI.

[2]) Издатель A. H. R. G. P. ill. XI ошибочно считаетъ (str 5, nota 1) его въ 1576 году Жомоитскимъ старостою. Этотъ урядъ занималъ вплоть до своей смерти Янъ Ходкевичъ, и лишь въ 1579 году его получилъ Кишка.

[3]) Ихъ переписку см. въ A. H. R. G. P. ill. XI.

[4]) Нпр., A. H. R. G. P. ill. XI. № II. [5]) Ibidem. № X.

дѣлая это по такимъ различнымъ соображеніямъ и цѣлямъ, необходимы были и оффиціальныя сношенія и пересылки обѣихъ частей сената спольной Речи Посполитой, такъ какъ нужно было обѣимъ частямъ соединеннаго государства дѣлиться своими взглядами на положеніе государственныхъ дѣлъ, политическія задачи и нужды даннаго времени. Примѣры такихъ пересылокъ мы видѣли выше, когда разсматривали отношенія Княжества и Короны въ эпоху перваго и второго безкоролевій [1]).

Мы познакомились бѣгло съ дѣятельностью радныхъ пановъ во время безкоролевій, выражавшейся въ сношеніяхъ съ кандидатами на престолъ и въ сношеніяхъ съ другими сенаторами; если бы мы рѣшились войти въ болѣе детальное изложеніе дѣйствій отдѣльныхъ пановъ-радъ Литовскихъ во время безкоролевій, то мы слишкомъ бы расширили наше изслѣдованіе. Выяснить взаимныя отношенія лицъ, стоявшихъ во главѣ Княжества въ эти эпохи,—задача заманчивая и чрезвычайно интересная, но по своему объему она способна составить предметъ обширной спеціальной научной работы.

Намъ нужно еще указать на воздѣйствіе радныхъ пановъ на народъ-шляхту Литвы въ эпохи безкоролевій. Паны-рада и шляхта стоятъ въ Княжествѣ рядомъ въ своемъ политическомъ значеніи. Поэтому излагая роль первыхъ во время безкоролевій Речи Посполитой и въ дни пріискиванія ею себѣ государя, необходимо указать на факты, говорящіе о сношеніяхъ ихъ съ народомъ-шляхтою. Эти сношенія велись въ двухъ цѣляхъ и направленіяхъ. Прежде всего, обыватели искали отъ своего повѣтоваго или воеводскаго пана-рады помощи въ повѣтовыхъ дѣлахъ и охраны ихъ его авторитетомъ и значеніемъ отъ обидъ и насилій, такъ легко приключающихся въ дни безкоролевій. Но и по дѣлу предстоящаго королевскаго избранія повѣтовые обыватели должны были также сноситься со своимъ раднымъ паномъ: онъ знаетъ вѣрно и обстоятельно то, что доходитъ до шляхты путемъ слуховъ и отрывочныхъ пересказовъ, онъ «веле» можетъ и своимъ вліяніемъ въ силахъ дать направленіе дѣлу и въ сенатѣ, и среди шляхты, въ «шопѣ» радныхъ пановъ и «sub Iove», подъ открытымъ небомъ избирательнаго поля народа-шляхты. Потребности и нужды личныя, повѣтовыя и государственныя заставляли обывателей еще тѣснѣе становиться подъ эгиду своего воеводы и искать у него указанія, помощи и защиты. Вотъ, напримѣръ, посланіе

[1]) См. первую главу.

Жомоитскаго сеймика своему старостѣ-воеводѣ, Яну Ходкевичу, писанное 14 октября 1574 года [1]). Собравшись на сеймикъ въ Крожы, мѣсто назначенное Ходкевичемъ, рады, тивуны, врядники и всѣ обыватели Жомоитской земли «обмышливали въ тыхъ рѣчахъ», отъ Ходкевича «словне вказаныхъ» черезъ пана Николая Станкевича Бѣлевича, Жомоитскаго подкоморія, Ойрагольскаго тивуна. Сеймикъ благодаритъ Яна Ходкевича за его «старанье и обмышлянье» и, выбравъ своихъ пословъ, отправляетъ ихъ на коронацію короля Генриха, «злетивши имъ обо всемъ зъ милостивою волею и порадою» его, Ходкевича, «становити». Вслѣдъ за этимъ своимъ постановленіемъ сеймикъ излагаетъ въ посланіи къ своему старостѣ-воеводѣ «великія кривды и незносные утиски» обывателямъ Жомоитскимъ «отъ людей своволныхъ», приключившіеся «по устанью справъ кгродскихъ въ земли Жомоитской»; онъ жалуется на поступки Николая Криштофа Радивила, Виленскаго воеводича, дворнаго Литовскаго маршалка, жалуется и на то, что «жидове» на мытныхъ пограничныхъ коморахъ «мыто надъ вольность и ухвалу соймовую беруть» съ товаровъ, которые шляхтичи «на потребу свою властную зъ границъ Прускихъ припровожають». Далѣе Жомоитскіе обыватели настаиваютъ передъ Ходкевичемъ на своихъ вольностяхъ и привилеяхъ, гарантирующихъ имъ то, что лишь «обаватели и родичи земли Жомоитской» должны быть тивунами и врядниками въ ихъ землѣ. Кромѣ того, что изложено было Жомоитскимъ сеймикомъ письменно, онъ «въ иншихъ пильныхъ потребахъ всее речи» своей «посполитое» поручилъ еще своимъ посламъ «словне мовити и донести» Ходкевичу. Такимъ образомъ связь, между воеводою и обывателями его воеводства, и особенно его повѣта, была очень велика: мы видѣли, что Жомоитскіе обыватели дали своимъ посламъ полномочіе поступать «зъ милостивою волею и порадою» своего старосты-воеводы. Понятно, поэтому, что дѣйствительно возможно было говорить о массахъ шляхты, зависящихъ отъ отдѣльныхъ пановъ-радъ [2]) и идущихъ во время безкоролевья и елекціи за ними.

На этомъ мы окончимъ изложеніе дѣятельности и положенія пановъ-радъ Литовскихъ въ годы, протекшіе отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти короля Стефана. Мы еще встрѣтимся съ Литовскими сенаторами во второмъ томѣ настоящаго

[1]) Вил. Арх. Сб. IV. № 10.

[2]) *Ѳ. Вержбовскій.* Двѣ кандидатуры. Стр. 125.

изслѣдованія, когда будемъ изучать ихъ дѣятельность на сеймикѣ, обще-Литовскомъ съѣздѣ и вальномъ Польско-Литовскомъ сеймѣ. Тогда и многія функціи сенаторовъ-врядниковъ и значеніе самой рады явятся намъ въ другихъ фактахъ, обнаружатся тѣ стороны, которыя остались въ тѣни, или совершенно еще не были затронуты въ настоящей главѣ, и многія черты, характеризующія пановъ-раду Княжества, затронутыя въ настоящемъ изложеніи, уяснятся больше, когда передъ нашими глазами развернется дѣятельность Литовской рады въ политическихъ собраніяхъ народа-шляхты (сеймикъ и съѣздъ) и въ ея парламентѣ (сеймъ). Теперь же, чтобы закончить наше изложеніе, приведемъ текстъ присяги, которую приносили паны-рада во время безкоролевій. Текстъ этой присяги является дополненіемъ къ тому содержанію клятвеннаго обѣщанія, приносимаго сенаторами въ обычное время государственной жизни Речи Посполитой, которое мы видѣли выше. «Я (имя) клянусь въ томъ, что буду съ вѣрностью печься о благѣ и невредимости Речи Посполитой Польской и великаго княжества Литовскаго; не открою никому касающихся Речи Посполитой тайнъ въ ущербъ ея интересамъ и по мѣрѣ моихъ силъ и возможности буду увеличивать благо Речи Посполитой; что бы ни услышалъ, узналъ, или замѣтилъ Речи Посполитой вреднаго и вредоноснаго, буду ее охранять, противодѣйствовать его существованію и его отвращать. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ и сей святой Крестъ» [1]). Такъ гласитъ въ переводѣ на Русскій языкъ эта присяга, сохранившаяся въ Литовской Метрикѣ.

---

[1]) «Juramentum senatorum tempore interregni. Ego (имя) juro, quia pro salute et incolumitate Reipublicae Polonae et Mag. Duc. Lithua. fideliter consulam, secreta, contingentia Rempublicam, nemini in jacturam Reipublicae pandam et pro posse meo utilitates Regni et Reipublicae augmentabo; quicquid sciuero, intellexero, aut sensero Regno et Reipublicae nocibile et damnosum, custodiam et, ne fiat, me opponam et illud auertam. Sic me Deus adiuvet e haec S. Crux». Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 4 об.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫЙ [1]).

[1]) Сокращенія: б.—бояринъ, в.—воевода, д.—державца, дв.—дворянинъ, ж.—жидъ, з.—земянинъ, кашт.—кашталянъ, кн.—князь, марш.—маршалокъ, п.—подданный, ротм.—ротмистръ, ст.—староста, ц.—цитируемый авторъ, или издатель, шл.—шляхтичъ.

*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	2 сверху	привилей,	привилей
4	7 снизу	не нарушимыми	ненарушимыми
6	21 снизу	мотивы въ	мотивы къ
8	9 сверху	читателя	читателя.
11	7 снизу	Zrzódlopisma	Zrzódłopisma
12	4 сверху	пергаминъ	пергаменъ
13	4 сверху	Петрковскаго	Піотрковскаго
13	3 снизу	еп. Плоцкій,	еп. Плоцкій
20	4 сверху	овшемъ	о вшемъ
20	15 сверху	гра	гра-
22	16 сверху	при	при-
31	1 снизу	[1])	[4])
32	15, 16 сверху	Доминикомъ	Павломъ
36	8 сверху	Король	король
39	13 сверху	отпираючи	отпираючи,
42	17 сверху	отдаетъ	отдаетъ
42	14 снизу	ксендзъ	князь
58	6 снизу	Речи Посполитой	речи посполитой
67	17 снизу	27 іюля	27 іюня
68	1 сверху	oynych	o ynych
71	10 сверху	Польши	Польши.
71	4 снизу	пр.	нпр.
88	11 снизу	государи	господари
88	8 снизу	государи	господари
88	3 снизу	такъ же	такъже
91	3 снизу	Zygmunta	Zygmunta
100	1 сверху	св. Войтѣха	св. Войтеха
101	2 снизу	Litewzko-Ruscy	Litewsko-Ruscy
102	15 снизу	[3])	[5])
112	10 сверху	случайно	случайно,
113	17 сверху	интересамъ	интересамъ.
118	19 снизу	csęsci	częsci
119	10 снизу	de	do
123	14 сверху	ихъ	ихъ.
136	9 снизу	Брестскій	Берестейскій
138	7 снизу	ak	tak
140	20 снизу	начальной	начальный
144	1, 2 сверху	Сопѣга	Сопега
146	14 сверху	сенаторовъ	сенаторовъ,
146	15 снизу	участія.	участія
147	13 сверху	такъ	какъ
156	17 сверху	государъ	господаръ
158	11 сверху	Татаре	Татары
166	2 снизу	(стр. 278)	(стр. 276)

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
171	13 снизу	obJężenia	obleženia
171	9 снизу	(Dziejach	Dziejach
172	6 сверху	Liwty	Litwy
181	14 сверху	безуспѣшно	безуспѣшно,
193	3 снизу	Сапѣгѣ	Сапегѣ
194	2 сверху	Сапѣги	Сапеги
197	10 сверху	dzień.	dzień
213	12 снизу	Жукового.	Жукового
215	3 снизу	Дорсунишъкахъ	Дорсунишъкахъ».
218	18 снизу	Сапѣги	Сапеги
218	9 снизу	Сапѣга	Сапега
218	6 снизу	Сапѣга	Сапега
219	5 сверху	Сапѣгѣ	Сапегѣ
219	9 сверху	Сапѣгу	Сапегу
219	2 снизу	*Francisci* Caesarii	*Francisci Caesarii*
220	16 сверху	Сапѣга	Сапега
220	18 сверху	Сапѣга	Сапега
220	18 снизу	Сапѣга	Сапега
220	12 снизу	Сапѣги	Сапеги
220	6 снизу	Сапѣга	Сапега
221	1 сверху	Сапѣги	Сапеги
227	18 сверху	można.	można,
227	18 снизу	monarcha	monarchą
229	2 снизу	Uerfassung	Verfassung
230	5 сверху	Татаре	Татары
233	3 снизу	канцлеръ	канцлеръ (гетманъ)
233	2 снизу	Лидскій	Лидскій,
237	20 сверху	Татаре	Татары
246	18 сверху	онъ	онъ,
246	18 снизу	заслуговалъ	заслуговалъ,
246	9 снизу	нанствъ	панствъ
251	18 снизу	жену	жену,
255	18 снизу	Черкесовъ:	Черкесовъ.
255	2 снизу	Jósef	Józef
258	20 снизу	земляхъ	земляхъ,
259	10 сверху	мѣсто	мѣсто,
259	1 снизу	документовъ	документовъ.
266	20 сверху	несудовыя	несудовыя.
267	3 снизу	Лит	Лит.
268	13 сверху	належало	належало,
270	13 сверху	пашнями),	пашнями)
273	14, 13 снизу	Румъшишъскій	Румъшишъскій
274	22 сверху	дер	дер-
276	17 снизу	мѣсто	место
279	1 сверху	не	не-
279	14 снизу	хозяйство	хозяйство.
280	3, 2 снизу	городничія	городничія,
295	7 сверху	тзамковымъ	замковымъ
295	7 снизу	года.	года,
296	15 сверху	[5])	[5]).
300	2 снизу	ankowski	Jankowski
302	6 сверху	работахъ	работахъ.
309	17 снизу	доходу	доходы
309	17 снизу	пожитъку	пожытъку
314	16 сверху	Волимунтонича	Волимунтовича
318	2 сверху	Загоровскій	Загоровский
319	4, 5 сверху	каштелянство	кашталянство
327	16 снизу	zyliwy	zyczliwy

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
328	11 сверху	6 дымовыхъ	6 дымовъ
328	6 снизу	вельмож	вельмож-
329	16 сверху	прешествующаго	предшествующаго
330	11 сверху	Городомъ	городомъ
334	15 сверху	Pol.	Pol-
335	2 снизу	ношое	нашое
343	10 снизу	Witto.	Witto».
346	11 снизу	Троцкій	Троцкій,
355	15 снизу	[5])	[5]).
355	5 снизу	на	на-
370	2 снизу	князствау	князства
375	14 снизу	Dziepis.	Dziejopis.
377	12 сверху	и и	и
378	10 снизу	литовского	Литовского
384	14 снизу	подстолія	подчашія
387	16 снизу	[1])	[8])
387	4 снизу	немъ	немъ.
388	19, 20 сверху	милость	милость»
400	9 сверху	назначилъ	, назначилъ
401	11 снизу	радѣ	радѣ,
401	8 снизу	135	135.
402	14 сверху	королевской	королевской,
403	15 сверху	документы	документы,
404	10 сверху	маеть [1]).	маеть» [1]).
407	11 сверху	цирульника	цырюльника
407	15 сверху	ему,	чтобы ему,
414	20 сверху	цирульника	цырюльника
417	19 снизу	дворныхъ	дворныхъ,
422	9 сверху	Полубенскихъ	Полубенскихъ
422	12 снизу	Яъ	Янъ
423	15 сверху	ротъ,	ротъ.
427	8 снизу	свее	своее
431	14 сверху	Венишкомъ	Веницкомъ
436	11, 10 снизу	Николай Криштофъ	Криштофъ Николаевичъ
436	7 снизу	того же Николая	того же
436	4 снизу	Николай Криштофъ	Криштофъ Николаевичъ
443	12 снизу	Герберштейнъ	Гейденштейнъ
453	9 снизу	довольно	поручать довольно
459	9 сверху	рѣчами	рѣчами,
462	5 снизу	было,	было
463	17 сверху	и такимъ	, и такимъ
463	11 снизу	за-одно	за-одно,
464	4 снизу	имѣніями	имѣніями,
466	9 снизу	по мы	но мы
469	4 снизу	Не	. Не
470	15 сверху	Войтѣхъ	Войтехъ
489	21 снизу	по	по-
495	7 сверху	Полоцкій;	Полоцкій,
495	10 снизу	Богдановичъ	Богдановичъ
495	2 снизу	Гарасимъ а	Гарасимъ и
496	17 снизу	братіею,	братіею
499	7 снизу	школы	школы.
503	4 сверху	даволько	довольно
512	1, 2 сверху	найтись. Прибавимъ	найтись; прибавимъ
518	3 снизу	Архивъ	Архивъ.
522	18 снизу	это	это,
526	14 снизу	ниже	ниже.
527	14 сверху	эпохою,	эпохою

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
528	10 сверху	мало	мало.
529	14 снизу	года	года.
543	15 снизу	такъ	такъ,
547	10 снизу	Радошковичахь	Радошковичахъ
556	8 сверху	чет	чет-
556	10 сверху	платив	платив-
569	19 снизу	Но	. Но
573	15 снизу	Жомоитскій	Кіевскій
588	9 сверху	рефор	рефор-
591	17 снизу	[3]))	[3])
591	14 снизу	воеводами	воеводами.
597	6 сверху	по	по-
600	1 сверху	и	и,
610	9 снизу	государьи	господарьи
611	8 сверху	жить	могъ жить
622	8 сверху	остано	остано-
622	14 снизу	воеводства	воеводства,
635	5 сверху	были,	были
636	9 сверху	Виленскій кашталянъ Николай Радивилъ	Троцкій кашталянъ Криштофъ Николаевичъ Радивилъ
636	5 снизу	Николай Криштофъ	Криштофъ Николаевичъ
641	13 снизу	excessi	excessi,
641	4 снизу	bytnosc	bytnosci
642	9 снизу	врядовъ,	врядовъ
644	13 снизу	дворянинъ	дворянинъ,
647	9 снизу	усиленія	усиленія
653	12 снизу	отчетъ	отчетъ,
655	15 сверху	Со	Со-
674	6 сверху	Инфлянтахъ,	Инфлянтахъ
674	13 сверху	вѣкѣ	вѣкѣ,
676	12 снизу	ротмистра	ротмистра.
681	9 сверху	повинахъ	новинахъ
682	16 сверху	Андреевичъ	Станиславовичъ
686	19 снизу	политическимь	политическимъ
687	12 сверху	города	города.
692	8 снизу	говорилъ	говорилъ:
699	5 снизу	yprotestował	y protestował
703	16 снизу	Итакъ	Итакъ,
704	8 снизу	своемъсудѣ	своемъ судѣ
705	19, 20 сверху	вызвало	вызвала
736	2 снизу	e	et